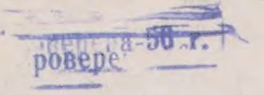
КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1 (92) - 3 (94)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1939



ровере

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

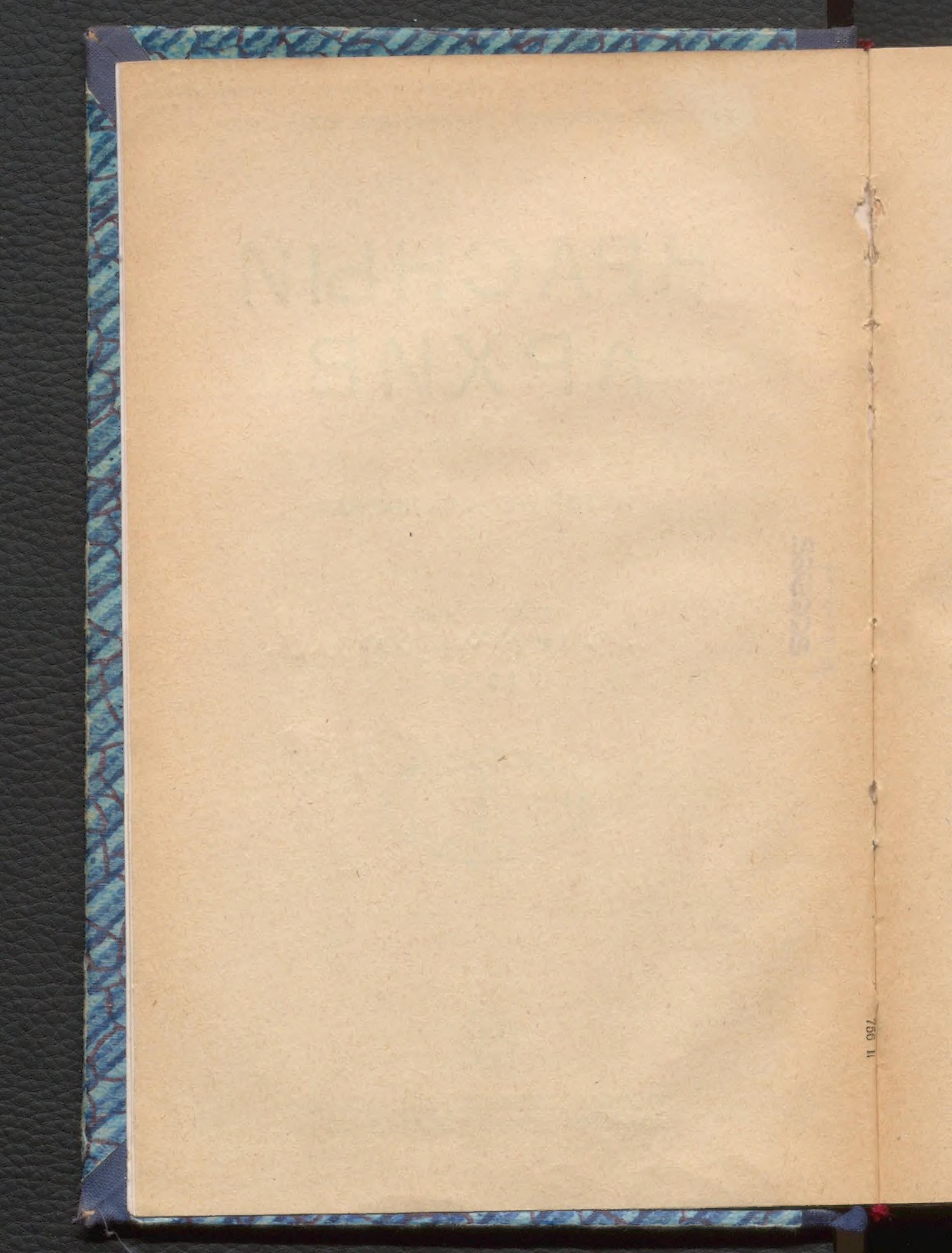
ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР

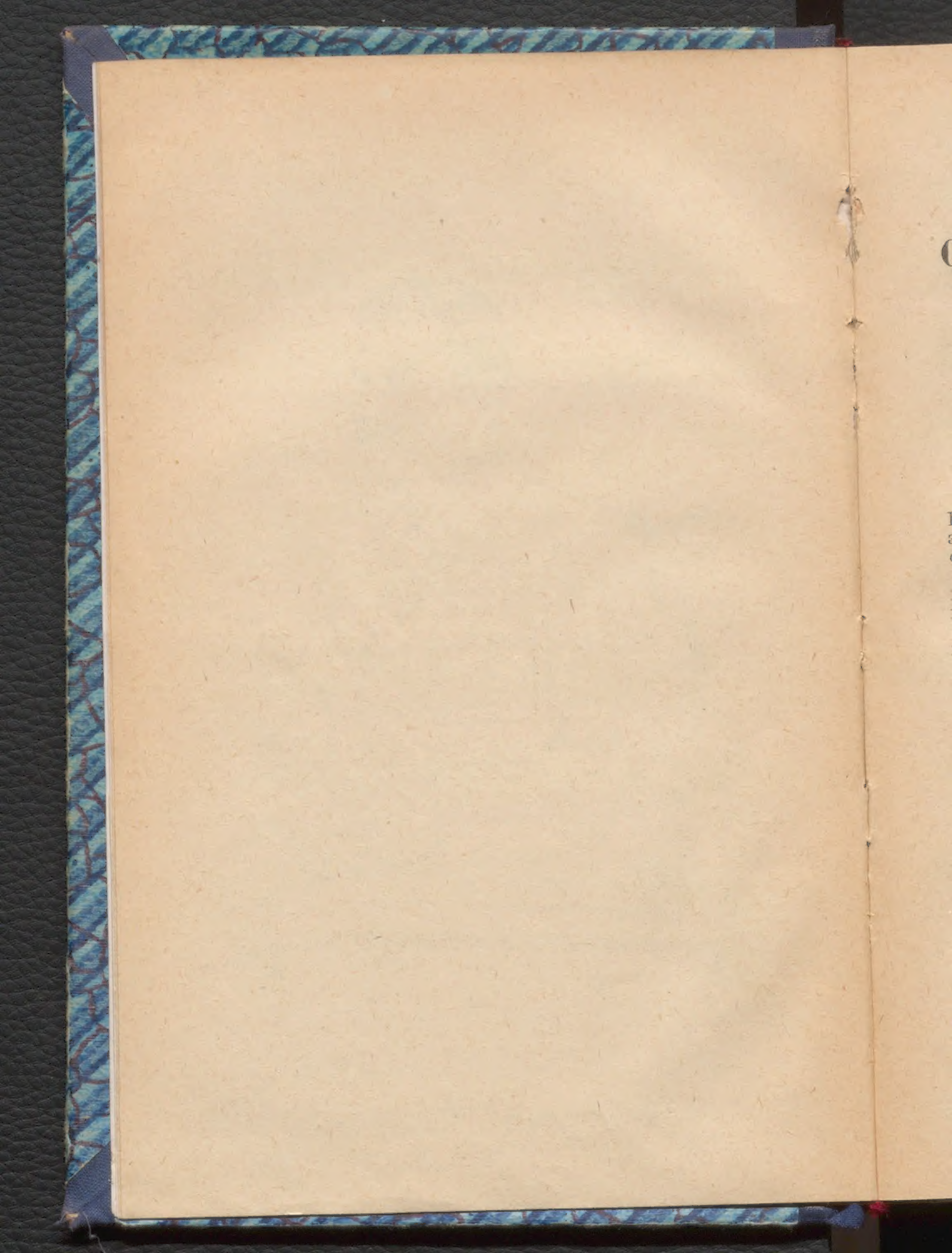
КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЕРВЫЙ
(ДЕВЯНОСТО ВТОРОЙ)
1939

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1939





ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД т. СТАЛИНА на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б).

I

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Товарищи! Со времени XVII съезда партии прошло пять лет. Период, как видите, не малый. За это время мир успел пережить значительные изменения. Государства и страны, их отношения между собой стали во многом совершенно иными.

Какие именно изменения произошли за этот период в международной обстановке? Что именно изменилось во внешнем и внутреннем положении нашей страны?

Для капиталистических стран этот период был периодом серьезнейших потрясений как в области экономики, так и в области политики. В области экономической эти годы были годами депрессии, а потом, начиная со второй половины 1937 года,— годами нового экономического кризиса, годами нового упадка промышленности в США, Англии, Франции,— следовательно, годами новых экономических осложнений. В области политической эти годы были годами серьезных политических конфликтов и потрясений. Уже второй год идет новая империалистическая война, разыгравшаяся на громадной территории от Шанхая до Гибралтара и захватившая более 500 миллионов населения. Насильственно перекраивается карта Европы, Африки, Азии. Потрясена в корне вся система послевоенного так называемого мирного режима.

Для Советского Союза, наоборот, эти годы были годами его роста и процветания, годами дальнейшего его экономического и культурного подъема, годами дальнейшего роста его политической и военной мощи, годами его борьбы за сохранение мира во всем мире.

Такова общая картина.

Рассмотрим конкретные данные об изменениях в международной обстановке.

1. Новый экономический кризис в капиталистических странах. Обострение борьбы за рынки сбыта, за источники сырья, за новый передел мира

Экономический кризис, начавшийся в капиталистических странах во второй половине 1929 года, продолжался до конца 1933 года. После этого кризис перешел в депрессию, а потом началось некоторое оживление промышленности, некоторый ее подъем. Но это оживление

промышленности не перешло в процветание, как это бывает обычно в период оживления. Наоборот, начиная со второй половины 1937 года начался новый экономический кризис, захвативший прежде всего США, а вслед за ними — Англию, Францию и ряд других стран.

Таким образом, не успев еще оправиться от ударов недавнего экономического кризиса, капиталистические страны очутились перед лицом нового экономического кризиса.

Это обстоятельство естественно привело к усилению безработицы. Упавшее было число безработных в капиталистических странах с 30 миллионов человек в 1933 году до 14 миллионов в 1937 году, теперь вновь поднялось в результате нового кризиса до 18 миллионов человек.

Характерная особенность нового кризиса состоит в том, что он во многом отличается от предыдущего кризиса, при чем отличается не в лучшую сторону, а в худшую.

Во-первых, новый кризис начался не после процветания промышленности, как это имело место в 1929 году, а после депрессии и некоторого оживления, которое, однако, не перешло в процветание. Это означает, что нынешний кризис будет более тяжелым и с ним будет труднее бороться, чем с предыдущим кризисом.

Далее, нынешний кризис разыгрался не в мирное время, а в период уже начавшейся второй империалистической войны, когда Япония, воюя уже второй год с Китаем, дезорганизует необъятный китайский рынок и делает его почти недоступным для товаров других стран, когда Италия и Германия уже перевели свое народное хозяйство на рельсы военной экономики, ухлопав на это дело свои запасы сырья и валюты, когда все остальные крупные капиталистические державы начинают перестраиваться на военный лад. Это означает, что у капитализма ресурсов для нормального выхода из нынешнего кризиса будет гораздо меньше, чем в период предыдущего кризиса.

Наконец, в отличие от предыдущего кризиса, нынешний кризис является не всеобщим, а захватывает, пока-что, главным образом экономически мощные страны, не перешедшие еще на рельсы военной экономики. Что касается стран агрессивных, вроде Японии, Германии и Италии, уже перестроивших свою экономику на военный лад, то они, усиленно развивая свою военную промышленность, не переживают еще состояния кризиса перепроизводства, хотя и приближаются к нему. Это означает, что в то время как экономически мощные, не агрессивные страны начнут вылезать из полосы кризиса, агрессивные страны, истощив свои золотые и сырьевые запасы в ходе военной горячки, должны будут вступить в полосу жесточайшего кризиса.

Это наглядно иллюстрируется хотя бы данными о наличии видимых золотых запасов в капиталистических странах.

ВИДИМЫЕ ЗОЛОТЫЕ ЗАПАСЫ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

(в млн. старых золотых долларов)

	Конец 1936 г.	Сентябрь 1938 г.
Всего	12 980	14 301
США	6 649	8 126
Англия	2 029	2 396
Франция	1 769	1 435
Голландия	289	595
Бельгия	373	318
Швейцария	387	407
Германия	16	17
Италия	123	124
Япония	273	97

Из этой таблицы видно, что золотые запасы Германии, Италии и Японии, вместе взятых, представляют меньшую сумму, чем запасы одной лишь Швейцарии.

Вот некоторые цифровые данные, иллюстрирующие кризисное положение промышленности капиталистических стран за последние пять лет и движение промышленного подъема в СССР.

ОБЪЕМ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В ПРОЦЕНТАХ К 1929 ГОДУ

(1929 = 100)

	[illegible]	[illegible]	[illegible]	1937	[illegible]
США	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Англия	98,8	[illegible]	[illegible]	[illegible]	112,0
Франция	71,0	67,4	79,3	82,8	70,0
Италия	80,0	93,8	87,5	99,6	96,0
Германия	79,8	94,0	106,3	117,2	125,0
Япония	[illegible]8,7	141,8	151,1	170,8	165,0
СССР	[illegible]3,3	293,4	382,3	424,0	477,0

Из этой таблицы видно, что Советский Союз является единственной страной в мире, которая не знает кризисов и промышленность которой все время идет вверх.

Из этой таблицы видно далее, что в США, Англии и Франции уже начался и развивается серьезный экономический кризис.

Из этой таблицы видно, дальше, что в Италии и Японии, которые раньше Германии перевели свое народное хозяйство на рельсы военной экономики, уже начался в 1938 году период движения промышленности вниз.

Из этой таблицы видно, наконец, что в Германии, которая позже Италии и Японии перестроила свою экономику на военный лад, промышленность пока еще переживает состояние некоторого, правда, небольшого, но все же движения вверх,— соответственно с тем, как это имело место до последнего времени в Японии и Италии.

Не может быть сомнения, что, если не случится чего-либо непредвиденного, промышленность Германии должна будет встать на тот же путь движения вниз, на который уже встали Япония и Италия. Ибо что значит перевести хозяйство страны на рельсы военной экономики? Это значит дать промышленности однобокое, военное направление, всемерно расширить производство необходимых для войны предметов, не связанное с потреблением населения, всемерно сузить производство и особенно выпуск на рынок предметов потребления населения,— следовательно, сократить потребление населения и поставить страну перед экономическим кризисом.

Такова конкретная картина движения нового экономического кризиса в капиталистических странах.

Понятно, что такой неблагоприятный оборот хозяйственных дел не мог не привести к обострению отношений между державами. Уже предыдущий кризис перепутал все карты и привел к обострению борьбы из-за рынков сбыта, из-за источников сырья. Захват Японией Маньчжурии и Северного Китая, захват Италией Абиссинии,— все это отразило остроту борьбы между державами. Новый экономический кризис должен привести и действительно приводит к дальнейшему обострению империалистической борьбы. Речь идет уже не о конкуренции на рынках, не о торговой войне, не о демпинге. Эти средства борьбы давно уже признаны недостаточными. Речь идет теперь о новом переделе мира, сфер влияний, колоний путем военных действий.

Япония стала оправдывать свои агрессивные действия тем, что при заключении договора 9-ти держав ее обделили и не дали расширить свою территорию за счет Китая, тогда как Англия и Франция владеют громадными колониями. Италия вспомнила, что ее обделили при дележе добычи после первой империалистической войны и что она должна возместить себя за счет сфер влияния Англии и Франции. Германия, серьезно пострадавшая в результате первой империалистической войны и версальского мира, присоединилась к Японии и Италии и потребовала расширения своей территории в Европе, возвращения колоний, отнятых у нее победителями в первой империалистической войне.

Так стал складываться блок трех агрессивных государств.

На очереди встал вопрос о новом переделе мира посредством войны.

2. Обострение международного политического положения, крушение послевоенной системы мирных договоров, начало новой империалистической войны

Вот перечень важнейших событий за отчетный период, положивших начало новой империалистической войне. В 1935 году Италия напала на Абиссинию и захватила ее. Летом 1936 года Германия и Италия организовали военную интервенцию в Испании, при чем Германия утвердилась на севере Испании и в испанском Марокко, а Италия — на юге Испании и на Балеарских островах. В 1937 году Япония, после захвата Манчжурии, вторглась в Северный и Центральный Китай, заняла Пекин, Тяньцзин, Шанхай и стала вытеснять из зоны оккупации своих иностранных конкурентов. В начале 1938 года Германия захватила Австрию, а осенью 1938 года — Судетскую область Чехословакии. В конце 1938 года Япония захватила Кантон, а в начале 1939 г. — остров Хайнань.

Таким образом, война, так незаметно подкравшаяся к народам, втянула в свою орбиту свыше пятисот миллионов населения, распространив сферу своего действия на громадную территорию, от Тяньцзина, Шанхая и Кантона через Абиссинию до Гибралтара.

После первой империалистической войны государства-победители, главным образом Англия, Франция и США, создали новый режим отношений между странами, послевоенный режим мира. Главными основами этого режима были на Дальнем Востоке — договор девяти держав, а в Европе — версальский и целый ряд других договоров. Лига наций призвана была регулировать отношения между странами в рамках этого режима на основе единого фронта государств, на основе коллективной защиты безопасности государств. Однако три агрессивных государства и начатая ими новая империалистическая война опрокинули вверх дном всю эту систему послевоенного мирного режима. Япония разорвала договор девяти держав, Германия и Италия — версальский договор. Чтобы освободить себе руки, все эти три государства вышли из Лиги наций.

Новая империалистическая война стала фактом.

В наше время не так-то легко сорваться сразу с цепи и ринуться прямо в войну, не считаясь с разного рода договорами, не считаясь с общественным мнением. Буржуазным политикам известно это достаточно хорошо. Известно это также фашистским заправилам. Поэтому фашистские заправилы, раньше чем ринуться в войну, решили известным образом обработать общественное мнение, т. е. ввести его в заблуждение, обмануть его.

Военный блок Германии и Италии против интересов Англии и Франции в Европе? Помилуйте, какой же это блок! «У нас» нет никакого военного блока. «У нас» всего-навсего безобидная «ось Берлин — Рим», т. е. некоторая геометрическая формула насчет оси. **(Смех.)**

Военный блок Германии, Италии и Японии против интересов США, Англии и Франции на Дальнем Востоке? Ничего подобного! «У нас нет никакого военного блока. «У нас» всего-навсего безобидный «треугольник Берлин — Рим — Токио», т. е. маленькое увлечение геометрией. **(Общий смех.)**

Война против интересов Англии, Франции, США? Пустяки! «Мы ведем войну против Коминтерна, а не против этих государств. Если не верите, читайте «антикоминтерновский пакт», заключенный между Италией, Германией и Японией.

Так думали обработать общественное мнение господа агрессоры, хотя нетрудно было понять, что вся эта неуклюжая игра в маскировку шита белыми нитками, ибо смешно искать «очаги» Коминтерна в пустынях Монголии, в горах Абиссинии, в дебрях испанского Марокко. **(Смех.)**

Но война неумолима. Ее нельзя скрыть никакими покровами. Ибо никакими «осями», «треугольниками» и «антикоминтерновскими пактами» невозможно скрыть тот факт, что Япония захватила за это время громадную территорию Китая, Италия — Абиссинию, Германия — Австрию и Судетскую область, Германия и Италия вместе — Испанию,— все это вопреки интересам неагрессивных государств. Война так и осталась войной, военный блок агрессоров — военным блоком, а агрессоры — агрессорами.

Характерная черта новой империалистической войны состоит в том, что она не стала еще всеобщей, мировой войной. Войну ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего Англии, Франции, США, а последние пятятся назад и отступают, давая агрессорам уступку за уступкой.

Таким образом, на наших глазах происходит открытый передел мира и сфер влияния за счет интересов неагрессивных государств без каких-либо попыток отпора и даже при некотором попустительстве со стороны последних.

Невероятно, но факт.

Чем объяснить такой однобокий и странный характер новой империалистической войны?

Как могло случиться, что неагрессивные страны, располагающие громадными возможностями, так легко и без отпора отказались от своих позиций и своих обязательств в угоду агрессорам?

Не объясняется ли это слабостью неагрессивных государств? Конечно, нет! Неагрессивные, демократические государства, взятые вместе, бесспорно сильнее фашистских государств и в экономическом и в военном отношении.

Чем же объяснить в таком случае систематические уступки этих государств агрессорам?

Это можно было бы объяснить, например, чувством боязни перед революцией, которая может разыграться, если неагрессивные государства вступят в войну, и война примет мировой характер. Буржуазные политики, конечно, знают, что первая мировая империалистическая война дала победу революции в одной из самых больших стран. Они боятся, что вторая мировая империалистическая война может повести также к победе революции в одной или в нескольких странах.

Но это сейчас не единственная и даже не главная причина. Главная причина состоит в отказе большинства неагрессивных стран и, прежде

всего Англии и Франции, от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию невмешательства, на позицию «нейтралитета».

Формально политику невмешательства можно было бы охарактеризовать таким образом: «пусть каждая страна защищается от агрессоров, как хочет и как может, наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами и с их жертвами». На деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны, — следовательно, превращение ее в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира» и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия.

И дешево и мило!

Взять, например, Японию. Характерно, что перед началом вторжения Японии в Северный Китай все влиятельные французские и английские газеты громогласно кричали о слабости Китая, о его неспособности сопротивляться, о том, что Япония с ее армией могла бы в два — три месяца покорить Китай. Потом европейско-американские политики стали выжидать и наблюдать. А потом, когда Япония развернула военные действия, уступили ей Шанхай, сердце иностранного капитала в Китае, уступили Кантон, очаг монопольного английского влияния в Южном Китае, уступили Хайнань, дали окружить Гонконг. Не правда ли, все это очень похоже на поощрение агрессора: дескать, влезай дальше в войну, а там посмотрим.

Или, например, взять Германию. Уступили ей Австрию, несмотря на наличие обязательства защищать ее самостоятельность, уступили Судетскую область, бросили на произвол судьбы Чехословакию, нарушив все и всякие обязательства, а потом стали крикливо лгать в печати о «слабости русской армии», о «разложении русской авиации», о «беспорядках» в Советском Союзе, толкая немцев дальше на восток, обещая им легкую добычу и приговаривая: вы только начните войну с большевиками, а дальше все пойдет хорошо. Нужно признать, что это тоже очень похоже на подталкивание, на поощрение агрессора.

Характерен шум, который подняла англо-французская и североамериканская пресса по поводу Советской Украины. Деятели этой прессы до хрипоты кричали, что немцы идут на Советскую Украину, что они имеют теперь в руках так называемую Карпатскую Украину, насчитывающую около 700 тысяч населения, что немцы не далее, как весной этого года присоединят Советскую Украину, имеющую более 30 миллионов населения, к так называемой Карпатской Украине. Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований.

Конечно, вполне возможно, что в Германии имеются сумасшедшие, мечтающие присоединить слона, т. е. Советскую Украину, к козявке, т. е. к так называемой Карпатской Украине. И если действительно имеются там такие сумасброды, можно не сомневаться, что в нашей стране найдется необходимое количество смирительных рубах для таких сумасшедших. (**Взрыв аплодисментов.**) Но если отбросить прочь сумасшедших и обратиться к нормальным людям, то разве не ясно, что смешно и глупо говорить серьезно о присоединении Советской

Украины к так называемой Карпатской Украине? Подумайте только. Пришла козявка к слону и говорит ему, подбоченясь: «Эх ты, братец ты мой, до чего мне тебя жалко... Живешь ты без помещиков, без капиталистов, без национального гнета, без фашистских заправил,— какая ж это жизнь... Гляжу я на тебя и не могу не заметить,— нет тебе спасения, кроме как присоединиться ко мне... **(Общий смех.)** Ну что ж, так и быть, разрешаю тебе присоединить свою небольшую территорию к моей необъятной территории...» **(Общий смех и аплодисменты.)**

Еще более характерно, что некоторые политики и деятели прессы Европы и США, потеряв терпение в ожидании «похода на Советскую Украину», сами начинают разоблачать действительную подоплеку политики невмешательства. Они прямо говорят и пишут черным по белому, что немцы жестоко их «разочаровали», так как, вместо того, чтобы двинуться дальше на восток, против Советского Союза, они, видите ли, повернули на запад и требуют себе колоний. Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии, как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются теперь платить по векселю, посылая их куда-то подальше.

Я далек от того, чтобы морализировать по поводу политики невмешательства, говорить об измене, о предательстве и т. п. Наивно читать мораль людям, не признающим человеческой морали. Политика есть политика, как говорят старые, прожженные буржуазные дипломаты. Необходимо, однако, заметить, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом.

Таково действительное лицо господствующей ныне политики невмешательства.

Такова политическая обстановка в капиталистических странах.

3. Советский Союз и капиталистические страны

Война создала новую обстановку в отношениях между странами. Она внесла в эти отношения атмосферу тревоги и неуверенности. Подорвав основы послевоенного мирного режима и опрокинув элементарные понятия международного права, война поставила под вопрос ценность международных договоров и обязательств. Пацифизм и проекты разоружения оказались похороненными в гроб. Их место заняла лихорадка вооружения. Стали вооружаться все, от малых до больших государств, в том числе и прежде всего государства, проводящие политику невмешательства. Никто уже не верит в елейные речи о том, что мюнхенские уступки агрессорам и мюнхенское соглашение положили, будто бы, начало новой эре «умиротворения». Не верят в них также сами участники мюнхенского соглашения, Англия и Франция, которые не менее других стали усиливать свое вооружение.

Понятно, что СССР не мог пройти мимо этих грозных событий. Несомненно, что всякая даже небольшая война, начатая агрессорами где-либо в отдаленном уголке мира, представляет опасность для миролюбивых стран. Тем более серьезную опасность представляет новая империалистическая война, успевшая уже втянуть в свою орбиту более пятисот миллионов населения Азии, Африки, Европы. Ввиду этого наша страна, неуклонно проводя политику сохранения мира, развернула вместе с тем серьезнейшую работу по усилению боевой готовности нашей Красной армии, нашего Красного Военно-Морского флота.

Вместе с тем в интересах укрепления своих международных позиций Советский Союз решил предпринять и некоторые другие шаги. В конце 1934 г. наша страна вступила в Лигу наций, исходя из того, что, несмотря на ее слабость, она все же может пригодиться, как место

разоблачения агрессоров и как некоторый, хотя и слабый, инструмент мира, могущий тормозить развязывание войны. Советский Союз считает, что в такое тревожное время не следует пренебрегать даже такой слабой международной организацией, как Лига наций. В мае 1935 г. был заключен договор между Францией и Советским Союзом о взаимной помощи против возможного нападения агрессоров. Одновременно с этим был заключен аналогичный договор с Чехословакией. В марте 1936 г. Советский Союз заключил договор с Монгольской Народной Республикой о взаимной помощи. В августе 1937 г. был заключен договор о взаимном ненападении между Советским Союзом и Китайской Республикой.

В этих трудных международных условиях проводил Советский Союз свою внешнюю политику, отстаивая дело сохранения мира.

Внешняя политика Советского Союза ясна и понятна:

1. Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны.

2. Мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами, имеющими с СССР общую границу, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить, прямо или косвенно, интересы целости и неприкосновенности границ Советского государства.

3. Мы стоим за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины.

4. Мы не боимся угроз со стороны агрессоров и готовы ответить двойным ударом на удар поджигателей войны, пытающихся нарушить неприкосновенность Советских границ.

Такова внешняя политика Советского Союза. **(Бурные продолжительные аплодисменты.)**

В своей внешней политике Советский Союз опирается:

1. На свою растущую хозяйственную, политическую и культурную мощь;

2. На морально-политическое единство нашего советского общества;

3. На дружбу народов нашей страны;

4. На свою Красную армию и Военно-Морской Красный флот;

5. На свою мирную политику;

6. На моральную поддержку трудящихся всех стран, кровно заинтересованных в сохранении мира;

7. На благоразумие тех стран, которые не заинтересованы по тем или иным причинам в нарушении мира.

* *

Задачи партии в области внешней политики:

1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами;

2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками;

3. Всемерно укреплять боевую мощь нашей Красной армии и Военно-Морского Красного флота;

4. Крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и дружбе между народами

II

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Перейдем к внутреннему положению нашей страны.

С точки зрения внутреннего положения Советского Союза отчетный период представляет картину дальнейшего подъема всего народного хозяйства, роста культуры, укрепления политической мощи страны.

Наиболее важным результатом в области развития народного хозяйства за отчетный период нужно признать завершение реконструкции промышленности и земледелия на основе новой, современной техники. У нас нет уже больше, или почти нет больше старых заводов с их отсталой техникой и старых крестьянских хозяйств с их допотопным оборудованием. Основу нашей промышленности и земледелия составляет теперь новая, современная техника. Можно сказать без преувеличения, что с точки зрения техники производства, с точки зрения насыщенности промышленности и земледелия новой техникой, наша страна является наиболее передовой в сравнении с любой другой страной, где старое оборудование висит на ногах у производства и тормозит дело внедрения новой техники.

В области общественно-политического развития страны наиболее важным завоеванием за отчетный период нужно признать окончательную ликвидацию остатков эксплуататорских классов, сплочение рабочих, крестьян и интеллигенции в один общий трудовой фронт, укрепление морально-политического единства советского общества, укрепление дружбы народов нашей страны и, как результат всего этого,— полную демократизацию политической жизни страны, создание новой Конституции. Никто не смеет оспаривать, что наша Конституция является наиболее демократической в мире, а результаты выборов в Верховный Совет СССР, равно как и в Верховные Советы союзных республик — наиболее показательными.

В итоге всего этого мы имеем полную устойчивость внутреннего положения и такую прочность власти в стране, которой могло бы позавидовать любое правительство в мире.

Рассмотрим конкретные данные об экономическом и политическом положении нашей страны.

1. Дальнейший подъем промышленности и сельского хозяйства

а) **Промышленность.** Движение нашей промышленности за отчетный период представляет картину неуклонного подъема. Подъем этот отражает не только рост продукции вообще, но, прежде всего,— процветание социалистической промышленности, с одной стороны, гибель частной промышленности, с другой стороны.

Вот соответствующая таблица:

РОСТ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР ЗА 1934—1938 г.г.

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	в %% к предыдущему году: 1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1938 г. в %% к 1933 г.
	в млн. руб. в ценах 1926/27 г.											
Вся продукция	42030	50477	62137	80929	90166	100375	120,1	123,1	130,2	111,4	111,3	238,9
в том числе:												
1. Социалистическая промышленность . . .	42002	50443	62114	80898	90138	100349	120,1	123,1	130,2	111,4	111,3	238,9
2. Частная промышленность .	28	34	23	31	28	26	121,4	67,6	134,8	90,3	92,9	92,9
	в процентах											
Вся продукция	100	100	100	100	100	100						
в том числе:												
1. Социалистическая промышленность . . .	99,93	99,93	99,96	99,96	99,97	99,97						
2. Частная промышленность .	0,07	0,07	0,04	0,04	0,03	0,03						

Из этой таблицы видно, что наша промышленность выросла за отчетный период более, чем в два раза, при чем весь рост продукции шел за счет социалистической продукции.

Из этой таблицы видно, далее, что социалистическая система является единственной системой промышленности СССР.

Из этой таблицы видно, наконец, что окончательная гибель частной промышленности является фактом, которого не могут отрицать теперь даже слепые.

Гибель частной промышленности нельзя считать случайностью. Она погибла, прежде всего, потому, что социалистическая система хозяйства является высшей системой в сравнении с системой капиталистической. Она погибла, во-вторых, потому, что социалистическая система хозяйства дала нам возможность в несколько лет переоборудовать всю нашу социалистическую промышленность на новой, современной технической базе. Такой возможности не дает и не может дать капиталистическая система хозяйства. Это факт, что с точки зрения техники производства, с точки зрения объема насыщенности промышленного производства новой техникой, наша промышленность стоит на первом месте в мире.

Если взять темпы роста нашей промышленности в процентах к довоенному уровню и сравнить их с темпами роста промышленности главных капиталистических стран, то получится следующая картина:

РОСТ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР И ГЛАВНЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЗА 1913—1933 г.г.

	1913 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
СССР	100,0	380,5	457,0	562,6	732,7	816,4	908,8
США	100,0	108,7	112,9	128,6	149,8	156,9	120,0
Англия	100,0	87,0	97,1	104,0	114,2	121,9	113,3
Германия	100,0	75,4	90,4	105,9	118,1	129,3	131,6
Франция	100,0	107,0	99,0	94,0	98,0	101,0	93,2

Из этой таблицы видно, что наша промышленность выросла в сравнении с довоенным уровнем более, чем в девять раз, тогда как промышленность главных капиталистических стран продолжает топтаться вокруг довоенного уровня, превышая его всего лишь на 20—30 процентов.

Это значит, что по темпам роста наша социалистическая промышленность стоит на первом месте в мире.

Выходит, таким образом, что по технике производства и темпам роста нашей промышленности мы уже догнали и перегнали главные капиталистические страны.

В чем же мы отстаем? Мы все ещё отстаем в экономическом отношении, т. е. в отношении размеров нашего промышленного производства на душу населения. Мы произвели в 1938 г. около 15 миллионов тонн чугуна, а Англия — 7 миллионов тонн. Казалось бы, дело обстоит у нас лучше, чем в Англии. Но если разложить эти тонны чугуна на количество населения, то получается, что в Англии на каждую душу населения в 1938 году приходилось 145 килограммов чугуна, а в СССР — всего 87 килограммов. Или еще: Англия произвела в 1938 г. 10 миллионов и 800 тысяч тонн стали и около 29 миллиардов киловатт-часов (производство электроэнергии), а СССР произвел 18 миллионов тонн стали и более 39 миллиардов киловатт-часов. Казалось бы, дело у нас обстоит лучше, чем в Англии. Но если разложить все эти тонны и киловатт-часы на количество населения, то получается, что в Англии приходилось на каждую душу населения в 1938 году 226 килограммов стали и 620 киловатт-часов, тогда как в СССР приходилось всего 107 килограммов стали и 233 киловатт-часа на душу населения.

В чем же дело? А в том, что населения у нас в несколько раз больше, чем в Англии, стало быть и потребностей больше, чем в Англии: в Советском Союзе 170 миллионов населения, а в Англии не более 46 миллионов. Экономическая мощность промышленности выражается не в объеме промышленной продукции вообще, безотносительно к населению страны, а в объеме промышленной продукции, взятом в его прямой связи с размерами потребления этой продукции на душу населения. Чем больше приходится промышленной продукции на душу населения, тем выше экономическая мощность страны, и наоборот, чем меньше приходится продукции на душу населения, тем ниже экономическая мощность страны и ее промышленности. Следовательно, чем больше населения в стране, тем больше в стране потребностей в предметах потребления, стало быть, тем больше должен быть объем промышленного производства такой страны.

Взять, например, производство чугуна. Чтобы перегнать Англию экономически в области производства чугуна, производство которого составляло там в 1938 году 7 млн. тонн, нам нужно довести ежегодную выплавку чугуна до 25 миллионов тонн. Чтобы перегнать экономически Германию, которая произвела в 1938 году всего 18 миллионов тонн чугуна, нам нужно довести ежегодную выплавку чугуна до 40—45 миллионов тонн. А чтобы перегнать США экономически, имея в виду не уровень 1938 кризисного года, когда США произвели всего 18,8 миллиона тонн чугуна, а уровень 1929 года, когда в США был подъем промышленности и когда там производилось около 43 миллионов тонн чугуна, мы должны довести ежегодную выплавку чугуна до 50—60 миллионов тонн.

То же самое нужно сказать о производстве стали, проката, о машиностроении и т. д., так как все эти отрасли промышленности, как и остальные отрасли, зависят в последнем счете от производства чугуна.

Мы перегнали главные капиталистические страны в смысле техники производства и темпов развития промышленности. Это очень хорошо. Но этого мало. Нужно перегнать их также в экономическом отношении. Мы это можем сделать, и мы это должны сделать. Только в том случае, если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе.

Что требуется для того, чтобы перегнать экономически главные капиталистические страны? Для этого требуется, прежде всего, серьезное и неукротимое желание итти вперед и готовность пойти на жертвы, пойти на серьезные капитальные вложения для всемерного расширения нашей социалистической промышленности. Есть ли у нас эти данные? Безусловно есть! Для этого требуется, далее, наличие высокой техники производства и высоких темпов развития промышленности. Есть ли у нас эти данные? Безусловно есть! Для этого требуется, наконец, время. Да, товарищи, время. Нужно строить новые заводы. Нужно ковать новые кадры для промышленности. Но для этого необходимо время, и не малое. Невозможно в 2—3 года перегнать экономически главные капиталистические страны. Для этого требуется несколько больше времени. Взять, например, тот же чугун и его производство. В продолжение какого периода времени можно перегнать экономически главные капиталистические страны в области производства чугуна? Некоторые работники Госплана старого состава предлагали при составлении второго пятилетнего плана запланировать производство чугуна к концу второй пятилетки в размере 60 миллионов тонн. Это значит, что они исходили из возможности среднегодового прироста выплавки чугуна в размере 10 миллионов тонн. Это была, конечно, фантастика, если не хуже. Впрочем, эти товарищи ударялись в фантастику не только в области производства чугуна. Они считали, например, что в течение второй пятилетки ежегодный прирост населения в СССР должен составить три — четыре миллиона человек, или даже больше этого. Это тоже была фантастика, если не хуже. Но если отбросить прочь фантазеров и стать на реальную почву, то можно принять, как вполне возможный, среднегодовой прирост выплавки чугуна в размере двух — двух с половиной миллионов тонн, имея в виду нынешнее состояние техники выплавки чугуна. История промышленности главных капиталистических стран, так же как и нашей страны, показывает, что эта норма ежегодного прироста является напряженной, но вполне достижимой.

Стало быть, требуется время, и не малое, для того, чтобы перегнать экономически главные капиталистические страны. И чем выше будет у нас производительность труда, чем более совершенствоваться будет у нас техника производства, тем скорее можно будет выполнить эту важнейшую экономическую задачу, тем больше можно будет сократить сроки выполнения этой задачи.

б) **Сельское хозяйство.** Развитие сельского хозяйства шло за отчетный период, так же как и развитие промышленности, по линии подъема. Подъем этот выражается не только в росте сельскохозяйственной продукции, но, прежде всего, в росте и укреплении социалистического сельского хозяйства, с одной стороны, гибели единоличного хозяйства, с другой стороны. В то время как посевная площадь зерновых у колхозов выросла с 75 миллионов гектаров в 1933 г. до 92 миллионов гектаров в 1938 г., посевная площадь зерновых у единоличников сократилась за этот период с 15,7 миллиона гектаров до 600 тысяч гектаров, т. е. до 0,6 процента всей посевной площади зерновых. Я уже не говорю о

посевных площадях по техническим культурам, где роль единоличного хозяйства сведена к нулю. Известно, кроме того, что в колхозах объединено теперь 18 млн. 800 тысяч крестьянских дворов, т. е. 93,5 процента всех крестьянских дворов, не считая рыболовецких и промысловых колхозов.

Это значит, что колхозы окончательно закреплены и упрочены, а социалистическая система хозяйства является теперь единственной формой нашего земледелия.

Если сравнить движение посевных площадей по всем культурам за отчетный период с размерами посевных площадей дореволюционного периода, то получится следующая картина:

ПОСЕВНЫЕ ПЛОЩАДИ ВСЕХ КУЛЬТУР ПО СССР

	В миллионах гектаров						1938 г. в %% к 1913 г.
	1913 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	
Вся посевная площадь . . .	105,0	131,5	132,8	133,8	135,3	136,9	130,4
В том числе:							
а) Зерновые	94,4	104,7	103,4	102,4	104,4	102,4	108,5
б) Технические	4,5	10,7	10,6	10,8	11,2	11,0	244,4
в) Огородно-бахчевые	3,8	8,8	9,9	9,8	9,0	9,4	247,4
г) Кормовые	2,1	7,1	8,6	10,6	10,6	14,1	671,4

Из этой таблицы видно, что посевные площади выросли у нас по всем культурам и прежде всего — по линии кормовых, технических и огородно-бахчевых культур.

Это значит, что наше земледелие становится более квалифицированным и продуктивным, а внедрение правильного севооборота получает под собою реальную почву.

Как росла вооруженность наших колхозов и совхозов тракторами, комбайнами и другими машинами за отчетный период, — ответ на это дают следующие таблицы:

1) ТРАКТОРНЫЙ ПАРК В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ СССР

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1938 г. в %% к 1933 г.
	а) Количество тракторов (в тыс. шт.)						
Всего тракторов	210,9	276,4	360,3	422,7	454,5	483,5	229,3
В том числе:							
а) Тракторов в МТС	123,2	177,3	254,7	328,5	365,8	394,0	319,8
б) Тракторов в совхозах и подсобных с/х. предприятиях	83,2	95,5	102,1	88,5	84,5	85,0	102,2
	б) Мощность в тыс. лош. сил						
Всех тракторов	3 209,2	4 462,8	6 184,0	7 672,4	8 385,0	9 256,2	288,4
В том числе:							
а) Тракторов в МТС	1 758,1	2 753,9	4 281,6	5 856,0	6 679,2	7 437,0	423,0
б) Тракторов в совхозах и подсобных с/х. предприятиях	1 401,7	1 669,5	1 861,4	1 730,7	1 647,5	1 751,8	125,0

2) ПАРК КОМБАЙНОВ И ДРУГИХ МАШИН В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ СССР

(в тыс. штук; на конец года)

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1938 г. в %% 1933 г.
Комбайны	25,4	32,3	50,3	87,8	128,8	153,5	604,3
Двигатели внутреннего сгорания и локомобили	48,0	60,9	69,1	72,4	77,9	83,8	174,6
Сложные и полусложные зерновые молотилки	120,3	121,9	120,1	123,7	126,1	130,8	108,7
Грузовые автомобили	26,6	40,3	63,7	96,2	144,5	195,8	736,1
Легковые автомобили (в шт.)	3 991	5 533	7 555	7 630	8 156	9 594	240,4

Если к этим цифрам добавить тот факт, что количество машинно-тракторных станций за отчетный период выросло у нас с 2900 единиц в 1934 г. до 6350 единиц в 1938 г., то можно на основании всех этих данных с уверенностью сказать, что реконструкция нашего земледелия на основе новой, современной техники — уже завершена в основном.

Наше земледелие является, следовательно, не только наиболее крупным и механизированным, а значит и наиболее товарным земледелием, но и наиболее оснащенным современной техникой, чем земледелие любой другой страны.

Если взять движение роста продукции зерновых и технических культур за отчетный период в сравнении с дореволюционным периодом, то данные дают следующую картину:

ВАЛОВАЯ ПРОДУКЦИЯ ЗЕРНОВЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ПО СССР

	В миллионах центнеров						1938 г. в %% к 1913 г.
	1913 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	
Зерновые	801,0	894,0	901,0	827,3	1 202,9	949,9	118,6
Хлопок (сырец)	7,4	11,8	17,2	23,9	25,8	26,9	363,5
Лен (волокно)	3,3	5,3	5,5	5,8	5,7	5,46	165,5
Сахарная свекла	109,0	113,6	162,1	168,3	218,6	166,8	153,0
Масличные	21,5	36,9	42,7	42,3	51,1	46,6	216,7

Из этой таблицы видно, что, несмотря на засуху в восточных и юго-восточных районах в 1936 г. и в 1938 г. и несмотря на небывало высокий урожай в 1913 году, рост валовой продукции зерна и технических культур идет у нас за отчетный период неуклонно вверх в сравнении с уровнем 1913 года.

Особенно интересен вопрос о товарности колхозно-совхозного зернового производства. Известный статистик т. Немчинов высчитал, что из пяти миллиардов пудов валовой продукции зерна в довоенное время на рынок отпускалось товарного зерна всего около 1 миллиарда 300 миллионов пудов, что составляет 26 процентов товарности тогдашнего зернового производства. Тов. Немчинов считает, что товарность колхозного и совхозного производства, как производства крупного, например, в 1926—1927 годах составляла около 47 процентов валовой продукции, а товарность единоличного крестьянского хозяйства — около 12 процентов. Если подойти к делу более осторожно и принять товарность колхозно-совхозного производства в 1938 году в 40 процентов валового производства, то получится, что наше социалистическое зерновое хозяйство могло отпустить и действительно отпустило в этом году на сторону около двух миллиардов и трехсот миллионов пудов товарного зерна, т. е. на 1 миллиард пудов больше товарного зерна, чем довоенное зерновое производство.

Следовательно, высокая товарность совхозно-колхозного производства является его важнейшей особенностью, имеющей серьезнейшее значение для снабжения страны.

В этой именно особенности колхозов и совхозов заключается секрет того, что нашей стране удалось так легко и быстро разрешить зерновую проблему, проблему достаточного снабжения громадной страны товарным зерном.

Следует отметить, что за последние три года ежегодные заготовки зерна не спускались у нас ниже миллиарда шестисот миллионов пудов зерна, подымаясь иногда, например, в 1937 году до миллиарда 800 миллионов пудов. Если добавить к этому около 200 миллионов ежегодной закупки зерна да несколько сот миллионов по линии колхозной торговли зерном, то мы получим в общем ту сумму отпуска на сторону товарного хлеба колхозами и совхозами, о которой упоминалось выше.

Интересно, далее, отметить, что за последние три года база товарного зерна переместилась из Украины, которая считалась раньше житницей нашей страны, на север и восток, т. е. в РСФСР. Известно, что за последние два — три года Украина заготовляет зерна всего около 400 миллионов пудов ежегодно, тогда как РСФСР заготовляет за эти годы ежегодно миллиард сто — миллиард двести миллионов пудов товарного зерна.

Так обстоит дело с зерновым производством.

Что касается животноводства, то и в этой, наиболее отсталой, отрасли сельского хозяйства наметились за последние годы серьезные сдвиги. Правда, по конскому поголовью и овцеводству мы еще отстаем от дореволюционного уровня, но по крупному рогатому скоту и свиноводству мы уже перевалили дореволюционный уровень.

Вот данные на этот счет:

ПОГОЛОВЬЕ СКОТА ПО СССР
(в млн. голов).

	На июль месяц							1938 г. в %/%	
	1916 г. по данным переписи	1933	1934	1935	1936	1937	1938	К 1916 году по переписи	К 1933 г.
Лошади	35,8	16,6	15,7	15,9	16,6	16,7	17,5	48,9	105,4
Крупный рогатый скот	60,6	38,4	42,4	49,2	56,7	57,0	63,2	104,3	164,6
Овцы и козы	121,2	50,2	51,9	61,1	73,7	81,3	102,5	84,6	204,2
Свиньи	20,9	12,1	17,4	22,5	30,5	22,8	30,6	146,4	252,9

Не может быть сомнения, что отсталость в области коневодства и овцеводства будет ликвидирована в кратчайший срок.

в) **Товарооборот, транспорт.** Вместе с подъемом промышленности и сельского хозяйства рос и товарооборот в стране. Розничная сеть государственной и кооперативной торговли выросла за отчетный период на 25 процентов. Розничный оборот государственной и кооперативной торговли вырос на 178 процентов. Оборот колхозно-базарной торговли вырос на 112 процентов.

2*

Вот соответствующая таблица:

ТОВАРООБОРОТ

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1938 г. в % к 1933 г.
1. Розничная сеть государственной и кооперативной торговли (магазины и палатки) — на конец года	285 355	286 236	268 713	289 473	327 361	356 930	125,1
2. Розничный оборот государственной и кооперативной торговли (включая общественное питание) —в млн. руб.	49789,2	61814,7	81712,1	106760,9	125943,2	138574,3	278,3
3. Оборот колхозной базарной торговли в млн. руб.	11500,0	14000,0	14500,0	15607,2	17799,7	24399,2	212,2
4. Областные торговые базы сбытов Наркомпищепрома, НКЛегпрома, Наркомтяжпрома, НКЛеса, НКМестпромов, союзных республик — на конец года . . .	718	836	1141	1798	1912	1994	277,7

Понятно, что товарооборот в стране не мог бы так развернуться без известного роста транспортных перевозок. И действительно, перевозки выросли за отчетный период по всем видам транспорта, особенно по железнодорожному и воздушному транспорту. Перевозки выросли также по водному транспорту, но с большими колебаниями, а в 1938 году перевозки по водному транспорту дали, к сожалению, некоторое снижение в сравнении с предыдущим годом.

Вот соответствующая таблица:

ГРУЗООБОРОТ

	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1938 г. в %% к 1933 г.
Железные дороги (в миллиардах тонно-километров) . .	169,5	205,7	258,1	323,4	354,8	369,1	217,7
Речной и морской транспорт (в миллиардах тонно-километров)	50,2	56,5	68,3	72,3	70,1	66,0	131,5
Гражданский воздушный флот (в миллионах тонно-километров)	3,1	6,4	9,8	21,9	24,9	31,7	1022,6

Не может быть сомнения, что некоторая отсталость водного транспорта в 1938 году будет ликвидирована в 1939 году.

2. Дальнейший подъем материального и культурного положения народа

Продолжающийся подъем промышленности и сельского хозяйства не мог не привести и действительно привел к новому росту материального и культурного положения народа.

Уничтожение эксплуатации и укрепление социалистической системы в народном хозяйстве, отсутствие безработицы и связанной с ней нищеты в городе и деревне, громадное расширение промышленности и непрерывный рост численности рабочих, рост производительности труда рабочих и колхозников, закрепление земли навечно за колхозами и снабжение колхозов громадным количеством первоклассных тракторов и сельскохозяйственных машин,— все это создало реальные условия для дальнейшего роста материального положения рабочих и крестьян. Улучшение же материального положения рабочих и крестьян естественно привело к улучшению материального положения интеллигенции, представляющей значительную силу нашей страны и обслуживающей интересы рабочих и крестьян.

Теперь уже речь идет не о том, чтобы пристроить как-нибудь в промышленности и взять из милости на работу безработных и бездомных крестьян, отбившихся от деревни и живущих под страхом голода. Таких крестьян давно уже нет в нашей стране. И это, конечно, хорошо, ибо оно свидетельствует о зажиточности нашей деревни. Теперь речь может итти лишь о том, чтобы предложить колхозам уважить нашу просьбу и отпускать нам для растущей промышленности ежегодно хотя бы около полтора миллиона молодых колхозников. Колхозы, ставшие уже зажиточными, должны иметь в виду, что без такой помощи с их стороны очень трудно будет расширять дальше нашу промышленность, а без расширения промышленности — не сможем удовлетворять растущий спрос крестьян на товары массового потребления. Колхозы имеют полную возможность удовлетворить эту нашу просьбу, так как обилие техники в колхозах освобождает часть работников в деревне, а эти работники, переведенные в промышленность, могли бы принести громадную пользу всему нашему народному хозяйству.

В итоге мы имеем следующие показатели улучшения материального положения рабочих и крестьян за отчетный период:

1. Народный доход возрос с 48,5 миллиарда рублей в 1933 г. до 105,0 миллиардов рублей в 1938 г.;

2. Численность рабочих и служащих поднялась с 22 миллионов с лишним человек в 1933 г. до 28 миллионов человек в 1938 г.;

3. Годовой фонд заработной платы рабочих и служащих вырос с 34 953 миллионов рублей до 96 425 миллионов рублей;

4. Среднегодовая заработная плата рабочих промышленности, составлявшая в 1933 г. 1 513 рублей, поднялась до 3 447 рублей в 1938 г.;

5. Денежные доходы колхозов поднялись с 5 661,9 миллиона рублей в 1933 г. до 14 180,1 миллиона рублей в 1937 г.;

6. Средняя выдача зерна в зерновых районах на один колхозный двор поднялась с 61 пуда в 1933 году до 144 пудов в 1937 году, не считая семян, семенных страховых фондов, кормового фонда для общественного скота, зернопоставок, натуроплаты работ МТС.

7. Государственные ассигнования по бюджету на социально-культурные мероприятия возросли с 5 839,9 миллиона рублей в 1933 г. до 35 202,5 миллиона рублей в 1938 году.

Что касается культурного положения народа, то его подъем шел вслед за подъемом материального положения народа.

С точки зрения культурного развития народа отчетный период был поистине периодом культурной революции. Внедрение в жизнь всеобще-обязательного первоначального образования на языках национальностей СССР, рост числа школ и учащихся всех ступеней, рост числа выпускаемых высшими школами специалистов, создание и укрепление новой, советской интеллигенции,— такова общая картина культурного подъема народа.

Вот данные на этот счет:

1) ПОВЫШЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ НАРОДА

Показатели	Единица измерения	1933/34 г.	1938/39 г.	1938/39 г. в % к 1933/34 г.
Число учащихся в школах всех ступеней	тыс. чел.	23 814	33 965,4	142,6
В том числе:				
по начальному образованию	»	17 873,5	21 288,4	119,1
по среднему образованию (общему и специальному)	»	5 482,2	12 076,0	220,3
по высшему образованию	»	458,3	601,0	131,1
Число обучающихся в СССР (включая все виды обучения)	»	—	47 442,1	—
Число массовых библиотек	тысяч	40,3	70,0	173,7
Число книг в них	млн.	86,0	126,6	147,2
Число клубных учреждений	тысяч	61,1	95,6	156,5
Число театров	единиц	587	790	134,6
Число киноустановок (без узкопленочных)	»	27 467	30 461	110,9
В том числе звуковых	»	498	15 202	в 31 раз
Число киноустановок (без узкопленочных) на селе	»	17 470	18 991	108,7
В том числе звуковых	»	24	6 670	в 278 раз
Годовой тираж газет	млн.	4 984,6	7 092,4	142,3

2) ПОСТРОЕНО ШКОЛ ЗА 1933—1938 г.г. по СССР

Годы	Число школ: В городах и поселениях городского типа	В сельских местностях	Всего
1933	326	3 261	3 587
1934	577	3 488	4 065
1935	533	2 829	3 362
1936	1 505	4 206	5 711
1937	730	1 323	2 053
1938	583	1 246	1 829
Всего за 1933—38 г.г.	4 254	16 353	20 607

3) ВЫПУЩЕНО МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ИЗ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ЗА 1933—1938 г.г. (в тыс.)

	1933	1934	1935	1936	1937	1938
Всего по СССР (не считая военных специалистов)	34,6	49,2	83,7	97,6	104,8	106,7
1. Инженеры промышленности и строительства	6,1	14,9	29,6	29,2	27,6	25,2
2. Инженеры транспорта и связи	1,8	4,0	7,6	6,6	7,0	6,1
3. Инженеры по механизации сельского хозяйства, агрономы, ветеринарные врачи и зоотехники	4,8	6,3	8,8	10,4	11,3	10,6
4. Экономисты и юристы	2,5	2,5	5,0	6,4	5,0	5,7
5. Преподаватели средней школы, рабфаков, техникумов и другие работники просвещения, в том числе работники искусства	10,5	7,9	12,5	21,6	31,7	35,7
6. Врачи, провизоры и работники физической культуры	4,6	2,5	7,5	9,2	12,3	13,6
7. Другие специальности	4,3	11,1	12,7	14,2	9,9	9,8

В результате всей этой громадной культурной работы народилась и сложилась у нас многочисленная новая, советская интеллигенция, вышедшая из рядов рабочего класса, крестьянства, советских служащих, плоть от плоти и кровь от крови нашего народа,— интеллигенция, не знающая ярма эксплуатации, ненавидящая эксплуататоров и готовая служить народам СССР верой и правдой.

Я думаю, что нарождение этой новой, народной, социалистической интеллигенции является одним из самых важных результатов культурной революции в нашей стране.

3. Дальнейшее упрочение советского строя

Один из важнейших результатов отчетного периода состоит в том, что он привел к дальнейшему упрочению внутреннего положения страны, к дальнейшему упрочению советского строя.

Иначе и не могло быть. Утверждение социалистической системы во всех отраслях народного хозяйства, подъем промышленности и сельского хозяйства, подъем материального положения трудящихся, повышение культурности народных масс, повышение их политической активности,— все это, осуществленное под руководством Советской власти, не могло не привести к дальнейшему упрочению советского строя.

Особенность советского общества нынешнего времени, в отличие от любого капиталистического общества, состоит в том, что в нем нет больше антагонистических, враждебных классов, эксплуататорские классы ликвидированы, а рабочие, крестьяне и интеллигенция, составляющие советское общество, живут и работают на началах дружественного сотрудничества. В то время как капиталистическое общество раздирается непримиримыми противоречиями между рабочими и капиталистами, между крестьянами и помещиками, что ведет к неустойчивости его внутреннего положения, советское общество, освобожденное от ига эксплуатации, не знает таких противоречий, свободно от классовых столкновений и представляет картину дружественного сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции. На основе этой общности и развернулись такие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм. На этой же основе возникли Конституция СССР, принятая в ноябре 1936 г., и полная демократизация выборов в верховные органы страны.

Что касается самих выборов в верховные органы страны, то они послужили блестящей демонстрацией того самого единства советского общества и той самой дружбы народов СССР, которые составляют характерную особенность внутреннего положения нашей страны. Как известно, на выборах в Верховный Совет СССР в декабре 1937 г. за блок коммунистов и беспартийных голосовало почти 90 миллионов избирателей, т. е. 98,6 процента всех принимавших участие в голосовании, а на выборах в Верховные Советы союзных республик в июне 1938 г. за блок коммунистов и беспартийных голосовало 92 миллиона избирателей, т. е. 99,4 процента всех принимавших участие в голосовании.

Вот где основа прочности советского строя и источник неиссякаемой силы Советской власти.

Это значит, между прочим, что в случае войны тыл и фронт нашей армии ввиду их однородности и внутреннего единства — будут крепче, чем в любой другой стране, о чем следовало бы помнить зарубежным любителям военных столкновений.

Некоторые деятели зарубежной прессы болтают, что очищение советских организаций от шпионов, убийц и вредителей, вроде Троцкого, Зиновьева, Каменева, Якира, Тухачевского, Розенгольца, Бухарина и других извергов «поколебало» будто бы советский строй, внесло «разложение». Эта пошлая болтовня стоит того, чтобы поиздеваться над ней. Как может поколебать и разложить советский строй очищение советских организаций от вредных и враждебных элементов? Троцкистско-бухаринская кучка шпионов, убийц и вредителей, пресмыкавшаяся перед заграницей, проникнутая рабьим чувством низкопоклонства перед каждым иностранным чинушей и готовая пойти к нему в шпионское услужение, — кучка людей, не понявшая того, что последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства, — кому нужна эта жалкая банда продажных рабов, какую ценность она может представлять для народа и кого она может «разложить»? В 1937 году были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали Советской власти 98,6 процента всех участников голосования. В начале 1938 г. были приговорены к расстрелу Розенгольц, Рыков, Бухарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные Советы союзных республик. Выборы дали Советской власти 99,4 процента всех участников голосования. Спрашивается, где же тут признаки «разложения» и почему это «разложение» не сказалось на результатах выборов?

Слушая этих иностранных болтунов, можно прийти к выводу, что если бы оставили на воле шпионов, убийц и вредителей и не мешали им вредить, убивать и шпионить, то советские организации были бы куда более прочными и устойчивыми. **(Смех.)** Не слишком ли рано выдают себя с головой эти господа, так нагло защищающие шпионов, убийц, вредителей?

Не вернее ли будет сказать, что очищение советских организаций от шпионов, убийц, вредителей должно было привести и действительно привело к дальнейшему укреплению этих организаций?

О чем говорят, например, события у озера Хасан, как не о том, что очищение советских организаций от шпионов и вредителей является вернейшим средством их укрепления?

* * *

Задачи партии в области внутренней политики:

1. Развернуть дальше подъем нашей промышленности, рост производительности труда, усовершенствование техники производства с тем, чтобы, после того, как уже перегнали главные капиталистические страны в области техники производства и темпов роста промышленности, — перегнать их также экономически в течение ближайших 10—15 лет.

2. Развернуть дальше подъем нашего земледелия и животноводства с тем, чтобы в течение ближайших 3—4 лет добиться ежегодного производства зерна 8 миллиардов пудов со средней урожайностью на гектар в 12—13 центнеров, увеличить производство по техническим культурам на 30—35 процентов в среднем, увеличить поголовье овец и свиней вдвое, поголовье крупного рогатого скота — процентов на 40, поголовье лошадей — процентов на 35.

3. Продолжать дальше улучшение материального и культурного положения рабочих, крестьян, интеллигенции.

4. Неуклонно проводить в жизнь нашу социалистическую Конституцию, осуществлять до конца демократизацию политической жизни

страны, укреплять морально-политическое единство советского общества и дружественное сотрудничество рабочих, крестьян, интеллигенции, укреплять всемерно дружбу народов СССР, развивать и культивировать советский патриотизм.

5. Не забывать о капиталистическом окружении, помнить, что иностранная разведка будет засылать в нашу страну шпионов, убийц, вредителей, помнить об этом и укреплять нашу социалистическую разведку, систематически помогая ей громить и корчевать врагов народа.

III

ДАЛЬНЕЙШЕЕ УКРЕПЛЕНИЕ ВКП(б)

С точки зрения политической линии и повседневной практической работы отчетный период был периодом полной победы генеральной линии нашей партии. **(Бурные продолжительные аплодисменты.)**

Утверждение социалистической системы во всем народном хозяйстве, завершение реконструкции промышленности и земледелия на основе новой техники, досрочное выполнение второго пятилетнего плана по промышленности, подъем ежегодного производства зерна до уровня 7 миллиардов пудов, уничтожение нищеты и безработицы и подъем материального и культурного положения народа,— таковы основные достижения, демонстрирующие правильность политики нашей партии, правильность ее руководства.

Перед лицом этих грандиозных достижений противники генеральной линии нашей партии, разные там «левые» и «правые» течения, всякие там троцкистско-пятаковские и бухаринско-рыковские перерожденцы оказались вынужденными смяться в комок, спрятать свои затасканные «платформы» и уйти в подполье. Не имея мужества покориться воле народа, они предпочли слиться с меньшевиками, эсерами, фашистами, пойти в услужение к иностранной разведке, наняться в шпионы и обязаться помогать врагам Советского Союза расчленить нашу страну и восстановить в ней капиталистическое рабство.

Таков бесславный конец противников линии нашей партии, ставших потом врагами народа.

Разгромив врагов народа и очистив от перерожденцев партийные и советские организации, партия стала еще более единой в своей политической и организационной работе, она стала еще более сплоченной вокруг своего Центрального Комитета. **(Бурные аплодисменты. Все делегаты встают и стоя приветствуют докладчика. Возгласы: «Товарищу Сталину ура! Да здравствует товарищ Сталин! Да здравствует ЦК нашей партии! Ура!»)**

Рассмотрим конкретные данные о развитии внутренней жизни партии, об ее организационной и пропагандистской работе за отчетный период.

1. Меры улучшения состава партии. Разукрупнение организаций. Приближение руководящих органов к низовой работе

Укрепление партии и ее руководящих органов осуществлялось за отчетный период в первую очередь по двум линиям: по линии регулирования состава партии, вытеснения ненадежных и отбора лучших, и по линии разукрупнения организаций, уменьшения их размеров и приближения руководящих органов к низовой, оперативной, конкретной работе.

На XVII съезде партии было представлено 1 874 488 членов партии. Если сравнить эти данные с данными о количестве членов партии, представленных на предыдущем, XVI съезде партии, то получится, что за период от XVI съезда партии до XVII съезда в партию прибыло 600 тысяч новых членов партии. Партия не могла не почувствовать, что такой массовый наплыв в партию в условиях 1930—1933 годов является нездоровым и нежелательным расширением ее состава. Партия знала, что в ее ряды идут не только честные и преданные, но и случайные люди, но и карьеристы, стремящиеся использовать знамя партии в своих личных целях. Партия не могла не знать, что она сильна не только количеством своих членов, но, прежде всего, их качеством. В связи с этим встал вопрос о регулировании состава партии. Было решено продолжить чистку членов партии и кандидатов, начатую еще в 1933 году, и она действительно была продолжена до мая 1935 года. Было решено, далее, прекратить прием в партию новых членов, и он действительно был прекращен вплоть до сентября 1936 года, при чем прием в партию новых членов был возобновлен лишь 1 ноября 1936 года. Далее, в связи с злодейским убийством тов. Кирова, свидетельствовавшим о том, что в партии имеется немало подозрительных элементов, было решено провести проверку и обмен партийных документов, при чем то и другое было закончено лишь к сентябрю 1936 года. Только после этого был открыт прием в партию новых членов и кандидатов. В результате всех этих мероприятий партия добилась того, что она очистила свои ряды от случайных, пассивных, карьеристских и прямо враждебных элементов, отобрав наиболее стойких и преданных людей. Нельзя сказать, что чистка была проведена без серьезных ошибок. К сожалению, ошибок оказалось больше, чем можно было предположить. Несомненно, что нам не придется больше пользоваться методом массовой чистки. Но чистка 1933—1936 г.г. была все же неизбежна и она в основном дала положительные результаты. На настоящем XVIII съезде представлено около 1 600 тысяч членов партии, т. е. на 270 тысяч членов партии меньше, чем на XVII съезде. Но в этом нет ничего плохого. Наоборот, это — к лучшему, ибо партия укрепляется тем, что очищает себя от скверны. Партия у нас теперь несколько меньше по количеству ее членов, но зато она лучше по качеству.

Это большое достижение.

Что касается улучшения повседневного партийного руководства в смысле его приближения к низовой работе, в смысле его дальнейшей конкретизации, то партия пришла к тому выводу, что разукрупнение организаций, уменьшение их размеров является наилучшим средством для того, чтобы облегчить партийным органам руководство этими организациями, а само руководство сделать конкретным, живым, оперативным. Разукрупнение шло как по линии наркоматов, так и по линии административно-территориальных организаций, т. е. по линии союзных республик, краев, областей, районов и т. п. В результате принятых мероприятий мы имеем теперь вместо 7 союзных республик 11 союзных республик, вместо 14 наркоматов СССР 34 наркомата, вместо 70 краев и областей 110 краев и областей, вместо 2 559 городских и сельских районов 3 815. Соответственно с этим в системе руководящих органов партии имеется теперь 11 центральных комитетов во главе с ЦК ВКП(б), 6 краевых комитетов, 104 областных комитета, 30 окружных комитетов, 212 общегородских комитетов, 336 городских районных комитетов, 3 479 сельских районных комитетов и 113 060 первичных партийных организаций.

Нельзя сказать, что дело разукрупнения организаций уже закончено. Вероятнее всего, что разукрупнение пойдет дальше. Но, как бы

го ни было, оно уже дает свои благие результаты как в отношении улучшения повседневного руководства работой, так и в отношении приближения самого руководства к низовой конкретной работе. Я уже не говорю о том, что разукрупнение организаций дало возможность выдвинуть на руководящую работу сотни и тысячи новых людей.

Это тоже большое достижение.

2. Подбор кадров, их выдвижение, их расстановка

Регулирование состава партии и приближение руководящих органов к конкретной низовой работе не были и не могли быть единственным средством дальнейшего укрепления партии и ее руководства. Другим средством укрепления партии за отчетный период было коренное улучшение работы с кадрами, улучшение дела подбора кадров, их выдвижения, их расстановки, их проверки в процессе работы.

Кадры партии — это командный состав партии, а так как наша партия стоит у власти,— они являются также командным составом руководящих государственных органов. После того как выработана правильная политическая линия, проверенная на практике, кадры партии становятся решающей силой партийного и государственного руководства. Иметь правильную политическую линию,— это, конечно, первое и самое важное дело. Но этого все же недостаточно. Правильная политическая линия нужна не для декларации, а для проведения в жизнь. Но чтобы претворить в жизнь правильную политическую линию, нужны кадры, нужны люди, понимающие политическую линию партии, воспринимающие ее, как свою собственную линию, готовые провести ее в жизнь, умеющие осуществлять ее на практике и способные отвечать за нее, защищать ее, бороться за нее. Без этого правильная политическая линия рискует остаться на бумаге.

Здесь именно и встает вопрос о правильном подборе кадров, о выращивании кадров, о выдвижении новых людей, о правильной расстановке кадров, об их проверке по проделанной работе.

Что значит правильно подбирать кадры?

Правильно подбирать кадры, это еще не значит набрать себе замов и помов, составить канцелярию и выпускать оттуда разные указания. **(Смех.)** Это также не значит злоупотреблять своей властью, перебрасывать без толку десятки и сотни людей из одного места в другое и обратно и устраивать нескончаемые «реорганизации». **(Смех.)**

Правильно подбирать кадры это значит:

Во-первых, ценить кадры, как золотой фонд партии и государства, дорожить ими, иметь к ним уважение.

Во-вторых, знать кадры, тщательно изучать достоинства и недостатки каждого кадрового работника, знать на каком посту могут легче всего развернуться способности работника.

В-третьих, заботливо выращивать кадры, помогать каждому растущему работнику подняться вверх, не жалеть времени для того, чтобы терпеливо «повозиться» с такими работниками и ускорить их рост.

В-четвертых, во-время и смело выдвигать новые, молодые кадры, не давая им перестояться на старом месте, не давая им закиснуть.

В-пятых, расставить работников по постам таким образом, чтобы каждый работник чувствовал себя на месте, чтобы каждый работник мог дать нашему общему делу максимум того, что вообще способен он дать по своим личным качествам, чтобы общее направление работы по расстановке кадров вполне соответствовало требованиям той политической линии, во имя проведения которой производится эта расстановка.

Особенное значение имеет здесь вопрос о смелом и своевременном выдвижении новых, молодых кадров. Я думаю, что у наших людей нет еще полной ясности в этом вопросе. Одни считают, что при подборе людей надо ориентироваться, главным образом, на старые кадры. Другие, наоборот, думают ориентироваться, главным образом, на молодые кадры. Мне кажется, что ошибаются и те и другие. Старые кадры представляют, конечно, большое богатство для партии и государства. У них есть то, чего нет у молодых кадров, — громадный опыт по руководству, марксистско-ленинская принципиальная закалка, знание дела, сила ориентировки. Но, во-первых, старых кадров бывает всегда мало, меньше, чем нужно, и они уже частично начинают выходить из строя в силу естественных законов природы. Во-вторых, у одной части старых кадров бывает иногда склонность упорно смотреть в прошлое, застрять на прошлом, застрять на старом и не замечать нового в жизни. Это называется потерей чувства нового. Это очень серьезный и опасный недостаток. Что касается молодых кадров, то у них, конечно, нет того опыта, закалки, знания дела и силы ориентировки, которыми обладают старые кадры. Но, во-первых, молодые кадры составляют громадное большинство, во-вторых, они молоды, и им не угрожает, пока-что, выход из строя, в-третьих, у них имеется в избытке чувство нового,— драгоценное качество каждого большевистского работника, и, в-четвертых, они растут и просвещаются до того быстро, они прут вверх до того стремительно, что недалеко то время, когда они догонят стариков, станут бок-о-бок с ними и составят им достойную смену. Следовательно, задача состоит не в том, чтобы ориентироваться либо на старые, либо на новые кадры, а в том, чтобы держать курс на сочетание, на соединение старых и молодых кадров в одном общем оркестре руководящей работы партии и государства. **(Продолжительные аплодисменты.)**

Вот почему необходимо своевременно и смело выдвигать молодые кадры на руководящие посты.

Одно из серьезных достижений партии за отчетный период в деле укрепления партийного руководства состоит в том, что она с успехом проводила снизу доверху этот именно курс на сочетание старых и молодых работников в области подбора кадров.

В Центральном Комитете партии имеются данные, из которых видно, что за отчетный период партия сумела выдвинуть на руководящие посты по государственной и партийной линии более 500 тысяч молодых большевиков, партийных и примыкающих к партии, из них более 20 процентов женщин.

В чем состоит теперь задача?

Задача состоит в том, чтобы взять полностью в одни руки дело подбора кадров снизу доверху и поднять его на должную, научную, большевистскую высоту.

Для этого необходимо покончить с расщеплением дела изучения, выдвижения и подбора кадров по разным отделам и секторам, сосредоточив его в одном месте.

Таким местом должно быть Управление кадров в составе ЦК ВКП(б) и соответствующий отдел кадров в составе каждой республиканской, краевой и областной парторганизации.

3. Партийная пропаганда. Марксистско-ленинское воспитание членов партии и партийных кадров

Есть еще одна область партийной работы, очень важная и очень ответственная, по линии которой осуществлялось за отчетный период укрепление партии и ее руководящих органов,— это партийная про-

паганда и агитация, устная и печатная, работа по воспитанию членов партии и кадров партии в духе марксизма-ленинизма, работа по повышению политического и теоретического уровня партии и ее работников.

Едва ли есть необходимость распространяться о серьезнейшем значении дела партийной пропаганды, дела марксистско-ленинского воспитания наших работников. Я имею в виду не только работников партийного аппарата. Я имею в виду также работников комсомольских, профсоюзных, торгово-кооперативных, хозяйственных, советских, просвещенских, военных и других организаций. Можно удовлетворительно поставить дело регулирования состава партии и приближения руководящих органов к низовой работе; можно удовлетворительно поставить дело выдвижения кадров, их подбора, их расстановки; но если при всем этом начинает почему-либо хромать наша партийная пропаганда, если начинает хиреть дело марксистско-ленинского воспитания наших кадров, если ослабевает наша работа по повышению политического и теоретического уровня этих кадров, а сами кадры перестают в связи с этим интересоваться перспективой нашего движения вперед, перестают понимать правоту нашего дела и превращаются в бесперспективных деляг, слепо и механически выполняющих указания сверху,— то должна обязательно захиреть вся наша государственная и партийная работа. Нужно признать, как аксиому, что чем выше политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников любой отрасли государственной и партийной работы, тем выше и плодотворнее сама работа, тем эффективнее результаты работы, и наоборот,— чем ниже политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников, тем вероятнее срывы и провалы в работе, тем вероятнее измельчание и вырождение самих работников в деляг-крохоборов, тем вероятнее их перерождение. Можно с уверенностью сказать, что, если бы мы сумели подготовить идеологически наши кадры всех отраслей работы и закалить их политически в такой мере, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми марксистами-ленинцами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной,— то мы имели бы все основания считать девять десятых всех наших вопросов уже разрешенными. А решить эту задачу мы безусловно можем, ибо у нас есть все средства и возможности, необходимые для того, чтобы разрешить ее.

Выращивание и формирование молодых кадров протекает у нас обычно по отдельным отраслям науки и техники, по специальностям. Это необходимо и целесообразно. Нет необходимости, чтобы специалист-медик был вместе с тем специалистом по физике или ботанике и наоборот. Но есть одна отрасль науки, знание которой должно быть обязательным для большевиков всех отраслей науки,— это марксистско-ленинская наука об обществе, о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма. Ибо нельзя считать действительным ленинцем человека, именующего себя ленинцем, но замкнувшегося в свою специальность, замкнувшегося, скажем, в математику, ботанику или химию и не видящего ничего дальше своей специальности. Ленинец не может быть только специалистом облюбованной им отрасли науки,— он должен быть вместе с тем политиком-общественником, живо интересующимся судьбой своей страны, знакомым с законами общественного развития, умеющим пользоваться этими законами и стремящимся быть активным участником политического руководства страной. Это будет, конечно, дополнительной нагрузкой для большевиков специалистов. Но это будет такая нагрузка, результаты которой окупятся с лихвой.

Задача партийной пропаганды, задача марксистско-ленинского воспитания кадров состоит в том, чтобы помочь нашим кадрам всех отраслей работы овладеть марксистско-ленинской наукой о законах развития общества.

Вопрос о мерах улучшения дела пропаганды и марксистско-ленинского воспитания кадров был предметом неоднократного обсуждения ЦК ВКП(б) с участием пропагандистов различных областных парторганизаций. Был учтен при этом выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» в сентябре 1938 года. Было установлено, что выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» кладет начало новому размаху марксистско-ленинской пропаганды в нашей стране. Результаты работ ЦК ВКП(б) опубликованы в известном его постановлении «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском Краткого курса истории ВКП(б)».

Исходя из этого постановления и учитывая известные решения мартовского пленума ЦК ВКП(б) в 1937 г. «О недостатках партийной работы», ЦК ВКП(б) наметил следующие главные мероприятия по устранению недостатков в области партийной пропаганды и улучшению дела марксистско-ленинского воспитания членов партии и партийных кадров:

1. Сосредоточить в одном месте дело партийной пропаганды и агитации и объединить отделы пропаганды и агитации и отделы печати в едином Управлении пропаганды и агитации в составе ЦК ВКП(б), с организацией соответствующего отдела пропаганды и агитации в составе каждой республиканской, краевой и областной парторганизации;

2. Признавая неправильным увлечение кружковой системой пропаганды и считая более целесообразным метод индивидуального изучения членами партии основ марксизма-ленинизма, сосредоточить внимание партии на пропаганде в печати и организации лекционной системы пропаганды;

3. Организовать в каждом областном центре годичные Курсы переподготовки для низового звена наших кадров;

4. Организовать в ряде центров нашей страны двухгодичную Ленинскую школу для среднего звена наших кадров;

5. Организовать Высшую школу марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) с трехгодичным курсом для подготовки квалифицированных теоретических кадров партии;

6. Создать в ряде центров нашей страны годичные Курсы переподготовки пропагандистов и газетных работников;

7. Создать при Высшей школе марксизма-ленинизма шестимесячные Курсы для переподготовки преподавателей марксизма-ленинизма в вузах.

Нет сомнения, что осуществление этих мероприятий, которые уже проводятся, но еще не проведены в достаточной мере, не замедлит дать свои благие результаты.

4. Некоторые вопросы теории

К числу недостатков нашей пропагандистской и идеологической работы нужно отнести также отсутствие полной ясности среди наших товарищей в некоторых вопросах теории, имеющих серьезное практическое значение, наличие некоторой неразберихи в этих вопросах. Я имею в виду вопрос о государстве вообще, особенно о нашем социалистическом государстве и вопрос о нашей советской интеллигенции.

Иногда спрашивают: «эксплуататорские классы у нас уничтожены, враждебных классов нет больше в стране, подавлять некого, значит,

нет больше нужды в государстве, оно должно отмереть,— почему же мы не содействуем отмиранию нашего социалистического государства, почему мы не стараемся покончить с ним, не пора ли выкинуть вон весь этот хлам государственности?»

Или еще: «эксплуататорские классы уже уничтожены у нас, социализм в основном построен, мы идем к коммунизму, а марксистское учение о государстве говорит, что при коммунизме не должно быть никакого государства,— почему мы не содействуем отмиранию нашего социалистического государства, не пора ли сдать государство в музей древностей?»

Эти вопросы свидетельствуют о том, что их авторы добросовестно заучили отдельные положения учения Маркса и Энгельса о государстве. Но они говорят также о том, что эти товарищи не поняли существа этого учения, не разобрались, в каких исторических условиях вырабатывались отдельные положения этого учения и, особенно, не поняли современной международной обстановки, проглядели факт капиталистического окружения и вытекающих из него опасностей для страны социализма. В этих вопросах сквозит не только недооценка факта капиталистического окружения. В них сквозит также недооценка роли и значения буржуазных государств и их органов, засылающих в нашу страну шпионов, убийц и вредителей и старающихся улучить минуту для военного нападения на нее, равно как сквозит недооценка роли и значения нашего социалистического государства и его военных, карательных и разведывательных органов, необходимых для защиты страны социализма от нападения извне. Нужно признать, что в этой недооценке грешны не только вышеупомянутые товарищи. В ней грешны также в известной мере все мы, большевики, все без исключения. Разве не удивительно, что о шпионской и заговорщической деятельности верхушки троцкистов и бухаринцев узнали мы лишь в последнее время, в 1937—1938 годах, хотя, как видно из материалов, эти господа состояли в шпионах иностранной разведки и вели заговорщическую деятельность уже в первые дни Октябрьской революции? Как мы могли проглядеть это серьезное дело? Чем объяснить этот промах? Обычно отвечают на этот вопрос таким образом: мы не могли предположить, что эти люди могут пасть так низко. Но это не объяснение и тем более не оправдание, ибо факт промаха остается фактом. Чем объяснить такой промах? Объясняется этот промах недооценкой силы и значения механизма окружающих нас буржуазных государств и их разведывательных органов, старающихся использовать слабости людей, их тщеславие, их бесхарактерность для того, чтобы запутать их в свои шпионские сети и окружить ими органы Советского государства. Объясняется он недооценкой роли и значения механизма нашего социалистического государства и его разведки, недооценкой этой разведки, болтовней о том, что разведка при Советском государстве — мелочь и пустяки, что советскую разведку, как и само Советское государство, скоро придется сдать в музей древностей.

На какой почве могла возникнуть у нас эта недооценка?

Она возникла на почве недоработанности и недостаточности некоторых общих положений учения марксизма о государстве. Она получила распространение вследствие нашего непозволительно-беспечного отношения к вопросам теории государства, несмотря на то, что мы имеем практический опыт двадцатилетней государственной деятельности, дающий богатый материал для теоретических обобщений, несмотря на то, что у нас есть возможность при желании с успехом восполнить этот теоретический пробел. Мы забыли важнейшее указание Ленина о теоретических обязанностях русских марксистов, призван-

ных разработать дальше теорию марксизма. Вот что говорит Ленин на этот счет:

«Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима самостоятельная разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие руководящие положения, которые применяются в частности к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России» (Ленин, т. II, стр. 492).

Взять, например, классическую формулу теории развития социалистического государства, данную Энгельсом:

«Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда будут устранены вытекающие отсюда столкновения и насилия, тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию. Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества, — обращение средств производства в общественную собственность, — будет его последним самостоятельным действием в качестве государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения станет мало-помалу излишним и прекратится само собою. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», оно отмирает» (Ф. Энгельс, «Анти-Дюринг», 1933 г., издание Партиздата, стр. 202).

Правильно ли это положение Энгельса?

Да, правильно, но при одном из двух условий: а) если изучать социалистическое государство с точки зрения только лишь внутреннего развития страны, заранее отвлекаясь от международного фактора, изолируя страну и государство для удобства исследования от международной обстановки, или б) если предположить, что социализм уже победил во всех странах или в большинстве стран, вместо капиталистического окружения имеется налицо окружение социалистическое, нет больше угрозы нападения извне, нет больше нужды в усилении армии и государства.

Ну, а если социализм победил только в одной, отдельно взятой стране, и отвлекаться, ввиду этого, от международных условий никак невозможно, — как быть в таком случае? На этот вопрос формула Энгельса не дает ответа. Энгельс собственно и не ставит себе такого вопроса, следовательно, у него не могло быть ответа на этот вопрос. Энгельс исходит из того предположения, что социализм уже победил более или менее одновременно во всех странах или в большинстве стран. Следовательно, Энгельс исследует здесь не то или иное конкретное социалистическое государство той или иной отдельной страны, а развитие социалистического государства вообще при допущении факта победы социализма в большинстве стран — по формуле: «допустим, что социализм победил в большинстве стран, спрашивается — какие изменения должно претерпеть в этом случае пролетарское, социалистическое государство». Только этим общим и абстрактным характером проблемы можно объяснить тот факт, что при исследовании

вопроса о социалистическом государстве Энгельс совершенно отвлекается от такого фактора, как международные условия, международная обстановка.

Но из этого следует, что нельзя распространять общую формулу Энгельса о судьбе социалистического государства вообще на частный и конкретный случай победы социализма в одной, отдельно взятой стране, которая имеет вокруг себя капиталистическое окружение, которая подвержена угрозе военного нападения извне, которая не может ввиду этого отвлекаться от международной обстановки и которая должна иметь в своем распоряжении и хорошо обученную армию, и хорошо организованные карательные органы, и крепкую разведку, следовательно, должна иметь свое достаточно сильное государство,— для того, чтобы иметь возможность защищать завоевания социализма от нападения извне.

Нельзя требовать от классиков марксизма, отделенных от нашего времени периодом в 45—55 лет, чтобы они предвидели все и всякие случаи зигзагов истории в каждой отдельной стране в далеком будущем. Было бы смешно требовать, чтобы классики марксизма выработали для нас готовые решения на все и всякие теоретические вопросы, которые могут возникнуть в каждой отдельной стране спустя 50—100 лет, с тем, чтобы мы, потомки классиков марксизма имели возможность спокойно лежать на печке и жевать готовые решения. **(Общий смех.)** Но мы можем и должны требовать от марксистов-ленинцев нашего времени, чтобы они не ограничивались заучиванием отдельных общих положений марксизма, чтобы они вникали в существо марксизма, чтобы они научились учитывать опыт двадцатилетнего существования социалистического государства в нашей стране, чтобы они научились, наконец, опираясь на этот опыт и исходя из существа марксизма, конкретизировать отдельные общие положения марксизма, уточнять и улучшать их. Ленин написал свою знаменитую книгу «Государство и революция» в августе 1917 года, т. е. за несколько месяцев до Октябрьской революции и создания Советского государства. Главную задачу этой книги Ленин видел в защите учения Маркса и Энгельса о государстве от искажения и опошления со стороны оппортунистов. Ленин собирался написать вторую часть «Государства и революции», где он рассчитывал подвести главные итоги опыта русских революций 1905-го и 1917-го года. Не может быть сомнения, что Ленин имел в виду во второй части своей книги разработать и развить дальше теорию государства, опираясь на опыт существования Советской власти в нашей стране. Но смерть помешала ему выполнить эту задачу. Но чего не успел сделать Ленин, должны сделать его ученики. **(Бурные аплодисменты.)**

Государство возникло на основе раскола общества на враждебные классы, возникло для того, чтобы держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства. Орудия власти государства сосредоточивались, главным образом, в армии, в карательных органах, в разведке, в тюрьмах. Две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Так было дело при рабовладельческом строе и феодализме. Так обстоит дело при капитализме.

Чтобы свергнуть капитализм, необходимо было не только снять с власти буржуазию, не только экспроприировать капиталистов, но и разбить вовсе государственную машину буржуазии, ее старую армию, ее бюрократическое чиновничество, ее полицию, и поставить на ее

место новую пролетарскую государственность, новое социалистическое государство. Большевики, как известно, так именно и поступили. Но из этого вовсе не следует, что у нового пролетарского государства не могут сохраниться некоторые функции старого государства, измененные применительно к потребностям пролетарского государства. Из этого тем более не следует, что формы нашего социалистического государства должны остаться неизменными, что все первоначальные функции нашего государства должны полностью сохраниться и в дальнейшем. На самом деле формы нашего государства меняются и будут меняться в зависимости от развития нашей страны и изменения внешней обстановки.

Ленин совершенно прав, когда он говорит:

> «Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно **диктатурой буржуазии.** Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: **диктатура пролетариата»** (Ленин, т. XXI, стр. 393).

Со времени Октябрьской революции наше социалистическое государство прошло в своем развитии две главные фазы.

Первая фаза — это период от Октябрьской революции до ликвидации эксплуататорских классов. Основная задача этого периода состояла в подавлении сопротивления свергнутых классов, в организации обороны страны от нападения интервентов, в восстановлении промышленности и сельского хозяйства, в подготовке условий для ликвидации капиталистических элементов. Сообразно с этим наше государство осуществляло в этот период две основные функции. Первая функция — подавление свергнутых классов внутри страны. Этим наше государство внешним образом напоминало предыдущие государства, функция которых состояла в подавлении непокорных, с той однако принципиальной разницей, что наше государство подавляло эксплуататорское меньшинство во имя интересов трудящегося большинства, тогда как предыдущие государства подавляли эксплуатируемое большинство во имя интересов эксплуататорского меньшинства. Вторая функция — оборона страны от нападения извне. Этим оно также напоминало внешним образом предыдущие государства, которые также занимались вооруженной защитой своих стран, с той однако принципиальной разницей, что наше государство защищало от внешнего нападения завоевания трудящегося большинства, тогда как предыдущие государства защищали в таких случаях богатство и привилегии эксплуататорского меньшинства. Была здесь еще третья функция — это хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная работа органов нашего государства, имевшая своей целью развитие ростков нового, социалистического хозяйства и перевоспитание людей в духе социализма. Но эта новая функция не получила в этот период серьезного развития.

Вторая фаза — это период от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства и принятия новой Конституции. Основная задача этого периода — организация социалистического хозяйства по всей стране и ликвидация последних остатков капиталистических элементов, организация культурной революции, организация вполне современной армии для обороны страны. Сообразно с этим изменились и функции нашего социалистического государства. Отпала — отмерла функция военного подавления внутри страны, ибо эксплуатация уничтожена,

эксплуататоров нет больше и подавлять некого. Вместо функции подавления появилась у государства функция охраны социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра. Сохранилась полностью функция военной защиты страны от нападений извне, стало быть, сохранились также Красная армия, Военно-Морской флот, равно как карательные органы и разведка, необходимые для вылавливания и наказания шпионов, убийц, вредителей, засылаемых в нашу страну иностранной разведкой. Сохранилась и получила полное развитие функция хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы государственных органов. Теперь основная задача нашего государства внутри страны состоит в мирной хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работе. Что касается нашей армии, карательных органов и разведки, то они своим острием обращены уже не во внутрь страны, а во вне ее, против внешних врагов.

Как видите, мы имеем теперь совершенно новое, социалистическое государство, не виданное еще в истории и значительно отличающееся по своей форме и функциям от социалистического государства первой фазы.

Но развитие не может остановиться на этом. Мы идем дальше, вперед, к коммунизму. Сохранится ли у нас государство также и в период коммунизма?

Да, сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если не будет уничтожена опасность военных нападений извне. При этом понятно, что формы нашего государства вновь будут изменены, сообразно с изменением внутренней и внешней обстановки.

Нет, не сохранится и отомрет, если капиталистическое окружение будет ликвидировано, если оно будет заменено окружением социалистическим.

Так обстоит дело с вопросом о социалистическом государстве.

Второй вопрос — это вопрос о советской интеллигенции.

В этом вопросе, так же как и в вопросе о государстве, существует в нашей партии некоторая неясность, неразбериха.

Несмотря на полную ясность позиции партии в вопросе о советской интеллигенции, в нашей партии все еще имеют распространение взгляды, враждебные к советской интеллигенции и несовместимые с позицией партии. Носители этих неправильных взглядов практикуют, как известно, пренебрежительное, презрительное отношение к советской интеллигенции, рассматривая ее как силу чуждую и даже враждебную рабочему классу и крестьянству. Правда, интеллигенция за период советского развития успела измениться в корне, как по своему составу, так и по своему положению, сближаясь с народом и честно сотрудничая с ним, чем она принципиально отличается от старой, буржуазной интеллигенции. Но этим товарищам, повидимому, нет дела до этого. Они продолжают дудить в старую дудку, неправильно перенося на советскую интеллигенцию те взгляды и отношения, которые имели свое основание в старое время, когда интеллигенция находилась на службе у помещиков и капиталистов.

В старое, дореволюционное время, в условиях капитализма интеллигенция состояла прежде всего из людей имущих классов,— дворян, промышленников, купцов, кулаков и т. п. Были в рядах интеллигенции также выходцы из мещан, мелких чиновников и даже из крестьян и рабочих, но они не играли и не могли играть там решающей роли. Интеллигенция в целом кормилась у имущих классов и обслуживала их. Понятно поэтому то недоверие, переходившее нередко в ненависть, которое питали к ней революционные элементы нашей страны и прежде всего рабочие. Правда, старая интеллигенция дала от-

дельные единицы и десятки смелых и революционных людей, ставших на точку зрения рабочего класса и связавших до конца свою судьбу с судьбой рабочего класса. Но таких людей среди интеллигенции было слишком мало, и они не могли изменить физиономию интеллигенции в целом.

Дело с интеллигенцией изменилось, однако, в корне после Октябрьской революции, после разгрома иностранной военной интервенции, особенно после победы индустриализации и коллективизации, когда уничтожение эксплуатации и утверждение социалистической системы хозяйства создали реальную возможность дать стране и провести в жизнь новую Конституцию. Наиболее влиятельная и квалифицированная часть старой интеллигенции уже в первые дни Октябрьской революции откололась от остальной массы интеллигенции, объявила борьбу Советской власти и пошла в саботажники. Она понесла за это заслуженную кару, была разбита и рассеяна органами Советской власти. Впоследствии большинство уцелевших из них завербовалось врагам нашей страны во вредители, в шпионы, вычеркнув себя тем самым из рядов интеллигенции. Другая часть старой интеллигенции, менее квалифицированная, но более многочисленная, долго еще продолжала топтаться на месте, выжидая «лучших времен», но потом, видимо, махнула рукой и решила пойти в службисты, решила ужиться с Советской властью. Большая часть этой группы старой интеллигенции успела уже состариться и начинает выходить из строя. Третья часть старой интеллигенции, главным образом рядовая ее часть, имевшая еще меньше квалификации, чем предыдущая часть, присоединилась к народу и пошла за Советской властью. Ей необходимо было доучиваться, и она действительно стала доучиваться в наших вузах. Но наряду с этим мучительным процессом диференциации и разлома старой интеллигенции шел бурный процесс формирования, мобилизации и собирания сил новой интеллигенции. Сотни тысяч молодых людей, выходцев из рядов рабочего класса, крестьянства, трудовой интеллигенции пошли в вузы и техникумы и, вернувшись из школ, заполнили поредевшие ряды интеллигенции. Они влили в интеллигенцию новую кровь и оживили ее по-новому, по-советски. Они в корне изменили весь облик интеллигенции, по образу своему и подобию. Остатки старой интеллигенции оказались растворенными в недрах новой, советской, народной интеллигенции. Создалась, таким образом, новая, советская интеллигенция, тесно связанная с народом и готовая в своей массе служить ему верой и правдой.

В итоге мы имеем теперь многочисленную, новую, народную, социалистическую интеллигенцию, в корне отличающуюся от старой, буржуазной интеллигенции как по своему составу, так и по своему социально-политическому облику.

К старой дореволюционной интеллигенции, служившей помещикам и капиталистам, вполне подходила старая теория об интеллигенции, указывавшая на необходимость недоверия к ней и борьбы с ней. Теперь эта теория отжила свой век и она уже не подходит к нашей новой, советской интеллигенции. Для новой интеллигенции нужна новая теория, указывающая на необходимость дружеского отношения к ней, заботы о ней, уважения к ней и сотрудничества с ней во имя интересов рабочего класса и крестьянства.

Кажется, понятно.

Тем более удивительно и странно, что после всех этих коренных изменений в положении интеллигенции у нас в партии еще имеются, оказывается, люди, пытающиеся старую теорию, направленную против буржуазной интеллигенции, применить к нашей новой, советской интеллигенции, являющейся в своей основе социалистической интелли-

генцией. Эти люди, оказывается, утверждают, что рабочие и крестьяне, недавно еще работавшие по-стахановски на заводах и в колхозах, а потом направленные в вузы для получения образования, перестают быть тем самым настоящими людьми, становятся людьми второго сорта. Выходит, что образование — вредная и опасная штука. **(Смех.)** Мы хотим сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными, и мы сделаем это со временем. Но по взгляду этих странных товарищей получается, что подобная затея таит в себе большую опасность, ибо после того как рабочие и крестьяне станут культурными и образованными, они могут оказаться перед опасностью быть зачисленными в разряд людей второго сорта. **(Общий смех.)** Не исключено, что со временем эти странные товарищи могут докатиться до воспевания отсталости, невежества, темноты, мракобесия. Оно и понятно. Теоретические вывихи никогда не вели и не могут вести к добру.

Так обстоит дело с вопросом о нашей новой, социалистической интеллигенции.

* * *

Наши задачи в области дальнейшего укрепления партии:

1. Систематически улучшать состав партии, подымая уровень сознательности членов партии и принимая в ряды партии в порядке индивидуального отбора только лишь проверенных и преданных делу коммунизма товарищей;

2. Приблизить руководящие органы к низовой работе с тем, чтобы сделать их руководящую работу все более оперативной и конкретной, все менее заседательской и канцелярской;

3. Централизовать дело подбора кадров, заботливо выращивать кадры, тщательно изучать достоинства и недостатки работников, смелее выдвигать молодых работников, приспособлять дело подбора и расстановки кадров к требованиям политической линии партии;

4. Централизовать дело партийной пропаганды и агитации, расширить пропаганду идей марксизма-ленинизма, поднять теоретический уровень и политическую закалку наших кадров.

* * *

Товарищи! Я кончаю свой отчетный доклад.

Я обрисовал в общих чертах путь, пройденный нашей партией за отчетный период. Результаты работы партии и ее ЦК за этот период известны. Были у нас недочеты и ошибки. Партия и ее ЦК не скрывали их и старались их исправить. Есть и серьезные успехи и большие достижения, которые не должны вскружить нам голову.

Главный итог состоит в том, что рабочий класс нашей страны, уничтожив эксплуатацию человека человеком и утвердив социалистический строй, доказал всему миру правоту своего дела. В этом главный итог, так как он укрепляет веру в силы рабочего класса и в неизбежность его окончательной победы.

Буржуазия всех стран твердит, что народ не может обойтись без капиталистов и помещиков, без купцов и кулаков. Рабочий класс нашей страны доказал на деле, что народ может с успехом обойтись без эксплуататоров.

Буржуазия всех стран твердит, что рабочий класс, разрушив старые буржуазные порядки, не способен построить что-либо новое, взамен старого. Рабочий класс нашей страны доказал на деле, что он вполне способен не только разрушить старый строй, но и построить новый, лучший, социалистический строй и притом такой строй, который не знает ни кризисов, ни безработицы.

Буржуазия всех стран твердит, что крестьянство не способно стать на путь социализма. Колхозное крестьянство нашей страны доказало на деле, что оно может с успехом стать на путь социализма.

Главное, чего особенно добиваются буржуазия всех стран и ее реформистские прихвостни, — это то, чтобы искоренить в рабочем классе веру в свои силы, веру в возможность и неизбежность его победы и тем самым увековечить капиталистическое рабство. Ибо буржуазия знает, что если капитализм еще не свергнут и он продолжает все еще существовать, то этим он обязан не своим хорошим качествам, а тому, что у пролетариата нет еще достаточной веры в возможность своей победы. Нельзя сказать, чтобы старания буржуазии в этом направлении оставались вполне безуспешными. Нужно признать, что буржуазии и ее агентам в рабочем классе удалось в известной мере отравить душу рабочего класса ядом сомнений и неверия. Если успехи рабочего класса нашей страны, если его борьба и победа послужат к тому, чтобы поднять дух рабочего класса капиталистических стран и укрепить в нем веру в свои силы, веру в свою победу, то наша партия может сказать, что она работает недаром. Можно не сомневаться, что так оно и будет. **(Бурные продолжительные аплодисменты.)**

Да здравствует наш победоносный рабочий класс! **(аплодисменты.)**

Да здравствует наше победоносное колхозное крестьянство! **(аплодисменты.)**

Да здравствует наша социалистическая интеллигенция! **(аплодисменты.)**

Да здравствует великая дружба народов нашей страны! **(аплодисменты.)**

Да здравствует Всесоюзная коммунистическая партия большевиков! **(аплодисменты.)**

(Все делегаты встают, стоя приветствуют товарища Сталина и устраивают ему продолжительную овацию. Возгласы: «Ура! Да здравствует товарищ Сталин! Великому Сталину — ура! Нашему любимому Сталину — ура!».)

РЕЗОЛЮЦИЯ XVIII СЪЕЗДА ВКП(б) ПО ОТЧЕТНОМУ ДОКЛАДУ тов. СТАЛИНА О РАБОТЕ ЦК ВКП(б)

(Принята единогласно).

Заслушав и обсудив отчетный доклад тов. Сталина о работе ЦК ВКП(б), XVIII съезд ВКП(б) постановляет:

1. Одобрить политическую линию и практическую работу ЦК ВКП(б).

2. Одобрить отчетный доклад тов. Сталина и предложить всем парторганизациям руководствоваться в своей работе положениями и задачами, выдвинутыми в докладе тов. Сталина.

14 марта 1939 г.

В. И. Ленин в годы империалистической войны

Объявление империалистической войны в июле 1914 г. застало Владимира Ильича Ленина в Австрии, в Поронино, куда Ленин переселился перед войною для того, чтобы легче было организовать руководство с партийными организациями России.

Ленин задолго до объявления войны видел ее неизбежность, не раз писал об этой неизбежности и о том, что против виновников войны и против несправедливых империалистических, грабительских, захватнических войн рабочий класс должен будет мобилизовать все свои силы, пустить в ход все средства для того, чтобы использовать обострение социальных противоречий во время войны для решительной борьбы против буржуазии, против капитализма.

Коротко напомним, как стоял вопрос об отношении к войне во II Интернационале. Еще на международном социалистическом конгрессе в Цюрихе в 1893 г. встал вопрос о мерах борьбы против надвигавшейся опасности войны. Заключение франко-русского союза в 1892 г. не могло не вызвать тревоги, так как речь шла об объединении двух крупных империалистических держав, причем царская монархия была сильнейшим оплотом международной реакции. Левое крыло II Интернационала в лице Геда, голландского социалиста Домелы Ньювенгуиса говорило на конгрессе о революционной войне против войны, о гражданской войне против буржуазии. Конгресс тогда решил, что революционная социал-демократия должна всеми силами противиться шовинистическим стремлениям господствующих классов, что она должна, укрепляя интернациональную солидарность рабочих всех стран во время войны, отказываться голосовать за военные кредиты, бороться против существования постоянных армий в капиталистических государствах и т. п.

В 1907 г. на Штуттгартском конгрессе этот вопрос поставлен был вновь после целого ряда империалистических войн: японо-китайской 1894—1895 гг., американо-испанской в 1898 г., англо-бурской и европейско-японо-китайской в 1899—1901 гг. и, наконец, русско-японской войны 1904—1905 гг. Союз между монархической Россией и Францией превратился в тройственное согласие Англии, Франции и России. В противовес ему выступала другая коалиция европейских держав, и совершенно ясно было, что дело идет к новой империалистической войне.

На Штуттгартском конгрессе огромную роль сыграл Ленин. Ленин убедил Розу Люксембург и ряд других делегатов конгресса в необходимости внести свои предложения в виде поправки к резолюции конгресса, по вопросу о милитаризме. Ленин, Роза Люксембург и другие в противовес оппортунистическому большинству конгресса защищали необходимость массовых революционных действий, направленных к тому, чтобы ускорить крах всего капиталистического строя.

«Если война все же будет объявлена,— читаем мы в поправке Ленина, Розы Люксембург и других,— они (рабочие заинтересованных стран.— *Ред.*) обязаны стоять за быстрое окончание ее и всеми силами стремиться использовать вызванный войною экономический и политический кризис для того, чтобы пробу-

дить политическое сознание народных масс и ускорить крушение господства класса капиталистов»[1].

В 1910 г. вопрос о войне снова обсуждался на Копенгагенском международном конгрессе. Копенгагенский конгресс не внес существенных изменений в вопрос об отношении к войне. Но в этот период разыгралась Балканская война, угроза общеевропейской войны стала вполне реальной. И созванный в 1912 г. чрезвычайный конгресс II Интернационала в Базеле принял манифест, который предлагал «рабочим всех стран противопоставить капиталистическому империализму мощь международной солидарности пролетариата... Пусть правительства не забывают,— говорилось в манифесте,— что при нынешнем положении Европы и настроении рабочего класса они не могут выпустить фурию войны, не создавая этим опасности для самих себя. Пусть они припомнят, что за франко-немецкой войной последовала Коммуна, что русско-японская война привела в движение революционные силы народов Российской империи... Пролетариат считает **преступлением стрелять друг в друга** ради увеличения прибылей капиталистов, честолюбия династий или во славу тайных договоров дипломатии»[2].

Однако, эти решения были опрокинуты большинством вождей социал-демократических партий, как только война была объявлена. II Интернационал оказался организацией, в недрах которой вызрел самый махровый социал-шовинизм, проявившийся во-всю в действиях большинства вождей II Интернационала.

4 августа германские социал-демократы голосовали за военные кредиты. То же самое сделали социалисты и во Франции, причем Гэд и Самба вступили министрами в буржуазные правительства. Кичившийся своим антимилитаризмом «левый» крикун Густав Эрве переименовал свою газету «Классовая война» в «Победу» и стал служить французской буржуазии вместе с самыми правыми социалистами. Так же поступила социалистическая партия и в Бельгии во главе с Вандервельде, ставшим королевским министром. Так же поступила английская рабочая партия во главе со своим вождем — королевским министром Гендерсоном. Так же поступили и русские меньшевики и эсеры.

Лишь партия большевиков во главе с Лениным и Сталиным заняла с самого начала войны последовательно-интернационалистскую позицию. Лишь партия большевиков продолжала революционную борьбу, уверенная в том, что свержение царского правительства является важнейшей задачей, которую поставила история перед рабочим классом, уверенная в том, что поражение царской монархии будет иметь глубокие революционные последствия и явится прологом социалистической революции.

«Только партия большевиков осталась верной великому знамени революционного интернационализма, оставаясь твердо на марксистских позициях решительной борьбы против царского самодержавия, против помещиков и капиталистов, против империалистической войны. Большевистская партия с первых же дней войны придерживалась той установки, что война начата не для защиты отечества, а для захвата чужих земель, для ограбления чужих народов в интересах помещиков и капиталистов, что с этой войной рабочим нужно вести решительную войну»[3].

Международная буржуазия прекрасно знала, что во всем II Интернационале до конца последовательную позицию по отношению к войне занимала только большевистская партия, и особенно ненавистной для буржуазии не только русской, но и международной была фигура Ленина. Ленин воплощал в себе, концентрировал в себе революционную мысль передового пролетариата, искавшего выхода не только из войны, но искавшего путей уничтожения того общественного строя, который порождает войну, который является виновником тяжелого положения рабочего класса и виновником кровавых империалистических войн.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XII, стр. 458.
[2] В. И. Ленин, Соч. т. XVIII, стр. 410.
[3] История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), Краткий курс, стр. 157.

Как только началась война, австрийское правительство поспешило заключить Ленина в тюрьму в Новом Тарге. Только благодаря хлопотам австрийских социалистов Ленину удалось из нее выбраться.

Неудивительно, что царское правительство с самого начала войны стало заботиться о том, чтобы захватить Ленина. Заведующий заграничной агентурой департамента полиции в Париже статский советник Красильников дал неправильную информацию. Он сообщил департаменту полиции, что Ленин будто бы был заключен австрийскими властями в Краковскую тюрьму и что Ленин безуспешно пытается собрать необходимые для выкупа 3-4 тыс. франков. А жандармский полковник Джунковский просил командующего юго-западным фронтом генерала Алексеева захватить Ульянова в Кракове и препроводить его в распоряжение петроградского градоначальника.

Но намеченная жандармами жертва вырвалась из рук и австрийского правительства, и царского правительства. Ленин уже в августе переехал в Швейцарию, в Берн, где развернул огромную работу, тем более важную в тот момент, что интернациональные связи между многими организациями были совершенно прерваны. Второй Интернационал захирел, распался и, говоря словами Розы Люксембург, превратился в «смердящий труп».

Конечно, русская буржуазия так же, как впоследствии и международная, обрушилась против большевиков с особенной яростью, и так как клевета составляет одно из испытанных орудий борьбы против рабочего движения со стороны буржуазии, то господин Минский, бывший когда-то редактором большевистской газеты «Новая жизнь», а впоследствии социал-предателем, сообщал в «Утре России», что «некоторые главари большевизма, переселившиеся в Краков, зачислились в австрийские ряды, мотивируя свой немецкий патриотизм необходимостью сломить русский империализм». Так буржуазия начала подготовлять гнусную легенду о государственной измене Ленина, пущенную ею в ход в 1917 г. накануне июльских дней. Само собой разумеется, что эта клевета была подхвачена и другими газетами, в том числе и лево-либеральной газетой «День», в которой сотрудничали и эсеры, и меньшевики.

Узкое совещание в Берне приняло в сентябре тезисы Ленина о войне, которые затем приняты были и большевистской фракцией Государственной думы и всеми большевистскими партийными организациями в России. В этом первоначальном наброске «Задач революционной социал-демократии в европейской войне» дана характеристика европейской всемирной войны как буржуазной, империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабеж чужих стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран, стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственное реальное содержание и значение войны» [1].

Ленин констатировал измену социализму большинства вождей II Интернационала, отмечая, что эта измена «означает идейно политический крах этого Интернационала. Основной причиной этого краха является фактическое преобладание в нем мелко-буржуазного оппортунизма, на буржуазность коего и опасность давно указывали лучшие представители революционного пролетариата всех стран» [2].

Ленин формулировал тогда же пораженческую точку зрения. «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России и разжигающих национальную вражду для усиления гнета великоруссов над другими национальностями и для укрепления реакционного и варварского правительства царской монархии» [3].

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 44.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 46.

Ленин выдвинул и конкретные лозунги революционной деятельности. Это «во-1-х, всесторонняя, распространяющаяся и на войско и на театр военных действий, пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран. Безусловная необходимость организации для такой пропаганды на всех языках нелегальных ячеек и групп в войске всех наций. Беспощадная борьба с шовинизмом и «патриотизмом» мещан и буржуа всех без исключения стран. Против изменивших социализму вожаков современного Интернационала обязательно апеллировать к революционной сознательности рабочих масс, несущих на себе всю тяжесть войны и в большинстве случаев враждебных оппортунизму и шовинизму...» [1]

Департамент полиции очень внимательно следил за каждым шагом Ленина, за каждым шагом большевиков. Поэтому в жандармском обзоре деятельности Российской социал-демократической рабочей партии за время с начала войны России с Австро-Венгрией и Германией по июнь 1916 г. мы находим указание на то, что «с открытием военных действий в 1914 г. группа членов Ленинской партии, преодолевая громадные трудности восстановления организационных связей, прерванных войной, выработала в сентябре 1914 г. «тезисы» о войне, которые передала через швейцарских социал-демократов на обсуждение итало-швейцарской конференции в Лугано, происходившей 27 сентября 1914 г. К половине октября 1914 г. Ленинская партия восстановила связи и сформулировала, в согласии и развитие «тезисов», точку зрения Центрального Комитета партии на войну, причем «тезисы», в окончательной редакции опубликовала, в № 33 «Социал-Демократа», выпущенном в свет в Женеве 1 ноября 1914 г., в виде особого манифеста — передовой статьи» [2].

Манифест этот был положен в основу деятельности большевиков в их борьбе против войны. В манифесте дана подробная характеристика войны, указано на предательскую роль вождей II Интернационала и повторены в развернутом виде изложенные уже выше взгляды Ленина, сформулированные в резолюции группы социал-демократов «О задачах революционной социал-демократии в европейской войне».

Говоря о распаде II Интернационала, Центральный Комитет партии большевиков выражал уверенность в том, что «Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал. Нынешнее торжество оппортунизма недолговечно. Чем больше будет жертв войны, тем яснее будет для рабочих масс измена рабочему делу со стороны оппортунистов и необходимость обратить оружие против правительств и буржуазии каждой страны» [3].

Ленин видел в этой революционной деятельности большевиков, направленной против войны, направленной к свержению царизма, возможность «сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму» [4].

Манифест заканчивается лозунгами: «Да здравствует международное братство рабочих против шовинизма и патриотизма буржуазии всех стран!

Да здравствует пролетарский Интернационал, освобожденный от оппортунизма!» [5].

Ленин уже тогда дал бой тем ненадежным и опасным попутчикам, которые стремились подменить последовательно марксистскую, ленинскую точку зрения оппортунистическими, соглашательскими взглядами Пятакова, Бухарина, Радека. Особенно большую опасность Ленин видел в центристской позиции Троцко-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 46.

[2] См. ниже, стр. 49.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 66.

[4] Там же.

[5] Там же.

то, который явно стремился занять ни к чему не обязывающую позицию, чрезвычайно удобную и выгодную для буржуазии. Эта позиция сводилась к стиранию всех острых углов в пролетарской политике, к подмене ее мелкобуржуазной, половинчатой, соглашательской критикой.

Ленин боролся против пацифистских лозунгов разоружения во время войны. Он указывал на то, что в социалистическом обществе, в котором не будет войн, можно осуществить разоружение, но нельзя быть социалистом и ждать осуществления социализма помимо социальной революции и без диктатуры пролетариата. А раз рабочему классу необходима диктатура пролетариата, то следовательно необходимо и войско, которое могло бы вооруженной рукой подавлять попытки эксплоататорских классов восстановить капитализм и дать отпор интервентам. Поэтому в условиях борьбы за социализм против капитализма Ленин считал отказ от вооружения рабочих отказом от революции. Против пораженческих лозунгов большевиков боролись и Каменев в России, и Троцкий, и Бухарин, и Пятаков заграницей.

Почему большевики считали наименьшим злом для народа в империалистической войне поражение царского правительства?

«Большевики считали, что наименьшим злом для народа в империалистической войне было бы военное поражение царского правительства, ибо оно облегчило бы победу народа над царизмом и успешную борьбу рабочего класса за освобождение от капиталистического рабства и империалистических войн. При этом Ленин считал, что политику поражения своего империалистического правительства должны проводить не только русские революционеры, но и революционные партии рабочего класса всех воюющих стран»[1].

Ленин явился во время войны «собирателем сил» нового, Коммунистического Интернационала. Все мероприятия по восстановлению разорванных войною международных связей, все мероприятия по созданию Коммунистического Интернационала были проведены по инициативе Ленина. «Ленин критиковал ошибки непоследовательных интернационалистов из левых социал-демократов, таких, как Роза Люксембург, Карл Либкнехт, но в то же время помогал им занять правильную позицию»[2]. Первой такой попыткой был созыв Циммервальдской конференции. Ленин видел, что совещания, которые созывались социал-шовинистами в тот период, были направлены к тому, чтобы оправдать измену вождей II Интернационала. Когда в феврале 1915 г. в Лондоне была созвана конференция социалистов союзных стран, то посланному на это совещание для заявления протеста тов. Литвинову не дали даже огласить декларацию.

Женская конференция, созванная в Берне в апреле 1915 г., была первой слабой попыткой создать международное объединение, но решения этой конференции носили чисто пацифистский характер. Не лучшие результаты дала и состоявшаяся в апреле же в Берне международная юношеская конференция. Предложения большевиков здесь не были приняты так же, как не были приняты предложения большевиков на женской конференции.

Большинство на Циммервальдской конференции, как известно, принадлежало каутскианцам и полукаутскианцам. Большинство Циммервальдской конференции не приняло предложения большевиков о необходимости создания III Интернационала и о необходимости решительной борьбы против оппортунистов. 19-тью голосами против 12-ти предложения большевиков были отвергнуты. Тем не менее манифест Циммервальдской конференции был маленьким шагом вперед.

Ленин спрашивал, подводя итоги конференции: «Следовало ли нашему Центральному Комитету подписывать страдающий непоследовательностью и робостью манифест?» И отвечал: «Мы думаем, что да. О нашем несогласии,— о несогласии не только Центрального Комитета, но всей левой, международной, революционно-марксистской части Конференции,— сказа-

[1] История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), Краткий курс, стр. 161.

[2] Там же, стр. 160.

но открыто и в особой резолюции, и в особом проекте манифеста, и в особом заявлении по поводу голосования за компромиссный манифест... Что этот манифест делает шаг вперед к действительной борьбе с оппортунизмом, к разрыву и расколу с ним, это факт. Было бы сектантством отказываться сделать этот шаг вперед вместе с меньшинством немцев, французов, шведов, норвежцев, швейцарцев, когда мы сохраняем полную свободу и полную возможность критиковать непоследовательность и добиваться большего; было бы плохой военной тактикой отказаться идти вместе с растущим международным движением протеста против социал-шовинизма из-за того, что это движение медленно, что оно делает «только» один шаг вперед, что оно готово и хочет завтра сделать шаг назад, пойти на мир со старым Международным Социалистическим Бюро. Готовность мириться с оппортунистами есть пока только пожелание, не более. Согласятся ли оппортунисты на мир? Возможен ли, объективно, мир между расходящимися все глубже и глубже течениями социал-шовинизма, каутскизма и революционного интернационалистского марксизма? Мы думаем, что нет, и мы поведем и дальше свою линию, ободренные успехом ее на конференции 5—8/IX» [1].

В конце апреля 1916 г. состоялась вторая Циммервальдская конференция в Кинтале. За это время значительно подвинулось вперед выяснение позиций различных социал-демократических групп и более прочно определилась группа левых социал-демократов, примыкавших к большевикам, к Ленину. Во всех почти странах левые элементы социал-демократии завоевали влияние: в Германии образовался союз «Спартака», устроивший 1 мая 1916 г. демонстрацию в Берлине, на которую откликнулось около 10 тыс. чел. и во главе которой шел Карл Либкнехт, арестованный на этой демонстрации. В ряде стран социал-демократические партии раскололись (в Англии, в Швеции).

На конференции присутствовало свыше 40 делегатов от различных стран. Циммервальдская левая выросла примерно в два раза и при некоторых голосованиях собрала около половины состава конференции.

Однако, Кинтальская конференция хотя и приняла тезисы против каутскианцев и социал-шовинистов, она все еще далеко не представляла собою объединения последовательных интернационалистов. Она несомненно была шагом вперед по сравнению с первой Циммервальдской конференцией, однако не могло быть и речи о том, чтобы большинство этой конференции пошло на разрыв с оппортунистами II Интернационала.

Заграничная агентура департамента полиции настолько внимательно следила за деятельностью Ленина, что сообщала даже темы рефератов, которые он читал.

Насколько трудны были материальные условия деятельности Центрального Комитета заграницей в тот период, видно из сообщения царского сыщика статского советника Красильникова от 22 марта 1916 г. Красильников сообщает, что Ленин прочел 17 февраля в Цюрихе в помещении социал-демократического клуба реферат на тему «Война и два интернационала». Присутствовало около 300 человек на этом реферате. Собрано было 35 франков на выпуск следующего номера «Социал-демократа».

Значит, и 35 франков в тот период до зарезу были нужны; и настолько трудно было их достать у влачившей полунищенское существование политической эмиграции заграницей, что 300 чел., присутствовавших на реферате, могли дать лишь 35 франков. Однако, если принять во внимание, что это происходило во время войны в Швейцарии, то следует отметить, что посещаемость этих рефератов была несомненно очень значительной. 200—300 человек участников рефератов для Женевы это уже большое собрание, а в особенности во время войны. Мы знаем, что эти собрания проходили очень бурно. Это был настоящий бой Ленина, бой большевиков против оппортунистов, плехановцев, троцкистов, анархистов и т. п.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 300—301.

С нескрываемой злобой составитель обзора для департамента полиции по истории революционного движения пишет в апреле 1916 г., что «сторонники Ленина желают поражения России, образовав течение в среде Российской социал-демократической рабочей партии под названием «пораженцев». В то же самое время статский советник Красильников очень сочувственно излагает содержание доклада Плеханова, стоявшего тогда на социал-оборонческих, социал-шовинистических позициях. Департамент полиции указывал на то, что в Петрограде преобладающее влияние на взгляды о войне и на отношение к войне социал-демократов оказывает ленинское течение.

Это влияние ленинских идей на рабочий класс не ослабевает во время войны, несмотря на все усилия со стороны царского правительства и международной буржуазии, несмотря на то, что деятельность Ленина была поневоле ограничена благодаря особой слежке и особо тяжелым условиям жизни и деятельности в эмиграции. Это влияние ленинских идей на рабочий класс России и на рабочий класс других стран и огромная организационная работа, выполненная Лениным во время войны, объясняют тот факт, что образование Коммунистического Интернационала после Октябрьской революции двинулось так быстро. Почва была в значительной степени подготовлена Лениным еще до войны и, особенно, во время войны.

Как известно, товарищ Сталин с самого начала войны находился в далекой Туруханской ссылке. Его отделяли от Ленина громадные пространства, он был оторван этими пространствами от рабочих центров. Но товарищ Сталин так же как и Ленин, имел верный компас, который ориентировал его в самой сложной обстановке, создавшейся с началом войны,— учение марксизма-ленинизма.

На совещании ссыльных большевиков, которое было устроено товарищем Сталиным и на котором присутствовали товарищи Свердлов и Спандарьян, то-есть фактически почти что все русское бюро Центрального Комитета, было принято решение об отношении к войне, идейно и практически созвучное с решениями, созревшими у Ленина.

Так Ленин и Сталин в труднейшей обстановке, созданной войною, помогали преданным интернациональному делу пролетарским элементам сохранить в чистоте революционное знамя марксизма-ленинизма, определить правильно свое отношение к войне, использовать социальные противоречия, обостренные войною, для нанесения смертельного удара империализму.

В 1915—1916 годах, во время войны, Ленин обосновал закон о неравномерности и скачкообразности развития капитализма и сделал из этого закона вывод о возможности победы социалистической революции в одной стране и невозможности ее победы одновременно во всех странах.

Это важнейшее открытие Ленина имело громадное значение на всю дальнейшую судьбу международного рабочего движения. Исходя из этих выводов, партия большевиков в 1917 году, немедленно после победы над царизмом, стала организовывать силы революции для перехода ее ко второму этапу — завоеванию диктатуры пролетариата.

Деятельность Ленина во время войны — это деятельность гиганта, которого империалисты пытались приковать к маленькой Швейцарии. Несмотря на все ухищрения буржуазии Ленин и там, в маленькой Швейцарии, делал великое дело создания нового, Коммунистического Интернационала. Он беспощадно разил своих врагов направо и налево. Он бил центристов, разоблачая их двуличие, двурушничество.

Он собирал заботливо силы для нового, Коммунистического Интернационала. Он собирал их и тогда, когда победила Октябрьская Революция и когда Коммунистический Интернационал обрел свою прочную базу, когда в стране Советов создался неугасимый очаг мировой пролетарской революции, мирового коммунизма.

И Ленин же показал революционный выход из мировой империалистической войны. Февральская революция была первым шагом на пути превращения империалистической войны в войну гражданскую. Февральская и Октябрьская ре-

волюции 1917 года были переходом от войны империалистической к войне гражданской, к войне за социализм.

Со времени начала империалистической войны 1914—1918 гг. прошло уже более 25 лет, и через 25 лет более 500 миллионов населения разных стран втянуто уже в новую империалистическую войну.

Если империалистическая война 1914—1918 гг., когда Коммунистический Интернационал был только в зародыше, закончилась победой социалистической революции на одной шестой части мира, то вряд ли можно сомневаться в том, что новая империалистическая война не оставит возможность эксплоататорам господствовать на $^5/_6$ земного шара. Она может кончиться крахом не одного, а целого ряда империалистических государств. Для этого условия созрели в 1939 году, конечно, в гораздо большей мере, чем в 1914—1918 годах. Империализм привел к еще большему обнищанию масс, к фашизации целого ряда государств, к неслыханным страданиям миллионных масс во всех капиталистических странах.

Но 25 лет протекшие со времени империалистической войны имели и другие последствия. За это время выросла новая система государств — Союз советских социалистических республик, в котором бесповоротно победил социализм, в котором строится радостная, счастливая жизнь народов, объединенных глубокой, братской дружбой.

За эти четверть века во всех странах мира выросли коммунистические партии. Какими бы преследованиями ни обрушивались империалисты против коммунистов, коммунизм перестал уже быть тем, чем был когда-то,— он перестал быть призраком, он воплощен в жизнь, в фактах, в делах, в строительстве новой жизни. Коммунизм стал учением миллионных масс.

Во всем мире идет собирание сил под знаменем Коммунистического Интернационала, созданного Лениным и Сталиным. И в ближайшем будущем эти силы будут решать судьбу капитализма.

Ем. Ярославский.

Донесение заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 5 августа 1914 г., № 1310[1].

Вследствие предписания от 29 минувшего июня за № 173554[2], имею честь доложить вашему превосходительству, что по проверке агентурою сведений, изложенных в записке начальника Финляндского жандармского управления от 7 июня с. г. за № 1873, препровожденной при вышеупомянутом предписании, оказалось, что предполагаемый в Вене 23 августа сего года Интернациональный социалистический конгресс, ввиду войны между Австрией и Сербией, предположено созвать в Париже[3].

Присутствие на этом конгрессе делегатов финляндской социал-демократии весьма правдоподобно, так как там будут иметь своих представителей социалистические партии.

Вопрос о борьбе с милитаризмом будет включен в порядок дня.

По инициативе Интернационального социалистического бюро в Брюсселе состоялось предварительное совещание с 16 по 18 сего июля[4],

---

[1] ДП, о. о., 1914 г., д. № 28, т. 2, л. 83. Документы хранятся в Центральном Архиве революции, подготовлены к печати сотрудником архива т. Сыромятниковой. Почти все документы публикуются в извлечениях; опущены те факты, которые не имеют тесной связи с В. И. Лениным и те сообщения, которые касаются других лиц. Все пропуски отмечены в тексте многоточием. Пропуски, относящиеся к В. И. Ленину, оговорены особо в примечаниях.

[2] Указанное предписание в этом же деле, л. 49.

[3] Интернациональный социалистический конгресс не состоялся.

[4] Международное социалистическое бюро — исполнительный орган II Интернационала. Председателем МСБ был один из вождей II Интернационала, один из виднейших социал-оппортунистов — Вандервельде. Секретарем МСБ с 1906 г. был Гюисманс — в годы войны социал-патриот, противник Циммервальдского объединения.

о котором подробно доложено в докладах от 11/24 и 18/31 июля с. г. за №№ 1271 и 1309... Интернациональное социалистическое бюро имеет свое постоянное пребывание в Брюсселе. В состав его входит секретарь, выбираемый на конгрессе, который созывается каждые четыре года. Кроме секретаря, в состав Бюро входят представители всех социалистических партий всей Европы, в том числе и России. От последней представителями являются Ленин, Плеханов и Рубанович[1].

Вследствие этого Интернациональное бюро распространяет свою деятельность и на русские социалистические партии.

За заведующего заграничной агентурой Иозефович.

Из донесения заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 29 августа 1914 г., № 1367[2]

Имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, созыв Интернационального социалистического конгресса в Вене предположено было Лениным использовать в целях созыва своего, большевистского, съезда. Ввиду этого, делегаты, предназначенные от большевиков на конгресс, должны были ранее срока съехаться в Краков.

Когда Австрией была объявлена России война, то всех делегатов с женами и детьми австрийские власти арестовали и заключили в Краковскую тюрьму[3]. На ходатайство об освобождении заключенным был дан ответ, что они могут быть освобождены, но при условии внесения за каждое содержащееся в тюрьме лицо по 3 кроны в день за все время содержания их под стражей и проездную стоимость за перевозку их в Швейцарию.

На удовлетворение указанных требований необходимо не менее 3—4 тысяч франков, о чем Ленину удалось каким-то образом довести до сведения партийных лиц, живущих в Париже, но попытки добыть

Брюссельское Объединительное совещание было созвано II Интернационалом (его Международным социалистическим бюро) в составе представителей большевиков и 10 различных фракций и групп, фактически составлявших блок против большевиков. На совещании присутствовали также Вандервальде, Гюисманс, Каутский и др. представители II Интернационала. Совещание должно было иметь характер обмена мнений по вопросу о возможности восстановления единства РСДРП. По существу же II Интенационал пытался использовать совещание, чтобы подчинить большевиков соглашательской политике ликвидаторов.

«Под видом «примирения» большевиков с ликвидаторами, под видом установления «мира в партии» II Интернационал потребовал от большевиков прекращения критики соглашательской политики ликвидаторов. Но большевики были непримиримы: они отказались подчиниться решениям оппортунистического II Интернационала и не пошли ни на какие уступки» («Краткий курс истории ВКП(б), стр. 151—152).

Ленин, находясь в то время в Галиции, руководил делегацией большевиков. Он написал для совещания от имени ЦК РСДРП доклад, в котором разоблачал ликвидаторов и категорически подчеркивал, что «единство возможно лишь, если ликвидаторы готовы решительно порвать со всей своей тактикой и перестать быть ликвидаторами» (Ленин, Соч., т. XVII, стр. 557).

Никакого практического значения совещание не имело, тем более что вскоре вспыхнула империалистическая война и последовал крах самого II Интернационала

[1] Рубанович представлял в Международном социалистическом бюро партию социалистов-революционеров.

[2] ДП, о. о., 1914 г., д. № 28, т. 2, л. 101.

[3] Заграничная агентура не совсем правильно информировала департамент полиции об аресте В. И. Ленина. Ленин в связи с войной действительно был арестован, но содержался в м. Новом Тарге с 7 по 19 августа нов. ст. 1914 г.; был освобожден при содействии лидера австрийской социал-демократии В. Адлера (см. II Ленинский сборник, стр. 173—184).

Но царское правительство, не зная этого и рассчитывая в скором времени на занятие Кракова русскими войсками, решило использовать этот удобный случай и захватить Ленина в Краковской тюрьме.

требуемую сумму в данное время, когда деньги так трудно добываются, не увенчались успехом.

Статский советник Красильников.

Из отношения товарища министра внутренних дел Джунковского командующему юго-западным фронтом М. В. Алексееву, 19 сентября 1914 г., № 176065[1].

В министерстве внутренних дел получены сведения о том, что в настоящее время в Краковской тюрьме могут содержаться под стражей дворянин Владимир Ильич Ульянов [и др.]. Поименованные лица, из коих первое, известное более под фамилией Ленина, являются виднейшими представителями Российской социал-демократической рабочей партии, имеющими за собой долголетнее революционное прошлое и разыскиваемыми циркулярами департамента полиции, причем Ульянов состоит членом Центрального комитета партии и создателем отдельного течения партии...

Сообщая об изложенном и принимая во внимание, что упомянутые лица, будучи освобождены из-под стражи и находясь на театре военных действий, могут оказать весьма вредное влияние на соприкасающихся с ними лиц, в смысле пропаганды революционных идей, имею честь просить ваше превосходительство не отказать в распоряжении об аресте означенных лиц и препровождении их в распоряжение Петроградского градоначальника.

При сем имею честь препроводить вашему превосходительству фотографические карточки Ульянова...

Подполковник В. Джунковский.

Из письма из Петербурга в редакцию газеты «Столичная Молва» в Москву, 19 октября 1914 г.[2]

Здравствуйте, товарищи! Я передам, что писал «День»[3] в № 244 за 9 сентября, в обзоре «Печать», под заголовком «Не верим». Начинается так: г. Минский сообщает в Париже в «Утро России», что... «Любопытно отметить, что некоторые главари большевизма, переселившиеся в Краков, зачислились в австрийские ряды, мотивируя свой немецкий патриотизм необходимостью сломить русский империализм».

Так Минский намекает на Ленина и при этом клевещет, совершенно не понимая задач и борьбы с.-д. с войной. Нужно было указать к этому еще то, что Ленин в подозрении шпионства русскому правительству был арестован и сидел две недели в военной тюрьме и что австрийской социал-демократии стоило много трудов освободить его. Только непонимание задач социал-демократии и злобное личное отношение заставило г-на Минского спуститься до низости лжи и клеветы.

---

[1] ДП, о. о., 1914 г., д. № 28, т. 2, л. 103.

[2] ДП, о. о., 1914 г., д. № 4, прод. 2, ч. 46, лит. Б., 241. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма с неразобранной подписью, начинающейся с буквы «Ш» (возможно Шагов, член соц.-дем. фракции большевиков в Госуд. думе); на письме и конверте бланк «Таврический дворец» (помещение Гос. думы).

[3] «День» — ежедневная газета, орган левого крыла либеральной буржуазии; начала издаваться с 1912 г. в Петербурге. В 1914 г. в газете сотрудничали, наряду с радикальными буржуазными публицистами, социалисты-революционеры и меньшевики-ликвидаторы. Редактировал газету в 1917 г. И. Кугель. Во время империалистической войны газета занимала оборонческую позицию.

Не такой Ленин, чтобы с этим господином разводить третейские суды, как это под патриотической сурдинкой опять таки заведомо врет газета «День». Это последнее было сегодня напечатано в «Дне»...

Из обзора деятельности Российской социал-демократической рабочей партии за время с начала войны России с Австро-Венгрией и Германией по июль 1916 г.[1]

...С открытием военных действий в 1914 г. группа членов Ленинской партии, преодолевая громадные трудности восстановления организационных связей, прерванных войной, выработала в сентябре 1914 г. «тезисы» о войне, которые передала через швейцарских социал-демократов на обсуждение итало-швейцарской конференции в Лугано, происходившей 27 сентября 1914 г. К половине октября 1914 г. Ленинская партия восстановила связи и сформулировала, в согласии и развитие «тезисов», точку зрения Центрального комитета партии на войну, причем эти «тезисы» в окончательной редакции опубликовала в № 33 «Социал-демократа», выпущенном в свет в Женеве 1 ноября 1914 г. в виде особого манифеста — передовой статьи[2]...

Обращаясь засим к описанию социал-демократических конференций, состоявшихся за первый период войны, надлежит начать этот отдел с указания на конференцию швейцарских и итальянских социалистов, происходившую 27 сентября 1914 г. в Лугано и имевшую отношение к Российской социал-демократии, во-первых потому, что она была созвана.... по инициативе видных русских социалистов и во-вторых, потому, что на этой конференции обсуждались, как указано выше, «тезисы» Ленина, послужившие материалом для декларации этой конференции. В этой декларации указывается, что «современная катастрофа» (война) является последствием империалистической политики великих держав, которая в абсолютных монархиях связана с «династическими интересами», и содержится решение созвать в недалеком будущем конгресс из представителей социалистов нейтральных государств для выработки мер борьбы с войной и объединения Интернационала.[3]

[1] ДП, о. о., «Обзоры», инвентарный № [illegible].

[2] «Тезисы» опубликованы в XIV Ленинском сборнике, [illegible] т. XVIII, стр. 44. Манифест под заголовком: «Вой[illegible] опубликован в сочинениях Ленина, т. XVIII, стр. 61—6[illegible]

[3] В [illegible]кладе на имя директора департамента полиции [illegible] 1914 г., № [illegible] зав. [illegible]граничной агентурой в Париже Красильников сооб[illegible] ствовал на этой конференции и «в начале заседания внес пр[illegible] порядок дня вопрос о массовом революционном выступлен[illegible] пролетариата против уже возникшей войны».

Красильников отмечает также, что «вопрос этот (т. е. вопрос о выступлении.— *Ред.*) был отклонен под тем предлогом, что конференция не считает себя компетентной подвергать обсуждению такой важный вопрос» (ДП, о. о., 1914 г., л. № 28, [illegible] 179—180). Сообщение Красильникова об участии Ленина на конференции [illegible] он участвовал лишь в подготовке конференции. Не точна и вторая часть сообщения — об отклонении вопроса о выступлении пролетариата против войны. Конференция обсудила тезисы Ленина о войне, но, хар[illegible]ну, как империалистическую, ограничилась лишь требованием организации международной борьбы за мир. Эти ее решения, еще далекие от последовательно интерн[illegible]истических и революционно-выдержанных позиций, все же [illegible] [illegible]пытки восстановления разрушенных войной интер[illegible] [illegible]летариата (см. В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 423).

[illegible] Луганской конференции об отношении к войне приводилась [illegible]страняемой в то время в России листовке под заголовком: «Война и Интернационал», а также распространялась отдельно отпечатанная на гектографе. См. «Памят[illegible] агитационной литературы», т. VI, вып. I, стр. 15—16.

Из доклада заведующего заграничной агентурой директору департамента полиции, 16 ноября 1914 г., № 1516[1].

Имею честь доложить вашему превосходительству, что по сведениям, полученным от агентуры, в Лозанне 11 августа[2] с. г., Плеханов выступал в закрытом собрании социал-демократов с докладом, озаглавленным «Война и социал-демократия»[3].

Доклад свой Плеханов разделил на две части: в первой части он рассмотрел положение двух крупнейших социалистических партий — германской и французской, вторую же он посвятил Российской социал-демократической партии и общему взгляду на войну и ее последствия.

Говоря о взаимоотношениях европейской социал-демократии, Плеханов пришел к грустному для него выводу, что основ социалистической борьбы и работы о единстве целей, интересов и пожеланий ныне в международном социализме нет.

Германская социал-демократия, вотировав бюджет для наступательной войны, а в течение таковой поддерживая правительство, тем самым вышла из рядов международного социализма.

Конечно есть надежда, что в мирное время откроются многие новые факты и потому пока еще нет оснований считать германскую социал-демократию виновной, но ее оппортунистическая подкладка сказалась ясно.

Кроме того, Плеханов обвинял германскую социал-демократию в предательстве...

Оправдав французских товарищей, защищающих идеалы республики и права, Плеханов после перерыва перешел к русским.

Последние, по его мнению, не нуждаются в оправдании. Они поступили как истинные социалисты, не голосуя за бюджет, потому что политика царского правительства ослабила оборону страны. При республиканском правительстве страна проявила бы не только склонность к упорному сопротивлению, но своими победами помогла бы республиканской Франции, чего теперь, конечно, нельзя ожидать, по мнению Плеханова...

Плеханову возражал Ленин.

Прежде всего он заявил, что оправдание какой бы то ни было социалистической партии интересами защиты, отстаивания своей независимости, нелегко, ибо у пролетария отечества нет. Что же касается этой войны, в частности, то она является результатом политики Извольского, который потирая руки заявил: «C'est ma guerre» («это моя война»).

Царское правительство и французская буржуазия давно готовили эту войну для упрочения своей власти, и только дуракам может казаться, будто эта война необходима для их свободного развития.

Пролетариат должен помнить и его вожди должны ему напоминать, что единственным ответом на позорную политику правительств царского и буржуазного должна быть организация коммуны и социальной революции в России и Франции: «Да здравствует российская социальная революция» — закончил оратор.

Статский советник Красильников.

---

[1] ДП, о. о., 1914, д. № 343, отд. 3, лл. 205—207.

[2] В подлиннике явная ошибка: надо «октября».

[3] Речь идет о реферате Плеханова, состоявшемся 11 октября 1914 г. Запись речи В. И. Ленина на этом реферате («Об отношении социалистов к войне») по отчету в газ. «Голос» имеется в соч. Ленина, т. XVIII, стр. 47; заметки В. И. Ленина на нем см. в XIV Ленинском сборнике, стр. 124—131.

Выступление В. И. Ленина против Плеханова в Лондоне

Рис. худ. А. [illegible]

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 26 декабря 1914 г., № 1698 [1].

В дополнение к донесению от 18/31 октября с. г. за № 1465, имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, за последнее время в «Российском клубе» в Монтре состоялись следующие доклады:...

...Ленина (в отэле Сплэндид) — смысл войны — драка воров т. е. правительств; народ не причем, так как у пролетария, согласно коммунистическому манифесту, отечества нет. Немедленный мир и свержение пролетариями своих правительств [2]...

Статский советник Красильников.

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 16 ноября 1914 г., № 1511 [3].

Имею честь доложить вашему превосходительству, что в первых числах ноября с. г. Ленин прочел в Цюрихе доклад на тему: «Война и социал-демократия» [4].

Воззрение Ленина на настоящую войну сводится к следующему: Ленин говорит, что настоящая война — грабежный поход буржуазии отдельных государств. По его мнению капитализм настолько уже назрел, что должна уже немедленно начаться социальная революция и гражданская война. Войска отдельных наций должны оружие обращать немедленно против собственной буржуазии и прекратить международную войну, при чем он добавил: — «и с нашей стороны уже во всех странах предпринимаются шаги, чтобы немедленно осуществить эту цель». Кто предприниматели этих шагов и что именно «предпринято» Ленин не сказал. Далее он говорил, что русские рабочие и социалисты ни в коем случае не смеют поддерживать русское правительство, ибо, по его мнению, победа России приведет к новому угнетению ее народностей. Ленин полагает, что народ, который угнетает другие народы, не может быть сам свободным народом. И русское правительство после объявления войны ничуть не изменило курс своей внутренней политики. Он сильно осуждает также германских социалистов. На докладе Ленина присутствовало много русской публики.

Статский советник Красильников.

Из агентурной записки Московского охранного отделения, 16 октября 1914 г., № 280 [5].

...По сведениям, идущим от Белоусова [6], в настоящее время в Амстердаме известным Вандервельде устраивается конференция социалистических организаций тех государств, которые вовлечены в войну [7].

[1] ДП, о. о., 1914 г., д. № [illegible]43. отд. 3, л. 336.

[2] Реферат В. И. Ленина на тему о войне состоялся 13/26 октября [illegible] г. в Кларане, вблизи Монтре («Даты ж[illegible] и деятельности Лен[illegible] [illegible], стр. 169).

[3] ДП. о. о., 1914 г., д. № [illegible].

[4] Реферат В. И. [illegible] ту: «Война и социал-демократия» состоялся в Цюрихе в первые дн[illegible] 1914 г. Запись прений по реферату и общие заметки по выступлени[illegible], сделанные Лениным, опубликованы в XIV Ленинском [illegible]рнике, стр. 135—145.

В «Датах жизни и деятельности Ленина» изд. 1933 г. имеется указание только на реферат Ленина в Цюрихе 14/27 октября на тему: «Европейская война и социализм» [illegible].

[5] ДП о. о., 1914 г., д. № 5, ч. 46, лит. В., л. 214 [illegible].

[6] Повидимому, речь идет о Белоусове, корреспонденте «Русских ведомостей» в Па[illegible].

[7] [illegible]ты, состоявшейся 14/1 февра[illegible] 1915 г. в Лондоне, на которой В. И. [illegible]утствовал, но на которой, по [illegible]ению М. М. Литвинов выст[illegible]о-интернационалистской декларацией, опубликованной в сочинениях Ле[illegible]на, т. XVIII, стр. 122—123. См. документ о конференции ниже, стр. 2[illegible]

В Амстердаме в настоящее время находится Международное социалистическое бюро.

По тем же сведениям, вождь шведской социал-демократии Брантинг устраивает там же, отдельно от указанной выше конференции, конференцию социалистических организаций тех государств, которые занимают нейтральное положение в войне (напр. Италия, Испания Голландия, Швеция и пр.)[1].

На первой из этих конференций несомненно участие известного Ленина, который от плена освобожден и проживает в Швейцарии вероятно участие в ней и видных с.-д. меньшевиков.

Задача конференций выяснить отношение социал-демократии к войне, показать, что провала социализма нет и марксистски обосновать свое участие в войне, выработав ряд положений и резолюций и подвести, таким образом, теоретический фундамент под практически разрешенный вопрос фактического участия в войне социал-демократов разных государств...

Начальник отделения подполковник Мартынов.

Доклад заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции, 18 января 1915 г., № 34[2]

В дополнение к донесению от 17/30 ноября минувшего года за № 1581[3], имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, интернациональная социалистическая конференция нейтральных стран состоится в Копенгагене 18 сего января по новому стилю.

На означенной конференции должны быть представлены: Швеция, Норвегия, Дания, Голландия, Швейцария, Италия и Америка, а также ожидают, что и от воюющих государств будут по два делегата с совещательными голосами, для докладов о положении дел в их странах, по отношению к войне и т. п.

Из русских на этой конференции должны будут принять участие Ленин... Ленин представит доклад от Центрального комитета.

Статский советник Красильников.

Из донесения заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 13 февраля 1915 г., № 259[4]

В дополнение к телеграмме от 4/17 сего февраля за № 24, имею честь доложить вашему превосходительству, что, по поступившим агентурным сведениям, конференция социалистов союзных стран «тройственного согласия» состоялась в Лондоне 14 сего февраля по нов. ст. в помещении «Hotel Westminster» и заключалась в однодневном заседании, длившемся с 10 ч. утра до 6 ч. вечера, с двумя перерывами.

В конференции принимало участие до 50-ти делегатов... От социал-демократов большевиков — Литвинов, которому был передан мандат от Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии, в частности от отсутствовавшего Ленина...

Приготовляясь к конференции лондонские русские социалисты-революционеры, а также и социал-демократы меньшевики и большевики выразили свое отношение к конференции отрицательными резо-

[1] Речь идет о социалистической конференции нейтральных стр[illegible] 17—18 (4—5) января 1915 г. в Копенгагене.

[2] ДП, о. о., 1914 г., д. № 28, т. 2, л. 199.

[3] В этом донесении указывалось, что созыв конференции намечался 6 декабря н. ст. (То же дело, л. 169).

[4] ДП, 1915 г., д. № 28, т. 2, лл. 167—171.

люциями, причем меньшевики отрицали право этих лиц на конференции исключительно союзных стран и порицали созывателей[1].

Социал-демократы большевики и латыши вынесли весьма резкую резолюцию, в [illegible] «ура-социалистами» и [illegible], что и было ими прочтено на конференции.

Свои резолюции большевики и латыши намерены опубликовать в виде резкого протеста в европейской и американской прессе...

При открытии [illegible] Кейр Гарди [illegible] яснил присутствовавшим цель созыва конференции и предоставил слово желающим.

Выступавшие с речами делегаты Англии, Франции и Бельгии единодушно высказались за войну, оправдывая свои взгляды оборонительным для них характером войны.

Что же касается выступавших русских, то во всех их речах наблюдалась лишь одна общая тенденция — встретиться лицом к лицу с социалистами союзных стран и в особенности с французскими министрами-социалистами — Самба и Гедом, раскритиковать их поведение и напомнить им их измену Интернационалу и тем самым всем основным принципам социализма. Кроме того все русские представители заявили, что они не признают за этой конференцией решительного характера и не придают ей этого значения и что, по их мнению, эта конференция является лишь первым шагом к восстановлению разгромленного Интернационала и подготовкой к собранию разъединенных и разбросанных сил...

Литвинов, с целью протеста против «социал-патриотической» конференции выступил с речью, обвиняя председателя и других организаторов в буржуазности, в передергивании, почти в подлости, в заключение чего с большим скандалом был лишен слова и покинул трибуну. Письменную же декларацию его партии приобщили к протоколам заседания.

Статский советник Красильников.

Из доклада заграничной агентуры в Париже директору департамента полиции, 11 марта 1915 г., № 322[2].

Имею честь доложить вашему превосходительству, что, по поступившим агентурным сведениям, 23 февраля с. г. по нов. ст. в Берне, в Народном доме, состоялся многолюдный митинг союза «профессиональных союзов г. Берка и его окрестностей» и бернской социал-

[1] На Лондонской конференции, созванно[illegible]зависимой рабочей партией (по инициативе Вандервельде), участвовали лишь представители социалистических партий стран Антанты. Задумана она была с целью демонстрации единодушной поддержки войны этими социалистическими партиями. Поэтому французы категорически воспротивились приглашению представителей Германии и Австрии, угрожая отказом от участия в конференц[illegible].

Представитель ЦК РСДРП М. М. [illegible] ([illegible]ч) официального приг[illegible]ния на конференцию не полу[illegible]. [illegible] на конференции, по поручению Лени[illegible], с декларацией [illegible] ЦК [illegible]шенный слова, он [illegible] протеста покинул зал заседания. (Декларацию ЦК см. В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 122—123). «Литвинов потребовал выхода социалистов (Вандервельде, Самба, Гэд) из буржуазых правительств Бельгии и Франции и полного разрыва с империалистами, отказа от сотрудничества с ними. Он требовал от всех социалистов решительной борьбы про[illegible]их империалистических правительств и осуждения голосования за военные [illegible]ва на этой конфере[illegible]о». («История Всесоюзной ком[illegible]ской партии (большевиков)», [illegible] стр. 159—160).

[2] ДП, [illegible] № 5, л. 143.

демократической партии по делу арестованных в Петрограде социал-демократических депутатов государственной думы[1].

Ораторами на митинге выступали: член швейцарского [illegible] — Гримм, француз Грабер, член центрального управления [illegible] социал-демократической партии — Моргари и Ленин...[2].

Статский советник Красильни[illegible]

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 15 марта 1915 г., № 344[3]

Имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, в Берне, с 20 февраля по 3 сего марта по нов. ст. происходила конференция заграничных секций Российской социал-демократической рабочей партии Ленинского [illegible]...[4].

Согласно... докладам настроение рабочих масс в России далеко от шовинизма и чрезвычайно благоприятно для революционной деятельности и в особенности склонно к восприятию ленинской пропаганды, которая, как известно, является крайне левого направления.

Из докладов выяснилось, что среди рабочих наблюдается стремление к ультра-революционной литературе и к революционным лозунгам. В центре России, а также и в Петрограде организации сохранили свою жизненность, но ощущается недостаток в активных руководителях.

2) Задачи агитации.— На основании доклада Ленина[5] было принято поставить исходным пунктом всей революционной агитации и деятельности — поражение войск своей страны, т. е. русские социалисты должны принимать все меры к тому, чтобы Россия вышла из этой войны побежденной[6]; к этому же должны стремиться немецкие

[1] Речь идет об арестованных на состоявшейся 4 ноября 1914 г. в Петербурге конференции большевиков, членах думской с.-д. фракции большевиков (Г. Петровский, А. Бадаев, М. Муранов, Ф. Самойлов, Н. Шагов). Дело слушалось в особом присутствии Петроградской судебной палаты 23/10 февраля 1915 г. Все пять депутатов приговорены были к ссылке на поселение в Сибирь. Документы об аресте конференции см. в «Красном Архиве», т. 64, стр. 31—51.

[2] В [illegible] жизни и деятельности Ленина», изд. 1938 г., указания на это выступ[illegible].

[3] [illegible] 1915 г., д. № 5, л. 9.

[4] [illegible]ия заграничных секций большевиков продолжалась с 27 [illegible] 4 марта н. ст. 1915 г. Резолюции конференции см. в «ВКП(б) в [illegible] съездов, конференций и пленумов», ч. I; стр. 249—255, Партиздат, [illegible] резолюция конференции о войне опубликована в № 40 «Соц[illegible] марта 1915 г. Протокол конференции опубликован в «Пролетарской революции», 1925 г., № 5 (40), стр. 174—175.

На конференции присутствовали официальные делегаты от заграничных большевистских групп — секций: цюрихской, бернской, лозанской, женевской, парижской и божийской группы. Из-за препятствий, вызванных войной, не мог приехать, [illegible]ный от лондонской большевистской секции делегат М. М. Литвинов. Присутствовали на конференции В. И. Ленин, Н. К. Крупская, Инесса Арм[illegible].

[5] В. И. Ленин делал доклад по основному вопросу порядка дня конференции «Вой[illegible] задачи партии», резолюция по которому — см. В. И. Ленин, Соч. т. XVIII, [illegible].

[6] В резолюции конференции, принятой по докладу Ленина, пункт: «поражение [illegible] монархии» аргументируется следующим [illegible]

[illegible]дой стране борьба со своим правительством, ведущим империалистическую [illegible] кна останавливаться перед возможностью в результате революц[illegible] агитации поражения этой страны. Поражение правительственной армии ослабля[illegible] способствует освобождению порабощенных им народностей и [illegible] войну против правя[illegible].

[illegible] это положение особенно верно. Победа Р[illegible] реакции, усиление реакции внутри страны и [illegible] т. XVIII [illegible]

социалисты по отношению к Германии; французские — по отношению к Франции и т. д.

3) Вопрос о литературе разрешен в том смысле, что для удовлетворения духовных нужд русских социал-демократов необходимо издавать заграницей популярный орган, который должен выходить по возможности чаще и который через Норвегию должен направляться контрабандным путем в Россию, подобно тому, как отправляется в данное время 200 экземпляров «Социал-демократа». Помимо этого органа признано необходимым, в целях антивоенной пропаганды, издавать отдельные брошюры с тенденциозным изложением событий настоящей войны, с толкованием их с социалистической точки зрения, принять меры к постановке издания нелегального органа в России, чему в последнее время препятствовал только недостаток в литературных силах...

Попутно с вопросом о транспорте был поднят вопрос об объединении всех крайних левых элементов социалистических партий разных стран. Выяснено, что крайне левая часть германской социал-демократии, руководимая Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, сильно растет в самой Германии, рассчитывает на организацию в Германии мятежа и связана с Лениным и его партией. В силу этого имеется в виду использовать эту связь для распространения Ленинской литературы среди русских пленных солдат в Германии и среди действующей армии.

4) По вопросу о деятельности заграничных секций выражено пожелание об объединении всех наиболее революционных элементов русских социалистов, проживающих заграницей. Сбор средств и распространение той же литературы. В этом отношении отмечено значение Парижа, в котором распространяется от 600 до 700 экз. «Социал-демократа». Установлено, что многие последователи других социал-демократических течений стали переходить в ряды ленинцев.

Статский советник Красильников.

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 9 сентября 1915 г., № 1100[1]

Имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, в связи с последними событиями в России, среди русской политической эмиграции в Швейцарии «пораженческое» влияние усиливается. «Пораженцы доказывают..., что наименьшим злом является поражение России» (слова Ленина), ибо оно несет с собой ослабление российского государственного режима, дискредитирует российский государственный строй и стоящих во главе этого строя и усиливает влияние и значение общественных элементов[2]. Все это способствует «сознанию» народных масс и революционной деятельности...

За заведующего заграничной агентурой Мельников.

[1] ДП, о. о., 1915 г., д. № 5, ч. 1, лл. 158—159.

[2] В манифесте ЦК РСД[illegible] вопросу о «поражении царской монархии» говорится: «При данном положен[illegible] международного про[illegible], поражение которой из двух групп воюющ[illegible] было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение [illegible]кой монархии, самого р[illegible]ционного и варварского [illegible]ства, угнетающего [illegible]большее количество наций и наибольшую массу на[illegible] и н, Соч., т. XVIII, стр. 65).

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 12 октября 1915 г., № 1173 [1]

В дополнение к донесениям от 5/18 сентября, 18 сентября/1 окт[illegible] и 22 сентября/4 октября сего года за №№ 1088, 1142, и 1150 [2], [illegible] доложить вашему превосходительству, что, по дополнит[illegible] ным от агентуры сведениям, в течение времени с 5 по 8 сентября с. г. по нов. ст. в Циммервальде (Швейцария) близ Берна, состоялась Конференция интернационалистов социалистических партий.

Конференция единогласно решила выпустить манифест (воззвание) ко всему пролетариату мира с призывом к активному выступлению в пользу мира.

Манифест и сведения о ходе Конференции напечатаны в № 15 при сем представляемой газеты «Жизнь» [3].

Статский советник Красильников.

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже в департамент полиции, 20 октября 1915 г., № 1203 [4]

В дополнение к донесению от 29 сентября/12 октября с. г. за № 1173, имею честь доложить вашему превосходительству, что Интернациональная социалистическая конференция состоялась с 9 по 12 сентября с. г. в Циммервальде (близ Берна).

В официальном извещении о конференции говорится, что она состоялась с 5 по 8 сентября, но это сделано по конспиративным соображениям. Эта конференция была созвана по инициативе редактора швейцарской социал-демократической газеты «Berner Tagwacht» Роберта Гримма (он же член швейцарского федерального совета), при содействии итальянской социалистической партии. Конференция была созвана конспиративно для того, чтобы делегаты могли незамеченными выехать, особенно из воюющих стран. Приглашения рассылались не по почте, а специально командированным для этого лицом...

Означенная конференция имела целью восстановление прерванных войною связей между социал-демократическими партиями воюющих стран, возобновление во всех странах классовой борьбы пролетариата и объединенное активное выступление интернационального пролета

[1] ЦГ. [illegible] 185.

[2] [illegible] указанных донесений первое кратко информирует [illegible] третье сообщают о постановлениях кон[illegible] Циммер[illegible] (ЦГ. [illegible], 1915 г., д. № 313, отд. 3, продолжение, лл. 201, 217, 231.

[3] [illegible] га «интернационалистского» крыла партии [illegible] 1916 г. в Париже и [illegible].

[4] [illegible] опубликован также и в № 45—46 «Социал-демократа» от 28 [illegible]тября/11 октября 1915 г. (В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 413—415).

Ленинский проект манифеста большинством конференции был отвергнут. Конференция приняла манифест, внесенный этим большинством. Он затушевывал револ[illegible] пролетариата и обходил молчанием измени[illegible] во время войны. Ленин и др. левые, оставляя за со[illegible] манифест [illegible] содержал «призыв к борьбе» (В. И. Ленин, [illegible] XVIII, стр. [illegible]).

[illegible] Циммервальдской конференции см. XIV [illegible] В. И. Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 415—[illegible]

[illegible] конференцию «пе[illegible] Ленин образовал на этой конференции Цим[illegible]скую левую группу. Но в этой Циммервальдской левой единственно п[illegible] конца последовательную позицию против войны занимала лишь партия [illegible] во главе с Лениным» («История В[illegible] стр. [illegible]).

[illegible] ЦГ. [illegible]

риата против продолжения войны и за заключение немедленного мира...[1]

Все дальнейшие попытки созвать общую социалистическую конференцию не имели успеха и состоялась таковая в текущем сентябре благодаря стараниям в этом направлении итальянского социалиста Моргари и Ленина, которые совещались по делу созыва общей конференции с разными социалистическими партиями.

Предварительно созыва конференции было еще предварительное совещание с участием Моргари, Ленина и Гримма, на коем были выработаны условия, на которых конференция может быть созвана[2].

Совещание пришло к заключению, что намеченная конференция не должна касаться вопросов об основании нового Интернационала; задачи ее должны заключаться в выработке плана общего и совместного выступления всемирного пролетариата в пользу мира, а также и в создании руководящего центра для будущих выступлений; потому на конференцию могут быть приглашены делегаты от всех организаций, которые согласны теперь же выступить против продолжения войны, несмотря на принципиальные различия в социалистическом мировоззрении их. Таким образом Интернациональная социалистическая конференция состоялась, как указано выше, в Циммервальде с 9 по 12 минувшего сентября...

Делегаты воюющих стран сделали доклады о партийных делах и о рабочем движении во время войны. Они говорили о тех событиях, которые привели к разрыву связей между отдельными социал-демократическими партиями и высказали мнение, что империалистическая война не может служить классовой борьбе рабочих. Борьба за мир может увенчаться успехом лишь в том случае, если выступление пролетариата будет поставлено на интернациональном базисе. Только в совместном выступлении пролетариата воюющих стран, поддержанном социалистами нейтральных стран, может выразиться непоколебимая воля рабочего класса и лишь таким способом могут быть охранены интересы последнего.

При обсуждении поставленного в порядок дня вопроса о выступлении пролетариата против войны, оказалось, что по этому вопросу взгляды делегатов разошлись. Одна часть, с Лениным во главе, настаивала не ограничиваться выпуском манифеста, в котором была бы оттенена необходимость немедленной борьбы за прекращение войны, но вместе с лозунгом борьбы за мир выставить еще призыв к гражданской войне. Борьба за мир, по мнению тех же делегатов, должна иметь вполне революционный характер и способы. В пределах капиталистического общества империалистические стремления не могут быть уничтожены и, вследствие этого, борьба за мир должна стать и борьбой против всего капиталистического строя.

Другая часть делегатов указывала на то, что предлагаемое выше расширение борьбы идет за пределы компетенции и целей настоящей конференции, ибо это означало бы в некоторой степени пересмотр тактических вопросов некоторых, на конференции представленных, партий и кроме того таковое решение шло бы за пределы полномочий делегатов. Несмотря на необходимость коренного пересмотра интернациональной социалистической тактики, вопрос этот не подле-

[1] Опускается часть доклада, в которой приводится путаное сообщение о Луганской итальяно-швейцарской конференции и о Копенгагенской конференции.

[2] Предварительная конференция состоялась в середине июля 1915 г. в Берне. На конференции присутствовали представители итальянских и швейцарских социалистов, представитель ЦК РСДРП и ОК меньшевиков (В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 441).

жит обсуждению конференции. Ни в коем слу[illegible] быть вызвано мнение о том, что конференция эта имеет раскольнические тенденции и что она ставит себе будто бы целью основание нового Интернационала; принятием же предложенных способов борьбы подозрение это неизбежно было бы вызвано. Конференция не может стать орудием какого-нибудь направления, но она должна привести к интернациональному выступлению за мир, в котором могут участвовать все элементы, стоящие на почве классовой борьбы, несмотря на некоторые принципиальные разногласия между ними. Не разъединяющее, а объединяющее должно быть подчеркнуто конференцией, и самым важным в данном случае является выпуск манифеста с призывом к борьбе за мир и в то же время к классовой борьбе европейского пролетариата.

После приведенных прений, участники конференции приняли последнее предложение. Были предложены три проекта манифеста, которые и были переданы в особую комиссию для голосования и редакционного пересмотра.

Принятый, в окончательной редакции, манифест конференции был напечатан в № 15 издающейся в Женеве революционной газеты [illegible]...

Кроме издания настоящего манифеста, конференция, в целях организации будущих совместных выступлений и согласования таковых, пришла к заключению о необходимости создания временного руководящего центра, для чего была избрана интернациональная комиссия...[1]

[illegible] советник Красильников.

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 17 мая 1916 г., № 469[2]

Имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, в январе сего года в Берне состоялось собрание нескольких лидеров Российской социал-демократической рабочей партии, на котором, по инициативе Ленина, предложено было пересмотреть аграрную программу партии, принятую на Стокгольмском съезде названной партии в 1906 году.

Об этом собрании в настоящее время получены следующие сведения:

Необходимость пересмотра аграрной программы Ленин на собрании обосновывал тем, что аграрные отношения в России с 1906 г. сильно изменились, главным образом, вследствие аграрных реформ правительства, почему существующая аграрная программа партии устарела и не соответствует уже существующему в данное время в России порядку. Кроме того, выработанная Стокгольмским съездом, аграрная программа была принята незначительным большинством голосов (за — 61, против — 46).

По словам Ленина, аграрный вопрос в России [illegible] подвергся коренному изменению. Отмена правител[illegible] пользования землею создала мелкое самостоятельн[illegible]. Значительная часть таких мелких собственников, за [illegible] обходимых для обработки земли средств, разоряется, пролетаризируется и становится опять революционной. Но с другой стороны, из

[1] Международная социалистическая комиссия; председатель ее был Р. Гримм, [illegible]ный деятель швейцарского соц.-дем. движения, один из организаторов Циммервал[illegible]ской конференции (см. В. И. Ленин, Соч., т. XIX, [illegible]).

[2] ДП, о. о., 1916 г., д. № 5, ч. 1, лл. 27[illegible]

числа более обеспеченных мелких хозяев все более и более создаются средние и крупные хозяйства, земледелие капитализируется, создается реакционное, лойяльное старому режиму крестьянство. Концентрация капиталов и владений в деревне подвигается вперед гигантскими шагами.

По мнению Ленина, аграрный вопрос в России разрешен хотя и разумно, но на время и только вполовину. Аграрной реформою правительства затронуты были лишь общинные владения, частные же владения помещиков, казенные, кабинетские, монастырские и церковные земли остались неприкосновенными. И это есть самое больное место в аграрной реформе правительства и на это должны обратить свое внимание социал-демократы. Хотя правительство создало своей реформой незначительную часть реакционного, враждебного революции крестьянства, но вместе с тем, полумерами создало значительно большее число недовольных пролетариев, которые теперь принуждены продавать свой труд более зажиточным крестьянам или же уходить в город и увеличивать армию промышленного пролетариата. Если бы правительство пошло бы в своих реформах дальше, т. е. прибегло бы к отчуждению крупных частновладельческих земель, а равно казенных, удельных, кабинетских, монастырских и т. д., то оно на долгое время создало бы обширный слой зажиточного крестьянства, который всегда является антиреволюционным и надежной опорой существующего политического и экономического строя. Такая мера правительства не задержала бы рост революции навсегда, но все-таки значительно замедлила бы развитие революционного движения. Опыт последних лет, вызванный аграрной реформой правительства, наглядно показывает теперь как ошибались те социал-демократы, которые на Стокгольмском съезде отстаивали раздел конфискованных земель. Разделом конфискованных земель создалось бы положение подобное достигнутому теперь аграрной реформой правительства, но оно проявилось бы в более обширных размерах. По ложному пути пошли и те товарищи, которые на съезде голосовали за муниципализацию конфискованных земель, ибо при реализации правительственной аграрной реформы, оказалось, что, за немногими исключениями, форма общинной собственности вовсе не была так близка сердцу русского крестьянина, как это ошибочно раньше предполагалось. Муниципализация по своей форме очень похожа на бывшую общину[1].

Далее Ленин высказался, что дальнейшее развитие аграрного вопроса в России принудит Российскую социал-демократическую рабочую партию пойти по его, Ленинскому пути, заставит партию включить в свою программу конфискацию крупных частновладельческих, казенных, кабинетских, монастырских и церковных земель и национализацию последних.

На вышеприведенных основаниях Ленин и доказывал необходимость пересмотра аграрной программы...

В результате прений по этому поводу было решено вопрос о пересмотре аграрной программы Российской социал-демократической рабочей партии оставить открытым впредь до созыва съезда партии.

Статский советник Красильников.

---

[1] Передача заграничной агентурой доклада Ленина очень путаная. Повидимому Ленин критиковал му[illegible]нализацию земли, противопоставляя ей большевистскую аграрную программу. В [illegible] «Даты жизни и деятельности Ленина», изд. 1933 г. указаний на данный док[illegible].

Доклад заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 16 февраля 1916 г., № 121 [1].

Вследствие предписания от 30 октября м. г. за № 174687, имею честь доложить вашему превосходительству, что, по заявлению агентуры, бывший студент Петроградского университета Георгий Аркадьевич Куклин и Г. А. Куклин автор брошюры под заглавием «Итоги революционного движения в России за сорок лет 1862—1902 гг.» — разные лица [2].

Первый из них агентуре неизвестен, второй же умер года три тому назад, имея от роду свыше пятидесяти лет. Этот последний был старым политическим эмигрантом; в начале 900-х годов сблизился с Лениным и стал его горячим сторонником, поддерживая его материально, и одновременно с этим состоял членом большевистской группы в Женеве. Будучи весьма состоятельным, он устроил библиотеку, занялся сбором, изданием и субсидированием революционных изданий, журналов и брошюр и между прочим издавал упомянутую в предписании за № 174687 брошюру.

Куклин, по завещанию, оставил свою библиотеку и архив Женевской группе большевиков в лице Ленина; душеприказчиком сделал некоего Карпинского, большевика Женевской группы, известного под кличкой «Минин». Куклиным были также оставлены большие средства на поддержание устроенной им библиотеки, которая помещается по rue Hugo Senger в Женеве [3], каковой адрес является и по настоящее время адресом Ленина.

Статский советник Красильников.

Агентурная записка Пермского губернского жандармского управления по РСДРП, 24 февраля 1916 г. № 5 [4]

В Петрограде организовалось Бюро ЦК РСДРП — большевиков сторонников Ленина [5]. Бюро ставит задачей создание связей со всеми областями России. В каждой области Бюро назначает своего уполномоченного из местных партийных работников, которые будут играть роль посредников между Бюро и местными организациями. Уполномоченные иногда приезжают в Петроград и принимают участие в заседаниях Бюро с правом решающего голоса.

В распоряжении Бюро имеется партийная заграничная литература, полученная в Петрограде из Швеции, а именно: очередные номера «Социал-демократа» и «Коммуниста» (сборник статей Ленина и других) [6].

Начальник Пермского губернского жандармского управления
генерал-майор Молчанов.

---

[1] ДП, о. о., 1906 г., д. № 336, л. 32

[2] Красильников ошибается, указывая на второго Г. А. Куклина. Известен [illegible] Георгий Аркадьевич Куклин, с.-д., эмигрант, издатель с.-д. литературы. С 1901 [illegible] с.-д. группы «Жизнь»; с 1905 г. он примкнул к большевикам (XIII Ленинский сборн., стр. [illegible]).

[3] «Русская библиотека», собранная с.-д. Г. А. Куклиным, функционировала в Ж[illegible] 1902 г. вплоть до 1917 г. как общедоступная. К большевикам она [illegible] после смерти Куклина 13 мая 1907 [illegible].

[4] ДП, о. о., 1916 г., № 5, ч. 56, лит. Б [illegible].

[5] Бюро ЦК 1-го созыва было создано в период с осени 1915 г. по февраль 1916 [illegible]. В Бюро 2-го созыва в конце 1916 г. входил В. [illegible].

[6] «Коммунист» издавался редакцией Ц. О. «Социал-демократ»: вышел всего [illegible] (сдвоенный) номер в октябре 1915 г., в нем были следующие статьи В. И. Ле[illegible]: «Крах II интернационала», «Честный голос французского социалиста», «Социализм [illegible]».

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 7 марта 1916 г., № 122[1].

Имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, учрежденная Циммервальдской конференцией Интернациональная социалистическая комиссия в Берне созвала совещание представителей примыкающих к ней социал-демократических партийных групп разных стран.

Совещание состоялось в Берне 5—8 сего февраля в помещении Народного дома.

Присутствовали делегаты из Австрии, Германии, Франции, Италии Голландии, Португалии, Швейцарии, Румынии и России. Среди последних были: Ленин...[2].

Главным предметом обсуждения совещания был вопрос о предпринимаемых со стороны социалистов мерах для прекращения войны.

Почти все участники совещания высказались, что выпущенный Циммервальдской конференцией манифест не оказал на рабочих воюющих стран того влияния, каковое ожидалось и ничуть не повлиял на дальнейший ход событий. Все объясняют это явление тем обстоятельством, что официальные социал-демократические партии некоторых воюющих стран отказались примкнуть к Циммервальдскому манифесту. За исключением Ленина, который заявил, что ничего общего с официальными социал-патриотическими партиями иметь не желает, все участники совещания высказались за необходимость привлечения на свою сторону официальных социал-демократических партий воюющих стран, но дальнейшие по сему поводу выступления ораторов показали, что означенное намерение не может иметь в настоящее время успеха и потому постановлено было созвать новую Интернациональную социалистическую конференцию, пригласив к участию в таковой представителей всех социал-демократических партий, независимо от занимаемого ими в отношении войны положения.

Созыв означенной конференции намечен в средине апреля в Гааге...[3]

Порядок дня будущей Интернациональной социалистической конференции намечен следующий:

1) выступление пролетариата против войны,

2) вопрос о возобновлении состава и заседаний Интернационального социалистического бюро,

3) отношение пролетариата к условиям будущего мира,

4) пересмотр программы социал-демократов по отношению к вопросу о защите отечества и др.[4].

---

[1] ДП, о. о., 1916 г., д. № 28, т. 2, л. 32.

[2] Речь идет о расширенном совещании Интернациональной социалистической комиссии, состоявшейся в Берне 5—8 февраля 1916 г., на котором присутствовали делегаты от всех стран, указанных в донесении. Состав его равнялся приблизительно половине Циммервальдской конференции. Большевики добивались превращения этого совещания в конференцию, имеющую решающий характер, с тем, чтобы заставить Интернациональную социалистическую комиссию резче противопоставить себя Международному социалистическому бюро в Гааге (См. В. И. Ленин, Соч., т. XIX прим. 102, стр. 470).

[3] На совещании постановлено было созвать конференцию в одном из городов Голландии, чтобы законспирировать от полиции место будущей конференции — Кинталь (XI Ленинский сборник, стр. 210).

[4] Кроме решения созвать 2-ую Международную социалистическую конференцию и разработки для нее порядка дня, совещание выпустило обращение «Ко всем партиям и группам», в котором совещание между прочим высказывалось: 1) против голосования за военные кредиты, хотя-бы и при наличии тяжелого «стратегического положения» на фронте и 2) против восстановления интернационала путем «амнистии» изменивших вождей (XI Ленин[illegible]ий сбо[illegible].

После окончания работ совещания 8 февраля состоялся в Берне интернациональный

Доклад заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 22 марта 1916 г., № 301 [1].

В дополнение к донесению от 12/25 сего марта за № 260, имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, 17 февраля с. г. в Цюрихе в помещении социал-демократического клуба прочел реферат Ленин на тему «Война и два Интернационала»...[2]

На этом реферате Ленина было собрано 35 фр. на выпуск следующего номера «Социал-демократа».

Присутствовало около 300 человек.

Статский советник Красильников.

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 25 марта 1916 г., № 260 [3]

Имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, 1 марта с. г. по нов. ст. в Женеве состоялся реферат Ленина на тему: «Условия мира и национальный вопрос» [4].

На этом реферате присутствовало более 200 человек.

Председательствовала заведывающая Куклинской библиотекой в Женеве (доклад от 3/16 февраля с. г. за № 121), которая еще до начала реферата, обратилась к присутствовавшим с речью, в коей призывала к материальной поддержке газеты «Социал-демократ».

Этот орган,— пояснила она,— в настоящее время и при данных условиях, когда идейные противники так усиленно работают в России, особенно нуждается в широком распространении его там. Затруднительность же транспорта названного органа в России требует значительных затрат, потому она обращается к присутствующим за пожертвованиями.

Собрано было несколько франков.

Статский советник Красильников.

Из общего очерка департамента полиции по истории революционного движения, 5 апреля 1916 г. [5]

1) Состояние (РСДРП) партии во время войны.

Видный социал-демократ, лидер большевиков Ленин считает себя истинным «марксистом», т. е. последователем такого учения, которое отвергает оппортунизм, или приспособление к обстоятельствам и провозглашает лозунг: «превращение настоящей завоевательной войны в войну гражданскую, а затруднения своих правительств (в частности России), надо использовать для низвержения своих правительств»...

митинг, на котором произнес речь В. И. Ленин. Она была напечатана в № 33 «Berner Tagwacht» (орган швейцарской соц.-дем. партии) от 9 февраля 1916 г. (см. В. И. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 16—20). Краткое сообщение о митинге и перевод речи из вышеуказанной газеты в деле ДП, о. о., 191[illegible]

[1] ДП, о. о., 1916 г., № 343, отд. 3, л. 53[illegible].

[2] Этот реферат под названием «Два течения в международном рабочем движении» [illegible] повторил в Женеве 2 июня 1916 г. («Даты жизни и деятельности Ленина», [illegible] 1933 г., стр. 180). Он собирался прочесть его в Лозанне, но повидимому, это намерение не было осуществлено. (В. И. [illegible] Ленина Карпинскому). Изложение рефер[illegible].

[3] ДП, о. о., 1916 г., д. № 343, отд. 3, лл. 19—21.

[4] Изложение содержания реферата опускается. План — конспект этого реферата и материалы к нему опубликованы в XVII Ленинском сборни[illegible].

[5] ДП, о. о., «Обзоры», инвентарный № 9334

Таким образом сторонники Ленина желают поражения России, образовав течение в среде Российской социал-демократической рабочей партии под названием «пораженцев».

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 4 мая 1916 г., № 399.[1]

Имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, 5 сего апреля в Цюрихе, в помещении русской читальни, Ленин сделал краткий доклад на тему «О ближайших задачах социал-демократии в России»[2].

На этот доклад были допущены лишь приверженцы интернационалистического течения: большевики, польские социал-демократы и некоторые члены социал-демократии Латышского края...

Статский советник Красильников.

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 24 мая 1916 г., № 489[3]

В дополнение к телеграмме от 28 апреля/11 мая с. г. за № 112, имею честь доложить вашему превосходительству поступившие от агентуры сведения, относительно Второй Интернациональной социалистической конференции, состоявшейся с 24 по 30 апреля сего года[4].

Причины созыва конференции следующие:

1. На практике оказалось, что созыв заседаний расширенной Интернациональной социалистической комиссии в Берне встречает те же полицейские препятствия, что и созыв конференции.

2. Заседания расширенной Интернациональной социалистической комиссии в Берне не могли справиться с выдвинутыми жизнью текущими политическими вопросами и не имели в рабочих массах должного авторитета.

3. Все более и более возрастающее оппозиционное настроение в социалистических партиях всех стран требовало созыва более обширной конференции интернационалистов для более успешной объединенной борьбы против войны.

Вследствие этих соображений совещанием расширенной Интернациональной социалистической комиссии в Берне в феврале сего года и было решено созвать вторую Интернациональную социалистическую конференцию.

Первоначально было установлено созвать эту конференцию в Гааге, но, вследствие трудности поездки в Голландию делегатов, намерение это и было оставлено, и конференция состоялась в Швейцарии.

---

[1] ДП, о. о., 1916 г., д. № 5, л. 42.

[2] В «Датах жизни и деятельности Ленина», изд. 1933 г. нет указаний на этот факт.

[3] ДП, о. о., 1916 г., д. № 2[illegible], г. 2. лл. 80—89.

[4] Речь идет о Кинтальской конференции. Из 43 участников конференции 12 примыкало к Циммервальдской левой, правое [illegible] большинство было неустойчивым, часть его в отдельных случаях голосовала за предложен[illegible]ых. Центристское большинство [illegible]нуждено было осудить «утопические требования буржуазного и социалистического пацифизма» и подвергнуть резкой критике действия Международного социалистического бюро как «неспособного защитить и применить во время войны принципы Инте[illegible]».

«Но [illegible] Кинтальская конференция не приняла основных положений политики большевиков: превращение имп[illegible]алистической войны в войну гражданскую, поражение в войне своих империалист[illegible] организация III Интернационала. Тем не менее Кинтальская [illegible]вала выделению интернационалистических элементов, из которых впоследствии [illegible]разовался Коммунистический III Интернац[illegible]нал» («История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», краткий курс, стр. 160).

На конференцию прибыло 40 делегатов, т. е. значительно меньше, чем ожидалось; это объясняется тем, что целый ряд делегатов прибыть не мог по независящим от них причинам.

Присутствовали следующие делегаты:

I. От русских революционных партий:

а) Центральный Комитет Российской социал-демократической рабочей партии был представлен Лениным;

б) от Организационного комитета — Юлий Осипов Цедербаум («Мартов»); Петр Борисов Аксельрод[1]...

При открытии конференции Ленин сделал заявление, что мандаты Организационного комитета не могут быть признаны действительными, так как меньшевики, с Организационным комитетом во главе, в России примыкают к социал-патриотическому течению...

Значительную часть своих заседаний конференция посвятила ознакомлению с докладами о ходе революционного движения на местах. Из этих докладов видно, что самое обширное оппозиционное настроение развивается более всего в Германии. В виду полицейских условий и социал-патриотического направления в партийных центрах, оппозиция там прибегла к подпольной деятельности: демонстрации, выпуск воззваний и т. п. организовываются в подполье. Делегаты оппозиции заявили на конференции, что большинство организованных германских рабочих принадлежит к оппозиции, но не решаются еще нарушить партийную дисциплину и отойти от партийных центров.

Во Франции оппозиционное движение развито также довольно широко, но движение это отличается от германского тем, что делегаты французской оппозиции ставят свою будущую тактику в зависимость от военных действий французской армии.

В Италии вся социал-демократическая партия все время выступает в парламенте против войны. Итальянские делегаты заявили, что усталость от войны замечается уже не только среди итальянских рабочих, но и среди среднего сословия, и эти последние начинают уже идти за социалистами.

Отчет о революционном настроении в России содержал в себе лишь выдержки из сведений, помещенных в последних №№ «Социал-демократа» и «Известий».

Интернациональная социалистическая комиссия в Берне в отчете о своей деятельности поместила все же сведения о ее деятельности, которые напечатаны в вышедших №№ «Бюллетеня Интернациональной социалистической комиссии в Берне»...

Левая оппозиция, с Лениным во главе, предложила конференции самые крайние способы борьбы с делом продолжения настоящей войны: всеобщую забастовку, саботаж, вооруженное восстание[2].

Германские делегаты и русские меньшевики возражали против применения в настоящее время столь острых способов борьбы. В результате конференцией было принято предложение левых только о всеобщей забастовке, но условно, т. е. если организации на местах

---

[1] Организационный комитет РСДРП возник, как руководящий орган [illegible] блока. Мартов и Аксельрод, как представители заграничного секретариата О. К., [illegible] циммервальдцам.

[2] Проект резолюции по вопросу об отношении с.-д. к вопросу о мире, внесенный циммервальдской левой, см. В. И. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 436—437.

выскажутся за всеобщую забастовку, то решение это тогда только станет окончательным[1].

Далее агентура заявляет, что хотя на Вторую Интернациональную конференцию официально были приглашены также и представители социал-патриотического течения, но таковые в конференции участия не приняли, так как она была созвана Интернациональной социалистической комиссией в Берне, которая не пр[illegible].

Вследствие этого на 27 июня сего года в Голландии созывается Интернациональным социалистическим бюро новая интернациональная конференция, на которой будут представлены решительно все течения; существует, однако, предположение, что в этой конференции «пораженцы» участия не примут.

Статский советник Красильников.

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору Департамента полиции, 22 июня 1916 г., № 605[2]

Имею честь доложить вашему превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, 2 сего июня в Женеве известный социал-демократ Владимир Ильич Ульянов («Ленин») прочел реферат на тему: «Два течения в международном рабочем движении»[3].

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже департаменту полиции, 29 июля 1916 г., № 736[4]

По сведениям агентуры «Инесса» — Елизавета Арманд действительно прибыла из России в Берн, в средних числах декабря месяца по нов. ст. минувшего года и немедленно вступила в связь с известным социал-демократом Владимиром Ильичом Ульяновым (Лениным) и приняла деятельное участие в работе последнего по вопросу восстановления и организации III Интернационала.

Названная Арманд — Инесса является весьма крупной популярной и деятельной величиной в интернациональной социалистической среде и считается в русской революционной среде правой рукой Ленина.

Приблизительно в первых числах марта месяца по нов. ст. сего года Арманд — Инесса, по поручению Ленина, как владеющая в совершенстве французским языком, прибыла в Париж, где работала и подготовляла почву во французской социалистической среде по вопросу III Интернационала. Как известно, французские социалисты расходятся с Лениным во взглядах на войну и этот вопрос является единственным, который разъединяет французов с Лениным и мешает ему в достижении цели к объединению и восстановлению Интернационала. На Арманд — Инессу была возложена задача Лениным достичь соглашения по этому вопросу. Увенчались ли успехом труды Арманд — Инессы, неизвестно, но во всяком случае пребывание ее в Париже дало некоторые результаты. По заявлению агентуры, подготовленная ею почва дает повод надеяться, что присоединение французских социалистов ко взглядам Ленина на войну совершится, по всей веро-

---

[1] Далее приводятся обращения конференции «К разоренным и умерщвляемым народам» и резолюции — «Об отношении к Международному социалистическому бюро в Гааге» и «Об отношении пролетариата к вопросу о мире», опубликованные в № 54—55 «Социал-демократа», 10 июня 1916 г. (см. В. И. Ленин, т. XIX, стр. 429—435).

Опускается также постановление «О всеобщей забастовке», якобы принятое конференцией, но не предназначенное для опубликования.

[2] ДП, о. о., 1916 г., д. № 3[illegible], отд. 3, л. 87.

[3] Содержание реферата опускается (см. документ и примечание 2-е на стр. 63).

[4] ДП, о. о., 1915 г., д. № 5, л. 214.

ятности, после окончания войны; она добилась финансовой поддержки со стороны французских социалистов на издание Ленинской брошюры «Социализм и война» и перевода таковой на французский язык, и благодаря ее агитации приняли участие в Кинтальской интернациональной конференции три французских социалиста. Эти три факта указывают на начавшееся сближение французских социалистов с Лениным...

Статский советник Красильников.

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 25 октября 1916 г., № 1098 [1]

В дополнение к донесению от 16/29 сентября 1916 г. за № 925 [2] о том, что в швейцарских партийных кругах распространился слух о состоявшейся, якобы, 3 Интернациональной социалистической конференции, в настоящее время получены следующие сведения:

3 Интернациональной социалистической конференции не было; а 14 сего сентября в Цюрихе было созвано конспиративное заседание Интернациональной социалистической комиссии в Берне в расширенном составе, с участием делегатов от социалистических партий Франции, Италии, Англии и Германии...

Из числа русских присутствовали: 1) Владимир Ильич Ульянов (Ленин) [3]...

Делегаты собрались в Цюрихе в помещении Народного дома 17 сентября, но ввиду отсутствия делегатов из Франции и Англии постановили совещание отложить на неопределенное время. Все же председателем Интернациональной социалистической комиссии Гриммом был сделан доклад о ходе работы оппозиции в разных странах и о тех вопросах, которые на состоявшемся расширенном заседании должны были быть рассмотрены, именно: о созыве Третьей Интернациональной социалистической конференции, подготовительная выработка резолюций этой конференции и проект манифеста; затем вопрос о революционном выступлении в пользу прекращения настоящей войны.

Затем Гримм доложил собравшимся, что согласно не подлежащей оглашению резолюции 2 Циммервальдской (Кинтальской) интернациональной социалистической конференции, поступили из многих стран ответы на запрос об организации всеобщей забастовки. Почти все оппозиционные организации, по словам докладчика, высказались за желательность проведения всеобщей забастовки в подходящий для этого момент, при этом многие организации выдвинули условие, дабы такая забастовка имела начало в Германии; германцы же предпочитают видеть начало забастовки в России и Франции. Гримм находит создавшееся, таким образом, положение затруднительным и признает, что объявление всеобщей забастовки во всех странах одновременно, вследствие условий военного времени, немыслимо.

Что касается ответов по данному вопросу со стороны русских революционных организаций, то почти все петроградские социал-демократические организации, часть московских и екатеринославских высказались за желательность проведения всеобщей забастовки; другая часть московских социал-демократических организаций высказалась против. Из целого ряда других городов никаких ответов не получено,

---

[1] [illegible] № 29, т. 2, лл. 202—203.
[2] [illegible] ся в том же деле, л. 191.
[3] [illegible] на заседание Интернациональной социалистической комиссии и участии на нем В. И. Ленина в «Датах жизни и деятельности В. И. Ленина», изд. 1933 г. нет.

Данным совещанием никаких решений принято не было, ввиду отсутствия некоторого числа делегатов.

Статский советник Красильников.

Из доклада заграничной агентуры в Париже директору департамента полиции, 4 декабря 1916 г., № 1169[1]

Имею честь доложить вашему превосходительству, что 4 и 5 ноября с. г. в Цюрихе происходил съезд швейцарской социал-демократической партии.

Присутствовало 344 делегата, в том числе от Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии Владимир Ильич Ульянов (Ленин)[2].

За заведующего заграничной агентурой Мельников.

Из доклада заведующего заграничной агентурой в Париже директору департамента полиции, 7 января 1917 г., № 15[3]

Имею честь доложить вашему превосходительству, что 27 минувшего декабря в Берне состоялась конференция Интернациональной социалистической комиссии, на которой присутствовали:

1. От германской социал-демократической партии (оппозиция): Гофман и Клара Цеткин...

5. Центральный комитет Российской социал-демократической рабочей партии: Владимир Ильич Ульянов (Ленин)...[4].

Конференция была созвана по поводу предложения центральных держав о мирных переговорах.

Открыл конференцию председатель Интернационального социалистического комитета Гримм следующей речью:

«Теперь настал опять благоприятный момент для выступления Интернационального социалистического комитета в пользу мира, путем хотя бы выпуска манифеста или простого воззвания ко всем народам Европы[5]. Австро-германское предложение неискренно: оно вызвано истощением народа и средств и имеет лишь целью поднять национальный дух народов, вынужденных обороняться.

Тем не менее долгом интернациональной социал-демократии является использование создавшегося положения и, с одной стороны, всячески поддерживать среди воюющих стран стремление к миру, с другой,— обличить истинный характер настоящей войны. Потом, если окажется возможным, и если воззвание вызовет в воюющих странах

---

[1] ДП, о. о., 1916 г., д. № 5, ч. 1, л. 126.

[2] Приводимое далее изложение речей русских делегатов опускается. Речь В. И. Ленина — см. В. И. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 277.

[3] ДП, о. о., 1917 г., д. № 28, т. 2, л. 1.

[4] В «Датах жизни и деятельности Ленина» нет указаний на присутствие и выступление В. И. Ленина на заседании конференции.

[5] Воззвание Интернациональной социалистической комиссии к рабочему классу (An die Arbeiterklasse) в декабре 1916 г. было напечатано в газетах: «Berner Tagwacht» и «Volksrecht» [illegible] декабря 1916 г.

«В этом воззвании... говорится о предложении мира со стороны Германии, а также [illegible] ными пацифистскими жестикуляциями дипломатов».

[illegible] жие борьбы не на своих братьев, а на врага [illegible] (В. И. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 375, статья: «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический», написанная 1 января 1917 г.).

открытое движение против продолжения войны, то Интернациональная социалистическая конференция сможет взять в свои руки руководство этим движением во всех странах».

В таком же приблизительно смысле высказались и прочие делегаты. Только Ульянов настаивал на необходимости немедленного использования, в целях организации восстания, социалистических оппозиционных организаций во всех странах. Остальные делегаты отнеслись к предложению Ульянова несочувственно, признавая настоящий момент еще для этого неблагоприятным.

Выработанное конференцией воззвание опубликовано в швейцарской прессе.

Вырезку из газеты «Berner Tagwacht» от 30 декабря 1916 г. за № 307, при сем имею честь представить.

За заведующего заграничной агентурой Мельников.

К 20-летию смерти Я. М. Свердлова

Двадцать лет прошло со дня смерти Якова Михайловича Свердлова — председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, одного из самых выдающихся организаторов широких пролетарских масс, которым по праву гордится наша коммунистическая партия.

Профессиональный революционер, прошедший через революционную подпольную работу к посту первого человека в первой социалистической Советской республике, по выражению В. И. Ленина, Яков Михайлович Свердлов на протяжении двух десятков лет — с самой ранней юности до последнего дня своей жизни — отдавал всего себя без остатка неустанной борьбе за дело пролетарской революции.

«Если мы бросим взгляд на жизненный путь этого вождя пролетарской революции, то увидим сразу, что его замечательный организаторский талант выработался в ходе долгой борьбы, что этот вождь пролетарской революции каждое из самых замечательных свойств крупного революционера выработал сам, пережил и испытал различные эпохи в наиболее тяжелых условиях деятельности революционера» — указывал В. И. Ленин в своей речи памяти Я. М. Свердлова на экстренном заседании ВЦИК 18 марта 1919 г.[1]

Я. М. Свердлову не было еще и 17 лет, когда он целиком посвятил свою жизнь делу пролетарской революции. Начав революционную деятельность в 1902 г. на своей родине в г. Нижнем-Новгороде, он был здесь первым организатором большевистской группы, вел огромную организационную, агитационную и пропагандистскую работу среди рабочих Сормовских заводов. В 1904 г. Я. М. Свердлов переходит на нелегальное положение и развивает кипучую деятельность по созданию целой сети организаций и комитетов партии в Поволжье. В 1905 г. Центральный Комитет партии посылает его в качестве уполномоченного на Урал, где Я. М. Свердлов, под именем Андрей, в короткое время завоевывает себе всеобщее признание и любовь в рабочих массах, объединяя вокруг Уральского большевистского бюро крупнейшие партийные организации Перми, Екатеринбурга, Уфы, создавая сеть заводских партийных организаций. В июне 1906 г. Я. М. Свердлов был арестован и пробыл в заключении 3 года. С этих пор его жизнь — непрерывная цепь напряженной нелегальной работы, арестов, ссылок, побегов и новых арестов. Несмотря на это, Я. М. Свердлов, совершив в 1912 г. побег из далекой сибирской ссылки вместе с т. Сталиным, также бежавшим из ссылки, проводит огромную работу по восстановлению большевистских организаций, постановке газеты «Правда», налаживанию работы большевистской фракции Государственной думы. Выданный полиции провокатором Малиновским в 1913 г., т. Свердлов снова попадает в ссылку в далекий Туруханский край, откуда его освобождает только Февральская революция 1917 г. Я. М. Свердлов возвращается на Урал, откуда делегируется на Апрельскую конференцию партии, на которой он избирается в ЦК. Он остается в Петрограде, руководит большевистской работой в фабзавкомах, в армии, подготовляет VI съезд партии, а в Октябрьские дни входит вместе с Сталиным и Дзержинским в избранный ЦК партии практический центр по организационному руководству вооруженным восстанием.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 80.

Непоколебимый большевик, Я. М. Свердлов решительно поддерживает борьбу Ленина и Сталина с капитулянтами и предателями Каменевым, Зиновьевым и компанией.

21 ноября 1917 г. Я. М. Свердлов избирается на пост председателя ВЦИК. На этом посту он с исключительной силой проявляет свой организационный талант. Твердо и решительно проводит он линию партии в отношении Учредительного собрания, возглавляет комиссию по выработке первой советской конституции, руководит 3, 4, 5 и 6 Всероссийскими съездами советов, происходившими в самые напряженные моменты революции: в дни Брестского мира, лево-эсеровского мятежа, начала вооруженной интервенции и гражданской войны. Одновременно он ведет огромную организационную партийную работу в качестве секретаря Центрального Комитета партии и использует всякий случай для пропаганды широкой агитационной работы с массами, выступая на многочисленных митингах и собраниях. Уже больной, возвращаясь в марте 1919 г. с III съезда Советов Украины, он выступает в Орле на митинге железнодорожников по поводу образования Коммунистического Интернационала, пользуется каждой остановкой поезда, чтобы поговорить с местными партийными и советскими работниками. Сломленный болезнью, он в самые последние минуты жизни не перестает беспокоиться о подготовке предстоящего VIII съезда партии.

16 марта 1919 г. Якова Михайловича Свердлова не стало.

О блестящей революционной жизни и деятельности Я. М. Свердлова свидетельствуют многочисленные документы, частично уже опубликованные, частично еще ждущие опубликования.

Публикуемая ниже группа документов относится к различным периодам революционной деятельности Я. М. Свердлова, начиная с самого раннего периода его деятельности — Нижегородско-Сормовского — 1902—1903 гг., кончая первыми днями марта 1919 г. — последними днями его жизни, когда он весь поглощен строительством Советской власти не только в центре, но и на местах.

С особым интересом читается ряд телеграмм, посланных Я. М. Свердловым из Харькова, за [illegible] дней до смерти, в Белгород, Курск, Орел, Тулу, во все те города, которые он должен будет проезжать, возвращаясь в Москву с III Съезда Советов Украины.

В каждом из этих городов Яков Михайлович вызывает руководителей местных партийных и советских организаций, чтобы, используя стоянку поезда, проинструктировать их, побеседовать с ними, получить самому информацию и в то же время передать широким массам трудящихся, выступая на митинге, тут же на станции, свои лучшие мысли, свои пламенные призывы на победу пролетарского дела.

Велика, многообразна и необычайно плодотворна была деятельность Я. М. Свердлова. Тов. Сталин так характеризовал ее: «Период 1917—1918 гг. был периодом переломным для партии и государства. Партия в этот период впервые стала правящей силой. Впервые в истории человечества возникла новая власть — власть Советов, власть рабочих и крестьян. Перевести партию, дотоле нелегальную, на новые рельсы, создать организационные основы нового пролетарского государства, найти организационные формы взаимоотношений между партией и Советами, обеспечив партии руководство, а Советам их нормальное развитие, — такова сложнейшая организационная задача, стоявшая тогда перед партией. В партии не найдется людей, которые решились бы отрицать, что Я. М. Свердлов был одним из первых, если не первым, который умело и безболезненно разрешил эту организационную задачу по строительству новой России» [1].

---

[1] Журнал «Пролетарская Революция» № 11/34, 1924 г., стр. 108.

Из революционной деятельности Я. М. Свердлова

Из заключения прокурора Московской судебной палаты по делам группы лиц, арестованных в апреле 1903 г. в Н.-Новгороде, 20 сентября 1903 г.[1]

14 апреля полицией произведен был обыск в квартире мещанина Якова Свердлова; по обыску у него обнаружено 13 экземпляров воззвания Нижегородского комитета Российской социал-демократической рабочей партии под заглавием «Ростовская стачка», заключающего в себе резкую критику действий правительства и призывающего рабочих к противодействию его распоряжениям, путем стачек, демонстраций, насилия.

Кроме того, в квартире Свердлова оказались два воззвания, озаглавленные «Почему русскому рабочему нужна политическая свобода», один гектографированный экземпляр «Заявление бывшей Нижегородской социал-демократической организации» и два экземпляра воззвания вышеназванного Нижегородского комитета по поводу дела о сормовской и нижегородской политических демонстрациях в мае 1902 г., разбиравшегося Московской судебной палатой в городе Нижнем-Новгороде.

Все перечисленные издания, как видно из протокола осмотра их, носят характер преступно-революционный и имеют целью возбудить в рабочей среде недовольство современными условиями ее существования и сомнение в законности настоящего государственного порядка и неприкосновенности самодержавных прав верховной власти, рекомендуя идею насильственного их ниспровержения...

По соображении вышеизложенного я нахожу, что результатами произведенных по настоящему дознанию в апреле месяце 1903 г. обысков вполне устанавливается существование в Нижнем-Новгороде тайного преступного сообщества, задавшегося целью противоправительственной пропаганды, путем приготовления на гектографе и распространения преступных изданий, брошюр и воззваний, направленных к дерзостному порицанию установленного государственного порядка и оспариванию неприкосновенности прав верховной власти, а также и несомненная принадлежность к означенному сообществу обвиняемых... Свердлова...

А потому, и принимая во внимание: несовершеннолетие всех обвиняемых..., предварительное содержание под стражей обвиняемых, я полагаю: решить настоящее дознание в административном порядке и 1) Полоцкого мещанина Якова Мовшева Свердлова 18 лет... выслать под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию, сроком на 3 года...[2].

Товарищ прокурора судебной палаты Е. Хлодовский

---

[1] М. Ю., вр. канц., 1903 г., д. 16613, лл. 24—29.

Документы хранятся в ЦАОР'е и в Центральном Архиве Революции; подготовлены к печати М. Сыромятниковой. Некоторые документы публикуются в извлечениях; опускаются те сообщения, которые связаны с другими лицами, и повторяющиеся сведения. Пропуски обозначены многоточием в тексте. Многоточие в подлиннике оговорено особо.

[2] Первый раз Я. М. Свердлов арестовывался по постановлению Нижегородского губернатора от 5 мая 1902 г. на 14 дней за участие 22 апреля 1902 г. в демонстрации-протесте против полицейского произвола на похоронах Рюрикова, бывшего студента Казанского университета, жившего в Нижнем-Новгороде под гласным надзором после семимесячного заключения в тюрьме за участие в с.-д. демонстрации в Казани.

14 апреля 1903 г. Я. М. Свердлов был арестован во второй раз, а 11 августа того же года освобожден из-под ареста и подчинен особому надзору полиции в Н.-Новгороде. 18 сентября 1903 г. он был снова арестован.

Письмо Я. М. Свердлова к С. П. Миронычевой, 4 мая 1904 г.[1]

Что вы распустились, это напрасно. Только, конечно, своими правоучениями я ничего не добавлю. Поэтому лучше их и не применять...[2]. Пусть будет это давно времени колебаний, [illegible], сомнений. Но грядущее обновление неужели не способно уже и сейчас поднять лучшие элементы нашего времени до бодрости и веры? Идет же он настоящий день. Идет шумный, бурливый, сметающий по пути разрушение, хилое и старое... Близко уже заря, накладывающая свой фантастический и чарующий отблеск и прозрачность на все и вся...[2].

Про Сормово и 1 и 2 мая ходили разные слухи. Были даже слухи об избиениях. Но более достоверное — это до 50 арестов и только. Все прошло спокойно. Даже наиболее важные цехи работали. Менее же важные цехи не работали по распоряжению администрации. Все из интеллигенции, кто приезжал в этот день в Сормово, говорят, арестованы.

Я. [Свердлов].

Из отношения начальника Пермского охранного отделения в Пермское губернское жандармское управление, 27 марта 1907 г., № 505[3]

В Перми в то время, после декабрьских арестов прошлого года[4], когда были задержаны главные руководители местных революционных организаций и главным образом «Пермского комитета Российской социал-демократической рабочей партии» и арестов 11 января[4], когда были изъяты, по признанию местной публики, остатки этого комитета, сюда явились, в двадцатых числах января, из Екатеринбурга, для постановки новой организации названного сообщества, в качестве организатора, некий «товарищ Андрей Михайлович»...

«Товарищ Андрей» или «Михайлович» — после объявления всемилостивейшего манифеста 17 октября минувшего года[5], руководил всеми происходившими в Екатеринбурге беспорядками и постоянно председательствовал и [illegible] на всех происходивших там митингах революционного характера; во время ликвидации скрылся оттуда...

В Перми эти лица, в короткое относительно время, сорганизовали довольно серьезную организацию, воспользовавшись, как главными руководителями, лицами приезжими, скрывшимися из Казани, Самары, Уфы и Сормова и явившимися сюда в большинстве с нелегальными паспортами, поставив, несуществовавшие здесь ранее, военную и типографскую технику, и присоединили к комитету «боевую организацию».

Вся эта организация была обнаружена и ликвидирована, последовательно, в период с 18 марта по 10 июля, когда взяты были обе названные техники, а 11 июня были задержаны на улице и помянутые «Андрей» — с паспортом студента С.-Петербургского Лесного института Льва Сергеевича Герц, а по установке оказавшийся полоцким мещанином Яковом Мовшевым Свердловым[6].

---

[1] ДП. о. о., 1904 г., д. № 5, ч. 22, л. 164. [illegible] с копии перлюстрированного департаментом полиции письма, посланного из Н.-Новгорода в Москву по адресу: «Софийская набережная, д. городского общежития учащихся женщин». С. П. Миронычева была слушательницей высших женских курсов; приехала в Москву из Н.-Новгорода 15 сентября 1903 г.

[2] Многоточие в п[illegible].

[3] ДП. о. о., 1907 [illegible] 69—70.

[4] 1906 г.

[5] Речь идет о 1905 г.

[6] 23 сентября 1907 г. выездная сессия Казанской судебной палаты приговорила Я. М. Свердлова к заключению в крепости на два года (ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 78). Отбыв срок заключения в екатеринбургской тюрьме, 23 сентября 1909 г. Я. Сверлов уехал в качестве представителя ЦК в Москву.

В настоящее время эти лица... судебным следователем, произведенным членом Пермского окружного суда Дмитриевым, привлечены по обвинению их по ст. 126 ст. Уг. Улож. и дело [illegible] направлено в Казанскую судебную палату...

Из письма Московского окружного комитета РСДРП в Центральный комитет РСДРП, 19 декабря 1909 г., № 1[1]

Исполнительная комиссия Московского окружного комитета доводит до сведения Центрального комитета партии, что производивший ревизию Московской окружной организации агент Центрального комитета тов. Андрей [Свердлов, Я. М.] нашел работу в удовлетворительном состоянии, о чем он и должен был сообщить Центральному комитету. Неизвестно, успел ли он сделать это, так как по сведениям Исполнительной комиссии он в настоящее время арестован[2].

Во всяком случае из рассмотрения прилагаемых при сем отчетов Центральный комитет увидит, что, несмотря на полный почти перерыв сношений с партийным центром и прекращение последним высылки денег, работа в Московской окружной организации не прерывалась. И лишь в самое последнее время, она, благодаря полному отсутствию средств и способов их добывания, рискует потерять свой планомерный характер. Находя такое явление недопустимым, Исполнительная комиссия предлагает Ц. Комитету возобновить высылку денег, необходимых для партийной работы, тем более, что тов. Андрей, заявив, что деньги не были ассигнованы Окружной организации, благодаря неверным сведениям о ее деятельности, полученным Ц. Комитетом, ручался, что после его ревизии деньги будут высылаться и, найдя необходимым притти на помощь Исполнительной комиссии в ее деятельности, выдал 33 р. из сумм Областного бюро, не дожидаясь ответа Ц. Комитета.

В виду того, что с арестом тов. Андрея правильность работы Областного бюро несомненно будет нарушена, [Исполнительная комиссия] предлагает Ц. Комитету выслать следуемую за два месяца сумму, непосредственно для Московской окружной организации через Банк. Кроме того Исполнительная комиссия предлагает Ц. Комитету своевременно доставлять в организацию центральный орган партии, который до настоящего времени не получался нами в сколько-нибудь достаточном количестве, хотя, как нам известно, и присылался в Москву. Получая до сего времени сведения о жизни партии неофициальным путем, Исполнительная комиссия принуждена была в своей деятельности руководствоваться только этими сведениями, не всегда, как выяснилось, достоверными. Исполнительная комиссия считает такой порядок крайне ненормальным, и поэтому обращается в Ц. К. с просьбой систематически осведомлять ее о деятельности учреждений партии.

С товарищеским приветом Исполнительная комиссия М. О. К. РСДРП.

Письмо это в виду смены секретаря посылается за новой нумера-

---

[1] ДП, о. о., 1909 г., д. № 5, ч. 34, прод., лл. 256—257. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма с подписью: «за секретаря — Р. Фальк (В. И. Орлов), по адресу: Льеж, Леону Ж[illegible]».

[2] Я. М. Свердлов был арестован 13 декабря 1909 г. на собрании Исполнительной комиссии Московского Комитета РСДРП (ДП, о. о., 1909 г., № 5, ч. 34, л. 283). Постановлением министра внутренних дел от 11 марта 1910 г. Я. М. Свердлов был выслан в Нарымский край под гласный надзор полиции, сроком на три года за при[illegible] М[illegible]ской организации большевиков. (М.Г.Ж.У., 1910 г., д. № 13, [illegible] 3, л. 922). 27 июля 1910 г Я. М. Свердлов бежал из ссылки (ДП. V. [illegible]) [illegible] сентябре нелегально [illegible] для работы по поручению ЦК [illegible] по [illegible]влению пар[illegible] и постановке большевистской [illegible] (ДП, [illegible], 1910 г., [illegible] № 5, [illegible]).

щей. Предлагаем и вам нумеровать письма вновь с № 1. В непродолжительном времени в Ц. Комитет будут доставлены отчеты о состоянии отдельных районов Окружной организации.

Из доклада начальника Петербургского охранного отделения товарищу министра внутренних дел, 10 ноября 1910 г., № 15706 [1]

В дополнение представления от 10 сего ноября за № 15677, докладываю вашему превосходительству нижеследующее:

Настроение рабочих приподнятое.

Приехавший недавно в Петербург уполномоченный Ц. К. РСДРП, пока невыясненный «Андрей» (кличка «Махровый»), получил письмо от Ц. К., с указанием на необходимость начать агитацию за отмену смертной казни. Текст письма следующий: «Несомненно, смерть Толстого создаст настроение. Необходимо его использовать. Бросьте лозунг — «долой палачей». К демонстрациям не призывайте, но и не высказывайтесь против них. Транспорт с листком о Толстом высылаем». Письмо зашифровано. Сегодня утром «Андрей» сообщил, что листок печатается.

Фракция социал-демократов постановила обратиться к обществу с воззванием, требующим отмены смертной казни. Все заседания начинают принимать страстный характер. Похороны Толстого развязали руки и теперь каждая партия старается «использовать настроение»...

9 ноября произошло заседание общества «Источник Света и Знания». Оно по существу социал-демократическое. Присутствовало больше 100 человек. Настроение крайне приподнятое. Большинство присутствующих рабочие. Вышеупомянутый «Андрей» говорит первую речь, настаивая на необходимости забастовки в день обсуждения Государственной думой вносимого социал-демократами законопроекта об отмене смертной казни[2]. Рабочие возбуждены. Произносится ряд речей революционного характера. Один из рабочих, между прочим, говорит: «студенты уже начали протесты. Мы, товарищи, лишившиеся многих друзей, погибших на виселицах, должны присоединиться к ним. Не можем и не хотим молчать...»

Принята была следующая резолюция: «Немедленно начать агитацию за забастовку в день обсуждения вопроса в думе о смертной казни». Постановление принято единогласно.

Заседание происходило на 9-й линии В. О., д. 66, кв. 24.

Полковник (подпись)

Донесение начальника Петербургского охранного отделения в департамент полиции, 5 марта 1911 г., № 38 [3]

Центральный комитет Российской социал-демократической рабочей партии, учитывая, что социал-демократическая фракция Государственной думы 3-го созыва оказалась совершенно неподготовленной к работе в Государственной думе, благодаря чему не смогла стать авторитетом в глазах пролетариата и крестьянства, предложил еще в 1909 г., для восстановления популярности фракции, издавать легальную партийную газету, которая вместе с тем могла бы объединить и членов партии.

Вопрос этот окончательно был решен при поездке за границу на

---

[1] ДП, IV, 1910 г., д. № 338, ч. 1, лл. 170—171.

[2] Я. М. Свердлов написал листовку, изданную Выборгским районом, в связи со смертью Толстого, за подписью «Группа социал-демократов» (ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, лл. 198—201).

[3] ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, т. 3, лл. 5—8.

Копенгагенский конгресс, осенью 1910 г. членов государственной думы Николая Гурьева Полетаева и Ивана Петровича Покровского, тогда и было решено, что газета будет издаваться на средства Ц. К., думской фракции и на добровольные пожертвования. На первоначальные расходы по изданию названные депутаты от имени фракции обещали внести 1000 рублей, единовременно, и затем, ежемесячно, отчислять из своего содержания по 500 рублей. Центральный Комитет обязался, единовременно, выдать 2000 руб. и ежемесячную субсидию в 500 р., кроме того ожидались пожертвования...

После участия на Копенгагенском конгрессе Покровский и Полетаев приглашены были на заседание Центрального комитета, где и было принято решение издавать в России легальную партийную газету, под названием «Звезда», для популяризации деятельности фракции среди рабочих и крестьянских масс, а также и для борьбы с ликвидаторским и отзовистским течениями.

При этом Ц. К. указал, что первые №№ «Звезды» должны быть выпущены крайне сдержанно, придав им, по возможности, литературно-бытовой характер, а затем, постепенно, к моменту выборов в IV Государственную думу, сделать газету определенной и резко партийной, причем было поставлено обязательным условием недопущение в газете, даже в качестве сотрудников, ликвидаторов, так как основной задачей газеты являлась борьба с ликвидаторством и отзовистским течениями...

В это же время из-за границы для контроля организации издания газеты приехал агент Ц. К. партии, нелегальный Михаил Пермяков (партийная кличка «Андрей», в наблюдении — «Махровый») — мещанин Яков Михайлов Свердлов, упоминаемый в докладах от 14 и 19 ноября 1910 года за №№ 15942 и 16193)[1]... Пермяков вскоре был арестован (доклад 14 ноября 1910 г. за № 15942)[2]...

Полковник [подпись].

Из отношения начальника Томского губернского жандармского управления в Петербургское губернское жандармское управление, 27 марта 1913 г., № 20966[3]

Имею честь сообщить вашему превосходительству, что Свердлов Яков Михайлович (Мовшев) административно-ссыльный Нарымского

---

[1] Охранка ошиблась, указывая, что Я. М. Свердлов приехал из-за границы. Я. М. Свердлов писал в заграничный центр большевиков о плане и характере организуемой легальной газеты; это письмо было взято у Я. М. Свердлова при его аресте 14 ноября 1910 г. Оно опубликовано в «Красной Летописи», 1925 г., № 1/12, стр. 179—180 с копии, хранящейся в деле ДП. о. о., 1910 г., № 5, ч. 57, [illegible] л. 226.

[2] Доклад начальника Петербургского охранного отделения от 14 ноября 1910 г. № 15942 опубликован в брошюре [illegible]-Бобровской: «Яков Михайлович Свердлов», [illegible].

[3] [illegible] 1911 г. [illegible]вление Особого совещания о высылке Я. М. [illegible] (ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 34). 18 июня 1911 г. Я. М. [illegible] попытку бежать из ссылки. Вот что сообщает об этом [illegible]их в письме от 25 декабря 1911 г.: «Жил был здесь [illegible]те. Был он в отлучке и пойман. Когда он попал в [illegible] отпустил всех ссыльных из каталажки на «честное» слово, но [illegible]ое отказался. Тем не менее его отпустили. Он явился на пароход [illegible] партия, а потом с парохода отлучился. Ну — с, тем бы дело и [illegible] черт дернул Туркина взять его чемодан и понести на берег: зачем [illegible]. Стражники заметили этого посыльщика и арестовали его. Тогда А. [illegible]ево. В это время здесь был губернатор и исправник. Он доказы[illegible], что все это недоразумение [illegible] Яр, за 600 верст от Ко[illegible]. Ночью его взяли и увезли. Теперь человек в ужаснейших условиях. Долго ли так продлится, не знаю... Надежды очень мало на освобождение... (ДП, пер-ция, 1911 г., № 1 (декабрь), л. 458).

[4] ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 57.

края; первоначально он был водворен в с. [illegible] края.
За время пребывания в этом селе Свердлов, в числе прочих [illegible]
[illegible] прошлого года в месте водворения воссоздать, так назы-
ваемую, «Колпашевскую» организацию политических [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible], библио-
[illegible]
тека и проч.).

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
планомерно и [illegible].

Так как расследованием по этому делу достаточных данных для
привлечения Свердлова и прочих лиц к судебной ответственности не
добыто, то в интересах охранения государственного порядка и обще-
[illegible] Свердлов был распоряжением г. томского губер-
натора переведен в более отдаленную местность Нарымского края, сел.
Парабель, откуда он с 6 на 7 сентября[1] 1912 года скрылся...

За начальника управления ротмистр Роговский.

Письмо Я. М. Свердлова О. А. Дилевской, 23 декабря 1912 г.[2]

Милая Ольга! Берусь за перо с намерением много, много написать.
[illegible] До сих пор мое положение еще
[illegible] Не знаю, где и как я
[illegible] Есть некоторые
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] Ну,
[illegible] скверные бы-
[illegible]
вают переживания. Поговорю о более интересном.

Во-первых, необходимо описать поездку от Колпашева до Томска.
[illegible] 6 р., я ехал на паре. Даль-
[illegible] 6 р. и последний — 120 в.
[illegible] Это возможно.
[illegible] Народ хороший после пер-
[illegible] Дальше уже само
[illegible] Не знаю, удастся ли
[illegible] в Томске. Увы,
их выручить. Мне составили маленький комплект уже в Томске. Увы,
пропал для меня мой чудесный чемоданчик. Вообще пока приходится
обходиться без всяких вещей.

Теперь [illegible] «Луч»[3]. Тираж: [illegible] в начале,
апрель — май, поднялась до 80 тыс., [illegible] до 12—15. теперь
23 тыс., «Луч» все время шел 5—6 тыс., последнее время поднялся до

---

[1] В [illegible] ...бря» ошибочно — надо «декабря». В начале сентября 1912 г. Я. М. Свердлов сделал попытку бежать из Нарыма, но 12 сентября был арестован. (Д. П., о. о., 1912 г., д. № 5, ч. 82, лит. Б, л. [illegible]).

[2] ДП, о. о., 1911 г., № 122, лит. А, т. 4, л. 188. [illegible] с копии перлюстрированного департаментом полиции письма из [illegible] Колпашево, Томской губ. на имя Л. И. Дилевской, матери О. А. Д[illegible]. [illegible] Я. М. Свердлов скрывался временно в Колпашево у сосланной туда Дилевской, где чуть было не был обнаружен.

[3] «Луч» — легальная газета меньшевиков-ликвидаторов, издававшаяся в Петербурге; начала выходить с сентября 1912 г.

9—10 тыс. Случилась любопытная история. Ликвидаторский «Луч» именуется «рабочая социал-демократическая газета», а «Правда» просто «рабочая газета». Рекламирует себя «Луч», порой до безобразия. При том играет все время на словах «единство», «объединение» и использует их так, что у широкого круга читателей впечатление, что «Луч» за единство, а большевики за «раскол». По существу это положительно неверно, но большевики не могли использовать самое слово, да и до сих пор не могут, — нет годных для этого людей, — выбить это сомнительное оружие из рук ликвидаторов, а между тем это необходимо.

Теперь Международное социалистическое бюро берет на себя инициативу созвать представителей всех социал-демократических течений в России с целью объединения. На полное объединение совсем трудно рассчитывать, но кое с кем оно возможно. Поживем увидим.

Состав фракции — 6 большевиков, все рабочие из всех рабочих губерний, 6 меньшевиков, 1 примыкает к ним, но за декларацию голосовал большевистскую. С декларацией чуть-чуть не вышло скандала. Меньшевики проводили было лозунг: «полновластная дума» и «пересмотр аграрных законоположений 3-й думы». Каково? В особенности хорош последний лозунг. Едва-едва удалось провести приличную декларацию. Но скверно, что часть депутатов большевиков настроена примиренчески и даже поддается на демагогическое заигрывание с «единством». Как на грех, меньшевиков здесь много, при том принимающих участие в работах фракции. Большевики тоже есть, но во фракции почти никто не работает, а между тем это положительно необходимо. Вообще работа по Питеру идет сносно... Положение в общероссийском довольно печальное. Отдельные кружки и никаких почти между ними связей. Если аллах поможет, кое-что придется предпринять для их объединения. Увидим, что будет. Сегодня жду кое-каких известий и быть может уеду на полторы-две недели. Пока не пишите и не посылайте. Вере[1] пишите обо мне, что здоров и шлю привет. Привет вам и друзьям.

Макс [Свердлов].

Простите, что пользуюсь вашим адресом. Передайте письмо Ольге.

Из агентурной записки Московского охранного отделения о деятельности Российской социал-демократической партии, 10 января 1913 г.[2]

Во время рождественских праздников в г. Кракове состоялся ряд совещаний представителей «Ленинского» центра с несколькими из особо видных и близких к таковому партийных работников...

Собрание это, в видах конспирации и введения в заблуждение представителей правительственной власти, приняло наименование «Февральского (1913 г.) совещания Ц. К. РСДРП с партийными работниками». Обсуждался собранием ряд вопросов, вызванных к жизни обстановкой текущего момента.

Порядок дебатировавшихся вопросов был следующий:

А. Революционный подъем, стачки и задачи партии;
Б. Строительство нелегальной партии и легальная работа;
В. Думская фракция;
Г. Страховая кампания;
Д. «Правда» и «Просвещение»;
Е. Отношение к августовской конференции и к ликвидаторам;
Ж. Национальный вопрос внутри партии;

[1] Вера — В. А. [illegible]
[2] [illegible]

По всем перечисленным вопросам был вынесен ряд резолюций, часть из коих, по соображениям необходимой конспирации, не будет опубликована.

Вслед за окончанием указанных совещаний организованы были заседания Центрального комитета партии.

А) К прежнему составу ЦК присоединены вновь кооптированные: а) депутат Петровский, б) «Андрей Уральский» (Свердлов)...

Г) Выяснено, что настоящий состав редакционного комитета газеты «Правда» совершенно не удовлетворяет своему назначению... Решено сменить состав редакционного комитета и ввести в таковой... а) указанного выше «Андрея Уральского»... ответственным издателем попрежнему останется Бадаев.

Д) Созданы по примеру прежних лет «Русское» и «Заграничное» Бюро Ц. К. партии...

В «Русское» Бюро Ц. К. избраны «Коба»[1], «Андрей Уральский»...

Из отношения директора департамента полиции начальнику С.-Петербургского охранного отделения, 6 февраля 1913 г.[2]

В департаменте полиции получены сведения о том, что вечером 22 января сего года в квартире члена государственной думы Григория Иванова Петровского состоялось собрание членов Русского бюро Ленинского Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии в составе Андрея Свердлова, членов государственной думы Петровского и Малиновского[3], Голощекина. На заседании обсуждались вопросы: 1) о постановках тайных типографий в Гельсингфорсе и на Урале. 2) о сформировании областных Бюро на Урале и в Харькове. Собрание постановило: ...2) командировать на Урал для оборудования технической стороны типографии Свердлова, Петровского и «Кобу» (в установке Иосиф Джугашвили)...

По тем же сведениям 22 января с. г. в квартире члена государственной думы Петровского состоялось совместное собрание членов Русского бюро Центрального комитета и редакции газеты «Правда», всего в числе 12 лиц. На собрании был заслушан доклад Центрального комитета о газете «Правда», не проводящей строго партийных начал. Совещание выработало следующий план: из состава редакции названного органа избираются три члена для редактирования газет и еще одно лицо, не принадлежащее к составу редакции, с правом veto и цензурой всех статей, а именно член Ленинского Центрального комитета Андрей Свердлов; кроме сего в состав редакции приглашены: секретарь некая «Наташа», она же Конкордия...[4].

Вице-директор С. Виссарионов.

Из справки департамента полиции о Я. Свердлове, 1913 г.[5]

Свердлов, Яков Михайлов, мещанин гор. Полоцка, еврей, 28 лет, известный в революционной среде под кличками «Андрей» и «Светлов» в 1902 г. за участие в демонстрации на похоронах студента Рюрикова, в Нижнем-Новгороде, где Свердлов родился, был подвергнут двухмесячному аресту[6] в административном порядке.

В 1903 г. привлекался при Нижегородском губернском жандармском

---

[1] «Коба» — революционная кличка И. В. Сталина.

[2] ДП, о. о., 1913 г., д. № 5, ч. 57, л. 41.

[3] Малиновский — провокатор; из-за его предательства 10 февраля 1913 г. был арестован Я. М. Свердлов. В 1918 г. Малиновский был расстрелян советской властью.

[4] Самойлова.

[5] ДП, о. о., 1913 г., д. № 307, лл. 374—375. Точная дата отсутствует.

[6] Ошибка — Я. М. Свердлов в 1902 г. был подвергнут аресту на 14 дней.

управлении к дознанию по делу об издании противоправительственных воззваний и брошюр, но на основании высочайшего манифеста 11 августа 1904 г. дело о нем было прекращено.

В 1907 г. Свердлов за принадлежность к Пермскому комитету Российской социал-демократической рабочей партии был приговорен Казанской судебной палатой к заключению в крепости на два года, каковое наказание и отбыл.

13 декабря 1909 г. Свердлов был арестован в гор. Москве, на собрании Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, причем при аресте назвался крестьянином Симбирской губернии, Курмышского уезда, Иваном Ивановым Смирновым, и оказался проживающим в Москве по бессрочной книжке, на имя названного Смирнова.

В виду сего Свердлов по утвержденному 11 марта 1910 г. постановлению особого совещания был выслан в Нарымский край Томской губернии, под гласный надзор полиции на три года, но 27 июля того же года из места его водворения скрылся и лишь в ноябре 1910 г. был задержан в С.-Петербурге и случайно опознан находившимся в участке дворником дома № 36 по Баскову переулку, признавшим в нем лицо, проживавшее в означенном доме по паспорту на имя мещанина гор. Кунгура, Пермской губернии, Михаила Георгиева Пермякова. По обыску, произведенному тогда же в квартире Пермякова... были обнаружены записка, с зашифрованными фамилиями и письмо за подписью «Андрей», в коем автор, указывая на затруднения по изданию какой-то газеты, сообщает своему товарищу «о необходимости денег для восстановления здешней работы», жалуется на недостаток работников и указывает на необходимость «сделать главным оружием работы небольшой орган и листковую программу и агитацию..»[1].

Вследствие сего, Свердлов был привлечен в декабре 1910 г. при С.-Петербургском губернском жандармском управлении к дознанию по 102 ст. Угол. Улож., но таковое, за отсутствием формальных улик против него, постановлением С.-Петербургского губернского совещания от 14 апреля 1911 г. прекращено.

По утвержденному же 5 мая 1911 г. постановлению особого совещания Свердлов был выслан в Нарымский край, Томской губернии, под гласный надзор полиции на 4 года, без приведения в исполнение состоявшегося о нем в марте 1910 г. постановления того же совещания.

Отбывая определенный ему срок высылки, Свердлов принял 1 мая 1912 г. участие в демонстрации административно-ссыльных Нарымского края и был по этому делу арестован, а в ночь на 7 декабря того же года скрылся и возвратившись нелегально в гор. С.-Петербург поселился в квартире члена государственной думы Петровского, где проживал без прописки...[2].

Из записки Московского охранного отделения о деятельности Российской социал-демократической рабочей партии, 15 августа 1913 г.[4]

27 июля сего года, в Австрии, в дер. «Поронино» (в шести верстах от Закопани), где проживает на даче Ленин, состоялось частное совеща-

[1] Речь идет о письме Я. М. Свердлова в заграничный центр большевиков по пово[illegible]вшейся к изданию в Петербурге большевистской легальной газеты. См. [illegible] стр. 77.

[2] 10 [illegible] Я. М. Свердлов был арестован на квартире Г. И. Петровского [illegible] одиночную тюрьму (ДП, о. о., д. № 307, л. [illegible]).

[3] [illegible] постановлением Особого совещания Я. М. Свердлов был выслан [illegible] край (ДП, V, 1913 г., д. № 158, л. 89).

[4] ДП, о. о., 1910 г., д. № 5, прод. 4, лл. 102—109.

[illegible]

ние представителей Ц. К. Российской социал-демократической рабочей партии...

Совещаясь по существу поставленных в «порядок дня» вопросов, настоящее собрание пришло к следующему:...

К) так как в русской коллегии Ц. К. в настоящее время, после ряда арестов и провалов, остались лишь два члена, то решено было наметить кандидатуры новых лиц для кооптирования в Ц. К. и в агенты его. В Ц. К. оказались намеченными:... указывавшийся ранее «Коба», побег коего из места административной высылки ожидается осенью текущего года[1], и 5) Андрей Свердлов, который также в ближайшем будущем должен бежать из места ссылки[2].

С поименованными лицами должны теперь же начаться переговоры, дабы, если они успеют, пригласить их на осенние совещания заграницу, а в противном случае выяснить вопрос об устройстве для них совещания позднее, в пределах России...

Начальник отделения
подполковник Мартынов.

Письмо А. Бадаева Я. М. Свердлову, 29 декабря 1913 г.[3]

Дорогой Яков Михайлович! Письма оба получил, одно из них с корреспонденцией; одновременно с письмом посылаю 25 руб., собранные группой студентов; они вероятно напишут письмо. Мы очень рады хоть здоровье и настроение хорошее, в таких тяжелых условиях.

В данный момент слишком тяжелые условия, очень большие аресты; это, вероятно, перед 9 январем... Все товарищи по фракции разъехались и соберутся не ранее 10 января. Я здесь оставлен один, да и то чуть не арестовали. Градоначальник оштрафовал на 200 руб. меня за вмешательство в действие полиции при похоронах при взрыве на минном заводе 9 сентября. Я отказался платить, разумеется, штраф, как незаконно положенный; он заменил арестом на 6 недель и думал посадить, что вызвало шум даже в буржуазных газетах, как, например, «Речь»[4] и им подобные. Через четыре дня после решения градоначальник сообщил мне бумажкой, что это будет выполнено после роспуска IV думы, но не на каникулы. Так немножко сорвалось.

Очень приятно, что вы свой голос присоединяете к шести; одним будет больше[5]. Подсчитали голоса за 6 и 7 человек по 1 декабря: в Петербурге за семерых — 700 голосов, за шестерых — 5 900, а по всей России с разных мест по 1 декабря за семь — 3 или 4 тысячи, а за шесть — 9 тысяч, но кроме того, они уже воду пьют, т. е. больше резо-

---

[1] «Коба» — И. В. Сталин был арестован в Петербурге 23 февраля 1913 г. и сослан в Туруханский край.

[2] Переписка департамента полиции с местными властями о мерах предотвращения побега из ссылки И. В. Сталина и Я. М. Свердлова опубликована в брошюре Зеликсон-Бобровской: «Яков Михайлович Свердлов», Политиздат, 1938 г., стр. 35—37.

[3] ДП, о. о., 1914 г., д. № 307, л. 241. Воспроизведено с копии перлюстрированного департаментом полиции письма из Петербурга в с. Монастырское, почт. станция Селиваниха, Туруханского края.

[4] «Речь» — ежедневная газета в Петербурге, основанная в 1906 г.; выходила до 1918 г. как официальный центральный орган кадетской партии.

[5] Имеется в виду выход в октябре 1913 г. после упорной борьбы с ликвидаторами, мешавшими революционной работе большевиков, шести депутатов большевиков из существовавшей первоначально одной общей социал-демократической фракции Государственной думы IV созыва. Депутаты большевики образовали самостоятельную большевистскую фракцию.

люций нет, а у нас провинциальные города только тронулись с резолюциями. Потом подсчитали все голоса — вот по этому ваш голос важен, а потом деньги на разные цели несут, если к ним 150 руб., то к нам 1000 приносят и во всем остальном, если с позволения сказать, забили.

С газетой «Речью» устроимся посылкой, но об остальных — рабочих газетах и журналах — сказать очень трудно. Нам кажется, что это какая-то пропасть, где все проваливается, кроме «Речи», известной газеты полиции, а остальные все ими пожираются.

Дорогой! все это посылалось ни один раз при выходе в свет, как газеты, так и журналы: ведь, деньги 20 руб. посланы чорт знает когда, а вы не получили. Вот и представляешь себе, как трудно дойти какимнибудь журналам, но посылать будем, а относительно летнего совещания [1] будет сообщено в скором времени.

Ну, есть, кажется, все, что знаем написать. Теперь я Вам желаю доброго, доброго здравия и жму крепко руку. У нас, нам так кажется, все, все хорошо по сравнению с прошлым годом. Ну, еще приветствует моя Анна Анисимовна и мои детки и все знакомые, вам, а также кланяется Федор Никита [2].

Из донесения начальника Московского охранного отделения в департамент полиции, 27 апреля 1914 г., № 291815 [3].

Имею честь представить вашему превосходительству нижеследующие агентурные сведения, полученные мной из весьма осведомленного источника:

Член Государственной думы, социал-демократ Петровский, вернувшись недавно из-заграницы, где он был у известного Ленина, передал членам думской социал-демократической рабочей фракции (шестерка) следующие, выработанные Лениным, предположения о дальнейшем направлении партийной деятельности:

По определению Ленина (относится к середине апреля сего года), сильно поднявшееся за последнее время революционное настроение в России имеет тенденцию расти дальше, но, не будучи в достаточной степени руководимо, за отсутствием налаженных подпольных организаций, может оказаться бессильным и бесцельным. Поправить положение может только партийный съезд, для созыва коего необходимо напрячь все силы.

Съезд политически сорганизует рабочих и даст определенные директивы, убьет ликвидаторов и думскую «семерку».

Отсутствие в настоящее время авторитетного партийного центра и налаженного подпольного партийного аппарата сильно дезорганизует выбивающееся из под влияния социал-демократов растущее рабочее движение; отсутствие этого аппарата, именно теперь, дает себя очень остро чувствовать.

Ленин предлагает теперь же наладить дело, сорганизовать при Цен-

---

[1] Речь идет о совещании Ц. К. с партийными работниками, происходившем в местечке Поронино близ Кракова с 5 по 14 октября нов. ст. 1913 г. Оно называлось «летним» или «августовским» по конспиративным соображениям.

Извещение Ц. К. РСДРП о «летнем» совещании 1913 г. опубликовано в приложении к соч. Ленина, т. XVII, стр. 675—680.

[2] Повидимому, речь идет о Федоре Никитиче Самойлове, члене соц.-демократической фракции большевиков.

[3] ДП, о. о., 1914 г., д. № 307, прод. 1, лл 296—297. Документ опубликован в «Красном Архиве», т. 62, стр. 247.

6*

тральном комитете особую комиссию из выдающихся и известных рабочих, пользующихся доверием рабочей массы...

Кроме указанной комиссии, так называемые, «организационные» (по созыву партийного съезда) комиссии: в Москве, на Кавказе, на юге и на Урале.

Комиссии эти должны поднять авторитет центральных партийных учреждений...

Для успешности созыва партийного съезда устроить организационные объезды, для чего вызвать (устроив побеги) известных выдающихся партийных деятелей: Андрея Свердлова, Иосифа Джугашвили («Коба»)...[1].

Удостоверение, выданное Я. М. Свердлову Центральным комитетом РСДРП(б) [апрель] 1917 г.[2]

Центральный Комитет Российской Социал-демократической Партии

Удостоверяет, что тов. Я. М. Свердлов (Андрей) был сослан в качестве члена Центрального комитета в Туруханский край и, как амнистированный, прибыл 29 марта.

Ц. К. просит оказать товарищу нужную помощь.

Секретарь Бюро Ц. К. [подпись].

Из откликов на смерть Я. М. Свердлова

Протокол экстренного заседания Всероссийского центрального исполнительного комитета, посвященного памяти председателя ВЦИК Я. М. Свердлова, 18 марта 1919 г.[3].

Слушали: Доклад тов. Ленина и предложение от имени Президиума ВЦИК.

Постановили: 1. Схоронить тело скончавшегося тов. Я. М. Свердлова на братских могилах на Красной площади.

2. В Нижнем-Новгороде основать Крестьянский университет имени Я. М. Свердлова.

3. В заложенном дворце Октябрьской революции открыть Всероссийский Пролетарский университет имени Я. М. Свердлова и ассигновать 25 мил. рублей на скорейшее исполнение сего постановления.

4. Театральную площадь переименовать в площадь имени Я. М. Свердлова.

5. Поставить памятник на могиле скончавшегося тов. Я. М. Свердлова.

Председатель ВЦИК М. Владимирский.
Секретарь ВЦИК В. Аванесов.

---

[1] Бежать ни Я. М. Свердлову, ни И. В. Сталину не удалось. 9 февраля 1914 г. Я. М. Свердлов писал сестре, что их обоих перевели в с. Курейку на Крайний Север. Енисейский губернатор в ответ на отношение департамента полиции, предостерегающее о возможности побега И. В. Сталина и Я. М. Свердлова, сообщал в департамент полиции, что «меры к предупреждению их побега приняты». Документ опубликован в брошюре Зеликсон-Бобровской: «Яков Михайлович Свердлов», Политиздат 1938 г., стр. 36—37.

[2] ЦАОР, ф. 5, д. 9/22, л. 7.

Настоящее удостоверение было выдано Я. М. Свердлову для представления в Комиссию Государственной думы по оказанию помощи политическим ссыльным, куда он обратился с просьбой выдать ему 400—500 р. на приобретение одежды, обуви и белье, так как он возвратился из ссылки без самого необходимого (ЦАОР, ф. 5, д. № 9/22, л. 8 об.). Комиссия выдала Свердлову 400 руб

[3] ЦАОР, ф. 1235, оп. 22, д. № 10, л. 55.

Телефонограмма Московского Губисполкома и Губкома РКП(б) Всероссийскому центральному исполнительному комитету, 17 марта 1919 г.[1]

Московский Губсовдеп и Губернский комитет РКП(б) выражают свое глубокое сочувствие и скорбь об утрате вождя русских рабочих товарища Якова Михайловича Свердлова. Память о первом председателе Всероссийского совета революционных рабочих и крестьян всегда останется священной для русского пролетариата.

Президиум Московского совета.

Телеграмма ЦК РКСМ Президиуму ВЦИК'а, 17 марта 1919 г.[2]

Центральный комитет Всероссийского коммунистического союза молодежи чтит память усопшего товарища и выражает [Всероссийскому] Центральному исполнительному комитету свое горячее сочувствие.

Центральный комитет.

Телеграмма Харьковского губисполкома Всероссийскому центральному исполнительному комитету, 17 марта 1919 г.[3]

Харьковский губисполком с глубокой скорбью заслушал на своем заседании от 16 с/м. сообщение о смерти председателя ВЦИК т. Свердлова. Ушел от нас товарищ, стоявший во главе революции, во главе ее верховного органа с момента победоносного восстания трудящихся в Октябре, стоявший во главе ее в тяжелые страшные дни Брестского мира, оккупации империалистскими хищниками большей части нашей территории. Всегда и неизменно т. Свердлов был на своем посту верным стражем пролетарской революции. Он ушел от нас в момент победоносно развивающейся мировой революции, в момент воссоединения оторванных империализмом частей Советской России в единую великую Российскую коммуну.

Мы, рабочие и крестьяне Украины, недавно вернувшиеся вновь в родную семью, возглавляемую ВЦИК, с особой болью восприняли смерть главы ее тов. Свердлова. Его имя было символом братской нам Советской России.

С горячим энтузиазмом приветствовали мы недавно тов. Свердлова на Съезде Советов освобожденной Украины; с тяжелым чувством узнали мы о смерти того, кто именем Советской России предлагал нам тесный братский союз.

Вечная память лучшему борцу! Да здравствует победа пролетарской революции!

Харьковский Губисполком.

Телеграмма Военно-революционного комитета Башкирской советской республики Всероссийскому центральному исполнительному комитету и Центральному комитету РКП(б)[4].

Военно-революционный комитет Башкирской советской республики, как выразитель воли всего башкирского пролетариата, в нашем лице выражает свою глубокую скорбь по поводу смерти лучшего борца за право угнетенных и беднейших — товарища Свердлова, но верит, что

---

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 63, д. № 435, л. 128.
[2] Там же, л. [illegible].
[3] Там же, лл. [illegible] и 110.
[4] Там же, л. 1[illegible].

пролетариат не забудет его заветов, которые будут озарять путь к творчеству, труду и пролетарской революции.

Члены Башкирского военно-революционного комитета [подписи].

Телеграмма Облисполкома Киргизской степи из Урды Всероссийскому центральному исполнительному комитету, 28 марта 1919 г.[1]

Областной исполнительный комитет Советов Киргизской степи выражает глубокое соболезнование по случаю утраты дорогого товарища Свердлова, одного из лучших вождей революции.

Председатель [подпись].

Телеграмма Президиума ЦИК Литвы и Белоруссии из Вильны Всероссийскому центральному исполнительному комитету, 17 марта 1919 г.[2]

До глубины души потрясены ужасной вестью о смерти неоценимого, дорогого всем трудящимся массам товарища Свердлова. Память о его неутомимой работе по строительству и укреплению Советской власти останется навсегда в сердцах революционного пролетариата всего мира.

Президиум Центрального исполнительного комитета Советов Литвы и Белоруссии.

Телеграмма ЦК коммунистической рабочей партии Польши Всероссийскому центральному исполнительному комитету, 17 марта 1919 г.[3]

Потрясены до глубины сердца известием о смерти славного борца III Коммунистического Интернационала, неутомимого труженика в деле создания и укрепления Советской власти. Вечная память дорогому Свердлову.

Центральный исполнительный комитет Коммунистической рабочей партии Польши.

Телеграмма Реввоенсовета XIII армии Всероссийскому центральному исполнительному комитету, 16 марта 1919 г.[4]

Солдаты Красной XIII армии испытывают острую боль и горе, узнав о кончине закаленного в борьбе вождя революции товарища Я. М. Свердлова, любимого всеми членами нашей партии, всеми пролетариями. Кто не знал тов. Свердлова, кто не слушал его пламенной строгой речи, кого из нас не воодушевлял его мощный голос в самые тяжелые минуты борьбы? Он был первый в наших рядах; в подполье, изгнанником на чужбине, в открытой борьбе он всегда отдавался всем своим существом делу рабочего класса. Других забот у него не было. Вот почему потеря его так сильно потрясает нас, знавших его. Но если наши сердца сжимаются от боли при вести о его потере, то пусть знают враги пролетариата, что мы не позволим им злорадствовать, слыша наше горе. Пусть знают, что память о таких товарищах, каким был для нас Свердлов, бессмертна в сердцах пролетариата, что до

---

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 63, д. № 435, л. 136.
[2] Там же, л. 337.
[3] Там же, л. 336.
[4] Там же, лл. 366—367.

конца он будет с нами, что память о нем будет воодушевлять слабых и вдохновлять смелых на последний и решительный бой за освобождение всех трудящихся, всех угнетенных и эксплоатируемых.

Революционный военный совет XIII армии.

Телеграмма политотдела IX армии Центральному комитету РКП(б), 19 марта 1919 г.[1]

Коммунисты IX армии поражены неожиданной кончиной Якова Михайловича. Потеря особенно тяжела сейчас, в связи с неудержимым продвижением нашей армии и развивающимися успехами мировой революции; для нее жил и за нее умер товарищ Свердлов, и торжествовать победу так больно без него. Перед трупом борца мы опустили алые знамена только для того, чтобы еще выше еще смелее поднять их на стенах Ростова и Екатеринодара.

Политотдел IX армии.

Телеграмма объединенного заседания тульских советских, партийных и профессиональных организаций Президиуму ВЦИК'а, 18 марта 1919 г.[2]

Объединенное заседание Тульского совета рабочих и красноармейских депутатов, Губисполкома, правлений всех профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов и прочих пролетарских организаций г. Тулы, получив печальную весть о безвременно скончавшемся председателе Всероссийского центрального исполнительного комитета т. Свердлове, выражает свою глубокую скорбь по поводу великой утраты, понесенной рабоче-крестьянской Советской Россией в лице Якова Михайловича, всегда бдительно стоявшего на первом революционном посту Советской республики. Вместе с тем объединенное заседание выражает уверенность, что российский и международный пролетариат сохранит память о незабвенном первом председателе ВЦИК Советской России, и что могучая революционная воля и железная стойкость проводника пролетарской диктатуры и борца за царство коммунизма послужат неотразимым примером всем трудящимся в начавшейся борьбе международного пролетариата за свержение ига капитала.

Вечная память т. Свердлову, отдавшему всю свою жизнь за рабочее дело, вечная память герою великой Российской коммуны! Да здравствует всемирная федерация Советских республик, за торжество которой боролся до последней минуты Яков Михайлович!

Телеграмма М. Калинина Всероссийскому центральному исполнительному комитету, 19 марта 1919 г.[3]

Комиссариат городских хозяйств СКСО[4] и правление союза рабочих Комгорхоза выражает свою глубокую скорбь по поводу смерти первого председателя высшего органа пролетарской диктатуры.

Председатель коллегии Комиссариата городских хозяйств
М. Калинин.

---

[1] ЦАОР, ф. [illegible]
[2] Там же, [illegible]
[3] Там же, [illegible]
[4] [illegible]

Автографы Я. М. Свердлова[1]

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 63, д. № 435, лл. 53—58. В своей телеграмме от 2 марта 1919 г. Я. М. Свердлов сообщает Аванесову о том, что он остается на III Всеукраинский съезд Советов. Во второй части телеграммы Я. М. Свердлов дает указания по подготовке VIII съезда партии, открывшегося 18 марта 1919 г.

ТЕЛЕГРАММА

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

т 2 марта
Всеукраин-
казания по

Телеграмма съезда паровозных бригад Риго-Орловской ж. д. Всероссийскому центральному исполнительному комитету, 18 марта 1919 г. [1]

Съезд паровозных бригад Риго-Орловской ж. д., получив печальное известие о кончине тов. Свердлова, с сокрушением отмечает этот печальный для всего пролетариата России и пролетариата всего мира факт и день. Безвременно ушел из рядов виднейших борцов за рабочее дело тов. Свердлов, но пролетариат не забудет труды тов. Свердлова и каждый его шаг, каждое его слово глубоко лелеется в сердце каждого трудящегося. Пусть спит спокойно в могиле борец за рабочее дело, пусть он знает, что дело освобождения трудящихся идет быстро вперед.

Съезд паровозных бригад Риго-Орловской ж. д. заявляет, что паровозники выдержат до конца всю трудную работу, которая возложена на них революцией, во главе со своими славными вождями.

Председатель с'езда [подпись].

Телеграмма съезда крестьянских депутатов Новинской волости Московской губ. Президиуму ВЦИК'а, 20 марта 1919 г. [2]

Новинский съезд крестьянских депутатов, узнав о преждевременной кончине дорогого вождя всего пролетариата, товарища Свердлова, выражает глубокую скорбь Всероссийскому центральному исполнительному комитету и Всероссийскому комитету Российской коммунистической партии и сочувствие семье и родственникам. В память [Свердлова] отныне на съезде провозглашается волость имени Свердлова.

Президиум съезда.

---

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 63, д. № 435, л. 355.
[2] Там же, л. 238.

Кандеевское восстание в 1861 г.

В статье «Пятидесятилетие падения крепостного права» В. И. Ленин писал: «В государствах Западной Европы последние остатки крепостного права были уничтожены революциями 1789 года во Франции, 1848-го в большинстве остальных стран. В России в 1861 году народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу. Крестьянские восстания того времени остались одинокими, раздробленными, стихийными «бунтами», и их легко подавляли. Отмена крепостного права была проведена не восставшим народом, а правительством, которое после поражения в крымской войне увидело полную невозможность сохранения крепостных порядков.

Крестьян «освобождали» в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти «освободители» так повели дело, что крестьяне вышли «на свободу» ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам»[1].

Буржуазно-помещичья историография потратила не мало сил, чтобы представить крепостническую реформу 1861 г. «мирной» реформой, всячески затушевывая ее классовый характер. В действительности крестьянство, ограбленное реформой, ответило на нее новой волной стихийных «бунтов» и возмущений, прокатившейся по всей России, подавленных с необычайной жестокостью специально разосланным с этой целью царскими «послами» — генерал- и флигель-адъютантами. Наиболее ярким выражением крестьянского движения в этот период были восстания в с. Бездне, Казанской губ., и в Пензенской и Тамбовской губерниях, имевшее своим центром с. Кандеевку.

Бездненское восстание получило уже довольно полное освещение в нашей исторической литературе. Кандеевское же восстание, имеющее не меньшее значение по центральному положению охваченного им района, по своей массовости — в нем участвовали многие тысячи крестьян десятков сел и деревень,— и сплоченности, до сих пор освещено совершенно недостаточно. В работах Попельницкого, Игнатович, Е. А. Мороховца[2], о нем имеются лишь беглые замечания. Напечатанный в «Русской старине»[3] отчет ген.-м. Дренякина о подавлении им восстания, отличается односторонностью, предвзятостью и ставит своей задачей оправдать учиненную Дренякиным жестокую расправу с крестьянами. Опубликованное в «Красном архиве»[4] М. Нечкиной письмо священника с. Покровского С. Глебова освещает лишь один из эпизодов этого восстания.

Публикуемые нами архивные материалы хранятся в Центральном архиве революции — фонд III отделения с. е. и. в. канцелярии и в Ленинградском Архиве внутренней политики, культуры и быта — фонд департамента полиции, земский отдел, 1-е и 4-е делопроизводство и донесения флигель-адъютан-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 108—109

[2] Ст. Попельницкого «Первые шаги крестьянской реформы», сб. «Великая реформа», V; ст. Игнатович «Встреча на местах», там же; Мороховец, см. сб. «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», т. II, изд. Центрархива, 1931 г.

[3] «Русская старина», 1885 г., т. 46.

[4] «Красный архив», т. 36, стр. [illegible]

тов. При всей тенденциозности документы существенно дополняют картину восстания. В частности, много интересных подробностей содержится в списках осужденных наиболее активных участников восстания.

Стихийное и лишенное пролетарского руководства, как и другие крестьянские восстания этого периода, Кандеевское восстание было обречено на поражение. «В 1861 г. крестьяне способны были только на «бунты». В течение десятилетий после 1861 года русские революционеры, геройски стремясь поднять народ на борьбу, оставались одинокими и гибли под ударами самодержавия. К 1905 году окреп и вырос в долголетней стачечной борьбе, в долголетней работе пропаганды, агитации, организации, которая велась социал-демократической партией, русский рабочий класс. И он повел весь народ, повел миллионы крестьянства на революцию»[1].

Документы подготовлены к печати Е. Седовой.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов ген.-ад. кн. Долгорукову, 11 марта 1861 г., № 51[2]

Вчерашнего числа, т. е. 10 марта прибыл в Пензу свиты е. и. в. ген.-майор Дренякин. При моем представлении к нему я имел честь получить секретный пакет с телеграфным ключем и с инструкцией вашего сиятельства для штаб-офицеров по случаю освобождения крестьян из-под крепостной зависимости. Сегодня разосланы будут курьеры по уездным городам, а завтра после обеда манифест будет прочитан во всех приходских церквах г. Пензы.

Почтительнейше донося о сем вашему сиятельству, имею честь присовокупить, что вообще состояние умов не возбуждает здесь никаких серьезных опасений. Напротив, никогда не было так спокойно, как теперь. Не знаю, как встречен будет манифест и Положение в крестьянском сословии, но дворяне ими, повидимому, очень довольны, и я слышал, как ген. Арапов говорил некоторым предводителям дворянства, что надобно непременно благодарить за них государя императора особым адресом.

Майор Лакс.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов Долгорукову, 18 марта 1861 г., № 59[3]

По сведениям, полученным из уездов, спокойствие в губернии после обнародования высочайшего манифеста пока еще ничем не нарушилось. Однако на народ он нигде не производит особого впечатления: все как будто в него всматриваются, боясь наперед радоваться или печалиться; нигде не было выпито лишней чарки вина. Дворянство же все вообще довольно новым Положением. В губернском присутствии приступают к выбору мировых посредников.

Почтительнейше донося о сем вашему сиятельству, я не смею умолчать о частном слухе, только что до меня дошедшем: в Нижнеломовском уезде в дер. Сергиевской Вирге крестьяне, по обнародовании манифеста, перестали повиноваться помещику г. Анокову и, подозревая, что священник прочел не тот манифест, какой следует, наделали ему оскорбления. Туда поехал уже уездный исправник. На днях это происшествие, если оно только справедливо, должно подтвердиться официальным донесением.

Майор Лакс.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 109—110.
[2] ЦАР (Центральный архив революции), III отд., IV, 1861 г., д. № 221, лл. 3—4.
[3] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 221, л. 7.

Рапорт станового пристава Моршанского уезда тамбовскому гражданскому губернатору Данзасу, 7 апреля 1861 г.[1]

Сего апреля 5 числа, Пензенской губернии, Чембарского уезда в село Покровское, имение г. Веригина, расстоянием вверенного мне стана, от села Соломенки, в версте, прибыв Чембарского уезда из села Высокого, имения г. Кожина, крестьянин по имени и фамилии мне неизвестный, где взбунтовал крестьян, говоря, что им от царя пришла вольность, с подписью золотыми буквами и медалью, которую скрывают священник и вотчинная контора, эту вольную приказал собравшейся толпе народа вытребовать у священника и вотчинной конторы. Для бытия ж при вытребовании чрез посланных им собрал людей окольных селений и эта толпа народа ходила к священнику, требовала от него вольную. Священник вынес им высочайший манифест о выходе крестьян из крепостной зависимости и толпа народа, выслушав манифест, кричала, что это они уже слышали, а подай вольную с золотыми буквами и медалью, но когда священник им отозвался, что у него таковой вольной нет, то она избила как его, так и вступившегося за священника дьячка. От священника толпа приходила в контору, где избила вотчинных бурмистра и конторщика, требовала тоже вольную, входила в квартиру управляющего с разными ругательными словами, где перепугала по небытности его семейных, разыскивала в разных местах вольную [2].

6-го числа бунтовщик ездил по окрестным селениям Чембарского уезда и волновал крестьян, а сего числа отправился как я слышал в имения г.г. Виельгорских, состоящих в Чембарском и Керенском уездах Пензенской губернии. По внушении моем соседственным крестьянам вверенного мне стана с селом Покровским о бытии в повиновении и послушании законов и начальства (которые и обещались быть в повиновении), я отправился по селам, граничащим с Керенским и Чембарским уездами, для предупреждения крестьян от возмущения бунтовщика.

Неповиновения крестьян вверенного мне стана к закону и властям незаметно, кроме волнения возбужденного бунтовщиком.

И. д. станового пристава Прокофьев.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов Долгорукову, 8 апреля 1861 г.[3]

Случаи неповиновения крестьян и отказа от барщины повторяются здесь довольно часто, хотя и не в больших размерах. К причинам, о которых я имел честь донести вашему сиятельству от 1 апреля за № 78 [4], надобно присовокупить еще две: 1) Соседство Пензенской губ. с Саратовскою, откуда доходят самые невероятные слухи, где возмущения происходит также от сельского духовенства. 2) Экземпляры высочайше утвержденные пришли сюда не в порядке, в многих экземплярах или недостает листов, или одних и тех же листов несколько, так, что в одном имении г. Дубенского в экземпляре, присланном

[1] АВПК и Б. (Ленинградский архив внутренней политики культуры и быта), ф. мин. внутр. дел, департ. полиции исполнительной, 1861 г., д № 1322, лл. 5 и об.

[2] См. письмо священника Чембарского уезда села Покровского Глебова в «Красном архиве», № 5/36, 1929 г., стр. 202—204.

[3] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 221, л. 37.

[4] В этом донесении майор Лакс пишет, что все волнения «происходят от неправильного толкования высочайшего манифеста частью земским духовенством, частью грамотными людьми». (Там же, л. 29).

в контору, нет именно того листа, где определяются повинности. Крестьяне заподозрили, что контора вырвала их умышленно и отказались от барских работ.

Майор Лакс.

Рапорт моршанского земского исправника тамбовскому гражданскому губернатору Данзасу, 10 апреля 1861 г., № 34.[1]

Из рапорта пристава 2 стана, вверенного мне уезда от 7 сего апреля, представленного с нарочным, ваше превосходительство изволили видеть о возмущениях и беспорядках, происходящих в Пензенской губернии Чембарского уезда в помещичьих имениях, смежных с Моршанским уездом. Беспорядки те и доселе там продолжаются и не прекращены и к искоренению такого зла на месте мер еще никаких не принято, а от того беспорядок все более и более усиливается, так что имеет гибельное влияние на умы крестьян некоторых помещичьих имений Моршанского уезда. Хотя последние при постоянном и тщательном вразумлении не поддаваться ложным толкам и обманам неблагонамеренных людей, кажутся спокойными, но заметно в них большее недоверие к начальству и помещикам, ибо при внушении если молчат и будто соглашаются: чему нужно верить и какие правила высочайше утвержденные должно исполнять в отношении к помещикам, — но думают совсем иначе и у них у всех мысль сильно развивается та же, какая и крестьян Чембарского уезда подстрекнула к бунту. Они соображают и верят в справедливость разглашения бунтовщика, произведшего волнение в имениях Чембарского уезда, что государь император прислал всем «бывшим помещичьим крестьянам о совершенной их вольности бумагу, писанную своею рукой, с пятью золотыми печатьми и георгиевским крестом, в коей государь написал, что даруя вольность крестьянам запретил им ходить на барщину, но помещики бумагу ту задерживают и что государю от помещиков за это выходит плохо, то государь приказал: всем крестьянам выбиваться от помещиков на волю силою и если кто из крестьян до св. пасхи не отобьется, тот будет, анафема, проклят»

Такое нелепое заблуждение более еще подкрепляется, как они между собою толкуют, тем, что если бы чембарские мужики были неправы, то давно бы с ними правительство распорядилось и подвергло их наказанию, но они до сих пор, как возмутились вот уже пять дней прошло, и их из начальства никто не трогает и не наказывает, стало быть они правы, а правого не за что и никто не смеет наказывать, и что в целой Пензенской губернии со дня объявления высочайшего манифеста никто уже из крестьян не ходит на барщину, то и моршанским крестьянам не должно отбывать барщину, и это намерение более высказывается в имениях гг. Протасьева в селе Липовке и Нарышкина в селе Громке с деревнями Боярскою и Соседкою. При внушении же им строго и свято исполнять установленную трехдневную мужскую и двухдневную женскую барщину, до введения уставной грамоты, они от барщины на словах не отказываются, но на деле не исполняют в точности. Подвергать их в настоящее время телесному наказанию за неисполнение барщины — очень опасно, чтобы не раздражить их совсем против помещиков, ибо в них кроется замысел такой: что если кого-либо из них накажут, то они все тут же передадутся к чембарским мужикам и тогда вместе соединясь разыщут свою волю и худо будет помещикам и их достоянию. Поэтому я их мерами кроткими до-

[1] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел, департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1322, лл. 9—10 об.

вожу до исполнения их долга и по настоящее время пока в вверенном мне уезде крестьяне спокойны, но за долгое спокойствие ручаться нельзя, в особенности если в Пензенской губернии не будет сделано примерного взыскания с бунтующих крестьян.

Для охранения спокойствия и о недопущении чембарских мужиков в вверенный мне уезд для разглашения ложных толков приняты мною все меры старания, как постоянными моими наблюдениями и увещаниями не вовлекаться в обман, так вытребованы из казенных сел временно-отпускные нижние чины человек до 30-ти и поставлены в пограничном от Соломенки с подтверждением: всех кто будет разглашать ложные толки, брать и представлять ко мне. Между тем на жителей села Соломенки наведен ужасный страх появлением опять в селе Покровском бунтовщика с толпою приверженцев, который утром 10 числа собрал значительно количество народа и внушал им, что все господское заведение, строение и достояние надо жечь и предавать пламени, но однако на эту меру еще не решились, а отправилась вся толпа в село. Высокое имение г. Кожина, жительство самого бунтовщика, обещаясь скоро опять возвратиться в Покровское и тогда исполнить свое намерение.

По всему этому я вообще, по соглашению с г. предводителем дворянства, признаю для охранения уезда и для поддержания порядка подчиненности в крестьянах необходимым иметь войско в вверенном мне уезде, по крайней мере хоть один батальон в местах пограничных с Чембарским уездом, и именно: в селе Громке с деревнями и Линовке, ибо в жителях этих местностей неповиновения значительно усилились. А так как настоящая надобность в войске не подходит под те случаи, по коим бы можно было самим распорядиться вытребованием команды, то по согласию с предводителем дворянства и положили просить на этот предмет разрешения вашего превосходительства.

О чем с пояснением всех подробностей имею честь донести вашему превосходительству с нарочным и осмеливаюсь доложить, что я разрешения и распоряжения, какое по сему последует, дожидаюсь в уезде и если что-либо случится новое я в тож время представлю вашему превосходительству донесение с нарочным.

Иванов.

Телеграмма заседателя Кирсановского земского суда начальнику Тамбовской губернии, 11 апреля 1861 г.[1]

Командир Тарутинского полка сейчас сообщил, что командир 3 батальона его полка донес: Чембарского уезда в селе Черногай по случаю бунта находилась для усмирения 10 рота, но по малому числу людей с боя возвратилась, потеряв 2 человека отхваченных мужиками. Черногаевские и окрестные крестьяне угрожают нападением на ротный двор. Исправника заарестовали крестьяне связанного. Вследствие сего командир 3 баталиона просит тотчас же выслать находящиеся в городе Кирсанове 11 и 12 роты с полными боевыми патронами.

Для скорейшего отправления рот командир полка просит нарядить по тракту подводы. Распоряжение о наряжении подвод сделано. Имея в виду, что село Черногай находится вблизи от граничных сел Кирсановского уезда, я тотчас предписал становому приставу 3-го стана отправиться в ту местность пограничных селений, где можно ожидать какого-либо беспорядка. В случае малейшего беспокойства доносить ис-

[1] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел, департ. полиции испол[illegible], д. № 1322, л. 7 и об

правнику, которого, по находимости в уезде, я о происшествии этом уведомил.

О происшествии этом как соседственном Тамбовской губ. я долгом счел донести вашему превосходительству.

Алексеев.

Телеграмма тамбовского губернатора пензенскому губернатору гр. Толстому, 11 апреля 1861 г.[1]

Моршанский и кирсановский исправник доносят, что их уездам угрожает усилившееся волнение крестьян Чембарского уезда, куда потребованы войска из Кирсанова. Сообщите ваши распоряжения телеграммой, чтобы действовать согласно и выводом из своих уездов не лишиться мне возможности охранить их.

Губернатор Данзас.

Рапорт заседателя Чембарского земского суда пензенскому губернатору Толстому, 11 апреля 1861 г.[2]

С 10 на 11 число сего месяца в 2 часа ночи, пристав 1 стана Григорьев лично явился в земский суд и подал рапорт, в коем объяснил следующее: 9 числа сего ж месяца он, по приказанию г. исправника Андреева, вместе с ним и 10 ротою Тарутинского пехотного полка отправился в дер. Черногай графа Уварова, где г. исправник, прочитав крестьянам предписание его сиятельства г. начальника губернии, коим приглашались они повиноваться царской воле, под опасением наказания по законам, приказал ротному командиру арестовать некоторых из крестьян, замеченных уже прежде г. уездным предводителем дворянства в особенном упорстве к неповиновению. Ротный командир взял этих людей и посадил в особую избу, но крестьяне черногайские, с прибывшими к ним на помощь крестьянами из деревни Починок того ж графа, приступили к освобождению арестованных и те, разбив окна, выскочили, вмешались в толпу и все, вооружившись кольями, бросились на роту, но солдаты отбились прикладами ружей и сбили несколько человек с ног, о которых толпа кричала, что они убиты. В другой раз уже арестовать их было невозможно, потому что крестьян было человек 500, как он полагает, а рота состояла из 70 или 80 человек не более.

10-го числа по утру приехал в Черногай управляющий графа Уварова Пичугин и крестьяне деревни Черногая изъявили желание с ним говорить, но в это время в дер. Черногай съехались из всех окрестных деревень огромное количество крестьян числом, как надо полагать, тысяч более двух если не больше. Рота же в это время находилась на двух дворах. После довольно продолжительного разговора управляющего и г. исправника с крестьянами, когда они уже были окружены всем собравшимся народом и когда послышался общий крик народа: «бей, души их», тогда ротный командир приказал ударить сбор и рота не иначе могла пройти к месту действия, как пробившись прикладами чрез толпу и тотчас же выстроилась в боевой порядок. Крестьяне начали сильно наступать на нее, имея в руках дубины, вилы и пеш-

[1] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел, департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1322, л. 7 и об.

[2] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел, департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1315, лл. 10—13.

ли и, не смотря на все убеждения ротного командира не напирать, начали бить солдат и даже офицеров. Тогда ротный командир, не видя возможности удержаться, велел стрелять и, сделавши залп, от которого убило несколько человек, рота начала отступать, сильно преследуемая народом и отстреливаясь; в таком порядке она отступила к селу Ширяеву. В руках народа остались: исправник, управляющий Пичугин и приказчик Байков, два солдата, да один юнкер, пристав же был спасен от смерти солдатами, находясь в их строю, но все-таки получил удар по пояснице дубиною; подходя к Ширяеву, он встретил [illegible] г. Кожина Якова Маркина, упросил его съездить в Черногай и узнать о судьбе исправника; он съездивши ту[illegible] сказал ему, что г. исправник закован в кандалы, а также Пичугин и Байков, но что сделали с солдатами и юнкером, ему не известно.

В селе Алексеевке баронессы Мюльгенс находилась еще 9 рота Тарутинского полка, но посланного за нею рассыльного исправника Чернова, как он слышал, перехватили в дер. Починках и тоже сковали, почему рота не могла прибыть в Черногай. Пробравшись с опасностию через селы Сентянино и Студенку графа Уварова, лично явился в земский суд [illegible] начиная с деревни Черногая, распространился с ужасною силою по всем окрестностям, а [illegible] в селах: Покровском с деревнями Петровскою, Ивановкою и Екатериновкою г. Веригина, Высоком и деревне Кулеватовой г. Кожина, деревне Аршуковке г. Жемчужникова и неповиновение в деревне Подгорной г. Виельгорского и во всех почти вотчинах графа Уварова, потому что крестьяне его почти все были в Черногае, Покровском, разграбили господский скот и едва не убили священника, о чем имеются у г. исправника рапорты, поданные ему в бытность его уже в дороге, [illegible] неповиновении крестьян в дер. Подгорной подал рапорт приставу, а от него представлен к г. исправнику. Бумаги эти все находятся при исправнике в Черногае, там же остались пристава платье и лошади, а также росписка получивших высочайшее повеление о крестьянах и один экземпляр Положения для выдачи в имение г. Жемчужникова [illegible] дер. Аршуковку, в которую он не мог проехать за расставленными везде крестьянскими караулами; управляющие же в этих имениях все разбежались, опасаясь быть убитыми. Бунт народа в этих имениях тем более опасен, что они некогда принадлежали одному владельцу графу Разумовскому, в настоящее время хотя и раздробленные по разным владельцам, все таки питают один дух, превратно одинаково толкуют высочайший манифест и правила, да к тому же во всех деревнях есть у них между собою родня. Для усмирения их и спасения исправника, который в опасности, не иначе можно приступить как [illegible] полк и баталион, в противном же случае это будет опасно и бесполезно потому, что во всех этих селах и деревнях более шести тысяч душ и они непременно соберутся в ту деревню, куда придет команда.

О чем вашему сиятельству земский суд донести честь имеет, с присовокуплением, что для смирения бунтующих крестьян и спасения г. исправника с другими лицами, вместе с сим сообщено от земского суда к командиру Казанского пехотного его императорского высочества [illegible] князя Михаила Николаевича полка и к командиру 3 баталиона Тарутинского пехотного полка, о прибытии, сколь возможно, поспешнее в деревню Черногай, а для личного объяснения о подробностях бунта, командирован к вашему сиятельству пристав 1 стана Григорьев, бывший на месте в деревне Черногае, а до прибытия его в 1 стан отправился непременный заседатель суда сего г. Воскресенский.

Воскресенский.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов Долгорукову, 12 апреля 1861 г.[1]

В дополнение донесений моих от 8 сего апреля имею честь почтительнейше донести вашему сиятельству, что волнение крестьян в Чембарском уезде превратилось в бунт. В имении графа Уварова, взволнованном сельским священником, крестьяне объявили решительно, что они никому не поверят, кроме царя, и освободив из под ареста, захваченных исправником при помощи роты Тарутинского полка, главных возмутителей, вооружились кольями и начали бить офицеров и солдат. Тогда ротный командир, построив роту в боевом порядке, сделал три залпа и отступил теснимый толпою крестьян (их было около 2 тыс.); один крестьянин бросил в него камень и капитан убил его из пистолета. Число убитых крестьян неизвестно, полагают, что человек около 15. В руках крестьян остались исправник, управляющий, приказчик, юнкер, 2 солдата и рассыльный, первые трое закованы в кандалы. Крестьяне намерены судить их. По дорогам расставлены крестьянские караулы, которые захватывают всех посланных и нет возможности получать оттуда сведения. Неизвестно даже дошло ли по назначению распоряжение губернского начальства о передвижении войска. Возмущение это тем более опасно, что весь околодок (около 10 т.) принадлежал прежде одному помещику, графу Разумовскому, и хотя ныне он и раздробился, но крестьяне остались между собой в прежних отношениях и сильно поддерживают друг друга. Свиты его императорского величества ген.-майор Дренякин со мною, по предложению начальника губернии, который в настоящее время болен, отправляется сего же числа в Чембарский уезд.

Майор Лакс.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов Долгорукову, 12 апреля 1861 г.[2]

В дополнение донесения моего от 5 апреля имею честь почтительнейше присовокупить вашему сиятельству, что для приведения в повиновение крестьян гг. Уварова и Рахманина начальником губернии сделаны следующие распоряжения: 1) священника Померанцева по сношению с преосвященным вызвать в Пензу и 2) предписать исправнику, собрав крестьян, объявить им от имени губернатора, что все написанное в манифесте есть царская воля и никто в свете переменить этого не может, что все неисполняющие того, что заключается в этом манифесте, есть ослушники воли царской, которых ждет страшное наказание. Если крестьяне вразумятся этим и станут ходить на работы, то на первой раз их простить, если же нет, то поручить Военному отделению произвести следствие и поставить в селениях воинскую команду.

Майор Лакс.

Рапорт моршанского земского исправника тамбовскому гражданскому губернатору Данзасу, 12 апреля 1861 г., № 36[3]

В дополнение к рапорту от 10 сего апреля за № 34 имею честь почтительнейше донести вашему превосходительству, что Пензенской губернии Чембарского уезда в помещичьих имениях, смежных с Моршан-

---

[1] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 221, л. 41.
[2] Там же.
[3] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел, департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1322, лл. 17—18.

ским уездом беспорядки день ото дня все увеличиваются и бунт в тамошних крестьянах разгорелся до высшей степени и как по частным сведениям дознано: 10 сего апреля в село Покровское Чембарского уезда из одновотчинных деревень приехали верховые, собрали народ немедленно и отправились в село Высокое, а оттуда в деревню Шабловку графа Уварова, где была уже команда солдат в 70 человек с одним офицером, при этом будто бы были: исправник, становой, пристав и управляющий имением и когда стали бунтующих уговаривать оставить возмущения, но они не послушались, то сделан был по ослушникам выстрел из ружей, от чего из них шесть человек убиты наповал, а трое ранены, от этого крестьяне более пришли в азарт, бросились, смяли солдат, обезоружили их, а офицера, исправника, станового и управляющего мужики связали, били жестоко и приковали к мертвым телам; и власти у мужиков содержатся под стражею. По словам передававших эти сведения, было в сборе в Шабловке великое множество крестьян с 33-х селений; в селе Покровском от крестьян расставлены везде караулы, так что проезжающих ни взад ни вперед не пускают и поступают вообще со всеми варварски.

11 числа двое крестьян из бунтующего села Покровского приехали на господских лошадях верхами вверенного мне уезда в село Пичаево, для какой именно надобности достоверно неизвестно, но по показанию их и по действиям они присланы розыскать и взять в свое село их управляющего. Почему они задержаны и отправлены в земский суд для заключения под стражу.

Во вверенном же мне уезде крестьяне хотя еще, повидимому, спокойны, но соблазн, [illegible] из Пензенской губернии, к возмущению сильно на них действует и заметно очень большое в них желание присоединиться к чембарским мужикам и уже из села Громке имения г. Нарышкина, от общества тайным образом посылались агенты в Покровское к главному возмутителю, попросить и для их села закона.

Подобные деяния навели на всех жителей панический страх и ужас и если, как уже я имел честь просить ваше превосходительство, не будет вскоре прислано войско, то ближайшие имения вверенного мне уезда к Чембарскому в спокойствии удержать невозможно.

Исправник Иванов.

Доклад ген.-майора барона Винценгероде Александру II, 12 апреля 1861 г.[1]

Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу, что моршанский земский исправник рапортом от 10 сего апреля за № 34 донес начальнику Тамбовской губернии, что Пензенской губернии Чембарского уезда в селе Черногай произошли весьма важные беспорядки от волнения крестьян, 12-го же числа кирсановский уездный предводитель дворянства и тамошний земский исправник телеграфическими депешами уведомляют, что помещичьи крестьяне Чембарского уезда совершенно сбунтовались, не признают более никаких властей, и что беспорядки эти угрожают распространиться в пограничных имениях Тамбовской губернии.

В Тамбовской же губернии общественный порядок и тишина не были еще нарушены, хотя в настоящее время во многих местах оказывается волнение умов и даже происходили маловажные беспорядки, которые однакоже были прекращены местною полициею или уездными предводителями без большого затруднения. Беспорядки эти происходи-

[1] АВПК и Б., ф. мин. внут. дел, департ. полиции исполнительной, 1861 г. д. № 1322, лл. 22—23.

ли единственно вследствие несовершенного понимания высочайше утвержденного Положения, так что обстоятельства эти скорее можно приписать к недоразумению, нежели к полному неповиновению.

По частным, но довольно достоверным, слухам оказывается, тоже, что во многих местах проявляются незнакомые странствующие люди простого сословия, которые злонамеренно между крестьянами распространяют разные ложные и весьма вредные слухи, стараясь возбудить недоверие крестьян к помещикам и местным властям. По получению известия об этом г. начальником губернии приняты были тот час строжайшие меры для открытия подобных злоумышленников, но по настоящее время невозможно было отыскать виновных и удовлетворительно разъяснить до какой степени эти слухи справедливы.

Вследствие донесений о беспорядках в Чембарском уезде Пензенской губернии и на границах Моршанского и Кирсановского уездов начальником Тамбовской губернии, равно командующим 6-м армейским корпусом сделаны надлежащие распоряжения и приняты [illegible] мые меры для сохранения спокойствия тех уездов.

Независимо же от этого и по соглашению с г. начальником губернии, я намерен отправиться в уезды Моршанский и Кирсановский для личного убеждения крестьян в помещичьих имениях и пресечения всех их недоразумений и беспорядков, а о последующем буду иметь счастие всеподданнейше донести вашему императорскому величеству немедленно по возвращении моем в губернский город Тамбов.

Ген.-майор барон Винценгероде.

Донесение из Кирсанова тамбовскому гражданскому губернатору Данзасу, 12 апреля 1861 г.[1]

В Тамбовской губернии пока все спокойно. Со стороны полкового командира приняты самые деятельные меры. Батальон третий направлен в Ершово. Девятая рота не успела соединиться с десятой, потому что мужики перехватили посланного, но она вскоре пришла, освободила исправника, отбитых солдат, ночевала в Черногае и теперь вышла. Из мужиков оказались убитыми три человека, ранены 4. Присутствие генерала пока не нужно. Сейчас еду на границу.

Старший чиновник особых поручений Чихачев

Телеграмма пензенского губернатора Толстого тамбовскому губернатору Данзасу, 12 апреля 1861 г.[2]

В Чембарский уезд отправился генерал Дренякин. В его распоряжении Казанский полк. На место бунта пошел батальон.

Граф Толстой.

Телеграмма штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губернии шефу жандармов Долгорукову, 14 апреля 1861 г.[3]

Пленные освобождены 9 ротою Тарутинского полка. Сегодня пробуются меры протеста, завтра решительные действия. Генерал Дренякин

[1] АВИК и Б., ф. мин. внутр. дел, департ. полиции исполнительной, 18[illegible], д. № 1322, л. [illegible].

[2] Там же, л. 8[illegible].

[3] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 221, л. 14. На телеграмме надпись Долгорукова: «По [illegible]ности событий в Пензенской и Тамбовской губ. я полагаю послать туда [illegible] А. [illegible], а в Казань Г. А. Бибикова. Обоим дам завтра личные инструкции [illegible] о том мин. внутр. дел и сообщить им все сведения оттуда по[illegible]. [illegible]ля 1861 г. Ген.-адъютант князь Долгоруков». Бибиков был послан в [illegible] восстанием крестьян д. Бездны, Казанской гу[illegible]

[illegible] уезд для прекращения и [illegible] распространяющегося волнения. Немедленно еду 14 апреля.

Майор [illegible]

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов Долгорукову, 15 апреля 1861 г. № 110.[1]

Генерал-майор Дренякин, получив несколько новых сведений о быстром распространении мятежа в Чембарском и Керенском [illegible] командировал меня в село Кандеевку статского советника Волкова, которое крестьяне всего околотка выбрали сборным пунктом как место, находящееся почти на границе трех уездов Моршанского, Чембарского и Керенского и где находилось уже временное отделение Керенского [illegible]ского суда и три роты Казанского полка. Я имел поручение действовать на крестьян одними убеждениями. Прибыв в село Кан[illegible], я нашел огромную толпу народа, собравшегося невдалеке от барского двора, подъехал прямо к ней, выслушал все, что говорили крест[illegible], говорил и сам им много и нашел, что как ни р[illegible] [illegible] [illegible] меня встретили, но миролюбивого соглашения подчинит[illegible] указанному в Положении порядку от них ожидать нельзя. Тол[illegible] [illegible] одно: «не станем больше работать барщину, а хотим плат[illegible] [illegible] царь».

В толпе я заметил некоторых крестьян, которые облечены от мира [illegible] ко мне ближе, и кому вовсе не подходить, сами говорили более и смелее всех, заставляли других молчать.

В господском доме я нашел господина предводителя дворянства, [illegible]правника, станового пристава, и штаб и обер-офицера расп[illegible] [illegible] дворе батальона Казанского полка. От них узнал я, что волнение в Кандеевке и окрестных селах началось тотчас после неудавшейся попытки усмирить крестьян графа Уварова, что ежедневно собира[illegible] сюда отовсюду до 10 тысяч народу, что по дорогам расставлены патрули и что учреждена почта по всем трактам для передачи из селения в селение нужных сведений.

Главным бунтовщиком оказался крестьянин г. Кожина [illegible], тот самый, который возмутил село Покровское, принадлежащее г. Веригину. Он же продолжает возмущать и прочие селения. Крестьяне величают его в. к. Константином Павловичем и оказывают ему всевозможные почести. Он везде имеет своих подручников. Ни[illegible] на крестьян не действуют. Они всех подозревают в подкупе: «У помещиков много денег», — говорят они.

Я не предпринимаю никаких решительных мер в ожидании [illegible] прибытия ген.-майора Дренякина по усмирении им имений граф Уварова или новых от него приказаний.

Почтительнейше донося о сем вашему сиятель[illegible] [illegible] присовокупить, что озлобление кандеевских крестьян, равно как и крестьян некоторых других соседних имений против помещиков происходит от притеснительного управления ими. Они имеют основание говорить, что они на помещика уже отработали, потому что [illegible]

---

[1] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 221, лл. 45—47

существует трехдневная барщина, они не пользовались этою льготою, а ходили на работу по 6 дней в неделю.

Майор Лакс.

Из донесения штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов Долгорукову, 15 апреля 1861 г.[1]

Имею честь почтительнейше представить вашему сиятельству наименование тех селений, в коих по настоящее время крестьяне волнуются и бунтуют.

1. Черногай и Студенка (600 д.) — имения графа Уварова, взволновались сельским священником Померанцевым.

2. Покровское (1000 д.) — помещика Веригина. Едва не убили священника и разграбили дом управляющего.

3. Высокое (460 д.) — имение Кожина. Вследствие волнения управляющий должен был скрыться. Священник дурной репутации. На него ссылаются крестьяне других имений, отказавшиеся от барских работ. Отсюда вышел крестьянин Егорцев, бунтующий всю окрестность.

4. Подгорное (350 д.) — имение графа Виельгорского. Крестьяне отказались от повиновения.

5. Чернышево (2000 д.) и Починки (400 д.) — имения графа Уварова. Крестьяне действуют за одно с черногайскими.

6. Головка (250 д.) — имение Жемчужникова. Крестьяне отказались от повиновения и грозили управляющему, который неизвестно куда скрылся.

7. Кандеевка (900 д.) — имение Волкова. Донесено от 15 апреля за № 110.

8. Орлев (840 д.). — имение наследников графа Михаила Виельгорского, взволнованное крестьянином из Высокого — Егорцовым. Крестьяне грозили священнику убить его, если он не выдаст им воли. Священник бежал. Они же распускают слух, что приказано убивать всех чиновников и помещиков.

9. Буртас (1780 д.) — имение графа Виельгорского. Крестьяне находятся в тревожном состоянии и есть опасение, что и они увлекутся.

10. Глебовка (700 д.) — имение Эспехо. Крестьяне действуют за одно с кандеевскими.

11. Все эти имения принадлежат Чембарскому и Керенскому уездам. Но кроме их за одно с кандеевскими действуют крестьяне имений соседнего Моршанского уезда Тамбовской губернии, а именно: Липовка — 1 000 д., имение Протасьева; Каменка — 800 д., имение Нарышкина; Громке — 1 000 д.

12. Черкасское — 945 д. и Ильинка — 150 д., имения Охотникова. Крестьяне совершенно отказались от повиновения и грозят священнику смертью, если не выдаст им воли.

Все волнующие имения сидят на барщине и принадлежат богатым владельцам, не живущим в своих имениях, управлялись весьма стеснительно их доверенными. Оброчные имения даже и при плохом управлении остаются в спокойном состоянии.

Майор Лакс.

---

[1] [illegible]

Телеграмма штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губернии шефу жандармов Долгорукову, 15 апреля 1861 г.[1]

Волнение приобретает угрожающие размеры. Главного бунтовщика кожинского крестьянина Егорцова называют великим князем Константином Павловичем, у него везде свои подручники.

Майор Лакс.

Предписание Александра II генерал-адъютанту Яфимовичу, 16 апреля 1861 г.[2]

Господин генерал-адъютант Яфимович! По случаю беспокойств, возникших при введении в действие новых о крестьянах Положений между помещичьими крестьянами Пензенской и Тамбовской губерний, признавая необходимым принять решительные меры к прекращению оных, я поручаю вам отправиться с этой целью теперь же в означенные губернии и действовать там для прекращения волнений и беспокойств. Все губернские начальства должны в точности исполнять приказания ваши по всем вообще предметам, касающимся сохранения в означенных губерниях порядка и спокойствия. Командированные мною в сии две губернии свиты моей генерал-майоры барон Винценгероде и Дрenякин должны состоять в вашем полном ведении и исполнять предписания ваши по всем предметам возлагаемого на вас поручения.

Я разрешаю вам употреблять в нужных случаях все расположенные в сих губерниях войска, кои должны в точности исполнять все ваши приказания. Располагая таким образом всеми способами к прекращению волнений в Пензенской и Тамбовской губерниях, я уверен, что вы при исполнении возлагаемого на вас поручения будете действовать с надлежащею осторожностью, стараясь обратить виновных и заблудшихся к порядку и повиновению преимущественно мерами кротости и убеждения, действуя со всею законною строгостью только тогда, когда все меры внушения не будут иметь полной силы.

Более всего обратите внимание ваше на подстрекателей и главнейших зачинщиков беспорядков. Противу них должны быть принимаемы самые строгие меры, и я разрешаю вам в тех случаях, когда вы признаете нужным и когда мое разрешение не может быть вами испрошено по телеграфу, предавать подобных, вредных для общества людей военному суду по полевому Уголовному уложению и утверждать, а также приводить в исполнение приговоры сих судов, на правах командиру Отдельного корпуса предоставленных. Облекая вас такою властью и уполномачивая вас действовать моим именем во всех случаях, где нужно для прекращения возникших беспорядков и волнений, я, зная пламенное усердие ваше к пользам службы, уверен, что благоразумными распоряжениями вашими беспорядки сии прекратятся в самом скором времени. О всех ваших действиях, вы имеете доносить мне непосредственно, в собственные мои руки.

Пребываю вам благосклонный.

Александр.

Телеграмма штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов Долгорукову, 18 апреля 1861 г.[3].

Все меры кротости генералом Дреякиным были истощены, повиновения не было. Мятеж распространялся быстро по четырем уездам.

---

[1] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 221, л. 20.

[2] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел, Земский отдел., 1861 г., д. № 21, лл. 1—2.

[3] ЦАР, II отд., IV, 1861 г., № 221, л. 20.

Гнездо — Кандеевка. Стреляли. Убито 8, ранено 26, некоторые прогнаны сквозь строй и приговорены к ссылке. Несколько человек высечены. Прочие покорились, давши расписку в покорности. Завтра по желанию генерала еду с предводителем Ранцевым в другие беспокойные селения.

[illegible]

Донесение начальника Тамбовской губ. Толстого министру внутренних дел, 20 апреля 1861 г.[1]

В дополнение к особым донесениям моим за №№ 293 и 295 и телеграфическим депешам, имею честь почтительно довести до сведения вашего высокопревосходительства о началах и подробностях волнения, возникшего между помещичьими крестьянами Чембарского уезда Пензенской губернии, граничащим с Моршанским и Кирсановским уездами Тамбовской губ., по сведениям, доставленным мне чиновником особых моих поручений Чихачевым и генералом Винценгероде.

Крестьяне Чембарского уезда г. Уварова, не нашли в манифесте того, чтобы обязаны были работать на помещика в продолжении двух лет, а потому пошли к местному священнику с просьбою растолковать, следует ли им работать на помещика, священник ответил, что он в манифесте на счет работы ничего не читал, тогда они опять начали требовать от него, чтобы он разъяснил им это положительно, но он опять отвечал уклончиво, что этого не читал, а пусть они поступают, как хотят, тогда крестьяне решились не работать и начали возбуждать к тому же и возмущать крестьян других селений, тех же, которые не соглашались быть с ними за одно, стращали жечь и убивать.

К этому присоединилось другое обстоятельство: крестьянин с. Высокого Чембарского уезда, помещика Кожина, старик безтяглый, судившийся за разные преступления и бывший несколько раз в бегах, но освобожденный судом, явился к ним и рассказал, что все местные власти подкуплены помещиками, вследствие чего самые интересные для крестьян листы в манифесте и Положении вырваны и что вырвана также из оного золотая царская печать. Тогда крестьяне пришли в ожесточение, начали огромными массами собираться по разным деревням, обыскивать священников и вотчинные конторы, а приказчиков арестовывать и отбирать у них деньги, которые, впрочем, не расходовали, а хранили. В числе сел, которые подверглись обыску, было и село Покровское, находящееся на самой границе Моршанского уезда и в полуверсте от с. Соломенки помещика барона Фитингофа. Таким образом бунт вспыхнул разом во многих деревнях, бунтовщики не оставались на одном месте, но беспрестанно переезжали верхами из села в село, возбуждая к бунту всех крестьян, кого надеждами на лучшее, кого угрозами.

Чембарский исправник, быв извещен о возмущении с. Покровского и дер. Черногай, просил командира Тарутинского полка командировать 2 роты, одну в Покровское, а другую в Черногай и как последняя деревня небольшая, то он, полагая покончить там скоро, с обеими ротами намеревался потом идти на Покровское, но на деле оказалось совершенно иначе. Бунтующие крестьяне, не оставаясь на одном месте, беспрестанно переезжали из одной деревни в другую, так что когда исправник с 10 ротою в числе, около 70 человек, прибыл в Черногай, вместо небольшого общества этого поселка, встретил огромную массу людей из других сел. При таком неожиданном обстоятельстве ему

[1] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел, Земский отд., 1861 г., д. № 20, лл. 3—9.

[illegible]

Тогда только приказано было ударить тревогу и собрать р[illegible] [illegible] в руках бунтовщиков исправника, управляющего [illegible] юнкера и одного солдата. При этом отступлении роты, крестьяне [illegible] [illegible] солдаты при обороне несколько раз выстрелили в толпу, в которой потом оказало[illegible] [illegible]

После удаления войска исправник был закован вместе с управляю[illegible] [illegible] исправ[illegible] [illegible] вовсе не рассчитывал, и имея с собою только одну слабую 10 роту Тарутин[illegible] [illegible] нарочного за 9 ротой, но посланный был остановлен крестьянами. Он успел однакоже отправить другого, ко[illegible]рый пробрался благополучно до 9 роты, и она вечером того же дня пришла в Черногай, но бунтовщики перешли уже в другое село, оставив только караульных для присмотра за арестованными. Таким обра[illegible] этой роте удалось спасти исправника, управляющего, солдата и юнкера, из коих последний оказался сильно избитым и с проломанною головою. Тогда уже, вследствие требования исправника и батальонного командира участвовавших рот, и был командирован на место событий Казанский полк со стороны пензенского начальства, а из Тамбовской губернии 2 батальона Тарутинского полка и 2 роты 17 стрелкового батальона.

Между тем толпы бунтующих крестьян с каждым днем увеличивались и волнение распространилось вдруг в 26-ти селениях. Не до[illegible]вольствуясь этим, бунтующие крестьяне пытались вовлечь в свое сообщество и соседних с ними крестьян Моршанского уезда, в особенности с. Соломенки, угрожая сжечь их, если они не пристанут к ним, в чем однакож не успели по причине доброй нравственности соломенских крестьян, удержанных от увлечения благоразумною нахо[illegible]востью приходского священника их села, который созвал соломенских крестьян в церковь и выйдя к ним в полном облачении со св. крестом и евангелием, объявил им [illegible] что другого манифеста, кроме прочитанного им прежде и повторенного при этом случае, не имеется, причем увещевал их оставаться покорными начальству и не увлекаться примером бунтующих соседей. Наставление это имело самое благодетельное влияние, ибо соломенские крестьяне совершенно успокоились и даже решились силою защищаться от нападения бунтующих. Таковой похвальный поступок священника с. Соломенки заслуживает примерной награды, о чем я поставлю себе священным долгом особо ходатай[illegible] ствиях официального удостоверения местного уездного начальства.

После этого я ежедневно был извещаем генералом Винценгеро[illegible] подведомственными мне чиновниками о том, что волнения в Чембар[illegible]ском уезде, Пензенской губернии не только не прекращаются, а напротив все более и более увеличиваются с весьма вредным влиянием на крестьян соседственного М[illegible] губернии, и что генерал Дренякин для решительных действий ожидает при

бытия остальных затребованных им войск и высочайшего разрешения, по получении которого он, как я уже имел честь сообщить вашему высокопревосходительству по телеграфу 17 апреля, прибыв с войском в с. Кандеевку, самый корень бунта и притом всех бунтовщиков, решительно отказавшееся исполнять высочайший манифест и единодушно согласившееся не производить господских работ, еще раз в присутствии войска хотел попытаться уговорить бунтовщиков отказаться от своих заблуждений, но это оказалось бесполезно, так что он вынужден был прибегнуть к употреблению оружия и от произведенных выстрелов (в числе 41) убито 7 человек и ранено 27, но крестьяне и затем оставались непреклонны, однакож будучи быстро окружены войском, были приведены на барский двор, где 30 человек прогнаны сквозь строй, с назначением их в каторжную работу и несколько наказаны розгами. Эта только мера, наконец, подействовала и крестьяне как с. Кандеевки, так и многих соседственных, бывших с ними в союзе, со слезами на глазах, начали просить помилования и изъявили полную готовность исполнить высочайшую волю.

В Моршанском же уезде возмущения хотя и не принимали таких обширных размеров, но все время усиливались постепенно и генерал Винценгероде не приступал еще к решительным действиям, ожидая окончания дела в с. Кандеевке, полагая, что оно будет иметь благотворное влияние и на волнующихся крестьян селений Моршанского уезда. Но несмотря на энергичные действия генерала Дренякина, о которых сведения быстро распространились по всей прилегающей местности, генерал Винценгероде узнал, что они нисколько не остановили возмутительного направления моршанских крестьян, которые (в с. Липовке в особенности) решительно отказались исполнять какое бы то ни было требование местного начальства, а потому он решился отправиться с войском в помянутое село, чтобы окончательно подавить волнение. По получении от него сведений я буду иметь честь немедленно довести о том до сведения вашего высокопревосходительства.

Из всего вышеизложенного ваше высокопревосходительство усмотреть изволите как важно в настоящее время нравственное влияние на умы крестьян приходских священников и какие бывают от их действий различные последствия.

Доношу подробно обо всех обстоятельствах, случившихся в другой губернии, потому что они были причиною беспорядков, происшедших в уездах вверенной мне губернии, пребывавших до того в спокойствии.

В прочих же частях вверенной мне губернии хотя и проявляются во многих местах небольшие волнения, но они благодаря бога, не имеют еще общего и серьезного характера и подавляются в самом начале быстрыми и энергическими мерами местных уездных предводителей дворянства и чиновников земской полиции, при содействии самих помещиков и командированных мною чиновников особых моих поручений

Толстой.

Из донесения штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов Долгорукову, 21 апреля 1861 г.[1]

Свиты его императорского величества генерал-майор Дренякин прибыл в Кандеевку 16 сего апреля. Он подъехал прямо к толпе, долго говорил с нею, но никакие убеждения не подействовали. Однако благо-

[1] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел. Земский отд., 1861 г., д. № 21, лл. 22—25 об.

царя присутствию духа, он успел вырвать из средины раздраженной толпы одного 72-летнего отставного солдата Елизарова, говорившего дерзко и обратившего внимание его превосходительства своим шутовским нарядом. Его тотчас заковали в железы.

Оказалось, что это был один из главнейших возмутителей. Он даже советовал захватить самого генерала, а как человек грамотный толковал высочайший манифест по своему произволу. Впоследствии крестьяне единогласно указали на него и на Егорцева, как на главных виновников постигшего их несчастья. Разница между ними та, что Елизаров кроме своего села нигде не имел влияния, а Егорцева слушали все окрестные села, нарочно посылали за ним тройки, водили его под руки и носили за ним скаменку.

С приездом генерала он начал скрываться и к открытию его убежища приняты положительные меры.

На другой день, 17 апреля, в день рождения нашего августейшего монарха, его превосходительство не предпринял ничего. Утром отслужен был молебен в присутствии всех собранных в Кандеевке чинов и войска и в виду крестьянских пикетов. После молебна священник со всем причетом и с крестом в руках ходил увещевать народ, но вернулся без всякого успеха.

Между тем со всех сторон приходило грустное известие, что мятеж распространяется с изумительной быстротой. От генерал-майора барона Винценгероде прибыл 18 числа подполковник Дурново с губернаторским чиновником Чихачевым с уведомлением, что мятеж проникает глубоко в Моршанский уезд и что все крестьяне смотрят на Кандеевку, как на место, откуда придет к ним благодать. Они оба были свидетелями всей катастрофы. Ходили и чудовищные слухи, что царский посол посадил в острог исправника за то, что тот стрелял в народ, собравшийся в Черногае, что он идет с войском расстреливать не крестьян, а помещиков, что в Кандеевке он будет раздавать билеты на вечную волю и что всех помещиков и чиновников царь велел убивать и на том же месте зарывать в землю. Народ толпами валил в Кандеевку.

Все эти обстоятельства принудили генерал-майора Дренякина покончить наконец с мятежниками. Как нельзя более во-время получена была депеша вашего сиятельства, извещающая генерала, что ему разрешено высочайшею волею решать виновных его судом[1]. 18 апреля генерал собрал войско и подошел с ним к толпе. Войска было 9 рот. из них 7, Казанского полка, стояли бивуаком в селении, а 2 Тарутинского полка, взятые на одни сутки у барона Винценгероде, расположены были в 2-х верстах от него, по дорогам, чтобы ловить бегущих, если таковые будут. Убеждения, которыми его превосходительство попробовал было еще раз образумить заблудшихся, остались, как и надо было ожидать, судя по характеру возмущения, напрасными. Мало того, он снял с груди своей образ божией матери и, обращаясь к толпе, сказал: «Клянусь вам этим образом, которым благословила меня мать моя, что все говоренное вам мною есть воля царская». Народ продолжал кричать: «стоим за бога и царя, а господам работать не будем». «Я буду стрелять»,— сказал им генерал,— «Делайте что хотите», — кричала толпа. Трудная, но неизбежная минута настала: дано было три залпа (41 выстрел из гладкоствольного оружия поштучно). После каждого генерал обращался к толпе не покорится ли. Толпа продолжала кричать свое, поднявши вверх руки. Впоследствии

[1] Телеграмма от 17 апреля 1861 г. № 3264. См. об этом всеподданнейший рапорт ген.-майора Дренякина [illegible], т. XLVI за 1885 [illegible]

крестьяне сознавались, что Егорцев убеждал их выдержать три выстрела, если паче чаяния в них начнут стрелять, и что после этого им непременно выдадут билеты на волю. Вашему сиятельству известно уже число жертв (убито 8, ранено 26), но вчера приведены были еще два легкораненые в руку, успевшие убежать в свою деревню.

Зная, что у крестьян подготовлены колья, топоры и косы, насаженные на палки[1], и заметив, что толпа в этот день была значительно меньше чем в предыдущие, его превосходительство имел основательную причину опасаться засады и потому углубиться с войском в улицу, чтобы охватить со всех сторон толпу, примкнувшую к одной стороне ее, было не совсем безопасно. Однако, видя фанатическое упорство крестьян и уверившись, что начатая им мера не принесет желаемого успеха, он приказал наконец войску быстро обхватить толпу и, окружив ее, вести в поле к господскому дому. Это было исполнено как нельзя лучше, благодаря распорядительности начальствующих лиц и расторопности солдат.

Между тем все случившееся, после нескольких тревожных дней и без сна проведенных ночей, так потрясло слабое здоровье генерал-майора Дренякина, что была минута, когда мы все опасались за состояние его здоровья. Но прийдя в себя, он, как ни был слаб, приступил к окончанию начатого дела. На основании высочайше дарованного ему права он немедленно присудил к наказанию шпицрутенами главнейших виновников возмущения. Тогда только когда услыхали крестьяне, что будут гонять сквозь строй и ссылать в каторжную работу, они стали раскаиваться, обнаруживать виновных, рыдать и умолять генерала и всех его окружающих о пощаде. Они никак не ожидали такой крутой меры и ждали обыкновенного суда, от которого, они знали по опыту, не трудно было отделываться. Можно положительно сказать, что спасен был правом высочайше дарованным генерал-майору Дренякину.

Майор Лако.

Телеграмма ген.-ад. Яфимовича из Тамбова шефу жандармов Долгорукову, 25 апреля 1861 г.[2].

Прибыл вчера в Тамбов: в местах пограничных Пензенской губ. волнение продолжается. Меры приняты — Дренякин наб[illegible] водворяющийся порядок в Чембарском и Кирсановском уездах. [illegible] вляюсь в Пензу.

Ген.-адъютант Яфимович.

Рапорт капитана корпуса жандармов в Тамбовской губ. шефу жандармов Долгорукову, 27 апреля 1861 г.[3]

Начальник Тамбовской губ. получил донесение от исправника Липецкого уезда, что крестьяне посланные на землю помещика Федцова, сказывают совершенное неповиновение означенному помещику и не хотят исполнять в пользу его [illegible] работ, и что он исправник прибыв на место с временным отделением Липецкого уездного суда и предводителем дворянства старался привести их мерами кротости и убеждения к исполнению своего долга, но не мог этого достигнуть, потому что они толкуют положение по своему и выбирают из него все то, что только относится к их льготам, минуя совершенно тех

[1] Эти слухи распространялись, вероятно, с целью подвести крестьян под б[illegible]ое наказание, т. к., по свидетельству Худякова, у крестьян не было обнар[illegible]но никакого оружия. См. «Исторический вестник», т. 6, 1881 г., стр. 78[illegible].

[2] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. 221, л. [illegible].

[3] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 233, [illegible]

[illegible]ловинностей, которые они должны отбывать в пользу своего [illegible]. И как в имении этом находится 400 душ и притом окружено другими [illegible]начительными имениями, то он, имея только 30 человек [illegible] государственных крестьян, не решился принять других законных [illegible]р без содействия воинской команды, опасаясь в случае неуспех[illegible] компрометировать полицейскую власть. Вследствие чего начальник [illegible]рнии, приняв в уважение изложенные обстоятельства, немедленно [illegible] на место происшествия одну роту от стрелкового и одну роту [illegible] [illegible]льона внутренней стражи и, вместе с тем признав, что хотя [illegible]повиновение это могло бы быть подавлено и без его присутствия, [illegible] по удобству местности, находящейся на границе трех уездов, для [illegible]пространения примера неповиновения, а следовательно и слухов [illegible]ере взыскания, он сего числа отправился сам на место прои[illegible] [illegible] [illegible]тся при содействии означенных войск приве[illegible] [illegible] [illegible]ящий порядок и ограничиться при этом одними только [illegible]ейскими наказания[illegible].

Кроме того, было оказано неповиновение крестьянами Тамбовского уезда в имении помещика Михаила Петрово-Соловово, но было прекращено исправником, при содействии одной роты воинской команд[illegible] [illegible]ые виновники подвержены только полицейскому наказанию и [illegible]тем порядок в имении совершенно восстановлен. В имении же кир[illegible]новского помещика и предводителя дворянства этого уезда Андре[illegible]ского крестьяне, хотя и исполняли барские работы, но не хотели [illegible]волить наемным работникам обрабатывать часть помещичьей земли которую они совершенно неправильно считали своею собственностью [illegible] потому и в этом имении земская полиция должна была прибегнуть к содействию одной роты Тарутинского полка, и затем недоразумени[illegible] окончилось мерами полицейского взыскания и полным раска[illegible] крестьян.

Что же касается вообще до спокойствия края, то можно сказать, [illegible] хотя и возникают недоразумения вследствие непонимания нового Положения, но они прекращаются посредством разъяснений предво[illegible] [illegible]ворянства и земскою полицею. В настоящее же время на[illegible] [illegible] губернии для прекращения этих недоразумений приказал от[illegible] [illegible] в числе 5 тысяч экземпляров циркулярное разъяснение о [illegible]ом, что именно крестьяне [illegible] в отношении к поме[illegible]щикам [illegible] пользовать[illegible] [illegible] [illegible]ных грамот и образования сельских общест[illegible].

Из имений Моршанского у., находящихся на границе Пензенской губ., получены сведения, что должной порядок восстановлен и взволнованные пензенскими событиями умы крестьян совершенно успокои[illegible]ись.

Господин [illegible]дъютант Яфимович в настоящее время находится в Тамбове и будет ожидать здесь результата от поездки начальника губернии.

Прибытия же сюда из Моршанского у. свиты его величества генерал-майора барона Винценгероде ожидают сего числа.

О чем вашему сиятельству за отсутствием подполковника Дурново имею честь почтительнейше донести.

Капитан С[illegible].

Донесение управляющего пензенским имением гр. Виельгорского Веневитинову, 28 апреля 1861 г.[1]

[illegible]

[1] [illegible]

нуту, когда порядок вполне водворен, долгом полагаю изложить мое донесение с некоторыми подробностями.

4-го числа апреля села Студенки (Чембарского у.) тамошний священник объявил крестьянам, работавшим на барщине, что он получил Положение, в котором не велено работать на помещика, крестьяне бросили работы, собрали сход и тотчас разослали верховых вестовщиков в окрестные селения, объявляя друг другу о словах, сказанных священником. От этой искры, началом которой было вино, быстро распространялось пламя, и первая толпа бунтовщиков образовалась в Высоком (пом. Кожина) до 4-х тысяч душ, в Волкове до 3 тыс., в Черногае — Шабловке (пом. Чернышева), тоже до 3 тыс.

В эти последние деревни явились исправник и становой. Чиновники эти начали увещевать крестьян и читали Положение. Но крестьяне требовали Положения на желтой бумаге с знаменем и золотым крестом. Они бросились на чиновников и заковали исправника. Тут же бывшая одна рота хотела остановить буйство, дала выстрел холостыми зарядами, но теснимы сильною толпою едва успели отступить, употребив боевые выстрелы, от которых пало убитыми 4 крестьянина, а из военных — юнкер ранен был крестьянами в голову. Вслед за этим явилась другая рота и спасла исправника. Когда эти сцены совершались, свиты е. и. в. ген. Дренякин с сильным отрядом обложил Черногай и крестьяне, покорясь силе, выдали всех виновных; они тут же были наказаны; толпа, образовавшаяся в Высоком, перешла в Кандеевку, где в отставном солдате народ признал цесаревича Константина Павловича, освободившегося из долголетнего заточения, и явился какой-то граф Толстой (дворовый человек Егорцев). Этот сигнал обворожил многих лучших крестьян, и никакие увещевания не могли остановить их стремления; толпа глупых любопытных и злонамеренных выростала до 8 т. человек и из среды оной высылаемы были во все стороны с бессмысленными вестями, а именно: а) что государь 9 дней постился, 3 дня лежал во гробе и после просил помещиков, чтобы дали вольную крестьянам. Но они его прибили и ранили, он теперь бежал в чужие края и приказал народу в 12 дней отбиться от помещиков, и что стоит над водою валить в воду, а что подальше, жечь, помещику выделить земли 40 десятин, что поп в Студенке объявил, что в Положении 5 листов выдрано и что помещики купили какого-то генерала, но он не смеет стрелять в народ крещеный; б) что в Кандеевке уже раздают билеты на вольную и кто туда не явится вечно будет служить барщину. Эти безумные и сумасбродные послания из Кандеевки во все стороны смутили народ, по поводу чего Буртас и Самариха 12 числа не пошли на наряд, Куземки 16 числа вышли из повиновения, а Подгорное — 6 числа поголовно отправились в Высокое и из оного поголовно же напали на село Троицкое и не желавших участвовать силою заставляли следовать с ними, и когда высокинская сцена перенесена была в Кандеевку, тогда эти оба селения, передавая безумные басни в Липовку, Куземкино, Буртас, Самариху, а эти по простой вере в неограниченность и своеволие в свою очередь передавали в Черкасское, Поливаново, Архангельское, Сосновку и далее, так что Кандеевка была главным пунктом, из которого разливалось пламя бунта по Пензенской и Тамбовской губерниям. Везде на огромном пространстве во все стороны учреждена была крестьянами летучая почта и поверенные, выжидавшие чем разрешится кандеевское возмущение. Между тем постепенно крестьяне выходили из послушания; буйств, насилий, грабежа и разбоя общего не было; в частности проявлялась дерзость и своеволие без убийства.

16 числа ген. Дренякин, приведя в порядок черногайское возмуще-

ние, подвинул войско к Кандеевке, где уже было 4 роты Казанского полка, вступил в переговоры с бунтовщиками, но никакие убеждения не образумили толпы, впереди их стоял с красным воротником дряхлый старичишка солдат, игравший роль Константина, он делал генералу грубые ответы и тут же был взят под стражу. 17 числа главные возмутители, высокинские, подгоринские и прочих селений, начавших возмущение с 5 числа как опытные злодеи, рассчитав, что войска много собрано, рассыпались в разные стороны, оставив только увлеченных из самых ближних деревень — троицких, куземинских, буртаских и самарских (подгоринских очень мало оставалось).

17 числа повторились переговоры, и толпа, более ободренная снисхождением и медленностью, решительно отказалась от выдачи зачинщиков и требовала выдачи им билетов вольных. Генерал Дренякин, щадя заблудившихся, приказал из Кандеевки нарядить 150 подвод в Поим, будто под войско и 18 числа в 8 ч. утра, т. е. пока еще с окрестных сел не поспела съехаться вся толпа, избрал решительную минуту, и когда ни клятвы, ни снятый с груди образ божией матери не победили в них уверенности (поддерживаемой попами, бессрочными и отставными), что генерал не смеет стрелять в православных, генерал приказал отступить толпе и назначил 41 боевой патрон по-шереножно выстрелить в оную, прицеливая первые выстрелы вниз. Эти выстрелы нескольких человек ранили, переговор повторялся тщетно. Второй выстрел несколько положил наповал, тоже переговоры, но ответы были более свирепы. Между тем пока 3-й выстрел готовился, войска справа и слева окружили толпу и за третьим выстрелом взят тыл и толпа под штыками приведена была на площадь, где выданы были зачинщики. Они при толпе прогнаны были сквозь строй и разобраны по степени вины, часть малая наказана розгами, а большая распущена. Эта решительная минута произвела то благотворительное действие, что почти в одни сутки на всех пунктах распространился панический страх и безумные, смирясь, ползали прося прощение.

Борисович.

Телеграмма тамбовского губернатора министру внутренних дел, 30 апреля 1861 г.[1]

Почтительно доношу, генерал Дренякин уведомляет, что волновавшиеся имения Пензенской губернии сознательно покорились; там и во вверенной мне губернии теперь спокойно, я вчера возвратился из Липецкого уезда, где при содействии двух рот привел в повиновение крестьян помещиков Федцова и других кроткими убеждениями и полицейскими наказаниями, более виновных, трех главных возмутителей, крайне вредных, заключил в тюремный замок.

Губернатор Данзас.

Доклад ген.-майора Винценгероде Александру II, 30 апреля 1861 г.[2]

Вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести, что распространившееся из Пензенской губернии в пограничные имения Моршанского уезда, Тамбовской губернии, возмущение крестьян, в настоящее время прекращено.

Порядок и повиновение мною возстановлены без пролития крови.

---

[1] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел, департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1322, л. 30.

[2] АВПК и Б., Гл. комитет по крестьянским делам, донесения флигель и ген.-адъютантов, т. III, с марта по июль 1861 г., № 106, лл. 221—223 об.

посредством одних только убеждений и строгого наказания главнейших виновников беспорядков.

Взволновавшиеся села принадлежали к имениям: гг. Нарышкина, наследников Протасьева, графини Сухтелен и генеральши Кайсаровой и состоят все в Моршанском уезде. Народонаселение их простирается слишком до 8000 душ.

Усмотрев, что главная причина, обнаружившегося в некоторых местах Моршанского уезда, волнения, заключалась единственно в распространении духа неповиновения из Чембарского уезда Пензенской губернии, я решился сперва содействовать во всем движению свиты вашего императорского величества ген.-майора Дренякина, а потому две роты 17 стрелкового батальона, под ведением командира полковника Плечкова, я направил в село Пичаево, Моршанского уезда, а сам с двумя стрелковыми ротами Тарутинского пехотного великого герцога Ольденбургского полка отправился из уездного города Кирсанова по границе Тамбовской и Пензенской губерний; третий же баталион оного полка был мною отдан в распоряжение ген.-майора Дренякина и впоследствии только три роты оного соединились со мною 17 апреля в селе Соломенке. Второй баталион и часть первого баталиона Тарутинского пехотного великого герцога Ольденбургского, полка сосредоточены были мною в Кирсановском уезде близь границ Пензенской губернии, дабы не дать возможности распространиться волнению, и вместе с тем и содействовать ген.-майору Дренякину. Эти меры оказались достаточными для прекращения волнения и препятствовали духу неповиновения перейти в другия места.

Причины, побудившие крестьян выйти из должного повиновения, по моему мнению, следующие:

1. Соседство с возмутившимися и долго не наказанными крестьянами Чембарского уезда, Пензенской губернии, при сильном старании сих последних всеми средствами возмутить и соседние деревни Тамбовской губернии.

2. Распространяемые злонамеренными людьми повсеместно слухи о существовании какого-то нового манифеста с золотым орлом и крестом и нового Положения, на основании которого помещичьи крестьяне, получая свободу, должны будто бы получить и всю господскую землю и имущество без всякого вознаграждения, при чем у них родилась уверенность, что, не повинуясь помещикам и местным властям, они не бунтуют, а только исполняют волю начальства.

3. Заблуждение взволновавшихся крестьян довело до беспорядков и неповиновения местным властям, но убийств, насильства и грабежа, нигде не случалось и волнение крестьян в Моршанском уезде не продолжалось более 10 дней. Раскаяние их мне показалось искренним и повиновение в настоящее время полное, а потому я счел возможным ограничить меру взыскания одними только телесными наказаниями и назначением главных зачинщиков беспорядков, в числе 12 человек, к удалению из места жительства в отдаленные губернии. Телесно наказано мною до 60 человек.

Для предупреждения могущих вновь случиться частных беспорядков, я счел однако же полезным оставить, на некоторое время, пять рот Тарутинского пехотного, великого герцога Ольденбургского, полка на местах бывших беспорядков для ближайшего наблюдения за спокойствием края. Две роты 17 стрелкового баталиона отправлены обратно в место прежнего расположения, в Тамбовский уезд.

В Липецком уезде в селе Знаменском Тараканово, тож помещика Федцова, равно и в Кирсановском уезде в селе Александровке помещика Петрово-Соловово, произошли маловажные беспорядки, вслед-

ствие разных недоразумений между помещиками и крестьянами, но эти беспорядки не выходили из пределов обыкновенных происшествий и не могут быть приписаны к возмущению.

В прочих уездах Тамбовской губернии порядок и тишина нигде не были нарушены по настоящее число.

При настоящих обстоятельствах я имею счастие всеподданнейше донести вашему императорскому величеству, что я полагал бы необходимо нужным ускорить утверждение мировых посредников и сколь возможно поспешнее допустить их к исправлению их обязанностей, будучи убежден, что с принятием этой меры все недоразумения между помещиками и крестьянами, подающие часто повод к волнению, легко могут быть устранены и спокойствие края на будущее время обеспечено.

В заключение считаю долгом совести всеподданнейше довести до сведения вашего императорского величества, что со стороны местного гражданского и военного начальства мне оказаны были все возможные содействия для скорейшего усмирения волновавшихся крестьян Моршанского уезда, и что усердием, неутомимостию и благоразумием в особенности отличались находившиеся при мне с двумя ротами 17 стрелкового батальона командир оного полковник Плечков, жандармский штаб-офицер подполковник Дурново и чиновник особых поручений начальника губернии, надворный советник Чихачев. Дух состоявших под моим ведением войск, был превосходный, вид их бодрый и веселый, обнаруживающий полное усердие и готовность исполнять все требования начальства по долгу чести и присяги.

Ген.-майор барон Винценгероде.

Рапорт подполковника Дурново шефу жандармов Долгорукову, 1 мая 1861 г.[1]

В дополнение рапорта капитана Самойлова от 27 апреля за № 62 к вашему сиятельству имею честь почтительнейше донести, что начальник Тамбовской губ., приведя в повиновение и совершенный порядок волновавшихся крестьян Липецкого у., помещика Федцова, подвергнул до 40 челов. более виновных наказанию розгами, и в других окрестных имениях, где также начинало возникать неповиновение,— до 30 человек, при этом он признал нужным удалить из разных имений 3 человек, более других закоренелых в своих ложных убеждениях.

Апреля 30-го по возвращении начальника губернии г. генерал-адъютант Яфимович отправился в Пензенскую губ.

Подполковник Дурново.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов Долгорукову, 3 мая 1861 г.[2]

Известие о прибытии в Пензенскую и Тамбовскую губ. для подавления в них возмущения генерал-адъютанта Яфимовича дошло до генерал-майора Дренякина незадолго до возвращения последнего в Пензу.

Сначала никто не мог понять цели его прибытия, ибо все знали, что государь император остался доволен дельными распоряжениями Дренякина, в народе стали ходить слухи, что новый генерал простит всех и наказанных и ненаказанных. В одной деревне Чембарского

[1] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 223, л. 21.
[2] ЦАР, III отд. IV, 1861 г., д. № 221, л. 72 и об

уезда, Никульской, крестьяне уже после кандеевской катастрофы отказались итти на работу. Между ними пронесся слух, что царь услыхавши о случившемся в Кандеевке, очень рассердился, сел на машину и сам едет сюда, ведя войско на войско. Крестьяне вследствие распоряжений генерала Дренякина приведены были тотчас к покорности и выдали главных зачинщиков, но это случилось незадолго до известия о прибытии генерал-адъютанта Яфимовича. Впрочем его превосходительство, найдя возмущение уже подавленным, ограничивает свои действия одними наблюдениями и собиранием сведений до какой степени надежно водворенное спокойствие и какие причины его нарушили.

Все действия и распоряжения генерал-майора Дренякина его превосходительство считает такими, какие бы он сделал сам, если бы был на его месте.

5 или 6 мая ген.-адъютант Яфимович намерен объехать всю губернию.

Майор Лакс.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов Долгорукову, 3 мая 1861 г.[1]

Я вернулся в Пензу вместе с его превосходительством генералом Дренякиным 30 прошлого апреля. Здесь я получил положительные сведения, что в прочих уездах в это время было довольно спокойно; даже Городищенский уезд, начавший было серьезно волноваться, усмирен был одним только передвижением войск.

На видимое спокойствие это нельзя однако много полагаться: в крестьянах укоренилась мысль, что помещики в эти два года будут делать им разного рода предложения, может быть и выгодные, но ни на что соглашаться не следует, ибо это ловушка, а кто выдержит по истечении двух лет будет совершенно вольный и получит землю даром, так что от добровольного соглашения между помещиками и крестьянами указанного в Положениях никто не ожидает счастливых результатов.

Действительно наши крестьяне понимают пока одни только приказания, на этом основании генерал-майор Дренякин намерен войти с предложением в губернское присутствие, что для полного спокойствия края необходим обязательный переход на оброк. Мнение это разделяют здесь почти все помещики.

Работы на поле идут здесь вообще худо. Крестьяне, правда, выходят на работу, но почти ничего не делают. При весьма плохих всходах озимого хлеба, если и яровой хлеб будет небрежно посеян, краю угрожает голод. А до сих пор в здешней губернии всходы озимого хлеба так худы, что в некоторых местах перепахивали поля на хлеб яровой.

Впрочем я слышал мнение довольно опытных людей, что с учреждением волостей, когда крестьяне будут иметь своих выборных, дела должны итти лучше, ибо крестьяне будут более доверчивы к правительственным распоряжениям.

Майор Лакс.

Рапорт подполковника корпуса жандармов в Тамбовской губ. шефу жандармов Долгорукову, 15 мая 1861 г.[2]

Распространился слух, что в Тамбовской губ. бродят злонамеренные люди, толкующие превратно высочайше утвержденное Положение о

[2] ЦАР, III, отд., IV, 1861 г., д. № 221, лл. 68—69.
[1] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 233, л. 28.

крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, стараясь при этом возмутить бывших помещичьих крестьян. Вследствие чего начальник губернии немедленно принял надлежащие меры к отысканию и задержанию таковых людей, из коих уже двое пойманы и переданы суду. Один из них оказался бессрочно-отпускной солдат, а другой неизвестно кто, но имеет на себе монастырскую послушную одежду.

О чем почтительнейше донося вашему сиятельству имею честь присовокупить, что народных слухов и толков заслуживающих особенного внимания нет.

Подполковник Дурново.

Донесение начальника Тамбовской губернии управляющему министерством внутренних дел 6 июня 1861 г.[1]

Вследствие дошедших до меня сведений о том, что крестьянин с. Высокого Пензенской губернии, помещика Кожина, бывший главным виновником происходивших в Пензенской губернии беспорядков, в селе Сенцовке Липецкого уезда умер, я предписывал местному земскому исправнику произвесть об этом точнейшее дознание.

Ныне исправник донес мне, что действительно крестьянин г. Кожина, села Высокого, Леон Васильев Егорцев, 65 лет, умер с 15 на 16 июня в селе Сенцовке, в доме дальнего родственника своего, государственного крестьянина Парамона Федорова Горохова, куда он пришел за день перед смертью, сказавшись, что ходил в город Задонск на богомолье и на возвратном пути почувствовал себя весьма слабым. При погребении его, бывшем 18 числа, была родная его дочь, Липата Леонова Бирюкова, проживающая близь села Сенцовки, в деревне Аршани имении того же Кожина.

Толстой.

Донесение штаб-офицера корпуса жандармов в Пензенской губ. шефу жандармов 15 июня 1861 г.[2]

По приговору свиты с. и. в. ген.-майора Дренякина, утвержденному и ген.-адъютантом Ефимовичем, священник села Студенок Чембарского уезда Федор Померанцев отправлен ныне на вечное жительство в Соловецкий монастырь за ложное толкование крестьянам имений графа Уварова высочайшего манифеста. Для сопровождения его до г. Нижнего-Новгорода назначены по распоряжению начальника губ. два жандарма из Пензенской жандармской команды.

Подполковник Лакс.

Предписание управляющего III отделением с. и. в. канцелярии подполковнику Дурново, 23 июня 1861 г.[3]

В дополнение к рапорту вашего высокоблагородия от 15 сего июня за № 89 о смерти в Липецком уезде крестьянина Пензенской губ. села Высокого помещика Михаила Кожина Леона Егорцева, предлагаю вам дознать положительно и донести: действительно ли по дальнейшим сведениям оказалось, что это тот самый Егорцев, который был зачинщиком возмущения крестьян как в Чембарском уезде, так и в других местах.

Граф Шувалов.

[1] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел, Земский отд., 1861 г., д. № 20, лл. 18—19.
[2] ЦАР, III, отд., IV, 1861 г., д. № 221, л. 91.
[3] Там же, л. 40.

Донесение начальника Тамбовской губернии Толстого министру внутренних дел, 9 декабря 1861 г.[1]

Во исполнение предложения вашего высокопревосходительства, от 15 июня за № 1993, я предписывал Липецкому земскому исправнику удостовериться ближайшим образом в точности представленных мною вам, 6 того же июня за № 187, сведений о смерти главного виновника беспорядков в Чембарском уезде, Пензенской губернии, крестьянина Леона Егорцева, а также по надлежащим удостоверении, донести об обстоятельствах, предшествовавших его смерти и могущих объяснить его укрывательство от полицейских поисков.

Из произведенного исправником на месте дознания открылось:

1) Крестьянин Леон Егорцев, переведенный помещиком Кожиным из Липецкого имения в с. Высокое Чембарского уезда, пришедши 15 мая сего года в дом родственника своего, государственного крестьянина с. Сенцовки, Паромона Горохова, сказал ему, что он на возвратном пути из г. Задонска, куда ходил на богомолье, почувствовал себя нездоровым и хотел принять исповедь и св. причащение, почему Горохов пригласил приходского священника, и по напутствовании им Егорцева, сей последний на другой день рано утром умер. При погребении его, бывшем 18 мая и удостоверенном сведением священника, была по извещению крестьянина Горохова, замужняя родная дочь покойного крестьянка д. Аршанки, Клеопатра Леонова Бирюкова, которая подтверждает это вполне в данном ею показании. Сверх того, в дом крестьянина Горохова приходили сначала видеться, когда покойный еще был жив, а потом проститься, двое соседей, знавшие Егорцева еще до смерти, о чем они объясняют в своих показаниях, говоря, что когда они известились от Горохова о приходе в дом его с богомолья крестьянина Егорцева и когда пришли, чтобы повидаться с ним, то, несмотря на его болезненное состояние, тот же час узнали его.

2) Вотчинный староста и 50 человек крестьян, спрошенных под присягою, показали, что они слышали от крестьян Павла Егорцева и Клеопатры Бирюковой, что родственник их первому родной брат, а последней родной отец, Леон Васильев Егорцев, приходили в дом крестьянина Горохова и там умер, но тот ли он самый, который был главным виновником происходивших в Пензенской губернии беспорядков и которого разыскивали, утвердительно сказать не могут, потому что Егорцова в это время они живым не видали и при погребении не были[2].

3) Родной брат Леона Егорцева, Павел Егорцев, объяснил, что он был приглашаем родною дочерью покойного, Клеопатрою Бирюковою, быть на похоронах отца ее; но он на это не согласился из боязни подпасть под ответственность за поступки, сделанные, как он слышал, покойным в Пензенской губернии и

4) 8 человек крестьян соседей, спрошенные также под присягою, показали, что действительно Леон Егорцев был в доме крестьянина Горохова на весьма короткое время, потому что на другой же день, после прихода умер и что покойник в доме того крестьянина, как заведомо беглый не проживал и крестьянин Горохов ни в каких противозаконных действиях замечен никогда не был.

Имею честь почтительно довести об этом до сведения вашего высокопревосходительства.

Толстой.

---

[1] АВПК и Б., ф. мин. внутр. дел, Земский отд., 1861 г., д. № 20, лл. 37—39.

[2] Толстой умалчивает о том, что для того, чтобы удостовериться в смерти Егорцева, тело его было вырыто из могилы. См. об этом признание Дренякина в ст. «Волнение крестьян в Кандеевке», «Русская старина», т. XLVI, 1885 г., стр. 140.

Рапорт генерала-от-кавалерии фон-дер-Лауница 1 шефу жандармов Долгорукову, 25 августа 1861 г.[1]

В настоящее время весьма часто командируются войска в виде экзекуций для принуждения крестьян к исполнению обязанностей, возложенных на них Положением 19 февраля.

Появление воинских команд в деревнях сначала всегда производит более или менее сильное впечатление на обывателей, но впоследствии при продолжительном пребывании одной и той же команды в деревне крестьяне сближаются с нижними чинами, угощают их, приглашают к содействию при своих работах и приучаются видеть в них не взыскание за вину, но расположенных к ним друзей. Последствия подобного сближения экзекуционных команд с обывателями весьма легко могут оказаться вредными, а потому я полагал бы необходимым военные команды ввиду экзекуций вводить в селение только на самое короткое время и не более как на 10 дней, в продолжении коих все распоряжения правительства должны быть исполнены непременно. Во всех же случаях даже тогда, когда пребывание команд д[олее] 10 дней окажется необходимым, расквартировать нижние чины, смотря по местности, или в средние или по обоим концам селений, отдельно от обывателей, в хатах, из коих хозяева предварительно должны быть выведены, а начальнику команд вменить в строжайшую обязанность не допускать никакого сообщения нижних чинов с местными жителями, которые только обязаны будут приносить солдатам определенную им пищу, если сим последние не будут довольствоваться из общего котла.

Генерал-от-кавалерии Лауниц.

* * *

СПИСОК

бунтовщикам, взятым вооруженною силою Пензенской губ. Керенского уезда, в селе Кандеевке г. Волкова 18 апреля сего 1861 года, с толпой собравшихся из разных сел и деревень 3-х уездов после трех залпов, сделанных по-шереножно полувзводом 9 роты Казанского пехотного е. и. в. вел. князя Михаила Николаевича полка, из гладко-ствольных ружей.[2]

При чем выпущена 41 пуля и оказалось убитыми восемь, а ранено двадцать семь бунтовщиков. С пояснением виновности и меры наказания по конфирмации свиты е. и. в. ген.-майора Дренякина, на основании высочайшего разрешения, изображенного в телеграфической к нему депеше через шефа жандармов от 17 апреля 1861 г. за № 3264 «решить дело о виновных по своему суду».

I разряда. Керенского у., с. Кандеевка г. Волкова.

1. Елизаров, Андрей, 72 лет. Отставной рядовой гренадерского е. в. короля Прусского полка, проживающий в селе Кандеевке.

16 апреля, когда свиты е. и. в. ген.-майор Дренякин прибыл в село Кандеевку к толпе, то Елизаров стоял в первых рядах и как старый гренадер был обласкан, когда же ген.-майор Дренякин стал с ним говорить, то он толковал одно, что они должны стоять за бога и царя. А когда было сказано, чтобы он отошел, то он ослушался и говором своим продолжал влиять на заблужденный народ, и хотя потом скрылся в избе, но удачно был взят вестовым жандармом и арестован. При снятии с него допроса 17 апреля оказался в военном сюрту-

[1] ЦАР, III отд., IV, 1861 г., д. № 148, л. 9.

[2] АВПК и Б., ф. департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1815, л. 25—3[…]. Заголовок подлинника.

ке с красным воротником и с куском красного сукна, самовольно нашитыми в виде лацканов, с двоиным на них количеством орденских лент во всю грудь, хотя имел только четыре знака отличия, которые будто бы у него сгорели.

До приезда же ген. Дренякина уговаривавшим толпу, говорил, указывая на оную, «мы все должны стоять за правое дело, для чего их обманывать». Впрочем в поощрении крестьян к неповиновению не сознался.

В службу вступил в 1808 г., в отставку ушел в 1833 г. Был в походах и сражениях противу французов и польских мятежников. Имеет знак отличия св. Анны № 152876, серебряные медали за взятие Парижа в 1814 г., за взятие штурмом Варшавы в 1831 г., польский знак отличия 5 ст. и нашивки из желтой тесьмы в три ряда.

По усмирении бунтовщиков 18 апреля и наказанные и прощенные все показали, что их возмущал он, Андрей Елизаров, и уговаривал мужчин в церковь не ходить, уверяя, что их войско там захватит. Сидя же под арестом, после стрельбы и захвата бунтовщиков, подслушан был его разговор с другими арестантами о том, что если бы он был против войска, то дело было бы иначе, после чего начал шептаться. Со стороны крестьян против него было показано и то, что он начитал им, что трехлетний срок барщины кончился еще в 1857 г., удостоверяя их в том статьею 147 общего положения до того, что и за правильными истолкованиями им лицами от правительства, каждый из бунтовщиков, а их собиралось в село Кандеевку до 8 тысяч человек, все были проникнуты убеждением, внушенным Елизаровым.

Определение наказания. Неоднократно был уличаем, но не сознался. За участие в бунте и ободрении крестьян к возмущению следовало бы его расстрелять. Но применяясь к монаршему милосердию и во внимание к бытности его в походах и сражениях и старости его лет: лишается военного звания, всех знаков отличия — св. Анны, медалей и нашивок — и ссылается в Иркутскую губ. на поселение.

Села Троицкого наследниц гр. М. Ю. Виельгорского гг. Веневитиновой, Сологуб и Шаховской.

2. Горячев, Василий Антонов, лейб-гвардии Гатчинского полка временно-отпускной рядовой, 26 лет. В толпе приходил к приходскому священнику и, когда священник читал высочайший манифест, изданный в 19 день февраля 1861 г., он, Горячев, не осеняя себя крестным знамением, стоял в фуражке, которой даже и по замечанию ему того священником не снял и отвернулся от него. После чего, будучи вызван исправником в числе прочих бессрочно-отпускных, в село Кандеевку для рассылок по делам службы, говорил, что «надо стоять за мужиков».

В Кандеевке же при толковании уездным предводителем дворянства крестьянам Положения на площади он, Горячев, явясь в толпу около 5 тысяч человек, с накинутою на плечи шинелью, стал вблизи предводителя с наглостию, не снял фуражки и подбоченясь говорил: «народ уговаривать то нечего, они работать не станут», явно ободряя тем ослушников высочайшей воли.

Определение наказания. Лишается военного звания, бронзовой медали на андреевской ленте в память войны 1853—1856 гг. и, по наказании его шпицрутенами через 100 человек 7 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 15 лет.

Временно-обязанные крестьяне.

3. Буданов, он же Савкин, Павел Иванов, 40 лет. Приходил с толпой к приходскому священнику, требовал от него какого-то указа об воле, который будто бы лежит на престоле с георгиевским крестом и с знамением прев. богородицы, делал угрозы священнику: «если

не выдаст того указа, то лишит его жизни». От работ господских совершенно отказался, толкований уездного начальства и священника об исполнении повинностей не послушал, пренебрег даже внушением самого свиты е. и. в. ген.-майора Дренякина и, стоя под выстрелами впереди толпы, кричал: «Не пойдут работать на помещика».

Лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами через 100 человек 7 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 15 лет.

4. Радушин, он же и Зобов, Ермолай Сысоев, 40 лет, обвиняется в том же. Лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами через 100 человек 7 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 15 лет.

5. Янин, Иван Матвеев, 50 лет, обвиняется в одинаковом преступлении с № 3 Будановым Павлом, исключая того, что он не угрожал священнику лишить его жизни. Лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами через 100 человек 6 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

6. Потапов, Максим Егоров, 50 л., обвиняется в одинаковом преступлении с Яниным Иваном. Сверх того он собирал народ в селении итти к священнику с криком «воля», возил по улице им, Потаповым, деланное красное знамя.

Лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами через 100 человек 6 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 15 лет.

7. Харитонов, Игнатий Афанасьев, 40 лет, обвиняется в одинаковом преступлении с № 5 Яниным Иваном.

Лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами через 100 человек 6 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

Села Кандеевка г. Волкова.

8. Конобевцев, Исай Давыдов, 48 лет, с толпою приходил к приходскому священнику и настоятельно требовал какого-то указа об воле, произнося при этом оскорбительные слова. Внушений и истолкований начальства о послушании и отбытии повинностей помещику до определенного срока не послушал, напротив того, высочайше утвержденное о том Положение толковал ложно, объяснял, что назначенный на повиновение помещиком срок работ (два года) уже прошел, начало коего было будто бы с 1857 г., укрепляя тем и прочих в таковом заблуждении. Напоследок пренебрег и толкованиями свиты е. и. в. ген.-майора Дренякина и до того восстановлял народ, что решительно отказывались от работ, от предложенного оброка и повиновения помещику, хотя бы это стоило жизни. Так что вся толпа в том же громко клялась, повторяя то же и после сделанных по ней выстрелов.

Лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами через 100 человек 6 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 12 лет.

9. Шильцын, Федор Антонов, обвиняется в том же самом.

Лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами через 100 человек 6 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

10. Холодилин, Антон Дементьев, 52 лет, обвиняется в том же самом.

Лишается всех прав состояния и по наказании его шпицрутенами через 100 человек 6 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

11. Баранов, Никита Алексеев, 55 лет. Обвиняется в том же преступлении.

Лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами через 100 человек 4 раза, ссылается в каторжную работу на заводах на 4 года.

Села Большого Буртаса графа Виельгорского.

12. Туриков, Тимофей Федоров, 50 лет, обвиняется в возбуждении всего общества к неповиновению помещику и в приглашении на сборище в с. Кандеевку. Оказал упорство и после выстрелов, крича «умрем, а не пойдем на работу помещику».

Лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами через 100 человек 6 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники.

II разряд. Керенского у., села Кандеевки г. Волкова.

1. Мокров, Федор Петров, 50 лет. Обвиняется в требовании от приходского священника какого-то указа о воле с георгиевским крестом и с знамением пресв. богородицы, в неповиновении помещику с отказом от работ, несмотря на все истолкования Положения и внушения.

Лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами через 100 человек 4 раза, ссылается в Сибирь на поселение.

2. Ефимкин, Григорий Филиппов, 50 лет, обвиняется в том же преступлении.

Лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами через 100 человек 4 раза, ссылается в Сибирь на поселение.

Села Большого Буртаса гр. Виельгорского.

3. Прокаданов, Андрей Алексеев, 57 лет, за тот же бунт и подговор прочих итти на сборище в село Кандеевку, оставаясь непреклонным и после выстрелов.

Лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами через 100 человек 4 раза, ссылается в Сибирь на поселение...[1].

Керенского у., села Троицкого.

18. Мартышев, Алексей Григорьев, 13 стрелкового батальона бессрочно-отпускной стрелок, 35 лет, обвиняется в сообщничестве с бунтовавшими крестьянами и при снятии допроса в сокрытии, что он грамотный.

Следовало бы лишить военного звания и сослать в отдаленные сибирские рудники, но, принимая во внимание долговременную до сего беспорочную службу и ходатайство сельского священника, лишается на левом рукаве нашивок в два ряда, бронзовой медали на андреевской ленте в память войны 1853—1856 гг. и, по наказании шпицрутенами через 100 человек 2 раза, возвращается в один из оренбургских линейных батальонов.

Не бывшие под выстрелами, выданные миром 19 апреля.

Чембарского уез., дер. Николаевки г. Эспехо.

19. Сысоев, Михаил Афанасьев, 50 лет, ездил по селам, волновал крестьян и сговаривал ограбить бурмистра.

Лишается всех прав состояния и, по наказании 250 ударами розог, ссылается в Сибирь на поселение.

20. Жигалов, Иван Корнеев, 50 лет, обвиняется в том же и в присвоении себе звания и власти старшины.

Лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами через 100 человек 3 раза, ссылается в Сибирь на поселение.

21. Коноплев, Савелий Киреев, 50 лет, обвиняющийся в волно-

---

[1] Далее опускается список крестьян, против имен которых значится «обвиняется в том же саком» и которым определена та же мера наказания, — по дер. Ильинской пом. Охотникова — 4 чел., по дер. Самаркин гр. Виельгорского — 4 чел., по дер. Михайловке и Николаевке пом. Эспехо — 5 чел., по дер. Колесовке — 1 чел.

вании крестьян, говоря, что «земля наша, а потому работать на помещиков не надо».

Лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами через 100 человек 2 раза, ссылается в Сибирь на поселение [1].

Поименованное шпицрутенное наказание приведено в исполнение на месте возмущения, через нижних чинов Казанского пехотного е. и. в. вел. князя Михаила Николаевича полка, в присутствии моем, командира оного полка, гг. штаб и обер-офицеров, медика, керенского уездного предводителя дворянства, пензенского губернского жандармского штаб-офицера, земского исправника и уездного стряпчего. После чего преступники 20 апреля препровождены в Чембарский тюремный замок для пересылки в г. Пензу и далее по назначению.

Ген.-майор Дренякин

СПИСОК

нижним чинам и временно-обязанным крестьянам, бывшим главными виновниками возмущения Чембарского уезда в дер. Черногае и в селе Чернышеве. [2]

Выданные вотчинными начальниками и миром с просьбами не водворять их на прежнее место жительства. Осуждены и приговорены к нижеизложенным наказаниям г. Дренякиным в силу данного ему высочайшего разрешения «решать дело о виновных по своему суду», изображенного в телеграфической депеше шефа жандармов от 17 апреля, № 3264. 28 апреля 1861 г., с. Чернышево.

I разряд. Чембарского у., дер. Черногая, графа Уварова.

Временно-обязанные крестьяне.

1. Минцев, Василий Семенов, 23 лет, молокан. Когда уездный предводитель дворянства с исправником и становым приставом приехали в дер. Черногай объяснять превратно понятое крестьянами Положение и собравшийся народ готов уже был покориться, то Минцев первый подал пример к всеобщему непослушанию, начал бить и ругать стариков, выгнав их силою из избы, уговорив не слушать никаких властей, кроме того разъезжал по разным деревням, возбуждая крестьян к неповиновению.

При допросе не сознался, но предводитель, исправник, становой и мир подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами через 100 человек 5 раз, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 12 лет.

2. Сарычев, Матвей Дорофеев, 45 лет. В то время, когда в Черногай приезжал уездный предводитель, то при толковании им Положения Сарычев вышел из толпы, взял предводителя за борт мундира и спрашивал с угрозой — «а зачем тебя подкупил управляющий» и тем возбудил толпу к всеобщему неповиновению.

На допросе не сознался, но предводитель, исправник, становой и мир подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния, по наказании шпицрутенами через 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

---

[1] В дальнейшем в местах обозначенных звездочкой будет опущена та же мера наказания.

[2] АВПК и Б., ф. департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1315, лл. 39—45. об Заголовок подлинника.

Деревни Каменки, графа Уварова.

3. Ментюков, Михаил Кузьмин, 50 лет. Крестьянин той же деревни Яков Конышев уличал его в том, что во время беспорядков в Черногае три раза ударил одного из солдат Тарутинского полка. Кроме того, клал исправника на скамью и держал его за ноги в то время, когда его ковали. Ругал при всей толпе управляющего.

На допросе сначала не сознался, но при очной ставке сознался во всем.

Лишается всех прав состояния, по наказании шпицрутенами через 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

II разряд. Деревни Черногая, гр. Уварова.

1. Сарычев, Степан Тимофеев, 33 лет. При исправнике, становом и командире 10 роты Тарутинского полка говорил, что как только рота выйдет из Черногая, то убьет бурмистра. Вызывал в толпу управляющего: «Выходи сюда, сейчас порешим тебя».

На допросе не сознался, но исправник, становой и командир роты подтвердили *.

2. Барабашев, Филипп Титов, 32 лет. Возбуждал крестьян к неповиновению, бранил бурмистра, грозя его убить.

На допросе сознался, утверждая, что он это делал по приказанию общества и со слов священника с. Студенки Федора Померанцева *.

3. Кобзев, Иван Максимов, 45 лет. Во время возмущения в Черногае был один из главных бунтовщиков, сковывал управляющего Пичугина.

На допросе сознался во всем *.

4. Гамонов, Егор Яковлев, 45 лет, один из главных бунтовщиков. В числе других выскочил из под ареста.

На допросе сознался *.

Деревни Починок, графа Уварова.

5. Дедюкин, Афанасий Федотов, 60 лет. Сковывал в Черногае управляющего Пичугина.

На допросе сознался.

Определение наказания: лишается всех прав состояния, но во внимание собственного сознания и старости лет, без наказания ссылается в Сибирь на поселение.

6. Федосов, Степан Макаров, 52 лет, один из главных бунтовщиков.

На допросе не сознался, но миром не одобрен .

Деревни Каменки, графа Уварова.

7. Ментюков, Андрей Емельянов, 50 лет. Был в Черногае, из толпы больше всех кричал, что исправника и управляющего следует ковать.

На допросе не сознался, но исправник, управляющий и мир подтвердили *.

8. Шорин, Николай Иванов, находящийся в бессрочном отпуску унтер-офицер лейб-гренадерского Екатеринославского е. в. полка, имеет на левом рукаве нашивки из желтой тесьмы в два ряда. Вместе с толпою приходил в Чернышевскую контору, где толковал, что солдаты не смеют стрелять в бунтующихся крестьян, даже если бы их били. Кроме того ездил в Черногай, во время бывшего там волнения.

На допросе в последнем сознался, первое же подтвердили дворовые люди графа Уварова в числе 30 человек.

Определение наказания: лишается унтер-офицерского звания, наказан к., по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 2 раза, обращается на службу в один из оренбургских линейных батальонов.

Деревни Грязнухи, графа Уварова.

Временно-обязанные крестьяне.

9. Букарев, Кирей Никитин, 60 лет. С толпою приходил к господскому дому и к конторе с. Чернышева, возбуждая крестьян сковать главноуправляющего и говоря им, что он дознал, что чиновники и войска подкуплены помещиками.

На допросе не сознался, но дворовые люди в числе 30 человек подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, за старостию лет без наказания, ссылается в Сибирь на поселение.

10. Букарев, Фома Варфоломеев. Один из главных буянов, ударил бурмистра Тарасова дубинкой.

На допросе не сознался, но бурмистр и мир подтвердили *.

11. Доронин, Ермолай Тимофеев, 33 лет, ездил в с. Черногай во время бывшего там волнения и, возвратившись оттуда, приехал к господскому дому в с. Чернышеве, подговаривая сковать главноуправляющего и привязать его к столбу.

На допросе не сознался, но дворовые люди и старшины подтвердили *.

12. Макеев, Прокофий Федоров, 25 лет. Один из главных буянов, вместе с толпою подъехал к Чернышевской конторе, уговаривая толпу расхитить кассу с господскими деньгами и говоря, что также следует разделить господский скот.

На допросе не сознался, но дворовые люди и старшины подтвердили *.

13. Чулюканов, Макей Никифоров, 45 лет. В толпе, подходившей к Чернышевской конторе, был из первых, предлагавших разграбить господское имущество и сковать главноуправляющего.

На допросе сознался только в том, что приезжал в Чернышево, остальное же подтвердили дворовые люди и старшины *.

14. Кальдиков, Филипп Власов, 37 лет. Обвиняется в том же самом, что и Букарев Фома.

На допросе не сознался, но дворовые люди и старшины подтвердили *.

15. Кудрявцев, Федор Тихонов, 33 лет. В числе прочих был у Чернышевской конторы, предлагая разграбить и разделить все господское имущество.

На допросе не сознался, но дворовые люди и старшина подтвердили *.

16. Иванов, Михаил Иванов, 55 лет, сотский. Выгонял крестьян деревни Соломенки в село Чернышево на сходку.

На допросе не сознался.

Определение наказания: лишается некоторых личных прав и преимуществ и отправляется в Пензенский смирительный дом на два года.

Деревни Соломенки (Алексеевки тож) г. барона Фитингофа.

17. Саратев, Лукьян Яковлев, 33 лет. В числе прочих был в Чернышеве, ворвался самовольно в господский дом, предлагая сковать главноуправляющего и разграбить господское имущество.

На допросе сознался только в том, что был в господском доме остальное же подтвердили дворовые люди *.

18. Воробьев, Федор Иванов, 38 лет. Поздно вечером самовольно вместе с другими приезжал в село Чернышево и участвовал в намерении оскорбить главноуправляющего.

На допросе сознался только в том, что приезжал в Чернышево остальное же подтвердили дворовые люди графа Уварова *.

19. Воробьев, Савелий Ефимов, 37 лет, обвиняется в том же. На допросе не сознался, но уличен дворовыми людьми *.

20. Воробьев, Иван Константинов, [illegible] лет, старшина, собирал деньги с мира на отправление выборных в село Чернышево.

На допросе сознался.

Определение наказания: лишается некоторых прав и преимуществ и отправляется в Пензенский смирительный дом на один год.

Села Чернышева, графа Уварова.

21. Самохвалов, Василий Андреев, 48 лет, караулил главноуправляющего с тем, чтобы он не ушел, кроме того оболгал мальчика Василья Кальдикова и бурмистра.

На допросе не сознался, но старшина и мир подтвердили *.

22. Горячев, Варфоломей Герасимов, 60 лет, бурмистр. Поил водкой бунтовщиков, говоря, что солдаты не смеют стрелять и что в случае стрельбы мужики должны перековать всех солдат.

На допросе не сознался, но уличен дворовыми.

Определение наказания: лишается некоторых личных прав и преимуществ и отправляется в Пензенский смирительный дом на два года.

23. Тикунов, Лукьян Терентьев, 40 лет, с дубиной в руках входил в дом главноуправляющего, грозя его оскорбить.

На допросе не сознался, но уличен дворовыми *.

24. Шеркунов, Филипп Осипов, 35 лет. Созывал народ ехать в Черногай, куда приехавши подстрекал толпу к нанесению побоев управляющему.

На допросе сознался.

Определение наказания: лишается всех прав состояния, но во внимание того, что одною рукою не владеет, без наказания ссылается в Сибирь на поселение.

25. Кривашев, Елисей Яковлев, приходил в село Чернышево вместе с другими в дом управляющего, предлагая расхитить господское имущество.

На допросе не сознался, но уличен дворовыми *.

Села Студенки, графа Уварова.

26. Тараскин, Григорий Антонов, 37 лет, был в Черногае во время бывшего там волнения и стащил с чердака укрывавшегося от бунтовщиков исправника.

На допросе сознался.

Определение наказания: во внимание ходатайства самого исправника лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 2 раза, ссылается в Сибирь на поселение.

Деревни Кулеватовой г. Кожина.

27. Кулишев, Матвей Яковлев, 40 лет, выдан тестем, как буйный зять и хвалившийся тем, что в Черногае из толпы бросил в офицера кирпичем и по счастию не был убит.

На допросе сознался только в том, что был в Черногае.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и без наказания ссылается в Сибирь на поселение.

Поименованное шпицрутенное наказание приведено в исполнение 29 апреля в с. Чернышеве, чрез нижних чинов Казанского пехотного е. и. в. князя Михаила Николаевича полка, в присутствии моем, командира полка, штаб и обер-офицеров, медика, чембарского уездного предводителя дворянства, земского исправника, пензенского губернского жандармского штаб-офицера. После чего преступники того же числа препровождены в Чембарский тюремный замок для пересылки в г. Пензу и далее по назначению.

Ген.-майор Дренякин.

СПИСОК

нижним чинам и крестьянам Пензенской губернии различных селений, принимавшим участие в возмущении бывшем Керенского уезда в селе Кандеевке и волновавшим народ в своих соседственных имениях[1].

Как главные нарушители спокойствия они 21 апреля с просьбою: не водворять их на прежнее место жительства, — были выданы миром и вотчинными [illegible] и представлены на суд свиты с. и. в. ген.-майора Дренякина, приговорившего их к нижеизложенным наказаниям в силу полученного им высочайшего разрешения «решить дело о виновных по своему суду», изображенного в телеграмме к нему шефа жандармов от 17 апреля № 3264, 21 апреля 1861 г.

1-й разряд. Керенского уезда, села Знаменского Большого Буртаса гр. М. Ю. Виельгорского.

1. Мушкин, Матвей Иванов, 63 лет, отставной унтер-офицер Генгинского пехотного полка, имеет знак св. Анны № 390783 и нашивки в три ряда. С 9 по 15 апреля постоянно находился в своем селе, среди собиравшейся с разных сел толпы, возбуждал крестьян к неповиновению словами: «не бойтесь, стрелять не будут», после чего самовольно перевозил к себе господский кирпич.

При допросе сознался только в том, что брал господский кирпич, остальное же подтвердили бурмистр и старшины.

Определение наказания: лишается военного звания, знака св. Анны, нашивок и ссылается в Сибирь на поселение.

Временно-обязанные крестьяне.

2. Голиков, Илья Андреев, 43 лет. При мирской сходке толкал и ругал старшин за то, что они ездили в имение того же владельца дер. Подгорное для усмирения волновавшихся крестьян. Из рук старшины Данилы Мартынова вырвал высочайший манифест.

На допросе не сознался только в том, что толкал и ругал старшину, что впрочем подтвердили бурмистр и старшины.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные Сибирские рудники на десять лет.

3. Голиков, Иван Иванов, 36 лет. Обвиняется в том же самом.

На допросе не сознался, но бурмистр и старшины подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

4. Анохин, Илья Петров, 45 лет. Ездил в село Кандеевку на сбо-

[1] АВПК и Б., ф. департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. [illegible]. Заголовок подлинника.

рище, откуда передавал возмутительные вести и увлекал крестьян, объявляя им, что «скоро всех перережут».

На допросе не сознался, но бурмистр и старшины подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

Чембарского уезда села Подгорного гр. Виельгорского.

5. Федотов, Сидор Ильин, 27 лет. Подстрекал народ к возмущению. С толпою приходил в с. Троицкое и, в числе прочих, требовал от священника какого то указа, кроме чего нанес побои леснику.

На допросе сознался во всем.

Определение наказания: лишается всех прав состояния, но во внимание его сознания, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 2 раза, ссылается в Сибирь на поселение.

6. Лагуткин, Мирон Иванов, 25 лет, нанес дубиной жестокий удар по голове старшине Трофиму Хресткину, присланному в с. Подгорное из главной вотчинной конторы для того, чтобы усмирить крестьян, кроме того с криками возбуждал других к неповиновению.

На допросе сознался во всем.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

7. Дмитриев, Ферапонт Дмитриев, 44 лет, рядовой Пензенского гарнизонного баталиона. Возбуждал крестьян к неповиновению говоря: «не верьте, войска в вас стрелять не смеют», прибавляя, что предъявленный им манифест ложный, ибо на настоящем должен быть георгиевский крест. Когда находился на сходке, то имел в руках оружие.

На допросе не сознался, но его проступки подтверждены миром и старшинами.

Определение наказания: лишается военного звания, нашивок и знаков отличия и медалей, ежели и то и другое имеется, и, по наказании шпицрутенами по слабости здоровья чрез 100 человек только 2 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

Керенского уезда деревни Ильинской г. Охотникова временно-обязанные крестьяне.

8. Балдышев, Лаврентий Фотиев, 42 лет. Возбуждал крестьян к неповиновению, привозил им ложные вести из с. Кандеевки. Он первый, как в д. Ильинской, так и в с. Никольском, внушал обществу не ходить на работу и не повиноваться никаким властям, а именно: 9 апреля в имении г. Охотникова, селе Черкасском, когда по приказанию станового пристава были собраны в вотчинной конторе крестьяне для объяснения им высочайше утвержденного Положения, то он, Балдышев, расстраивал толпу своими словами. Заметив это, становой приказал выйдти из толпы, он ослушался, не дав себя взять десятским и ушел из конторы самовольно, и народ, по его примеру, последовал за ним. Кроме того в с. Никольском стоял во главе толпы, требовавшей от священника какого-то указа.

На допросе сознался во всем.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании его шпицрутенами чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

II разряд. Керенского уезда села Знаменского Большого Буртаса гр. Виельгорского.

1. Евсеев, Ефим Андреев, 40 лет. Возбуждал народ к возмущению, во время коего занимался воровством господской соломы. На допросе не сознался, но бурмистр и старшины подтвердили*.

Села Троицкого гр. Виельгорского.

2. Ежиков, Григорий Захаров, 43 лет. Возбуждал всех крестьян села Куземкина к неповиновению, вследствие чего все крестьяне отправились в село Кандеевку.

На допросе сознался*.

Деревни Самарихи гр. Виельгорского.

3. Куликов, Иван Гаврилов, 50 лет. Восстановил крестьян как своей, так и других деревень к неповиновению помещикам и непослушанию властям.

На допросе не сознался, но старшины подтвердили*.

Чембарского уезда села Подгорного гр. Виельгорского

4. Липилин, Герасим Андреев, 57 лет. Взволновал народ своей деревни и требовал от приходского свящ[illegible] указа о воле и тем смутил крестьян.

На допросе сознался.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании его, во внимание старости лет, ста ударами розог, ссылается в Сибирь на поселение.

5. Терин, Иван Алексеев, 48 лет, обвиняется в том, что участвовал в побоях, нанесенных старшине Трофиму Хрестнику, и кроме того сильно возбуждал крестьян к неповиновению.

На допросе не сознался, но старшины подтвердили*.

Поименованное шпицрутенное наказание приведено в исполнение 26 апреля в с. Покровском, чрез нижних чинов Казанского пехотного е. и. в. вел. князя Михаила Николаевича полка, в присутствии моем, командира оного полка, гг. штаб и обер-офицеров, медика, чембарского уездного предводителя дворянства, пензенского губернского жандармского штаб-офицера. После чего преступники того же числа препровождены в Чембарский тюремный замок для пересылки в г. Пензу и далее по назначению.

Ген.-майор Дренякин.

СПИСОК

временно-обязанным крестьянам разных сел и деревень Пензенской губернии Чембарского уезда, бывших главными виновниками возмущения в с. Покровском г. Веригина, составленный по указанию священника, бурмистра, старшин и всего мира, просившего исключить их из общества, как людей вредных[1].

Осуждены и по степени виновности приговорены к нижеизложенным наказаниям свиты е. и. в. ген.-майором Дренякиным, в силу данного ему высочайшего разрешения «решить дело о виновных по своему суду», изображенного в телеграмме шефа жандармов от 17 апреля сего года № 3264, 26 апреля 1861 г.

---

[1] АВПК и Б., ф. департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1315, лл. 55—60. Заголовок подлинника.

I разряд. Села Покровского г. Веригина.

1. Белынцев, Егор Прокофьев, 40 лет. Один из главных бунтовщиков, бил бурмистра, и уже прежде за возмущение был в арестантской роте.

На допросе не сознался, но бурмистр и старшины подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

2. Живов, Иван Петров, 28 лет. Тащил из дому священника и кричал: «надобно душить всех».

На допросе не сознался, но священник и мир подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 12 лет.

Д. Ивановки г. Веригина.

3. Юдин, Иван Марков, 23 лет. Вошел в шапке в дом священника, тащил его вон из дому, и кроме того грабил дом управляющего.

На допросе не сознался, но священник и мир подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами и чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 12 лет.

4. Никитин, Тихон Никитин, 40 лет. Один из главных бунтовщиков, грабил дом управляющего.

На допросе не сознался, но старшины и мир подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

Д. Екатериновки г. Веригина.

5. Гребенников, Кирилл Данилов, 40 лет. Один из главных бунтовщиков, толкал палкою священника, бил конторщика и угрожал разорвать в клочки станового, в случае его приезда в деревню.

На допросе не сознался, но священники, конторщик и мир подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 12 лет.

II разряд. С. Покровского г. Веригина.

1. Каблов, Федор Кузьмин, 55 лет, возмущал народ, бил бурмистра и старшин.

На допросе не сознался, но бурмистр, старшины и мир подтвердили *.

2. Караульщиков, Антон Данилов, 28 лет. Нагло требовал у священника «воли».

На допросе не сознался, но священник и мир подтвердили *.

Д. Ивановки г. Веригина.

3. Карпов Ефим Карпов, 38 лет. Один из главных бунтовщиков Все общество признало его вредным.

На допросе не сознался, но мир подтвердил *.

4. Белынцев, Николай Гордеев, 48 лет. Один из главных бунтовщиков; заставлял сыновей бить начальников.

На допросе сознался *.

5. Белынцев, Иван Гордеев. Один из главных бунтовщиков, бил бурмистра.

На допросе сознался *.

6. Бутников, Иван Терентьев, 68 лет. Один из главных бунтовщиков; первый начал бить бурмистра.

[illegible].

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, во внимание старости лет без наказания, ссылается в Сибирь на [illegible].

Д. Петровской г. Веригина.

7. [illegible] лет. Один из главных [illegible].

На допросе не сознался, но старшины и мир подтвердили *.

8. Юдин, Федор Михайлов, 53 лет. Был главным распространителем возмущения в своей деревне; бил тех, которые его не слушали.

На допросе не сознался, но мир и старшины подтвердили *.

9. Сущев, Федор Васильев, 48 лет. Помогал действиям Юдину и уверял народ, что видел в с. Высоком «чистую волю» с золотой печатью *.

10. Карпугин, Григорий Алексеев, 45 лет. Один из главных бунтовщиков и сквернослов.

На допросе не сознался, но мир и старшины подтвердили *.

11. Понякин, Минай Дементьев, 40 лет. Один из главных бунтовщиков; дрался.

На допросе не сознался, но мир и старшины подтвердили *.

12. Караульщиков, Герасим Данилов, 35 лет. Грамотный. Ездил в село Высокое, откуда возвратившись возмущал народ, ложно толкуя ему Положение.

На допросе сознался *.

13. Десятков, Андрей Евсеев, 28 лет. Обвиняется в том же.

На допросе сознался *.

Дер. Екатериновки г. Веригина.

14. Кудрявцев, Павел Петров, 65 лет. Один из главных бунтовщиков.

На допросе сознался.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, во внимание старости лет без наказания, ссылается в Сибирь на поселение.

15. Красичкин, Константин Прокофьев, 50 лет, бил бурмистра, один из главных бунтовщиков.

На допросе сознался *.

16. Красичкин, Иван Иванов, 25 лет. Один из главных бунтовщиков, грабил дом управляющего.

На допросе сознался *.

Поименованное шпицрутенное наказание на месте возмущения приведено в исполнение 26 апреля, чрез нижних чинов Казанского пехотного е. и. в. вел. князя Михаила Николаевича полка, в присутствии моем, командира оного полка, гг. штаб и обер-офицеров, медика, чембарского уездного предводителя дворянства, пензенского жандармского штаб-офицера. После чего преступники того же числа препровождены в Чембарский тюремный замок для пересылки в город Пензу и далее по назначению.

Ген.-майор Дрепякин.

СПИСОК

главным виновникам возмущения, бывшего в деревне Никольской г. Бородина[1]

С просьбою не водворять их на прежнее место жительства, выданы вотчинными начальниками и миром и присланы в с. Высокое на суд свиты е. и. в. ген.-майора Дренякина, приговорившего их к нижеизложенным наказаниям, в силу полученного им высочайшего разрешения «решить дело о виновных по своему суду», изображенного в телеграмме к нему шефа жандармов от 17 апреля № 3264, 26 апреля 1861 г.

I разряд. Чембарского уезда д. Никольской г. Бородина временно-обязанные крестьяне.

1. Чушкин, Константин Иосифов, 37 лет. Хотел поджечь дома управляющего и старосты, просив для этого крестьянина Дмитрия Белова купить пороху. Более других возмущал крестьян, не приказывая им ходить на работу. До того был 17 лет в бегах.

На допросе не сознался, но старшины и мир подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 4 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 12 лет.

II. разряд.

1. Усов, Андрей Гаврилов, 35 лет. Один из первых бунтовщиков, разъезжал по деревням, откуда привозил ложные вести, коими и смущал все свое селение и подговаривал к неповиновению, кроме того уговорил весь мир наказать крестьянина Зоркина за то, что тот советывал повиноваться помещику.

На допросе сознался*.

2. Усов, Яков Гаврилов, 28 лет. Обвиняется в том же и кроме того ослушался исправника, не явившись на его зов для выслушания высочайше утвержденного Положения.

На допросе сознался*.

3. Шебуняев, Иван Николаев, 45 лет. Был в Черногае, откуда возвратившись, подговаривал всех ехать опять в Черногай слушать «чистую волю», и что одна деревня должна стоять за другую, чтобы в случае прибытия войска легче было бы прогнать его вместе.

На допросе вполовину сознался, остальное подтвердили старшины*.

4. Чушкин, Иван Антонов, 35 лет. Обвиняется в том же самом.

На допросе сознался*.

5. Шебуняев, Василий Родионов, 50 лет. Бессрочно-отпускной рядовой Модлинского пехотного полка. Был на мирской сходке и уверял всех, что не следует слушаться помещика.

На допросе сознался в том, что был на сходке, остальное подтвердили старшины.

Определение наказания: обращается на службу в один из оренбургских линейных баталионов без телесного наказания.

Поименованное шпицрутенное наказание приведено в исполнение 27 апреля в с. Высоком, чрез нижних чинов Казанского пехотного е. и. в. вел. князя Михаила Николаевича полка, в присутствии моем, командира оного полка, гг. штаб и обер-офицеров, медика, чембарского уездного предводителя дворянства, пензенского губернского жандармского штаб-офицера. После чего преступники того же числа препровождены в Чембарский тюремный замок для пересылки в г. Пензу и далее по назначению.

Ген.-майор Дренякин.

[1] АВПК и Б., ф. департ. полиции исполнительной, 1861 г., д. № 1315, лл. 50—51 об.

СПИСОК

временно-обязанным крестьянам, главным виновникам возмущения, бывшего Чембарского уезда в селе Высоком.

С просьбою не водворять их на прежнее место жительства выданы миром и вотчинными начальниками на суд свиты е. и. в. ген.-майору Дренякину, приговорившего их к вышеозначенным наказаниям. [illegible] силу высочайшего разрешения [illegible] [illegible], изображенного в телеграфической депеше от 17 апреля № [illegible] 26 апреля 1861 г.

I разряд. Чембарского уезда села Высокого г. Кожина.

1. Чернов, Петр Макеев, 55 лет. Из первых бунтовщиков, будучи послан от генерала Дренякина к бунтовщикам в с. Покровское с [illegible] -ванием, чтобы крестьяне опомнились, то от имени генерала [illegible] священнику помириться с крестьянами и просить у них прощения. сообщил Егорцеву, что его ищут и потому дал ему средство скрыться.

На допросе почти сознался.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании шпицрутенами чрез 100 человек 3 раза, ссылается в отдаленные сибирские рудники на 10 лет.

II разряд.

1. Коровяков, Козьма Попов, 40 лет. Один из главных бунтовщиков, был в селе Кандеевке, где в числе прочих один из первых остановил экипаж керенского уездного предводителя дворянства.

На допросе сознался *.

2. Шкинев, Николай Яковлев, 60 лет. Один из главных бунтовщиков. Когда старики хотели сковать главного бунтовщика — возмутителя Егорцева, не дал им его, влезая на точило, ударил старшину Василья Григорьева и оскорбил жену управляющего, скрывшегося для того, чтобы не быть убитым.

На допросе почти сознался.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, за старостию лет без наказания, ссылается в Сибирь на поселение.

3. Шкинев, Иван Яковлев, 65 лет. Входил в дом управляющего, вызывая его именем всего мира на двор и говоря: «выходи в клочки разорвем».

На допросе сознался чистосердечно.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, за старостью лет без наказания, ссылается в Сибирь на поселение.

4. Золотов, Алексей Семенов, 30 лет. Один из главных возмутителей, был в доме у управляющего, оскорбил его жену и бил старшину Барабашева.

На допросе сознался, говоря, что в это время был пьян.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по наказании 200 ударами розог, ссылается в Сибирь на поселение.

5. Макеев, Семен Сергеев, 30 лет. Грамотный. На [illegible] лошади без спроса ездил в Черногай и другие деревни. Был в доме у управляющего, у коего запечатывал двери и шкафы.

На допросе сознался *.

6. Анашенков, Тимофей Иванов, 47 лет. Был в доме у управляющего, хотел прибить старшину Михайлу Барабашева, мир и управляющий его не одобрили.

[1] [illegible]

На допросе сознался *.

7. Коньков Илья Васильев, 20 лет, был в селе Кандеевке и бранил в лицо предводителя. Был в доме у управляющего и жалел, что не нашел его, иначе бы убил его, имел в руках железное орудие.

На допросе не сознался, но старшины и мир подтвердили *.

Деревни Кулеватовки г. Кожина.

8. Нагорнов, Федот Иванов, 75 лет. Обвиняется в том, что в церкви громко требовал у священника воли.

На допросе не сознался, но священники и старшины подтвердили.

Определение наказания: лишается всех прав состояния и, по старости лет без наказания, ссылается в Сибирь на поселение.

9. Нагорнов, Иван Федотов, 30 лет. Накануне черногайского дела, притворившись больным, причащался, на другой же день поскакал в Черногай, был в доме у управляющего, печатал дом.

На допросе не сознался, но мир и старшины подтвердили *.

10. Тараканов, Иван Иванов, 60 лет. Был в Черногае и в Высоком, вырвал клок бороды у старшины Щелкушкина.

На допросе не сознался, но старшины и мир подтвердили.

Определение наказания: Лишается всех прав состояния и, по старости лет без наказания, ссылается в Сибирь на поселение.

Поименованное шпицрутенное наказание на месте возмущения приведено в исполнение 27 апреля, чрез нижних чинов Казанского пехотного е. и. в. вел. князя Михаила Николаевича полка, в присутствии моем, командира полка, гг. штаб и обер-офицеров, медика, чембарского уездного предводителя дворянства, пензенского губернского жандармского штаб-офицера. После чего преступники того же числа препровождены в Чембарский тюремный замок для пересылки в г. Пензу и далее по назначению.

Ген.-майор Дренякин.

К истории фабричного законодательства в 1861 г.

В известной статье «О промышленных судах» В. И. Ленин писал:

«Это было тогда, когда наши крестьяне были освобождены из крепостной [illegible] (в 1861 г., более 35 лет тому [illegible]). [illegible] русское правительство решило заменить та[illegible] никах и фабричных рабочих: слишком уже я[illegible] нием крестьян нельзя оставить старые закон[illegible] лись эти старые законы, из рабочих многие [illegible]. И [illegible] тельство назначило комиссию из нескольких [illegible] немецкие и французские (и других стран) за[illegible] ставить проект изменения русских закон[illegible] бочих» [1].

Комиссия, о которой говорил В. И. Ленин, была создана при министерстве финансов в 1859 г. Ей предшествовала комиссия при петербургском генерал-губернаторе, которая разработала «Проект правил для фабрик и зав[illegible] С. Петербурге и уезде». Через министерство внутренних дел этот проект был разослан всем губернаторам для того, чтобы собрать о нем отзывы «компетентных и заинтересованных лиц», о том в какой мере этот проект пригоден для остальных местностей Р[illegible].

Проектом предусматривалось обязать предпринимателей оборудовать свои фабрики и заводы приспособлениями, предохраняющими от несчастных случаев, определить условия, каким должно отвечать помещение, в котором прот[illegible] производственный процесс, и помещение отведенное для жилья рабочих и устанавливалась продолжительность рабочего дня для малолетних и несовершеннолетних рабочих. Контроль за выполнением законов предполагалось возл[illegible] на фабричную инспектуру, которая получала право ревизии промышленн[illegible] предприятий в любое время дня и ночи и право наложения штрафов на [illegible].

Московские, владимирские, ярославские и другие фабриканты центральной России, в подавляющем большинстве, отнеслись отрицательно к первой попытке фабричного законодательства, враждебно встретили этот проект. Осо[illegible]бенно яростно они ополчились против предположения о запрещении детско[illegible] труда (до 12 лет) и о сокращении рабочего времени несовершеннолетних[illegible]

В пятидесятых годах минувшего столетия промышленность центральн[illegible] России остро почувствовала недостаток свободных рабочих рук. Рабочий клас[illegible] находился тогда только в процессе формирования. Подавляющее большин[illegible] фабричных рабочих состояло из оброчных крестьян, которых [illegible] мог вызвать обратно в во[illegible].

Для обеспечения своих предприятий рабочей силой фа[illegible] вали все средства, не останавливаясь пе[illegible]. Так например, егорьевские фабриканты братья Хлудовы, под в[illegible] окрестным крестьянам, желавшим выкупиться из крепостной [illegible]

[1] В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. [illegible].

дили массовую скупку крепостных, заставляя их затем отрабатывать всю сумму уплаченного помещикам выкупа. Положение таких рабочих мало чем отличалось от положения рабов[1].

В этих условиях всякое мероприятие, сокращавшее контингенты, из которых фабриканты могли черпать рабочую силу, должно было встретить с их стороны упорное противодействие. Поэтому они единодушно выступили против попытки запрещения труда малолетних и сокращения рабочего времени н[illegible]летних рабочих.

Правительство не пошло против воли фабрикантов. Комиссия, работавшая около семи лет, опубликовала свои труды в пяти объемистых выпусках и опубликовала проект закона, но дальше этого вопрос о фабричном законодательстве не двинулся.

«С проектом этой комиссии,— писал В. И. Ленин,— наше [illegible] г со всеми сколько-[illegible] для народа и для рабочих проектами. Чиновников правительство [illegible] жалованьем за труды на пользу [illegible] и отечества: чиновникам [illegible] шею ордена, дали высшие чины и более доходные места. А составленный ими проект положили себе преспокойно «под сукно», как говорят в канцеляриях»[2].

Разрешение вопроса о фабричном законодательстве было отложено на мно[illegible] лет.

Пересмотр безнадежно устаревших законов и первые шаги, которые правительству пришлось сделать по пути фабричного законодательства в 1886 и 1897 гг., были уже результатом организованной борьбы рабочего класса против правительства и предпринимателей.

«Законы 3 июня 1886 г. и 2 июня 1897 года, эти главные фабричные законы в России,— писал В. И. Ленин,— оба являются таким образом вынужденной уступкой, отвоеванной русскими рабочими у полицейского правительства»[3].

Ниже мы публикуем сводную записку, или точнее критический обзор мнений тверских фабрикантов по поводу петербургского проекта правил для фабрик и заводов, представленную в августе 1861 г. в министерство внутренних дел от имени тверского губернатора графа Баранова.

Записка подробно излагает возражения Морозова, Каулина, Шилова и др. фабрикантов против тех пунктов правил, которые в какой-либо мере могли стеснить произвол фабрикантов и возможность неограниченной эксплоатации рабочих. Вместе с тем записка обрушивается с исключительно резкой критикой на этих, по ее выражению «американских плантаторов», «эксплоататоров его (народа) сил и способностей», прикрывающих «защиту самого неправого дела» громкими фразами о «свободе народного труда», ради которой де неприемлемо сокращение ночных работ и ограничение детского труда, о том, что «фабрика есть дом трудолюбия» и потому-то и недопустимо нарушение «спокойствия трудящихся» в ней ночными ревизиями фабричных инспекторов и т. п. Идеализируя фабричное законодательство и положение рабочего класса в Западной Европе, и в частности в Англии, записка противопоставляет этому невыносимо тяжелые условия труда и жизни русского рабочего и решительно [illegible]вается за необходимость фабричного законодательства и сосредоточение функций фабричной инспекции не в руках мануфактур-советов, т. е. самих же фабрикантов, как хотели бы последние, а в руках правительственных чиновников, подчиненных контролю гласного суда.

До сих пор эта записка была известна лишь по тем крайне скупым извлечениям, какие попали в «Свод замечаний на изданный в 1860 г. проект правил

---

[1] Рязанский обл. исторический архив, ф. Канц. рязанск. губернатора, д. № 1690; Рязанск. губ. правления, журналы за 1858 г. по 8 столу, III отд.; Поваринцин, [illegible]ские помещики и их крепостные; Дризен, Салтыков в Рязани, «Исторический [illegible]тник», февраль, 1900 [illegible]

[2] В. И. Ленин, Соч[illegible]

[3] [illegible]

[illegible]ля фабрик и заводов в [illegible] Петербурге и уезде», опубликованный во второй части «Трудов комиссии, учрежденной для [illegible]отра уставов фабричного и [illegible]»[1]. Эти извлечения дали повод проф. Туган-Барановскому пропеть панегирик тому «либеральному» времени, когда «даже губернаторы [illegible] говорили слогом народных трибунов»[2].

[illegible] правда» [illegible]. Рассудов в статье «Забелин или Салтыков»[3] выразил сомнение [illegible] является граф Баранов.

[illegible] ла проект, действительно говорит о том, что граф Баранов [illegible]

В январе 1860 г. А. И. Забелин, будучи врачом больницы Тверского приказа [illegible]щественного призрения, поместил в журнале «Вестник промышленности» [illegible] это время был великий русский сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин. Борясь [illegible] крепостниками, взяточниками и ворами, Салтыков стремился привлечь в подведомственные ему учреждения чиновников передового образа мыслей, честных и знающих свое дело. Этим и объясняется назначение А. И. Забелина [illegible] 1861 г. чиновником особых поручений и то, что ему было поручено [illegible]

Несомненным влиянием М. В. Салтыкова, исполнявшего в период составления записки обязанности тверского губернатора, определяется и резко обличительный характер самой записки.

Так совсем по-щедрински звучит оценка, даваемая в записке различным провинциальным комитетам и должностным лицам, вроде оценщиков частных имуществ. Заметим, кстати, что контроль за [illegible]тельностью последних входил [illegible]занностей Салтыкова, как вице-губернатора.

[illegible] всю записку проходит требование гласности, [illegible]ерное для всех произведений великого сатирика в этот период. [illegible], говорит записка, средство «от тлетворного влияния взяткодате[illegible]. [illegible] имя этой гласности автор записки считает полезным предоставить [illegible] право выбирать документы для отстаивания своих интересов [illegible]м и судом. Из этого же [illegible] словесных судов и специальных [illegible]ровых судов.

[illegible] критические замечания записки противоречат и мнениям самого [illegible]белина, [illegible]занным в его статье в «Вестнике промышленности». Так, например, в [illegible]тье Забелина о Каулине и его фабрике говорится только хорошее. А [illegible] тем в записке мы читаем: «Помещение на их фабриках (Каулина и Залогина), неудобно, тесно и для здоровья рабочих вредно... Для них тысячи [illegible], страдающих по милости отвратительного устройства их мастерских, [illegible]ат не более валяющихся около их фабрик кошек и собак»[4]. Это [illegible] дает основание считать, что Забелин, составляя свою записку, высказывал не столько свои мнения (да и едва ли бы рядовой чиновник рискнул пред[illegible]альству столь смелые суждения от своего имени), сколько мнения М. Е. [illegible].

[illegible] тверского губернатора, слабовольного и идущего на пово[illegible] у окружающих его лиц, графа Баранова, то оказывается, что последний [illegible]водов приписываемой ему записки. Он пытал[illegible] [illegible]зражать на полях самой же записки. Кое-что он прост[illegible] [illegible].

[1] [illegible] стр. 255, 265—266, 274—275, 290—292, 303—304, 310—316 [illegible]
[2] [illegible]-Барановский, Русская фабрика в прошлом и наст[illegible], М., 1938 г., стр. 31[illegible]
[3] [illegible] газету № 229 от 18 октября 1934 [illegible]
[4] [illegible] 114

Тот факт, что записка получила однако его визу и была, правда, в крайне урезанном виде, напечатана в официальном издании, можно объяснить только слабым развитием в то время в России капиталистических противоречий и отсутствием организованного рабочего движения.

Публикуемая ниже полностью записка дает ценный материал для истории промышленности, рабочего класса и фабричного законодательства в России накануне реформ 1861 г. Записка представляет также значительный интерес как документ, отражающий взгляды великого сатирика Салтыкова-Щедрина на рабочий вопрос, как документ, показывающий, откуда писатель черпал материал для своих бессмертных образов Деруновых, Колупаевых, Разуваевых и прочих представителей купечества.

[illegible]

Записка по проекту правил для фабрик и заводов, 24 августа 1861 г., № 5946.[1]

Вследствие предписания министерства внутренних дел от 7 декабря 1860 г. за № 160 о доставлении мнения по проекту правил для фабрик и заводов, я, препроводив по экземпляру проекта, предлагал фабрикантам и заводчикам Тверской губернии сообщить мне их мнения об этом предмете. В настоящее время, получив ответы всех значительных фабрикантов и заводчиков Тверской губернии, имею честь представить их, в кратком извлечении всего существенного, на благоусмотрение министерства, прилагая в конце каждого параграфа и свое собственное об них и о самом проекте мнение.

I. Осташковский фабрикант купец Савин[2] находит изложенные в проекте правила вполне удобоисполнимыми и для его фабрики. Он выражает желание, чтобы лица, назначаемые в должность инспекторов за фабриками имели достаточные технические познания, как теоретические, так и практические; сверх того, чтобы это были лица просвещенные и беспристрастные, и поэтому не наклонные к произволу ни в каком виде и способные безошибочно разбирать фабричные дела.

По моему понятию, тут нужнее всего честные и добросовестные люди, образование же требуется не специальное, а общее — человечное[3], потому что и сами фабриканты, большею частью, кроме рутинной практики, никакого образования не имеют. Если же упирать на специальность техническую, то для инспектора не менее нужна специальность и медицинская для определения общего вида, здоровья рабочего, чистоты воздуха, доброкачественности пищи и т. д.

II. Вышневолоцкий фабрикант, московский купец Шилов[4], считая удобоисполнимыми на своей фабрике все правила проекта, только против некоторых представил следующие возражения, а именно: а) против § 6, что промежуток между машинами может быть и менее

[1] Калининский областной исторический архив, ф. канцелярии тверского губернатора, 2 стол, д. № 7530, лл. 37—64. Заголовок подлинника.

[2] Ф. К. Савин (1816 [illegible] 1890 гг. Фирма «[illegible] и банком в г. Осташкове (См. И. Токм[illegible] его уезд. М. 1906 г., стр. 214—218 и А. Верш[illegible] промышленность в ее прошлом» в «Известиях [illegible] II. Тверь, 1926 г., стр. 50—69; см. также ф. Твер. губ. стат. комитета [illegible] 34-б)

[3] Т[illegible] подлиннике.

[4] А. Шилов — влад[illegible] и ткацкой фабрики в гор. Вышнем-Волочке, Тверской губе[illegible] в 1857 г. В 1869 г. предприятие Шилова было продано и перешло к Рябушинским (См. ф. Тверского губернского правления [illegible]. № 28745 и № 28676, а также «Двадцатилетие товарищества П. П. Рябушинского», стр. 46 и 110—111).

трех четвертей, если проход между ними не представляет никакой опасности как в самоткацком станке, в мюлях и проч.;

б) против § 16, что вместо слова «ведомости» следовало бы сказать: «книги», так как ведение ведомостей будет [illegible] с потерей [illegible], и тем более, что в ведомостях не могут быть [illegible] обстоятельства, и поверка их возможна только при [illegible] же конторскими книгами. Ведомости, по его мнению, [illegible] излишней формальностью, тяготеющего над [illegible] фабрикой и [illegible]утся мертвою буквою.

С этим я не могу согласиться, потому что не вижу причины, почему богатые фабриканты не могли бы иметь не безграмотных, а образованных конторщиков, которые бы могли вести эти ведомости, как они ведутся заграницей[1]:

в) против § 67, что запрещать рабочим спать на полу, на столах и в мастерских следует только на фабриках, производящих работу паровыми машинами, водяными колесами и другими механическими двигателями, а равно и на всякого рода химических заводах, потому что запрещение спать в мастерских, где производится ручная работа, равняется почти запрещению самых работ. Ручная фабрика при достаточном освежении воздуха форточками, вентиляторами и т. п. представляет часто удобнейшее помещение, нежели холодные или душные квартиры, где рабочие должны были бы поместиться. В случае пожара несчастие можно отвратить, обязав фабрикантов в двух или трех этажных корпусах иметь наружные лестницы с площадками к окнам.

Конечно, при соблюдении этих условий, можно бы позволить спать и в мастерских, но мало надежды на соблюдение их. Всякому известно, [illegible] воздух в ручных мастерских сапожников, портных и т. [illegible]

г) против § 70 и 71, в которых он видит цель уничтожить вовсе ночные [illegible] [illegible]ны без малолетних. Против этой [illegible] фабрикант Шипов [illegible] со всей энергией американских [illegible] и приводит [illegible] те доказательства, которые приводят от [illegible] чужим трудом. Приведу для образчика несколько [illegible] его выражений. Он говорит, например, что [illegible] труд малолетних, мы тем сокращаем труд взрослых работников, уменьшаем тем их заработки, лишаем увеличения народного богатства и отчасти воспитания их детей. Этим предположением нарушается свобода народного труда...

Довольно этих пышных с виду и совершенно пустых внутри фраз, чтобы видеть всю изворотливость в защите самого неправого дела и противоречие самому себе. Фабрикант хлопчатобумажный, следовательно, протекционист, живущий не естественной жизнью, а покровительственной системой, добивающийся удержания ее на бесконечное время, возвышает голос о свободе народного труда!

Такие тартюфовские приемы просто отвратительны потому, что известно, что ни о народном богатстве, ни о воспитании детей народа фабриканты не думают, а заботятся, единственно, о своем [illegible]. [illegible]ли же их производства и разливают в народе деньги, то, очевидно, [illegible] тут хвастаться не следует, что они благодетели народа,— они просто, эксплоататоры его сил и способностей, эксплоататоры [illegible] ном смысле этого слова, т. е. [illegible] ни о [illegible] ни о нравственности своих рабочих. Развратнее фабричного [illegible] и молодежи, более коротающей свою жизнь,—нигде нет. Мел[illegible]

[1] [illegible] записки см. в «Тр[illegible] [illegible]ного и ремесленного» СПБ. 1863 г. В дальней[illegible]

помощи, в большей части случаев нет, школ также, а где есть та и другие, то заводятся без всякого сочувствия, только для виду.

Фабрикант Шилов [illegible] своих [illegible] фраз о воспитании детей и свободе народного труда начинает говорить проще и, по моему, дельнее, именно, что цель правительства улучшить участь малолетних рабочих одной регламентацией не достигается потому, что родители будут отдавать детей на работы в ремесленные и другие заведения, где работа малолетних не запрещена законом. Но, конечно, правительство примет меры и против всех содержателей ремесленных заведений, похожих на американские плантации, и против самих родителей, также похожих на [illegible] плантаторов. Дети совершенно не составляют собственности родителей, которою бы они могли распоряжаться по произволу, [illegible] родителей [illegible], каково большинство нашего народа[1].

На одних текстах священного писания гражданское общество с жизнью все более и более развивающеюся, очевидно, стоять не может. Освобождение крестьян из крепости помещика, естественно, влечет за собою освобождение рабочих из крепости хозяев, служащих из крепости начальников, детей из крепости родителей, жены [illegible] [illegible] при ссылке в Сибирь отъявленных негодяев, имеющих, однако, право насильно тащить за собой жену и детей[2]. Государству нужны здоровые разумные и свободные граждане, а не тупоумные и никчемные, хотя с виду и очень покорные, рабы.

Далее фабрикант Шилов говорил, что если в Англии малолетние рабочие работают 6½ часов в день, то надобно помнить, что там работа продолжается 300 дней в году, а у нас только 250, что, если наш рабочий будет работать по 6 час. в сутки, то в годовой [illegible] [illegible] будет — 2 000 часов, а у английского рабочего — 1 950, следовательно, только на 50 часов продолжительнее. Но [illegible] не говорит чем питается английский рабочий и наш. У первого запас сил и средства их поддержания, вследствие мясной пищи, доброго пива и чистого воздуха в его квартире и теплого платья на его теле, втрое более против нашего[3]. Шилов предлагает следующим образом заменить вышеприведенные параграфы: 1) „Детей моложе десятилет-

[1] В подлиннике эта фраза и следующая за ней вычеркнуты. Против них на полях рукою губернатора Баранова написано: «Эта фраза неясна для меня» ([illegible]).

[2] [illegible] подверглась значительной редакционной [illegible] [illegible] служащих из крепости начальников, детей из крепости [illegible]

[3] [illegible] место «свободные граждане» поставлено [illegible] [illegible] ване».

Автор записки идеализирует положение английских пролетариев. «...Эти [illegible] ние, — пишет Ф. Энгельс, — не имеют никакой собственности и живут только своей заработной платой, почти всегда еле достаточной для пропитания; общество, состоящее из разрозненных атомов, совершенно о них не заботится, предоставляя им заботиться о себе и своих семьях, как знают, но не давая им средства обеспечить себя заработком хорошо и надолго; по этой причине каждый, даже самый лучший рабочий не обеспечен от безработицы, а следовательно и от голода, и многие от него умирают; жилища рабочих в общем плохо распланированы, плохо построены, содержатся в скверном состоянии, плохо вентилируются, сыры и нездоровы; живут [illegible] страшной тесноте; в большинстве случаев в одной комнате спит [illegible] одна семья; внутреннее убранство квартир очень бедно, хотя и не в одинаковой степени, а во многих нет и следа самой необходимой мебели; одежда рабочих тоже в среднем очень неудовлетворительна, а у многих состоит [illegible]; пища в общем плоха, часто почти несъедобна, во многих [illegible] [illegible] имеется в недостаточном количестве, а в худших случаях дело доходит до [illegible] смерти» (см. Ф. Энгельс «Положение рабочего класса в Англии» [illegible] Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, гл. II «Круп[illegible]», [illegible] стр. 3[illegible]).

него возраста запрещается принимать для работы на фабрики и заводы.

2) Труд детей, не ограничивая временем ночным и денным, ограничить определенными ниже сего часами.

3) На фабриках, производящих работы в течение всех суток, ввести двухсменный комплект рабочих с 16-летнего возраста и трехсменный с 10 до 16-летнего возраста. Каждая смена продолжается для взрослых работников 6 часов, для малолетних 4 часа. Как те, так и другие, работают на две смены ежедневно. Таким образом, малолетний работает 8 часов в сутки, а взрослый 12 часов.

Примечание: Взрослому дозволяется, если он желает, работать и более 12 часов в сутки.

4) На фабриках, производящих одни денные работы, для взрослых и детей с 12-летнего возраста число рабочих часов назначается 13, для детей с 10 до 12-летнего возраста — 12 часов. Как те, так и другие работы, должны делиться двумя часами промежутка, назначаемыми для завтрака и обеда.

После всего вышеизложенного бесполезно говорить, куда здесь дует ветер, бесполезно и потому, что ночная работа самими петербургскими фабрикантами, как людьми [illegible], признана вредною для здоровья не только детей, но и взрослых и менее дневной производительною, и сами фабриканты изъявили желание ее уничтожить, лишь бы она была законом уничтожена для всех фабрик, чтобы не было алчной конкурренции, вредной для народного здоровья.

По моему понятию, [illegible] фабрикантам, [illegible] бумажным, у которых именно и идет ночная работа, [illegible]. Внутренний наш рынок [illegible] может быть [illegible] их изделиями и при одной денной работе, а заграницу, как известно, их изделия почти вовсе не требуются. В Англии ночная работа необходима потому, что она снабжает своими изделиями целый мир, и вследствие того у нее образовался особый огромный [illegible] рабочих, [illegible] ночной работой[1]. Мы еще до этого не дошли. Зачем же даром мучить рабочий народ и заедать его здоровье — это государственное благо, никак не принадлежащее фабрикантам?

д) Против §§ 73 и 74 фабрикант Шилов возражает так же энергически, как и против уничтожения ночной работы. По его понятию, надзор за исполнением на фабриках новых положений лучше всего поручить мануфактурному совету, мануфактурным комитетам и мануфактур-корреспондентам. Для этого в совете и отделениях его должно быть потребное число механиков и техников. Очевидно, что фабрикант хлопочет о выгодах только своей братии, оставляя в стороне попечение об участи рабочих. В бесполезности этих комитетов его не убеждает даже и пример Франции, приводимый в проекте.

Если эти мануфактурные комитеты устроить и не из одних фабрикантов, но придать даже им и чиновников, то сколько я вижу опытов пред глазами, комитетское управление не принесет той пользы, которую имеет в виду правительство, учреждая должность инспектора. Все, вообще, наши губернские и уездные комитеты действуют

[1] Автор записки не указывает основной причины, почему капиталисты [illegible] к ночной работе — погони за прибавочной стоимостью.

«Присвоение труда в продолжение всех 24 часов в сутки,— пишет К. М[illegible] ляется поэтому имманентным стремлением капиталистического производства. Н[illegible] физически невозможно высасывать днем и но[illegible] [illegible] емых днем и ночью,— смена, допускающая различные методы, напр., орган[illegible] [illegible] К. М[illegible] [illegible]

бодро, большею частью только на бумаге, и весьма вяло на самом
[illegible], потому что [illegible] богатство и другого рода влиятельность одного
или двух членов решительно парализируют деятельность других [illegible]
нов самых ретивых, которые, к сожалению, и встречаются-то еще
чрезвычайно редко.

Трудно представить что-нибудь апатичнее нашего провинциального
общества, что лучше всего доказывается выборами должностных лиц.
Мне приходится видеть выбранными на должности, например, оценки
частных имуществ целых городов, таких лиц, которых добрый [illegible]
не послал бы на рынок за провизией. При таком жалком положении
[illegible] самоуправления и [illegible]
[illegible]
[illegible]
делом, как [illegible]
[illegible]
[illegible]
и нравственною неподвижностью, и по необходимости он [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Кто будет клеветать, на того [illegible]
ному, легко найти суд и расправу, в той же самой гласности, или
судебным порядком.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
том, если же поодиночке, то [illegible]
бунта, и таким образом, выходит дилемма, по которой они всегда
виноваты, а фабриканты правы.

е) Против § 75 также вооружается фабрикант Шилов. Его страшит
[illegible]
[illegible] если захочет, останавливать рабо-
дня и ночи, следовательно, [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
уголовном преступлении по горячим следам, и поэтому он [illegible]
[illegible]
раз показывали фабрикантам законный акт [illegible]
на осмотр, и чтобы лица, нарушающие ход и порядок работ, были
подвергаемы строгой ответственности.

[illegible]
[illegible] я не могу восста
всех, а не административному суду и гласности. я не могу восста-
вать против опасении фабриканта за свою собственность и личности
действительно, почти вполне зависящие от произвола инспектора.
Человек [illegible] и надея-
щийся обмануть свое начальство, будет злокачественной [illegible]
фабрике. Поэтому я полагаю, что инспекторы должны подлежать
тому же словесному и гласному суду, которому по предположению
[illegible] и фабриканты и рабочие. Мне кажется для
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] еще легче. [illegible]
в полном составе состоящие из нескольких лиц, едва ли удобно будет

размещать по фабричным местностям. Приписывать к известному суду известное количество фабрик и заводов, разбросанных по разным местам, значит заставлять хозяев и рабочих за десятки верст искать суда, когда им дорога каждая минута. Словесное разбирательство необходимо для рабочих потому что они безграмотны и не понимают ни юридической, ни нравственной силы писанных контрактов и обязательств, а уважают правду только по голосу совести и убеждения. Устройство мировых словесных судов и подчинение им самих инспекторов может успокоить и фабрикантов и рабочих.

Но сверх всего этого, надобно, по моему мнению, которое я уже излагал выше, кроме права жаловаться суду, дать больший, чем теперь, простор гласности. Если с одной стороны законодательство улучшает или ухудшает нравы, то с другой стороны нравы улучшают и ухудшают законы в самом их приложении. В Англии и несовершенный закон в своем приложении, по милости образованных и честных чиновников и полной гласности, выходит хорошим, а у нас и хороший закон на самом деле нередко выходит дурным. В Англии инспекторам фабрик предоставлено осматривать их во всякое время дня и ночи и даны вообще самые широкие права, а между тем на них никто не жалуется, и сами фабриканты требовали бы их вновь, если бы их вздумали уничтожить, как видно из самого проекта правил для наших фабрик и заводов[1].

В Германии, в некоторых странах, контроль этот еще проще: расчетливые немцы не назначают особых инспекторов, а поручают этот надзор инспекторам элементарных школ, конечно, с прибавкой за эти труды особой платы. И здесь дело идет очень добросовестно и успешно. У нас же иногда, несмотря на контроль, контролирующий контроль, чиновничество наше при отсутствии гласности находит средства наделать гадостей и вылезть сухим из воды.

По моему мнению, от мировых и словесных судов и от развития печатной гласности можно ждать весьма много хорошого. Они пробудят жажду деятельности в лицах способных, теперь спящих, будут грозой для бесчестности и бездарности и дадут самый сильный толчек развитию народного смысла, сочувствия к общему делу и стремлению к образованию, без которого народ не может назваться цивилизованным и никогда не сможет благоденствовать. Я говорю это по своему личному убеждению, добытому мною не из книг, а из шестилетнего моего управления губернией, которую я имел довольно случаев изучать со всех сторон.

Никакая высшая власть, как бы она ни была разумна, честна и деятельна, ничего не может сделать для государства, если ей не сочувствуют и не содействуют служащие под ее началом чиновники и сам народ, а для этого тех и других надобно нравственно и умственно поднять[2].

Против § 82 фабрикант Шилов говорит, что несправедливо было бы подвергать штрафу фабриканта, если ложные показания последовали не от его вины, а от нерадения конторщика. Против истинности этого нечего говорить, только необходимы ясные доказательства вины

[1] Предприниматели Англии как и предприниматели других стран постоянно нарушали изданные под нажимом рабочего класса законы, ограничивающие продолжительность рабочего дня, закон о детском и женском труде и др. К. Маркс приводит в «Капитале» огромный фактический материал, рисующий борьбу фабрикантов против фабричного законодательства. (См. К. Маркс «Капитал» т. I, отд. 3, главы VII и VIII, Партиздат, 1937 г., стр. 202—230).

[2] В «Трудах комиссии» (стр. 310—312) целиком опущены те места записки, в которых доказывается необходимость учреждения мировых судов и самой широкой гласности при разборе столкновений рабочих с предпринимателями.

конторщика, а то, ведь, богатому фабриканту легко ссылаться на бедняка конторщика, которого он всегда может лишить места. Вообще все наше купечество, сколько мне известно, в отношении к служащим у них лицам, отличается самым необузданным и грубым деспотизмом, решительно деморализующим всякого, кто в молодых летах имел несчастье побывать в его руках. Эта школа и дает характер недобросовестности всей нашей торговле и промышленности. В эту то школу мелкое дворянство и чиновничество, дорожащее своею честью, несмотря на всю нищету не отдает своих детей.

III. Тверской фабрикант, московский купец Морозов [1] считает вообще все правила проекта удобоисполнимыми, за исключением некоторых, на которые он представляет свои возражения. Прежде всего он желает, чтобы фабрики и заводы производили работу от пасхи до сентября одну денную, а от сентября до пасхи и денную и ночную, по усмотрению фабриканта. Желание свое он основывает на том, что в летнее время в деревнях нужно более рабочих рук, чем зимой, и потому что вообще летом чрезвычайно трудно удерживать рабочих на фабрике.

а) Против § 6 он говорит — 1) что промежуток в три четверти аршина между станками и машинами необходим, но для безопасного прохода рабочих достаточно двух четвертей. 2) Заграждение барьерами промежутков будет бесполезно и только стеснит помещение, потому что рабочий вместо того, чтобы обойти, полезет через барьер

б) § 70 он считает возможным изменить и изложить следующим образом: принимать на фабрики малолетних работников с следующим распределением их в работах: от 10 до 12 лет работать не более 8 часов в сутки — 4 часа до отдыха и 4 после отдыха, от 12 до 16 лет работать в сутки не более 13 часов и, если работа денная, то разделить ее двухчасовым отдыхом во время завтрака и обеда; начинать работу с 6 часов утра и оканчивать в 8, а при денной и ночной работе работать не более 12 часов, по 6 часов в смену, т. е. 6 часов работы и 6 отдыха днем и ночью также.

По мнению фабриканта Морозова, при утверждении правил проекта, касающихся работ малолетних, в настоящем их виде, родственники малолетнего рабочего не оставят его на фабрике, а для получения большей платы будут отдавать к так называемым «мастеркам» — крестьянам, занимающимся ткачеством на дому. Здесь работа малолетних и более трудна и более продолжительна, чем на фабриках и, таким образом, благодетельная цель ограждения здоровья малолетних правилами проекта не будет достигнута. Если воздух на фабрике в зимнее время бывает сперт, то в светелках «мастерков» он в несколько раз еще хуже. Морозов говорит, что на одной его фабрике зимой прошлого года числилось рабочих до 3 000 человек. Для этой же фабрики в разных губерниях по разным селениям в домах, в течение той же зимы, работали на 18 000 ручных станках. В ином доме работается на 2, 3, 10, а в некоторых на 15, 20, 30 станках. Тут бывают также 12-летние мальчики и девочки, а шпульники бывают 8 и 9 лет и, по словам Морозова, может быть работают не 8 и не 13, а 16 часов [2].

[1] Морозов (1823—1899) — младший сын текстильного фабриканта Саввы Морозова, был директором основанного в 1857 г. богородскими купцами Шибаевым, Мигюшиным и Брызгалиным товарищества Тверской мануфактуры. Морозовы вошли в это товарищество в 1858 г. (См. ф. Тверского губ. правления 4 стол, № 114, 1873 г. п. 4 и кн. Поксимовича «Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем». ч. I. 1915 г., стр. 7; о Савве Морозове см. В. И. Ленин, Соч., т. III стр. 424).

[2] Очевидно, не короче был рабочий день и на фабрике, если Морозов в целях улуч[illegible]ия положения малолетних предлагает ввести для них тринадцатичасовой рабо[illegible] ден[illegible].

В видах большего приобретения малолетний работает до изнурения сил. Безжалостные отцы и братья, как видно из объяснения Морозова, для этой цели, т. е. чтобы вытягивать из малолетних больше сил, нарочно отдают их в чужие дома, потому что в своем все кто-нибудь да сжалится над несчастным ребенком.

Такое откровение фабриканта Морозова бросает весьма ясный свет на нравственные качества фабрикантов, знающих каким количеством человеческих жизней приобретают они в короткое время свои громадные капиталы, и нисколько не заботящихся о прекращении подобных возмущающих душу способов фабричных работ. И эти люди осмеливаются говорить о свободе труда, о благосостоянии народа и о воспитании его детей на приобретенные на фабриках деньги! Кроме того, что фабрики при настоящих их условиях суть гнезда разврата, они в то же время суть гнезда заразы для здоровья и целой жизни рабочих.

Из всего этого объяснения Морозова можно и должно вывести совсем не то заключение, какое он натягивает, а совершенно другое, именно: необходимость самого бдительного надзора вновь учреждаемых инспекторов не только за фабричным, а вообще за всем ремесленным даже домашним производством, о чем много уже было говорено выше.

в) Фабрикант Морозов о надзоре инспекторов говорит, что он будет неисполним в отношении сельского фабричного производства, потому что родственники, распоряжающиеся малолетними, всегда имеют возможность заставлять их работать более определенного времени и скрыть все свои злоупотребления, а между тем число рабочих на фабриках к работающим в селениях в Московской и смежных с нею промышленных губерниях относится как 1 к 10, а число малолетних работников составляет значительный процент.

По моему мнению, если все лица, промышляющие чужим трудом будут обязаны представлять инспектору ведомости о своих заведениях и числе рабочих на них, и если из среды самих рабочих будут выбираться депутаты — представители нужд своих товарищей, если при этом будут расширены пределы гласности и за нарушение правил о малолетних виновные будут деятельно преследоваться и правдиво судиться, то эти правила для малолетких никак не смогут остаться мертвою буквою. Весь фабричный устав будет хорошо известен каждому рабочему, а правила о малолетних должны быть отпечатаны в гораздо большем количестве, чтобы могли распространиться по всем фабричным селениям. Но мне кажется, что такой пессимизм фабриканта Морозова касательно неудобоисполнимости этих правил зависит более всего от того, что ему, как и другим фабрикантам, не хочется инспектора из чиновников, а хочется из купцов, и притом из фабрикантов.

Такое кевинное желание весьма естественно со стороны человека, у которого на Тверской фабрике нет для рабочих не только воскресной школы, но и бани, несмотря на значительное расстояние фабрики от города; нет теплых в зимнее время жилищ для рабочих[1], потому что как ни привык наш народ и к грязи, и к вони, [illegible] тот уже говорит, что в конурах фабричных рабочих [illegible] вода. При фабрике нет порядочно устроенных [illegible] нечистоты вонючие вываливаются вблизи самой фабрики [illegible]

[1] В полях [illegible] карандашом [illegible]

слухам, в маленькую речонку Тьмаку[1], из которой фабричные пьют воду. В настоящее время производится в губернском правлении дело о порче воды в Тьмаке фабрикантами, расположившими свои фабрики на ее берегу[2].

Очень естественно, что подобным фабрикантам не нравятся новые правила для фабрик и надзор уже не полиции, бывшей всегда на их стороне, и не их товарищей-фабрикантов же, которые, естественно, будут на их стороне, а людей чуждых, которых и подкупить и обмануть будет трудно.

IV. Тверские фабриканты московские купцы Каулин и Залогин[3] представили мне следующие свои мнения:

а) § 11 требует мастерских светлых, достаточно высоких и просторных, преимущественно там, где работы производят пыль, пары или зловоние. Каулин и Залогин требуют, чтобы изданием новых положений не стеснялись фабрики и заводы, уже существующие, для которых закон обратного действия иметь не может.

Из одного этого мнения уже видно, во-первых, что помещение на их фабрике неудобно, тесно и для здоровья рабочих вредно[4]; во-вторых, направление всех умственных и нравственных сил фабрикантов единственно только в пользу своего кармана. Для них тысячи человек, страдающих по милости отвратительного устройства их мастерских, значат не более валяющихся около их фабрик кошек и собак. Конечно, юридически они правы, закон обратного действия не имеет. Но правы ли они нравственно? А между тем подобные люди то и дело говорят о благе народа и о нравственности.

б) Против § 16 говорят, что достаточно иметь в конторах фабрик исправно веденные книги, в которых должны быть написаны и пишутся условия найма, количество задельной месячной или недельной платы, взыскание за прогул и причиненный хозяину вред, согласно чему и все рабочие должны иметь от конторы расчетные листы, на основании которых и разбираются споры их между хозяевами. Из этих книг всегда можно почерпнуть необходимые сведения, которых, по мнению фабрикантов, в ведомостях выяснить нельзя, в особенности же там, где тысячи рук ежедневно получают свое назначение и событие найма, расчета штрафов, прогулов, проступков, награждений и проч. идут ежечасно одно за другим, следовательно, ведомости должны переписываться каждый день, чего, очевидно, сделать нельзя потому, что по словам фабрикантов, такой труд превышает челове-

[1] В подлиннике слова «речонку Тьмаку» подчеркнуты. Против них губернатор Баранов написал «NB. Еще это недостоверно».

[2] См. ф. Тверск. губ. правления, 4 стол, д. № 29201 и ф. Тверской врачебной управы, д. № 946 и д. № 1114.

[3] Н. Каулин и Н. Залогин — московские купцы, основавшие возле г. Твери в Рождественской слободе вместе с А. Хлудовым первую местную текстильную фабрику в 1853 г. Фабрика товарищества Рождественской мануфактуры была рассчитана на 44.000 веретен (см. «Журнал министерства внутренних дел», февраль 1856 г., стр. 53 и ф. Тверского губ. правления д. № 28740).

[4] 2 апреля 1859 г. тверской городовой врач [illegible] в донесении тверской врачебной управе писал о Каулинской фабрике: «Общие спальни на фабрике и квартиры рабочих очень неопрятны, воздух в них нечист от скучения народа и постройки спален и сам народ от этих неудобств изможден и худосочен» (ф. Твер. врачебн. управы, д. № 816, л. 2). В 1860 г. ночью, во время чистки отхожих мест, в казарме задохнулся рабочий Андреев. Постановлением губернского правления, во главе которого стоял Салтыков, фабриканты Каулин и Залогин были отданы под суд. Однако в 1863 г. тверской городовой магистрат, согласившись с доводами доверенного фабрикантов, что «фабричные работники, получая задельную плату, вольны жить, где хотят и за жизнь их в квартирах хозяева не обязаны отвечать», освободил фабрикантов от ответственности.

(ф. Твер. городового магистрата, журнал № 3207, 1863 г.).

ческие усилия. Что же касается других несчастных приключений, то они всегда известны полиции и тайною оставаться [illegible].

В этом возражении я вижу одно только нежелание тратить деньги [illegible]

[illegible]

По моему мнению, как ни [illegible] тает несколько десятков человек [illegible] половины суток, для ночлега они не [illegible] [illegible] ни в одной мастерской [illegible] каждого человека, т. е. две куб. с[illegible] фабриканты везде отстаивают не бла[illegible] собственные карманы. Кроме того, в случае пожара выходные площадки и лестницы представляют весьма ненадежное средство спасения для целых сотен людей, потому что от страху и поспешности они могут падать с площадок и лестниц и даже могут проснуться тогда, когда и сами площадки и лестницы уже находятся в [illegible]

г) Против § 70 Каулин и Залогин говорят тоже самое, что и Шилов и Морозов, даже в некоторых местах одними и теми же словами. Очевидно, что бумагопрядильные фабриканты стакнулись между собою, что отвечать, вероятно, в том предположении, что если мы все будем говорить одно и тоже, то правительство уважит наши слова. [illegible] к их огорчению, правительство недовольствуется мнениями одних только их. Я не буду представлять образчиков их красноречия, где они говорят о свободе народного труда, о залогах счастья народа и интересах промышленности и т. д. Все эти громкие фразы прикрывают самую прозаическую мысль: мы хотим пользоваться трудом рабочих малолетних и взрослых, по нашему усмотрению, сообразно нашим выгодам, и поэтому не желаем предполагаемых нам законом ограничении.

В этих видах фабриканты § 70 находят справедливым узакон[illegible] следующим образом:

а) на фабрики и заводы не принимать детей ниже десятилетнего возраста; б) при непеременяющихся суточных работах ввести на фабриках двухсменный комплект рабочих с 16-летнего возраста и выше и трехсменный с 10-ти до 16-летнего возраста; в) в каждую смену совершеннолетние работники работают по 6 часов, таким образом 12 часов в сутки, обе же партии 24 часа; г) три партии малолетни[illegible] до 16-летнего возраста работают по 4 часа в смену, и потом парти[illegible] эти, сменяясь через 8 часов работали бы каждая в сутки по 8 [illegible] д) на фабриках, ведущих одни дневные работы, допустить 13 рабочи[illegible] часов для детей от 12 до 16 лет и 12 рабочих часов при возрасте детей от 10 лет. В обоих случаях урочные работы должны делит[illegible] 2 часами для завтрака и обеда.

При этом фабриканты ссылаются на Францию и Англию, где [illegible] чих часов на фабриках в целом году [illegible] них больше чем у нас, не говоря ни слова, [illegible]

[illegible]

что тамошние фабричные по образу жизни на фабриках, т. е. по [illegible] му, что они едят, в каких комнатах живут, во что од[illegible] и т. [illegible] более походят на самих наших фабрикантов, чем на жалких наших растрепанных, грязных, пьянствующих, развратных, и [illegible] и голодающих фабричных рабочих. В Европе во многих [illegible] где издания законов фабриканты заботились о материальном и [illegible] ственном быте своих рабочих, и посещение школ малолетними [illegible] было обязательно; в новейшее же время законодательство всюду регламентировало труд малолетних и [illegible] отношение хозяев к рабочим, не оставляя их на произвол [illegible] [1].

В конце своего возражения Каулин и [illegible]гин, впрочем, отказываются от Европы и говорят, что «наши фабрики находятся при других условиях, и если народ сам себе д[illegible] отдых, работая на фабриках не целый год, то едва ли было бы законно [illegible] его буквальным положениям, существующим в других странах, снабжающих нас, по словам Каулина и Залогина, [illegible] плугом, и сохой, и мануфактурными и другими многоценными изделиями. И так ли поступала Англия, говорят они, когда она развивала народный труд во всех его явлениях?

Очевидно, что во всей этой нескладной тираде скрывается ирония, которой, впрочем, по ее бессмысленности я понять не мог. Замечательно, что как ни невежественны наши фабриканты, они превосходные эклектики,— из нравов, обычаев и законов всех стран они выбирают только те, что выгодны лично для них, нисколько не думая ни о целых народах, ни в частности о рабочем классе, руками которого они загребают жар.

Такие лентяи и невежды, как наши фабриканты, ссылаются даже на то покровительство, которое оказывало английское правительство своим торговцам и промышленникам, как будто английских неутомимо деятельных, добросовестных и образованных фабрикантов, пламенно любящих свою Англию и в своих [illegible]делиях полагающих свою честь, можно сравнивать с нашими фабрикантами, вырастающими, как паразиты, на почве народного труда, по милости покровительственной системы, жаждущих только легкой наживы [2]. Достаточно сказать, что директор фабрики Каулина и Залогина англичанин —

---

[1] [illegible] законодательств[illegible] [illegible] Англии отнюд[illegible] [illegible] заботиться [illegible] своих [illegible]

[illegible]

[2] [illegible] раб. [illegible] XI «Отношени[illegible] [illegible]

[illegible]купец, говорит, не умеющий ни читать, ни писать[1]. И такие господа требуют, чтобы им в жертву приносилось и здоровье и нравственность, [illegible] говоря уже о трудовой копейке народа, покупавшего их изделия.

[illegible]) Против § 73 Каулин и Залогин возражают то же самое, что и другие фабриканты, именно что надзор над фабриками лучше всего [illegible]ить мануфактурному совету, его комитетам и корреспондента[illegible]. [illegible]рые фразы буквально одни и те же с фразами фабрикант[illegible] [illegible] и Морозова, что указывает на предварительную стачку фабри[illegible]. [illegible] [illegible] [illegible]: недоверие к фабрикантам поставить их судьями в своем собственном деле, равняется недоверию судам купца — купцу, дворянина — дворянину, русского — русско[illegible].

Фабриканты желают, что бы при отделениях и комитетах мануфактурного совета, учрежденных в промышленных центрах, имелись всегда механики и техники, а самый надзор за фабриками подчинит[illegible] полному присутствию заседающих в советах и комитетах лиц. Одним словом, желают комитетского и сословного надзора, который уже оказался совершенно бесполезным во Франции, далеко опередившей на[illegible] и с образованием и пониманием общественных интересов. Техников же и механиков желают, очевидно, для того, чтобы их знаниями можно было пользоваться в таких случаях, когда их собственные механики и техники становятся в тупик. О[illegible] [illegible] [illegible], [illegible] предмет заботливости правительст[illegible] [illegible] [illegible], фабриканты, очевидно, ничего не [illegible][2].

[illegible]) Против § 76 Каулин и Залогин возражают тоже самое, что и Морозов, что фабрика есть д[illegible] трудолюбия, покровительствуемый законом, и что ночная ревизия фабрик похожа на следствие, и может подать повод ко вс[illegible]м притеснениям со стороны ревизора и ко всевозможным [illegible] и [illegible] материальным ущербам со стороны фабриканта. Под имене́м фабрик и заводов, по словам Каулина и Залогина, следует также разуметь дом, квартиру, гостиницу, судно, корабль и проч., где закон охраняет спокойствие трудящегося, отдыхающего, ликующего и каждого гражданина знатного и незнатного, богатого и бедного. Что же такое фабрика и фабрикант? Неужели они суть места беззакония, требующие внезапных следований?

Таковы подлинные слова Каулина и Залогина, весьма схожие со [illegible] других фабрикантов. Заключают они свое возражение против [illegible] параграфа, также как и Морозов, именно, чтобы ревизия фабрик [illegible]лась только днем, а не ночью, без отнятия работников от [illegible]нимаемых ими мест и без замешательства в ходе работ, [illegible] предъявлением на нее каждый раз законного акта от места, командирующего то или другое лицо, и чтобы к ревизии были приглаш[illegible] посторонние фабриканты, или же купцы, или посторонние лица.

Об инспекторах, повидимому, и слышать не хотят, а настаивают на подчинении фабрик мануфактурному совету, его отделениям и ко[illegible]тетам. Наши фабриканты не хотят знать, что нигде в целом мире та[illegible] не уважается законом гражданская личность человека и его свобо[illegible], как в Англии, и нигде столько не предоставлено свободы деятельности каждому гражданину, как там; нигде промышленность фа[illegible] не терпит так мало стеснений, как в Англии, однако, там давно уже [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]орик, имеющие право делать сам[illegible] полный и строгий их обзор во всякое время дня и ночи. Воз[illegible]. [illegible]

[1] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]сям. едва мог вывести свою фамилию [illegible] [illegible]

[2] [illegible]

гам инспекторы не делают никаких злоупотреблений из своей огромной власти. Это дело другое, и для меня было бы очень понятно [illegible]ние фабрикантов, чтобы и у нас инспекторы были не хуже английских, и чтобы интересы фабрик были вполне ограждены от про[illegible] ревизий. Но, очевидно, фабриканты не желают никаких инспект[illegible] а желают за собою надзора своей же братии. Понятны мотивы таки[х] желаний!

ж) § 82 Каулин и Залогин дополняют тем, что если [illegible] показания лет последуют не от вины фабриканта, а от нерадения [illegible] или от неправильного показания лет в паспортах, то [illegible][1]

[illegible] их следует вовсе исключить, как пре[illegible] департаментом мануфактур. По моему же мнению, этих [illegible] о вознаграждении увечных рабочих исклю[illegible] по неясности существующих законов об этом вознаграждении, а надобно определить размер самого вознагр[аждения] самым точн[illegible] предоставляя на пр[illegible] фабрикантов и на усмотрение наших настоящих судов, не [illegible] беспристрасти[ем].

По моему мнению, в случае увечия, делающего рабочего совершенно неспособным к труду, или если рабочий умрет от увечья, происшедшего от беспечности хозяина или несоблюдения предписанных правил,— вознаграждение работника на всю его жизнь или в случае его преждевременной смерти до совершеннолетия его детей должно быть таково, какое жалованье он получал в последнее время от хозяина. За увечья, оставляющие возможность трудиться, должны быть опреде[ле]ны [illegible]временные вознаграждения.

[illegible] департамент мануфактур опасается, что новые правила, [illegible] на фабриках, могут подать рабочим повод к несправедливы[м] домогательствам и искам хозяев и напрасно он называет статьи 641, 657 и 661 т. X о вознаграждении за увечья, ясно его определяющим[и]. Комиссия гораздо вернее смотрела на это дело. Довольно взять в [со]ображение только то, каким образом бедный, безграмотный и еще увечный рабочий будет ходить по судам и искать себе вознаграждение за увечье от богатого фабриканта, когда в вышеприведенных статьях не определены ни увечья, ни самые за них вознаграждения. Неужели такой важный вопрос можно представить на милостиво[е] усмотрение самих фабрикантов.

и) Разбирая § 89, Каулин и Залогин желают, чтобы он был оставлен в настоящем своем виде, а не исключаем, и дополняют его тем, что вознаграждения за увечье рабочим должны быть точно определены новыми правилами, т. к. прежние, на которые ссылается департам[ент] мануфактур, неясны и неудовлетворительны и могут рабочим подать повод требовать несоразмерных вознаграждений. Итак, наши про[све]щенные фабриканты на одной и той же странице своих объяснений совершенно против[illegible] желают, чтобы правила о вознагра[ж][illegible]ны, в другом месте совершенн[illegible] вознаграждения были определены сам[illegible] заранее известны фабричным рабочим для предупреждения чрезмерных ожиданий и желаний. Из таких объяснений трудно понять чего желают эти люди. Кажется, что они [illegible]го хорошо не [illegible]

[1] [illegible]

словесных судов, ни особых чиновников для надзора за фабриками.

Вот каковы понятия у наших капиталист[illegible] фабрикантов, величающих себя двигателями народной промышленности и благодетелями отечества. По моему понятию, доколе покровительственная система значительно не ослабеет, дотоле не ослабеет самое грубое невежество в этом классе, легко наживающем деньги, нисколько не утруждая [illegible], по милости отсутствия конкуренции, основанной на [illegible].

В заключение своего отзыва Ермаков говорит, что ночных работ его торговый дом на своих фабриках прекратить не может, и отстране[illegible] [illegible] фабрик.

Я [illegible] больше негде взять воды.[1] [illegible] наших фабрикантов. Принимая [illegible] обстоятельство, о котором и тепер[illegible] он действительно хор[illegible] он это выставляет с подобающим нев[illegible] слав[illegible].

В заключение я считаю долгом сказат[illegible] улучшение быта фабричных и вообще всех [illegible], как и уничтожение крепостного [illegible] и благородному проекту правил для фабрик и завод[illegible] лаю скорейшего его осуществления.[2]

---

[1] О загрязнении воды в реке Цне фабрикой купцов Ермаковых, см. ф. Твер[illegible] правления, д. № 28950.

[2] Обследование быта ремесленных учеников в предприятиях г. Твери показало, что дети, работавшие в ремесленных заведениях, находились в исключительно тяжелых условиях. Рабочий день длился до 16 часов в сутки. Ютились в холодных, [illegible] им служили обычно и посте[illegible] мер к улучшению положения ремесленных [illegible]иков принято не [illegible] ф. Канц. твер. губернатора, 2 стол, д. № 418).

Из истории ненецкого народа 30—40-х годов XIX в.

(Движение Ваули Пиеттомина)

[illegible] северных народностей [illegible] XIX в. на первом месте по интенсивности и значимости стоит движение [illegible] гг., связанное с именем его руководителя — Ваули Пиеттомина [illegible] ненецкого рода неняпг.

Имя Ваули вошло в историю северных народностей и в памяти народностей [illegible] Севера дожило до наших дней, как имя руководителя ненецко-хантейской бедноты в борьбе против угнетателей и эксплоататоров туземных князьков, русских чиновников, ненецких и хантейских старшин, богатых оленеводов и русских торговцев и купцов.

Дореволюционная литература о [illegible] немногих заметок, авторы которых рассматривают движение Ваули с велико[illegible]нистической точки зрения.

Так, например, Н. Абрамов — яркий образчик провинциального доморощенного историка середины XIX в., в своем «Описании Березовского края»[1], [illegible]актеризуя движение, называет Ваули «возмутителем народного спокойствия самоед» и расценивает выступление Ваули, как разбойничье. Пересказ событий 1839—1841 гг. занимает у [illegible] и дает только [illegible].

Такая же чиновничье-великодержавная оценка движения Ваули [illegible] по случаю раздачи величайших [illegible][2]. В [illegible] главным образом, ряд фактических данных [illegible] Ваули, его сподвижники 40-х [illegible] лярность Ваули [illegible].

Несколько отошел от [illegible] Барш в статье «Обдорский возмутитель»[3]. [illegible] Барш, по рассказам, так [illegible] суда по его запросу не нашли. В статье этой перепутаны даже хронологические даты, анализа событий совершенно не дано. Автор все движение [illegible]вает с фигурой самого Ваули, о котором говорит, что «это была, [illegible]тельно, весьма замечательная между дикарями личность».

Н. Славин в статье «Самоеды-грабители в Обдорском крае»[4] в [illegible] повторяет данные Барша, а, кроме того, использует дело Тобольского губернского архива «О самоедах, производящих грабежи в Обдорском отделении» для краткого очерка отзвуков движения Пиеттомина в 1856 г.

Такова основная, крайне бедная дореволюционная литература о Ваули.

---

[1] «Тобольские губернские ведомости», 18[illegible] [illegible] книга [illegible].

[2] «Тобольские губернские ведомости», [illegible]

[3] «Русская старина», 1881 г., октябрь, [illegible]

[4] «Ежегодник Тобольского музея», выпуск XIX.

[illegible] ого о нем и о движении, организатором которого он был, [illegible] [illegible] заметок во всех дореволюционных работах по истории [illegible] [illegible] у Шашкова «Сибирские инородцы в XIX в.», у Житк[illegible] [illegible] и в ряде других.

В [illegible]менной советской литературе нет ни одной работы, посвященной этому наиболее значительному движению ненецко-хантейской бедноты в пер[illegible] [illegible]ине XIX века.

Даже в работе, вышедшей в 1937 г., «Очерк истории народов Северо-Западной Сибири» автор ее — Карцев, говоря об этом движении, принужден ограничиться использованием тех немногих статей, о которых упоминается выше.

Н. Абрамов и Барш для своих статей использовали рассказы современников. Однако тексты сказаний и легенд о Ваули, существующие на севере и до настоящих дней, до революции не записывали[illegible].

Несмотря на тщательные розыски, не найдены до сих пор архивные материалы о движении Ваули, которые должны были иметься в Тобольском архи[illegible]. Есть данные, что царские чиновники при одной из очередных варварских «чисток» архивных материалов уничтожили дела об этом движении[1].

Поэтому большую научную ценность представляют публикуем[illegible] материалы о движении Ваули, из недавно обнаруженного в Омском [illegible] архиве дела «Главного управления Западной Сибири», № 1960 [illegible] 1841 г. «О [illegible]мущении остяков Березовского края самоедом Ваули Пиеттоминым».

Подходя к их оценке, нужно помнить, что это официальные материалы царских чиновников, что события освещаются ими односторонне и в общем и даже в деталях с точки зрения сибирской администрации николаевских времен.

Однако, эти материалы дают для исследователя ряд новых данных как о самом Ваули, о его биографии, так и о движении, дают точную хронологическую канву событий и часто против воли составителей — царских чиновников проливают свет на отдельные факты этого наиболее значительного социального движения в Северо-Западной Сибири в первой половине XIX века.

Крайняя бледность показаний самого Ваули не покажется странной тому, кто знаком с показаниями Пугачева и других вождей народных движений в прошлом. Они, естественно, избегали давать подробные объяснения, которые могли только еще более отяготить их положение перед царским судом. В [illegible] [illegible]редь царских чиновников не [illegible]тересовали ни мотивы, ни обстановка [illegible]. Их допросы сводились к тому, чтобы выколотить из подследственного [illegible]ния, непосредственно уличающие его в «противозаконных поступках». Поэтому [illegible]ания Ваули мало вскрывают социальную суть движения, которое он [illegible].

Несомненно, однако, что соци[illegible]ая сущность движения Ваули гораздо сложнее, чем ее изображает буржуазная шовинистическая историография, которая сводила все дело к примитивному разбою.

В тюрьме народов, какой была царская Россия, малые народности Севера были обречены на голод и вымирание.

Начавшаяся с первых же дней завоевания Сибири хищническая эксплоатация северных народностей царской администрацией, купечеством, промышленниками разных сортов довела малые северные народности до полного обнищания.

Правительство, опираясь на верхушку населения — на князьков и старшин, рассматривало широкие массы северных народностей только как объект для выколачивания ясака и других поборов.

Вот характерные цифры. В 1763 г. в Березовском крае было 8003 ненцев и ханты, подлежавших обложению. Они выплачивали ясак [illegible] в 6 876 руб. 90 к. В 1829 г. по переписи ясачной комиссии[2] в Березовском

---

[1] [illegible]
[2] [illegible]

[illegible] было подлежащих обложению 10 993 души (8 421 хантэ и 2 572 нен-[illegible]). Население, подлежащее обложению, выросло, как видим, приблизительно на [illegible]. К 1829 г. ненцы и хантэ Березовского округа платили ясака на т[illegible] [illegible]мму и 44-конеечного сбора по указам 1797 г. и 1806 г. 4 722 руб. 52 ко[illegible] [illegible] [в]ыполняли натуральных повинностей по оценке на 12 723 руб. Комиссия [illegible] установила подати в размере 20 212 руб. 35 к., не считая [illegible]. Таким образом обложение увеличилось против [illegible] на [illegible]. И [illegible] общее экономи[illegible] [illegible] в 30-х годах XIX в. [illegible]. [illegible] [illegible]а (т. е. в 1763 г.) были горазд[о] [illegible]. [illegible] [illegible]ые цифры, так как оценка мехов [illegible] [illegible]роме того, приемщики мехов при-[illegible]ли к целому ряду мошенничеств и в оценке, и в записях налагаемого [illegible]. К этому нужно прибавить поборы со стороны духовенства, прибегавшего [illegible] чисто провокационным приемам для выколачивания из порабощенных народ[illegible]тей всякого рода штрафов за нарушение церковных правил (несоблюдени[е] [illegible]гов и проч.).

В годы плохого улова рыб и добычи зверя, особенно в начале XIX [illegible], в результате хищнических способов лова и сильных лесных пожаров, [illegible]огнали лучшие звероловные места, обнищавшим ненецко-хантэйским массам [illegible]лось для уплаты ясака обращаться за ссудой или к «своим» богачам [illegible]и же к русским купцам и промышленникам.

Ростовщичество процветало на Севере вплоть до 1917 года. В залог за взятую небольшую сумму ненцы и хантэ отдавали лучшие угодья. Колоссальные про[це]нты нарастали на взятую сумму и на проценты, и в результате население [за]путывалось в долгах. Ядринцев в своей работе «Сибирь, как колония» при-[води]т характерный факт, как местные жители в 1688 г. заложили угодья за [illegible] р. 50 к. и 135 лет до 1823 г. не могли их выкупить.

Пользуясь покровительством властей, русские купцы и промышленники [бра]ли в долгосрочную аренду, по баснословно низким ценам, лучшие угодья и фактически становились настоящими хозяевами их. Практиковался и прямой открытый захват русскими промышленниками и купцами лучших угодий.

Теряя лучшие земли, народности Севера [illegible]менно подвергались усилен-ной торговой эксплоатации. Им продавались наиболее плохие, часто бракован-ные товары по баснословно высоким ценам. В этой грабительской торговл[е] участвовало в качестве контр-агентов и местное национальное кулачество, а [та]кже и духовенство.

Обдираемые царскими чиновниками, купцами, попами и промы[illegible], [ха]нтэ-ненецкие массы попадали в кабалу к своему национальному кулачеству, представители которого занимали все низшие административные посты и был[и] посредниками между высшей русской администрацией и широкими массами.

Массы дошли до крайнего обнищания в то время, как верхушки во главе [с] князьями быстро обогащались. Князья (Тайшин, Артанзеев и другие) были верными слугами царизма, от которого они получали всевозможные награды и подачки. Именно царизм помогал им властвовать и эксплоатировать широкие массы ненецкого и хантэйского народов.

Нужно к этому добавить полное юридическое бесправие ненца, хантэ и ман[си] в царской России. Царское правительство считалось только с верхушкой — [кня]зьями, богатыми оленеводами, старшинами. Бедняк ненец или хантэ в гла-зах самого мелкого чиновника был «собакой», [«ду]шкарем». Сибирская админи-страция от верху до низу была взяточниками, казнокрадами и насильниками.

Из года в год повторялись голодовки, при которых бывали случаи [illegible]-ства, население косили болезни. Общеизвестен много раз обсуждавшийся во-прос о так называемом угасании северных народностей. Северные народности, ныне возрождающиеся под мудрым водительством партии Ленина — Сталина, в старой царской России обречены были на [illegible].

30-е годы XIX в. были годами еще большего увеличения податных тягот, усиленного отбирания угодий, роста эксплоатации, невероятного двойного гнета — социального и национального, против которого и было направлено возглавленное Ваули Пиеттоминым движение.

Всесторонняя оценка этого движения требует еще дальнейшего у[illegible]ного исследования. Многое в нем еще неясно: роль шаманства, взаимные отношения между хантэ и ненцами, отношение данного движения к предыду[illegible] выступлениям ненцев в XVII—XVIII вв. и т. д.

Публикуемые материалы при всей их неполноте и односторонности, од[illegible] свидетельствуют, что возглавляемое Ваули движение было народным [illegible]нием, направленным именно против этого социального и национального гн[illegible]. В нем несомненно есть элеметы классовой борьбы.

Документы говорят как о Ваули, так и об участниках его отрядов, как о бедняках «не имеющих дневного пропитания». Один из наиболее близки[illegible] Ваули сподвижников Менчеда Санин «ясаку от роду не платил по случаю бе[illegible]ноты». О широкой поддержке Ваули хантэ-ненецкой беднотой сви[illegible] значительная численность его отрядов, достигавших до 400 человек. Ва[illegible] объединил эти обездоленные массы вокруг самых насущных требований ([illegible]жения ясака, снижения цен на товары), направленных против ига безгра[illegible]ной колониальной эксплоатации. Как указывает публикуемая «Краткая [illegible]писка», Ваули распустил слух, что он в Березовском крае понизит цен[illegible] все русские товары, даже на отпускаемый из казны хлеб, и что «инородцы будут платить подати вместо двух песцов одного... и посылал в Обдорск нарочного, чтобы до его туда прибытия инородцы не смели вносить ясака, [illegible] купцы торговать».

В то же время движение Ваули было направлено против местных социальных верхов. Когда, как проговаривается составлявший «Краткую выписку» чиновник, «увеличилось народное к нему доверие», Ваули стал делать нападения на богатых ненецких и хантэйских старшин, владельцев сотен оленей, отбирая у них оленей, муку и деля его среди бедняков. В течение всего 1840 г. власть над ненцами и хантэ была фактически не в руках князя Тайшина, ставленника царской власти, вымогателя и насильника [1], и богатых старшин, а в руках Ваули. Ваули смещал старшин и если бы не помощь царской администрации, то Тайшин был бы смещен. Ваули не ставил однако задачи уничтожения власти князя и старшин вообще. На место ненавистного князя Тайшина он намерен был поставить князя хантэ — Япту Мурзина — богатого оленевода, искавшего дружбы с Ваули с провокационной целью, чтобы заманить его в ловушку, организованную князем Тайшиным и царской администрацией. Легкой ликвидации движения Ваули содействовала и провокационная работа русского торговца Нечаевского.

Схваченный с помощью провокации в Обдорске, Ваули был отправлен сначала в Березов, затем в Тобольск и предан военному суду, который приговорил его к ссылке в каторжные работы. Генерал-губернатор Западной Сибири утвердил приговор и предписал отправить Ваули для отбывания каторжных работ в Восточную Сибирь.

Части участников движения удалось скрыться, и спустя много лет после поимки Ваули на Севере снова вспыхивает волнение, которое однако не приобрело широких размеров.

В 1855 г. родственники ближайшего друга Ваули — Мейри Ходина, также сосланного в каторжные работы, Пани Ходин, сподвижник Ваули, Тумбы, Пяру, Оли, Хорумы и Пюмэ Ходины вместе с другими ненцами и хантэ организовали отряд. Во главе отряда стал Пани. Отряд стал делать нападения на богатых оленеводов, на старшин.

[1] См. о нем заметку Г. Попова, [illegible], «[illegible] старина», 1890 г., ноябрь, стр. 457—460.

[illegible]ва в тундре началось волнение. Ненецкий старшина Тэпкэ Ванюзе (Ван[illegible] [illegible] к царской администрации в Обдорске [1].

Призрак возвращения Ваули встревожил и местных старшин и царскую [illegible]рацию. Между властями от Петербурга сверху и до Березова снизу [illegible] оживленная переписка о ликвидации волнения. Посылать в безлюд[illegible] [illegible]лдат или казаков было рискованно, поэтому раз[illegible]омить отряд Пани было поручено князю Тайшину, а Тайшин перепоручил это [illegible] Ванюзе, наиболее заинтересованному в усмирении подчиненной ему орд[illegible].

[illegible]омощью старшин и наиболее богатых кулаков-оленеводов участники от[illegible] [illegible] главе с ним самим были схвачены. При поимке им повредили [illegible] суставах пальцы рук, чтобы лишить «силы шаманства». Затем арестованные [illegible] [illegible]ены для допросов в Березовский земский су[illegible].

К [illegible]ю, до настоящего времени не обнаружены архивные материалы, [illegible]общающие об их дальнейшей судьбе. Очевидно их ждала, как и участников [illegible]ижения Ваули, каторга и поселение в Восточной Сибири.

[illegible]

В 1883 г., через 40 с лишком лет после движения Ваули, в Обдорске рас[illegible] слухи, что на Обдорск идет Ваули или его потомок [2]. Слухи эти [illegible]звали настоящую панику среди обдорских торг[illegible].

Память о Ваули дожила до наших дней, до дней возрождения к новой счастливой жизни всех народностей Советского Союза, когда «народы-парии, народы-рабы впервые в истории человечества поднялись до положения народов, действительно свободных и действительно равных, заражая своим примером угнетенные народы всего мира» (Сталин).

Публикуемые материалы подготовлены к печати коллективом работников [illegible]

[illegible]

Краткая выписка из дела комиссии, учрежденной в Березовском крае о возмущении инородцев Обдорского края

12 генваря 1839 года Обдорской волости ясачной князь Иван Тайшин с самоедами и остяками, составя приговор о том, что самоеды [illegible] волости Ваули Пиеттомин и Магири Вайтин с их сообщниками более семи лет делают у них дневные грабежи, просили обдорского за[illegible]дателя Соколова представить Пиеттомина и Вайтина к высшему пра[illegible] [illegible] [illegible]ение.

Пиеттомин и Вайтин сознались Соколову, что они человеками с де[illegible]тью своих товарищей, быв вынуждены бедностью, единственно для собственного пропитания, точно обкрадывали и грабили самоедов и остяков, но никого не убивали.

После этого сознания, без всякого производства след[illegible]. [illegible]ский окружной суд полагал: наказав Пиеттомина и Вай[illegible] [illegible]ть на год в каторжную работу и потом оставить их на поселении. А губернский суд, приняв в уважение, что во 1-х преступники при [illegible]едствии чистосердечно сознались в воровстве и грабеже, во 2-х, де[illegible]ли они воровства и грабежи для того, чтоб им и другим бедным [illegible]оедам не лишиться жизни при неулове зверя и невозможности по дальнему расстоянию мест их жительств быть в Обдорском отделении

[1] Славин, «Самоеды-граб[illegible] [illegible] музея», вып. XIX. 1909.— «Самоедский праздник в Обдорске», «Тобольск[illegible] [illegible]ские ведомости», № 9, 1 марта 1858 г.

[2] «Тобольский Архив», Тобольск, 19[illegible]

для взятия в долг муки, в 3-х, их роду свойственно незнание законо[illegible] преследующих воровства и грабежи и, наконец, в 4-х, поступки и[illegible] были в продолжение 10 лет терпимы, и общество желает токмо удалить их от себя,— на основании 105, 114, 129 пун. 1 и 471 ст. 15 тома, определил: дав Пиеттомину и Вайтину, при полиции, по 20 ударов плетей, отдалить их, согласно с 64 статьею тома, в другое [illegible] распоряжению [illegible].

Приговор этот, утвержденный губернатором Талызиным, [illegible] препровожден губернским правлением в Березовский окружной [illegible] для надлежащего исполнения и с тем, чтоб о переселении преступников было донесено к сведению Тобольской казенной палаты.

После чего Пиеттомин и Вайтин были при березовской градской полиции наказаны плетьми и, по распоряжению тамошнего окружного суда, отправлены к сургутскому отдельному заседателю Шир[illegible] который 10 июня его уведомил, что те самоеды причислены им (Ширяевым) в Парчинскую волость, и ее старшине предписано наблюдат[illegible] чтобы они не отлучались в прежнее свое жительство, и что об этом причислении доведено до сведения и казенной палаты.

А 19 сентября 1839 же года Ширяев донес Березовскому земскому суду, что Пиеттомин и Вайтин [illegible] августа бежали с места своего причисления, обокрав разных людей, и что хотя он отыскивал тех преступников, но в Сургутском отделении их не оказалось.

Когда же суду сделалось известно, что Пиеттомина и Вайтина видели плывшими в лодке к Обдорскому отделению, то суд 9 октября предписал тамошнему заседателю их поймат[illegible].

Между тем Пиеттомин сначала скрывался в разн[illegible] [illegible] маясь воровством, а потом, когда составил себе шайку, прости[illegible] шуюся, наконец, человек до 400 инородцев, стал покушаться и на значительные грабежи: распустил слухи, что он в Березовском крае понизит цены на все русские товары и даже на отпускаемый из казны хлеб и что инородцы будут платить подати вместо двух песцов одного, назвался царем всей низовой стороны и посылал в Обдорск нарочного сказать, чтоб до его туда прибытия инородцы не смели вносить ясака, а купцы торговать, и нарушение сего приказания, грозил строго с ним поступить. Этим Пиеттомин навел такой страх на обдорских жителей и остяков, что каждый из них боялся быть убитым или, по крайней мере, ограбленным.

Генерал-губернатор по получении от начальника Тобольской губернии известия, как о возникших в Березовском крае беспорядках, так и о принятых к прекращению их мерах, немедленно предписал ему составить комиссию из советника губернского правления (начальником губернии назначен был в сию комиссию советник Соколов), адъютанта своего графа Толстого и чиновника особых поручений Тобольского общего губернского управления Казачинского, для необходимых на месте происшествия распоряжений и узнания причин беспорядков с тем, чтоб, по окончании ими следствия, находившийся уже под стражею Ваули Пиеттомин был предан военному суду; а г. военного министра, донеся его сиятельству о своих по сему случаю распоряжениях, известил, что впоследствии представит ему, со своим мнением, дело о Пиеттомине и не преминет взыскать с виновных, назначивших сему преступнику с его товарищем, после их наказания, близкое к их родине местопребывание.

Г. военный министр на это отвечал, что государь император, по всеподданнейшему докладу генерал-губернаторского рапорта, о возникших в Березовском крае беспокойствиях между остяками и самоедами и о принятых к их усмирению мерах, высочайше одобряя все по

[illegible] предмету распоряжения, изволил поручить генерал-губернат[illegible] [illegible]ити в ближайшее рассмотрение, не подали-ли повода к этим бе[illegible]порядкам, кроме возмущений ссыльным Ваули, какие-либо [illegible]ния, злоупотребления или научения. Сообщая сию высочайш[illegible] [illegible]

Учрежденная в Березовском крае комиссия окончила свои там зан[illegible]ия и из представленного ею дела сказывается сл[illegible]:

[illegible] Вантиным, по присылке их в Сургут, были прич[illegible] [illegible]и, но оставались до побега в самом Су[illegible] [illegible]мались в работу у тамошнего мещанина Силина. Потом, когда возымели желание возвратиться к своим семействам, обокрали [illegible]на и бежали. По возвращении на родину Пиеттомин сначал[illegible] [illegible]рил народ, что начальство назначило его главным старшиною на[illegible] [illegible]ми инородцами Обдорского отделения, обманывал их шаманство[illegible] [illegible]ровал, а впоследствии, когда увеличилось народное к нему дов[illegible]ие и шайка его усилилась, он стал грабить, делить награбленное [illegible] [illegible] самоедских старшин: Содома Непекина за то, что он, в 1839 году [illegible]го младенца родственника его, Пиеттомина, Танута[1], [illegible]негося на невесте Непекина, за которую и часть калыма был[illegible] [illegible]е заплачена, а Падиги за его бедность, равно хотел сменить и [illegible] Тайшина, который, как выше упомянуто, просил об удалении Пиеттомина на поселение, запрещал внос в казну ясака, пришел в Обдорск с тем, чтоб цены на казенную муку и русские товары пони[illegible]ить, а на рухлядь возвысить, принудить князя Тайшина выдать из казенных магазинов муку, все, что можно найти у Тайшина и в Об[illegible]е, по случаю начавшейся тогда ярмарки, ограбить, при малейшем тому сопротивлении действовать оружием и убить как князя Тайшина, так и заседателя с исправником.

Хотя слухи о грабежах Пиеттомина, после побега его из Сургута, начали доходить до Обдорска еще весною 1840 года через инородцев, приезжавших туда по своим надобностям, но тамошний заседатель Соколов, преданный всегдашнему пьянству, не только не предпринимал никаких мер к прекращению тех грабежей, но когда из числа инородцев Янта Мурзин в марте того года с несколькими другими, жаловались Соколову, что Пиеттомин ограбил у них оленей и всю годовую их пропорцию хлеба, просили дать им муки из магазина под ручательство, то Соколов, закричав на них, что это до него не касается, выгнал их от себя, и они принуждены были у одного мещанина брать муку в долг по дорогой цене. Равным образом Соколов прогнал от себя приезжавших к нему в декабре из ограбленных Пиеттоминым старшину Лабе Оленина и других человек 10, которые извещали его, [illegible]ва, что Пиеттомин продолжает грабежи и следует с своей [illegible]ой к Обдорску. Соколов сделал то же с Янтой Мурзиным, приезжавшим после того к нему через неделю с тем же известием. А потом, как Янта, так и Лабе с прочими остались в Обдорске ожидать приезда исправника.

[1] О этом преступлении Содомы Непекина, равно и о том, что, в пределах соседственного с Обдорским отделением Туруханского округа, ведомства старшины обитающих там самоедов Тирангула Моргина, у самоеда Хочь-Морика Содома жестоко избил жену Ерой и топтал ее ногами, за препятствование отла[illegible] [illegible]руемого, от каковых побоев она тогда же выкинула мертвого младенца. Следственною Комиссиею доведено до сведения начальника губернии, для надлежащего [illegible] стороны в сем случае распоряжения [illegible]

Исправник, прибыв туда 1 генваря и узнав о намерениях Пиеттомина, убеждал инородцев не страшиться разбойника и стараться его поймать, но когда заметил, что инородцы, страшась мщения и коварства Пиеттомина, не осмелятся отказать ему в покорности, то по недостаточному количеству в Обдорске казаков, пригласил к общей защите русских, приехавших на ярмарку, и жителей Обдорска, поручил князю Тайшину и его родственнику Япте Мурзину[1], видом покорности и готовности исполнять все требования, стараться заманить Пиеттомина в Обдорск, а постоянно живущего в Обдорске березовского мещанина Нечаевского убедил, будто бы для торговли, съездить в места, в которых Пиеттомин [illegible], разведать о его вооружении, предположениях и главных сообщниках и с тем вместе упросить Пиеттомина приехать в Обдорск для того, чтобы там его схватить, так как у исправника не было никаких средств сделать это на месте пребывания разбойничьей шайки.

Нечаевский, несмотря на свое одиночество, оставив все свои торговые дела, на собственных оленях, с незначительным числом товаров отправился в путь и в 150 верстах от Обдорска отыскал Пиеттомина [illegible] человеками с двумя стами его сообщников, который принял его как старого своего знакомого. Нечаевский успел уверить Пиеттомина, что о нем в Обдорске давно забыли, и никто не думает его преследовать. Тогда Пиеттомин открыл ему свои замыслы на Обдорск. Нечаевский, соглашаясь с ним по всем, не показывал ни малейшего сомнения в его силе и власти, просил его приехать к нему в Обдорск, обещаясь его угостить, дать ему вина и даже подарить лучшую из оставшихся после отца вещь. По возвращении в Обдорск Нечаевский сообщил исправнику все виденное и слышанное у Пиеттомина.

Пиеттомин въехал в Обдорск с 40 человеками самых отборных из толпы ему приверженных, прочим приказал понемногу подъезжать и часть оставил около хлебных магазинов, находящихся в версте от Обдорска. С 20 человеками вооруженными одними ножами вошел в юрту князя Тайшина; других 20 оставил при нартах, на которых под оленьими шкурами было оружие: луки со стрелами, шесты с копьями и несколько ружей. Этим 20 человекам Пиеттомин приказал быть на страже и, в случае нападения, стараться подать ему с товарищами оружие. В юрте князя Тайшина требовал себе от него и прочих дани и объявил князю смену.

Между тем исправник вблизи той юрты, в неприметных местах расставив казаков и других приглашенных им к тому людей, сделал верные для поимки Пиеттомина и его сообщников распоряжения. Потом посылал два раза просить его к себе в гости и, когда тот к нему не пошел, сам к нему явился с тем же приглашением. Внезапное появление исправника изумило и привело в смущение Пиеттомина и его сообщников. Исправник, воспользовавшись их смущением, взял Пиеттомина за руку и повел к себе. Пиеттомин, видя, что он обманут, хотел было бежать, но, по данному исправником знаку, был схвачен. Тогда некоторые из его последователей намеревались его освободить, но не успели. Один из них бросился было с ножем на исправника, но урядник Шахов, в ту минуту подбежав к нему, ударил злодея обнаженною саблею по руке, вышиб у него нож и тем [illegible] исправника от явной опасности лишиться жизни. В то же [illegible]

[1] [illegible] ну Ваули еще до того несколько раз предлагал место князя Тайшина [illegible] го не согласился. И уже по приказанию исправника, чтобы удобнее [illegible] вил притворное на то согласие, сверх того по делу видно, что [illegible] одного самоедина, которого Ваули велел своей шайке убить. (Прим. [illegible].

исправником люди одни отнимали у выбегавших из юрты князя [illegible] другие выхватывали из нарт Пиеттоминой толпы оружие, ломали [illegible] и разгоняли оленей с нартами, а прочие, по указанию Неча[illegible] [illegible]ли злоумышленников и, посредством этих благоразумных мер, [illegible]имка главного разбойника и рассеяние его шайки обошлись без [illegible]ерпоубийства, спокойствие в Обдорске восстановлено, и инородцы [illegible] сделали угоднику божию Николаю на 300 руб[illegible] [illegible] приношении.

Комиссия удостоверяет, что остяки и самоеды (в чем она убедилась [illegible]ых расспросов их по дороге, от Березова [illegible] [illegible] совершенно довольны управлением земского начальства и, хотя в частности были принесены жалобы[1] на притеснения их заседателем Соколовым, на неудовлетворение законных их просьб и на[illegible]есение им безвинно побоев, но эти частные неудовольствия нисколько не были причиною временного успеха Пиеттомина, шайка которого была составлена большею частью из людей, не имеющих дневного пропитания, привлеченных к нему лестными обещаниями богатой добычи, шаманством и другими способами, чему доказательством может служить случившееся с самоедом Сой. Пиеттомин встретился с ним, когда шел к Обдорску и, зная, что Сой, как человек ловкий, может увлечь за собой несколько из своих собратий, предложил ему сначала с лаской, а потом с настойчивостью присоединиться к нему, но когда он на то не согласился, Пиеттомин жестоко его избил, выщиб ему передние зубы, приказал его убить, и этот несчастный обязан своим спасением сообщникам самого Ваули.

Начальник губернии, представляя генерал-губернатору дело о возмущении самоедов Обдорского отделения, доносит, что о поимке более виновных из них уже сделано распоряжение[2] и испрашивает разрешения, не преследуя остальных, ограничиться строжайшим за поведением их надзором, потому что:

во 1-х, мирные инородцы просили не посылать к ним в кочевья вооруженных казаков.

[illegible] 2-х найти всех участвовавших в грабежах Ваули невозможно по отдаленной, неизвестной и очень разд[illegible]бительной на пространстве нескольких тысяч верст кочевке их в тундрах и лесах.

и в 3-х, эти люди обольщены Пиеттоминым и преступны менее по своей воле, чем потому что боялись ослушаться его, как сильного, наглого и, по их понятиям, святого человека.

А прежде того Ладыжинский, доводя до сведения генерал-губернатора о поимке Ваули, представил список людям, содействовавшим исправнику в поимке этого начальника шайки с тем, что не прикажет ли он (генерал-губернатор) изъявить особенной от его имени благо[illegible] так и Обдорской казачьей команде. Об [illegible] что благоразумные, смелые и с некоторою опасностью жизни сопряженные его действия тем более достойны поощрения наградою, что этот чиновник опытностию своею полезный для того отдаленного края, просил уже его ради детей, требующих [illegible] перевести его на другое место, но он убедил его, для пользы службы повременить.

[П[illegible]]

[1] Эти жалобы приняты Казачинским к общему его донесению по [illegible] [illegible]тупках велено прои[illegible]

[2] Князь Тайшин обещает ставать [illegible] сообщников [illegible]

Краткая записка, составленная в Тобольском губернском суде из дела о беспорядках в Обдорском отделении, произведенных беглым инородцем Ваули Пиеттоминым с сообщникам [1]

Обстоятельства дела этого следующие:

В журнальной записке, постановленной 1841 года, березовский земский исправник Скорняков писал: по приезде его из Березова в Обдорск явился к нему инородческий обдорский князь Иван Тайшин со многими инородцами и старшинами; осведомясь от них о малом понятии инородцами положения ясака, спросил он князя, почему не полагается до сего времяни инородцами ясак, так как в прошлые годы в сие время производился сбор его значительно? На что тот Тайшин объяснил, что низовые самоеды, хотя и следуют в Обдорск [illegible] не очень в дальнем расстоянии, и некоторые старшины из них были даже в Обдорске, но удерживаются положением ясака по наказу самоедина Ваули Пиеттомина, который, присоединив к себе ватагу до полсотни или более человек и производя грабежи у инородцев, обещал быть в Обдорск, и что некоторые старшины опасаются полагать прежде его ясак, по угрозам его, отнятием у них после всех оленей. Сверх сего он Тайшин присовокупил, что он, ожидая прибытия его исправника в Обдорск, посылал своего ясашного остяка Яиту Мурзина в необитаемую тундру звать его Ваулю Пиеттомина к [illegible] в Обдорск, и он, кочуя чумами или шалашами, обещался быть непременно в Обдорск. Так как Ваули Пиеттомин, бывши судим и наказан за преступление по приговору судебного места плетьми с поселением в 1939 году в Сургутское отделение, откуда бежал, то, почитая обещание Пиеттомина быть в Обдорске невероподобным, как опытного по прежней поимке его за преступления, им сделанные, нужным почел тогда же собрать некоторых старшин в ясашную, понудить их к положению ясака в присутствии своем с уверением их, что Ваули Пиеттомин никакого вреда делать им не может, в каковой день и положено ими в ясак до 40 песцов. За сим сказал князю, дабы он еще послал тайно для узнания действий и намерений Пиеттомина в тундру; между тем и предположено было г. исправником без огласки послать в тундру к Ваули Пиеттомину опытного и надежного человека из русских под видом торговли, разведать случайно: будет ли он Ваули в Обдорск, просить его туда, осмотреть все имеемое при нем и намерения действия с узнанием сообщников, орудия при нем и всей ватаги, им приобретенной.

Для выполнения всего этого исправник избрал находящегося в Обдорске березовского мещанина Николая Нечаевского, как известного по его благонадежности и усердию. К каковому разведыванию исправник нашел удобным употребить Нечаевского и потому более, что он знает по-самоедски лучше прочих, знаком Ваули Пиеттомину по прежним торговым связям с ним покойного отца Нечаевского. Без собрания же означенных сведений исправник не мог приступить ни к каким мерам для схвачения Пиеттомина, сколько по чрезвычайной отдаленности местонахождения его от Обдорска на таковом пространстве пустынной тундры или степи, столько же и по малочисленности полицейских служителей, коих в Обдорске с вахтерами запасных магазейнов только семь человек, а потому и заключил земский исправник сделать подлежащее распоряжение и по возвращении Нечаевского донести г. начальнику губернии.

Г. березовский земский исправник рапортом от 14 генваря № 12 донес г. исправляющему должность гражданского губернатора со сло-

[1] [illegible]

весного объявления князя Тайшина, что низовые самоедцы, хотя следуют сюда не очень в дальнем расстоянии и некоторые старшины их были в Обдорске, но удерживаются от положения ясака по заказу [illegible]щика Пиеттомина. Далее г. исправник объясняет в рапорте своем те же обстоятельства, какие видно в вышепрописанной журнальной его записке. За сим дано от него предписание урядни[illegible] Шахову с имеемыми там 4 казаками, князцу Тайшину и обд[illegible] отдельному заседателю собрать опытных обитат[illegible] [illegible], где он, Ваули, находится, взять его благораз[illegible] [illegible] в город Бер[illegible]. [illegible] следовать туда и сам он, но поездка туда кн[illegible] [illegible] [illegible] ных оленей, да и невозможностью поимать его п[illegible] [illegible] и ограждением себя всегдашнею о[illegible]. [illegible] тем без огласки посылаемый к Пиеттомину о подробном о нем разведывании, возвратясь, объяснил, что означенный Пиеттомин имел у себя подобранную орду самоедцов, до 400 [illegible] будучи вооружены винтовками и стрелами, подт[illegible] Обдорску и остановился чумами в 25 верстах ра[illegible] стах, где проходят самоеды в Обдорск для пол[illegible] граждением путей им. При сем же от него г. испр[illegible] был и князец Тайшин с 13 старшинами остятск[illegible] которые равно и сам Тайшин, подходя к нему Пиеттомину, с уваж[illegible] [illegible] руки, о чем сказывал ему и сам князец с тем, что он это делал из подобострастия, а ездил к нему по зову самого его, и он Пиеттомин требовал от него и всех старшин собрать и доставить, как можно более, к нему оленей обещался быть в Обдорске завтрешнего числа. Он г. исправник по [illegible] нимал меры к поимке того Пиеттомина [illegible] настоящего орудия, сообщил березовск[illegible] командою, дабы он, в помощь и [illegible] реждение могущих быть опасных последствий, прислал в [illegible] [illegible].

Г. [illegible] исправник при предложении от 14 генваря за № 13 [illegible] бежавших с поселения самоедов: Ваули Пиеттомина, Хо[illegible], Хо[illegible] П[illegible]умина, заключающихся в [illegible] [illegible] 300 человек, с коими управы [illegible] исходит, из коих первый на[illegible] торых старшин, которые не [illegible] сено г. начальнику губернии.

Еще г. исправник таковым же земскому суду от 15 генваря № 15 предложил, дабы не отнят был у караульных в Обдорске возмутитель тишины и спокойствия беглый самоедин Ваули Пиеттомин и два сообщника в грабеже самоедов же Хонзали Санин и Хонзал[illegible] [illegible] родом обольщенным шаманством того Ваули, он долгом своим почел отправить их тотчас, при удобном случае, в земский суд за караулом для крепчайшего содержания в остроге от 14 числа при предложении [illegible] отобрания показаний, а сего числа от таковых же двух Тюйна[illegible] Топкина и Лазерина, занимавшихся единственно грабительством, отобрав показания, препроводил их с оным в земский суд, пред[illegible] отослать и сих людей для содержания, если еще не отобраны от первых трех показания, содержать их порознь.

На заданные вопросы земским исправником нижеписанные люди ответствовали.

Князь Иван Тайшин: в последних числах декабря месяца ист[illegible] 1840 года, по случаю неявки в настоящее время к положению яса[illegible] старшин и самоедцов, посылал он, Тайшин, в необитаемую тундр[illegible] или степь ясашного остяка Япту Мурзина, разведат[illegible] медленного их хода, который при обращении объявил, что низовые [illegible]амоедцы удерживаются ходом от беглого самоедина Ваули Пиеттом[illegible] [illegible] и приказанием им не класть ясака; присоединивши он, В[illegible] к себе прежде бывшую у него ватагу и многих других самоедцов, ра[illegible]глашая, что они должны ясак платить только по одному песцу, а [illegible] по два, что с них взыскивают излишне, равно и за казенную му[illegible] платить деньги не должны, между тем он, Ваули, через приверженцев своих отгоняет у самоедцов, сколько ему угодно, оленей, показывая [и]м шаманство или колдовство свое, и сам он, Ваули, с ватагой своей [illegible]г в Обдорск, чрез что некоторые старшины опас[illegible] прежде прибытия его в Обдорск ясак по угрозам его отнятием у ни[х] всех оленей. После сего того же Мурзина посылал он еще навстреч[у] к нему Ваули узнать о его действиях. Ваули же, увидавшись с Мур[з]иным, заказывал с оным сказать князю, дабы он до приезду [illegible] ясак не принимал и торговцы, чтоб никто не торговали, и говорил, что, когда он придет, тогда прикажет как ясак принимать и у торго[в]цев на муку и хлеб положить цену, в противном же случае, чтоб от него хорошего не ожидали, при том же Мурзин ему объявил, что он Ваули, будучи вооружен огненным и кинжальным орудием с прис[о]вокупленным народом до 400 человек, некоторые вооруженные следуют к Обдорску ближе, о чем он объявил тогда отдельному заседателю и земскому исправнику, но поймать его тогда никак было невозможн[о]. За сим по приближении его, Ваули, к Обдорску, за 100 верст примерно, послал он Ваули за князем самоедина Салы Ялтына, звал к себе, на каковой зов он с некоторыми старшинами поехал к нему, доезжая до чума Япту Мурзина, примерно от Обдорска в 25 верстах, где находилось народу до 300 человек, съехавшихся с разных мест и дожидают туда приезда Ваули, и он только мог подъехать к оной толпе, куда и приехал Ваули со многочисленным народом и с мещанином Нечаевским, остановился у чума, потребовал его к себе, сам сидя на санках, и он Тайшин подъехал к нему, встал с санок и кланялся ему, но он начал его ругать всячески, почему он жаловался на него в грабеже и просил сослать его на поселение, и хотел его Тайшина за то бить оленьим рогом и пришедший в великий азарт, но, по убеждению мещанина Нечаевского, несколько он Ваули [illegible] он Тайшин просил у него Ваули в том прощения, кланяясь ему, и целовал у него руку, и он при том сказал ему Тайшину, что он будет сменен им с княжества остяком Ялтою Мурзиным за непослушание его к нему, Ваули; он Тайшин, повинуясь сему, обещался ему уступить свое княжество, с обещанием, что если требовано [что] им будет, все исполнено будет, но только по свидании с прочими старшинами, причем он звал его к себе в гости, где может решиться и в даче ему оленей или требуемой ему дани. Побывши же он Тайшин тут примерно часов пять, с позволения его поехал обратно с мещанином Нечаевским и старшиной Лявой Ендыревым.

На другой же день он, Ваули, подъехав к Обдорску со многочисленным народом, остановился близ казенных магазинов, послал за ним по приезде же со старшинами сначала обошелся с ним грубо и кричал ему, почему он прежде не встретил, и тут вторично ему назначал смену, говорил ему, если не уступит княжество свое, то хотел воротиться назад; но он уверял его в том, при том же обещал ему со

старшинами требуемых им оленей и просил его к себе в избу в гости, на что он и согласился. Подъезжая к его, Тайшина, избе, вошел [illegible]ую со своим народом и начал расспрашивать у него: кто какой старшина? сколько положил ясаку? Потом начал требовать у всех старшин оленей от 100 до 500 у каждого, также и песцов, а у него требовал муки до 300 пуд. И все ему обещали, что он требовал, при [illegible] приходили к нему русские и звали его к исправнику в гости, но он не пошел. Потом пришел заседатель, тоже звал его к исправнику, но он ему никакой чести не отдал, промолчал. Вслед за тем пришел [illegible] Ваули, оробевши, стал на ноги. Исправник же ему сначала говорил: почему он ослушается? Потом взял его за руку и повел из избы. Приверженцы его, Ваули, самоедцы кинулись его отнимать: тогда по команде от исправника началось казаками и жителями Обдорска с оными самоедами сражение; он же Тайшин, испугавшись того сражения, и чтоб ему чего не последовало от тех самоедцев, с некоторыми остятскими старшинами уехал и спрятался. И как кончилось оное сражение, он не видал. Во время же броження его, Ваули Пиеттомина, было им ограблено в 1840 году и ему объявлено: у самоедов Лаба Аоки 140 оленей и две старинные доставшиеся от предков его кольчуги; у Халила Наседина — 102 оле[illegible], у брата его Ханзюру Наседина — 220 оленей, у остяка Тыя[illegible] 50 оленей, у Яниты Мурзина — 15 оленей, у вайтважского [illegible] Езика Томачева — 50 оленей, у обдорского остяка Огама Юркина [illegible] [illegible]а муки, семь сажен моржевого ремня, три упряжки ременные, табаку два и пороху два же фунта, а сколько было жалоб в 1839 году, равно и мелочных грабежей и в 1840 г. им Ваулей с товарищи чинимых, упомнить по неимению письмоводства не может.

Ляу Ендырев Пани: действительно он ездил с князем Тайшиным к самоедину Ваули Пиеттомину, подъ[illegible] Мурзина, где находилось множество само[illegible] мест и дожидающихся тут приезду Ваули, [illegible] но в скором времени приехавши туда В[illegible]ским и с больш[illegible] потребовал к себе князя; подъехавши же [illegible] и сделал ему Ваули своим поклонением [illegible] ругать и называл собакой, за то, что он князь его отдал за грабежи под суд, держа в руках олении рог и хотел им бить князя, но мещанин Нечаевский до сего не допустил, уговорил и он послушал его, оставил свою горячность, и князь просил у него прощение и целовал у него руку, равно и он Пани и прочие с ними приехавшие кланялись ему и целовали у него руки, единственно из подобострастия [illegible] говорил он, Ваули, что он непременно за непослушание к нему его князя сменит остяком Янтои, и князь, повинуясь ему, обещал уступить ему свое княжество и обещался все его приказания и требования исполнять. Пробыв же они тут, примерно до пяти час[illegible] с позволения его с князем и мещанином Нечаевским поехали обратно, а он на другой день непременно обещал быть в Обдор[illegible].

Березовский мещанин Николай Нечаевский: 8 числа генваря, по приказу исправника, приехал он тайно на оленях для узнания обстоятельств по предмету народного возмущения и разведывания о приве[illegible] [illegible]ителя в походные самоедские чумы, состоящие [illegible] но за 150 верст, к знакомому прежде еще покойному родителю [illegible] старшине Ваули Пиеттомину, под видом торговли с товаром, который принял его ласково, расспрашивал, что говорят про него и не ищут ли его, не жаловался ли начальству князь и старшины в грабеже им скота и прочего, кладут ли ясак инородцы или нет, причем сказывал, что он заказал князю, дабы без него ясак собираем не был и купцы ни

торговцы в ярмарку в амбарах не торговали и что он подъедет к Обдорску, установит цены муке и прочим потребностям. Он же Нечаевский уверял его, Ваулю, в забытии начальством об его поступках, просил к себе в гости по дружбе старой родителя, с обещанием подарков из оставшихся от родителя своего вещей и вина, если ему угодно будет, и он, обещаясь быть, потом поехал с ним Нечаевским и прочим народом его ватаги на 80 санках ближе к Обдорску и остановились у стоящих трех чумов остяка Япты Мурзина, расстоянием от Обдорска в 25 верстах. Тут застали князя, старшину Ляву Ендырева и множество народа самоедского и остятского, съехавшихся с разных мест, дожидающихся туда приезда Ваули. Ваули же, сидя на санках, потребовал к себе князя; по приближении оного, сей последнии, сошедши с санок и подходя к Ваули, кланялся. Он же начал его ругать и называть собакой за то, что он просил на него прежде в грабеже оленей и сослали его за то на поселение; пришедши в азарт, хотел бить имеемым при нем оленьим рогом. Нечаевский же, дабы Ваули не убил князя, вынужденным нашелся его уговаривать от сих дерзких поступков, который горячность свою и оставил. Князь же испугавшись просил у него прощения, кланяясь, и целовал у него руки. Между тем Ваули говорил Нечаевскому, что он непременно переменит князя остяком Яптою Мурзиным, по непослушанию его к нему. Князь же и старшина Лява, повинуясь и испросив у него прощение, обещали все то исполнить, что он потребует, только по свидании с прочими старшинами, причем князь звал его в гости к себе, где могут решиться и в даче ему требуемой дани от всех старшин. В каковом месте он Нечаевский, побывши до 5 часов, отправился на легких санках вместе с князем и старшиной Лявой Ендыревым в Обдорск; приверженцев же Ваули, участвовавших с ним в грабеже, он тут заметил: брат его Тогомпадо Топкин, он же Пиеттомин, Хазахи Сапин, Саню Вапутин, Ханзала, Палумин и Лазарема, во всей его ватаге до 100 человек и ближе к Обдорску кочуют в чумах до 200 человек, подведомственных к нему, ожидающих его. По приезде же в Обдорск Нечаевский объявил его разведование и при поимке оных самоедцев, по известности ему, указывал, кого надобно поймать.

Остяк Япта Мурзин пояснил согласно с ответом князя Ивана Тайшина.

Самоедин Сали Ямин: бродяжа своим чумом, которым шедши он Ямин к положению ясака в Обдорск и, дошед до чумов [нашел] множество наставленных Ваули Пиеттомина, где был также остяк Япту Мурзин, и он со своим чумом близь оных чумов тоже остановился. Ваули начал посылать тогда помянутого Мурзина в Обдорск за князем, а Мурзин послал за оным его, Ямина, по которого он на легких оленях съездил в полторы суток. На другой же день по приближении Ваули с несколькими чумами ближе к Обдорску, остановился примерно от Обдорска в 23 верстах, посылал его Ямина в Обдорск по причине знания русского разговора разведывать и выслушивать у русских, что о нем Ваули говорят в Обдорске, но он Ямин был в нескольких домах с прочими самоедцами и ничего об нем не слыхал, и с тем возвратился к нему обратно. За сим Ваули пригласил Ямина ехать с собою в Обдорск, взявши с собою многое количество народа [и] на легких санках отправились в Обдорск. Подъехавши к Обдорску, он, Ваули, приказал остановиться близь казенных магазинов, послал его за князем, который вскоре и приехал. Поставя своих оленей, подошел к Ваули с учтивостью, долгое время имели разговор, потом поехали в Обдорск к избе князя; по прибытии же в избу был Ваули с некоторыми самоедцами угощаем от князя мерзлой сырой осетриной. В то ж время приходили посланные от исправника и просили

его, Ваули, в гости, но он не пошел, а занялся требованием себе у старшин и богатых самоедов оленного скота, песцов и муки и спрашивал, сколько какой старшина положил ясаку? За сим прибыл заседатель обдорский, кланялся ему и звал в гости к исправнику, но он тоже итти отказывался.

Когда за тем пришел и сам исправник, испугал его зовом своим к себе, взяв за руку, вывел из юрты; по выходе из юрты он рванулся к санкам или оленям, спрашивал, где олени? В то же время казаки нагайками и саблями, а другие русские взялись за него и понесли. Когда же великое множество приверженцев самоедцев к Ваули кинулись к отнятию, тогда началась по команде драка, и он со многим утащен к исправнику, где и связан; он же Ямпи драки не делал и приверженцем к Ваули не был.

Старшина Хайда Пиеттомин, бывший старшиной, после того выбран был Ваули Пиеттомин, — кочуя с своим чумом в разных местах только не близь Ваули, назад тому дней 10 присоединился он к ватаге Ваули своим чумом, шел к Обдорску с ним, уговаривая его итти в Обдорск к положению ясака. И не доходя с тем до Обдорска, примерно верст с двести, никаких он тогда грабежей при нем не делал, а по приближении их к Обдорску приехал к Ваули березовский мещанин Николай Нечаевский, обходясь с ним дружески, и звал его к себе в гости. И он, Ваули, ему обещался приехать. После того, еще ближе подошедши к Обдорску, послал он, Ваули, самоедина за князем, который и приезжал к нему с подобострастием, кланялся ему и целовал у него руки и уважая его за мудрость шаманства, а по величайшей толпе у него народа он сказывался, что произвели его великим человеком, [он] приказывал князю не собирать до его ясак, пока не придет он в Обдорск, с чем князь и воротился. На другой же день со многим количеством народа Ваули поехал в Обдорск, остановился близь хлебных магазейнов. И по его зову приехал тут князь, и он, Ваули, на него кричал с огорчением, почему он ранее его не встретил, и назначил ему смену, определил на место его быть князем остяка Яшу Мурзина, а если он не уступит княжеское свое звание другому, то хотел воротиться назад, и князь, уступая свое звание, между тем со старшинами обещал ему оленей, согласился он, Ваули, ехать в юрту князя, где требовал у старшин по 300 и по 500 оленей и песцов с тем, чтоб привели сами к нему, где он будет находиться, а у князя требовал муки, которые и обещали. Когда же пришел в юрту заседатель звать его к исправнику в гости, то он, Ваули, не отдавал ему чести никакой, промолчал сидя, а вслед за сим прибыл с русскими исправник и он соскочил с робостью с места своего и, по выводе его исправником из юрты, началась по противности его итти к исправнику, равно и приступу приверженных к Ваули самоедцев, драка и посажен он Хайда под караул и дрался ли, то по случаю данной чем-то по голове ему раны, не помнит, грабежей с Ваули не делал и приверженцем ему не был.

Самоедин Ервы-Лый, ватаги старшины Язвая, у коего и ныне находится самоедин Слев: по приближении его к Обдорску остановился он чумом, откуда на легких санках поехал в Обдорск. По въезде в оный остановился у избы князя и, сидевши на санках, смотрел на находящуюся тут толпу самоедцев ватаги Ваулиной, в то время и выходе Ваули сделалась драка и сражение, по случаю отнимания самоедцами Ваули у русских, и при поимке русскими самоедцев был схвачен и он ответчик, связан и отведен под караул; драки же он никакой не производил, и кто дрался с русскими, он не заприметил, ножик имел на поясу, который вынут кем, или самим потерян, не знает.

Самоедин Сипта Ломбанида: низовой стороны старшины бывшего [illegible] и потом находился у Ваули, приехавши в Обдорск из своего чума для покупки себе хлеба и подъехав к юрте князя, сидевши на [illegible], смотрел на находящуюся тут толпу самоедцев Ваулиной ватаги, [illegible] шедши в юрту князя, но вдруг взбунтовались все самоедцы [illegible] Ваули от русских, и при поимке русскими самоедцев [illegible] Ломбанида схвачен и отведен под стражу, драки же [illegible] какой не производил, и кто дрался из самоедцев не заметил.

Самоедин Готта Выныад: шедши с матерью и братом своим в Обдорск для положения ясака, остановился своим чумом вблизи чумов ватаги Ваулиной, куда приехавши к ним Ваули на легких санках, приостановясь, увидя его Выныада, говорил, почему он не явился к нему, и кулаком ударил по зубам, сшиб тем зубы из места, почему он чувствует и впоследствии в них боль, и звал Ваули его к себе в ватагу, он на сие не согласился. И приехавши в Обдорск для положения ясака, но по случаю нахождения старшины своего у князя в избе, едва только успел он войти в избу к князю, вдруг случилось сражение чрез отнятие самоедцами у русских Ваули, но он нимало не дравшись, тоже был взят под стражу, с Ваулей он никакого сообщения не имел.

[illegible]

Старшина Каменной стороны Мегали Низя: прошлого 1839 и 1840 г. приезжал к оленному своему стаду самоедин Хонзали Санин с пятью человеками, отогнал от его стада 400 оленей к себе, о чем он Низя объявил тогда князю.

Самоедский старшина Селипта Пуйков: прошлого 1840 года, весной самоедин Хонзали Санин с 8 человеками приезжал к стаду его, отогнал насильно 80 оленей, о чем он тогда объявил князю, но найти его после того не могли.

Старшина Каменной стороны Халида Посадин: прошлого 1840 года приезжал самоедин Ваули Пиеттомин со своей ватагой до 50 человек к нему к чуму, и приказал своей ватаге отогнать у него из стада к себе 102 оленя и у брата его Ханзюры Паседина 220 оленей, которых, отогнавши, угнали невозвратно, о чем он объявлял князю.

Самоедин Ханзюра Паседин показал согласно с братом своим Пасединым.

Самоедский старшина Каменной стороны роду Вануты Майха Хыкин: в прошлом 1840 году весной, приехавши к нему самоедин Хонзали Санин, с братом и тремя самоедцами ватаги Ваулиной, ограбил у него ящик с бумагами, принадлежащими старшине, и обратно не [illegible].

Самоедский старшина роду Ванюты Мензеда Музин: в 1839 и 1840 годах в зимнее время, приезжавши к нему к чуму самоедцы Ваули Пиеттомин и Хонзали Санин, отогнали у него насильно из стада 100 оленей, о чем он объявлял тогда князю.

Ясашный остяк Ендыревых юрт Огам Юркин: действительно в 1840 году в феврале месяце был он со своим скотом и чумом для промысла зверя в тундре: приехавши к нему в чуму самоедин Салю Лазарема с тремя своими сыновьями и пятью самоедцами, поймали у него из стада 3 оленя, выпули из нарты 3 пуда муки, 7 сажень [illegible] оленьи, 2 фунта табаку и 2 ф. пороху, всего примерно на [illegible]: хотя он и усиливался в недаче онаго, но они увезли [illegible], о чем он объявлял князю.

[illegible] остяк Вайтважских юрт Езек Томачев: прошлого 1840 г. [illegible] в тундре с своим чумом и скотом для промыслу; при[illegible]

[illegible] людьми его ватаги, отогнали у него из стада 30 оленей и угнали к себе, после того дней с пять прислали к нему 10 человек самоедов его же Ваули ватаги и насильно тоже отогнали 20 оленей; хотя [illegible] отдавал, но они угнали и говорили ему, что по приказанию Ваули они приезжали, о чем он тогда же объявлял князю.

Нижеписанные люди в присутствии Березовского земского суда спрашиваны и показали:

[illegible] грабеж у инородцев оленного скота и [illegible] в Сургутское отделение по волости [illegible] кого, занимался неводьбою из одного [illegible] старшиною своим с места поселения по невежеству, боявшись, чтоб их не отослали далее, при побеге украл съестных припасов, лодку, лук со стрелами, нож и топор у неизвестного ему русского, прибыл к своему семейству. В пути же смертоубийства и насилия не чинил. По прибытии его на место, присоединились к нему, как [illegible] старшине, многие самоедцы, и впоследствии [illegible] сицы его усилились, и он начал производить грабежи, [illegible] старшиною. В положении ясака делал преграду посредством остяка Япты Мурзина, который просил Ваули о производстве в князья. За сим Пиеттомин в прочих частях показал согласно князю Тайшину, присовокупил, что главным сообщником его был [illegible] Тогомпала, а прочие были под его распоряжением и властию, а [illegible] брата его Тогомпады, Хазума Паулин; захвачен со стороны [illegible] к нему положить ясак.

Самоедин Менчеда [illegible] Хонзала) Санин: ясаку от роду своего не [illegible], бродяжа по низовым местам для пропитания [illegible] кражи оленей из стад неизвестных [illegible] Ваули Пиеттомину присоединился назад тому другой год на тундре, тогда, как он пришел из Сургута, сказав, что с поселения отпущен; более он пристал к нему Ваули потому, что он обещался за его класть ясак, и что он сделал покражу 60 оленей [illegible] старшины Манли; находясь у Ваули, делал он с прочими приверженцами грабеж у разных людей, которых он не знает, [число] ограбленного количества оленей простиралось до 200, другого ничего не грабили, смертоубийства не производили. Запрещал ли Ваули класть ясак, не знает. Слышал от него, что он князя сменил, а о смене старшин не слышал; орудия он, кроме оленнаго шеста с витиею или копьем и ножа, не имел, а у прочих находилось. Князь был у Ваули со старшинами, кланялись и целовали руки и у князя просил муки и оленей, который при сем и был сменен. Приверженцев Ваули было до 150 человек, впоследствии приверженцев к нему более увеличилось по причине, что он большой старшина и уважаем чрез опасность по ворожбе его, и все приказания его были выполняемы. С каким намерением Ваули приехал к Обдорску он не знает, где с прочими, при защищении Ваули, был схвачен.

Самоедин Хазаули Палумин: был при Вауле со своим чумом, в грабеже с ним не участвовал, но приказанию его с [illegible] Обдорску, но, в каком количестве их [illegible], не знает. Хотел ли он, Ваули, класть ясак и какое он имел [illegible] по прибытии к Обдорску, он не знает, где с прочими был схвачен.

Тогомпала Пиеттомин: Ваули по прибытии [illegible] 20 прежних своих оленей, с которым воровали и отгоняли вместе, но у кого не знает, многое количество оленей для прокормления семейства и ватаги 100 человек; остается до ста оленей [illegible] ставшихся в чуму нераздельно. Прочие же обстоятельства показаний

его сходны с ответами мещанина Нечаевского и князя Тайшина. Притом Тогомпада объяснил, что стрелы и лук, найденные в его санках, имелись у него с самой осени, оленной шест с острым копьем имел для зверей, у юрты же князя при поимке защищался ножем; кроме висевшего на поясу и вынутого русскими, имел внизу под малицей на случай потери одного, более же ничего не знает, убийств, кроме битья, не делал.

Салю Лазарем: по родству жены своей с Ваули Пиеттоминым присоединился к его ватаге, воровали и грабили оленей у разных инородцев, потом вознамерились приблизиться к Обдорску для набрания у проезжающих ясака и оленей, присоединения к себе вместе с ними и людей, количество коих он не знает. В это время князь со старшинами и множество самоедцев прибыли к Ваули, и с подобострастием обещали дать ему оленей в скором времени. Но хотел ли взять Ваули из магазейнов казенной муки до 500 пуд, он не слыхал; отнимал Ваули от взятия под стражу и защищался от русских, по приказанию его Ваули, имеемой при себе нож потерял при драке; что же касается до переговоров каких-либо с князем и сражения, то об этом более знает сын, находившийся телохранителем, а ему ничего неизвестно.

В отобранной сказке 19 числа генваря 1841 года самоедские Низовой и Каменный сторон старшины и прочие самоедцы и остяки объяснили, что в отобранных от них показаниях обличают самоедцев Ваули Пиеттомина, Хонзали Санина, Тогомпаду Топкина, Салю Лазеруми и Ханзали Палумина в чинимых ими грабежах и отгонении у них оленей, но не имеют посторонних о том свидетелей, ибо они всегда бродяжили по тундре с чумами со своим скотом, на разных местах, каждый со своим семейством порознь, а в подкрепление их показании сим утверждают, что всегда они вышеозначенных самоедцев видели в грабеже, в чем они ссылаются и на посторонних инородцев, которые и подтвердили.

Повальным обыском старшины Неба Яуров с товарищами поведение Ваули Пиеттомина, Хонзали Санина, Тогомпаду Топкина, Салю Лазеруми каждый порознь, по приводе к жертве, не одобряет, так как они всегда занимались грабежами и воровствами, у которых и находили неоднократно оленьи шкуры своих пятен с украденных своих оленей, что подтвердил и князь Тайшин, просят тех бунтовщиков из ссылки к ним не обращать, как вредных и неблагонадежных людей, а Хазама Паулина, если благоугодно будет начальству обратить, примут в свое общество.

Березовский 3 гильдии купец Андрей Трофимов пояснил: по случаю возмущения инородцев Пиеттоминым, по деланным им грабежам с присовокупленной к себе ватаги, г. земским исправником, квартировавшим в его доме, князцем со старшинами остятскими и самоедскими составлен был совет, при котором он Трофимов был толмачем. По всем убеждениям инородцы не соглашались поймать Пиеттомина, опасаясь, по суеверию своему, его шаманства и колдовства, и решили во всем ему повиноваться. Но как известно сделалось через мещанина Нечаевского, что Ваули приближается к Обдорску с вооруженною шайкою, состоящею почти из 300 человек, решился он, Трофимов, секретно, с согласия исправника, по малости в Обдорске казаков и по неимению надлежащего вооружения, присогласить русских, приехавших на ярмарку, и жителей Обдорска, также отставных казаков и уволенных в отпуск начальством, которые и были по возможности вооружены. По прибытии Ваули в Обдорск и по выходе его с исправником из занимаемой им избы, он был схвачен и обезоружен. приверженцы же Ваули кинулись для отнятия его, в это время началось с обеих сторон

сражение, а он, Ваули, по повелению исправника, унесен на руках в квартиру, куда также приведены и другие бунтовщики, из коих [illegible] главных и сам Ваули в то ж время были отправлены в город [illegible]. А на третий день на том месте, где происходило сражение, отслужен господу богу благодарственный молебен, и все самоедские старшины жертвовали святому Николаю чудотворцу, особенно ими почитаемому, звериными шкурами на триста рублей ассигнациями. [illegible] купец Степан Плехановъ; мещане: Дмитрий Шапошников, [illegible]вский, Дмитрий Булыгин, Ми[illegible] Панаев, Николай и Илья Сергеевы, тобольский мещанин Алек[illegible] Мамеев, отставной коллежский регистратор Николай Никитин и сам он Трофимов со своими рабочими 10 человеками.

Февраля 4 дня 1841 года, в присутствии Березовского окружного [illegible] самоеды: Менчела Санин, Хонзали Палумин, Тогомпада Топ[illegible] [illegible] подтвердительными опросами утвердили свои показания без пер[illegible].

На данные комиссиею 20 февраля вопросы нижеследующие самоедцы ответствовали:

Ваули Пиеттомин, что в грабеже участвовал брат его Тогомпада, а [illegible] Пенокапа дво[illegible] брат его, сам он и [illegible] Потума, [illegible] ный Таргмдера, Хыму Пенки, прочих же товарищей имен не припомню.

Самоедец Тогомпада Топкин: что Ваули Пиеттомин не родной брат ему, но двоюродный, участвовал с ним в 1839 г. в грабежах, и по ссылке Ваули в Сургутский край, он пропитывал его семейство, не зная о настоящем его местонахождении, там же вместе с Ваули был послан и товарищ его Мыгри Ходин. По прибытии, Ваули сказывал ему, что он бежал из Сургута, а не возвращен правительством, товарищ же его Мыгри [illegible] близь Обдорска, который впоследствии присоединился к ним с 10 [illegible]. Соединясь с ними, продолжали грабить успешно, [illegible] ему хитрость брата, который, будучи за два года до переселения своего старшиною, имел много приверженных себе, привлекши на свою сторону еще человек до 40, и они грабили успешно, но у кого именно, не упомнить. В одном [illegible] находятся у [illegible] намерений [illegible] Мыгри Ходин. Сани [illegible] Ваули [illegible] и Полума Непянгины, других же не упомнит. Орудия их составляло у всех вообще лук со стрелами, шест с копьем, коим погоняют оленей, а у некоторых имелись ружья для звериной охоты, порох и пули, но оружие это не употреблялось в действие; и по многолюдству их шайки они успевали в грабежах без всякого сопротивления. Во все продолжение времени Ваули называл себя в народе великим старшиною этой страны и повелителем, но называл ли себя царем, он не слыхал. О производимых же ими кражах и грабежах знали все старшины тех улусов через кои они проходили, но не имели в оных с ними участия, если же они и не доводили о действиях их до сведения начальству, то потому, что удерживались страхом, боясь мщения от Ваули. Главный же старшина обдорский князь Тайшин, как [illegible] действиях с самого начала, то есть с зимы [illegible] года. [illegible] ненных братом его, знает только двух Седоми Непянгин[illegible] Непянгина, на место первого определил [illegible] другого родственника Подаги, имя его не припомнит, Садома сменил Ваули за то, что убил грудного ребенка у родственника Ваули само-

един Топуры Ненянгина, по новопроизве[illegible] в грабежах их не учас[illegible]. Ваули действительно посыл[illegible] Обдорск два раза самоедов, в первый Хонзали Палумина, а во второй Недоми Ад[illegible]рова, для узнания, что там делается и для вызова к себе князя Т[illegible]шина. Далее обстоятельства показания Тогомпады Топкина согла[illegible] с ответами князя Тайшина с присовокуплением, что он не знает, [illegible] намеревался освободить Ваули и кто бросился на исправника с н[illegible], также, где находится Мыгри Ходин и прочие их сообщники, но н[illegible] знает, а полагает, что он с оставшей незначительной шайкой откочевал далеко в низовые места к Туруханской стороне на реку Таз.

Менчела Лазероду, по прозванию Сании, в 1839 году в сообществе самоедцев Ваули Ненттомина и Мыгри Ходина он не находился, да у него самого было ими ограблено несколько оленей и звериных шкур, и о намерении побегу Ваули и Мыгри из Сургута он не знал, и Ваули по прибытии в свой аул объявил, что он возвращен царем и сделан большим старшиною и, соединясь с братом своим Тогомпадою и самоедом Мыгри, производили грабеж, наконец, и он по убеждению присоединился к ним с братом Подором, дядьми Солымом и Моямом и общество по времени увеличилось до 200 человек. Главной же причиной соединению с Ваули была та, что был прежде их старшиною, и из страха к его ворожбе и шаманству. Во время нападения самоедов случались и драки и из числа оных однажды едва были спасены от убийства Ваули два человека: 1 — старшина Лабы во время защищения грабежа своей собственности и 2 — самоедин Пура Сэп. за несогласие его для вступления в шайку Ваули. Подобно сему он слышал, что старшина Садоми сделал два преступления, первое у самоедина Надыра Топазарчаева зарезал грудного младенца из мщения, что мать этого дитяти не вышла за него в замужество, второе от побоев его жена остяка Хочь Морика выкинула ребенка, за препятствование к отдаче чего-то требуемого им. Других же случаев смертоубийства он не знает и не слыхал. Вооружение их состояло из стрел, ружей, ножей и шестов, с приделанными к нижним концам копьями. Сначала, как сказано выше, Ваули называл себя большим старшиною, но по причине успехов в грабеже и сильного влияния его на умы инородцев, говорил, что он повелитель Обдорской страны, не подчинен земскому начальству и что князь Тайшин со всеми старшинами [illegible] стоит под его властью и наконец назвался царем той страны, что слышали и многие из его шайки, даже и посланный от князя Тайшина остяк Япта Мурзин, а о прочих его намерениях не знает. Прочие показания его сходны с таковыми остяка Тогомпада Топкина, с добавлением, что самоедин Хонзали Палумин в грабежах с ними не участвовал, был нечаянно встречен их шайкою на кочевье с своим чумом и был посылаем Ваули в Обдорск к мещанину Печаевскому для приглашения его по торговым делам; но как он Палумин впоследствии времени был схвачен вместе с ними не знает.

Сани Ванютин, по старости лет и нездоровью, он никакого участия в кражах и грабежах о Ваули не имел, и потому самому лично удостоверить о действиях его с шайкою, по небытию при оной, не может, а по наслышке им от сыновей своих, находившихся при Ваули, он показал те обстоятельства, какие видны из вышеотобранных ответов. При сем он Ванютин присовокупил, что видел Ваули уже в то время, как он приближался к Обдорску, близ чумов Япти Мурзина, где князь Тайшин целовал у него руки и обещал заплатить требуемую дань, и во время пути к Обдорску Ваули объявил, что он намерен ограбить казенные магазины с мукой и все, что найдет там по случаю ярмарки, у князя же хотел отбить весь скот и, в случае сопротивления, лишить [illegible] жизни. По прибытии в Обдорск он остановился у князя, куда

[illegible]ибыл и Ваули. на зов же его заседателем к исправнику он не со[illegible]ился. и сей последний по прибытии в юрту вывел из оной Ваули [illegible] руку. прочие же сообщники его оробев, обратились в бегство, он же [illegible] хотя по старости лет не мог за ними следовать, скрылся вблизь [illegible]ящемся сене, где он схвачен и отведен к исправнику. [illegible]

Хопзали Палумин причины к оправданию своему относительно [illegible]аствования в грабежах с Ваули он выводит те самые, какие видны [в] показании Менчеды Лазероду. При том дополнил, что в 25 верстах [о]т Обдорска видел он князя Тайшина, но какие были причины его [п]риезда туда и какой имели разговор с Ваулей, не знает, слышал только, что сей последний ругал князя и хотел бить оленьим рогом, [н]о был от сего удержан мещанином Нечаевским, и князь просил у него [illegible] прощения и целовал руки. Палумин о задержании Пиеттомина пояснил, как и прочие ответчики, наконец и сам с другими был [с]хвачен и отведен к исправнику.

[illegible] отдельный заседатель на предписании следственной ко[мис]сии от 14 февраля 1841 года донес о исполнении указа Березов[ско]го земского суда от 9-го октября 1839 г. за № 1188, о розыскании самоедцов Ваули Пиеттомина и Мадари Ходина, о поимке их даны [illegible]ам приказы, но, по случаю нахождения их в отдаленных [illegible] возможно.

Следственная комиссия журналами, состоявшимися 1 и 2 числа марта, постановила: по невниманию [illegible] к законным требованиям комиссии и за оказанное к ней явное неуважение не относиться более к нему ни за какими требованиями.

3 марта о внушении заседателю Соколову, что мнение его на счет [д]ействий комиссии неосновательно.

И 4 марта об отзыве заседателя Соколова, касательно представления ему ответов в комиссию на данные вопросы.

На заданные комиссией вопросы нижеписанные люди ответствовали:

Мещанин Николай Нечаевский: самоедец Ваули Пиеттомин по торговым делам был знаком покойному [illegible] его и слышал, что Ваули из ссылки бежа[л] и производил грабежи, [а] в 1840 году, бывший по торговым делам за 300 верст от Обдорска, [о]н встретился с Ваули и сообщниками его, в это время им у него Нечаевского [illegible] было отобрано на [illegible] руб., а у [illegible] до 50 оленей. по возвращении он донес об этом заседателю Соколову. За сим [сдел]алось известно во время ярмарки, что Ваули с усилившейся и во[ору]женною шайкою направляет путь к Обдорску, но какие были приняты меры по таковым слухам заседателем Соколовым ему неизвестно. жители же Обдорска и приехавшие торговцы на случай напад[ения] по возможности вооружились, а вскоре прибыв туда, березовск[ий] [зем]ский исправник, сделал нужные распоряжения, потом пригласил его Нечаевского съездить к Ваули, узнать его намерения, число людей и вооружение и пригласить к себе в Обдорск, где будет удобнее его захватить. В это время прибыл от Ваули для приглашения Нечаевского самоедец Хопзали Палумин, о чем он известил г. исправника, отпр[а]вился в место назначения. Подробности пребывания мещанина Нечаевского у Ваули Пиеттомина известны из прежде отобранного его показания. Наконец по совещании со своими старшинами и по убеждению Нечаевского отправились к Обдорску с тем, чтоб князь со старшинами встретил его по приезде к оному. Во время пути Тайшин от[illegible] [об]ещения свои в отношении к Ваули и обещался выполнить его требования, хотя и говорил Нечаевский, что Ваули по приезде в Обдор[ск] будет задержан, но сим не убедился и даже советовал и ему не доно-

сить о том, что видел и слышал. По приезде в Обдорск Нечаевский объявил г. исправнику об всем выполненном. В 14 число генваря в 10 часов утра появился близь Обдорска Ваули с передовою частию своей шайки, а за ним тянулось множество нарт с инородцами, числом до 200 человек, и часа чрез два или три соединился с ними князь Тайшин и пробыл не менее двух часов. Ваули по прибытии в Обдорск остановился у юрты князя, с некоторыми из своих вошел в оную, а другие остались у нарт, а остальная шайка остановилась у хлебных магазинов. Что же происходило в юрте князя, ему неизвестно, но по входе в оную г. исправника Ваули был схвачен, и в то время Нечаевский показал участников Ваули, которые были с ним в юрте Мурзина, кто же его старался освободить и кто замахивался на исправника ножом, он, Нечаевский, в толпе заметить не мог.

Иерей обдорской Петропавловской церкви Александр Попов, — идя с квартиры своей в дом дьячка Карпова, видел он, что Пиеттомин остановился с шайкою своею у юрты князя, но число сообщников его не знает, также были ли они вооружены. Потом прибыл в юрту князя и сам исправник, а некоторые из казаков и жителей начали отбирать от самоедцов шесты с копьями. По выведении исправником Ваули из юрты, хотя приверженцы его бросились к отнятию, но в том были удержаны казаками и жителями, а он, Ваули, с товарищами утащен в квартиру исправника. Заседатель же Соколов в действии этом не принимал никакого участия и был, кажется, нетрезв. Многие из инородцев остались довольными начальством и жителями за избавление от камления Ваули, и пожертвовали церкви звериными и оленьими шкурами до 300 рублей ассигнациями.

Урядник Филипп Федоров Шахов: о грабежах Ваули Пиеттомина начали доходить до Обдорска весною 1840 года слухи через инородцев, приезжающих для своей надобности, о чем знали князь Тайшин и заседатель Соколов, хотя сему последнему и жаловались за грабеж на Ваули остяк Япта Мурзин, старшина Лабе Оленин и прочие, но не получили от него никакого удовлетворения, и он даже не принял никаких мер к безопасности и к поимке Ваули, а почему они ожидали приезда г. исправника, который прибыл в Обдорск 1-го генваря и узнал от упомянутых людей о намерениях Ваули, распорядился, чтоб Тайшин через родственника своего Япту Мурзина старался заманить Ваули в Обдорск, дабы иметь возможность его поймать, также употребил к этому мещанина Нечаевского, который успел в этом, обратясь в Обдорск через два дня вместе с князем Тайшиным, т. е. 13 генваря. Это известно ему, Шахову, потому, что он в продолжении этого времени находился при г. исправнике. Ваули на другой [день] с шайкою прибыл в Обдорск и остановился у магазинов, и один из этой шайки ездил за князем, который при приезде к ним пробыл около трех часов. Перед вечером уже большая часть шайки поехала в Обдорск, за нартой Ваули ехал князь, у юрты которого все остановились. С Ваули сняли верхнюю одежду, и Мурзин, взяв его под руку, ввел в юрту, у нарт же осталось несколько человек. А по распоряжению исправника везде были расставлены служилые, которые по условленному знаку готовы были к поимке Ваули с сообщниками. При сем заметил Шахов, что в нартах приехавших инородцев были луки со стрелами, в некоторых винтовки и при каждой шесты с копьями, а у самого Ваули лежали в юртах винтовки и меч. Г. исправник посылал сперва звать к себе Ваули казака Канаулина, потом мещанина Андреева, вместе с заседателем Соколовым, который был в нетрезвом виде, наконец и сам пошел в юрту, с ним вошел и Шахов с другими казаками. Исправник, взяв Ваули за руку, сказал: «Здорово Ваули, пойдем ко мне в гости!» Внезапный приход исправника привел в ро-

[illegible] Ваули, и он [illegible] из юрты без сопротивления. [illegible] [illegible], [illegible], вдруг из юрты [illegible] для себя выход, а между тем подоспели торговцы и казаки, обезоружили их и, по [illegible] [illegible], [illegible] из них [illegible]. Шахов же выскочил в окно и увидел, что Ваули, вырвавшись из рук исправника, бросился к своим нартам, но был схвачен и унесен в квартиру исправника, равно и другие из его сообщников, схваченные в ту же минуту. [illegible] из числа намеревавшихся отнять Ваули бросился с ножем на исправника, но Шахов в это время ударом обнаженной своей сабли вышиб нож из руки того неизвестного, и он успел скрыться. Прочие же сообщники Ваули скрылись, ибо по малочисленности народа не было средств к поимке. Заседатель же Соколов, будучи пьян, не оказал никакого при этом случае содействия, стоя за юртою князя, кричал непонятные речи. Но имели ли участие в преступных замыслах Ваули князь Тайшин и другие старшины ему неизвестно. По взятии Ваули незаметно было между инородцами никакого на русских ожесточения и злобы, но только они страшились силы его шайки, колдовства его и мщения, в случае вторичного побега, но, когда узнали, что он увезен в Березов и лишен средств к побегу, тогда всеобщая радость заступила место их спасения, в ознаменовании коей пожертвовали они добровно церкви на 300 р. ассигнациями и разными звериными шкурами.

Единственная причина привлечения к Ваули была надежда на богатую добычу, которая по словам шла в общий раздел, а другие инородцы присоединились к нему, боясь мщения и [illegible] его, но никогда не слышны были ропоты на начальство, хотя в частности и наносимы были им притеснения заседателем Соколовым, но это не содействовало к соединению их с Пиеттоминым. Причины такого обращения заседателя Соколова не только с инородцами и с жителями Обдорска есть [illegible]дашнее пьянство, от которого приходит иногда в сумасшествие, и до приезду комиссии за три дня был пьян и в оном положении, из вытребованных по предварительному предписанию комиссии из чумов князя Тайшина и прочих старшин, он, Соколов, остяка Япту Мурзина бил [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]одки, произнося при этом, что он будьто грабитель вместе с Ваулей, несмотря на то, что Мурзина оправдывал князь Тайшин.

Урядник Иван [illegible], казаки Андрей [illegible], Николай [illegible], Игнатий Москантин, купецкий сын Михайло Чечуров, мещане [illegible] Гуличин, Мам[illegible] в [illegible] своих [illegible] [illegible] урядника Шахова показали согласно.

Князь Иван Тайшин слышал от инородцев ему подведомственных, что Ваули привлек на свою сторону людей бедных, не имеющих никакого пропитания, чрез угрозы, обманы и вымышленное колдовство. Ваули при [illegible] с Тайшиным и [illegible] народе [illegible], что он могущественнее самого царя, о смене же старшин Седома и Падиги он узнал тогда, когда был в чумах у остяка Япты Мурзина, но воспрепятствовать в том Вауле, по причине [illegible] его шайки, было невозможно, и по краткости времени не успел донести местному начальству, о всех жалобах старшин на грабежи Ваули объявил заседателю Соколову; но он не делал никакого удовлетворения, не утаил от Соколова и то, что его Тайшина намерен был Ваули ограбить, но в этом намерении не успел. Он прежде не имел никаких сведений о намерении Ваули его сменить. Япту Мурзина посылал он к Ваули два раза, будучи совершенно уверен в преданности его к пр[illegible]ству, звать в Обдорск, где удобнее его можно будет схватить. Ваули в оба раза отвечал, что он в Обдорск будет только тогда, когда Япту будет князем. Во время встречи Тайшиным Ваули [illegible] Обдорска [illegible] [illegible] начал [illegible] и хотел [illegible] [illegible] [illegible], но

от этого удержан мещанином Нечаевским, за то, что выдал его в 1839 г. в руки правительства; ему Тайшину невозможно было ... противоречить, и чтобы успеть в своем намерении заманить его в Обдорск, принужден был унизиться до того, что ... рук, соглашаясь заплатить ему дань, и даже соглашался уступить ... свое Мурзину, и он следствие своей поездки сообщил ... исправнику, а Нечаевскому не открыл пот... и чрез то не расстроил его плана. На другой день ... к Обдорску и к нему по зову явился Тайшин, уверив в своей ... ности и в исполнении всех его требований, убедил Ваули въехать в Обдорск и получил на это согласие. По приезде Ваули остано... ... юрты князя, с него снята была верхняя одежда и он под руки вв... ...ен был в одну, где и делал раскладку дани на всех старшин, начи... ... он не сделал должного уважения, даже не встал со своего места и не согласился на зов его итти к г. исправнику. Но при входе сего последнего Ваули смутился, с покорностью встал со своего места и беспрепятственно последовал за ним из юрты; Тайшин ... не мог выбраться из юрты, а потому не знает, что делалось на улице; сообщники же его должны быть на реке Ени...

Япта Мурзин в ответах своих говорил согласно с Тайшиным и ... совокупив, что он Мурзин никогда не имел намерения быть на месте князя, хотя и желал этого Ваули. Однажды он точно согласился на принятие этого титла, единственно для того, чтобы привлечь Ваули в Обдорск. Ваули не называл себя царем, а только великим старшиной, не знает, кого именно он посылал к князю и зачем, но полагает, что с намерением устращать его и взять дань, о смене же старшин услышал он только в то время, когда Ваули был близь его чумов, но кто именно был сменен и за что, не знает.

Старшины Ляу Ендырев, Небыр Тобольчин, показали согласно князю Тайшину.

Березовский окружной суд по рассмотрении ... дела мнение полагает: 1) из числа самоедцов Меньчеду Санина, ... Топкина добровольно созна... у разных инородцев на немалозначительную сумму оленей, а также и в намерении ограбить князя Тайшина и казенные запасные магазейны с мукою, хотя бы следовало на основании 120, 121, 123, 726, 727, 1030 и 1031 ст. 15 т., Зак. Угол. подвергнуть телесному наказанию кнутом и ссылке в каторжную работу, но как ими сие преступление учинено до издания ... венного манифеста, состоявшегося в 16 апреля сего 1841 года, то, применяясь к 11 пункту оного, избавя от такового телесного ..., сослать в каторжную работу, по назначению прика...; 2) Сану Лазарина (он же Ванютин) и Хозали Палумина, ... них, как при начальном вопросе земского начальника Скорнякова сознавшегося в соучастии с Ваулею Пиеттоминым по предмету чинимого воровства и грабежа, а также защищения себя во время случившейся в избе князя Тайшина драки, имевшимся при нем ножиком, и передопросе, сделанном следстве... ... том запирательства, ... телесного наказания, в силу того же всемилостивейшего манифеста III пункта сослать в Иркутскую губернию на поселение, 3) а последнего, то есть Палу...ина, не сознавшегося в воровстве и грабеже с Ваули, по оговоренного Топкиным в этому соучастии и достаточно не изобличенного по силе 109 и 1155 ст.ст. 15 тома Зак. Угол. оставить в сильном ..., и как он П...умин по сознанию его, что он от сообщни... ... от самого его пользовался, вероятно, заведомо ограбленными ..., то его Палужина сослать далее в Сибирь на поселение, 4) ...

значатся в реестре следственной комиссии инородцы [illegible], [illegible]ры, Той-Ходин, Пильту Тунби с прочими товари[illegible] 22 человеками, заключающимися также с Ваули Пиеттоминым [illegible] [illegible]у грабежа, но не известно куда скрывшиеся, огра[illegible] [illegible]. Чтобы они в поимке их употребили самые скорые и дея[illegible] [illegible]ры, так как они все поименованы тому суду в реестре приложенном при подписании комиссии от 25 февраля ст. 5) Поступок инородца Садома Ненянгина в убийстве грудного младенца у самоедина Топуры Ненянгина ж впредь до поимки его из бегов оставить без положения. 6) Князю Тайшину, старшинам Обдорского отделения за несвоевременное объявление по начальству о чинимых Пиеттоминым грабительствах, в начале появления в тот край по побеге [illegible] [illegible] был за прежние преступления, но т[illegible] уже когда грабежи еще более начали увеличиваться и покушения на [illegible] [illegible]. Угол. выдержать всех старшин в Обдорском отделении под караулом, а князю Тайшину строго подтвердить, чтоб на предбудущее [illegible] старался быть по службе деятельнее. 7) Ино[illegible] [illegible] суд и всех тех оленей, какие только опознаны будут ими у жен грабителей, в остальном же иске по 484 ст. того же 15 тома хозяевам таковых покраденных оленей отказать. 8) Прочим же инородцам того отделения в деле заключающимся, как то: Соли Яившину, Евалы Сирта, Ламболиду, Горша Вырпаду и прочих, прикосновенных к оному делу, на основании 107 и 108 ст. 15 т., оставить свободными. 9) Что же касается до бывшего обдорского заседателя Соколова, оказавшего при отобрании от него следственною комиссиею [illegible] делу сему ответов упорство и прочие противозаконные [illegible], а равно оказанные при произведениях начального след[illegible] исправника Скорнякова к прекращению грабежа и поимк[illegible] преступников, то об этом предать в благорассмотрение выс[illegible].

Губернский суд по рассмотрению обстоятельств [illegible] представленного при рапорте Березовского окружного суда от 24 июля [illegible] 9-го сентября настоящего года, заключил: по обстоятельствам этого дела учинить следующее: первое, самоеда Тогомпада Топкина Пиеттомина за ограбление [illegible] и за намерение [illegible] бывших под управлением инородца Ваули Пиеттомина шайки вооруженных, ограбить князя Тайшина и казенные запасные магазейны с мукою, хотя бы и следовало подвергнуть определенному законом публичному наказанию кнутом по благостию всемилостивейшего манифеста, состоявшегося в 16 день апреля 1841 г. 11 ст. избавя от наказания, сослать в отдаленную Сибирь в каторжную работу, по распоряжению Тобольского приказа о ссыльных, таковаго ж Менчела Самина, он же Сеши, тоже бы следовало за это самое преступление подвергнуть тому же наказанию, но за смертию его оставить без положения.

Второе, Саипала Ямо Лазаридо, он же Ванютин, Ханзали и Х[illegible] (а не Хатаумн) Палумина первого, как при первоначальном вопросе земским исправником Скарняковым, сознавшегося в том грабеже и воровстве и также в защищении себя и прочих во время случившейся в избе князя Тайшина драки, а при передопросе, сделанном следственною комиссиею, учинившего во всем том запирательство, но по следствию некоторыми в том показании и обстоятельствами обли[illegible] не давая веры отрицательству, на основании 109 ст. 15 т. Зак. Угол. оставить в сильнейшем подозрении, сослать в переселение от сообще-

ства со скрывшимися участниками, в отдаленную Сибирь на по[illegible]ление по распоряжению приказа о ссыльных, который о всех преступниках от сего суда уведомить, а последнего Па[illegible]мина, хотя не сознавшегося в грабеже и воровстве и ник[illegible] из соучастников Пиеттомина не ог[illegible]ного, но признавшегося, что он получил от [illegible]ников Ва[illegible] Пиеттомина и самого [illegible] оленей, якобы по бедности своей, как человека подозрительного и [illegible]мом участии, удалить от сообщества в друг[illegible] [illegible] по [illegible] начальства на [illegible] 58 5 пункта и [illegible] ст. 15 т. Зак. Уг[illegible].

Третье, о зна[illegible]щихся в [illegible] [illegible] комиссии [illegible] Мы-Яры, Той-Х[illegible], [illegible] [illegible] [illegible] человеках, заключа[illegible]щихся также с [illegible] [illegible] по [illegible], [illegible] их впредь до поимки [illegible], [illegible] и [illegible] [illegible] С[illegible] Пенянгина в убийство [illegible] [illegible] и [illegible] Т[illegible] [illegible] [illegible] до поимки и его.

[illegible] [illegible] Тайшину и [illegible] Об[illegible] [illegible], за убийство грудного [illegible] у [illegible] Тоидю Пенянгина ж. [illegible] несвоевременное объявл[illegible] [illegible] [illegible] о [illegible] Пиеттомина [illegible] грабежах в начале [illegible] его в [illegible] [illegible], по побеге с места св[illegible] поселения, куда он был [illegible] за [illegible] прежде сего преступлен[illegible], хотя бы и следовало наложить сор[illegible] [illegible]нимашию и беспечности их по законам строгое взыскание, но за силою [illegible]довавшего всемилостивейшего манифеста 16 апреля 1[illegible] г. от того избавить, подтвердив, чтоб они на будущее время сколь можно старались по службе быть деятельными, под опасением за противное неизбежного строго по законам наказания.

Пятое, инородцам, у коих ограблены Пиеттоминым олени, по дознании о действительной их хозяевам принадлежности, возвратить с [illegible]пиской под делом, через Березовский земский суд, в остальном же иске по силе 684 ст. 15 т. Зак. Угол. отказать, а прочих инородцев, прикосновенных к сему делу одними спросами оставить без [illegible]жения.

Шестое, об оказанном отдельным заседателем С[illegible] при отобрании у него следственною комиссиею нужных к этому делу ответов упорстве и прочих противозаконных действиях, даже пьянстве, которое удостоверяется некоторыми спрошенными разными лицами, что видно в особенности из постановления комиссии (стр. 182, 1[illegible], 1[illegible], 280), из собственных его даже Соколова от 3 и 4 марта № 172 и 1[illegible] (лист 194) рапортов, независимо от этого дела, передать при[illegible] его на постановление Тобольского губернского правления, [illegible] силою всемилостивейшего манифеста, состоявшегося 16 [illegible] с. г. IV ст.

Седьмое, употребленные по этому делу прогонные [illegible] адъютантом графом Толстым 17 р. 85 к. серебром по силе того же всемилостивейшего манифеста ст. 6 из недоимки исключить, о чем уведомить через Тобольское губернское правление Тобольскую казенную палату. Затем мнение Окружного суда, не утвержденное в некоторых частях, на основании 1103 ст. отменить, составив строгое замечание членам Окружного суда, что мнение оного, особенно заключение, изложено не только с ошибками, но и довольно в некоторых частях бесмысленно, это и все должно Губернским судом буквально прописываться в его решении и восходить в этом виде в высшую ревизию, подтвердить особенно секретарю наблюдать за исправностью, и о поступке Ваули Пиеттомина, за преданием его военному суду, оставить здесь без положения; о заковании же в кандалы самоеда Тогопаду Тонкина Пиеттомина, основании 83 ст. 14 т. предписать смотрителю Тобольского тюремного замка. [Подписи].

К истории каракалпаков XVIII в.

(Окончание)[1]

Доносение И. Неплюева в Государственную коллегию иностранных дел, 23 мая 1743 г.[2]

Прошлого 1742 года сентября от 27 числа о бывших у меня в Орску каракалпацких посланцах, которые о бытии в подданстве ея императорского величества имянем своего народа присягали, покорнейше до[illegible] и с какою инструкциею отправил к ним порутчика Гладышева, чтоб [illegible]мошней народ, от которого означенные посланцы приезжали, [illegible] ея императорскому величеству, по указу ея императорс[illegible] [illegible]личества, из Государственной коллегии иностранных дел при[illegible]у, к присяге привесть, со оной инструкции к высокому правительствующего Сената разсмотрению приложил тогда копию.

Минувшего ж апреля 24 числа означенной порутчик Гладышев в Новой Оренбург возвратился благополучно, и с ним от каракалпацкого Каип-хана и брата ево Абейдуллы салтана прислано посланцов [illegible], да 2 [illegible] той орды высвобожденные пленники: один ру[illegible]кий, а другой мещеряк. В Оренбурге приняты оные посланцы обретающимся тамо генералом-майором фон-Штокманом и имеющияся [illegible] них письма помянутых хана и салтана и знатнейшаго в их ор[illegible] [illegible]рат-Шиха (то есть их главного духовного) з детьми и старшинами, [illegible] особливое от знатного ж тамошняго старшины Девлеть-Бая [illegible] нералу-майору подали, между которыми оди[illegible] [illegible] императорского величества имя, а протчие [illegible] и при них из вышеозначенных посланцов двое, а [illegible] гырь, да Пулат есаул (о которых в присланном [illegible] [illegible]ливо упомянуто, чтоб их ко двору ея императорского [illegible] [illegible]вить), при доношении от помянутого генерал-майора, и с прибывшим с ними порутчиком Гладышевым ко мне присланы; протчие ж до [illegible]золюции от меня оставлены им при Оренбурге и содержатся в [illegible]жащем довольстве. А каков оной порутчик Гладышев, будучи в кара[illegible]паках, имел журнал, оной и вышеозначенные письма, также и учиненные от каракалпак присяги при том ево генерал-маиора доношении приобщены, ис которых писанное на имя ея императорского величества, также и учиненные присяжные листы подлинные с переводами и тем присягавшим с реестром, а с присланных на имя мое писем же переводы, а с журналу копию в Государственную коллегию иностранных дел к разсмотрению при сем моем покорнейшем доношении прилагаю. И хотя мне не невозможно было означенных посланцов с над[illegible]лежащим ответом возвратить от себя и понеже оной каракалпацкой х[illegible]н, салтаны и старшины в письмах своих к верности ея императорского величества довольно себя подтверждают, и прибывшей порутчик Гладышев доносил, что они ево приняли с радостию и содержали [illegible] себя со всяким удовольствием; из них де прибывшие посланцы [illegible] у генерал-майора фон-Штокмана, так и у меня при подаче [illegible] объявляли, что их каракалпацкой народ назад тому з 260 лет [illegible] [illegible]сийской империи отстал и называли себя природными под[illegible],

[1] См. «Красный архив» [illegible].

[2] МИД, ф. № 55, Каракалпакск[illegible] 1, 17[illegible].

нбо, как то прибывшей с ними порутчик Гладышев о них объявлял, что они изстари живали между Астрахани и Казани, а потом на Бухарскую сторону к Аральскому морю отошли в раззорение оных царств, и всех в их орде имеющихся российских пленников собрать и освободить и аманатов давать обещаются они ж, яко промышленные и торговые люди и к распространению оренбургских торгов полезны. Того ради, к пользе высочайших ея императорского величества интересов, разсудил из оных прибывших посланцов, помянутых Мамон Батыря и Пулата есаула, при доношении моем в Государственную колегию иностранных дел с вышеозначенным прибывшим с ними порутчиком Гладышевым отправить.

По понеже порутчик Гладышев объявил, что между теми прибывшими посланцами первым отправлен вышепомянутого знатного Мурат-Шиха Ходжи сын Адбулла-Ших, а по нем второй означенной Мамон-Батырь, того ради писал к реченному генерал-майору, дабы и оного Абдулл-Шиха, склоня с предписанными двумя посланцами, или вместо ево оставя означенного есаула Пулата, с ним Гладышевым отправил, в том разсуждении, что когда такого знатного человека сын под предлогом посланства здесь останется, то к содержанию оного народа в непоколебимой верности вместо аманата служить может, а другого того же Мурат-Шиха Ходжи сына, между теми ж посланцами присланного, якоже и всех оных, ежели пожелают с ответным листом, удовольствовав их на дорогу милостию ея императорского величества, определил возвратно отпустить, уведомя, что остальные посланцы ко двору ея императорского величества отправлены, и обнадежа высочайшею ея императорского величества милостию, с представлением, чтоб они, будучи ея императорского величества подданными, всевозможное и скорое старание приложили, чтоб всех находящихся у них российских пленников (коих в их орде, по показанию Гладышева в журнале, будет с три тысечи человек), собрав, во знак первой своей верности, в Россию отправили, за что пожалованы будут особливою и многою ея императорского величества милостию и с караванами своими в Оренбург без всякого б опасения ездили и с тем велел послать одного обыкновенного к таким делам обер или ундер-афицера и толмача, дав ему о всем том надлежащую инструкцию, а, будет они похотят дождаться меня, что б и сходнее, то велел удержать их до себя.

Что принадлежит до предозначенных посланцов, отправленных с листом каракалпацкого хана, и протчих ко двору ея императорского величества, то я об оных как правительствующему сенату доносил, так и Государственной коллегии доношу, что для вступления того народа в подданство ея императорского величества вновь, по моему слабейшему мнению и по надобности того народа, не соизволено ль будет оных посланцов в таком удовольствии содержать, как прежде присланные ко двору ея императорского величества от киргис-кайсацких Абулгаир и от Абул-Маметь ханов посланцы содержаны; также и сие по здешнему состоянию немало нужно, чтоб оные посланцы, как возможно скоряя, в отечество свое отпущены были, и весь тот народ от ея императорского величества всемилостивейшею грамотою обнадежить, что оной под протекцию и в число подданных ея императорского величества принят и в высочайшей ея императорского величества милости по их службам и верности содержан быть имеет, а при том объявить и сие, чтоб они, в заслужение той оказанной к ним ея императорского величества высочайшей милости, первую свою службу показали и имеющихся у них в полону российских людей, какого б звания и веры ни были, собрав, возвратили, а в протчих делах и о удовольствии их жалованьем ея императорского величества, когда верность

свою и службу отдачею тех пленных засвидетельствуют, сослаться на меня, снабдя указом ея императорского величества, каким образом долженствую я с ними поступить, когда означенная отдача действительно от них воспоследует; что же они упоминают о разбитом яицкими казаками короване их, на то, по справке в Государственной военной коллегии, можно ответ учинить, ибо оные казаки, разбивши тот караван, обо всем том деле доносили во оную коллегию и объявленного в приложенном при сем Девлеть-Бая Батыря письме, бывшего в том караване старшину, а его Девлеть-Баева дядю родного, во оную коллегию отвезли, — мне слабейше мнится, со оными посланцами и с грамотою, когда оная всемилостивейше будет определена, отправить предупомянутого порутчика Гладышева (о коем в присланных письмах прошено) или другаго афицера, чтоб он, будучи тамо, на обращении того народа смотрел, и их в совершенной и непоколебимой верности пребывать утвердил, особливо же затем, дабы зюнгорской владелец и сей новоподданной ея императорского величества народ, подобно, как и киргис-кайсаков, от верности не поколебал, ибо в журнале Гладышева показано, что смежной с сими подданными каракалпацкой верхней народ в подданство свое привлек, и Салтан Мурат хан того народа оному владельцу сына своего в аманаты отдал и старается де он Салтан Мурат, чтоб и сих нижних каракалпак, ея императорского величества подданных, в подданство того ж владельца привлечь; при том же посланием и в отискании пленных и в отправлении их в Россию лучшей успех воспоследовать может.

Хотя указом ея императорского величества, присланным ко мне из Государственной коллегии иностранных дел от 22 числа июля прошлого 1742 году, и повелено о киргис-кайсацких обращениях доносить куда по указом надлежит, а во оную коллегию о том, яко до оной не принадлежащем, не писать, но как по прежним, так и особливо присланным ко мне ныне из правительствующего сената от 4 числа прошедшего марта ея ж императорского величества указом, на доношении мои по таковым же делам состоявшиеся о всем том, что до помянутых киргис-кайсацких дел касается, наиболее подтверждено, как в правительствующий сенат, так и в Государственную коллегию иностранных дел доносить, и со учиненной мною протокольной записки, что в прошлом 1742 году при свидании моем с киргис-кайсацким ханом, салтанами и старшинами происходило, из оного правительствующего сената в ту коллегию копия сообщена и потребным наставлением снабдить [illegible] следуя, должным себя нахожу оной Государственной коллегии и сие донести, что от Абулгаир-хана киргис-кайсацкой Меньшой орды с предупомянутым порутчиком Гладышевым три письма получил, в том числе одно на высочайшее ея императорского величества имя, которое и с его ханских писем, на мое имя писанных, переводы и копии з двух доношений и з журнала, обретающегося при нем хане прапорщика Муравина, о киргис-кайсацких обращениях при сем же моем покорнейшем доношении прилагаю, что також де и в правительствующий сенат при доношении сообщил.

Государственная коллегия иностранных дел из оных писем, также и из доношений, особливо же из журнала помянутого прапорщика, довольно усмотреть изволит, в каком неудовольствии бывает оной хан за то, что по его воли обретающейся ныне во образ аманата сын его Куз-Ахметь другим его сыном Чингизом малолетным и не от прямой жены рожденным не переменен и за то, хотя я при свидании со мною чинил ему довольное почтение и угощение и милостию ея императорского величества против прежних годов не меньше награжден [1] однако

[1] Так в подлиннике.

изъявляет затейно многое неудовольствие, яко де и-о поручике Гладышеве, вопреки каракалпацских писем, объявляет, и я по моей всеподданнейшей рабской должности еще от 27 сентября 1740 при изъяснении ево ханского и киргис-кайсацкого народного состояния Государственной коллегии иностранных дел и покорнейше доносил, что к воздержанию не только оного хана, но и всего подвластного ему народа, от всех быть от него могущих своевольностей по его коварствам другого так надежного способа нет, как содержание в аманатах детей ево, ныне имеющемуся единоутробных, ибо ежели вместо оного принять помянутого незаконного, то по всем усмотрениям не только старшие и законные ево дети, а именно Нурали и Эрали и предупомянутой Куз-Ахметь, которые у народа в немалом почтении и силе и при первых двух улусов более нежель при самом их отце находятся, ничем уже обязаны не будут, ибо к тому Чингизу натуральной братерской любви не имеют, но и сам оной хан чрез него в таком обязательстве, как ныне, не будет.

Еще ж известии были, что он хан и требует сего в тот токмо вид, чтоб Куз-Ахметь салтана выманить и к своевольностям своим всякую свободу иметь, того ради, по силе присланного ко мне ея императорского величества указа из правительствующего сената от 4 марта сего 1743 и по указом, данным преждебывшим здесь командиром, которыми имянно повелено, чтоб такие перемены чинить детми ево с первыми единоутробными, то-есть от прямой ево ханши рожденными, на вышеписанные от него хана письма в ответ ныне ему сообщу, что при дворе ея императорского величества ни о какой другой ево ханше неизвестно, как токмо о той, от которой бывшие у двора ея императорского величества дети ево Эрали и Куз-Ахметь салтаны рождены, и одна она в особливой консидерации содержится, как то и указом блаженные памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, данным покойному генералу-лейтенанту князю Урусову повелено, что ежели она ко двору ея императорского величества пожелает, то ее и с сыном отправить, и затем объявлю, что в разсуждении оных обстоятельств и ево чести присланным ко мне ея императорского величества указом повелено, чтоб означенного Куз-Ахметь салтана переменить другим родным ево братом от настоящей ево ханши рожденным; буде же он похочет, чтоб и упомянутого Чингиза для обучения принять, (как то он и просил), то и оное исполнено быть может, а в службе ея императорское величество соизволяет тех токмо детей иметь, которые от настоящей ево ханши рождены и ево наследными быть имеют, оная ж ханша ея императорского величества в особливой консидерации и милости содержится, и другие пристойные резоны напишу, а у него сверх помянутых возрастных детей Эрали, Нурали и Куз-Ахметя еще двое меньшие есть, от той же настоящей ханши рожденные, а именно: Акчювашь да Идиль, которые у него и у ханши в немалом люблении, при том же представлю ему хану и о приезде ево к свиданию со мною в Оренбург, ибо при нынешних обстоятельствах с ним ханом и Средней орды с Абул-Маметь ханом же, и з Барак-салтаном и с отпущенным ис полону Зюнгорского (ежель то правда) Аблаем-салтаном для пользы высочайших ея императорского величества интересов и ко утверждению оных владельцев и всего киргис-кайсацкого народа в непоколебимой верности и подданстве ея императорскому величеству видеть весьма потребно, ежели они того не отрекутся.

В протчем ис тех киргис-кайсацких орд ни о каких других противностях сея весны не слышно, но все видится спокойно и генерал-майор фон-Штокман репортует, что Эрали салтан, сын Абулгаир хана, которой, по прошению ево, впущен был с улусами на сю сторону

Яика зимовать до весны, при начале оной на ту сторону Яика спокойно перешел; одна токмо противность недавно произошла близь Илецкого городка, что отделясь от улусов, воровских кайсаков, человек около дватцети, напали на бывших у рубки лесу илецких казаков и, отбив шесть лошадей и багаж, убежали, о которых ворах реченной генерал-майор ко владельцом писал, требуя сатисфакции, но посланные при отправлении того его репорта еще не возвратились; что же в том учинено будет, об оном, яко же и о прочих киргис-кайсацких состояниях, Государственной коллегии иностранных дел впредь покорнейше доносить не премину.

Иван Неплюев.

Из лагеря от устья речки Увелки.

Перевод с татарского письма, присланного от каракалпацкого нижняго народа, полученного тайным советником и кавалером Неплюевым чрез посланцов их, приехавших с поручиком Гладышевым, майя 14 числа в лагире при устье реки Уя.[1]

Всепресветлейшая, державнейшая великая государыня императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская, Вашему императорскому величеству по всеподданнической присяжной должности доносим, что мы нижней каракалпацкой народ четыре сана, то есть сорок тысячь, со всею морскою волостию в подданство пришли и присланных Дмитрея Гладышева да Мансура Делного в том не ослушались и поверили. При чем просим, дабы между нами посланцы посылались, а вопервых бы для уверения оного ж Дмитрея Гладышева да Мансура Дельнова прислать, по которому могут купцы с караванами наши к вам, а ваши к нам приезжать; мы же ныне которые вам приятели, тех к себе приятелями, а кои неприятели, тех по тому же неприятелями почитаем, и в знак нашей верности находящихся у нас российских полоненников к вам отослали, а вас просим наших посланцов немедленно возвратить.

Когда приезжал к нам мурза Тевкелев, то хотя мы и тогда вашему императорскому величеству в подданство приклонились и триста дворов ваших подданных башкирцов с ним выкупили, сверх же того триста человек купцов своих послали, которых тогда яицкие казаки убили всех, что вашему императорскому величеству небезызвестно есть, но после того как купцами, так и послами никто не ездил, а ныне с Дмитрием Гладышевым Мамона-Батыря и Пулата есаула к вашему императорскому величеству отправили. Ежели нас почтить соизволите, то просим Дмитрея Гладышева к нам с теми нашими показанными Мамон-Батырем и Пулат есаулом, не задерживая (а имянно) октября месяца, прислать. Понеже между нами в средине находятся киргис-кайсаки, хотя нас мурза Тевкелев, в бытность свою, обнадеживал, что ежели от них киргис-кайсаков каракалпаком или от каракалпаков им кайсакам чиниться будут обиды, то от всемилостивейшей государыни в защищение российское войско посылаться может, но после того киргис-кайсаки нас каракалпаков, четыре раза приезжая, разоряли, и затем вашему императорскому величеству служить не допущены. Ныне же как по высочайшей императорской своей милости к нам с повелением прислать соизволили, то мы со всем своим почтением оное исполнили, и для того просим, дабы киргис-кайсаки в непропуске ими посланцов и караванов усмирены были. Как соизволите Дмитрея Гладышева и толмача Мансура с посланными нашими посланцами без замедления возвратить, то мы и настоящего посла и три тысячи куп-

[1] МИД, ф. № 55. Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г. Заголовок подлинника.

цов и находящихся у нас российских полоненников ко двору вашего императорского величества, ежели бог соблаговолит, прислать обещались, и в том присягою утвердились, ибо, хотя мурза Тевкелев в киргис-кайсацкую орду к Абулхаир-хану приезжал со многою казною, что что киргис-кайсацких биев и протчей нечювственной их народ в подданство производил, а к нам ныне Дмитрея Гладышева без всякого награждения прислали, но мы и бес того, по повелению вашего императорского величества, 40 000 человек рабски в подданство пришли, и как выше показали, имеющихся у нас российских полоненников отдать обещались и в том присягою утвердились, а ежели с таким ям почтением наших ханов салтанов и знатных людей ко двору вашего императорского величества востребовать соизволите, то мы и к тому со всею нашей готовностью ради, ибо присягали.

Также де просим, чтобы Дмитрей Гладышев и толмач Мансур, как мурза Тевкелев, награждением были не оставлены, а более все в воли вашей императорской состоит. Мамон-Батыря, да Маман-Шиха Сагындука Батыря, Пулата есаула, Ших-Ясаула к двору вашего императорского величества при сем отправили, и в том для уверения чернильные свои печати приложили, первая Каипханова, вторая Мурат-Шиха, третья Губейдула салтана. На том письме на стороне прописано.

Переводил переводчик Ямагул Гулеев

Перевод татарского письма нижних каракалпацких ханов И. Неплюеву, апрель 1743 г.[1]

Присланной от вашего превосходительства порутчик Дмитрей Гладышев, и при нем толмач Мансур Дельной к нам прибыли, за что мы весьма обрадовались, и всемилостивейшей государыне 40 000 дворов каракалпаки пришли в подданство, в чем и присягу учинили и в той подданнической нашей должкости содержать себя имеем, а с недругом в недружестве противится должны, и кои же у нас имеются российские пленники, оных по нашей верноподданнической должности выслать в Россию должны, ежели же наших ханов и хаджеев и биев изволите содержать в милости, как и Абулхаир-хана с киргис-кайсаками, наших всех каракалпаков, то мы весьма довольны, а между нами посланцов и купцов ездить в Россию киргис-казаки не допущают, просим оных дураков унять, да при том же доносим, что после приезду к нам полковника Тевкелева, посланных от нас купцов в Россию триста человек с товарами яицкие казаки розбили, и за то более не ездили. А ныне мы с вышепоказанным, присланным от вашего превосходительства порутчиком Гладышевым, послали к вашему превосходительству, для отправления к ея императорскому величеству посланцов, наших каракалпацких Мамон-Батыря, Пулат есаула. Да еще ж вашего превосходительства просим вышепоказанного толмача Дельного с посланным от нас к вашему превосходительству каракалпаками прислать к нам обратно сего 743 года мамя в последних числех, дабы они в тех числех к нам явиться могли, а при том и мы обязуемся к вашему превосходительству паки своих посланцов прислать. А понеже вышеупомянутой полковник Тевкелев, когда приезжал в киргис-кайсацкую орду для приведения к присяге Абулхаир хана и киргис-кайсаков со многими подарками, почему де они и пришли в подданство, а к нам предреченной порутчик Гладышев приехал хотя без всего, но мы, ревнуя ея императорскому величеству, по чистой нашей совести в подданство ея императорского величества, так как верноподданным рабом подлежит, пришли, и присягою в том

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

утвердили, в чем и содержать себя должны; токмо [illegible] содержать в таковой милости, как содержатца Булхаир-хан с [illegible] кайсаками, а мы ея императорскому величеству, как верноподдан[illegible] подлежит, душевно и телесно неотменную службу продолжать гото вы, как нам всемогущий бог да подаст. А если мы или из наших каракалпаков кто тое присягу нарушит, то должны мы все пред [illegible] могущим богом ответ дать. А если не от нас та присяга нарушена будет, то уже тех будет судить бог и кто в том явится противен, то вручаем ему ж всемогущему богу. А понеже полковник Тевкелев в таковых же мерах службу свою продолжал, за что мы часм он и не оставлен, но и помянутых порутчика Гладышева и толмача Мансура Дельного, как вам известно, службы происходило немало, за что и они от вашего превосходительства оставлены быть не могут, а мы вышеписанных Гладышева с товарыщи приняли и в почтении содержали и по всем вашего превосходительства правлениям неотменно исполняли и при сем вашему превосходительству поклон посылаем. При сем же посланы от нас Абдулла-Ших, Мамон-Батырь, Ших Саншиx, Баба Назар Батырь, Маман Ших, Багундук Батырь, Пулат Есаул, Андерек Бек.

Во уверение сего на подлинном татарском письме приложены ч[illegible] пильные печати Каип-хана, Мурат-Шиха Абейдуллы Салтана, 1743 года, февраля 19 дня.

На том же письме на обороте писано тако: при сем вашего превосходительства просим прислать с помянутым толмачем наших каракалпаков: Абдула-Шиха, Шарсын-Шиха, Баб[illegible] [illegible]ар Батыря к нам обратно от вашего превосходительства.

Переводил переводчик князь Николай Максютов

Перевод с присланного из Нижней каракалпацкой орды от старш[illegible] Девлеть-Бай Батыря татарского письма, в котором по переводе значит.

Его превосходительству господину тайному советнику и ковалеру Ивану Ивановичю Неплюеву.

Присланной от вашего превосходительства порутчик Гладышев с указом ея императорского величества прибыл к нам благ[illegible], по силе ж оного ея императорского величества ука[illegible] [illegible] ского роду к ея императорскому величеству п[illegible] так как верным рабом подлежит, и с приятелем п[illegible] ски должны, а с неприятелем неприятельски посту[illegible], и, если какия ея императорского величества ко [illegible] к нам присылатца будут, по оным надлежащее [illegible] чинить не преминем. Вышереченной порутчик Гладышев с товары[illegible] у нас зимовал и ныне отправлен от нас благополучно к вашему превосходительству обратно; при сем же просим, чтоб из России и от нас купцы ездили беспрерывно, мы ж по нашей верноподданической должности ко услугам готовы.

Сие письмо по повелению Нижней каракалпацкой орды катайского роду старшины Девлеть-Бая, Батыря Манлчибей Биева сына, я, Ишнияз Ахун, писал, во уверение сего Девлеть-Бай Батырь тамгу свою приложил такову.

На том же письме писано тако.

При сем же вашего превосходительства прошу. В тот год, когда прибыл полковник Тевкелев к Абулхаир-хану посланцом ездили наши каракалпаки сто человек для купечества в нижние калмыки с великим богатством, то Яицкого городка казаки тех наших людей побили всех и товаров множество взяли, в том числе моего дядю родного, не убив, взяли жива языком Палванбая и отослали ко двору ея императорского величества и, ежели оной мой дядя жив, прошу его к нам

возвратить, а ежели ж умер, то меня уведомить, а понеже я здесь имею нужду в печати того ради вашего превосходительства прошу пожаловать, зделав, прислать ко мне Хорошинскую печать.

Переводил переводчик князь Николай Максютов.

Показания Д. Гладышева в канцелярии Оренбургской комиссии.[1]

Прибывший в Оренбург от Каракалпацкой нижней орды Оренбургского драгунского полку порутчик Дмитрий Гладышев в канцелярии Оренбургской комиссии о усмотренном им в той орде секретно объявил.

Как он из Орска из походной канцелярии в Оренбургской комиссии по инструкции в Каракалпацкую нижнюю орду прошлаго 742 года сентября 3 числа отправился, обще з бывшими в Орской крепости каракалпацкими посланцами Мамыром Уразаковым да Кошаном, чей сын запаметовал, з бывшим же в Орску киргис-кайсацким Абулхаир-ханом и при том старшинами ево и киргис-кайсаками, ехал он Гладышев от Орска за Яик, степью четыре дни (то есть сентября по 8 число), а сентября 9 числа помянутой Абулхаир-хан отдал ево Гладышева и, с реченными каракалпацкими посланники Мамыром с товарищем на руки владения своего киргис-кайсацкой орды старшине Карабаю Батырю (кой во время бытия в киргис-кайсацкой орде переводчику Тевкелеву, что ныне брегадиром, служил во всякой верности), чтоб оной Карабай Батырь проводил ево Гладышева с товарыщи до помянутых нижних каракалпаков. Токмо при том отпуску ево Гладышева упомянутой Абулхаир хан, взяв к себе в кибитку посланного с ним Гладышевым каракалпацкого посланца Мамыра с товарыщем, и нечто имели тайной разговор, но потом он Гладышев с имевшимся при нем толмачем Мансуром Дельным и с реченными каракалпацкими посланцы поехали обще с помянутым Карабаем Батырем и с имеющимися при нем киргис-кайсаками тремя человеки, с которым Карабаем Батырем ехал он Гладышев степью девять дней, а на десятой день (то-есть сентября по 18 число), приехали в кочевье помянутого Карабая Батыря на реку Эмбу, и у оного Карабая Батыря жил он Гладышев тринатцать дней и во оное житье пищею ево Гладышева и бывших при нем каракалпацких послов довольствовал оной Карабай Батырь от себя неоскудно.

2 числа октября оной Карабай дал ему Гладышеву брата своего родного Баимбетя Батыря, да племянника своего родного Басурмана (кой ныне приехал с ним Гладышевым) да родственников своих же киргис-кайсаков Мунку Бия, да и Баша, чьи дети не знает, и велел ево Гладышева и бывших при нем каракалпацких послов проводить до Каракалпацкой нижней орды, с которым ехал он Гладышев до нижних каракалпаков степью осмнатцать дней, и приехали во оные каракалпаки октября 19 числа (кои в то число имели кочевье за Сыр-Дарьею в городе Янгенте), где имеется пустая каменная палата с подмаскою ценинною, отчего он Гладышев привез маленькой обломачек кирпича и объявляет при сем. По приезде ево Гладышева в предписанные каракалпаки на другой день (то-есть октября 20 числа) призвали ево Гладышева на збор, на котором были каракалпацкой Убейдулла салтан (на коего имя грамота с ним Гладышевым подписана была), да Мурат-Ших Хозей, да Каип-хана брат Абдулла салтан и протчие каракалпацкие старшины, батыри и бии, и по призыве ево Гладышева на тот збор, посланную с ним Гладышевым грамоту и на татарском письме привилегию подал он Гладышев предписанным Убейдулле салтану и Мурат-Шиху. И оные Убейдулла салтана и Му-

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, л. № 1, 1743 г. Дата отсутствует.

рат-Ших Хозе приказали ему Гладышеву реченную грамоту и привилегии подать Каип-ханову брату Абдулле салтану, кой, распечатав тое грамоту, велел читать всем вслух бывшему при нем Гладышеве толмачю Мансуру Делькому, которой роспечатав и прочел. По прочтении вышеписанной грамоты реченные Убейдулла салтан и протчие владельцы и их старшины ничего ему Гладышеву не сказали, токмо при том говорил ему Гладышеву катайского рода старшина Девлеть Бай Батырь, что де он Гладышев ныне от них ехать хочет или нет, на что он Гладышев объявил, что вскоре ему ехать невозможно, понеже имеющияся у него Гладышева лошади весьма худы, при чем протчие каракалпацкие старшины говорили, что ныне сво Гладышева удержат у себя зимовать, а [illegible] отпустят его Гладышева, и с ним своих каракалпацких посланцов, так же и купцов. И по тому удержанию он Гладышев и с имеющимися при нем толмачем и школьником[1] жил марта по 3 число нынешнего 743 года. Во время близь помянутого города Янгента кочеванья усмотрил он Гладышев, что каракалпаки, собирают круг того города селитру и делают про себя порох, которой селитры, взяв он Гладышев тайным образом с один фунт, привез с собою и объявляет при сем. А вышеписанные посланные с ним Гладышевым от предписанного киргис-кайсака. Карабая Батыря провожатые Баимбеть Батырь с товарыщи, проводя их до реченных нижних каракалпак, благополучно возвратились в жилища свои по прежнему октября 29 числа.

27 числа октября вышеписанные каракалпацкие владельцы Убейдулла салтан и Мурат-Ших Хозей з детми своими и с подданными их старшинами конратского роду Девлет Бай Батырь с родственники ж своими, собрався в одно место, о бытии в подданстве ея императорскому величеству при нем Гладышеве присягу учинили и на посланных с ним Гладышевым на татарском письме присягах печати свои приложили (кои он Гладышев при сем объявляет в канцелярию Оренбургской комиссии) и по учинении той присяги о многолетном здравии ея императорского величества по своему закону молитву читали при означенных киргисцах Баимбете с товарыщи.

20 октября уведомился он Гладышев от многих каракалпаков, что отправленной с ним из Орска каракалпацкой посланец Мамыр Уразов, приехав в те свои каракалпаки, разгласил всему каракалпацкому народу: когда де они, будучи в степи, (то есть сентября 9) разставались с Абулхаир ханом, приказывал оной Абулхаир хан реченному каракалпацкому послу Мамыру Уразову сво Гладышева и бывших при нем всех ограбить, только живых пустить и бутто ж означенной Абулхаир хан сказывал оному посланцу Мамыру Уразову, якобы с ним Гладышевым послано на подарки каракалпацким владельцом казенных товаров на двести кабыл, да бутто и ему Мамыру на пятьдесят кобыл.

Во время бытия сво Гладышева в предписанных каракалпаках вышеписанной бывшей посланец Мамыр Уразов, збирався с родственники своими, неоднократно намеривался сво Гладышева убить и, напав на него, Гладышева, ограбил, а грабежем взял имеющейся у него Гладышева для своего пропитания две тысячи пятьсот марьяну, да одну казенную лошадь, и при том грабеже оной Мамыр говорил, якобы велел сво Гладышева грабить предписанной киргис-кайсацкой Абулхаир хан; тако ж и после на него Гладышева ко убивству неоднократно оной Мамыр нападал же, токмо до того убивства не допустили часто упоминаемые Убейдулла салтан и Мурат-Ших Хозей з детми.

[1] Это был один из школьников при Оренбургской комиссии — [illegible] Казанцев, который «будучи в той школе (при Оренбургской комиссии) грамоте и письму, також отчасти и по татарски [illegible]» (Т. же дело).

31 октября уведомился он, Гладышев, чрез некоторых каракалпаков, якобы некоторые каракалпацкие старшины разглашают: ежели де киргисцы нынешнюю зиму с ними иметь будут войну, то де они каракалпаки русских послов побьют до смерти или продадут.

20 ноября пришедший к нему, Гладышеву, к кибитку каракалпаченин Чюман-Ших между протчих в разговорах объявил, что де их каракалпацкой народ дикой, а ея императорского величества никакой милости не видали, а ежели от ея императорского величества милость увидят, то де они будут кочевать все вблизь к Российским жилищам з женами и з детми, ежели де не будет помешательства от киргискайсаков.

4 декабря между протчих разговоров объявил ему, Гладышеву, каракалпаченин Калветь-Ших: ежели де прикажет ему ея императорское величество привести к российскому подданству Бухары и Ташкент и Хиву, то де оные городы в подданство приведет.

6 числа декабря между протчих разговорах объявил ему, Гладышеву, часто упоминаемой Убейдулла салтан, что де у них в нижних каракалпаках имеется русских пленников с три тысячи человек.

9 декабря объявил ему, Гладышеву, вышеписанной же каракалпаченин Чюман-Ших, что де они каракалпаки, кроме вышняго бога, никого не боятся, а в подданство де ея императорскому величеству пошли они не для какой боязни, но для торгу.

11 декабря приезжал к нему, Гладышеву, каракалпаченин Урускул салтан, которой ныне имеется ханом в каракалпацком конратском роду, и, вынев нож, хотел ево, Гладышева, зарезать и при том говорил: как де он Гладышев дарил Каип-хана и Убейдуллу салтана (коих он Гладышев ничем не даривал) и ево б Урускула салтана так же подарить, он же не меньше вышеписанных Каип-хана и Убейдуллы салтана, а ежели он Гладышев ево не подарит, то хотел зарезать; однако ж по сколким его, Гладышева, пристойным разговорам вышеписанной Урускул хан к лутчему способу склонился и после того спустя дней з десять дал он Гладышев оному Урускулу хану в презент из своего багажу двести марьянов, то оной Урускул хан пришел в подданство российское и ея императорскому величеству присягу учинили и печатью утвердил (коя значит во объявленных от него Гладышева между протчих присяг), и при том ему Гладышеву объявил: несколько де он Урускул хан башкирцов разбил, тако ж и руских семь деревень раззорил, а ныне де он пошол в подданство ея императорскому величеству и никаких шалостей чинить не будет для того, что де они ея императорского величества природные холопи.

3 февраля вышеупоминаемой Убейдулла салтан объявил ему, Гладышеву, что де недавно прислал из верхних каракалпак их нижних каракалпаков к Мурат-Ших Хозе беглой из Уфинского уезду не татар новокрещен Осип Федоров (который назвался Салтан-Мурат хан и по прикятию в верхних каракалпаках имеет ханство) письмо в котором написал, что де прислал ко оному (называнному ханом) Салтан-Мурату зюнгорской владелиц Галдан Черен посланцов, чтоб оной Салтан-Мурат с верхними каракалпаками шел ко оному зюнгорскому владельцу в подданство, почему оной Салтан-Мурат и отдал в аманаты сына своего большого, а вышеописанной де нижних каракалпаков Мурат-Ших Хозей писал к вышеписанному (называемому ханом) Салтан-Мурату, что де они нижние каракалпаки к предписанному зюнгорскому владельцу в подданство нейдут для того, что они пошли в подданство ея императорскому величеству, в чем присягу учинили и той своей присяги не нарушат. Да вышеописанной же Салтан-Мурат, похваляясь, говорит: есть де у него сабля, ежели де махнет по людям, то на сорок сажен порубит, да есть же де у него стрельные копейцы,

ежели на людей бросит, то более тысячи человек побьет и имеет при себе тулунбай, да оной же де Салтан-Мурат держит при себе беглых из Уфинского уезду Сибирской дороги Катайской волости башкирцов: [illegible], которой де в прошлом году ездил и раззорял на Сибирской границе по реке Ишиму жилища.

7 [illegible] Гладышеву, что хивинцы с трухменцами имеют войну, для того некото[illegible] пах умер, а в прошедшем де январе месяце от них каракалпаков по[illegible] вышеупомяненный Мамыр Уразов (кой в прош[illegible] был в Орску посланцом и с ким, Гладышевым, [illegible]ках, на него, Гладышева, [illegible]).

3 марта между протчих разговоров объявил ему, Гладышеву, каракалпаченин Чюман-Ших: ежели де их нижних каракалпаков ея императорское величество так не пожалует, как часто упоминаемого Абулхаир хана, то де, хотя и еще пришлются к ним из России посланцы, [illegible].

И вышеписанного марта 3 числа вышеупомяненные владельцы [illegible] Мурат-Ших [illegible] старшины и бии со всего совету, призвав ево, Гладышева, сказали, что [illegible] которыми своими письмами послать своих послов ко двору ея императорского величества и объявили каракалпаков восемь человек, в том числе первой — часто упоминаемого знатного Мурат-Шиха Хозя, сын родной Абдулла-Ших, второй — знатной [illegible] Булат (кой в случившияся их зборы своей орды жителей на совет на[illegible], четвертой — [illegible], пятой — [illegible], шестой — предписанного ж Мурат-Ших Хози сын же родной Мамаиы-ших, седьмой — Ших-эсаул, осьмой, в конец назначенной помянутым посланцом, каракалпаченин же Айдар, с которыми он, Гладышев, не помянутых нижних каракалпаков и отправился и ехал степью семнадцать дней, и выехали марта 19 дня на кочевье частоупоминаемого Абулхаир хана владения ево с киргис-кайсаками (кои имели кочевье близь Барсуковских песков), где жил он, Гладышев, с реченными посланники три дни, и хотел показанной Абулхаир хан дать им провожатых, токмо не дал.

22 марта от помянутого Абулхаир хана, выехав, он, Гладышев, и с каракалпацкими посланцами начевали во владении оного Абулхаир хана и киргис-кайсака у Карамендн Батыря и во время того начеванья украли у него, Гладышева, собственную лошадь, и 22 марта для отыскания той украденной лошади посылал он, Гладышев, толмача Мансура Дельного к предписанному Абулхаир хану, которой оному толмачю сказал, что означенную лошадь украли вышеписанного Карамендн Батыря братья, для того оной Карамендн Батырь на него, Гладышева, сердит за то, якобы во время приезду в прошлом 742 году в Орскую крепость с Абулхаир ханом сына ево не велел гранодерам пропустить к его высокопревосходительству тайному советнику и [illegible] (чего [illegible] Гладышева, отнюдь не бывало).

23 марта, выехав от помянутого Карамендн Батыря, он, Гладышев, с товарыщи поехал [во] владения частоупоминаемого Абулхаир хана к верноподданому киргис-кайсацкому старшине Карабаю Батырю; жили три дни, где довольствованы были нескудною пищею от оного Карабая Батыря, кой для знания пути дал ему, Гладышеву, в провожатые племянника своего родного Басырмана Батыря. И от означенного Карабая Батыря выехав он, Гладышев, предписанного ж марта

26 числа в путь свой и, отъехав от кочевья например верст з десять, догнал его, Гладышева, с товарыщи от предупомянутого Абулхаир хана киргис-кайсак Алляберда Батырь (кой сказываетца шурин Абулхаир хана) и сказал, что де послал ево Абулхаир хан для провожания ево, Гладышева, с посланники до его высокопревосходительства г. тайного советника и кавалера Ивана Ивановича Неплюева, кой с ними обще приехал до Оренбурга.

Будучи он, Гладышев, в проезд чрез вышеписанные киргис-кайсацкие кочевья, слышал он от некоторых киргисцов, что многие киргис-кайсаки в приезд с торгом в Орскую крепость выменивают тайным образом Уфинского уезду у башкирцов и у казанских торговых татар порох; за один фунт дают по десяти корсуков, тако ж и на протчее выменивают же.

Будучи в пути вышепредъявленной посланной от Абулхаир хана в провожатые киргис-кайсак Алляберда между протчих разговоров чрез толмача Мансура Дельного сказал он Гладышеву, что де ныне Джанбек тархан зимовал в Торкустан и прислал известие чрез нарочного в Среднюю киргизскую орду, чтоб все кочевали к Торкустану, ибо де он Джанбек тархан с верхними калмыками помирился. Да в нынешнем же году по первому зимнему пути киргис-кайсак айлинского роду Акбута-Батырь с товарыщи пятьсот человек ездил разорять нижних калмык и раззорил сто кибиток и взяли в плен, от чего оному Акбуте досталось 5 человек, а протчим сколько досталось имянно не сказал, а при том де побито калмыками киргисцов тридцать человек, а во время нападения на калмык якобы русские люди, имеющиеся на Волге реке, тем калмыкам противится помогали, поймав ис тех русских, обрезав носы, киргисцы отпустили.

Донесение И. Неплюева в Государственную коллегию иностранных дел 23 мая 1743 г.[1]

Сего числа о возвращении посыланного от меня к каракалпацкому нижнему народу порутчика Дмитрея Гладышева и о приехавших с ним от оного народа посланцах и об отправлении некоторых из них ко двору ея императорского величества, так же и что на то до моего покорнейшего мнения и представления принадлежало, о том, о всем чрез особливо посланного Государственной коллегии иностранных дел обстоятельно доносил, а при сем и те посланцы, которые в том моем доношении объявлены, а имянно Мамон-Батырь Уразаков, за Пулат есаул чрез обретающегося в команде моей генерал-майора фон-Штокмана с порутчиком Гладышевым и с находящимся при нем, Гладышеве, учеником в Государственную коллегию иностранных дел отправлены, при чем оному генерал-майору определил, чтоб по объявлению ево, Гладышева, и оставшаго от тех двух в Оренбурге с прочими знатнейшаго в каракалпаках Мурат-Шиха Ходжи, сына Абдул-Шиха, склоня к той езде, с ними ж бы отправил и к ним придать одного из кощея, а буде нохотят, чтоб токмо двоим ехать, то б означенного есаула Пулата вместо ево оставил для указанных от меня в вышеупомянутом перво отправленном резонов.

Оным дву посланцам, бывшим здесь, при отпуске их, в показание высочайшей ея императорского величества милости, дано мною по четыре аршина сукна и по лисице на шапку, а вышеписанному третьему Абдул-Шиху, когда с ними поедет, определил дать в Оренбурге четыре ж аршина сукна, ценою аршин рублев от двух и на шапку лисицу, да кощею их сукна последней доброты четыре аршина; им же на дорогу кормовых денег до Санкт-Петербурга, а имянно, трем по-

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

сланцам по десяти, а кащею по пяти копеек на день на два месяца в их посланские руки и отправить дав подорожную на четыре поручику и школнику, да одному драгуну или салдату, коего командировать велено,— три и того на семь ямских подвод с указными прогонами до Санкт-Петербурга, о чем Государственной коллегии иностранных дел покорнейше доношу и о приеме тех посланцов, о содержании и об отправлении их возвратно по первому посланному моему об них доношению милостивого разсмотрения и определения прошу.

Иван Неплюев.

[illegible]

ВЫПИСКА

Прошлого 1742 года принят в подданство ея императорского величества тайным советником Неплюевым каракалпацкой нижней народ.

Того народа ханы и протчая старшина при нарочно посыланном офицере публичную в том присягу учинили. И ныне з благодарением прислали сюда послакцами трех своих старшин и обещают из плена своего освободить россиан, у них содержащихся.

Тот каракалпацкой народ кочевье имеет у Оральского моря около реки, имянуемой Сыр-Дарьи, где и хлеб пашут, ружье имеют огненное с фитилем, которое сами делают и в Хиве покупают, а селитру и порох делают и киргис-касакам продают; они ж имеют сайдаки, копья и сабли.

Военного народа объявляют якобы 40 тысяч имеют, а посыланной к ним офицер при обрании Урускул Салтана в ханы, которого племени у них знатнее нет, более в зборе не видал, как тысячь с шесть, но не тех от большой части лошадей не имеющие, которых у них весьма мало, а больше употребляют в работы и в разъезды быков. Тот каракалпацкой народ состоит под владением двух ханов. В соседстве у них с одной стороны аральской народ, а за оным Хива, где они главные свои торги, состоящие в скоте, имеют, а з другой стороны каракалпацкой же верхней народ. От Оренбурха в тот нижней каракалпацкой народ путь простирается чрез Меньшую киргис-касацкую орду чрез пески и степи, и скорою ездою налехке мочно доехать в 26 дней, а верст например будет с 3 тысячи.

В бытность российского офицера в каракалпаках, в разговоре объявил ему один старшина, яко в их орде пленных из российского народа есть с 3 тысячи человек, и он сам видел мужеска и женска полу человека с 70.

Такова отдана для докладу ея императорскому величеству в секретную экспедицию 12 августа 1743 года.

Доношение Коллегии иностранных дел в сенат, 12 августа 1743 г.[1]

I.

Правительствующему сенату из доношений тайного советника Неплюева известно о принятии им в подданство ея императорского величества каракалпацкого нижняго народа и об отправлении их посланцов. А ныне оные их посланцы: Мамон-Батырь Уразаков, Мамат-Ших, Мурат-Шихов и Пулат есаул, с одним их служителем, в препровождении бывшего в том каракалпацком народе Оренбургского драгунскаго полку поручика Дмитрея Гладышева, сюда в Санкт-Петербург приехали и от Коллегии иностранных дел тем посланцом по обыкновению дана квартира и определены кормовые деньги, и будут оные представлены пред ея императорское величество, и при отпуске их и награждение им учинится.

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743.

2.

И понеже киргис-касацкие дела и вся Оренбургская комиссия состоит во особливом ведомстве правительствующего сената, того ради Коллегия иностранных дел на разсуждение онаго представляет свое мнение, яко тот народ, как правительствующий сенат не приложенной при сем копии со взятой в Коллегии иностранных дел от вышеп[illegible]нутого поручика Гладышева скаски, усмотреть изволит, за весьма великим от российских границ отдалением, в действительной протекции и защищении ея императорского величества содержать неудобно: однако же, по нынешней оного народ склонности и обнадеживанию отдачи российских пленных, кажется и от подданства отказать непристойно. И для того тайному советнику Неплюеву, во-первых прика[illegible]зать: старание возиметь о освобождении из них каракалпацкого плена всех российских подданных, а паче христиан, за что на жалованье ханом и старшинам мочно некоторую и сумму денег издержать, т[illegible] в протчем тому народу приласкание, и купечеству во Оренбурге прихочивание чинить, и в жалобе их на яицких казаков, ежели она справедлива, возможное им удовольствие показать.

А какову со оными посланцами к каракалпацким ханом и старшине, по разсуждению Коллегии иностранных дел надлежит отправить [illegible] императорского величества грамату, оной при сем, також де на разсуждение правительствующаго сената представляется формуляр.

Таково подано за подписанием господ министров августа 12 дня 1743 году.

Проект манифеста [1]

Божиею милостию мы Елисавет первая, императрица и [illegible]жица всероссийская, и пр., и пр., и пр.

Нашего императорского величества подданным каракалпацкого нижняго народа: Каип-хану, Урускул хану, Мурат-Шиху, Губей Дуллы солтану и другим солтаном и его старшинам, и всему народу наша императорская милость.

Нам, великой государыне, нашему императорскому величеству, тайный наш советник и кавалер Иван Неплюев доносил, что вы в верном подданстве нам великой государыне учинили присягу, которую мы и листом своим, сюда к нам присланным, подтвердили, обещаясь в том подданстве нам, великой государыне, содержать себя всегда непременно, и во знак того прислали вы во Оренбург двух человек невольников наших подданных; также обещаете освободить и всех наших российских подданных, доныне у вас в неволе находящихся, и при том просите о высочайшей нашей императорской милости, и с тем к нашему императорскому двору прислали вы своих посланцов, Мамон-Батыря Уразакова, Маман-Шиха, Мурат-Шихова, Пулата есаула.

А понеже нашему императорскому величеству небезизвестно есть, что и в 1731 году присланные от вас при присудствии нашего мурзы Маметя Тевкелева, в бытность онаго в подданном нашем киргиз-касацком народе, имянем вашим в верности к нам присягу учинили [2], того ради, мы, великая государыня, наше императорское величество вашу к нам верную подданность милостиво похваляем, и приемлем все в число наших подданных, и обнадеживаем нашею императорскою высочайшею милостию и награждением, яко же и ныне, во знак того

---

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские [illegible].

[2] В 1731 г. хан Меньшой кир[illegible]ул-хаир, теснимый джунгарами, а также ханами Средней и Большой орды, принял русское подданство; вместе с ним номинально считались в русском подданстве и часть каракалпаков, зависевших от киргиз-кайсаков.

вышереченные ваши посланцы были допущены пред наше императорское величество, при чем и от уст наших о нашей императорской к вам милости слышать удостоились, и со особливым награждением отпущены к вам возвратно. И мы великая государыня, наше императорское величество, всемилостивейше уповаем, что вы, видя к себе нашу императорскую милость, будете в подданстве нашем содержать себя всегда непоколебимо, и во знак первой вашей к нам верной службы, имеющихся ныне у вас в плене российских наших людей, какого б звания и веры ни были, собрав всех, конечно пришлете во Оренбург, за что и действительною нашею императорскою милостию от вышепомянутого нашего тайного советника Неплюева награждены будете. И тако, будучи вы на нашу императорскую милость благонадежны, можете от себя в Оренбург с купечеством караваны отправлять, и там [illegible]тца, а оной тайной наш советник, яко главный в тамошнем крае командир, о всем том и о протчем указ наш имеет. И о чем он указом нашим будет к вам писать, или при персональном свидании словесно вам объявлять, и вам тому совершенно верить и исполнение чинить.

Елико же принадлежит до прошения вашего на наших подданных яицких казаков, которые, за неведением вашего в подданство наше вступления, взяли в полон некоторых каракалпак, и о том имеете изъяснитца часто реченному тайному советнику Неплюеву, который может тех ваших пленных отыскать и к вам возвратить, и впредь то яицким казаком чинить запретить.

Таков формуляр подан в сенат при доношении августа 12 дня 1743 году.

Речь каракалпацких посланцов, 14 августа 1743 г.[1]

Всепресветлейшая императрица государыня всемилостивейшая.

Понеже каракалпацкого народа Каип-хана, Урускул хан и главной их поп Мурат-Ших, салтаны и вся старшина со всем народом по непременному их прошению, и по всемилостивейшему вашего императорского величества соизволению, приняты в подданство вашего императорского величества и в должной вашему величеству верности при нарочно присланном офицере торжественно присягали, того ради за принятие их в высочайшее вашего императорского величества подданство нами посланцами своими приносят всеподданнейшее благодарение и, засвидетельствуя свою всеподданнейшую верность, припадают к стопам вашего императорского величества и просят о содержании их и со всем народом в высочайшей вашей императорской милости.

Такову речь пред ея императорским величеством отправлял каракалпацкой посланец Маман Батырь, 14 августа 1743 года.

ОТВЕТ

Ея императорское величество каракалпацких ханов и старшины с их народом вступление в подданство приемлет милостиво и обнадеживает их своею императорскою высочайшею милостию и жалованьем.

Таков ответ от лица ея императорского величества сказан государственным вице-канцлером и ковалером графом Алексеем Петровичем Бестужевым Рюминым, 14 августа 1743 г.

Прошение Д. Гладышева, 21 августа 1743 г.[2]

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Елизавета Петровна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая.

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.
[2] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

Бьет челом Оренбургского драгунского полку порутчик Дмитрей Гладышев, а о чем тому следуют пункты.

1. В прошлом 734 году по указу вашего императорского величества ис правительствующего сената, по требованию бывшего статского советника Кирилова, определен я из уфимских дворянских рот из вахмистров в Оренбургской драгунской полк прапорщиком.

2. Потом командирован я, нижайший, был в Сибирскую губернию в Теченскую слободу для покупки на экспедицию правианта, где обретался с 735 по 739 год, а по покупке препровождал до самого Оренбурга и, будучи во оном препровождении, бунтующими ворами башкирцами был у озера Уклы Карагая в атаке, где противу оных поступок ревнительно, не щадя живота своего и претерпев многие раны, а по возвращении из Аренбурха, паки нагрузя правианта подвод тысячи з две, отправился к Оренбурху зимним путем чрез их башкирское жилище и не допустя до Верхояицкой пристани отакован был оными башкирцами и был чрез весь генварь месяц в той атаке день и ночь и за недостатком пороху возвратился от них ретирадою и был Сибирского гарнизона драгунского полку при подполковнике Арсеньеве для поиску над оными ворами башкирцами в разных партиях при командирах и один, причем также ранен неоднократно и много полону у них брал.

3. А по присланному ис канцелярии Оренбургской комиссии указу из оной Теченской слободы взят я в город Самару, где реченная канцелярия находилась, и оттоле послан я нижайший в киргис-касацкую орду в первейшему старшине Джанбек Батырю для возвращения прежде посланного в Ташкент порутчика Миллера пограбленных казенных и партикулярных товаров, из которых некоторую часть и возвратил.

4. А понеже во оной киргис-касацкой орде Абулхаир хана не имелось, а обретался он в каракалпаках и з детьми своими и в то ж время для нуждево Абулхаир хана приехали в ту орду дети Нурали и Эрали Салтаны, которых уговоря привез с вышеупомянутыми Джанбек Батырем и с протчими старшинами во Оренбурх, где они и присягу по своему закону учинили.

5. Итако за многое мое претерпение и службу 1740 года сентября 2 дня пожалован я покойным генералом-лейтенантом князем Урусовым в порутчики и отправлен в каракалпацкую орду для призыву к Оренбурху вышеозначенного Абулхаир хана и по приезде моем в каракалпаках ево не застал, а объявили старшины, что он отъехал в Оральское владение, куда и я к нему ездил и он оттуда меня с собою в Хиву и во оной Хиве на ханство, где был только три дни, а по приступлении шаха персицкого с войском ис Хивы бежал в каракалпаки и меня увес с собою и по приезде в каракалпаки отправил меня в Оренбург по прежнему от себя с письмами.[1]

6. По прибытии же моем в Оренбурх паки послан был в реченную каракалпацкую орду ко оному Абулхаир хану для призыву ево в Оренбурх, куда ево и призвал, где он и присягу учинил.

7. По вступлении же в Оренбурхскую комиссию главным командиром г. тайным советником Неплюевым послан я, нижайший, еще в каракалпацкую орду для привождения их к присяге о бытии им в подданстве вашего императорского величества, которых как ханов салтанов, старшин и протчих по их закону привел и присяжные листы в Оренбурхскую комиссию подал, а из оной комиссии с посланными со мною посланцы отправлен в Санкт-Питербурх в Государ-

[1] Подробное описание поездки Гладышева и Муравина в 1740—1741 гг. в Хиву напечатано в «Географических известиях», отд. II, стр. 519—599.

[illegible] коллегию иностранных дел, с [illegible] и [illegible] от них [illegible] двору вашего [illegible] [illegible].

8. Будучи [illegible] упоминаемых [illegible] [illegible] а тому ж будучи [illegible] набегающими [illegible] бывал так, что [illegible] [illegible] и Оренбургский [illegible]. И [illegible] вашего императорского [illegible] [illegible] службу и за [illegible] претерпение [illegible] переменить [illegible] наградить [illegible] вашего императорского [illegible] милостию [illegible] таковым [illegible] в состоянии [illegible].

[illegible] государыня, [illegible] императорского [illegible] о сей моей челобитные милостивое [illegible]. Августа [illegible] дня 1743 г.

К [illegible] надлежит в Государственную [illegible]. [illegible]

Записка

Что дано ея императорского величества [illegible] и прогонных денег каракалпацким посланцам.[1]

Мамон Батырю Уразакову денег . . . . [illegible] руб.
Сукна 4 аршина по 2 руб. аршин . . . . [illegible] руб.
Другому Маман-Шиху Мурат-Шихову [illegible] денег . [illegible] руб.
Сукна 4 аршина . . . . [illegible] руб.
Третьему Пулату есаулу денег . . . . [illegible] руб.
Сукна 4 арш. [illegible] руб.
Им же всем троим [illegible] ценою [illegible] руб. [illegible] коп.
Служителю их денег . . . . [illegible] руб.
Сукна 4 аршина . . . . [illegible] руб.
Да всем им в дорогу [illegible] Санкт-Петербурга [illegible] по [illegible] коп., служителю по 10 коп., а всех по 70 коп. на день на [illegible] месяца . . . . 42 руб.

Им же и [illegible] них в препровождении Оренбургского [illegible] Дмитрию Гладышеву с конвоем до Самары [illegible] ямских и уездных, на которые прогонных денег [illegible] Москвы 38 руб. 84 коп. А от Москвы до Самары [illegible] в Москве Коллегии иностранных дел из канторы.

Наказ И. Неплюеву, 5 октября 1743 г.[2]

[illegible] милостию мы Елисавет первая императрица и самодержица всероссийская и пр. и пр. и пр.

При сем посылаются к вам копии с представ[illegible] Коллегии иностранных дел о пришедшим вновь в [illegible] каракалпацком нижнем народе, сенату нашему [illegible], и какова на оное получена резолюция и какую их каракалпацкие посланцы: Мамон Батырь Уразаков, Мамат-Ших Мурат-Шихов и Пулат есаул, будучи пред нами на аудиенции речь отправляли и [illegible] императорскою милостию весь их народ обнадежен. А [illegible] их посланцы с присланным с ними от вас Оренбургского драгунского полку поручиком Дмитрием Гладышевым отсюда к вам отпущены [illegible]

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские [illegible] № 1. 1743 [illegible]
[2] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, [illegible] 1743 [illegible]

нием нашего жалованья, чему, так же и о даче им и с канвоем проготных денег, особливая записка, так же и грамата наша к хану [illegible] и старшинам [illegible] вам посылаются. И вам бу[illegible] дучи о том известну, [illegible] нашу грамату [illegible] их посланцов отправить с нарочным офицером и о свобождении их каракалпацкого плена наших российских подданых, а наче христиан, возъиметь вам старание и за освобождение оных хозяевам их или другим, кому надлежит, давать за каждого человека из казны нашей от пяти до десяти рублев, или сколько вы по тамошнему [illegible] состоянию, усматривая случай, заблагоразсудите. А ныне при отправлении к ним, каракалпаком, вышеписанной нашей грамоты, можете от себя к ханом их и старшинам для приласкания что небольшое послать. В протчем с тем каракалпацким народом имеете поступать по вышеписаным копиям и по вашему [illegible] усматривая во всем лутчей пользы интересом нашим. [illegible] происходить, о том от времяни до времяни в нашу Коллегию иностранных дел репортовать, и на что вам будет потребны указы, о том прообщать вами имения.

Дан в Санкт-Петербурге октября 5 дня 1743 году.

По ея императорского величества указу

Подлинная подписана посему: Граф Алексей Бестужев-Рюмин.

Инструкция Д. Гладышеву, 30 ноября 1743 г.[1]

С возвратившимися от двора ея императорского величества каракалпацкими посланцами: [illegible] Батырем, Мамат-Шихом и Пула[illegible] [illegible] ехать вам отсель[2] чрез Орск [illegible] удобнейшим трактом и безопасными местами в их каракалпацкое владение и поступать по сему.

1-е.

Едучи с посланцами содержать себя в добром согласии и, прибыв из Орска в первые киргис-кайсацкие улусы, выведать вам, где кочюет Джанбек Тархан и, ежели будет попутно, то вам следовать на него, у которого просить провожатых до каракалпацкого владения. и ежели ко оному Джанбеку заезжать будет непопутно, то вам [illegible] хотя и других в провожание [illegible] людей человек трех принять, со обнадеживанием, когда они вас препроводят и вместо от вас ис каракалпак письма сюда привезут, то дастся им здесь достойное награждение, а впрочем вам, следуючи чрез киргис-кайсацкие улусы, примечать поступки и рассуждении киргис-кайсацкие [illegible] вести себя честно и порядочно, также и осторожно, чтоб вам от каких-либо наглых и своевольных киргис-кайсак повреждения не приключилось, а особливо в разговорах с ними и с старшинами их имеете рассудительно и [illegible] поступать; [illegible] они будут спрашивать и говорить о произшедших от киргис-кайсак нынешняго лета злодействах, то вам отзываться, что оное им другим загладить невозможно, как отысканием плененых ими людей и своим всеподданым повиновением, причем и о посланцах их Батыре с товарищи можете объявить, что они ко двору ея императорскаго величества посланы, а в протчем верных старшин и киргис-кайсаков можете [illegible] [illegible] чтоб они в [illegible] в Оренбург [illegible] [illegible] ея императорского величества [illegible] [illegible] чтоб [illegible] и [illegible]

[1] МИД. ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

[2] Т. е. от Оренбурга.

добрым людем какое ослабление учинить в надежде, что они какими тех злодеев унять и захваченных ими людей высвободить почтятся, не подвергая себя дальнейшему ея императорскаго величества гн[illegible]

[illegible]

В какой силе [состоит], посланная с вами к каракалпацким ханам, [illegible] императорскаго величества всемилостивейшая грамота и отсель отправленное письмо, с того при сем [illegible]ія вашего известия прилагаются копии; по прибытии вашем в каракалпаки имеете вы хану Мурат Шиху и салтаном первое о себе объявить, что вы присланы по высочайшему ея императорскаго величества указу со всемилостивейшею к ним от лица ея императорского величества грамотою, и для того б они учинили народный збор, при котором вы ту всемилостивейшую грамоту вручить им имеете. И как такое сорание у них учинится, то вам оную всемилостивейшую грамоту при всем народе подать и объявить, коим образом ея императорское величество, августейшая великая государыня, соизволила всех их и весь каракалпацкой народ в подданство свое всемилостивейше принять и обнадежить высочайшею своею императорскою милостию, чему свидетели и самовидцы бывшие у двора ея императорского величества посланцы их Мамон Батырь с товарищи. И как оная всемилостивейшая грамота прочтена будет, то вам и письмо тайного советника, при засвидетельствовании от него всякого им доброжелательства, подать и прилагать всевозможное старание о действительном изображенного в тех грамоте и письме исполнении, особливо о сыску и о свобождении имеющихся у них российских пленных, а наипаче христиан, яко то сами они при вступлении в подданство ея императорскаго величества в письмах своих обнадежили, и вы в прежних своих объявлениях показали, что у них таких пленных будет с три тысячи челове[illegible].

[illegible]

Ежели при собрании оных пленников некоторые ис каракалпакских старшин будут вам объявлять, что они тех пленных не сами збирали, но у других народов покупали, на то вам представлять и обнадежить, что им по состоянию их верности за таких освобожденных учинено будет здесь ис казны ея императорскаго величества особливое награждение, для котораго кто похочет сам приезжать, или от себя поверенного в караване отправить может, чего ради вам иметь у себя о имянах таких хозяев записку, выспрашивая, каким образом те пленныя им достались, особливо ж вам ханов и старшин стараться истолкованием присяжной их должности и высочайшей ея императорскаго величества милости склонить, чтоб они во отыскании и во освобождении тех пленных по учиненному от них обнадеживанию веедолжное старание возъимели, и с тем бы они при купеческом своем караване предбудущею весною в Оренбург приезж[illegible]ли, обнадеживая, что то будет прямой знак верного их подданства, за что и награждение милостию ея императорскаго в[illegible]личества получить удостоятся, как то и указом ея императорскаго величества учинить им повелено.

[illegible]

А понеже чрез бывших в каракалпаках донесено [illegible] кие тамо из пленных российских людей н[illegible], [illegible] манясь, живут де своими домами и к возв[illegible] не имеют, вам и о них всякое старание приложит[illegible]

нетишный возвратить и утвердить, чтоб они, оставя свое заблуждение, со всякою доброю надеждою во отечество свое шли и себя б тако к вечной погибели не оставили, обнадеживая, что здесь обращение их принято, и они на свои прежние жилища отправлены быть имеют, а ханам, салтанам и старшинам представлять вам, чтоб они, по верно- [illegible] присяжной к ея императорскому величеству должно- [illegible] также не удерживали, изъясняя им, что они тем верность [illegible] императорским величеством довольно подтвердить имеют

[illegible]ению в Оренбург купеческих их караванов и к произ[illegible] [illegible]огов их всячески вам поохочивать, истолковывая, [illegible] [illegible]ргис-кайсацкие народы ползу возъимели, и что с их каракалпацкого торгу, также как и с киргис-кайсацкого никаких пошлин в казну ея императорскаго величества не возмется, но еще и всякое потребное при том охранение показано будет, и того б ради конечно они такой свой караван предбудущею весною отправили и лутчие б их люди, яко ханы, салтаны и другие старшины при [illegible] караване для установления всех до пользы их касающихся дел приезжали, при чем и вам с ними возвращаться надлежит, а между тем вам о всем тамошнем происхождении стараться обстоятельное сюда доношение прислать чрез будущих в провожании вашем киргис-кайсаков или чрез кого вы надежно усмотрите, а особливо стараться, чтоб с тем прислать поехавшего отсель с Хальвет-Шихом Тарханом казака Лапина, которому быть тамо в вашей команде.

6. Ежели вы можете тамошних владельцов и народ собственным своим советом и представлением склонить к сему, чтоб они во знак своей верности и прямого подданства для отсылки ко двору ея императорского величества привезли в караване своем из находящихся у них барсовых больших и лучших кож несколько десятков, а буде можно, то б и живых таких зверей, или хотя что другое; оное б весьма было изрядно, и за сие можете особливою ея императорскаго величества милостию обнадежить их, однакоже, чинить вам так, аки бы вы то к лучшей их чести и пользе советуете от себя, не давая знать, что то по инструкции вашей представлять и требовать вам повелено. Буде же они по силе посланной к ним грамоты будут от вас спрашивать о разбитии напредь сего яицкими казаками каравана и людей их, на то вам ответствовать, что то яицкими казаками учинено в неведении подданства их, а к тому ж, как вы слыхали и люди их, бывшие в том караване, сами к тому подали притчину, тем что сперва казакам оным некоторые противности учинили, а потом, не показывая ничего о своем подданстве, с теми яицкими казаками в драку вступили, о чем о всем могут они по прибытии сюда от главной команды обстоятельно уведомлены быть и то их дело исследовано быть может, а вы про то более ничево не знаете.

7-е

Впротчем вам, будучи тамо, усматривать поступки и обращении каракалпацкого народа и которые из них пожелают при Оренбурге жить для торгу, и к тому их всячески поохочивать и надежду подавать можете, по знанию вашему нравов и состояния тамошняго народа; ежели же случатца отколь-либо приезжия к ним посланцы и другия люди, то вам выведывать, зачем их приезд и с какими ответами назад будут отъезжать, от кого они каракалпаки более в опасности, и нет ли им каких противных внушении или какого утеснения с киргис-кайсацкой стороны, а наипаче от Абулхаир хана и от других киргис-кайсацких владельцев, подданных ея императорскому величеству, также и от зюнгорцов, и как они с соседственными народами обращаются, яко с трухменцами, оральцами и пр.

[illegible]

Ежели вам случай будет видетца с помянутым ханом или з другими киргис-кайсацкими владельцами и знатными старшинами, то вам о произшедшем от киргис-кайсак злодействе в разговорах ответствовать так, как выше сего в первом пункте изображено, а буде они станут приносить жалобу на башкирцев, во отыскании тех лошадей всякое старание чинится, и те лошади действительно уже отыскиваются, зачем в Башкирии нарочной афицер был посылан, велено отыскивая их, на корму в Башкирии содержать и, когда киргис-кайсаки повеленное им во отыскании и освобождении пленных ими людей исполнят и все ограбленное ими прешедшаго лета отдадут, то и отдачею тех их башкирцами угнанных лошадей удовольствованы быть могут. А предупомянутому хану о сыне его ответствовать по содержанию отправленного к нему ныне письма, с которого при сем для известия вашего прилагается копия, и ежели он получа то во известие, будет говорить вам о том, что он в намерении обретающегося здесь сына своего другим таким же, то-есть от единой матери рожденным, переменит весною, на то вам ему представлять, что намеренная помянутого Куз-Ахметя ко двору ея императорскаго величества поездка тому нимало не препятствует, ибо он сам туда по своему собственному намерению ехать пожелал и оттоль, равно как и отсель, возвращен быть может, а брат ево, на ево место присланной, равным же образом удостоится тамо видеть всемилостивейшую государыню и высочайшую ея императорскаго величества милость получит.

[illegible]

Для сей поездки выдано сверх окладного вашего жалованья на тамошнее содержание вам пятьдесят рублев, ундер-афицеру Гордееву десять рублев, бывшему при вас ис подгонщиков денщику Афонасью Перешкову, которой написан в Уфинской пехотной батальон солдатом, пять, да на съезд дано вам казенных четыре, да посланцам четыре — итого восемь лошадей, сверх того, о удовольствованном вас содержании в письме к каракалпацким владельцом писано. Итако вам, будучи при сей комиссии поступать как доброму и честному афицеру надлежит, по присяжной вашей должности, ища во всем пользы высочайших ея императорскаго величества интересов, и сие порученное вам дело со всяким радением и усердием исправить, со всеми тамошними людми обходитца с ласкою и содержать себя трезво и добропорядочно под опасением за нерадивые и непристойные поступки штрафа по указом.

10-е.

В заключение сея инструкцыи подтверждается вам блаженные и вечной славы достойныя памяти государя императора Петра великаго указ, состоявшейся в прошлом 1724 году следующаго содержания:

Ежели что в государственных делах подлежать будет тайности, оное отнюдь никому в партикулярных письмах не писать, ниже к тому, от кого отправлен, кроме настоящих реляций, а ежели какое препятствие от кого в том иль ином будет твоему делу, писать, вольно, куда заблагоразсудитца, только упоминая о врученном деле генерально, от чего оному повреждению есть; также ежели случатся посторонние дела, тайности подлежащия, а в реляциях к тому от кого отправлен, зачем-либо писать будет невозможно, то вольно писать кому в том поверишь, о врученном же своем никак инако только

так выше писано, под жестоким штрафом по вине преступления»

И на подлинном пишут тако: Иван Неплюев, по-немецки ге[illegible]ор фон-Штокман, ассесор Петр Рычков, регистратор Иван Контя-[illegible]

Письмо И. Неплюева каракалпацкому хану и старшинам [1]

Ея императорскаго величества подданного каракалпацкого нижняго народа Каип хану, Убейдулле салтану, Мурат-Шиху, Урукл-хану, Сюлюк бию, Девлеть Бай батырю, Аллаберды бию, Майлы бию, Багадуру Джитт-Батырь и протчим старшинам, биям, батырям и всему каракалпацкому народу.

С поехавшими отсель Халвета Ших тарханом о всем обстоятельно до вас писал, а при том и о посланцах ваших, отправленных от меня ко двору ея императорскаго величества, Мамон Батыре, Аблай-Шихе и Пулат есауле, дано вам знать, что они по всемилостивейшем отправлении от двора ея императорскаго величества в обратном пути находятся, которые, по отъезде оного Хальвет-Шиха, через пятнадцать дней благополучно сюда прибыли, и по желанию их при сем моем дружеском письме к вам отпущены с отправленным с ними от двора ея императорскаго величества с пожалованною к вам грамотою капитаном Гладышевым, при котором посланы недавно бывшей у вас ундер-афицер и один ево, Гладышева, деньщик, помянутые ж посланцы ваши потребными в путь подводами и лошадьми удовольствованы.

И понеже я вам, как выше упомянуто, с Халвет-Шихом обстоятельно о всем уже писал, а ныне не только чрез помянутого капитана Гладышева высочайшею и всемилостивейшею от лица ея императорскаго величества грамотою, но и чрез помянутых ваших посланцов, о высочайшей ея императорскаго величества милости, все вы совершенно уверены быть можете, яко они ваши посланцы пред престол ея императорскаго величества были допущены и о всем том изустно от ея императорскаго величества слышать удостоились. Того ради сим не распространяя, но ссылаясь на оную высочайшую и всемилостивейшую к вам грамоту, а к тому ж отправленной к вам капитан и посланцы ваши всему тому самовидцы и свидетели, и о высочайшем ея императорскаго величества соизволении и о всех ея императорскаго величества повелениях обстоятельно могут вам донести.

Между всем тем первая и главная ваша должность, видя к себе от такой в свете славной и великой монархии высочайшую милость, в знак всеподданнической вашей должности, крайнейшее и ревностное старание приложить об отыскании и о собрании, по учиненному от вам обнадеживанию, имеющихся у вас в неволе российских подданных, а особливо христиан, и по отыскании оных в Оренбург с собою привести, за которую вашу подданническую верность и службу от ея императорскаго величества имею я высочайшее и всемилостивейшее повеление при свидании с вами не только вас ханов, салтанов и всех старшин удовольствовать милостию ея императорского величества, но и те, у коих оные пленники найдутся и освободятся, особливое и достойное за то награждение получат; а впротчем при таком свидании о всех ваших народных делах, якоже и о возстановлении здесь купечества вашего для всенародной пользы почтуся все то действом исполнить как мне высочайшим ея императорскаго вели-

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г., копия.

[ве]ства указом повелено, и вам в высочайшей ея императорскаго величества грамоте знать надо. Тако уже без сумнения с первым вешним временем вам и купеческого вашего каравана ожидать имею.

Объявленного капитана Гладышева и з будущими при нем людьми изволъте содержать так, как от ея императорскаго величества к вам отправленного, чтоб ему, будучи у вас, ни в чем недостатка и ни от кого никаких обид произойти не могло, как то и здесь всегда с приезжающими от вас посланцами чинится, а как вы весною сюда поедете, то ему приказано быть при вас для предводительства вам, ибо он в дороге довольно сведом, и языку вашему искусен, и, сие объявя, остаюсь с моим всегдашним к вам доброжеланием.

Ея императорскаго величества тайный советник и кавалер, Оренбургской комиссии главный командир.

Подлинное за подписанием и печатью помянутого тайного советника и кавалера Неплюева.

Донесение И. Неплюева в Государственную коллегию иностранных дел, 10 декабря, 1743 г.[1]

Ея императорскаго величества высочайший указ от 5 числа октября под № 703-м об отправлении с поручиком Гладышевым бывших у двора ея императорскаго величества каракалпацких посланцов, и о пожалованной к тому народу грамоте, которую якоже и оных посланцов в их отечество велено отправить с нарочным афицером и о освобождении из их каракалпацкого плену российских подданных, а паче християн, возиметь старание, и о протчем, здесь чрез помянутого поручика Гладышева 25 числа минувшего ноября получен, и оные посланцы с ним же, Гладышевым, сюда прибыли, на которой сим покорнейше доносится.

Понеже оные посланцы, по прибытии сюда, об отправлении своем ныне просили, и удерживать их здесь до весны был бы токмо напрасной расход, они ж, прибыв во отечество свое, тамошних ханов, салтанов, старшин и народ в верности пребывать и на высочайшую ея императорскаго величества милость уповать совершеннее могут утвердить, чрез что и ко освобождению находящихся у них в плену российских подданных более надежды быть имеет, того ради сего декабря 1 числа и отправлены чрез Орск и на проезд как подводами, так и лошадьми удовольствованы, с ними и з данною к их ханам и народу всемилостивейшею грамотою отправлен бывшей при них поручик Гладышев, яко им посланцам и каракалпацкому народу знаемой, и в тамошних местах бывалой, в том разсуждении, что оные ханы сами о присылке его к ним с награждением чина просили, чего для и написан он в посланных к ним письмах капитаном, как то и в проезжем указе ея императорскаго величества, данном ему из Государственной коллегии иностранных дел, написан капитаном же, он же, Гладышев, яко сведомой о правах и состоянии того народа, к высвобождению означенных пленных удобнейше может старание приложить, в какой же силе ему, Гладышеву, о том и о протчих тамошних делах дана отсель инструкция, со оной, также и с письма к каракалпацким ханом, салтаном и старшинам на разсмотрение Государственной коллегии, прилагаются при сем копии.

До возврату сюда означенных посланцов от того каракалпацкого народа приезжал главного их духовного и Государственной коллегии иностранных дел известного Мурат-Шиха старшей сын и такой же

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г.

их духовной Халвет-Ших с письмом ко мне от ханов и старшин Приезд ево паипаче в том состоял, чтоб уведомитца, подлинно, в каком здесь их каракалпацкой народ содержитца мнении и об отправленных от них ко двору ея императорскаго величества посланцах, которой, будучи здесь довольно утверждал, что их народ, яко древней российской подданной (ибо они сказывают, что издревле живали по Волге и по взятии Астрахани в нынешние места предки их отдалились), ея императорскому величеству во всегдашней верности пребывать желает и пребудет, и веснок) он с салтанами в купеческом караване паки приезжать и о свободе имеющихся у них пленных старание прилагать обещал. Он же Халвет-Ших на высочайшее ея императорскаго величества имя подал здесь челобитную и, объявя отца своего Мурата-Шиха и свои прежния заслуги, просил о награждении их тарханством. и понеже помянутой отец ево в каракалпацком народе, как то Государственная коллегия уже известна по их суеверию за святого духовного и за знатнейшего человека почитается и в службе ея императорскаго величества оказуется старательным, а оной Хальвет-Ших сын ево учинен и народу объявлен от него наследником ево, и такое же имеет суеверное у народа почтение, того ради, как к их удовольствию, а паипаче для успеху чрез них к освобождению имеющихся там российских пленников и к доброму сего народа содержанию, разсуждено оным тарханством наградить[1]. И о том, по основании имеющихся здесь ея императорскаго величества присланных не правительствующего сената и из Государственной коллегии иностранных дел дан им указ, и знаки ея императорскаго величества милости ему Хальвет-Шиху учинены, и помянутому отцу его (ибо он за глубокою старостию сам сюда приезжать не в состоянии) несколько послано, а протчие каракалпацкие владельцы обнадежены, что и они, по приезде их сюда со освобожденными пленниками и с караваном, высочайщею ея императорскаго величества милостию будут не оставлены. А ныне к ним посылать не разсуждено для того, чтобы их тем к приезду будущаго лета с караваном привлечь и пленных высвободить. В какой же силе привезенные им Хальвет-Шихом от каракалпацких владельцев и старшин письма и поданная от него Хальвет-Шиха о тарханстве челобитная, с того, тако ж и с ответных от меня писем и с скаски прибывших оттоль толмачей (в которой как о их каракалпацком, так и о киргис-кайсацком состоянии довольно значит) и с указу данного на тарханство к разсмотрению Государственной коллегии иностранных дел прилагаются копии, таковы ж и в правительствующий сенат при нижайшем доношении посланы. Что ж помянутому Хальвет-Шиху здесь, в знак ея императорскаго величества милости, подарено и к отцу ево послано, тому при сем же роспись, а учиненные присяги в бытность означенных толмачей у оных каракалпак о наследстве по высочайшему ея императорскаго величества соизволению его императорскому высочеству государю великому князю Петру Федоровичю при сем подлинные приложены.

Иван Неплюев.

P. S. Выше писанные каракалпацкие посланцы отъехав отсель семьдесят пять верст до Красногорской крепости и прислав нарочного от себя, объявили, что для нынешней великой здесь стужи и вьюжных погод ехать им невозможно, того ради определено ехать токмо до

[1] Получившие тарханство, пользовались разными преимуществами, освобождались от податей и других повинностей.

крайней Орской крепости и тут быть, доколе благополучная погода будет, при которой велено их отправить против вышеописанного обретающемуся там полковнику Пальчикову.

Переводы с татарских писем, которые присланы от нижних каракалпаков, полученные чрез каракалпацкого старшину Халвет-Шиха в Оренбурге, ноября 1 числа 1743 году, а имянно.[1]

1-е.

От Каип-хана, Губейдула салтана, Мурат-Шиха и Урускул-хана и пр.

Высокопревосходительному г. тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичю[2] премного кланяюсь.

Вначале Каип-хан, Мурат-Ших, Урускул-хан, Губей-дулла салтан, Сююндук бий, Девлеть Бай батырь, Аллаберды бий, Майлы бий, Джиянбай бий, Шамурат бий, Труш Багадур, Джият Батырь и весь каракалпацкой народ, большие и малые, белому государю в рабское подданство пришли и верности присягали, и посланных к нам от вашего превосходительства без удержания до вас отправили благополучно; так же и наших без задержания изволите отправить, дав им провожатых, и о всем состоит в воле всемилостивейшей государыни. А весною в марте месяце с салтанами и знатными старшинами, так же и с караваном, к вам для свидания приедем и имеющихся у нас пленных, которые от хозяев освобождены, привезем. Да еще просим вашего превосходительства, ежели наши посланцы ныне возвратятся от двора ея императорскаго величества то и того, который ныне отправлен до вас обще с ними ж, возвратить изволите без задержки, ежели ж оные не бывали, то просим сих посланных з Джанбековыми посланцами ныне возвратить, а о протчем изволите спросить у сына моего Хальвет-Шиха, которой вам обо всем обстоятельно донести может, ибо оного Хальвет-Шиха со общего согласия ханов, салтанов и знатных старшин и всего народа с сим до вас и з будущими при нем Тагай Батырем и Мунак Батырем отправили.

На подлинном письме от их ханов Мурат-Шиха и салтанов чернильные печати.

2-е.

От Мурат-Шиха особливо высокопревосходительному г. тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву кланяюсь.

Сим вам доношу, что сорок тысячь каракалпацкого народа белому государю в подданство пришли и о всем в повелении и в воле всемилостивейшей государыни состоят, и просим, чтоб караваны между нами с торгами ездили со всякою свободностию, с посланным от вас, придав к нему от себя своего сына до вас отправил в марте месяце знатных салтанов и старшин, так же и караван отправим[3]; ежели прежде посланные от двора возвратятся, то прошу обще с сим посланным сыном моим Хальвет-Шихом и с толмачем Мансуром, не задерживая, для лутчей нашему народу верности, отправить; дети мои Чюман-Ших, Хянсап-Ших, Абдул-Ших, Кюнтей Батырь вашему превосходительству кланяются; при сем до вас послал малой презентец в знак нашей любви: одну барсовую кожу. Ежели что мне или

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 .. [illegible]
[2] Неплюеву.
[3] Так в подлиннике

детям моим пожаловать соизволите, то прошу что нибудь достойное; было б чем между нашим народом похвалиться. Паки прошу о сыне моем Хальвет-Шихе, чтоб отправить к нам без задержани[illegible].

На подлинном письме ево Мурат-Шиха чернильная п[illegible].

Письмо И. Неплюева каракалпакскому хану и старшинам, 10 ноября 1743 г.[1]

Ея императорского величества подданного каракалпацкого нижняго народа Каип-хану, Губейдулле салтану Мурат-Шиху, Урускул хану, Сююндюк бию, Девлет бай Батырю, Аллаберды бию, Маилы бию, Джиан бай бию, Шамурат бию, Труш Багадуру, Джият Батырю и протчим старшинам, биям, батырем и всему тому каракалпацкому народу.

Письмо ваше чрез Хальвет-Шиха исправно получено и о верности вашей к ея императорскому величеству, как из оного вашего списка усмотрено, так и от него Хальвет-Шиха словесное доношение здесь учинено, о чем и бывшие у вас ундер-афицер и толмачь, елико видели, засвидетельствовали и учиненные вами присяги подали, я о всем том вашем состоянии не оставил ея императорскому величеству всемилостивейшей нашей государыне всеподданнейше донести и обнадежить, что вы и весь каракалпацкой народ, яко древние ея императорского величества подданные, ради, с каким обещанием и усердным желанием присягали, так и пребудете вечно и почтитесь все то действом исполнить, что ныне в письмах своих объявляете, когда и знаки высочайшей ея императорского величества милости действительно получить удостоитесь, как то я присланному от вас Хальвет-Шиху на словах пространнее истолковал, который по подданому от него на высочайшее ея императорского величества имя прошению купно и с отцом ево Мурат-Шихом за доброе их состояние и за радение к службам ея императорского величества тарханским достоинством награжден и о том указом ея императорского величества снабден.

Что касается до прибытия вашего в Оренбург с караваном, в том наипаче ваша всенародная польза, от которой каракалпацкой народ потребное удовольствие возъиметь и в благополучное состояние притить может, чего вам всегда желаю, ибо вы сами без в какое состояние[2] чрез то пришед.— подданной же киргис-кайсацкой народ и как тем пользуются отдаленных мест жители, яко ташкенцы, хивинцы, бухарцы и другие тамошние народы, хотя и не суть они такие ея императорскаго величества подданые, как ныне вы и с вами нижней каракалпацкой народ, с которого, яко с подданного, за торг никакой пошлины брано не будет, но так же беспошлинно всякой торг и промысел дозволяется, как и киргис-кайсаком. И тако будущею весною, по силе вашего и учиненного от Халвет-Шиха обнадеживания, будем вас и каравана вашего сюда ожидать, чрез что лучшей возъимею случай мое доброжелательство вам засвидетельствовать и в надежде вашей на высочайшую ея императорского величества милость утвердить надеюсь, что тем, как вы, так и весь народ на всегдашнее время довольны и несумненны будете, а о безопасности в пути, так же и о пленниках у вас находящихся, говорил пространно с Халвет-Ших тарханом. Он вам здешнее разсуждение и ея императорского величества высочайшее соизволение обстоятельно донесет, по чему вам исполнить надлежит, ибо, как он словесно, так и вы письменно, довольно меня уверяли. И тако не имею сумнения, чтоб вы,

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г., копия.

[2] Так в подлиннике.

желая удостоиться и получить от великой своей монархини высочайшую милость, того не исполнили, яко то первое и главнейшее засвидетельствование ваше к ея императорскому величеству верности, а напротив того, вы и все те, которые пленных привезут, высочайшею ея императорского величества милостию награждены будут.

О посланцах ваших, ко двору ея императорского величества поехавших, Мамон Батыре, Аблай Шихе и Пулат есауле пред недавным временем от двора ея императорского величества получил известие, что они туда прибыли благополучно и с награждением ея императорского величества высочайшей милости в незамедленном времяни обратно отпущены быть имеют, почему и надеюсь, что они ныне в пути находятся; когда сюда прибудут, то останется в их воле, сею ль зимою к вам ехать или ожидать весны, как о сем и с Халвет-Ших тарханом говорено; с ними буду до вас писать, а между тем на слова помянутого тархана ссылаясь, которой по правде и по бытности своей у меня может вам засвидетельствовать и уверить, с каким добрым намерением все вы и весь каракалпацкой народ в милости ея императорского величества.

Со всегдашним к вам доброжелательством пребываю ея императорского величества тайный советник, кавалер и Оренбургской компании главный командир.

Подлинное за подписанием и печатью тайного советника и кавалера Неплюева.

...нбург.

Показания ундер-офицера Гордеева и толмача Мансура Дельного, 2 ноября 1743 г.[1]

1743 г. ноября 2 числа приехавшие от нижних каракалпак, посыланные туда из Орска, в бытность главной тамо команды с посланцами их, августа 31 числа в ундер-афицерском чине ис татарских школьников Филат Гордеев да толмачь Мансур, возвратясь, о той ...де своей обьявили.

По отбытии их с теми посланцами из Орской крепости ехали они ...ерх по Оре реке и искали кочевья Джанбек тархана и в шестой ...нь наехали сперва увакскаго роду старшину Барман Батыря, ко... сперва показал было им вид не весьма приятной за то, что ...во родственник не за долгим пред тем времянем пропал, о коем ему сказывали, что убит от русских. Однако ж, как они ему стали толковать о показанной ему чести и награждении в бытность ево ныне ... Джанбек тарханом у тайного советника и ковалера Неплюева, то он обратился к ним с наилучшим приятством и содержал их во всяком ...овольствии и по переначевании отправил к Джанбек тархану, дав шесть человек в провожание.

По отбытии от него Бармана в третей день наехали и онаго Джанбек тархана на речке Кайракле подле Орских вершин, к которому ...явясь посланные с ними письма ему подали и, хотя из них одним требовано от него о собрании им лутших старшин и о учинении совета к прекращению киргис-касацкого злодейства, то он то во всю их бытность содержал бездействительно, а другим требовано об отправлении их к каракалпацкому народу за безопасным провожанием; только он Джанбек тархан от того весьма отговаривался и не токмо ко отправлению их, Гордеева и Мансура, в настоящий путь не склонен был, но и их всячески склонял, чтоб назад возвратились, а напоследок

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г., копия.

хотел было и действительно назад отправить, с тем токмо резоном, [illegible] им ни в каракалпаки ехать не зачем, ни от них получить [illegible] могут, и напрасно де только такой труд принимают, а к тому ж ныне в орде русским и проезд весьма опасной, особливо [illegible] ском роде, где де, как только о руском [illegible] стят, что причитал себе за опасность и стыд, ежели [illegible] пропадут. И о проводниках объявлял, что у него охотников [illegible] не чем, а в неволю послать никого не может. Однако ж они, Гор[illegible] и Мансур, неотступно и со всяким усилованием просили у него с[illegible] отправления, куда они посланы, объявляя, что о им в пути [illegible] калпаках ни зделалось, только они исполнять должны, каковым [illegible] зом продержались у него шесть днеи, и едва могли у него упр[illegible] отпуске себя в настоящей путь, только о провожатых все отговарив[illegible] ся, и разве де кто охотою пойдет, того б и брали. Чего ради они и пр[illegible] нуждены были искать. Однако ж напоследок дал есаула своего Абду[illegible] ла, брата Шамаметя, да Асана Абыза, кой был прежде сего п[illegible] Хозже-Ахмет салтане, которых, как он Джанбек тархан [illegible] по силе данной инструкции обнадеживали, что за то их провожан[illegible] по возвращении, от главного командира награждением оставлены [illegible] будут, и таким образом от него Джанбек с теми провожатыми поех[illegible] в путь, и были с ними до самого возвращения, как сюда прие[illegible] тем их провожанием довольны.

Будучи же в пути каракалпацкие посланцы сказывали им, [illegible] Джанбек тархан, в бытность их у него, наказывал им каракалпаком каждому порознь и тайно, дабы народ их ни пленников русских [illegible] Гордееву и Мансуру, не давали, ни в посланство б хороших людей [illegible] посылали, а для чего, — того им не изъяснил, только они каракалпацкие посланцы сами признавали, что он то чинит, ревнуя их каракал пацкому подданству, и как де кайсаки ведают, что они каракалпаки особливаго пред ними кайсаками состояния, то де разве они опас[illegible] ются, чтоб по склонности их каракалпацкой к российской сторон[illegible] по утверждении в подданстве какого им кайсакам утеснения [illegible] произошло.

По отбытии от Джанбек тархана проехали токмо одну волость ки[illegible] гискую, а потом до самых каракалпак ехали уже все степью, [illegible] торым и приехали в четырнадцатой день благополучно, только в пу[illegible] ти по разговорам с каракалпацкими посланцами один Абдул-Ших Мурат-Шихов сын с толмачем Мансуром дошел до ссоры, и стал говорить: какие они русские посланцы, что как к ним каракалпаком приедут, то называются афицерами и протчими чинами, а как в Россию возвратятся, то их и не знают никто, и что им, каракалпаком, потребно было, о том они командиром не доносили, и он Абдул-Ших от генерала саблею не пожалован, и как Мансур сказал, что здесь тем жалуются честныя и верныя люди за особливую услугу, то он, Абдул-Ших, выхватя у него ж Мансура незапно саблю, на него замахнулся и действительно бы срубил, только киргис-кайсацкие проводники оную перехватили и не допустили, и за то его лошадь плетьми стегали, и так с ним разошлись; однако ж и в каракалпаках он Абдул-Ших им, Гордееву и Мансуру, по той ссоре разные и немалые приметки чинил.

По прибытии к каракалпацкому народу въехали сперва в крайней еланрской род к простому каракалпаченину, у которого и начевали, а поутру поехали к Мурат-Шиху в настоящие улусы, и, не д[illegible] верст за пятнадцать, от Мурат-Шиха выслана была им встреча человек с пятьдесят, с которою под вечер приехали к нему Мурат-Шиху, а от него приготовлена была для них особливая кибитка, [illegible] кою они и стали. При чем, как бывшия на встрече их, так и протчия, во первых стали спрашивать, где у них люди и протчие тягости их

И как они Гордеев и Мансур сказали, что более ничего не имеют, как [illegible]то при них есть, ибо отправлены токмо с письмами и с надлежащим повелением, то они все, задумався, от них разошлись, а по[illegible]цы их, бывшие с ними, пошли по домам своим. И тако они, Гор[illegible] и Мансур, в той кибитке и остались.

[illegible]ого погодя, ночью Мурат-Ших их, Гордеева и Мансура, призвал к себе, которой, по надлежащем поздравлении, спросил, с чем они приехали, и как ему сказали, что с письмами и со объявлением о все[illegible]стивейшем ея императорского величества принятии их в подданство [illegible] ея императорскаго величества [illegible] спросил, естли что с ними [illegible]юванье ему или детям ево и народу. На что ответствовали то ж и что как к нему, так и Каип-хану, Губайдулле салтану и Девлеть [illegible] первой случай по портищу сукна кармазинного прислано, против чего он Мурат-Ших немало усумнелся и сказал, что потому как он Мурат-Ших в стыду остался, так и сами они пропали, яко народ их ничего от них во изъяснение принять не может, когда уведает, что [с] ними ничего к ним не прислано, ибо они того и ожидали, как им порутчиком Гладышевым обещано, что они все милостию ея императорского величества во всем удовольствованы будут. И хотя ему Мурат-Шиху представляемо от них было, что в письме к ним изображено, как их ея императорского величества высочайшею своею милостию обнадежить повелено, и как оную они действительно получить могут, чему они и следовать должны, но он Мурат-Ших с немалым неудовольствием говорил, что народ тому, что б было ни написано, отнюдь не верит, доколе действительно не увидит награждения; и тем оное время у них продолжалось.

На другой день Мурат-Ших призвал их, Гордеева и Мансура, паки к себе ночью ж, и взял от них присланное с ними к нему сукно, которым хотя он доволен был, токмо весьма скучал, что к ево детям ничего не прислано, кои де и прошлаго году, в бытность порутчика Гладышева, всячески старались о всем, что они, Гладышев и Мансур, [illegible]ли, и хотя он Мурат-Ших то сукно намерен был разделить тем [illegible]етям, однако ж они сами ему то разговорили, что оное на разные части изодрав и в другие руки роздать неприлично, яко оно прислано к нему от толь знатного государства, в знак ея императорского величества милости, за ево верность, чего ради он его оставил у себя в целости и розвесил в своей кибитке в показание всем полученной им не того чести.

И на третей день Мурат-Ших своего роду Габейдуллу салтана и прочих старшин собрал в мечеть, ибо протчие роды кочевали один от другова не блиско, в которую и их, Гордеева и Мансура призвал, и присланные с ними письма взял, кои ими и поданы с надлежащим при том их объявлением, и Мансур их читал и, что было потребно, толковал, особливо же о плениках обще старались. На что они каракалпаки ответствовали, что хотя они в подданство ея императорскому величеству пришли, однако ж не во всем еще утвердились, ибо о России почти ничего не знают и только что первые посланцы возвратились, то де уже генерал и плеников требует, к чему де народ их склонить никак невозможно, доколе они в том подданстве оснуются, яко то чтоб российское состояние совершенно они узнать могли, и для того де как посланство, так и купечество перво учредить и в порядок привесть потребно, ибо де народ их дикой и бес того к единственному мнению утвердить их не можно, а к тому ж де в том особливо препятствовать им может то, что они от ея императорского величества никакой милости еще не получали, зачем никто того и учинить не похочет, ибо хотя они тем и обнадеживаются, только

как с порутчиком Гладышевым, так и с ними все на словах, и потому де с языка ничего достать не можно. и что они принятия в под[illegible]ство такого желали что, как мурза Тевкелев к Абулхаир хану при[illegible]жал, которой де не токмо ево, но и народ ево наградил. Причем к[illegible] [illegible] варивали, что киргис-кайсацкой де народ и поныне от вас н[illegible] [illegible]щение получает, как черными лисицами, так и кармазинны[illegible] [illegible]нами. токмо де плешников не токмо не освобождают, но и [illegible] [illegible]ийские места раззоряют, и в полон берут, а мы де от вас и нич[illegible] [illegible] не видали. да и полонеников требуете. генерал де не шах р[illegible]сицкой, нас де не саблею в подданство привел, но мы д[illegible] [illegible] при[illegible]шли. и для того де нужно прежде как путь в Россию. так генер[illegible] и торг российской далее спознать, почему и о пленниках старать[illegible] исполнить обещались, ибо де того вдруг в их народе зделать нель[illegible] и они пленники от них не уйдут. А более все то, яко же и протчи[illegible] здешние требовании, отлагали до возвращения достальных их послан[illegible]цов, отправленных ко двору ея императорскаго величества, разсужда[illegible] что, когда оные прибудут, то тогда они посмотрят, что с н[illegible] буд[illegible], а о посылке сюда салтанов и лучших людей, также и об отп[illegible] купеческого каравана Мурат-Ших сказал, что как хочет Каип-хан с протчими. С чем с того собрания все и разошлись; по прочтении ж[illegible] тех писем, ему, Мурат-Шиху, посланное с ними, Гордеевым и Ман[illegible]суром, именем тайного советника ружье штуцер вручено, которое он принял с немалым благодарением и при многих людех бога за т[illegible] молил.

На четвертый день, уведав о приезде их, Каип-хан к Мурат-Шиху прислал, чтоб их, Гордеева и Мансура, прислал к нему, почему он Мурат-Ших, дав им приехавшаго ныне с ними сюда сына ев[illegible] Халвет-Шиха, так же и то письмо, кое они к ним от тайного советника привезли, к нему, Каип-хану и отправил, к которому они и приехали чрез полдни и, подав то письмо, как о приеме их в числе верных подданных ея императорского величества объявили, так и высочайшею ея императорскаго величества милостию обнадеживали при чем и сукно, посланное к нему, вручили. с чем он их принял весьма изрядно и письмо взяв поцеловал и на голову положил, а за сукно немало благодарил; для них де поставил особливую кибитку и потом, собрав лучших людей, человек с сорок, письмо читал, по которому он ответствовал, что о пленниках зависит в старании и повелениях больше от Мурат-Шиха, яко он в том по своему духовенству и старости больше возможности имеет, а о караване говорил сперва, что ево отправить опасно, ибо де ныне киргис-кайсаки, хотя и подданными ея императорскаго величества называются, но вместо того российские крепости раззоряют и в полон берут, а к тому ж де и от руских небезопасно, ибо когда они и прежде сего по приходе в бытность у Абулхаир-хана мурзы Тевкелева, в подданство ея императорскаго величества купеческой караван к волским калмыкам отправили, то оной от яицких казаков разбит и бывшие при том их люди побиты, а протчие, что ни лучшие, в полон побраны, а особливо знатнейшей и первой их старшина Палван Батырь, и хотя ему они, Гордеев и Мансур, на то объявляли, по силе данной инструкции, но он хан, ничего того не приемля, отзывался, что яицким казакам о подданстве их нельзя было не ведать, ибо он в знак того во-первых беглых из России башкирцов триста семей, от которых он сам довольствовался, отдал. Об отправлении же ко двору ея императорского величества салтанов и знатных людей отзывался тем, что, хотя он Каип-хан прошлого года с порутчиком Гладышевым [illegible] о своем сыне обязывался, но с каким сюда отправлением, о том, к[illegible] ко двору ея императорского величества, так и к тайному советнику

и ковалеру, писать держался, ведая, что как росси[illegible] судырыня толь славная и высокого разума, следс[illegible] о всех порядках довольно сведующие, то б ему было неприлично. [illegible]нако ж и ево хана, яко же и протчих ему подобных, хотя они и бе[illegible] люди, по природе и по обыкновению их честь [illegible]ржитца и когда юнгорской владелец из верхних каракалпаков и от неприродного хана Хози (кой у них находитца из беглых из России чюваш) сына потребовал и присланные от него хотели было взять просто, то старшины каракалпацкие ево удержали до того, чтоб от онаго владельца то ево ханского сына взятье было с таким порядком, дабы для того прислано было от него зеленая полатка, надлежащее числе лошадей и верблюдов, а им бы старшинам подарки, почему де то от онаго владельца и учинено, и для того де пред своею братьею и ему Каип-хану помину того сына своего отправить просто не можно.

Затем он Каип-хан по представлению их о наследстве его императорскому высочеству благоверному государю великому князю Петру Феодоровичу всероссийским императорским престолом как за себя, так и за детей своих и за весь свой род чинил присягу, в чем и печать свою приложил. И тако у него хана пробыли сутки во всяком удовольстве и с тем от него возвратились к Мурат-Шиху и, хотя он Каип-хан во всем их прибытием не доволен был, однако ж желал и при отъезде им наказывал, что им желательно, дабы из России посланцы присылаемы были как к нему хану, так и к протчим знатным людем, на всякой род по [illegible]. В бытность их у онаго Мурат-Шиха и Девлеть [illegible] к ним приезжал, которому они с надлежащим объявлением посланное письмо и сукно вручили и, хотя он всем тем доволен казался, при чем немедленно и присягу учинил, но как после того вскоре уехал в свой улус, то они более ево и не видали.

Купратского роду Урускул хан уведав, что они руския посланцы приехали и живут у Мурат-Шиха и к Каип-хану ездили и надеялся, что с ними есть и к нему хану письма и посылка, прислал к ним, Гордееву и Мансуру, есаула своего Шамрата с выговором, для чего они так долго к нему хану не явились, на что они ему ответствовали, что к нему с ними ни писем, ни посылок никаких нет, кроме как ко всему народу писано, ибо он и сам особливаго письма не писал, против чего тот есаул объявлял, что, когда он хан при порутчике Гладышеве в подданстве своем [illegible]ея императорскому величеству присягал, то при отправлении от них онаго Гладышева Мурат-Шихов сын Хальвет-Ших (кой ныне сюда приехал) ездил нарочно к нему хану с тем, что он хан при том отправлении от себя прикажет или своих посланцов пошлет, которому он хан приказал в посланном с ним Гладышевым письме, и от его имяни приписать, ибо де у него писаря не имеетца, чего ради и печать свою на белом листу приложил и к порутчику Гладышеву с ним послал в подарок девять штучек ташкентск[illegible] сусов да халат. Но как Мансур подтвердил, что от него ничего писано не было, и Гладышев ничего того не слыхал, то оной есаул им Халвет-Шихом ста[illegible] о том следовать, по которому он Халвет-Ших, приходя к нему Мансуру, всячески приступал и принуждал, чтоб он тому ханско[illegible] сказал, яко з Гладышевым и от него хана письмо им [illegible] и что подарок ево ханской он Гладышев получил, а напосле[illegible] и ножем страшал, что ежели так не скажет, то он ево зарежет, ибо [illegible] он Халвет-Ших, яко почетной человек, им того не малой стыд по[illegible] может. Однако ж он Мансур в прав[illegible]е утвердился, оной же пос[illegible] вет-Шихом к Гладышеву подарок утаил он [illegible]елил з братом своим Чюман-Шихом, с чем оной есаул [illegible] и

с ним ездил к нему помянутой Халвет-Ших для взятия от него присяги, и хотя Урускул-хан на них, Гордеева и Мансура, сперва весьма осердился и послал было девять человек их убить, и что так Халвет-Ших с Чюман-Шихом зделал, никак верить не хотел, однако ж тот есаул ево от того разговорил и об них Гордееве и Мансуре уверил, после чего он хан и присягу учинил, объявляя де (как Халвет-Ших сказывал), что, хотя он ныне из России ничего не видал и с ними каракалпаками сообщатся не должен, однако ж прежней своей о подданстве присяги нарушить не хочет и требовал де, дабы впредь как к нему хану, так и на всякой род по особливому посланцу присылано было.

С вышепоказанным Урускуловым и есаулом Шамратом для них, Гордеева и Мансура, приезжал того ж роду знатной и первой старшина Сююндюк, которой весьма желал для содержания их взять к себе, завидуя, что кто из России ни приедет, то Мурат-Ших всех у себя удерживает; но Мурат-Ших отпустить к нему нимало не склонился, и хотя он Сююндюк и ссорился в том с ним немало, упрекая ево, что от него таким руским посланцом не токмо каких подарков не бывает, но и содержания хорошего нет, а к тому ж де хотя кто и другие подарками награждать пожелают, яко то Урускул-хан к Гладышеву было послал, но и того, им не допущая, у себя удерживают, и вместо их сами корыстуются, а напоследок вышеписанного ханского есаула и по лошадеи их посылал, и оседлать приказал, и их Гордеева к той езде не только принуждал, но и ножем стращал, только Мурат-Ших их до того не допустил; но что касается до такого ево сююндюкова поступку, то он, как они могли усмотреть, домогался с вымыслу, чтобы над ними у себя какой вред учинить, как то ему Урускул-хан приказывал, риясь за то, что они с приезду в их народ мимо ево проехали, яко он пред другими ханами почитается больше, и тако он Сююндюк возвратился; однако ж, по требованию их, присягу учинил.

Затем они у онаго Мурат-Шиха жили до отъезду уже праздно и всего тамо пребывания имели месяц, ибо они, каракалпаки, сперва намерение имели держать их у себя всее зиму, но как от трухменцев, кочюющих около Хивы, произошли на крайние их улусы нападения, кочюющих к Аральскому владению кибиток с пятнадцеть вырубили, то они, согласясь с киргис-кайсаками, положили в отмщение им, трухменцам, иметь с ними за то воину, чего ради и об них, Гордееве и Мансуре, они каракалпаки имели собрание и совет, для которого и Каип-хан к Мурат-Шиху приезжал, и сперва намерены были отправить их возвратно одних с киргис-кайсацкими провожатыми, объявляя, что ныне около их все стала война, и хотя де вы о киргис-кайсаках сказываете, что они подданные ея императорскаго величества, но они де все ваше крепости разбили, и затем де ехать им опасно, однако ж Мурат-Шихов сын Халвет-Ших сам сюда ехать с ними пожелал, по которому они отправить их с ним и положили тем резоном, чтоб он Халвет-Ших, как об них, каракалпаках, обстоятельно донести, так бы и во всех от генерала обнадеживаниях уверится и в ево требованиях основаться мог, по которому они и поступать будут, разсуждая, что их, Гордеева и Мансура, более у себя держать опасно, яко они и сами начинают воину, то б в таком случае какого им вреда причинится не могло, и от того б им в стыду не остаться, по которому они, Гордеев и Мансур, взяв от кого пристойно было у них присяги, сентября 28 числа от них и отправились, причем как Мурат-Ших, так и Каип-хан наиболее всего наказывали, дабы впредь, когда отсель посланцы отправлятца будут, то б как к ним, так и в купратской род к Сююндюк батырю, особливые пись-

ма и посланцы присыланы были, чтоб по тому в требованиях всяк в своем роде старался, ибо де народ их без того к доброму склонить не можно, и хотя де они сами иногда о чем бы и старались, но другие в своих родах препятствовать могут. А как ими, Гордеевым и Мансуровым, усмотрено, что они каракалпаки желают того, чтоб им подарки способнее чрез то получать было, яко думают, что без того отсель отправляться не будет.

Пред отпуском же их за несколько времяни бывшей прошлого 1742 года в Орской крепости из каракалпацких посланцев, кой отправлен тогда с поручиком Гладышевым, Мамырь Батырь [illegible], увидев тогда у них, Гордеева и Мансура, кафтан алого сукна с Халвет-Шихом просили оной себе, но как оного им не дали, то оной Мамырь хотел их ограбить и действительно к тому был намерен, объявляя, что Абулхаир-хан и прошлого году самого поручика Гладышева и его, Мансура, приказывал ограбить, по которому он у них неотступно и отныне только к тому, они Гордеев и Мансур, не допущены, и хотя Мурат-Шиху о том с жалобою говорили, но он и сам сказал, что прежде у них и никому из русских выезду не было, кроме того как они при Гладышеве присягу учинили.

Посланное с ними в запас кармазинного сукна нарочито подарили они одному из Мурат-Шиховых детей, сыну Чуман-Шиху, которой, как ими усмотрено, у него Мурат-Шиха в лучшем люблении находится и в советах весьма силен, чему и он Мурат-Ших более следует, и хотя они от того удерживались, чтоб то сукно зберечь, но как оной Чуман-Ших видит, что он без награждения от них остается, то он во всех их нуждах никакого успеху допускать было не стал, а потом как сам и к присяге пришол, так и протчих многих ево вспоможением приведено.

В бытность их тамо, хотя как у них каракалпак в содержании их, Гордеева и Мансура, ни препятствия, однако ж они от них каракалпак в том их подданстве противностей и замыслов никаких, так же и лести не усмотрели, но сколько могли видеть, то они с прямым намерением в то вступили и содержать и к тому радение имеют, почему оное их подданство и ея императорскому величеству не безнадежно, в чем наиболее склонны упомянутые Мурат-Ших и [illegible], так же и в купратском роде сююндюкова родственники, а наипаче всех к тому ревнителен Губейдулла салтан, которой одного роду с Мурат-Шихом и, как их, Гордеева и Мансура, во всю их бытность он более довольствовать, так и всякие им ведомости подавать и по тамошнему их обычаю в поступках их наставлении им чинить старался, только он между своим народом мало силы имеет. Однако ж в люблении у них находится и назначен в купратской род ханом вместо Урус-хана, которого от ханства намерены они отрешить, почему он и в присяге и в письме хотел было подписываться ханом же; только после до действительнаго на то возведения признал за непристойно.

Мурат-Ших по их усмотрению в народе их весьма силен и народ ево почитает не иначе, как за святого, чего ради и делать без него ничего не хотят, а как они видели, то он действительным к тому угодником себя оказывает, ибо великой постник и в молитвах трудник и хотя какая бы стужа ни случилась, но он, вышед на снег, до земли прогает и от кого что получит в подарок, то у себя ничего не оставляет, но раздает в мир, за что не только их каракалпаки, но и других городов, яко то из Хивы и Бухарии приезжая, ево чтят. Из них из детей ево такие почитаются: во-первых, большой Халвет-Ших, кой ныне с ними сюда приехал, да меньшой Чюман-Ших, которых он Мурат-Ших и любит лучше всех. Почему они и силу в народе

своем немалую имеют, и онаго Халвет-Шиха с вышеупомянутым Сююндюк Батырем, в бытность их, и в Хиву призывали и жаловали на место побитых тамо правителей, учрежденных от шаха из аральского народа, двух человек, только он Халвет-Ших более склонился сюда. Каип-хан между ими хотя не властен, но по их состоянию весьма умен и не убог.

С путренним состоянием они гораздо убожее, нежели киргис-кайсаки и промысел их более состоит в хлебопашестве, скот у них больше рогатой, а лошадей весьма скудно, при том и торг производят, как в Хиву ездя, так и у себя приезжающим, скотом, а больше продают в киргис-кайсацкую орду порох, свинец и ружья, которые все у себя сами делают.

По отбытии их от того каракалпацкого народа ехали они до Абулхаир-хана дней з двадцать и на дороге встретили посланного отсель с письмами казака Лапина, с которым соединясь и ево хана искали, и наехали ево на речке Кайракле, к которому и явились вместе с Халвет-Шихом, и о своей комисии донесли, против чего он весьма осердился и стал с жестокостью спрашивать, что как они туда проехали и как они сказали, что чрез Джанбека для лучшей безопасности, то он и наипаче ожесточился за то, что тайный советник, кроме ево хана, такое им отправление учинил, ибо де они и в подданство приведены чрез него хана, а ныне де уже Джанбека более ево стал почитать; на онаго же Халвет-Шиха наипаче стал кричать, для чего они без ево ведома так пересылаются, со всяким их поношением и укоряя, что сперва российскую государыню нашли чрез него, а ныне сами собою вызываться стали: вы де, как башкирцы, только знаете себя оказывать, а того де не видите, что иногда, как сами, так от вас и другие, пропадут. И велел тот час, как ево Халвет-Шиха, так и их, Гордеева и Мансура, обыскать, какие они от каракалпак письма имеют, и нет ли в них какой на киргисцов жалобы, по которому они есаулами ево во всем коше и обыскиваны. Однако ж Халвет-Ших объявил ему только одно писанное от Мурат-Шиха письмо, а протчие ими были упрятаны, и хотя в нем противнаго ничего не нашол, однако ж ево Халвет-Шиха отпустить не хотел. Но как он Халвет-Ших стал ему говорить, что, когда он отправлен, то ево удерживать уже не для чего, и за то как отец ево, так и российская государыня недовольны от него остаться могут, то он к отпуску склонился и сказал: так же ты хочешь меня в том до стыда привести, того де ради, и как де отец твой — святой человек, поезжай.

При том же помянутой Лапин от тайного советника и ковалера ему хану подал посланные с ним письма, которые как ему прочтены, то он на него тайного советника наипаче осердился, и с немалым унижением говорил, что генерал им командует, и требует обыску пленников, добро бы де уже писала к нему государыня, то б исполнять не отрекся, а то де он — генерал, а я де — хан, следственно, и сам де таких же генералов имею, и уже де он таковыми письмами так наскучал, что де таких лоскутьев целой верблюд у него накопился, а что де он кайсакам грозит, тому статься не можно, и что де они боятся никогда не будут, вам ли де их доставать, что они, яко звери, куда хотят, туда уйдут, а вы де с своими телегами долго ли находиться можете; он де пишет много, а я де, что ни отпишу, тому не верит, и хотя де афицеров присылает, но только ими славу делает, вот де афицер только сидит, да ездит, а к генералу не только об них, но и о себе ничего ни писать, ни говорить не смеет, яко он с народом своим управиться не может, и хотя де прошлаго году сам ему представлял, чтоб для приведения в послушание учинил помочь войском, но он де и того не зделал.

И тако то время препроводили и были у него без малого двои сутки, а потом все они от него отпущены, и как с Лапиным, так и с Халвет-Шихом письма посланы; при отъезде же их, как он хан, так и протчие киргисцы весьма наказывали тайному советнику донесть, что башкирцы их киргис-кайсаков весьма обижают, и уже лошадей с тысячу отогнали, от которых они и к Сыр-Дарье бежать принуждены, и чтоб такое воровство пресечено было и из отогнанных лошадей нарочно для того посланных хотя малое число возвратить, а затем де протчих хотя после уже станут доставать, а если де тех лошадей ныне не возвратит, и их не уймет, то де лишь токмо зимняя дорога станет, вместо их у них, башкирцов, детей уже брать будут, ибо они не от государыни, ни от генерала, но от башкирцов уже обижаются. При том же отъезде, как хан к тайному советнику написал о задержании не поехавших с ними джанбековых людей Каина есаула да бывшаго в провожании их Абдулова брата Шамаметя, вместо имеющихся в ево джанбековых улусах руских пленников, то оной Шамаметь, уведав про то, хотя и ехать весьма опасался, однако ж напоследок осмелился и говорил, что если ево здесь задерживать будут, то генералу все донесет, яко он хан пишет, то вместо своего плутовства и он сам вор, ибо де прежде сам же алчинцов научал под российскими местами воровать, в том мнении, что руские, испужався того, сына ево скорея отдадут. А ныне де уже, что в том и дела, то не знает. Халвет-Ших же, будучи в пути, сказывал им, что Абулхаир-хан весьма отвращал ево тайно, чтоб сюда не ехать, стращая будто ево здесь задержат, что же они мимо ево хана не проехали, то он Халвет-Ших сам к нему явиться искал, как и от народа ему приказано, и бес того проехать не смел, ибо де они кайсаки кочюют ныне в близости к ним и тако они ево хана боятся; о состоянии Хивы, будучи они в каракалпаках, слышали, что тамо ханом ныне бывшаго хана Юлбарса сын, которого персицкой шах убил, и хотя при нем для ево молодости от него, шаха, были во оной Хиве особливые из аральцов двое правителей учреждены, но, как оные, по шахскому указу, от кочующих около хивинского владения трухменцов стали требовать к нему людей в службу, то они, не дав их, положили тех правителей побить, к чему и хивинцов склонили, и потому они чрез них, а более чрез того хана и побиты, а потом они с хивинцами и трухменцы объединились, и хотя хана того же оставили, за то, что бывшия правители наиболее им переведены, но протчих хивинских присудствовавших с теми правителями, тако ж побив, на их места из своих трухменцов учредили и от шаха отложились и ныне имеют войну с каракалпаками и киргис-кайсаками.

К подлинной скаске помянутые ундер-афицер Гордеев и толмачь Мансур Дельной своеручно подписались.

Прошение Халвет-Шиха императрице Елизавете Петровне[1]

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня, императрица Елисавет Петровна самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая.

Бьет челом вашего императорского величества всеподданнейший раб нижних каракалпак ябынского роду Халвет-Ших Мурат-Шихов, а о чем мое прошение, тому следуют пункты.

1. Ныне тому пятнадцеть лет как был мурза Тевкелев в киргис-кайсацкой орде у Абулхаир-хана для приводу ево со всею ево вла-

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г. Дата отсутствует.

дения киргис-кайсацкою ордою вашему императорскому величеству в подданство.

2. В то время каракалпацкой наш народ, мой отец Мурат-Ших и Каип-хан, салтаны и знатныя старшины и я, нижайший, и со всею нашею каракалпацкою ордою вашему императорскому величеству при помянутом мурзе Тевкелеве в рабское подданство пришли, что более старание отца моего Мурат-Шиха учинилось.

3. В знак того нашего рабского подданства находящихся у нас 300 дворов башкирцов, по требованию вышеписанного мурзы Тевкелева, возвратили, в чем так же отец мой и я, нижайший, верное старание прилагали.

4. В прошлом же году для оказания того ж нашего вашему импараторскому величеству подданства со Абулхаир-ханом двух человек, а имянно Мамыр Батыря Уразакова с товарищем послали, которые, приехав к высокопревосходительному г. тайному советнику и ковалеру Ивану Ивановичу Неплюеву в Орскую крепость; за весь наш каракалпацкой народ присягу чинили и, взяв поручика Дмитрея Гладышева в нашу каракалпацкую орду, для тех же присяг возвратились, а оттоле с показанным поручиком Гладышевым вышеписанной мой отец, дав сына своего с товарищи, до двора вашего императорского величества отправил; так же и ныне с ними же приехавшему брату моему с товарищи, четырех человек дав, вышепомянутый тайный советник Неплюев от себя дву человек паки к нам в каракалпацкую орду посылал, которые, прибыв к нам, как отца моего, так мои нижайшаго и братьев моих к вашему императорскому величеству верные старания персонально видели.

5. Во свидетельство же вышепоказанного нашего народа рабского подданства и верных стараней отец мой Мурат-Ших хан, салтаны и знатные старшины со общаго согласия меня, нижайшаго, с вышепоказанными вашими двумя человеками отправили и будущею весною все лутчие наши люди с салтанами и с караваном и, находящихся у нас в каракалпацком народе российских пленников освободя, к свиданию в город Оренбург приехать обещались и впредь, чтоб в вечном рабском подданстве быть присягу учинили и куран целовали.

6. Того ради вашего императорскаго величества всеподданнейше и рабски прошу, дабы за вышепоказанные отца и мои нижайшаго верные старании и впредь для вечного рабского нашего по [illegible] отца моего Мурат-Шиха и меня нижайшаго и всех наших законных наследников тарханами пожаловать и в засвидетельствование оного тарханства нам, нижайшим, за печатью вашего императорскаго величества грамоту дать.

К подлинному по-татарски писанному прошению нижних каракалпак Халвет-Ших Мурат-Шихов руку приложил.

Грамота Мурат-Шиху о пожаловании тарханства, 10 ноября 1743 г.[1]

Дан сей ея императорскаго величества всемилостивейший указ ея императорскаго величества нижних каракалпак Мурат-Шиху и сыну ево Халвет-Шиху по прошению их в засвидетельствование того, что Мурат-Ших и помянутой сын ево Халвет-Ших за верныя к ея императорскому величеству службы пожалованы между каракалпацким нижним народом первыми тарханами и законным их детям, которые в верной службе ея императорскаго величества будут, определено быть тарханами ж, того ради по ея императорскаго величества высочайшему указу каракалпацким ханам, салтанам бием и батырем и

[1] МИД, ф. 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г

всему каракалпацкому народу объявляется: оного Мурат-Шиха и сына его Халвет-Шиха, за их службу и достоинство пожалованных первыми тарханами, также и детей их тарханами ж почитать и признавать, и во всяких письмах писать оными чинами; напротив того надеятельно, что не только они Мурат-Ших и Халвет-Ших, но и дети их, чувствуя к себе высочайшую ея императорскаго величества милость, не оставят по верноподданнической своей к ея императорскому величеству должности верные свои службы и добрые поступки вечно продолжать, как то ея императорскаго величества верным рабом по присяжной должности благопристойно есть и надлежит. Во утверждение сего при подписании ея императорскаго величества тайного советника ковалера Оренбургской башкирской комиссии главного командира [illegible].

[illegible]

Реестр

[illegible]рисягавшим в приезд посыланных ундер-афицера татарской школы [illegible]ков Филата Гордеева и толмача Мансура Дельнова ниж[illegible]м каракалпацким ханом, салтанам, старшинам и протчим о наслед[illegible] соизволению ея императорскаго величества, его император[illegible]му высочеству государю великому князю Петру Феодоровичу Все[illegible]сийским императорским престолом [1]

№ ПРИСЯЖНЫМ ЛИСТАМ

Дигинской волости

1. Каип-хан Ишим [illegible]
2. А[illegible]
3. Вали
4. Габдуррахман
5. Набдуррахим
6. Габейдулла Ишим ханов

оного Каипа дети (2–6)

Морской волости

7. Мусульманского закона [illegible]тель Мурат-Ших Ибак-Шихов
8. Халвет-Ших Мурат-Шихов
9. Написавшееся духовным управителем Чюман-Ших Мурат-Шихов
10. Батырь Мамырь Уразаков
11. Аджимбет Явrубин

Ябинского [illegible] (8–11)

Морской же волости

12. Урускул хан
13. [illegible] Худай Назар[illegible]
14. [illegible] Назар биев
15. Даша Мурат бий Валягабиев

[illegible] (12–15)

16. Старшина Шамурат бий Худай Назарбиев

[1] МИД, ф. № 55, Каракалпакские дела, д. № 1, 1743 г. Заголовок подлинника.

Салтаны

[illegible]. Шуна
18. Герей
19. Бахти-гирей

} Катайского роду

20. Старшина Даблет-бай Батырь да Тивел мурза того ж роду.
21. Д[illegible]го роду старшина [illegible].

* * *

К истории пангерманского союза

В течение ряда лет по окончании проигранной Германией первой империалистической войны германская буржуазная историография пыталась создать впечатление, что политические планы, пропагандировавшиеся пангерманскими кругами, не имели якобы серьезных оснований, что эти планы не имели никакого влияния на политику германского правительства, что, наконец, носителями этих политических планов была сравнительно небольшая кучка «экстремистов», которых не следовало бы принимать в серьез.

В этой критике по адресу деятельности пангерманских кругов слышалось однако, не столько осуждение, сколько сожаление по поводу того, что аннексионистские планы, о которых пангерманцы трубили во все трубы, оказались, в результате проигранной войны, неосуществленными.

Потерпевшая поражение,— более того — катастрофу,— в первой мировой войне, пребывающая в вечном страхе перед лицом опасности роста революционных сил в стране,— германская буржуазия одела маску умеренного пацифизма. Но вот по истечении каких-нибудь полутора десятка лет после поражения в войне и после революции 1918 г., из империалистской Германии снова начали раздаваться лозунги, призывающие к новой войне, во имя нового империалистского передела мира, во имя осуществления широкой захватнической программы.

Пришедший к власти фашизм, демагогически называющий себя «национал-социализмом», всемерно разжигает войну за новый империалистический передел мира.

Лютый враг социализма, фашизм — это партия кровавой расправы с социалистическим движением, с рабочим классом, с широкими массами трудящихся. Но фашизм это не только буржуазный национализм. Это — национализм и шовинизм зоологического типа, это — каннибализм, возведенный в государственную систему, это необузданная империалистическая агрессия. Планы этой агрессии не блещут оригинальностью. Они в основных своих чертах и во многих деталях являются воспроизведением тех планов, глашатаями которых некогда являлись пангерманцы.

Публикуемая ниже записка секретаря русского посольства в Берлине Фан-дер Флита, составленная еще в 1900 г., напоминает о том, каковы были политические планы пангерманцев еще на рубеже XX века. Политическая организация, именовавшаяся «пангерманским союзом», начала складываться в те годы, когда германский капитализм уже вплотную подошел к монополистической стадии своего развития. Подлинное детище германского империализма, пангерманский союз был организацией, поддерживающей пробудившиеся колониальные тенденции. Одним из отцов пангерманского союза Фан-дер Флит называет известного колониального авантюриста Петерса. Впоследствии у руководства пангерманским союзом оказались представители германских монополистических организаций германской буржуазии, некоторые наиболее реакционные депутаты рейхстага, профессора и т. п. Тесно связанные с подлинными хозяевами буржуазно-юнкерской Германии, эти господа взяли на себя труд не только формулировать империалистическую программу Германии, но и пропагандировать ее в кругах средней и мелкой буржуазии, а также создать из живших за границей немцев колонизаторскую агентуру. Крикливой демагогией они

стремились широкую аннексионистскую программу германского финансового капитала, его планы империалистического передела мира представить как программу национальных стремлений. Вместо с «флотским ферейном» они шумно требовали создания крупного военного морского флота, чтобы иметь возможность оспаривать у Англии мировую гегемонию. Они были в первых рядах тех, кто добивался неуклонного усиления германского милитаризма, орудия осуществления аннексионистской программы.

Не решаясь еще громко разглашать свои планы расчленения Австро-Венгрии и аннексии ее земель, они говорили об экономическом включении Австрии в германскую таможенную систему. Они носились с планами включения в эту экономическую систему Бельгии, Голландии, Люксембурга, а также Румынии и других балканских государств. Разумеется, это была лишь подготовка к территориальной аннексии одних из этих стран и политической гегемонии над другими. Таким образом, германский империализм, не имевший, подобно английскому или французскому, богатой колониальной империи, стремился пробиться через Триест непосредственно к богатствам Средиземноморского бассейна, а через Румынию к Черному морю. Через балканские страны путь [illegible] в Турцию, где, особенно в связи с концессией на Багдадскую железную дорогу, открывались широкие перспективы для экспансии германского империализма. Пробиваясь через юго-восток Европы и Переднюю Азию, германский империализм вклинивался, с одной стороны, в сферу домогательств царской России, а с другой, английского империализма; в этой связи упоминающийся в публикуемой записке проект (он был изложен в брошюре Зигмунда Шнейдера) постройки моста, перекинутого через Босфор и вооруженного вращающимися батареями Круппа,— имеет почти символическое значение для оценки тех планов создания «Срединной Европы», которые начали оформляться еще в самом начала XX в. и которые полностью сложились в период первой империалистической войны.

Этим, однако, аннексионистские планы германского империализма не исчерпывались. Пангерманские круги широко пропагандировали и планы экспансии на Востоке Европы. Фан-дер Флит удивительно бесстрастно упоминает о пангерманских намерениях создать под протекторатом Германии ряд мелких государств за счет России. Оказывается, что к отделению от России Прибалтики, Польши и Литвы пангерманисты стремились не ради «расширения границ современной Германии на счет русских западных окраин», но исключительно чтобы помочь России завершить свое развитие «в чисто национальном духе». Он упоминает также о пангерманских планах расчленения Франции. Проектируя «на случай необходимого усмирения» Франции присоединение к Германии наиболее промышленных ее районов, пангерманцы, чтобы обессилить свою западную соседку, великодушно готовы были Савойю и Корсику и часть принадлежащей Франции Северной Африки предоставить презираемым ими итальянцам. Так, по словам Фан-дер Флита, представляли себе достойные предшественники Адольфа Гитлера свои «добрые отношения к Франции». Вместе с тем пангерманцы не только не скрывали, но и неизменно особо подчеркивали, что главным и наиболее ненавистным соперником германского империализма они считают Англию.

Проведение планов германской колонизации в Европе пангерманцы рассматривали как этап на пути к общей экспансии германского империализма. Повсюду, и в Европе и во внеевропейских странах они стремились создать опорные пункты дальнейшей германской экспансии. Тесно связанный непрерывными классовыми и многочисленными политическими нитями с германским правительством, пангерманский союз в своей деятельности обычно шел с ним рука об руку по пути агрессивных мероприятий. Однако, правительство обычно из тактических соображений отрицало свою причастность к пропаганде и столь откровенным захватническим планам пангерманского союза.

Сопоставление планов и методов деятельности пангерманского союза начала XX в. с планами и методами современного германского фашизма показы-

вает как много последний заимствовал у своих предшественников с той однако разницей, что современные фашистские заправилы Германии выступают еще более откровенно.

Германский фашизм не только усвоил и демагогические методы пангерманской пропаганды и общую империалистическую пропаганду пангерманского союза, он эти методы сделал еще более циничными, аннексионистскую программу еще более необузданной, приемы деятельности своей заграничной агентуры еще более откровенными и наглыми.

Пользуясь попустительством и даже покровительством со стороны реакцион[illegible] Англии и Франции, он уже добился частичного осуществления своей [illegible] [illegible]далось захватить Австрию и Чехо-Словакию. Он яв[illegible].

Публикуемый документ, напоминающий о пангерманских истоках фашист[illegible] этому несомненный интерес.

Публикуемый материал хранится в архиве внешней политики. Подготовлен печати С. Левиной.

[illegible]

Депеша посла в Берлине управляющему министерством иностранных дел Ламздорфу, 4 января 1901 г/22 декабря 1900 г., № 70.

М. г. граф Владимир Николаевич.

Недавние парламентские прения по поводу непринятия президента Крюгера[1] в Берлине выдвинули на вид деятельность так называемого пангерманского союза.

Хотя проповедуемые им идеалы и являются, отчасти, плодом пылкой фантазии, тем не менее последовательное подготовление пангерманистами практического разрешения некоторых соприкасающихся с нашими интересами политических и экономических вопросов не может не обратить на себя серьезного внимания.

Вследствие сего я поручил помощнику секретаря вверенного мне посольства надворному советнику Фан-дер Флиту изложить в препровождаемой у сего на благоусмотрение вашего сиятельства записке историческое развитие и цели сказанного союза.

Гр. Остен-Сакен

Докладная записка пом. секретаря Российского посольства в Берлине Фан-дер Флита.

Пангерманский союз обязан своим возникновением немецкому к[illegible]ниальному движению 80-х годов. В 1886 г. известный африканский деятель д-р Петерс, основатель немецкого колониального общества, подал также мысль к созыву всеобщего немецкого съезда в Берлине, к которому были приглашены все германские национальные «ферейны», объединенные тут же в союз под названием «Allgemeine Deutscher

---

[illegible] Крюгер, после разгрома бурских армий [illegible] был торжественно принят Голландией и [illegible] взаимоотношения с Англией. [illegible]

[illegible] иностранных дел о прениях, развернувших[illegible] [illegible]н-Сакен, российский посол в Берлине, отмечал, что пангерманисты, в частности доктор Гассе, руководитель [illegible] на это на правительство. «На этой благодарной почве, враждебные принятом[illegible] нию элементы рейхстага находят несомненный отголосок [illegible] кругах пангерманистов, столь шумно приветствовавших [illegible] по прибытии его в Кельн» — писал Остен-Сакен, ук[illegible] выступить с объяснениями по данному вопросу [illegible] тельство не намерено создавать затруднений на [illegible]

Verband». С той поры союз подвергся немалым изменениям. Он почти было совсем не распался, по возвращении д-ра Петерса в Африку, и возродился после заключения, оскорбившего народное чувство, Занзибарского соглашения с Англией в 1891 году на новых началах[1].

В таком виде «всенемецкий союз» явился выразителем национальных стремлений и задался целью зорко следить за всеми вопросами внутренней и, преимущественно, внешней политики, желая, по возможности, путем печати и своих представителей в [illegible] в национальном духе [illegible]

В 1891 году во главе со[illegible] д-р Гассе, который и по сие время [illegible] «Alldeutsche Blätter» и энергично проводит строи[illegible] союза, носящего теперь более краткое название «Alldeutscher Verband».

По последнему, прочитанному на общем собрании, в июне сего года, отчету, к союзу принадлежит ныне более 20 тысяч членов, образующих 184 местных групп (Ortsgruppen), из коих 158 находятся в Германии, а 26 вне ее пределов[2]. Главным образом агитаторский характер «Alldeutscher Verband» ставит его деятельность в прямую зависимость от стоящих на очереди национа[illegible]осов. С 1895 г. союз берет на себя роль проводника идеи необходимого увеличения морских сил Германии, пропагандируя эту мысль в многочисленных, устраиваемых им же, народных собраниях, и посвящая целый ряд брошюр выяснению задач мировой политики Германии.

Содействовав успешн[illegible] подготовлением почвы, принятию рейхстагом нового морского закона[3], Alldeutscher Verband заслужил себе одобрение правящих сфер и его значение быстро [illegible]росло в стране.

[1] Имеется в виду англо-германская конвенция, заключенная в Берлине 1 июля 1890 г., в силу которой Германия признала британс[illegible] Виту и Сомалийским побережьем, так же как и над о[illegible] отказалась от всяких притязаний на Уганду и пр[illegible] вплоть до границы Египта, находящимся в [illegible] редь Англия, уступая Германии о. Г[illegible] занзибарского султана продать Германии прибрежную [illegible] ширить эту полосу до Великих озер (Ньяса и Т[illegible] получала узкую полосу земли (область Каприви), дающую ей доступ к реке Замбези.

Бисмарк резко критиковал этот договор, указывая, что «отказ от прав на Занзибар является хронической жертвой, для которой Гельголанд не может служить эквивалентом». (Бисмарк. Воспоминания. Москва. 1923 г.). Общеизвестно мнение Стенли, который сказал, что Англии удалось получить новенький фрак, отдав взамен только панталонную пуговицу. С другой стороны, в своих мемуарах Ви[illegible]гельм II так объяснял значение договора: «Этот остров (Гельголанд), тесно прилег[illegible]ющий к большим водным путям, ведущим к главным торговым городам Ганзы, был в руках британцев постоянной угрозой против Гамбурга и Бремена, что делало не[illegible] [illegible]ль о постройке флота... я знал, что с расцветом Ган[illegible] [illegible]й у берегов Африки, значение Занзибара, как главного [illegible]. Таким образом, я был убежден, что обмен для нас при[illegible] [illegible]является хорошая возможность избежать трений с Англи[illegible] [illegible]ьм II, Мемуары, Москва, 1923 г.).

[2] Правление Союза состоит из 200 членов, избираемых из числа руководителей местных групп и доверенных лиц. Делопроизводство лежит на теснейшем комитете, образованном из 15 членов, из которых, в свою очередь избираются представители главного управления. В настоящее время, в состав главного управления входят, кроме председателя союза профессора Гасс, депутаты рейхстага граф Арним-Мускау, фон Кардорф и аугсбургский б[illegible].

[3] Морской закон, принятый рейх[illegible] ную программу германского флота, рассчитанную на 6 лет. С принятием этого закона Германия перешла от строительства судов береговой охраны к постройке мощной броненосной эскадры.

Так, если в 1898 г. германский флот состоял из 12 лин. кораблей, 8 броненосцев береговой охраны, 10 больших и 23 малых крейсеров, то к 1903 г. он должен был, согласно новому закону, состоять из 19 лин. кораблей, 8 броненосцев береговой охраны, 12 больших и 30 малых крейсеров. Крупную роль в разработке и принятии

Одновременно, серьезное внимание союза обращено на судьбу [illegible]цкого элемента в Австрии. В этом вопросе он действует вполне на свой страх, входя в сношения с вожаками немецкого движения в Австрии и даруя им свою нравственную поддержку. Само собой разу[illegible]ся, что правительственные власти явно сторонятся от поощрения этих [illegible]тремлений, тщательно избегая открытого вмешательства во внутрен[illegible] дела соседней и союзной монархии. Проповедуемая однако, пан[illegible]манским союзом теория дальнейшего развития австрогерманских [illegible]ений, почерпнута им из суждений железного канцлера, кото[illegible] считал в свое время, выделение Габсбургской монархии из состава [illegible]рмании[1] лишь переходной ступенью к более тесному слиянию не[illegible].

Союзом 1879 года[2] не исчерпывалась, по новейшим исследованиям[3], первоначальная мысль творца тройственного союза, предлагавшего графу Андраши проект почти неразрывного единения обоих государств.

Ныне немецкие националисты мечтают о заключении с Австрией [illegible]нного союза на подобие экономического объединения государств [illegible]овременной Германии в одну таможенную область. По примеру воссоединенной империи, таможенный союз явился бы первым шагом [illegible] германизации Австрии. Этой цели должны были служить, с своей [illegible]тороны, новые рельсовые пути, идущие через Альпы на Триест, и соединение рек Рейна, Майна, Эльбы, Одера и Дуная в одну обширную водяную систему.

Привлечением к таможенному союзу соседних государств: Голландии, Бельгии, Швейцарии, Люксембурга и впоследствии, может быть также, соприкасающейся с Черным морем, Румынии,— создалась бы, по мнению пангерманистов, та среднеевропейская, экономически независимая площадь, которая при успешном процветании зависящих от нее заокеанских колоний, обладала бы всеми материальными источниками для обеспечения беспрепятственного развития живущих на ней народностей.

Этим проектом немецкие националисты предрешают вопрос будущего [illegible]кономического положения Германии в виду совершающегося, по их мнению, обособления России, Англии и Северо-Американских Соединенных Штатов в отдельные, вполне самостоятельные, торгово-политические единицы. К указанным выводам их приводит сознание все более осложняющихся условий для заключения торговых договоров, соперничество с Англией и Америкой на международных рынках и [illegible]пасение развития славянского элемента.

Желая обеспечить за Германией экономически выгодные позиции [illegible]lldeutscher Verband», с первых дней своего существования ратовал в пользу приобретения на Крайнем Востоке порта и угольной станции,

---

[illegible]ла о постройке морского флота играл адмирал фон Тирпиц. Назначенный в [illegible] г. статс-секретарем по морским делам, он разработал проект закона и развил сильнейшую пропаганду за его принятие в газетах, брошюрах и речах

[1] Выделение Австрии из Германского союза произошло после австро-прусской войны, закончившейся победой Пруссии, в силу статьи 4-й австро-прусского мирного договора, заключенного в Праге 23 августа 1896 года.

[2] Имеется в виду германо-австрийский союз и оборонительный договор, заключенный в Вене 7 октября 1879 г., которым было положено начало австро-германского союза. Договор устанавливал, что если Австрия или Германия подверглись бы н[illegible]падению России, то они были обязаны придти на помощь друг другу всеми [illegible] вооруженными силами. Если же одна из сторон подверглась бы нападению [illegible]-либо другой державы, не России, то другая договаривающаяся сторона была [illegible]на соблюдать благожелательный нейтралитет. В случае, если бы нападающая держава получала поддержку со стороны России, то Австрия и Германия также обязывались оказывать друг другу помощь всеми своими военными сил[illegible]

[3] «Der Kampf um die Vorherrschaft in Deutschland 1859 bis 1866». Heinrich Friedjung. Stuttgart 1899, B. II, pag. 531 (Прим. подлинника).

указывая, при этом, на Амой или острова Чушанского Архипелага. Занятием Киао-Чау осуществилось его заветное желание[1].

Одинаково сочувственно отнесся союз к решению Самоанского вопроса[2] и продолжает ныне следить с напряженным вниманием за развитием немецких интересов в Турции[3]. Последний вопрос составляет вообще излюбленную тему вдохновляемой пангерманским союзом литературы[4].

Начиная с новейших описаний немецких путешественников по Малой Азии и научных исследований области Ефрата и Тигра, до вышедшей недавно в свет фантастической брошюры, содержащей проект перекинутого через Босфор, вооруженного вращающимися батареями Круппа моста[5],— все эти издания служат одной идее. Ими обращается внимание германского общества на Турецкий Восток и развиваемые в них планы достойны внимания именно тем, что народное сознание постепенно пропитывается подобными мечтами и все более подготовляется почва, на которой созревающие политические задачи могут найти, со временем, сильную поддержку.

Мечтами, однако, о будущем мировом могуществе Германии не отуманивается трезвый взгляд на вещи, требующий предварительно упрочения политического влияния в намеченных краях экономического их завоевания. С этой точки зрения, германские националисты являются ревностными сторонниками правительственных мер, направленных к оказанию пособия частным океанским пароходным обществам, разветвлению кабельной системы и учреждению заграницей самостоятельных германских банков.

Одинаково последовательно отстаивается националистами самобытность немецкого сельского хозяйства. Этот вопрос тем более интересен, так как он является кроме того исходной точкой борьбы с наводняющими восточные провинции Пруссии славянскими элементами.

[1] В ноябре 1897 г., использовав в качестве предлога убийство в Шандунской [illegible]винции двух немецких миссионеров, германская эскадра заняла бухту Киао-Ч[illegible]. После длительных переговоров в марте 1898 г. Германия «арендовала» Киао-Чау у китайского правительства сроком на 99 лет и получила право постройки жел. дороги в Шандуне.

[2] В 1889 г. Германия, Англия и США признали острова Самоа независимым и нейтральным государством, находящимся под тройным протекторатом. В [illegible] 1899 г., после начала англо-бурской войны, Германии удалось добиться от Англии уступки ей части островов и 14 ноября 1899 г. был заключен англо-германский [illegible]говор, в силу которого Англия, взамен части германских Соломоновых островов, [illegible]казалась от своих притязаний на остров Уполу и Саваи в пользу Германи[illegible] остров Тутуилу в пользу США. 2 декабря 1899 г. договор этот был подтвержд[illegible] общим англо-германо-американским договором.

[3] Самым серьезным фактором в экономическом и политическом наступлении Германии на Турцию являлась постройка Багдадской ж. д. Концессия на постройку этой дороги была получена в 1888 г. «Немецким О-вом [illegible] финансируемым «Deutsche Bank». Дорога начиналась в Хайд[illegible] проходила через Исмид, а в 1892 г. была уже доведена до Ангоры, после [illegible]-во получило к[illegible]ю на продолжение этой дороги в направлении К[illegible] — Алама — Небезин — Моссул — Багдад — Басра — Ковейт. В октябре 1898 г. Вил[illegible] II посетил Турцию. Официально поездка объяснялась необходимостью присут[illegible]ть на торжест[illegible] освящения евангелической церкви в Иерусалиме, но [illegible] объяснял этот ви[illegible] Бюлов в своем меморандуме о поездке Вильгельма II: «[illegible]мическим результатом поездки императора является выдача концессии [illegible] Хайдар-Паша, концессии на проведение германского кабеля [illegible] Константинополем и укрепление существующих отношений между [illegible]тельством и крупными немецкими фирмами... Следует также отметит[illegible]ния Анатолийской ж. д. до Багдада. Это, по всей вероятности, б[illegible]т способствовать дальн[illegible]шему открытию для нас Малой Азии (Die Grosse Politik т. XII, № 3297).

[4] См. D-r Hasse. Deutsche Weltpolitik, München, 1897; «Flugsschroften des Alldeutschen Verbandes», «Alldeutsche Blätter» и др.

[5] [illegible] des Bosphorus in ihrer Bedeutung Weltwirtschaft und Weltverkehr. Wien und Leipzig. Verlagsbuchhandlung Leopold Weiss. 1900. (Прим. подлинника).

Ощущаемый сельскими хозяевами Восточной Пруссии недостаток рабочих сил пополняется, как известно, допущением рабочих из России и Галиции, число коих, по опубликованным «Alldeutscher Verband» сведениям, достигает ежегодно около 100.000 чел. Хотя подобное вторжение «чуждых» элементов и есть только временное и, по истечении срока, дозволенного им пребывания в Германии, прусские власти заботятся уже об их удалении, тем не менее националисты продолжают считать влияние проходящих славянских элементов весьма вредным для местного населения и требуют закрытия русской границы, как то было при железном канцлере.

Кроме того «Alldeutscher Verband» бдительно следит за малейшим проявлением инородных течений: им было открыто начало литовской и мазурской пропаганды в Восточной Пруссии и вендского движения в Верхней Лузации[1]; главной же его заботой остается, по сие время, польский вопрос, несмотря на то, что он перешел уже в ведение общества Verein zur Folderung des Deutschtums in den Ostmarken.

Сочувствуя деятельности «Поселенческой Комиссии в Познани и Западной Пруссии», националисты настоятельно требовали в 1898 г. в Прусской Палате увеличения поставленного в распоряжение сказанной комиссии фонда до 2 миллионов марок[2]; впоследствии они доказали парализующее влияние рентовых имений на достигаемые Переселенческой комиссией результаты и включили ныне в свою программу требования поощрения рентовыми банками[3] исключительно только немецких поселенцев.

В новейшее время, пангерманским союзом сделан опыт учреждения в восточных окраинах национальных питомников в виде сиротских домов[4], с другой стороны, им деятельно поощряется польская эмиграция.

Равно как «Alldeutscher Verband» в видах охранения германской нации от засорения инородцами, считает необходимым затруднить поступление их в германское подданство, он вместе с тем, ратует за создание возможно выгодных условий, облегчающих сохранение живущими заграницей немецкими подданными их национальной принад-

[1] [illegible] лужичан [illegible] Лузации. В указанный период в Верхней Лузации усиливалось национальное движение против германизации области. Организовывались просветительные общества, имевшие целью пропаганду и развитие лужицкого языка. Издавался еже[illegible]

[2] [illegible]

[3] [illegible]

[4] [illegible] и временного их пребы[illegible]

Подобное учреждение [illegible] пример встретил особен[illegible]

лежности к Германии. Вследствие сего, националисты требуют увеличения числа консульских представителей и признают крайне нецелесообразным действующее, по сие время, расширение закона 1 июня 1870 года, по которому всякий, живущий заграницей германский подданный, не записывающийся, в течение 10 лет, в консульские списки, лишается имперского подданства.

В указанном духе рассматривается также пангерманским союзом вопрос о выселении и принятым в 1897 году в рейхстаге законом (Auswenderungsgesetz), были уважены уже некоторые требования его по сему предмету.

Дальнейшим попечением союза о находящихся вне пределов империи германских подданных, является желание облегчить лежащие на них воинские повинности. По германскому военному кодексу правом отбывания военной службы в годичный срок (Einjährige Dienstzeit) пользуются только лица, окончившие курс в германских гимназиях. Учреждение немецких школ вне пределов Германии с одинаковыми правами, и составляет ныне предмет особых забот националистов. В этом отношении ими достигнут крупный успех, ибо правительство, снизойдя к предъявленным в парламенте д-ром Гассе требованиям, выразило в минувшем году, согласие на отпущение для этой цели 300.000 марок[1]. Одновременно националисты добились для жительствующих в юго-западных африканских колониях (Deutsch-Sud-West-Afrika) германских подданных права отбывать там же, на месте воинскую повинность.

В предыдущем изложены главнейшие пункты национальной программы «Alldeutscher Verband» в их прикосновении с вопросами реальной политики.

Остается дополнить характеристику союза немногими словами.

Представители его — восторженные поклонники преследуемой императором Вильгельмом мировой политики; они дружат с аграриями и открыто осуждают новейший поворот германской политики в сторону Англии, что объясняется как их симпатиями к бурам, так и опасением слишком большой зависимости от Сен-Джемского кабинета.

Относительно Франции они не питают завоевательных замыслов. Представители «Alldeutscher Verband» скорее сторонники добрых отношений к Франции, которой они, в своих утопиях о перетасовке Европы, готовы даже уделить Валлонскую Бельгию и Французскую Швейцарию; только на случай необходимого усмирения враждебной Тройственному союзу Франции, они намечают присоединение Дюнкирхена к Бельгии, Бельфора и Западно-Африканских владений к Германии и Ниццы, Савойи, Корсики и Северной Африки к Италии.

Равным образом расширение границ современной Германии на счет русских западных окраин не может, по словам националистов, входить в их соображения.

Развитие России должно, по их мнению, завершиться в чисто национальном духе. Прибалтийские провинции, царство Польское и Литва выделяются в самостоятельные величины, между тем как Афганистан, Белуджистан и опорный пункт в Дарданеллах должны отойти к России.

Приведенные утопии заимствованы из анонимной брошюры, носящей название «Gross Deutschland und Mitteleuropa um das Jahr 1950», которая рисует конечные цели пангерманских идеалов. Таковыми являются постепенная германизация членов будущего великого немецкого союза, за исключением скандинавских народностей, и тяготение к нему

[1] Rechenschaftsbericht zum 3-ten ordentlichen Verbandstage am 7 Juni 1900 zu Mainz. (Прим. подлинника.)

в торговополитическом отношении создаваемых второстепенных [illegible][1].

Возвращаясь снова к действительности, следует в заключени[illegible] [illegible]тить, что правительство относится к националистам точь в точь [illegible] смотрит на частных пионеров германской культуры на Во[illegible] [illegible]торых оно поддерживает своим политическим влиянием, если [illegible]по входит в его расчеты, но от которых оно может бесцеремонно [illegible]тказаться в неудобных случаях.

В сравнении с националистами других стран,— отличительной чер[illegible] представителей «Alldeutscher Verband» является свойственная не[illegible]мецкому духу, трезвость взглядов, которой отчасти сдерживается [illegible]ыл шовинизма.

От сохранения этих отличительных качеств зависит преимуществен[illegible]о будущность «Alldeutscher Verband» в роли влиятельного фактора [illegible] дальнейшем развитии государственной жизни Германии.

Фан дер Флит.

---

[1] Прибалтийское княжество, Польское королев[illegible], [illegible] царство, расши[illegible]ая на счет Бессарабии, Буковины и Валахии, Ру[illegible], [illegible] как Великая С[illegible], обнимающая Кроацию, Далмацию, Черногорию, Б[illegible].

Что касается мадьяр и чехов, то пангерманисты [illegible] сильной немецкой колонизации (Прим. подлинни[illegible]).

Из записной книжки архивиста

П. А. Моисеенко в архангельской ссылке

Сталинский [illegible] ха-рактеризует ст[illegible] на фабрик[illegible]:

...«Особен[illegible] революционного [illegible] стачка, вспыхну[illegible] Морозова в Ор[illegible].

На этой фабрик[illegible] рабочих. Условия раб[illegible] ухудшались: с [illegible] плата сбавлялась [illegible] ду расценки сраз[illegible] четверть, т. е. на 25 процентов. Но [illegible] го фабрикант Мор[illegible] штрафами. К[illegible]лось на с[illegible] стачки, из каждого зар[illegible]ботанног[illegible] видом штрафов у рабочего отним[illegible] пользу фабриканта от [illegible] бочие не выдержали [illegible] варе 1885 года объявил[illegible] ла заранее органиэ[illegible][1].

Морозовская стач[illegible] дущих стачек своей органиэ[illegible] ченностью рабочих [illegible] движением передо[illegible] мовича Моисеенко [illegible] ников Василия Волкова и Лу[illegible].

П. А. Моисеенко родился в 1852 [illegible] не Обыденной, Смоленской губ., С[illegible] уезда. Он рано попал на фабрику [illegible] передовым рабочим, всю жизнь был связан [illegible] рабочими, хорошо знал условия труд[illegible] ды и быт рабочего класса.

Еще до Морозов[illegible] стачки Петр Анисимович Моисеенко [illegible]е имел революционный опыт: он состоял [illegible]ьше членом «Северног[illegible] Союза русских рабоч[illegible]х», участвовал в н[illegible]нических кружках. [illegible]инимал участие в стачках в Питере, [illegible] в тюрьме и отбыл сибирскую ссыл[illegible]. П. [illegible]нко был самоучкой, но самообразован[illegible] встреча с товарищами в революционн[illegible] [illegible]ужках расширили его кругозор. Большое [illegible]яние на его развитие оказали Г. В. Плеханов, Ст. Халтурин и др. «Мы с товарищами зачитывались, не верили себе и удивлялись тому, что читали.

[illegible][1].

[illegible]

[illegible] царское правительство воспользовалось адм[illegible]нистративным аппаратом и выслало руков[illegible] [illegible]аленные губернии. М[illegible] [illegible]и на три года в Арханг[illegible] [illegible] под гласный надзор полици[illegible] [illegible]а подстрекательство рабочих к беспор[illegible]м», Волков [illegible] губерни[illegible] Л. Иванс[illegible] в Смол[illegible].

[illegible]кументы относятся [illegible] в арханг[illegible]ской сс[illegible].

После [illegible] полиция сразу направила [illegible] в Архангельск, не [illegible] разбора апелляции [illegible] Московской [illegible]дебной палате на решение [illegible]владимирского окружного суда. Директор де-

---

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), краткий курс, стр. 9—10.

[1] История Всесоюзной Коммунист[illegible] [illegible]ртии (большевиков), краткий курс, стр. [illegible]

[illegible] губернатора в выборе места ссылки [illegible] Моисеенко, в дополнительном предписании просит водворить его «в одном из отдаленнейших уездов».

[illegible] более двухмесячного этапного пути [illegible]

[illegible] смотря на болезнь жены, Моисеенко не дали возможности остаться в Архангельске [illegible] ры. Губернатор даже не ответил на его прошения, а направил Моисеенко в г. Мезень.

[illegible] гор. Мезени в эти годы составляло около полуторы тысячи жителей, которые занимались сельским хозяйством [illegible] лавок.

Казалось, загнав Моисеенко в такую глушь, [illegible] редило за ним строгое наблюдение. Жандарм[illegible] ным населением. За знакомство с политическими ссыльными, в частности с Моисеенко, учитель Балиев, под давлением полиции, вынужден был подать в отставку и выехать из Мезени.

[illegible] носились царские чиновники к политическим [illegible].

Понятно, что печатаемые ниже документы [illegible] Н. А. М[illegible] в ссылке. [illegible] жандармского управления лишь очень поверхностно знали внутрен[illegible] тельного» не нашла, в то время как за картинами были спрятаны прокламации. Неловко должны были чувствовать себя полицейские начальники и после второго обыска на квартире Моисеенко, произведенного уже после его отъезда из ссылки. Получив сведения, [illegible] П. М[illegible] ротмистр [illegible] Моисеенко много [illegible].

Будучи в ссыл[illegible], П. А. [illegible] образование. Час[illegible] совместно с [illegible] ными и в частности с Александром Серафимовичем [illegible] (писатель Серафимович). В своих [illegible] ниях Моисеенко пишет, что в Пинеге он [illegible] с большим усердием читали первый [illegible] «Капитала» Марк[illegible]...

Переписка с прокурором Московской судебной палаты о приведении в исполнение приговора Владимирского окружного суда о трехмесячном аресте Моисеенко показывает, что [illegible] ссылке, заставить отбыть и это наказание.

Материальное положение Петра Моисеенко в ссылке было крайне тяжелым. С первых дней ссылки ему приходится учиться столярному ремеслу, а жене заняться стиркой белья. Но «одительная» полиция и пинежский [illegible] смо[illegible] тери[illegible]ального положения [illegible] носит явно формальн[illegible] [illegible] Смоленска г[illegible] «имениями и капиталами» [illegible]

В марте 1889 г. после длительной переписки, Моисеенко удалось переехать в Пинегу, этим переездом он стремился облегчить свой выезд из ссылки летом [illegible].

9 июля 1889 г. П. А. Моисеенко закончил [illegible] лку и выехал из г. Пинеги в Челябинск, [illegible] ный решимости продолжать борьбу с са[illegible] сле[illegible] губ. жандармскому управлению о выезде Моисеенко в Челябинск, полковник Латухин указы[illegible]: «Моисеенко взял с собою много книг»...

Ни суровые климатические, ни тяжелые бытовые условия не сломили революционной инициативы Моисеенко; он не только сумел сохранить свои силы, но и накопить энергию для продолжения борьбы с самодержавием.

После возвращения из ссылки П. Моисеенко не прекращал участия в революционном движении вплоть до 1917 г.

П. А. Моисеенко умер 10 ноября 1923 г. и похоронен в Орехово-Зуеве у подножья памятника стачки 1885 г.

А. Угловой.

Анкета — (список) на Петра Анисимовича Моисеенко (Мосеенок) [1].

1. Фамилия, имя и отчество.— Мосеенок П[illegible]
2. [illegible] рождения.— 1853 года. декабря месяца.
3. Место рождения.— Смоленская губ., Сычевского уезда, Кравцовской волости, деревни Обыденно.
4. Вероисповедание.— [illegible]
5. Происхождение.— Крестьянин.
6. Народность.— Великоросс.
7. Звание.— Крестьянин.
8. Занятия.— Учусь столярному ремеслу.
9. Средства к жизни.— Казенное пособие.

[1] [illegible] облархив, ф. 2, д. № 666, лл. 29/54, 30/55. Заголовок подлинника. Ан[illegible] заполн[illegible] собственноручно П. А. М[illegible] во время пребывания его [illegible] г. Мезени. Дата заполнения анке[illegible] [illegible] П. А. Моисеенко в [illegible] ому: Мосеенко, Мойсеенко, [illegible], Мосеенок, Моисеенко. Принято сч[illegible] — Моисеенко. В приводимых текстах фам[illegible] воспроизводится так, как была в подлиннике.

10. Семейное положение ([illegible] ны или мужа, имена детей, их з[illegible] стожительство).— Имею отца Анисим[illegible], мать Марию Яковлеву, братья: Григорий, Алексей; сестры: Матрена, Наталья Анисимовы; жена — Екатерина Сазонова; дочь Инна Петровна. Живут последние при мне в городе Мезени.

11. Родственные связи (родители, братья, сестры, места их жительства и занятия).— Отец Анисим Иванов, мать Мария Яковл[illegible] братья — Григорий, Алексей Анисимовы; сестры — Матрена, Наталья Анисимовы. Жительство Смол[illegible] деревня Обыденное, [illegible] ством, находятся [illegible].

12. Место постоянного жительства родителей или заменяющих их родственников или опекунов.— Смоленская губ., Сычевского уезда, деревня Обыденное.

13. Экономическое положение родителей.— Находятся в податном со[illegible].

14. Место воспитания ([illegible] именно заведении, сколько времени проб[illegible] почему оставил каждое заведение, [illegible] ступил и когда вышел).— Нет, самоу[illegible].

15. На чей счет воспитывал[illegible] воспитывался.

16. Был ли заграницей, когда именно, где и с какой целью.— Не был.

17. Привлекался ли раньше к дознаниям, где, когда и чем дело окончено.— При[illegible] ся в Петербурге в 1878 г. по де[illegible]. В 1879 г. по делу стачки. Выслан [illegible] нистративно в Енисейскую губ., [illegible] срок в 1883 г., в 1885 г. привлекался [illegible] лу стачки владимирским окружным судом, коронным — был приговорен к трехмесячному заключению при полиции. Судом присяжн[illegible] оправдан. Администрати[illegible] город Мезень на три года.

18. Место жительства.— Город Мезень.

Петр Анисимов Мосеенко

Из отношения департамента полиции архангельскому губернатору 10 августа 1886 г., № 2889 [1].

Особое совещание, образованное согласно ст. 34 Полож[ен]ия о государственной обороне, выслушав доклад о содержащемся под стражею в владимирском тюремном замке, крестьянине Смоленской губернии Петре Анисимове Мосеенко, обвиняемом в подстрекательстве рабочих к беспорядкам,— постановило: по исполнении о нем судебного приговора, выслать его в Архангельскую губернию под надзор полиции на три года...

И. д. директора (подпись).

Из отношения владимирского губернатора архангельскому губернатору, 16 сентября 1886 г., № 447 [2].

...Прокурор московской судебной палаты от 13 сего сентября за № 2147 отозвался, что как с его, так и со стороны палаты не имеется препятствий к отправлению Мосеенка [illegible] назначенное им департаментом поли[illegible] административной ссылки до рассмотрения [illegible] судебной палате дела о нем в апелляционном порядке, которое, как видно из определения [illegible] от 4 сего сентября, может быть рас[illegible] в отсутствии подсуди[illegible].

[illegible] твие сего, предписав с сим вместе [illegible] имирскому полицеймейстеру об от[illegible] Мосеенка этапным порядком [illegible] к. имею честь уведомить о сем [illegible] превосходительство, покорнейше прося о [illegible]

[illegible] губернатор
[illegible] тор (подпис[illegible])

Отношение департамента полиции архангельскому губернатору, 3 октября 1886 г., № 3584 [1].

В дополнение [illegible] сего года за № 2889, [illegible] имеет честь покорн[illegible] тельство не отказать [illegible] к водворению крест[illegible] симова Мосеенко в одном [illegible] вам, милостивый государ[illegible]

Директор (подпис[illegible])

Из прошения Петра Моисеенко архангельскому губернатору, 27 ноября 1886 г. [2].

...Будучи семейным, имея при себе жену [illegible] болезненном состоянии, осмеливаюсь просит[illegible] ше сиятельство назначить медицинское о[illegible] тельствование жены моей Екатерины М[illegible] нок [3]. Ввиду болезненного состояния жены, осмеливаюсь почтительнейше просить ваше сиятельство не высылать меня далее города Холмогор. Буде не найдете возможным оставить меня навсегда в городе Холмогорах, то почтительнейше прошу назначить, хот[illegible] весны или до выздоровления моей же[illegible] Ввиду затруднительного и продолжительного

---

[1] Архангельский облархив, ф. [illegible]
[2] Там же, [illegible].

[1] Архангельский облархив, ф. 1, д. № [illegible]

[2] Там же, л. 11.— Здесь приводится [illegible] ка из [illegible] рого прошения Моисеенко о месте его ссылки, написанного им в Архангельской тюрьме. Первое, от 30 октября 1886 [illegible] адресованное губернатору из каргопольской тюрьмы, осталось без ответа. В деле имеется и третье прошение по этому вопросу. Видимо не получив ответа, Моисеенко 11 декабря 1886 г. вновь просил направить его в Холмогоры и одновременно освободить из тюрьмы его жену, т. к. она следовала за ним добровольно. На прошении имеется пометка канцелярии: «Явившийся 19 декабря в канцелярию ссыльный Мосеенко лично заявил, что он и жена его уже около недели тому назад освобождены из тюремного замка».

[3] Архангельский полицеймейстер 16 декабря 1886 г. за № 4786 сообщил губернатору, что освидетельствование жены Моисеенко состоялось. Был составлен акт, но в делах не сохранился. Из последующих документов видно, что она была признана больной.

[illegible] подводы под своз вещей [illegible] а также и жены моей при[illegible] покорнейше прошу ваше сиятель[illegible] [illegible]ить жене моей Екатерине Мосеенок следовать за свой счет до города Х[illegible]огор без стражи и конвоя.

[illegible]

Из предписания и. д. архангельского губернатора архангельскому полицеймейстеру, 19 декабря 1886 г. № 3306[1].

[illegible] Архан[illegible] министративно-ссыльному [illegible] ленской губернии Петру Анисимову Мосеен[illegible] Мезень, предлагаю [illegible] иным порядком в распоряжение мезенск[illegible] у. исправника и о последующем доне[illegible].

[illegible] с тем, усматривая из имеющихся о [illegible]ном ссыльном сведении, что он [illegible] ставлен сюда вместе с изъявившею добр[illegible]ольное желание следовать за мужем жен[illegible]что, Мосеенко, Екатериною Сазоновой, но и[illegible] болезненного состояния которой муж [illegible]сил ходатайство о назначении ему м[illegible]тельства г. Холмогор, куда жена про[illegible] бы последовать за свой [illegible] по проходному свидетельству,— предлага[illegible] высокоблагородию объявить ссыльн[illegible] Петру Мосеенко, что означенное его хо[illegible]тство — о водво[illegible] Холмогоры [illegible] но неподлеж[illegible] удовлетворени[illegible]...

И. д. губернатора [illegible] Голицын.

Из предписания и. д. архангельского губернатора мезенскому уездному исправнику, 19 декабря 1886 г., № 3305[2].

...[illegible] коблагородию, по достав[illegible] Мез[illegible] полиции, [illegible] то же время [illegible]...

И. д. губернатора — [illegible]

Из рапорта мезенского уездного исправника архангельскому губернатору, 7 февраля 1887 г., № 166[3].

Достав[illegible] под надзор полиции в г. Мезень крест[illegible] Петр Анисимов [illegible] 1 сего февр[illegible] обратился ко мне с просьбой об исходатайствовании ему [illegible] на со[illegible] же на[illegible].

Принимая [illegible], что в г. Мезен[illegible]ет ни частн[illegible]

[1] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 41, лл. 18, 19.

[2] Там же, л. 18.

[3] Там же. Вместе с рапортом уездн[illegible] исправник прилагает свое «исч[illegible] сумме, потребной на заведение оде[illegible] арестантскому положению» и исп[illegible] 27 руб. 47 коп., 27 марта департамент полиции разрешает выдать 26 руб. 77 коп.

рез котор[illegible] бе средст[illegible]

[illegible]

Из отношения и. д. архангельского губернатора смоленскому губернатору, 14 февраля 1887 г., № 512[1].

...[illegible] определения прав Мосеенко на испрашиваемое им пособие, признавая необходимым иметь сведения о том нет ли на родине у Мосеенко имений и капиталов, от ко[illegible] свою [illegible]лке без казенного на это пособия, я имею [illegible]есть покорнейше просить ваше превосходи[illegible]ство не отказать в сообщении мне упо[illegible]утых сведений.

Вице-губернатор Депрерадович

Предписание и. д. архангельского губернатора мезенскому уездному исправнику, 18 февраля 1887 г., № 511[2].

Вследствие изложенного в рапорте вашем [illegible] 7 февраля за № 166 ходатайства проживающего под гласным надзором полиции в [illegible] Мезени, политического ссыльного Петра Мосеенко, о производстве ему и жене его, по [illegible] собств[illegible] к содержанию [illegible] этот предмет [illegible] производить Мосе[illegible] [illegible]нутое пособие с 1 сего [illegible], установленном для лиц [illegible]привилегирован[illegible] сословия.

В[illegible]-губерн[illegible] Депрерадович.

Из отношения смоленского губернатора архангельскому губернатору 30 мая 1887 г., № 2837[3].

...Петр Анисимов Мосеенко, как донес сы[illegible]евский уездный исправник, отдельно принадлежащего ему имущества на родине никакого не имеет, а отец его Анисим Иванов Мосеенко, от которого он не был отделен, [illegible]меет дом, земли на $4^1/_2$ надела, одну лошадь, одну корову, но собств[illegible]ного хлеба не всегда достаточно бывает до нового урожая, [illegible]стоит из жены, двух сыновей [illegible].

[illegible] губернатора вице-губернатор (подпись).

Из отношения начальника Владимирского губернского жандармского управления начальнику архангельского жандармского управления, 23 марта 1887 г., № 219[4].

Из бумаг, отобранных при обыске у обвиняемого Яковлева, усматривается, что сей

[1] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 41, [illegible]

[2] Там же, л. 48.

[3] Там же, л. 48. Это отношение является [illegible]ветом на второй запрос архангельского губернатора, т. к. на первый запрос смолен[illegible] не мог дать справку о Моисеенко, [illegible] какого уезда, волости и деревни [illegible].

[4] [illegible]

последнии вел переписку с крестьянином Смоленской губернии Петром Анисимовым Моисеенковым...

Переписка эта указывает на близкое знакомство Моисеенко с обвиняемым...

Сообщая о вышеизложенном, имею честь покорнейше просить распоряжения вашего высокоблагородия произвести обыск по месту нахождения [illegible] . удопр. о знакомстве и сношениях к обвиняемым Яковлеву и Буяковичам, [illegible] ти при обыске окажется основание к аресту, то подвергнуть таковому Мосеенка и о последующем покорнейше прошу меня не оставить без уведомления [1].

[illegible]

Из сведений о поведении и знакомствах Моисеенко в Мезени, 27 апреля 1887 г. [2]

Поведения и нравственности недурных. Знакомство имеет с учителем 2-го класса приходского училища с Балиевым [3] и запасным рядовым Сергеем Кузминым.

Предписание архангельского губернатора мезенскому уездному исправнику, 22 мая 1887 г., № 1318 [4].

Препровождая при этом, присланную архангельским губернским прокурором при отношении от 12 сего мая за № 1418, выпись из приговора Владимирского окружного суда, состоявшегося от 7/8 февраля 1886 г., по делу о крестьянине Петре Анисимове Мосеенок, состоящем ныне под гл[illegible] ом в г. Мезени, [illegible] над крестьянином Мосеенок выдержанием его под арестом при полиции в течение трех месяцев и об исполнении сего донести мне.

За губернатора упра[illegible]
палатой (по[illegible]).

Заявление П. Моисеенко, 29 мая 1887 г. [1].

Я, нижеподписавшийся, состоящий под надзором полиции в г. Мезени, крестьянин Петр Анисимов Мосеенок на предъявленную мне выпись из приговора владимирского ок[illegible] нить, что приговор этот мне уже объявлен и на неправильность решения мною была подана апелляционная жалоба в московскую судебную палату, но ответа на нее мне не объявлено. Почему и прошу приостановиться приведением в исполнение означенного выше приговора.

Петр Мосеено[illegible].

Рапорт мезенского уездного исправника и. д. архангельского губернатора, 29 мая 1887 г. № 772 [2].

Представляя при сем отзыв состоящего под надзором полиции Петра Мосеенок, данный вследствие предъявления ему присланной при предписании от 22 сего мая за № 1318 выписки из приговора Владимирского окружного суда, состоявшегося 7/8 февраля 1886 г., по обвинению его по — 1358 ст. Улож., имею [illegible] покорнейше просить ваше превосходи[illegible]тво дать мне знать, следует ли приво[illegible]говор в исполнение, ввиду данного Мосеенок отзы[illegible].

За уездного исправника помощник исправника (подпись).

Из отношения архангельского губернатора прокурору Московской судебной палаты, 8 июня 1887 г., № 1546 [3]

...Усматривая из имеющегося в производящемся в канцелярии губернатора деле о Мосеенок отзыва Владимирского губернатора от 16 сентября 1886 г. за № 447, основанного на уведомлении вашего превосходительства от 13 того же сентября за № 2147, что крестьянином Мосеенок действительно была подана в означенную палату апелляционная жалоба по его делу, каковое, согласно определению палаты 4 сентября, заключено было рассмотреть в отсутствие подсудимого, — я

---

[1] Несмотря на неоднократные требования начальника Владимирского жандармского управления и предписания директора департамента полиции, обыск и допрос Моисеенко задержался до июня 1887 г., т. к. раньше, вследствие распутицы, жандармский ротмистр не мог добраться до Мезени. Протокола обыска и материалов допроса в делах нет. Сам Моисеенко пишет: «Обыск был произведен, но ничего не нашли. Составили протокол. После их ухода я удивлялся, как это они не могли догадаться, рассматривая кусок сплавленного желатина? Вероятно они сочли его за мыло... Затем они не нашли спрятанных за картиной прокламаций. Они искали переписку, перерывали все бумаги... Написали протокол, подписали, и делу конец» (П. А. Моисеенко, Воспоминания 1873—1923 г., изд. «Красная новь» М., 1924 г., стр. 109—110).

[2] Архангельский облархив, ф. 2, д. № 666, лл. 5/30, 6/31. Эти сведения представлялись каждый месяц в губернское жандармское управление, но они были очень поверхностны и не отражали, конечно, действительной работы и связей Моисеенко во время ссылки.

[3] В своих воспоминаниях П. А. Моисеенко пишет: «за близкое знакомство учителя Балиева с политическими, ему предложили подать в отставку». Балиев вынужден был выехать из Мезени.

[4] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 41, л. 36.

[1] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 41, л. 38. Это заявление (отзыв) было написано П. А. Моисеенко на предписании архангельского губернатора от 22 мая 1887 г. (см. выше), предъявленном Моисеенко уездным исправником.

[2] [illegible] ф. 1, д. № 41, л. [illegible].

[3] [illegible]

имею честь покорнейше просить ваше превосходительство уведомить меня, рассмотрена ли Московской судебной палатой означенная выше апелляционная жалоба крестьянина Мосеенок и какое последовало по ней решение палаты.

За губернатора, управляющий Казенной палатой.

Из отношения прокурора Московской судебной палаты архангельскому губернатору, 19 июня 1887 г. № 1416[1].

...Имею честь уведомить ваше превосходительство, что Московская судебная палата, рассмотрев в публичном заседании 17 декабря минувшего года дело по апелляционному отзыву защитника крестьянина Петра Анисимова Мосеенка и других присяжного поверенного Шубинского, между прочим определила: Приговор Владимирского окружного суда от 7/8 февраля 1886 г. в отношении обвиняемого Моисеенко оставить в силе.

Прокурор судебной палаты Муравьев.

Из рапорта мезенского уездного исправника архангельскому губернатору, 14 октября 1887 г., № 1256[2].

...Состоящий под надзором полиции в г. Мезени крестьянин Петр Анисимов Моисеенко, согласно приговора Владимирского окружного суда, состоявшегося 7/8 февраля 1886 года, выдержан под арестом при полиции три месяца, с 13 сего июля по 13 октября сего года.

Уездный исправник Попов.

Из прошения П. А. Моисеенко архангельскому губернатору, 21 сентября 1888 г.[3].

Честь имею довести до сведения вашего сиятельства о невозможных отношениях г. местного исправника к нам, политическим ссыльным. Отношения эти таковы: г. местный исправник всеми силами старается запугать местных мещан, чтобы они не могли иметь какие-либо отношения с нами, политическими ссыльными. Эти угрозы со стороны исправника выражаются не только местным мещанам, но даже их детям. Так, например, г. исправник отправляет полицейского солдата к родителям детей, которые иногда ходят к политической ссыльной Анне Васильевне Ципенко. Приказывает от имени своего передать, что если их дети будут ходить к А. В. Ципенко, то он, г. исправник, будет родителей этих детей штрафовать. Не удовольствуясь посылкой солдата, г. исправник приказывает собрать отцов в полицейское управление и там лично всеми силами старается показать вид им, что если они его не послушают, то даром это не пройдет для них. Не находя, повидимому, возможным запретить посещение квартиры Ципенко детям, которые ходят играть к ее ребенку, г. исправник призывает Ципенко в полицейское управление, требует от нее подписку в том, что она не будет заниматься педагогической деятельностью... Такое требование г. исправника ни на чем не основано, ибо Ципенко никакой педагогической деятельностью не занимается...

Все эти запугивания и застращивания местных обывателей против нас, ставит нас в крайне затруднительное положение. Нам становится крайне трудно доставать припасы первой необходимости, благодаря отсутствию в Мезени базаров. Если же и достанешь, то платить за все втридорога.

Не имея же возможности прожить на казенное пособие[1], нам приходится искать каких-нибудь заработков, но благодаря тем же запугиваниям, это становится положительно невозможным.

Если же обращаешься к г. исправнику с какой-либо просьбой, или же за разъяснением чего-либо, то нет положительно никакой возможности от него добиться чего-либо определенного. Всегда г. исправник старается или избежать тебя или же дать непонятный ответ. А в конце концов заявляет, что он донесет вашему сиятельству... Мало того... г. исправник... всегда позволяет себе крайне невежливое отношение к нам. Так, например, мы обращались 30 августа к г. исправнику с просьбой, не найдет ли он возможным казенное пособие присылать каждое первое число с солдатом к нам на квартиру, вместо того, чтобы посылать того же солдата с приглашением пожаловать в полицейское управление или же к г. надзирателю. Вместо того, чтобы дать прямой ответ, г. исправник обещался подумать и дать нам ответ на другой день.

Ответа же он никакого не дал ни на второй, ни на третий день и по сие время. Так что пришлось отправиться к нему вторично. Но во второй раз он даже не находил почему то возможным принять нас лично, заставляя вести переговоры сначала через свою кухарку, а потом через полицейского солдата, заставляя все это время ждать на улице.

В конце концов обращается с приглашением, через того же солдата пожаловать вечером в полицейское управление, куда придет и он в назначенный час. Мы не преминули явиться в назначенный час, но г. исправника там не оказалось. Мы решили ждать его, но эти ожидания не увенчались успехом, а заставили выслушать массу плоских острот со стороны чиновников, вызывающих на разговор, могущий окончиться крайне неприятной историей.

Вообще же сам г. исправник всегда ведет себя таким образом, что невозможно поручиться за себя, а также за столкновение с г. исправником более или менее крупное...

Петр Анисимов Мосеенок.

[1] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 1, л. 42.

[2] Там же, л. 48.

[3] Там же, л. 55. Очевидно, это прошение осталось без всяких последствий. На прошении имеется пометка губернатора: «1/X—88».

[1] До февраля 1887 г. П. Моисеенко вообще не получал никакого пособия. Затем было установлено казенное пособие «в размерах... для лиц непривилегированного сословия».

Из предписания и. д. архангельского губернатора мезенскому уездному исправнику, 18 января 1889 г., № 142 [1].

Состоящий в г. Мезени под надзором полиции политический ссыльный Петр Анисимов Мосеенко, заявляя в поступившем ко мне прошении, что по крайне бедному его состоянию представляется весьма затруднительным возвращаться ему с болезненной женой и ребенком [2] из Мезени на родину, по окончании будущим летом срока полицейского за ним надзора, ходатайствует о перемещении его на жительство в г. Пинегу, откуда он считает более удобным переселиться на родину, отправившись водным путем на пароходе до Вологды. А переезд из Мезени до Пинеги по зимнему пути не составляет для него такой трудности, как в летнее время...

Вследствие сего и имея ввиду, что проситель Мосеенко мог бы переместиться в Пинегу и по последнему зимнему пути, если действительно переезд до Пинеги в летнее время представляется для него затруднительным, я не нахожу возможным удовлетворить ходатайство его о перемещении в Пинегу в настоящее время. О чем предлагаю вашему высокоблагородию объявить сказанному ссыльному Мосеенко.

При этом объявить ему также и о сроке окончания полицейского за ним надзора, который исполнится 29 июля сего года...

Независимо от сего предлагаю вам доставить мне сведения о том, справедливо ли заявление ссыльного Мосеенко о трудности переезда его в Пинегу в летнее время и, что ввиду бедности его и болезненного состояния его жены и ребенка, ему необходимо переместиться в Пинегу по зимнему пути...

(подпись).

Из рапорта мезенского уездного исправника и. д. архангельского губернатора, 31 января 1889 г., № 24 [3].

...Имею честь доложить, что для просителя Мосеенко переезд до г. Пинеги в летнее время с женой и ребенком, не пользующимися особенным здоровьем, действительно затруднителен и потребует двойных затрат на путевые для переезда расходы...

Уездный исправник Попов.

Из предписания архангельского губернатора пинежскому уездному исправнику, 17 марта 1889 г., № 648 [4].

Разрешив состоящему в г. Мезени под гласным надзором полиции политическому ссыльному, крестьянину Смоленской губернии Петру Мосеенко, согласно его просьбы, переместиться на жительство в гор. Пинегу... предлагаю вашему высокоблагородию по прибытии Мосеенко в г. Пинегу учредить за ним гласный надзор полиции...

Губернатор князь Голицын.

Из рапорта пинежского уездного исправника архангельскому губернатору 25 марта 1889 г., 249 [1].

...Петр Мосеенок прибыл под надзор полиции в г. Пинегу 25 сего марта.

Уездный исправник (подпись).

Из заявления П. А. Моисеенко в архангельское губернское правление 23 февраля 1889 г. [2].

Имею честь заявить архангельскому губернскому управлению о следующем: мною в октябре месяце 1888 г. было подано прошение господину уездному исправнику города Мезени о выдаче мне казенного пособия — одежных денег в размере, установленном порядком. Находясь в ссылке два года и шесть месяцев я получил всего 46 руб. Имея при себе жену и ребенка, которым совершенно не выдают одежных денег, я до того обносился, что положительно не в чем выйти...

Петр Мосеенок.

Из прошения П. Моисеенко архангельскому губернатору, 14 апреля 1889 г. [3].

...Господин жандармский офицер безусловно запрещает обывателям города Пинеги иметь какое бы то ни было сношение с политическими ссыльными, даже если эти сношения носят чисто деловой характер.

В ссылке я стал учиться столярному ремеслу, чтобы обеспечить себе кусок хлеба по окончании ссылки, так как средств к существованию у меня нет никаких, — с одной стороны, а с другой, имея при себе жену и ребенка, которым не выдают казенного пособия на одежду, я вынужден всеми силами стараться заработать, хотя сколько-нибудь, чтобы не ходить раздетым и разутым. И, несмотря на свою неумелость в работе, я должен прибегать хоть к ничтожным заказам, которые только и могут быть даваемы обывателями.

Живя в г. Мезени я не испытывал со стороны администрации запрещения трудиться. Тут же г. жандармский офицер своим распоряжением окончательно отнимает всякую работу, так как заявляет обывателям, что если они будут иметь какое бы то ни было дело с политическими ссыльными, то он будет их ссылать в Сибирь»...

Петр Мосеенок.

---

[1] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 41, л. 65.

[2] Дочь Нина родилась в Мезени 1 января 1888 г.

[3] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 41, л. 68.

[4] Там же, л. 72.

---

[1] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 11, л. 73.

[2] Там же, л. 65.

[3] Там же, лл. 75, 76. На прошении пометка губернатора: «Сообщить начальнику жандармского управления, о чем и объявить просителю. 26/IV—89». Из дела не видно, чтобы были приняты какие-либо меры по этому прошению.

Из отношения и. д. помощника начальника Архангельского губернского жандармского управления в Пинежском и Мезенском уездах начальнику губернского жандармского управления, 29 апреля 1889 г., № 53 [1].

...Н[illegible] за ссыльными показало, что [illegible] Мезени в Пинегу Мосеенко и [illegible] ссыльных стало заметное оживление; группируясь около Машицкого, они поочередно собира[illegible] друг у друга и преимуществ[illegible] у состоящего под негласным [illegible] политичес[illegible] ссыльного [illegible] их продолжаются далеко за [illegible]. В [illegible]комых ссыльных стали [illegible] мещане...

[illegible] Мочалов.

Донесение жандармского унтер-офицера Сивкова помощнику начальника архангельского губернского жандармского управления, 4 мая 1889 г., № 9 [2].

Находящийся под моим присмотром ссыльно-политический Петр Анисимов Мосеенок квартиру содержит у мещанина Федора Иванова Олькина, во флигеле, вышку за цену 1 руб. в ме[illegible]ц [3]. Стол имеет у себя, приготовляет его жена. И еще есть маленькое [illegible].

Знакомство имеет с ссыльно--политическими со всеми, кто находится в г. Пинеге. А с Поповым [4] вместе работают столярные изделия. А Мосеенко у П[illegible] время бывает — с утра до вечера, только сходит пообедать да ночевать, а остальное время все у Попова. А тут соберутся и поют и кричат промеж собой.

Знакомства с другими не имеет. На охоту ходит и на лодке с неводом рыбу ездит ловить.

О чем имею честь донести вашему высокоблагородию.

(подпись).

[1] [illegible] ф. 1, [illegible] № 41, [illegible].

[2] Там же, ф. № 2, д. № 666, л. 31/56.

[3] По другим, более точным данным, плата за квартиру была 3 руб. в месяц.

[4] Александр Серафимович Попов — это писатель Серафим[illegible], который тоже находился тогда в ссы[illegible] в Мезени, а затем в Пинеге.

Рапорт пинежского уездного исправника архангельскому губернатору, 29 июля 1889 г., № 536 [1].

Имею честь донести вашему сиятельству, что освобожденный сего числа от надзора полиции политический ссыльный Петр Мосеенко, получив за № 536 проходное свидетельство на следование в г. Челябинск Оренбургской губернии, где изъявил место жительства, выбыл туда сего 29 июля.

Уездный исправник (подпись).

Из донесения начальника Архангельского губернского жандармского управления департаменту полиции, 10 августа 1889 г. [2].

Помощник мой в Пинежском и Мезенском уездах рот[illegible]р Кронгельм телеграммой от [illegible] августа за № 8, донеся, что политический с[illegible]льный в г. Пинеге крестьянин [illegible]ской губернии Петр Анисимов Мосеенко, ныне освобожденный от гласного надзора полиции, при отправлении своем 29 июля в [illegible] Челябинск, Оренбургской губернии, оставил у домохозяина своего в г. Пинеге два сундука с книгами и взял с собою много каких-то книг, просил разрешить обыск.

Вследствие сего я предложил ротмистру Кронгельму осмотреть сундуки с книгами, в [illegible]дке государственной охраны.

П[illegible]еденным по сему расследованием в г. Пинеге ничего предосудительного не обнаружено, за исключением нескольких отрывков из книг на польском языке, отчасти тенденциозного характера, что однако, по моему мнению, не составило в настоящем случае достаточных данных для привлечения Мосеенко к дознанию...

Представляя о сем департаменту полиции, имею честь доложить, что о всем вышеизложенном я сообщил начальнику Оренбургского губернского жандармского управления...

Полковник Латухин.

[1] Архангельский облархив, ф. 1, д. № 41, л. 81.

[2] Там же, ф. 2, д. № 666, л. 41.

Содержание

Опечатки в № 6/91 «Красного архива».

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
12	6 строка сверху	прибавка	прибивка
147	7 строка сверху	Нотомб, барон, бельгийский посланник в Берлине до 1881 г.	люционных бурь, пронесшихся над Европой в 1848 г.
154	9 строка сверху	детских рабочих рук	дешевых рабочих рук.
276	31 строка сверху 2-й колонки	рагистра	магистра

Сдано в производство 17—21/III 1939 г. Подписано к печати 14/IV 1939 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Объем 14½ п. л. В печ. листе 63000 зн. С.-Э. (п.) № 9 Заказ 1[illegible]
Уполномоч. Главлита РСФСР № А—4823 Техредактор И. Широков. Тираж 4 175 экз.

18-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВТОРОЙ
(ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ)

1939

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1939

М. В. Фрунзе в организации разгрома Колчака

Публикуемые документы Центрального Архива Красной Армии отображают грандиозную эпопею борьбы на Восточном фронте гражданской войны в 1919 г., закончившуюся полным разгромом одного из опаснейших врагов советской власти — адмирала Колчака и стоявших за его спиной иностранных интервентов Антанты.

Этот славный период героических побед Красной армии над белогвардейцами и интервентами тесно связан с именами двух крупнейших деятелей нашей партии, верных учеников и соратников Ленина и Сталина — Михаила Васильевича Фрунзе и Валериана Владимировича Куйбышева.

Предлагаемые читателю документы ярко рисуют полководческую деятельность М. В. Фрунзе на постах: командующего 4-й армией, командующего Южной группой армий Восточного фронта, командующего всем Восточным фронтом и начало его работы, как командующего новым — Туркестанским фронтом. Эти документы также отображают замечательную работу В. В. Куйбышева как члена Реввоенсовета 4-й армии и Южной группы; в дальнейшем этот пламенный большевик вместе с М. В. Фрунзе, в качестве члена Реввоенсовета Туркестанского фронта, руководил героическим походом для соединения с советским Туркестаном.

По периодам борьбы на Восточном фронте документы могут быть разбиты на шесть групп.

1-я группа — документы, охватывающие деятельность М. В. Фрунзе в качестве командующего 4-й армией и Южной группой («малого» состава) и В. В. Куйбышева — как члена Реввоенсовета в период, предшествовавший подготовке и проведению контрудара по Колчаку (с 31/I. 19 г. по 10/IV. 19 г.);

2-я группа — документы, отображающие деятельность М. В. Фрунзе, как командующего Южной группой армий Восточного фронта («большого» состава) и В. В. Куйбышева, как члена Реввоенсовета Южной группы, в период подготовки и проведения первого акта контрудара по Колчаку — т. н. Бугуруслано-Белебеевской операции (10/IV 19 г.— 19/V 19 г.);

3-я группа — документы, относящиеся к подготовке и проведению второго, завершающего акта контрудара М. В. Фрунзе — т. н. Уфимской операции (19/V 19 г.—21/VI 19 г.);

4-я группа — несколько документов, характеризующих работу М. В. Фрунзе по руководству ликвидацией восстания белоказаков в Уральской и Оренбургской областях (начало июля 1919 г.);

5-я группа — документы, относящиеся к деятельности М. В. Фрунзе, как командующего Восточным фронтом (с 19/VI 19 г. по 11/VIII 19 г.);

6-я группа — документы, охватывающие начальный период деятельности М. В. Фрунзе, как командующего Туркестанским фронтом, по завершению разгрома остатков колчаковских банд на путях в Туркестан (с 13/VIII 19 г. по 7/X 19 г.).

Чтобы читателю было легче разобраться в документах, ниже мы даем общий очерк событий на Восточном фронте.

Обстановка на Восточном фронте к началу 1919 г. складывалась чрезвычайно неблагоприятно для Советской России. Антанта готовила свой первый комбинированный поход против большевиков. С востока на Советскую Россию должен

был наступать агент международного империализма — адмирал Колчак, поддерживаемый иностранными войсками — японскими, английскими, французскими, итальянскими, чехословацкими, румынскими и польскими, которых было в Сибири и на Дальнем Востоке свыше 150 тысяч человек (кроме колчаковских белых армий).

С юга наступление на Советскую Россию готовил ставленник Антанты — генерал Деникин, перебрасывавший с Северного Кавказа на Дон «добровольческую» белую армию.

С запада против Красной армии действовали белополяки. С северо-запада готовил удар по Петрограду генерал Юденич. На севере действовали английские интервенты и поддерживаемые ими русские белогвардейцы. В Туркестане хозяйничали смешанные англо-русские белые отряды.

Но особенно угрожающая обстановка складывалась в начале 1919 г. на Восточном, колчаковском фронте. Отсюда, по мысли империалистов Антанты, должен был быть нанесен главный, смертельный удар по советской власти. В декабре 1918 г. Колчак, стремясь к соединению с английскими интервентами, высадившимися в Архангельске, овладел Пермью и нанес тяжелое поражение 3-й Красной армии. Партия возложила на товарищей Сталина и Дзержинского задачу расследования причин пермской катастрофы. Известно, что товарищ Сталин не только выполнил эту задачу, но рядом смелых революционных мероприятий добился в течение января 1919 г. оздоровления и укрепления положения всего Восточного фронта. «В результате всех этих мероприятий не только было приостановлено дальнейшее продвижение противника, но в январе 1919 г. восточный фронт перешел в наступление, и на нашем правом фланге был взят Уральск». (Ворошилов.)

В духе сталинских мероприятий действовал и прибывший на фронт 31 января 1919 г. новый командарм 4-й — М. В. Фрунзе. В течение февраля 1919 г. он добился значительного укрепления 4-й армии, войска которой до того были малоустойчивы.

В марте 1919 г. М. В. Фрунзе возглавляя 4-ю армию, объединил также в своих руках операции по борьбе с белым казачеством Уральской и Оренбургской областей. Так образовалась Южная группа, т. н. «малого» состава, включившая 4-ю армию (22-ю и 25-ю стр. дивизии) и Оренбургскую дивизию, впоследствии развернутую в Туркестанскую армию (31-я стрелковая дивизия и 3-я кавдивизия).

В это время (начало марта 1919 г.) красный Восточный фронт проходил по западным предгорьям Урала, причем наиболее прочным было положение на севере — против Перми и на юге, где от белых были освобождены Оренбург и Уральск. Центр фронта занимала слабая по численности 5-я Красная армия (11 200 штыков и сабель), сумевшая, однако, в течение зимы добиться крупных успехов и освободившая от белых Уфу.

Между тем, белогвардейцы усиленно готовились к новому походу. Они собрали в направлении Уфа — Самара свои лучшие ударные части — Западную армию генерала Ханжина и 5 марта 1919 г. перешли в общее наступление, стремясь к Волге, а затем, в конечном итоге, и к Москве, которую один из колчаковских сподручных, генерал Пепеляев, хвастливо обещал занять в течение полутора месяцев. Западная армия генерала Ханжина была численно почти вчетверо сильнее 5-й Красной армии, вынужденной отходить под напором белых. Очень быстро, к концу марта, обстановка на Восточном фронте уже сложилась так, что враг стал непосредственно угрожать Волге.

В это время, с 18 по 23 марта в Москве собрался VIII съезд партии. Съезд уделил огромное внимание военному положению Республики и состоянию Красной армии, приняв по этим вопросам ряд конкретных решений. Обращение съезда к партийным организациям, опубликованное в «Правде» 20 марта 1919 г., вскрывало перед советским народом план и истинные цели первого похода Антанты, звало партию и всех трудящихся на борьбу с Колчаком, на помощь Красной армии.

5-я Красная армия дралась героически, отступала с упорными боями, но не имела достаточных сил для отпора врагу. К десятым числам апреля белым уже оставалось по кратчайшему расстоянию до Волги всего 80—100 километров. А потеря Волги означала соединение Колчака с Деникиным и смертельную угрозу всей Советской России.

12 апреля ЦК партии опубликовывает написанные В. И. Лениным «Тезисы ЦК ВКП(б) в связи с положением Восточного фронта».

Эти исторические тезисы намечают конкретные пути и методы организации победы над главным врагом — Колчаком. В течение второй половины апреля широкий поток партийных, комсомольских и профсоюзных мобилизаций вливает в ряды Восточного фронта тысячи стойких, преданных советской власти бойцов.

В эти тревожные дни армии южного крыла Восточного фронта (4-я, 1-я и Туркестанская) продолжали занимать достаточно прочное положение, образуя выступ, глубоко вклинивавшийся в расположение противника. Это начертание южного крыла Восточного фронта дает основу идее т. Фрунзе об ударе в общем направлении на север во фланг и в тыл наступающей главной группировке белых. Этот блестящий, совершенно правильный план был предложен товарищем Фрунзе партии и командованию, вопреки предателю Троцкому и его ставленникам, настаивавшим на необходимости отступления за Волгу.

Зарождение и развитие плана М. В. Фрунзе можно легко проследить по документам.

19 марта М. В. Фрунзе ставит перед командованием Восточного фронта вопрос об изменении задач Южной группы в связи с неблагоприятной обстановкой на фронте 1-й и 5-й армий. «Куда должна базироваться вновь образовываемая Туркестанская армия — на Туркестан или Волгу»? — спрашивает М. В. Фрунзе [1]. Эта фраза доказывает, что уже тогда, в середине марта, у Михаила Васильевича созревает план поворота основными силами Южной группы на север, для действий против главной группировки Колчака.

Но командование фронта осталось глухим к этой мысли.

Замечательным мероприятием, осуществленным по личной инициативе М. В. Фрунзе, является создание им 25 марта группового резерва в составе сперва двух бригад 25 стр. дивизии, а затем и всей этой дивизии, сыгравшей в дальнейшем, под славным командованием В. И. Чапаева, огромную роль в разгроме Колчака.

7 апреля т. Фрунзе делает предложение командованию Восточного фронта о создании ударной группы в районе Бузулука для нанесения контрудара белым.

10 апреля, на основе прямого указания ЦК партии, командованием отдается директива о создании Южной группы армий Восточного фронта в составе четырех армий: 4-й, Туркестанской, 1-й и 5-й. Командование этими войсками возлагается на М. В. Фрунзе.

Фрунзе приступает к осуществлению своего знаменитого контрудара, который вошел в сокровищницу оперативного искусства гражданской войны, как образец блестящего маневра.

Первоначальный план контрудара М. В. Фрунзе нашел свое отражение в его приказе №—021 от 10 апреля 19 г. Он поражает ясностью, простотой и смелостью замысла.

Подготовку контрудара т. Фрунзе осуществляет в исключительно тяжелых условиях. Он создает ударную группу за счет своих частей, не дожидаясь прибытия крупных резервов из центра, ибо время не терпит.

Михаил Васильевич решается на операцию контрудара несмотря на острое и трудное положение в своем собственном тылу. Здесь сказалось его правильное оперативное предвидение и непоколебимая вера в успех.

Он снимает с южного крыла своего фронта, с Уральского и Оренбургского направлений, наиболее боеспособные, крепкие части, сосредоточивая их в районе Бузулука.

---

[1] См. [illegible]

Осуществление плана контрудара требовало широкого развертывания организационной и политической работы по подготовке, пополнению и сколачиванию частей, принимающих участие в операции. Именно здесь развернулась огромная творческая работа М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева, о чем свидетельствуют печатаемые документы.

Мобилизуется на фронт все, способное активно драться за советскую власть; широким потоком вливаются в войска добровольцы-рабочие коммунисты (за период подготовки и проведения контрудара через политотдел Южной группы прошло и было направлено на фронт до 6,5 тысяч коммунистов).

Все это самым благоприятным образом сказалось на состоянии частей Южной группы, силы которой прибывали со дня на день. Но обстоятельства вынудили М. В. Фрунзе внести ряд уточнений в его первоначальный план.

Невозможность сосредоточить к сроку часть 24-й дивизии (из 1-й армии) в районе ударной группы заставила его пойти на создание как бы второй ударной группы на левом фланге 1-й армии в районе Михайловское (Шарлык), а также возглавить ударную группу управлением Туркестанской армии.

Существенное значение имел факт захвата разведкой 73-й бригады 25-й Чапаевской дивизии ординарцев белых, везших оперативные приказы по 7-й белой дивизии. Содержание этих приказов, немедленно, лично переданное по прямому проводу В. И. Чапаевым М. В. Фрунзе, раскрыло последнему группировку белых и повело к новому уточнению его плана, что нашло выражение в приказе № 022 от 19 апреля 1919 г.

Тов. Фрунзе пришлось считаться с настояниями фронтового командования, требовавшего во что бы то ни стало усилить отступавшую 5-ю армию[1]; кроме того, ударная группа (31-я стр. дивизия) запаздывала сосредоточением, фактически две ее бригады собрались лишь к 29 апреля.

Эти обстоятельства и знание группировки противника, в частности обнаружение разрыва между 6-м и 3-м корпусами белых, послужили основанием для окончательного плана операции, изложенного М. В. Фрунзе в телеграмме командвосту от 23 апреля.

Как видим, М. В. Фрунзе, не дожидаясь полного сосредоточения ударной группы, решает начать наступление, используя частичные успехи достигнутые: частями 20-й дивизии и Оренбургской группы войск, созданной М. В. Фрунзе, главным образом из рабочих Оренбурга, разгромившей в боях на р. Салмыш 4-й корпус ген. Бакича, частями 24-й дивизии — нанесшей поражение 12-й уральской дивизии белых в районе Романовское-Залесова, и частями 73-й бригады 25-й стр. дивизии, разгромившей 11-ю уральскую дивизию белых на р. Боровка.

Командование фронта всячески мешало осуществлению плана т. Фрунзе, фактически не желая допустить осуществления задуманного им маневра. 16 апреля предатель Троцкий выезжает в Симбирск и на заседании Реввоенсовета фронта делает предложение об отводе армий Восточного фронта за Волгу.

Партия не позволила Троцкому осуществить этот предательский план. В конце апреля, когда сосредоточение ударной группы уже заканчивалось, командование фронтом пытается сорвать операцию, предлагая отложить ее на две недели, до окончания весенней распутицы. Но т. Фрунзе настойчиво проводит свой план в жизнь.

Общее наступление началось 28 апреля и развивалось успешно. Однако, в то время как ударная группа продвигалась на Бугуруслан и восточнее его, белогвардейцы, овладев Сергиевском, продолжали теснить левый фланг 5-й армии к ст. Кротовка, причем до Волги им оставалось всего лишь 80 км.

В этих трудных условиях М. В. Фрунзе считает, что лишь энергичное движение ударной группы на сообщения противника гарантирует полный успех операции; но командование фронтом, не верившее в успех контрудара, вынуждает Фрунзе перенести центр тяжести усилий против Сергиевской группы белых, на-

---

[1] См. ниже разговор по прямому проводу т. Фрунзе с командвостом от 16 апреля 1919 г., стр. 17.

целив удар не на северо-восток, а на северо-запад. Это решение находит воплощение в приказе № 23 от 1 мая.

Насколько прав был М. В. Фрунзе, показывает следующий факт: вследствие предательства командира 74-й бригады 25-й стр. дивизии (бывшего офицера), белое командование узнало об угрозе, нависшей над его левым флангом и тылом, благодаря наступлению ударной группы, и в 4.30 минут 2 мая генерал Войцеховский (объединивший командование 2-м уфимским и 3-м уральским корпусами) отдал приказ о приостановке наступления, а днем 2 мая — об отходе к Бугульме.

Только угроза сообщениям белых заставила их отказаться от дальнейшего наступления к Волге.

В 9 часов 4 мая 3-я бригада 26-й стр. дивизии заняла Бугуруслан.

Первый этап операции закончился выходом на линию ст. Сарай-Гир — Бугуруслан — Сергиевск. Белым удалось отвести значительную часть 2-го и 3-го корпусов к Бугульме, но их 6-й корпус (11-я и 12-я уральские дивизии) потерпел решительное поражение.

Начинается второй этап операции — борьба за Бугульму. М. В. Фрунзе вновь видит решение успеха в глубоком ударе по сообщениям противника[1]; но, по настоянию фронтового командования, он опять вынужден повернуть значительную часть сил на север, в лоб противнику, группировавшемуся южнее Бугульмы.

В боях 9 и 10 мая 25-я стр. дивизия нанесла сокрушительное поражение Ижевской бригаде и 4-й уфимской дивизии белых. Создается возможность развития успеха и полного разгрома врага. Но и в этот момент на пути т. Фрунзе становится снова руководство фронта, возглавленное новым командующим — исполнителем воли Троцкого,— Самойло, который директивой от 10 мая фактически расформировал Южную группу, потребовав поворота 5 армии на север, под предлогом проблематической «помощи» 2 армии, отходившей за р. Вятку.

М. В. Фрунзе резко и принципиально поставил вопрос о дальнейших судьбах операции, что видно из его разговора с Самойло от 12 мая. Ему удалось добиться частичной отмены директивы командования фронтом, что последовало лишь 14 мая; но затем ставленники Троцкого из штаба Восточного фронта еще два раза меняли задачу 5-й армии (17 и 19 мая), фактически выведя ее из боя.

13 мая нами была взята Бугульма. Началась борьба за Белебей, где Южной группе пришлось иметь дело уже не только с недобитыми остатками Западной армии генерала Ханжина, но и с свежими резервами белых — корпусом генерала Каппеля, начавшим сосредоточение южнее Белебея еще 6 мая.

Однако напрасны были попытки белых удержаться западнее Белебея, на линии р. Ик; ничто не могло остановить мощного порыва красных бойцов, и 17 мая Белебей был взят. Противник начал отход на восток, к р. Белая.

Преследование отступавшего противника было запрещено командующим фронтом, что по существу спасало колчаковские банды от полного разгрома. Таким образом, к 19 мая первая операция контрудара закончилась на меридиане Белебея.

Значение Бугуруслано-Белебеевской операции было решающим для судеб всей борьбы на Восточном фронте. Лучшей, наиболее сильной группе белых — Западной армии ген. Ханжина — был нанесен потрясающий удар. Белые были далеко отброшены от Волги.

Поколебалась и их Сибирская армия, наступавшая севернее Камы. Инициатива действий была вырвана из рук белогвардейцев и перешла к Красной армии. Разложение белых прогрессировало гигантскими шагами — об этом ярко свидетельствует оперативная сводка от 2 мая. В то же время политико-моральное состояние Красной армии было на огромной высоте, части были охвачены энтузиазмом победы, население восторженно встречало своих избавителей от гнета колчаковщины.

[1] См. ниже телеграмму т. Фрунзе штабу Восточного фронта № 01413 от 6 мая 1919 г., стр. 26.

Победы под Бугурусланом, Бугульмой и Белебеем были достигнуты в условиях тяжелой и сложной обстановки в тылу Южной группы — под Уральском и Оренбургом, где свирепствовало контрреволюционное восстание кулацкого казачества. М. В. Фрунзе и В. Куйбышев проводят огромную работу в борьбе за сохранение в руках Красной армии Оренбурга и Уральска.

* *

После взятия Белебея началась подготовка ко второму, завершающему акту контрудара М. В. Фрунзе — к Уфимской операции. Идея этой операции рождается у М. В. Фрунзе еще в последнем этапе борьбы за Белебей[1].

Считая крайне важным немедленное проведение операции с целью овладения районом Уфы, М. В. Фрунзе вновь наталкивается на скрытое сопротивление фронтового начальства.

Предательское троцкистское командование опять пыталось задержать наступление под предлогом переброски войск с Восточного фронта на другие фронты. Но прекращение наступления на Восточном фронте означало, что Колчак, оправившись от удара, летом или осенью вновь начал бы наступление, и это могло быть как раз в тот тяжелый момент, когда Деникин, заняв Орел, протягивал кровавые руки к сердцу Советской России — Москве. Вот почему т. Фрунзе настойчиво добивается немедленного осуществления второй крупнейшей операции — Уфимской, связанной с форсированием серьезной водной преграды — реки Белой.

Планы этой операции отражены в директиве Фрунзе от 21 мая 19 г. и его приказе от 25 мая 19 г. Непосредственно командование Туркестанской армией, сыгравшей в борьбе за Уфу решающую роль, М. В. Фрунзе берет на себя.

В этом случае Михаил Васильевич действует по прямому указанию В. И. Ленина, телеграфировавшего 25 мая Реввоенсовету Восточного фронта: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной, напрягите все силы; следите внимательно за подкреплениями; мобилизуйте поголовно прифронтовое население, следите за политработой, еженедельно шифром телеграфируйте мне итоги»[2].

Исходя из этой ленинской директивы, Фрунзе организует и блестяще проводит Уфимскую операцию. Красные части в начале июня форсируют реку Белая, неожиданно для колчаковцев, без специальных переправочных средств. Красноармейцы переправлялись через полноводную реку, шириной в 200 метров и глубиной в 6 метров, на плотах, бочках, случайных лодках. Но уверенное руководство войсками, энтузиазм красных бойцов, их готовность нести величайшие жертвы для того, чтобы победить, приводят к тому, что и эта операция совершается с потрясающим, огромным успехом. 9 июня 25-я Чапаевская дивизия занимает Уфу и отбрасывает белых к Уральскому хребту.

Нужно особенно подчеркнуть значение личного примера М. В. Фрунзе, в решительный момент боев 9 июня поведшего в контратаку 220-й Иваново-Вознесенский полк ткачей и этим решившего судьбу боя севернее Уфы. О мужественном поведении М. В. Фрунзе и В. И. Чапаева в этом бою скупыми словами рассказывает оперативная сводка от 9 июня.

В период Уфимской операции ЦК партии отстраняет Троцкого от руководства делами Восточного фронта, настолько пораженческим и предательским было все его поведение.

В итоге Бугурусланской и Уфимской операций белые потеряли свыше 25 тысяч человек. Западная армия генерала Ханжина понесла тягчайшее поражение. Колчаковский фронт откатился за Урал; в тылу Колчака рабочие и крестьяне, ободренные успехами Красной армии, подымали знамя восстания.

Под руководством т. Фрунзе, уже в качестве командующего всем Восточным фронтом,— в июле — августе 1919 г. была проведена еще одна крупная опера-

[1] См. ниже доклады т. Фрунзе командованию Восточного фронта от 19 мая 1919 г., стр. 34—36.

[2] В. И. Ленин, Из эпохи гражданской войны, Партиздат, 1934 г., стр. 52.

ция — Челябинская, в которой белые потеряли свои последние стратегические резервы.

В дальнейшем, вплоть до начала 1920 г. продолжалось победоносное преследование Красной армией полчищ Колчака, закончившееся, как известно, полным разгромом колчаковщины, взятием Иркутска и расстрелом врага народа, мерзкого наймита антанты, адмирала Колчака.

Но значение контрудара т. Фрунзе заключалось не только в том, что Колчак был разгромлен. Оно велико и потому, что здесь были применены такие формы вождения войск, которые и на сегодняшний день служат образцом для командиров Красной армии.

Это было первое крупное сражение гражданской войны, проведенное в форме оперативного удара во фланг с целью выхода на сообщения противника. Смелость задуманного маневра заключалась в решении М. В. Фрунзе стянуть на главное направление максимум сил за счет второстепенных направлений. Такое решительное сосредоточение сил и правильное определение направления удара обеспечивали достижение быстрого оперативного эффекта, вызвавшего крушение всего стратегического плана белых. Осуществление подобной операции требовало искусства, умения, мужества и настойчивости. Все эти качества и были проявлены т. Фрунзе, как командующим.

Весьма поучительны методы т. Фрунзе с точки зрения планирования операции, дачи директив и постановки задач войскам.

Приказы т. Фрунзе являются и сейчас документами огромной важности. По ним следует учиться, как надо осуществлять оперативное руководство крупными войсковыми соединениями.

В ходе операций по разгрому Колчака т. Фрунзе удалось организовать, воспитать и сколотить такие войсковые части и соединения, которые являлись гордостью Рабоче-Крестьянской Красной армии. Первое место среди этих соединений по праву принадлежало славной 25-й Чапаевской дивизии.

Контрудар, нанесенный Колчаку под руководством т. Фрунзе, является величайшим сокровищем оперативного и тактического опыта, который Красная армия изучает и будет изучать для применения на полях будущих битв.

* * *

В августе 1919 г., когда задача разгрома Колчака в основном уже была решена, наступает второй крупный этап полководческой деятельности т. Фрунзе. Партия ставит его во главе нового, Туркестанского фронта. Здесь он вновь работает рука об руку с В. В. Куйбышевым.

Если на Восточном фронте т. Фрунзе имел дело с линейными войсками противника, с организованной армией, с более или менее устойчивым фронтом, то совершенно иной была обстановка в Туркестане. Тов. Фрунзе встретил там исключительно сложный переплет политических, национальных и социальных условий. Война велась полупартизанскими силами, и фронт был всюду. В этой сложной обстановке особенно нужно было сочетать полководческую военную деятельность с огромной и умелой политической работой. Фрунзе блестяще осуществляет эту задачу, добиваясь и здесь крупнейших военных результатов.

Наиболее значительной операцией М. В. Фрунзе как командующего Туркестанским фронтом в 1919 г. было окружение и пленение белой казачьей армии генерала Белова. Эта армия действовала до августа на Южном фланге колчаковского фронта. После поражения белых под Челябинском она вынуждена была отходить на юг, оттесняемая Красной армией на пути к Туркестану. Операция против армии генерала Белова кончилась тем, что отброшенная в пустынные степи, окруженная красными частями, армия Белова была вынуждена сдаться в количестве 20 тысяч человек со всем вооружением.

«Свершилось! Путь в Туркестан свободен!» — пишет М. В. Фрунзе в приказе от 7 октября 1919 г.

Это был путь к дальнейшим славным победам, завершившимся к осени 1920 г. полным освобождением Советского Туркестана от белогвардейцев и интервентов.

Полковник *Е. Болтин*

1. Прибытие М. В. Фрунзе на Восточный фронт и образование Южной группы

Приказ войскам 4-й армии, № 40/9, 31 января 1919 г.[1]

Приказом Реввоенсовета Республики от 26 декабря 1918 г. за № 470 я назначен командующим 4-й армией.

Вступая ныне в отправление своих новых обязанностей, я, прежде всего, обращаюсь к войскам армии с товарищеским приветом от имени Рабоче-крестьянского правительства республики и ее верховного органа — Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Товарищи, глаза тыла, глаза рабочих и крестьян всей России прикованы к вам. С замиранием сердца, с трепетом в душе следит страна за вашими успехами. Не для захватов чужих земель, не для ограбления иноземных народов послала вас, своих детей, трудовая Русь под ружье.

Здесь, на фронте, решается самая судьба рабоче-крестьянской России; решается окончательно спор между трудом и капиталом. Разбитые внутри страны помещики и капиталисты еще держатся на окраинах, опираясь на помощь иностранных разбойников. Обманом и насилием, продажей родины иностранцам, предательством всех интересов родного народа они все еще мечтают задушить Советскую Россию и вернуть господство помещичьего кнута. Они надеются на силу голода, который выпал на долю центральных губерний, вследствие отторжения от России богатых хлебом окраин. Напрасные упования!

Сильные духом и верой в правоту своего дела рабочие и крестьяне России идут неуклонно своим путем и они уже не одиноки в борьбе. Трудящиеся массы Латвии, Литвы, Белоруссии и Украины уже стали бок-о-бок с нами. И это наше дело, товарищи, дело рабоче-крестьянской Красной Армии. Еще одно, два усилия и враг будет разбит окончательно. Под сень красных знамен социалистической Советской России вернутся все ее окраины и работники города и деревни возьмутся за мирный, спокойный труд. Страна жаждет исцеления от мук голода и холода, она ждет хлеба и мира от своей армии.

Вступая ныне в командование 4-й армией, я уверен в том, что сознание важности и святости лежащего на нас долга близко сердцу и уму каждого красноармейца.

Не взирая на все попытки черных сил посеять рознь и смуту в ее рядах, армия должна пробить дорогу к хлебу, хлопку, железу, нефти и углю, должна проложить тем самым путь к постоянному прочному миру. Я надеюсь иметь в каждом из вас верного товарища и сотрудника по исполнению этой великой задачи, возложенной на нас страной. Чем дружнее будет наш напор, тем ближе желанный конец.

Я надеюсь, что совокупные усилия всех членов армии не дадут места в рядах ее проявлениям трусости, малодушия, лености, корысти или измены. В случае же проявления таковых, суровая рука власти беспощадно опустится на головы тех, кто в этот последний решительный бой труда с капиталом явится предателем интересов рабоче-крестьянского дела.

Еще раз приветствую вас, своих новых боевых товарищей и зову всех к дружной неустанной работе во имя интересов трудовой России.

Командующий 4-й армией, член ВЦИК'а, б. окружной военный комиссар Ярославского военного округа — Михаил Михайлов — Фрунзе.

[1] Центральный Архив Красной Армии (ЦАКА), Ф. № 184, д. № 83, оп. 4, л. 93.

Из приказа войскам 4-й армии, № 84/37, 1 марта 1919 г.[1]

§ 1.

Объявляю копию телеграммы 5 съезда Советов красной Иваново-Вознесенской губернии: «Д. Армия, Штаб 4-й Армии, тов. Фрунзе М. В. Съезд Советов шлет Вам коммунистический товарищеский привет и высказывает надежду вновь видеть Вас в первых рядах строителей и руководителей губернии. От имени рабочих и бедняков деревни Русского Манчестера съезд заявляет, что тыл непрестанно помнит о фронте, с ним радуется и печалится. Фронт боевой, тяжелой службой укрепляет мощь Советской России; кропотливая работа тыла направлена к снабжению армии всем необходимым ее постоянному росту. Передайте на фронте — красный Иваново-Вознесенск готов в тяжелую минуту дать армии все, чем он располагает.

Командующий 4-й армией и член Реввоенсовета М. Фрунзе.

Директива Реввоенсовета Восточного фронта командармам 1-й, 4-й, начдиву Оренбургской, № 313/к, 5 марта 1919 г.[2]

В связи со взятием Орска и Актюбинска[3] исполнение задачи по срочному обеспечению Оренбургской и Уральской областей и поддержанию связи с Ташкентом возлагается на Южную группу под начальством т. Фрунзе в составе 4-й армии, в нынешнем ее составе, и Оренбургской дивизии.

Тов. Фрунзе теперь же приступить к развертыванию Оренбургской дивизии в армию[4] (одна пехотная и одна кавалерийская дивизии) и представить свои соображения по выполнению операции.

Задача по овладению южным Уралом возлагается на 1-ю армию, в составе 24-й Пензенской дивизии и трех полков 25-й дивизии.

Операцию вести четырьмя колоннами: от завода Авзянопетровского на Верхнеуральск, от завода Преображенского на Верхнеуральск, по большой дороге от ст. Кизильская на Верхнеуральск, от Орска на Троицк.

Выполнение этой задачи начать по получении особого распоряжения, а пока вести соответствующую подготовку операции. Штабу Южной группы перейти в Оренбург, штабу 1-й армии, временно, оставаться в Оренбурге.

Разграничительная линия между Южной группой и 1-й армией назначается — Оренбург — М. Кызил Тап — Сары-Камыш — все пункты для Южной группы включительно. Разграничение железнодорожных линий по усмотрению начвосовост[5].

2. Общее наступление армий Колчака

Директива Реввоенсовета Восточного фронта командармам 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, № 0788, Симбирск, 13 марта 1919 г.[6]

В связи с создавшейся за последние дни обстановкой в 3-й и 5-й

---

[1] ЦАКА, ф. [illegible]

[2] ЦАКА, д. № [illegible]—204. л. 212.

[3] Орск был [illegible]т Красной Армией 27 февраля 1919 г.; Актюбинск был занят частями 1-й армии 3 марта 1919 г.

[4] Армии было присвоено название Туркестанская.

[5] Начальник военных сообщений Восточного фронта.

[6] ЦАКА, д. № [illegible]—204. л. 222.

армии[1] фронту приказано во что бы то ни стало восстановить утраченное положение.

Реввоенсовет фронта приказывает:

1) 1-й армии, сосредоточив три полка 25-й дивизии, полк 24-й дивизии и два полка Оренбургской дивизии (следующих сейчас на Чишму) в районе Уварово, что близь Гора Белая — Толбазы — Сарманаево, нанести удар противнику на фронте Шеланы — станция Уракова, с целью разбить противника наступающего на 5-ю армию от Уфы.

2) 2-й армии сосредоточить на Воткинском направлении группы, в составе не менее шести полков, включая сюда бригаду 4-й дивизии, и ударить во фланг противнику, теснящему 3-ю армию.

3) 3-й армии сдержать наступление противника, произвести перегруппировку с выделением резервов за своим правым флангом для совместных действий со 2-й армией в общем направлении на Очерской завод.

4) Южной группе, продолжая задачу по овладению Уральской областью, прочно обеспечить за собой Оренбургскую область.

5) 5-й армии, сдерживая натиск противника, принять группировку для совместных действий с 1-й армией для восстановления утраченного положения на Уфимском направлении.

6) Разграничительная линия между 1-й и Южной группой остается прежняя. Командирам 1-й, 2-й, 3-й и 5-й армий донести свои соображения по исполнении поставленных задач.

Телеграмма командующего 4-й армией командованию Восточного фронта, № 01717, 19 марта 1919 г.[2]

В связи с изменившейся обстановкой в районе 1-й и 5-й армий прошу указать, изменилась ли оперативная задача Южной группы, в частности, куда должна базироваться вновь образовываемая Туркестанская армия — на Туркестан или Волгу. Предполагаемое очищение 1-й армией Орска считаю угрожающим, как связи с Ташкентом, так и самому Оренбургу; между тем, заменить в районе Орска части 1-й армии частями Туркестанской, имеющей менее пяти тысяч штыков, чрезвычайно затруднительно.

Командарм 4-й Фрунзе.

Телеграмма Реввоенсовета Восточного фронта командующему 4-й армией, № 0892, Симбирск, 19 марта 1919 г.[3]

Задача Туркестанской армии, временно, отложена исполнением. Туркестанской армии пока базироваться на Волгу через штаб Южной группы. Орск пока очищать не предполагается. С Орского направления лишь взять резервы, которые должны были бы наступать на Троицк. Эти части ставятся в Оренбург для закрепления нашего положения в этой области, а равно и на тот случай, если обстановка под Уфой станет угрожающей для южного участка фронта. Примите все меры к увеличению числа штыков Туркестанской армии.

---

[1] Весеннее наступление Колчака началось 4 марта 1919 г. неожиданно для Восточного фронта ударом Сибирской армии ген. Гайда, в составе 3 корпусов, в промежуток между нашими 3-й и 2-й армиями на участке Оса — Оханск. Противник, заняв 7—8 марта Осу и Оханск, вынудил части 3-й и 2-й армий отходить на Глазов и Сарапуль. На фронте 5-й армии западная армия ген. Ханжина, в составе 3 корпусов, 6 марта ударила в свободный промежуток между 2-й и 5-й армиями и, действуя по тылам 5-й армии, в направлении Бирск — Уфа, вынудила части 5-й армии отходить в направлениях на Мензелинск, Бугульму и Белебей. В период 6—13 марта 2-я, 3-я и 5-я армии продолжали отход на запад под напором превосходных сил противника.

[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 1130, л. 124.

[3] ЦАКА, д. № 52—201, л. 214.

Приказ войскам 4-й армии, № 105, Самара, 19 марта 1919 г., 23 ч. [1]

Войска 4-й армии овладели районами Лбищенска и Сломихинской; ближайшая поставленная им задача, таким образом, выполнена. Главные силы врага разбиты и рассеиваются на мелкие отряды.

Поздравляю все части геройской 4-й армии с победой, отмечаю высоко доблестное поведение, при тяжелой обстановке, всего состава войск, начиная от рядовых и кончая командирами. Особо должен оттенить деятельность частей 1-й бригады 25-й дивизии, потерявших за время многодневных боев значительную часть командного состава и, тем не менее, геройски бивших и гнавших врага вплоть до Лбищенска.

Именем рабоче-крестьянской Советской России приношу благодарность всему составу войск Уральской и Александрово-Гайской группы. Россия труда может быть гордой своими товарищами.

Командарм 4-й, член Реввоенсовета Фрунзе.

Приказ войскам Южной группы Восточного фронта, № 016, Самара, 25 марта 1919 г., 20 ч. [2]

Противник большими силами повел наступление вдоль тракта Верхнеуральск — завод Преображенский и потеснил части 1-й армии, коей приказано восстановить положение и прочно прикрыть направления от Верхнеуральска на Стерлитамак и на Оренбург. В связи с этим фронт 1-й армии сокращается и разграничительной линией между 1-й и Туркестанской армией назначается линия Самара — Бузулук — Дудора — ст. Таналыцкая,— все пункты для Туркестанской армии включительно. Впредь до восстановления положения под Уфой и ликвидации прорыва на Мензелинск задачей Южной группы ставится удержание занятой нами территории в Уральской, Оренбургской и Тургайской областях.

Приказываю:

1) Туркестанской армии с временно приданным 224-м стрелковым полком продолжать обеспечивать Оренбургскую область, заняв, кроме прежде указанного фронта, Илецкий городок, Ново-Илецкая, Илецк и Актюбинск, еще и участок 1-й армии в направлении от Актюбинска на Орск и ст. Таналыцкая включительно; сменив одной бригадой Оренбургской дивизии часть 1-й армии в районе Орск, принять срочно меры по захвату появившегося в районе п. Полтавского отряда противника.

2) и затем по очищении всего района до линии Темир — Укр. Уильское 22-й стрелковой дивизии с включаемым, временно, в ее состав Савинским стрелковым полком со взводом артиллерии и одним эскадроном — продолжать выполнение прежде поставленной задачи.

3) Остальные части 2-й бригады 25-й стрелковой дивизии придаются, временно, Туркестанской армии и направляются в район Илецкого Городка для смены 224-го полка.

4) 1-й и 3-ей бригаде 25-й стрелковой дивизии составить групповой резерв и расположиться: первой бригаде в районе Оренбург — Бузулук, имея один полк в самом Оренбурге, а 3-ей бригаде в Самаре. Управлению дивизии расположиться в Бузулуке.

5) Разграничительная линия между Туркестанской армией и 22-й стрелковой дивизией остается прежняя.

6) О получении приказа телеграфировать.

Командующий Южной группой и член Реввоенсовета Фрунзе.

[1] ЦАКА, ф. 106, д. 1130, лл. 128—129.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 8237, л. 28.

Телеграмма Реввоенсовета Восточного фронта командармам 1-й и 4-й, № 01072, Симбирск, 2 апреля 1919 г.[1]

В связи с создавшейся обстановкой в 5-й армии, 1-я армия вынуждена к 4 апреля оттянуть свои части[2] на линию р. Сакмара — завод Кананикольский — завод Богоявленский. Реввоенсовет Восточного фронта приказывает Южной группе оттянуть части, занимающие Орск — ст. Таналыцкая, также на р. Сакмара и далее по направлению на Актюбинск. Одновременно с сим обстановка вынуждает: Южной группе подготовить резервы из формирующихся частей в районе Самара — Кинель; 1-й армии иметь резервы на тракте Стерлитамак — Оренбург. Разграничительная линия между Южной группой и 1-й армией прежняя, между 1-й и 5-й армиями Ишлина — Мурзугулова Ратчина — все пункты для 1-й армии включительно.

Приказ войскам Южной группы Восточного фронта, № 019, Самара, 5 апреля 1919 г.[3]

Овладев Уфой, противник продолжает теснить части 5-й армии в направлении на Белебей и части 1-й армии на Стерлитамак.

Части 1-й армии, удерживаясь южнее Стерлитамака, начали отход за реку Б. Ик, и не позже 9 апреля правофланговая бригада 24-й дивизии займет район Н. Чебенька — Покровское (Шашла).

В связи с отходом 1-й армии, Туркестанской армии, ориентируясь постепенно о месте нахождения правого фланга 24-й дивизии, под давлением обстановки, отходить из района Орска, вдоль большака, вниз по реке Уралу и вдоль железной дороги Самара — Оренбург, принимая все меры к возможно более полной эвакуации всех ценностей, грузов и подвижного состава.

Частям, занимающим Актюбинск, оставаться на месте, поддерживая связь с Ташкентом; очищение Актюбинска может быть произведено лишь по моему приказу.

22-й и 25-й стрелковым дивизиям продолжать выполнение прежде поставленных задач.

О получении приказа и отданных распоряжениях телеграфировать.

Командующий Южной группой и член Реввоенсовета Фрунзе.

3. Подготовка контр-удара по Колчаку

Приказ войскам Южной группы Восточного фронта, № 021, Самара, 10 апреля 1919 г., 20 ч. 30 м.[4]

1. Противник, овладев Стерлитамаком и Белебеем, продолжает теснить части 1-й и 5-й армий, угрожая, одновременно, выходом в тыл левому флангу 5-й армии в районе Бугульмы и стараясь отрезать 1-ю армию от 5-й.

2. Согласно приказа командующего Восточным фронтом от 10 апреля за № 01161, в целях объединения действий против Уфимской группы неприятеля, в 12 часов 11 апреля, помимо 4-й и Туркестанской армий, мне подчиняются в оперативном отношении 1-я и 5-я ар-

[1] ЦАКА, д. № 52—204, л. 200

[2] Части левофланговой 20-й дивизии 1-й армии были направлены на поддержку 5-й армии на Белебей. В связи с отходом 5-й армии, эти части 1-й армии, попадая под удар противника, наступающего на Стерлитамак (был занят противником 4 апреля), вынуждены были отходить на Оренбург.

[3] ЦАКА, ф. 106, д. № 8237, л. 31.

[4] Там же, л. 34.

мии и укрепленный район участка р. Волги от Ставрополя до Сызрани; все указанные армии составляют Южную группу армий Восточного фронта.

Левее (севернее) нашей группы образована Северная группа в составе 2-й и 3-й армий под начальством командующего 2-й армии.

Кроме того выделены особые отряды для непосредственной обороны Симбирска и Казани.

Разграничительной линией между Южной и Северной группами установлена линия — Бирск — Чистополь — устье р. Камы,— все включительно для Северной группы.

3. Во исполнение указаний командующего фронтом, войскам вверенной мне Южной группы ставлю задачу, удерживая натиск противника с фронта, образовать ударную группу в районе Бузулука под начальством командующего 1-й армией с тем, чтобы, перейдя этой группой в решительное наступление, ударом в левый фланг противника, отбросить его к северу.

Для выполнения приказываю:

I. 5-й армии, приведя войска в порядок с применением самых решительных мер, во что бы то ни стало положить предел дальнейшему продвижению противника в направлении на Бугуруслан и вдоль Бугульминской жел. дороги, прикрыв тракт Бузулук — Бугуруслан — Бугульма. Особое внимание обратить на обеспечение своего левого фланга, для чего путем перегруппировки образовать резерв в районе Бугульминской жел. дороги.

Штабу армии оставаться в Бугуруслане.

II. 1-й армии:

а) частями 20-й стр. дивизии удерживать противника, примерно, на фронте от Мелеус, что на тракте от Стерлитамака в Оренбург, через Сеитово и Алешкино до Ратчино (Казанка) включительно:

б) из состава 24-й стр. дивизии: одну бригаду немедленно перебросить по жел. дороге и сосредоточить в районе к северу от жел. дор. станции Тоцкая для включения в ударную группу;

в) остальными частями 24-й стр. дивизии, путем активных действий против неприятеля в направлении на Бугульчан, задерживать продвижение противника и тем дать возможность сосредоточения ударной группы в районе Бузулука;

г) части 31-й стр. дивизии, временно включаемые в состав армии, теперь же направить в Бузулук для присоединения к своей дивизии;

д) штабу армии теперь же перейти в Бузулук.

III. Туркестанской армии:

а) все части 31-й стр. дивизии со 2-й бригадой 3-й кавалерийской дивизии, включенной в состав ударной группы, подчиняемые с получением сего командующему 1-й армией, перевести в его распоряжение по железной дороге и сосредоточить в районе к северу от Бузулука, причем сосредоточение одной стрелковой бригады с конным полком и со штабом дивизии должно быть закончено не позже 18 апреля;

б) 1-й бригаде 3-й кавалерийской дивизии, подлежащей немедленному перемещению из Уральска и Бузулука в районе Оренбург — Илецкий Городок, совместно с местными формированиями образовать особую Оренбургскую группу под начальством командующего Туркестанской армией для прикрытия района Оренбурга;

в) 224-му стр. полку из состава 25-й стр. дивизии, расположенному в Илецком Городке, продолжать, временно, оставаться в подчинении командующему Туркестанской армией.

IV. 4-й армии:

а) 22-й стр. дивизии с Киргизской конной бригадой и 221-м стр. полком продолжать выполнение прежней задачи по прочному обеспечению занятого района Уральской области;

б) 73-й бригаде 25-й стр. дивизии, включенной в состав ударной группы, выдвинувшись не позже 18 апреля на фронт Луговое — Безводновка (что в 40—50 верстах к северу от Бузулука), составить прикрытие района сосредоточения всей ударной группы;

в) 75-й бригаде 25-й стр. дивизии без 224-го стр. полка, включенного в состав ударной бригады, продолжать перевозку в район Бузулука;

г) 74-й бригаде 25-й стр. дивизии оставаться в Самаре, составляя с формирующимися там войсками резерв всей Южной группы;

д) 73-я и 75-я бригады стр. дивизии, включаемые в состав ударной группы, подчиняются в оперативном отношении командующему 1-й армией с получением сего.

V. Ставя указанные выше задачи, требую от всех проникнуться сознанием крайней необходимости положить предел дальнейшему развитию успехов противника, дабы при содействии ожидаемых из областей подкреплений перейти к контр-удару и нанести врагу решительное поражение.

Для достижения этого приказываю, прежде всего, водворить строжайший порядок в войсках и установить беспощадную ответственность по отношению забывших свой долг революционеров и борцов за благо и свободу трудящихся масс.

В целях возможности управлять войсками при чрезвычайно сложной наличной обстановке приказываю всем командирам и их штабам: прежде всего, всегда своевременно доносить о современном положении на фронте армии и также соседей, точно обозначать расположение всех частей, ясно указывать данные им задачи и, поскольку они выполнены, непрерывно вести разведку, не теряя соприкосновения с противником для возможно более точной ориентировки в расположении его частей.

Реввоенсовет Южной группы Фрунзе.

Телеграмма Реввоенсовета Южной группы Пугачевскому уездному комитету партии, № 878, Самара, 12 апреля 1919 г. [1]

Сообщаю, что приказ о мобилизации 50 процентов рабочих санкционирован Реввоенсоветом Республики.

Реввоенсовет Южной группы Фрунзе. Куйбышев.

Телеграмма командующего Южной группой Ярославскому Окрвоенкому, копия Иваново-Вознесенскому и Ярославскому военкому и Губкомпартии, № 874, Самара, 12 апреля 1919 г. [2]

Высылайте возможное количество пополнений, хотя бы без вооружения и снаряжения. Положение исключительно острое.

Командующий Южной группой и член Реввоенсовета Фрунзе.

---

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 8162, л. 12.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 8168, л. 5.

Телеграмма командующего Южной группой командармам 4-й, 5-й, Туркестанской, Начдиву 22-й, Начдиву 25-й, № 01011, Самара, 13 апреля 1919 г., 19 ч. 40 м. [1]

Во изменение приказа войскам Южной группы № 021. Ввиду выяснившейся невозможности рассчитывать на сосредоточение в районе Бузулука частей 24-й дивизии для одновременных действий в составе ударной группы с 25-й и 31-й дивизиями, начальствование ударной группой, в составе 25-й и 31-й дивизий, возлагается не на командарма 1-й, а на командарма Туркестанской, коему из Оренбурга перейти в Бузулук с головной бригадой 31-й дивизии. Командарму 1-й продолжать сосредоточение ударной группы из состава частей армии в районе Михайловское — Шарлык для удара во фланг и тыл Бугурусланской группы противника, одновременно с Бузулукской ударной группой. Задача по обеспечению Оренбурга вместо командарма Туркестанской возлагается на командарма 1-й, в подчинение коему поступает 1-я кавалерийская бригада 3-й кавалерийской дивизии, 224-й стр. полк и местные части, составляющие гарнизон Оренбурга, и вооруженные там рабочие.

Командарму Туркестанской принять самые решительные меры к самой спешной перевозке частей армии в район Бузулука, к северу от коего сосредоточить обе дивизии ударной группы.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Разговор по прямому проводу командующего Южной группой с командованием Восточного фронта, 16 апреля 1919 г., 13 ч. [2]

Тов. Фрунзе:

1) О помощи 5-й армии. О необходимости таковой я прекрасно знаю, но подать ее за счет 1-й бригады 25-й дивизии я не мог, ибо эта бригада до сих пор, в силу отсутствия подвижного состава обоза и целого ряда претензий со стороны частей, до сих пор не сосредоточена целиком даже в Бузулуке. Поэтому помощь приходится оказывать другими путями, для чего в спешном порядке заканчивается формирование 2-й бригады в Самаре, и перебрасывается 3-я бригада с Уральского фронта; части 3-ей бригады в составе 2-х полков на пути к Сызрани и мною направлены в 5-ю армию. Туда они могут прибыть в течение ближайших 5—6 дней. От посылки подкреплений отдельными батальонами отказался, находя это нецелесообразным, с чем согласен и командарм 5-й. 21 числа надеюсь закончить формирование 2-й бригады, которой придаю роту связи, саперную роту, артдивизион, в составе двух батарей и дивизион кавалерии. Сейчас только разговаривал с командармом 5-й; выяснил положение и договорился об оказании помощи указанными выше частями, причем во взглядах на операцию у нас намечалось некоторое расхождение: я считаю более настоятельным усилить Бузулукскую группу с тем, чтобы сделать ее действительно ударной, а в 5-й армии ограничиться 2 полками, чтобы сдержать наступление; командарм же 5-й настаивает на посылке обеих бригад. Если поступить так, то Бузулукская группа будет очень слаба, так как части 31-й дивизии сравнительно плохо снаряжены и подготовлены. Предполагаю объединение Бугурусланской и Бузулукской групп для проведения Бугурусланской операции в руках командарма 5-й.

Относительно имущества прибывшего с маршрутными поездами дот-

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 1056, лл. 29—30.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 1134, лл. 79—85.

жен доложить, что значительная часть его уже распределена. Вследствие отсутствия своевременных указаний комендантов поездов они проскочили мимо Самары в 5-ю армию, где и была оставлена часть имущества. Помимо этого, как только поезда вернулись в Самару, мною не медля ни часу было послано 3000 винтовок в Оренбург для вооружения рабочих полков и часть была выдана Иваново-Вознесенскому, Самарскому и Сызранскому полкам.

Ваша телеграмма с запрещением распределять его [вооружение] нам — опоздала, но требуемый вами порядок мне кажется лишь замедлит нашу работу по формированию. Мною приказано учреждениям штаба группы и губернского комиссариата работать день и ночь, дабы никаких задержек с снаряжением не было. Я прекратил всякую переписку по таким вопросам и все делается непосредственным сношением и без всяких проволочек.

Убедительно прошу отменить ваше приказание с указанием того количества снабжения, которое я должен задержать для вас. Сообщаю, так, для сведения, о своих потребностях по части снаряжения: Оренбург требует 8000 винтовок; комиссар Степного края, находящийся сейчас у меня, требует для киргизских формирований Тургайской области, по крайней мере, 3000 винтовок, обещая в таком случае создать в тылу казаков крупную вооруженную силу; тургайский Исполком для вооружения рабочих Актюбинска, Челкара, Темира, прикрывающих путь к Ташкенту, просит 3000 винтовок, пулеметы и орудия и, наконец, для вооружения тыловых формирований Самары, Сызрани, Николаевска и прочих требуется тоже огромное количество. Я не упоминал о том, что полки 2-й дивизии тоже имеют оружия недостаточно; об этом же волнуется 4-я армия, где замечается оживление деятельности противника.

2) Прошу выяснить мое отношение к частям 2-й дивизии.

Политические работники с маршрутными поездами не прибыли, сил у них мало хороших. Мне крайне нужны красные офицеры; командный состав требуется всюду, прошу помочь.

Кроме семи человек, перехваченных мною на пути следования из штаба 5-й армии в Сызрань в запасный полк и распределенных по полкам бригады 26-й дивизии, все остались в 5-й армии. Из командного состава и чиновников я перехватил десять, которых направил: шесть человек в полки 2-й бригады, одного в Мелекес командиром формирующегося там полка по постановлению комитета партии и трех чиновников тоже в бригаду 25-й дивизии.

Командвост: Признаю, что разбивать ударную группу нельзя; надо окончательно установить, что составит ударную группу и что может быть дано 5-й армии на усиление, и твердо провести эту линию. Объединение командованием по моему — или в руках командарма 1-й или командарма 5-й.

2) Относительно имущества; это распоряжение имело целью предотвратить захват имущества 5-й армией и, конечно, все это имущество целиком пошло бы в Вашу Южную группу, так что по существу никакой разницы не произошло. Вы только нам сообщите что, куда вами назначено, для учета и, в первую очередь, конечно, обеспечьте части ударной группы и части Самарского укрепленного района.

2-я дивизия до полного сосредоточения и приведения ее в полную боеспособность остается в резерве фронта. Вся работа по приведению в боеспособное состояние дивизии лежит на вас. Вы должны подготовить соображения, каким порядком, для какой задачи вы используете 2-ю дивизию или правильнее предполагаете, после чего эта дивизия будет передана вам. Возможно, конечно, что боевая обстановка не по-

зволит так планомерно разрешить этот вопрос; тогда вы запросите нас, и, очевидно, мы ее вам отдадим, но это будет уже нежелательное использование этой дивизии, вот и все.

4. Подготовка и проведение Бугурусланской операции

Приказ войскам Южной группы Восточного фронта, № 022, Самара, 19 апреля 1919 г., 20 ч.[1]

1) Из перехваченных приказов противника[2] видно, что против нашей 5-й армии в районе Бугуруслана наступает 3-й Уральский корпус, имея 6-ю Уральскую дивизию к северу от реки Кинель и к югу 7-ю Уральскую дивизию горных стрелков, в составе 25-го, 26-го, 27-го и 28-го пех. полков, 7-й арт. бригады, 1-го Уральского гусарского полка, Егерского батальона и Оренбургской казачьей бригады. Части этой дивизии 16 апреля должны были занять фронт его, с дальнейшим выдвижением на ж. д. ст. Подбельская — Кинельская — Городки — Чепурновка. Оренбургской казачьей бригаде указано продолжать наступление на ж. д. ст. Толкай. Кроме того, в состав 3-го Уральского корпуса, повидимому, входит Ижевская бригада, район расположения которой не выяснен. В Стерлитамакскую группу противника входит 6 корпус, в составе 11-й, 12-й дивизий, причем к 12 апреля правый фланг 6-го корпуса, а именно 44-й пех. полк с батареей должен был занять Егорьевку (повидимому селение, которое находится около 30 верст к юго-востоку от ж. д. ст. Абдулино). Кроме того, из захваченного приказа по 45-му полку видно, что 12-я дивизия противника должна была выдвинуться на южный берег р. Дема в районе Богородское (Пономарево) — Алябьево — Воздвиженское (ст. Никитино). Судя по приказам до 16 апреля между 3-м Уральским и 6-м корпусами противника связь отсутствовала.

2) Во внимание к выяснившейся обстановке считаю необходимым с возможно большей энергией продолжать выполнение указанного мною оперативного плана, центр тяжести коего лежит в разгроме Бугурусланской группы противника, пока она не находится еще в тактической связи с 6-м корпусом, наступающим из района Стерлитамака.

В подтверждение и дополнение ранее отданных мною приказов предписываю:

а) 5-й армии, усиленной 74-й и 75-й бригадами 25-й стр. дивизии, не только остановить напор противника и дальнейшее его продвижение вдоль Бугульминской и Бугурусланской ж. д., но контрударом оттеснить его, имея ближайшей задачей овладение районом Бугуруслана. Штарму оставаться в Кротовке.

б) Ударной группе в составе 73-й бригады 25-й стр. дивизии, 31-й стр. дивизии и Оренбургской казачьей бригады, сосредоточившись в районе к северу от Бузулука, перейти в решительное наступление в общем направлении на фронте ж. д. от Заглядино — Бугуруслан, с целью совместно с 5-й армией разбить противника и отбросить его Бугурусланскую группу к северу, отрезав его от сообщений к Белебею.

Командующему ударной группы, пользуясь своей конницей, держать связь с нашей армией; вести разведку в промежутке между 3-м Уральским и 6-м корпусами противника, порывая между ними связь; обеспечивать правый фланг ударной группы и развивать возможно энергичные боевые действия в глубокий тыл 3-го Уральского корпуса про-

[1] ЦАКА, ф. [illegible], д. № [illegible], лл. 71—[illegible].

[2] Эти пр[illegible] стрелковой дивизии у захва[illegible] ими трех забл[illegible] (см. ЦАКА, ф. 106, д. № 1134, лл. 127—132).

тивника, примерно в районе ж. д. ст. Сарай — Гир — ж. д. ст. Филипповка. Штабу ударной группы (он же штарм Туркестанской) находиться в Бузулуке. Командарму Туркестанской принять все меры к скорейшему сосредоточению всех частей армии из Оренбургского района в район Бузулука.

в) 1-й армии, минуя всякие препятствия, прекратить дальнейший отход и, перейдя теперь же в решительное наступление, сковать находящиеся перед ней части 6-го корпуса противника, дабы не дать им возможность войти в связь с 3-м Уральским корпусом и, тем самым, угрожать правому флангу ударной группы.

Помимо этого, на армию, в состав коей включаются 224-й стр. полк и 10-й кавалерийский полк, передвинутые в Оренбург из Бузулука, и все местные оренбургские формирования — возлагается обеспечение района Оренбурга, путем создания особой Оренбургской группы. На эту группу возлагается обязанность, в кратчайший срок, сменить части Туркестанской армии обеспечивающие до сих пор Оренбург с востока и прикрыть погрузку этих частей, а именно: Орского и Бузулукского стрелковых и Орского, Айсановского и 2-го сверхштатного конных полков для немедленной переброски их из Оренбурга в район ударной группы. Штабу армии перейти в Сорочинское.

г) 4-й армии в составе: 22-й стр. дивизии, 9-го кав. полка, Савинского стр. полка и Киргизской конной бригады, под общим командованием начальника 22-й стр. дивизии, продолжать выполнение прежней задачи по прочному удержанию занимаемого района Уральской области.

3) Командующим 5-й армией и ударной группой во исполнение этого приказа немедленно представить свои соображения и донести об окончании подготовки к предстоящей операции, после чего будет указано время для начала решительного согласованного наступления.

4) Всем командующим армиями возможно подробнее ежедневно доносить мне о подготовке к операциям, указывая расположение всех частей, боевой их состав и степень обеспеченности их всем необходимым.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Директива командующего Южной группой командарму 1-ой и Туркестанской, № 01164, Самара, 22 апреля 1919 г., 21 ч.[1]

По полученным только что донесениям 19 апреля левофланговые части 1-й армии после боя с 46-м и 47-м полками противника в районе Воздвиженское (ст. Никитино) оттеснены в район Ратчина (Козинка — Алексеевское) Бакалка, после чего противником заняты Дюсьметева и Романовское (Карабалак). 45-й полк противника атаковал Алексеевское (Бакалка), но атака отбита. 212-й, 213-й и 214-й полки 24-й дивизии, наступая на запад, к 19 апреля заняли район Яфарова — Ново-Никитино — Ивановка (Александровка), причем из последних двух пунктов 212-й и 213-й полки двинуты на север с целью окружения противника в районе Романовское (Карабалак). Северо-западнее обнаруженных частей 12-й дивизии противника предполагается наступление 11-й дивизии. С целью приковать части 6-го корпуса противника к не дать им возможности соединиться с 3-м Уральским корпусом и угрожать правому флангу, сосредоточиваемой в районе к северу от Бузулука, нашей ударной группы, приказываю:

1) 1-й армии — усилить всем чем можно свой левый фланг, перейти в самое решительное наступление против частей 12-й дивизии против-

[1] ЦАКА, ф. 106, д. 1056, лл. 53—55.

ника, дабы во что бы то ни стало приковать к себе возможно большие силы из состава 6-го корпуса противника.

2) Командарму Туркестанской — организовать немедленно усиленную разведку в районе между р.р. Кинель и Ток, дабы выяснить фронт наступающих частей 6-го корпуса противника.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Телеграмма командующего Южной группой в Симбирск командованию Восточного фронта и Саратовскому губвоенкому, № 01113, Самара, 20 апреля 1919 г.[1]

Положение на Уральском фронте весьма серьезное. Вчера весь день шел бой между Янайский и Скворкин. Части отводятся на линию Скворкин — Ширяевский. Казаки мобилизовали все поголовно казачье и иногороднее население от Лбищенска до Гурьева. Необходима немедленная посылка в Уральск, для усиления, свежих частей, так как в распоряжении группы свободных войск не имеется.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Телеграмма командующего Южной группой Иваново-Вознесенскому губернскому комитету партии, копия Москва, Цека партии, № 1058, Самара, 23 апреля 1919 г.[2]

Прошу мобилизованных коммунистов из Иваново-Вознесенска направить в мое распоряжение для распределения по четырем армиям Южной группы.

Командующий Южной группой и член Реввоенсовета Фрунзе.

Телеграмма командующего Южной группой командованию Восточного фронта, № 01182, Самара, 23 апреля 1919 г., 20 ч.[3]

Основная идея операции Южной группы Восточного фронта — удар в разрез между частями 3-го и 6-го корпусов противника, в общем направлении на Бугуруслан — Заглядино — Сарай-Гир, с целью окончательного разобщения этих корпусов и разгрома их по частям. Операции выполняются путем атаки на правом фланге 5-й армии двумя бригадами 25-й стр. дивизии, севернее р. М. Кинель. Одновременно с этим, на левом фланге 5-й армии производится частями 27-й дивизии атака в районе Бугульминской железной дороги с охватом Бугульминской группы противника с севера; атака имеет целью охват противника и не позволит ему перебросить свои части на юг к Бугуруслану. Главный удар наносится с юга частями 31-й и одной бригадой 25-й стр. дивизий, которые составят ударную группу и, сосредоточившись в районе Дураковка (Озерье) — Сергеевка (Мароссы) — Кириловка — Могутово и Подсолнечное, наносит удар во фланг и в тыл 7-й горной дивизии противника, имея задачей сбить его с железной дороги и отбросить к северу. Для охраны правого фланга ударной группы со стороны частей (11-й и 12-й дивизии) противника и для оказания содействия левому флангу 1-й армии, путем удара во фланг противнику, наступающему на этот фланг, выдвигается в район Никольское — Боровка конная бригада. 1-я армия, упорно обороняя частями 20-й стр. дивизии и местными формированиями район Оренбурга и обеспечивая направление Стерлитамак на правом фланге,

---

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 1134, л. 157.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 8168, л. 36.
[3] ЦАКА, ф. 254, оп. 4. д. № 68, лл. 414—417.

должна частями 24-й дивизии сковать находящиеся перед нею части и не допустить до тактического соединения с частями Бугурусланской группы противника, путем упорной атаки имеющихся перед ее левым флангом частей противника.

4-я армия частями 22-й стр. дивизии должна продолжать упорную оборону района Уральска и железной дороги Уральск — Саратов.

В резерве группы остается в районе Самары — Иващенково две бригады 2-й стр. дивизии, которую предполагается использовать для развития успеха.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Телеграмма начальника оперативного управления Южной группы начальнику опер. управления Востфронта, № 01202, Самара, 24 апреля 1919 г.[1]

На вашу записку сообщаю, что вчера в 20 ч. 31 м. по разговору Наштаюжгруппы с наштадивом 22-й выяснилось, что части 22-й дивизии вошли в самый город[2], оставив небольшие части на южном конце моста через р. Чеган. Новых сведений, ввиду перерыва связи в районе Деркуль — Уральска, у нас нет. Пытаемся вызвать Уральск через Бузулук.

Оперативная сводка штаба Южной группы Восточного фронта № 01237, к 15 ч. 27 апреля 1919 г., Самара.[3]

1-я армия.— 26 апреля в 17 ч. 277-й, 211-й полки атаковали части 2-й и 5-й дивизий противника, переправившиеся через реку Салмыш; противник был сброшен в реку нашим артиллерийским огнем, причем сдалось в плен более 1 000 человек пехоты, захвачена трехорудийная батарея, 15 пулеметов, обозы полков и другая добыча[4]. Подробности будут донесены дополнительно.

Туркестанская армия.— 25 апреля частями 219-го полка, производившими поиск, занята деревня Алексеевка, причем взято 2 пулемета и пленные; разведчиками 218-го полка снята застава противника на высоте северо-западнее д. Сергиевское (Жулино).

5-я армия.— 25-я дивизия, частями 3-ей бригады вчера, 26 апреля заняты высоты между д.д. Архангельское и Елга, причем взято 8 пленных и один пулемет; в бою под Покровском 25 апреля взято 200 пленных и 8 пулеметов. Сергиевский отряд под натиском противника отошел к д. Н. Орлянка. На фронте 27-й дивизии, в результате упорных боев, под натиском противника 41-й полк отошел в Таузакова — Успенское (Зубовка), 242-й полк в Токмак, 239-й к Урметьева, 240-й полк — Сиделькино; центр же продолжает удерживаться, несмотря на атаки противника, в районе д.д. Боганы — Шентала (Богоявленское) — Артюшкино — Шентала. Принимая во внимание рискованность слишком выдвинутого вперед центра положения дивизии, начдив приказал занять и упорно оборонять: 2-й бригаде 5-й дивизии и Брянскому эскадрону линию д.д. Лиговка — Шаловка — Успенское (Зубовка), с резервом в Дмитриевке; 3-й бригаде 27-й дивизии с

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 1134, л. 199.
[2] Уральск.
[3] ЦАКА, ф. 106, д. № 1134, лл. 246—251.
[4] Разгром противника на р. Салмыш, в 60—80 клм. к северу от Оренбурга был первой блестящей победой, открывшей наступление войск Южной группы Восточного фронта. 1-я армия получила возможность угрожать тыловым сообщениям армии Ханжина, продолжавшей продвигаться в направлении на Сергиевск.

26-м кавдивизионом, бронепоездом и № 10 поезда с вооруженными платформами линию д.д. Егорьевка — Токмак — Ст. Челны и Челны-Вершины с резервом в д. Кривозериха; 2-й бригаде 27-й дивизии, в составе 239-го и 240-го полков и 28-го кавдивизиона линии д.д. Девлиеркино — Аделяково — Сиделькино. Части Чистопольской группы к 12 ч. 26 апреля были на линии д.д. Приг — Билярск — Орки — Багана — Адельшина — Чутлушкина (Бахта) от Иванаева — Кубасы.

Телеграмма командующего Южной группой замнаркомвоену, № 01297, Самара, 29 апреля 1919 г.[1]

В моем распоряжении имеется слишком 2000 Оренбургских казаков-добровольцев, ушедших из занятых белогвардейцами станиц. Часть из них на конях, но без седел. Настроение превосходное; можно сразу довести до конца формирование кавдивизии, формируемой при Туркестанской армии. Эта дивизия могла бы сыграть колоссальную роль. Прошу выслать срочно для кавдивизии одну тысячу седел и одну тысячу драгунских винтовок.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Член Реввоенсовета В. Куйбышев.

Оперативная сводка штаба Южной группы Восточного фронта, № 01309, к 5 часам 30 апреля 1919 г., Самара.[2]

1-я армия — на участке обороны Оренбурга, противник оттеснен к югу от Менового двора на 6—7 верст; преследование его нами продолжается. От 20-й дивизии сведений не поступало. На участке 24-й дивизии 28 апреля нами с боем заняты д. Алябьево — с. Новгородское — Алексеевка — Беседина. На остальных участках дивизии — без перемен.

Туркестанская армия — 73-я бригада 25-я дивизия — кавалерией занята д. Тростянка (Н. Николаевка, Куючегорье) — Тулла. 31-я дивизия — 275-й и 276-й полки начали выдвижение на линию Архангельское — Городецкое — Кушниково — Горка. 274-й полк в с. Зимиха будет оставлен в резерве участка. 5-я армия — наступление наших частей продолжается успешно; по предварительным сведениям части 25-й дивизии заняли Подколочную и Куроедовку. Части 26-й дивизии в Обранкино и подвигаются на Руштайкино.

Приказ войскам Южной группы Восточного фронта, № 0231, Самара, 1 мая 1919 г.[3]

Противник, пытавшийся овладеть Оренбургом, при наступлении как с севера, так и с востока и юга отброшен частями нашей Оренбургской группы и понес большие потери, в том числе свыше полутора тысяч пленными. На всем остальном фронте 1-й армии противник, в общем, пассивен; на левом фланге части 24-й стр. дивизии отбросили 12-ю дивизию противника в район Богородское (Пономарево).

Начавшееся 28 апреля общее наступление Туркестанской и правого крыла 5-й армии идет вполне успешно: части 1-й бригады 25-й дивизии разбили 11-ю дивизию противника, а части 2-й и 3-й бригад 25-й дивизии и 3-й бригады 26-й дивизии — 6-ю дивизию противника, от-

[1] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 145, л. 84.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 1134, лл. 288—289.
[3] ЦАКА, ф. 106, д. № 1056, лл. 107—113.

давшую в наши руки много пленных и отступающую на север и частью на северо-запад. В то же время противник собранным в районе Сергиевска кулаком теснит левофланговые части Бугурусланской группы 5-й армии. Одновременно, под напором превосходных сил противника Бугульминская группа 5-й армии вынуждена продолжать отход, выдерживая главный нажим на своем правом фланге.

На фронте 4-й армии, противник, перерезав железную дорогу между Уральском и Деркуль и овладев Александров Гай, пока держится пассивно. При содействии передаваемых мне подкреплений решил: путем двойного охвата, нанести удар противнику с целью уничтожения его группы, оперирующей в районе к юго-востоку от Сергиевская и стремящейся отбросить правую группу 5-й армии от ее сообщений с Самарой, после чего общими усилиями Туркестанской и 5-й армии отбросить Бугульминскую группу противника на север, отрезав ее от сообщений с Уфой. Для чего:

1) 1-й армии продолжать выполнение поставленных ей задач удерживать район Оренбурга и активными действиями на своем левом фланге, в общем направлении на север, приковывать к себе части противника, группирующиеся в районе к юго-востоку от ж. д. ст. Абдулино. Разграничительная линия между 1-й и Туркестанской армиями Натальино (Плещеево) — Абдулино — Белебей,— для 1-й армии включительно.

2) Туркестанской армии, имея справа активно действующий [заслон], продолжать самое энергичное и быстрое наступление главной своей массой в тесной связи с правым флангом 5-й армии в целях выхода во фланг и тыл Бугурусланской группы противника. Оставив конную бригаду в районе железной дороги Бугуруслан — Белебей, выдвинуть все остальные части конницы для энергичных и быстрых действий в направлении на Бугульму, с целью прикрытия правого фланга при дальнейшем наступлении и удара по тылу противника и его сообщениям. Разграничительная линия между Туркестанской и 5-й армиями Бугуруслан — ж. д. ст. Дымка,— для Туркестанской армии включительно.

3) 5-й армии, в состав коей включаю 2-ю и 3-ю бригады 2-й стр. дивизии, приказываю: продолжая быстрое наступление своего правого крыла от Бугуруслана в общем направлении на северо-запад, использовать части 2-й дивизии для развития самых энергичных действий в охват правого фланга и тыла 4-й Уфимской дивизии противника с целью не только остановить его нажим на юг, но путем окружения уничтожить его.

Для усиления Бугульминской группы 5-й армии в состав ее будут включены части, сосредоточиваемые штабом фронта в районе Мелекес. С прикрытием этих подкреплений левой группе 5-й армии перейти в решительное наступление с охватом левого фланга 8-й Камской дивизии противника в целях разобщения его от частей 4-й Уфимской дивизии и, тем самым, обеспечения левого фланга 2-й дивизии, направляемой в район Сергиевска для глубокого охвата. 4-й армии приказываю: овладев вновь Александров Гай продолжать выполнение задачи по удержанию района Уральск и железной дороги на Покровск. С прибытием подкреплений перейти в решительные действия с целью отбросить противника от железной дороги и Уральска.

5) Требую от всех армий самой кипучей энергии, быстроты и смелости при выполнении поставленных им задач, памятуя что при создавшейся обстановке только в таких действиях залог нашего полного успеха.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Оперативная сводка Туркестанской армии, № 076 оп. к 21 ч. 2 мая 1919 г., Бузулук.[1]

2 мая (конная) бригада вышла к д. Алексеевка (Зорькина) и далее направляется на ж. д. участок ст. Филипповка — Сарай-Гир, подробного донесения не поступило. 1 и 2 мая частями бригады в районе д.д. Н. Аширова — Бакирова — Тимошкина взяты пленные 41-го, 44-го полков, разбежавшихся после боя 28 апреля в районе Кузминовское — Воскресенка. Бригаде добровольно сдался полк имени Шевченко с оружием и пулеметами, перебив своих офицеров. Сдаются большие партии противника в районе действий бригады, но каких частей пока указаний нет. От 92-й бригады (31-й дивизии) и 73-й бригады (25-й дивизии) донесений не поступило. Штадив 31-й переходит в д. Баландина. 271-й полк — д. Карловка — Якобьевка; 272-й полк — Рамзина. Штабриг 91-й — Подколки (Михайловское).

Телеграмма командующего Южной группой начальнику обороны г. Оренбурга, копия командиру 277-го полка, № 1117, Самара, 3 мая 1919 г.[2]

Предлагаю немедленно представить к награждению отличившихся в бою на р. Салмыш из состава полка. Всему полку от имени Рабоче-Крестьянского правительства объявляю благодарность за его геройский подвиг. Уверен, что геройский 277-й полк и впредь оправдает доверие трудового народа.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Член Реввоенсовета Куйбышев.

Телеграмма Реввоенсовета Южной группы Реввоенсовету Туркестанской армии, копия политотдел 25-й стрелковой дивизии, № 1226, Самара, 5 мая 1919 г.[3]

Ввиду подчинения 25-й дивизии в оперативном отношении штарму 5-й и неразрывной связи боевых операций с политической работой в частях, Реввоенсовет Южной группы решил временно подчинить Политотдел 25-й дивизии Реввоенсовету 5-й армии.

Реввоенсовет Южной группы

В. Куйбышев.

М. Фрунзе.

Оперативная сводка штаба Южной группы Восточного фронта, № 01402, Самара, 5 мая 1919 г., 18 ч. 45 м.[4]

В районе Самаро-Златоустовской железной дороги наши части располагаются на линии Сарай Гир — Филиппсвка — Хлебодаровка и Верх. и Нижн. Заглядино. В 9 часов 4 мая мы овладели г. Бугурусланом и вышли на линию д.д. Елатманка — Лобовка — Валентиновка; западнее нами заняты д.д. Нефедьевка и ст. Мансуркина.

В районе железной дороги Сергиевск — Кротовка наши войска овладели дер. Калиновка, Богоявленка (Суходол) — Лобановка и Павловка. Дополнительно получены сведения о занятии нами города Сергиевска.

---

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 8367, лл. 72—73.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 8168, л. 75.
[3] ЦАКА, ф. 106, д. № 8169, л. 18.
[4] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 153, л. 7.

Телеграмма командующего Южной группой командованию Восточного фронта, № 01408, Самара, 5 мая, 1919 г., 19 ч. 40 м.[1]

Для успешного развития операций по уничтожению Бугульминской, Сергиевской и Бугурусланской группы противника и для обеспечения наших действий со стороны Уфы является настоятельная необходимость в усилении войск Южной группы, а потому прошу о придаче бригады 4-й стр. дивизии в резерв Южной группы, тем более, что по полученным сведениям от перебежчиков и пленных, части корпуса Каппеля выступили из района Златоуста на Уфу.

Командующий южной группой Фрунзе.

Телеграмма Реввоенсовета Южной группы Саратовскому губкому партии, № 1249, Самара 6 мая 1919 г.[2]

Положение дел в районе Уральска ухудшается вследствие усиливающегося казачьего восстания. Связь с Уральском со стороны Бузулука прервана. Необходима срочная помощь Уральску, ибо дальнейшее ухудшение грозит срывом успешно развивавшихся наших операций на путях к Уфе. Командование Южной группы резервами для посылки на Уральский фронт не располагает. Силы Самары исчерпаны, ибо она выделила все, что могла Уфимскому фронту и этим спасла положение. Долг Саратова сделать то же самое в отношении Уральского фронта. Оружие есть. Реввоенсовет Южной группы уверен, что Саратов окажет 4-й армии должную помощь и спасет положение всей южной части Восточного фронта.

Реввоенсовет Южной группы Фрунзе.

В. Куйбышев.

Телеграмма командующего Южной группы штабу Восточного фронта, № 01413, Самара, 6 мая 1919 г.[3]

Сообщаю для сведения, что еще вчера я решил начать наступление на Белебей и Стерлитамак с целью обеспечения Бугуруслан-Бугульминской операции со стороны Уфы, откуда могут ожидаться части противника, как в Белебеевском, так и Бугульминском направлениях. Для осуществления этого приказано: 1) обеспечив Оренбург с севера меньшей частью 20-й дивизии, большей частью этой дивизии наступать на Стерлитамак; 2) стянув части 24-й дивизии влево, начать наступление вдоль и правее Златоустовской жел. дор. в направлении на Шафраново; 3) Туркестанской армии — в составе 5-го полка 31-й дивизии и трех полков 3-й кав. дивизии, сосредоточившись в районе Сарай Гир, наступать на Белебей, имея дальнейшей задачей выход на Бугульминскую жел. дор. вдоль тракта, прямо на север, освещая конницей глубоко свой левый фланг и поддерживая связь с 5-й армией.

Для выполнения этой операции я уже переговорил с командармами 1-й и Туркестанской армий и отдал приказ, который будет сегодня передан вам. Ваше предложение двинуть Туркестанскую армию для связи с 5-й армией, т. е. на север прямо из ныне занимаемого ею района, считаю менее желательным, ибо выигрыш нами пространства в направлении на Уфу и перерыв сообщений с ней Бугульминской группы противника в более глубоком тылу надежнее обеспечит нашу операцию.

Командующий Южной группой Фрунзе.

---

[1] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 153; л. 9.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 8168 л. 117.
[3] ЦАКА ф. 254, оп. 4, д. № 153, л. 32.

Приказ войскам Южной группы, № 025, Самара, 6 мая 1919 г. 11 ч. 40 м.[1]

Для обеспечения операций 5-й армии со стороны Уфы, как в направлениях на Белебей, так и вдоль Бугульминской железной дороги, а также с целью перерезать пути отхода противника от Бугульмы на Уфу, приказываю:

1) Туркестанской армии, сосредоточившись в районе Сарай Гир, перейти в наступление на Белебей, имея дальнейшей непосредственной задачей быстрый выход на Бугульминскую дорогу по тракту от Белебея на север. Поддерживать тесную связь с 5-й армией и конницей, обеспечить свой левый фланг, разведывая и действуя в направлении на Бугульму.

2) 1-й армии — 24-й дивизией перейти в наступление, в тесной связи с Туркестанской армией, в направлении на Шафраново, а 20-й дивизией — в направлении на Стерлитамак, обеспечив Оренбург с выдвижением на линию Островной — Черноотрожская и ст. Мурапталово.

3) 5-й и 4-й армиям продолжать выполнение ранее поставленных задач.

4) Обращаю [внимание] на необходимость энергичных действий и требую поддержания самой тесной связи между армиями и дивизиями, с каковой целью соседним частям обмениваться делегатами.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Директива командующего Южной группы командующему Туркестанской армией, № 01443, Самара, 7 мая 1919 г.[2]

Приказываю возможно энергичнее вести наступление 31-й дивизией, а конницу усиленными переходами бросить в указанных ей направлениях, т. е. конную бригаду на Белебей и далее по тракту на север, а остальную часть на Бугульму. Намечающийся общий отход противника, который должен быть отрезан от сообщений с Уфой, требует проявления крайней решительности и смелости, доходящей до дерзости. Чрезвычайно важно возможно скорее занять весьма крупную переправу Бугульминской жел. дор. через р. Ик.

Требую от вас предъявить к подчиненным вам войскам и их начальникам сознание важности данной задачи и приказываю ежедневно точно ориентировать меня о результатах действий всех частей армии.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Радиограмма командующего Южной группой защитникам Уральска, № 01445, 8 мая 1919 г.[3]

Привет вам, товарищи! Будьте спокойны и тверды. Помощь вам идет. Враг на Уфимском направлении разбит. Оренбург надежно в наших руках. В ближайшие недели Уральской контр-революции будет нанесен последний, сокрушающий удар. Врагу не сломить рабоче-крестьянской силы. На вас смотрит сейчас вся трудовая Россия. Смелее в бой!

Командующий Южной группой Фрунзе.

---

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 8237, л. 41.
[2] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 153, л. 60.
[3] Там же, л. 61.

Радиограмма командующего Южной группой начдиву 22-й в Уральск, № 0147, Самара, 9 мая 1919 г., 13 ч. 45 м.[1]

Приказываю держаться до последнего человека — это единственное средство сохранить отряд.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Телеграмма саратовского губкома партии Реввоенсовету Южной группы, 8 мая 1919 г.[2]

...На № 1249[3]. Делаем все возможное. Нет совершенно лошадей, повозок, крайне недостаточно обмундирования, вооружения. Окажите содействие в получении нами указанных предметов. Людей дадим сколько угодно.

Телеграмма Саратовскому губкому партии Реввоенсовета Южной группы, № 1304, Самара, 12 мая 1919 г.[4]

Давайте возможно большее пополнение людьми 4-й армии. Обмундирование и вооружение будет предоставлено нашим распоряжением.

Реввоенсовет Южной группы Куйбышев.

Телеграмма Реввоенсовета Южной группы Рязанскому губвоенкому, копия губкомпартии, № 1291, Самара, 10 мая 1919 г.[5]

На № 411. Реввоенсовет Южной группы Восточного фронта от имени вверенного ему фронта благодарит за первую ласточку партийной мобилизации, долетевшую до него с того берега Волги. Напряжением сил великой Российской Коммунистической партии армия разгромит уже отступающего врага.

Реввоенсовет Южной группы Фрунзе.

Куйбышев.

Приказ войскам Южной группы, ст. Филипповка, 11 мая 1919 г.[6]

Я сегодня вместе с членом Реввоенсовета т. Куйбышевым прибыл в район расположения Туркестанской армии и фронта 25-й стр. дивизии. На фронте 5-й армии продолжается успешное наступление наших частей. Противник, сосредоточивши к востоку от Бугульмы сильную ударную группу, перешел 9 и 10 сего числа в контрнаступление, обрушившись на 25-ю дивизию. В результате двухдневных кровопролитных боев враг разгромлен окончательно. Ижевская бригада и 4-я Уфимская дивизия уничтожены. Нами взято за два дня свыше 2000 пленных, 3 орудия, много пулеметов и другого оружия. Жалкие остатки разбитого врага стремятся спастись поспешным отступлением на восток вдоль Бугульминской ж. д.

Ваша задача, товарищи туркестанцы, добить врага и не дать ему ускользнуть.

Приказываю всем частям Туркестанской армии развить самые решительные наступательные операции во исполнение поставленных раньше боевых задач. Особенно энергичную деятельность должна раз-

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 1056, л. 146.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 8168, л. 116.
[3] См. выше, стр. 26.
[4] ЦАКА, ф. 106, д. № 8168, л. 115.
[5] Там же, л. 100.
[6] ЦАКА, ф. 254, оп. 4. д. 153, л. 185.

вить армейская кавалерия, имея целью смелыми до дерзости действиями отрезать все пути отхода врагу и разгромить его тыл. Каждый командир, каждый красноармеец должен помнить, что настоящими битвами решается участь Колчака, а с ним всей нашей контрреволюции. Я ожидаю, что доблестные войска Туркестанской армии, за которыми значится не мало боевых заслуг перед трудовой Россией, ныне окажутся на высоте положения. Я ожидаю, что единым мощным порывом, забыв о тяжестях проделанного похода, они довершат дело войск Южной группы Восточного фронта.

Уверенный заранее в успехах вашего оружия я провозглашаю громкое «ура» главным войскам Туркестанской армии.

Командующий Южной группой Восточного фронта
Михаил Фрунзе.

Член Реввоенсовета Валерий Куйбышев.

Телеграмма командующего Южной группой командарму 1-й, № 147, Мордовский Бугуруслан, 11 мая, 5 ч.[1]

Из доклада бывшего Начобороны Оренбурга [видно, что] под командой имелось 9300 штыков при 7 орудиях, 83 пулеметах и бронепоезд. При таких условиях паническое настроение, поведение руководителей обороны Оренбурга считаю не только непонятным, но и преступным. Оренбург нам необходим как плацдарм для развития в ближайшем будущем наступательных операций в направлении Орска — Актюбинска.

Вчера под Бугульмой разгромлена Бугульминская группа противника, причем уничтожены целиком целые бригады, это развязывает нам руки на юге. Приказываю вам раз навсегда прекратить разговоры о сдаче Оренбурга и принять меры к его защите, что вполне осуществимо. Подкрепления будут даны вам в самом ближайшем будущем.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Член Реввоенсовета В. Куйбышев.

5. Белебеевская операция

Из переговоров по прямому проводу командующего Южной группой с командующим Восточным фронтом, 12 мая 1919 г.[2]

Командующий Южной группой Фрунзе: Здравствуйте, товарищ Самойло. Сегодня утром я прибыл в Самару и ознакомился с вашей директивой[3], а одновременно и с вашей запиской. Должен откровенно сознаться, что директивой и запиской я сбит с толку и поставлен в самое неопределенное положение. Я имел честь несколько раз обращаться к командованию фронтом с вопросами касающимися дальнейших операций и просил не оставлять меня в неведении относительно решений, к которым склоняется командование. Указывая на необходимость удара на север частью сил Южной группы, я, одновременно, обращал внимание фронта на необходимость надежного обеспечения этой операции со стороны Уфы, откуда, несомненно, противник должен был пытаться нанести нам контр-удар. В связи и в соот-

[1] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 153, л. 186.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 1056, лл. 195—207.
[3] Директивой 10 мая 1919 г. командвост т. Самойло изъял 5-ю армию из состава Южной группы в свое непосредственное подчинение и поставил 5-й армии особую задачу — содействие Северной группе Восточного фронта (3-й и 2-й армиям).

ветствии с этим должен был разрешаться, на мой взгляд, и вопрос о расчленении Южной группы. Причем мне лично представлялись две возможности:

1) отнятие от меня 5-й, Туркестанской и 1-й армии с оставлением Оренбург-Уральского направления и с выделением необходимых для ликвидации его сил,

2) и отнятие одной 5-й армии, в ее обычном виде, то есть без приданных ей мной временно 2-й и 25-й дивизий, каковые должны были в таком случае обеспечивать Уфимское направление, прикрывая операции 5-й армии на север.

К сожалению, ваша директива предписала совершенно другое, причем я глубоко не согласен и с основной идеей нанесения удара на север от Бугульмы, ибо уверен, что он в лучшем случае даст лишь отход противника, а не его уничтожение. Удар должен быть нанесен глубже с тем, чтобы отрезать противнику пути отхода на восток.

В настоящее время вы мне предоставили Уфимское направление и лишили, одновременно, всех средств его обеспечения. Неправильность этого решения сейчас же и привела к тому, что вслед за директивой последовала ваша записка, ее фактически отменившая. Переходя к содержанию вашей записки я глубоко не согласен с тем, что вы отдаете распоряжения не только касающиеся армий, но даже дивизий и отдельных бригад. Обстановка и новые задания, поставленные вашей запиской, заставляют меня вновь ставить вопрос о формах существования группы и о ее направлениях.

Мне представляются опять-таки два выхода: либо оставление у меня всех прежних сил впредь до завершения задачи разгрома противника на путях к Уфе и к прочному обеспечению себя от ударов оттуда,— либо отнятие всего этого направления.

Если бы вы не нашли возможным согласиться с этим, то я во всяком случае настаиваю на выделении из состава 5-й армии 2-й и 25-й дивизий и передачи их мне.

Свое теперешнее положение считаю ложным и вредным для дела. Руководство операциями на Уфу должно быть обязательно объединено, в противном случае создастся неизбежно двойственность и замедление самых действий. Они уже создаются, ибо связь с 5-й армией приходится держать через вас

Вопрос об объединении командований должен быть разрешен немедленно, ибо дорог всякий день. Пока все. Фрунзе.

Командующий Восточным фронтом Самойло: Разрешите для облегчения ответа затронутый вами вопрос расчленить на две части. Если вы считаете себя поставленным в неопределенное положение директивой и отправленной вслед за нею запиской, как бы уничтожающей директиву, то с этим я не согласен и противоречия в этом не вижу, так как директива писалась при одной обстановке, которая изменилась (я говорю про документально установленное новое участие корпуса Капеля на Белебеевском направлении) и потребовало соответствующего корректива; скажу даже больше, сегодня, получив новые данные об успешном продвижении 27-й и 2-й дивизии, у меня уже складывается более благоприятное мнение о ликвидации вопроса Бугульмы, чем было, например, еще вчера. Что касается до второй части вопроса, то есть о том, что решение ликвидировать существование Южной группы мне кажется вполне своевременным, тем более, что оно связано с таким ненормальным явлением, как перемешивание дивизий и бригад [1].

Быть может это последнее данное и даст Вам повод делать упрек на стремление с моей стороны, как вы говорите, затрагивать судьбу не

[1] Так в подлиннике.

только армии, но дивизий и бригад. Я не буду касаться выдвигаемого Вами также вопроса о желательности предварительного сношения с Вами как с командующим Южной группой.

Обращаясь к идее директивы, то я, конечно, допускаю вполне возможность не соглашаться с преимуществом наступления в северном направлении по сравнению с более глубоким, например, в направлении на Бирск. Но в этом отношении мною руководила мысль о том, что более глубокое в тыл противника движение может оказать свое действие в гораздо больший период времени, которого нам может не дать обстановка, складывающаяся на фронте 2-й и 3-ей армии. Далее, действуя в северном направлении, в более тесной связи с названными армиями, я считаю, при неполне еще выяснявшейся обстановке в смысле сил противника, более обеспеченным, так как направление, примерно, на Бирск, как более оторванное от 2-й и 3-ей армий при появлении новых сил противника на Уфимском направлении, с одной стороны, и возможно, действие его с северо-запада из районов занимаемых им ныне на фронте 2-й и 3-ей армий — может поставить наше наступление более в тяжелое положение; далее для меня не совсем ясна ваша мысль, когда, вы, высказывая свои соображения против директивы, говорите «о необходимости объединения действий на Уфу» и второе — о лишении Вас непосредственной связи с 5-й армией.

О каком именно объединении, то есть, чего, с чем, вы говорите? Что касается до связи вашей с 5-й армией через меня, то мне кажется это нормальное положение двух соседних армий, непосредственно подчиненных каждая порознь командующему фронтом; конечно, и это не исключает необходимости обеим армиям держать связь друг с другом как двум соседям.

Вполне согласен с вами, что вопрос о дальнейшем командовании над армиями Южной группы должен быть решен как можно скорее, но данный вопрос зависит не только от меня, но и от ставки. Во всяком случае, все возможное для ускорения будет сделано. Не затрагивая пока поднятый Вами вопрос о выделении 2-й и 25-й дивизий с указанной вами целью, мне хотелось бы знать ваше мнение о усилении Белебеевского направления в связи с обстановкой в Оренбурге и в Уральске; чем вы могли бы, в крайнем случае, ограничиться для обеспечения Уфимского направления, если бы [для создания] сильного кулака, который необходим для нанесения удара в северном направлении, нельзя было бы дать тех сил, о которых говорите вы и если бы вам самим пришлось решать вопрос о предпочтительном усилении Уфимского направления по сравнению с Оренбургским. В распоряжении фронта, не считая действующих уже против противника сил, для этой цели имеется лишь особая Самарская рабоче-крестьянская бригада обороны, хорошо вам знакомая и повидимому очень хорошая, и Казанский мусульманский полк.

Командующий Южной группой Фрунзе: Объединение командования на Уфимском направлении я понимал в смысле или возврата мне в мое подчинение 5-й армии, или в смысле передачи в Ваше непосредственное подчинение кроме нее также Туркестанской и 1-й армии, ибо иначе здесь приходится Вам руководить через меня, что я считаю недопустимым в обстановке действий на одном направлении. Обеспечить Уфимское направление я считаю возможным лишь посредством 25-й и 2-й дивизий. Другими силами не располагаю, ибо два полка Самарской бригады должны быть, немедленно, отправлены на Уральско-Оренбургский фронт вместе с мусульманским Казанским [полком], ибо в противном случае неизбежна потеря Оренбурга и Уральска, без всякой возможности сокращения фронта.

Неудовлетворение вами моей просьбы в отношении 2-й и 25-й дивизии вынуждает сказать, что вся операция на север будет не обеспечена.

Относительно направления удара остаюсь при своем мнении. Что касается вопроса о перемешивании бригад и дивизий, то если бы я не составил ударной группы из надерганных мной с фронта Туркестанской и 4-й армий частей, то я теперь не имел бы чести разговаривать с Вами из Самары. Меня удивляет как это обстоятельство можно ставить в вину. Все.

Телеграмма командующего Южной группой в Уральск начальнику 22-й дивизии, № 01548, Самара, 13 мая 1919 г., 1 ч. 10 м.[1]

Подкрепления в Уральск идут. Приказываю держаться до последнего человека. Оставление Уральска буду рассматривать как нарушение воинского долга.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Приказ командующего Южной группой командармам 1-й, 4-й и Туркестанской армии, № 01591, Самара, 15 мая 1919 г., 22 ч. 30 м.[2]

Противник, разбитый в районе Бугульмы пытается оказывать сопротивление в районе Белебея, куда сосредоточиваются свежие подкрепления, состоящие, главным образом, из частей корпуса Каппеля В Оренбургском и Уральском районах казачество прилагает все усилия для овладения Оренбургом и Уральском и распространения восстаний среди населения.

На вверенную мне группу в составе 1-й и 4-й Туркестанской армий возложены задачи:

1) разбить Белебеевскую группу противника и 2) подавить восстания в Оренбургской и Самарской губерниях и Уральской области. Для проведения Белебеевской операции, обеспечиваемой с севера 5-й армией, выдвигающей для этого одну дивизию на восток верхом по жел. дороге Бугульма — Уфа, из состава 5-й армии выделяется 25-я дивизия включаемая с полуночи на 16 мая в состав Туркестанской армии; кроме того из 5-й армии выделяется 2-я дивизия, коей приказано, составляя резерв группы направляться из района Бугульмы в район Купченеево — Биккулова, где она должна сосредоточиться к 19 мая. Для подавления восстания в мое распоряжение передаются: двухполковая особая Самарская бригада, 3-я бригада 33-й дивизии, Казанский мусульманский полк и 1-я кавалерийская дивизия.

Приказываю:

А. Для выполнения Белебеевской операции: 1) 1-й армии, обеспечивая Белебеевскую операцию продолжением энергичного наступления на Стерлитамак, левым своим флангом, действующим в тесной связи с Туркестанской армией, стремительно атаковать противника, разбить его и гнать в общем направлении на северо-восток, имея разграничительной линией с Туркестанской армией: Михайловка — жел. дор. ст. Аксеново — Слак-Каипово,— все для 1-й армии включительно.

2) Туркестанской армии, атаковав 31-й дивизией, совместно с левым флангом 1-й армии, противника с фронта, направлять 25-ю дивизию севернее Белебея для глубокого охвата с целью отрезать противника от сообщений с Уфой, имея разграничительную линию с 5-й армией — Заитово — Ниж. Бошницы — Константиновка — Ямап — Купырь — Синаево — ж. д. ст. Усманово,— все для Туркестанской армии включительно.

---

[1] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 153, л. 184.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 1056, лл. 224—227.

3) Всю наличную конницу немедленно бросить в тыл противнику с целью перехвата его сообщений с Уфой.

4) Так как имеются основания предполагать, что противник после целого ряда поражений не решится оказывать упорного сопротивления в районе Белебея, приказываю, учитывая эту возможность, развивать максимальную энергию при наступлении, причем особенную стремительность должны проявить конница и 25-я дивизия, имеющие задачу отрезать противника от Уфы.

Б. Для ликвидации противника в пределах Оренбургской и Самарской губерний и Уральской области и подавления восстаний:

1) Командарму 1-й развить решительные действия с целью разбить и уничтожить противника действующего в районе Илецкий Городок — Оренбург. Для операции в районе Оренбурга кроме Казанского мусульманского полка, выступающего 16-го мая из Самары, путем соответственной перегруппировки на фронте 20-й дивизии, выделить достаточные силы для выполнения поставленной задачи

2) Командующему 4-й армией, развивая самые решительные действия, разбить Уральскую армию противника, восстановить жел. дор. сообщение Покровск — Уральск, овладеть Новоузенском и Александров — Гаем и подавить восстания в районе расположения армий в пределах Уральской области и Самарской губернии. Для выполнения этой задачи в состав армии кроме 22-й дивизии, Савинского полка, отряда Соколова и полка Красной звезды включаются:

а) 3-я бригада 33-й стр. дивизии, расположенная в районе Пугачева б) Самарская особая бригада, в составе двух стрелковых полков при 6-ти легких орудиях, направленная 15 мая из Самары через Бузулук и Соболев на Уральск в) 1-я кав. дивизия, прибывающая в район Ершов г) 279-й стр. полк, направленный через Бузулук в Соболев д) Рязанский коммунистический полк, направленный из Самары через Б. Глушицу (Погановку) и Б. Черниговку в Ново-Озерный, что на тракте у реки Чеган.

3) Разграничительная линия между 1-й и 4-й армиями — Бузулук — Иртецкое — р. Утва,— все для 1-й армии включительно.

Командующий Южной группой М. Фрунзе.

Оперативная сводка штаба Туркестанской армии, № 0116, к 21 ч. 18 мая 1919 г.[1]

31-я стр. дивизия: 2-я бригада 274-го и 275-го полков, наступавшие от дер. Денисовка, с боем 17 мая к 20 ч. овладели южной окраиной гор. Белебея; 276-й полк того же числа из Зингиреева перешел в Баймурзино. 1-я бригада: 272-й полк — ст. Белебей — Аксаково — Куроедовка (Надеждино). 271-й полк — Рябаш. 278-й полк (армейский резерв) — 18 мая к 14 ч. перешел в д. Кажай-Максимовку и выдвинувшись к дер. Кош-Елга, около 17 ч. вступил в бой с противником занимающим указанную деревню. 3-я кав. дивизия: полки 3-ей бригады, наступавшие ст. Алексеевка — Баймурзино, 17 мая в 18 ч. после упорного боя ворвались в гор. Белебей. 12-й полк от Купченеева двигается на тракт севернее Белебея. 25-я стр. дивизия: части 3-ей бригады. вышедшие к вечеру 17 мая к д. Дмитриевка, выбили оттуда упорно сопротивляющегося и переходившего в контратаки противника и вместе с частью 3-ей кав. дивизии с боем к 21 ч. 50 м. заняли западную и северную окраины гор. Белебея.

Ввиду изменившихся условий обстановки, полки 1-й и 2-й бригад по приказанию начдива сегодня днем перешли в наступление, (име-

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 8367, л. 22.

сто 19 числа как было намечено раньше). Полки 217-й, 218-й и 219-й из района Андреевка (Леонидовка) — ст. Шахово в направлении на Екатериновку — Карсала и Карамала (Губеево), 2-я бригада, оставив 220-й полк для обеспечения своего левого фланга в районе в Н. Бошниды, остальными полками пошла в наступление в направлении Такаево — Константиновка.

Оперативная сводка штаба Туркестанской армии, № 0118, к 12 ч. 19 мая 1919 г., Бугуруслан [1]

3-я кав. дивизия: части дивизии, занявшие с боем 17-го город Белебей, преследовали противника до д. Глумилина и остановились вследствие крайнего истощения лошадей. Уцелевшие части противника отступили на восток. Захвачено много пленных 51-го Уральского, 53-го Орского и 49-го Казанского полков. В бою участвовало два бронепоезда противника. 18 мая части дивизии сосредоточивались в районе гор. Белебей и ст. Белебей-Аксаково. Выслана разведка на север от Белебея по тракту,—от Белебей на ст. Шафраново и на завод Усень-Ивановский. 31-я дивизия — части дивизии (1-я и 2-я бригада) стягиваются в районе Баймурзина — Белебей — Глумилина. 278-й полк теснит противника, задерживающегося на высотах северо-восточнее Кош-Елга. Подробного донесения не получено. 25-я стр. дивизия — новых сведений не поступило.

6. Подготовка и проведение Уфимской операции

Доклад командующего Южной группой командованию Восточного фронта, № 0164, Самара, 19 мая 1919 г., 2 ч. 25 м. [2]

Оставление противником Белебея и явное отсутствие серьезного сопротивления в районе нынешнего наступления наших войск выдвигают вопрос о необходимости немедленного проведения операции с целью овладения районом Уфы. С другой стороны усиливающееся движение поднявшегося казачества требует принятия немедленных мер для обеспечения Оренбургского и Уральского районов и жел. дороги Самара — Оренбург. План действий 4-й армии на Уральском фронте мною представлен и я ходатайствую о скорейшем вашем заключении по его содержанию, в настоящем же докладе я представляю на утверждение план действий на Уфимском и Оренбургском направлениях.

Проведение Уфимской операции мне представляется в следующем виде:

1) Для овладения районом Уфы назначается Туркестанская армия в составе 31-й, 25-й, двух бригад 2-й дивизии и 3-ей кавдивизии и 24-я дивизия объединяемые командованием Туркестанской армии.

2) Указанные дивизии наступают для овладения фронтом — Стерлитамак исключительно, Уфа включительно, причем 24-я дивизия, составляя правый фланг армии, направляется, примерно на фронте р. Белая, на участок пристань Табынск — устье р. Сим с целью охвата Уфы с юга и выхода в тыл. Одновременно с этим конница Туркестанской армии стянутая к правому флангу армии должна быть брошена впереди 24-й дивизии в район южнее Уфы для перехвата жел. дорожных сообщений противника в глубоком тылу. 25-я дивизия, состав-

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 8367, л. 18.
[2] ЦАКА, ф. 106, д. № 1056, лл. 248—252.

ляя левый фланг армии, направляется для непосредственного овладения Уфой.

3) Операция прикрывается с севера 26-й дивизией, нацеливаемой на фронт Базилевка — Бирск, имея задачу овладения переправой у Ахлыстина с целью перерезать р. Белую для воспрепятствования передвижению по реке неприятельской боевой флотилии. Операция эта должна предшествовать овладению Уфой.

4) Уфимская операция обеспечивается справа и с тыла выдвижением из состава 1-й армии одной бригады 20-й дивизии, направляемой для овладения районом Стерлитамака.

5) После овладения Уфимским районом, подготовляясь к ведению дальнейших операций, район Стерлитамака занимают башкирские части, развивающие отсюда свои действия для овладения всей Башкирией и привлечения башкирского населения на сторону советской власти и усиления Красной армии. В это же время наличная конница Туркестанской армии, при поддержке башкирских частей, и если позволит обстановка, и частей 24-й дивизии, направляется рейдом через Стерлитамак на Верхнеуральск в целях привлечения на нашу сторону Оренбургского трудового казачества и усиления нашей конницы, без наличия которой, в достаточном числе, задача покорения казачьих областей чрезвычайно затруднительна.

Одновременно с Уфимской операцией необходимо начать операции в Оренбургском районе, что предполагалось бы выполнить следующим образом:

1) Вся операция возлагается на 1-ю армию в составе 20-й дивизии, войск Оренбургского района и отдельного отряда, действующего ныне к югу от ж. д. в районе Татищева — Сорочинская — Илецкий Городок и усиливаемого 1-й бригадой 2-й дивизии.

2) Ввиду слабого и совершенно пассивного (поведения) противника на фронте к северу от р. Сакмара, полагал бы достаточным весь участок от этой реки до района Стерлитамака, овладение коим возлагается, как указано выше, на одну из бригад 20-й дивизии, прикрыть другой бригадой 20-й дивизии.

3) 3-ю бригаду 20-й дивизии ближайшую к Оренбургу стянуть к югу и включить в состав войск обороны Оренбургского района, который нуждается в серьезной поддержке свежими силами, прибытие коих дает возможность перейти к активным действиям, ближайшей целью коих должно быть выдвижение к востоку и югу, на расстояние не менее одного перехода, дабы дать возможность начать в Оренбурге вновь работу при условиях относительной безопасности.

4) 1-ю бригаду 2-й дивизии, немедленно, перевести по ж. д. на ст. Хамалеевка и затем выдвинуть ее к югу. Командиру этой бригады подчинить все части, действующие ныне в районе 1-й армии западнее Оренбурга, поставив образованному отряду задачу надежно прикрыть ж. д. на участке Оренбург — Бузулук и обеспечить поддержание порядка в районе к югу от ж. д. до реки Урала на участке до Иртецкое включительно.

5) После занятия Стерлитамака башкирскими войсками освобождаемая бригада 20-й дивизии направляется в тот район 1-й армии, который будет наибольше нуждаться в поддержке.

6) В отношении Оренбургского района план действий пока ограничивается вышеизложенным, а для выполнения последующей задачи, имеющей целью: прочное овладение всей областью с закреплением за нами района Орск — Актюбинск — Илецк и восстановление сообщения с Туркестаном — потребуется предварительная работа по организации 1-й армии, в состав которой в настоящее время входит много импровизированных частей.

Изложенный план, требующий некоторой новой группировки войск и перераспределения дивизий в составе 1-й и Туркестанской армий, влечет за собой необходимость коренной перемены персонального состава лиц высшего управления армиями, о чем мотивированный доклад представляется дополнительно на рассмотрение Реввоенсовета фронта.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Доклад командующего Южной группой командованию Восточного фронта, Самара, 19 мая 1919 г. [1]

Для выполнения Уфимской операции предполагаю придерживаться следующего общего плана действий: 26-я див. 5-й армии энергично продвигается вперед и занимает участок по р. Белая от Красного Яра до Бирска, обеспечивает операцию под Уфой со стороны Бирска, и, отрезывая сообщение по р. Белой, не позволит речной флотилии противника отойти из под Уфы. Туркестанская армия: 25-я стр. дивизия наступает на Уфу с запада и охватывает город с севера, стремясь прекратить движение по железной дороге на участке Уфа — Ураково. 2-я стр. дивизия, сменив 31-ю, наступает на Уфу с юга вдоль железнодорожной линии и Стерлитамакского тракта, стремясь переправиться через р. Белая, выше д. Вознесенское отрезать пути отхода противника от Уфы.

Вся конница Туркестанской армии, переправившись через р. Белая, также выше д. Вознесенское, будет брошена для захвата железной дороги, отходящей от Уфы, на участок от Ураково — Таутюменева. Конницу предполагается поддержать одной бригадой 24-й стр. див. 1-й армии. Остальные бригады этой дивизии будут направлены на участок пр. Табынск — Акташево по р. Белой для обеспечения Уфимской операции с востока, в то время как 20-я стр. див., заняв Стерлитамак и тракт Стерлитамак — ст. Мурапталова частью своих сил, другую часть сил направить для наступления в обход Оренбурга с севера. 31-я стр. див., смененная 2-й будет находиться в резерве, в районе железной дороги. Направление путей отхода от Уфы на северо-восток делает более коротким, решительным охват Уфы с севера, но затруднительность переправ для наших частей через две реки Белая и Уфа, севернее Уфы, при полном отсутствии у нас понтонных и других средств переправы, заставляют отказаться от этого и пытаться отрезать пути отхода противнику с юга, где только одна переправа через р. Белая; южнее Уфы будет для нас выполнимее [2].

Директива командарму 1-й, 4-й и Туркестанской, № 01682, Самара, 21 мая 1919 г. [3]

Противник, разбитый в Бугурусланском и Бугульминском районах, отходит в общем направлении на Уфу и Бирск, продолжая оказывать некоторое сопротивление в районе Белебея; последний пункт занят с боя нашими войсками к вечеру 17 мая.

В пределах Уральской области и Оренбургской губернии продолжаются восстания казаков, осаждающих Уральск и Оренбург, прервавших железную дорогу западнее Уральска и пытающихся угрожать жел. дороге Самара — Оренбург.

На вверенную мне Южную группу, в составе 4-й, 1-й и Туркестанской армии возложены задачи: а) продолжая преследование против-

[1] ЦАКА, ф. [illegible], [illegible]. № 100, лл. 160—166.
[2] Подпись отсу[illegible].
[3] ЦАКА, ф. 106, д. № 1056, лл. 281—289.

ника, овладеть районами Уфы и Стерлитамака; и б) подавить восстания в Уральской и Оренбургских областях и прочно обеспечить эти области. Приказываю:

1) Для овладения Уфимским районом:

А) с полудня 22 мая выделить 24-ю стр. див. из 1-й армии и включить ее в состав Туркестанской, руководство которой на время предстоящей операции я принимаю лично на себя, оставаясь одновременно командующим Южной группой.

Б) Туркестанской армии, продолжая теснить противника, к 22 мая выйти на фронт Стерлибашева — Уршак Баш — Кармалина — Биккулова — ж. д. станция Аксёново — Знаменское (Кутуза) Батырша — Кубова и для дальнейшего наступления ожидать особого приказания.

В) При выходе на указанный фронт 2-й дивизией сменить 31-ю дивизию, которую сосредоточить в районе Белебея и числить в моем распоряжении в качестве резерва Туркестанской армии.

При предстоящем наступлении в районе Уфы разграничительными линиями назначаются:

1. Между 24-й див. и частями, кои будут направлены из состава 1-й армии для овладения районом Стерлитамака — Стерлибашева — Верхней Услы — Толбазы — Тюкунево и далее по р. Белая до устья р. Сим — все для 24-й див. включительно. 2. Между 24-й и 2-й дивизиями — Никифоровка — Кипчак — Аскарова — Чуича — Мрясева — Бекетова — Ковакова — все для 24-й дивизии включительно. 3. Между 2-й и 25-й дивизиями — зав. Усень-Ивановский — озеро Лели-Куль — Усманова и далее по левому берегу р. Дема — Уфа — все для 25-й дивизии включительно. 4. Между 25-й дивизией и 5-й армией — Батырша — Кубова — Сводова — Благовещенский — все для 5-й армии включительно.

Д) Принять к сведению, что операция по овладению Уфимским районом будет обеспечиваться с севера частями 5-й армии, направляющей полторы дивизии на участок р. Белая для форсирования ее в районе Ахлыстино.

Е) По достижении р. Белая части армии должны будут форсировать ее, имея дальнейшей целью, путем охвата нашим правым флангом, выйти на сообщения противника; для этой же цели уступом впереди 24-й дивизии будет направлена армейская конница. Более подробные указания выполнения этой операции будут даны дополнительно.

2) Одновременно с овладением Уфимским районом в целях обеспечения этой операции справа и с тыла командарму 1-й направить часть 20-й дивизии для овладения районом Стерлитамака.

3) Для подавления оренбургского казачества командарму 1-й:

1. Прикрыв фронт на участке ст. Мурапталова — Стерлитамак, примерно одной бригадой, выделить часть полков и батарей из состава 20-й оперативной дивизии для усиления войск обороны Оренбурга с целью, перейдя к решительным действиям, не только оттеснить противника, осаждающего Оренбург, но разбить его.

2. Особой группе, действующей в Новосергиевском направлении энергичными мерами подавить восстания к югу от ж. д. и очистить весь район до р. Урала.

4) Для обеспечения операции в пределах Оренбургской губернии 10-му полку из состава 1-й бригады 12-й стр. див. начать 22 мая перевозку по жел. дороге со ст. Самара на ст. Сорочинское, по прибытии куда полку поступить в распоряжение командарма 1-й.

5) Для подавления Уральского казачества командарму 4-й, сосредоточив в районе Шипово, кроме частей отряда тов. Плясункова 3-ю бригаду 33-й стрел див. и 1-ю кавдивизию, начать решительное на-

ступление с целью разбить главные силы противника, действующие в районе западнее Уральска и освободить осажденные в Уральске части 22-й стр. див. При выполнении этой операции главный удар наносить своим правым флангом, примерно, в направлении на форп. Чеганский.

6) Самарской особой бригаде, присоединив к себе в районе Гаршино 279-й полк и установив оттуда связь с Рязанским полком, не позже 24 мая, овладеть районом Умет Грязный — Соболев. Рязанскому полку, войдя в связь с Самарской особой бригадой, к 24 мая выйти в район Умет Грязный, по достижении коего поступить в подчинение командиру Самарской особой бригады. После овладения районом Умет Грязный — Соболев Самарской бригаде продолжать наступление на Уральск.

7) Разграничительная линия между 1-й и 4-й армиями остается прежней: Бузулук — Иртецкое — р. Утва,— для 1-й армии включительно.

8) Я с оперативной частью штаба группы, вечером 23 мая переезжаю в Бугуруслан, куда и присылать все донесения, направляя копии попрежнему в штаб Южной группы, в Самару.

9) Подтверждаю категорическое требование, чтобы при всех операциях, а особенно против конных частей неприятеля, не дробить полков. Кроме того, при наступлении дивизии должны действовать возможно более сосредоточенно, имея сильные резервы.

10) Обращаю вновь особое внимание всех начальников на поддержание непрерывной связи между всеми частями и на точность доставления срочных оперативных донесений. Продолжающее отсутствие таких донесений от некоторых дивизий, в течение иногда нескольких дней, совершенно нетерпимо. При поддержании связи пользоваться всеми средствами до воздушной включительно.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Телеграмма командующего Южной группой командвосту, командармам 1-й, 4-й, 5-й и Туркестанской, № 01, Бугуруслан, 23 мая 1919 г. [1]

Для непосредственного руководства Туркестанской армией в предстоящей операции, в Бугуруслан прибыл.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Приказ войскам Туркестанской армии, № 011, ст. Белебей-Аксакова, 25 мая 1919 г. [2]

Противник разбитый в районе Кош-Елга и Белебей отступает на Уфу; остатки его дивизий, оказывая сопротивление вдоль Бугурусланской и Бугульминской ж. д. линии, группируются в районе ст. Раевка и севернее оз. Лели-Куль.

На Туркестанскую армию возложена задача — разбить остатки противника и овладеть районом Уфы.

Южнее нас — 20-я дивизия левым флангом наступает на Стерлитамак, имея задачей занять его 28 мая.

Севернее нас — 26-я дивизия 26 мая переходит в наступление для форсирования р. Белебея в районе дер. Ахлыстина и для дальнейшего движения на Бирск и Явгельдин.

Во исполнение поставленной задачи приказываю:

---

[1] ЦАКА, ф. 106, л. 1056, л. 297.

[2] ЦАКА, д. № 6—446, л. 114.

1) 24-й, 2-й и 25-й стр. дивизиям к вечеру 27 мая занять исходное положение для дальнейшего наступления по линии Вер. Услы — Кипчак — Аскарово — Цюрисово — Ташлы — Курьятмасово — Барангуловой — Кирлясевой.

2) С утра 28 мая дивизиям Туркестанской армии перейти в решительное наступление, имея ближайшей целью отрезать противника сосредоточившегося в районе Бугурусланской ж. д. южнее ст. Чишма, отбросить его на юго-восток и прижать к р. Белая для чего:

а) 24-й стр. дивизии к вечеру 1 июня овладеть фронтом Толбазы — Султанракова — Искендерова.

б) 2-й стр. див. к вечеру 1 июня овладеть фронтом Имай — Карамала — Казангулова — Нов. Япарова.

в) 25-й стр. див. отрезать пути отхода противника на Уфу, овладев к вечеру 1 июня районом Усманова — Чишма — Д. Новая.

г) 31-й стр. див., оставаясь в армейском резерве к вечеру 1 июня занять район Усманова — Балышлы — Мулталыпова — Удрякбашева.

д) 3-й кав. дивизии 28 мая выступить из ныне занимаемого района и к вечеру 1 июня сосредоточиться за правым флангом 24-й стр. див., имея дальнейшей задачей форсирование р. Белая и движения на Архангельское — Ниж. Лемезы — для выхода в глубокий тыл противника в районе Балашова.

3) Разграничительные линии назначаются:

а) между 1-й армией и 24-й дивизией — Стерлибашева — Вер. Услы — Толбазы — Тюкунева,— все пункты для 24-й дивизии включительно.

б) Между 24-й и 2-й стр. дивизиями — Никифорово — Кипчак — Аскарово — Искендерова — устья р. Карамала и р. Уршак — для 24-й дивизии включительно.

в) Между 2-й и 25-й дивизиями — зав. Усень-Ивановский — оз. Лели-Куль — оз. Шингак-Куль и р. Дема,— для 25-й дивизии включительно.

г) Между 25-й дивизией и 5-й армией Батырша — Кубова — Сводова — зав. Благовещенский — для 25-й дивизии включительно.

4) Наступление вести решительно, безостановочно.

5) Об отданных распоряжениях донести.

Командующий Южной группы М. Фрунзе.

Приказ войскам Туркестанской армии № 012, Бугуруслан, 30 мая 1919 г., 22 ч. 15 м.[1]

Противник, разбитый на фронте нашей армии, отходит на Уфу, где повидимому попытается оказать последнее сопротивление на линии р. Белой.

На фронте 1-й армии занят г. Стерлитамак и левофланговые части 20-й дивизии займут, не позже 4 июня, участок р. Белой от Стерлитамака до Тюкунева, прикрыв с востока движение нашей армии.

На фронте 5-й армии — попытка противника выйти нам в тыл, восточнее Мензелинска, окончилась полным поражением противника — весь его десант (6 полков) разбит и сброшен в р. Белая. Армия продолжает энергичное движение и 4 июня выходит к р. Белой для овладения Бирском.

Ближайшая задача нашей армии — скорейшее овладение Уфой.

Приказываю:

1) Дивизиям Туркестанской армии с рубежей, занятых согласно приказа № 011, продолжать с утра 2 июня победоносное наступление и

[1] ЦАКА, д. № 6—446, лл. 139—140.

4 июня достигнуть р. Белая, где подготовить немедленно переправу с целью нанести противнику последний удар и занять Уфу, для чего:

а) 24-й стр. дивизии, по достижении р. Белая подготовить переправы на участке устья р. Сим — Кабакова, для выхода в тыл Уфимского района и поддержки нашей кавалерии. б) 2-й стр. дивизии (2-я и 3-я бригада) — подготовить переправы через р. Белая на участке Вознесенское — Аксакова для ближайшего обхода Уфы с востока. в) 25-й стр. дивизии, выйдя на участок от устья р. Дема до Красный Яр, огнем батарей, прекратив всякое движение по реке и ж. дороге в тылу города, стремиться взять Уфу с налета на плечах противника, принимая в то же время все меры к сохранению мостов и устройству переправ севернее Уфы для выхода в тыл города. г) 3-ей кав. дивизии — продолжать указанное движение и не позже 5 июня занять завод Архангельский, чтобы 7 июня выйти в тыл противнику и перерезать ж. дорогу на участке ст. Балашева — Урман.

2) Армейскому резерву — 31-й стр. дивизии к 4 июня перейти в район: Казанское — Пономарева — Асанова — Сухарева — Нурлина, обеспечивая своим уступным положением, левый фланг 25-й дивизии и движение на Бирск 26-й дивизии.

3) Разграничительные линии остаются прежние с включением участка от устья р. Уршак до Аксакова в район 2-й стр. дивизии.

4) Всем частям поддерживать взаимную боевую связь. Принять самые решительные меры к обеспечению постоянной технической связи со штабом армии.

5) Срочные донесения представлять строго к указанному времени. Оперативные к 10 и 19 часам, разведывательные к 19 часам.

6) О получении настоящего приказа и отданных распоряжениях срочно донести.

Командующий Южной группой и Туркестанской армией

М. Фрунзе.

Из оперативной сводки штаба Южной группы, № 01967, к 14 ч. 9 июня 1919 г., Самара [1]

Туркармия. 24-я дивизия — попытка 1-й бригады 9 июня в 3 часа переправиться на правый берег р. Белая в районе Тюкунево не удалась, так как противник, занимающий окопы против пункта переправы, развил сильнейший артиллерийский и пулеметный огонь, повторные попытки каждый раз встречались огнем противника.

На участках 2-й и 3-й бригады противник обстреливает артиллерийским огнем наши батареи. 2-я стр. див. — противник обстреливает участок 2-й бригады редким артиллерийским огнем. 25-я стр. дивизия, 3-я бригада — попытки прорваться по железнодорожному мосту не удались, так как противник открывает сильнейший огонь, участок бригады обстреливается артогнем противника, наша артиллерия обстреливает окопы противника на северном берегу р. Белая у жел. дор. моста и город. На участках 2-й и 3-й бригад 25-й дивизии спешно подтягиваются резервы и 1-я и 2-я бригада 31-й стр. див., направляются через Дмитриевская на зав. Благовещенский, так как ввиду отсутствия частей 26-й стр. дивизии в районе зав. Благовещенский противник беспрепятственно группируется на левом фланге 25-й дивизии, угрожая ее тылу; результаты ночного боя на левом фланге 25-й дивизии еще не выяснены. В ночном бою ранен пулей в голову с аэроплана начдив 25-й тов. Чепаев. Тов. Фрунзе, бывший все время в районе

[1] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 96, лл. 76—77.

переправы 25-й стр. дивизии и далее с передовыми цепями у дер. Турбаслы Старые, на обратном пути в дер. Красный Яр был контужен в голову взрывом бомбы, брошенной с аэроплана противника. Бывший также в передовых цепях завполитодом Туркестанской армии Троцин ранен пулей в грудь.

Потери в частях 25-й дивизии значительны.

Из оперативной сводки штаба Южной группы, № 01973, к 4 часам 10 июня 1919 г., Самара[1]

25-я дивизия — 9 июня в 20 ч. части дивизии под общим командованием Начдива 25-й Чепаева, который несмотря на ранение остался в строю, овладели городом Уфа. Противник в панике бежит.

Из оперативной сводки штаба Южной группы, № 01976 к 4 ч. 10 июня 1919 г., г. Самара[2]

Туркестанская армия, 25-я стр. дивизия — утром, 9 июня противник, силою до пяти полков повел наступление на части 1-й бригады занимавших позицию по линии дороги зав. Благовещенский — Уфа и потеснил наши части до линии Александровка — Нов. Турбаслы. Быстро восстановив положение, врид. начдив отдал приказ о переходе в наступление 1-й бригадой в общем направлении Степаново — Курочкина и бригадой на Ботякеева. Противник по энергичным наступлениям наших частей стал быстро отходить. Около 19 часов 9 июня 1-я и 2-я бригады достигли линии жел. дор. в тылу г. Уфы. На участке Черникова — Курочкина.

Противник, угрожаемый с тыла, спешно бежал от Уфы на северо-восток. Около 15 часов разведчики бригады стоящей у жел. дор. моста, пользуясь ослаблением огня противника, с пулеметами переправились через р. Белая и двинувшись к городу обнаружили спешный отход противника. После этого стали переправляться 23-й и 25-й полки и цепями двинулись на город. Батальон 219-го полка стоящий у Киржатская переплыл на лодках через р. Белая и цепями достиг окраины города. Подробности взятия города и трофеи выясняются. Противник спешно отошел на северо-восток, местами на север.

Некоторые части противника бежали в панике, обозы неслись карьером по дорогам. Согласно захваченного приказа по 2-му Уфимскому армейскому корпусу № 16/оп. от 24 мая с. г. военная дорога противника назначена г. Уфа — Нов. Юрмаш — Новотроицкое — Теплый Ключ — Зав. Симский и ст. Вязовая, повидимому на эту дорогу и уходит бегущий противник. 31-я стр. дивизия — 271-й, 272-й и 274-й и 278-й полки переправились у Красный Яр через р. Белая у Дмитриевская и вечером 9 июня должны были занять Благовещенский завод. Донесения от них еще не поступило.

Из приказа командующего Южной группой начдивам 24-й, 25-й, 31-й, 2-й и 3-ей кавалерийской, № 0390, ст. Чишма, 10 июня 1919 г., 12 ч. 40 м.[3]

9 июня после ряда упорных боев доблестными полками 25-й стр. дивизии взят г. Уфа. Нами взято много пленных, пулеметов, оружия. Разбитый и понесший огромные потери противник обращен в бегство и спешно уходит на северо-восток параллельно жел. дороге. Дабы

---

[1] ЦАКА, [illegible]
[2] [illegible]
[3] ЦАКА, [illegible]

окончательно очистить от противника и закрепить за собой Уфимский район приказываю:

1) Группе начдива 2-й (состав прежний) по переходе на восточный берег р. Белая, немедленно, овладеть районом зав. Архангельский, стремясь охватить группирующиеся здесь остатки противника и отрезать его от жел. дороги и его военной дороги Уфа — Нов. Юрмаш — Новотроицкое — Теплый Ключ — Зав. Симский. Иметь конечной целью скорейшее занятие фронта Сеит Бабина — Таншева — Каварды — Териклина — Узундарова. 3-ю бригаду 2-й стр. дивизии поместить на своем левом фланге, имея ввиду ее возвращение в состав 2-й дивизии. 3-ю кав. дивизию немедленно, по занятии завода Архангельский направить на участок ж. д. ст. Урман — Балашева для самостоятельной работы в тылу противника. 3-й кав. дивизии поддерживать связь со штармом через ближайшие пехотные части. Район переправы укрепить и надежно обеспечить.

2) 2-й стр. дивизии 2-й бригаде по занятии нами зав. Архангельского, немедленно, переправиться через р. Белая и наступая через убежище Шеланы вдоль р. Кош-Елга выйти на фронт Узундарова — Сред. Лемезы. По занятии указанной линии начдиву 2-й объединить обе бригады, составив самостоятельный боевой участок Териклина — Сред. Лемезы (оба пункта включительно).

3) 31-й стр. дивизии продолжать выполнение поставленной ранее задачи, имея конечной целью скорейшее занятие фронта. Нж. Лемезы — г. Бака — Юрьевский — Каз-Твердышева, держа резерв за своим левым флангом.

25-й стр. дивизии сосредоточиться в районе ст. Ураково — Богородское — Таралькино — г. Уфа и составить мой резерв, располагаясь ближе к жел. дороге, имея ввиду предстоящую погрузку эшелонов. Принять, немедленно, меры к пополнению всем необходимым.

4) При выходе на назначенные рубежи всем частям поддерживать взаимную связь, дабы не оставалось застрявших в нашем районе частей противника. Принять все меры к налаживанию снабжения и транспорта. Военная дорога для всей армии г. Уфа — ст. Чишма — ст. Белебей — Аксаково — г. Бугуруслан.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Оперативная сводка штаба Южной группы, № 02011, к 14 ч., 13 июня 1919 г., Самара[1]

Туркестанская армия. Части 24-й дивизии переправившиеся на восточный берег р. Белая, на рассвете 12 июня, на участке М. Нагайдак — Нов. Кашкн вступили в бой с противником сосредоточившим здесь большие силы и пытавшимся опрокинуть наши части в реку. Завязавшийся упорный бой принудил немедленно переправляться всю 24-ю дивизию, а также 3-ю бригаду 2-й стр. див. и части 3-й кав. дивизии. Бой шедший весь день 12 июня продолжается и теперь, принимая ожесточенный характер, дело доходит до рукопашных схваток. Противник повидимому ввел все свои резервы, в том числе Казанскую дивизию. Пока нами взято около 700 пленных, 1 орудие (несколько орудий противника переходило из рук в руки); потери как с нашей стороны, так и со стороны противника большие. 2-я бригада 2-й дивизии с утра 13 июня сменяется на участке Кабакова — Вознесенское частями 3-й бригады 25-й дивизии, противник обстреливает участок артиллерийским огнем, 1-я и 2-я бригады 25-й дивизии занимают прежнее расположение. 31-я дивизия продолжает движение

[1] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 96, лл. 94—96.

для занятия линии по р. Уфа от Богородская до Морозова, по занятии линии дивизия приступит к устройству переправ через р. Уфа для дальнейшего наступления. 3-я бригада 2-й стр. дивизии, временно, до окончания боя в районе переправы 24-й стрелковой дивизии из боя не выводится, 2-я бригада 2-й дивизии по смене будет отправлена для посадки.

Оперативная сводка штаба Южной группы, № 01126, Самара, 21 июня, 15 ч. 45 м.[1]

С 1 мая по 20 июня частями Южной группы взято в плен: 1-я армия — офицеров 3, солдат 1924, перебежчиков 100, винтовок 390 и пулеметов 24. Туркестанская армия — офицеров 14, солдат 7 135; перешел на нашу сторону полк им. Шевченко 2 000 солдат, винтовок 71, пулеметов 39, 15 трехдюймовых орудий и одно шестидюймовое.

5-я армия — офицеров 5, солдат 596; взят целиком Ижевский полк, численностью не сообщалось, винтовок 100, пулеметов два и 3 трехдюймовых орудия.

Приказ командующего Южной группой командармам 1-й, 4-й, начдиву 25-й стр. т. Чепаеву, № 02314, Самара, 3 июля 1919 г.[2]

Противник, оттянувший от Уральска часть своих сил, группируется в районе Николаевска и отдельными, преимущественно конными отрядами занимает линию Порубежка — М. и Б. Глушица — Шебаловка — Соболев — Куртишки — Грязно-Иртецкое — Нижне-Озерная — Красно-холмская, обнаруживая на своем левом фланге попытки выйти к р. Волге.

Во исполнение поставленной войскам Южной группы Восточного фронта задачи (приказ от 23 июня № 02158), приказываю: частям 4-й, 1-й армии и группы т. Чепаева с занятых ими рубежей перейти в решительное наступление для овладения не позднее 15 сего июля линией р. Урал на участке Уральск — Нижне-Озерная и жел. дор. западнее Уральска и уничтожения всех сил противника действующих к северу от указанной линии. Для чего:

1) Группе т. Чепаева (в составе особой бригады Плясункова 1-й, 3-й и закончившей выгрузку 2-й бригады 25-й стрелковой дивизии) — с утра 5 сего июля перейти в энергичное наступление в общем направлении на фронт ст. Переметная — Дьяково. Войти в связь направо с частями Сводной бригады в районе Б. Таволжанка, держа тесную связь налево с частями 1-й армии.

2) Правому флангу 1-й армии (части Оренбургской дивизии) 5 сего июля, одновременно с группой т. Чепаева, перейти в энергичное наступление на фронт. Рубежный — Иртецкое — Илецкий городок, направляя правофланговую группу первоначально для удара на Соболев.

3) Командарму 4-ой, продолжая подготовку и усиление Александрово-Гайской группы, перейти с утра 6 июля в решительное наступление левым флангом, имея первоначальной задачей окружение и разгром Николаевской группы противника, а в дальнейшем выход на линию ж. д. на участке Деркуль — Переметная, в тесной связи с наступлением группы т. Чепаева. При развитии наступления ударной группы т. Чепаева и левого фланга 4-й армии, Шиповско-Деркульской группе перейти в энергичное наступление в направлении ст. Переметная и форп. Чеганский в целях окончательного преграждения противнику путей отхода на юг. Иметь в виду активное использование гарнизона

[1] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 97, л. 304.
[2] ЦАКА, ф. 254, оп. 2, д. № 113, лл. 73—77.

г. Уральска для выполнения последней задачи путем встречного выдвижения от Уральска к ст. Переметной с обязательным оставлением достаточного гарнизона в Уральске.

4) Наступление вести смело и энергично, памятуя, что от быстроты и решительности его зависит успех всей операции.

5) Разграничительные линии: а) между 4-й армией и группой т. Чепаева — Яблонный Гай — Смолейка — Умет-Камеликский — Таловый — ст. Переметная,— все пункты для 4-й армии включительно, б) между группой т. Чепаева и 1-й армией с началом наступления — Соболев, восточн. окраина — для 1-й армии, западная — для группы т. Чепаева. По занятии Соболева линия восстанавливается прежняя, согласно приказа № 02158.

Остальные линии согласно того же приказа.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Телеграмма командующего Южной группой начдиву 22-й и всему гарнизону Уральска, № 02313, Саратов, 4 июля, 3 ч. 20 м.[1]

Наступление армий Южной группы на Уральск началось. Сегодня к вечеру наши части уже выходят на линию Глушица — Гаршино. Согласно моего приказа наши войска, не позднее 15 июля, должны очистить всю линию реки Урала и Уральской жел. дороги. Уверен в полном успехе начатого наступления и неизбежном развале врага. Ожидаю, что в ликвидации противника примет участие и гарнизон Уральска, ударив в нужную минуту в тыл врагу по особому моему распоряжению.

Реввоенсовет Южной группы, принимая во внимание факт более чем двухмесячной героической защиты города Уральска, убежден что доблестный гарнизон его исполнит свой революционный долг до конца. Будьте уверены — помощь и освобождение близки.

Командующий Южной группой Фрунзе.

Телеграмма командующего Южной группой в Совнарком В. И. Ленину. 11 июля 1919 г., 20 ч. 10 м.[2]

Сегодня в двенадцать часов снята блокада с Уральска. Наши части вошли в город.

Командующий Южной группой Фрунзе.

7. Развитие преследования противника после Уфы

Телеграмма командующего Восточным фронтом, № 03610, Симбирск, 19 июля 1919 г.[3]

Сего числа я вступил в командование армиями Восточного фронта.

Командующий Восточным фронтом Фрунзе.

Директива командующего Восточным фронтом командармам 3-й, 2-й и 5-й армий, № 03632, Симбирск, 20 июля 1919 г.[4]

В связи с занятием 3-ей армией Верхотурья и подхода к Егоршино, 3-ей армии ставится, в дальнейшем, следующая задача: продолжая преследование противника, в возможно короткий срок овладеть райо-

---

[1] ЦАКА, ф. 254, оп. 4, д. № 113, л. 67.
[2] ЦАКА, ф. 254, оп. 2, д. № 113, л. 290.
[3] ЦАКА, ф. 106, д. № 1032, л. 49.
[4] ЦАКА, ф. 106, д. № 1037, л. 46.

ном Синарская — Камышлов — Ирбит — Туринск и выйти уступом вперед в отношении 5-й армии с целью содействия последней при ее будущем продвижении вдоль Сибирской жел. дорожной магистрали.

Задача 5-й армии прежняя, то есть овладение районами Троицка и Челябинска. С 24 ч. 21 июля разграничительной линией между 5-й и [illegible] армиями устанавливается Михайловский — ст. Полдневная — М. Шабурова — северный берег озера Маян — Нижне-Петропавловское — озеро Камышное,— все для 5-й армии включительно. О получении директивы и отданных распоряжениях донести.

Командующий Восточным фронтом Фрунзе.

Директива командующего Восточным фронтом командарму 5-й командюжгруппы, № 03640, Симбирск, 22 июля 1919 г.[1]

5-й армии, продолжая выполнение задачи поставленной директивой № 03632, выставив заслон на направлении Верхнеуральск — Троицк, остальными силами своей Верхнеуральской группы повернуть на юг с целью очистить от противника район Верхнеуральск — отр. Полтавский — ст. Кизильская. В соответствии с этим левофланговым частям 1-й армии ставится задача — очищение от противника района завод Узянский — завод Преображенский — ст. Кизильская. В зависимости от этого между Южной группой и 5-й армией устанавливается разграничительная линия: Белорецкое — оз. Банное — ст. Кизильская,— для 5-й армии включительно. О получении директивы и отданных распоряжениях донести.

Командующий Восточным фронтом Фрунзе.

Директива командующего Восточным фронтом командармам 4-й и 1-й, Симбирск, 25 июля 1919 г.[2]

Поход на Туркестан решен в положительном смысле. Пойдут 3-я кав. дивизия и 24-я дивизия, которая на днях будет включена в состав армии. Подготовку следует вести немедленно, но наилучшей подготовкой явится выполнение 1-й армией в кратчайший срок поставленной задачи, т. е. овладение районом Орск — Актюбинск.

Командующий Восточным фронтом Фрунзе.

Директива командующего Восточным фронтом командюжгруппы, командармам 3-й, 5-й, № 03763, Симбирск, 26 июля 1919 г.[3]

На фронте 5-й и 3-й армии, несмотря на ввод противником новых дивизий, нами взяты Верхнеуральск, Челябинск, Ирбит, Алапаевск, Верхотурье и продолжается дальнейшее преследование противника. На участке Южной группы в Астраханском районе противник проявляет активность по обоим берегам Волги в направлениях на Баскунчак, Черный Яр и Енотаевск, где ему удалось несколько потеснить наши части. На Лбищенском направлении наше наступление развивается успешно. Также успешно идет наступление на Илецкой Городок. Севернее Оренбурга противник обнаруживает попытку выйти на тракт — Оренбург — Стерлитамак. Задачи фронта остаются прежние, то-есть: 1) окончательно добить войска Колчака, оттесненные нами к границам Сибири, 2) в кратчайший срок ликвидировать сопротивление Уральских, Илецких и Оренбургских казаков, 3) прочно обеспечивать за собой Астраханский район и жел. дорогу Астрахань — Покровск.

---

[1] ЦАКА. ф. 106. д. № 1037. [illegible]

[2] [illegible]

[3] [illegible]

Во исполнение изложенного приказываю:

1) Южной группе, продолжая выполнение задач поставленных директивой № 263/с, своей левофланговой группой, совместно с частями 5-й армии очистить от противника район южного Урала.

2) 5-й армии: а) теперь же направить всю 24-ю дивизию для совместных действий ее с левофланговыми частями Южной группы по очищению от противника района южного Урала, б) остальными силами армии, продолжая неослабно преследование противника и отбрасывая его к югу от Сибирской магистрали, овладеть в кратчайший срок районом Троицка, имея дальнейшей задачей выход на р. Тобол от Кустаная до Иковское.

3) 3-ей армии: а) продолжая энергичное преследование противника в самый короткий срок овладеть районами Шадринска и Туринска, имея дальнейшей задачей выход на р. Тобол от Иковское до Тобольска, б) при наступлении быть на уступе вперед по отношению к 5-й армии, содействуя тем последней при ее продвижении вдоль Сибирской магистрали; в) выделить одну дивизию во фронтовой резерв, расположив ее на участке жел. дороги Екатеринбург — Богданович.

4) Разграничительными линиями устанавливаются между Южной группой и 5-й армиями — завод Узянский — Темясова — отр. Губерглинский,— все для Южной группы включительно; между 5-й и 3-й армиями — М. Шабурова — северный берег оз. Маян — Нижне-Петропавловское — Окуневское,— все для 5-й армии включительно.

О получении настоящей директивы и отданных распоряжениях донести.

Командующий Восточным фронтом Фрунзе.

Директива командующего Восточным фронтом командюжгруппы, командарму 5-й, № 03960, Симбирск, 4 августа 1919 г.[1]

С полуночи 5 на 6 августа 24-я дивизия передается из 5-й армии в состав Южной группы. Разграничительной линией между Южной группой и 5-й армией с того же времени устанавливается Верхнеуральск — отр. Полтавский — озеро Мамыр-Куль,— все пункты для Южной группы включительно. Южной группе, в связи с занятием нами Илецкого Городка и выдвижением 24-й дивизии к югу от Верхнеуральска, выполняя задачи поставленные директивами № 03763 и № 288/с, в кратчайший срок очистить от противника район Илецкий Городок — Илецк — Актюбинск — Орск, развив самые энергичные действия, главным образом, на флангах 1-й армии. О получении директивы и отданных распоряжениях донести.

Командующий Восточным фронтом Фрунзе.

Директива командующего Восточным фронтом командармам 3-й, 5-й, № 04003, Симбирск, 6 августа 1919 г.[2]

Перед 5-й армией в районе Челябинска противник сбит и отходит в восточном направлении, не оказывая упорного сопротивления. После короткого боя нашими частями занят Троицк. На фронте 3-ей армии противник боями пытается задержать наше наступление, особенно, на Шумихинском и Шадринском направлениях.

5-й и 3-ей армиями продолжать выполнение прежней задачи по выходу на р. Тобол.

---

[1] ЦАКА, ф. 106, д. № 1037, л. 87.
[2] ЦАКА, д. № 46—110, л. 18.

Ближайшими задачами ставлю:

3-ей армии а) Продолжая преследование противника захватить переправы через р. Миас и Исеть на участке от Воскресенское до Исецкая и овладеть районом Тюмени. б) Своей правофланговой дивизией продолжать содействие продвижению левого фланга 5-й армии вдоль Сибирской ж. д. дороги. в) По смене 21-й дивизии 5-й армией, вывести эту дивизию в резерв фронта, расположив ее на Сибирской ж. д. дороге. 5-й армии — на Курганском и Звериноголовском направлениях продолжать энергичное преследование противника не давая ему оправиться, направив главный удар вдоль железной дороги и обеспечив направление на Кустанай сильной конницей.

Разграничительной линией между 5-й и 3-й армиями до смены 21-й дивизии устанавливается Бродокалматское — ст. Чистое — раз. Бутырский,— для 3-ей армии включительно.

Командарму 5-й иметь в виду, что по смене 21-й дивизии частями 5-й армии, последняя должна будет направить свой левый фланг на Воскресенское.

О получении директивы и отданных распоряжениях донести.

Командующий Восточным фронтом Фрунзе.

Директива командующего Восточным фронтом командармам 3-ей и 5-й, № 04071, Симбирск, 11 августа 1919 г.[1]

Перед 5-й армией противник отходит за Тобол, прикрываясь арьергардами.

Перед 5-й армией на Ялуторовском направлении неприятель пытается задержать наше наступление.

5-й и 3-ей армиям продолжать неослабное преследование противника и не дать ему привести свои части в порядок.

Ближайшими задачами ставлю: 5-й армии, продолжая преследование противника, главными силами выйти на рубеж р. Тобола к югу Белозерское, имея заслон в направлении на Кустанай. Ввиду проявления противником активности в Верхнеуральском районе, командарму 5-й коротким ударом, бригадой пехоты со всей свободной конницей, во фланг Верхнеуральской группе противника, оказать поддержку левому флангу 1-й армии.

3-й армии, преследуя противника, выйти на Тобол на участке к северу от Белозерское, сосредоточивая главные силы на Ялуторовск и выслав боевой отряд к устью р. Туры.

21-й дивизии, оставаясь в резерве фронта, перейти в район Кипельское — ст. Юргамыш — Колупаевка. Связь начдиву 21-й держать через штабы армий 3-ей и 5-й.

Разграничительной линией между 5-й и 3-ей армиями назначают Толстопятово — Белозерское — Отставная,— все пункты для 5-й армии включительно.

О получении настоящей директивы и распоряжениях донести.

Командующий Восточным фронтом Фрунзе.

8. Разгром Южной армии Колчака на путях в Туркестан

Директива командующего Восточным фронтом командюжгруппы, командармам 3-й и 5-й, № 04094, Симбирск, 13 августа 1919 г.[2]

Приказом Главкома Южная группа Восточного фронта переименована в Туркестанский фронт. Командующим Туркестанским фронтом назначен я.

---

[1] ЦАКА, д. № 46—110, л. 31.

[2] Там же, л. 49.

Разграничительной линией между Туркестанским и Восточным фронтами назначена: Тюпкильды — ст. Давленатово — пр. Табынск — зав. Узянский, отр. Полтавский — озеро Мамыр-куль, временно,— отр. Фершампенуасский — ст. Кизильская.

В состав Восточного фронта включаются 5-я и 3-я армии.

Разделение фронта произвести в 24 часа 14 августа.

Астраханскую группу переименовать в 11-ю армию.

Востфронту продолжать уничтожение войск Колчака и овладеть западной Сибирью. При продвижении вперед прочно закреплять за собой пройденное пространство, организуя для сего необходимые гарнизоны.

Туркестанскому фронту: а) в кратчайший срок овладеть Уральской и Оренбургской областями, включительно до Гурьева, Актюбинска и Орска; б) подготовить экспедицию на Туркестан; в) подготовить 11-ю армию для наступательных операций в юго-западном направлении; г) 15 августа закончить подготовку удара на Царицын, в связи с действиями левого фланга Южного фронта.

Командарму 5-й теперь же вывести одну дивизию в резерв фронта, расположив ее в полосе жел. дороги Челябинск — Курган.

Туркестанскому фронту по овладении Сахарной вывести в резерв фронта одну стрелковую дивизию и сосредоточить ее на Уральской жел. дороге, а по овладении районом Актюбинск — Орск вывести в резерв фронта еще не менее двух дивизий.

О получении директивы и отданных распоряжениях донести.

Командующий Восточным фронтом Фрунзе.

Директива командующего Туркестанским фронтом командарму 1-ой и главкому войск Туркестана, 28 августа 1919 г.[1]

Разбив в ряде боев Южную и Уральскую армии противника наши войска выбросили их в район степей между Туркестаном и Европейской Россией. На днях должно последовать занятие нами и Актюбинска, что лишает противника последних опорных пунктов в районе казачьей области.

По полученным сведениям, подтверждающимся данными о последней группировке противника в районе Актюбинска и тракте Орск — Иргиз, противник решил отступать на Казалинск, имея в дальнейшем целью выход к берегам Аральского моря и Красноводску на соединение с англичанами.

Для недопущения этого и окончательного уничтожения остатков разбитых белогвардейских банд приказываю:

1) 1-й армии со всей энергией продолжать безостановочное преследование противника, имея ближайшей задачей овладение районом Ташкентской жел. дороги до ст. Челкар включительно и городами Иргиз и Тургай. Учитывая слабую населенность и огромность расстояний преследования, организовать по преимуществу кавалерии, использовав для этого все наличные силы конницы в виду компактной массы. При проведении операции все время стремиться охватывать пути отступления к югу, для чего усилить Актюбинскую группу и форсировать ее продвижение. Принять все меры к скорейшему восстановлению телеграфной и телефонной связи в тылу армии.

2) Главкому войск Туркестана немедленно усилить во что бы то ни стало, за счет резервов, а также и других направлений, Казалинскую группу и перейти в наступление, имея ближайшей целью занять и прочно закрепить за нами ст. Аральское море и далее продвижение

[1] ЦАКА, д. № 234—935, л. 19.

вперед на встречу войскам 1-й армии. Оперативные сводки посылать ежедневно по радио. Получение сего и об отданных распоряжениях донести.

Командующий Туркестанским фронтом Фрунзе.

Радиограмма командующего Туркестанским фронтом главкому войск Туркестана, № 03199, Самара, 2 сентября 1919 г.[1]

Наступление 1-й армии развивается успешно. Под Орском нами взято снова более 3000 пленных, много оружия, боеприпасов. Нашей пехотой занята ст. Мартук и продолжается наступление на Кара-Тугай. Наша кавалерия выходит к Актюбинску. В связи с этим подтверждаю крайнюю необходимость Туркестанцам удерживать ст. Аральское море и стремиться выдвигаться навстречу нашим наступающим на фронт Иргиз — ст. Челкар.

Командующий Туркестанским фронтом Фрунзе.

Телеграмма командующего Туркестанским фронтом в Ташкент главкому войск Туркестана, № 31, Вольск, 12 сентября 1919 г.[2]

Южная армия противника, преграждавшая пути в Туркестан, разгромлена окончательно. Нами взято свыше 45 тысяч пленных и масса трофеев. Передовые части 1-й армии подходят к району станции Джурун-Темир. Для уничтожения последних остатков войск противника, продолжающих еще держаться в районе станции Челкар и в интересах скорейшего восстановления связи с Туркестаном, приказываю: бросить Казалинскую группу в стремительное наступление в общем направлении на станцию Челкар и Иргиз.

Командующий Туркестанским фронтом Фрунзе.

Приказ войскам Туркестанского фронта, № 03587, Самара, 7 октября 1919 г.[3]

Вы доблестные войска 1-й армии многомесячными усилиями в бездорожном районе через горы, леса, по песчаным степям очищали путь в Красный Туркестан, где ваши братья вели упорную борьбу за свою свободу, где был приготовлен для окруженной кольцом врагов Советской России, столь нужный для нас хлопок, чтобы одеть нашу пролетарскую семью.

Рядом упорных, славных боев вы овладели Орском, Актюбинском, Темиром и множеством других больших и малых пунктов, разбив на голову громадную армию противника, превосходившую вас численностью в несколько раз. Ваш могучий дух воинов-революционеров, воинов великой рабоче-крестьянской армии дал вам славные победы.

Вы захватили за последний месяц свыше 55 тысяч пленных, много орудий, около 150 пулеметов, большое количество другой военной добычи. С напряженным вниманием и надеждой следит за вашими успехами вся Советская Россия; со страхом и трепетом следили за вами и наши враги — империалистические государства, чувствуя, что с вашей победой вольются нам новые силы, что мы несем освобождение

---

[1] ЦАКА, д. № 234—935, [illegible].
[2] ЦАКА, ф. 254, оп. [illegible].
[3] ЦАКА, ф. 110, оп. [illegible], л. 124.

нашим далеким братьям — восточным народам и скоро, скоро настанет конец владычеству шайки капиталистов.

Свершилось. Путь на Туркестан свободен. Совет обороны РСФСР, высоко ценя услуги оказанные Советской республике нашей доблестной боевой работой славных войск 1-й армии, постановил.

1) Объявить вам, в лице красноармейского и командного состава благодарность отечества.

2) Выдать всему составу 1-й армии, участвовавшему в победоносном наступлении на соединение с Туркестаном, месячный оклад.

Еще раз сердечно поздравляю вас с вашим блестящим успехом. Твердо уверен, что вы навсегда закрепите свои победы там, в Красном Туркестане, куда мы теперь спешим на помощь нашим братьям.

Командующему 1-й армией приказываю сообщить настоящий приказ частям войск участвовавшим в победоносном движении армии и убывшим теперь новым назначениям.

Командующий Туркестанским фронтом Фрунзе.

Россия и Пруссия в Шлезвиг-Гольштинском вопросе

Предлагаемые ниже материалы по шлезвиг-гольштинскому вопросу представляют не только исторический интерес. Перипетии этого вопроса, бывшие лишь этапом в политике Бисмарка кровью и железом создать Великопруссию, ярко рисуют картину агрессии, циничного торга малыми нациями, откровенного предательства их интересов путем шантажа.

Еще с конца XVIII в. (1773 г.) Шлезвиг был окончательно инкорпорирован Данией, составляя ее провинцию. Гольштиния, входя в состав Датского королевства на правах личной унии, оставалось в то же время германской землей и входила в конгломерат земель, носивших название «священной Римской империи германской нации». Положение не изменилось с ликвидацией последней Наполеоном (1806 г.), а затем и после Венского конгресса 1815 г. Оба герцогства были издавна связаны унией, по которой они были вечно нераздельны. Население этих герцогств было смешанным: в большей части Шлезвига оно состояло из датчан и говорило на датском языке, в Гольштинии преобладало немецкое население, при чем господствующие классы герцогств были либо немецкими, либо тяготели к немецкой культуре и языку. В Шлезвиге дворянство и прелаты вели насильственную германизаторскую политику. Судопроизводство, преподавание, проповедь велись на немецком языке.

Экономическое развитие Дании в первой трети XIX в., ломка феодальных отношений под влиянием буржуазной революции во Франции, вызвали к жизни торговую и промышленную буржуазию, содействовали национальной консолидации страны. Вынужденный отказ Дании от Норвегии (1815 г.) толкал датское правительство к большему освоению герцогств, особенно Шлезвига, и укреплению там своего влияния. Датская буржуазия горячо поддерживала эту политику. Шло усиленное вытеснение немецкого влияния, особенно в деревне. Немецкое феодальное дворянство в герцогствах оказывало решительное сопротивление политике датского правительства, разжигая немецкий национализм. С другой стороны, разбуженная наполеоновскими войнами, сделавшая первые успехи в укреплении своего экономического влияния, германская буржуазия, хотя еще и не отчетливо, начала понимать все значение омываемого двумя морями Шлезвига для торгового и морского могущества Германии. Из чисто местного шлезвиг-гольштинский вопрос становится общегерманским. По иронии истории он осложнился еще и тем, что в то время как датская буржуазия, которая вела борьбу с королем Фридрихом VI за ограничение абсолютизма и требовала введения конституции, в герцогствах поддерживала политику правительства, а феодальное дворянство в Шлезвиг-Гольштинии, защищавшее не столько «немецкое дело», сколько свои права и привилегии, в борьбе против датского правительства опиралось на объединительное движение германской буржуазии.

Революция 1830 г. усилила датское либеральное движение в королевстве и Фридрих VI был вынужден пойти на уступки. В 1834 г. был издан указ о сеймах. Их было четыре — два для Дании и по одному для каждого из герцогств. Это никого не удовлетворило. Датская буржуазия требовала единого конституционного сейма для всей страны, немецкая партия настаивала на создании отдельного сейма для обоих герцогств и вхождении Шлезвига в Германский союз. При преемнике Фридриха, Христиане VIII (1839—1848 гг.) консти-

туционный вопрос осложнился вопросом о престолонаследии. В то время как в королевстве допускалось наследование и по женской линии, в герцогствах наследование могло итти лишь по мужской линии. Христиан был стар и бездетен, бездетным был и его наследник — будущий король Фридрих VII. С прекращением старшей Гольштинской линии в Дании престол должен был перейти к Глюксбургской, в герцогствах же он должен был перейти к младшей мужской линии — к Августенбургскому дому и тем самым определилось бы раздельное существование герцогств и Дании.

Для избежания этого в 1846 г. Христиан VIII обнародовал «открытое послание», в котором указывал, что порядок наследования должен быть единым для всей монархии. Это срывало все расчеты немецкой партии. Она заявила протест, нашедший отклик во всей Германии; посылались многочисленные адреса, петиции университетов, обществ, заявления палат (баденской) и т. д., юристы изощрялись в казуистических тонкостях наследственного права и средневековых прерогатив герцогств. Гольштинский сейм обжаловал указ Христиана VIII в Союзный германский сейм. Последний мог лишь ответить, что он уповает на справедливость короля.

Со смертью Христиана VIII, наследовавший ему Фридрих VII обнародовал под давлением датской буржуазии указ (22 января 1848 г.) о создании общей для всего королевства конституции и общего сейма. Немецкая партия увидела в этом дальнейшее наступление на суверенность герцогств и усилила сопротивление. В условиях разразившейся революции 1848 г. движение приняло более острый характер. В Дании у власти стала либеральная буржуазия, т. н. Эйдеровская партия, требовавшая полного включения Шлезвига в королевство. С другой стороны общий подъем в Германии усилил в герцогствах немецкую партию, влил в нее буржуазные и демократические элементы. В Киле вспыхнуло восстание, было образовано временное правительство (граф Ревентлов, адвокат Безелер и др.), выдвинувшее герцога Августенбургского кандидатом на престол. Временное правительство обратилось за помощью к Союзному сейму и прусскому правительству. Сейм в свою очередь поручил Пруссии оказать военную поддержку герцогствам.

Началась германо-датская война. Ее ход и исход был определен, с одной стороны, ходом и развитием германской революции, борьбой революции с контрреволюцией, а с другой — всей международной обстановкой. Пруссия при всех колебаниях реакционно и легитимистски настроенного Фридриха-Вильгельма IV, по настоянию его министра фон-Арнима не прочь была военной прогулкой в Данию укрепить свою популярность в Германии в противовес Австрии, а затем разрешить вопрос путем сговора с Данией при сохранении всех принципов легитимизма, а главное, прав и преимуществ шлезвиг-гольштинского юнкерства. Но в условиях подъема революции этого достигнуть было нельзя. Немецкая партия в герцогствах стремилась к воссоединению с Германией. Многочисленные волонтеры из Германии, боровшиеся в герцогствах с датскими войсками, придавали всему этому делу революционный привкус. Образованный в Германии Союзный совет допустил в свою среду представителей герцогств. Феодально-реакционная политика Пруссии столкнулась с объединительной политикой немецкой буржуазии. Этим определилась вялость войны со стороны Пруссии. Хотя на суше она и одержала ряд побед, на море датчане блокировали ее и парализовали прусскую торговлю.

Между тем Дания, на основании стокгольмского договора 1720 г., подтвердившего переход Шлезвига к Дании и гарантированного Швецией, Англией и Францией, обратилась к державам за помощью. Шлезвиг-гольштинский вопрос перерастал в общеевропейский конфликт. Англия, ее премьер Пальмерстон заняли позицию поддержки Дании. Не в интересах Англии было укрепление Пруссии на берегах Северного и Балтийского морей и передача в ее руки контроля в проливах. Либерал Пальмерстон в то же время с нескрываемой враждебностью относился к развертывавшейся германской революции и опасался воссоединения Германии. Английский посол в Берлине Вестморленд сделал два представления

прусскому правительству (11 и 18 марта). В своем ответе Пруссия заявила, что она лишь осуществляет директивы германского сейма, а главное, что она собирается отстаивать единство Шлезвиг-Гольштинии в пределах Дании и охранять интересы датского короля в гражданской войне в герцогствах. В результате Англия предложила Пруссии и Дании свое посредничество.

Более решительной была позиция Швеции. Последняя мобилизовала свою армию и флот и предупредила Пруссию, что занятие ею Ютландии будет означать войну. Столь же решительной была позиция и России. Для Николая шлезвиг-гольштинский вопрос был нарушением его легитимистских принципов установлений Священного союза, а поддержка восстания Пруссией укреплением ненавистных ему революционных элементов. К тому же Россия якобы имела и отдаленные права на Гольштинию. После смерти Петра III, правнука Гольштинского, в 1762 г. последовал отказ Екатерины II за тогда еще несовершеннолетнего Павла от наследственных прав на часть Шлезвига и Гольштинии. Но этот отказ был обусловлен незыблемостью установленной датской династии, в случае же ее прекращения Россия оставляла за собой возможность предъявить свои права на герцогства.

Но и более реальные интересы руководили Николаем в его датской политике. Для России было важно, чтобы проливы находились в руках одной из мелких скандинавских держав. Захват их Пруссией мог отрезать Россию от Западной Европы. Поэтому, когда прусские войска подступили к датской границе, русский посланник в Берлине заявил прусскому правительству, что это «нанесет тяжелый удар интересам всех прибрежных на Балтийском море держав... Россия не может допустить такой случайности». Вопрос о переходе границ России выставлял как casus belli. Развитие революционных событий в Германии, грозивших свести все установления Священного Союза, волны революционных брожений в России и Польше, попытки Фридриха-Вильгельма использовать революционные события в Германии в целях укрепления и расширения Пруссии — были встречены Николаем с резкой враждебностью. Манифестом 14 марта 1848 г. Николай, этот «жандарм Европы», стал на страже установлений Венского конгресса и Священного Союза. 300-тысячная армия, подвинутая к западной границе России, должна была подкрепить манифест. Шлезвиг-гольштинский вопрос и позиция Пруссии в нем были для Николая частью его общей задачи тушить пожар в Европе. В антипрусскую политику Николай попытался, но безуспешно, вовлечь и Францию. Переговоры, начатые Киселевым с Ламартином, с большим успехом были продолжены с Кавеньяком. Примирение Николая с республиканской Францией против монархической да еще связанной с ним родственными узами Пруссией яснее всего говорило о тревоге русского царя.

Внутриполитическая обстановка в Германии и нажим извне толкали Пруссию к скорейшему завершению войны. Уже в конце мая генерал Врангель получил приказ отвести свои войска от Ютландии. 2 июля 1848 г. в Мальме (Швеция) было заключено перемирие. 26 августа в Мальме же было заключено новое соглашение на выгодных для Дании условиях. Протесты в Германии, нежелание Дании пойти на уступки вызвали 26 марта 1849 г. возобновление военных действий. Потребовалось новое вмешательство России, ее угроза двинуть войска в Пруссию, чтобы при помощи Англии переговоры о мире возобновились. 2 июля 1850 г. был заключен в Берлине мирный договор, который по сути дела оставил неразрешенными все спорные вопросы. «В Шлезвиг-Гольштинии меч Германии» [illegible] прусский сепаратный мир и [illegible] [illegible] в руки [illegible] силы. Англия, Франция и Россия решили положить конец независимости герцогств и [illegible] это намерение в протоколе, к которому присоединилась и Австрия»[1].

Еще до окончательного разрешения шлезвиг-гольштинского конфликта положение Пруссии осложнилось ее политикой в германских делах. Разгром прусскими войсками Дрезденского и Баденского восстаний (1849 г.) укрепил позиции

[1] Маркс и Энгельс. Соч. т. VIII, стр. 256.

Пруссии в Германии. Это дало возможность Фридриху-Вильгельму попытаться на место развалившегося Германского союза создать т. н. Прусский союз, как первый шаг к созданию Великопруссии. Эрфуртский съезд должен был окончательно оформить конституцию вошедших в союз частью добровольно, частью принудительно германских государств. Но жалкая компромиссная политика прусской реакции и ее выразителя Радовица и не менее жалкая позиция германской буржуазии не могла вызвать поддержку широких масс германского народа и встретила решительное сопротивление Австрии и стоявшей за ее спиной России. «Пруссия не имеет права становиться во главе Германии»,— заявил русский посол в Берлине Мейендорф прусскому королю. Война с Австрией, а следовательно с Россией обозначала новое развязывание революции и Фридрих-Вильгельм капитулировал. Руководителю прусского кабинета Бранденбургу пришлось ехать в Варшаву, где тогда находился Николай, и дать обязательства отказаться от своих затей в Германии и от своих планов по отношению к Шлезвиг-Гольштинии, а также отказаться от поддержки гессенцев, восставших против своего короля. Под давлением России Радовиц был отставлен, но Россия не была удовлетворена, она хотела полного унижения Пруссии. Сменивший умершего от огорчения Бранденбурга, Мантейфель добился свидания в Ольмюце в 1850 г. с руководителем австрийского кабинета Шварценбергом и там принял все австрийские условия. Ольмюцкая капитуляция ускорила развязку войны и обеспечила уступчивость Пруссии.

По Берлинскому соглашению Дании было предоставлено право разделаться с восстанием в Шлезвиге, водворить «порядок» в Гольштинии было возложено на Австрию и Пруссию. Гольштинское временное правительство было ликвидировано, власть передана датскому, прусскому и австрийскому комиссарам. Предварительное решение по шлезвиг-гольштинскому вопросу было принято на Лондонской конференции держав (Англия, Франция, Россия, Швеция и Австрия) 2 августа 1850 г. После длительных торгов и борьбы наследником Фридриха VII был намечен принц Христиан Глюксбургский; герцог Августенбургский был вынужден отказаться от своих прав за приличную мзду в 6 млн. крон. Связи Шлезвига с Гольштинией были прерваны и Шлезвиг вынужден был уйти из Германского союза. Все вернулось к домартовским временам. Пруссия была унижена, Австрия могла торжествовать. Соглашения были ратифицированы державами 8 мая 1852 г., хотя германский сейм и отказался их признать.

Поворотным вопросом в шлезвиг-гольштинском вопросе, как и в европейской политике в целом, была Восточная война. Поражение России ослабило ее положение, как жандарма Европы. Некоторый период первую скрипку в Европе играла наполеоновская Франция. Враждебная России позиция Австрии во время Восточной войны, ее блок с Англией, колебания Пруссии привели к изоляции России и она с радостью приняла заигрывания Наполеона, желавшего получить в лице России эвентуального союзника. За уступчивую позицию Франции на Парижском конгрессе 1856 г. Горчаков отплатил Наполеону тем, что удержал Пруссию от вмешательства во время франко-итальянской войны, на котором настаивало общественное мнение Германии, и помог тем самым Наполеону овладеть Ниццей и Савойей.

1859 г. был началом нового периода в истории Европы. После десятка лет политической реакции наступает новая полоса буржуазно-демократических и национальных движений. Франко-итальянская война всколыхнула не только Италию, но и Германию. «Война 1859 г. всполошила также и Пруссию. Пруссия почти удвоила свою армию и поставила у кормила правления человека, который мог потягаться с русской дипломатией по крайней мере в одном отношении: в полной неразборчивости при выборе средств. Этим человеком был Бисмарк»[1]. Борьба за воссоединение Германии все отчетливее принимала характер борьбы между Австрией и Пруссией, борьбы между великогерманской и малогерманской партиями за решительное и окончательное преобладание в германских делах

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 31.

либо Австрии, либо Пруссии. Обострение шлезвиг-гольштинского вопроса подлило масла в огонь.

Еще в 1855 г. Фридрих VII ввел в Дании общую конституцию для всего королевства, по которой, на ряду с сохранением провинциальных сеймов, должен был быть образован общий сейм для всего королевства. Депутаты герцогств на сейме выразили свой протест против якобы нарушения конвенции 1852 г. Под давлением Пруссии и Австрии, пригрозивших экзекуцией, Фридрих датский отступил, отменив конституцию для Гольштинии, но сохранив ее для Шлезвига. Немецкая буржуазия, ее либеральный «Национальный союз» требовали вмешательства франкфуртского сейма. Такую же позицию занял и Лассаль. Свою брошюру «Итальянские войны и задачи Пруссии» он заканчивал обращением к Пруссии начать национальную войну из-за Шлезвиг-Гольштинии, уверяя, что в этом вопросе прусское правительство встретит поддержку демократии, якобы готовой стать под прусские знамена. Прочитав эту брошюру, Маркс, в письме Энгельсу, писал: «отнюдь не наши взгляды». Маркс и Энгельс боролись с оппортунистической политикой Лассаля, который своим приспособлением к победе Пруссии и Бисмарка, своими шатаниями в сторону национал-либеральной партии предавал последовательно-демократическую борьбу за немецкую республику. Сами они считали возможным в буржуазно-национальном движении оказать поддержку прогрессивной буржуазии в ее борьбе против феодализма и под этим углом зрения определяли «успех какой стороны желателен», при какой комбинации, при неудаче какой из реакционных феодально-абсолютистских, задерживающих подъем буржуазии сил будет больше «простора» для современной демократии, и для этого заботились о расширении обострения этого движения путем широкого участия в нем «плебейских» масс, в частности крестьянства. «Именно это соображение Маркса,— говорит Ленин,— о расширении социальной базы движения, о развитии его и отличало коренным образом последовательно-демократическую тактику Маркса от непоследовательной, склоняющейся к союзу с национал-либералами, тактики Лассаля» [1].

Для Маркса шлезвиг-гольштинский вопрос был частным вопросом грядущей общенемецкой революции. Насколько был прав Маркс — показали события 1863—1864 гг. Русско-французское сближение 1856—1859 гг. привело к поддержке Россией Наполеона III во время назревавшей войны Франции с Австрией. Циркулярную депешу Горчакова русским представителям при немецких дворах с угрозами против последних в случае их военной поддержки Австрии, французские генералы считали равноценной стотысячной армии. Но уже вскоре после Виллафранкского мира эти отношения начинают охладевать. Виллафранкский мир не дал тех результатов, которые ожидала Россия — ослабления Австрии. С другой стороны попустительство Наполеона III и союзного с ним сардинского короля революционному движению в Италии также вызвало раздражение Александра II. Союз с Пруссией предвещал больше выгод, да и не так коробил монархические чувства Александра, как союз с Наполеоном III. Укреплению этих настроений русского двора много содействовал Бисмарк, назначенный тогда послом в Петербург. Наполеон III, в свою очередь чувствуя, что Россия ускользает от него, попытался установить дружественные отношения с Англией, воспользовавшись падением кабинета тори и приходом к власти Пальмерстона. С Англией был заключен торговый договор. Но присоединение к Франции Ниццы и Савойи вызвало бурю негодования в Англии и соглашение было сорвано. Англия попыталась даже заключить с Австрией и Пруссией конвенцию, направленную против Наполеона III.

Бисмарк использовал изоляцию Франции и усилил свою работу в России. Польский вопрос облегчил ему дело. При первых известиях о волнениях в Польше и начале восстания 1863 г. Бисмарк, тогда уже руководитель прусского кабинета, заключил с Россией конвенцию о совместной борьбе Пруссии и России

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 110.

против революционного движения в Польше (знаменитая Альвенслебенская конвенция). Бисмарк хвастался, что этой конвенцией он окончательно расстроил франко-русское сближение. Мечты Наполеона о Рейне при наличии складывавшегося русско-прусского союза потускнели. Осторожная позиция Франции в первое время польского восстания делает крутой поворот. Наполеон усиленно заигрывает с Меттернихом, обещая Австрии содействие против Пруссии и русских домогательств на ближнем востоке. В союз против России Наполеон пытался привлечь и Англию. Но ни Англия, ни Австрия не собирались таскать каштаны из огня для Франции. План совместных действий «во имя Польши» не удался. Англия и Австрия отделались лишь весьма осторожными представлениями.

Польский вопрос тесно привязал Россию к Бисмарку. Руки последнего в Европе были развязаны. Шлезвиг-голштинский вопрос, обострившийся к концу 1863 г., со смертью Фридриха VII, Бисмарк решил использовать для активизации прусской внешней политики и этим же мечом разрубить гордиев узел конституционного конфликта внутри страны. Смерть Фридриха VII вновь поставила на повестку дня вопрос о наследовании. Герцогства отказались признать права Христиана IX герцога Глюксбургского и признали их за Фридрихом Августенбургским, несмотря на то, что отец его отказался от прав на престол в 1850 г. Франкфуртский сейм также признал права принца Августенбургского и решил поддержать их оружием.

Определением Германского союзного сейма саксонские и ганноверские войска вторглись в Гольштинию для захвата герцогств, отторжения их от Дании и создания из них самостоятельного государства в составе Германского союза. Под натиском врага датчане в январе 1863 г. отступили за реку Эйдер, границу Гольштинии и Шлезвига. Но реальная сила была в руках у Пруссии и Австрии. Бисмарк же не собирался поддерживать интересы Германского союза и не желал присоединения герцогств к последнему как самостоятельного государства. В его виды не входило дозволить кому-либо хозяйничать в областях, смежных с Пруссией. Шлезвиг с его выходом к двум морям ему нужен был для себя. «Бисмарк взялся за дело. Надлежало повторить государственный переворот Луи Наполеона, воочию показать немецкой буржуазии действительное соотношение сил, силой разрушить ее либеральный самообман, но выполнить ее национальные требования, которые совпадали с прусскими желаниями»[1].

Внешнеполитическая обстановка благоприятствовала Бисмарку. Англо-французское соперничество парализовало обе державы. Австрии пришлось примкнуть к Пруссии, так как она не могла предоставить всю полноту действий одной Пруссии, а без помощи России у нее не было сил заставить Бисмарка отклониться от раз принятых решений. Рехберг капитулировал перед Бисмарком. Оставался вопрос о России с ее традиционной датской политикой. Это ясно высказал Бисмарк Горчакову: «с европейской же точки зрения, все зависит от того, бросит ли Россия свою гирю на чашку весов великого герцога или же ограничится тем, что сама устранится из спора»[2]. Тут же он успокаивал, что России не придется выбирать между Пруссией и Австрией. «Ее полное согласие с Веной все время не оставляет желать ничего большего». Польский вопрос предрешил для Александра II его поведение в назревавшем конфликте. Любопытно, что у него даже прорывалось желание бросить свои польские владения. Это было несерьезно, но характерно для его самочувствия.

С первых же дней шлезвиг-гольштинского конфликта Александр II стал на сторону Пруссии. Он дал свое согласие на вторжение прусских войск в герцогства и склонял к этому Англию, ибо это, как он утверждал, оградит герцогства от происков герцога Августенбургского и немецкой революционной партии. Вся прусская экспедиция изображалась как защита решений 1852 г., а отнюдь не как покушение на целостность Датского королевства. Подчеркивание неприкосновенности Дании делалось специально для Англии, чья позиция чрезвычайно

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, стр. 473.
[2] «Красный Архив», т. 61, 1933 г., стр. 14.

тревожила и Россию и Пруссию. Александру II не хотелось влезать в общеевропейскую войну при наличии очень напряженных внутренних дел (еще не успокоенная Польша, крестьянские волнения на почве «реформы»), поэтому надо было не дать Бисмарку «солдатскими» методами отпугнуть Англию и бросить ее в объятия Франции. И Александр делал вид, что ему непонятны подлинные замыслы Бисмарка. Перед лицом [illegible] надо было выступить под флагом защиты Лондонской конвенции 1852 г. «Во имя этих соображений,— поучает Горчаков Убри,— был задуман тот план, который я, по распоряжению императора, развил в моем письме к барону Будбергу, т. е. согласие на принятие собрания, предложенного Данией, подчинение копенгагенского двора оккупации Шлезвига австро-прусскими войсками в качестве залога выполнения обещаний 1851—1852 гг.— залога, не только не наносящего ущерба подписанному в Лондоне международному документу, но призванного обеспечить его осуществление путем удовлетворения всех заслуживающих уважения интересов». И тут же Горчаков особо подчеркивает, что «мы считаем необходимым, чтобы оба великие немецкие двора, не теряя времени, дали английскому кабинету заверения, могущие его успокоить» [1].

Помочь Бисмарку должен был Бруннов в Лондоне. Сам же Горчаков убеждал английского посла в Петербурге в том, что не следует мешать Бисмарку занять герцогство, ибо он не даст ходу проискам герцога Августенбургского и немецкой революционной партии.

Но Бисмарку было мало русского «невмешательства», ему хотелось иметь от Александра II, а по возможности и от Пальмерстона прямое заверение, что в случае если Наполеон III решит использовать момент для захвата Рейна, Россия и Англия бросят свои войска и флот. И он пускает в ход испытанные методы - игру на самолюбии, запугивание, прямой шантаж. Якобы от имени короля Вильгельма I он говорит Убри — «его величество полагает, что у вас слишком много внутренних затруднений и потому вы не можете быть активными союзниками». Убри спешит заверить Горчакова, что он постарался разубедить в этом Бисмарка. Когда же Горчаков и Убри, не желая связывать себе рук, отклоняют неприятную тему о прямой поддержке Пруссии, Бисмарк пускает в ход более сильно действующее средство. В ряде бесед с Убри он дает понять, что если Россия не поддержит его, Бисмарка, он вынужден будет пойти на союз с Францией и тогда неизбежно встанет польский вопрос. Бисмарк запугивает Убри, что если Россия не даст согласия на оккупацию, то в создавшейся обстановке (конституционный конфликт, конфликт с сеймом) прусский король отречется от престола, ему, Бисмарку, придется уйти в отставку; у власти станут либералы; «но их первым действием, не будем себя обманывать, был бы союз с Францией». Со своей стороны Убри напоминает Бисмарку, что это не реально, ибо от Франции Пруссия ничего не добьется, но сам он понимает, что Россия не может допустить разгрома Пруссии и Австрии Францией. Он пишет Горчакову: «Мы не должны упускать из виду... что разгром Пруссии и Австрии снова поставит нас лицом к лицу с Францией, позиция же императора Наполеона в польском вопросе не позволяет нам питать ни малейшего сомнения относительно такого соседства» [2].

Шантаж Бисмарка сделал свое дело. Русская политика становится все более предупредительной и тщательно расчищает все трудности на пути Пруссии. Когда политика «невмешательства» России и колеблющаяся позиция Англии чуть было не привели к капитуляции Дании и мирному урегулированию конфликта, Бисмарк взывает к Горчакову — «Дайте нам возможность обменяться несколькими пушечными выстрелами». Горчаков быстро уступает.

20 января 1864 г. началась оккупация. Слабые датские войска не могли противостоять войскам Пруссии и Австрии, последние быстро дошли до границ Ютландии и захватили ее. Под влиянием возбуждения общественного мнения в Лондоне забеспокоились. Англия настаивает перед Россией на вооруженном вмешательстве в пользу Дании. Александр II ответил, что он не возражает против

[1] [illegible], стр. [illegible].
[2] [illegible], стр. [illegible].

«морального» воздействия на Пруссию в интересах целостности Дании, но на вооруженное вмешательство он пойти не может. Попытка Англии договориться с Францией не привела ни к чему, ибо Наполеон III потребовал в качестве гарантии левый берег Рейна. На это Англия в силу своих династических связей с Пруссией не пошла и тем самым должна была договориться с Россией и Пруссией. Горчаков вновь просит Бисмарка успокоить Лондон, дать заверения о своих намерениях. Что и Пальмерстон готов был удовлетвориться формальной декларацией Бисмарка, видно из того, что он охотно воспользовался ею в парламенте и вычитал в ней то, что по признанию самого Бисмарка в ней вычитать нельзя было. Горчаков знал своего коллегу, он писал Меренгейму: «Нынешний британский кабинет настроен миролюбиво. Его намерение избежать конфликта с Германией не может быть поставлено под сомнение... Следовало бы, по нашему мнению, не упускать из виду того, что могло бы облегчить британскому кабинету эту задачу» [1]. Таким облегчением этой задачи, в целях успокоения общественного мнения Англии, должно было быть согласие на европейскую конференцию.

Директива Горчакова Бруннову, представляющего Россию на Лондонской конференции, не оставляет сомнений в русской позиции — «возврата к положению вещей, предшествовавшему войне, быть не может». На протесте Дании против распоясавшихся в герцогствах пруссаков, против чинимых там насилий над датским населением, Александр мог лишь написать: «Сильно преувеличено, но вероятно частью верно» и обойти его молчанием. Неприемлемой и дикой показалась Александру и Горчакову мысль, предложенная Францией, о возможности опросить население герцогств и узнать его пожелания, и она была категорически отвергнута.

Политика России, приведшая к захвату герцогств, придала самоуверенность Бисмарку: он заговорил с Россией другим тоном. Когда несообразительный Убри напомнил Бисмарку, что он обещал неприкосновенность Дании, последний ответил, что это было до войны, теперь же «если мы еще хотим поддерживать неприкосновенность датской монархии, так это именно потому, что мы так хотим, но мы к этому не обязаны» [2]. Бисмарк в пылу задора бряцает оружием и против Англии — это был все тот же метод шантажа и запугивания. На свидании с Александром II в Берлине 29 мая Бисмарк вновь пускает в ход свой излюбленный метод воздействия на Александра. Неудача Пруссии, говорил он, была бы в пользу революции, так как Пруссия все же выступает как защитница конвенции 1852 г., а Германский сейм, поддерживая герцога Августенбургского, действует революционным путем. В случае противодействия России ему, Бисмарку, предстоит стать на позицию сейма, т. е. революции; и Александр спешит похвалить Бисмарка за его взгляды и выразить желание, чтобы Пруссия всегда их придерживалась. Иезуитизм Бисмарка сказался и в том, что, пугая Россию своим возможным соглашением с Францией, он по сути дела это соглашение уже имел. Наполеон III, боясь возобновления Священного союза, считал выгодным поддержать Пруссию в вопросе о герцогствах и не дать ей превратиться в полного вассала России.

Конференция, запутавшаяся во всех противоречиях, в условиях явного нежелания России, а затем и Англии вмешаться в войну, по истечении перемирия разошлась.

Предоставленная самой себе, преданная державами Дания вынуждена была капитулировать и просить мира непосредственно у Пруссии и Австрии и уступить им герцогства. Бисмарк сделал первый шаг по пути объединения Германии «сверху». Но тут Австрия была уже не союзником, а врагом. Гаштейнская конвенция 1865 г. была лишь кратким перемирием. От Шлезвига путь вел к борьбе между Пруссией и Австрией из-за герцогства, к Садовой, но это предмет особой темы.

---

[1] См. ниже, стр. 75.
[2] См. ниже, стр. 87.

Бисмаркский путь разрешения международных противоречий, его методы шантажа и запугивания, игра на узкоклассовых интересах правящих сфер Европы — прельщают и по сей день его немецких фашистских почитателей и поклонников. Культ Бисмарка особо чтут в гитлеровской Германии. Следуя Бисмарку, Гитлер разыграл чехословацкую проблему и привел к Мюнхену. Но в современных исторических условиях политика шантажа и агрессии может дать лишь временные эффекты, и привести к дальнейшему обострению всех империалистических противоречий.

В Шлезвигском деле, при Садовой, Седане Александр II обеспечивал тыл Пруссии, а затем уже его преемнику пришлось вкусить сполна от «благодарности» Бисмарка в объятиях Франции и выразить сожаление по поводу своей позиции в 1864 г., давшей Пруссии выход из Балтики. Не меньше пришлось платить и Англии, которая вскоре увидела в Киле мощный германский военный флот, угрожавший ее безраздельному господству на Северном море. Шлезвиг-гольштинский вопрос показал, что политика уступок агрессии, как бы она ни объяснялась услужливыми политиками и историками, есть политика слабости, неизбежно оборачивающаяся затем против попустителей.

Публикуемые документы хранятся в Госархиве Внешней политики. Фонд «Канцелярия министра» (К), подлинники на французском языке. Подготовлены к печати научным сотрудником Госархива Внешней политики Е. Моровской.

С. Лесник.

Депеша посланника в Берлине Убри [1] министру иностранных дел Горчакову [2], 15/3 января 1864 г.*

Г-н вице-канцлер,

Вернувшись вчера в Берлин, я поспешил поставить в известность председателя Совета министров [3] о моем возвращении. Он принял меня сегодня утром за несколько минут до того, как отправиться к королю. Время, которое он смог уделить мне, было недостаточно, чтобы вникнуть во все подробности положения, но тем не менее я имел возможность составить себе полное представление о том, какое значение приобрел в настоящее время датский вопрос [4] и счел себя обязанным довести об этом до вашего сведения утренней телеграммой [5].

Г-н фон-Бисмарк только что получил донесение фон-Сидова [6] о состоявшемся накануне заседании сейма. Собрание отклонило предложение Австрии и Пруссии приступить к оккупации Шлезвига, чтобы поддержать Лондонский договор и заставить Данию отменить конституцию 18 ноября [7], которая, по мнению обоих немецких дворов, равносильна инкорпорации Шлезвига.

Дискуссия была чрезвычайно оживленной. Делегат Саксонии даже возражал против прохождения австрийских и прусских войск через Гольштейн. Г-н фон дер Пфордтен [8] несколько раз выражал свое глубокое сожаление по поводу разногласий, возникших в политических взглядах различных союзных дворов. Третьестепенные правительства присоединились к точке зрения второстепенных дворов и этим решили результат голосования. Некоторые из них высказались за то, чтобы безотлагательно приступить к рассмотрению проекта, внесенного представителем герцогства Гессенского [9].

Настроение большинства сейма, таким образом, выявилось с полной определенностью. Не остается никаких сомнений ни относительно ни-

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 17.

таемых ими намерений, ни в их совершенно твердом желании упорствовать в намеченном пути, не считаясь с советами и интересами обеих великих немецких держав.

«Теперь,— заметил Бисмарк,— мы совместно с венским кабинетом возьмем дело в свои руки и приступим к оккупации Шлезвига, поддерживая Лондонский договор, но требуя отмены конституции 18 ноября — иначе говоря инкорпорации Шлезвига. Наши войска находятся в пути и так расположены, что имеют возможность совершить оккупацию в самом близком будущем. Точно так же действует и Австрия. Мы ждем только подписания соглашения с венским кабинетом, который обусловит наши совместные действия. Этот акт был бы уже подписан, если бы не некоторые, впрочем, мало существенные, возражения короля».

Я спросил у председателя Совета министров, действительно ли эта оккупация состоится так скоро, как это, повидимому, вытекает из его слов, и не было ли послано Дании предварительного ультиматума. Он ответил положительно на первую часть вопроса, не уточняя, однако, даты; касаясь второй части добавил, что ультиматум сроком в сорок восемь часов будет послан в Копенгаген.

Я обратил внимание председателя Совета министров на опасности такого решения и на тягостное впечатление, какое произведет на Европу этот почти смехотворный ультиматум, так как он не предоставляет копенгагенскому кабинету даже материально-необходимого времени, чтобы приступить к проведению требуемых от него чрезвычайных мероприятий.

Но мои высказывания, князь, не произвели впечатления и это убедило меня в том, что я нахожусь перед решениями, тщательно обдуманными и бесповоротно принятыми. Я должен был из этого заключить, что они явились результатом многочисленных совещаний последних дней.

Ссылаясь на опасности, которые породило бы для европейского мира осуществление этих решений, я особенно отмечал недостаточно определившуюся позицию тюильрийского кабинета, на его недавней циркуляр к второстепенным дворам [10] и, наконец, на общественное мнение Франции, которое, хотя и весьма мирно настроено, но добровольно никогда не отдаст в жертву Данию. Это относится особенно к настроению армии.

Г-н фон-Бисмарк ответил, что, придерживаясь условий Лондонского договора и обосновывая оккупацию Шлезвига этим документом, он, главным образом, старается охранять недавно установившееся четверное согласие [11], и что он хотел-бы, чтобы ваше превосходительство было осведомлено об этом его стремлении и намерении.

Я его спросил, имеет ли он в виду тщательно уточнить в Лондоне эту точку зрения,— а это представляется мне особенно необходимым, так как английский кабинет, повидимому, не расположен столь же легко рассматривать оккупацию Шлезвига. Он уверял меня, что не преминул сделать это, и прибавил, что ему впрочем до сих пор неизвестен текст французского циркуляра второстепенным дворам, о котором и барон де-Таллейран [12] еще ничего не знает.

В течение нашей беседы г-н фон-Бисмарк несколько раз подчеркивал важность решения его кабинета придерживаться Лондонского договора. «Вы понимаете,— сказал он мне,— насколько проще для нас было бы отречься от него. Германия была бы тогда солидарной, а Францию мы, вероятно, имели бы на своей стороне». Однако, князь, это единство действий со стороны Германии было бы возможно только в том случае, если бы державы, подписавшие договор 1852 г., воспротивились принятым в Вене и Берлине решениям и заставили бы оба

великие немецкие двора присоединиться к политике большинства сейма. Этой опасности можно пока не бояться *. Но кто может предвидеть возможные последствия оккупации Шлезвига? К тому же такой способ поддерживать четверное согласие, на что имеет притязания председатель Совета министров, не является разве предназначенным как раз для того, чтобы скомпрометировать соглашение, бывшее до сих пор скорее фиктивным, нежели реальным,— более на словах, чем на деле?

Таким образом, принятые здесь решения невольно внушают мне серьезные опасения и я, к сожалению, должен заявить вашему превосходительству, что они приняты окончательно, что самые дружественные наши советы, не могли бы их поколебать и что, если Копенгаген не примет спасительного решения [13], которого мы уже давно тщетно добиваемся, все заставляет полагать, что Шлезвиг вскоре станет ареной серьезных и печальных событий **.

Убри.

Письмо министра иностранных дел Горчакова посланнику в Берлине Убри, 19/7 января 1864 г. ***

Пользуюсь проездом г-на Васильчикова через Берлин, чтобы переслать вам документы, из которых некоторые представляют особый интерес. Используйте их весьма осторожно в Берлине, в этом случае позвольте мне обратиться с призывом к вашему знанию местных условий и к вашему такту. Полагаю эта предосторожность вдвойне необходима в момент, когда г-н фон-Бисмарк переживает кризис, исход которого может поставить его в затруднительное положение [14].

Мое письмо к Бруннову от 30 декабря [15] дает вам тему, развивая которую вы можете доказать г-ну председателю Совета министров, насколько мы заботимся об укреплении его положения и вообще о сохранении между четырьмя великими державами согласия, которое представляется нам более чем когда-либо необходимым для интересов общественного порядка и независимости правительства. С этой, именно, целью мы отклонили английское предложение о посредничестве не-немецких дворов, которое раскололо бы Европу на два лагеря [16]; по этим соображениям, после того как венский и берлинский дворы решили оккупировать Шлезвиг, мы отказались от обращения к сейму, которое предложил нам британский кабинет и на что мы уже дали было наше условное согласие.

Как вы увидите из телеграммы барона Будберга [17], французское правительство согласилось на этот демарш, но при условии, что протест против вступления в Шлезвиг будет предъявлен раньше всего Берлину и Вене и лишь дополнительно, в более смягченной форме,— Франкфурту. Из-за этого оттенка, смысл которого не мог ускользнуть от нас, мы и решили отказаться от этой комбинации. Мы продолжаем ставить на первое место тесное соглашение между берлинским и венским кабинетами для того, чтобы достигнуть разрешения спора, опираясь на Лондонский договор и комбинируя его с интересами, которые оба великие немецкие двора призваны защищать. Такое же значение придаем мы развитию соглашения между четырьмя дворами и не перестаем посвящать этому все наши усилия.

Во имя этих соображений был задуман тот план, который я, по распоряжению императора, развил в моем письме к барону Будбергу [18], т. е. согласие на принятие собрания, предложенного Данией [19], подчи-

---

* Помета на полях Александра II: «конечно».

** Помета на полях Александра II: «Я также боюсь этого».

*** МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 19.

нение копенгагенского двора оккупации Шлезвига австро-прусскими войсками в качестве залога выполнения обещаний 1851—1852 гг.,— залога, не только не наносящего ущерба подписанному в Лондоне международному документу, но призванного обеспечить его осуществление путем удовлетворения всех заслуживающих уважения интересов.

Вот каким образом мы поняли намерения венского и берлинского кабинетов.

Английское правительство отклонило мысль о том, чтобы намекнуть копенгагенскому кабинету на необходимость подчиниться мирной оккупации Шлезвига, при наличии вышеуказанных оговорок. Оно считает эту комбинацию недопустимой, так как оно не уверено в намерении Пруссии. Так как берлинский кабинет действует заодно с венским, то это недоверие распространяется также на этот последний. Мы считаем необходимым, чтобы оба великие немецкие двора, не теряя времени, дали английскому кабинету заверения, могущие его успокоить, и мы полагаем, что они не колеблясь сделают это, ибо речь идет только о том, чтобы выразить свое мнение там, где это необходимо.

Соблаговолите говорить в этом смысле с г-ном фон-Бисмарком. Я просил г-на фон-Туна [20] телеграфировать об этом своему двору и сделаю то же самое по отношению к гр. Редерну [21] при первой же нашей встрече.

Изложенные мною выше соображения, равно как и мои письма к бар. Будбергу и к Бруннову, вполне введут вас в курс намерений нашего августейшего государя.

Оба великие немецкие двора, надеемся, убедятся, в какой степени мысли его величества императора заняты тем, чтобы облегчить им выполнение преследуемой ими тяжелой задачи, и насколько его величество преисполнено желанием перенести вопрос из круга скрещивающихся, а иногда и противоречивых интересов на такую почву, которая не задушила бы в зародыше установившееся было между четырьмя великими державами соглашение по вопросам значительно более серьезным, чем спор, волнующий умы на берегах Эйдера [22].

Горчаков.

Письмо министра иностранных дел Горчакова русскому послу в Лондоне Бруннову, 19/7 января 1864 г. *

Согласно одной из ваших телеграмм от 5-го лорд Россель [23] находит, что предложение, касающееся мирной оккупации Шлезвига, недопустимо, так как нам неизвестны намерения Пруссии.

Вы увидите из телеграммы Убри [24], что Пруссия, объявив оккупацию Шлезвига, заявляет о своем желании оставаться верной Лондонскому договору. А так как она выступает в полном согласии с Веной, то мы имеем право из этого заключить, что такова также и точка зрения Австрии.

Я навел г-д фон-Редерна и фон-Туна на мысль о том, чтобы они телеграфно предложили своим дворам сделать эту декларацию непосредственно Лондону и этим успокоить сомнения британского кабинета.

Я сказал этим господам, что мы во всяком случае приняли это заявление к сведению.

Горчаков.

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 81.

Депеша посланника в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 20/8 января 1864 г. *

Г-н вице-канцлер,

Беседуя со мною о современном политическом положении, г-н фон-Бисмарк заметил, что опасности, заключенные в нем, гораздо менее серьезны со стороны Дании, чем со стороны Германии и Франции.

Пока еще трудно определить, каков будет конечный результат противоречивых стремлений, нарушающих внутреннее спокойствие Германского союза, равно как и результаты поведения правительств центра и юга, втянутых в движение, которое овладело умами в Германии по вопросу о герцогствах.

Не менее трудно кажется ему предугадать, что решит окончательно тюильрийский кабинет, и не захочет ли он в конце концов воспользоваться этими внутренними затруднениями в своих собственных целях.

В Париже пока держатся миролюбиво, но, повидимому, желают сохранить свободу действий, не высказываясь ни за одну, ни за другую сторону. Резкость оппозиции, требующей свобод, представляется председателю Совета министров более опасной, так как она может породить у императора Наполеона желание искать отвлекающих средств военного характера [25]. Тем не менее у него такое мнение, что государь раньше попытается сговориться с Пруссией, но, в случае, если она ответит отказом на его авансы, он выступит против нее.

Г-н фон-Бисмарк жалуется на молчание, которое Англия и Россия хранят при настоящем осложнении датского вопроса и тех затруднениях, которые еще могут быть вызваны им.

«Мы ничего не упустим,— сказал он мне,— для того, чтобы удержать позицию, которая соответствует вашим интересам, равно как и интересам английского кабинета. Мы точно соблюдаем Лондонский договор с единственной целью: оберегать недавно достигнутое соглашение между четырьмя правительствами, и никто ничего не делает, чтобы поощрить нас на этом пути и облегчить наше положение.

Мы находимся перед альтернативой: либо сохранить Лондонский договор и соглашение, о котором я упомянул выше, идя на внутренние затруднения в Союзе и в конечном счете на возможные осложнения с Францией, либо расторгнуть договор, действовать заодно с остальной частью Союза, а возможно и с французским кабинетом. Второй путь значительно облегчил бы наше положение. Мы тем не менее отдаем предпочтение первому, но надеемся, что наши затруднения будут оценены как вами, так и английским правительством. А между тем со всех сторон мы встречаем одинаковое молчание. Требовать, чтобы мы охраняли Лондонский договор и его постановления, чтобы мы открыто выступали против Союза и общественного мнения, не оказывая нам в то же время содействия на этом пути и не давая нам ни малейшего удовлетворительного заверения,— это требовать от нас действительно слишком многого и слишком полагаться на наши силы».

В своих заключениях г-н фон-Бисмарк пошел еще дальше; с.-петербургский и лондонский дворы должны, по его мнению, не только быть благодарны прусскому кабинету за его теперешнюю позицию, но должны заверить его, если потребуется, в своей материальной помощи, в случае, если проводимая в настоящее время прусским кабинетом политическая линия приведет его к европейским осложнениям. Бисмарк на этом не настаивал, но ясно указал на возможность такого исхода.

Так как Бисмарк каждый раз возвращался к опасностям, которые

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 17.

возможны при занятой берлинским кабинетом позиции, и к вопросу о том, какие затруднения создаст для него наше молчание,— я осведомился относительно ответа английского правительства на заданный в свое время вопрос о решениях, которые были бы приняты Лондоном в случае, если бы император Наполеон вдруг решил произвести десант в Балтийском море. Стала бы Англия в таком случае защищать прусские берега?

«Ответ,— заметил председатель Совета министров,— был еще более туманным, нежели тот, который был дан С. Петербургу по аналогичному запросу вашего кабинета: гр. Россель ограничился замечанием, что он не предвидит таких случайностей.

Но,— продолжал г-н Бисмарк,— я также не имею ни малейшего представления о том, как вы оцениваете теперешнее положение и какова ваша позиция в виду возможных случайностей в будущем. Вот уже несколько недель, как Редерн мне не пишет, и от вас я не узнаю большего».

Я заметил министру-президенту, что вероятно и мы, как Англия, не считали необходимым заняться обсуждениями этих возможностей и что мне поэтому до сих пор не поручали сделать ему по этому поводу каких либо сообщений. «Я впрочем готов,— прибавил я,— поделиться с вами моими личными впечатлениями. По-моему мы находимся сейчас в положении аналогичном тому, в каком оказались вы, когда обсуждалась возможность французского десанта на наших балтийских берегах. Вы мне тогда ответили, что не можете дать немедленного ответа, что это будет зависеть от последующих событий и от положения, которое создастся в результате их, но возможно, что форс-мажор принудит вас к активному вмешательству [26]. Мне кажется, что наше теперешнее положение похоже на ваше. Мы будем приветствовать ваши успехи, если Франция попытается использовать теперешние затруднения. В случае неудач,— ведь надо учитывать возможности всяких случайностей,— мы посмотрим, что нам следует предпринять. Быть может условия форс-мажора заставят нас не допускать французские войска на берега Вислы. Но все это, повторяю, является только моими личными впечатлениями и, кроме того, стоит ли уже теперь обсуждать столь отдаленные возможности?»

Председатель Совета министров ответил, что положение, однако, не совсем одинаковое, так как в свое время он обусловил окончательное поведение Пруссии позицией Австрии. При возражениях, может быть даже при враждебном отношении со стороны этой державы, королевское правительство, очевидно, ничего не могло бы сделать. В настоящее время Австрия выступит заодно с Пруссией; это, по его мнению, видоизменяет соответствующие положения и должно было бы оказать свое влияние на решения императорского кабинета.

Избегая, князь, продолжения этой дискуссии, я поспешил перевести разговор на другую тему.

Смею надеяться, что ваше превосходительство одобрит те немногие, высказанные мною, личные мнения, от чего я не имел возможности уклониться при той настойчивости, какую проявил г-н фон-Бисмарк.

В результате этой беседы у меня создалось впечатление, что наше молчание стесняет прусский кабинет и что он предпочел бы, чтобы мы высказались благоприятно о его позиции по отношению к Лондонскому договору и в таких выражениях, которые связывали бы наши последующие решения.

Убри.

Помета Александра II: «Мы уже сказали все, что можно было сказать».

Письмо посланника в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 23/11 января 1864 г. *

Ваше сиятельство,

Получив из парижского посольства извещение о приезде курьера, я поспешил переслать с ним наши сообщения, чтобы осведомить ваше превосходительство о настроениях, царящих в прусском кабинете. Мои сегодняшние донесения дают отчет о том, как принял г. Бисмарк наши предложения.

Во время беседы он снова вернулся к нашей позиции относительно корректности Пруссии, придерживающейся основ Лондонского трактата. На его взгляд, мы не сможем покинуть его в случае войны с Францией, и когда я ему заметил, что у нас достаточно внутренних забот [27], чтобы мы захотели еще активно вмешаться в чужие дела и что поэтому ему не следует строить расчетов на нашу материальную помощь, он возразил мне:

«Это как раз обычная точка зрения короля. Его величество полагает что у вас слишком много внутренних затруднений и потому вы не можете быть активными союзниками. Я постоянно оспариваю это мнение и стараюсь доказать противоположное. Но вам с вашей стороны не следует распространять взгляды, подобные взглядам короля. Разве вы можете остаться равнодушными зрителями, если, например, Франция займет Данциг».

Я ответил, что Россия, по моему мнению, в данную минуту очень сильна, и поэтому я не могу разделять взгляда тех, кто думает, что мы слабы или бессильны, но что у нас в самом деле много внутренних задач, требующих разрешения, и это может побудить нас остаться пассивными.

Эти замечания, князь, всегда говорятся вскользь, но так как г-н Бисмарк часто к ним возвращался, мне показалось, что следует их вам передать.

Сегодня был у меня с визитом ген. Габленц, командующий прусскими оккупационными войсками. Он просил меня засвидетельствовать вам чувства его глубокого почтения. Он также говорил в духе председателя Совета. «Пора,— сказал он мне между прочим,— вернуться к прежнему союзу [28]. Времена переменились, и он может установиться на других, более либеральных основах; но географические и политические условия остались прежние. Мы втроем представляем непреоборимую силу, которую Франция даже с помощью революционеров не сможет поколебать. Вернемся же к рациональной системе союзов, к нашим прежним добрым отношениям».

Поразительно сходство между словами председателя Совета и г-на Габленца. Не кажется ли вам, князь, что к нам возвращаются по мере того, как начинают ощущать нужду в резерве, который когда-то обеспечивал безопасность Германии, и что, намереваясь сделать вылазку на дальней северной окраине **, они чувствуют себя несколько нетвердо между нашей неподвижностью, с одной стороны, и молчанием Франции, с другой.

Но в словах как того, так и другого легко можно прочитать мысль о возможном братстве по оружию.

Не предполагая пока, что император Наполеон позволит склонить себя к вмешательству в осложнения, которые может вызвать датский вопрос, имеется все же одно соображение, которое мы не должны

---

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 17.

** Помета Александра II: «Как всегда, они о нас вспоминают только тогда, когда они чувствуют себя в опасности».

упускать из виду, а именно, что разгром Пруссии и Австрии снова поставит нас лицом к лицу с Францией. Позиция же имп. Наполеона в польском вопросе не позволяет нам питать ни малейшего сомнения относительно последствий такого соседства [29]. И германский, и венский кабинеты прекрасно это понимают и, как видно, на такого рода соображениях базируют свои надежды и свои расчеты.

Что касается меня, князь, то я не стал бы утомлять вас предположениями о событиях еще далекого будущего, если бы не был твердо уверен, что сопротивление Германии было бы совершенно бессильно остановить поток, хлынувший от берегов Сены, в том случае, если бы он когда-нибудь направился в нашу сторону.

Депеши барона Николаи [30] заставляют предполагать о более миролюбивых решениях в Копенгагене. Но почему там всегда с таким опозданием принимают хорошие решения? *

Слово своевременность повидимому не входит в датский лексикон.

Убри.

Депеша посланника в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 23/11 января 1864 г. **

Господин вице-канцлер,

Сегодня утром я отправился к председателю Совета министров, чтобы передать ему сообщения, как это вашему превосходительству угодно было предписать мне в письме от 7 текущего января ***.

Сказав ему, что императорский кабинет преисполнен желанием оберегать принципы недавно достигнутого соглашения, а также упрочить его личное положение, я устно перечислил ему различные предложения, сделанные в последнее время по датскому делу.

Предложение английского кабинета о посредничестве не-немецких дворов было отклонено императорским кабинетом как неприемлемое в виду того, что [illegible]. Г-н фон-Бисмарк был уже осведомлен Редерном о нашем отказе.

Следующее предложение — обращение к общегерманскому сейму, на что мы первоначально согласились, также было отклонено, вследствие предложения г-на Друэн де-Люиса [31] направить берлинскому и венскому дворам предварительный протест против оккупации Шлезвига. Мы предпочли не солидаризировать нашим согласием демарш, цель которого представляется сомнительной.

Доведя эти подробности до сведения председателя Совета министров, я в то же время обратил его внимание на нюансы, которые я с некоторого времени стал замечать в выражениях французского посла, внезапно сделавшегося более расположенным к Дании.

Он мне ответил, что он сам заметил это, что так же обстоит дело и с французскими официозными газетами и что поведение тюильрийского кабинета, повидимому, изменилось с тех пор, как второстепенные дворы оказали холодный и сдержанный прием недавнему циркуляру г-на Друэн де-Люиса [23].

После этого я заметил г-ну фон-Бисмарку, что мы ставили на первое место тесное согласие берлинского и венского дворов в разрешении спора опираться на Лондонский договор и комбинировать его с интересами, которые оба великие немецкие двора призваны защищать.

В связи с этим я его познакомил с планом соглашения, формулированным в этом духе императорским кабинетом. План этот, без ущерба для Лондонского договора и удовлетворяя все заслуживающие внима-

* Помета Александра II: «К сожалению, это правда».
** МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 17.
*** См. выше стр. 61

ния интересы, имея в виду с одной стороны, принятие предложенной Данией конференции, а с другой — примирение копенгагенского двора с фактом оккупации Шлезвига в качестве гарантии выполнения обязательств 1851—1852 гг.[33]

В заключение я прочел министру письмо вашего превосходительства от 7 января.

Так как я сделал некоторые заметки, извлеченные из писем вашего превосходительства, для того, чтобы передать наши сообщения с большей точностью, то председатель Совета министров с своей стороны записал текст двух пунктов. Я не усмотрел никакого неудобства в этом и дал ему возможность скопировать выражения, в которых мы высказали наше согласие на предложение датского правительства о конференции.

Таким образом, князь, я придал нашим сообщениям достаточную полноту, исключив, однако, все то, что не имеет непосредственного отношения к делу герцогств и относится скорее к общим соображениям, или к частным подробностям. Г-н фон-Бисмарк принял наши предложения с удовлетворением.

Идея примирения Дании с фактом оккупации Шлезвига была для него неожиданной; по его мнению она представляет неоспоримые выгоды. Впрочем, он меня просил рассматривать это, как его личное и частное мнение, составленное вне официальных точек зрения.

Позволительно, однако, еще сомневаться в возможности практического осуществления этой комбинации. Захочет ли Дания отказаться без сопротивления от важных позиций, созданных давно и с огромными затратами, и как раз в виду возможностей, которые имеют место в настоящий момент? Сможет ли она согласиться на оккупацию половины своей территории, что обезоружит ее и поставит, так сказать, в полную зависимость от Германии? Трудно допустить, что она пойдет на это, не получив по крайней мере взамен положительных гарантий со стороны держав, которые стали бы ей советовать отказаться от большей части ее материковых владений.

Здесь продолжают считать, что Дания воспротивится оккупации Шлезвига. По словам председателя Совета министров, последние сведения, сообщенные ему гр. фон-Карольи[34], убеждают его в том же.

Как бы то ни было, князь, честь этой комбинации, задуманной в целях мира и согласия, которая принадлежит императорскому кабинету и было бы желательно, чтобы она оказалась приемлемой как для Дании, так и для других дворов, которым мы сделали это предложение.

Убри.

Депеша посланника Убри министру иностранных дел Горчакову, 25/13 января 1864 г.*

Г-н вице-канцлер,

Вследствие полученного в Лондоне и Париже известия о созыве датского ригсдага для изменения или отмены конституции 18 ноября, правительства Англии и Франции предложили своим послам просить Пруссию отсрочить на шесть недель оккупацию Шлезвига.

Сэр А. Бьюкенен[35] сформулировал свою просьбу письменно для того, чтобы, с одной стороны, согласно желанию председателя Совета министров, оставить в его руках письменное сообщение, а с другой, — имея в виду парламентскую оппозицию и осторожность, какая в таком деликатном вопросе требуется положением британского министерства, а также чтобы использовать это письмо в синей книге[36], которую оно при случае представит палатам по датскому вопросу[37].

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 17.

Барон де-Таллейран сделал свое сообщение устно. Как ему угодно было мне рассказать, г-н фон-Бисмарк тотчас же ответил, что позиции обоих германских дворов по отношению к Германскому союзу и к общественному мнению вероятно помешает им уступить желанию Франции, что предшествующие отношения Дании с Германией не таковы, чтобы поощрять обе державы к дарованию новых отсрочек, что их теперешний образ действия и сроки, в течение которых должна была быть проведена оккупация Шлезвига, являются утверждением Лондонского договора и обязательств 1852 г.; что европейские дворы, выдвигая возражения против проектируемой оккупации, или создавая препятствия обеим державам, заставят их отказаться от политических принципов, которые они провозгласили, что в таком случае он сам вероятно будет посоветовать королю изменить эти принципы и принять точку зрения Союза для того, чтобы оказаться в согласии с Германией.

Барон де-Таллейран пытался доказать председателю Совета министров, что предложение о новой отсрочке на шесть недель не только не создает затруднений для обоих великих держав, но, наоборот, облегчает их задачу, так как речь идет о том, чтобы предоставить копенгагенскому кабинету время для проведения требуемых от него уступок. В заключение г-н фон-Бисмарк оставил за собой право получить распоряжения его величества сговориться с венским двором и обещал французскому послу дать устный ответ после того, как увидит короля.

Убри.

Депеша посланника Убри министру иностранных дел Горчакову, 28/16 января 1864 г.

Г-н вице-канцлер,

Согласно телеграммы, которую ваше превосходительство оказало мне честь прислать сегодня утром[38], я поспешил испросить свидания у председателя Совета министров. Он пригласил меня к себе сейчас же, не взирая на срочные дела, которые помешали ему принять сэра Бьюкенена.

Я ему прочел вашу телеграмму, которую я заранее переписал, чтобы иметь возможность оставить ее у него в руках.

После некоторых колебаний и, сознаюсь, мало утешительного вычисления дат, касающихся подготовляемых решений, г-н фон-Бисмарк заметил, что он не ожидает в течение недели ускоренных событий, если не будет на это прямых приказаний короля, или выходки маршала Врангеля[39], всегда ищущего популярности.

Так как я горячо настаивал, он в конце концов попросил меня оставить ему текст вашей телеграммы, чтобы довести ее до сведения короля, которого он должен был увидеть утром. Я счел себя обязанным удовлетворить его просьбу.

Затем г-н фон-Бисмарк сказал мне, что он занят составлением ответа, который он собирается дать английскому кабинету относительно неприкосновенности датской монархии.

«Вот уже восемь дней,— продолжал он,— как я добиваюсь этого у короля и не достиг до сих пор удовлетворительного результата; сегодня я решил сделать это вопросом кабинета и в конце концов, если понадобится, созвать с этой целью у его величества совет министров. Мне удалось добиться полного согласия по этому вопросу, но не без труда удалось мне привлечь моих коллег к декларации, которую я собираюсь составить в ответ на английский запрос. Оппозиция гр. Ит-

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 17.

цеплитца[40] была тягостна, но мне удалось устранить ее. Надежда добиться успеха заставила меня даже отложить до завтра свидание с английским послом, и я буду вам благодарен, если вы при встрече с ним сообщите ему эти подробности».

Я выразил председателю Совета министров свое удовлетворение этими сведениями, настаивая в то же время на том, что заверения, которые он собирался дать британскому кабинету, должны быть даны срочно. В то же время я сказал ему, что поспешу ознакомить сэра А. Бьюкенена с подробностями, которые он мне только что сообщил по этому вопросу.

Говоря мне о своем намерении признать принцип неприкосновенности датской монархии, г-н фон-Бисмарк весьма конфиденциально сообщил мне, насколько сильно сопротивление короля в этом вопросе. «Я скорее отрекусь от престола»,— сказал ему недавно король в момент возбуждения и уныния.— Председатель Совета министров надеется тем не менее преодолеть это сопротивление и добиться принятия его величеством этой комбинации.

«Главное,— продолжал он,— заключается в том, чтобы угрозами не пытались заставить нас отказаться от оккупации Шлезвига. В настоящее время это невозможно. Король видит в этом вопрос личной чести и не считает поэтому возможным итти на уступки».

«Надо в особенности,— прибавил он,— не терять из виду, что в данном случае имеются только две возможности: отречение его величества, столь уставшего, соскучившегося и утомленного всеми этими осложнениями, так же как и положением дел внутри страны, или же возврат к Германии и Союзу, с либеральным министерством, ибо совершенно очевидно, что мы не могли бы проводить политику, диаметрально противоположную той, которой мы до сих пор следовали. Королю тогда понадобились бы люди другого направления и пользующиеся полным доверием страны. Но их первым действием, не будем себя обманывать, был бы союз с Францией.

Оккупация Шлезвига на консервативных основах, враждебных теперешним проискам, с сохранением Лондонского договора и неприкосновенности датской монархии,— вот наша программа. Разве не в интересах европейских держав дать нам возможность осуществить ее?»

Я ответил председателю Совета министров, что не признаю необходимости перечисленных им крайних мер и что при некоторой уступчивости можно было бы избежать многих неудобств. В то же самое время я еще выразил ему свое сожаление по поводу непринятия во внимание отсрочки, которую просила Дания, если не во всем ее объеме, то, по крайней мере, как я позволил себе это заметить, хоть на несколько недель. Наконец, я указал, что союз с Францией представляется мне более чем сомнительным, даже при обстоятельствах, указанных им, так как совершенно очевидно, что императору Наполеону в этом случае было бы гораздо легче привлечь на свою сторону противников Германии, так как от Германии ему вовсе было бы нечего ожидать компенсаций.

Г-н фон-Бисмарк пытался опровергнуть эту теорию, но делал это неясно и не уточняя своей мысли. Полагаю, не ошибусь, утверждая, что по его замыслу основа такого союза покоилась бы на уступках и территориальных обменах, полюбовно согласованных.

В заключение я еще раз настаивал на важности телеграммы вашего превосходительства, совпадающей с довольно тревожными частными сведениями из Лондона. Этот факт, поставленный мною на вид, казалось, произвел на него некоторое впечатление, хотя он вообще мало доступен такого рода влияниям.

Покинув г-на фон-Бисмарка, я отправился к сэру Бьюкенену и сообщил ему подробности, которые председатель Совета министров поручил мне передать ему. Он немедленно телеграфирует их своему правительству. Было бы желательно, чтобы эти предварительные заверения произвели в Лондоне благоприятное впечатление, успокоив раздражительность английской официальной прессы. Прочитав мне сегодня утром очень резкую статью в «Times», сэр А. Бьюкенен, между прочим, отметил в ней несколько фраз, почти дословно заимствованных из депеш гр. Росселя.

Убри.

Письмо министра иностранных дел Горчакова посланнику в Берлине Убри, 28/16 января 1864 г. *

Уведомляю вас о получении ваших депеш от 8/20 и 11/23 января. Они тотчас же были представлены государю императору. Многие вопросы, поставленные вами в первой депеше, еще до получения писем, доверенных г-ну Васильчикову, будут разрешены и освещены после того, как эти письма вы получите. Я хочу, однако, ответить в целом, ограничиваясь главными моментами, чтобы, поскольку это в моих возможностях, распутать положение вещей, на которое нельзя пролить света иначе, как упрощая его и не уклоняясь от некоторых определенных принципов. Не буду возвращаться к желанию нашего августейшего государя облегчить задачу обоих немецких дворов, старающихся примирить принятые ими на себя международные обязательства с внутренними затруднениями и возбуждением умов в Германии. Моя предыдущая переписка давала вам достаточно доказательств этого желания.

Г-н председатель Совета министров кажется озабоченным опасностями, будто бы угрожающими Пруссии со стороны Франции, и намекает, не высказываясь определенно, на идею морального и материального соглашения между нами, Пруссией и Австрией, как на лучшее средство уменьшить серьезность этих опасений.

Мы далеки от того, чтобы отвергнуть мудрость таких предвидений. Но мы считаем, что существуют опасности, которые вызывают тем, что открыто готовятся вести с ними борьбу.

При современном хаосе в принципах и во взаимоотношениях было бы слишком рискованно пытаться предсказывать будущее. Можно, однако, уловить в этом отношении некоторые проблески, изучая данные, которые представляются нам в настоящее время.

Каково поведение французского правительства в настоящее время? Каковы цели, к которым оно должно стремиться? Тюильрийский кабинет очевидно выжидает. Он не отказывается от обязательств, которые он взял на себя Лондонским договором. Он обещает дипломатически их поддерживать. Но он сохраняет свободу действий, когда английское правительство просит у него материального содействия. Пока Франция верит в серьезность соглашения между четырьмя великими дворами, она будет искать союзников среди ультра-либеральных и революционных элементов, не скрывая от себя сравнительной слабости этой опоры перед лицом сплоченного союза четырех великих дворов. Циркуляр г-на Друэн де-Люиса второстепенным германским государствам, авансы французской прессы стремлениям национальностей относятся к тому этапу, когда это соглашение не казалось нарушенным. С того момента, когда проектированная оккупация Шлезвига австро-прусскими войсками и отказ предоставить копенгагенскому ка-

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 19.

бинету отсрочку, необходимую для осуществления объявленных им уступок, дали почувствовать французскому кабинету возможность серьезного разногласия, быть может даже разрыва между Англией и обоими великими немецкими дворами, тюильрийский кабинет стал более расположенным к Дании, и французские газеты, быть может получив соответствующий лозунг, последовали этому примеру.

Отсюда мы без особого риска можем заключить, что позиция французского правительства окончательно определится в зависимости от взаимоотношений, которые установятся между четырьмя великими державами. Конечно, в Париже прекрасно дают себе отчет в том, что сохранение и развитие тесного соглашения было бы для современной французской власти наиболее неблагоприятной комбинацией. Если бы тюильрийскому кабинету удалось предотвратить его развитие или может быть даже разрушить его основы, это было бы для него, несомненно, самым ценным достижением.

Вот почему в интересах Пруссии, которой, как вы знаете, принадлежат все симпатии императора, равно как и в интересах всеобщего мира, мы неизменно настаивали на необходимости таким образом проводить датский вопрос, чтобы не оторвать Англию от обеих великих немецких дворов. Мы настаиваем на том мнении, что при настоящем состоянии Европы это соображение должно доминировать над всеми остальными.

Мы сомневаемся, чтобы настроение общественного мнения в Англии, интересы этой страны, стремление теперешних министров королевы Виктории сохранить власть, могли бы позволить им смотреть со скрещенными руками на все, что бы ни происходило в Дании.

Если все предложения английского кабинета и впредь будут отклоняться, если верность Лондонскому трактату договаривавшихся сторон будет подвергнута сомнению, то английские министры поневоле могут быть доведены до того, чтобы принять соглашение с Францией, соглашение, которое им на берегах Сены всячески будет облегчено; тогда Европа расколется на два лагеря, а великие интересы, которые мы намерены были охранять, подвергнутся серьезной опасности.

Лорд Нэпир[42] направил мне от имени своего правительства запрос, который первый статс-секретарь ее британского величества разослал также и другим дворам, подписавшим Лондонский договор, расположены ли державы, подписавшие этот договор, к материальному сотрудничеству в случае, если бы попытались окончательно оторвать герцогства на Эльбе от датской монархии[43]. Английский посол прибавил, что это сотрудничество потребовалось бы только в том случае, если бы Германия не удовлетворялась выполнением обязательств, взятых на себя Данией в 1851—1852 гг.[44].

Выше я вам уже цитировал ответ г-на Друэн де-Люиса. С своей стороны, мы в своем ответе лорду Нэпиру ограничились двумя вопросами, а именно: 1) я его пригласил испросить у своего правительства уточнения рода и силы материальной помощи, которую английские министры в случае надобности окажут Дании, 2) решило ли английское правительство оказать Дании материальную поддержку даже в том случае, если бы некоторые из держав, подписавших Лондонский договор, уклонились от участия в этом.

Так как демарш, предпринятый лордом Нэпиром, был предписан ему по телеграфу, с указанием, что за этим немедленно последует депеша, то я еще добавил, что решения такой важности не могут быть приняты по тексту телеграммы, всегда неполному вследствие лаконизма, и что помимо ответов на поставленные нами вопросы мы будем ждать еще прибытия депеши.

При таком положении вещей мы, взывая к благоразумию берлинского и венского дворов, горячо рекомендуем им успокоить британский кабинет не в двусмысленных и требующих толкования выражениях, но ясным и точным образом, относительно верности своей к сохранению Лондонского договора в случае, если Дания выполнит обязательства 1851—1852 гг.

Нельзя по совести рекомендовать копенгагенскому кабинету подчиниться мирной оккупации Шлезвига, т. е. со связанными руками отдаться на милость великих немецких дворов, если нет возможности дать ему солидных и реальных гарантий в том, что это преходящее положение сохранит неприкосновенность датской монархии. Согласно демаршам, сделанным как в Берлине, так и в Вене, мы имеем основание заключить, что точка зрения обоих великих немецких дворов не перестала быть именно такой: они оба торжественно объявили, что оккупируют Шлезвиг только для того, чтобы иметь залог выполнения этих обязательств. Выражая им вышеизложенное желание, мы, следовательно, просим только придать подтверждаемой ими обоими мысли официальный характер и практическое значение, что существенно будет содействовать сохранению всеобщего мира.

В своих заботах о сохранении этого мира они взвесят, не ограничиться ли, раз речь идет об одном лишь залоге, оккупацией части Шлезвига, отказавшись от нападения на Даневерк[15], который является последним оплотом материальной независимости Дании и сдача которого могла бы казаться копенгагенскому двору уступкой, невозможной при столь неопределенном положении вещей и в виду раздражения общественного мнения.

В ваших письмах и депешах содержатся точки зрения, которые вам были высказаны отчасти председателем Совета министров, отчасти же генералом Габленцом, о различных способах разрешения датского вопроса.

Мы полагаем, что все эти вопросы естественно найдут себе место на конференции, о которой г-н Кваде[16] повидимому решил вновь просить в более ясных выражениях, и именно в том направлении, в каком мы сформулировали наше согласие.

Вы знаете эту формулу по моим предыдущим сообщениям. Мы не находим достаточно горячих выражений в защиту идеи этой конференции перед правительствами, к которым обращена будет просьба.

Горчаков.

Депеша посланника в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 31/19 января 1864 г.

Господин вице-канцлер.

Сегодня утром я передал сообщения, которые вашему превосходительству угодно было приказать мне передать в письме от 16 января. Г-н Бисмарк несколько раз прерывал чтение вашего письма, чтобы выразить свое полное согласие с взглядами, в нем изложенными.

Он заявил мне, что разделяет вашу точку зрения насчет того, что следует оставить в стороне всевозможные предвидения соглашения между тремя консервативными дворами, а равно и суждение вашего превосходительства относительно выжидательной позиции французского правительства, и затем добавил:

«Аргументы, приводимые князем, являются как раз теми аргументами, какие я постоянно привожу королю. Но я только даром трачу

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 17.

слова, нисколько не продвигаясь в направлении преследуемой мной цели. Мне во что бы то ни стало необходимо иметь возможность прочесть этот документ королю. Даю вам честное слово, что я не сохраню копии его и что только король будет ознакомлен с ним».

В интересах того воздействия, которое мы стараемся оказать на решения прусского правительства, я нашел, что не следует отказывать в этой просьбе, имея в виду формальное обещание председателя Совета министров.

Относительно необходимости срочно созвать конференцию на основаниях, изложенных в нашем акте согласия, г-н Бисмарк заявил мне, что Пруссия со своей стороны отнюдь не отказывалась от участия в таковой; что ей в этом случае придется уточнить status quo в интересах тех требований, которые она могла бы поставить перед Данией. Он, однако, не настаивал на этом пункте и добавил, что возможно будет вести переговоры, продолжая военные действия. «Быть может,— заметил он,— конференция примет некоторые оговорки относительно границ Ютландии, и выскажется за поддержку военных действий обоих держав за пределами Ютландии». Я ответил, что эта конференция, возможно, начнет, подобно тому как это имело место в других случаях, с требования прервать враждебные действия. В этом случае обе армии сохранят свои соответственные позиции, и это позволит союзной армии оккупировать Шлезвиг за линией Даневерк.

Абзац письма вашего превосходительства, который относится к этому вопросу, был единственным пунктом, встретившим возражения со стороны председателя Совета министров. Он заметил, что король никоим образом не согласится на вашу комбинацию, которая, с его точки зрения, явилась бы посягательством на честь армии. Его величество все время держался в этом отношении весьма недвусмысленно. «К тому же,— добавил г-н Бисмарк,— Даневерк находится на расстоянии одного перехода от Эйдера. Как же мы в таком случае сможем оккупировать Шлезвиг, не занимая этих укреплений?».

Я посему, ваше сиятельство, полагаю, что подобная комбинация могла бы стать возможной лишь в том случае, если бы она явилась следствием выступления держав, уже собравшихся на конференцию.

Основываясь на письме вашего превосходительства, я снова настаивал на необходимости положительных и достаточных гарантий, которые могли бы успокоить весьма сильное беспокойство английского правительства.

Г-н Бисмарк ответил, что он над этим работает беспрестанно, но встречает то же противодействие со стороны короля, который не желает изъявить формального согласия принципу неприкосновенности датской монархии в выражениях, которые могли бы окончательно связать его будущие решения и собственную будущность. В конце концов он поставил свое поведение в зависимость от поведения Австрии; ждут решения венского кабинета, прежде чем высказаться окончательно. В виду этого ожидания назначенное на вчера заседание Совета министров было отложено. Г-н Бисмарк подтвердил мне, что он и его коллеги решили сделать вопрос о согласии на неприкосновенность датской монархии министерским вопросом. За последние 15 месяцев, заявил он, мы ни разу не высказывались так положительно и король должно быть понял, сколь серьезно наше решение.

Эти слова, ваше сиятельство, свидетельствуют, по-моему, о том, что министры на самом деле категорически высказались на счет требуемых Англией гарантий, но об их намерении подать в отставку в случае отказа его величества формально еще не было заявлено. Это нюанс, значение которого не следует упускать из виду.

Засим председатель Совета министров зачитал мне проект заявления, который он представил его величеству и который должен еще явиться основой для последующего обсуждения.

Первая часть проекта является положительной, точной. В ней признается принцип неприкосновенности, хотя и в связи с сохранением обязательств 1852 г. Вторая часть менее удовлетворительна. Здесь, говоря о возможности войны с Данией, устанавливается, что в этом случае Пруссия должна будет сговориться с европейскими державами относительно будущего положения датской монархии. Редакция этой условной части проекта декларации не совсем ясна, по-моему, и оставляет желать многого.

Я счел своим долгом не скрыть от премьер-министра, какое впечатление произвел на меня его проект. Он заметил, что только при помощи этой второй части, представляющей собою оговорки, ему удастся добиться от его величества принятия всего проекта, и чтобы дать мне доказательство того, с какими трудностями ему приходится бороться, он мне зачитал проект, который, действительно, был менее двусмыслен; этот проект был отвергнут.

Таким образом, эта декларация, выраженная в форме условной, не достигнет полностью цели, какую преследует своим требованием английский кабинет. «Зачем требовать от нас,— добавил председатель Совета министров,— столь положительных заявлений, сделать которые для нас весьма трудно. Не лучше ли было бы прибегнуть к конфиденциальным сообщениям, обращаясь к нашей добросовестности».

Очевидно, требование Англии стесняет прусское правительство, которое в настоящий момент скорее хочет локализовать войну, нежели предупредить ее.

«Дайте нам,— заявил мне между прочим председатель Совета министров,— обменяться с Данией несколькими пушечными выстрелами. Ситуация от этого только станет более ясной. Король в особенности стоит за то, чтобы военные действия его армии могли осуществиться».

Следует, таким образом, ожидать в скорости военных действий, и хотя г-н Бисмарк, сославшись на то, что он не знает, какие решения приняты его величеством и главнокомандующим, не захотел ответить на мой вопрос, когда обе армии начнут свои операции,— тем не менее очевидно, что мы накануне начала близкой кампании.

Во время нашей беседы председатель Совета министров упомянул о своем проекте личной унии для обоих герцогств. Он хотел бы знать наше мнение по этому вопросу. Я ответил ему, что не могу высказаться по этому вопросу. Этот вопрос, очевидно, будет составною частью европейской дискуссии, которая когда-нибудь возникнет по вопросу о герцогствах *.

Убри.

Письмо министра иностранных дел Горчакова поверенному в делах в Берлине Моренгейму, 11 февраля/30 января 1864 г. *

Мне незачем возвращаться к жгучему вопросу момента. Взгляды государя императора вам своевременно сообщались в течение различных фаз, через какие проходил датский вопрос.

Ограничусь тем, что начну с пункта, до которого он дошел на сей день.

Вступление австро-прусских войск в Шлезвиг — факт совершившийся [47]. Оккупация этой страны также не замедлит стать совершившимся

* Помета Александра II: «Хорошо ответил».

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 19.

фактом. Обе великие немецкие державы таким образом достигли или вот-вот достигнут цели своей военной демонстрации против Дании, цели, о которой они заявили другим державам, подписавшим Лондонский трактат, т. е. получение залога, который гарантировал бы выполнение копенгагенским двором обязательств, принятых им на себя в 1851—1852 гг.

Г-н Бисмарк и г-н граф Рехберг[48] без сомнения припомнят, что желая, чтобы датскому министерству был предоставлен срок, который фактически позволил бы ему, не прибегая к государственному перевороту, выполнить данное им обещание — испросить у ригсдага отмены конституции 18 ноября,— мы с самого начала не возражали и не ставили препятствии вступлению австро-прусских войск в герцогство Шлезвиг. Государь император доверял декларациям, какими обе великие немецкие державы сопроводили эту меру. Мы склонились к тому, чтобы усмотреть в этом средство, могущее примирить права, освященные трактатом, заключенным между всеми европейскими великими державами, со справедливыми требованиями Германии, усмотреть в этом барьер против революционной агитации, которая судьбы герцогств, расположенных на Эльбе, сделала своим знаменем; усмотреть в этом шанс на устранение опасности, которая угрожала всеобщему миру; усмотреть в этом, наконец, средство для сохранения в неприкосновенности согласия между консервативными державами, начало которому мы столь счастливо установили и в котором мы продолжаем видеть комбинацию для спокойствия всего мира и для благоденствия великих интересов общества, что должно, по нашему мнению, занимать первое место в заботах государственных людей нашего времени.

Его величество, государь император, неизменно держится тех же убеждений, сохраняя ту же веру в благородство взглядов и лойяльность германского и венского дворов.

Если исходить из этого убеждения, как основы для наших политических расчетов, то решение сложных, волнующих Европу вопросов в высокой степени упростится.

Венский и берлинский кабинеты уже передали лондонскому кабинету декларацию, гласящую, что вступление австро-прусских войск в Шлезвиг не имеет иной цели, кроме гарантии выполнения обязательств, принятых в 1851—52 гг.[49].

Министры королевы Виктории использовали эту декларацию в первом же заседании парламента, при чем, однако, в речах лорда Пальмерстона и лорда Росселя имелся некоторый нюанс; нам было бы желательно, чтобы текст австро-прусской декларации не давал для него повода[50].

Нынешний британский кабинет настроен миролюбиво. Его намерение избежать конфликта с Германией не может быть поставлено под сомнение; но нам представляется, что было бы неблагоразумно предполагать, что он сохранит такое поведение в любом случае. Посему, в виду серьезности вопроса, следовало бы, по нашему мнению, не упускать из виду того, что могло бы облегчить британскому кабинету эту задачу и в первую очередь продолжать успокаивать его насчет мотивов, вызвавших вступление в Шлезвиг австро-прусских войск.

Я по телеграфу известил вас о том, что английский кабинет внес в Вене предложение о перемирии и что г-н граф Рехберг принял это предложение под условием, что датчане, эвакуировав Шлезвиг, отойдут на остров Альзен.

Государь император приказал вам поддержать это предложение в Берлине. Нам хотелось бы надеяться, что оно будет принято. В самом деле, раз Шлезвиг оккупирован австро-прусскими войсками, то цель их вступления в герцогство достигнута. В этом случае берлинский и

венский кабинеты имели бы тот залог, который гарантирует им выполнение обязательств 1851—52 гг. Не только Россия и Англия своими самыми энергичными усилиями будут содействовать достижению этого результата, но он, очевидно, точно так же входит в теперешние намерения копенгагенского кабинета. Мы поэтому никак не могли бы понять мотивов, которые побуждали бы отказать в перемирии, предложенном английским кабинетом, и в то же время не принять предложения о конференции, предложения, только что возобновленного датским министерством в выражениях, теперь исключающих всякую двусмысленность.

Если бы берлинскому и венскому кабинетам угодно было согласиться с этим ходом мыслей, то теперешний конфликт был бы направлен по пути обычного решения и обе великие немецкие державы своей великой мудростью устранили бы гибельную опасность, ныне угрожающую всеобщему миру. Пусть они позволят нам надеяться, скажу больше, быть преисполненными веры, в то, что этот первостепенный интерес будет предметом их серьезного попечения.

Во всяком случае уже получен огромный результат для силы и независимости Германии, равно как и для европейского равновесия, результат, который, как это знают в Вене и в Берлине, не переставал быть предметом постоянного желания государя императора, а именно — союз между обоими великими немецкими державами, союз, скрепленный братством оружия, союз, который, надеемся, распространится для их взаимного величия и на вопросы, доныне их разделявшие.

Государь император приветствует этот союз и желает ему всяческого развития, сообразного тем великим интересам, какие он призван охранять.

Вы уполномочиваетесь зачитать это мое письмо г-ну председателю Совета министров. Копию его посылаю нашему поверенному в делах в Вене, обязуя его равным образом зачитать ее г-ну графу Рехбергу.

Горчаков.

Нота датского посланника в Петербурге Плессена[51] министру иностранных дел Горчакову, 13/1 февраля 1864 г.*

Нижеподписавшийся, чрезвычайный посланник и полномочный министр его величества короля Дании, получил приказание сообщить его превосходительству вице-канцлеру, князю Горчакову, министру иностранных дел его величества российского императора, следующее:

Императорскому правительству вероятно сейчас уже известно, что Австрия и Пруссия приступили к военной оккупации Шлезвиг-Гольштинского герцогства. Хотя правительство короля и определенно решило всеми возможными средствами противиться такому несправедливому нападению, оно однако не может не сознавать того обстоятельства, что датская армия, как бы храбро ни защищала она родную страну, не сможет, в конце концов, устоять против врага, настолько превосходящего ее силами.

Поэтому нижеподписавшемуся было предписано просить у императорского правительства помощи для того, чтобы те великие жертвы, на которые Дания в своей законной защите принуждена была пойти, не были принесены ею напрасно. Правительство короля хочет верить, что императорский кабинет, который уже столько раз давал очевидные доказательства своей заботы о неприкосновенности и независимости Дании, и который именно в 1848[52] и 1859 годах громко заявил, что Шлезвигское герцогство после соглашений 1767 и 1773 гг.[53] всегда

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 37.

рассматривалось Россией, как составная часть датской монархии, и на этот раз, не колеблясь окажет действительную помощь Дании против той беспримерной агрессии, предметом которой только что сделалось Шлезвигское герцогство. Датское правительство питает надежду, что его ожидания не окажутся тщетными еще и потому, что те соображения, которые в 1848 г. побудили императорский кабинет предоставить обязательной гарантию, вытекающую из вышеупомянутых соглашений, могли получить лишь новую силу вследствие того, что императорское правительство подписало Варшавский трактат 1851—1852 гг.[31] и Лондонский договор 1852 г., договор, которым европейские великие державы снова торжественно подтвердили неприкосновенность монархии.

Нижеподписавшийся просит его превосходительство благоволить сообщить правительству короля мнение императорского кабинета относительно этого чрезвычайно важного вопроса, и пользуется случаем снова выразить его превосходительству вице-канцлеру глубокое уважение.

О. Плессен.

Помета Александра II: «Мы уже делали и будем делать [illegible] защиты прав Дании, морально. Что же касается материальной [illegible], то об этом не может быть и речи».

Депеша поверенного в делах в Берлине Моренгейма министру иностранных дел Горчакову, 15/3 февраля 1864 г. *

Господин вице-канцлер,

Депеша вашего превосходительства от 30 января/11 февраля получена мною третьего дня.

Чтобы сообщить содержание ее господину председателю Совета, я тотчас же испросил у него короткую аудиенцию.

Г-н Бисмарк любезно принял меня на следующий же день, и я поспешил телеграммой сообщить вашему превосходительству краткое содержание тех объяснений, которые вызвала с его стороны ваша депеша.

Мне остается лишь дополнить мое первое сообщение.

Общее впечатление, произведенное письмом, в котором вы, ваше превосходительство, излагаете точку зрения императорского правительства на настоящее положение вещей, было вполне благоприятным. Председатель Совета сказал мне, что он чрезвычайно доволен, видя, как наше правительство отдает должное тем побудительным причинам, которые руководили политикой обоих союзных дворов. Примирить стороны и не дозволить революционной пропаганде, стремящейся использовать возникший спор в своих целях, такова была, в самом деле, двойная цель их общей интервенции. Оба союзные двора были бы еще более довольны, если бы были также хорошо поняты всеми другими державами, согласием с коими они дорожат не менее нас, так как считают, что державы не менее их самих заинтересованы в достижении столь исключительно консервативного результата. Только при этих условиях можно ждать мирного разрешения вопроса. Опыт показал, к чему приводит игнорирование этих условий. Поэтому необходимо в подобных условиях отдать себе полный отчет и иметь их всегда в виду. Всякое неокончательное решение лишь будет поддерживать брожение, которым пользуется в своих целях партия, стремящаяся вызвать беспорядки во всей Германии. История осудила компромиссы 1851—1852 гг. Союзные армии не для того пролили свою драгоценную кровь, чтобы вернуть им на некоторое время видимость ненадежного

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 17.

существования. Соглашения, заключенные непосредственно между обоими великими германскими дворами и Данией, более не существуют. Война им положила конец. Германия более ими не связана. Обязательной осталась лишь декларация, только что переданная в Лондон, а именно: поддержание территориальной неприкосновенности Дании в том смысле, как о ней там упоминается, т. е. условно, и необходимость соглашения между державами относительно новых комбинаций, которые заменят ее вследствие непредусмотренных обстоятельств.

По этому случаю г. Бисмарк выразил мне свое крайнее сожаление по поводу обращения датского правительства к трактату 1720 года[55]. «Этим необдуманным выступлением, — сказал он мне, — копенгагенский кабинет выбил у меня из-под ног основания, на которые я опирался в своих возражениях против кандидатуры Августенбурга. Мне прежде всего досадно за него самого; что же касается вопроса о престолонаследии, то я решительно отдаю преимущество Ольденбургскому дому[56]. В данную минуту я не могу вам сказать ничего более. Вопрос изучается».

Переходя затем к другим пунктам письма вашего превосходительства, председатель Совета министров по вопросу о перемирии лишь [illegible] мне то, о чем я уже [illegible]. Поэтому я уже не буду к этому возвращаться. Ограничусь лишь [illegible] факт: на запрос Англии, [illegible] Англию, телеграф только что передал в Лондон утвердительный ответ [illegible] содержания, как тот, который я еще вчера [illegible] мой передал вашему превосходительству[57]. Весьма печально, что публичные манифестации [illegible][58] и самого председателя датского кабинета в том виде, как их приводят газеты, оставляют лишь слабую надежду на то, что Данию удастся убедить согласиться на шаг такой исключительной политической мудрости[59].

Я больше не настаиваю на этом безнадежном деле, но зато я направил все мои усилия, князь, на то, чтобы рассеять туман, которым сознательно или нет обволакивался вопрос о конференции.

Практический ум г-на Бисмарка не слишком вникал в тонкости, вытекающие из самой редакции датского документа и из других связанных со всем этим побочных обстоятельств; кроме того я нашел, что он склонен видеть некоторую связь между этим и английским демаршем. Я старался убедить его, что, поддерживая и тот и другой, мы в состоянии вполне ясно представить себе их отношения друг к другу и что я могу только просить его рассматривать их независимо друг от друга. Я получил тогда от господина Бисмарка определенное заверение, что с того момента, как только перестанут обставлять конференцию какими бы то ни было условиями, он не замедлит тотчас же согласиться на нее и что для заявления об этом ему нужно лишь согласие австрийского правительства, в котором он не сомневается.

Прежде чем удалиться, князь, я счел нужным еще раз обратить внимание на серьезность вопроса, что прежде всего не следовало выпускать из виду, так как от этого вопроса зависит порядок и мир не только одной страны, ограниченной тесными пределами, но всей Европы. Я обратил внимание г-на Бисмарка на тот вероятный факт, что недостаточно бережное отношение к Англии бросит ее, с неизбежностью закона тяготения, в объятия Франции; приведя факты из истории, я напомнил ему, что англо-французский союз неизменно был сигналом революционной фазы, так как никакой консервативный интерес не мог объединить эти две державы соперницы. И я сделал из этого заключение, что крайнее упорство в направлении, по которому шла до сих пор прусская политика, приведет ее к прямому противоре-

чие с ее устремлениями, к содействию победе того дела, против которого она борется, и восстановит в крупном масштабе то, что она разрушит в малом.

Моренгейм.

Письмо министра иностранных дел Горчакова послу в Лондоне Бруннову, 24/12 февраля 1864 г.

Посылаю этот пакет с нашим курьером в Париж. Прошу барона Будберга переслать его вам тотчас с верным человеком. Но, если такой случай не предвидится в ближайшее время, то я прошу переслать его с нарочным. Не будучи уверен в судьбе, ожидающей мой пакет, я скажу вам, дорогой барон, только несколько слов.

Из текста телеграммы лорда Росселя, который мне сообщил лорд Нэпир, вы увидите, что британский кабинет дает нам понять, так же как и Франции, что настало время для посылки эскадры в Копенгаген. Но это лишь предположение и там определенно говорится, что акция трех дворов не пойдет далее роли посредников.

Я сказал лорду Нэпиру, что я, разумеется, должен узнать, каковы будут приказания государя императора; что лично я всегда желал идти вместе с Англией и ничего не имею против этой комбинации, но в данную минуту это является лишь моим личным мнением.

Я еще не имел возможности обсудить во всех подробностях этот вопрос с его величеством, но из нескольких помет нашего августейшего государя на полях телеграммы, в которой вы передавали просьбу британского кабинета, я могу заключить, что е. в. может иметь в виду эту комбинацию [60].

Сейчас, когда я вам пишу, я больше ничего не знаю, так как е. в. на охоте.

Итак это письмо только набросок, только проявление добрых намерений, чтобы поддержать вообще надежду британского кабинета на нашу помощь. Самый же вопрос должен быть разрешен при обсуждении деталей.

Прежде всего надо постараться, чтобы перспектива этой частью моральной, частью материальной помощи не вызвала у копенгагенского кабинета опасных иллюзий по поводу сохранения всеобщего мира. Последние известия из Копенгагена достаточно ярко свидетельствуют о воинственном раздражении, которое там господствует. Там не хотят ни конференций, ни перемирия, ни даже советов. Я убежден, что наша акция в соединении с акцией Англии будет содействовать торжеству более спокойных настроений и что мы справимся с этим временным лихорадочным возбуждением; но для этого следует категорически объяснить датскому правительству цель, которую имеют в виду дружественные дворы, и убедить его, что эти намерения не идут дальше. Надо также, чтобы и мы с своей стороны твердо решили не позволять увлечь себя дальше и чтобы роль посредников имела бы действенный характер, а не являлась пустой фразой.

Приняв эти положения, нам надлежало бы узнать:

1. Число и тоннаж судов, которые войдут в английскую эскадру.
2. Ответ французского правительства на подобное же предложение лорда Росселя.

Я не думаю, что следует теперь же рассматривать все эти вопросы, так как это свидетельствовало бы, что посылку эскадры мы рассматриваем, как вопрос бесповоротно решенный, и как бы уже осущест-

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 81.

вленный, тогда как события могут избавить от этой необходимости,— обстоятельство, на которое сам же лорд Нэпир первый указал мне.

Если я вам говорю об этом, то только для того, чтобы посвятить вас во все те возможности и подробности, которые нам желательно будет уяснить при случае. Я имею все основания думать, что донесения лорда Нэпира толкают к вооруженной акции и вообще к крайним мерам. Его английская гордость страдает при мысли, что величие его страны унижено действиями его правительства.

Он чувствует себя униженным и весь во власти одной мысли — избавиться от этого тягчайшего чувства. Интересы же всеобщего мира он отодвигает на второй план.

Мне приятно видеть, что кабинет, более спокойный, не разделяет этих эгоистических настроений, и я надеюсь, что он, как и до сего времени, будет смотреть на вещи шире.

При рассмотрении датского вопроса, никогда не следует упускать из виду, что мы придаем громадное значение сохранению наилучших отношений с Веной и Берлином. Если мы согласимся пойти на демонстрацию, предлагаемую Англией, то главным образом для того: во 1-х, чтобы помешать Англии броситься в объятия Франции и чтобы из этого не возникла коалиция, которая неизбежно была бы направлена против обоих великих германских дворов, во 2-х, чтобы таким образом приобрести влияние в Дании, которым мы воспользуемся только в целях умиротворения и, так сказать, укрепления самого датского правительства в его борьбе с бесчинствами и влиянием местной демагогии.

Горчаков.

Копия циркуляра датского министра иностранных дел Кваде датскому посланнику в Петербурге Плессену, 15/3 марта 1864 г. *

Г-н барон,

События, происходящие в данное время под покровительством австро-прусской армии в Шлезвигском герцогстве, принимают с каждым днем все более тревожный характер для интересов короля и будущности монархии. Необходимо обратить внимание дружественных правительств на этот прискорбный результат политики, проводившейся Германией по отношению к Дании. Может быть Европа яснее представит себе истинные мотивы германского вторжения и ту судьбу, которую германские правительства готовят для одной из старейших монархий Европы. Краткий очерк действий и поступков австро-прусских властей в Шлезвиге, который я даю в нижеследующих строках, позволит вам составить правильное представление о том способе, при посредстве которого обе державы стараются удержать за собой залог, вырванный ими из рук законного государя.

Известно, что когда великие германские державы решили занять Шлезвиг, они объявили Европе, что будут уважать верховную власть короля, что они займут страну лишь временно и что эта оккупация производится ими с единственной целью иметь материальную гарантию выполнения датским правительством некоторых своих обязательств 1851—1852 годов: равенство прав обеих национальностей и невключение герцогства в состав королевства. Позднее прусский комиссар герцогства г-н Зедлитц[61] заявил в указе от 8 февраля, что существующие в Шлезвигском герцогстве законы останутся в силе, поскольку военные операции и временное прекращение действий королевской

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. 37.

власти не потребуют нарушения этого порядка; что всем чиновникам, которые подпишут обязательство повиноваться власти, фактически находящейся в его руках, будет разрешено исполнение их обязанностей, до тех пор, пока они будут выполнять это обещание и не совершат правонарушения при выполнении своих обязанностей или помимо их, наконец, что всякого рода политические демонстрации того или иного характера попрежнему запрещаются.

Однако, события, происшедшие в Шлезвиге, находятся в полном противоречии с этими заявлениями; всюду были уничтожены эмблемы королевской власти, со всех общественных зданий сняты королевские гербы и даже камень, вделанный в стену городской ратуши с выгравированным на нем вензелем короля Фридриха VII, был вырван прусским комендантом. Отменяются законы, не имеющие никакого отношения к военным операциям и отнюдь не противоречащие временному прекращению действия королевской власти, и отменяются они не временно, но таким образом, что новая организация получает характер постоянства. Так, распоряжения, предшествовавшие переговорам 1851—1852 гг. и касавшиеся употребления языков в церквах и школах области со смешанным населением, были частично отменены указом комиссаров от 19 февраля и в большей части этой области немецкий язык сделался единственным разрешенным в церквах и школах в то время, как прежние постановления принимали во внимание тот факт, что народным языком является там частью немецкий и частью датский. Действуя таким образом, комиссары поставили большое число жителей, говорящих по-датски, в невозможность слушать проповедь на родном языке, тогда как прежде церковная служба совершалась попеременно то по-датски, то по-немецки. Указом от 22 февраля были приняты новые меры, имеющие в виду проведение новой системы в жизнь, и есть основания полагать, что не постесняются лишить мест почти всех священников и преподавателей низших школ вышеупомянутых приходов. В двух средних школах герцогства были удалены почти все учителя; одна из этих школ с составом учителей, враждебных правительству короля, была снова открыта; другая так и осталась закрытой; в 3-й средней школе герцогства учителям запрещено было продолжать преподавать. Чиновников королевского правительства увольняют поголовно всех, даже тех, которые подписали обязательство повиноваться комиссарам и выполняют это обещание. В юго-восточной части герцогства высшую власть вручили человеку, который в 1849 г. был военным министром мятежного правительства [62]; а в юго-западной части ее вручили человеку, подписавшему адрес мятежному правительству, в котором содержалась просьба о полном отторжении Шлезвигского герцогства от датской монархии.

Эти два человека, по своему усмотрению, назначают всех чиновников в южной части страны. Лица, которым комиссары предоставляют общественные должности в других частях страны, также, за небольшими исключениями, все люди, доказавшие свои революционные наклонности. По ложным доносам заключили в тюрьму с самыми грубыми приемами целую толпу почтенных должностных лиц и чиновников. В первых числах февраля судья г-н Блаунфельдт, несмотря на свой шестидесятилетний возраст, был связан и отведен пешком в сопровождении двух всадников в Рендсбург, где стража показывала его за деньги простонародью. Четырех священников в средней и восточной части Шлезвига арестовали на дому, отвели в тюрьму и бросили там на солому в сыром подвале, где уже находились прусские солдаты, обвиняемые в воровстве. Революционные демонстрации, как например, провозглашение претендента и отъезд депутаций, долженствующих его приветствовать, устраиваются открыто, не встречая ни малейшего препятствия со сто-

роны военных или гражданских властей захватчиков, в то время как они же стараются подавить всякого рода притеснениями все протесты и лойяльные манифестации большинства населения, оставшегося верным королю. Нигде не разрешается вывешивать старинного флага страны, тогда как комиссары немедленно разрешили употреблять флаги и кокарды, которые во время восстания 1848 г. служили символом бунта против законного правительства. Не пощадили даже памятника на кладбище в Фленсбурге, воздвигнутого в память воинов, погибших за дело короля. На глазах австрийского и прусского комиссаров, толпа, пришедшая из Гольштейна, испортила и уничтожила это произведение искусства, одно нахождение которого на кладбище должно было бы уберечь его от всяких посягательств.

Эти факты резко противоречат тем намерениям, о которых великие германские державы заявили Европе и о проведении которых в жизнь должны были заботиться их представители в герцогстве. Видя усердие, с каким комиссары стараются поддержать, часто самыми несправедливыми и произвольными мерами, старание мятежной части населения добиться включения Шлезвига в состав Германии, не трудно догадаться в чем тут дело. Нельзя не распознать властолюбивых замыслов, скрывающихся под заявлениями, посредством которых германские державы стараются усыпить совесть других государств Европы.

Может быть мне придется вскоре сделать вам подобное же сообщение о мероприятиях вражеских войск в Ютландии. На мой взгляд эти мероприятия во многих отношениях подобны тем, какие проводятся в Шлезвиге; но пока я прошу вас, г-н барон, при первом же удобном случае прочитать настоящую депешу его превосходительству князю Горчакову, добавив, при этом, что если он пожелает, то нет возражений против снятия с нее копии.

Квааде.

Помета Александра II: «Сильно преувеличено, но, вероятно, частью верно».

Депеша министра иностранных дел Горчакова послу в Лондоне Бруннову, 28/16 марта 1864 г.

Британское правительство препроводило нам предложение собрать в Лондоне на 12 апреля конференцию для обсуждения датско-германского вопроса. По повелению государя императора, мы немедленно выразили наше согласие.

Вследствие этого государь император соизволил назначить ваше превосходительство своим полномочным представителем на имеющую открыться конференцию. Не создавая себе иллюзий относительно открываемых этой конференцией перспектив на благоприятный исход, мы, тем не менее, полагаем, что самый факт ее созыва представляет значительный элемент, благоприятствующий миру.

Эта конференция вернет на обсуждение дипломатии вопрос, выведенный из ее сферы военными действиями; она заставит обе стороны уточнить пределы их обид и притязаний, до сей поры прикрытых опасной неопределенностью; она поставит воюющие державы лицом к лицу с державами, которые, оставшись вне конфликта, внесут точки зрения, менее пристрастные; она будет также стремиться к устранению крайних решений и к тому, чтобы привести борьбу интересов на почву примирения. С этой точки зрения мы можем только приветствовать конференцию, к созыву которой мы прилагали все наши усилия.

Исходя из этого убеждения, его величество государь император приказал мне снабдить вас директивами, которыми вы могли бы руковод-

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 81.

ствоваться при выполнении возложенной на вас задачи. Директивы эти являются, пожалуй, почти излишними, ввиду вашего отличного знакомства с перипетиями и настоящим положением данного спора, крайняя сложность которого к тому же затрудняет возможность наметить такие директивы. Посему я ограничусь общими указаниями, которые будут восполнены вашим опытом и тактом.

Вы могли проследить то направление, которое предписывалось нам вот уже восемь лет волей государя императора в этом вопросе [63].

Вашему превосходительству небезызвестно, что мы безусловно не стали на точку зрения тех интересов, которые ныне находятся в борьбе; мы оставались вдали от крайних направлений. Поскольку дело нас касается, мы поддерживали обязательства 1851—1852 гг. и соображения о европейском равновесии, в виду которых они были приняты; мы признавали права Дании, не отвергая притязаний Германии в их обоснованной части. Мы работали над тем, чтобы согласовать первые со вторыми и, работая в этом направлении, мы долгое время находились в согласии с кабинетами, подобно нам подписавшими Лондонский трактат. Наше моральное воздействие в особенности смыкалось с воздействием Англии сперва в целях предупреждения, затем — ограничения и, наконец,— примирения конфликта. В то же время мы в этом ходе мыслей признавали пользу, какую могли бы иметь военные действия обеих великих германских держав, поскольку они совершались бы в целях консервативных и были направлены на изъятие спора из сферы революционных увлечений. Будучи далеки от того, чтобы стеснять эти две державы, мы им оказывали доверие, которое, признавая их права, должно было тем паче привязывать их к их обязательствам. Мы прилагали усилия к тому, чтобы внушить британскому правительству то же настроение. Эти прецеденты, господин барон, устанавливают позицию, каковую вы должны занять на конференции. Стоя на этой почве, вы будете в состоянии поддерживать с полномочными представителями всех кабинетов, призванных заседать вместе с вами, отношения дружеской благосклонности и близости, которые с пользой смогут служить целям примирения, каковые мы не перестаем иметь в виду. С полномочным представителем Великобритании и держав, которые будут разделять ее точку зрения, вы будете в состоянии обсуждать и уточнять те уступки, какие следует рекомендовать той и другой стороне в целях достижения практического, справедливого и удовлетворительного соглашения. С полномочными представителями воюющих держав вы, равным образом, в дружеских конфиденциальных беседах, сможете обсуждать взаимные претензии, зондировать соответственные намерения и искать базу, на которой могли бы сойтись взаимные их интересы. Всякое решение, достигающее этой цели и отвечающее требованиям мира и общего равновесия, получило бы наше живейшее согласие.

Каким бы могло быть это решение? Вот чего мы не можем уточнить наперед. Это решение по необходимости будет зависеть от хода, какой примет обсуждение, и от намерений, какие будут обнаружены со стороны всех кабинетов, призванных в нем участвовать. Что касается нас, то имеется один существенный общий принцип, обусловливающийся сложностью этой проблемы и доминирующий над всем конфликтом. Это сохранение в неприкосновенности датской монархии и порядка престолонаследия, установлению которого мы содействовали в этих целях. При установлении этого принципа мы руководились великой идеей мира и европейского равновесия. Мы полагаем, что трактат, посвященный этому принципу, еще и поныне представляет наилучшую почву для сохранения этих преимуществ. Этот принцип представляется поэтому естественным исходным пунктом конференции, и было бы желательно, чтобы он остался неприкосновенным в ее решениях.

Однако, господин барон, верить в возможность безусловного возврата к положению вещей, предшествовавшему войне,— означало бы убаюкивать себя иллюзиями. Имевшие место военные события, взвешивание взаимных сил воюющих сторон и в особенности царящие в Германии настроения,— не позволяют надеяться на это. Даже с точки зрения права и справедливости нет возможности оспаривать некоторую обоснованность тех возражений, которые возникают у великих германских держав в связи с упорством, с каким датское правительство в течение вот уже 12 лет уклонялось от исполнения своих обязательств [64]. Отсюда вытекает необходимость поставить соглашение, в какой бы форме оно ни было заключено, под защиту более действенных гарантий.

Вопрос сводится к тому, какие гарантии будут признаны могущими удовлетворить одновременно притязания Германии, права Дании и интересы Европы.

В этом отношении мы пока знаем только одну идею или, по крайней мере, одно слово, которое скорее вытекает из сути вопроса, чем является сформулированным в дипломатических переговорах,— это личная уния.

Датское правительство отвергает эту комбинацию, рассматривая ее как первый шаг к полному расчленению. Второстепенные германские державы, повидимому, наоборот, склонны отклонить ее, как недостаточную.

Пруссия и Австрия со своей стороны, кажется, эвентуально согласны на эту комбинацию, но в форме еще нерешительной и не без некоторых значительных нюансов; венский кабинет не питает больших симпатий к личной унии, применение которой не являлось бы подходящим в Австрии. Остальные державы еще не высказались.

Что касается нас, то вашему превосходительству небезызвестно, что в обмене корреспонденцией, имевшем место в 1851—1852 гг. во время дискуссии, поднятой по датско-германскому вопросу, а именно в депеше графа Нессельроде, копию коей при сем прилагаю [65], начало личной унии намечалось министром государя императора, как комбинация эвентуально допустимая. По сему случаю указывалось даже на пример отношений, существующих между Швецией и Норвегией [66]. Не покровительствуя особенно подобному решению, мы, однако, ни в наших традициях, ни в наших особых интересах не находим достаточных мотивов для отклонения его à priori, если оно будет представлено на обсуждение конференции, хотя бы с некоторыми шансами на достижение соглашения.

Однако программа этого вопроса представляется весьма неопределенной. Принцип административной унии обоих герцогств с личной связью по отношению к датской короне может быть сопряжен с весьма существенными нюансами, как например, с большим или меньшим единством в области финансов или армии. Эти нюансы могут решающим образом модифицировать вопрос, укрепляя или, наоборот, чрезмерно ослабляя основной принцип неприкосновенности датской монархии. Само собой понятно, что в подобном случае наше содействие обеспечено комбинациям, содержащим первую из указанных возможностей.

Не распространяясь дальше по поводу наших предположений, мы не можем обойти молчанием два важных соображения.

Первое касается перемирия. В интересах гуманности или даже в целях увеличения шансов на благоприятный исход работ конференции, в качестве предохранения от того, чтобы военные события в любой момент не наносили ущерба ее работам, было бы весьма желательно, чтобы первым вопросом, какой будет передан на рассмотрение конференции, был вопрос о приостановке военных враждебных действий. В слу-

чае необходимости, ваше превосходительство уполномочено, по повелению его величества государя императора, взять на себя инициативу внесения такого предложения в указанных целях. Вам известны все подобные предложения, выдвигавшиеся безуспешно. Поэтому я воздерживаюсь от уточнения возможных условий перемирия. Наша поддержка заранее обеспечена таким предложениям, которые могут встретить общее согласие и предоставят наилучшие практические гарантии.

Второе соображение, на которое я должен вам указать, имеет отношение к тому случаю, если бы вопреки нашим пожеланиям и нашим усилиям Лондонский трактат 1852 г. был объявлен аннулированным. В таком случае государь император считает, что все отказы от прав, которые в свое время были сформулированы ради этого дела примирения, равновесия и мира, должны рассматриваться как вовсе не имевшие места, и что все державы, подписавшие Лондонский трактат, вновь вступают предположительно во владение прежними правами, вопрос о которых они должны будут вынести на решение Европы. Вы должны озаботиться тем, что при случае в категорической форме сделать эту оговорку от имени нашего государя императора[67].

Таковы, господин барон, общие указания, какие мы можем вам направить. Их можно резюмировать в следующих пунктах: перемирие, как, если не безусловный, то весьма значительный первый предмет дискуссии. Лондонский трактат 1852 г., как естественный исходный пункт конференции. Сохранение в силе постановлений этого трактата, если не в их абсолютной форме, то по крайней мере, по их смыслу, поскольку они затрагивают европейское равновесие, т. е. принцип неприкосновенности датской монархии и порядок престолонаследия.

Допущение личной унии, если бы она была предложена, как эвентуальная комбинация, могущая отвечать требованиям создавшегося положения.

В этом круге идей — принятие мер, более всего способных сделать прочной и действенной связь, которая прикрепит герцогство к датской монархии.

Наконец, в случае аннулирования Лондонского трактата — прямая оговорка о сохранении прав, отказ от которых последовал лишь в виду этого соглашения.

Государь император полагается на ваш большой опыт и испытанную прозорливость в деле выполнения доверенного вам поручения в видах примирения, согласия и общего равновесия, составляющих основу его политики и отвечающих интересам России. Его величество разрешает вам в этих целях использовать влияние, каким мы располагаем, и добрые отношения с кабинетами, чтобы послужить для них соединительным звеном и привести разъединяющий кабинеты конфликт к справедливым соглашениям, могущим обеспечить сохранение мира.

Ваше превосходительство соблаговолит нас известить, являются ли полномочия, какими вы снабжены, как посол императора при сент-джемском дворе, достаточными для утверждения вас в качестве полномочного представителя его императорского величества на конференции, или же для сего вам должны быть посланы особые полномочия.

Считаю не бесполезным присовокупить, что государь император охотно увидел бы допущенным к участию в переговорах полномочного представителя германской конференции, но что его величество не делает этого обстоятельства абсолютным условием для открытия конференции.

Горчаков.

Депеша министра иностранных дел Горчакова послу в Лондоне Бруннову, 5 апреля/24 марта 1864 г.*

Г-н французский поверенный в делах, по приказанию своего правительства, зачитал мне депешу г-на Друэна де-Люиса, в которой высказано мнение, что следовало бы опросить население Шлезвига и Гольштейна и узнать его пожелания по поводу решения вопросов, от которых зависит его судьба.

Мы имеем основание думать, что то же сообщение было сделано и другим кабинетам, приглашенным к участию в конференции.

Я ответил г. графу Массиньяку[68], что пока я воздерживаюсь от возбуждения этой теории о воле населения в применении к вопросам политики, но не могу удержаться от напоминания, что, наряду с этой доктриной, существует принцип, освященный определенным договором, под которым вместе с нашей — имеется и подпись французского правительства; сей принцип есть неприкосновенность датской монархии, имеющей по признанию всех великих держав большое значение в смысле сохранения европейского равновесия. Я присовокупил при этом, что, если даже допустить принцип вмешательства воли населения по вопросам политики, еще следовало бы установить возможность его практического применения к герцогствам Шлезвигу и Гольштейн в нынешнем их положении.

Будучи оккупированы войсками Австрии, Пруссии и Германского союза, оба эти герцогства оказались, следовательно, под режимом состояния войны. При поддержке Германии там был провозглашен претендент на престол, его сторонники открыто ведут борьбу в его пользу перед лицом федеральных властей; таким образом, власть короля Христиана IX не только подверглась моральной атаке и поколеблена в умах населения, но и материально уничтожена.

Для того, чтобы принцип обращения к плебисциту мог иметь хотя бы видимость выражения пожеланий страны, необходимо было бы, чтобы конференция могла поставить страну в такое положение, в каком она находилась до настоящего кризиса, т. е. добиться вывода оккупационных войск, удаления претендента на престол, восстановления королевской власти и представляющих ее чиновников. А это как раз не во власти конференции, и даже, если бы подобный результат и мог быть достигнут, то невозможно было бы устранить последствия проводимого до сих пор политического воздействия и крайнего возбуждения страстей, в силу которых население герцогств подвергается совершенно одностороннему моральному и материальному давлению.

При этих условиях плебисцит, по нашему мнению, не мог бы представить гарантий, требуемых великими державами, задача которых состоит в том, чтобы найти серьезное решение вопроса, затрагивающего мир и общее равновесие.

Таков, г-н барон, смысл ответа, данного мною г. французскому поверенному в делах.

Передавая его вам для вашего осведомления, я должен, по повелению его величества, добавить, что ежели бы идея, о которой сказано выше, была бы высказана на конференции, вам предлагается высказаться отрицательно, опираясь на соображения, содержащиеся в настоящей депеше.

Горчаков.

---

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 81.

Из депеши посланника в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 21/9 апреля 1864 г. *

Господин вице-канцлер.

Соответственно вашим приказаниям я зачитывал председателю Совета министров депешу вашего превосходительства барону Бруннову от 24 марта, касающуюся опроса населения герцогств Шлезвига и Гольштинии о том, как должны быть решены вопросы, от которых зависит их судьба.

Г-н фон-Бисмарк, который во время чтения депеши обнаружил признаки сильнейшего нетерпения, выразил мне свое изумление по поводу того, что у нас могла появиться мысль вновь поставить герцогства в зависимость от Дании в условиях, существовавших до войны. В наши дни не раз проводились опросы пожеланий вновь образованных государств. В подкрепление своего мнения он мне привел примеры Греции [69], Бельгии [70] и весьма недавний еще пример — Ионических островов [71]. В Австрии во время прагматической санкции также прибегали к созыву штатов страны [72]. Поэтому г-ну Бисмарку представляется также невозможным в данных обстоятельствах не посчитаться с пожеланиями населения герцогств, опрос которых можно было бы впрочем произвести в форме совещательной и результат его мог бы остаться в папках конференции.

Я ответил его превосходительству, что приведенные им примеры, относятся только к престолам свободным или к вопросам внутренним, что мы не можем допустить тех же условий применительно к герцогствам при наличии заявлений его правительства, что Австрия и Англия так же категорически, как и мы, отвергают указанную комбинацию и что вследствие этого, по моему мнению, его соображения и на самом деле должны бы остаться только в папках конференции.

Он прервал меня, заявив, что речь идет не только о свободных тронах, но и о тронах *освободившихся* **, и тут же напомнил оговорки, высказанные прусским кабинетом относительно заявлений, которые были связаны с депешей вашего превосходительства, и на которые я только что сослался.

«Каково содержание этих заявлений? — сказал он.— Мы все время понимали, что они обусловлены только случаем занятия Шлезвига без открытой борьбы и мы постоянно делали оговорки на последствия войны, если она вспыхнет. После этого вы видели, какое сопротивление нам было оказано датчанами. Если мы все еще хотим поддерживать принцип неприкосновенности датской монархии, так это именно потому, что мы так хотим, но мы к этому не обязаны».

Я старался, князь, как мог, опровергнуть эту теорию, которая не должна вас удивлять после всех тех сообщений, которые я уже имел честь вам делать по поводу настроений в Пруссии, но которые тем не менее представляют собою реальную опасность. Я сказал председателю Совета министров, что эти заявления делались нам не раз; что мы не только верим им, рассчитывая на лойяльность королевского правительства, но кроме того, указывали на них — в духе умиротворительном — и другим кабинетам.

Г-н фон-Бисмарк не стал отрицать этого последнего момента, и, сделавшись не столь резким, подчеркнул, что необходимо найти решение, способное сохранить положение короля и дать удовлетворение стране. Я ему заметил, что мы отлично сознаем настоятельную необходимость подобного решения, что мы готовы этому содействовать, что трудность

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 18.
** Подчеркнуто в подлиннике.

восстановления старого порядка вещей очевидна, но что это положение не исключает возможности разумного решения, которое, будучи обсуждено со спокойствием, умеренностью и лойяльностью, могло бы равным образом дать удовлетворение политическим интересам других держав.

Особенное раздражение председателя Совета министров вызвала мысль о том, что население при опросе могло бы потребовать эвакуации герцогств. «Мы оккупируем герцогства военной силой,— заявил он,— и желание заставить нас их покинуть кажется просто странным».

«Вы знаете,— сказал я ему,— что поговаривали даже о том, чтобы оккупировать их швейцарскими войсками». «И голландскими»— заметил он с улыбкой.

«Вы видите,— продолжал я,— каковы неудобства этой комбинации, всю опасность которой нельзя даже взвесить с достаточной серьезностью...»

Убри.

Помета Александра II: «Очень опасаюсь, чтобы Бисмарк не добился еще большего усложнения положения».

Депеша посланника в Берлине Убри министру иностранных дел Горчакову, 26/14 апреля 1864 г. *

Господин вице-канцлер,

Немедленно по возвращении с королем из герцогств [73] г-н фон-Бисмарк пригласил меня к себе.

Цель, которую он преследовал, требуя моего визита к нему, заключалась в том, чтобы исправить поведение барона Пирха, который в припадке излишнего рвения, как будто преувеличил значение той вербальной ноты, с которой председатель Совета министров поручил ему обратиться к вашему превосходительству [74].

Он принял барона перед самым отъездом, даже не попросив его сесть, так краток был их разговор. Он поручил ему выразить вам чувства его дружеского расположения и вместе с тем заявить вам, что, несмотря ни на какие могущие произойти события, несмотря на временные отклонения его политики, вы, тем не менее, можете быть уверены, что его принципы и тенденции, известные вам с давних пор, останутся неизменными.

«Скажите князю Горчакову,— добавил г-н фон-Бисмарк,— что, что бы ни случилось, он на дне стакана всегда увидит те же цвета». Это его собственное выражение, которое я считаю долгом вам доложить. Этот намек связан с нашими отношениями и с общим политическим положением.

Я постараюсь резюмировать те мысли, какие по сему поводу были мне высказаны председателем Совета министров.

«Я поручил г-ну фон-Пирху,— заметил он мне,— заявить вашему кабинету, что датский инцидент я рассматриваю лишь как дело временное. Я продолжаю придерживаться этого мнения. Это интермедия, которая, как только она будет улажена, позволит нам вернуться к обычному ходу вещей.

Но с точки зрения нашего внутреннего положения, безусловно, необходимо, чтобы этот вопрос был закончен почетным и удовлетворительным образом. Нам необходим результат, который мог бы сохранить положение короля и мое собственное. Если бы я не мог показаться перед страной с высоко поднятой головой, я бы упал в общественном мнении. В этом случае мне пришлось бы уйти от дел и, кто

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. 18.

знает, не решил бы сам король, что ему лучше отречься от престола. Вы видите, таким образом, насколько наше положение серьезно и чревато затруднениями.

Что касается способа окончательного урегулирования наших споров с Данией, то, признаюсь, я сам еще его не знаю. Я соглашусь на такое решение, которое дало бы удовлетворение тому, чего требует мое положение и наш долг по отношению к стране.

Это решение может вытекать из нашего проекта личной унии. Также из создания независимого государства, образованного из герцогств, под скипетром Августенбургов или другой ветви Ольденбургского дома, или наконец из аннексии этих провинций Пруссией. Вы понимаете, что увеличение населения монархии на 500 тыс. душ не имеет для меня значения. Но именно в пределах этих четырех идей, мы можем надеяться найти необходимое решение.

Нам, следовательно, необходим успех. Но за исключением этого князь Горчаков может быть уверен, что найдет нас постоянно неизменными, несмотря на уклоны, в которые я, по его мнению, буду временами впадать и которые могут быть вызваны трудностью нашего положения».

В числе прочих уклонов председатель Совета министров, как на пример, указал на его согласие с теорией плебисцита. У него не было бы надобности примыкать к этой теории, если бы поведение Англии было иным, но в виду ее возрастающей враждебности, ему представляется, безусловно, необходимым относиться бережно к теориям, на которых базируется нынешнее французское правительство и которых он принужден, следовательно, придерживаться.

В ответ на эти заявления я ограничился замечанием председателю Совета министров, что ваше превосходительство не может рассматривать датский вопрос, как преходящий инцидент, в виду наличия важных интересов, связанных с этим вопросом. Вам как раз и приходится искать способов избежать осложнений, к. которым он может привести. В этом заключается европейская сторона вопроса, которой, как мне настоятельно представляется, нельзя терять из виду.

Захватив с собой письмо вашего превосходительства от 7 апреля [75], полученное мною во время отсутствия председателя Совета министров, я его зачитал ему.

Он с удовлетворением принял содержащиеся в нем горячие призывы к умеренности, но вместе с тем заметил, что он не делает себе никаких иллюзий по поводу значения победы, которая только что одержана Пруссией [76]. Какое по сути дела значение имело для ее армии то, что она овладела позициями, которые защищались двадцатью тысячами человек? Этот триумф, который ему вдруг угодно было уменьшить вопреки тому, что здесь происходит после взятия Дюппеля, не требует, как ему кажется, умеренности со стороны победителя. Такова, по крайней мере, была скрытая мысль его замечания.

Этот разговор, ваше сиятельство, произвел на меня довольно тягостное впечатление.

С одной стороны я усматриваю твердо сложившееся намерение получить положительный, блестящий результат, предназначенный спасти положение короля и его министра. С другой стороны, намерение это идет так далеко, что допускает возможность территориальных аннексий, словом, тех вожделений, которые до сих пор открыто отвергались. Это не выставляется как основное требование, но с готовностью допускается, как один из возможных выходов из настоящих затруднений.

Кое-какие слова, сказанные председателем Совета министров барону Таллейрану, равным образом подтверждают это направление мыслей, которое я пока считаю неустойчивым, но на которое кажется без-

условно необходимым вам указать. Пред отъездом в герцогства Бисмарк сказал французскому послу: «Я отнюдь не настаиваю на Аугустенбурге, но ясно, что если бы я, как министр короля, мог получить благоприятный для моей страны результат, я от этого не отказался бы».

Судя по этим словам, можно предположить, что председатель Совета министров выступал против притязаний наследного принца Аугустенбургского лишь затем, чтобы постоянно иметь их на втором плане, как одно из решений, к которому обстоятельства могут заставить его прибегнуть в тот или иной момент.

В виду различных, дошедших до меня, сведений, я счел необходимым срочно доложить вашему превосходительству моей телеграммой от прошлого 11/23 [77] о том, что настал момент побудить г-на фон-Бисмарка выразить свои мысли более точно. Почти нет нужды добавлять, что я сделал это до того, как он с такой полной откровенностью изложил нам, в каком затруднительном положении он находится, а также и то, как эвентуально могут быть решены вопросы, вытекающие из настоящей войны.

Убри.

Помета Александра II: «Нахожу язык Бисмарка весьма мало успокоительным».

Письмо министра иностранных дел Горчакова посланнику в Берлине Убри, 30/18 апреля 1864 г.

Ваша депеша от 14/26 апреля мною получена 17/29. Я не замедлил повергнуть ее к стопам государя императора.

Сравнив то, что г-ну председателю Совета министров угодно было вам заявить по поводу ноты, которую он поручил г-ну барону Ширху передать нам, с тем, как мне ее изложил г-н прусский поверенный в делах, я, по совести, должен констатировать, что впечатление, произведенное на нас вашими сообщениями, нисколько не отличается от того впечатления, какое произвело на нас заявление г-на барона Ширха. Вы в этом убедитесь, когда вновь прочтете то, что я вам писал по этому вопросу и то, что вы мне сообщили об этом инциденте.

Но не этого вопроса хочу я коснуться, так как это означало бы вновь вдаваться в бесплодную полемику, которой нам желательно избежать.

Г-н фон-Бисмарк, приведя мое замечание о том, что неуместны тайны между друзьями, которые желают оказать услуги друг другу, был, как вы пишете, в некотором затруднении по поводу того, как понять это замечание.

Вы, со своей стороны, повидимому, полагаете, что мое замечание касалось того, что мы находимся в неведении относительно видов Пруссии и Австрии на окончательное разрешение датского конфликта.

Мы не можем ссылаться на неведение по этому вопросу. Берлинский кабинет не раз, хотя и в общих выражениях, излагал нам свою точку зрения. Венский кабинет шел еще дальше в смысле конкретизации, в чем вы сами могли убедиться из документов, которые постепенно поступали в берлинское досье.

Г-н Бисмарк заявил вам:

«С точки зрения нашего внутреннего положения безусловно необходимо, чтобы датский вопрос был закончен почетным и удовлетворительным образом. Нам необходим результат, который мог бы сохранить положение короля и мое собственное. Если бы я не мог показаться перед страной с высоко поднятой головой, я упал бы в общественном

[77] МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 19.

мнении. В этом случае мне пришлось бы уйти от дел, и, кто знает, — не решил ли бы сам король, что ему лучше отречься от престола. Вы видите, таким образом, насколько наше положение серьезно и чревато затруднениями. Что касается способа окончательного урегулирования наших споров с Данией, то, признаюсь, сам еще его не знаю. Я соглашусь на такое решение, которое дало бы удовлетворение тому, чего требует мое положение и наш долг по отношению к стране».

Г-н Пирх мне заявил:

«По мнению г-на фон-Бисмарка безусловно необходимо, чтобы Пруссия из теперешней борьбы извлекла ту или иную выгоду, не важно какую, хотя бы только кажущуюся. Это требуется не только ради личного положения г-на фон-Бисмарка, но имея в виду короля и армию. Нельзя допустить, чтобы кровь прусских солдат была пролита напрасно. Страна не удовлетворится бесплодными лаврами. В этом отношении его величество придерживается столь твердых мнений, что он скорее решится отречься от престола, чем не добиться удовлетворительного результата».

На эти слова я дал ответ:

Я должен просить г-на фон-Бисмарка, чтобы он несколько расширил конфиденциальные заявления, которые ему угодно нам делать. Он может быть уверен в сохранении нами безусловной тайны. Надо чтобы он указал, какие выгоды для него желательны. Мы желаем только облегчить его положение. Мы придаем огромное значение сохранению между нами дружеских отношений; но чтобы иметь возможность быть полезными, нам нужно знать, в каком направлении г-н фон-Бисмарк ищет выгоды».

Я уточнил мою мысль, закончив словами: «Друзьям не следует задавать загадок».

Таким образом здесь речь идет не о том, чтобы узнать, какие условия будут поставлены берлинским и венским кабинетами для решения датского вопроса, а о том, чтобы нас посвятили в секрет тех особых выгод для Пруссии, какие г-н фон-Бисмарк имеет в виду, дабы мы могли судить, возможно ли для нас оказать ему поддержку.

Г-н председатель Совета министров перечислил вам четыре модуса решения вопроса, среди которых он затронул аннексию герцогств Пруссией, правда, добавив, что увеличение населения на 500 тысяч душ не имеет для него значения.

Если в этом единственно заключалась выгода, которую господин председатель Совета министров имел в виду, то мы опасаемся, что он стремится к цели, которая вызовет сильную оппозицию. Мы считаем, что нам лучше воздержаться от обсуждения по существу возможности, на которой сам г-н фон-Бисмарк, повидимому, остановился лишь вскользь.

Но г-н председатель Совета министров добавил: «Нам безусловно необходим успех».

Мы допускаем такую необходимость, хотя успехи, уже достигнутые прусской армией, способны привязать страну к нынешнему министерству. Мы охотно готовы содействовать укреплению положения г-на фон-Бисмарка, но для всего этого, повторяю, нам необходимо знать, каков тот успех, который он счел бы достаточным для достижения этой цели, исключая территориальные приобретения, добиться принятия которых берлинскому кабинету оказалось бы весьма нелегко и которые, по заявлению самого г-на председателя Совета министров, для него значения не имеют.

Если г-н фон-Бисмарк вернется к этому вопросу, то вам поручается именно с этой точки зрения трактовать его. Я счел безусловно необхо-

димым войти во все эти подробности, так как мне показалось, что в Берлине не уловили смысла наших слов.

Впрочем, скажите г-ну председателю Совета министров, что государь император высоко оценил те чувства, какие он нам выразил относительно своего твердого решения итти вместе с нами, каковы бы ни были события или видимые действия. Нам хотелось бы быть уверенным в том, что г-н фон-Бисмарк разделяет наше убеждение, что бывают такие видимые действия, которые принижают человека и что он отнюдь не имеет в виду подобные.

После публичных заявлений г-на председателя Совета министров всякая прямая или косвенная поддержка притязаний принца Августенбургского, в наших глазах например, являлась бы актом, могущим вызвать упрек ему в досадной непоследовательности.

Когда г-н фон-Бисмарк вам заявил, что в общей политике датский вопрос играет сравнительно второстепенную роль, он вступил в круг наших мыслей, сводящихся к тому, что преследование этого интереса низшего порядка не должно подвергать компрометации общие интересы Европы. Если бы оказалось, что развитие датского вопроса может разделить или не разделить Европу на два лагеря, объединить действия западных дворов против усилий консервативных дворов, посеять раздоры в среде этих последних, — то вопрос этот перестал бы быть второстепенным и стал бы исходным пунктом комбинаций, пагубных для всей Европы. Вот почему мы не переставали и не перестаем настаивать на том, что безусловно необходимо внести в происходящие в Лондоне обсуждения [78] дух благоразумия и примирения. Обстоятельства не только трудны, — они представляются критическими, и усилия, а равно и объединенная мудрость всех друзей порядка только и в состоянии побороть грозящие отовсюду опасности.

Горчаков.

Письмо посла в Лондоне Бруннова министру иностранных дел Горчакову, 4 мая/22 апреля 1864 г. *

Дорогой князь,

Наши дебаты вращаются единственно вокруг вопроса о заключении перемирия [79]. Они до сих пор не дошли еще до обсуждения спорных вопросов по существу. Однако, мои беседы с германскими и датскими полномочными представителями позволяют мне составить себе довольно точное мнение о позициях тех и других. Вот как я их резюмирую.

Пруссия злоупотребляет своей победой. Со времени взятия Дюппеля и занятия Ютландии она повысила тон [80]. Она не хочет больше и для виду оставить неприкосновенной датскую монархию. Она берет назад свое предложение о сохранении личной унии. Она требует полной независимости герцогств, которые отныне должны быть отторгнуты от датской короны. Бигелебен [81] прямо скорбит по поводу такого нарушения слова. Ему казалось, что, будучи проездом в Берлине, он договорился с прусским кабинетом об основах соглашения, почти совпадающих с полученными мною инструкциями от 16/28 марта **. Теперь Пруссия уже не хочет того, чего она хотела тогда. Сказать правду, она даже не говорит, чего она хочет. Австрийцы в точности этого не знают. Программа сегодняшнего дня не похожа на программу завтрашнего. Австрия сожалеет о том, что зашла так далеко. Кнорринг [82] совершенно верно указывает вам на это. Я к этому должен добавить, что

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. 80.
** См. выше стр. 82.

граф Аппони[83] начинает замечать, насколько его отношения здесь стали портиться, с тех пор, как он обязан итти на поводу у пруссаков. Он не может поступать иначе. Его инструкции приписывают ему держаться на той же линии, что и его прусский коллега. Точное выражение воли его гласит: «Итти рука об руку с Пруссией».

Куда это его заведет?

Представитель Германского союза Бейст ведет переговоры при помощи прусских штыков. Он стоит на том, чтобы достигнуть наилучших условий сделки в пользу Германии. «Отторжение Шлезвига-Гольштейна от Дании» — вот программа Бейста. В глубине души он таит мысль об Августенбурге. Но он держит этот вопрос в запасе. Прежде всего ему нужно расторгнуть Лондонский трактат. Затем об остальном сговорятся с Пруссией. Австрия во всем этом играет жалкую роль. Она себя считает вынужденной следовать за Пруссией, дабы не потерять своей популярности в Германии.

Дания потеряла так много, что она уже не помышляет сохранить и то немногое, что у нее осталось. Она никого не слушает. Советы она черпает только из своего отчаяния. Тут уже рассуждать не приходится. Даже, если бы нам удалось получить для копенгагенского двора почетный компромисс, даже, если бы мы сохранили для него герцогства на началах личной унии, полномочные представители Дании не будут уполномочены принять эти условия. Они заявляют, что король Христиан IX погубит себя во мнении страны, если он национальное чувство принесет в жертву соображениям династическим. Это, может быть, верно в Копенгагене, но в Лондоне это парализует успех каких бы то ни было переговоров.

Из докладов Убри и Кнорринга вам уже известны подробности австро-прусских требований[84]. Я вас избавлю от пересказа. Ограничусь только заявлением, что одного вопроса о военном вознаграждении уже достаточно для краха всех переговоров. Убри доводит общую сумму этого вознаграждения до 17 милл. флоринов, из которых Австрия потребует 7 милл. Я боюсь, что оценка эта ниже действительной. Бигелебен мне сказал, что эти 7 миллионов представляют собою только расходы нынешней войны, а между тем Австрия потребует сверх того недоимок по прежней экспедиции, достигающих 5 милл. По секрету он сообщил мне также, что для императора Франца Иосифа вопрос о деньгах важнее всех остальных. Во время его прощальной аудиенции император обратил его особое внимание на этот пункт. «Нам нужны деньги. Достаньте нам денег».

Как преодолеть одно это затруднение, даже если бы удалось притти к соглашению по ряду остальных вопросов, также неразрешимых?

После того, как я изложил вам положение воюющих держав, проанализируем положение нейтральных. Есть ли у них воля и средства для того, чтобы отнять у пруссаков Ютландию и Шлезвиг и у германцев Гольштинию? Франция не хочет, Англия не может этого сделать.

Ясно, таким образом, что пруссаки являются хозяевами положения. Бисмарк это отлично знает.

Перейдем теперь к рассмотрению нашего положения. Мы явились на конференцию преисполненные доверия, что речь идет о том, чтобы договориться с другими державами о некоторых условиях, при которых будет сохранена неприкосновенность датской монархии. Пруссия и Австрия по отношению к нам высказались в этом смысле. Если та или другая изменит свое мнение, мы вполне свободны — выйти из переговоров, которые перестали отвечать нашим ожиданиям.

Вот, что я заявлю, если граф Бернсторф[85] завтра поставит под вопрос принцип неприкосновенности: я заявлю, что мои инструкции не позволяют мне отойти от принципа, который я считал обоюдно при-

знанным. Я не выйду за пределы полученных мною инструкций и сделаю соответственные оговорки в ожидании решений кабинета его величества. Государь император соизволит тогда рассудить, не лучше ли нам во время с честью уйти с конференции, чем присутствовать при обсуждении, где нам пришлось бы отойти от наших принципов, даже без малейшей надежды принести этим пользу интересам Дании *.

Прошу вас обдумать эту возможность, которая может стать действительностью в скором времени, как только мы приступим к рассмотрению до сих пор незатронутых вопросов.

В данных мне инструкциях от 16/28 марта уже предусмотрен тот случай, на который я здесь только что указал. Но в этом отношении инструкции имеют один пункт, который вы, быть может, сочтете необходимым изменить. В случае аннулирования Лондонского трактата 1852 г., мне эвентуально предписано объявить также аннулированными все заявления об отказе от своих прав.

В этом пункте, дорогой князь, имеется вопрос, который, должен в этом признаться, вызывает во мне колебания. Объявить аннулированными наши отказы от прав, на основании которых король Христиан IX вступил на престол, не означало ли бы это уничтожить нашей собственной рукой значение этого государя, уже признанного нашим монархом.

Если Гольштиния будет отторгнута от Дании, мы можем повторить наши оговорки, содержащиеся в Варшавском протоколе [86], поскольку они относятся к Гольштейн-Лоторингскому дому. Так я толкую данные мне директивы **. Чтобы строжайше выполнить приказание кабинета его величества, я прошу вас сообщить мне точные выражения, в каких должна быть сформулирована для включения в протокол наша оговорка, которая будет иметь в виду охрану прав императорского дома. В этом отношении никакая осмотрительность не будет чрезмерной, в виду того, что на собрании, где представлен Германский союз, наши оговорки без всякого сомнения вызовут контр-декларацию.

Должен здесь обратить ваше внимание на одно обстоятельство, которое меня особенно поражает. Бисмарк не раз настаивал, чтобы во Франкфурте было заявлено о наших правах, в частности на владение Килем [87]. Вы не последовали его совету, предвидя, без сомнения, что наша преждевременная претензия вызовет в Германии дискуссию, которая без малейшей для нас выгоды возбудит настроение против России. Совет Бисмарка показался мне и немудрым и неискренним. Он ведь слишком хорошо знает и людей и положение вещей в Германии. Поэтому он не мог не предвидеть, что наши претензии немедленно вызвали бы против нас взрыв возмущения. И заметьте: в то время как Бисмарк говорил Убри: «Осуществите ваши права», Бернсторф здесь заявляет каждому: «Этих прав не существует вовсе. Отказываясь в свое время от указанных владений, Россия получила соответственную территориальную компенсацию для Ольденбургского дома. Если бы Россия воскресила свои старые притязания, это значило бы, что она вторично требует того, за что уже получила эквивалент».

Вот, что говорит повсюду прусский посол в Лондоне, в то время как глава берлинского кабинета настоятельно советует нам осуществить наши права.

Кто из них двоих является искренним в своих выступлениях? Прежже чем нам решиться на компрометирующее выступление в Лондоне, следовало бы выяснить этот вопрос путем откровенного объяснения с

* Помета Александра II: «Если дела так пойдут, то нам ничего другого не останется сделать».

** Помета Александра II: «Я тоже так понимаю».

г-ном фон-Бисмарком. Необходимо, чтобы глава прусского кабинета заявил нам ясно, принимает ли он наши оговорки и имеет ли прусский посол в Лондоне распоряжение в случае надобности принять их. Один не может сказать: да, когда другой скажет: нет*.

Что касается наших оговорок, то они составляют скорее право, нежели факт. Ибо без войны, я хочу сказать без удачной для России войны, Германия, Англия и Швеция не захотят видеть над Кильским портом наш флаг.

Эти соображения рекомендуют нам большую осторожность в выборе выражений, в которых мы сделаем наше письменное заявление. Будьте добры их мне предписать, дабы я мог их воспроизвести буквально в соответствии с волей его величества, ничего не добавляя и не убавляя**.

Для передачи мне приказаний его величества по этому вопросу времени у вас будет совершенно достаточно. Наши переговоры идут не с такою быстротой, чтобы они могли опередить ваши сообщения.

Бруннов.

Письмо посланника в Лондоне Бруннова министру иностранных дел Горчакову, 1 июня/20 мая 1864 г.***

Дорогой князь.

Если, вопреки нашим настояниям, Дания возобновит враждебные действия на море, то может случиться, что Пруссия захочет использовать свою победу дальше тех пределов, какие могла бы рекомендовать разумная политика.

Визит императора[88] мог бы в этом случае оказать берлинскому двору истинно дружескую услугу, напомнив королю, что самой лучшей его ролью была бы та, при которой он внес бы умиротворение в датский вопрос.

В самом деле, если бы Бисмарк понял эту истину, он бы заявил, что Пруссия, добившись силою оружия результатов, которых она хотела достигнуть, начиная эту войну, решает не итти дальше. Германия требовала, чтобы герцогства были освобождены от господства датчан. Ну, что ж, они свободны. Чего же хотят еще? Разве желают уничтожить остальную часть монархии? Пруссия вовсе не желает этого. Она об этом заявила. Она свое слово сдержит. Она сохранит национальную независимость государства, необходимую для поддержания равновесия на севере. В виду этого она не доведет войну до крайних последствий. Нет, она будет уважать великие интересы европейского мира, не взирая даже на провокации и враждебные акты, которые Дания будет продолжать.

Твердо заняв эту позицию, Пруссия оккупирует, до заключения мира, территорию на суше. Дальше она не пойдет. Она готова будет принять те предложения о примирении, которые ей сделает Дания. Переговоры о мире она возобновит, как только копенгагенский кабинет изъявит на то желание.

Если наш Бисмарк усвоит себе такой язык, он изгладит то неприятное впечатление, которое произведено повсюду его выступлениями. Он не подвергнет риску самое существование Дании. Он не даст Швеции повода послать свои войска на острова — под предлогом их за-

* Помета Александра II: «Справедливо».
** Помета Александра II: «Придется их составить».
*** МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 80.

щиты, а в действительности с задней мыслью сохранить их для себя. Он не привлечет в Балтийское море английскую эскадру. Одним словом, он не отплатит нам злом за добро. Он оказал бы плохую нам услугу, низведя Данию до пределов одной Скандинавии.

Я предвижу такой конец, если Бисмарк не остановится во время.

Бруннов.

Депеша посла в Лондоне Бруннова русскому посланнику в Копенгагене Николаи, 13/1 июня 1864 г.*

Письмо вашего превосходительства от 6 июня я получил вчера, как раз в тот момент, когда я сделал новую попытку открыть гг. датским уполномоченным путь, могущий, по моему мнению, привести к почетному соглашению.

Попытка не удалась. Определенные инструкции, недавно полученные г-ном Кваадe и г-ном Кригером, не позволили им пойти по пути, который я так старался открыть им. Я не жалуюсь на их отказ, но констатирую его с искренним сожалением. Ибо я предвижу, что этот отказ может повлечь за собой важные последствия.

Желая предотвратить их, пока это еще возможно, я очень прошу вас, господин барон, передать копенгагенскому кабинету в каком состоянии находятся в настоящее время переговоры и затем указать ему ту ситуацию, какая создастся, когда 26-го числа текущего месяца возобновятся военные действия.

Чтобы уточнить картину переговоров, я посылаю вам прилагаемую записку, озаглавленную: «Предварительные мирные условия» [89]. Я сообщил этот проект гг. датским уполномоченным во время конфиденциального собрания, состоявшегося вчера у лорда Росселя. На нем присутствовал французский посол и шведский посланник. Оба порекомендовали датским уполномоченным обратить на «предварительные условия» самое серьезное внимание.

Вы, ваше превосходительство, найдете в этой записке, точное резюме совещаний конференции до настоящего момента, когда я пишу вам.

Я включил только один новый элемент — параграф 9-й, как средство для ведения переговоров [90]. С этой целью я высказал предложение о возведении Рендсбурга в степень федеральной крепости для того, чтобы побудить германские дворы с их стороны облегчить заключение мирного соглашения какими-либо соответственными уступками.

В самом деле, прискорбный характер настоящих прений, к сожалению, заключается в том, что датские уполномоченные лишены основания, необходимого для ведения каких бы то ни было переговоров. Им нечего предложить, нечего обещать противной стороне. Герцогства, о которых идет спор, во власти германцев. Дания не в силах отнять у них эту территорию. Именно таково настоящее положение. Я достаточно серьезно изучил его и убедился, что датским уполномоченным надо иметь в руках бо́льшие средства для ведения переговоров, чем те, которые они имеют для того, чтобы добиться благоприятного результата.

Они уже дошли до предела их полномочий. Дальше итти они не могут. Это заявил мне г-н Квааде. Я признаю и одобряю точное соблюдение им приказаний его государя.

Что касается меня, г-н барон, то долг мне повелевает сказать е. в. королю, почтительно, но вполне откровенно, что мы подходим к мо-

* МИД, канцелярия, 1867 г., д. № 81.

менту, когда всякая надежда на мир исчезнет и когда война станет печальной необходимостью.

Если бы эта борьба предоставляла Дании хотя бы малейший шанс на победу, я не посмел бы сомневаться в мудрости решения правительства возобновить военные действия.

Но, на мой взгляд, из всех войн самая прискорбная есть та, которая требует от нации жертв совершенно напрасных, без всякой надежды на успех. При данном положении вещей у Дании не будет даже того удовлетворения, что она встретится с врагом на поле сражения. Союзники будут спокойно оставаться на территории, которую они занимают. В герцогствах они установят правительство, которое Германский союз признает как бы на законном основании. На Ютландию они наложат тяжелую контрибуцию, в отместку за ограничительные мероприятия, которые Дания примет против германских торговых судов. Эти меры стеснят коммерческую деятельность Пруссии, не парализуя ее, так как посредством быстрого железнодорожного сообщения торговля Пруссии направится к портам Эльбы, которые останутся открытыми под покровительством австрийского флота. Ограниченная тесными пределами, война для Дании станет борьбой без славы, страданием без вознаграждения. Страна истощится в бесплодных усилиях. В конце концов она не выдержит давящей ее тяжести. Ибо как бы ни было сильно национальное чувство у преданного и храброго народа, оно сдастся в безнадежной борьбе. Тогда нация возложит на правительство ответственность за политику, потребовавшую от нее жертв, превышающих ее силы. Те, кто сейчас в Копенгагене требуют возобновления военных действий, первые же станут упрекать кабинет, зачем он уступил их крикливым требованиям. Дай бог, чтобы королю не пришлось увидеть этого.

Но прежде чем возобновятся военные действия, следует спросить себя, а каков будет их конец. Этот конец легко предсказать. Шлезвиг будет потерян полностью, тогда как сейчас можно было бы удержать большую часть герцогства. Ютландия будет раздавлена под тяжестью длительной оккупации, а сейчас достаточно было бы сказать одно только слово, чтобы прекратить ее. Союзники потребуют вознаграждения за военные издержки, и это будет окончательной гибелью датской монархии. Наконец, мир, который мог бы быть в данную минуту почетным, тогда принесет лишь унижения. Г-ну председателю Совета министров слишком дорого достоинство его страны, чтобы он захотел подвергать ее такому несчастью.

Я смею верить в успех усилий, которые он предпримет, чтобы предохранить Данию от опасностей, указанных мною, пока еще можно их предотвратить.

Даже сейчас до меня дошли слухи о последнем шансе, могущем привести к примирению. Это обращение к третейскому суду дружественной державы с целью сгладить трудности, которые встречает разграничение между Данией и Германией [91].

Если бы эта комбинация получила поддержку епископа Монрада [92], то она избавила бы его страну от бесконечных жертв. Достоинство монархии не пострадало бы и надо надеяться, что это способствовало бы наступлению благодетельного и почетного примирения воюющих стран.

Как друг Дании, я не должен бояться говорить всю правду: непредусмотрительно возобновленная война будет гибелью монархии. Мир, мужественно заключенный, спасет трон и обеспечит независимость страны.

Б р у н н о в.

Депеша посла в Лондоне Бруннова министру иностранных дел Горчакову, 22/10 июня 1864 г.*

Ваше сиятельство.

Моей депешей от 27 мая/8 июня за № 134 я предупреждал ваше превосходительство, что конференция в Лондоне приближается к концу.

Несмотря на такую уверенность я не упал духом. Я сделал попытку представить датским уполномоченным средства добиться заключения почетного соглашения.

11 июня лорд Россель пригласил их всех к себе на дружественное совещание с французским послом, шведским посланником и мною.

В этом собрании я кратко изложил положение в каком находятся переговоры и предложил выработать основу предварительных условий мира.

Имею честь представить вашему превосходительству эту мою работу, единогласно одобренную лордом Росселем, принцем де ля Тур д'Оверпь [93] и графом Вахтмейстером [94].

Датские уполномоченные заявили о невозможности для них примкнуть к этим основным положениям. Хотя эти положения и соответствовали буквально заявлениям, которые датским уполномоченным поручено было сделать во время заседаний 2 июня, они побоялись превысить свои инструкции, присоединившись к предварительному акту, сформулированному в том виде,-как я это сделал.

Боязнь, которую они выказали, видя перед собой близкую возможность заключить мир, доказала мне, как они стремились возобновить поскорее войну.

Они хотели этого. Я не могу не упрекнуть в этом г-на де Билля и г-на Кригера. Такового упрека не могу бросить и г-ну Квааде. Правда, он не осмелился противоречить своим коллегам, но тотчас же после нашего собрания он пришел ко мне и попросил дать ему мой проект предварительных мирных условий, для того, чтобы конфиденциально переправить его в Копенгаген.

Благонамеренный, но робкий г-н Квааде еще раз будет защищать перед своим кабинетом дело мира.

Я считаю это дело потерянным, если тенденции крайних одержат верх в совете короля.

Что касается меня, то совесть повелевала мне выполнить мой долг относительно этого государя. Я должен был указать ему на те последствия, которых следует ожидать, если Дания позволит увлечь себя на путь, могущий привести монархию к гибели.

Когда ваше превосходительство прочтете мою депешу барону Николаи, вы отдадите мне должное и скажете, что и датскому кабинету я сказал правду, почтительно, но с полной откровенностью.

Он волен выбирать между миром и войной. Ответственность за выбор ляжет на советников короля. Что бы ни случилось, они не смогут упрекнуть уполномоченных императора, что они не указали им на опасность, которой они подвергнут судьбу монархии.

Бруннов.

Помета Александра II: «Если военные действия возобновятся, то это будет, главным образом, по вине самих датчан».

---

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 79.

Письмо датского председателя Совета министров Монрада датскому поверенному в делах в Петербурге Винду, 28/16 июня 1864 г. *

Милостивый государь,

Лондонская конференция закончилась не вернув нам мира. Нейтральным кабинетам не удалось привести союзные державы к более независимой оценке их дела относительно политической системы Европы. В наших уступках мы дошли до крайних пределов, необходимых для существования независимости и автономии датского государства. Но ничто не могло удовлетворить честолюбивые замыслы германских держав.

С начала и до конца конференции мы были преисполнены самым искренним желанием придти к соглашению, хотя бы ценой принесения в жертву неоспоримых прав.

Когда конференция нашла, что приостановка военных действий необходима для успеха переговоров, мы подчинились и заключили перемирие в самый неблагоприятный для нас момент и на условиях, которые, будучи весьма тяжелыми сами по себе, сделались совершенно невыносимыми вследствие произвольного способа толкования их враждебными военными властями. Во время переговоров мы видели, как союзные державы повелительным тоном отклоняли всякое обсуждение обязательств, взятых на себя в 1851—1852 годах той и другой стороной, а между тем эти самые обязательства союзники выставляли перед Европой в качестве причины и единственной цели войны. Лондонский договор и принцип неприкосновенности датской монархии были признаны всей Европой, как элемент необходимый в системе Европы, мы видели как их отвергали союзные державы, хотя они официально и дали обещание перед лицом других держав уважать этот договор и принцип, им установленный. Наконец, отбросив всякое стеснение, не удовольствовавшись тем, что они отняли у нас Гольштинию и Лауенбург, они потребовали еще и герцогство Шлезвигское, которое они хотят конфисковать в пользу Германии, пользуясь правом сильного, и самое большее на что они согласны, это оставить нам ничтожную часть этой старинной области, всегда принадлежавшей датской короне.

Тяжело было королевскому правительству покорно выполнять одно за другим все растущие требования. Так, полное веры в справедливость нашего дела и в авторитет публичного права, королевское правительство решилось начать борьбу, одну из самых неравных, в надежде найти в европейских советах ту поддержку, которую не могло оказать нам одно наше войско. Тяжело было и лично королю, который принял корону на основе Лондонского договора и который видел себя теперь принужденным обсуждать раздел страны, которая считала, что в нем и в его династии она нашла верную гарантию своей неприкосновенности.

Но как ни тяжелы были эти жертвы, они были принесены. «Если европейские державы в самом деле хотят расторгнуть Лондонский договор,— говорили уполномоченные короля,— его величество король, во избежание возобновления военных действий, не будет противиться уступке некоторой части территории, однако при условии, что он таким образом получит не только мир, но и полную независимость и автономию для оставшейся части его государства».

Полагая, что так оно и будет, они наметили в качестве новой границы линию Екернферд — Фредерикстад, но, считаясь с предложением, принятым нейтральными кабинетами, датское правительство

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 37.

решилось снова отодвинуть эту линию до г. Сли, пункта, предложенного Англией, думая этим приобрести для Дании поддержку четырех нейтральных держав. Размер уступаемой нами таким образом, в интересах мира, территории, значителен. Монархия теряла более четверти своей территории, у Дании отнимались на суше и на море преимущества чрезвычайной важности, причем в такой же степени увеличивались военные возможности Германии. Мы не могли бы идти дальше по пути уступок, не принеся в жертву самого существования Дании.

Но все усилия нейтральных кабинетов и все наши жертвы не поколебали упорства союзников. Покинув конференцию мы снова вернулись на нашу прежнюю позицию, основанную на Лондонском трактате и снова мы стали жертвой войны, ведя которую мы боремся за наше существование, опираясь на европейский договор и высший принцип публичного права. Союзные державы со своей стороны провозглашают право сильного и хотят, несмотря на осуждение всей остальной Европы уничтожить государство, виновное лишь в том, что оно не желает подчиняться их власти.

Вот печальный результат, к которому привел опыт конференции, но, констатируя его, я должен в то же время, констатировать и нечто более утешительное.

Каждый раз, когда во время переговоров правительство короля делало новый шаг по пути уступок, нейтральные державы, в особенности Англия, хотя и побуждали нас к этому, но все же правильно оценивали величие жертвы, которую мы приносим, отказываясь от нашего неоспоримого права.

Выдвинутое лордом Росселем предложение о заключении перемирия предполагало сохранение приобретенных нами преимуществ на море взамен сохранения союзниками преимуществ на суше. Английский министр иностранных дел неизменно признавал справедливость нашего требования, чтобы в основу переговоров были положены обязательства 1851–1852 гг. Лорд Россель не забыл, что инициатором Лондонского договора была главным образом Англия, и силой неопровержимой логики, доказал, что, приняв участие в этом акте, Пруссия и Австрия приняли на себя обязательство относительно других участников его. И когда в конце концов английский кабинет приступил к обсуждению вопроса об уничтожении договора, лорд Россель заявил, что «нейтральные державы имели право отказаться от торжественного договора, которым они признали неприкосновенность датской монархии, только в том случае, если это в состоянии положить основу для прочного и длительного мира» — и на этом основании он признал, что — «новая линия границы не должна быть проведена севернее владения Сли и линии Даневерка». Более того, когда уполномоченные короля намекнули, что мы согласимся на продолжение перемирия, лишь получив уверенность, что английское предложение станет базой будущих решений, лорд Россель заявил, что правительство само не внесет никакого предложения и не присоединится ни к какому предложению, сделанному другой державой и имеющему в виду проведение более северной пограничной линии, не убедившись предварительно в согласии датского правительства. Именно на основании этого обязательства уполномоченные короля согласились на продление перемирия.

Итак, шаг за шагом следовали мы по пути, рекомендованному нам нейтральными державами, и в особенности Англией. Мы полностью приняли предложение, инициатором которого была Англия, и когда мы объявили его нашим ультиматумом, лорд Россель от имени своего правительства, обязался его всегда поддерживать. И хотя мы не можем согласовать полностью это обязательство лорда Росселя с его последним предложением, имевшим целью уполномочить какую-либо

незаинтересованную державу заняться вопросом о проведении демаркационной линии, мы не менее уверены, что английский министр, предпринимая этот демарш, не хотел поставить себя в противоречие с предыдущим своим обещанием.

При возобновившихся военных действиях на поле битвы у Дании по прежнему нет союзников. Но справедливость нашего дела объединила уже вокруг нас симпатии кабинетов и общественное мнение всех наций. Мы вправе надеяться, что эти чувства не допустят, чтобы Дания потерпела крушение, и мы хотим верить, что правительства, которые высказали нам такую деятельную поддержку во время переговоров, не покинут нас и во время столь неравной и несправедливой войны.

Соблаговолите прочитать депешу министру иностранных дел и оставьте ему копию.

Монрад.

Письмо министра иностранных дел Горчакова послу в Лондоне Бруннову, 13/1 июля 1864 г.*

Отсылаю вам Перова и завтра в 7 часов утра выезжаю в Киссинген.

Император прочитал в Потсдаме [95] ваши депеши от 27 мая/8 июня [96].

Чтобы сократить мое письмо, прилагаю памятную записку, составленную с точки зрения политической г-ном Убри о пребывании государя императора в этой столице.

Государь император считал необходимым, чтобы я был в точности информирован о том, что было сказано в Потсдаме, дабы, прибыв после его величества, я мог продолжить переговоры, которые он там вел.

Я видел короля и г-на Бисмарка. Они оба настроены против Англии. Рассчитывая на сильное раздражение против Англии во всей Германии, король и Бисмарк уверены, что в случае разрыва с этой страной национальное чувство будет единодушно за них [97]. В этом они почерпают надежду на укрепление внутреннего положения прусского правительства против демократической партии, которой придется умолкнуть перед той силой, какая развернется в случае разрыва с Великобританией. Это чувство до такой степени ярко выражено, что перспектива открытой борьбы против Англии почти перестала внушать опасения.

Вот что я застал и вот что я, мне кажется, оставил.

Государь император подготовил почву словами хотя и дружескими, но твердыми, не позволявшими создавать себе никаких иллюзий и не допускавшими никакой двусмысленности.

Его величество приказал мне постараться дать дополнения, изложив те важные сведения, какие содержатся в вашей совершенно секретной депеше № 134.

В соответствии с этим государь император предписал мне сообщить по секрету г-ну Бисмарку о тех демаршах, какие были предприняты в Париже в целях создания англо-французского согласия [98]. По просьбе г-на Бисмарка я этот секрет сообщил и королю.

Я говорил с обоими с полнейшей откровенностью, исходя из того, что мы являемся для Пруссии подлиннейшими друзьями.

Я заявил, что мы готовы допустить, что разрыв с Англией, сожжение нескольких портов и приморских городов, парализование и временное уничтожение торговли не явится ударом по жизненным интересам Пруссии, хотя ее денежные дела, уже затронутые нынешней войной,

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 81.

будут сильно задеты, а продолжение этой войны может причинить им еще больший ущерб.

Но не думаю, сказал я, что это будет единственный противник, какого Пруссия встретит на своем пути; мы не можем предугадать, как будут приняты в Париже последние предложения Англии, но, по теории вероятности, выбор императора Наполеона между соблазнами, которые ему выставит Пруссия, и выгодным соучастием, которое ему предложит Англия,— по моему мнению, почти не вызывает сомнений.

Король и г-н Бисмарк оба возразили мне, что император Наполеон должен быть более склонным вступить в союз с Пруссией против Англии, чем пойти по противоположному пути. Имея в виду вековую ненависть, какую питает Франция к Англии, и то обострение, какие имели место за последнее время, ничто не сможет сильнее укрепить династию Наполеона, и придать ей в стране более престижа и силы, чем открытая борьба со старой соперницей.

Не оспаривая этой мысли по существу, я позволил себе заметить, что подавляющее большинство французов — материалисты, что время утопий и рыцарских увлечений прошло; никто во Франции не станет закрывать глаза на те огромные жертвы, какие повлекла бы за собою для всех война с Англией и на неизвестный результат, какой может быть от нее получен, в то время как вожделение в сторону Рейна, которое не встретит возражений со стороны Англии, будет и менее дорогим и не вызовет столько трудностей при осуществлении, а в случае успеха, придаст императору Наполеону престиж, достаточный для укрепления его власти. Комбинация согласия с Англией, несмотря на охлаждение, происшедшее за последнее время, не переставала во Франции считаться символом взаимного могущества и благополучия. Если великие германские державы вынудят английских министров на открытую борьбу, те не поколеблются принять помощь Франции на условиях, которые будут продиктованы императором Наполеоном, не исключая условия о потворстве европейской революции. Возможно, что материальное содействие Франции не проявится немедленно, но возможно, что она подождет пока Англия свяжет себя настолько, что уже не сможет отступать, но в этом случае мне представляется более вероятным, что приманка, какую английский кабинет сможет предложить честолюбию императора Наполеона, привлечет его гораздо больше, нежели сравнительно неопределенные и даже несколько туманные выгоды, которые могут быть следствием союза с Пруссией.

Я также позволил себе напомнить королю и его первому министру о вековых традициях, соединяющих Австрию с Англией, и о стараниях, какие при всех обстоятельствах прилагал австрийский кабинет, чтобы сохранить для себя выгоды английских симпатий, и я спросил их полагают ли они, что Пруссия встретит в Вене действенную помощь, если между Англией и Пруссией вспыхнет война. Или же австрийское правительство, не объявляя себя противником Пруссии, постарается придать своей акции такой характер, который, уменьшая ее практическое значение, в то же время не порвет нитей ее старых связей?

«Что касается позиции России в этом случае,— добавил я,— она стала бы очень тягостной для государя императора. Конечно, до тех пор, пока провидению угодно, для счастья обоих народов, сохранить обоих ныне царствующих монархов, война между Россией и Пруссией, война, которую можно было бы отнести к категории братоубийственных войн, невозможна, и потому я безусловно исключаю такой случай; но имея в виду мотивы, которые могли бы привести к разрыву между Англией и Пруссией, для нас было бы невозможно явно обнаруживать

последней те симпатии, какие мы к ней питаем. Может даже случиться, что в случае появления английского флота в Балтийском море, государь император вынужден будет не остаться безучастным зрителем и тогда, ведь, не среди прусских кораблей будет развеваться наш флаг».

«Вы, конечно, не станете стрелять в нас»,— прервал меня король.

Я. «Нет, ваше величество, но уже одно присутствие нашего флага среди ваших противников явилось бы прискорбным доказательством того, что с точки зрения политической мы не можем быть за то дело, которое вы поддерживаете. Было бы крайней непоследовательностью, если бы мы поступили иначе».

Король. «Я понимаю это».

Я. «Наконец, ваше величество, вы думаете подавить у себя полностью и надолго демократический дух и оппозицию и привлечь на свою сторону всю Германию тем, что решительно бросите перчатку Англии, не считаясь с теми силами, какие она может собрать вокруг себя, а также с тем, что это может ослабить вашу страну. Ваше величество слишком хорошо знакомы с демократическими устремлениями и с духом крамолы, чтобы верить в искренность обращения. Движение, происходящее в Германии, имеет целью не только притязания на герцогства и унижение датской монархии,— это очевидно только знамя, только предисловие к пьесе. Что до сих пор сделали Пруссия и Австрия? Они взяли это дело в свои руки, чтобы довести его до той цели, какую в первую очередь поставила крайняя партия Германии».

Король. «Это верно, но мы хотели достигнуть этого сверху».

Я. «В тот день, когда инцидент этот будет улажен в удовлетворение демократии и вы пожелаете проявить у себя власть, т. е. пойти по пути противному устремлениям партии беспорядка, думаете ли вы, что она перестанет существовать».

Король. «Слишком дорогой ценой мне досталась уверенность в противном».

Я. «Да еще с тем дополнительным условием, что соединенные материальные выступления Англии и Франции усилят революционные элементы в остальной части Европы и увеличат силу и численность единомышленников, которых ваши заговорщики внутри страны найдут вне ее».

Для краткости передаю почти монолог, хотя в действительности это был оживленный разговор, прерываемый репликами с той и другой стороны.

Закончил я следующими словами: — «Если бы безопасность, независимость или честь Пруссии были определенно поставлены на карту, я первый сказал бы, что для сохранения этих ценных благ, можно любую опасность встретить лицом к лицу, даже будучи уверенным, что борьба будет безнадежной; государь император в подобном случае был бы проникнут таким чувством.

Но находится ли Пруссия в таком положении?

С точки зрения военной и даже политической вы одержали победу по всей линии. Стоит ли ради пространства в несколько квадратных миль больше или меньше компрометировать все эти выгоды и подвергнуть спокойствие и будущее Европы опасности всеобщего пожара, последствия которого даже учесть невозможно.

Вашему величеству небезызвестно, что мы всегда рассматривали датский вопрос, как вопрос сравнительно второстепенный, но призванный оказать огромное влияние на комбинацию, которая одна только может на продолжительное время обеспечить интересы порядка и до-

стоинство монархов в остальной части Европы, иначе говоря, может оказать влияние на оборонительный консервативный союз между Россией, Пруссией, Австрией и Англией, направленный против революционного духа и личных вожделений. Эта высокая политика неизбежно была бы принесена в жертву, так как разрыв между Англией и Пруссией существенно видоизменил бы соответствующие позиции великих держав.

Король слушал меня весьма терпеливо и беспрестанно поощрял меня к безусловной откровенности.

Прощаясь со мною, его величество добавил:

«Все, что вы мне сказали, очень серьезно. Я от себя этого не скрываю. Будьте уверены, что я зрело взвешу, что здесь нужно делать».

Г-на Бисмарка я нашел таким же, каким мы его знали в Санкт-Петербурге[99]: обширный ум с широким горизонтом, сразу схватывающий практическую сторону вопросов, но увлекаемый воображением или скорее, находящийся под давлением трудности положения. Я не нашел у него возражений ни на один из выдвинутых мною существенных пунктов, которые, казалось, должны входить в круг идей, какие он сам себе составил. Но он считал почти невозможным, чтобы эти идеи восторжествовали, учитывая личное его положение, как оно создалось в результате влияний, окружающих короля, и теперешнего направления мыслей его величества.

Он не раз приходил к следующему выводу: «Если я окажу давление на короля, он отречется от престола, и я все же уйду от дел, так как государь, который после него вступит на престол, с самого начала пойдет по пути либерализма, на который я не стану никогда».

Я ему сказал: «в наше время обладание властью не является такой приманкой, которая могла бы быть поставлена на одну доску с покоем частной жизни; но когда государственный человек убежден, как мне кажется убежден он, что его отставка повлечет за собою пагубные раздоры в его собственной стране, он не может позволить себе принести в жертву своим вкусам столь великие интересы; я посему отвергаю этот расчет, противный всякому человеку, преданному своему государю и своей стране.

Как в разговорах с королем, так и в разговоре с г. Бисмарком, я выдвинул вопрос о границах[100], вопрос, являющийся главным препятствием для восстановления мира.

«Мы уже находимся,— заявил я,— между двумя ультиматумами: чертой, от которой английский кабинет, по его заявлению, ни за что не хочет отклониться, и линией от Фленсбурга до Тондерна, которая, по утверждению Пруссии, является ее последним словом. Зона между этими двумя крайними пунктами не особенно обширна. Не могла ли бы каждая из противных сторон сделать шаг вперед и встретиться на полдороге? В случае, если самолюбие не позволяет ни той, ни другой стороне принять на себя инициативу, то не могла ли бы какая-либо нейтральная держава взять на себя предложение компромисса. Я в особенности имел в виду сохранение за Данией города Фленсбурга. Этот город не увеличил бы реальной силы той или другой стороны; но это звучное наименование, которое английские министры могли бы использовать перед британским парламентом, как успех, если только разрыв уже не является в Лондоне делом решенным, как единственное средство сохранения их политического существования и поднятия национальной чести. Тогда их решение держаться линии Шлея[101] было бы не более как предлогом. В этом отношении действительное положение вещей может быть оценено только в Лондоне, но размер ставки стоил бы того, чтобы такую попытку предпринять».

Не могу предсказать, даст ли практический результат то впечатление, какое мои слова очевидно произвели.

Г-н Бисмарк не выставил против меня непреодолимых возражений. Король выдвинул против меня только одно возражение: попечение о чести страны. Я не один раз позволил себе доложить е. в., что один он является единственным выразителем этой чести, что он поднял знамя ее слишком высоко, что и энергия его дипломатии не нашла себе равной ни в какой другой стране, поэтому нация никак не может усумниться в том, что эта честь находится в надлежащих руках.

На этом я кончаю.

Если в течение дня я соберу сведения о результатах моих бесед, то поделюсь ими с вами. Во всяком случае, почерпните, дорогой барон, из этого обзора те указания, которые вы сочтете возможным развить в интересах дела доверенного вам государем императором.

Горчаков.

Помета Александра II: «Очень хорошо».

Доклад Александру II министра иностранных дел Горчакова за 1864 г. *

Датско-германский вопрос

Когда последний отчет был представлен на благовоззрение вашего величества, попытки, сделанные в Копенгагене сообща всеми не-германскими великими державами для предотвращения вооруженного столкновения между Данией и Германией, только что потерпели неудачу, и война разразилась на берегах Эйдера. Разница в силах двух враждующих сторон была слишком велика, чтобы хотя на минуту можно было сомневаться в неизбежном исходе этого столь неосторожного обращения к оружию со стороны датского кабинета, который, не слушая советов своих друзей, следовал лишь за голосом народных страстей. И только тогда, когда датская армия принуждена была спешно оставить позиции Даневерка, всегда считавшейся в Копенгагене неприступной, датскому правительству пришлось оценить свое истинное положение.

После того, как оно отклонило предложение о перемирии, сделанное Австрией и Пруссией и рекомендованное сент-джемским кабинетом, который ни на минуту не переставал развивать в пользу Дании деятельность, более благожелательную, нежели удачную, только при виде, что последнее укрепление Шлезвига — высоты Дюппеля попадают в руки врага, министерство, наконец, уступило настояниям нейтральных держав и решилось принять предложение — перенести спор, угрожавший существованию датской монархии, на конференцию держав, подписавших трактат 1852 года.

Так как прискорбный ход переговоров, происходивших на этой конференции, собравшейся в Лондоне, и окончившейся неудачей, был уже изложен выше, я ограничусь, государь, тем, что напомню о том политическом акте, который произошел на одном из последних заседаний конференции и определил последующую линию поведения кабинета вашего величества в датско-германском вопросе. Этот важный акт — приказ вашего величества барону Бруннову напомнить Европе, что права российского императорского двора, которым должна вернуться вся их сила в случае аннулирования Лондонского договора, ваше величество передает великому герцогу Ольденбургскому. Герцог будет сам отстаивать их на основании прав, ему лично принадлежащих.

* МИД, канцелярия, 1864 г., д. № 44.

Так как усилия держав, собравшихся в Лондоне, не увенчались успехом, и трактат 1852 г. был фактически аннулирован, судьба Дании снова оказалась во власти военного счастья. После взятия острова Альзена копенгагенскому кабинету ничего больше не оставалось делать, как только обратиться непосредственно к своим врагам с просьбой о мире[102], условия которого Пруссия и Австрия могли теперь диктовать, не представляя их на рассмотрение нейтральных держав; упрямство Дании, до последнего момента отклонявшей все предупреждения даже своих самых искренних друзей, лишило нейтральные державы в конце концов возможности быть ей еще полезными.

Мир, заключенный в Вене[103], без участия не-германских великих держав, при самых неблагоприятных для Дании обстоятельствах, не мог не быть тяжелым для датской монархии. Только своими советами в Вене и Берлине о необходимости умеренности, кабинет вашего императорского величества мог оказать некоторое влияние на переговоры, в которых он был приглашен принять прямое участие.

Так как последствием этого мира явилось полное отделение герцогств по Эльбе от Дании, доброжелательная забота о делах его высочества великого герцога Ольденбургского, которую ваше императорское величество соблаговолили проявить, не ограничилась простой передачей наследственных прав Готторпского дома его младшей ветви, и представители вашего императорского величества в Берлине и Вене получили приказания поддержать при этих двух дворах дело е. им. выс., а именно настаивать на тщательном рассмотрении наследственных прав, ему только что переданных. Когда же австрийское правительство, стремясь придти поскорее к решению вопроса о шлезвиг-гольштинском наследстве, предложило прусскому правительству немедленно признать принца Августенбургского, вы, ваше императорское величество, предписали графу Штакельбергу[104] указать графу Менсдорфу[105] на то, в какой мере подобный демарш сам по себе не соответствовал законам справедливости, и даже в том случае, если ваше императорское величество и будете это игнорировать, насколько он не соответствовал тому уважению к вам, на которое вы имели право рассчитывать; что вполне естественно и логично было бы беспристрастно рассмотреть права обоих претендентов; что вы, ваше императорское величество, тем более имели основание на это рассчитывать, что ваша позиция была совершенно лишена личной заинтересованности, так как вы изволили отказаться без каких-либо оговорок, от прав вашего дома в пользу великого герцога и что, в силу всех этих фактов требования немедленного признания одного из соискателей будет равносильно замене принципа права силой. Г-ну Убри было поручено в том же смысле высказаться перед г-ном Бисмарком.

Вследствие этого проект о немедленном признании принца Августенбурга, был аннулирован. Между обоими великими державами возобновились переговоры с целью прийти до начала рассмотрения вопроса о наследстве к соглашению о позиции, которую займут герцогства на Эльбе относительно Пруссии, чьи интересы на севере Германии и на берегах Балтийского и Северного морей требуют гарантий и некоторых мероприятий военного характера, несовместимых с полной суверенностью нового государства. Депеша г-на Бисмарка к графу Менсдорфу от 21 февраля[106] подробно излагающая требования, кладет начало новой и опасной для австро-прусского союза фазы датско-германского вопроса. Венский кабинет не нашел возможным выразить свое согласие на требования Пруссии, и ближайшее будущее покажет нам, суждено ли этому вопросу, много лет угрожавшему нарушить покой Европы, поколебать существование германской конфедерации.

[Горчаков].

Доклад министра иностранных дел Горчакова Александру II, 3 сентября 1865 г.*

Наши современные взаимоотношения с иностранными державами определились во время польского кризиса.

Этот кризис привел нас к следующим выводам:

1. Выяснилось, что несмотря на отсутствие антагонизма в интересах наших и Франции, и несмотря на возможность и выгоду соглашения между двумя странами, это соглашение не имело достаточной цены в глазах императора Наполеона, чтобы пересилить его приверженность к революционному «принципу народностей».

2. Стало также очевидно, что поведение других великих держав в этом кризисе было продиктовано желанием разрушить нашу, внушающую им подозрения, близость с Францией. Таким образом, близость эта доставила бы нам противников, не принеся верных друзей.

3. Польский кризис не только послужил нам уроком, но и принес с собой трудности, требующие немедленного разрешения, и фундаментальную работу в будущем.

Эти соображения должны преобладать в нашей политике.

Чтобы успешно выполнить нашу задачу в Польше, мы должны прежде всего стараться поддерживать всеобщий мир.

В продолжение десяти лет императорский кабинет не переставал руководствоваться этим принципом. Сообразно с велениями государя императора, наша внешняя политика не имела другой цели, кроме наших внутренних дел, и отстраняла все что могло бы их расстроить. Этот принцип, полезный и мудрый в то время, когда мы не были непосредственно заинтересованы в делах Европы, стал абсолютно необходимым после того, как мы в них вмешались, вследствие событий в Польше. Всеобщий европейский пожар должен был закончиться в Польше.

Кроме того наши отношения с соседними государствами имели для нас двойное значение: во-первых, по причине общности интересов в результате разделов, а кроме того, потому, что Германия — это дорога Польши. Мы должны были желать, чтобы согласие между двумя великими немецкими державами не было нарушено, потому что мы не могли бы принять сторону одной, без того, чтобы не бросить другую в объятия наших противников. Мы должны были желать, чтобы Германский союз не был поколеблен, потому что междуусобная война открыла бы двери иностранной интервенции, которая могла бы захватить и Польшу.

Эти убеждения руководили нами в осложнениях прошлого года в вопросах по поводу герцогств на Эльбе.

Мы поддерживали со всей силой своего влияния согласие между двумя великими германскими державами и приветствовали их решение взять в свои руки дело, чтобы спасти его от демократических поползновений второстепенных держав.

Конечно, мы не упускали из виду интересы и датской монархии, и если бы наши советы были услышаны в Копенгагене, может быть они избавили бы Данию от потери герцогств.

Если бы на Лондонской конференции великие державы, подписавшие протокол 1852 г., изъявили намерение поддерживать принципы права и равновесия, которые они сами установили, мы, конечно, присоединились бы к ним. Но положение Европы не допускало подобного решения. Правительства были разъединены глубоким недоверием друг к другу и принципы права и равновесия встречали весьма слабых защитников.

* МИД, канцелярия, 1865 г., д. № 44.

Нам не следовало выдвигаться на передовую линию, так как мы могли бы остаться в одиночестве.

Свидания в Берлине и Киссингене в прошлом году имели целью поддержать согласие между двумя великими германскими державами и в то же время рекомендовать им умеренность и сговорчивость по отношению к Дании во имя интересов порядка, мира и консервативности, перед опасностями всеобщей революции и французского честолюбия.

Наши усилия потерпели неудачу в силу создавшегося положения: решения Пруссии использовать до последнего предела благоприятную для нее обстановку и бессилия Австрии помешать этому.

В этот решительный момент мы отклонили предложения Англии о вмешательстве, потому что они имели целью морские действия, для которых английские силы являлись вполне достаточными, тогда как наше участие неизбежно повлекло бы осложнения на суше, которых мы должны были избегать.

Если бы мудрость этой предосторожности нуждалась в доказательстве, оно нашлось бы в ответе тюильрийского кабинета, когда такие же предложения были сделаны в Париже. Г-н Друэн де-Люис намекнул на то, что Англия покинула Францию в польском вопросе и намекнул на необходимость компенсации за те жертвы, которые император Наполеон должен был бы потребовать от своей страны.

Последующие события являлись естественным следствием предыдущих.

Судьба Дании свершилась. Оставалось закрепить результаты войны договором и позаботиться о будущем герцогств.

В этой новой стадии вопроса мы сохранили ту же осторожность.

В вопросе о герцогствах мы не были заинтересованы непосредственно, так как государь император передал права своего дома великому герцогу Ольденбургскому. Единственно чего желал государь, это чтобы судьба герцогств была определена на основе изучения вопроса, согласно с принципами монархического права и порядка, с гарантией безопасности для Дании и Европы, и особенно того, чтобы этот вопрос не послужил причиной разрыва внутри Германского союза. Великие германские державы, также, как и второстепенные, хорошо знали точку зрения императора. Он сообщил ее королю, когда были сформулированы прусские условия.

Наше вмешательство не шло дальше. Несколько раз французский кабинет косвенно зондировал наше мнение о возможности морского господства Пруссии в Киле, что, с его точки зрения, не могло совпадать с нашими интересами, как державы, владеющей берегами Балтийского моря. Мы не приняли этих намеков.

Конечно, императорский кабинет признавал важность тех изменений, которые были внесены в равновесие морских сил на севере Европы. Но мы не преувеличиваем значения этого факта. Великая морская держава не создается в один день или по желанию. Тем не менее. мы не можем скрыть, что вероятный исход этого кризиса не соответствует нашим интересам. Но те же соображения, которые побудили нас примириться с расчленением датской монархии, требуют от нас такой же осторожности по отношению к возможным последствиям этого факта.

Эта осторожность соответствует основной точке зрения императорского кабинета, а именно: при современном положении нашего государства и Европы вообще, главное внимание России должно быть упорно направлено на осуществление дела нашего внутреннего развития и вся внешняя политика должна быть подчинена этой основной задаче.

Соглашение, последовавшее за свиданием в Гаштейне, не изменило нашей точки зрения [107]. Мы сожалели бы о разрыве между двумя великими германскими дворами. Мы не верили в возможность его. Мы предвидели уступки в пользу Пруссии. Из предположений, вызванных этим инцидентом, самым вероятным представляется то, что Австрия не будучи в состоянии помешать увеличению Пруссии на севере и не решаясь на войну, чего ей не позволяет ее положение, захочет уменьшить свои затруднения путем компенсации.

Судя по взглядам, которые повидимому преобладают в Вене, эта компенсация может быть представлена в материальной помощи, имея в виду борьбу в Италии [108]. Австрия обеспечит себе залог в обмен на эту помощь.

Мы не высказали нашего мнения по поводу этого решения, предварительный характер которого позволяет нам молчать. Теоретический протест французского кабинета, который к тому же не был нам сообщен официально, имеет скорее характер поощрения протестам второстепенных государств Союза, чем серьезного выступления [109]. Лондонский кабинет не сообщил нам своего мнения.

При таком положении вещей мы будем ждать, чтобы события определились и чтобы выяснилась позиция великих держав Европы.

Его величество император остается совершенно свободным в своих решениях. Они будут направлены к соблюдению интересов России, которые, мы повторяем, заключаются в двух следующих принципах:

Устранить все, что могло бы нарушить работу в области реформы, преобразования; это является главнейшей задачей страны.

Препятствовать, поскольку это зависит от нас и не противоречит нашей основной задаче, чтобы в это время политическое равновесие не было нарушено в ущерб нам.

Наши отношения с двумя великими германскими дворами поддерживаются в направлении этих основных взглядов. Они остаются дружественными с Пруссией, но та цель, которую преследует берлинский кабинет и характер его современной политики, ни перед чем не останавливающейся, чтобы добиться своего, исключает возможность тесного сближения.

Что касается Австрии, то мы пришли к принципиальному согласию после свиданий прошлого года. Но на деле политика этой державы настолько зависит от настоящих ее затруднений внутренних и внешних, что никак нельзя полагаться на нее. Так, даже в вопросе о Дунайских княжествах, когда наши взгляды и интересы казалось были тождественны перед действиями князя Куза [110], мы встретили очень слабое содействие.

Опыт, проводимый ею в настоящее время в Венгрии [111] и который, как кажется, должен быть распространен и на Галицию, ведет ее по пути, который не сможет содействовать нашему сближению.

Наши отношения с Францией очень трудно определить. Польский кризис прервал их на время. Император Наполеон потерпел неудачу, что он признавал сам и что подчеркнул своим предложением общего конгресса. Мы не старались ухудшать его положение. Но все его поведение свидетельствует, что он видит во всем этом свою неудачу, но не ошибку, и что он ищет возможности получить удовлетворение, но не исправить сделанного.

События в Италии [112], Мексике [113] и Соединенных Штатах [114] в данное время отвлекли его внимание.

Свидания прошлого года не носили политического характера [115], но они способствовали личному сближению и благотворно повлияли на наши отношения. Это впечатление было закреплено симпатией, которую вызвало горестное испытание, пережитое нашим августейшим

государем во Франции, и тактом, который обнаружил император Наполеон при столь тяжелых обстоятельствах [116]. Личные отношения приобрели весьма сердечный характер. Но это не повлияло на политические отношения. Всюду, где мы приходим в соприкосновение, французский кабинет доказывает нам свою враждебность, не оправданную ни различием принципов, ни противоречием интересов. Особенно проявляет себя эта тенденция на Востоке. С явной враждебностью Франция вмешивается во все вопросы, которые затрагивают нас. Она проникает на Кавказ [117], в Армению [118] повсюду, где она может найти повод противодействовать нам. Трудно определить, в какой мере должно нести ответственность за это французское правительство. Весь механизм французской дипломатии направляется ненавистью к нам, которая была вызвана польским кризисом, а большое количество польских агентов среди низших чинов во Франции без сомнения способствует сохранению этого направления. Но правительство не делает ничего, чтобы его изменить. Мы не можем считать подобное постоянство фактом случайным. Оно является симптомом положения, подобного 1852 г., когда император Наполеон, придя к власти без союзников, перед лицом враждебной или недоверяющей ему Европы искал и находил на Востоке почву, где эта враждебность и это недоверие Европы переносилось с него на нас [119]. К несчастью, сейчас как и тогда благосклонность с какой Европа встречает все, что может уменьшить нашу позицию и ослабить возможность нашего влияния на Востоке, должна его ободрить в его намерениях.

Нам невозможно точно установить действительные пределы, какие может иметь эта тенденция французской политики, или определить ее срок. Но она настолько резко выражена, так постоянна, и, кажется, так глубоко вошла в привычки французской дипломатии, что если не серьезные последствия, которые сулит ей новый курс, мы не предвидим возможности вернуться к прежнему согласию.

Мы должны тем не менее оставить для этого двери открытыми, сохраняя повсюду позицию защиты и наблюдения. Неустойчивость современного положения Европы, терпимость, которую Англия выказывает по отношению к Франции, соперничество Пруссии и Австрии, ищущих установить с ней добрые отношения, заставляют нас сохранить предосторожность.

С Англией у нас имеется согласие во всех основных европейских вопросах. Как и мы, она хочет мира и равновесия в Европе, сохранения status quo на Востоке на основе договоров, успокоения страстей, путем примирения, и развития материального благополучия. Как мы, она осуждала поведение князя Куза и желает справедливого примирения и законного разрешения спора о монастырских имуществах.

Ее планы в Сирии и Египте тоже не противоречат нашим [120].

Но это согласие лишь в принципах. На деле английский кабинет проявляет уступчивость по отношению к Франции, что делает невозможным совместные действия с нами.

Эта ненормальность объясняется, как справедливо отметил наш посланник в Лондоне, тем, что английский кабинет нашего влияния в княжествах боится больше, чем французского. Из двух зол он выбирает меньшее. Это пристрастное решение выходит за пределы княжеств и проявляется в большинстве вопросов, волнующих Восток, даже там, где Россия не заинтересована непосредственно. Как кажется, оно связано с убеждением, вкоренившимся в сознание английских министров, что возвышение Франции связано с жизнью одного выдающегося человека и что его дела не переживут его. Они заключают из этого, что более благоразумно согласиться на союз, который обяжет императора Наполеона относиться с некоторой осторожностью к ан-

глийским интересам, нежели подвергаться опасностям, тем более, что войны времен первой империи оставили тягостное воспоминание в английском народе.[121]

Это убеждение британского правительства весьма тягостно влияет на весь ход общей политики Англии и парализует благотворную деятельность, которую мы могли бы проводить сообща.

Еще более было бы прискорбно если бы события в Центральной Азии[122] неправильно оцененные лондонским кабинетом внесли бы в наши отношения повод к разногласиям, что несомненно оказало бы неблагоприятное влияние на наше политическое положение.

Помета Александра II: «Очень хорошо».

Примечания

1. Убри П. П., граф, русский пос[illegible] с 1863 г., а с 1871 г. посол в Берлине.

2 Горчаков А. М., князь, с 1856 г. по 1882 г.—министр иностранных дел, с 1867 г. также и канцлер российской империи.

3. Бисмарк, Отто, князь. Председатель Совета министров в Пруссии и [illegible] время министр иностранных дел с 1862 по 1871 г., канцлер германской [illegible] с 1871 по 1890 г.

4. Датский вопрос — вопрос о герцогствах Шлезвиг и Гольштиния, которыми Дания окончательно овладела с 1806 г.; Венский конгресс 1814 г. оставил герцогства Шлезвиг, Гольштинию и Лауенбург в датском владении, причем последние два герцогства были признаны членами Германского союза. В 1848 г. революционно-освободительное движение захватило и герцогства, где образовалось временное правительство, объявившее войну Дании при поддержке Пруссии. В 1850 г. Пруссия заключила с Данией мир в Берлине, согласно условиям которого герцогства оставались в полном владении Дании, но с обязательством последней дать герцогствам конституцию. Восстание в герцогствах было подавлено, а в 1852 г. на Лондонской конференции представители Англии, Австрии, Франции, Пруссии, России, Швеции и Норвегии подписали протокол о неприкосновенности датского королевства и о порядке престолонаследия в нем. Однако 13 ноября 1863 г. в Дании утверждена была новая общая конституция, по которой герцогство Ш[illegible]ровалось с Данией, что вызывало протест Германского союза, все[illegible] на введении Шлезвига в Союз, и требование его отменить конституцию.

Смерть датского короля Фридриха VII (не оставившего прямого наследника) [illegible] более усложнила положение. По Лондонскому протоколу 1852 г. датский престол переходил в этом случае по женской линии Ольденбургского дома к принцу Христиану Шлезвиг-Гольштейн Зонденбург Глюксбургскому, но в герцогствах Лондонский протокол не признавался и наследником считался представитель младшей мужской линии Готторпского Ольденбургского дома — принц Фридрих Августенбургский, который 18 ноября 1863 г. и объявил о своем вступлении на герцогский престол. Германский союзный сейм поддержал герцога Августенбургского и занял союзной армией Гольштинию. Представители Пруссии и Австрии на сейме заявили, что оба германские государства, хотя и поддерживают Лондонский протокол, но присоединяются к требованию Союза об отмене конституции 18 ноября 1863 г., нарушающей обязательства, данные Данией в 1850 г.

5. В телеграмме от 15/3 января Убри сообщал: «Сейм отклонил австро-германское предложение. Два великих германских государства намерены взять дело в свои руки и приступить сообща к оккупации Шлезвига, во имя поддержания Лондонского договора. Соглашение с Австрией будет заключено в ближайшее время. Войска в движении. Ультимативное требование сроком на 18 часов будет предъявлено Дании. Решения приняты. Положение серьезно».

6. Сидов — представитель Пруссии на общегерманском франкфуртском сейме.

Общегерманский сейм являлся органом Германского союза, созданного Венским конгрессом в 1815 г. Союз объединял немецкие независимые государства. Союзный сейм, собиравшийся во Франкфурте, состоял из уполномоченных отдельных государств. В зависимости от величины и значения, государства имели один или несколько голосов, или объединялись в курии, председательство и главное влияние в сейме принадлежало австрийскому уполномоченному. Герцогства Гольштиния и Лауенбург также входили в состав Германского союза, хотя Венским конгрессом 1815 г. и были оставлены в датском владении, в качестве вознаграждения за отделение от Дании Норвегии.

7. Речь идет о конституции от 13 ноября [illegible] г., которая была утверждена новым королем — Фридрихом VIII 18 ноября и принята датским ригсдагом (парламентом), как основной закон для «королевства Дании и герцогства Шлезвигского». Введение Шлезвига, который до сего времени имел свое управление и сословный сейм, в общую с королевством конституцию, означало полное его слияние с Данией.

8. Пфордтен, барон,— представитель Саксонии на общегерманском сейме.

9. Представитель герцогства Гессенского на собрании франкфуртского сейма [illegible] войск в Шлезвиг.

10. [illegible] к европейским державам с предложением собрать конференцию для обсуждения датского вопроса, на [illegible] Наполеон III ответил циркуляром к второстепенным германским дворам с заявлением, что он согласится на предложения Англии с условием, если Германский союз примет [illegible].

11. Четверное согласие — согласие Австрии, Англии, России и Пруссии; этого соглашения особенно добивалась Россия, желая изолировать Францию за политику последней в польском восстании 1863 г., а также и потому, что видела в нем главный [illegible].

12. Таллейран — Перигор, барон,— французский посол в Берлине с 1862 г. по ноябрь 1864 г.

13. [illegible]ное решение», которого добивалась Россия у Дании — это отмена конституции 13 ноября 1863 г. и добровольное согласие Дании на оккупацию Шлезвига австро-прусскими войсками, в чем русское правительство видело в некотором роде гарантию против революционной пропаганды в Гольштинии.

14. К этому времени борьба между Бисмарком и прусской либеральной буржуазией достигла крайнего напряжения. В 1863 г. палата вотировала недоверие министерству Бисмарка и была распущена. Король говорил об отречении от престола. Бисмарк [illegible]вил, что он готов править без большинства и без бюджета. В новой палате опять [illegible]я партия и сессия 1864 г. была чрезвычайно бурной. Бисмарк рассчитывал укрепить свое положение и положение правительства крупной победой Пруссии на внешнем фронте.

15. Бруннов, граф,— русский посол в Лондоне с 1858 г. по 1874 г. В письме к Бруннову от 30 декабря 1863 г., пересланного в копии и Убри, Горчаков говорит о настоятельной необходимости поддерживать и укреплять четверное согласие. Для этого, по его мнению, надо с одной стороны успокаивать подозрительность Англии, явно не доверяющей Пруссии, а с другой удерживать Пруссию от чрезмерных притязаний. Кроме того, по мнению Горчакова, интересы России связаны с положением Бисмарка. Надо укреплять его положение внутри страны, убедить Данию согласиться на оккупацию Шлезвига, обещая за это изгнание из Гольштинии принца Августенбургского. В случае, если Англия предпримет морскую демонстрацию в пользу Дании, Россия намеревалась дружественно предупредить Австрию и Пруссию, что эта демонстрация направлена только против Союзного сейма, выделив их, таким образом, и присоединив к державам, подписавшим Лондонский трактат.

16. Т. е. поставило бы консервативные государства, бывшие члены Священного союза — Австрию, Пруссию и Россию против Англии и Франции.

17. Будберг, барон,— русский посол в Париже с 1862 г. по 1868 г.
Телеграммой от 15/3 января Будберг сообщал «...Просьба Дании о посредничестве здесь вручена. В принципе здесь не расходятся с английским проектом конференции; ответ и был дан в этом смысле. Англия предлагает декларацию четырех негерманских государств перед Германским союзом против могущего быть вступления в Шлезвиг. Друэн не отклоняет этого предложения, но желает, чтобы эта декларация была обращена официально в Берлин и Вену и чтобы в Франкфурте она являлась только инструкцией уполномоченным и не имела бы угрожающего характера».

18. Письма Горчакова к Будбергу в материалах, хранящихся в Госархиве внешней политики — не обнаружено.

19. Дания не хотела никакого собрания держав для разрешения вопроса о герцогствах, предвидя, что в открытой войне она может потерять меньше, нежели при решении вопроса «дружественными» державами, но русское правительство, не желая выступать активно в пользу Дании против Пруссии, настаивало, чтобы Дания обратилась к державам с предложением о созыве конференции.

20. Тун-Гогенштейн, граф, австрийский поверенный в делах в Петербурге с 1863 по сентябрь 1864 г.

21. Редерн, барон, прусский посланник в Петербурге с 1863 г. по 1866 г.

22. Эйдер — река, протекающая по Шлезвигу, впадающая в Немецкое море.

23. Россель Джон, граф, — английский министр иностранных дел с 1862 по 1866 г.

24. Упоминаемой телеграммы Убри в делах Архива внешней политики не обнаружено.

25. В 60-х годах империя Наполеона явно шла к упадку. Нарастающее недовольство различных слоев населения, громадный государственный дефицит, оживающее после разгрома 1848 года рабочее движение — все это заставляло Наполеона III искать выхода в авантюрных выступлениях во внешней п[illegible].

[illegible] указаний на то, когда был поставлен Россией подобный вопрос, в материалах архива не обнаружено. Наиболее вероятное предположение, что произошло это в 1863 г., когда Россия опасалась активного выступления Франции в защиту Польши.

27. В это время русское правительство еще было занято кровавой расправой с участниками польского восстания 1863 г., отыскивая и пресекая повсюду «корни» [illegible].

28. Габленц имеет в виду Священный союз, оплот общеевропейской реакции, заключенный 26 мая 1815 г. в Париже между Россией, Австрией и Пруссией. Союз рас[illegible].

29. Во время польского восстания 1863 г. Наполеон III, уступая давлению общественного мнения и надеясь завоевать симпатии либералов, встал на защиту Польши, обратившись к европейским державам с призывом созвать конгресс для разрешения [illegible]

[illegible], что [illegible] 18 ноября [illegible] направлены [illegible] заявлением, [illegible]о решило вступить на этот путь, рассчитывая, что Пруссия и [illegible] продление срока ультиматума.

31. [illegible] — французский министр иностранных дел с 1862 г. по [illegible].

[illegible] от 10 [illegible] Париже Будберг сообщал, что в германских [illegible] опубликов[illegible] министра иностранных дел к французским представителям [illegible] дворах — членах Германского союза, — сообщающий им точку зрения [illegible] французского правительства на предполагаемую конференцию по вопросу о Гольштинии. На основании опубликованного циркуляра можно вывести заключение, что Франция намерена отказаться от протокола 1852 года. На запрос Будберга Друэн де-Люис заявил, что опубликованный в германских газетах циркуляр очень отличается от подлинного, не сообщая однако текста циркуляра. Это убедило Будберга в том, что опубликованный текст немногим отличается от подлинника.

33. 5 января (н. ст.) датское правительство обратилось к державам, подписавшим Лондонский трактат, с прось[illegible] посредничества в вопросе о герцогствах, не уточняя формы, в какой это посредни[illegible]ство может быть осуществлено. Англия и Франция, воздерживаясь от решительного выступления, ответили заявлением, что просьба слишком неопределенна. Русское правительство, указывая на то же, настойчиво советовало Дании повторить обращение с просьбой о конференции, причем указало даже формулу этого обращения: «Датское правительство желало бы собрания держав, подписавших Лондонский трактат с присоединением представителя от общегерманского сейма, дабы обсудить средства разрешения германо-датского вопроса».

34. Карольи, граф, австрийский посланник в Берлине с 1860 г. по 1866 г.

35. Бьюкенен, Андрью, английский посол в Берлине с 1862 г. по 1866 г.

36. Синяя книга [illegible] сборник дипломатических документов, представляемых в парламент.

37. Общественное мнение в Англии было настроено в пользу Дании и требовало более решительных действий со стороны правительства. Между тем правительство (либеральное Пальмерстона) проявляло в датском вопросе чрезвычайную нерешительность. По мнению Бруннова эта инертность объяснялась тем, что «английский флот не может быть приведен в движение, не дав повода Франции двинуть свои армии. Пальмерстон не решается пройти Зюнд, не желая, чтобы Наполеон перешел Рейн. Поэтому оба государства остаются неподвижными».

38. Шифрованная телеграмма Горчакова Убри от 16 января следующего содержания: «Настоятельно просите не ускорять событий до прибытия моего курьера, выезжающего в пятницу утром. Возможный разрыв между Англией и великими германскими державами, разрыв, к которому присоединится несомненно и Франция, подвергнет опасности все интересы как общие, так и частные, и задушит в зародыше надежду на лучшее будущее Европы».

39. Маршал Врангель — командующий прусской оккупационной армией.

40. Итценплитц, [illegible] венных работ с [illegible]

41. Общ[illegible] прессе, сочувст[illegible]ения, под которым шло революционно-освобо[illegible], на Балканах, освободительное движение в Ге[illegible]. Наполеон III объявил наци[illegible]

42. Нэпир, лорд, — [illegible]

[illegible] сообщал шифром: «Совет [illegible] вчера и[illegible] следу[illegible] Шлезвиг и Голь[illegible] ными средствами [illegible] дает уклонч[illegible] предпочт[illegible] того. Не сч[illegible] четы, объявить себя [illegible] которые [illegible] жалкая [illegible]

[illegible] г. в герцогствах поднялось [illegible] вига и Гольштинии в одно целое и включ[illegible] в сост[illegible] Восстание было подавлено Данией, но Пруссия вста[illegible] якобы на [illegible] и началась война, продолжавшаяся до 1850 г., когда был [illegible]ючен мир с Пр[illegible] а несколько позднее восстание было окончательно подавлено. Посл[illegible] дала Шлезвигу независимое административно-политическое положение, [illegible] сеймы шлезвигские и гольштинские получили законодательные права [illegible] местных.

[illegible] датчанами еще в [illegible] [illegible]. После шлезвигской войны 1848 г., в которой Даневе[illegible] [illegible]щитой, датчане с большими зат[illegible] ными у[illegible]плениями. В начале войны 1864 г. [illegible] верк[illegible] потом без боя сдала его прусским и авст[illegible]

46. Квааде, — датски[illegible] посланник в Берлине с 1860 [illegible] после разрыва дипломати[illegible] Копенгаген и 8 января [illegible]

47. Австро-прусские войска заняли город Шлезвиг 6 фев[illegible]

4[illegible]. Рехберг, граф, — австрийский министр иностранных дел с 1859 г. по 1864 г.

49. Телеграммой от 4 февраля/23 января Моренгейм сообщал: «Сегодня долж[illegible] [illegible] Австрии. В ней говорится, что, базируя оккупацию Шлезвига на договорных ус[illegible]иях 1852 г., оба правительства подразуме[illegible]ли и неприкосновенность как составную часть этих условий. Что если однако последствия, которые повлечет за собой сопротивление Дании подчиниться оккупации или активное вмешательство других держав вызовут необходимость комбинаций более соответствующих жертвам, какие оба правительства принесут, эти последние будут готовы установить эти комбинации [illegible] с державами, подписавшими Лондонский тр[illegible]

50. По сообщению 9 февраля/28 января посла в Лондоне Бруннова Пальмерстон, делая сообщения в палате общин о датском вопросе, заявил, что хотя прусская декларация по поводу вступления в Шлезвиг и лишена, конечно, ясности, но по его мнению из нее следует заключить, что Пруссия и Австрия решили обсуждать могу[illegible] То же мнение о неясности декларации выражал Бруннову [illegible]

51. Плессен, барон — датский посланник в Петербурге с 1849 по 1867 г.

[illegible]. В 1848 г., когда в герцогствах Шлезвиг и Гольштинии поднялось революционн[illegible] помощь последней свой флот.

53. Русский император Петр III был сыном гольштинского герцога Карла Фридриха и наследником его. В 1767 г. Екатерина II отказалась за сына Павла от прав наследования в Шлезвиг-Гольштинии в пользу датского короля. В 1773 г. по достижении совершеннолетия Павел подтвердил этот отказ.

54. Варшавский договор 5 июня/24 мая 1851 г. был заключен между Данией и Россией и содержал отказ Николая I от своего имени и имени своих наследников от престолонаследия в Шлезвиге и Гольштинии в пользу будущего наследника датской короны — принца Христиана Глюксбургского.

55. Тотчас по вступлении австро-прусских войск в Шлезвиг (6 января) датское правительство обратилось к Англии, России и Франции с просьбой о защите прав датского короля, при чем в обращении к Англии и Франции напоминалась их гарантия 1720 г., а к России — отречение от прав на герцогства 1763 и 1767 гг.

Гарантии Англии и Франции были даны Дании, когда она получила в вечное

[illegible]дение Шлезвиг за участие в Северной войне против Швеции по ми[illegible] 1720 г. К[illegible]ль Фридрих IV, занимавш[illegible] то время датский престол, происходил от Августенбургской линии [illegible] дома.

[illegible] Герцоги Ольденбургские являлись младшей линией датского королевского и герцогского Шлезвиг-Гольштинского Готторпского дома. По соглашению с Александром II, который, будучи представителем старшей линии Готторпского дома, еще в 1862 г. уступал свои права герцогу Ольденбургскому, герцог Ольденбургский [illegible]ен был предъявить свои права на герцогский престол в случае отделения гер[illegible] от Д[illegible].

Русское правительство предприняло этот шаг, во-первых, потому, что гер[illegible] Ольденбургские были тесно связаны с Россией, а, во-вторых, первый претенде[illegible] на герцогский престол герцог Августенбургский был кандидатом Германского союза, проводившего революционные, по мнению Александра II, объединительные идеи.

[illegible]7. 1[illegible]2 февраля Моренгейм телеграфировал в Петербург: «Только что от Бисмарка. П[illegible] [illegible]рживает территориальную неприкосновенность датской территории, [illegible] своей декларации Лондону, т. е. условно, но считает себя свободной [illegible] прямых обязательств с Данией. Если [illegible], Пруссия отдает предпочтение Ольденбургу перед А[illegible].

[illegible]. Тингсы — палаты датского парламента: фолькстинг — нижняя и ландстинг — верхняя.

59. Во французских и английских газетах от 9 февраля/30 января появились сообщения, что [illegible]вестие о взятии австро-прусскими войсками Шлезвига вызвало возмущение в Копенгагене, перешедшее почти в м[illegible]. Д[illegible] парламент обратился с адресом к королю, прося его защитить со всей энергией права страны.

60. В деле архива внешней политики имеется одна телеграмма Бруннова от [illegible] февраля, по поводу посылки английской эскадры, в которой против слов: «Рос[illegible] с удовлетворением увидел бы наш флот присоединившимся, когда время тода позволит это», имеется пометка Александра II: «Я надеюсь, что к тому времени положение дел улучшится».

61. После за[illegible] австро-прусскими войсками Шлезвига там были назначены два комиссара: прусск[illegible] — Зедлитц и австрийский — граф Ревертера.

62. Герцог Фридрих принц Ноэрский, герцог Августенбургский, претендент на престол в герцогствах, в 1848 г. был военным министром герцогств во временном правительстве и командовал войсками герцогств во время войны с Данией.

63. После крушения всей политической системы Николая I во время севастопольской войны 1853—1856 гг., закончившейся Парижским миром 1856 г., русское правительство заявило, что Россия отныне отказывается от вмешательства в европейские дела и отдает все свое внимание вопросам внутреннего поряд[illegible].

64. Герцогства Ш[illegible]иг и Гольштиния являлись предметом постоянной борьбы между Дан[illegible] [illegible]ми европейскими государствами. Попытка установить status quo в [illegible] [illegible]онским договором нарушалась постоянно Данией, стремившейся к полной [illegible]корпорации герцогств.

65. Копии депеши Нессельроде в деле не оказалось.

66. Швеция и Норвегия с 1814 г. были объединены на основе личной унии, т. е. при общем короле самостоятельное управление, а для решения общих дел — соединенный государственный совет.

67. Здесь имеется в виду отказ Никол[illegible] I в 1851 г. от своих прав на Шлезвиг и Гольштинию. См. «Варшавский протокол».

68. Массиньяк — французский поверенный в делах в Петербурге.

69. В Греции в 1862 г. был объявлен плебисцит по вопросу о кандидате на вакантный престол после отречения Оттона I.

70. В 1830 г. после отделения Бельгии от Голландии на национальном конгрессе был избран король Леопольд.

71. Ионические острова по Парижскому трактату 5 ноября 1815 г. были отданы под протекторат Англии. По требованию законодательного собрания островов в 1863 г. Англия отказалась от протектората и по выраженному этим же собранием желанию они в январе 1864 г. были присоединены к Греции.

72. Прагматическая санкция Карла VI о неделимости австрийских наследственных земель и о порядке наследования их была принята в 1720 г. представителями всех земель, входивших в состав Австрии.

73. Прусский король и Бисмарк ездили в герцогства на театр военных действий, где пробыли с 8 по 13 апреля.

74. В письме Горчакову от 26/14 апреля Убри сообщал, что в Петербург выезжает Пирх прусский поверенный в делах в Петербурге. «Он везет вам добрые слова Бисмарка, — писал Убри, — успокаивающие относительно позиции, какая будет определенно преобладать во всех решениях Пруссии даже тогда, когда видимость не всегда соответствовала бы этим добрым намерениям».

75. В письме от 19/7 апреля по поводу взятия Дюппеля (18 апреля) прусскими войсками Горчаков писал: «Из этой победы Бисмарк может извлечь для себя большую пользу как в смысле внутреннем, так и внешнем. Это для него решительный [illegible] и, я хочу надеяться, он блестяще выйдет из этого испытания. Он доказал [illegible]у, пусть теперь он успокоит кабинет своей умеренностью».

[illegible] н/ст. прусскими войсками был взят Дюппель, где проходила укрен[illegible]иния, прикрывавшая переправу на остров Ал[illegible].

77. 23/11 апреля Убри послал Горчакову шифрованную телеграмму: «Крайне необходимо охладить Бисмарка, заставив его уточнить свои замыслы. Английское недовольство законно, так как язык, которого здесь придерживаются, таит заднюю мысль. Чрезмерные требования будут представлены в Лондоне». На тексте телеграммы помета Александра: «Очень боюсь, чтобы он там не спутал карты еще больше».

78. Лондонская конференция по вопросу о герцогствах открылась 20/8 апреля.

79. На первом заседании Лондонской конференции был поставлен вопрос о пер[illegible]мирии; после дискуссии по поводу того, входит ли сюда вопрос о прекращении военных действий на море, (этого добивалась Пруссия. Дания предлагала не включать этого пункта, т. к. в морских сражениях она имела преимущество над не[illegible]ним немец[illegible] воюющим сторонам было поручено послать своим правительствам предлож[illegible]ференции о заключении перемирия. Перемирие было объявлено до 26 июня.

80. Оккупация Ютландии была закончена 28 апреля (н. ст.) и Врангель на нее наложил контрибуцию в 650 тыс. т[illegible].

81. Бигелеб[illegible], граф, [illegible]дставитель Австрии на Лондонской конференции.

82. Кнорринг, [illegible]ьства в Вене. В это время поверенный в делах за отсутст[illegible].

83. Аппони, граф,— австрийский [illegible]моченный на Лондонской конференции.

[illegible]еля Убри сообщал австро-прусские требования: [illegible]ная уния герцогст[illegible]й при полной их независимости и при [illegible]ния их в Германский [illegible]; 2) превращение Рендсбурга в федеральную [illegible]; 3) создание морского к[illegible], [illegible]диняющего Северное море с Балтийским и 4) [illegible].

[illegible]. Бернсторф,— прусский представитель на Лондонской конференции.

[illegible]. Варшавский договор 1851 г. имел следующие оговорки:

1) евентуальные права двух младших линий Гольштейн-Готторпского дома будут формально сохранены;

2) права, от которых отказался августейший представитель старейшей линии за себя и своих наследников, в пользу принца Христиана Глюсбургского и его потомства, восстанавливаются в императорском российском доме, если угаснет линия мужского потомства принца;

3) так как отречение от прав августейшего государя императора имело целью способствовать комбинации, отвечающей, главным образом, интересам монархии, отречение перестанет быть обязательным в том случае, если вышеупомянутая комбинация не осуществится.

87. Киль — очень удобная гавань на Балтийском море.

88. Александр II выехал вместе с Горчаковым в Пруссию в начале июля (10—11 н. ст.). Свидания их с прусским королем и Бисмарком происходили сначала в Берлине, потом в Киссингине. Эта поездка и секретные переговоры вызвали беспокойство в Англии и Франции. Появились слухи о возобновлении Священного союза.

89. В своей работе «Предварительные условия мира» Бруннов в § 1 устанавливал общий принцип: датская монархия сохраняется в своей национальной неприкосновенности и полной автономии, как элемент, необходимый для сохранения европейского равновесия; далее идет целый ряд уступок в пользу Германии: отделение Гольштинии, герцогства Лауенбург, превращение Рендсбурга в федеральную крепость. За все это германские дворы обязуются не вмешиваться во внутренние дела Дании.

90. § 9 предварительных условий мира следующий: «исходя из чувства справедливости копенгагенское правительство не будет возражать против объявления Рендсбурга федеральной крепостью».

91. Предложение было сделано английским уполномоченным на Лондонской конференции.

92. Монрад, епископ,— с января 1864 г. по 8 июля председатель кабинета министров в Дании и министр герцогств.

93. Де ля-Тур д'Овернь, принц,— французский делегат на Лондонской конференции.

94. Вахмейстер, граф,— шведский делегат на Лондонской конференции.

95. В Потсдаме находился загородный дворец короля.

96. В депеше от 8 июня/27 мая № 134 Бруннов сообщал о ходе переговоров на конференции. Несогласия сторон по вопросу о границах, неуступчивость берлинского и венского кабинетов могут привести, по его мнению, к прекращению переговоров.

97. После неудавшейся Лондонской конференции взаимоотношения Англии и Пруссии чрезвычайно об[illegible]. Англия обвиняла Пруссию в чрезмерных притязаниях и тайных [illegible], а Пруссия — в нарушении нейтралитета, указывая, что во время последней морской битвы в устьи Эльбы английские корабли сообщали датской эскадре наличие австро-прусских сил и своими маневрами парализовали действия [illegible] флота.

98. Свидание Александра II с прусским королем и австрийским императором в Киссингене возбудило в Англии и Франции подозрения, что там было заключено тайное соглашение на подобие Священного союза. Это заставило Англию пойти на[illegible], предложив ей выработать общие меры борьбы с прусской агрессией.

99. Бисмарк был посланником в Петербурге с апреля 1859 г. до конца 1862 г.

100. На Лондонской конференции главный вопрос, послуживший причиной прекращения переговоров, был вопрос о границах герцогств. Так Англия предлагала отделить от Дании Гольштинию и южные округа Шлезвига, а Германский союз, Пруссия и Австрия желали отделения всего Шлезвига.

101. [illegible] — узкая и длинная бухта Балтийского моря на восточном берегу герцогства Шлезвиг. Длина ее 42 клм.

102. После падения [illegible] Гольштинии, Шлезвига и Лауенбурга. Ютландия оставалась в руках союзников до заключения мира.

103. 1 августа 1864 (н. ст.), в Вене были подписаны предварительные условия мира; Дания уступала герцогства Шлезвиг, Гольштинию и Лауенбург Пруссии и Австрии, Ютландия оставалась в руках союзных войск до заключения мира; до 15 сентября полное прекращение военных действий с правом продлить перемирие на шесть недель.

104. Штакельберг, граф, — русский посланник в Вене с 15 августа 1864 г. по 1869 г.

105. Менсдорф, граф, — австрийский министр иностранных дел с 27 октября (н. с.) 1864 г. по 1867 г.

106. В депеше от 21 февраля (н. ст.) 1864 г. Бисмарк сообщает венскому кабинету прусские требования, в случае если герцогства будут объявлены независимыми, а именно: «аннексия» Пруссией шлезвиг-гольштинской армии и передача Пруссии некоторых крепостей, ввиде гарантии против неизбежных, по мнению Бисмарка, попыток Дании вернуть себе герцогства, опираясь на датское население их.

107. 14 августа 1866 г. в г. Гаштейне был заключен между Пруссией и Австрией договор о разделе герцогства. По этому договору управление Шлезвигом было взято Пруссией, а Гольштинией — Австрией. Киль был сделан союзной [illegible]. За 2½ миллиона датских рикталеров Австрия уступила Пруссии свои права на Лауенбург.

108. В Италии в это время шло объединительное движение. Под властью первого короля Италии Виктора Эмануила объединились все итальянские земли, за исключением Савойи и Ниццы, захваченных Францией, Венецианской области, которой владела Австрия, и Рима, где господствовал на правах короля папа Пий IX.

109. 29 августа (н. ст.) 1865 г. французский министр иностранных дел направил своим представителям заграницей циркуляр с протестом против договора в Гаштейне. В нем Друэн де-Люис выражал сожаление, что указанный договор «не имеет иного основания, кроме силы и иного оправдания, кроме взаимных интересов двух участников дележа».

110. Дунайские княжества Молдавия и Валахия, объединенные в княжество Румынское под верховною властью султана, были ареной постоянно скрытой борьбы между Австрией и Россией. Раздражение Румынии против румынского господаря князя Кузы вызвало наложенный им секвестр на имущество греческих монастырей, находящихся в Румынии. Греческие монастыри играли для России роль политических агентов.

111. Между венгерским сеймом и австрийским правительством шла в это время борьба по вопросу о правах венгерского сейма, о федеративной самостоятельности Венгрии.

112. Итальянская политика Наполеона III, с одной стороны, поддерживавшего объединительное движение в Италии, а с другой отстаивавшего принцип сохране-

[illegible] прикосновенности светской власти папы, его обещание содействовать приобретению Италией Венеции, причем он то вел переговоры по этому вопросу с Австрией, то соглашался на союз Италии с Пруссией против Австрии, была крайне неудачна и привела в конце концов к разрыву франко-итальянского согласия.

113. В Мексике в результате революции 1867 г. установилось либеральное республиканское правительство, что вызвало интервенцию Англии, Франции и Испании, [illegible] льно заинтересованных в сохранении там старого феодального р[illegible]. [illegible] ре устранились, а французские войска заняли Мексико и [illegible] III [illegible] ил избрание на мексиканский трон австрийского эрцгерцога Ма[illegible]

[illegible] 60-х годах происходила гражданская война, между южными [illegible] ми, закончившаяся победою США и провозглашением доктрины [illegible] американцев, что делало недоступным проникновение фран[illegible]

[illegible] бря 1864 г. в Ницце произошло свидание Наполеона III и Алек[illegible] II.

116. В апреле 1865 г. старший сын Александра II и наследник Николай умер [illegible] Ницце.

117. Русское правительство обвиняло Францию в том, что на Кавказе, [illegible] русская политика на Ка[illegible] неофициальных представлении со ст[illegible]

[illegible] го интереса России. Но попытки царской [illegible] вызывали оппозицию со стороны [illegible] закончилась устано[illegible]

[illegible], очевидно, вспомнил соперничество и борьбу России и Франции [illegible] тых годах за преобладающую роль в Пал[illegible]

[illegible] ы Англии в Сирии и Египте — утверждение там английского влияния.

[illegible] [illegible] перия Наполеона I.

[illegible] неудачи в севастопольской войне Россия обратила свою [illegible] Азию, что вызывало опасения и недовольство Англии, опа[illegible]

Из истории рабочего движения конца 90-х годов и „Союзы борьбы за освобождение рабочего класса“

90-е годы вошли в историю пролетариата России как важнейший этап со-[illegible] рксизма с рабочим движением. До середины 90-х годов социал-демократия существовала в России как идейное течение. «Группа «Освобождения Труда» лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению. «Только агитация 1894—1895 гг. и стачки 1895—1896 гг. создали прочную, непрерывную связь социал-демократии с массовым рабочим движением»[1]. С этого момента социал-демократия становится [illegible]вной политической силой, неразрывно с[illegible]занной с борьбою (как экономической, так и политической) рабочего класса»[2].

Слияние марксизма и рабочего движения осуществилось в России на базе быстрого развития капитализма и рабочего класса во второй половине XIX века. К концу XIX в. капитализм в России (несмотря на тормозящие его развитие крепостнические пережитки) достиг значительных успехов. В 1867 г. в стране было выплавлено 17 028 тыс. пудов чугуна и добыто 26,7 млн. пудов каменного угля. В 1897 г. производство чугуна поднялось до 114 782 тыс. пудов, а добыча каменного угля дала 683,9 млн. пудов. Одновременно шел интенсивный процесс создания новых промышленных центров. Донбасс, игравший в первые десятилетия после реформы незначительную роль в хозяйственной жизни страны, к концу XIX в. выдвинулся на положение ведущего промышленного района. Быстрыми темпами шло также развитие нефтяного капиталистического района на Кавказе. Добыча нефти, составившая в 1870 г. 1,7 млн. пудов, в 1895 г. поднялась до 384 млн. пудов.

Общее развитие капитализма, а следовательно и рост общественного и географического разделения труда дали толчок железнодорожному строительству. Длина первой железной дороги, построенной в 1838 г., равнялась 25 верстам. В 1878 г. ж.-д. полотно достигало 21 676 верст, а в 1898 г. оно равнялось 40.300 верст.

Промышленный подъем конца XIX в. развивался на базе широкого внедрения машин в производство. В одном только горном производстве число паровых машин с 1877 по 1893 г. увеличилось с 895 до 2 853. Машинное производство резко и круто вытесняло отсталые формы промышленности и содействовало концентрации производства и рабочего класса.

«За 25 лет, с 1865 по 1890 год, количество рабочих на одних только крупных фабриках, заводах и железных дорогах увеличилось с 706 т. до 1 433 тысяч, то есть более чем вдвое... К концу 90-х годов количество рабочих на крупных фабриках и заводах, в горной промышленности, на железных дорогах только по 50 губерниям Европейской России выросло до 2 207 тысяч, а по всей России — до 2 792 тысяч»[3].

На крупных предприятиях, составлявших в 1890 г. всего 4,4% фабрик и заводов, насчитывалось 71,1% всех рабочих. К концу 90-х годов XIX в. в России сложился «современный промышленный пролетариат, в корне отличавшийся от

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 353.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 218.

[3] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, стр. 6—7.

рабочих фабрик крепостного периода и рабочих мелкой, кустарной и всякой иной промышленности как своей сплоченностью на больших капиталистических предприятиях, так и своими боевыми революционными качествами»[1].

Со второй половины 90-х годов социал-демократическая партия в своем развитии опиралась на подъем массового рабочего движения. Рабочее движение в России особенно наглядно показало роль и значение привнесения социал-демократического сознания извне. «Разве наши стачки... не представляли только одних стихийных взрывов до тех пор, пока революционные кружки социалистов не взялись за широкую агитацию, за призыв рабочих масс к классовой борьбе, к сознательной борьбе против своих угнетателей?»[2]. Классовая борьба пролетариата становится сознательной политической борьбой пролетариата с того момента, когда «вырабатывается высшая форма социалистического рабочего движения: самостоятельная рабочая соц.-демократическая партия»[3].

Зачатком революционной партии пролетариата в 90-е годы явился основанный и руководимый Лениным Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Петербург в конце XIX в. был наиболее передовым промышленным центром страны с вполне сложившимися кадрами квалифицированного потомственного пролетариата, имеющего боевые революционные традиции. В 1895 г. в Петербурге функционировало 107 предприятий по обработке волокнистых веществ с 21 505 рабочими и 73 предприятия по обработке металлов с 15 825 рабочими. Уже в 70-х годах в Петербурге имели место 63 случая забастовок и волнений рабочих, составивших 28% всех известных за это время в стране выступлений пролетариата. В эти же годы в Петербурге возник Северный союз русских рабочих — первая рабочая организация, пытавшаяся определить самостоятельные задачи пролетариата. В 80-е годы в Петербурге организовались первые марксистские организации — под руководством Благоева (1883—1884 гг.), Точисского (1886 г.) и Бруснева (1889 г.), в которых получили подготовку первые кадры передовых рабочих, составивших потом основное ядро рабочих в составе Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Приезд Ленина в Петербург в конце 1893 г., вступление его в одну из существовавших в то время марксистских групп — так наз. группу «стариков» и возглавление им последней положили начало подлинно революционной социал-демократической организации в Петербурге и основы социал-демократической партии в России. Дав теоретическое обоснование задачам революционной социал-демократии в своей работе «Что такое «друзья народа», Ленин с исключительным упорством и блеском развертывает борьбу за революционный марксизм, за гегемонию пролетариата в предстоящей революции, за создание социал-демократической партии рабочего класса в России. «От пропаганды марксизма среди небольшого количества передовых рабочих, собранных в пропагандистских кружках, Ленин предложил перейти к злободневной политической агитации среди широких масс рабочего класса»[4]. Этим самым Ленин выдвинул как центральную задачу тесную связь марксизма с рабочим движением и политическое руководство последним.

Деятельность Ленина и руководимого им Петербургского «Союза борьбы» дала исключительно важный результат: «...в 90-х годах встретились два глубокие общественные движения в России: одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению соц.-демократии»[5]. Обличительные листки, содержание которых основывалось на всестороннем и углубленном изучении порядков, царивших на фабриках и заводах Петербурга, сыграли роль призывного набата к мощной стачеч-

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, стр. 7.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XXX, стр. 4.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 535.
[4] История ВКП(б), стр. 18.
[5] В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 537.

ной борьбе пролетариата. «Эта «обличительная литература» производила громадную сенсацию не только на той фабрике, порядки которой бичевал данный листок, но и на всех фабриках, где что-нибудь слышали о разоблаченных фактах... Среди самых отсталых рабочих развилась настоящая страсть «печататься» — благородная страсть к этой зачаточной форме войны со всем современным общественным порядком, построенным на грабеже и угнетении. И «листки» в громадном большинстве случаев были действительно объявлением войны, потому что разоблачение оказывало страшно возбуждающее действие, вызывало со стороны рабочих общее требование устранить самые вопиющие безобразия и готовность поддержать эти требования стачками»[1].

Высшей точкой движения петербургского пролетариата в половине 90-х годов явилась стачка ткачей и прядильщиков в мае — июле 1896 г. Причинами стачки в Петербурге были непомерно длинный рабочий день и низкая заработная плата, поводом — нежелание предпринимателей оплатить рабочим коронационные дни. Петербургские стачки 1895—1896 гг. получили мощный отклик в стране и за рубежом и имели огромное значение в развитии самосознания рабочего класса России. Они научили рабочих России понимать «политическое положение и политические нужды рабочего класса»[2],— писал Ленин в прокламации «Союза борьбы» «Царскому правительству», они «создали массовое рабочее движение, связанное и идейно и организационно с социал-демократией»[3].

Рабочие Лондона и др. оказали стачке материальную поддержку и послали петербургским пролетариям свое приветствие. Конгресс 2 Интернационала отметил особое историческое значение этой стачки петербургских текстильщиков. Петербургская стачка 1896 г. явилась по существу предвестником перехода центра революционного движения с Запада на Восток и выступления российского пролетариата в эпоху империализма в авангарде борьбы всего международного пролетариата.

Осуществляя под руководством Ленина соединение социализма с рабочим движением, Петербургский «Союз борьбы» связывал экономическую борьбу пролетариата с политической борьбой против царизма, воспитывал рабочих политически. Ленин и его соратники написали ряд листовок к бастующим рабочим, в которых наряду с требованиями сокращения рабочего дня, повышения заработной платы, улучшения условий труда подчеркивалось бесправное положение рабочих, разоблачался гнет царизма и выдвигались политические требования. Под давлением забастовок петербургского пролетариата в мае — июне 1896 г. и в январе 1897 г. царское правительство вынуждено было издать закон от 2 июня 1897, ограничивающий рабочий день до 11½ часов.

Деятельность Петербургского «Союза борьбы» стала образцом деятельности для социал-демократических организаций других центров и пунктов страны. Повсеместно развертывается процесс объединения рабочих кружков в такие же союзы и начинается деятельность последних по руководству массовой борьбой пролетариата. В середине 90-х годов возникает марксистская организация в Закавказье, внутри которой в 1898 г. зародилась и оформилась революционная марксистская группа С. Цулукидзе, Ладо Кецховели и И. Сталин»[4]. В 1894 г. в Москве образуется московский «Рабочий союз», распространивший в дальнейшем свое влияние на отдельные с.-д. организации Центрально-промышленного района, в частности — на социал-демократические организации Иваново-Вознесенска, Костромы и др. пунктов. В конце 90-х годов в Сибири организуется «Сибирский социал-демократический союз». Во второй половине 90-х годов социал-демократические организации образуются в Нижнем-Новгороде, Ростове-на-Дону, Екатеринославе, Киеве, Николаеве, Туле, Самаре, Казани, Орехово-Зуеве и др. городах.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 403.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 458.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 391.
[4] Л. Берия, «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», 1937 г., стр. 11.

Образовавшийся в 1897 г. в Екатеринославе «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» вел свою работу в широкой массе рабочих из среды местного и пришлого пролетаризирующегося крестьянства, опираясь при этом на прослойку из передовых квалифицированных рабочих, приехавших в Екатеринослав из старых промышленных центров России и получивших там революционную закалку. Созданный в 1897 г. в результате объединения социал-демократических кружков и групп Киевский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», наряду с работой среди рабочих крупных предприятий (заводов Гретера, Южно-русского, арсенала, пароходства, железнодорожных мастерских), распространил свою деятельность на ремесленных рабочих, положение которых в 90-е годы было особенно тяжелым. Им сначала издавалась популярная с.-д. газета для рабочих «Вперед», затем с.-д. газета «Рабочая газета». Возникшие союзы и другие с.-д. организации в той или иной форме стремились содействовать развитию массовой борьбы пролетариата, слиянию марксизма с революционным рабочим движением. Выпуская листовки, обращенные к рабочим, они указывали, как на пример, на петербургскую стачку текстильщиков и призывали рабочих к сплочению и организации, к борьбе против капиталистов и самодержавия.

В обстановке промышленного подъема стачечное движение пролетариата неуклонно нарастает. Всего за 90-е годы произошло 1 765 стачек, в которых участвовало 431 254 рабочих. С 1895 г. по 1899 г. бастовало, по неполным данным, 221 тыс. рабочих. Стачки носили наступательный характер. Основную массу стачечников дали текстильщики Петербурга и Центрально-промышленного района и металлисты (52% всех стачек и 82% всех стачечников). Несмотря на то, что против стачечников широко применялись репрессии (расчеты бастующих, аресты, высылки, вызовы войск, судебные преследования, выселение из фабричных квартир и т. п.), предприниматели в 47% случаев все же вынуждены были пойти на уступки рабочим. Массовое рабочее движение и «марксистский социализм, начавший уже пускать корни на русской почве»[1] шли по пути слияния. В роли вожаков массы, вовлеченной в экономическую борьбу, во многих местах выступают рабочие, получившие марксистско-теоретическую подготовку и закалку в первых социал-демократических организациях.

Образовавшиеся в 90-х годах «Союзы борьбы» предприняли шаги к объединению деятельности разрозненных с.-д. организаций, к созданию партии. На состоявшемся в марте 1898 г. 1-ом съезде партии (РСДРП) участвовали представители Петербургского, Московского, Киевского, Екатеринославского союза и Бунда (Ленина не было на съезде, он в это время находился в ссылке). Однако, провозглашение создания РСДРП первым съездом явилось формальным. Отдельные марксистские организации не были еще объединены и связаны организационно, у них не было еще единой линии, общей программы, устава и руководящего центра (ЦК РСДРП, избранный на съезде, был вскоре арестован). Выпущенный съездом манифест не выдвигал задачу завоевания пролетариатом государственной власти, обошел вопрос об его гегемонии и союзниках пролетариата в его борьбе против самодержавия и буржуазии.

Российская социал-демократическая рабочая партия была образована под непосредственным руководством Ленина на II съезде РСДРП на основе дальнейшего роста революционного рабочего движения и укрепления социал-демократических организаций в России в борьбе с оппортунистическими шатаниями и организационным разбродом и кустарщиной, порожденными влиянием «экономизма» в конце 90-х годов XIX в., однако этим не уменьшается значение периода 90-х годов, как важнейшего этапа на пути слияния рабочего движения с социализмом.

Публикуемый ниже материал, отнюдь не претендующий на всестороннее и развернутое освещение темы, в отдельных иллюстрациях отражает наиболее характерные стороны деятельности Петербургской, Московской, Нижегородской, Киевской, Екатеринославской и др. социал-демократических организаций второй половины 90-х годов. Мы видим здесь наглядную картину развертывания агита-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 9.

ционной деятельности социал-демократов по всей стране и нарастающего массового рабочего движения, идущего по пути слияния с марксизмом. Перед нами в отдельных иллюстрациях проходит деятельность по выпуску «обличительной литературы» Петербургского «Союза борьбы» и по руководству им стачечным движением 95—96-х годов, агитационная деятельность и руководство отдельными [illegible]

Если в 90-х годах [illegible] с одной стороны, более поздним развитием промышленности и социал-демократии в ряде [illegible] са в стране. Засилье «экономизма» и кустарщины со второй половины 1898 г., захватившее Петербургский «Союз борьбы» (после ареста Ленина в декабре 1895 г. и др. «стариков» в 1896—1897 гг.) и распространив[illegible] на ряд других организаций, в том числе на с.-д. организации Юга России, несомненно также оказало свое влияние на замедление перехода к развернутой и повсеместной борьбе пролетариата под лозунгами революционной социал-демократии, однако, деятельность социал-демократии дала свои результаты в дальнейшем.

После некоторого ослабления в 1898—1899 гг. революционная деятельность социал-демократии нашла свое выражение в том массовом подъеме политической борьбы пролетариата 900-х годов, который нашел свое выражение в политических демонстрациях 1901—1903 гг. Распространение деятельности с.-д. в ряде пунктов страны, включая Пензу, Саратов и др., наглядно иллюстрируют ленинское положение о том, что после взрыва крупных стачек 1895—1896 гг. рабочее движение «...как бы ушло в себя, распространяясь вширь и вглубь и подготовляя начало демонстрационного движения в 1901 году» [1].

Публикуемые документы могут послужить иллюстрациями к той части I главы «Краткого курса истории ВКП(б)», где дается характеристика деятельности Ленина по созданию партии во второй половине 90-х годов. Не претендуя дать [illegible] документы далеко не всех, а только более крупных социал-демократических организаций того периода; часть документов (дабы не загромождать публикации излишними деталями и подробностями) дается в извлечениях.

Документы подготовлены к печати научным сотрудником Архива Революции М. Сыромятниковой. Часть документов взята из подготовляемого к печати тт. Кобяко и Чмыховой сборника «Рабочее движение 1896—1900 гг.».

О. Чаадаева

1

Из записки министра внутренних дел Александру III, 11 декабря 1895 г.[2]

С конца минувшего года замечено было усиление брожения среди рабочих на некоторых фабриках и заводах г. С. Петербурга, выразившееся в неоднократных стачках и забастовках. Обстановка последних позволяла заключить, что они происходят не без влияния извне со стороны лиц, занимающихся в столице преступной пропагандой среди рабочих. Вследствие сего были приняты меры особого наблюдения и розыски, выяснившие действительное существование в Петербурге особого кружка «социал-демократов», состоящего как из лиц интеллигентных, преимущественно учащейся молодежи, так и распропагандированных ими рабочих.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 11.
[2] ЦАР, ДП, всеп. зап. и докл., 1885 г., д. № 5, лл. 119 и сл.

Данными наблюдения установлено, что несколько молодых людей, составив из себя отдельную группу, присвоившую себе название «Центрального рабочего кружка», в течение настоящего года, войдя в сношения с рабочими, организовали из последних «Центральную рабочую группу» и, благодаря ее содействию, успели образовать между рабочим населением столицы несколько противоправительственных кружков в разных фабричных местностях города [1]. Действуя в означенных кружках, главным образом, путем устной личной пропаганды «Центральный кружок» вместе с тем прибегал к созыву рабочих сходок, распространению среди рабочих противоправительственных изданий, воспроизведению последних путем перепечатания на пишущих машинах и гектографах, сбору денег в рабочие кассы и т. п. Вместе с тем, пользуясь проявлением брожения или волнения среди рабочих того или другого завода, кружок стремился взять дальнейшее движение в свои руки и оказывать всякими путями содействие к продолжению беспорядков.

Принимая во внимание, что за последние месяцы кружок стал проявлять особо энергическую деятельность, приобретать материалы и инструменты для печатания и воспроизведения преступных изданий, а равно принял деятельное участие в происходивших в ноябре и декабре месяцах рабочих волнениях на Путиловском и Торнтоновском заводах,—признано было своевременным приступить к обыскам и арестам участников названного кружка. Обыски эти произведены в ночь на 9 сего декабря и вполне подтвердили имеющиеся указания на преступную деятельность заподозренных лиц.

Из числа лиц, у коих произведены обыски, подвергнуты аресту 29 и оставлено на свободе 17; в числе арестованных: 1 помощник присяжного поверенного, 3 инженера-технолога, 1 кандидат университета, 1 врач, 4 студента технологического института, 1 студент университета, 2 слушательницы высших женских курсов, 5 человек разного звания и 11 рабочих.

Об изложенном долгом считаю всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, присовокупляя, что по делу этому возбуждено расследование при С. Петербургском губернском жандармском управлении.

Министр внутренних дел Горемыкин.

Из справки департамента полиции о В. И. Ленине, 22 февраля 1914 г.[2]

Летом 1895 г. Ульянов ездил заграницу, где, по агентурным сведениям, вошел в сношения с эмигрантом Плехановым, с целью установить способы правильного водворения в Россию революционной литературы; затем, по возвращении в Петербург Ульянов участвовал в составлении статей для подпольной газеты сообщества «Рабочее дело» [3], руководил

[1] Речь идет о возникшем в 1894 г. под руководством В. И. Ленина Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», развернувшем свою деятельность в 1895 г. Петербургский «Союз Борьбы» объединил все существовавшие в Петербурге марксистские рабочие кружки. Название свое он принял уже после ареста 9 декабря 1895 г. основного ядра «Союза» во главе с В. И. Лениным. «Под руководством Ленина петербургский «Союз Борьбы за освобождение рабочего класса» впервые в России стал осуществлять соединение социализма с рабочим движением.» (Краткий курс истории ВКП(б) стр. 18). Первой прокламацией «Союза» была написанная Лениным при участии рабочего Бабушкина прокламация «К рабочим Семянниковского завода», в связи с волнениями, возникшими на заводе 23 декабря 1894 г. (см. сборник «Листовки Петербургского Союза Борьбы за Освобождение рабочего класса», стр. 1—6).

[2] ЦАР, ДП, о. о., 1914 г., д. № 5, л. 111.

[3] «Рабочее Дело» — подготовлявшаяся Петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» популярная газета для рабочих. Издание газеты не состоялось. Рукописи статей готового к печати № 1-го газеты были захвачены полицией при

кружками Меркулова и Шелгунова[1] за Невскою заставою, посещал сходки у Ивана Федорова на Васильевском острове и в квартире Зиновьева[2] и Карамышева в Огородном переулке, именуясь «Федором Петровичем», и передал Меркулову деньги для поддержки рабочих, устроивших в ноябре 1895 г. забастовку на фабрике Торнтона.

Привлеченный к дознанию в качестве обвиняемого Ульянов не признал себя виновным в принадлежности к социал-демократическому сообществу, отказался давать какие-либо объяснения о своем знакомстве с другими лицами и утверждал, что никогда не бывал в каких-либо кружках рабочих. Относительно найденных у него рукописей, из коих оглавление к первому номеру газеты «Рабочее дело» и две статьи о стачках оказались написанными рукою Ульянова, он уклонился от дачи показаний, но не отрицал, что эти рукописи и найденная у него статья о стачке в Ярославле написаны им. Свою поездку заграницу Ульянов объяснил желанием приобрести некоторые книги, из которых он мог указать только два сочинения.

По высочайшему повелению воспоследовавшему 29 января 1897 г. в разрешении означенного дознания Ульянов был выслан в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на 3 года.

Коллежский секретарь В а с и л ь е в.

Донесение начальника Петербургского губернского жандармского управления в департамент полиции, 9 ноября 1895 г., № 7565[3]

Помощник мой в С.-Петербургском уезде подполковник Волков донес мне, что 6 сего ноября, в час пополудни, на фабрике шерстяных изделий Торнтона было вывешено объявление, предупреждавшее ткачей, что им будет уменьшена плата от 18 до 30 коп. с куска вырабатываемой ткани. Так как объявление появилось перед обедом, то во время обеда рабочие успели сговориться произвести стачку[4] и после обеда в числе 432 человек отказались работать, обратившись к фабричной администрации с требованием увеличить им заработную плату не только против размера, указанного в упомянутом объявлении, но также против той платы, которую они получали ранее. Стачка продолжалась до 11 часов утра 7 ноября, причем прекращению ее способствовали, как отмена фабрикой уменьшения заработной платы и арестование полицией 12 рабочих крестьян Калужской губернии, бывших зачинщиками стачки, так и распорядительность фабричного инспектора Рыковского, своевременно прибывшего и сумевшего уговорить рабочих приняться за работу.

арестах членов Союза в ночь на 9 декабря 1895 г. Программная статья для № 1 была написана В. И. Лениным. Ему принадлежали и несколько других статей, среди которых: «О чем думают наши министры» (Ленин, т. I, стр. 417—421). Предполагаемый список статей Ленина, см. Ленин, т. I, стр. 463. О подготовке «Рабочего дела», см. Н. Крупская, «Воспоминания о Ленине», стр. 16—18.

[1] В. Шелгунов и Н. Меркулов входили в «Центральную рабочую группу», которая работала в тесной связи с «Центральной организационной группой».

[2] Борис Зиновьев, рабочий, был одним из учеников Воскресной школы, где учительствовала Н. К. Крупская.

[3] ЦАР, ДП, II, 1895 г., д. № 26, ч. 33, л. 11.

[4] В связи со стачкой на фабрике Торнтона Петербургский «Союз борьбы» выпустил две прокламации к рабочим фабрики. Одна из них до сих пор не разыскана; она была выпущена перед началом забастовки и формулировала требования рабочих. Другая прокламация «Рабочие и работницы фабрики Торнтона» написана В. И. Лениным и была выпущена уже после окончания забастовки. Прокламация опубликована в сборнике «Листовки Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 6—12.

О стачке на фабрике Торнтона см. подробно у К. Тахтарева-Петербуржца «Рабочее движение в Петербурге 1893—1901 гг.».

Сообщая о вышеизложенном в департамент полиции, имею честь присовокупить, что во время стачки никаких беспорядков не произошло.

Генерал-майор Оноприенко.

Донесение петербургского градоначальника директору департамента полиции, 19 декабря 1895 г., № 18107 [1]

17 сего декабря, во вверенном мне управлении было получено агентурным путем сведение о том, что на Путиловском заводе предполагается распространение среди рабочих новых воззваний, приглашающих рабочих требовать увеличения заработной платы. 18 декабря таковые воззвания действительно появились и циркулируют среди рабочих.

Сообщая о сем вашему превосходительству, имею честь препроводить один экземпляр этого воззвания [2], полученного агентурным путем, и присовокупить, что распоряжения о расследовании для выяснения виновных мной сделаны.

Н. Клейгельс.

Из донесения Петербургского градоначальника в департамент полиции. 3 января 1896 г., № 65 [3]

Пристав 2 участка Выборгской части донес, что 2 сего января дворник дома № 32 по Б. Самсониевскому проспекту, запасный рядовой 93 пехотного Иркутского полка Семен Алексеев, разгребая снег подле означенного дома, рядом с ткацкой фабрикой Лебедева, нашел в снегу печатные на пишущей машинке воззвания к ткачам этой фабрики, начинающиеся словами: «Товарищи! 20 декабря вы доказали...» и подписанные «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», С.-Петербург, 1 января 96 г.», также другое воззвание, отпечатанное на пишущей машинке на четвертушке бумаги, озаглавленное «Требования ткачей на фабрике Лебедева», изданное, как значится на нем «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» [4]. В тот же день к приставу явился управляющий фабрики Лебедева купец Николай Смирнов и представил еще два таких же воззвания и три экземпляра «Требований ткачам на фабрике Лебедева», одинаковых с описанными выше, и заявил, что эти воззвания найдены на самой фабрике в ватер-клозете, одно же воззвание, отпечатанное на четвертушке бумаги, отобрано от ткача той же фабрики Дмитрия Быкова.

Сообщая о сем вашему превосходительству и препровождая помянутые экземпляры воззваний, считаю долгом уведомить, что, по имеющимся агентурным сведениям, воззвания эти были переданы 1 сего января рабочему фабрики Воронина, а сим последним распространены частью на фабрике Лебедева, частью же на фабрике Воронина.

Н. Клейгельс.

---

[1] ЦАР, ДП, III, 1895 г., д. № 684, л. 160.

На подлиннике след. пометка: «Экземпляр прокламаций передан к дознанию о «Петербургской группе социал-демократов» при предложении от января 1896 г.».

[2] Эта прокламация «К рабочим Путиловского завода» от 4 декабря 1895 г. имеется в указанном выше деле л. 164 и опубликована в сборнике «Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 13—14. 4 декабря была выпущена еще одна прокламация «К рабочим Путиловского завода», содержащая только требования рабочих паровозо-механической мастерской, опубликована там же, стр. 14.

[3] ЦАР, ДП, III, 1895 г., д. № 684, л. 20.

[4] Указанные прокламации опубликованы в сборнике «Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 22—23.

Из донесения департамента полиции начальнику Петербургского губернского жандармского управления, 4 января 1896 г., № 77 [1]

После арестов, произведенных в С. Петербурге в ночь на 9 декабря минувшего года [2] были получены агентурные указания на то, что в ближайшем будущем среди рабочих столичных фабрик и заводов должны появиться новые преступные воззвания. Действительно, 18 того же декабря, на Путиловском заводе обнаружены были прокламации, начинающиеся словами «Товарищи! В настоящее время производятся сбавки по всем паровозным работам...», в которых рабочие приглашаются к продолжению борьбы с фабричными порядками собственными силами, указывается на хорошие результаты, полученные ими благодаря стачкам, имевшим место в конце минувшего года на нескольких заводах и фабриках, а также проводится мысль, что рабочие в своей законной борьбе с фабрикантами не могут рассчитывать на правительство, которое всегда поддерживает капиталистов, каждого же, даже вполне справедливо протестующего рабочего признает бунтовщиком и, как такового, арестовывает и высылает из столицы.

Вслед затем на Александровском механическом заводе появились новые воззвания, обращенные уже ко всем петербургским рабочим [3]. В воззваниях этих, распространившихся тотчас же и на других фабриках, описываются в тенденциозном духе причины, вызвавшие забастовки и стачки на фабриках Торнтона, Лаферма [4], Товарищества механического производства обуви и других, указывается рабочим, что начальство в лице фабричного инспектора и бывшего градоначальника не только не оказало им какой-либо помощи в их справедливой борьбе с фабрикантами, но напротив кругом обвинило рабочих и т. п. «Мы просим хлеба», говорится в воззвании,— «и получаем камни». Поэтому рабочие приглашаются смело заявлять свои требования и держаться вместе для того, «чтобы всякая новая прижимка хозяев застала их единодушными и готовыми к борьбе.» [5].

При наблюдении по поводу распространения этих воззваний было замечено, что один из рабочих путиловского завода крестьянин Дмитрий Морозов уже после 9 декабря находился в сношениях с группой каких-то интеллигентов (из коих один с большим шрамом над глазом),

---

[1] ЦАР, ДП, VII, 1895 г., д. № 339, т. 3, лл. 16—17.

[2] В ночь на 8 и 9 декабря 1895 г. было арестовано основное ядро Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» с В. И. Лениным во главе. Оставшиеся на свободе члены «Союза» решили показать, что аресты не остановили их деятельности и приняли официально название «Союза Борьбы за освобождение рабочего класса», сопроводив этой надписью первую вышедшую после арестов листовку от 15 декабря 1895 г.

[3] Указанные воззвания-листовки опубликованы в сборнике «Старая Гвардия» 1895—1925 гг., стр. 274—275, 249—255, изд. 1926 г.; последняя прокламация «Ко всем петербургским рабочим», распространявшаяся 18 декабря 1895 г., опубликована в сборнике: «Листовки Петербургского Союза Борьбы за Освобождение Рабочего Класса», стр. 16—20.

[4] Волнения на табачной фабрике Лаферм происходили 9 и 10 ноября 1895 г. из-за того, что приемщики немилосердно браковали работу. Самые старательные работницы не могли заработать более 45—50 к. вместо прежних 60. Начавшееся стихийное движение работниц принимает, благодаря «Союзу борьбы» более организованные формы: выставляются требования, которые фабричная инспекция считает подлежащими удовлетворению, заявляя в своем циркуляре от 20 декабря 1895 г., что «нельзя произвольно браковать товар», «хозяин может штрафовать за испорченные папиросы по табели». Требования рабочих фабрики Лаферм были оформлены «Союзом борьбы» в специальную листовку (см. «Листовки Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 12); в связи с циркуляром фабричной инспекции также были выпущены две листовки: в конце января 1896 г. «Ко всем петербургским папиросницам» и «К папиросницам фабрики Лаферма». (См. там же, стр. 24—28).

[5] См. прокламацию «Союза» от 18 декабря 1895 г. «Ко всем петербургским рабочим» — сборник «Листовки Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса» стр. 18.

от которых 17 декабря получил воззвания, появившиеся на другой день на Путиловском заводе, и получены указания, что вскоре после арестов 9 декабря несколько лиц, имевших ранее сношения с задержанными членами кружка «социал-демократов» решились продолжать агитационную деятельность в рабочем населении столицы, немедленно же составить и выпустить несколько новых воззваний, дабы этим путем поднять дух среди рабочих и доказать последним, что убыль некоторых из главных руководителей кружка нисколько не может ослабить энергию последнего в принятой им на себя деятельности...

2 сего января на фабрике Лебедева 2 участка Выборгской части обнаружены новые воззвания, изданные «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», из коих одно начинается словами «Товарищи, 20 декабря вы доказали...» [1], другое же озаглавлено «Требования ткачей на фабрике Лебедева» [2]. Четыре экземпляра этих воззваний найдены были в снегу дворником соседнего дома запасным рядовым Семеном Алексеевым, а пять представлены управляющим фабрикой купцом Смирновым, отобравшим один экземпляр «требований» от рабочего Дмитрия Быкова и нашедшим остальные в отхожем месте.

Наконец 3 января на снегу, у моста на Галерном островке найдены 58 экземпляров двух воззваний «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», из коих одно начинается словами «Товарищи рабочие, стачки последнего времени привели в необычайное смущение наших капиталистов хозяев», другое же, совершенно одинаковое по способу воспроизведения с воззваниями, обнаруженными на фабрике Лебедева, составляет дословную перепечатку уже ранее появившегося воззвания «Ко всем петербургским рабочим».

Телеграмма вице-директора департамента торговли и мануфактур директору того же департамента, 31 мая 1896 г. [3]

Вчера произошло прекращение работ пяти прядильных фабрик: Российской, Екатерингофской, Кенига, Митрофаньевской, Триумфальной. Рабочие требуют уплаты за три коронационных дня [4] и сокращения рабочего времени. Я признаю причиной отсутствие мер подобных тем, какие были приняты Астафьевым [5]. Ошибка директора Российской прядильной фабрики, который уступил требованиям рабочих. Я опасаюсь прекращения работ на других фабриках.

Лапговой.

Телеграмма вице-директора департамента торговли и мануфактур директору того же департамента, 31 мая 1896 г. [6]

Сегодня прекратили работу Невская прядильная, ниточная Половцева, Новая прядильная и ткацкая Кожевникова и ниточная, бывшая Жукова. Везде одни и те же требования: сокращение рабочего дня до 10 часов в сутки. Полиция действует слабо. Стачка находится под искусным руководством. По докладу товарища министра финансов про-

[1] Опубликовано в сб. «Старая Гвардия», стр. 276.

[2] Опубликовано там же, стр. 277.

[3] ГАФКЭ, ф. № 299, д. № 25, л. 62.

[4] 14 мая 1896 г. состоялось коронование Николая II. Фабриканты, желая показать свой «патриотизм», распустили рабочих на три дня, но при расчете уплатили лишь за один день — 14 мая, считая его табельным. Плата за 15 и 16 мая не была выдана, хотя за них и не штрафовали, как обычно за прогульные дни.

[5] Старший фабричный инспектор Владимирской губ., руководивший подавлением стачки 700 ткачей Горкинской мануфактуры, бывший против каких-либо уступок рабочим и вызвавший сразу же после начала стачки войска (ЦАР, ДП, II, 1896 г., д. № 15, ч. 9, лл. 27—29).

[6] ГАФКЭ, ф. № 229, д. № 25, л. 61.

сил у товарища министра внутренних дел самых сильных мер. Сейчас я был в департаменте полиции, меры уже приняты. Ночью будут аресты зачинщиков. Говорят, рабочие хотят вести себя спокойно до прибытия императора и подать прошение. Следствие на Екатерингофской фабрике производится вчера и сегодня.

Ланговой.

Телеграмма вице-директора департамента торговли и мануфактур директору того же департамента, 1 июня 1896 г.[1]

Сегодня прекратили работу Спасская, Петровская, Паля. На совете у градоначальника мы признали необходимым произвести усиленную высылку рабочих из столицы с некоторых фабрик, а рабочим других фабрик назначить расчет на понедельник. Всего в настоящее время не работают тринадцать фабрик.

Ланговой.

Телеграмма вице-директора департамента торговли и мануфактур министру финансов, 3 июня 1896 г.[2]

Рабочие Старо-Сампсоньевской сегодня в 8 часов утра ушли с фабрики и пытались прекратить работы также на Ново-Сампсониевской и Охтенской, но это не удалось, так как рабочие этих фабрик поддались убеждению инспекторов Литвинова и Лебедева и продолжали работу. После обеда, вероятно, Ново-Сампсониевская и Охтенская прекратят работы, ибо рабочие боятся быть битыми участниками стачки. На Старо-Сампсониевской сейчас вывесили объявление, что если рабочие не приступят завтра к работам, то их уволят и вышлют из Петербурга. На Невской прядильной (мануфактуре) арестованы главные зачинщики стачки на этой фабрике. Зачинщик — старый рабочий, у которого при обыске найдены разные книги религиозного содержания и, между прочим, книга «Рабочий день» (Куда идут народные деньги)[3]. Старик читал эту книгу рабочим, в ней изложены истоки иностранных и наших стачек и предлагается нормальный рабочий день. На других фабриках положение то же, но Митрофаньевская, в числе 600 рабочих, приступила к работам. На фабрике Кенига вышли 170 человек.

Ланговой.

Телеграмма вице-директора департамента торговли и мануфактур директору того же департамента, 3 июня 1896 г.[4]

Сегодня остановлены работы у Кенига и на Митрофаньевской и прекратились на Ново-Сампсониевской и у Бека. На остальных забастовавших фабриках с числом 13.500 рабочих положение прежнее. Наружных беспорядков нет, но настроение с каждым днем становится более беспокойным. Полицейские меры мало энергичны, несмотря на настояния фабричной инспекции. Последние дни обнаружены среди рабочих прокламации от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в которых требуется сокращение рабочего дня без уменьшения заработка

[1] ГАФКЭ, ф. № 229, д. № 25, л. 62.

[2] Там же, лл. 91—92.

[3] Брошюра «Рабочий день» (переделка с польского) изд. ние Социал-демократического союза, напечатана в типографии «Социал-демократа» в Женеве в 1894 г., выпуск 8-й «Рабочей библиотеки»; опубликована в сборнике «Литература Московского Рабочего союза», стр. 205—248.

[4] ГАФКЭ, ф. № 299, д. № 25, л. 73. Воспроизведено с отпуска, написанного рукой Лангового.

и советуется действовать сообща, спокойно, без буйства и насилия, с уверенностью в успех[1].

Повидимому в этом смысле организуется вся стачка до настоящего времени. Очень желательно принятие более энергичных мер со стороны полиции к скорейшему прекращению стачки, ввиду несомненной ее незаконности, без каких-либо компромиссов с рабочими в отношении рабочего дня, так как такие компромиссы могут еще более ухудшить дело. Завтра утром ожидается сюда приезд министра внутренних дел, вызванного экстренно.

Лангово й.

Телеграмма вице-директора департамента торговли и мануфактур министру финансов, 4 июня 1896 г.[2]

Сегодня прекратили работать 330 и 2 200 человек Невской прядильни Половцова. Главное требование сокращение рабочего дня до 10 часов вместо 12, без уменьшения платы.

У Кенига приступили к работе 150 и 1 200 человек. Рабочие ведут себя спокойно, посещают фабрики небольшими группами. Перед градоначальником фабричный инспектор настоял на принятии строгих мер, так как упорство и спокойствие рабочих представляются подозрительными, указывая на возможность повсеместной стачки. Ввиду сего против рабочих Екатерингофской фабрики начато уголовное преследование, о чем сделано сегодня объявление рабочим других фабрик, с которыми предполагается поступить так же, если они не приступят завтра к работе. Инспекция дежурит на фабриках совместно с ревизорами.

Лангово й.

Из записки товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты Кичина по делу о распространении преступных изданий по поводу стачек рабочих, возникших в С.-Петербурге в мае и июне 1896 г.[3]

13 июня 1896 г. при С.-Петербургском губернском жандармском управлении начато, по сообщению департамента полиции от 12 июня за № 4987, производство дознания о распространении преступного содержания брошюр и воззваний среди петербургских рабочих по поводу стачек, возникших в мае и июне 1896 г.[4]. Обстоятельства, послужившие основанием к сему дознанию и выясненные как предшествовавшими дознаниями по однородному предмету, так и позднейшим наблюдением, заключаются в следующем.

В декабре 1895 и в январе 1896 года в С.-Петербурге был арестован ряд лиц, принадлежавших к так называемым «социал-демократическим» сообществам. Эти лица поставили своей целью постепенно научить рабочих организоваться в группы или союзы для борьбы с их

[1] В связи с забастовкой ткачей в Петербурге петербургский «Союз Борьбы за освобождение рабочего класса» выпустил следующие листовки: 1) «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен» — 30 мая 1896 г., 2) «К рабочим всех петербургских бумагопрядилен» — 1 июня 1896 г. и 3) «Ко всем петербургским рабочим» — 3 июня 1896 г. Все они опубликованы в сборнике «Листовки Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 51—57). 4 июня «Союзом были выпущены три листовки: 1) «К рабочим бумагопрядильни Кенига», 2) «Ко всем рабочим петербургских заводов», 3) К рабочим Невской писчебумажной фабрики Варгунина» и 5 июня «К прядильщикам возобновившим работу» (Там же, стр. 57—62).

[2] ГАФКЭ, ф. № 299, д. № 25, л. 76.

[3] ЦАР, М. Ю., 1896 г., д. № 13391, лл. 13—14. Заголовок подлинника.

[4] К дознанию было привлечено 19[illegible] членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в числе которых были Н. Крупская, Н. Смидович и др.

хозяевами на почве экономических интересов, а затем, искушенную этим опытом рабочую массу увлечь в борьбу с правительством за политические права; для сего они устраивали тайные рабочие кружки и распространяли революционные брошюры и воззвания, подстрекавшие рабочих к устройству стачек, при чем почти в каждом из этих воззваний, которые издавались от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», рабочим внушалась мысль, что главным врагом их будто бы является правительство, оберегающее лишь права капиталистов. Аресты, произведенные по дознанию об этих лицах, в настоящее время оконченному, временно приостановили преступную деятельность «социал-демократов», но в половине апреля вновь появились такого же рода воззвания к рабочим от имени названного «Союза» по поводу наступления дня социалистического «праздника» 1 мая (19 апреля) [1].

23 мая сего года между прядильщиками Российской Мануфактуры (на Обводном канале) началось брожение, быстро распространившееся на значительную часть столичного бумагопрядильного фабричного района. с 27 мая по 5 июня возникли стачки на 17 бумагопрядильных и ниточных фабриках; на них забастовало до 18 тысяч рабочих [2], которые домогались от хозяев уплаты денег за коронационные дни, уменьшения рабочего дня до $10^{1}/_{2}$ часов в сутки и предъявили ряд других требований по улучшению условий своего положения. К 14 июня на 15 фабриках стачки прекратились и рабочие возобновили работу. Хотя непосредственного участия интеллигентных агитаторов в самой организации этих стачек не было замечено, но едва-ли может подлежать сомнению, что преступная пропаганда «социал-демократов» в предшествовавшее

---

[1] Прокламация «Союза Борьбы» под заголовком «Рабочий Праздник 1-го мая» опубликована в сборнике «Листовки Петербургского Союза Борьбы за Освобождение Рабочего Класса», стр. 42—45.

[2] По данным нелегальной литературы число охваченных стачкой предприятий и число участников летней стачки значительно превосходило число, указанное в правительственном сообщении и в материалах фабричных и судебных властей. Правительство в своем официальном сообщении убавило число стачечников больше чем на половину, стремясь умалить грандиозность [illegible].

[illegible]ме того, к стачк[illegible] присоединились [illegible]ного, Невского металлического завода и слесари П[illegible]вского [illegible].

В нелегальной подпольной брошюре Московского рабочего союза [illegible]ка рабочих на Московско-Курской жел. дор.» приводятся цифры 45 000 стачечников, которы[illegible] больше приближаются к ис[illegible], что видно из следующей далеко не полной таблицы охваченных стачкой пр[illegible], [illegible]а в статье «Стачка рабочих С.-Петербургских бумагопрядил[illegible] [illegible] [illegible]печатанной в № 1 «Листка Работника», ноябрь, 1896 [illegible], [illegible].

[illegible]	Число рабоч[illegible]
[illegible]ийская (Калинкинская) мануф. около	[illegible]
[illegible]	[illegible]
[illegible] (на Резвом острове) »	[illegible]
[illegible]раниевская (Обводный кан.) »	[illegible]
[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]
Кожевникова (Воронежская ул.) »	[illegible]
Степанова (ватная фабр. по Тамбовской ул.) около	[illegible]
Поль (Александровская мануфактура) около	[illegible]
Спасско-Петровская [illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]
[illegible]	неиз[illegible]
[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]
[illegible]ьня по Боровской ул.)	[illegible]
Штигли[illegible] ([illegible] Песк[illegible]	[illegible]
Ново-С[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]
[illegible]фактурное [illegible]	[illegible]
[illegible]я Вульфова ули[illegible]	[illegible]
Алексадровский чугунный [illegible]	[illegible]
Невский механ[illegible]	[illegible]
Варгунина ([illegible]	[illegible]
Путиловский зав[illegible]	[illegible]

время не осталась без влияния на рабочих, действовавших во время стачек дружно и совершенно спокойно, за весьма немногими исключениями. Но уже с 30 мая, т. е. через несколько дней после того, как начали возникать стачки, между петербургскими рабочими [illegible] распространяться воззвания от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в которых «социал-демократы» поспешили формулировать требования недовольных рабочих. Эти воззвания способст[illegible] передаче брожения с одной фабрики на другую и повлияли на увеличение числа фабрик, остановивших работу. 30 мая появился листо[illegible], в котором формулированы по пунктам предъявленные рабочими требования и который озаглавлен «Чего требуют рабочие петербургских бумаго-прядилен»[1]. На другой день содержание этого, как бы наскоро составленного листка, вошло в воззвание «К рабочим всех бумагопрядилен». В последующие дни появился ряд новых воззваний, а именно 3 июня «Ко всем петербургским рабочим» и 4 июня «Ко всем рабочим петербургских заводов».

Эти воззвания имеют целью вовлечь в стачки не только бумагопрядильщиков, но и других фабричных и заводских рабочих и первоначальное требование о $10\frac{1}{2}$ часах работы в сутки возвышается до требования ввести повсюду восьмичасовой рабочий день. 4-го же июня появились воззвания: «К рабочим бумагопрядильной Кенига», «К рабочим Невской писчебумажной фабрики Варгунина»; 5 июня «К прядильщикам, возобновившим работу». В этом воззвании агитаторы пытаются снова вовлечь в стачку рабочих, вышедших на работу, обещают поддержку рабочих других производств и обольщают стачечников надеждой на материальную помощь со стороны заграничных рабочих[2]. 9 и 10 июня были выпущены воззвания «К рабочим новой бумагопрядильни» и «Русскому обществу»[3]. Кроме этих изданий появились в обращении воззвания, написанные от руки печатными буквами и начинающиеся словами «Товарищи рабочие»[4] и «Рабочим резиновой мануфак-

[1] П[illegible] Союз борьбы за освобожд[illegible] кой ткачей, выпуская прокламац[illegible] ганизуя митинги и сходки забастов[illegible] вших рабо[illegible] щимся и их семьям. В пер[illegible] дни стачки [illegible] 17 [illegible] среды представителей, которые на сходке, руководимой членами «Союза борьбы», выработали общие требования. 30 мая «Союз» издал эти требования отдельным [illegible]ком под заголовком «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен». За [illegible]мя с 30 мая по 6 августа, когда движение ткачей замерло до новой вспышки [illegible]стовки в январе 1897 г., [illegible] борьбы» выпустил до 25 прокламаций. Прокламац[illegible] напечатаны в сборнике «Листовки Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса[illegible].

[2] Стачка петербургских ткачей вызвала сочувствие за рубежом. Так, Лондонский Совет Рабочих Союзов обратился в августе 1896 г. к петербургскому «Союзу борь[illegible] с письмом об организации специального комитета по оказанию помощи стачке ткачей. В ответ на это письмо петербургский «Союз борьбы» послал лондонскому Со[illegible]ту Рабочих Союзов ответное письмо, выпущенное затем специальной прокламацией. Оба письма опубликованы в сборнике «Листовки петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 112, 115

В годовом отчете «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» даются следующие суммы в числе поступавших на [illegible]:

От [illegible]х	2[illegible] р. [illegible]
[illegible]	120 » [illegible]
[illegible]	10[illegible] » — »
[illegible]	[illegible]
[illegible] сленников Нью-Йорка через доктор[illegible] [illegible]	50 » [illegible]
[illegible]	[illegible]

[3] [illegible] му обществу» опубликован[illegible] [illegible]кого союза борьбы за [illegible]бождение рабочего класса», стр. 65—67.

[4] П[illegible] «Товарищи рабочие» [illegible]ана по материалам о забастовке [illegible].

туры» [1]. Все перечисленные воззвания воспроизведены гектографом и путем литографии. Но кроме сего у названных ниже лиц были отобраны печатное воззвание «Товарищи рабочие», изданное от «Рабочего союза», а также найдены [illegible]тные брошюры «Объяснение новых правил для рабочих» [2] и «Рабочие союзы или как взяться за ум» [3].

Кроме сего полицией были обнаружены у многих рабочих на петербургских фабриках указанные выше воззвания, которые также были найдены на улицах и в Екатерингофском парке, в том числе упомянутая выше печатная брошюра «Рабочие союзы или как взяться за ум». [illegible]енные по сему поводу протоколы присоединены к сему дозна[illegible]...

Товарищ прокурора Петербургской судебной палаты К и ч и н.

Отношение петербургского градоначальника вице-директору департамента полиции, 12 июня 1896 г., № 8187 [4]

В дополнение к письму моему от 11 сего июня за № 8144 имею честь препроводить при сем вашему превосходительству вместе с протоколом 5 экземпляров воззвания от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» под заглавием «К прядильщикам, возобновившим работу» [5] и 2 экземпляра печатной брошюры, озаглавленной «Рабочие союзы или как взяться за ум», из коих 5 воззваний и 1 брошюра были найдены в воронке водосточной трубы у здания Нарвской части завернутыми в цветную тряпицу, а другой экземпляр той же брошюры поднят на улице в деревне Волынкиной.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Н. К л е й г е л ь с.

Из обзора важнейших донесений за 1897 г. [6]

[Петербургский] «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» продолжал свою преступную деятельность и в 1897 г. На место арестованных в 1896 г. его участников явились новые агитаторы, которые, зорко следя за настроением рабочего класса на фабриках и заводах, пользовались малейшим поводом недовольства рабочих, чтобы не дать затихнуть рабочему движению. Уже с начала 1897 г. среди рабочих вновь стали появляться разные заграничные сочинения революционного содержания, воззвания и другие издания от имени «Союза» [7]. Таковы брошюры: «Три закона», «Что делают русские цари для народа»,

[1] Прокламация «Рабочим резиновой мануфактуры» (без подпи[illegible]и) призывала к предъявлению перечисленных в тексте ее требований и к забасто[illegible] случае не[illegible]етворения их; она была напечатана в «Сборнике свободной [illegible]» — «Наше время», 1897 г., стр. 61—63, издание общества народного прав[illegible] ЦАР инв. № 7607.

[2] Брошюра «Объяснение новых правил для рабочих[illegible] знать и помнить каждому рабочему» опубликована в сборнике «Литература М[illegible] Союза», стр. 250—281.

[3] Брошюра «Рабочие союзы или как взяться за ум» б[illegible] Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и напечатана [illegible]графии «Союза русских социал-демократов».

[4] ЦАР, ДП III, 1896 г., д. № 580, т. I, л. 129.

[5] Указанная прокламация опубликована в сборн[illegible]вки Петербургского [illegible] за освобождение рабочего класса», стр. 61—62. [illegible]ламация была [illegible]пущена 5 июня 1896 г., когда начали работать з[illegible]вшие первыми рабочие Екатерингофской мануфактуры, Российской и Малой Т[illegible]умфальной.

[6] ЦАР, ДП, обзоры, 1897 г., л. 12.

[7] В фонде министерства юстиции имеется специальное дело о распространении [illegible]легальной литературы на Невской бумагопрядильной фабрике (М. Ю., 1897 г., д. № 11367.

«Как министр заботится о рабочих»[1], газета «Петербургский рабочий листок», выпущенная в январе 1897 г.[2] и воззвание, изданное в том же месяце от имени «Общества помощи политическим ссыльным и заключенным», призывавшее к пожертвованиям в помощь стачечникам, ввиду забастовок. Производившиеся [дознания] указывали на существование вновь организованных кружков среди рабочих.

Доклад министра внутренних дел Горемыкина Николаю II, 4 января 1897 г.[3]

2 сего января на Петровской и Спасской ткацко-прядильной мануфактурах т-ва Губерт и К° рабочие, в числе 2 700 человек, прекратили работы[4] при следующих обстоятельствах.

С раннего утра между рабочими было заметно волнение, после же обеда в час дня все вернулись на фабрику, но рабочие Петровской мануфактуры, заняв свои места, к работам не приступали. На предложение администрации объяснить причину забастовки, рабочие, не давая никаких объяснений по существу, вышли во двор и стали шуметь, требуя, чтобы их впустили в прядильное отделение.

Прядильщики, в свою очередь, подняли шум, стучали в окна, пока администрация не распорядилась отворить двери, после чего рабочие этого отделения также вышли во двор. В то же время несколько забастовавших ткачей пришли во двор Спасской мануфактуры, рабочие которой тотчас же прекратили работы.

Ближайшей причиной забастовки рабочие выставляют: продолжительность рабочего дня, а также недостаток тепла в помещении Петровской мануфактуры и чрезмерно высокие штрафы, будто бы налагаемые администрацией при забраковке изделий. Независимо от изложенного имеются указания, что кроме выставленных рабочими претензий, причиною забастовки послужили слухи, основанные на статьях, появившихся в конце декабря в некоторых газетах и неправильно понятых рабочими, будто бы с началом нового года будет введен новый закон

---

[1] Брошюра «Как министр заботится о рабочих», комментирующая отношение правительства к рабочим, была написана по поводу циркуляра министра Витте к фабричным инспекторам; циркуляр давал инструкции, как поступать во время стачек. Она была издана в Женеве в 1896 г. ЦАР, инв. № 165.

[2] «Петербургский рабочий листок» — непериодическое издание «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в январском номере которого за 1897 г. подводились итоги стачки ткачей и прядильщиков в Петербурге в январе 1897 г., (ЦАР, инв. № 6071), № 2 «Листка» вышел в сентябре 1897 г., ЦАР, инв. № 6973.

[3] ЦАР, ДП, III, 1896 г., № 606, ч. I, л. 45а. На подлиннике пометка царя: «Разве не было разбросано прокламаций?» и отметка министра внутренних дел Горемыкина: «Надлежащие сведения по данному предмету донесены его величеству 9 января 1897 г.» (последний доклад в архиве не обнаружен.— *Ред.*).

[4] Указанные фабрики были те самые, рабочие которых еще летом заявили, что они забастуют в новом году, если правительство не выполнит данных тогда обещаний о введении через 2—3 месяца сокращенного рабочего дня.

Рабочие выставили летние требования и просили «Союз борьбы» напечатать листовки, приглашая все фабрики примкнуть к забастовке.

Описание хода забастовки см. в книге Тахтарева: «Рабочее движение в Петербурге 1893—1901 г.».

В связи с этой забастовкой на Петровской и Спасской мануфактуре т-ва Губерт и К°, часто называвшейся по имени б. владельца фабрики Максвеля, петербургский «Союз борьбы» выпустил прокламацию «К петербургским ткачам и прядильщикам», в которой отмечал значение этой забастовки, вызвавшей решение правительства о введении сокращенного рабочего дня во всех ткацких и прядильных фабриках с 16 апреля. Этот срок был взят правительством, чтобы внести успокоение в среду рабочих и тем предупредить их выступления 19 апреля в день празднования 1 мая. В прокламации также отмечалось, что «к стачке уже примкнули рабочие фабрики Штиглица, Кенига, Калинкинской, Екатерингофской». Прокламация опубликована в сборнике «Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 126—127.

о нормировке рабочего дня. В течение 3 и 4 сего января забастовка продолжается.

4 сего января рабочие Александровского чугунного завода также прекратили работы, причем предъявили заводской администрации следующие требования: 1) окончание работ по субботам в 2 часа дня; 2) зачет в рабочее время времени, употребленного на выдачу заработной платы и 3) право пользования существующим на заводе рабочим фондом по мере надобности, а не только при увольнении, как в настоящее время.

Рабочие держат себя спокойно.

Министр внутренних дел Горемыкин.

Из донесения петербургского градоначальника в департамент полиции, 13 января 1897 г., № 627 [1]

По поводу происходивших с 2 сего января забастовок на некоторых петербургских фабриках, охранным отделением производится особое негласное расследование, ввиду имеющихся указаний на участие кружка лиц, именующего себя «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», в подстрекательстве к продолжению фабричных беспорядков [2]. Считаю долгом препроводить при сем 140 экземпляров воззваний изданных от имени этого кружка 9 сего января, годовой денежный отчет за период с 1 декабря 1895 г. по 1 декабря 1896 г. [3] и два экземпляра брошюры «Как министр заботится о рабочих».

Клейгельс.

Донесение петербургского охранного отделения в департамент полиции, 5 января 1897 г., № 30 [4]

4 сего января я получил по телефону от подведомственного мне унтер-офицера с Александровского механического завода сведение о том, что рабочие паровозных мастерских, после обеденного перерыва, работ не пожелали возобновить и собрались на улице против мастерских в числе около двух тысяч человек. Причиной столь внезапной забастовки послужило неудовольствие рабочих на неудовлетворение ходатайства, возбужденного ими через начальство завода еще после забастовки 8 июня 1896 г. об установлении по субботам работ до 2 час. пополудни без обеденного перерыва. Отсутствие определенного ответа на это ходатайство в течение 7 месяцев, в связи с брожением, вызванным среди рабочих забастовкой на находящихся в непосредственном с Александровским заводом соседстве двух частных бумагопрядильных фабрик Губерта, возбуждающим образом подействовали на умы рабочих.

По получении означенного известия, я по телефону дал соответствующее наставление старшему жандарму Осипову, вследствие коего им

---

[1] ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. I, л. 59.

[2] «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» старался поддержать дух стачечников. 9 января была распространена в 1500 экз. прокламация «Ко всем петербургским прядильщикам», в которой указывалось на противоречивое поведение правительства относительно стачечников. 11 января была выпущена вторая прокламация «Ко всем петербургским рабочим» с призывом ко всем рабочим петербургских фабрик и заводов организовать немедленно помощь забастовавшим товарищам; прокламация опубликована в сборнике: «Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 128—129.

[3] Указанная прокламация под заголовком «Петербургским ткачам и прядильщикам», а также денежный отчет опубликованы в сборнике «Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» 1895—1897 г.», стр. 126—127 и 116—120.

[4] ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606 ч. I, л. 53.

было объявлено рабочим, что я в самом скором времени прибуду на завод, что вопрос их интересующий находится на рассмотрении подлежащего начальства, но в виду общего значения его для всех казенных железных дорог разрешен в моментально скором времени быть не мог, что наконец я прошу их разойтись.

Воспользовавшись предложенным мне администрацией дороги экстренным поездом, я отправился на завод, где и застал дело уже в следующем положении. Толпа, собравшаяся было против паровозных мастерских, поголовно разошлась. Незначительные части еще пытались проникнуть в вагонные мастерские с целью побудить, работавших по обыкновению в последних, товарищей к забастовке. При этом рабочие требовали от того же старшего жандарма личных со мной переговоров, но по приближении экстренного поезда удалились.

Ввиду наступления двух праздничных дней подряд и имеющихся у меня сведений, следует ожидать возобновления забастовки во вторник 7 января. Сегодня, 5 января, по моей просьбе г. начальник Николаевской железной дороги назначил совещание между начальниками службы тяги и обеих мастерских завода, при участии его самого и моем, с целью редактирования объявления, за подписью его пр-ва, скрепленного мной, предупреждающего рабочих о вреде, который принесут всякие демонстрации их делу в настоящем положении последнего. Объявление это будет вывешено на заводе 6 января. Копия его при сем представляется[1].

Засим в виду того, что зависимость возникших на заводе беспорядков от постороннего влияния вполне установлена, что рабочие бумагопрядилен Губерта, собираясь в кучки на улице около завода, прямо задерживали 4 января шедших уже в мастерские на работу после обеда товарищей (рабочих), г. начальник дороги вместе с сим обратился к г. с.-петербургскому градоначальнику с письмом, в коем просит зависящего его превосходительства распоряжения по поводу предупреждения уличных скопищ в окрестностях завода[2].

Подполковник Ладыженский.

Донесение петербургского градоначальника в департамент полиции, 8 января 1897 г., № 336[3]

7 сего января рабочим на Российской бумагопрядильной мануфактуре с утра было вывешено объявление от имени правления этой фирмы о том, что с 16 апреля сего года работа будет производиться с 6 ч. утра до 12 ч. дня и от 1 ч. до 7 час. вечера, а по субботам от 6 ч. утра до 4 ч. вечера[4]. Явившиеся в обычное время на фабрику рабочие, ознакомившись с этим объявлением, забастовали. В то же время на Екатерингофской мануфактуре в деревне Волынкиной, где вывешено такое же объявление, мальчики мюльного отделения в числе 180 чело-

---

[1] В объявлении говорится, что «Правление дороги советует рабочим не следовать вредным посторонним влияниям, имея при этом ввиду, что всякие беспорядки могут повлечь за собой только печальные для рабочих последствия» (ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. I, л. 53).

[2] В письме начальника дороги сообщается: «Забастовавшие на соседних с нашим заводом бумагопрядильнях — Спасской и Петровской рабочие, в числе около 6 тысяч, [illegible]ют очень вредное влияние на рабочих Александровского завода. В субботу, 4 января, собравшись партиями на улицах, они не допускали наших рабочих проходить после обеденного перерыва на завод, так что работа в паровозных мастерских полдня не производилась. Были также попытки помешать работать и в вагонных мастерских, расположенных гораздо далее от берега Невы» (ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. I, л. 54).

[3] ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. I, л. 55.

[4] Копию объявления см. ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. I, д. 43.

век, прекратили работы, как равно и на Невской бумагопрядильной мануфактуре (М. Болотная ул. д. № 12), перестали работать, без объявления причин 80 мальчиков мюльного отделения, а после обеденного времени из общего числа 1 900 рабочих не явилось на работу [illegible] человек. На этой последней фабрике, вывесившей, равным образом, с утра тождественное объявление о сокращении числа рабочих часов (до $11^1/_2$ часов)[1], в мюльном отделении рабочим Петром Ларионовым была обнаружена в 10 час. утра брошюра женевского издания под заглавием «Как министр заботится о рабочих», 1896 г.

Сообщая о сем департаменту полиции в дополнение к письму моему от 4 сего января за № 207[2] с препровождением протокола, составленного полицией[3], имею честь присовокупить, что помянутая брошюра взята от местного пристава товарищем прокурора г. Зарудным для представления прокурору судебной палаты.

Генерал-майор Клейгельс

ВЕДОМОСТЬ

рабочих забастовавших фабрик в С.-Петербурге, 11 января 1897 г.[4]

№№ пор.	В районе какого полицейского участка	Наименование фабрик	Общее число рабочих на фабрике
1	Петергоф	Екатерингофская	750
2	3-го у-ка Нарвской части	Российская	750
		Кенига	1 280
3	3-го у-ка Рождествен. части	Невская	1 300
		Невская ниточная	1 553
4	Охтенского у-ка	Охтенская	600
			6 733

Полковник Секеринский

Из доклада старшего фабричного инспектора С.-Петербургской губ. в департамент торговли и мануфактур, 15 декабря 1898 г., № 60[5]

Имею честь при сем представить в департамент торговли и мануфактур прокламацию[6], которая была разбросана вчера в большом количестве экземпляров на фабриках Петровской и Спасской Губерта, и донести, что около 2 час. пополудни вчера все рабочие (около 2 800 чел.) обеих этих фабрик прекратили работу, не заявляя никаких требований фабричной администрации и требуя прибытия фабричного инспектора для переговоров с ними.

---

[1] Объявление в делах не обнаружено.

[2] В письме № 207 сообщается о забастовке [illegible] января [illegible] рабочих Александровского завода (ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. I, л. 42.)

[3] См. ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. I, л. 56.

[4] ЦАР, ДП. III, 1896 г., № 606, ч. I, л. 68. Заголовок подлинника.

[5] ГАФКЭ, ф. 299, д. № 26, л. 59.

[6] [illegible] Петербургский [illegible] Петровской и [illegible] мануфактур (Максвеля) и фабрики Паля [illegible] требований самих рабочих, выбросив из них однако политические требования, а именно: требование свободы стачек и свободы собраний. Рабочие были недовольны отсутствием этих требований в прокламациях.

Получив об этом сообщение по телефону в $2^{1}/_{2}$ часа пополудни, я прибыл на фабрики Губерта в $3^{1}/_{2}$ часа, причем рабочих на фабрике уже не было. По распоряжению местного пристава было сообщено немедленно в фабричные квартиры рабочих о моем прибытии и рабочие начали собираться у ворот Спасской фабрики для переговоров со мной. Пристав просил рабочих войти на двор, но они отказались исполнить это и просили меня выйти к ним за ворота. Около ворот я застал толпу рабочих в 300—400 человек, при чем рабочие заявили, что за последнее время у них понизился заработок вследствие того, что пустили в работу плохую пряжу и начали плохо шлихтовать основу, а 20 ноября, не взирая на падение заработка, у 90 ткачей, которые имели сносный заработок, понизили задельную плату, причем не сочли нужным спросить ткачей о согласии работать по пониженной расценке. Когда же была вывешена 6 ноября пониженная расценка, ткачи заявили мастерам, что они не могут работать по пониженной расценке и просили передать их заявление директору фабрики Ивану Ивановичу Ферветтеру. После этого заявления из толпы начали кричать, что рабочие требуют повышения платы по всем расценкам, сокращения рабочего дня до 10 часов и удаления мастера Андрея Фомича Пирсона, из-за которого будто бы были беспорядки 2 года тому назад среди рабочих Серпуховской фабрики Коншина [1], с появлением которого $1^{1}/_{2}$ года тому назад на фабриках Губерта начали понижать плату рабочим и который груб с работницами, а также удаления писаря Дулина, который очень груб с рабочими...

Вчера в 10 час. вечера ночная смена ткачей соседней фабрики К. Я. Паля, в количестве около 500 человек, бросила с криком работу, а сегодня утром дневная смена, в таком же количестве рабочих, вышла на работу, но спустя час оставила фабрику, причем заявили фабричной администрации требования о повышении расценков и введении 10-часового рабочего дня. Таким образом, на фабрике К. Я. Паля сегодня работают только в ситцепечатной около 500 человек, а все рабочие ткацкой в количестве около 1 200 рабочих, не работают...

Старший фабричный инспектор Г. Рыковский.

II

Отношение московского губернатора московскому обер-полицеймейстеру, 27 сентября 1895 г., № 2136 [2]

Департамент полиции уведомил меня, что рабочие расположенной в районе 5-го стана Московского уезда Даниловской мануфактуры, ввиду неотступного наблюдения за ними, вызванного появлением в обращении среди них преступного содержания брошюр и воззваний [3],

---

[1] Речь идет о стачке на фабрике Коншина в начале марта 1897 г. Рабочие требовали увеличения зарплаты, удаления мастеров, которые брали с рабочих взятки, и др.

[2] ЦАР МОО, 1895 г., д. № 85, л. 74.

[3] В 1895 г. среди рабочих фабрик и заводов Москвы широко распространялись брошюры и воззвания Московского «Рабочего Союза». В июле 1895 г. на сходке рабочих, состоявшейся на Даниловском кладбище, распространялось воззвание Московского «Рабочего Союза», начинающееся словами: «Товарищи, пора опомниться, пора взяться за дело». 10 августа это воззвание было распространено на фабрике Даниловской мануфактуры, вместе с воззванием Московского «Рабочего союза», начинающегося словами «Товарищи рабочие. Наше положение с каждым годом все ухудшается». 15 августа вновь состоялась сходка рабочих на Даниловском кладбище, на которой было распространено воззвание Московского «Рабочего союза» с обращением «Товарищи работники», начинающееся словами «За границей рабочий добился 8 или 9 часов рабочего дня...». Эти воззвания опубликованы в сборнике «Литература Московского рабочего союза», стр. 68, 70, 71, изд. «Московский рабочий». В августе на

стали за последнее время собираться в смежной с городом Москвою местности Даниловской слободе в портерной, содержимой Елизаветой Деренго, и отдельных комнатах Ново-Сахаровского трактира, сделав названные заведения излюбленными местами для своих сходок.

Так как означенные портерная и трактир находятся в Даниловской слободе, в районе 2-го участка Серпуховской части, то о вышеизложенном по принадлежности имею честь сообщить вашему превосходительству.

Губернатор Булыгин.

Из донесения старшего фабричного инспектора Московской губернии московскому обер-полицеймейстеру, 23 ноября 1895 г., № 10681 [1]

Имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что один из владельцев фабрики товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры, а именно Сергей Иванович Прохоров, явившись ко мне 22 сего ноября вечером, сообщил о замечаемом в последнее время каком-то брожении среди рабочих их фабрики.

По его словам рабочие стали собираться по временам в кучки и при приближении кого-либо из администрации быстро рассыпаются, пряча какие то листки; недавно же смотрителями было замечено, что отработавшая свое время смена женщин, вместо обычного немедленного выхода с фабрики, на некоторое время позамешкалась у выхода, как будто о чем то совещаясь.

До администрации фабрики дошли кроме того слухи, что между рабочими в последнее время, особенно, ходит по рукам какая то брошюра под заглавием «Пять последних стачек» [2].

Не так давно один из ткачей, Алексей Алексеев, улучив время, когда никого не было рабочих, сообщил с испуганным видом дозорному фабрики (прося не выдавать его, так как боится, что рабочие убьют), что у них между рабочими образовался какой-то комитет, в который хотят привлечь и его. По его словам, комитет этот состоит из 50 членов, между которыми большую роль играют двое рабочих. Руководит этим обществом будто бы какой-то студент, живущий в Кудрине.

Комитет, собирая с рабочих по 20 коп., выписывает откуда то брошюры и книжки, которые распространяет среди рабочих, и недавно даже послал с этой целью на фабрики гор. Серпухова и Наро-фоминской мануфактуры несколько человек выборных.

По сообщению рабочего, члены комитета собираются периодически для совещаний на Ваганьковском кладбище и недавно чуть было не были накрыты полицией...

и. д. старшего фабричного инспектора Московской губернии

И. Федоров.

ф-ке Даниловской мануфактуры распространялась первая агитационная брошюрка без заголовка, на 6 страницах, Московского «Рабочего союза» (ЦАР, ДП, IV, 1894 г., д. № 314, т. II, л. 180). Брошюра также опубликована в указанном выше сборнике, стр. 60.

Московский «Рабочий Союз» — первая Московская социал-демократическая организация, ведущая свое начало с 1892 г. В апреле 1894 г. образовался «центральный рабочий кружок» из представителей всех заводских кружков. Официальное свое название «Рабочий Союз» принял на первомайском собрании 1895 г. С начала 1896 г. организация выпускала свои прокламации за подписью «Московский Рабочий союз».

[1] ЦАР, МОО, 1895 г., д. № 85, лл. 86—87.

[2] Повидимому, речь идет о брошюре Московского рабочего союза «Стачки и их значение для рабочих (с описанием пяти стачек, бывших весной и летом 1895 г.)» (Опубликовано в сборнике: «Литература Московского рабочего Союза», стр. 185—204).

Телеграмма владимирского губернатора министру внутренних дел, 14 марта 1896 г.[1]

Доношу вашему высокопревосходительству: 11 марта на фабрике Горкинской мануфактуры в сельце Горках Ковровского у. забастовали рабочие, числом около 700 чел. Принятые фабричным инспектором и исправником меры к прекращению стачки не имели успеха. По донесению их, беспорядки принимают угрожающий характер. Командируется сегодня на место вице-губернатор с батальоном пехоты из Владимира.

Губернатор Теренин.

Отношение владимирского губернатора в департамент полиции, 30 марта 1896 г., № 1789[2]

В дополнение донесений моих в депешах от 14 и 22 марта о стачке ткачей на фабрике товарищества Горкинской мануфактуры в сельце Горках, Ковровского у. имею честь представить вашему высокопревосходительству нижеследующие подробные по этому делу сведения:

11 марта вторая смена ткачей, заменившая первую в 10 час. утра, проработав не более четверти часа, прекратила работы и направилась толпой в фабричную контору. Здесь рабочие заявили заведующему фабрикой Руссову свое неудовольствие на объявленную им 6 марта новую расценку на летний срок найма, требуя увеличения оной. Получив отказ от заведующего фабрикой, рабочие пожелали видеть хозяина фабрики, который в то время находился в Москве, и приезд его ожидался не ранее 18—20 числа. Узнав об его отсутствии, рабочие тем не менее на фабрику не возвратились, а, воспользовавшись будто бы сказанными Руссовым словами «убирайтесь вон, вы мне надоели хуже собак», решили немедленно прекратить работу и оставили фабрику, причем, по словам заведующего, ткачи первой смены силой удалили многих рабочих второй смены,— преимущественно женщин,— которые хотели приступить к работам.

13 марта паровая машина на фабрике была пущена в ход в час дня, но никто из рабочих не явился, хотя почти все они были в сборе около фабрики и стояли большими и малыми группами подле фабричных ворот. Нижними жандармскими и полицейскими чинами было обнаружено, что сборища эти имели целью никого не допускать к фабричным воротам и воспрепятствовать пройти на фабрику тем из рабочих, которые пожелали бы начать работу.

На другой день, 14 марта, рабочие вновь не пошли на работу, продолжали толпиться большими группами вокруг фабрики, обнаруживая крайне возбужденное настроение; ругали урядников и нижних жандармских чинов самыми площадными словами, бросали в них комьями снега и делали им угрозы, причем до момента прибытия войск держали себя крайне дерзко и вызывающе. Фабрика и усадьба фабриканта были оцеплены рабочими и вообще стачка была замечательно хорошо организована[3]. Заведующий фабрикой Руссов, в предупреждение мо-

[1] ЦАР, ДП, II, 1896 г., д. № 15, ч. 9, л. 16.

[2] Там же, лл. 26—31.

[3] На рабочих Ковровского уезда имел влияние Иваново-Вознесенский «Союз», образовавшийся летом 1895 г. К началу 1896 г. деятельность Союза расширяется, устанавливается связь с окрестными фабриками. В феврале 1896 г. были произведены первые аресты членов организации, в начале лета — вторичные. Уцелевшие после арестов члены Союза к осени 1896 г. восстанавливают организацию и стремятся возобновить прежнюю работу: организовать кружки на каждой фабрике, представители которых должны входить в состав Центрального Иваново-Вознесенского Рабочего Союза («Рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе за последние 15 лет», Изд. «Союза русских социал-демократов», 1900 г., стр. 21—23, ЦАР, инв. № 1381). Иваново-Вознесенская с.-д. организация с января 1898 г. была тесно связана с Московским «Рабочим союзом».

гущих возникнуть дальнейших осложнений, ночью уехал из с. Горок, его вывезли с женой на подводе, покрытых рогожами, чтобы скрыть от подкарауливавшей его толпы.

Так как к назначенному и объявленному рабочим сроку — 4 часа дня 13 марта никто из них к работам не приступил, а между тем срок найма оканчивался лишь в четверг — 21 марта, то все рабочие, прекратившие работу, оказались нарушившими договор найма и, для привлечения к уголовной ответственности чинами фабричной инспекции, совместно с уездным исправником, был составлен по обстоятельствам дела протокол, который и передан по принадлежности; причем полицией указано 12 главных зачинщиков и подстрекателей к стачке. Прибывшим в сельцо Горки судебным следователем по особо важным делам приступлено к производству следствия.

Командированный мной на место беспорядков владимирский вице-губернатор князь Урусов приехал на фабрику в 2 часа ночи 14 марта, а за ним прибыл 3 батальон 10 гренадерского Малороссийского полка.

Прежде всего вице-губернатор распорядился учредить патрули из солдат для защиты фабрики, поместив в фабричных казармах одну роту; затем утром было объявлено рабочим, что в 10 час. вице-губернатор будет говорить с ними на площади перед фабрикой и в назначенное время князь Урусов выехал к рабочим, коих с посторонними зрителями собралось до 2 000 чел. Толпа эта, сравнительно спокойно выслушав вице-губернатора, по отъезде его на квартиру, одно время будто бы решилась идти работать, но после убеждений некоторых из зачинщиков начала шуметь и кричать, что не станет на работу, пока не увеличат расценку и не исполнят других их требований. Весь день после этого, даже часть ночи, народ толпился на площади, но вице-губернатор не нашел нужным распорядиться разогнать толпу, опасаясь сопротивления.

Из 17 человек, привлеченных к следствию в качестве обвиняемых, распоряжением следственной власти 6 заключены под стражу и отправлены под конвоем в Шуйскую тюрьму, 4 не разысканы, а остальные были арестованы по распоряжению вице-губернатора до окончания срока найма и расчета на фабрике, так как, по имевшимся сведениям, они имели дурное влияние на остальных рабочих.

На следующее утро толпа стала видимо уменьшаться, 18 числа начали работать 60 чел., 20 числа стояло на местах уже 400 ткачей, а 21 марта более 1 000 чел. явились в фабричную контору записываться на работу на новый срок.

Есть основание полагать, что стачка произошла вследствие подстрекательства злонамеренных людей.

Губернатор Теренин.

Прокламация Московского «Рабочего союза», июнь 1896 г.[1]

Товарищи!

27 мая в Петербурге забастовали рабочие Екатерингофской бумагопрядильни. Затем к ним присоединились Новая бумагопрядильня Максвель, Кениг, Штиглица и другие, всего 17 фабрик с 30 тысячами человек. Все они сообща требуют:

[1] ЦАР. МОО. 1894 г., д. № 377, л. 25.

Воспроизводится с гектографированного подлинника. Прокламация распространялась среди рабочих завода Бромлей и на заводах Добров-Набгольц, Гоппера и на фабрике Бестужева.

К началу 1896 г. члены Московского «Рабочего союза» установили довольно прочные связи среди рабочих московских фабрик и заводов. По архивным данным члены Московского «Рабочего союза» сами или через организованных рабочих проводили ра-

1. Сокращения рабочего дня.
2. Повышения расценок.
3. Чтобы по субботам шабашили везде в 2 часа.
4. Чтобы заработок выдавался без задержки в двухнедельные сроки.

Кроме того, каждая фабрика выставила еще свои особые требования, например: уничтожение штрафов за прогул и опоздание, улучшение хозяйских квартир, вежливое обращение мастеров с рабочими и пр.

Забастовщики держатся вот уже третью неделю и ни хозяева, ни правительство ничего не в силах поделать. Вызваны были войска для усмирения, но усмирять было некого, так как рабочие ведут себя очень мирно.

На тех заводах и фабриках, где еще продолжается работа, идут сборы в пользу стачечников. Долго ли протянется стачка и чем она кончится, неизвестно, но несомненно, что хозяева не скоро ее забудут, так как они терпят от нее громадные убытки.

Нам, московским рабочим, живется не легче, чем нашим петербургским товарищам. И нас хозяева заставляют за грошевую плату работать до полного изнеможения. И у нас пускаются в ход разные условия, чтобы урвать что-нибудь из этого скудного заработка. Жаловаться нам некуда — инспектора нас не хотят и слушать. А как заботится о нас правительство видно хотя бы вот из чего. На фабрике Максвель инспектор, убеждая рабочих прекратить стачку, заявил, что правительство уже обсудило закон о сокращении рабочего дня и что осталось только его подписать. На вопрос рабочих, когда же его подпишут, он отвечал: не раньше, чем года через два.

Облегчить свою тяжелую участь, товарищи, мы можем только сами собственными силами, начав борьбу против хозяйских притеснений. Теперь для этого время самое удобное. Если бы и в Москве устроилась такая же общая стачка, как в Петербурге, то хозяева, испуганные питерской стачкой, теперь скорее, чем в другое время, смогут нам уступить. Да и нашим петербургским товарищам, если к ним присоединимся мы, легче будет добиться своего.

Московский «Рабочий союз».

Прокламация Московского «Рабочего Союза», 1896 г.[1]

Товарищи рабочие!

27 мая в Петербурге на 17-ти бумагопрядильных и ткацких фабриках прекратили работу до 30 тысяч рабочих и требуют сокращения рабочего дня и повышения заработной платы.

Забастовщики держатся и до сих пор. Они ведут себя мирно и спокойно, держатся так умело и дружно, так упорно настаивают на своих требованиях, что петербургское начальство ничего не может с ними поделать и уже не на шутку перепугалось. Что фабриканты и правительство действительно побаиваются петербургских рабочих, видно из

боту на следующих предприятиях: заводах Гопнер, Грачева, Доброва и Набгольц, Листа, Старый Бромлей, Новый Бромлей, Людвиг Смит, Вейхельт, Фугельзонг, Донгауэра, Лингарта, Газовом, Перенуд, Гужон, Филиппова и фабриках Бахрушина, Шредера, Мещерина, Досужева, Цинделя, Михайлова, Агафонова, Грессар, анонимного Об-ва, Прохорова, Гилля, Гогенталь, Жако и К-о, Алексеевской канительной, Алексеевской шелковой, Ганшина, Носовской, Варц, Мориц Паль, Костанжогло, серебряных заведениях Андреева и Овчинникова и жел. дор. мастерских Смоленских, Курских и Рязанских, т-вах Измайловской м-ры и Раменской м-ры. Милютина с-вей в Бронницком уезде (ДП, III, 1896 г., д. № 295, л. 66).

В марте 1896 г. «Рабочий союз» послал в Париж за подписью 605 ра[illegible] французским рабочим по поводу 25-летия Парижской Коммуны. Членами [illegible]го «Рабочего союза» проводились собрания рабочих по вопросу организации касс и др.

[1] ЦАР, инв. № 9728. Воспроизведено с литографированного подлинника без подписи

того, что 15 июня, т. е. на третьей неделе от начала стачки, в Петербурге появились листки...[1]

Товарищи! Правительство первый раз открыто и печатно обращается к рабочим с увещанием прекратить стачку, и в то же время оно позаботилось, чтобы ни в одной газете не было известий о петербургской стачке. Разве это не показывает, как много страху нагнали дружные забастовщики на фабрикантов и правительство, которое защищает их интересы. Правительство привыкло при каждой стачке «усмирять бунтовщиков» — нагонит войска и вся недолга. А что поделать с такими забастовщиками, которые не бьют, не ломают, а крепко и дружно стоят на своем, с полным и ясным сознанием своих интересов и требований. У правительства со страху-то, видно, голова закружилась и в глазах затуманилось, как говорится,— ему небо с овчинку показалось. А то разве оно решилось бы обращаться к рабочим с подобным лживым и откровенно нахальным увещанием. Ведь оно должно было знать, что если забастовщики так ловко и дружно ведут свое дело, так значит они хорошо понимают свои интересы и требования, стало быть они ясно сознают, что их интересы вполне противоположны интересам фабрикантов. И никакие уверения правительства, что ему «одинаково дороги как интересы фабрикантов, так и рабочих», тут не помогут.

О том, что по мнению министра финансов стачки устраивают злонамеренные люди, не стоит и говорить. Не зато ли он их называет злонамеренными, что они раньше других поняли и сознали, что интересы рабочих вполне противоположны интересам капиталистов. Не за то ли, что, поняв это, эти люди стали горячо и открыто разъяснять своим товарищам, как бесстыдно обкрадывают рабочих фабриканты и заводчики, заставляя работать до кровавого пота и за самую нищенскую плату. И вот, когда рабочие потребовали сокращения рабочего дня и повышения заработной платы, капиталисты твердят, что рабочих научают этому злонамеренные люди. Теперь, товарищи, вы видите, что эти люди оказываются злонамеренными для капиталистов-хозяев, так как от их преданности рабочему делу страдают карманы капиталистов.

Министр финансов говорит в своем обращении, что стачка разорительна для рабочих. Не верьте, товарищи! Он нагло врет. Стачка — это единственное средство в настоящее время, посредством которого рабочие могут добиться улучшения своего положения. Русские рабочие не участвуют в издании законов, как рабочие других стран. А русское правительство в угоду капиталистам издает такие законы, по которым даже единственное орудие борьбы рабочих с хозяевами — стачка — оказывается незаконным.

Что за стачки рабочих наказывают тюрьмой, а на защиту хозяйских интересов высылают войска, пускаются в ход нагайки, розги, штыки и пули,— это давно уже знает каждый из нас. Теперь же министр финансов откровенно и во всеуслышание объявляет, что правительство не терпит стачек, а следовательно, что оно всецело стоит на стороне фабрикантов и заводчиков. И после такого откровенного признания министр финансов так нагло смеется над рабочими, говоря, что закон защищает рабочих. Где же эта защита? Смотрите сами: стачки рабочих беззаконны; союзы рабочих для борьбы с хозяевами незаконны; стачечные и всякие другие кассы рабочих — не разрешаются законом; собираться рабочим, чтобы потолковать сообща о рабочем деле — тоже нельзя; печатание книг, которые выясняют рабочим их положение и научают их, как вести борьбу с капиталистами, преследуются законом. И заметьте, товарищи, что одно и то же, что для рабочих беззаконно,

[1] Далее опускается циркуляр Витте к стачечникам от 15 июня 1896 г. (см. В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 481—482).

то для фабрикантов и других хозяев — вполне законно. Капиталистам правительство разрешает стачки и союзы и съезды, которые они устраивают с тем, чтобы успешнее и вольготнее можно было эксплоатировать и прижимать рабочих. Правительство разрешает печатать и [illegible] только такие, которые защищают капиталистические порядки.

В конце своего обращения министр финансов советует рабочим долг свой исполнять по закону и жить по правде божией. При этом он ни полсловом не обмолвился, что законы-то эти писаны в угоду фабрикантам и заводчикам. А о «правде божией» вряд ли кто лучше рабочих знает. Жить вечно полуголодными, ходить грязными и оборванными и тесниться по сырым подвалам — не это ли «правда божия»?

Так кому же и знать такую правду, как не рабочим.

Товарищи рабочие! Петербургская стачка научает нас, как много значит вести дело умело, дружно и сообща. Когда петербургские рабочие дружно выступили с ясными и определенными требованиями, их стали бояться не только фабриканты и заводчики, но и правительство, которое до сих пор так рьяно защищает хозяйские интересы.

Товарищи, в нас самих, значит, сила, и сила великая, коли боится нас даже царское правительство. Нужно только ясно сознать свои интересы, дружно и крепко стоять за свое освобождение от капиталистов — хозяев.

Из донесения начальника Орловского жандармского полицейского управления железных дорог в департамент полиции, 2 июля 1896 г., № 914[1]

2 сего июля, после обеда рабочие Московских мастерских Московско-Курской железной дороги, собравшись толпой, заявили помощнику начальника мастерских, технику Сластенину, что они не будут более работать, если нижеследующие их требования останутся без удовлетворения.

1) Выдать рабочую плату за коронационные дни в день освящения в мастерских императорского поезда.

2) Вывесить в мастерских расценочную ведомость на год на все отдельные части, дабы они вперед знали, за какую цену они работают.

3) Разъяснить им правила о больничной плате.

4) Цену в условии на издельную вещь делать до начала работы, а не по окончании ее.

5) Расчет за 5 платформ произвести, согласно условия, по 18 рублей, а не по 16 рублей, как это неправильно сделано мастером Борцовым.

6) Чтобы уплатить им за половину дня 2 июля, не взирая на то, что они работ не производили, заявляя вышеназванные требования[2].

Полковник Красовский.

---

[1] ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. II, лл. 49—50. На подлиннике помета: «Доложено г. министру. Приказано, указав на этот случай, сообщить Моск. обер-полицеймейстеру о желательности скорейшей ликвидации рабочего кружка, намеченного к наблюдениям. 3/VII. Зволянский».

[2] По сообщению моск. обер-полицеймейстера в департамент полиции эти мастерские, будучи расположены между громадным металлическим заводом Московского акционерного об-ва и железнодорожным заводом г. Перенуда «служили центром обмена мыслей и действий злоумышленников».

Рабочий кружок московских мастерских Московско-Курской ж. д. имел связь [illegible] Московским «Рабоч[illegible]».

В связи со стачкой в мастерских Московско-Курской ж. д. 6 июня среди [illegible]нов Московского «Рабочего союза» были произведены аресты, однако вскоре Московский «Рабочий союз» возрождается и ведет работу по подготовке стачек в мастерских Московско-Брестской и Московско-Казанской жел. дорог, что приводит к новым [illegible]рестам 11 ноября и 9 декабря 1896 г.

Стачка рабочих на Московско-Курской ж. д., 3 июля 1896 г.[1]

30 мая 1896 г. начались стачки на петербургских бумаго-прядильных фабриках, к которым примкнули некоторые заводы. Число стачечник[illegible] простиралось до 45 000 человек.

Скоро об этих стачках стало известно в Москве и множество лист[illegible] с требованиями петербургских рабочих были расклеены в железнодорожных мастерских Московско-Курской ж. д. и некоторых других фабриках. Событие в Петербурге и порядки давно возбуждавшие недо[illegible]ольство рабочих в мастерских этой дороги вызвали стачки 3 июля [illegible] г.

Этому способствовал, кроме того, еще отказ уплаты за коронационные дни и день освящения императорского поезда.

Стачка началась при следующих обстоятельствах: в 8 часов утра 3 июля мастеровые различных цехов, в количестве 200 человек, пригласили начальника мастерских для объяснения: будет ли им заплачено за коронационные дни. За отсутствием начальника мастерских объяснения с рабочими взял на себя его помощник Сластенин, дерзко отвечавший: «не платили и не будут платить». После подобного заявления мастеровые разошлись, тут же решив забастовать.

Немедленно было сообщено всем начальствующим, что в мастерских бунт. Через несколько времени прибыл начальник мастерских Крыжановский и жандармский подполковник Карамзин. Жандармский подполковник, проходя толпой и ожидая встретить бунтовщиков, был удивлен спокойствием, господствующим среди рабочих. Начались опять увещания начать работу, но без результата. Тогда жандармский подполковник Карамзин и начальник мастерских, ссылаясь на то, что нельзя говорить сразу с тысячной толпой, предложили рабочим выбрать по 5 человек от каждого цеха для переговоров. Рабочие отвечали, что пошлют своих бригадиров под условием полнейшей их безопасности и обязательного удаления начальства мастерских во время объяснения. Требования эти были исполнены. Начальство мастерских удалилось, а бригадиры с Карамзиным остались на дворе мастерских, [illegible]е они заявили от лица рабочих следующие требования[2].

Когда все эти требования были записаны и Карамзин обещал походатайствовать об удовлетворении их, явился в мастерские начальник службы тяги Христианович. Несмотря на то, что Христиановичу были предложены уже записанные требования рабочих, он все-таки захотел объясниться с ними лично. От лица рабочих стал говорить один столяр, который указал, что заработок их за последние три месяца упал чуть ли не вдвое. Причем он объяснил, как некоторые мастеровые [illegible]вершенно больные ждут по несколько месяцев ответа на 4 прошения об отпуске, несмотря на заключение врачей о необходимости скорого отпуска.

После изложения указанных выше претензий начальник тяги заявил, что это такие требования, из-за которых не следовало бы начинать стачку, так как их можно удовлетворить при первой просьбе. Выборные заметили на это, что они все пороги обили, ходивши за разре-

---

[1] ЦАР, МОО, 1896 г., д. № 49, лл. 198—199. Из брошюры Московского «Рабочего союза» (июль) 1896 г. Воспроизведено с копии.

Появление настоящей бр[illegible]реди жандармских власт[illegible] переполох. Московс[illegible] охранка сооб[illegible]артамент полиции: «Пр[illegible]дармско-полицейской властью меры в значительной степени обусловливаются появлением в мастерских прокламации «Стачка в Курских мастерских». (ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. 2, лл. 102 и [illegible].

[2] Требования опускаются, так как они приведены в предыдущем документе.

шением недоразумений; Христианович считал все рассуждения оконченными, но рабочие не расходились и заявили желание, чтобы им заплатили за день стачки. Христианович возмутился. Тогда рабочие указали, что они не по своей вине не работают, а что их вынудили к этому. После немногих переговоров и это требование обещали исполнить.

Вследствие сильного уменьшения расценок Христианович предложил принять расценки Ковровских мастерских, где рабочие никаких претензий по поводу их не заявляют. Один из рабочих заметил Христиановичу: «в Коврове довольны,— перенеси-ка их в Москву; Ковров — деревня, Москва — город». Предложение Христиановича не было принято.

Через два дня, как обещал Карамзин, он лично прочел мастеровым, что просьба их уважена и что за коронационные дни им будет уплачено, а еще через день в проходной висело объявление «Начальнику Московских мастерских.— За коронационные дни и день освящения императорского поезда будет уплачена поденная плата, представить табель. Христианович».

За дни стачки плата была также включена в табель. Расценки обещали пересмотреть, равно как и другие требования[1].

Прокламация Московского «Рабочего союза», 21 сентября 1896 г.[2]

Рабочим

мастерских Московско-Курской железной дороги.

Товарищи! Вы помните, конечно, какие требования были нами выставлены во время стачки 3 июля. Вы помните также, что начальство наше, по ходатайству жандармского полковника Карамзина, этого волка в овечьей шкуре, обещало исполнить их. Прошло уже два месяца и что же? Такие ли расценки у нас, каких мы добивались? Такая ли плата за «больные» дни, какую мы хотели? Вывешены ли табели во всех цехах, как мы требовали? Нет, нет и нет. Нас надули самым наглым образом. Да разве обманывать привыкать-стать нашим эксплоататорам капиталистам и правительству? Не обманывают ли они нас каждый день, высасывая наши последние соки и набивая свои карманы нашими кровными денежками? Не поровят ли они каждую минуту содрать с нас не одну, а три шкуры? Ну а пусть кто-нибудь из нас осмелится указать на их злоупотребления: его тотчас же прогонят.

Другое дело, когда рабочие дружно отстаивают свои интересы. Хозяева видят, что силой тут не возьмешь, да это им и не выгодно подчас. Не прогнать же всех рабочих. Не посадить же их всех в тюрьму, когда работа спешная, когда в виду громадные барыши. Тут они поневоле идут на уступки, хотя и здесь стараются, если можно, обмануть нас. Так было и у нас в июле.

Мы бросили работу и дружно заявили свои требования. Правительство, напуганное петербургской стачкой, боялось, чтобы все московские рабочие не присоединились к нам. Оно пошло на уступки; полились сладкие речи, увещания и обещания. Мы поверили, а теперь видим, что верить нашим эксплоататорам нельзя...

---

[1] В начале октября 1896 г. в связи с сокращением штата в мастерских Курской жел. дор. были уволены 13 рабочих, руководителей июльской забастовки, «которые по своему поведению и имеющимся о них полицейским сведениям могли быть признаны вредными для порядка в мастерских» (ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. II, лл. 115—116).

[2] ЦАР, ДП, о. о., 1896 г., д. № 606, ч. II, л. 96. Воспроизведено с гектографированного подлинника.

Ведь уверяют они, что между ними и нами нет розни, что отношения их к нам отеческие, дружеские. Хороши же наши отцы, которые на наши деньги строят себе дворцы, ездят на резиновых шинах, бросают сотни и тысячи на ветер в то время, как мы ходим в лохмотьях, живем в подвалах, иной раз даже не имеем на хлеб.

Хорошо отеческое попечение нашего правительства, которое приказывает стрелять в нас и бросает в тюрьму, когда мы решаемся заявить, что и мы рабочие имеем право на лучшую жизнь. Друзья, которые заставляют работать и день и ночь, платя гроши! Пока мы здоровы и нужны им, они держат нас, а то — ступай околевай на улице.

Наше положение становится все хуже. Наш «бедный» хозяин — правительство, очевидно, боясь вылететь в трубу, с 1892 года начал уменьшать расценки. Какое ему дело до того, что мы выбиваемся из сил, что наши семьи голодают. Под страхом стачки, начатой в удобное время, оно исполнило часть наших требований и обещало исполнить остальные. Но когда стачка кончилась и все успокоилось, на наши требования наплевали.

Неужели нам, товарищи, помириться этим? Неужели бросить всякую надежду на улучшение своего положения?

Нет, товарищи! Мы видели, как боятся наши притеснители наших дружных действий. При первом удобном случае, когда будет много спешной работы, мы все бросим работу и не примемся за нее, пока не исполнят всех наших требований.

Помните, товарищи, что счастье рабочих в их руках, а сила их в их союзе. Когда мы разъединены, мы слабы, а когда соединимся — мы сила, которую не сокрушат ни хозяева, ни правительство. Не будем же, товарищи, терять понапрасну времени. Составим кружки по мастерским, выберем от них представителей, которые сообща будут заведывать всеми нашими делами. Устроим кассу [1], накопим денег, чтобы во время стачки с успехом выдержать борьбу. Примкнем к общей Московской рабочей кассе, о существовании которой вы знаете, и под руководством Московского «Рабочего союза» мы будем бороться за освобождение рабочих от их притеснителей. Итак вперед, товарищи, и мы добьемся улучшения своего положения и будем жить так, как должно жить человеку.

Да здравствует борьба за лучшую жизнь!

Московский «Рабочий союз».

Телеграмма фабричного инспектора в департамент торговли и мануфактур, 25 сентября 1896 г. [2]

С обеда ткачи фабрики Зотовых 330 чел. прекратили работу [3], не желая согласиться работать по таксе на зимний период времени, которая ниже летней. Желают установления летних цен, удаления заведующе-

[1] Речь идет о кассах взаимопомощи, которые преследовали не только экономические цели, но и политические. Они являлись центром пропа[illegible] в [illegible] массе социал-демократических идей, служили орудием для развития [illegible] и [illegible]кого сознания рабочих, поэтому полиция зорко следила за существовавшими на фабриках, заводах и в мастерских рабочими кассами.

По поводу призыва в данной прокламации об устройстве кассы отдел железнодорожного жандармского управления писал в департамент полиции: «Из собранных же негласным путем сведений оказывается, что, как значится в прокламации об устройстве рабочими касс, таковая касса уже существует между металлическим [illegible]водом Московского акционерного общества, бывшего Гужона и упомянутыми м[illegible]стерскими, но весьма возможно, что и другие фабрики или заводы принимают в этом участие». (ЦАР, МОО, 1896 г., д. № 49, лл. 165—166).

[2] ГАФКЭ, ф. 299, д. № 53, л. 45.

[3] Инициатором этой стачки явился местный социал-демократический кружок, организованный в 1895 г. Кружок занимался пропагандой среди костромских рабочих,

го ткацким отделом Нечаева и шлихтовального мастера Соколова; рабочие толпились вне фабрики, среди них много пьяных. Увещания невозможны.

Горбунов.

Прокламация Московского «Рабочего союза», 3 октября 1896 г.[1]

Товарищи! 25 сентября в Костроме забастовало [illegible] ткачей фабрики Зотовых. Стачка началась с того, что на зиму были вывешены расценки ниже не только летних, но и прошлогодних зимних. Рабочие отказались принять их и отправили с жалобой ходоков к инспектору. Но последний не пожелал даже их выслушать. Тогда ткачи после получ[illegible] прекратили работу. Они требуют: 1) прежних расценок, 2) уничтожения примерок и других мелких злоупотреблений, 3) смены управляющего Нечаева.

Тотчас же на место стачки явился инспектор и, как водится, начал стращать рабочих тюрьмой и Архангельской губернией. Но угрозы инспектора пропали даром. На смену ему явился полицеймейстер и приказал рабочим разойтись и не буянить. Те еще заявили свои требования, и решив их отстаивать до последней возможности, мирно разошлись по домам. О стачке ткачей, об их дружном отпоре притеснениям заговорили и на другой фабрике тех же Зотовых, где работало до 3 000 человек. Рабочие этой фабрики готовы присоединиться к стачке: остановка лишь за средствами. Их хватит забастовщикам на неделю, много на две. Городские ссудные кассы закладов не берут. Остается надеяться на стороннюю помощь.

Московский «Рабочий союз» отослал в Кострому 200 руб., но этого мало, а потому он решается обратиться к нам, московские рабочие, за посильной денежной помощью для костромских товарищей. Их дело есть в то же время и наше дело, и только поддерживая друг друга, мы можем одержать победу над нашим общим врагом — хозяевами.

Московский «Рабочий союз».

Из донесения начальника Костромского жандармского управления прокурору Московской судебной палаты, 4 октября 1896 г., № 747[2]

Имею честь довести до сведения вашего превосходительства, что 25 минувшего сентября ткачи льнопрядильной мануфактуры Зотовых в г. Костроме, в числе трехсот тридцати человек, не явились после обеда на работы, а столпились на улице вблизи фабрики, где, по прибытии на место фабричного инспектора, заявили ему следующие требования: 1) о сокращении рабочих часов до десяти, 2) об уравнении зимней и летней таксы заработка, 3) о плате за действительно вытканное количество полотна и 4) об уменьшении штрафов и невычете за трехдневный прогул. Фабричный инспектор объявил им тут, что пока они не явятся на работы, никакие заявления от них принимаемы не будут. При отъезде фабричного инспектора толпа смеялась и кричала «ура» и, по требованию полицеймейстера, разошлась по домам.

На следующий день стачка всех ткачей продолжалась, а толпа на улице уменьшилась до 150 чел., причем они выделили своего вожака,

---

распространял социал-демократическую литературу, устроив рабочую кассу и библиотеку нелегальных книжек. Кружок руководил стачкой и поддерживал стачечников денежной помощью. (Брошюра «Рабочее движение в Костроме». Издание союза Русских Социал-демократов, 1902 г., Ж[illegible], ЦАР, 6-ка, инв. № 1384).

[1] ЦАР, 6-ка, инв. № 19886. Воспроизводится с гектографированного подлинника [illegible].

[2] ЦАР, М. Ю., вр. канц., 1896 г., д. № 18524, лл. 5—6

который объяснялся с полицеймейстером и фабричным инспектором, подал собственноручное заявление о требованиях рабочих, в котором они прибавили 5-й [пункт] — смену заведующего ткацким отделением Нечаева за то, что он чересчур строг и будто их обсчитывает. Войти на фабрику столпившиеся рабочие отказались из боязни арестов и разошлись по требованию полиции. Следующие дни и по настоящее время забастовка продолжается. На совещании у губернатора было решено арестовать в тот же день вечером намеченных девять зачинщиков и на следующий день, 2 октября, с раннего утра, расставить кордон полицейских, которые способствовали бы желающим беспрепятственно пройти на фабрику для работ, предполагая, что, если сто рабочих станут у станков, за ними последуют остальные и стачка прекратится. Но мера эта не принесла желаемого результата: пока полиция находилась на улицах, никто из забастовавших рабочих из домов не выходил, а как только кордон был снят, образовались кучки до сорока человек.

20 же числа мной были получены агентурным путем сведения, что в винной лавке Сапожникова рабочий фабрики Зотовых Цецерин высказался: «стачечники два раза получили субсидию — первый раз семьсот и другой сто рублей, а откуда, это наше дело».

Вследствие сего и приняв в соображение, что забастовавшие ткачи никаких беспорядков не производят и, несмотря на неимение средств к пропитанию, к работам не приступают, и что из числа намеченных зачинщиков некоторые вели знакомство и общение с лицами, состоящими под надзором полиции, а потому необходимо предполагать, что для стачки есть скрытые руководители и пособники...

(Подпись).

Из брошюры «Двухнедельная стачка ткачей на фабрике бр. Зотовых в Костроме» [1]

Мощный отголосок летней стачки 17 петербургских фабрик гулко пронесся не только по России, но и за границей, достиг также и малочисленной, но бодрой духом кучки рабочих ткачей на фабрике бр. Зотовых в Костроме. 25 сентября рабочие-ткачи, в числе около 400 человек, из них половина женщин, не явились в обычное время на работы, и пустота и безмолвие воцарились в ткацком отделении Зотовской фабрики...

День на пятый или шестой после начала стачки были арестованы ночью 6 человек полицией и 5 жандармами...

Заключенные рабочие настолько умно вели себя, что этим не мало огорчали полицию, пытавшуюся неоднократно выведать от них фамилии главарей стачки, а также разузнать, не было ли посторонних кого-нибудь из интеллигенции. На все расспросы и подходы полиции с этой целью рабочие неизменно отвечали, что никаких зачинщиков не было, что все мол сразу не пошли на работу.

«Да ведь начал же кто-нибудь первый-то. Подал же кто-нибудь вам мысль об этом»,— горячилась полиция. «Никто не подавал никакой мысли, так, значит, сообща не пошли на работу — вот и весь тут разговор», отвечали рабочие. Так полиция ничего и не могла от них до-

[1] ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. 3, лл. 113—119. Воспроизведено с копии брошюры.

О стачке ткачей на фабрике братьев Зотовых в Костроме была помещена статья в сборнике «Работник» №№ 3—4, 1897 г., издание «Союза русских социал-демократов» в Женеве, стр. 64—68.

В ней приводятся тождественные сведения.

биться и, продержав дней пять под арестом, выпустила, не имея решительно никаких причин к дальнейшему их задержанию.

Дело ткачей перешло к судебной власти, и вот мы видим, что следователь и товарищ прокурора высказываются в пользу рабочих; они говорят, что подобные, происходящие мирным путем забастовки не есть преступление, но им возражает прокурор, настаивая на обвинении рабочих в заранее подготовленной стачке...

В обществе рабочие нашли полное сочувствие: общественное мнение было за, а не против них и престиж Зотова, как гуманного, весьма образованного, интеллигентного человека и общественного деятеля, сильно пошатнулся. Общество местное выразило свое сочувствие не на словах только, но также и на деле, помогая стачечникам материально. Также сочувственно откликнулись на протест Зотовских ткачей Петербург и Москва, выразив это сочувствие присылкою материальной помощи, а Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» ободрил сверх того своих Костромских собратий коротким приветственным письмом[1]. Всего за время стачки поступило денежной помощи: от местного общества — 120 р., московских рабочих — 200 р., московских студентов — 50 р. Из Петербурга — 115 р., из одного провинциального города — 50 р. и из Петербурга же от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — 200 р., всего — 735 р.

Среди рабочих весьма быстро распространился слух, что московские и петербургские рабочие прислали им свою помощь. Помощь, особенно нуждавшимся во время стачки, вначале рабочие оказывали сами, устраивали складчину в пользу беднейших.

...Стачка имела воспитывающее влияние, сплотила между собою стачечников и даже нестачечников.

Благотворное значение ее выразилось еще и в том, что сейчас же с началом стачки все местные фабриканты дали немаловажные льготы на своих фабриках и сам же Зотов был вынужден согласиться на требование чесальщиков из боязни, чтобы и они не примкнули к ткачам, что и было решено среди чесальщиков, если не будут удовлетворены их требования. Фабричная администрация сразу понизила свой тон с рабочими, благодаря этой стачке, и всюду на фабрике мастера и всякого рода управители стали замечательно любезны к рабочим. Рабочие других фабрик и неучаствовавшие в стачке зотовские рабочие благодарили ткачей за те улучшения, которые произошли в их собственном положении благодаря стачке...

Результаты — относительно требований рабочих: примерка полотна уничтожена, переноска машин и материалов на станки производится теперь уже не рабочими. Обещано через месяц или два повысить заработную плату.

Из донесения начальника Костромского губернского жандармского управления в департамент полиции, 15 октября 1896 г., № 796[2]

В настоящее время стачка, продолжавшаяся 13 дней[3], прекратилась, на работу не вступило лишь 20 человек. Работа началась на прежних условиях за исключением лишь постановленного ткачами ус-

[1] Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» 4 октября выпустил листок с обращением: «К рабочим бумаго-прядильной фабрики Зотова в г. Костроме», в котором, называя стачку костромских рабочих «делом всего рабочего класса», шлет забастовавшим рабочим «первую помощь и предлагает дальнейшую поддержку». Листок напечатан в книге «Листовка Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 95.

[2] ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. 3, л. 111.

[3] По подсчетам фабричного инспектора означенная стачка длилась 12 дней, а с праздниками 16 (ГАФКЭ, ф. 299, д. № 53, лл. 44—72).

ловия о плате за действительно выработанное количество полотна и тмены штрафа за трехдневный прогул, за который, виновные в том, теперь будут уволены с фабрики.

Генерал-майор Никольский.

Записка Московского охранного отделения, 22 октября 1896 г., № 2861 [1]

Деятельность Московского охранного отделения выражается в настоящее время в следующем:

Во-первых, оно заканчивает дознание об организаторах так называемого «Московского Рабочего союза», деятельность которого выразилась в организации в течение всего июня, ряда рабочих сходок (число членов до 500 человек), с целью устройства общей забастовки, по примеру С. Петербурга, а также в пропаганде на различных фабриках и заводах, числом до 50-ти.

Во-вторых, выясняется вновь организовавшийся социал-демократический кружок, являющийся продолжателем предыдущего и наименовавшийся «Рабочий союз»; до сего времени деятельность его выразилась в нижеследующем:

А) в издании на мимеографе и пишущей машине «Ремингтон» ряда брошюр и прокламаций, каковые, во-первых, прокламация от 8 августа, в которой предлагается рабочим не пугаться арестов 6-го июля [2], а стойко продолжать рабочее дело; во-вторых, брошюра «Касса и для чего она нужна рабочим» [3], в которой предлагается рабочим организация так называемых «боевых» касс для поддержания забастовавших; в-третьих, «Стачка рабочих на Московско-Курской железной дороге 3 июля 1896 г.». В этой брошюре доказывается, что рабочие кругом обманываются своим железнодорожным начальством, так как до сего времени ни одно из обещаний, на основании коих рабочие оставили мысль о забастовке, еще не исполнено; в-четвертых, брошюра «Отчет делегатов русской социал-демократии, читанный на Международном социал-демократическом конгрессе в Лондоне в 1896 г.» [4], в коей излагается общее положение рабочей организации в России.

Б) Организовано транспортирование заграничных изданий в Москву; получено несколько транспортов, один с книгами — для рабочих, а другой — для интеллигенции. Из новинок революционной литературы циркулируют три: во-первых, Кольцов «Царское правительство и рабочие», во-вторых «Что делают русские цари для народа» (народное издание) и в-третьих, газета «Работник» [5] (иллюстрированная)... Замечена и детально разработана начинавшаяся агитация мастерских Курской ж. д., своевременно узнано о забастовке на фабрике бр. Зотовых в г. Костроме и подробно выяснена агитация по этому поводу в г. Москве: прокламация и сбор денег.

---

[1] ЦАР, МОО, 1896 г., д. № 415, лл. 293—294.

[2] См. примечание на стр. 143.

[3] Брошюра: «Касса. Для чего она нужна рабочим и как ее устроить» издана на мимеографе «Рабочим Союзом» в сентябре 1896 г. за подписью «Московские сознательные рабочие» (ЦАР, инв. № 2143).

[4] «Доклад, представленный делегацией социал-демократов в 1896 г. Международному рабочему социалистическому конгрессу в Лондоне в 1896 г.», изд. «Союза русских социал-демократов», Женева (ЦАР, инв. № 355).

[5] «Работник» — непериодический сборник «Союза русских социал-демократов», выходивший в 1896—1899 г. заграницей под редакцией группы «Освобождение Труда». Под этой же редакцией одновременно выходили еще «Листки Работника». Вышло 6 номеров «Работника» (в трех книгах) и 10 номеров «Листка». Последний № 9—10 «Листка Работника» в 1898 г. вышел под временной редакцией, так как группа «Освобождение Труда» отказалась от редактирования изданий «Союза русских социал-демократов». В организации издания «Работника» принимал деятельное участие В. И. Ленин.

Телеграмма прокурора Московской судебной палаты в министерство юстиции, 11 ноября 1896 г.[1]

Доношу вашему высокопревосходительству, что в Московское охранное отделение поступили сведения, что организовавшийся в Москве социал-демократический кружок перешел к агитации, подготовив забастовку на завтра в мастерских Казанской железной дороги, к которой должны присоединиться остальные такие мастерские. В виду этого сегодня ночью будут обысканы, арестованы 19 интеллигентов, 37 рабочих[2].

Прокурор палаты П о с н и к [illegible]

Прокламация Московского «Рабочего союза», январь 1897 г.[3]

Т о в а р и щ и!

Летом в Петербурге была громадная стачка бумагопрядильщиков После целого месяца нужды и лишений забастовщики взялись наконец за работу, поверив обещаниям правительства, что через полгода исполнят их требования — сократят рабочий день до 10½ часов. Но вот прошли эти полгода, а все оставалось по старому. Обманутые рабочие решили вновь прибегнуть к могучему, уже испытанному ими средству — к стачке. 2 января прекратили работу фабричные от Максвеля. 7-го к ним присоединились рабочие Паля, Штиглица и Охтенской бумагопрядильни. Число забастовщиков быстро дошло до 20 тысяч. Хозяева и правительство страшно перепугались. Они собрались на совещание обсудить требования рабочих. Решено было сделать им небольшую уступку — сократить рабочий день до 12 часов, что было немедленно исполнено. Забастовщики на этот раз удовлетворились этой уступкой — мороз и голод заставили их приняться за работу. 13 января все фабрики пошли полным ходом[4]. Но рабочие не теряют надежды добиться своего,— при первом же удобном случае они думают возобновить стачку. Можно уже теперь уверенно сказать, что они одержат верх над хозяевами — так дружно и упорно стояли они на своем во время прежних забастовок.

Вообще в Петербурге теперь правительство очень боится рабочего движения. Оно пробовало заглушить его преследованиями, тысячами арестовывало и высылало рабочих, но все напрасно — рабочее движение все росло, захватывало новые заведения и крепче укоренялось на старых. Тогда правительство решило употребить другой прием — задобрить рабочих уступками. Так, в начале января рабочие казенного Александровского завода потребовали, чтобы работа по субботам и под праздники кончалась в 3 часа. Их требование было немедленно исполнено. Но этого мало. Новые порядки, по распоряжению министра, были распространены сначала на петербургские, а потом на все русские

[1] ЦАР, М. Ю., вр. канц., 1896 г., д. № 13545, л. 1.

[2] Произведенные обыски дали следующие результаты: «По обыскам взято две пишущие машинки, ручной самодельный типографский станок, 4 мимеографа, 5 гектографов, 2 пуда неоконченных тиснением на мимеографе листов манифеста коммунистической партии и значительное количество других нелегальных изданий». (ЦАР, М. Ю., вр. канц., 1896 г., д. № 13545, л. 2).

[3] ЦАР, б-ка, инв. № 28129. Воспроизведено с листовки, напечатанной на гектографе. Прокламация была выпущена в связи с происходившей в январе в Петербурге стачкой ткачей, документы см. выше.

[4] Согласно записке директора деп. полиции Зволянского от 14 января 1897 г. работы возобновились 13 января:

а) на Невской ниточной с утра полностью,

б) у Кенига с 11 час. утра,

в) на Российской мануфактуре с 12 часов дня.

Приступят к работе 15 января: Невская бумагопрядильная и Екатерингофская мануфактура (ЦАР, ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. 1, л. 79).

казенные железно-дорожные мастерские. И у нас в Москве на Курской, Смоленской и даже Рязанской дорогах уже работают по субботам только до 3 час. Так, рабочие Александровского завода добились облегчения участи не только для себя, но и для своих товарищей по всей России.

Честь и слава петербургским рабочим, отважным борцам за общее русское рабочее дело. Мы, их московские товарищи, шлем им сердечный привет и от души желаем им одержать победу с возможно мень[illegible][1].

«Рабочий союз».

Телеграмма московского обер-полицеймейстера в департамент полиции, 1 марта 1897 г., 206[2]

27 февраля на шерстопрядильной фабрике Шлихтермана с утверждением старшего фабричного инспектора было вывешено объявление, что окончательный расчет будет произведен не к пасхе, а к 15 марта. 28-го две денных смены не вышли на работу, и рабочие, в числе 500 человек, забастовали. По соглашению инспектора с фабричной администрацией решено было их немедленно расчитать. Приглашенные к содействию чины полиции были встречены неприязненно рабочими, запершимися в верхней казарме; полицеймейстер Будберг и трое городовых получили легкие поранения. Вслед за сим с моим приездом порядок был водворен. Рабочие, в количестве 254 человек, расчет коим фабрика не успела бы сделать в этот день, разбиты на три партии, и за невозможностью оставить их, по местным условиям, для ночлега на фабрике, отправлены в пересыльную тюрьму, где утром 1 марта по получении расчета будут освобождены, за исключением нескольких главарей.

Подполковник Трепов.

Из заключения прокурора Московской судебной палаты по делу о «Рабочем союзе», 9 сентября 1897 г.[3]

...Летом 1896 г. после того, как был ликвидирован «Московский Рабочий союз», на смену ему выступила небольшая группа лиц, поставивших себе задачей социал-демократическую пропаганду в среде рабочего населения Москвы[4]...

Средствами для пропаганды послужили: а) издание при помощи мимеографа оригинальных произведений и воззваний социал-демократического направления от «Рабочего союза», а также переводных сочинений социально-революционного характера и распространение этой литературы между интеллигенцией и рабочими, б) приобретение из-за границы и распространение нелегальных книг и в) личная пропаганда через посещение рабочих членами «Союза» и собеседование с ними в

[1] Январская стачка петербургских рабочих имела [illegible] рабочих всей России. 25 января последовал приказ царя министру финансов относительно немедленного созыва комиссии для выработки проекта закона о сокращении рабочего дня с тем, чтобы этот проект был немедленно передан на обсуждение в Государственный совет, который обязан рассмотреть его в весеннюю сессию. («Листок Работника», № 3—4, ноябрь 1897 г., стр. 2).

[2] ЦАР, ДП, III, 1896 г., № 606, ч. 2, л. 213. В связи с этой стачкой Московским «Рабочим союзом» была выпущена специальная прокламация (ЦАР, МОО, 1897 г., [illegible] № 126, л. 61).

[3] ЦАР, М. Ю., вр. канц., 1896 г., д. № 6 [illegible].

[4] Первый Московский Комитет РСДРП образовал [illegible] 1898 г. В состав его вошли А. М. Ульянова-Елизарова, М. Ф. Владимирский, [illegible] Луначарский и Лукашевич.

направлении исключительно социал-демократическом без отношения к вопросам государственного строя...

Первым, по времени появления, изданием «Рабочего союза» была брошюра «Стачка рабочих на Московско-Курской жел. дороге», представляющая описание этого незначительного инцидента, происшедшего 3 июля 1896 г. и окончившегося удовлетворением всех требований рабочих. За нею следовали выпущенные в сентябре того же года две брошюры. Первая из них носит заглавие «Касса; для чего она нужна рабочим и как ее устроить». В этом издании ссылкою на пример западно-европейских товарищей доказывается необходимость русским рабочим для успеха в борьбе с фабрикантами устроить боевую, нелегальную кассу, которая послужит для поддержки забастовщиков, для помощи заключенным товарищам и для приобретения нелегальной литературы.

Следующая брошюра озаглавлена «Отчет делегатов русской социал-демократии, читанный на Международном социал-демократическом конгрессе в Лондоне в 1896 г.». В ней описываются успехи рабочего движения в России за последнее время и выражено суждение о том, что «Русский абсолютизм» стоит на страже интересов предпринимателей. Дознанием не был обнаружен автор первой из упомянутых брошюр. «Касса» была перепечатана с гектографированного нелегального сочинения, а «Отчет» представляет перевод с немецкого.

14 октября 1896 г. кружком было воспроизведено и распространено воззвание, обращенное «Ко всем московским рабочим». В нем перечисляются случаи столкновений, имевших место в последнее время между представителями труда и капитала в разных городах и в частности в Костроме на фабрике Зотовых,— столкновений, окончившихся повсеместно торжеством трудящихся масс, а в заключение сказано: «Мы должны гордиться и радоваться этому; в нашем сознании противоположности классовых интересов, в нашей борьбе с ненасытными эксплоататорами заключается вся наша сила, в ней залог нашего освобождения от ненавистного ига капитала. Будем же откликаться посильной помощью на всякую попытку рабочих других городов. Их интересы — наши интересы, и каждая их победа ведет к победе всего русского пролетариата».

3 ноября того же года, в виду слухов о возникшем брожении в среде учащейся молодежи «Центральный комитет Рабочего союза» обратился к московским студентам с прокламацией, убеждая их бросить бесцельную борьбу на академической почве и посвятить свои силы рабочему делу. Касаясь причин студенческих волнений, составители воззвания упоминают, что «правительство с воцарения Александра III вплоть до настоящего времени систематически душит все живое и мыслящее в России, уничтожает всякую тень появления свободы с чьей бы то ни было стороны». Это воззвание было распространено в Московском университете и вызвало даже гектографированный ответ «нескольких лиц, участвующих в студенческой организации», в сочувственном тоне.

Последнее воззвание «Рабочего союза» появилось 4 ноября, за неделю до ликвидации кружка. Оно обращено ко всем рабочим завода Дангауэр в Москве и заключает в себе совет предъявить хозяевам ряд требований и в случае неисполнения их не выходить на работу. Главное из этих требований — сокращение рабочего дня до 10 часов с перерывом на 1 час для обеда. Прокламация была распространена, но никаких практических последствий не имела.

Кроме того, им предпринята была перепечатка двух заграничных подпольных сочинений: «Манифеста коммунистической партии» Маркса — Энгельса и биографического очерка «Фридрих Энгельс.» Однако ни та ни другая работа не была окончена вследствие ареста...

Вся описанная деятельность членов «Рабочего союза» была направлена к пропаганде в массе фабричного населения... Данные, обнаруженные в этом отношении агентурным наблюдением и в большинстве подтвержденные формальным дознанием, указывают на то, что пропаганда в краткий четырехмесячный период времени захватила до тридцати рабочих, из которых около 10 человек были заняты в мастерских императорского технического училища и железных дорог Брестской и Московско-Казанской, остальные же работали на восьми частных заводах...

При обыске... взяты: 1) двадцать один экземпляр печатных женевских, лондонских и подпольных изданий революционного содержания, в том числе: «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», К. Маркса и Фр. Энгельса «Манифест коммунистической партии», С. Дикштейна «Кто чем живет», Плеханова «Фердинанд Лассаль», два номера журнала «Социал-демократ» за 1890 г., Гауптмана «Ткачи» и «Царь-голод», «Объяснение новых правил для рабочих» и газета «Работник» за май 1896 г. с иллюстрацией, изображающей рабочий праздник, 2) две нелегальных по содержанию брошюры на немецком языке Шиппеля и Кампфмеера о рабочих союзах и социализме, 3) гектографированная нелегальная брошюра Альфонса Туна «История революционного движения в России» в двух экземплярах, 4) восемь тетрадей, в которых переписаны от руки: М. Шиппеля «Рабочие союзы», перевод популярного изложения «Капитала» Маркса по Каутскому, В. Засулич «Очерк истории международного общества рабочих», М. Цебриковой «Ссылка и каторга», К. Маркса «Наемный труд и капитал», его же «Введение к критике философии права Гегеля с предисловием П. Лаврова» и посредством пишущей машины: К. Маркс «Гражданская война во Франции» с предисловием Ф. Энгельса к 3-му немецкому изданию, 5) 19 экземпляров воззвания «Рабочего союза» от 14 октября 1896 г. «Ко всем московским рабочим», два экземпляра прокламации «Центрального комитета рабочего союза» к московским студентам от 3 ноября 1896 г., четыре экземпляра воззваний того же кружка ко всем рабочим завода Дангауэр от 4 того же ноября и один экземпляр «Отчета делегатов русской социал-демократии, читанного на социал-демократическом конгрессе в Лондоне», издания «Рабочего союза», 6) нелегальная рукопись о положении русского рабочего по поводу выставки в Чикаго, 7) список нелегальных изданий, 8) семь счетов, относящихся к транспорту заграничной рабочей литературы, 9) около тысячи неупотребленных билетиков для «благотворительной лотереи» и, наконец, 10) мимеограф малого размера, не бывший в употреблении, и разные принадлежности к работе на подобном приборе (протокол осмотра т. IV, лл. 30—121)...

Прокурор палаты Посников.

Донесение владимирского губернатора в департамент полиции, 27 декабря 1897 г., № 1043[1]

23 сего декабря, при объявлении на фабриках товариществ мануфактур Ивана Гарелина сыновей и Никанора Дербенова сыновей в г. Иваново-Вознесенске новых правил, согласованных с законом 2 июня 1897 г.[2] о продолжительности и распределении рабочего времени,

---

[1] ЦАР, ДП, о. о., 1898 г., д. № 4, ч. 3, л. 51.

[2] Закон 2 июня 1897 г. устанавливал для дневной смены $11^1/_2$-часовой рабочий день, а для ночной — 10-часовой.

Законом установлено 66 праздничных дней в году. «...Обычное число праздников в году было до сих пор у рабочих такое же, как и у остальных граждан. Наше

ткачи означенных фабрик, заявив свое неудовольствие на сокращение праздничных дней и на запрещение работать друг за друга, стали выражать в крайне дерзкой форме разные требования и домогательства, между прочим о том, чтобы по предпраздничным дням работы заканчивались в 6 час., затем, несмотря на разъяснения и убеждения фабричного инспектора и полицеймейстера, работы прекратили, причем заявляли, что они «желали бы исправить и прежние порядки», и высказывались так: «снимите со стены новые правила, и мы пойдем работать».

После этого ткачи фабрики Маракушова и Кокушкина также оставили работу, предъявив фабричному инспектору те же требования. Таким образом, на означенных фабриках забастовало более 3 000 ткачей. 24 числа все рабочие разошлись по домам и вернутся на фабрики после праздников 29 числа. Имеются сведения, что по возвращении на фабрики рабочие не намерены возобновить работы, а лишь продолжать свои домогательства.

Всех ткачей на фабриках в Иваново-Вознесенске, работающих при одинаковых условиях с упомянутыми фабриками, до 12 тыс., и если на остальных фабриках рабочие не предъявляли своих домогательств, то лишь потому, что новые правила еще не были им объявлены. Вообще дело представляется крайне серьезным и нужно ожидать важных осложнений, тем более, что подобные же недоразумения возникли на фабриках в г. Шуе и с. Тайкове, Шуйского у. Поэтому, для предупреждения беспорядков, могущих произойти по возвращении на фабрики ткачей, я, по совещании с старшим фабричным инспектором, начальником губернского жандармского управления и прокурором окружного суда, признал необходимым обратиться к содействию военной силы, которая одна лишь может подействовать отрезвляюще на рабочих и предупредить возникновение беспорядков. Вследствие сего, согласно моей просьбе, по распоряжению е. и. высочества командующего войсками Московского военного округа, командирована из Москвы одна сотня казаков, которая и прибудет в Иваново-Вознесенск вечером 28 числа, а затем сделано распоряжение о посылке туда же, в случае надобности, и баталиона пехоты из Владимира.

Об изложенном имею честь уведомить департамент полиции.

Губернатор Т е р е н и н.

Телеграмма Владимирского губернского жандармского управления в департамент полиции, 28 декабря 1897 г., № 811 [1]

Забастовало десять тысяч. Прибыл с войсками, распоряжаюсь. По предложению губернатора выясняю претензии. Спокойно.

Генерал В о р о н о в.

«христианское правительство», заботясь о здоровье рабочих, выкинуло из этих обычных праздников четвертую часть, целых 22 дня, оставив только 66 обязательных праздников» (В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 147).

В законе пункты о сверхурочной работе имели много лазеек для фабрикантов, так что существующее положение в действительности мало изменилось.

Ленин в статье о фабричном законе 1897 г. говорит, что «Значение нового фабричного закона состоит в том, что он с одной стороны, является вынужденной уступкой правительства, что он о т в о е в а н у полицейского правительства соединенными и сознательными рабочими... С другой стороны, значение нового закона состоит в том, что он необходимо и неизбежно д а е т н о в ы й т о л ч о к русскому рабочему движению» (В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 154).

[1] ЦАР, ДП, о. о., 1898 г., д. № 4, ч. 3, л. 61.

Отношение владимирского губернатора в департамент полиции, 28 декабря 1897 г., № 1048[1]

В дополнение к отношению моему от 23 декабря за № 1043 о забастовке ткачей на трех Иваново-Вознесенских фабриках — товариществ мануфактур Ивана Гарелина сыновей, Никанора Дербенева сыновей и Маракушева и Кокушкина,— имею честь уведомить департамент полиции, что вчерашнего же числа забастовали еще ткачи фабрик: товарищества Иваново-Вознесенской мануфактуры — 2 180 человек, Никона Гарелина — 885, наследников Зубкова — 600 и младших Гандуриных — 400. Все эти рабочие прекратили работы, разошлись по домам. Вчера же ночью отправлены в Иваново-Вознесенск 2 баталиона пехоты из Владимира в составе 700 человек, а сегодня отправляются 2 сотни казаков из Москвы. Для распоряжений по настоящему делу командируется в Иваново-Вознесенск вице-губернатор.

По имеющимся сведениям, есть основание полагать, что настоящие забастовки происходят вследствие подстрекательства извне, так как никаких основательных поводов к неудовольствиям рабочих на упомянутых фабриках в действительности не существует. Притом рабочие заявляют свои претензии даже против таких правил, которые на их фабриках вовсе не установлены. По сообщению местного помощника начальника губернского жандармского управления, на Иваново-Вознесенских фабриках замечается много лиц посторонних, не принадлежащих к числу рабочих, за которыми пока установлено строгое наблюдение; с прибытием же войска будут произведены аресты.

Губернатор Теренин.

Телеграмма владимирского губернатора департаменту полиции, 30 декабря 1897 г.[2]

В дополнение отношений № 1043 и 1049 сообщаю: забастовка ткачей продолжается и распространилась на другие фабрики в Иваново-Вознесенске. Забастовало 13 588 рабочих на всех 12 ткацких, двух прядильных и одной ситцевой фабриках. На месте распоряжается вице-губернатор, там же находится начальник жандармского управления и старший фабричный инспектор. Вчера ночью арестовано 28 зачинщиков; войска командировано только одна сотня казаков и два баталиона пехоты, каковое количество, в виду крайней серьезности положения дела, упорства и возбуждения рабочих, а также разбросанности забастовавших фабрик по городу на протяжении семи верст, считаю весьма недостаточным, о чем 27 и 29 числа телеграфировал начальнику штаба и командующему войсками округа, прося командировать в Иваново-Вознесенск еще казаков и пехоты, но, не получая ответа, сейчас вновь телеграфирую его высочеству.

Губернатор Теренин.

Телеграмма Владимирского губернского жандармского управления в департамент полиции, 30 декабря 1897 г. № 869[3]

На остальных фабриках еще забастовало четыре тысячи, всего четырнадцать. Условия, сопровождавшие прекращение работ, не признаются судебной властью за стачку. Распоряжением вице-губернатора принимаются принудительные меры к восстановлению работ. Приказа-

[1] ЦАР, ДП, о. о., 1898 г., д. № 4, ч. 3, л. 20.
[2] Там же л. 151.
[3] Там же л. 18.

но арестовать шестьдесят зачинщиков, будут привлечены по охране. Причины прекращения работ — недоразумения и смута, порожденные применением нового закона, также стремление воспользоваться и выговорить разные льготы[1].

Генерал Воронов.

Прокламация Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», 1898 г.[2]

Письмо к рабочим Иваново-Вознесенска.

Товарищи!

До нас дошел слух, что вы объявили стачку в числе 10 000 человек. Московский «Рабочий союз» шлет вам свой привет и пожелание полного успеха. Мы слышали, что поводом к стачке послужило: 1) предпринятое обществом иваново-вознесенских фабрикантов сокращение числа дней, празднуемых рабочими в году, 2) внутренние распорядки, крайне тяжелые для рабочих (напр. 5½-часовые смены на ситцевых фабриках и т. д.).

Мы слышали, что господа капиталисты не поцеремонились ввести новое требование для рожениц из женщин-работниц: являться на фабрику через 4 дня после родов, тогда как жены этих же фабрикантов оправляются от родов по 6 недель. Для господ фабрикантов работница женщина, очевидно, не человек, а просто рабочая машина, приносящая им деньги. Узнав все это, мы решили, товарищи, написать вам, кроме дружеского привета, несколько слов об отношении Московского «Рабочего союза» к стачкам вообще и к вашей стачке в частности. Капиталистическое производство есть прежде всего производство прибыли для капиталистов. Из 11—12 часов рабочего дня капиталист оплачивает часа 4 в форме заработной платы, остальные же 7 или 8 часов идут в пользу капиталиста. Отсюда понятным становится постоянное стремление капиталиста увеличивать число рабочих дней в году и число рабочих часов в течение дня, уменьшая при этом расценку. Все уловки фабрикантов, пускаемые ими в ход, известны хорошо самим рабочим. Капиталисты всегда и везде стремятся выжать больше соку из рабочего,— рабочие со своей стороны всегда и везде стремятся положить предел бессовестной капиталистической эксплоатации.

У рабочих есть один только способ защиты: бить фабриканта рублем — отсюда стачка. Отказавшись от работы и объявив стачку, рабочие заставляют этим гг. фабрикантов терпеть несомненные убытки. Фабрикант упорствует, рабочие тоже и, по обыкновению, стачка кончается в пользу той стороны, которая проявит больше упорства, вы-

---

[1] Корреспонденция из Иваново-Вознесенска об этой стачке в «Листке Работника» подчеркивает, что «В Иваново-Вознесенске уже с 23 декабря [illegible] стачка на всех (за исключением 2-х) тамошних фабриках. Числ[illegible] достигает до 30 000 чел. Повод забаст[illegible] хозяев на каждой фабрике — немедленно повлек за собой [illegible] остальных. На некоторых главной причиною было исключение [illegible] дней некоторых праздников... В Иваново стянуто порядочно [illegible] держатся спокойно и выдержанно, так что ни к каким на[illegible] удается... Рабочие держались очень дружно и стойко. Войскам [illegible] ставлялось случая проявить себя хоть мелочью. В р[illegible] прибавили число праздников, а также [illegible] накануне праздников» («Листок Работника», № [illegible], стр. 7).

Подробное сообщение местной [illegible]ократической [illegible] об этой стачке было напечатано в № 8 «Листка Р[illegible]а», июнь 1898 г., стр. [illegible]3—32. Там же напечатан циркуляр старшего фабричн[illegible] инспектора заведующим фабриками [illegible]ской губ. от 17 января 1898 г. (как результат стачки), согласно котором[illegible] сверхурочных, необязательных работ на каждого рабочего не должно превышать 120 часов в год.

[2] ЦАР, МСП, 1899 г., д. № 39, лл. 314—315. Воспроизведено с копии.

держки характера. Правда, условия далеко не равны: фабрикант, терпя убытки, не терпит с своей семьей голода и лишения; рабочему же приходится выносить всю тяжесть стачки на своих боках, но, если справедливость имеет сама по себе какую-нибудь силу, то эта сила всецело на стороне рабочих: рабочие борятся за свое законное право, право иметь кусок хлеба и немного отдыха среди каторжного, непрерывного труда.

На Западе, наши товарищи — английские, французские и немецкие рабочие, путем многочисленных стачек, добились следующих результатов: 1) стачки их привели к сознанию, что сила рабочих в объединении; немецкие рабочие, например, соединились уже почти в 3-х миллионную партию (социал-демократия); эта грозная внушительная сила, перед которой теперь заискивают даже короли и императоры. 2) Многочисленные рабочие стачки, вызывая остановку производства и волнения, заставили правительства всех европейских стран издать фабричные законы, улучшающие положение рабочих. У нас 2 июня 1897 г. вышел также новый фабричный закон и он также явился результатом стачек и вообще русского рабочего движения (напр. стачка петербургских рабочих в мае 1896 г.). 3) Стачки рабочих в Европе, часто кончаясь победой фабрикантов, все же в общем своем результате привели там к сокращению рабочего времени и к повышению заработной платы; например, в самоткацком производстве русский рабочий в среднем получает 13 или 14 руб. в месяц, работая 3 588 часов в году, в Англии же рабочий, занимаясь 2 810 часов в году, получает 41 р. 50 к. в месяц. Разница, кажется, большая. Отсюда следует, что значение стачки не только экономическое — оно гораздо шире.

Иваново-вознесенские товарищи! Помните, что не ваша только судьба зависит от стойкости вашего поведения в данном случае. Вы, борясь за свои интересы, боретесь за интерес всего русского рабочего класса. Пусть это сознание вдохнет в вас энергию для продолжения той борьбы, которую вы начали. Московский «Рабочий союз» приветствует вас и, желая вам успеха в борьбе с эксплоататорами, по мере своих средств будет помогать вашему правому делу.

Вперед товарищи! Взойдет и для нас заря!

Из брошюры «Рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе»[1]

В настоящее время нашими рабочими становится уже на очередь вопрос о более раннем окончании работ накануне праздников, но иваново-вознесенские фабриканты предупредили рабочих и первые сделали нападение на них, воспользовавшись неясностью закона 2 июня 1897 г.

Дело в том, что до издания этого закона по отношению к взрослым рабочим не было никаких правительственных распоряжений о воспрещении работы в праздники. Установление праздничных дней всецело зависело от воли фабриканта, или, вернее сказать, от соглашения фабриканта с рабочими, которые слишком цепко держались за некоторые, в особенности, церковные праздники. Закон о продолжительности рабочего дня впервые установил 66 обязательных праздничных дней, а празднование остальных предоставил воле фабриканта. Воспользовавшись этим ивановские фабриканты уменьшили на несколько дней издавно существующее в нашем районе число праздников. Лишь только об этом было объявлено рабочим, как они заволновались. На другой же день после объявления, 22 декабря 1897 г., забастовали рабочие Т-ва мануфактур Н. Гарелина с сыновьями, тотчас же к ним присо-

[1] «Рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе (за последние 15 лет)». Издание Союза русских социал-демократов, стр. 13. (ЦАР, инв. № 1382).

единились рабочие фабрики т-ва мануфактур Н. Дербенева с-я, и [illegible] тем постепенно ткачи всех остальных фабрик (кроме маленькой фабрики Щапова) примкнули к забастовке. К ткачам присо[illegible] прядильщики, и скоро пламя стачки перешло и на ситценечатные фабрики (Фокина, Витовых и др.). Это был первый в нашем р[illegible] случай забастовки, в которой приняли участие и рабочие ситцен[illegible]ных фабрик. Число забастовавших, с каждым днем увеличиваясь, быстро дошло до 15 тысяч человек. Тогда хозяева фабрик, не усп[illegible] примкнуть к стачке (т-во Куваевской мануфактуры, Полушин и [illegible]) сделали уступки своим рабочим и тем предотвратили дальнейшее [illegible]личение числа забастовавших. Были вызваны 2 батальона [illegible] сотня казаков, но насилий со стороны войск не было.

Как и всегда, ткачи держались дружнее других: они стали на работу только 13 января 1898 г., после того как фабриканты [illegible] удовлетворили их требования насчет праздников. Ситценечатные рабочие уступили скорее, главным образом, потому, что многие из них, пользующиеся хозяйской квартирой, были немедленно лишены ее, как только примкнули к стачке. Таким образом, стачка продолжалась 3 недели и в ней приняли участие 15 тысяч человек.

Все время настроение было самое бодрое; были фабрики, которые только из чувства товарищества примкнули к стачке, хотя на них и не было сокращения праздничных дней. К сожалению местная социал-демократическая организация, незадолго перед тем понесшая большой урон, еще не успела к этому времени оправиться и потому не могла принять широкого участия в стачке. Попытки издать во время стачки листок не удались. После стачки были пущены по рукам особые воззвания, которые не могли иметь успеха. Некоторые члены местного Союза приняли участие в агитации и очень скоро в качестве руководителей забастовавших рабочих явились наши товарищи: ткач Кирилл Николаевич Отроков, ныне уже умерший, и еще один, фамилии которого мы не называем по конспиративным соображениям. Оба товарища вступали в переговоры с вновь забастовавшими рабочими, выясняли и формулировали их требования, объясняясь с начальством, и кстати распространяли среди стачечников нелегальную литературу. По вечерам они собирали в домах сходки, говорили о выставляемых требованиях и особенное внимание обращали на рабочих, которые по своим личным качествам могли бы быть руководителями стачки. Оба товарища положительно обладали особенным умением говорить с толпой и влиять на нее.

Понятно, вскоре они были арестованы в числе других 50 рабочих и затем высланы. Отроков был выслан в Повенец Олонецкой губернии, где ему пришлось от нужды заняться пилкой дров, работой слишком тяжелой для ткача. Он попросился в другой город и здесь умер в 1899 г. от болезни сердца, вызванной переутомлением.

Прокламация Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», 1898 г.[1]

Теперь почти всякий рабочий знает, что его интересы совершенно противоположны интересам хозяев. Капиталисту выгодна низкая заработная плата, так как ему больше остается барышей; ему также выгоден длинный рабочий день, ибо в его руках каждая минута превращается в деньги. Капиталисту также выгодно невежество и разрозненность рабочих, так как при этих условиях он может сильнее давить рабочих. Противоположность интересов тут очевидна. Поэтому рабочим

[1] ЦАР, МСП, 1899 г., д. № 39, л. 316. Воспроизведено с гектографированного подлинника.

нечего ждать от хозяев помощи и участия, им надо самим устраивать свои дела и заботиться о своих выгодах. (По своей воле хозяин не уступит — надо его заставить уступить.)

Только совместной, дружной борьбой рабочие могут добиться улучшения своего положения. Но для того, чтобы борьба не осталась бесплодной, рабочим необходимо соединиться в один прочный товарищеский союз и иметь на всякий случай свою рабочую кассу. Рабочие других стран давно поняли огромную важность касс, и они у них имеют самое широкое распространение. Пусть каждый сознательный и честный рабочий устраивает среди своих товарищей такие кассы взаимопомощи, привлекая сначала хоть несколько человек. Кассы эти очень помогут рабочим в случае стачки или нужды.

Из прокламации Московского Комитета РСДРП, 1899 г.[1]

Письмо к московским наборщикам.

Товарищи![2]

...На наших фабриках и заводах стали встречаться теперь смелые, честные и сознательные рабочие социал-демократы. Эти рабочие на той или другой фабрике обыкновенно соединяются в кружок или союз, члены которого общими силами стараются пробудить сознание своих темных товарищей; они разъясняют им, что всякая нужда рабочих происходит оттого, что их обирают (эксплуатируют) хозяева-капиталисты; убеждают в необходимости товарищеской поддержки и борьбы; знакомят с положением рабочего вопроса у нас и заграницей и т. д. Кроме устной пропаганды, кружки нередко прибегают к помощи разрешенных (легальных) книг, а где можно, то и неразрешенных, в которых совершенно ясно и просто разъясняется рабочее дело. На некоторых заводах союзы имеют свои кассы, из которых деньги, вносимые в них самими рабочими, идут в их же пользу: на покупку полезных книг и другие нужды.

Таким образом, на фабрике, где успел завестись социал-демократический кружок, — рабочих, не понимающих своего рабочего положения, становится меньше. Поняв же свое положение, рабочие сумеют постоять за себя, и где стачками, где угрозами, а где единодушным заявлением своих требований или одним лишь выражением неудовольствия, достигают значительных улучшений в своем положении.

Самым верным и надежным средством борьбы рабочих с капиталистами служит стачка. И здесь социал-демократические кружки нередко приносят значительную пользу рабочим: они умеют хорошо организовать стачку и с успехом руководить борьбой. Видя необходимость стачки на фабрике, союз обыкновенно заранее подготовляет к ней рабочих. Когда же рабочие более или менее подготовлены, он, выждав подходящее время, расклеивает и разбрасывает в мастерских объявления, прокламации, в которых выставляются требования, и так объявляется стачка. Во время стачки союз всеми силами старается, во-первых, уговорить рабочих действовать дружно и не уступать фабрикантам, во-вторых, предостерегает их от скандалов и насилий и вообще буйства, что хозяева стараются нарочно вызвать, чтобы можно было пустить в ход полицию или войска, и таким образом, как сказать, связать рабочих по рукам и ногам.

---

[1] ЦАР, инв. № 1159. Воспроизведено с брошюры издания Союза русских социал-демократов, Женева, типография Союза, 1899 г.

[2] Опускается первая часть прокламации, рисующая условия жизни и работы наборщиков.

Дружные и спокойные стачки рабочих почти всегда бывают удачны если они объявлены во время, т. е. тогда, когда у хозяев много заказов и они не могут нанять посторонних рабочих. Капиталисты вообще очень боятся дружных и спокойных стачек, и тем более боятся, когда у них много заказов; в это время каждый день простоя приносит им тысячи рублей убытков; в это время, понятно, они легче идут на уступки. В настоящее время стачки нередко не ограничиваются одной какой-нибудь фабрикой, а распространяются одновременно на множество фабрик того или другого производства, а иногда и на все фабрики и заводы той или другой местности, округа и даже государства. Подобных массовых стачек страшно боится и само правительство и, чтобы успокоить рабочих, издает законы, облегчающие их участь во всем государстве.

С помощью таких стачек рабочие могут не только значительно улучшить свое экономическое положение, но при случае могут добиться от правительства и политических прав, как мы то и видим на примере наших братьев — заграничных рабочих.

За последние годы стачки рабочих происходят почти на всем необъятном пространстве России. С удивительною настойчивостью они проводились в Москве, Петербурге, на Урале, в Одессе, Киеве, Лодзи, Иваново-Вознесенске и множестве других городов. Мы, конечно, не можем в кратком письме останавливаться долго на этих стачках, тем не менее считаем нужным указать на результаты хотя некоторых из них.

Всем, вероятно, известны и памятны величественные стачки петербургских рабочих в 1896—1897 гг. Вот результаты их: заработок рабочих повысился где на 10, а где и на 20 процентов. Хозяева и мастера не осмеливаются ругать и обижать рабочих, а также ранее назначенного времени пускать в ход машины и позже их останавливать, делать незаконные штрафы и вычеты и т. д. Наконец, благодаря этим массовым стачкам, и только им, 2 июня 1897 г. был издан закон об 11½-часовом рабочем дне, который, несмотря на все свои недостатки, все же облегчил рабочим борьбу за улучшение своего положения. И все это совершено в каких-нибудь два года, тогда как до стачек 1896 г. петербургские рабочие десятки лет не могли дождаться от хозяев и правительства даже самых незначительных льгот и уступок. Московские механические рабочие еще недавно получали весьма незначительную плату и работали 12—13 часов в сутки.

После стачек 1896—1897 гг. рабочее время на всех московских механических заводах сократилось до 9—10 ч. в сутки, при заработке рабочих в 35—60 р. в месяц или в среднем рублей 45—50. Этим, однако, московские механические рабочие далеко не удовлетворились. Их стремление куда шире. Борьба их с капиталистами лишь в самом начале. Можно надеяться, что уже очень недалеко то время, когда мы будем свидетелями новой и новой борьбы московских механических рабочих с целью, во-первых, сокращения рабочего времени до 8 ч. в день, во-вторых, с целью еще большего повышения заработной платы и вообще улучшения в их положении.

Как далеко, очень далеко нам московским наборщикам до всего этого! И так всегда бывает с теми рабочими, которые подобно нам тихо сидят, ничего не требуют, а переносят все безропотно. В других странах как раз наоборот, — наборщики являлись передовыми борцами за рабочее дело.

Пришла пора, товарищи, и нам приняться за работу. Кушнаревские наборщики уже сделали почин и, как вам известно, не безуспешно; не много они похлопотали, а заработок свой повысили от 7% до 10%. Подумаем же, товарищи, над своим положением, будем плотнее объединяться в кружки и, по примеру других рабочих, дружно отстан-

вать свои интересы и свое человеческое достоинство; будем научать тому же и своих малосведущих товарищей.

От наших стараний, и только от них, зависит и наше благосостояние и наша свобода.

«Освобождение рабочих есть дело самих рабочих», сказал великий наш учитель и борец за рабочее дело Карл Маркс.

Московский комитет
российской социал-демократической рабочей партии.

Из заключения прокурора Московской судебной палаты по делу о «Московском Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» 10 июля 1899 г.[1]

В конце 1897 г. в городе Москве появилась организация социал-демократического характера, принявшая наименование «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и состоявшая преимущественно из студентов императорского Московского технического Училища.

Организация эта была ликвидирована в ночь на 12 марта 1898 г. и дело о ней, по распоряжению департамента полиции, было направлено в Московское губернское жандармское управление для производства формального дознания в порядке, указанном 1035 ст. уст. угол. суд. (т. I. л. д. 5).

...После же возникновения в Москве дела о «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» в августе месяце 1898 г. в городе Иваново-Вознесенске, вследствие сведений о производимой там среди местного рабочего населения противоправительственной агитации социал-демократического характера, был произведен ряд обысков и арестов лиц, заподозренных в этой агитации.

По производстве об этих лицах расследования в порядке положения об охране, в Владимирском губернском жандармском управлении было приступлено также к производству формального дознания по обвинению означенных лиц в преступном деянии, предусмотренном 318 ст. улож. о наказ., каковое дознание затем, согласно с предложением прокурора Московской судебной палаты от 10 октября 1898 г. за № 1508, было присоединено к упомянутому дознанию о Московском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» в виду тесной связи его с последним...

Московский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» являлся группой лиц, занимавшихся распространением заграничных, нелегального характера изданий среди учащейся молодежи и, главным образом, среди фабричного населения столицы.

В практической деятельности эта группа придерживалась правил агитации, изложенных в брошюре «Об агитации» [2], которая была переиздана «Союзом» на гектографе. Следуя основной агитационной тактике действовать исключительно на почве мелких нужд и требований члены группы, вступая в сношения с рабочими отдельных фабрик и заводов, старались прежде всего узнать нужды каждой фабрики и завода в отдельности, записывали их со слов рабочих и затем излагали их в своих прокламациях. По этой программе были выпущены «Союзом» воззвания: «К рабочим фабрики Зелих», «К рабочим Садовниче-

[1] ЦАР, МЮ, вр. канц., 1899 г., д. № 11489, лл. 135 и сл.

[2] «Об агитации» — брошюра, получившая широкое распространение с 1894 г. Содержанием брошюры была мысль о необходимости перехода в деятельности социал-демократов от экономической пропаганды в кружках к агитации в широких массах.

ской фабрики десятичных весов», и «К рабочим Иваново-Вознесенского района».

Одновременно с этим упомянутая группа стремилась к расширению своих связей среди рабочих в различных пунктах столицы с целью организовать рабочую демонстрацию 19 апреля (1 мая нового стиля)...

Московский «Союз борьбы» находился, повидимому, в сношениях с южными и западными подобными же организациями, на что указывали как циркулировавшие среди лиц, принадлежавших к Московскому «Союзу», специально киевские издания газеты «Вперед»[1]...

Относительно же тайного сообщества среди рабочих в г. Иваново-Вознесенске агентурным путем было установлено, что еще летом 1897 г. получались сведения о существовании в этом городе противоправительственной агитации, выражавшейся в попытках к образованию тайных кружков, в устройстве небольших сходок для совместного чтения и обсуждения произведений нелегальной литературы, и в сборе денег на тайные библиотеки, на вспомоществование административным ссыльным и т. п. предметы. Затем, когда был ликвидирован обнаруженный в Иваново-Вознесенске кружок социал-демократов и принадлежавшие к нему восемнадцать человек были высланы из пределов Владимирской губернии, на место их явились новые лица[2]...

У рабочих Иваново-Вознесенска стали попадаться нелегальные листки московского издания, а именно «Устав рабочей кассы Московского «Союза борьбы», «Устав для касс взаимопомощи», «Программа Московского «Союза борьбы» и листки под заглавием «Письма к рабочим Иваново-Вознесенска».

Вышеприведенные, добытые агентурным путем сведения, нашли себе подтверждение и в данных формального дознания, которым деятельность сообщества, принявшего наименование «Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в кружке среди рабочих Иваново-Вознесенска обрисовалась в следующих основных чертах.

В начале 1897 г. в городе Москве, по инициативе бывшего студента Ново-Александрийского сельско-хозяйственного института Виктора Алексеева Ванновского, среди студентов императорского Московского технического училища образовался кружок лиц, марксистов по убеждениям, желавших посвятить свою деятельность благу народа. Кружок этот, цель которого первоначально ограничивалась лишь стремлением членов его к «саморазвитию», в видах подготовления себя к указанной деятельности, в конце 1897 г. поставил себе задачи более активного характера и по инициативе того же Виктора Ванновского, составившего и издавшего программу деятельности кружка, принял наименование «Московского Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Принадлежавшие к кружку лица, веря в антагонизм среди различных общественных классов и в эксплоатацию низших слоев общества высшими, поставили себе целью, в видах улучшения материального положения рабочих, поднятие их умственного уровня и подготовление их к систематической борьбе с капиталистами. Сначала этой цели предполагалось достигнуть путем образования особых кружков в рабочей среде, влияя на рабочих словом и целесообразно подобранной

---

[1] «Вперед» — подпольная Киевская рабочая газета, № 1 и 2 изданы группой «Рабочее дело», а с № 3 она издавалась Киевским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». № 1-ый газеты вышел 8 декабря 1896 г. Вышло 10 номеров до весны 1900 г. «Вперед» переросла рамки местной газеты, собирая и публикуя корреспонденции со всех концов революционной России. №№ 1-ый и 3 «Вперед» были опубликованы в «Пролетарской Революции» 1927 г., № 6 (65), а № 2 в «Пролетарской Революции», 1927 г., № 12(71).

[2] Речь идет о членах Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», специально командированных в Иваново-Вознесенск в феврале 1898 г. с целью организации рабочего [illegible]

легальной литературой, но затем при быстро обнаружившейся неудовлетворительности такого способа воздействия, было признано необходимым прибегнуть к нелегальной литературе.

Наравне же с распространением нелегальных изданий, агитация между рабочими производилась и посредством обращения к ним с особыми воззваниями, в которых внимание их останавливалось на разных нуждах и требованиях, возникавших на той или другой фабрике, причем члены кружка, заводя знакомства среди рабочих, старались выбирать между ними таких, которые бы по своему умственному развитию могли влиять на своих товарищей и стать таким образом посредниками между интеллигентными деятелями и рабочими.

Кружку была придана довольно твердая организация, выражавшаяся в распределении обязанностей между входившими в состав его лицами.

Виктор Ванновский, будучи инициатором кружка, являлся и главным в нем распорядителем, а вместе с тем принимал горячее участие в агитации среди рабочих...

Для воспроизведения исходящих от него воззваний и прокламаций кружок располагал пишущей машиной «Меррит», мимеографом и гектографом, на которых были отпечатаны: «Отчет Московского кружка распространения народного образования», известные нелегальные брошюры «Речь Петра Алексеева» и «Об агитации», озаглавленная «Для интеллигентных читателей», прокламации «К рабочим фабрики Зелих» и «Ко всем рабочим Иваново-Вознесенска» и описание стачки в Иваново-Вознесенске. Кроме того, Виктором Ванновским было приобретено несколько фунтов типографского шрифта, который, однако, остался без употребления, будучи выброшен Ванновским ввиду предполагавшегося у него обыска. Два транспорта необходимых для пропаганды нелегальных изданий, преимущественно заграничных, были доставлены кружку из Минска...

Помимо сношений, имевших целью получение нелегальной литературы, Московский «Союз борьбы» сносился и с другими организациями того же рода ввидах объединения их деятельности.

В январе 1898 г., желая заявить о себе, Союз послал одного из своих членов в Иваново-Вознесенск для собрания сведений о бывшей там в 1897 г. стачке, описание которой решено было издать.

В виду возникшей в конце 1897 или начале 1898 гг. среди действующих в разных центрах империи социал-демократических организаций мысли об объединении их в одну Российскую социал-демократическую партию, в г. Минске в начале марта 1898 г. собрался съезд делегатов рабочих союзов: Московского, Петербургского и обще-еврейского в России и Польше. Делегатом от Московского «Союза» на этот съезд был послан Александр Ванновский, и на съезде этом было решено выделить из членов всех организаций «Центральный комитет», на обязанности которого должно было, между прочим, лежать пополнение отдельных групп, в случае ликвидации, новыми членами, управление же деятельностью каждой отдельной организации возложить на выбранный из членов этой организации «местный комитет».

Затем после съезда в Минске Московский «Союз борьбы» стал именоваться Московской группой Российской социал-демократической партии. ...причем первое заседание этого комитета происходило 10 марта. После же заседания Александр Ванновский передал черновик прокламации «Ко всем рабочим Иваново-Вознесенска», которая, касаясь приезда в этот город комиссии для исследования причин неудовольствия рабочих, заканчивается словами: «Докажем, что мы и без комиссии сумеем добиться своего права. Да здравствует рабочая солидарность, да здравствует наша молодая партия».

На этом окончилась деятельность социал-демократической группы, называвшейся Московским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», так как 11 марта группа эта была ликвидирована и большинство членов ее были подвергнуты аресту [1]...

Прокурор палаты Посников.

III

Из записки Нижегородского охранного отделения, 22 июня 1896 г., № 1406 [2]

Из имевшихся в департаменте полиции сведений усматривается, что за последнее время революционная пропаганда социал-демократического характера, найдя для своего распространения благодарную почву в среде фабричных рабочих, начала приобретать внутри империи серьезное значение и, по своей силе, едва ли не превышает пропаганду всех остальных революционных фракций.

Так, между прочим, департаментом были получены указания, что речи революционного содержания, произнесенные на рабочих сходках в Вильне, воспроизведены посредством гектографа и находятся в обращении отдельными брошюрами между рабочими многих фабрик. В Москве, Владимире, Нижнем-Новгороде, Киеве, Казани, Самаре, Саратове, Харькове и Ростове-на-Дону имеются уже, будто бы, вполне организованные революционные рабочие кружки, преследующие чисто социал-демократические цели [3]. Среди этих кружков стали возникать толки о необходимости объединения и созыва для сего конгресса русских рабочих, на котором, между прочим, могла бы быть выяснена наличность организованных рабочих групп.

Дальнейшие сведения указывали, что пропаганда, благодаря энергии вожаков социал-демократов и восприимчивости рабочих, действует весьма успешно в смысле привлечения новых членов; так например, до Рождества 1893 г. в Москве, будто бы, было лишь пять человек, сочувствовавших социал-демократическому движению, к апрелю же 1894 г. число это возросло до 20; в Нижнем-Новгороде одна из социал-демократических групп возросла в течение всего нескольких месяцев с 7 до 40 человек, другая же группа числила в своем составе около 20 организованных рабочих. Вообще в Нижнем-Новгороде, будто бы, нет ни одной сколько-нибудь крупной фабрики, между рабочими которой не велась бы настолько деятельная пропаганда, что по некоторым данным можно было ожидать в непродолжительном времени увеличения членов рабочих групп до 200 человек. Независимо от сего на Сормовском заводе, Нижегородской губернии, пропаганда также ведется весьма успешно и при том при участии даже местной фабричной администрации. Из других рабочих центров обращали на себя внимание Саратов, рабочая группа которого организует особую кассу, и Киев, в коем число вполне организованных рабочих революционеров достигло к весне 1894 г. до 100 человек.

Из вышеприведенных данных видно, что в Н. Новгороде среди рабочих ведется пропаганда весьма успешно и объяснить это можно тем,

---

[1] Далее опускается перечисление вещей, отобранных при обыске.

[2] ЦАР, ДП, VII, 1896 г., д. № 255, ч. II, лл. 132 и сл. Записка была послана в департамент полиции 9 июля 1896 г. при отношении нижегородского губернатора № 1987.

[3] Наиболее активными работниками в деле пропаганды марксизма и организации социал-демократических рабочих кружков в Н. Новгороде, возникших с 1891 г., были П. Н. Скворцов, М. Г. Григорьев, С. И. Мицкевич и др. Приезды В. И. Ленина в Н. Новгород в августе 1893 г. и в январе 1894 г. оказали большую помощь нижегородским марксистам в борьбе с народниками.

что здесь с давнего времени водворились в большом числе лица, скомпрометированные в политическом отношении, направив свою деятельность исключительно в рабочую среду...

В 1892 г. был организован в Нижнем-Новгороде кружок из учащейся молодежи местных — реального училища, гимназии и семинарии...

Кружок этот, постепенно развиваясь, изменял направление свое; из прежнего кружка, не имевшего политического характера, организованного учащейся молодежью в видах самообразования, направление его постепенно изменяется: о самообразовании уже нет и речи, на собраниях возбуждают вопросы о положении рабочего класса и способе улучшения их быта, и вообще в 1894 г. кружок этот уже преследует исключительно противоправительственные цели, ведя усиленную пропаганду среди рабочих фабрик и заводов...

Результат преступной деятельности Кузнецовского кружка[1] в Сормове среди заводских рабочих выразился распространением 12 января сего года воззваний близ Сормова и исходящей оттуда же молвой, могущей иметь неблагоприятные последствия для всероссийской выставки, которая, как ходил тогда слух, конечно, распускаемый праздными людьми, будто бы минирована.

Сормово по местоположению своему, количеству рабочих и условиям жизни представляется весьма заманчивым пунктом для пропагандистов; находится оно в близком расстоянии от заречной части Нижнего, с которым имеет легкое постоянное сообщение, посредством железной дороги, соединяющей Сормово с Нижегородским вокзалом; число рабочих развитых, преимущественно грамотных, доходит до 7 тысяч человек...

Видимо безнаказанность виновных в распространении воззваний к рабочим 12 января ободрила предпринимателей сего, так как спустя 3 месяца вновь были разбросаны воззвания близ завода Курбатова...

3 апреля 1896 г. около 4 часов утра некоторыми из рабочих механического завода Курбатова, идущими на работу, были найдены на дороге семь экземпляров гектографированного воззвания к рабочим, шесть экземпляров которого, в том числе один изорванный, к сему прилагаются (седьмой экземпляр представлен в департамент полиции)...

Разбросанные здесь 3 апреля воззвания по содержанию и выполнению их во многом сходны с разбросанными 19 октября 1894 г. и 12 января с. г. воззваниями, и хотя в последнем воззвании говорится о неправильных действиях механика завода и несправедливости в отношении увольнения рабочего Бритова, но этот случай взят не из сочувствия к положению уволенного рабочего, а исключительно для возбуждения рабочих к активной деятельности для образования «рабочего союза», союзной массы и вообще к устройству стачек, что, главным образом, и рекомендуется в воззвании...

Вообще из имеющихся ныне агентурных сведений видно, что рабочая среда завода Курбатова представляет много заманчивого в смысле пропаганды, для лиц специально революционной партии...

Имеются, между прочим, указания из агентурного источника на то, что имели быть подложены в ящики рабочих в мастерских и разбросаны близ заводов Курбатова, Доброва и Набгольц, Тер Акопова и

[1] Жандармы называли «К[illegible] [illegible] [illegible]ю социал-демократическую [illegible]изацию, считая, что Кузнецов в ней играл главную роль. Но он был только [illegible] из организаторов социал-демократического движения в Н. Новгороде. По своим взглядам он приближался к экономистам (см. Пролет. Револ. 1934 г., № 3, стр. 253). Кузнецов и упоминаемый в публикуемом документе Колин, арестованные 13 августа 1896 г., оказались предателями, давая подробные сведения о деятельности [illegible].

Сормовских, воззвания к рабочим вообще о праздновании в текущем году [1 мая], по примеру устраиваемых рабочими заграницей в этот день празднеств. Действительно в ночь с 29 на 30 апреля с. г. в указанных местах были обнаружены гектографированные воззвания на листах и полулистах бумаги, частью рукописные, а частью писанные от руки печатным шрифтом, и судя по содержанию и выполнению таковых, можно притти к заключению, что писанием их для копирования на гектографе заняты были несколько лиц.

Всех воззваний было обнаружено 36 экземпляров, из которых разбросано было близь завода Курбатова 10 экземпляров, по дорогам, ведущим к двум заводам Доброва и Набгольц 16 экземпляров, затем в разных цехах Сормовских заводов найдено 5 экземпляров, на заводе Тер Акопова 1 экземпляр и наконец представлено содержателем кузницы Франком, содержателем типографии Ржонсницким и чиновником Ивановым 4 экземпляра, полученные названными лицами по почте. Затем разными лицами представлено еще 13 экземпляров, всего 49 экземпляров, в том числе на листах бумаги 30 экземпляров и на полулистах 19 экземпляров, к сему прилагаемые в особом пакете, там же находятся 4 чистых конверта с адресами и две металлические кнопки, употребляемые чертежниками, которыми были прикреплены к тумбам два воззвания в конвертах...[1]

Полковник (подпись).

Прокламация Нижегородского социал-демократического кружка, 17 августа 1896 г.[2]

Письмо к нижегородским рабочим.

Товарищи!

Недели три тому назад было напечатано во всех газетах описание громадной стачки, которая была в июне месяце этого года в Петербурге. Много бывает у нас стачек в разных местах,— бывают стачки не меньше петербургской,— да только редко о них позволяют писать в газетах. Боятся, как бы рабочие в других местах не взяли примера со своих товарищей. А про петербургскую стачку не писать нельзя было, столько она наделала шуму, что все равно и без газет о ней узнали бы. Так уж не лучше ли самим написать да постараться выгородить себя, а всю вину свалить на рабочих.

И действительно, прочтите вы описание,— и с первого раза — выйдет так, что во всем виноваты рабочие. Пришло им в голову ни с того, ни с сего взбунтоваться — взяли да устроили стачку. А когда им объяснили, что бунтовать не дозволяется, — они мало-по-малу успокоились и взялись за работу.

А попробуйте вы внимательно разобрать описание, попробуйте разобрать, как жилось нашим петербургским товарищам до стачки, почему они устроили стачку и чего они добивались,— и вы увидите, что дело было совсем иначе. Их заставляли работать по 13—14 часов в день и платили за эту каторжную работу так мало, что им приходилось жить впроголодь. Хозяева всячески старались урезать у них то время, какое

[1] В 1896 г. 10 июня была забастовка в Сормове на котельном и судостроительном заводе Голяева из-за задержки зарплаты. Требования были удовлетворены (ДП, III, 1896 г., д. № 606, ч. 3, лл. 160—161).

[2] Инв. № 20434. Воспроизведено с гектографированного подлинника без подписи. Прокламация с рисунком рабочего, разбивающего молотом цепь, и с флагом, на котором следующая надпись: «Счастье рабочих в их собственных руках, сила их в их союзе». Прокламация распространялась в ночь на 17 августа в Нижнем-Новгороде по Кузнечному переулку, на заводе Курбатова и на Сормовском заводах (ДП VII, 1896 г., д. № 255, т. III, л. 38).

им оставалось для отдыха; после работы они, измученные и усталые, должны были чистить машины; хозяева тихонько переводили часы и таким мошенническим образом заставляли их работать лишнее время.

Терпелив наш брат рабочий, много всяких подлостей выносит он молча, но всякому терпению бывает конец. И петербургских рабочих вывели наконец из себя. Во время коронации заставили их три дня гулять, а потом взяли да вычли за это время. Тогда началась стачка. Газеты пишут, что в стачке принимали участие 14 тысяч рабочих, но на самом деле гораздо больше. Люди, приехавшие оттуда, сообщали, что в стачке участвовало более 30 тысяч человек.

Тридцать тысяч наших товарищей бросили работу и не принимались за нее три недели. Рабочие требовали уменьшения рабочего дня до 12-ти часов, удаления некоторых мастеров за грубое обращение, уплаты за коронационные дни и прекращения чистки машин во время обеда. Кое-что было исполнено сейчас же, как только были заявлены требования. И несомненно, что рабочие добились бы всего, если бы у них были средства. Но они не готовились к стачке, не копили денег заранее, и потому не могли долго держаться. Пока было что закладывать, они держались, но когда жены и дети начали голодать, пришлось стать за работу.

А все-таки недаром пр[illegible]шла эта стачка, и ошибается тот, кто скажет, что рабочие ничего не добились. Когда стачка прекратилась, хозяева начали мало-по-малу исполнять требования рабочих. Еще бы! Порядочно-таки страху набрались они за это время, да и убытков потерпели не мало. Уж лучше исполнить то, что требуют рабочие, чем выводить их из себя и вызывать на новую стачку. Кто знает? Ведь не все стачки могут кончиться так скоро и хорошо для хозяев. И многие требования рабочих в настоящее время исполнены.

Недаром, значит, наши петербургские товарищи вступили в борьбу; этой борьбой они добились улучшения своего положения. Нечего нам теперь далеко ходить за примерами, незачем нам теперь указывать на заграничных рабочих, которые добились себе лучшей доли. Наши собственные русские товарищи показывают нам пример. Кто скажет теперь, что наше положение улучшить нельзя, что это уж свет так устроен, чтобы мы всю свою жизнь мучились? Неправда. Мы мучимся, пока не боремся, а когда начнем бороться, прекратятся наши мучения.

Товарищи! Представьте себе спящего человека, на которого злые люди наложили тяжелые и острые камни. Эти камни давят и режут его, ему больно от них и трудно дышать. Он чувствует во сне, что что-то тяжелое и страшное давит его, он мечется, охает, стонет, но это не помогает, камни продолжают лежать, продолжают давить и резать. Такого человека нужно разбудить, чтобы он открыл глаза, увидел давящие его камни и постарался сбросить их.

Наш брат рабочий,— пока он темен,— напоминает такого человека... Чувствует он, что его что-то давит, чувствует он, что ему скверно, стонет он целую жизнь, топит подчас свое горе в вине, а все-таки спит и настоящей причины своих несчастий не видит и сбросить с себя камней не старается.

Очнемся же, товарищи, как очнулись петербургские рабочие! Откроем глаза на свое положение. Сбросим с себя проклятые камни, которые натерли нам столько глубоких ран.

Объединимся, устроим союз, накопим средств для борьбы и вступим в борьбу со своими притеснителями.

К делу, товарищ! Да здравствует рабочий союз! Да здравствует борьба за лучшую жизнь!

Ваши товарищи.

Из доклада министра юстиции министру внутренних дел, 3 мая 1897 г., № 1042 [1]

...13 июня 1896 г., в виду полученных агентурных сведений о существовании в гор. Нижнем-Новгороде преступного сообщества, стремящегося распространять противоправительственные идеи среди фабричного населения, был произведен, в порядке положения об усиленной охране, целый ряд обысков у лиц, заподозренных в принадлежности к упомянутой организации, при чем у большинства из них найдено значительное количество запрещенных изданий и рукописей, преимущественно по рабочему вопросу.

Возбужденным вследствие сего при местном губернском жандармском управлении формальным дознанием установлено, что в Нижнем-Новгороде одновременно существовали два тайных кружка, из коих один, образовавшийся в августе 1893 г., был известен под названием «социал-демократов» и старался путем систематической агитации среди рабочих подготовить их к борьбе с капиталистами, в видах улучшения современных условий фабричного труда, а другой именовавшийся группою «народовольцев» и проявивший свою преступную деятельность лишь в сентябре 1895 г., ставил своею задачей доставление народу «политической свободы».

Для осуществления этих целей организаторы и наиболее видные члены означенных сообществ, стремясь вовлечь на противоправительственный путь рабочих, устраивали сходки, на которых читались запрещенные издания, раздававшиеся затем участникам собраний, и произносились речи возмутительного содержания; вместе с тем помянутые агитаторы, беседуя о тяжелом положении фабричного населения, указывали на необходимость для последнего добиваться улучшения своего быта упорною борьбою с капиталистами и правительством.

Постепенно расширяя круг деятельности, руководители группы «социал-демократов» воспроизводили на гектографе, при участии лиц, сочувствовавших их намерениям, подпольные брошюры, составляли воззвания революционного характера, распространяли таковые на фабриках и заводах и вошли в сношения с проживающими заграницей политическими эмигрантами с целью водворения в пределы России нелегальных сочинений...

К настоящему дознанию привлечены в качестве обвиняемых 88 [человек], преступная деятельность коих представляется в следующем виде:

1. Кружок «социал-демократов»...

Задавшись целью вести социалистическую агитацию среди рабочих и установив обширные связи с последними, устраивали при их участии сходки, на которых личными беседами, чтением подпольных изданий и распространением сочинений преступного характера старались подготовить фабричное население к открытой борьбе с капиталистами. Придавая особенное значение письменной форме пропаганды, обвиняемые составляли воззвания, которые отпечатывали на имевшемся в их распоряжении гектографе и разбрасывали в значительном количестве на нижегородских фабриках и заводах...

Министр юстиции статс-секретарь Муравьев.

---

[1] ЦАР, ДП, VII, 1896 г., д. № 225, т. IV, лл. I и сл.

IV

Из ведомости прокурора Саратовской судебной палаты о 34-х обвиняемых, 19 апреля 1900 г.[1]

Вследствие агентурных указаний на то, что среди рабочих города Саратова ведется преступная пропаганда, при Саратовском губернском жандармском управлении возбуждено было формальное дознание, данными коего установлено, что летом 1898 г. в г. Саратове образовался тайный противоправительственный кружок, который присвоил себе впоследствии наименование «Саратовской социал-демократической группы». Ближайшею своею задачею поставил распространение социалистических идей среди трудящегося населения, в видах возбуждения в последнем недовольства современным экономическим и государственным строем. Для осуществления означенной цели члены сообщества вступали в непосредственные сношения с наиболее развитыми рабочими и при их помощи устраивали в окрестностях г. Саратова и у себя на квартире конспиративные собрания и сходки, на которых читали произведения нелегальной литературы, произносили речи о необходимости организации союзов, касс и стачек, а также раздавали присутствовавшим на сборищах запрещенные сочинения. Наряду с этим участники помянутого кружка составляли и воспроизводили на гектографе преступные воззвания, приглашающие рабочих к борьбе с капиталистами и демонстративному празднованию дня 1 мая, а затем весной 1899 г. приступили к изданию подпольной газеты «Саратовский рабочий», успев отгектографировать и распространить первые два ее номера в значительном числе экземпляров[2].

Кружок предполагал устроить тайную типографию и имел для оказания материальной помощи во время забастовок нелегальную кассу, пополнявшуюся членскими взносами в размере одного процента с заработанного рубля.

К настоящему дознанию привлечено 34 лица...

V

Из заключения прокурора Саратовской судебной палаты, 8 октября 1899 г.[3]

...В январе 1898 г. было обнаружено существование в г. Пензе кружков социал-демократического направления, поставивших своей целью изменение отношений между хозяевами и рабочими в интересах улучшения быта последних путем пропаганды социал-демократических идей, устройства рабочих касс, организации стачек, забастовок и т. п. Кружки эти состояли из лиц, служащих при Сызрано-Вяземской железной дороге, к которым впоследствии присоединились студенты, высланные в г. Пензу под надзор полиции, воспитанники разных учебных заведений г. Пензы, рабочие, а также два чиновника Пензенского отделения государственного банка, один частный поверенный и другие лица. Лица, стоявшие во главе кружков, собирали сходки в гостини-

---

[1] М. Ю., вр. канц. 1899 г., д. № 11806, лл. 37 [illegible].

[2] В № 2 этой газеты, вернее журнала, из[illegible]щегося местной социал-демократической группой, в отделе хроники сообщалось о [illegible], [illegible] рабочие протестовали против злоупотреблений [illegible]истрации. На за[illegible] в июне 100 человек токарей и кузнецов добились [illegible]временной выплаты [illegible]латы. Об этих выступлениях есть корреспонден[illegible] в № 7 «Рабочего дела», август 1900 г., стр. 42—44.

[3] М. Ю., вр. канц., 1898 г., д. № 11446, т. II, лл. 1—2.

нах, за городом в лесу, в частных квартирах, произносили речи, возбуждающие рабочих против хозяев, внушали о необходимости единения между рабочими, предлагали на обсуждение проекты касс взаимопомощи на случай забастовок, делали попытки к сбору денег для этой цели и собирали, хотя и незначительные, суммы. Кроме того, они устраивали обширные библиотеки запрещенных книг и брошюр по рабочему вопросу, в числе которых были сочинения и революционного характера. Эти издания широко распространялись между служащими в железно-дорожных депо и мастерских и между воспитанниками местных учебных заведений[1]. Были также попытки привлечь к сообществам рабочих местных фабрик и заводов, а также пропагандировать вражду и ненависть к помещикам-землевладельцам среди крестьян на почве земельных отношений. Означенная преступная деятельность однако не вызвала ни стачек ни каких-либо других беспорядков.

Результатом дознания было привлечение к нему 56 лиц в качестве обвиняемых по 251, 252 и 318 ст. улож. о наказ.

VI

Из обзора важнейших дознаний за 1898 и 1899 гг.[2]

...В Екатеринбурге, с весны 1898 г., среди рабочих екатеринбургских мастерских Пермь-Тюменской железной дороги и расположенных в окрестностях города фабрик и заводов начали распространяться различные издания социально-революционного направления, в том числе гектографированные воззвания к «рабочим Урала» за подписью «социал-демократическая группа на Урале», приглашавшая рабочих примкнуть к общей борьбе для достижения всеобщего избирательного права, свободы сходок, стачек и печати.

Негласное наблюдение дало возможность произвести ряд обысков у лиц, заподозренных в распространении упомянутых изданий...

Были обнаружены принадлежности подпольной типографии и более одного пуда шрифта, а также свыше 100 экз. печатных сочинений преступного содержания и 77 экз. приведенных выше гектографированных воззваний; на некоторых экземплярах была печать «группы социал-демократов на Урале»...

Найдены штемпель «группы социал-демократов на Урале» и, в числе других нелегальных изданий, 6 экземпляров вновь появившейся брошюры революционного направления под заглавием «Пролетарская борьба»[3], отпечатанной в найденной типографии. В брошюре этой проводилась мысль, что конечная цель «пролетарского движения — создание социалистического общества — может быть достигнута лишь при завоевании рабочими политической власти. Средством борьбы для достижения означенной цели рекомендовалось устройство «общей забастовки».

---

[1] В этом же заключении прокурора был указан следующий список литературы, которая распространялась среди рабочих: «Манифест коммунистической партии», «Первое мая 1892 г.», «Социал-демократ», «Хитрая механика», «Кто чем живет», «Речь П. Алексеева», «Программа работников», «Варлен перед судом исправительной полиции», «Задачи рабочей интеллигенции», «Рабочий день», «Эрфуртская программа», «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», «Русский рабочий в революционном движении», «Как бельгийские рабочие боролись за свободу», «Законы о штрафах», «Работник» за май 1896 г., «Доклад русских социал-демократов на конгрессе в Лондоне», «Листок работника», «Что делают русские цари для народа», «Работник» № 1 и 2, «Как министр заботится о рабочих», «Царь-Голод».

[2] ЦАР, ДП, Обзоры, 1898 г., стр. 77—81.

[3] Пролетарская борьба — сборник № 1, изданный Уральской социал-демократической группой в 1899 г.

Ленин в сочинении «Что делать?» подверг критике эту брошюру.

«Пролетарий держит в своих руках,— говорилось в брошюре,— все национальное производство, плоды которого достаются не ему. В этом вся его сила. Если он не имеет возможности сейчас же преобразовать капиталистическое общество в социалистическое, то он имеет возможность приостановить все национальное производство и, сдавивши таким образом горло буржуазии, вынудить у нее то, без чего она не может существовать.

Общая забастовка вызовет общую пертурбацию во всей экономической жизни страны. При таком способе борьбы пролетарии оказываются непобедимыми и неуязвимыми. Буржуазия, со всеми прихлебателями, не может вынести приостановки промышленной деятельности целой страны, ибо это означает для нее полное разорение. При всеобщей забастовке буржуазия не в состоянии заменить забастовавших рабочих другими,— этих других рабочих неоткуда взять. Против рабочих, забастовавших вместе во всех промышленных центрах, совершенно бессильна многомиллионная русская армия, со всеми ее штыками, шашками, пулями и ядрами. Нельзя пересажать в тюрьмы, нельзя перестрелять или перевешать полтора-два миллиона мирных граждан, которые не буйствуют, ничего не разрушают, никого не убивают, ничего и никого не трогают, а просто лишь не хотят работать. На подготовление всеобщей стачки и должны быть направлены все усилия современных революционеров. Работа — без сомнения колоссальная и чрезвычайно трудная, но она плодотворная,— это единственная плодотворная в революционном отношении работа в настоящий момент».

...Весною 1899 г. участники «группы социал-демократов на Урале» были задержаны и привлечены к дознанию в качестве обвиняемых [1].

Изданные «группою социал-демократов на Урале» подпольные произведения получили распространение не только в Екатеринбурге и его окрестностях, но и в населенных рабочими местностях Уфимской и даже Оренбургской губернии. Так, в мае 1899 г. на Тихвинском прииске, Троицкого уезда Оренбургской губернии были найдены экземпляр брошюры «Пролетарская борьба» и воззвание «к рабочим Урала» [2].

VII

Из прокламации Киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», 26 ноября 1897 г. [3]

Письмо ко всем киевским рабочим.

Товарищи! Между рабочими и хозяевами везде, где они существуют, идет постоянная, непримиримая вражда. Хозяева всегда заботятся лишь о том, как бы удлинить рабочий день, как бы сократить заработную плату и этим увеличить свои барыши, а рабочим, наоборот, выгодно и необходимо иметь гораздо более отдыха и более заработка, чем они имеют теперь. И фабриканты и рабочие всячески стараются добиться своей цели. В начале борьбы, пока у рабочих нет еще достаточно опыта и понимания своего дела, выигрыш обыкновенно остается

[1] Некоторые члены этой группы были связаны с Киевским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

[2] 17 мая были забастовки: на Сысертском заводе Соломирского и Турчанинова в Пермской губернии (120 человек) с требованием увеличения зарплаты (ДП, о. о., 1898 г., д. № 4, ч. 25, л. 1) и на Катав-Ивановском заводе Уфимской губернии рабочих доменного цеха с требованием увеличения поденной платы (ДП, о. о., 189[illegible] г., № 4, ч. 91, л. 8).

[3] ЦАР, инв. № 1549. Воспроизведено с мимеографированного подлинника. Прокламация была напечатана в «Листке работника» № 6, февраль 1898 г., стр. 8—12.

на стороне хозяев. Однако у рабочих есть одно могущественное средство — союз. Пока каждый из рабочих в одиночку добивается для себя каких-либо уступок, то его, конечно, и слушать не станут. Когда же все рабочие какой-нибудь фабрики или мастерской вместе потребуют сокращения рабочего времени или повышения платы, капиталисты, т. е. хозяева заводов и фабрик, становятся уступчивее и внимательнее: они вынуждены исполнять требования рабочих, если не хотят вывести их из терпения и вызвать на время забастовку, лишающую фабрикантов барыша. Что единственная, но зато непреодолимая, сила рабочих — союз, в этом раньше или позже должен убедиться всякий рабочий. Чем рабочие развитее, смышленее, сознательнее, тем лучше они понимают, что им нужно объединиться и стоять всем за каждого и каждому за всех.

Заграничные рабочие и работницы — английские, бельгийские, германские, французские — давно уже приняли это и успели многого добиться своим единодушием. Русские рабочие в этом отношении сильно отстали от своих заграничных товарищей. Тем не менее притеснения и лишения и их научили искать защиты от хозяев в союзе. Вот уже несколько лет во всех больших русских городах рабочие начинают дружно заявлять притеснителям-капиталистам свои требования, грозить им оставлением работы и устраивать стачки, и этим они принудили фабрикантов не к одной уступке.

Киевские рабочие и работницы стали сознательно и дружнее стоять за свое дело всего каких-нибудь два года. Стремление киевских рабочих облегчить свое положение стало особенно заметно за последний год. За это время у нас в Киеве произошли такие события, о которых знать и подумать следует всякому рабочему. Борьба рабочих за лучшую жизнь у нас началась недавно, и все-таки рабочим некоторых заводов, где они действовали смелее и дружнее, удалось добиться уступок. Стачкой ли, угрозой, единодушным заявлением требований или одним выражением неудовольствия рабочие достигли некоторых изменений к лучшему на заводе Графа, в мастерской Рожнецкого, в мебельной фабрике Кимаера, в табачной фабрике Когана, на заводе Гретера, в Южно-русском машиностроительном заводе, в корсетной фабрике Дютуа, на заводе Шиманского, у Людмера, Кравеца, Хмельницкого, Гловмана и в некоторых других местах. Одни хозяева вынуждены были сократить число рабочих часов, другие — повысить плату, третьи — обязались ввести правильную расплату, возвратили беззаконно удерживаемые деньги и уменьшили несправедливо взимаемые штрафы. Некоторые из этих уступок были незначительны, но для рабочего дела они очень важны: они показали, какой трепет на фабрикантов, мастеров и фабричного инспектора наводят объединенные рабочие.

Все эти события указывают на то, что и в Киеве рабочие, по примеру Петербурга, Москвы и заграничных городов, поднимаются в защиту своих прав против капиталистов. Число рабочих, понимающих необходимость бороться общими силами против врага, число сознательных рабочих растет изо дня в день. Более толковые рабочие учат менее сознательных товарищей. Запрещенные (нелегальные) книжки, описывающие жизнь и борьбу заграничных рабочих и указывающие путь к лучшей жизни русских рабочих, читаются нарасхват. Наконец, в последнее полугодие на фабриках и заводах стали появляться листки, напоминающие рабочим про несправедливых фабрикантов и убеждающие их требовать уступок. Эти листки (прокламации), издаваемые Киевским рабочим комитетом и киевским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», до сих пор были распространены более, чем на 25 киевских фабриках и заводах. Во многих местах они появлялись по несколько раз. Кроме листков на некоторых заводах

были распространены и книги, в которых говорилось о рабочем деле. Листки находили на улицах, на фабричных дворах и на базарах, их наклеивали на телеграфных столбах и на заборах. Всего их было распространено 6500 экземпляров. 6500 раз они призывали рабочих к борьбе за свои права, за лучшую жизнь. Этот призыв разнесся по всему почти Киеву, и теперь у нас немного найдется таких рабочих, которые не читали листков или, по крайней мере, не слыхали о них.

Усиливается стремление киевских рабочих к лучшей жизни, растет и крепнет рабочее движение в Киеве. Оно возрастало бы еще быстрее, если бы рабочие принимались за свое дело с большею смелостью. Но у них не всегда хватает решительности заявить свои требования или стачкой добиться исполнения их. Рабочих часто смущает то, что им приходится иметь дело не с одними фабрикантами, но и с их сильными защитниками и помощниками,— с правительством. В борьбе рабочих с капиталистами, полиция и жандармерия, фабричные инспектора и министры, закон, суд и войско,— одним словом все правительство, всегда на стороне фабрикантов и всегда против рабочих. Для кого это не совсем было понятно, того легко могут в этом убедить недавние киевские события.

С появлением листков жандармы стали требовать рабочих на допросы, пытаясь узнать, кто принес листки, кто подбросил их, что говорили читавшие их. Некоторых рабочих подвергали аресту, надеясь тюрьмой добиться от них указаний относительно распространителей листков. В истекшее полугодие было арестовано около 30 рабочих. Так как они могли сказать только то, что нашли или видели листки, то их, продержав один или два дня в тюрьме, освобождали. Лишь нескольким рабочим пришлось сидеть более. Чтобы узнать, кто подбрасывает листки, полиция сделала у рабочих более 40 обысков. Но и обыски не помогли найти виновников...

Жандармскому генералу и полицейским мало дела до того, что рабочим плохо живется, что их грабят и обижают. Но и жандармы и полиция сразу всполошились, когда заметили, что рабочие могут потребовать лучших условий и тем уменьшить доходы капиталистов. Они стали разыскивать страшных [1] преступников, осмелившихся напомнить рабочим про постоянные обиды и грабежи и призвать их к борьбе с бессовестной эксплоатацией (обиранием).

Они хотели наказать их и отучить рабочих от всякой мысли о борьбе за лучшую жизнь. «Я тюрьмой вышибу рабочим из головы эти мечтания» — орал однажды пред «преступниками» жандармский генерал. Ни он, ни полиция и не стараются скрыть того, что они защищают только хозяйские интересы и в обиду хозяйского кармана дать не хотят. У фабрикантов деньги, а деньги такая сила, пред которой преклоняется и державное начальство. Обыскать рабочего, как преступника, арестовать его, продержать без вины в тюрьме — все это готовы сделать полиция и жандармерия, лишь бы обеспечить фабрикантам спокойствие и доходы. И не в одном Киеве такие фабриканты, не в одном Киеве такие жандармы. Везде, где рабочие вступают в борьбу с хозяевами, будет ли это в Киеве или в Петербурге, в Москве или в Варшаве, в Ярославле или в Одессе, в Белостоке или Домброве — везде начальство и власти спешат к фабрикантам с содействием и помощью. Исполненные любезности по отношению к капиталистам, полицейские пристава, полицеймейстеры и жандармские генералы поступают так же, как и высшее начальство — губернаторы, генерал-губернаторы и министры. Все они, все правительство — всегда к услугам фабрикантов, всегда против рабочих.

[1] Так в подлиннике.

Многим рабочим, конечно, это было известно и раньше. Кто из сознательных рабочих не знает, что правительство только потому наказывает за стачки, чтобы не лишать фабрикантов дешевых и послушных рабочих? Не затем ли оно запрещает печатать, распространять и читать книжки, описывающие нужды рабочих и средства борьбы с хозяевами, чтобы не мешать капиталистам поживиться насчет рабочих? Не затем ли оно объявляет противозаконным всякий рабочий союз, всякое собрание, где рабочие обсуждают свое дело, чтобы препятствовать рабочим сговариваться против хозяев? Не для того ли следят за рабочими и подслушивают их разговоры сыщики, чтобы сажать в тюрьму тех рабочих, которые учат товарищей бороться против обид и обмана? Лицемерное правительство иногда старается убедить рабочих, что оно хлопочет о нуждах рабочих, но всякий рабочий должен помнить, что оно заботится лишь о барышах их притеснителей.

Но ведь правительство — сила. Когда оно вступает в союз с капиталистами, то с таким врагом не легко справиться. Поэтому, может быть, рабочим следовало бы бросить мысль об улучшении своей участи, покорно переносить все, что им пошлет судьба, не пытаясь собственными силами завоевать для себя счастье? Нисколько. Всегда и везде, за границей и в России, правительство стояло и стоит на стороне капиталистов, а между тем заграничные рабочие успели значительно сократить рабочий день, повысить заработную плату и добиться такой свободы, о какой не имеют даже понятия многие русские рабочие. А когда-то и заграничным рабочим жилось так же, как теперь живется русским, и даже хуже. Все улучшения, которые они имеют, не с неба к ним свалились, они были достигнуты упорной и продолжительной борьбой. Ведь и в Петербурге правительство помогает капиталистам не хуже, чем в Киеве, жандармы и сыщики следят за рабочими не менее усердно, чем у нас. Тем не менее, петербургские рабочие устраивают громадные стачки, в одной из которых участвовало 35 тыс. человек, и принуждают фабрикантов и само правительство к уступкам. Наконец, и у нас в Киеве, как это ни огорчает капиталистов и жандармов, рабочие собираются, читают запрещенные книги и листки, устраивают стачечные кассы, празднуют Первое мая и заставляют хозяев исполнять свои требования. А жандармы ничего не добились арестами и обысками.

Против правительства у рабочих то же средство, которым они борются с хозяевами, т. е. союз. Когда сотни или тысячи рабочих устраивают стачку, когда сотни или тысячи рабочих празднуют Первое мая, то правительство не может ни посадить их всех в тюрьму, ни отдать всех под суд, ни выселить из города. Когда лучшей жизни потребуют все русские рабочие,— а в России рабочих миллионы, тогда не хватит на них ни тюрем, ни сыщиков, ни жандармов, и правительство будет вынуждено исполнить все требования.

Борьба русских рабочих первоначально была направлена исключительно против хозяев. Это была борьба чисто экономическая: больше заработка, больше отдыха, больше справедливости — вот и все, чего на первых порах требовали русские рабочие. Но правительство само поторопилось заявить рабочим, что оно — слуга капиталистов и враг рабочих. Оно бросило рабочим вызов к борьбе, и рабочим остается только принять этот вызов. Добиваясь уступок от капиталистов, рабочие будут в то же время вести войну против всех полицейских и жандармских хитростей и беззаконий, помогающих фабрикантам грабить и притеснять рабочих. Всякая стачка, всякое рабочее собрание, всякий союз будут средством борьбы не только против капиталистов, но и против правительства, преследующего, в угоду капиталистам, рабо-

ные союзы и стачки. Кроме борьбы с хозяевами, борьбы экономической, рабочим приходится вступить в борьбу с правительством — борьбу политическую. Хорошо сделало правительство, сразу показав рабочим, что от него можно ожидать. Всегда лучше иметь дело с открытым врагом, чем с тайным...

Итак, то, что за последний год случилось в Киеве, должно научить киевских рабочих, что и для них наступила пора подумать об улучшении своего положения. У них есть сила, сила эта заключается в союзе. Эта сила доставит им победу и в экономической и в политической борьбе за лучшую жизнь, за счастье.

Пусть же скорее придет то время, когда перед могучей силой рабочего союза дрогнут испуганные сердца капиталистов и их прихвостней жандармов, полицейских и чиновников.

Киевский рабочий комитет.

Из заключения прокурора Киевской судебной палаты, 9 сентября 1899 г.[1]

...Совокупностью приведенных данных вполне установлено, что в конце 1896 г., в начале 1897 г., одновременно с возникновением в столицах и других крупных центрах России тайных преступных сообществ социал-демократического характера, известных под именем «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», такое же сообщество составилось и в Киеве из лиц, принадлежащих к интеллигентной среде, частью к рабочему классу. К нему же примкнули впоследствии и вошли в его состав Екатеринославский кружок и группа лиц, издававших «Рабочую Газету»,— подпольный социал-демократический орган. Установив правильную организацию сообщества с центральным «Рабочим комитетом» во главе и общей рабочей кассой, вступив в сношения с другими революционными партиями и имея целью ниспровержение, в более или менее отдаленном будущем, существующего в России государственного и экономического строя, интеллигентные представители «Киевского союза борьбы за освобождение рабочего класса» ближайшей своей задачей поставили воздействие на рабочую среду, объединение рабочих и подготовление их к экономической и политической борьбе путем возбуждения их к неисполнению распоряжений правительства, к устройству стачек и вражде с работодателями, причем для осуществления этой задачи организовали рабочих в отдельные кружки, собирали их на сходки, снабжали их нелегальной литературой, устраивали чтения, пропагандировали социал-демократические идеи и вообще воспитывали их в революционном духе, стараясь выработать в среде их деятельных агитаторов и помогая материально стачечникам и арестованным за рабочее дело товарищам...

Прокурор Киевской судебной палаты А р с е н ь е в.

VIII

Рапорт прокурора Харьковской судебной палаты министру юстиции, 20 октября 1898 г., № 1036[2]

В дополнение к телеграмме моей от 16 октября сего года имею честь донести вашему превосходительству нижеследующие подробности по делу о беспорядках, происшедших в м. Юзовке, Бахмутского уезда 11, 12 и 13 текущего октября.

[1] М. Ю., вр. канц., 1896 г., д. № 13601, л. 21

[2] ЦАР, М. Ю., вр. канц., 1898 г., д. № 11714, л. 4.

17 минувшего сентября в м. Юзовке были разбросаны в большом числе гектографированные прокламации за подписью «Донской комитет российской социал-демократической рабочей партии»[1], призывающие рабочих к стачке с целью принуждения хозяев к увеличению рабочей платы (дознание об этом производится в порядке положения о государственной охране, высочайше утвержд. в день 14 августа 1881 г.).

20 этого же сентября у доменных печей завода Новороссийского общества (он же Юзовский завод) собралась толпа рабочих около 150 человек, уговаривавшая других рабочих оставить работы и итти к хозяину требовать прибавки жалования. Но при первой угрозе десятника призвать полицию рабочие тотчас же разошлись по местам и порядок более не нарушался.

13 октября с. г. мною была получена телеграмма прокурора Екатеринославского окружного суда о забастовке рабочих на каменноугольных шахтах Новороссийского общества и о производимом ими разрушении завода. Вследствие этого мною немедленно был командирован на место товарищ прокурора судебной палаты Шмидт с целью установления на месте условий ведения об упомянутом событии предварительного следствия.

По прибытии на место 15 октября утром товарища прокурора Шмидта оказалось следующее: работы на шахтах с утра 14 октября шли нормальным порядком и все рабочие возобновили на шахтах работы. Беспорядки же, как оказалось, заключались в следующем: за неделю до 11 октября контора завода стала получать от некоторых рабочих сведения о том, что 11, 12 и 13 октября произойдет стачка рабочих на шахтах, что в эти дни рабочие на работы не выйдут. При допросе полицейским надзирателем лиц, сообщивших эти сведения, лица эти подтверждали их, разъясняя, что об этом говорят рабочие в шахтах, но кто именно — неизвестно. Вместе с этим десятские при работах также стали слышать между рабочими, выходящими из шахт, разговоры о том, что они боятся приходить на работу в шахту, что им грозят, что если они прийдут в назначенные числа на работы, то погибнут, так как в шахтах будто бы перережут канаты (доступ на поверхность), закроют вентиляторы и взорвут стволы (входное отверстие в шахту). Предупрежденная об этом полиция и горный инженер 11 октября при смене рабочих в 6 час. утра явились к центральной шахте и застали рабочих, которые отказывались спуститься для работ в шахту и отговаривали других. На требования инженера и полицейского надзирателя объяснить причину отказа их приступить к работе и высказать свои желания и жалобы, рабочие никакого ответа не давали и наконец разошлись по домам; в шахту спустились лишь 179 человек вместо полного комплекта утренней смены в 650 чел.

То же самое повторилось и вечером 11 октября, когда вместо полного комплекта в 550 чел. (вечерняя смена) приступили к работе лишь 110 чел., остальные же рабочие, пытавшиеся уговаривать товарищей не работать и не отвечавшие инженеру на расспросы его о причинах их неудовольствия, разошлись по домам, не производя при этом, впрочем, беспорядка.

12 октября в центральную шахту спустились утром 316 человек (вместо 650), а вечером 416 (вместо 550). И на этот раз являвшиеся к шахте, но отказавшиеся от работы рабочие никаких требований не заявляли и объяснений инженеру не давали. После того, как рабочие вечерней смены, в числе 100—150 чел., отказались спуститься в шахту, они, около 7 ч. вечера, двинулись от шахт с криком и свистом вдоль мастерских металлургического завода Новороссийского общества, при-

[1] Прокламации в деле не обнаружены.

мыкающего к центральной шахте, и кричали рабочим завода, чтобы те бросали работы; при этом толпа бросала камнями в окна мастерских, разбивая стекла, и, таким образом, разогнала из мастерских около 2000 рабочих, бросивших работы и оставивших без присмотра, на полном ходу, все машины, паровые двигатели и доменные печи. Пробегая затем по местечку мимо домов рабочих, толпа требовала, чтобы оставшиеся дома рабочие присоединились к ней, и била стекла у тех, кто к ним не выходил. В это же время появилась казачья сотня, при виде которой толпа разбежалась и участники беспорядка попрятались в домах. Казаки тогда же арестовали в домах 27 человек, подозреваемых в беспорядках.

В ночь с 12 на 13 октября было вывешено в местечке Юзовке и его заводах печатное объявление прибывшего в этот день уездного исправника и горного инженера, предупреждающее рабочих, что те из них, которые в 6 ч. утра 13 октября не возобновят работ, получат расчет. Тем не менее, утром 13 октября в центральную шахту спустилось для работ лишь 410 человек (вместо 650), а вечером 394 (вместо 550). В этот день, кроме того, и в заводской шахте работали далеко не все рабочие.

В 10 ч. вечера 13 октября, вследствие телеграммы исправника, в м. Юзовку прибыли два батальона пехоты из г. Екатеринослава и 14 утром рабочие на шахтах приступили к работам в полном комплекте.

На всех прочих шахтах Новороссийского общества при Юзовке порядок на шахтах вовсе не нарушался.

14 октября утром в Юзовку приезжал екатеринославский губернатор князь Святополк-Мирский, расспрашивавший рабочих о причинах произведенного беспорядка, причем рабочие объяснили, что на работы они не спускались вследствие страха, который они испытывали по поводу распространившихся слухов о том, что шахты будут взорваны и вентиляторы закрыты.

По распоряжению губернатора исправник уполномочен выслать из м. Юзовки до 400 рабочих, принимавших участие в стачке.

С целью выяснения причин рабочего волнения товарищ прокурора Шмидт при содействии уездного исправника (жандармский офицер не мог прибыть на место) расспрашивал рабочих, принимавших и не принимавших участие в стачке и, таким путем, добыл следующие сведения:

Среди рабочих шахт Новороссийского общества еще с 1894 г. существует неудовольствие против администрации завода по следующему поводу:

До 1894 г. завод платил за выработку угля 12 р. 50 к. за каждую тысячу пудов выброшенного на поверхность угля. Эти деньги завод выплачивал артельщикам, которые с своей стороны уплачивали рабочим, поденно, в размере от 1 р. до 1 р. 50 к., причем каждый рабочий должен был выработать и выдать на поверхность не более трех вагонов угля. С 1894 г. завод уменьшил плату, назначив вместо 12 р. 50 к. — 10 руб. за одну тысячу пудов. От этого поденная рабочая плата рабочих не уменьшилась и они продолжали получать прежнюю плату, но артельщики, чтобы не потерпеть от нового порядка, стали требовать от рабочих, для зачета им полной поденной платы, выработки каждым не трех, а уже четырех и более вагонов в день. Для того, чтобы достигнуть этого, артельщики стали самым настойчивым образом, с бранью и побоями, «выбивать» работу, стремясь, чтобы каждый рабочий выработал по возможности не только четыре, но и более вагонов. Такая работа, производимая в низких коридорах, в согнутом положении и, большей частью, в воде, стала прямо непосильной. Артельщики стали противиться отдыху рабочих. Между тем, рабочие за излишне

против прежнего выработанный уголь не получают ни копейки лишней. В виду этого рабочие при допросе их заявили, что они все желают, чтобы завод платил деньги за выработанный уголь не артельщику, а им самим. К этому основному, так сказать, требованию рабочие заявили другое второстепенное — о том, чтобы их выпускали из шахт на поверхность, не выжидая 6 ч. вечера или утра, в тех случаях, когда они успевают окончить свои «уроки» задолго до срочного часа, что в центральной шахте не допускается, и рабочие сотнями и по несколько часов сидят в шахте у ствола (выхода) мокрые и голодные без дела.

По словам рабочих об этих своих требованиях они администрации (конторе) не заявили, во-первых, потому что не надеялись на успех заявления, так как вообще контора оставляет всякие заявления без последствий, а во-вторых, потому что боялись, чтобы такое заявление не имело своим единственным последствием расчет.

Только когда в сентябре между рабочими появились разбросанные по Юзовке листки (прокламации)[1], стали говорить, что будет забастовка; содержание прокламаций рабочие передавали друг другу в извращенном виде; говорили, что если рабочие пойдут в шахты на работу, и почему-то стали называть 11, 12 и 13 числа октября, то спустившимся грозит опасность погибнуть, ибо будут перерезаны канаты подъемных машин, будут закрыты вентиляторы, снабжающие шахты воздухом, и будут взорваны «стволы» (входные колодцы)... Благодаря этим толкам в названные числа не пошли на работу.

По совету присутствовавшего на месте лица прокурорского надзора уездный исправник решил выслать административным порядком на родину, на основании циркулярного распоряжения министра внутренних дел от 12 августа 1897 г. за № 7587, лишь тех из стачечников (все они — пришлые рабочие), которые по спискам шахты отказывались от работы в течение всех трех дней.

Таких оказалось всего 276 человек, из которых предположено еще оставить лиц живущих с семьями и детьми и обзаведшихся недвижимою собственностью или хозяйством.

Приведение этой меры в исполнение назначено на 20 и 21 октября сего года.

Администрация, осведомленная товарищем прокурора Шмидтом о причинах беспорядков, как они выяснены расспросом рабочих, заявила, что ей никогда подобных жалоб заявляемо не было и она их узнает впервые от товарища прокурора. Вместе с тем директор общества — Юз выразил, что вполне согласен с справедливостью жалоб и примет меры к постепенной реформе порядка вознаграждения рабочих и устранению справедливых жалоб их.

Прокурор Харьковской судебной палаты Давыдов.

Из донесения фабричного инспектора 2 уч. Екатеринославской губ. старшему фабричному инспектору той же губ., 9 мая 1899 г., № 564[2]

Имею честь уведомить вас, для представления г. председателю губернского по фабричным делам присутствия, о результате произведенного мною 4 мая с. г. расследования о волнении среди рабочих Дебальцевского механического завода.

---

[1] Прокламаций в деле не обнаружено.
[2] ГАФКЭ, ф. № 299, д. № 47, лл. 69—70.

Управляющий завода заявил мне, что 1 мая все рабочие, явившись на завод до начала работ, обратились к нему с следующей просьбой [1].

1) Установить рабочий день в 10 часов взамен существующего в 10½ час.

2) Прекращать работы по субботам и в кануны праздников в 2 часа дня и установить празднование 1 мая.

Управляющий заводом объяснил рабочим, что он не вправе изменять правила внутреннего распорядка без согласия фабричной инспекции, и предложил им ожидать приезда инспектора, а пока приступить к работам, на что рабочие изъявили согласие.

3 мая на завод прибыл уездный исправник и убедился, что рабочие механического цеха самовольно прекратили работу на полчаса раньше до свистка, желая таким образом установить 10-часовую работу в день. По требованию исправника рабочие вновь приступили к работам. 4 мая утром, будучи на заводе, рабочие обратились ко мне с вышеупомянутыми просьбами и, кроме того, заявили следующие неудовольствия:

1) Заводоуправление без согласия рабочих изменило к 1 мая с. г. распределение рабочего времени, а именно: установило начало и окончание работ в 5 ч. утра и 5 ч. вечера вместо указанных в правилах внутреннего распорядка 6 ч. утра и 6 ч. вечера, что рабочие находят для себя крайне неудобным.

2) По субботам и в кануны обязательных праздников работы продолжаются 10½ часов, вопреки закону 2 июня 1897 г. о нормировке рабочего времени [2].

3) На сдельные работы в литейной рабочим не выдаются ордера или заказы и цены на них устанавливаются, произвольно, мастером при окончании работ.

4) Жилые дома для рабочих — «мазанки» — сыры, холодны и вредно влияют на здоровье рабочих.

5) Цены на квартиры взимаются вместо 6 руб. по 7 руб.

6) При заводе и в окрестностях нет бани.

и 7) При квартирах для рабочих не имеется никаких служб, даже нет чуланчика для дров.

Я объяснил рабочим, что требование их об изменении рабочего дня и установлении новых праздников незаконно, так как оно несогласно с ст. 96 Устава о промышленности [3], и ознакомил рабочих с ответствен-

---

[1] «В ночь с 27 на 28 и утром 28 апреля 1899 г. на заводах: Гартмана, Новороссийского общества, Дебальцевском и Донецко-Юрьевском рабочими сих заводов были во множестве найдены, неизвестно кем разбросанные, воззвания Российской социал-демократической рабочей партии к 1 мая.

Осмотром отобранных у рабочих воззваний установлено следующее: все они по содержанию, формату и печати совершенно между собой тождественны и видимо изготовлены в одном и том же месте; отпечатаны воззвания красной и черной краской и имеют заголовок «Российская социал-демократическая рабочая партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь. Воззвание к 1 мая — 19 апреля», а подписаны: «Донской Комитет Российской социал-демократической рабочей партии»... (Из заключения и. д. прокурора Харьковской судебной палаты, 23 сентября [illegible] г., ЦАР, М. Ю., вр. к., 1900 г., д. № 11605, лл. 9—10).

Прокламацию см. ЦАР, М. Ю., вр. к., 1899 г., д. № [illegible], л. 7.

[2] «...до сих пор [до издания закона 2 июня 1897 г. — Ред.] почти на всех фабриках, работы по субботам оканчивались раньше обыкновенного. Один исследователь, собравший много сведений по этому вопросу и вообще близко ознакомившийся с фабричным бытом, утверждал: в среднем выводе можно безошибочно принять, что по субботам работа заканчивается за 2 часа до урочного времени. Значит, закон и тут не упустил случая, превращая обычный отдых в обязательный, оттягать за эту уступку у рабочих еще хоть полчасика. Полчасика в каждую неделю, это составит в год (положим 46 рабочих недель) — 23 часа, т. е. два дня лишней работы на хозяина... Недурной подарок нашим бедным неимущим фабрикантам!» (В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 148, ст. «Новый фабричный закон»).

[3] Ст. 96 Устава о промышленности запрещалось до окончания договора владельцам предприятия изменять условия найма, а рабочим требовать их изменения.

ностью, которой они подвергаются по ст. 1353 Улож. о наказ.[1], если они самовольно прекратят работы и поэтому я не в праве войти в рассмотрение незаконно предъявленного ими требования. Что же касается остальных 7 пунктов, то я обещал немедленно проверить их и справедливые их требования будут удовлетворены.

Рабочие, обсудив между собой мое разъяснение, заявили мне, что они незаконных требований предъявлять не были намерены и что они согласны продолжать работу по существующим утвержденным правилам внутреннего распорядка, но просят устранить существующую несправедливость.

Все заявления рабочих по расследовании подтвердились и управляющий заводом в моем присутствии в мастерских объявил рабочим, что их законные требования будут немедленно удовлетворены. Рабочие, дав обещание в точности исполнять правила внутреннего распорядка, приступили к продолжению работ.

Администрация Дебальцевского завода вообще упорно уклоняется от исполнения законных требований фабричной инспекции, внесенных неоднократно в инспекторскую книгу при заводе.

8 апреля с. г. мной был составлен протокол и присутствие по фабричным делам наложило на управляющего заводом взыскание в 500 рублей. 4 сего мая я опять составил протокол, препровождаемый мной в губернское присутствие по фабричным делам.

Я имею честь покорнейше просить ваше высокородие обратиться к его сиятельству г. начальнику губернии с просьбой, не признает ли он возможным оказать административное воздействие на заводоуправление для приведения к исполнению законных требований фабричной инспекции, занесенных в инспекторскую книгу, и о которых я имел честь своевременно сообщить вам.

Фабричный инспектор 2 уч. Фейгин.

IX

Прокламация Екатеринославского Комитета РСДРП, 8 июля 1899 г.[2]

Товарищи рабочие! Готовьтесь к бою. Организуйтесь в союзы. Составляйте кружки в 10—15—20 чел., собирайте гроши, составляйте суммы, ибо наступает момент жестокой борьбы, а если мы будем иметь союзы, обладающие средствами, то нам легко будет выдержать натиск не только наших угнетателей капиталистов, но и натиск нашего правительства. Организуйтесь в союзы, тогда легче будет нам держаться друг-друга и труднее будет полиции что-нибудь с нами сделать.

Наших товарищей железнодорожных рабочих, решивших отстаивать свои интересы, общие интересам всех рабочих, полиция убрала в тюрьму, пригласив с этой целью солдат[3].

---

[1] Стачка и предъявление рабочими требования о повышении зарплаты или изменения других условий найма царскими законами карались как преступление. Ст. 1358[1] Уложения о наказании устанавливала за это мерой наказания тюремное заключение на время от 4 до 8 месяцев — для агитировавших за проведение стачки и для участников — на время от 2 до 4 месяцев.

[2] Воспроизведено с текста, напечатанного в Киевской рабочей газете «Вперед», № 7, сентябрь 1899 г., стр. 25—26.

[3] 25 июня считается железнодорожным праздником в память начала основания железных дорог. Этот праздничный день был подтвержден циркуляром министра путей сообщения.

В 1899 г. начальство жел.-дор. мастерских решило заставить рабочих работать в этот день. Рабочие потребовали, чтобы этот день был праздничным или чтобы работа в этот день была оплачена в полуторном размере, как в праздничные дни. Ад-

Да, если бы мы были организованы в союзы, то не дали бы наших товарищей увести в тюрьму. Мы должны помнить, что дело, которое начинается в каком-либо отдельном заводе или мастерской,— наше общее дело. Подумайте хорошенько и вы в этом легко убедитесь.

Мы уже говорили в прошлом своем листке к железнодорожным рабочим, что необходимо отстаивать кануны пяти праздников, отнятых у нас, и показать, что мы не позволим самовольно лишать нас часов нашего отдыха.

Как же поступили полиция и жандармы с нашими товарищами, когда те стали отстаивать свои интересы? Окружив их, безоружных, штыками нескольких рот солдат, по одиночке выводили их из мастерских, направляя против одного целый лес штыков. А какой-то офицер, обнажив саблю, искал случая броситься на них и начать рубить головы.

Наши требования, клонящиеся к тому, чтобы улучшить свое положение, встречаются как бунт. Мы не можем собираться говорить о своих делах, а если собираемся, то против нас посылают казаков и жандармов: вот и теперь казаки с гиканьем, размахивая в воздухе нагайками, бросались на толпу наших товарищей. Да, когда мы собираемся поговорить о наших делах, это считается бунтом, а когда собираются наши угнетатели-капиталисты для обделывания своих делишек, то это не только не считается за бунт, но на их собраниях присутствуют сами министры. По первому призыву наших угнетателей им на помощь летит разная сволочь в лице жандармов, полицеймейстеров и губернатора.

Вы видите, как наше правительство всегда поддерживает наших угнетателей. Нас бьют, сажают в тюрьмы, ссылают в Сибирь без суда, а за что, товарищи? Лишь за то, что мы хотим улучшить свое положение.

Когда мы начинаем стремиться к улучшению своего положения, то всегда является начальство в лице полицеймейстера, губернатора и жандармов, которые стараются уверить нас, что они все думают о нас и стараются нас защитить.

Нет, товарищи, не будем верить всем этим обещаниям. Мы все видели, что они вместо того, чтобы исполнить свои обещания, поспешили засадить наших товарищей в тюрьму. Довольно, товарищи, будем верить только себе и больше никому. Присоединяйтесь к тем, кто стал во главе нашего дела и стремится отстаивать интересы всех рабочих. Вы знаете, что в России существует социал-демократическая рабочая партия, которая только одна защищает наши интересы. Становитесь же под знамя этой партии, т. е. организуйтесь в тайные союзы, составляйте кассы, требуйте права сходок и собраний, требуйте 8-ми часовой рабочий день.

Товарищи! Если бы все бросили работу на всех заводах в тот же день, когда забастовали рабочие в железнодорожных мастерских, если бы мы в этот день выставили на каждом заводе свои требования, тогда наша полиция не могла бы всюду поспеть, застращивать нас, да и нехватило бы места в тюрьме, которой полиция привыкла нас пугать. Тогда мы без большого труда смогли бы добиться того, чего

министрация отказала и рабочие решили забастовать. 26 и 28 июня (27 было воскресенье) шли волнения среди рабочих.

28 июня появился среди рабочих листок Екатеринославского Комитета РСДРП, в котором повторялись требования рабочих об окончании во все предпраздничные дни работы в 2 часа и об увеличении расценок. После закона 2 июня 1897 г. у рабочих были отняты 5 предпраздничных канунов. 28 июня — канун праздника 29 июня — рабочие не пошли на обед и бросили работу в 2 часа. 30 июня в мастерские были введены войска и было арестовано 40 человек.

в одиночку добиться очень трудно. Итак, когда возникнет на каком-либо заводе стачка, тогда старайтесь поддерживать ваших товарищей, объявляя стачку и у себя на заводе.

Екатеринославский комитет Российской соц.-дем. рабочей партии.

Телеграмма екатеринославского вице-губернатора министру внутренних дел, 16 июля 1899 г., № 4423 [1]

Забастовка на Мариупольских заводах началась девятого. Рабочие потребовали прибавки 50 процентов [2]. Накануне найдено полицией большое количество разбросанных по заводам прокламаций [3]. Десятого тревожное состояние продолжалось. Из Мариуполя вызвана была рота солдат. Четырнадцатого начались серьезные беспорядки.

Телеграфное и телефонное сообщение между заводами и городом и ближайшей станцией рабочими прервано. В тот же день послал из Юзовки полусотню казаков, 15-го — из Екатеринослава два батальона. Утром, того же числа, на место беспорядков выехал начальник губернии.

За губернатора вице-губернатор К н я з е в.

Телеграмма екатеринославского губернатора министру внутренних дел, 16 июля 1899 г. № 156 [4]

В дополнение телеграммы от 14 июля [5] докладываю, что при действии оружием трое убито, четверо ранено. Теперь беспорядки прекратились, работы на обоих заводах возобновились; войска из Екатеринослава прибыли. Подробности представлю почтой.

Губернатор князь С в я т о п о л к-М и р с к и й.

Из доклада екатеринославского губернатора министру внутренних дел, 21 июля 1899 г., № 4798 [6]

В дополнение к телеграммам от 15 и 16 сего июля о беспорядках, происшедших на заводах Никополь-Мариупольского общества и акционерного общества «Русский Провиданс» в Мариупольском уезде, имею честь представить вашему высокопревосходительству нижеследующие сведения:

---

[1] ДП, V д-во, 1899 г., д. № 370, ч. 1, л. 57.

[2] Об обстоятельствах возникновения забастовки на мариупольских заводах (Никополь-Мариупольский и «Провиданс») начальник Екатеринославского губернского жандармского управления в донесении своем в департамент полиции от 22 июля 1897 г. за № 2426 писал: «В мае и июне месяцах сего года рабочие Никополь-Мариупольского завода возбуждали вопрос о прибавке заработной платы, ввиду повышения заводоуправлением цен на квартиры и каменный уголь...

Бесплодное двухмесячное ожидание разрешения, выраженное в описанной просьбе, вопроса о прибавке заработной платы, поданной муфторезами, естественно должно было оборваться от напряжения. И действительно лопнуло 10 сего июля и заменилось побуждением перехода к активной форме действий, выразившейся желанием немедленного получения ответа» (ЦАР, ДП, V, 1899 г., д. № 370, ч. 1, л. 80).

[3] Упоминание об этих прокламациях мы находим в докладе временной канцелярии при министерстве юстиции по производству особых уголовных дел за октябрь-ноябрь 1901 г.: «28 апреля и 6 июля 1899 г., близ г. Мариуполя Екатеринославской губ., на металлургических заводах «Провиданс» и Никополь-Мариупольского общества были обнаружены в значительном количестве прокламации под заглавием «Воззвание к 1 мая» и «Письмо к мариупольским рабочим» с оттиском штемпелей «Донского комитета Российской социал-демократической рабочей партии», подстрекавшие трудящееся население к стачкам» (ЦАР, м. ю., вр. к., 1899 г., д. № 12036, л. 52).

[4] ЦАР, ДП, V, 1899 г., д. № 370, ч. 1; л. 59.

[5] Телеграмма в деле отсутствует.

[6] ЦАР, ДП, V, 1899 г., д. № 370, ч. 1; [illegible]

Забастовка рабочих началась в механическом цехе завода Никополь-Мариупольского общества с 9 июля; рабочие требовали увеличения им заработной платы и, будучи неудовлетворены в своем требовании, они не выходили на работы до 12 июля, а означенного числа утром, собравшись у главных ворот завода, стали препятствовать другим рабочим итти на работу и, несмотря на многократное объявление им о нежелании администрации завода удовлетворять их требование и после объяснения незаконности их насильственных действий, а также об ответственности, которой они за это подвергнутся, рабочие все же настаивали на своем и не хотели расходиться, в виду чего, в предупреждение могущих произойти беспорядков, при малочисленности полиции, тогда же и. д. мариупольского уездного исправника была вытребована на завод квартирующая в Мариуполе рота Перекопского резервного баталиона и при содействии ее забастовщики были окружены, причем нежелавшие подчиниться требованию заступить на работы были арестованы и препровождены в городскую тюрьму, после чего на заводе с 13 числа водворился порядок.

Но вслед за сим, того же 13 числа, около 2 час. дня, прекратили работы рабочие почти всех цехов завода «Русский Провиданс» и, собравшись толпой около 1000 человек, требовали увеличения заработной платы до 50%, сокращения рабочего времени на $1/2$ часа в день и удовлетворения других заявленных ими администрации завода претензий [1]. О таковых требованиях рабочих и. д. уездного исправника, совместно с приглашенным им жандармским ротмистром Миикевичем (окружной горный инженер отсутствовал) было заявлено дирекции завода, а рабочим объявлено, что заявление жалоб и требований скопом незаконно и чтобы они избрали из своей среды для переговоров по два человека от каждого цеха, а прочие разошлись бы на работы, чего рабочие исполнить не захотели и продолжали шуметь и буйствовать. Администрация завода также категорически отказалась удовлетворять хотя-бы некоторые требования рабочих. Переговоры с рабочими и администрацией завода продолжались до 14 июня, какого числа рабочие вновь отказались начать работу и, когда были вывешены объявления об отказе администрации удовлетворить их требования, они толпой направились к доменной печи, желая воспрепятствовать продолжению работы таковой, и с этой целью бросали камнями в рабочих при домне и в полицию (один камень попал в плечо и. д. исправника). Ввиду такого поведения толпы бунтовщикам приказано было разойтись с предупреждением, что в противном случае в них будут стрелять. Тогда толпа направилась к рабочим баракам. Здесь по указанию жандармского ротмистра задержаны были 7 человек, самых ярых главарей подстрека-

---

[1] Рабочие требовали улучшения жилищных условий. Даже департамент полиции так писал о быте рабочих: «За исключением казарм и отдельных домиков, вмещающих в себя около 4000 человек, для остальных 3757 человек сколочены шалаши из легких досок, без помоста. Эти шалаши служат и зимними и летними помещениями. Возможность затоков дождевой воды служит причиной образования внутри шалашей разлагающейся грязи, низводящей физическое существование людей, помещающихся здесь, без разделения мужчин и женщин, на общих нарах, усыпанных мириадами насекомых, к уровню жизни животных. Бань на обоих заводах не имеется. Не имеется ни церкви, ни молитвенного дома.

Отношение заводоуправителей к интересам рабочих не только не отзывчиво, но большей частью имеет эксплоататорский характер и сверх того еще несправедливо, обидно и способно вызвать раздражение. Так на заводе «Провиданс» русскому рабочему уплачивается за какое-нибудь дело 1 руб., за то же дело иностранец, стоящий по ремеслу ниже, получает 3 рубля. На этом заводе из 15 тыс. руб., отпускаемых Главным управлением завода в награду заводским рабочим, русскому рабочему не уделяется ни копейки...» (Из доклада V делопр. в департамент полиции от 16 декабря 1899 г. в особое совещание, образован. согласно 34 ст. Полож. о гос. охране — ДП, V, 1899 г., д. № 370, ч. 1, л. 132).

телей, которые ввиду усиливающегося возбуждения толпы были отправлены в городскую тюрьму под конвоем из нижних воинских чинов и 5 полицейских городовых. Но по дороге в город толпа бунтовщиков напала на конвой с целью отбить арестованных и при этом осыпала конвойных градом камней. Тогда конвойные вынуждены были прибегнуть к оружию, был сделан один выстрел, коим из нападавших один убит и один ранен. После того бунтовщики бросились на соседний Никополь-Марипупольский завод, где разбивали камнями стекла в окнах зданий, в двух местах разломали забор, отделяющий заводский двор от площади с рабочими бараками, в механическом отделении завода уничтожили все стекла; другая толпа собралась у главной конторы, намереваясь разгромить таковую, в предотвращение чего к конторе отправлен был один взвод. Одновременно с этим несколько сот рабочих начали проникать в заводский двор через выломанный забор, намереваясь оттуда начать разгром конторы. Тогда три взвода, бывших в распоряжении н. д. исправника, были разделены на части и контора была защищена снаружи и со стороны двора. Взвод, защищавший контору со стороны двора, толпа все время осыпала камнями и кричала «бей офицеров, бей начальство».

При этом офицер, командовавший взводом, и несколько нижних чинов получили сильные ушибы камнями. Ввиду безвыходного положения командир этого взвода произвел в толпу два залпа, после чего толпа разбежалась, прекратив нападение на контору, и рассыпалась по окрестностям завода. Убитых рабочих оказалось два и раненых три человека.

Получив по телефону донесение о начавшейся на заводах забастовке, я тогда же обратился к начальнику 34 пехотной дивизии с просьбой о посылке на заводы одного батальона от расположенных в Екатеринославе войск, и так как собрать и отправить тотчас на место беспорядков просимого батальона не представлялось возможным, в виду того что в это время большая часть нижних чинов находится в распуску на вольных работах, то я в то же время дал телеграмму командиру расположенной в Юзовке, Бахмутского уезда, отдельной Донской казачьей сотни о немедленном командировании на место беспорядков полусотни казаков, каковая, прибыв на заводы к утру 15 числа, рассеяла толпы бунтовщиков, после чего там порядок уже более не нарушался. Того же 15 числа, в 6 час. утра, на заводы отправлен был поездом собранный к тому времени один баталион пехоты, а в 7 час. вечера того же дня туда же отправлен еще один баталион. Я отправился на место беспорядков также 15 числа с ближайшим утренним поездом и по прибытии туда, застав беспорядки прекратившимися, распорядился об отсылке обратно в Екатеринослав одного из прибывших баталионов, другой же баталион, а также казачья полусотня мною оставлены на заводах до времени полного успокоения волнений[1].

Обо всем происшедшем начальником жандармского управления и чинами уездной полиции производится ныне дознание на предмет установления виновных в подстрекательстве и производстве беспорядков.

Губернатор Святополк-Мирский.

---

[1] За время стачки было арестовано 150 человек; более 500 человек было выслано, 87 человек были привлечены к уголовной ответственности.

19 июля был пущен Никополь-Марипупольский завод, 20-го «Провиданс», хотя работали первое время не все цехи и мастерские.

Из прокламации Екатеринославского Комитета РСДРП, 1899 г.[1]

...Товарищи! Такие столкновения происходят чуть ли не каждый день по всей России. Везде хозяева усматривают в малейших, вполне законных требованиях наших бунт и тут же находят верного друга, помощника и радетеля их интересов в лице правительства. Правительство никогда даже не выслушивает объяснений рабочих, а всегда откликается на первый зов хозяев и отдает в их распоряжение штыки и пули, которые делают свое дело: выбивают из нашего строя одних, а других загоняют в мастерские, где все остается по-прежнему.

Товарищи! Вы видите из этого, как лживы уверения нашего правительства, что оно заботится о наших интересах. Можно ли после этого верить правительству, что оно может улучшить наше положение? Вы знаете, что теперь на всех заводах усилен штат полиции, которая своими шпагами и револьверами должна подавлять малейшую нашу попытку хотя немного улучшить свое положение. Все это ясно показывает, что наше правительство является для нас таким же врагом, как и наши хозяева, но более сильным, и от него нам ждать нечего. Будем же надеяться на самих себя, будем раскрывать глаза тем из наших товарищей, которые еще продолжают верить в благие желания правительства. Всякая наша борьба с хозяевами должна быть в то же время борьбой с правительством, и мы не положим оружия до тех пор, пока не добьемся: права стачек, собраний, права свободно выражать свои желания, защищать свои интересы, не боясь быть посаженными в тюрьму или быть застреленными солдатами. А всего этого мы только тогда достигнем, когда все будем организованы.

Организуйтесь же в союзы, составляйте тайные кассы в 5, 10, 20 человек, из каждого союза выбирайте по одному человеку, которому все члены союза более всего доверяют; пусть эти люди сходятся между собой для решения всего того, что касается нас всех; пусть каждый союз имеет своего кассира, который должен будет собирать и хранить взносы членов союза (20—25 к. в месяц), а эти деньги пригодятся на случай стачки. У нас работы много, но мы ведь привыкли работать. Так за работу, товарищи! Будем же все помнить, что у нас есть враг — это хозяева. Мы с ними легко справились бы, если бы нам не мешало наше правительство. Значит у нас теперь два врага. Будем же бороться с ними обоими. Штыками и пулями нас не победить, раз мы будем представлять из себя одно. Становитесь же под знамена Российской социал-демократической рабочей партии, добивающейся уничтожения хозяев и правительства.

Но помните, товарищи! Приглашая вас на борьбу, мы против уничтожения мастерских, машин или частных построек, против насилий, оказываемых во время стачек над отдельными лицами и, между прочим, над евреями. Поймите, братья, что мастерские, заводы, машины созданы нашим трудом, облиты нашим потом и кровью — они наша собственность.

Но если мы ими не пользуемся, то только потому, что хозяева берут все это в свои руки и находят в этом поддержку со стороны правительства. Зачем же нам уничтожать то, что нам принадлежит по праву? Когда мы победим наших хозяев, то все то, чем они теперь владеют, будет принадлежать нам. Зачем же нам все это ломать и уничтожать? Воздержитесь от этого, товарищи! Зачем нам бить евреев, как это часто бывает во время стачек? Между евреями есть такие же ра-

[1] Воспроизведено с текста, напечатанного в Киевской газете «Вперед», № 7, сентябрь 1899 г., стр. 29—31. Прокламация была выпущена комитетом по поводу расстрела рабочих во время стачки на Мариупольских заводах.

бочие, как и мы, которые ничего не имеют, кроме рук, которыми они так же работают, как и мы. Есть между евреями и хозяева капиталисты, но они такие же враги нам, как и наши русские купцы, заводчики и фабриканты. Всякий пролетарий — рабочий, будет ли он еврей, русский, поляк, немец, француз — наш брат. Каждый из них хочет, чтобы все, что они производят, принадлежало всем, а не отдельным лицам. Каждый же хозяин — капиталист, будь он русский, немец, еврей, поляк, — наш враг, потому что мы все на них работаем, потому что они ничего не делают, а забирают в карманы барыши, потому что они собственники всего того, что мы сработаем. Вспомните, что петербургские рабочие во время стачек 1896—1897 годов не только не ломали мастерских и машин, но не было видно ни одного пьяного из рабочих.

Правительству и хозяевам выгодно, чтобы мы ломали мастерские, ибо в этом случае они могут придраться и пустить в ход оружие, а когда все спокойно, им придраться не к чему. Будем же подражать нашим более опытным товарищам, рабочим Петербурга и других городов.

Прокламация Екатеринославского комитета РСДРП, декабрь 1899 г. [1]

Российская социал-демократическая рабочая партия

Ко всем екатеринославским рабочим

Товарищи! Кто из нас не знает, какие средства употребляет наше правительство всякий раз, когда мы, рабочие, выступаем с какими-нибудь требованиями для улучшения своего положения? Кто из нас может забыть, как расправились с нашими товарищами железнодорожными рабочими во время забастовки летом этого года? Из-за того только, что наши товарищи потребовали освобождения их от работы в день железнодорожного праздника 25 июня, который праздновался администрацией железнодорожных мастерских, на рабочих нагнали войска и массу народа отправили в тюрьму. После того, как появились книжки, распространенные Комитетом, касавшиеся нашего положения, опять начались обыски и аресты. Рабочих типографии Яковлева всех обыскали и даже некоторых арестовали. Арестовали за то только, что у них оказались книжки. То же самое проделали и с городскими переплетчиками за их участие в стачке. Кто не знает, что на Брянском арестовано было 4 человека за то только, что на них было указано, что они читают наши прокламации? А что делалось еще недавно в Нижнеднепровске? Жандармы после появления наших прокламаций, касавшихся мариупольской истории, в продолжение некоторого времени каждый день приезжали в Нижнеднепровск для производства обысков.

Такие факты совершаются ежедневно не только у нас, а по всей России. До сих пор, при воспоминании о мариупольской истории волосы становятся дыбом и кровь леденеет в жилах. Избить безоружных людей за то только, что они хотели хоть сколько-нибудь улучшить свое положение? Из-за требования улучшить воду, совершенно негодную для питья, правительство перестреляло массу народа. Не удовлетворившись этим, оно арестовало несколько десятков человек и бросило в тюрьму с целью предать их всех суду. Суд в угоду правительству и

[1] Воспроизведено с текста, напечатанного в брошюре «Рабочее движение в Екатеринославе», издание «Союза русских социал-демократов», Женева, 1900 г., стр. 21—22. Прокламация без даты, но в брошюре есть указание, что она была выпущена в половине декабря (стр. 12).

хозяевам разделается по всем строгим законам с теми, кто хотел пользоваться чистою и хорошею водою. Жандармы, которым поручено бороться с рабочим движением, ведут себя как звери. Они грубо врываются к нам в квартиры, хватают людей за то только, что у них находят социал-демократические книжки, и бросают в тюрьму, лишают воздуха и света, обращаются с каждым из арестованных самым возмутительным образом. Эти негодяи употребляют все усилия на то, чтобы убить всякое человеческое достоинство в тех, кто борется за всех нас, кто хочет улучшить наше положение, они обращаются крайне грубо, говорят нам «ты», заставляют стоять навытяжку во время допросов, а иногда прибегают даже к побоям. Словом, ясно, что правительство понимает, что если сделает хотя одну уступку, то ему необходимо будет сделать еще и еще, а это будет невыгодно для наших хозяев — эксплоататоров. Наше правительство преследует тех, кто старается раскрыть нам глаза, кто пишет и распространяет книжки, в которых говорится о том, как плохо живется рабочему в России, как выйти из этого положения. Этих людей, которые хотят, чтобы мы получали большую заработную плату, арестовывают, бросают в тюрьмы и ссылают без всякого суда в Сибирь на многие годы. Но правительству не убить рабочего движения и не остановить его никакими обысками и ссылками. Оно не может всех нас арестовать, так как тогда приостановятся все работы, что больше всего невыгодно нашим хозяевам. И если до сих пор правительство, несмотря на все усилия, не могло подавить рабочего движения, то что же оно будет делать тогда, когда мы все будем знать в чем дело, когда все мы будем знать, что наше положение очень тяжело, и что оно никогда не будет улучшено ни нашими хозяевами, ни нашим правительством.

Но мы, товарищи, не одни. Есть же люди, которые, несмотря на гонения, преследования, делают все, чтобы каждый из рабочих понял, что надо сделать, чтобы улучшить наше положение. Да, эти люди — наши братья, и мы пойдем за ними; мы не пойдем ни за нашими хозяевами, ни за нашим правительством; оно достаточно себя показало. И мы будем говорить всем и каждому о тех гонениях и преследованиях, каким подвергаются славные борцы. Мы сделаем все, чтобы наши отцы, матери, младшие братья и сестры полюбили их и возненавидели тех, кто преследует наших защитников. И мы сделаем это. Но надо все-таки подумать и о том, чтобы жандармы не могли врываться к каждому из нас за тем только, что надеятся найти у нас книжки. Мы должны все знать и твердо помнить, что в единении наша сила. Но мы только тогда будем объединены, когда все будем требовать одного.

Будем же все требовать, чтобы правительство предоставило нам отстаивать свои интересы в борьбе с хозяевами, будем требовать, чтобы нас не арестовывали за то, что мы читаем социал-демократические книжки, будем требовать, чтобы нас перестали ссылать без суда. А все это значит, что нам необходимы: свобода печати, слова, собраний, союзов, стачек и неприкосновенность личности — одним словом политическая свобода.

Екатеринославский комитет Российской социал-дем. рабочей партии.

Первомайская стачка 1900 г. в Харькове

1 мая 1900 г.— в день международного праздника рабочего класса, харьковским пролетариатом, под руководством Харьковского комитета РСДРП, была проведена по определению В. И. Ленина «знаменитая маевка» [1].

Перед 1 мая комитетом РСДРП было распространено среди рабочих большое количество первомайских прокламаций и брошюр. На конспиративных рабочих сходках был выработан план демонстрации, который предусматривал соединение рабочих заводов, расположенных на противоположных концах города, для участия в общей демонстрации. Было решено никаких экономических требований не выставлять, а провести 1 мая под лозунгами требования политической свободы и 8-часового рабочего дня, указанных в прокламациях.

«Харьковские социал-демократы,— писал Ленин,— постарались подготовить маевку, распространив брошюры и листки заранее; был составлен рабочими и план общей демонстрации и речей на Конной площади» [2].

В день 1 мая рабочие железнодорожных мастерских в количестве 4 тысяч, с криками «Да здравствует 1 мая, да здравствует 8-часовой труд», присоединив к себе 500 рабочих с завода Бергенгейма, с пением и с красными знаменами направились в город на соединение с рабочими других заводов. Громадное количество казаков, солдат, полицейских и толпы любопытных лишь увеличивали впечатление от рабочей демонстрации железнодорожного района.

На другом конце города рабочие Паровозостроительного (4 тыс.) и других заводов, демонстрируя свою солидарность с лозунгами, выставленными в прокламациях, направились на соединение с рабочими железнодорожного района [3].

В этот день около 10 тысяч харьковских пролетариев демонстрировали свою солидарность и связь с рабочим движением всех стран, свою решимость примкнуть к борьбе международного пролетариата за свое освобождение.

«Что придало майским дням в Харькове характер выдающегося события? Массовое участие рабочих в забастовке, громадные тысячные собрания на улицах, развертывающие красные знамена, провозглашающие требования, указанные в прокламациях, революционный характер этих требований...» [4].

Своей сплоченностью и политической зрелостью, проявленной в демонстрации, харьковский пролетариат сразу выдвинулся на уровень передовых центров рабочего движения в России.

Еще в 90-е годы, когда по всей стране прокатывались волны упорной стачечной борьбы рабочего класса, харьковский пролетариат имел лишь трехдневную стачку в 1893 г. в железнодорожных мастерских, да несколько волнений на других предприятиях, редко доходивших до размеров стачки всего завода. Неразвитость харьковского рабочего движения 90-х годов объясняется тем, что до 1897 г. Харьков оставался городом преимущественно мелкой буржуазии, городом ремесла и мелкой, отчасти средней, промышленности. Крупное скопление рабочих (3 тыс.) было лишь в железнодорожных мастерских.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. IV, стр. 47.
[2] Там же, стр. 48.
[3] Шедшим двумя колоннами демонстрантам не удалось слиться. Казакам и войскам удалось разогнать разобщенные колонны рабочих, арестовав при этом свыше 200 человек.
[4] В. И. Ленин Соч., т. IV, стр. 47.

Только начиная с 1897 г. в Харькове, в связи с общим промышленным оживлением юга, возникает ряд крупных заводов (Паровозостроительный с 4 тыс. раб. и др.). Из преимущественно торгового города Харьков превращается в город крупной, главным образом, тяжелой (машиностроительной) промышленности. Число же фабрично-заводских рабочих увеличивается до 12 тыс. Совместная работа тысяч рабочих, прилив рабочих из высоко развитых центров рабочего движения (Петроград, Москва, Иваново-Вознесенск и др.), прошедших школу постепенно расширяющейся в этих центрах стачечной борьбы и побывавших под воздействием пропаганды социал-демократии, а также специфические условия производства металлистов обусловили высоту такого политического развития, какое только возможно было предъявить российскому пролетариату той эпохи.

На классово-политическое развитие рабочих оказали свое влияние и предшествовавшие маевки в Харькове.

Впервые в городе 1 мая праздновалось рабочими в 1898 г. в форме небольших загородных собраний.

В 1899 г. 1 мая прошло более открыто. Была распространена майская прокламация, которая имела большой успех, и рабочие в этот день не пошли на работу. Однако организовать стачку с.-д. не смогла, в результате чего празднование 1 мая выразилось лишь в загородных собраниях с участием 150 человек. На собраниях произносились речи о значении 1 мая, выяснялись вопросы рабочего движения, происходили прения о кружковой работе и агитации, пелись революционные песни.

Большое влияние оказали на рабочих студенческие волнения, происходившие в Харькове в 1899 году. Впечатление от движения студентов и майская агитация вызвали тягу рабочей массы к нелегальной литературе, которая с этого времени расходилась среди рабочих в большом количестве.

В результате совокупности всех моментов, влиявших на политическое развитие рабочих в Харькове, впервые в России (не считая Польши) произошла открытая массовая политическая демонстрация.

Таким образом, харьковская маевка, происшедшая на стыке двух столетий, как бы подводила итог истории рабочего класса России в целом, его упорной борьбы трех последних десятилетий XIX в. и знаменовала собой поворот пролетарской борьбы к новому этапу «к политической агитации в крупных размерах и к открытым уличным демонстрациям» [1], которые, нарастая и ширясь, вылились в революцию 1905 г.

Харьковская маевка свидетельствовала, что начавшийся в 1900 г. «Промышленный кризис, безработица не остановили и не ослабили рабочего движения. Наоборот, борьба рабочих стала принимать все более революционный характер. От экономических стачек рабочие стали переходить к политическим стачкам. Наконец, рабочие переходят к демонстрациям, выставляют политические требования о демократических свободах, выставляют лозунг: «Долой царское самодержавие» [2].

«Сказка о том, будто русские рабочие не доросли еще до политической борьбы, будто их главное дело — чисто-экономическая борьба, лишь понемногу и потихоньку дополняемая частичной политической агитацией за отдельные политические реформы, а не за борьбу против всего политического строя России,— эта сказка решительно опровергается Харьковской маевкой» [3].

Организованность и классовая сознательность харьковского пролетариата была проявлена и 2 мая, когда рабочие, не приступая к работам, потребовали освобождения арестованных накануне товарищей. Власти, ошеломленные грандиозностью развернувшегося неожиданно массового рабочего движения политического характера, растерялись и заняли уступчивую позицию, в результате чего рабочим удалось добиться освобождения арестованных.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. VII, стр. 142.
[2] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 27.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 47—48.

Создалось общее возбуждение рабочей массы, на почве которого вспыхнули стихийные стачки на заводах.

Бастовали заводы: Паровозостроительный (2—5 мая), бр. Игнатовых (2—5 мая), Бельгийский (2—8 мая), Гельферих-Саде (3—4 мая). В железнодорожных мастерских борьба за выставленные экономические требования продолжалась от 2 до 16 мая, хотя работы и не прекращались (кроме 2 мая и полдня 8 мая).

Бастующие выставили ряд частных требований экономического характера, среди которых находились два требования общеклассового характера: 1) 8-часовой рабочий день и 2) комиссия из рабочих и администрации для улаживания конфликтов.

«С первомайским праздником и манифестацией, говорится в брошюре «Майские дни в Харькове»,— неожиданно переплелись различные практические требования, предъявленные без соответствующей подготовки и поэтому, конечно, осужденные, в общем, на неудачу» [1].

Это неудачное стихийное переплетение чисто местных и общеклассовых требований В. И. Ленин считал одним из основных недочетов харьковской маевки, так же как и недостаточную организованность руководства ею, которая помешала равномерно распределить силы сознательных рабочих и сохранить втайне от царских властей план демонстрации.

«Мы должны позаботиться,— писал В. И. Ленин — о том, чтобы рабочие сознали эту разницу, чтобы они не сводили требование 8-часового рабочего дня на уровень такого же требования, как требование бесплатных билетов или удаление сторожа» [2].

Стачки на Паровозостроительном заводе и бр. Игнатовых кончились неудачей. На Бельгийском заводе произошел полный расчет рабочих и только на заводе Гельферих-Саде и частично в железнодорожных мастерских рабочим удалось добиться удовлетворения их требований.

Оправившись от страха и растерянности, правительственные власти приняли меры для подавления движения.

Начались репрессии.

С 16 по 24 мая было арестовано 50 рабочих.

Рабочая масса, оставшись без руководителей, была уже не в силах добиться их освобождения.

Произведенные аресты были только началом. Организованность и массовость первомайской демонстрации навели жандармское управление на мысль о наличии подпольной организации. Начались усиленные допросы арестованных и лихорадочная слежка за всеми казавшимися жандармерии подозрительными.

Все это привело к грандиозным арестам 28 октября, произведенным по приказу из Петербурга. К делу о Харьковском комитете РСДРП было привлечено 111 человек и окончилось оно в октябре 1901 г. высылкой руководителей на 3 года под надзор полиции.

Майская забастовка и последовавшие за ней репрессии не прошли даром как для харьковского, так и для всего российского пролетариата; она еще раз ярко показала сущность главного врага рабочего класса — самодержавия и толкнула рабочих на изыскание лучших методов борьбы со всем политическим строем России.

Один из рабочих выразил следующими словами настроение пролетарского населения после майских событий:

«Результаты громадны; рабочие не перестают говорить положительно все, что это только начало, что будет буря и поборемся мы с ней» [3].

Приближающаяся буря, о которой говорил харьковский рабочий, не заставила себя долго ждать. Она, стремительно нарастая (обуховская оборона 1901 г., ростовские события 1902 г., одесская стачка 1903 г., события в Баку 1904 г.),

---

[1] Цитируется по Ленину, Соч., т. IV, стр. 49.

[2] Там же, стр. 49—50.

[3] «Майские дни в Харькове», изд. «Искры», стр. 17.

разразилась в вооруженное декабрьское восстание 1905 г., причем это была не стихийная буря, а сознательное движение рабочего класса, восставшего во главе всего народа против царского правительства.

З. Доброва.

Из отчета Харьковского губернатора за 1899 год [1]

Рост крупной промышленности, вытесняющей постепенно мелкие промыслы и домашние производства, имеет своим ближайшим последствием образование особой группы населения — класса фабричных рабочих. По условиям фабричного производства, рассчитанного в большинстве случаев на непрерывную работу, и по требованиям техники нуждающейся в подготовленных рабочих, рабочий класс в больших центрах перестал быть пришлым элементом, каким он был здесь ранее, когда работы в городах были для крестьянина только одним из видов отхожего промысла, временным занятием, по окончании коего он возвращался в деревню, где и были сосредоточены его главнейшие жизненные интересы. Нынешний фабричный рабочий в большинстве случаев порвал связь с деревнею, чему до известной степени способствует также постепенное измельчание крестьянских наделов и малая доходность сельского хозяйства.

Сделавшись постоянным городским жителем, рабочий утрачивает многие хорошие особенности, свойственные деревенскому обывателю, и прежде всего исконное его миросозерцание, положительное и беспритязательное, покоящееся на указаниях религии и заветах предков. Отчасти под действием чисто физических причин, каковы тяжелый фабричный труд и нередко антигигиенические условия городской жизни, отчасти же под влиянием городских соблазнов, рабочий теряет физическую выносливость и душевное равновесие, присущие сельскому жителю; он делается нервным, притязательным, склонным ко всякого рода мечтаниям. Эти свойства фабричного рабочего пролагают весьма удобный путь к возбуждению в нем недовольства и собственным положением и общественным строем, к чему и направлены в последнее время усилия врагов существующего порядка, к сожалению, сопровождающиеся некоторым успехом.

В отчетном году во многих промышленных заведениях Харьковской губернии замечены были попытки к устройству стачек и забастовок и к предъявлению разных требований по улучшению положения рабочих. Правда, попытки эти были пресечены в самом же начале; но некоторые признаки давали основание находить, что возобновление их в будущем, и при том в более широких размерах, представляется весьма вероятным. И действительно, текущий год дает уже несомненные указания, что в рабочую среду, по крайней мере в крупных центрах, успели уже в некоторой степени проникнуть социалистические идеи о противоположности интересов рабочих и работодателей и о необходимости для рабочих вступить в борьбу за свои попираемые, будто-бы, интересы, причем средствами борьбы должны были бы служить устройство стачек, забастовок, манифестаций и другие подобные способы, в совершенстве выработанные рабочими Западной Европы.

Одним из наиболее распространенных в последнее время в Западной Европе способов для социалистических манифестаций является празднование 1 мая. Этим днем воспользовались и харьковские рабочие для учинения беспорядков, заранее обдуманных и подготовленных.

---

[1] Центральный Архив революции, ДП, о. о. 1898 г. д. № 5, ч. 12, лит. А, лл. [illegible]. Печатается с копии.

Оставив в этот день самовольно работы и принудив к тому же угрозами и даже насилием своих более благоразумных товарищей, рабочие пытались бродившими толпами, в виде процессии, пройти по городу с манифестационными целями, причем были даже попытки выкинуть красные флаги. Остановленные в своем движении по городу заранее приготовленными воинскими частями, рабочие вели себя затем весьма вызывающе, дерзко требовали освобождения арестованных товарищей и настойчиво выставляли свои «требования», в том числе уменьшения рабочего времени до восьмичасового.

Волнения рабочих продолжались несколько дней и были прекращены лишь благодаря решительному, но вместе с тем и осторожному образу действий властей. Расследование беспорядков выяснило, что рабочие действовали под влиянием широко распространенных в последнее время прокламаций, исходящих от разных социалистических кружков, и по программе, рекомендованной этими кружками. Но вместе с тем то же расследование указывает, что рабочие уже в данном случае отнюдь не явились слепым орудием в руках злонамеренных лиц, но что многие из них сознательно выяснили себе преследуемые ими цели, твердо усвоили определенную программу действий и проявили в осуществлении этой программы выдержку и дисциплину. В этом, как я смею полагать, и заключается опасный симптом.

Верно: Начальник Отделения Канцелярии Комитета министров кн. С. Гагарин.

Из донесения начальника Харьковского ГЖУ в департамент полиции 19 апреля 1900 г., № 3219[1]

Мною получены агентурные сведения, что в гор. Харькове недавно образовался кружок интеллигентных лиц, присвоивший себе наименование «Харьковский комитет Российской социал-демократической рабочей партии»... Комитет предполагает революционную пропаганду вести преимущественно среди заводских рабочих и, с этой целью, старается приобрести связи с рабочими. Для распространения ко дню 1 Мая (18 апреля) обычного воззвания[2]. Комитетом приобретены эти воззвания из типографии «Южного рабочего»[3] в г. Екатеринославе, вместе с брошюрами «Сон под первое Мая»[4], отпечатанными в той же типографии... Полученные воззвания и брошюры Комитет положил распространить среди рабочих к 1 Мая по старому стилю, так как, по мнению Комитета, не все рабочие ознакомились с исчислением нового стиля...

Полковник Маврин.

Телеграмма начальника Харьковского ГЖУ в департамент полиции, 1 мая 1900 г., № 88[5]

Рабочие двух заводов и железнодорожных мастерских забастовали; между рабочими происходит волнение; приняты меры к недопущению беспорядков. Подробности почтой.

Полковник Маврин.

---

[1] Архив революции, ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 12, лит. В, л. 2.

[2] Это воззвание — прокламация РСДРП — «Всемирный рабочий праздник, товарищи. Во вторник, 18 апреля, наступает праздник 1 Мая, великий праздник рабочего люда всех стран», опубликованная в журнале «Летопись революции» № 3(12), 1925 г., стр. 218—220 и в брошюре «Майские дни 1900 г. в Харькове», изд. «Пролетарий», 1930 г., стр. 51—54.

[3] «Южный рабочий» — социал-демократическая группа, издававшая газету того же наименования. № 1 газеты вышел в январе 1900 г., а последний № 12 в апреле 1903 г. По своему направлению «Южный рабочий» был близок к «Искре».

[4] Брошюры «Сон под первое Мая» в архиве не имеется.

[5] ДП, IV, 1908, д. № 4, ч. 40-А, л. 6.

Телеграмма старшего фабричного инспектора Харьковской губернии в департамент Торговли и Мануфактур, 1 мая 1900 г.[1]

Сегодня утром рабочие железнодорожных мастерских угрозами прекратили работу на керамическом заводе Бергенгейма, затем и [illegible] постепенно рабочие всех механических заводов без буйства прекратили работу частью самовольно, частью с разрешения заведующих; пока мне известно 8 празднующих заводов с общим числом рабочих около 5 000. Претензий никаких не заявлено, значительных буйств, кроме указанного, нет.

Быков.

Телеграмма прокурора Харьковской судебной палаты министру юстиции Муравьеву, 2 мая 1900 г., № 889[2]

В течение апреля в Харькове разбрасывались прокламации Российской социал-демократической рабочей партии, призывающие рабочих праздновать 1 мая, протестовать против гнета капиталистов и неправды правительства.

Вчера рабочие железнодорожных мастерских и всех крупных заводов Харькова прекратили работу, причем молодежь понудила к тому старших угрозами; старались собраться большой толпой и с пением и красным знаменем шествовать по городу, но заготовленные вперед войска воспрепятствовали. Арестовано 212 ослушников, в порядке охраны. Разыскиваются руководители, которые, вероятно, будут высланы. О подробностях буду доносить почтой.

Прокурор палаты Давыдов.

Донесение начальника Харьковского полицейского управления железных дорог в Департамент полиции, 3 мая 1900 г., № 33[3]

1 числа сего мая, рабочие Курско-Харьковско-Севастопольских мастерских, по примеру рабочих других заводов, расположенных в гор. Харькове и окрестностях, в 5 часов утра после сигнала на работу, собравшись около мастерских, отправились гурьбою на загородную площадь, где пропев песню «Дубинушку» направились чрез одну из улиц, тротуарами по два и по три, к одному из заводов, расположенных в центре города, чтобы, соединившись с рабочими этого завода, следовать на другие заводы; но в той же улице им был прегражден путь войсками. Сзади рабочих тоже очутился батальон и рабочие в числе около пятисот человек попались как бы в западню. Вследствие этого рабочие кинулись чрез ворота и калитки во дворы, из которых чрез заборы рассыпались по разным улицам, оставив на месте лишь тех, кто случайно попал в эту толпу и часть своих до полутораста человек, из которых большинство мальчишки от 16 до 20 лет и несколько человек в более зрелом возрасте, но не старше 30 лет. Все они были арестованы и препровождены в тюремный замок. На другой день 2 мая, все железнодорожные рабочие вагонных и паровозных мастерских собрались во дворе паровозных мастерских, но к работе приступить не пожелали, пока не будут освобождены из под ареста их товарищи. Все увещания прибывшего туда харьковского губернатора, мои и начальника отделения подполковника Ковалинского оказались тщетными,— рабочие от работы отказались. Когда уехал г. губернатор, я, имея в виду возбужденность толпы и зная, что по распоряжению

---

[1] ГАФКЭ, ф. 299, д. № 46, 1897—1905, л. 28.

[2] М. Ю., вр. к., 1900 г., д. № 11380, л. 1.

[3] ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 12, лит. В. л. 9.

харьковского губернатора рабочие других заводов освобождены, вошел в круг этих рабочих, заставил их водворить полнейшую тишину, стал выяснять им подробно преступность их деяний, при чем предложил им немедленно стать на работы. Рабочие после долгого колебания все согласились стать на работы, но только со следующего дня с 5 час. утра, заявив, что в данный момент они чувствуют себя уставшими и что с половины дня не стоит работать; при этом обратились ко мне с просьбою просить г. губернатора об освобождении их товарищей, заверяя своим честным словом, что они начнут работу с утра и никаких скопищ и вообще беспорядков не будет. Имея в виду, что арестованным уже был составлен список, следовательно о привлечении к дознанию препятствий не будет, я просил по телефону г. губернатора об освобождении железнодорожных рабочих, чем моментально будет прекращен беспорядок. Губернатор освободил арестованных, которые спустя час прибыли в мастерские, где с радостью были встречены своими товарищами, и немедленно все рабочие разошлись по квартирам.

Полковник З а х а р ь я ш е в и ч.

Письмо директора Харьковского паровозостроительного завода в правление Русского паровозостроительного и механического общества, 3 мая 1900 г., № 1902[1]

В дополнение моих предыдущих двух писем о забастовке рабочих[2] имею честь уведомить, что сегодня, 3 мая, прошло следующим образом:

Сегодня с утра забастовал завод Гельферих-Саде, проработавший вчера целый день. После обеда забастовал Бельгийский завод Нагеля, ставший было с утра на работу. Вся эта толпа стояла на Конной площади и беседовала с инспекторами и прочим начальством.

Вообще должно заметить, что местные власти не проявляют должной силы и не внушают рабочим никакого уважения к дисциплине; разговаривают и совещаются с ними и этим растягивают в длину смутное время. Предполагавшаяся однодневная забастовка растянулась и взволновала умы рабочих на долгое время.

Наш завод встал сегодня на работу с утра в полном составе. Но перед обедом начали ходить слухи, что рабочие выбирают депутатов для предъявления каких-то требований и не возьмутся после обеда за работу. После последнего гудка обеденного перерыва в $1^1/_2$ часа пополудни все цеха однако взялись за работу, кроме машиностроительного, который вышел во двор. Когда я вышел во двор завода, застал всю эту группу разговаривающей со старшим фабричным инспектором. Получив известие, что другие работающие цеха, глядя на забастовавший цех, начинают волноваться, я предложил толпе войти в свой цех. Старший же фабричный инспектор заявил ей, что с целою толпою он разговаривать не может и предлагает нескольким депутатам этого цеха явиться в контору завода для заявления ему своих требований.

Депутация эта заявила разные незначительные требования их местного внутреннего характера, основанные исключительно на недостаточности заработка.

После приема этой депутации стали уже и по всем прочим вставшим на работу цехам собираться группы рабочих, решивших от каждого цеха послать своих депутатов, но уже с требованием 8-часового рабочего дня и прекращения работ по субботам в 2 часа пополудни.

Разошелся завод в 6 часов в полном порядке.

---

[1] ГАФКЭ, ф. 299, д. № 46, 1897—1905, л. 34.
[2] Упомянутых писем в деле не обнаружено.

Из изложенного вы усмотрите, что брожение еще не улеглось; работа вследствие этого движется чрезвычайно вяло и неуспешно, что отразится на производстве текущего месяца. Меня и моих сослуживцев это напряженное состояние утомило до последней степени. Три последние дня мы совершенно были лишены возможности заниматься текущими делами, будучи всецело поглощены работой и старанием ввести выбившееся из колеи движение в его нормальное состояние.

И. Риццони.

Из рапорта прокурора Харьковской судебной палаты министру юстиции Муравьеву, 4 мая 1900 г., № 904 [1]

В дополнение к телеграмме от 2 сего мая имею честь донести вашему высокопревосходительству нижеследующее:

Первого сего мая рабочие Харьковских железнодорожных мастерских в количестве около одной трети всех рабочих собрались на работу, но вскоре оставили мастерские и с шумом и свистом вышли на улицу. По требованию полиции они разошлись, но по прошествии короткого времени опять собрались толпой и пытались устроить шествие с красным платком, привязанным на палку. После того, как они отказались разойтись по требованию полиции, были произведены аресты, причем задержано 164 человека, из которых однако же 32 человека тотчас же отпущено, как попавшие в толпу случайно, остальные же 132 человека отправлены в пересыльную тюрьму. В тот же день около трех часов рабочие паровозостроительного завода, железнодорожных мастерских и Бельгийского механического завода собрались на Конной площади и пытались устроить шествие с песнями, имея в руках красные значки; из участвовавших в этой толпе было задержано 80 человек, которые также были отправлены в пересыльную тюрьму...

Прокурор палаты Давыдов.

Телеграмма старшего фабричного инспектора Харьковской губернии в департамент Торговли и Мануфактур, 4 мая 1900 г. [2]

Второго мая все мелкие заводы Харькова, завод Бельгийского товарищества перестали работать с 8 часов утра; в Паровозном работали две трети рабочих целый день, третьего работали все кроме Гельферих. Сегодня с утра не работали: Бельгийский завод, два мелких завода и с обеда Паровозный завод. Положение осложняется; со вчерашнего вечера появились требования: уменьшения рабочего дня и увеличения расценков. Сегодня после обеда не работало в сумме 3500.

Быков.

Из письма директора Харьковского паровозостроительного завода в правление Русского паровозостроительного и механического общества, 4 мая 1900 г., № 1903 [3]

Сегодня 4 мая Бельгийский завод Нагеля продолжает забастовку в полном составе. Сегодня рабочим этого завода объявлено, что все рабочие без исключения рассчитываются.

Забастовка проявилась даже в таких слоях, где ее никак нельзя было ожидать. Забастовали рабочие одной кузницы, расположенной в

---

[1] М. Ю., вр. к., 1900 г., д. № 11380, л. 2.
[2] ГАФКЭ, ф. 299, д. № 46, 1897—1905, л. 31.
[3] ГАФКЭ, ф. 299, д. № 46, 1897—1905, л. 34—35.

городе, занимающейся ковкой лошадей и починкою экипажей. Забастовала, говорят, партия портных.

Наш завод вышел на работу в количестве 2700 человек. Наибольшее число отсутствующих падает на модельный и машиностроительные цеха. Эти два цеха по настоящее время еще не успокоились и надо полагать, что после обеда в них работа снова остановится.

Причина продолжающегося брожения заключается теперь в том, что в мастерских казенной К.Х.С.[1] ж. д. на требования рабочих об установке 8-часового рабочего дня и прочих требований внутреннего характера, жандармское начальство им заявило (это доподлинно известно), что их требования внутреннего характера будут удовлетворены, что же касается 8-часового рабочего дня, то пусть они подадут заявление, которое начальство рассмотрит и, вероятно, удовлетворит. После этого рабочие мастерских К.Х.С. ж. д. встали на работу в ожидании исполнения данных им обещаний.

Рабочие же нашего завода, ссылаясь на обещания, данные рабочим железнодорожных мастерских, хотят этих же льгот достигнуть и для себя — вот причина их теперешнего брожения.

Скорого успокоения умов при таких условиях ожидать нельзя, наоборот, скорее можно ожидать усложнений вследствие неумелого и ненадлежащего обращения властей с рабочими...

П. Риццони.

Из донесения харьковского губернатора министру внутренних дел Сипягину, 5 мая 1900 г., № 2090[2]

Большое количество появившихся за последнее время среди рабочего населения Харькова прокламаций различного типа[3] и собранные жандармским ведомством и полицией агентурным путем сведения с достаточной достоверностью указывали на то, что день 1 мая, то-есть так называемый «праздник рабочих», здесь пройдет не бесследно, причем мало-по-малу было выяснено, что, в случае возникновения каких-либо беспорядков, инициатива таковых должна исходить от рабочих железнодорожных мастерских, в коих постоянно занято свыше 4000 человек. По сведениям, составленным теми же агентами, за сим было дознано, что к этим рабочим предполагают присоединиться за сим рабочие Харьковского паровозостроительного завода, на котором считается до 3500 человек разных цехов, с машиностроительного завода Бельгийского общества (до 500 человек) и с некоторых других более крупных заводов и фабрик, а также что забастовщики будто бы намерены силою противодействовать своим более благонамеренным товарищам стать на работу.

Такие данные, доходившие до меня с разных сторон, вынудили меня обратить на дело особо тщательное внимание. Накануне 1 мая я пригласил к себе на совещание прокурора судебной палаты, вице-губернатора, всех наличных представителей жандармского ведомства, в том числе начальников железнодорожных жандармских управлений, фабричного инспектора, командира 10 армейского корпуса, к коему я обратился с просьбой заблаговременно назначить на случай надобности в мое распоряжение части войск и некоторых других лиц,

[1] Курско-Харьковско-Севастопольская ж. д.

[2] ДП, о. о., 1898 г., д. № 5, ч. 12, лит. В, л. 23—28.

[3] Кроме основной прокламации (см. прим. на стр. 193) перед 1 мая в Харькове распространялась прокламация, напечатанная в типографии «Южного рабочего» за подписью Комитета РСДРП («Первое мая. 18 апреля рабочим и работницам всей России ко дню рабочего праздника первого мая Рос. соц.-дем. Раб. партия шлет братский привет»). См. о ней — Ленин, Соч., т. IV, стр. 564, пр. 30).

при этом все имевшиеся у нас сведения были признаны настолько обоснованными, что пришлось приступить к предварительным распоряжениям по охранению порядка на следующий день. С этой целью был учрежден полицейский надзор в тех местностях, где преимущественно живут мастеровые и рабочие вышеуказанных заводов; была организована патрульная служба в течение всей ночи на 1 число, а вблизи мастерских на одной окраине города и у паровозостроительного завода — на другой, были расположены в дворах казенных зданий по батальону пехоты и несколько сотен казаков, с приказанием ни под каким видом не допускать сборищ и, главным образом, не пропускать рабочих в самый город, а удерживать их на окраинах, дабы предотвратить возможность соединения рабочих разных, расположенных на противоположных окраинах города, заводов.

Распоряжения оказались целесообразными: когда в 5 часов утра рабочие вышли из своих домов, чтобы собраться около железнодорожных мастерских, то они были крайне озадачены видом казацких пикетов; когда же некоторые объявили за сим своему начальству, что на работу не станут, то им было предложено разойтись по домам, с предупреждением, что, при малейшем нарушении порядка, виновные будут арестованы. Все попытки со стороны рабочих, собраться толпами или пробраться в город для соединения с товарищами с других заводов, были пресечены и предупреждены, так что в конце концов они вышли за город, где и расположились группами в разных рощах. Лишь два раза и на двух противоположных окраинах города, один раз утром рано, а другой под вечер 1 мая, как то образовались сборища в 150—200 человек, которые запели песни, причем один из присутствующих поднял на шесте нечто вроде красного флага; обе эти партии немедленно были окружены и отведены в тюрьму, где оказалось, что подавляющее большинство участников такой демонстрации совсем молодые люди и даже мальчики. Так как одновременно по всем окраинам города были закрыты все места продажи крепких напитков, то почти совершенно не видно было пьяных среди рабочих, что в значительной мере поддерживало общий порядок. Принцип недопущения возможности соединения рабочих от разных мест в одну толпу и задержания их на окраинах, где они исключительно и живут, имел еще и то благодетельное последствие, что в самом городе никто не знал о происходившем на окраинах, вследствие чего течение обычной городской жизни ни на одну минуту не было нарушено.

2 мая утром я отправился вновь к железнодорожным мастерским, где созвал до 1500 рабочих, лично с ними говорил и при условии, что они немедленно станут вновь на работу, обещал им отпустить арестованных их товарищей.

В тот же день то и другое было исполнено, работы вновь начались, по мастерским и заводам почти в полном составе рабочих, и все вошло в обычную колею. В общем следует признать, что из общего числа насчитывающихся в Харькове рабочих разных видов т. е. 15—17 тысяч человек приблизительно 4—5 тыс. были подготовлены к демонстрации и сознательно шли на таковую, до 4 т. человек отказывались работать в этот день из опасения насилия со стороны товарищей, какового в действительности не было, а остальные, в том числе и кирпичники, составляющие огромное большинство приходящих на лето рабочих, еще не собрались на заводы и в настоящее время лишь начинают съезжаться.

3 мая (когда по всем предположениям весь инцидент следовало считать исчерпанным) рабочие на заводе Гельферих-Саде (производство сельско-хозяйственных орудий) в числе до 500 человек после завтрака объявили, что они на работы не станут, поставив условием своего воз-

вращения исполнение администрацией завода некоторых выраженных ими желаний, впрочем, чисто местного хозяйственного характера. Местные фабричные инспектора немедленно вошли с ними в переговоры, я же приказал им объявить, что если на другое утро они не станут на работу, то будут рассчитаны. Эта мера прекрасно подействовала и в тот же день после обеда уже большинство рабочих, а на другое утро и остальные все возвратились к своим занятиям на завод.

Только что это столкновение было улажено, как после завтрака 4 мая забастовали рабочие на Бельгийском машиностроительном и акционерном паровозостроительном заводах, в общей сложности числом до 3400 человек. Никакие уговоры не подействовали на них, причем здесь ими уже были поставлены требования о сокращении рабочих часов, об увеличении платы и раздавались отдельные голоса с заявлением о желательности введения заграничных порядков. Имея в виду скопление у этих двух заводов, расположенных почти рядом, большого количества рабочих, в числе коих очень большой процент молодежи, и большое упорство забастовщиков, я немедленно распорядился на всякий случай стянуть в эту местность несколько сотен казаков и приказал закрыть все места продажи крепких напитков, дабы при общей возбужденности рабочих предупредить возможность более нежелательных волнений.

Сегодня, 5 мая, огромное большинство рабочих Паровозостроительного завода приступило к работам, за исключением человек 400, находящихся в нерешимости. Но на Бельгийском заводе все рабочие продолжают забастовку и их ныне рассчитывают. Операция расчета происходит в полном спокойствии.

В железнодорожных мастерских работы идут в полном объеме, но рабочие предполагают по возвращении в Харьков начальника Курско-Харьково-Севастопольской железной дороги предъявить ему свои требования...

О дальнейшем течении дела я буду иметь честь представить вашему высокопревосходительству дополнительно.

Долгом считаю к сему присовокупить, что движение рабочих в г. Харькове по поводу празднования 1 мая имеет все признаки заблаговременной подготовленности, что указывает на существование некоторой организации, направляющей рабочих к определенным целям. Судя по воззваниям и прокламациям, подготовлявшим событие 1 мая, в числе каковых находились даже издания заграничного происхождения, нужно думать, что инициатива и руководительство беспорядками исходили из кругов, стоящих вне рабочей массы. Но если обратить внимание на обнаруженную участниками беспорядков дисциплину и единодушие в действиях, а равно и на то обстоятельство, что среди воззваний к беспорядкам попадались и такие, которые несомненно исходили от малограмотных рабочих, то необходимо признать, что сама рабочая среда, прежде менее доступная для посторонних влияний, в настоящее время, по крайней мере в крупных центрах, представляется в значительной степени уже подготовленной для восприятия и сознательного применения разрушительных идей. В особенности обращает на себя внимание быстрота, с какой происходит усвоение рабочими социалистических идей. Еще в прошлом году праздник 1 мая, служащий для социалистических манифестаций, не вызывал в местных рабочих заметного сочувствия и одобрения, а в настоящем году он пользуется уже широкой популярностью и привлекает массу приверженцев...

Губернатор Тобизен.

Письмо директора Харьковского паровозостроительного завода в правление Русского паровозостроительного и механического общества, 5 мая 1900 г., № 1911 [1]

Сегодня 5 мая в $5^1/_2$ часов утра собрались на улице около нашей проходной конторы я, г-н Зелих и все начальники цехов для предупреждения образования около входа партии рабочих (нашего и чужих заводов), препятствующих входу в завод. В некотором отдалении стояли драгуны.

В завод пришло 2400 человек. Внутри завода около отхожих мест расставлена мною полиция для воспрепятствования образованию в отхожих местах сходок.

В обеденное время будут от нашего завода до переезда железной дороги расставлены войска для оттеснения посторонних рабочих, приход коих с целью агитации мы ожидаем со стороны Бельгийского завода, который закрыт со вчерашнего дня и где сегодня рассчитывают поголовно всех рабочих в количестве 500 человек.

В течение всего обеденного времени будем стоять около проходной конторы со стороны улицы я, г-н Зелих и начальники цехов для обеспечения свободного прохода рабочим, желающим работать.

Тем не менее за послеобеденную работу я не ручаюсь и весьма возможно, что работа снова не состоится.

Город Харьков находится на военном положении. Постановление харьковского губернатора при сем прилагаю [2]. Вследствие вышеизложенного я телеграфировал сегодня: «Сегодня утром вышло на работу 2400 человек. Завод не закрываем. В послеобеденной работе не уверен, все меры предосторожности, охраны приняты. Ожидаю вас», что настоящим подтверждаю.

П. Рицони.

Телеграмма старшего фабричного инспектора Харьковской губернии в департамент Торговли и Мануфактур, 5 мая 1900 г. [3]

Сегодня Паровозный спокойно работает, но не вышло 500 рабочих. На Бельгийском машиностроительном с утра все рабочие расчитаны согласно предупреждению.

Быков.

Телеграмма харьковского губернатора министру внутренних дел Сипягину, 9 мая 1900 г., № 1082 [4]

13 и 14 мая по приказанию командующего войсками из Харькова выводятся в Чугуевский лагерь все войска, благодаря содействию коих

---

[1] ГАФКЭ, ф. 299, д. № 46, 1897—1905, л. 36.

[2] 5 мая по городу, главным образом в рабочих кварталах, было расклеено «обязательное постановление» харьковского губернатора от 2 мая, которое, в силу положения об усиленной охране государственного «порядка», гласило:

«1. Воспрещаются всякие сходбища и собрания, как на улицах, площадях и в садах, так и в других общественных и частных местах и зданиях, без надлежащего на то разрешения.

2. Сборища, образовавшиеся случайно или по уговору, должны немедленно прекратиться, а участники их должны разойтись по первому требованию полицейских властей.

3. Лица, виновные в нарушении указанных требований, будут подвергнуты, в административном порядке, штрафу в размере до 500 рублей или аресту до 3-х месяцев.

4. Такому же взысканию будут подвергнуты также лица, изобличенные в подстрекательстве и попустительстве по проступкам, предусмотренным настоящим обязательным постановлением» (ДП, о. о., 1898, д. № 5, ч. 12, лит. В, л. 31).

[3] ГАФКЭ, ф. 299, д. № 46, 1897—1905 гг., л. 32.

[4] ДП, о. о., 1898, д. № 5, ч. 12, лит. В. л. 11.

наружный порядок за время стачек не нарушался. Теперь, хотя волнение среди рабочих частных заводов улеглось, но в железнодорожных мастерских рабочие упорно отстаивают свои требования, изложенные в представлении 5 мая и вчера вновь, ослушавшись начальника дороги, ушли с работ двумя часами ранее срока, установленного для их окончания, это дает повод опасаться возникновения новых осложнений и я считаю долгом почтительнейше просить о немедленном сношении с военным министром на предмет распоряжения телеграммою об оставлении в Харькове еще на месяц двух полков — пехотного и казацкого; подробное донесение следует почтою.

Губернатор Тобизен.

Из донесения старшего фабричного инспектора Харьковской губернии в департамент Торговли и Мануфактур, 17 мая 1900 г., № 20[1]

Считаю долгом представить департаменту Торговли и Мануфактур подробное донесение о забастовках на заводах города Харькова 1—5 сего мая.

30 апреля г. начальник губернии устно сообщил мне, что по сведениям полиции те беспорядки, которые заранее подготовлялись среди рабочих города Харькова, выразятся прежде всего в забастовке рабочих мастерских Курско-Харьково-Севастопольской железной дороги (около 2400 рабочих), которые предполагают пойти толпой на другой конец города по направлению к Паровозостроительному заводу (около 3300 рабочих), рабочие же последнего завода, узнав о забастовке рабочих железнодорожных мастерских, предполагают выйти к ним навстречу для того, чтобы пройти большой процессией по городу.

Вследствие сего мною был командирован с раннего утра 1 мая на Паровозный завод фабричный инспектор Кошечкин. В настоящее время по личным моим наблюдениям, по донесениям г. Кошечкина и других фабричных инспекторов, а также и по сообщениям, полученным из посторонних источников, является возможность составить нижеизложенную картину всех происшествий 1 мая.

Рабочие железнодорожных мастерских, явившись в этот день в свое время к станкам, за работу не принимались, а двинулись к близ лежащему заводу керамических изделий Бергенгейма (до 300 рабочих) и, столпившись перед воротами, угрозами требовали, чтобы рабочие этого завода бросили работу. Рабочие Бергенгейма, побуждаемые страхом, а частью, быть может, и по заранее составленному уговору, бросили работу около 7 часов утра. Дальнейшее движение толпы рабочих было преграждено войсками. Но, несмотря на то, отдельные группы забастовавших рабочих разошлись по окраинам города, распространяя между рабочими других заведений известие о забастовке; везде, куда достигал этот слух, рабочие бросали работу, объясняя администрации заведения, что они боятся остаться на работе, так как забастовавшие товарищи, если они к забастовщикам не примкнут, их побьют. В каких пределах это объяснение, всюду повторявшееся, было искренне и насколько оно служило лишь предлогом уйти с работы — сказать весьма трудно, но по личным наблюдениям моим и гг. фабричных инспекторов, я могу утверждать, что некоторая часть рабочих действительно была так напугана, что заявления ее заслуживали доверия. Многие заведения совершенно не ожидали забастовки. Так, например, в 9 часов утра заведующий заводом Пильстрема (180 раб.) известил меня, что работы идут совершенно правильно и спокойно, при полном составе рабочих кроме двух человек, а в $9^1/_2$ час. он уже сообщил по

[1] ГАФКЭ, ф. 299, д. № 46, 1897—1905 гг., лл. 44—46.

телефону, что все рабочие сразу, без всякого шума, бросили работу и, заявив об указанных опасениях, ушли с работы. Чем дальше был расположен завод от железнодорожных мастерских, тем позднее он останавливался.

До 11 часов забастовали заводы: Бергенгейма, товарищества «Бельке, Ремизова и Крутель» (260 рабочих), Пильстрема (180 рабоч.), мастерская Шиманских (42 рабоч.), половина рабочих в слесарно-кузнечной мастерской бр. Игнатовых (120 рабоч.), мастерская фон-Дитмара (25 рабоч.).

Крупнейший из харьковских заводов — Паровозостроительный (3300 рабоч., из них около 400 в ночной смене) начал работу вполне спокойно; в 8 часу утра рабочие стали уходить малыми группами; в 9 часов забастовал машиностроительный цех (480 рабоч.); к 11½ час. оставили работу еще 2 цеха и после обеда на работу не вышел никто; в 11 часов часть рабочих Паровозостроительного завода направилась к Машиностроительному заводу Бельгийского товарищества (530 рабоч.) и, став у ворот, начали кричать, чтобы рабочие завода бросили работу. В то же время отдельная группа людей обошла завод и бросила несколько камней в окна верхнего света модельной мастерской. Рабочие Бельгийского завода сейчас же оставили работу и обратились к директору с заявлениями[1] об угрозах товарищей и с просьбою их отпустить. Просьба эта была заводом уважена. Затем толпа, остановив таким же способом работу на котельном заводе Штейке (40 рабоч.), отправилась к последнему из крупных харьковских механических заводов — к заводу сельско-хозяйственных орудий Гельферих-Саде (445 раб.) и пришла туда к 12 часам. Войска, стоявшие вблизи завода, устрашили толпу и не дали ей подойти к самому заводу Гельфериха, однако рабочие здесь, как и в других местах, ссылаясь на опасение быть побитыми, просили их отпустить, и директор завода разрешил им не выходить после обеда.

Должно заметить, что три последние завода — самые крупные в Харькове — расположены в недалеком друг от друга расстоянии на малозаселенной и слабозастроенной окраине, вне тех частей города, которые охранялись приготовленными войсками, почему движение рабочей толпы между этими заводами происходило сравнительно свободнее, чем в других местах. Толпа эта однажды была рассеяна казаками; ни раненых, ни побитых при этом не оказалось, но 85 человек были арестованы и выпущены лишь на другой день.

В 3 часу дня, с согласия директора, прекратил работу последний значительный механический завод г. Харькова — Трепке (120 рабоч.) и таким образом к 3 часам 11 подчиненных фабричной инспекции заводов не работали и забастовало около 5140 рабочих; присоединяя сюда железнодорожные мастерские, мы получим 12-ть[2] заведений и около 7½ тысяч забастовщиков.

Настроение рабочих в этот первый день беспорядков было вполне мирное и никаких требований, касающихся отношений фабрикантов и рабочих, заявлено не было.

2 мая с утра не работали железнодорожные мастерские, рабочие которых просили освободить задержанных накануне сотоварищей[3], когда же выяснилось, что все те, которые были задержаны накануне, могут быть выпущены, то рабочие мастерских решили с 3 числа стать на работу.

---

[1] 23 рабочих на этом заводе не прекращали работу. (Прим. в подлиннике).

[2] Все 12 заведений, кроме завода Бергенгейма, машиностроительные или кузнечно-слесарные (Прим. в подлиннике).

[3] В общей сумме было задержано 250 рабочих, в том числе около 60 рабочих заводов, подчиненных фабричной инспекции (Прим: в подлиннике).

Так как уже 4 числа все мелкие и средние заводы в Харькове работали, то должно отметить, что из заведений, подведомственных фабричной инспекции, после 1 числа серьезное участие в беспорядках принимали лишь 3 завода: 1) Паровозостроительный, 2) машиностроительный Бельгийского товарищества и 3) сельско-хозяйственных машин Гельферих-Саде. Только этих заводов и будет касаться последующая часть донесения.

2 мая на этих заводах с утра замечалось беспокойное настроение рабочих, при чем на Паровозостроительном вышло на работу около 2200 из 3300, на Бельгийском — 430 из 530 и у Гельфериха 400 из 445. Бельгийский завод забастовал в 8 часов утра. На Паровозном заводе машиностроительный цех, самый беспокойный и хуже других поставленный (480 рабоч., из коих вышло 330), дважды собирался в толпу на дворе, но оба раза удавалось уговорить рабочих стать на работу. Просили рабочие лишь о выпуске арестованных. Группа рабочих из машиностроительного цеха отправилась по другим отделам завода и желала заставить их прекратить работу, но потерпела неудачу. Известие об освобождении задержанных накануне произвело заметное успокоительное действие, и я надеялся, что после обеда завод спокойно пойдет полным ходом, но одно случайное обстоятельство помешало успокоению рабочих 2 мая. Перед послеобеденным гудком часть их (около тысячи) прошла в завод, а часть (1—1½ тысячи) собралась пред воротами завода. В этой толпе замечалось известное число ранее забастовавших рабочих Бельгийского завода, подговаривавших товарищей не выходить на работу. Рабочие колебались, но большая часть проходила в завод. В это время по дороге проходила без офицера полусотня казаков. Мальчишки в толпе начали свистать; было кинуто несколько камней в лошадей; казаки не выдержали и, повернув коней, кинулись на толпу[1]; произошла давка; некоторые получили удары нагайками; некоторые, прижатые к запертым воротам, выломали и повалили их; ударом падающих ворот один рабочий был окровавлен. Этот несчастный случай возбудил толпу; громадное большинство ее уже не пошло на работу и здесь 2 мая после обеда, в первый раз в продолжение этих беспорядков, раздались еще разрозненные и робкие крики о чрезмерной продолжительности рабочего дня, о низких расценках и т. п. Толпа расходилась крайне медленно и из той ее части, которая оставалась дольше всего на месте, я, впервые за 11 лет службы, услышал при стачке отдельные возгласы о желательности разрешения свободного празднования Первого мая, о свободе сходок и о свободе печати. Несмотря на рассказанный случай, около 1700 человек продолжало спокойно работать на заводе до вечернего гудка.

В этот день на заводе Гельфериха после обеда рабочие, столпившись и не предъявляя никаких требований и желаний, колебались идти на работу, но, после долгих уговоров, я увидел, что около 350 человек вошло в мастерские, они спокойно проработали до вечера. 3 мая работы обычным путем начались на всех трех заводах. Дальнейшее же течение беспорядков на каждом из трех больших механических заводов Харькова представляет существенные отличия и будет изложено особо.

I. Завод сельско-хозяйственных машин товарищества Гельферих-Саде (445 раб.)

3 числа рабочие, в числе 370 человек, спокойно работали до завтрака. После завтрака, столпившись перед воротами, они не пошли на

[1] Урядник, ведший полусотню, как мне передавали, уже разжалован (Прим. в подлиннике).

работу. Из толпы были обращены ко мне некоторые требования, которые позднее были формулированы избранными от рабочих лицами и сводятся к следующему.

1) В субботу и под праздники оканчивать работу в 5 часов вместо $5^1/_2$ (что составило бы $9^1/_2$ рабочих часов в день).

2) Расценок повысить.

3) На все работы вывесить расценки.

4) Устранить случающиеся на заводе неправильные подсчеты аккорда.

5) Устранить грубое обращение мастеров.

6) Выдавать перед уплатой заработка подсчитанные книжки за несколько дней до выдачи денег, чтобы все рабочие могли бы проверить расчет до получки.

Выбранным рабочим было указано, что заявления их могут быть расследованы лишь после того, как они станут на работу, при чем объяснено, что первые два их желания не могут быть удовлетворены, а все другие, при тех хороших отношениях, которые на этом заводе существовали между рабочими и хозяином, было бы целесообразнее сообщить фабричной инспекции в обычное время путем заявления отдельных жалоб и претензий. Всем рабочим предложено встать на работу после обеда. Однако после обеда вышло в завод лишь 60 человек, но на другой день утром (4 числа) все рабочие вышли на работу и порядок на заводе более не нарушался.

II. Машиностроительный завод Бельгийского товарищества (530 рабочих)

3 мая завод начал работать почти полным составом рабочих, но в мастерских замечалось беспокойное настроение. Была избрана депутация для переговоров с фабричной инспекцией. Прибывший на завод фабричный инспектор Кончичкин объяснил рабочим, что он может принять избранных рабочих только в том случае, если остальные будут продолжать работу. Весь завод спокойно работал до вечера, выборные же от рабочих заявили следующие претензии.

1) Установить на заводе праздники в дни 9 мая и 6 декабря (св. Николая), так как эти праздники празднуются другими заводами Харькова.

2) Не штрафовать местных рабочих за прогулы в дни перенесения иконы озерянской божьей матери из Харькова в Куряжский монастырь и обратно (22 апреля и 30 сентября). Все четыре упомянутых дня высоко почитаются местным населением и управление завода сразу согласилось удовлетворить эти желания рабочих.

Дальнейшие требования заключались в следующем:

3) Установить 8-часовой рабочий день.

4) Уничтожить штрафование.

5) Расценки повысить.

6) Составить расценки при участии представителя рабочих каждого цеха.

7) Составлять расценки полнее и яснее.

Рабочим было объяснено, что 3, 4, 5 и 6 их заявления не имеют под собой законного основания, а 7 вопрос может быть разобран лишь при обычном течении дел на фабрике.

Хотя завод, как было сказано, доработал 3 мая вполне спокойно, но на другой день 4 мая, вызванный с завода Гельфериха в $6^1/_2$ часов утра, я нашел всех рабочих Бельгийского завода столпившимися на дворе. На работу не шел никто и все требовали удовлетворения части

своих вчерашних претензии, которые были заявлены мне в несколько измененной форме. Желания рабочих сводились к следующему:

1) Уничтожить или по крайней мере понизить штрафование за прогул половины дня.

2) За прогул целого дня штрафовать в размере половины дневного заработка, как то делается на некоторых заводах.

3) Расценки повысить.

4) Расценки составлять в присутствии представителя от рабочих.

5) Расценки составлять яснее и полнее.

Рабочим было вновь объяснено несогласие первых четырех из перечисленных требований с законом и предложено стать на работу. При разговоре с толпой выяснилось, что многие рабочие становиться на работу не желают. Согласованность поведения рабочих различных заводов (о Паровозостроительном заводе см. ниже) давала основание предполагать, что вполне миролюбивое разрешение неудовольствия для всех заводов города Харькова вряд ли возможно.

Майская забастовка рабочих с вечера 2 мая, когда впервые появились заявления об изменении условий работ, перешла уже в стачку. В это время, как мне казалось, было уже необходимо на сравнительно небольшом заводе постараться показать рабочим бесплодность всего их поведения, нарушающее правильное течение промышленной жизни. Это было особенно желательно вследствие того, что в железно-дорожных мастерских, как я накануне узнал из достоверного источника, лицо, имеющее официальное положение, приняло от рабочих заявления о некоторых, выходящих за пределы закона, желаниях их, касающихся сокращения рабочего времени и т. п. В виду того, что заявление это было принято, насколько известно 2 мая, появление на заводах Гельфериха, Бельгийского товарищества, Паровозостроительном (см. ниже) изложенных требований рабочих 3 мая было особенно знаменательно. Приняв в соображение все вышеуказанные обстоятельства, я предложил рабочим Бельгийского завода утром 4 числа немедленно стать на работу; было объявлено, что все те, которые не выйдут на работу 4 числа после обеда, 5 числа утром получат окончательный расчет. На работу не стал никто и 5 числа заводом было расчитано 370 рабочих, а 6 остальные. 8 мая завод начал новый прием рабочих...

III. Паровозостроительный завод Русского паровозостроительного и механического общества (3300 рабочих)

Хотя на Паровозостроительном заводе удалось избегнуть таких решительных мер, как расчет всех рабочих, примененный на заводе Бельгийского товарищества, но нет сомнения, что стачка рабочих именно этого завода должна быть признана с точки зрения фабричной инспекции самой серьезной из харьковских забастовок 1—5 мая. Я позволю себе здесь высказать предположение, что именно расчет рабочих Бельгийского завода подействовал отрезвляющим образом на паровозников и весьма возможно, что без этой так сказать предупредительной меры движение рабочих Паровозостроительного завода приняло бы значительно более широкие размеры. Размеры завода, выяснившаяся для меня во время беспорядков неудовлетворительность организации работ в одном из значительных цехов [1], бестактность администрации завода в отношениях к рабочим и недостаточная внимательность к указаниям инспекции служит основаниями вышеприведенному мнению...

---

[1] Машиностроительный — 480 рабочих.

3 мая (после печального случая с казаками 2-го числа) рабочие вышли в завод в числе 2690 человек (из 2880 дневной смены), утром работали спокойно; в машиностроительном цехе из полного комплекта 480 человек вышло около 340. После обеда этот цех собрался группой во дворе и стал заявлять различные требования помощнику директора Г. К. Зелиху, фабричному инспектору Кошечкину и мне.

Цеху было предложено избрать нескольких лиц для переговоров; рабочие выразили опасение, что избранные депутаты будут уволены; г. Зелих дал им слово, что они уволены не будут.

После нескольких колебаний рабочие выбрали 15 человек, а остальные все стали спокойно на работу и весь завод проработал так до вечера. Приглашенный к объяснению с выборными Г. К. Зелих не пожелал при этом присутствовать, при окончании объяснения присутствовал директор завода П. П. Рицциони, также обещавший выборным, что они не будут удалены. От имени рабочих были заявлены желания, частью касающиеся именно машиностроительного цеха, частью всего завода...[1].

После изложенного объяснения с выборными от рабочих машиностроительного цеха, длившегося более 2-х часов, завод, как уже сказано, спокойно проработал до вечера.

4 мая с утра завод работал спокойно, но вышло на работу рабочих меньше, чем накануне (около 2200 рабоч. против 2690); во время обеда часть рабочих, вероятно опасаясь беспорядков, осталась в мастерских; когда же ушедшие на обед стали возвращаться в завод, то часть рабочих оказала им сопротивление силой: некоторых останавливали криками, некоторых прямо отталкивали из ворот. Хотя немедленно были приняты меры к тому, чтобы проход к воротам оставался свободным, но многие уже не решались идти в завод.

Группа рабочих приблизительно в 200 человек обратилась ко мне с просьбою провести их в завод, но когда она пошла к воротам, остальная толпа, надвинувшись, рассеяла эту группу. В толпе слышались крики о том, что желания, накануне заявленные депутатами, ни в чем не удовлетворены. Произошла свалка, поднялись крики, часть рабочих стала швырять камни, так что я в виду предосторожности просил полицеймейстера вызвать сотню казаков. Но толпа быстро, как бы кем то дисциплинированная, успокоилась и когда через час подошли казаки, все было уже совершенно тихо. Однако рабочие, ранее пришедшие в завод, бросили работу и почти весь рабочий персонал завода, без буйств и криков, остаток дня провел столпившись на улице близ завода. Им было объявлено, что они обязаны в обычное время выйти на работу. В этот же день завод до вечера не работал. На другой день все рабочие вышли на завод и с тех пор обычное течение заводской жизни не было ничем нарушено. Считаю уместным повторить, что успокоение рабочих Паровозостроительного

---

[1] Дальше опускается перечисление требований Паровозостроительного завода, которые сводились к следующим пунктам:

1) В субботу кончать работу в 2 часа.
2) Прекратить принуждения мастеров к выполнению сверхурочных работ.
3) Не штрафовать за опоздание после ночной работы, выполняемой по принуждению мастеров.
4) Уничтожить взыскание за прогул.
5) Не штрафовать за прогулы 1 и 2 мая.
6) Увечных оплачивать из средств завода, а не из штрафного капитала.
7) Повысить расценки.
8) За сдельную работу не оплачивать по поденному заработку.
9) Оплачивать «заделку» мелких неисправностей.
10) Улучшить оборудование и организацию работ в механическом цехе, так как это отражается на заработке, который крайне низок.

завода в известной мере можно приписать с одной стороны — расчету рабочих, произведенному на Бельгийском заводе; в смысле успокоения, конечно, подействовало и особое объявление о воспрещении всяких сборищ, изданное в ночь на 5 мая г. начальником губернии на основании положения об усиленной охране. Что рабочие Паровозного завода на некоторое время действительно успокоились — лучше всего показывает следующий случай: 6 мая г. Рицциони без ведома фабричной инспекции уволил без предупреждения 14 рабочих и в том числе четырех выборных, относительно которых он и его помощник давали за два дня перед тем публичное обещание, что они ни в каком отношении не пострадают.

Когда об этом узнал присутствующий на заводе фабричный инспектор А. Карпов, то он настоял, чтобы этим рабочим, нанятым на срок неопределенный, было бы уплочено за 2 недели; но даже и при этом условии такое поведение администрации завода вызвало бы крупное неудовольствие рабочих, если бы они ранее сего не пришли в действительно спокойное настроение. Хотя упомянутые 4 рабочих были названы директором завода «агитаторами», но никаких определенных фактов, подтверждающих это заявление, приведено не было. В продолжение же дней 1—4 мая он об этих рабочих ничего никому из представителей администрации не говорил. Случай этот,— о котором я имел особое объяснение с г. Рицциони, весьма характерен для отношений, существующих на этом заводе между рабочими и администрацией. Препятствуя в обычное время свободному выражению претензий[1], руководители завода изложенным поступком в высшей степени затруднили на будущее время разъяснение всяких коллективных недоразумений и при забастовках, так как рабочие не пожелают после сего избирать кого-либо для изложения своих претензий инспекции, а самой же инспекции невозможно будет, в виду сказанного, на выборе таких лиц настаивать, объясняться же со всей толпой нельзя. По моему мнению невозможно отрицать, что такое поведение администрации завода: а) затрудняет мирное и спокойное разрешение всяких неудовольствий, б) роняет авторитет администрации завода, г) понижает доверие рабочих как к этой последней, так и к фабричной инспекции.

Старший фабричный инспектор
Харьковской губернии А. Быков.

---

[1] Во время беспорядков были заявления, что рабочих, обращающихся с жалобами к фабричной инспекции, предупреждают об увольнении.

Из истории сношения России с туркменами в XVIII в.

Торговые пути в Среднюю Азию издавна привлекали к себе внимание царизма, стремившегося обеспечить за Россией господствующее положение в торговых сношениях между западом и востоком. Пути эти шли либо сухопутьем через казахские и ногайские степи, либо по Каспийскому морю от Мангишлака до Астрахани.

Однако безопасному следованию торговых караванов из Средней Азии в Россию мешали кочевавшие в степях народы: «хивинские де и бухарские и балховские и индейские торговые люди з большими товары на Русь на Гурьев городок ездить не смеют, потому что де торговым людям бывает шкода и разорение от калмык и от караганских трухменцов грабеж и до смерти побивают и в полон емлют»[1].

Для упрочения за собой путей на восточные рынки необходимо было занять преобладающее положение на перешейке, лежащем между Черным и Каспийским морями, а также на территории занимаемой киргиз-кайсацкими ордами. Значение киргиз-кайсацких орд на торговых путях России с Средней Азией Петр I оценивал так: «хотя де киргиз-кайсацкая орда степной... народ, токмо де ко всем азиатским странам оная орда ключ и врата»[2].

Царское правительство уделяло особое внимание вопросу обеспечения безопасности продвижения торговых караванов в Среднюю Азию через киргиз-кайсацкие степи. В 1763 г. оно заключило специальный договор с киргиз-казахским ханом, по которому «хан всю безопасность идущих сюда на торг и отсюда возвращающихся азиатских купеческих караванов отныне снимает на себя и ежели, паче чаяния, которому каравану когда либо в орде Киргиз-Кайсацкой приключится как препятствие или вред и убыток, за то за все ответственность обязуется он хан сам»[3].

Однако, несмотря на подданство России киргиз-казахов и договоренные отношения их ханов с русским царизмом средне-азиатские торговые караваны нередко подвергались ограблению в киргиз-казахских степях. Поэтому выдвинулась явная необходимость изыскать иные более безопасные торговые пути для русско-средне-азиатской торговли. Более безопасный и близкий путь для средне-азиатской торговли мог лежать Каспийским морем через Мангишлак и далее по восточному побережью Каспийского моря, занимавшемуся туркменскими племенами.

Торговые сношения между Россией и туркменами возникли очень давно. Известно, что астраханские купцы вели торговлю с береговыми туркменами еще в XVII в. Главным торговым пунктом при этом был Тюб-Караганский мыс на Мангишлакском полуострове. Здесь находилась небольшая пристань, куда астраханцы возили морем свои товары.

Еще большее значение сношения с туркменами приобрели в XVIII в. при Петре I, положившем не мало забот об «отворении свободного с товарами пути в Бухары, Бодокшан, в Болх и Индию»[4].

---

[1] МИД, Хив. посольск. кн. № 3, «Статейный список русского посланника Василия Даудова».

[2] «Аму и Узбой», Самара, 1879 г.

[3] ГАФКЭ, Гос. Архив, разр. XVI, дело 5.

[4] Соловьев, т. IV.

Понимая исключительное значение для своего времени водных путей, Петр I обратил особое внимание на их использование и для сношений с востоком. Он даже намеревался использовать с этой целью не только Каспийское море, но и р. Аму-Дарью, повернув ее течение от Аральского моря в прежнее русло.

29 мая 1714 г. Петр дал указ о снаряжении экспедиции в Хиву, а в 1715 году князь Бекович-Черкасский был отправлен на Каспийское море, чтоб осмотрев восточный берег и решить: «правда ли, то, что река Аму-Дарья, произведя свое течение из Бухарии, впадала в то море...»

Бекович узнал, что в туркменской степи есть суходол Куня-Дарья (старая река), который тянется от реки Аму до Каспия. По обеим сторонам суходола видны канавы копаные, старинные жилища, пустые городки «и знатно це в том долу напред сего вода бывала».

В 1716 году, выслушав в Либаве личное донесение Бековича: «что той реки устье знаки в заливе Красноводцком имеются...», Петр вторично послал Бековича с шеститысячным отрядом в Хиву, дав ему наказ построить «над гаваном, где бывало устье реки Аму Дарьи», крепость человек на 1000. Затем ехать в Хиву послом и, осмотрев течение реки и нахождение плотин, если будет возможно, вернуть течение Аму-Дарьи в старое русло, заперев прочие устья, которые идут в Аральское море.

Во вторую свою поездку на Каспийское море Бекович заложил крепости у Тюк-Карагана, у южного конца Красноводского залива и у залива, названного по имени Бековича Александер-бай. В 1717 году Бекович во время похода в Хиву погиб со всем отрядом, а крепости, заложенные им, были разрушены туркменами.

Однако гибель экспедиции Бековича не остановила Петра. В 1722 году Петр, с целью обеспечения русской торговли на берегах Каспийского моря, предпринял поход в Персию. Современник Петра Соймонов, обследовавший восточный берег Каспийского моря и бывший с Петром в Персидском походе, в своем журнале «Описания восточного берега Каспийского моря» [1] пишет, что Петр, укрепляя свои позиции на берегах Каспийского моря, учитывал, что «от Астрабада до Балха и Бодакшана только 12 дней ходу, а там во всей Бухарии, середина всех восточных комерций и тому пути никто помешать не может».

После смерти Петра экспедиции для обследования Каспийского моря продолжали посылаться. Так в 1741 г. к восточному берегу Каспийского моря ездил капитан Тебелев, который был отправлен как бы с торговой целью на судне купца Лопкарева, в 1745 г. ездил капитан Копытовский, в 1764 г. Лодыженский и ряд других оставивших интересные записи о берегах Каспийского моря.

Ниже мы публикуем с некоторыми сокращениями излишних повторений и мелких подробностей путевые журналы капитанов Тебелева и Копытовского, а также переписку Коллегии иностранных дел уже во времена Екатерины II о желательности упрочения торговли через Мангышлак путем устройства там русской крепости, и о методах, которые применил царизм для укрепления своего влияния на туркестанские племена [2].

Публикуемые материалы, дополняя сведения о туркменах, какие уже известны в науке [3], освещают до некоторой степени социальные отношения туркменских племен Закаспия.

Постоянно подвергаясь разорениям со стороны персидских войск, во время нападения Персии на Балх, Бадакшан и Бухару эти племена искали спасения в перемене мест своих кочевий. Так, например, в 1741 г. подданный России калмыцкий хан Дондук Омбо доносил в Коллегию иностранных дел, что вследствие

[1] «Описание Каспийского моря от устья р. Волги, от притока Ярковского, до устья р. Астрабацкой» издана Соймоновым в 1731 г. 2-е издание вышло в 1783 г.

[2] Документов, освещающих сношения Туркмении с царской Россией до XIX в. сохранилось чрезвычайно мало. В ГАФКЭ хранится всего 12 дел, освещающих взаимоотношения Туркмении с Россией в XVIII в., из которых и извлечены публикуемые документы.

[3] См. «Материалы по истории туркмен и Туркмении», изд. Ак. Наук СССР.

наступления персидского шаха Надира на Хиву и Бухару ряд туркменских племен пришел на старые их кочевья Мангишлака [1]. В силу этих обстоятельств, а также испытывая острую нужду в хлебе, эти племена были заинтересованы в налаживании постоянных сношений с Россией, а феодально-родовая верхушка этих племен была даже непрочь вступить в русское подданство, рассчитывая этим путем укрепить свое господствующее положение.

Однако неоднократные просьбы туркменов о принятии их в подданство России не мешали им делать набеги на русские торговые караваны, причем они, не довольствуясь одними товарами, забирали в плен людей, которых потом продавали на рынках Хивы, Бухары и Коканда. Несмотря на то, что туркменские старшины указывали в своих прошениях на желательность построения крепости на Мангишлаке, на самом деле они не проявляли особого желания видеть у себя русские войска, не указывали на берегах Каспийского моря удобные места для построения крепости, даже более, мешали обследованию берега, которое производилось посылаемыми экспедициями из России. Лодыженскому, который объявил, что он ищет места для построения «удобной гавани», туркмены заявили, что они не допустят построения крепости и, мешая производимому обследованию, «стреляли в экспедицию из ружей».

В свою очередь русское правительство оттягивало вопрос о принятии туркменов в подданство, считая, что из этого для России никакой пользы не будет, так как туркмены по мнению царского правительства желали вступить в подданство, ласкаясь быть впредь безопасными от учреждаемой у них крепости, то коль скоро только опасность миновалась бы, конечно в том раскаялись бы и при крепости не остались, но разошлись бы врознь». Поэтому оно решило «прибрать их к рукам без принятия их в подданство».

Для заслуживания «милости» царизма, было предложено им: «С купечеством Астраханским, которое к ним для их же собственной пользы будет в Мангишлак приезжать, поступать ласково и никогда нахальства, обид и непристойностей не чинить. А которые из тех же Астраханских купцов пожелают от Мангишлака с товарами своими ехать в Хиву и в Бухарию оных не токмо свободно пропускать, но и всякое вспоможение чинить». Кроме того туркменам также было предложено всех русских пленных каким бы не было путем попавших к туркменам вернуть в Россию, а во всех несчастных случаях на туркменских берегах оказывать русским людям помощь, и только после проявления действительных доказательств в исполнении предложенных условий туркменами, русский царизм обещал принять их в подданство.

Вместе с тем царизм пытался использовать для подчинения туркмен своему влиянию подвластных ему киргиз-кайсацких ханов. В Мангишлак был послан в качестве туркменского хана «для лучшего над оным народом смотрения» сын киргиз-кайсацкого хана — Нурали. Но окончательно «прибрать к рукам» свободолюбивый туркменский народ русскому царизму удалось только во второй половине XIX в., когда в результате отличавшихся исключительной жестокостью военных экспедиций царских «белых генералов» туркменский народ был окончательно покорен и подвергся жесточайшему колониальному гнету, от которого его освободила лишь Великая Октябрьская социалистическая революция.

В. Разумовская

Из журнала капитана Г. Тебелева, 1741 г. [2]

Месяца июня. 12.— По полуночи в 9 часу прибыли к Мангишлакской пристани и легли на якорь расстоянием от берегу с версту, при которой как на берегу, так и на горах жилищ никаких не обрели. Только пополудни в 7 часу приехали на лошедях к берегу трухменцы

[1] ГАФКЭ, МИД, Туркменские дела, д. № 3.
[2] ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, д. № 4 1741 п.

пять человек и просили лотки, ис которых перевезли на судно четырех человек. Оные о себе объявили, что они мергени, то есть охотники, ездят для битья зверей и у троих были ружья, которые оставили на берегу, а сидят де они в горах от пристани езды один день в пятнадцети кибитках. а о прибытии де судна народ их еще не знает, понеже де сидят в разных местах по горам, а другие живут на островах весьма не в близости, так что езды от берегу по одному и по два и по пяти дней, и оные де трухменцы все старые называемые по месту мангишловцы. А есть де и новые, но малое число, ибо пришедшие от Хивы многие возвратились назад для того, что там им от персицкой стороны обид никаких не чинитца, и несколько ис трухменцов, а более за скудостию пошли в службу персицкую, которым по указу шаха персицкого выдастца жалованье рублев по дватцети и более, и, кроме того, об оных трухменцах известия никакого получить не могли, что они сами объявили; не только о пришедших трухменцах, сколько их было, но и о своих, кто где сидит, не знают, только о прибытии судна обещали дать знать другим улусам, и улус де от улуса известятца, которым, яко первым возшедшим на судно, по прежнему обыкновению купца Лошкарева[1] от прикащика ево дано десеть блюд.

Того ж числа пополудни во 2 часу отправлен был толмач Монастырской с трухменцом Менгилием (который прислан был в Астрахань от их трухменских старшин) в лотке до острова, где кочуют старшины Кинжал-Бахша и Канбарбек, который остров лежит от пристани растоянием в дву милях: точию их на дороге захватил противной ветер, за которым до того острова доехать не могли и возвратились назад...

14 июня.— Пополудни в 9 часу толмач Монастырской и с ним трухменские старшины Кинжал-Бахши и Канбарбек с сыном своим и с трухменцами приехали к берегу, где за поздним временем те старшины с своими трухменцами остались на берегу, а толмач с трухменцом Менгилием приехали на судно.

Объявленной толмач Монастырской, что было ему показано, на то объявил следующее, а именно.

Было ему приказано: по прибытии к старшинам объявить, что, по их прошению, от астраханского губернатора его сиятельства князь Михайла Михайловича Голицына для удовольствия их на продажу с хлебными припасами прислан нарочной и имеет от его сиятельства посланное к ним письмо и чтоб для приему того письма и о возстановлении к покупке хлебных припасов и прочего цены знатные их трухменские старшины приехали б на судно, как и прежде бывало без всякой опасности.

Толмач Монастырской объявил: по прибытии ево в 14 числе по утру к показанному острову виделся он прежде с старшиною Кинжал-Бахшею, а потом ездил с ним и к другому старшине Канбарбеку, которым он, что ему было приказано, объявлял, и потом собиралось трухменцов человек з дватцеть, причем от них старшин посыланной трухменец Менгели объявил, что ему от его сиятельства пожалован кафтан и отпущен со удовольствием, и те старшины тот кафтан за ево труды отдали ему. И собрався, они трухменцы в тот же день поехали с ним толмачом Монастырским на судно.

[Монастырский показал:] о намерении и удовольствии их не точию из их разговоров, но и по всему видно есть, что они всегда желают, дабы к ним хлеб привозили, как и прежде бывало.

---

[1] Лошкарев — астраханский купец, имевший свое судно, на котором отправлял из Астрахани товары для продажи на Мангишлаке.

О множестве их народа, что их есть всех, точно признать не можно, понеже на том острову сидит малое число, но и при старших имеется кибиток у Кинжал-Бахши — четыре, у Канбарбека — три, а кроме того, в разных местах кибитки по две и по три и числом всех признать за великостию острова нельзя, к тому ж оные трухменцы сидят не на одном том острову, но и по другим островам в дальных местах и в горах, а оружие у них, как и прежде бывало, сабли и ружье фитильное, а о точном их пребывании, где они жить желают, познать никак невозможно.

[Было ему приказано:] не имелось ли у них, или ныне не имеется ль, калмыцких посланцов или каких собою приезжих калмык; ежели есть или были калмыцкие посланцы, кто оные и от кого посланы и с каким делом и какие от трухменцов ответы и намерения были или будут?

[Монастырский показал:] о калмыках, что у них прежде бывали ль и ныне имеются ль, о том он доподлинно известиться не мог, однако ж между протчими разговорами некоторых посторонним образом спрашивал о калмыках, как они с ними против прежнего находятся и для торгу они трухменцы к ним или калмыки до них ездят ли? Но в том он получил от них ответ, что они калмык у себя уже давно не видывали и спрашивали его толмача, где они ныне и на котором кряжу сидят? Противу того он толмач сказал: калмыки сидят в тех же местах, где и прежде пребывание свое имели, а более он толмач, будучи тамо, обстоятельного известия получить не мог, понеже уведать вскоре было не чрез кого.

И в тот же день поехали с ним старшины Канбарбек и Кинжал-Бахши и при них вышеобъявленные трухменцы.

Месяца июня.— Пополудни в 6 часу старшины и при них обретающиеся трухменцы прибыли на судно, и, как оные сели, тогда я им по силе данной инструкции пристойным образом, что надлежит, представил и от них на то в ответ получил следующее. А именно.

Было представлено: 1. Посланной ваш трухменец Менгели, по прибытии в Астрахань, г. губернатору его сиятельству князь Михайлу Михайловичу Голицыну объявил, что послан он от вас старшин при другом трухменце Адны Дурды абызе, у которого имелось от вас письмо, но оной Адны Дурды абыз, будучи в пути, от него Менгелия отлучился, а что в том письме было писано, того он не знает, токмо по словесному от вас приказу доносил, что вы старшины с трухменским народом перешли для житья в сие урочище Мангишлак и просите, дабы с русскими по прежнему возобновить торг и для договору в торгу послать к вам нарочного з довольным числом хлеба и протчего. Токмо посланного вашего трухменца Адны Дурды абыза с письмом чрез несколько времяни ожидали, дабы на то ваше письмо удовольствовав, с потребным ответом их к вам возвратить, только тот трухменец не явился, и чтоб время не упустить, уверяясь ево Менгелия словесное от вас прошение, на удовольствие вашего народа на продажу несколько хлебных припасов и протчего отправлено со мною, и вы имеете приказать дать торг, как и прежде обыкновенно бывало. А как оной запас и протчее продастся, прикажите к его сиятельству со мною отправить известие, с каким письмом от вас трухменец Адны Дурды абыз был послан и, что впредь вам потребно будет присылать, о том обстоятельно отпишите, в чем его сиятельство к вящшей вашей пользе возможные способы употребить изволит, а ваш показанной трухменец Менгели отпущен из Астрахани со удовольствием.

И на оное в ответ получено.

В Астрахань мы посылали с письмом просить, чтоб к нам прислано было хлеба, и что его сиятельство ныне прислал к нам нарочного и на

продажу хлеба, за то благодарствуем, только другой от нас посланной куды девался, того де подлинно не знаем, но разве де не заехал ли он в калмыцкие улусы за своею нуждою и там зачем не замедлился ль. А писали де мы в Астрахань о присылке хлебных припасов, хотя судна два или три, понеже приехавших от Хивы при Мангишлове имелось немалое число, и желаем, чтоб и впредь к нам на продажу хлеб привозили, как и прежде бывало. А из Хивы трухменцы к нам в Мангишлов приезжали, когда персицкой шах с своими войсками приходил под Хиву[1]; тогда они, не хотя быть под ево владением, оттуды отошли и пришли в наши места прошедшею осенью и за недостатком в здешних местах воды и корму, сидеть не захотели, понеже у них было скота много; а как настала весна, и трава появилась, тогда пошли возвратно, а где ныне находятся, о том подлинно не знают, а в наших[2] местах осталось малое число, которые сидят между нашими кибитками, а сколько их всех числом, знать невозможно, понеже трухменцы наши сидят по разным местам, а мы де на здешнем месте, имянуемом Мангишлове, живем издавна, назад тому з двести десеть лет, и от самой Енбы кочевьем распростираемся до Тюк-Карагана, переходя с место на место, где кому будет угодно, а протчие, якоже бы старшины Бахши и Канбарбек и другие, сидят на островах для опасности от касак, которые часто, приходя партиями, нападают, как и нынешнею весною случилось, чего ради от трухменцов послано было три партии, которые у кайсак несколько лошадей и ясыря[3] отогнали. Токмо от кайсак была высылка, которая на трухменцов напала, и у остальной партии отогнанных и их трухменских лошадей и ясыря малое число взяли. А ныне недавно они касаки присылали к нам дву человек просить миру о размене ясыря; то де мы во уверение, что того желаем, отдали им ясырей дву человек и приказали, дабы они к нам прислали хороших стариков дву человек, с которыми б могли учинить договор; а как мы были прежде подвласны калмыцкому хану, тогда, с калмыками сообщась, ходили на касак и их разоряли, хотя в то время касаки к нам подъезжали, токмо мы с калмыками от них отпор и достойное отмщение чинили, а ныне нас в здешних местах против прежнего находится малое число и для того имеем от них, касак, опасение.

По окончании оной речи, просили они трухменцы, чтобы им дать торг, тогда я им посланное письмо вручил и представил, чтоб они то письмо, как пристойнее при ком надлежит, прочли и на оное учинили достойной ответ.

Как я усмотрил, что более того разговоров от них не будет, но паче требовали, чтоб в продаже муки договор учинить, а по состоянию их к разговору впредь привести будет не можно и некогда, того ради представил им следующее.

Когда вы бывали напредь сего подвласны калмыцкому хану и от того имея себе пользу, что, сообщась с калмыками, жилищи свои от нападения кайсацкого охраняли и желаете, дабы по прежнему к вам запас хлебной и протчее для ваших нужд на продажу привозили весьма изрядно, и ежели желаете быть под высокою его и. величества[4] всемилостивейшею державою, то, будучи в протекции его и. величества, весьма милостию его и. величества и во всем удовольствии пользоваться можете, того ради мой дружеский совет вам представляю: не лутче ль для такой своей пользы и в чем ваша состоит нужда отправить в Астрахань от себя нарочных кого из старшин человека два или

---

[1] См. стр. 238.
[2] Т. е. на Мангишлаке.
[3] Пленных.
[4] Царя Иоанна Антоновича.

гри, которые б могли его сиятельству о всем обстоятельно донесть и переговорить персонально, что его сиятельство к пользе вашей изволит надлежащим образом доброй способ учинить.

[Старшины отвечали:] мы де, как прежде, так и ныне, всегда состоим под державою его и. величества, как де вы, так и мы, почитаем одного государя российского и оной совет твой очень приемлем за благо, чего ради от себя отправить с прошением нарочного человека доброго готовы; и старшина Канбарбек показал на своего сына, имянуемого Бек Амурата, которой не з большим в тритцеть лет. Мы де отправим ево с прошением, дабы всегда мы находились под высокою его и. величества державою, и впредь бы к нам запас на продажу присылали.

На оное я им еще подтвердил: весьма хорошо, что вы, Канбарбек, хощете сына своего отправить, а еще б не хуже, чтоб с ним из вас старших кто поехал, дабы мог о всех обстоятельствах донесть, и ежели не тех посланных пожелали ехать и к высокому двору его и. величества для всеподданнейшего своего прошения, то его сиятельство изволит со удовольствием отправить при своем доношении, причем всякие способы к лутчей вашей пользе подать изволит, и чрез то ево ходатайство можете получить скорее его и. величества всемилостивейшую милость, нежели иногда похощете чрез калмык просить и домогаться.

[Старшины отвечали:] Сей де ваш совет нам весьма есть на пользу, однако ж де мы между собою о том посоветуем, понеже де еще горские аксакалы или старшины из жилищ своих не бывали, и ведаем де, что у его и. величества милости просить самим лутче, нежели чрез калмык, да и от калмык де давно никого у себя не видали и никакого они нам способа не делают, тако ж и мы им, с того времени, как Аюки хана не стало, и ездить к ним опасаемся от кайсак.

Потом стали просить, чтоб им дать торг, объявляя, что де мы старшины всегда прежде цену накладывали, по которой и продажа чинилась, и стали торговаться с прикащиком и положили променивать на товар, а сколько за каждой мешек и какого товару, тому при сем реэстр, и, по окончании торгу, стали товары свои на мену променивать.

17 [июня].— Пополудни часу в 3 приехали к берегу горские трухменцы и просили от судна лотку, которая отпущена была с покупным запасом. И как на берег пристали, тогда те горские трухменцы с съехавшими с судна учинили драку и лотку задержали, потом на той лотке приехало их человек пятнадцать и как взошли на судно, стали спрашивать: мы де слышели, что из Астрахани прислан нарочной. Тогда я им объявил, что для прошения их прислано со мною на продажу несколько хлебных припасов, понеже от ваших старших и от всего народа был прислан в Астрахань с прошением нарочной и еще стал было им представлять, но оные, не выслушав, стали кричать: кто де посылал, мы не знаем, а когда к нам хлеб привезли, то де нам надобно и цену установить, а не Канбару и Кинжалу, мы де и сами аксакалы. И между собою учинили ссору и драку и старшину Кинжал-Бахшу некоторые стали бить и говорили: ты де не аксакал, но пастух и где де ты живешь, мы не знаем, а мы де здесь живем издавна и пристань наша. Тако ж ссорились и с Канбаром, токмо его бить не дерзнули. И тогда приказал было я до драки их не допущать, то они трухменцы кричали: вам де до того дела нет, что мы ссоримся меж собою, а не с вашими русскими; тако ж того судна лоцман и носовщик объявили мне: у них де между собою при торгу в договоре цены всегда такие ссоры и драки происходят, а наши де русские в тое ссору не вступаютца, и едва я их уговорить мог, и некоторые по-

слушали и стали другпх унимать и сказали: нет де ничего, у нас так водитца.

Июнь 18.— Пополудни в 5 часу приехал з берегу трухменец Бурунчюкова роду Маметь Берды и с ним пять человек, которой объявил: здешнего де места старшины и протчие трухменцы приехали к берегу и послали меня на судно проведать, понеже известно есть, что из Астрахани прислан нарочной с письмом, которому я по содержанию письма в кратких словах объявил, а о присланном со мною письме сказал, что [его] взял старшина Канбарбек. На оное спросил меня, к одному ли ему или ко всем то письмо писано. Объявил я ему: письмо писано к старшинам и ко всему трухменскому народу, а он Канбарбек прибыл на судно с некоторыми старшинами и трухменцами и, взяв письмо, сказал: когда все зберутца старшины, тогда де мы ево прочтем и ответ дадим. На оное тот трухменец сказал: мы де Канбарбека не знаем, он живет на островах, а мы на здешних местах, но как де пристань наша и хотя де он с вами о товаре в цене договорился, не дождався нас, но мы де цену поставим по своему, как и прежде бывало, к тому ж де надлежит против прежнего взять пошлину. Напротиву оного тому сказал, кто у вас из старших главнее, того мы не знаем, а со мною присланы хлебные припасы на продажу для вашей пользы по вашей же прозбе, о чем можете усмотреть ис письма, к вам присланного, потом вы со мною можете, что надлежит, переговорить. На оное тот присланной Маметь Берды сказал: очень де изрядно мы де завтра будем на судно, и, окончив оное, поехал на берег. После того Канбарбек послал на берег же сына своего, который, тамо будучи часа з два, приехал на судно и объявил, что на нас де весьма все осерчали, для чего мы товаром цену прежде их поставили и требуют письма, тако ж что б и отец мой туды ж приехал. Тогда Канбарбек сказал: я де с своими людьми менял на хлеб свой товар, а не их, до чего де им и дела нет, я де сам к ним поеду и осведомлюсь, что они советуют и, приехав на судно, объявлю, и с сыном своим поехал на берег, а возвратно не бывал.

Месяц июнь 19.— По утру приехали на судно старшины Мамет Келды батырь, Ходжа Берды Бахши, Сунгуран Онбеги, Карабатырь, Бачабек и с ним трухменцов с тритцеть человек и, как оные на судне сели, тогда спросили меня: х кому я приехал и письмо привез; на оное я им о всем обстоятельно по содержанию письма учинил представление, как и прежним старшинам, и все то они выслушав, сказали: посла де Менгелия, что он в Астрахани о здешних старшинах не знал донесть, надлежит де наказать, которому, тако ж и Канбарбеку, что он уставил без нас цену уступаем де для вас, элчи, то есть посла. Токмо де мы хлебному запасу цену положим, как прежнея бывала. И стали между собою разговаривать, а у прикащика просить есть. И между тем вступил я с ними в разговор о кайсаках, как они на них трухменцов нападают и разоряют и какие они трухменцы от тех кайсак чинят отпоры. На оное сказали: касаки де к нам по всякой год подбегают и скот отгоняют, иногда и людей наших полонят, понеже де наши трухменцы сидят в разных местах; точию де всегда имеют на Ираклинских горах к Мертвому Култуку караул, и, егда к нашим местам кайсаки собранием приближаться будут, тогда те караульные о том возвестят, и от того кайсацкого нападения трухменцы збираются на высокую гору, которая имеется вглубь здешнего места, и кто сколько может, берут с собою скот, на которой горе кайсаки достать их не могут, токмо остальной скот отгоняют, за которыми, собравшись, трухменцы ездят вслед и скота несколько отбирают и со обоих сторон людей в полон берут, а теперь де у нас на показанном месте караулу нет:

понеже, как услышали о привозе хлеба, все суды к пристани собрались и для того покупкою торопятца...

Стали просить торгу и договаривались с прикащиком и более прежней цены, по чему в прошедших годех поставлена была, не давали, хотя при том прикащик объявлял, что прежние мешки с мукою были меньшой руки, а ныне привезены все большой руки, чего ради и цену положить надлежит больше, и все на него прикащика кричали и ево бранили за то, для чего прежде договорился с Канбарбеком, а другие хотели и бить, только от них же трухменцов не допущены и отбиты. И великой стал быть между ими крик: одни говорят, что насильно товар не отнять, а другие кричат, что мы больше прежнего не дадим и уступать не будем, и стали мне говорить старшины, чтоб прикащик взял цену против прежнего, а буде не уступит, то де мы, хотя и по той цене, как ему надобно, брать станем, но отдай же он нам против прежнего за пристань и за товары пошлины и что дается в почесть аксакалам и деллялом (деллял есть от старших поверенной и при торгу бывает безотлучно и он смотрит, чтоб от трухменской стороны в промене товаров не обижали и в том прикащика охраняет и смотрит же, чтоб ряд был доброй товар, в чем противу их трухменцы мало спорят). И на оное я их спросил, почему они прежде за пристань и за товары пошлину брали и на аксакалов и деллялов давалось. Тогда они показывали на толмача и на татарина Мусу (которой ездит от купца Лошкарева за толмача) что они знают, почему за что давалось. Но они в том знании отперлись и не можно было от их крику с старшинами иметь обстоятельного разговору, понеже все трухменцы и подлые на самих старшин крычат, а они старшины унять их не могут и весьма противитца не смеют. И потом старшины и протчие трухменцы объявили, ежели вам продавать хлеб, то продавайте против прежней цены, а буде по той цене продавать не будите, то б от пристани отъехали. И видя, что оные трухменцы стали цену класть по своей воли и на судне их умножилось, дабы их с судна зжить, сказано им было, чтоб они с судна съехали на берег, а мы счислимся ценою, ежели можно и дальнего убытку не будет, то с ними как возможно в цене договоримся. На то старшины подтвердили: мы де более против прежнего не дадим, а другие кричали, что де вы нас с судна зживаете, либо де вы нас зживете или бы мы вас, и оное я старшинам объявлял, что по всему видно хотят товар брать грабежем, только я до того не допущу, из чего учинитца может драка, лутче зделатца безссорно, а мы приехали не для драки, а привезли хлеб на продажу для вашей и вашего народа пользы. На оное те старшины ответствовали, что де нам с своим народом делать, мы де их унять никак не можем, понеже ни хана, ни салтана над собою не имеют, и все люди вольные...

Напоследок прикащик с ними в цене уговорился против прежнего, а почему при сем реэстр. Только при том выговорено, чтоб ныне против прежнего пошлин не брать, а в почесть старшинам и деллялом по усмотрению дастся. И тотчас, только как договор положили, стали променивать товары, и стали возить муку на берег, а з берегу переезжали на судно на той же лотке трухменцы и впервые переехало человек дватцеть, а в другой ряд одиннатцеть, которых не хотели на судно пустить, но старшины и другие трухменцы представляли, что оные приезжают добрые люди, не пород их знатные и теперь де идет торг, но удержать их никак было невозможно, только мы всегда были во всякой осторожности и многие оставились начевать на судне не для чего иного, но только для того, дабы их кормили и преснюю водою поили, как и в прошедших годех бывало, и того судна лоцман объявил, что во всякой год для оного на судне трухменцов по пятидесят и по штидесят человек бывало...

Месяца июня 22.— Поутру приехали Бурунчуковой да Икдырцовой пород трухменцы и с ымеющимися на судне Обдальцами учинили драку и некоторые нам кричали, для чего мы одним хлеб продаем, а другим продавать не хотим. На то им сказано: кому надлежит купить, сами между собою знаете, а мы по вашей прозбе привезли на продажу хлеб, и, кто хощет, тот и купит. И многие приступали к прикащику, чтоб им продавал, а в то время прикащик достальную проданную муку отпускал. И как их к загородке караульные солдаты допускать не стали, то один трухменец на солдата замахнулся плетью, которого я велел отбить и об оном старшине Мамет Келды батырю представил и сказал, ежели их трухменцы так нагло будут поступать, то я велю, противу того, своим русским давать отпор доброй и, как вы сами видите, что наши русские ничем их не трогают, а куды ходить не велено, не допускают, туды для чего ваши трухменцы усиливаются? И оной старшина того трухменца, которой на салдата замахивался, зашиб плетью раза с три, понеже ево породы и как было видно, что то учинил только для одного своего стыда, понеже после того сказал, мы де и сами в них не вольны.

Месяца июня 23.— Сказывал астраханской юртовской татарин Муса (которой от купца Лошкарева посылается вместо толмача), слышал де он от трухменца старшины Мамет Келды батыря, от брата ево Акбазара, что на пришедших трухменцов к Мангишлову ис Хивы отошли весною возвратно, а имянно дву родов. Этеки и Еммуды и сели подле островов Балханских, а из оных при Мангишлове ж осталось пятьдесят кибиток, и сидят около Карабугазу, да другова роду Риджедти при Мангишлове осталось тридцать кибиток и сидят на месте Акбузах к яицкой стороне, а сколько числом кибиток от Мангишлова отошло, того де он, трухменец, не знает, а к Хиве отошли скудные, а у кого есть довольно скота, те остались близ Балхану. Да он же татарин Муса слышел, что поставленного от персицкого шаха в Хиве хана Аральцы, собравшись с хивинцами, которые при взятье Хивы ушли к ним, с ханства ссадили, а на место ево поставили ханом касацкого хана Булхаира сына ево, и что де над тем поставленым с персицкой стороны ханом зделается, о том знать еще не можно[1]...

Месяца июня 25. Приехал на судно старшина Канбарбек и между разговорами объявил: в Астрахань де письмо и трухменца посылал он от себя, по совету с Кинжал Бахшею и с своими трухменцами, а другие не знали, понеже у нас, как сами видите, народ вольной и между собою несогласной, а тогда ис Хивы пришло трухменцов немалое число, и желали хлеба, того ради он, яко издавна здесь старшей, посылал просить о привозе сюды хлеба, и того для в цене и договор он учинил, за что на него и на протчих с ним будущих при договоре народ их трухменской осерчал, при том же объявил, что он здесь сидит издавна, и в давные лета при оной пристани трухменцов сидело множественное число, но когда их раззоряли касаки и немалое число кибиток полонили, тогда и он к ним попался в полон, токмо не полону ушел в Хиву и, будучи тамо, хивинский хан определил ему место сидеть с трухменцами, только он тамо жить не похотел и пришел в Мангишлов с семью кибитками; потом к нему стали збиратьца по десяти и по сороку и по пятидесят кибиток и собралось было всех с триста кибиток, из которого числа некоторые разошлись к Хиве, а иные взяты касаками в полон, а ныне де Мангишловцов с небольшим двести кибиток, да ис пришедших ис Хивы осталось малое число, и сидят между нашими кибитками, только де здесь наш народ весьма

[1] В 1740 г. персидский шах Надир напал на Хиву, разорив г. Ханки, Надир взял в плен укрывшегося там хан Илбирса. Хивинцы выбрали себе ханом Абул-Хаир хана киргис-кайсацкого.

своевольной, ни на кого не смотрят и не слушают, понеже главного над собою не имеют, чего ради я б де сам поехал в Астрахань с прошением, чтоб нам быть по прежнему под властию у калмыцкого хана и повелено б при здешней пристани зделать ватагу, то есть крепосцу, в которую б с прибывших судов запас и товары выгружать и продавать, и, хотя б де за покупкою что осталось, то б мочные люди все могли купить, и по времени в той ватаге продавать, понеже от касак хлеб в той ватаге содержан будет безопасно. А по прибытии в Астрахань, побывал бы де я и в калмыцких улусех, только б де мне не было какова худова приключения.— На оное я ево спросил, какую ты страсть и от кого быть чаешь? На то он Канбарбек ответствовал, всяко де бывает; напротиву того я ему говорил: напрасно ты так затеваешь мыслить, а ежели какая в дороге или где инде нечаянная на человека придет болезнь или от того приключится и смерть, в том состоит воля божия; а чтобы от нас тебе какое могло произойти худо, того зделаться не может, можно де вам разсудить из всего, что вам всякая и напредь сего от Российской стороны показывана была милость, и никогда вас, здесь живущих в таких пустых местах, не оставляли, и всегда приважживали хлеб и протчее вам на продажу, в чем вы завсегда приобретали себе пользу, а когда вы от Мангишлова разошлись, тогда и привоз хлебу и товаром пресекся, а ныне и паче того милостиво с вами поступлено, не только дождався от вас просительного письма, по поверя и словесному прошению, чрез вашего посланного, по желанию вашему привезли на продажу хлебных припасов, за что вам достойно благодарить и нижайше просить, чтоб впредь то ж было употреблено в пользу вашу, что и всегда в добром довольствии находиться будите. И сие он Канбарбек, выслушав, объявил, что он в Астрахань конечно поедет, понеже и прежде бывал...

Месяца июня 26.—...По полудни во 2 часу приехал на судно бывшего трухменского салтана Сидомета сын Ходжа Ниаз, который еще двадцати трех лет, и при нем из старшин тот Пердей Карды Пердеев сын, которого отец был при помянутом салтане первым человеком, и объявили о себе, что они сидят при Карагане только во 100 кибитках, а протчие их роду, имянуемые Солдырцы, сидят к Балхану в 200 кибитках; а они, услышав, что из Астрахани привезли на продажу хлеб, приехали к пристани в двадцати человеках, только де их здешние трухменцы у покупке не допустили и их ненавидят, того де ради мы от Мангишлова сидим далече и ежели де по указу всемилостивейшего государя его и. величества повелено будет принять нас в свое милостивое защищение, то б де мы из Балхану привели своих людей. И притом помянутой старшина сказал: я б де с нижайшею моею прозбою поехал сам в Астрахань. На оное я им представлял всякими удобвозможными способы, что ежели они желают быть во всемилостивейшей его и. величества протекции и сей способ сыскать похотят, то советую лутче им в том с своею просьбою предупредить и для того б ныне в Астрахань поехали со мною. А его сиятельство чрез свои об них старании в том их не оставит и чрез его сиятельство могут получить скоряя всемилостивейшую его и. величества милость, и в Астрахани будут во всем удовольствованы; на что от упоминаемого старшины в ответ получил: ныне де мне или салтанскому сыну ехать никоим образом невозможно, понеже де мы с своими улусами розбились, а сюды приехали в малолюдстве, ежели ж ево салтанского сына послать одного, еще он человек молодой, не может достойно произвести прозьбы, а буде мне ехать, то опасно, чтоб на разно сидящих наших трухменцов другие здешние нападения и разорения какова не учинили; а мы де теперь до вас пришли спросить и от вас принять совет, но как от вас слышим все доброе, то конечно к весне всеми улусами зберемся и с прозбою поеду

я или хотя и другова пошлем доброго человека,— и указал на сына салтанского — и ево де отпустим, которой тогда и сам сказал, что он того пути не оставит и конечно поедет, только де как к пристани судно приедет, тогда могли б они известиться, чего будут предостерегать...

М-ц июнь 27... В 5-м часу приехали на судно старшины Мамет Келды Батырь, Кара Батырь и Ханса Берды Бахша и Канбарбек... Просили бумаги и чернил, что им и дано, и с общего совета тогда ж написали от себя письмо, которое отдали мне, причем я им говорил: оное письмо написали вы против ли присланного к вам от его сиятельства письма? В ответ на то сказали: мы де обо всем писали и чтоб к нам впредь хлеб присылали.

Ввечеру старшина Канбарбек объявил, что он конечно собрался ехать в Астрахань, только де я с собою за дальностию моего улусу ничего не взял. На оное я ему сказал, хотя у тебя ничего нет, но в дороге от нас ни в чем оставлен не будешь, и по прибытии в Астрахань, во всяком удовольствии будешь находиться.

Месяца июня 28.— Как трухменского народа старшины стали с судна збиратца, тогда им что положено в почесть от прикащика все отдано...

[Старшины говорили:] — мы де писали, чтоб прислать хлебных запасов судна два или три, понеже здесь имелось трухменцов довольное число, вышедших из Хивы, которые весною возвратились назад, а некоторые здесь при Мангишлове остались, и ныне де мы подлинное имеем известие, что ушедшие при приступе к Хиве персицкого шаха Тамас хана хивинские жители к аральцам, сообщаясь с теми аральцами и касаками, выбрали в Хиву ханом касацкого хана Абулхаира сына ево и прибыли к Хиве назад тому два месяца, а поставленной от персицкого шаха хан ушел от них на Акших с несколькими людми (оное место зделано при доме ханском высокое, куды и другие их ханы, когда их хотят низвергнуть, имеют убежище для договору, чтоб ево пустить живова или кто б к нему пристал в партию и выручил, только де оное место могут раззорить или на нем людей голодом изморить) и надеемся де, что новой хан уже действительно вступил, а старова хана конечно достанет, либо де ево отпустят живова или уже уморить, о чем мы ожидаем вскоре вестей...

Посланной от купца Лошкарева вместо толмача астраханской юртовской татарин Муса объявлял, что между де разговорами сказывали ему трухменцы, сколько и которых пород при Мангишлове сидит кибиток. А именно:

На островах породы Обдаловой, кибиток с 50, породы Бурунчуковой, кибиток 57, породы Икдырцовой, кибиток 18.

На горах в разных местах:

К Хивинской дороге от пристани езды 4 дни породы Салдырцовой, кибиток 12.

У Акбугазу между гор от пристани езды три дни породы Беджаджи, кибиток 32.

У Карагаин породы Бурунчюковой, кибиток 15.

К Балхану породы Солдырцев, кибиток 57.

У колодца к аракую породы Икдырцовой кибиток 12.

Итого кибиток 253...

Из журнала капитана В. Копытовского, 1745 г.[1]

Июня 9. Отправился из Астрахани в путь свой к Мангишлацкой пристани на шмаке[2] «Гусе».

[1] ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, д. № 2, 1745 г., лл. 30—67.
[2] Шмак один из тогдашних типов морского судна.

Июля 13. Прибыл к Мангишлаковской пристани всеблагополучно.

1. Того же числа по полуночи в пятом часу послан татарин Муса Утепов и казаков три человека трухменского народа к старшинам, и приказано было объявить им о приезде моем, что прислан я из Астрахани от его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора Василия Никитича Татищева [1] для их надобностей, о чем и имею к ним старшинам от него тайного советника и письмо и для приему того письма и надлежащего им объявления чтоб ко мне приехали без всякой опасности. И приказано ж ему было тако ж и казакам, чтоб между тем у них трухменцов приличным образом секретно наведаться, сколько их числом, в одном и в других мест жительство имеют, как военных, так и имеющих скот и протчего избытка, и присматривать из их разговоров, в каком они состоянии находятся и имеют ли прямое свое намерение и желание быть в подданстве ее императорского величества.

Того ж числа по полуночи восьмом часу усмотрено было с судна, что на берегу людей многи и между теми посланной от меня татарин и казаки стояли у берега и для того послана была яла [2] и по полуночи ж в 10-м часу показанной татарин и казаки привезены на судно, которое объявили.

— Когда де мы выпущены на берег и отошли от того места версты с две или более, и попались нам навстречу трухменцов человек с дватцать и остановили нас и спрашивали, куда вы идете. И мы объявили, что посланы к старшинам для объявления, что пришло судно и на нем прибыл капитан, чтобы они с ним виделись, то де они сказали, что уже де мы ко всем послали о том сказать, что судно пришло, а вам де ходить незачем; хотя де татарин Муса им и говорил, что нам де надобно самим ко всем итти и объявить, токмо не пустили и, посадя на лошадей, привезли с собою к пристани.

Татарин Муса объявил: возвратил де нас Канбарбеков брат двоюродной Баувлет Берды, Карабатыря брат родной Пиржамамбеть да Онбеги Сунгурапа названной сын, которого де все почитают сыном, а как его зовут, того не знаю. И ехавший де дорогой Канбарбеков брат сказывал мне про себя, что жил он при Хиве со всеми своими домашними. И пришло де к Хиве персиян по известию слышно, что около 40 тысяч и от того де страха от Хивы они отошли ко оной пристани, а сколько сих отошло того де не сказал, а другие трухменцы из Мутовщины отошли к Балханским горам, не желая быть у шаха персидского в подданстве, которых де будет более 1000 кибиток; хотя де к ним шах присылал и нарочного персидского хана, обещавая им всякую показывать милость и немалое награждение, чтоб они были у него в подданстве и дали б ему войска, токмо [были] б все [из] знатных, а они де первее думали было и отдать не подлого, а паче не пешего народа, но потом услыхали, что он желает лучших, то де они отказали ему и присылали де сюды в Мангишлов к брату его Канбарбеку, которого просили, чтоб он приехал к ним для совету; к тому ж может ли де он у русских людей исходатайствовать, чтоб де они нас не оставили привозом мукою для пропитания нашего, и, буде может, то и мы де все придем в Мангишлов, а у персидского де шаха быть в подданстве не хотят, потому что они в своих словах весьма непостоянны и верить им не можно, на оное де брат мой только присланному сказал, что он стараться о привозе муки будет, а во оные теплые дни ехать к нам не может, а как будет холоднее, туда приедет.

---

[1] Татищев В. Н. (1686—1750 гг.) — историк. Участвовал во взятии Нарвы, в полтавской битве и в прутской кампании. Впоследствии был начальником уральских горных заводов. В 1741 г.— был назначен в Царицын управляющим Астраханской губ.

[2] Ял — небольшое гребное судно, имеющее два или четыре весла.

Муса же объявил, сказывал де мне трухменец Нефес мерген, что нынешним де летом пойманы были едущие в лодке русские люди, а сколько числом — того не знает, живущими де трухменцами на островах, которые де от тех трухменцов бежали в лодке ж и, будучи близ Караганской пристани, поймали их трухменцы ж и ныне де оные в Игдырском улусе у Баубека батыря, из которых видел он одного русского, у которого на ноге пальцов де нет, да персидской природы мужика да бабу, а более не видал, только слышел, что поймано де их человек семь мужеска и женска полу и когда де я поехал на судно, то говорили де мне Канбарбеков брат, тако ж и Гурбанова роду не весьма из знатных старшина Касим и прочие, чтоб взять их на судно, то де я им сказал, что они подождали, а я де о приезде вашем капитану донесу.

2. Того ж числа во втором на десять часу по полуночи послал ялу для привозу на судно показанных и приказал, чтоб много людей не сажать, а паче смотреть, какого б вреда не учинили, и для того близко к берегу не приставать, а для знания, кого надлежит посадить, послал я татарину Мусу, которые приехали на судно пополудни в начале первого часа и привезли с собою трухменцов десять человек и татарин Муса объявил.

— Из оных де приезжих — имянами старшина Касим да Канбарбеков брат двоюродной Баувлет да Карабатыря брат родной Пиржамамбеть, и оной де Касим говорил, что они, живущие при Мангышлове, с казаками прежде сего имели немалую ссору, а нынешним летом назад тому полтора месяца помирились и по том мире касаки де пригнали к нам на продажу баранов тысечю, которых променивали на один конец бязи барана и по промене поехали обратно, тако ж и не трухменцов наших поехали к ним для торгу, а сколько же числом, не сказал. Притом же и о Хиве говорил... [1].

3. Приказал я спросить: а старой хан хивинской, которой пред сим был, ныне где обретается также умутовские трухменцы, не подданные ль шаховы?

— Касим де объявил: в Хиве де хан еще тот же ханствует, а что ныне тамо делается, о том у нас еще известия нет, а умутовские трухменцы в подданстве у шаха никогда не бывали, и знатно де, не для ль того и присылал, чтоб их к себе в подданство привесть, а ныне де мы нарочно трухменцов своих в Хиву посылаем, для торгу, а более для вестей, что тамо делается. Да он же де Касим с прочими спрашивает, что де он капитан к нам приехал с торгом или де для какого дела?

4. Приказал им объявить, что посылан я из Астрахани от его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора Василья Никитича Татищева для их надобностей. Токмо надлежит вам всем собраться здесь, тогда я присланное со мною от астраханского губернатора письмо вам вручу, тако ж и словесно объявлю. При том же велел объявить, что от меня нынешний день нарочно к ним старшинам посыланы были четыре человека для объявления о приезде моем и о приезде их ко мне, токмо не допустил их Канбарбеков брат Даувлет Берды и возвратил назад, чего ради?

— На что де они сказали, что весьма то хорошо и им приятно, что все будут в собрании и что де ты нам объявишь, то слушать будем, а посланных де ваших возвратили того для, что им итти весьма далеко, а иных де и найти не знают где, а от нас де уже другой день как завидели судно, послано ко всем к ним и надеемся де, что к завтрею соберутся, для того де их и возвратили, а паче де пойдут они горами и ущельями, и чтоб наши трухменцы не учинили им какого вреда, ибо де у нас люди вольные.

[1] Далее повторение того, что было приведено на стр. 211.

А потом по полудни в первом часу свезли оных с судна на берег.

5. Того ж числа пополудни в 5-м часу послан был татарин Муса и казак Григорей Никитин,— понеже он знал разговор по татарски, — к старшинам трухменским в ближней улус, о котором сказывали, что разстоянием более не будет 10 верст, яко для объявления, чтоб собрались все и приехали ко мне, и между тем, чтоб высматривали, что принадлежит против прежнего им приказа, как прежде посланы были, да к тому ж и поименных русских людей, у кого они имянно и много ли их, как мужеска, так и женска полу, разведать подлинно.

Пополудни в 6-м часу возвратились обратно и привезли с собою трухменцов четырех человек.

— Муса объявил, что оной де объявляет о себе, что он старшина Гурбанова рода Айтуду и кочуют де они от Мангышлова к Енбе, езды будет более недели, а прежде сего жили при Мангышлове, только по несогласию между собою отошли и жили близ Хивы тому де уже много лет. А нынешним летом пришло к Хиве персиян 12 тысяч... А нас де отошло от Хивы более 700 кибиток, в том числе и Бузакеева рода аюмутовские отошли более 1000 кибиток[1] в Балхански горы. И мы де все желаем быть лутчее в подданстве ее величества, нежели де нам так бродить. Да он же де Айтуду спрашивает, что де он капитан сюда приехал для торгу или де для какого дела?

6. Приказал им объявить, что послан я из Астрахани от его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора Василья Никитича Татищева для их надобностей, и надлежит им собраться, всем старшинам, тогда я им вручу присланное со мною от астраханского губернатора письмо, також и словесно объявлю.

- Объявил де он Айтуду, что весьма де изрядно, что при всех будет объявлено, и мы де будем на берегу дожидаться и надеемся де, что завтре старшины Канбарбек с протчими сюда будет, а начует де он ныне в ближнем здесь улусе, который недале 10 верст состоит.

Потом в исходе шестого часа оные свезены с судна на берег.

7. Того ж часа татарин Муса и казак Григорей посланы паки в ближней улус, где будет старшина Канбарбек начевать, для разведывания, о чем в первом пункте имянно написано, притом же и наведаться тайно, не были ль из калмыцких улусов от Дондук-Даши[2] зачем калмыки или его владения трухменцы и буде были зачем имянно?

И по отпуске оных усмотрено было, что никого уже трухменцов по берегу нет, то поехал я на берег, взяв с собою солдат шесть человек для осмотру, где б способно построить крепость и ходил от пристани с версту и более, тако ж и на горы всходил, токмо к построению крепости весьма место неспособно: 1) что горы весьма высоки и крутые, а горы все камня мелового и от дождей валятся, ущельев между ими много; 2) пресной воды нет, только между гор против пристани в ущелье один колодез и вода пресная, а более не сыскал. А пристань судам весьма безопасна, а далее было итти для осмотру опасно, к тому ж наступала ночь.

[Июля 14] — 14-го татарин Муса с казаком на судно прибыли и объявили: ночевали де мы в ближнем от пристани улусе, и ночью приехал старшина Канбарбек с прочими старшинами, где и ночевал, но токмо де за ночным временем ни с кем разговоров иметь было нельзя, а наче у них между собою был великой крик в разделе пожитков. Хотя де мы некоторых и спрашивали, что о каких пожитках кричат, только де нам не сказали; и в то ж время приехал брат родной Канбарбеков Егенбек Аталык в дватцети человеках, о двух конь, и сказывали де

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Дондук-Даши — сын старшего сына калмыцкого хана Аюки, Чакдорджаба; управлял калмыками в качестве наместника с 1741—1761 гг.; в звании хана с 1757 г.

нам трухменцы, что отправлен он в Хиву для того, что тамо делается; буде же де все против прежнего благополучно, то хан ведет для подарку одну лошадь, а буде есть смятение, а паче от персиян, то высмотря, где удастся разбить деревню или где на персиян напасть. Притом же де нам сказал один трухменец, что есть де у оного Канбарбекова брата русской человек, которого де везет он для продажи в Хиву, о чем де мы поутру показанному Канбарбекову брату между разговоров говорили, чтоб пожаловал имеющегося у себя русского человека в Хиву не возил, а отдал бы здесь присланному капитану, которой де нам сказал, что оной де русской не украден нами, но пойман к тому же де и он, нас просит, чтоб русским не продавать, а продать бы куда хотим, токмо б не русским. И видели при том мы улусе, что у них ружья очень немало, тако ж есть луки с стрелами, только очень мало у приезжающих трухменцов, а улус только де состоит в трех кибитках, а скота весьма мало; и между разговоров слышели де мы, что и у всех у них скота не очень много, а пропитание де свое имеют более — бьют коз диких, также де и фабрик никаких нет, кроме того что только армяки ткут и более де промышляют своим воровством: ездят в кайсаки и к Персии...

8. 14 июля. Пополуночи в 11 часу кричали с берегу, чтоб прислать к ним татарина Мусу, и видно было, что уже у них много собралось. И потому того ж часу послал я татарина Мусу проведать, все ль собрались, а буде еще не все, то пообождать и сказать, которые приехали, чтоб пообождали других старшин, ибо надлежит при собрании всех отдать им от астраханского губернатора присланное со мною письмо тако ж и словесно объявить для их пользы.

— Муса, приехав на судно, объявил, что собралось де их старшин трех родов: Делинского рода — Канбарбек, Гурбанова рода — Карабатырь, Менгле-ходжина рода Онбеги Сунгуран. И говорил де Канбарбек с товарищи, что нас де приехало здесь трех родов, и мы же де изо всех есть главные, а всех де нам дожидаться будет долго и, ежели де нам не отдаст письма, то конечно де мы поедем обратно. Також и отправленного в Хиву держать здесь не будем, ибо де ему время ехать, а мы де для того его удержали, что и он будет знать и, буде к нашей пользе, то он может и другим трухменским народам о том сказать.

9. Еще послал я татарина Мусу и велел им объявить, чтоб хотя до завтрея подождали для того, что мне велено вручить при собрании всех родов старшин присланное со мною письмо и словесно объявить к вашей общей пользе. Тако ж и Канбарбека приказал просить, чтоб он брату своему русского человека не приказал в Хиву возить, а оставил бы здесь и ежели им потребно будет, то хотя я и выкуп отдам, и как возможно приказал, чтоб их уговаривать, дабы дождались всех старшин, уповая, что тех разговоров послушают.

— Муса, приехав на судно, объявил, что Канбарбек де с товарыщи сказал, что нечего де нам дожидаться, пусть де он тех старшин дождается и тем объявит, а мы де поедем в улусы, и велели де лошадей седлать; тако ж и отправленному в Хиву Канбарбекову брату приказали Егенбеку Аталыку ехать, и оной приказал всем садиться на лошадей. То я де сказал им, что на то сердиться не надобно, но лучше до завтрея подождать, и, буде никто не будет, то уже завтре он вам письмо вручит, но только де все кричат, что не хотим ждать и велели: поезжай де скажи, что конечно мы ждать не станем и уедем в улусы свои.

10. И по тому их объявлению уже принужден был послать за ними ялу для взятия их на судно, опасаяся того, чтоб тем не привесть их в злобу и подлинно б не уехали. Привезены на судно Делинского рода — Канбарбек и при нем братьев родных два: первой — Егенбек

Аталык, другой — Мурат, того же рода Карассаул, Гурбанова рода — Карабатырь, Менгли-Ходжина рода Онбеги — Сунгурап, тако ж родственников и свойственников, как их, так и прочих родов, всего 59 человек и притом говорили.

— Канбарбек де с товарищи говорили: мы де сюда на судно приехали трех родов... и для чего де вы нас сюда призвали, пожалуй нам объяви, а что же де вы велели, чтоб нам пообождать других родов старшин, то мы их дожидаться не будем для того де, почему можем знать, что которой будет или нет, ибо де мы их старшее, а оне нас младшее, и мы де для того, чтоб они ехали, к ним послали сказывать нарочно, а вашим де туда людем, хотя вы и посылали, за дальностью итти нельзя для того, что де у нас люди самовластны, убьют или что учинят, то уже сыскать будет невозможно, а хотя де трех родов здесь старшин и нет, но токмо де есть их родов люди, которые, услыхав, какое есть дело, им скажут.

11. Потом уже объявил им, что послан я от его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора Василья Никитича Татищева к ним старшинам, и прислано со мною письмо, которое им отдал, и, приняв оное Канбарбеков брат, приложил печать к голове своей, и потом подал Канбарбеку; Канбарбек, приняв, распречатал, и просил меня, что нет ли де абыза [1], кому б было прочесть, и велел я посланному со мной абызу письмо им прочесть, которой им и прочел.

— По прочтении письма Канбарбек и прочие при нем говорили, что то писано к ним весьма изрядно и на оном де мы благодарны. А что ж де письмо послали с хивинским посланником [2] по согласию своему, для того де, что он туда едет и нам исходатайствовать по нашему желанию обещал, а что же де не подписались на том письме и печатей или знаков не приложили, для того, что у нас де такого обыкнования прежде сего не бывало и писывали так просто, как и ныне куда надлежит пишем.

12. И на оное их объявление приказал я им объявить, хотя вы чрез хивинского посла прошение свое ко двору ее и. величества [3] отправили для своей пользы, а надобно б вам и прилично самим о себе о бытии вам в подданстве ее и. величества и о зачислении отправить из старшин знатных людей несколько человек, а чрез постороннего владеющего посла ходатайство иметь кажется неприлично. И будучи вы в подданстве ее и. величества, весьма милостию ее императорского величества и во всем удовольствием пользоваться будете и, буде изволите, посылать от себя, то конечно надобно послать из знатных и умных старшин, которые б обо всем, что к вашей пользе принадлежит могли как с астраханским губернатором советовать, а паче у двора ее и. величества свои представлении ясно объявить.

— Канбарбек с прочими объявил, что от нас письмо послано с хивинским посланником для того, что он поехал ко двору ее и. величества и обещал де нам по прошению нашему исходатайствовать, а ныне уже как видим, что ты де прислан от астраханского губернатора и говоришь настоящую правду, и тому мы все верим и отправим от себя из знатных старшин, которые могут с астраханским губернатором советовать, а паче у дворе ее и. величества просить о принятии нас здесь живущих в Мангишлаке в подданство свое. Ибо де наше желание к тому уже немало лет, чтоб быть в подданстве ее и. величества, но токмо не допускало время. А в прошедшие де лета нас здесь было немалое число, и был у Караганской пристани с русскими немалой торг, куда

[1] Мусульманский священник.
[2] Хивинский посол в 1745 г. в Астрахани по просьбе ту[illegible]во о принятии в подданство России.
[3] Елизаветы Петровны.

имели и из Хивы приезжия торговать. Но по несогласию нашему между собою, многие от Мангишлова отошли, которые к Хиве, а другие к Балханским горам; но ныне слыша, что персидское войско пришло к Хиве, то все трухменцы отошли прочь и многие пришли в Мангишлов, а прочие в другие места неподалеку от Мангишлова. И как оные, так и прочие где б они ни были, да услышат, что мы в подданство ее и. величества приняты будем, то все тому рады будут и о принятии в подданство ее и. величества просить не оставят для того, как мы, так и прочие ни у кого еще в подданстве не бывали, а ныне желаем быть в подданстве ее и. величества, и для этого прошения некого из других нам выбирать, мы де поедем сами, старшины Делинского рода я старшина Канбарбек, Гурбанова рода Карабатырь, Менгли-ходжина рода Онбеги Сунгуран и еще де возьмем от четвертого рода, кто приедет.

13. Показанное намерение ваше весьма изрядно и по мнению моему видится, чтобы здесь построить и крепость для того, ежели оная будет полезна: 1) что можете вы во время на вас неприятельского нападения под защищение к ней прибегать и без всякого вреда от оных неприятелей со всеми своими домами укрыться, 2) что российские купцы охотнее и безопаснее к вам для торгу с хлебными запасами и протчим ездить будут, потому что многие российские купцы, не видя здесь к защищению их от неприятеля никакой крепости или оборонительного места, ездить ныне бояться, а когда оная построится, тогда многие охоту ездить к вам с торгом возымеют, отчего вам будет немалая польза.

— Об оном де мы благодарствуем, токмо де у нас у всех о построении крепости желание есть и, как будем у двора ее и. величества, то как де о принятии нас в подданство, тако ж и о построении крепости и о чем принадлежит просить де будем, а чтоб писать на письме, того не надобно, потому что мы главные старшины едем сами, а не других посылаем, да к тому ж де нам и других старшин дожидаться не для чего, ибо де они живут весьма далеко и не можно их дождаться ни в две недели или де оные и вовсе не будут; да в них де нам и нужды нет, когда уже де мы главных родов сами едем и у двора ее и. величества в подданство приняты будем, то тогда де не токмо оные, но и многие придут и будут просить у двора ее и. величества о принятии ж в подданство...

14. ...Потом говорили, что естьли де у вас для нашего народа для продажи как мука, так и прочее и что чего имянно скажи нам и по какой цене, и ты де прислан для торгу ль сюда, или чего другого и, буде что есть, вели продавать и цену невелику держать и как де мы здесь положим цену, по тому вели и продавать, для того де по нашему обыкновению прежде уставливаем цену мы и по уставлении цены всяк уже повинен так и купить безспорно....

17. Приказал я им объявить, что вам уже от меня довольно объявлено, что я прислан не для купечества, но для вашей надобности, о чем и из письма, привезенного мною к вам, которое я вам уже вручил, видеть довольно можете, к тому ж и для ваших нужд имеется муки на продажу сто пятьдесят кулей (а более для того оное число объявил, ибо надлежало оставить для подарка старшинам, ибо и дарить их надлежит тайным образом, дабы никто про то не знал, а буде узнают, то и тех дари, хотя в нем и никакого дела нет, только одно своевольствие).

— То оные де старшины, не справшивая цены, по чему куль, велели де подать один кушак немало ношеной, шелковой с бумагою и говорили, что де много ли за оной кушак даст муки кулей, которой по астраханской цене не более не стоит ценою, как осмидесят копеек.

18. И на оное их объявление приказал им объявить, что прежде конечно надлежит окончать свое прошение, о чем вы просить у двора ее и. в-ва желаете, а потом и о продаже муки цену положим, по скольку надлежит деньгами и по той цене можно, у кого денег нет, и на товар сменять, а оной купак не стоит четвертой части куля...

19. И по тому их прошению [1], а паче видя, что являются склонны, велел отдать муки два куля, при том же приказал говорить им: уведомился де я, что у Канбарбекова брата Егенбека Аталыка есть руской человек, которого он везет для продажи в Хиву, и прошу, чтоб оного в Хиву не возить, а отдать мне; да к тому ж прошу и еще о сыску и других, буде есть, то прикажите ко мне привесть, и ежели то учините, то конечно вам от его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора немалое в приезд ваш благодарение к тому ж и награждение за ваше таковое услужение, а паче у дворе ее и. в-ва, когда будете, похвалу получить можете.

— Канбарбек де с прочими сказали, что де это дело не наше для того, что оной брат мой едет в Хиву и потому у него нам взять нельзя, разве де как сам с вами договорится, а мы бы де весьма тому были рады, чтоб вам отдать, да не слушает и не отдает; потому ж и обычай наш — даром не отдают, что-нибудь надлежит ему за того русского человека отдать. И по тем их словам принужден был покупать и просил тритцети кулей муки, да на кафтан сукна пяти аршин и притом же оной Канбарбеков брат говорил; что я де тому русскому человеку побожился, что его русским людем, тако ж и татаром, не продавать, а продал бы в Хиву или в Бухары, потому что он меня весьма просил; и спрашивал де я его, какой ради причины русским не продавать, то де он мне сказал, будучи в Астрахани учинил смертное убивство, якобы одного калмыка с детьми зарезал, и от того бежал, а мы де оных близь Тюк-Караганской пристани мужеска и женска полу четырех переловили, которые ехали в лодке, и на мой де пай достался показанной русский человек. И говорил; что подлинно де менее двадцати кулей муки да сукна пяти аршин не возьму, и то де я отдаю для того, что мы желаем все быть в подданстве ее и. величества за такую малую цену, а в Хиве де могу взять более ста рублев.

20. И видя я по тем их, старшин, ко мне ответам, принужден муки двадцать кулей отдать из казенной и пять аршин сукна, взяв оное сукно у татарина Мусы, и потом послал на берег, отдав половину муки, взять того русского, которой у них спрятан в ущелье, и по взятии оного и достальное отдал. И по привозе на судно спрашивал я показанного мужика при показанных старшинах, для того им велел его речи переводить, чтоб и они знали. Показал:

— Зовут де меня Иваном Семенов сын Кузнецов, дворовый человек астраханского посацкого человека Лаврентья Иванова. Бежал с женою своею Катериною Степановою дочерью тому уже два месяца. Да бежали ж с нами его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора Василья Никитича Татищева человек его Иван Григорьев, да астраханского жителя Алексея Святова человек Андрей Никитин с женою Прасковеею Ивановою и с сыном Герасимом, которой еще дву месяцов, да Степан, а чей сын и чей человек,— того не знаю, да Александр Петров сын Черняев...

21. Приказал я показанных старшин просить, чтоб как возможно показанных русских людей приказали отыскать и отдать мне...

— Показанные старшины объявили, что мы де весьма о том, как возможно, стараться будем, чтоб тех русских людей выручить и пошлем от себя нарочных в Тюк Карагань и знаем, у кого они.

[1] Старшины просили отпустить им для личной надобности 2 четверти муки.

22. Потом приказал их накормить по их обыкновению: двум человеком блюдо наложа меду с калачем, и между разговорами приказал я говорить им, не могут ли из их трухменцов взяться, чтоб нашего русского человека безвредно могли препроводить до Аральского моря и подле оного до Хивы и обратно в Астрахань его поставить за заплату не хлебных запасов или денег, на чем может договориться со [illegible].

- И на оное де они старшины объявили, что в нынешнее де время послать невозможно, и охотников таковых никак отыскать невозможно, потому что де в Хиву пришло персицкое войско и что ныне тамо делается, того еще мы не знаем и для того де ныне посылаем Канберкекова родного брата Егенбек Аталыка и, как он оттоле возвратится и объявит, что тамо все благополучно, тогда много охотников у нас будет, хотя б и далее показанного места...

25. По полуночи в 9-м часу кричали с берегу, чтоб прислать татарина Мусу, которой и послан:

— По полуночи во 12-м часу, приехав, татарин Муса объявил, что Канбарбек де с прочими трех родов сказал, что когда де он [1] хочет еще других дожидаться, которых ни в месяц не дождется, и в том де нам нужды нет...

И потом говорили скажи де капитану, чтоб к нам прислал муки два куля для того, что нам и людем нашим есть нечего, и завтрешней день будем де к нему. А другие де говорят, чего де нам дожидаться: лучше де домой ехать. А Канбарбек говорит, что только пробудем до завтра. А иные де кричат: зачем де вам с прошением самим ехать, лучше кого послать. А более де всех разбивает им трухменец Мурат Ниаз мулла. И я [2] де, его отозвав, говорил ему, для чего де ты так делаешь, то де он мне сказал, ежели де мне дадите куль муки, то де я вам буду верен и что де надобно, то все сказывать буду; и на то де я ему сказал, что конечно оставлен не будешь, понеже де они его старшины слушают. И будучи я на берегу многих трухменцов спрашивал; что не возмется ль кто русского человека свозить к Аральскому морю, но токмо никого не отыскалось.

26. Пополудни в 1-м часу послал я к ним один куль муки по просьбе их для того, чтоб и за подлинно не уехали и приказал объявить, что прошедшего дня отдано два куля, а как потребно будет и еще пришлю и приказал оному татарину Мусе секретно, дабы никто не видал объявить каждому старшине по пяти кулей муки в презент для того, что ежели одному говорить тихо или отойдя к стороне, да увидит другой, то татарина не отпустят без того, что б у него присяги не взять в том, что он говорил тихо, не сулил ли чего и буде даст присягу, то и поверят, и старшины их от всякого крадучись уносят что ему подарено будет.

— По прибытии татарин Муса объявил мне: как де я приехав на берег и пришел к старшинам и сказал, что прислан один куль муки и говорил, что вчерась отдано два и того будет три, а впредь ежели будет надобно, то и еще пришлется, то все де стали говорить, что де капитан нам смеется, мы де велели два, а он прислал один, а которые де взяли вчерась два меха, то те отдали де мы отправленному от нас в Хиву на дорогу. Потом де я одному старшине, которой ходил по горе, тихо сказал, что капитан де велел сказать, что как свое прошение окончаете и совсем к отъезду будете готовы, тогда подарит вам по пяти кулей муки и как де оной пришел к протчим и стал говорить, о чем де кричите, что прислано, то и хорошо, а всево де с судна за-

---

[1] Капитан Копытовский.
[2] Муса.

брать нельзя, то де все замолчали и потом сказали, что мы де завтре на судно будем и все дело свое окончим.

27. Послал я татарина Мусу на берег для привозу на судно показанного в 25 пункте трухменца Мурат Ниаз муллу, которой и приехал и, взяв я его к себе в каюту и между разговоров обещал ему куль муки; потом спрашивал его, много ли здесь всех родов и кто в тех родах первенство имеет и сколько у каждого рода кибиток или числом людей и все ли вы подлинно желаете быть в подданстве ее и. величества и о построении крепости желают ли, чтоб ее построить ныне, что старшины думают, сами ли с прошением своим желают ехать, или кого посылать хотят, тако ж для чего от трех родов старшин еще и поныне не бывали и надеяться, будут ли они сюды или нет, пожалуй скажи.

— Мурат Ниаз мулла объявил: здесь де всего шесть родов, а имянно по первенству: 1) Делинского рода старшина Канбарбек, оного рода 600 кибиток; 2) Гурбанова рода старшина Карабатырь, оного рода 100 кибиток; 3) Менгли Ходжина рода Онбеги Сунгуран, оного рода 100 кибиток; 4) Угрына рода Шапык Ниаз батырь, оного рода 100 кибиток; 5) Бурунчюкова рода Алибай, только де оного не слушают, а послушны Пир Назар мергеня, который в том роде знатной человек, оного рода 100 кибиток; 6) Икдырова рода Бавбек батырь знатной человек, оного рода 100 кибиток; и надеюся де, что ныне и еще к ним их родов много пришло от Хивы, только де сказать числом еще не знаю, а старшины наши думают, чтоб им самим ехать, а другие де им розбивают, чтоб не ездить, а послать кого других, только де я держу, чтоб им самим ехать и конечно они сами поедут, а других посылать некого. И топерече де приехал к ним и четвертого Угрынского рода Шапык Ниаз батырь и советовал, чтоб самим лучше ехать при том и он де ехать желает же; а в подданстве ее и. величества все быть желают, тако ж и о построении крепости и, буде то по их прошению учинено будет, то ото всех мест, где б трухменский народ ни был, все придут и будут в подданстве для того де, что, кроме России, не откуда пропитания ждать...

28. Еще приказал спросить, не было ль когда у вас присланных из калмыцких улусов от Дондук Даши калмык или его владения трухменцов для какого-нибудь дела; к тому ж трухменской ваш народ какой имеет прибыток и чем промышляют, фабрики ль какие имеют, или весьма много скота имеют и чем прямое свое пропитание имеют.

— Мурат Ниаз мулла объявил де, что из калмыцких улусов от Дундук-Даши калмык и его владения трухменцов никого в присылке не было. Канбарбек де, когда был в Астрахани, то де он, быв в калмыцких улусех, приехал в Мангишлов, а калмык и трухменцов тамошних с ним никаких не было и ни о чем де он не сказывал. А скота де у нас рогатого никого нет, только де лошади, верблюды, бараны и козы есть и то не весьма много; что же де фабрик никаких нет, кроме того, что бабы ткут армяки, а мужеск пол более де довольствуются отъездом для воровства х кайсаком и к Персии, потому что у нас де люди все оружейные, а пропитание имеютболея что бьют по горам коз диких, а что ж де имеются здесь бурмети и бязи, и то все выменивают в Хиве на савры и на прочие товары, у кого каков есть, а болея на полоненой ясырь.

29. 16 июля. Пополуночи во 8-м часу кричали с берегу, чтоб прислать к ним ялу, которая того ж часу и послана, а в 9-м часу приехали на судно вышепомянутые старшины Делинского рода Канбарбек, Гурбанова рода Карабатырь, Менгли Ходжина рода Онбеги Сунгуран, да с ними ж приехал Угрынского рода Шапык Ниаз батырь и при них еще четыре человека.

— По прибытии на судно говорили: мы де вздумали, что самим

нам ехать невозможно для того, что здесь де у нас дела много, а более де для того, что мы, как поедем, то долго проездим, а здесь у нас дело какое будет и без нас некому оного окончать, ибо де мы есть главные, а паче главнее всех Канбарбек и, думав, кого выбрать, послать из других, как де ты нам совет дашь?

30. Приказал я им объявить: в том воля ваша, а мой совет конечно надлежит вам своего слова держаться, а не так, что чрез каждой час переменять, да к тому ж весьма и то непристойно, что от многих пустые разговоры слушать и на то обращаться, ибо вы видете сами из присланного со мною к вам от его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора письма, что вам советуем к лучшему вашему способу, чтоб лучшее послать ко двору ее императорского величества с прошением из старшин знатных и умных людей...

31. Потом же сказали-де они: нечево де более говорить, мы де сами едем и желаем де теперя писать прошение свое ко двору ее императорского величества и вели де своему абызу написать получше тако ж и к губернатору письма... Потом де вторично говорили: пожалуй вели де своему абызу прошение наше, тако ж и письмо написать для того, что у нас знающих писать никого нет.

32. По просьбе оных посланному со мною абызу я приказал прошение от них ко двору ее и. величества о принятии их в подданство и о построении крепости и о протчем, тако ж и письмо к его превосходительству господину тайному советнику и, в каковой силе писать, я ему абызу сказывал и приказал в том прошении имянно написать, спрося их, сколько которого рода кибиток и в них мужеске полу и, написав, прочесть им и потом, чтоб и печати или знаки свои приложили б. К тому ж приказал объявить, что то весьма изрядно, буде то чрез ваше старание показанные русские люди будут отысканы, за что немалое благодарение от его превосходительства г. тайного советника получить можете, о чем и прежде вам объявлял, ибо в том числе есть человек его превосходительства, а о муке велел сказать, что тогда отдастся, когда совсем на судно сядут к отъезду для того, чтоб другие, увидав, не урекали вам.

32. И по написании прошение абыз им читал, то де они сказали все четвера, что весьма де написано изрядно, тако ж и письмо; к тому прошению мы де приложим свои печати и знаки тогда, как привезут нам из улусов наших, а лучше мы де сами поедем и привезем с собою, ибо де у нас есть в улусех дело и, исправя оное, поедем в Астрахань, а для взятья де муки пришлем верблюдов и тогда де возмем, когда де поедем в Астрахань, а сколько де у нас числом людей того мы в прошении своем не написали для того, что мы де и сами за подлинно не знаем, только де знаем, сколько кибиток и в прошении своем написали кибитками ж...

35. Июля 17. Пополуночи в 7-м часу кричали с берега, чтоб прислать ялу, которая того ж часу и послана, и привезен на судно Канбарбек, Карабатырь, Онбеги Сунгуран, Шапык Ниаз батырь и при них пять человек.

— Канбарбек де с товарыщи говорили, что мы де ныне поедем в улусы для того, что у нас есть дело, а более кайсацкой посланник у нас, его надобно отпустить, к тому ж и домашние нужды исправить, а для отъезду в Астрахань приедем, считая с сим днем, в десять дней, а менее де нельзя прибыть. И говорили: мы де теперя посылаем на остров за русскими [пленными]... и надобно де тем хозяевам, у кого русские дать муки кулей по десяти, да нашим де посланным восьми человеком десять кулей.

36. Приказал я им объявить, что то весьма много просят, а по моему

мнению, довольно б за обоих десяти кулей, а посланным вашим восьми человеком и двух кулей.

— Канбарбек де с товарищи сказали: за двух человек, когда более десяти не дает, то уже быть так, а посланным де от нас каждому по одному кулю для того, что весьма им ехать будет далеко, а буде не отдаст, то никто де не поедет и менее де того не возьмут; да говорили ж де они, обещал де нам подарить по пяти кулей муки итого де нам надо для того, что без нас домашним есть будет нечего, чтоб де нам прибавил, хотя причитая ко взятым трем кулям, по семи кулей и тем де мы будем довольны.

37. Видя такие их речи принужден то им обещать и отдать тогда, когда привезут...

38. По полудни в исходе четвертого часа, кричали с берегу, чтоб подать ялу, которая и послана; и приехали на судно, по объявлению татарина Мусы, Бурунчукова роду старшина Алибай да знатной человек Пир Назар мергень, которого де все послушны того рода, а Алибая старшины ни в чем не послушны и при них тридцать два человека. И между разговоров объявил им, что прислан я из Астрахани от его превосходительства г. тайного советника и астраханского губернатора к ним старшинам и прислано со мною письмо, которое я за долговремянным приездом вручил старшинам Канбарбеку, Карабатырю, Онбеги Сунгурану.

— Пир Назар мергень объявил: мы де присланное письмо от астраханского губернатора видели и в подданстве ее и. величества быть всемерно желаем и для того де и прошение свое с хивинским посланником послали, которой де нам обещал исходатайствовать.

39. Хотя вы чрез хивинского посла прошение свое ко двору ее и. величества отправили для своей пользы, а надобно бы и прилично самим от себя о бытии вам в подданстве ее и. величества и о защищении отправить из старшин знатных людей несколько человек, а чрез постороннего владеющего посла ходатайство иметь кажется неприлично.

— Пир Назар мергень объявил, хотя де мы письмо с хивинским посланником и послали, которое было велели ему отдать старшине Канбарбеку, ибо де он в то время был в Астрахане и за незнанием, что прислано будет к нему письмо, приехал в Мангишлов, а письмо у того посланника и осталось, а ныне де уже поедут с прошением ко двору ее и. величества старшины Канбарбек, Карабатырь, Онбеги Сунгуран, Ниаз батырь и мы своим родом им верим, потому что они старшие... Потом говорил де, мы де теперь поедем на берег и, ночевав, завтра еще к вам на судно будем.

По полудни в 6 часу свезены на берег.

44. Июля 19. Пополудни в 9-м часу с берегу кричали, чтоб прислать татарина Мусу, которой на яле и послан и привез с собою старшину Карабатыря да Онбеги Сунгурана да Шаньк Ниаз батыря, которые прежде упомянуты, что едут ко двору ее и. величества с прошением, и между разговоров говорили мне:

— Мы де были в улусе и отпустили возвратно кайсацкого посланника, которой был прислан к нам, тако ж и от трухменцов умутцких, и просили нас оные, чтоб вы их отпустили на судно только де посмотреть и мы просим, пожалуй, вели их сюда перевесть и так же накорми, как нас кормишь.

45. По тому их прошению послал я ялу, взяв от них одного человека и татарина Мусу, и приказал, чтоб много людей не сажать, и опасаться от прочих, чтоб какой не учинили причины, как и прежде было приказано. По полудни в 3-м часу привезены на судно кайсацкой посланник и от трухменцов от умутовских и при них мангишлов-

ских трухменцов восемь человек, в том числе Угрынского рода Мам-беть Бердыбек, которому бекство дано, слышел я, в прошлом году от хивинского хана и притом имел я с ними разговор, что оттуда они приехали и давно ли и до меня какое имеют дело, буде имеют, то б [illegible].

Кайсацкий посланник говорил: я де прислан сюда от Абулхаир хана, а зовут де меня Киат Иншхова рода, для нашего общего дела. Наперель де сего имели мы с трухменцами всегда ссору и друг друга раззоряли, а ныне по согласию помирились и впредь, чтоб ссоры не чинить. А на судно просилися для свидания с вами, а дела де никакого нет. От умутовских трухменцов посланник объявил: прислан де я Мангишлацким старшинам для нашего дела, а зовут де меня Таган и кочевали де мы прежде сего возле Балханских гор и от Хивы недалеко; назад тому будет два месяца, пришло персицкое войско, слышели де мы, что 40 тысяч, а подлинно не знаем; и увидя мы от них нечаянное нападение, отошли в Балханские горы далее, и думаем притти для житья к Мангишлову на старинное свое жилище, а там жить уже не хотим. А ныне что де в Хиве делается, того не знаем, только де слышно, что персидский хан и хивинской живут в Хиве и никакого раззорения нет, только де дожидаются от шаха указа, а о каком деле, того не знаем.

46. Потом приказал я их накормить по их обыкновению медом с сухарями и потом велел свести всех на берег и желал было и еще от них что уведать, да невозможно было, потому что они сами сказали, что время де нам ехать. И как яла отвалила от судна, то кричал с ялы вышеупомяцутой Угрынского рода Мамбеть Бердыбек, угрожая:

— Я де, как приеду к берегу, то де ялу вашу разобью за то, что де муке дорогую цену положили, которую и купить нельзя и мне де в том нужды нет, я де русских людей не боюся.

47. И услыхав я такое ево злое намерение, опасаяся, дабы и за подлинно того не учинилось, видя их вольность, приказал на яле паки к судну пристать и просил вышереченных старшин Карабатыря с товарищи, чтоб остались на судне и показанному Мембетю Бердыбеку, а посланников велел одних свести; и будучи на судне, говорил я Карабатырю и прочим, для чего так оной Мамед Берды говорит и угрожает, разве за то, что в другой раз принят ласково и довольствован равно, как и вы?

— Карабатырь с товарищи сказали: Что де на него смотреть! он де и сам себя не знает, что болтает, и начали между собою бранится.

48. И при той их ссоре приказал я слушать речи, кто что будет говорить, татарину Мусе...

Татарин Муса объявил, что говорил де показанные Карабатырь и Онбеги Сунурган Мамедь Бердыю: Чего де ради ты так русским говоришь, и им угрожаешь, что ты их лодку разобьешь? Ты де знаешь, что они твоих угроз не боятся; и шедши де на судно, из лодки нам говорил, что де за один мешок мы русским людем служим, а ты де от ково доволен да и все де мы от русских довольны, ежели бы де они к нам не присылали муки, то бы отколя себе получили что де, разве от хивинского хана хочешь ты получить или от кайсаков; они де сами хивинцы, как собаки, помирают, а кайсаки от русских же довольны бывают; разве де тово ты не знаешь, как русские сюды муки, когда не приваживали, то ради бы тогда отдать за один куль лошадь, да негде было взять, а когда к нам более будут возить, то мы против прежнего будем жить все здесь вкупе, а ты своим сердцем хочешь угрозить, а русским твое сердце — плюнуть. Напротиву того де Мамедь Берды говорил: ял де разбивать я не говорил, разве де кто на меня

сказал лживо, а что де за одну четверть муки вы русским служите, то и тепере то ж говорю, и вы де их боитесь, а мне де нужды нет. Карабатырь говорил, что де ты отрекаешься тепере, якобы ты не говорил ялу разбить, да вот де и татарин Муса слышел. И при том же сказали ему: мы де с тобой управимся, что ты де, не спрашиваючись нас, принимаешь к себе посланников кайсацких, тако ж ныне принял двух хивинцов, не сказав нам, а мы де здесь старшины, а ты де только тем хвастаешься, что тебя хивинской хан беком, потому и становишься вроде и большим, не ты де больше, много де более тебя есть. А ты бы де хотя и помолчал, а то зачал грозить и всему народу теми своими грозами обиду делаешь. И ежели де услышит народ, что так ты делаешь и русских озлобляешь, то недолго тот час: уходят, не очень де ты семенист[1], только де надежды, что, вас три брата, и думаешь тем и всех в страх привесть. Нет де, русские не испугаются. Мамед Берды де говорил, что хотите то и говорите, а я де русских не боюся и мне де нужды нет...

52. На той же лодке приехало трухменцов двенадцать человек, которых я спрашивал, которого они рода и какие люди и где живут и много ли их кибиток, которые объявили:

— Мы де Бузачиева рода, старшина Менглибай, и при мне знатной человек Шюйш, живем де мы отселе три дни ходу, а пришли мы жить от Хивы тому де будет более месяца для того, что при Хиве жить нам стало трудно без хлеба. К тому ж пришло де туда персицкое войско, а сколько и зачем, того не знаем, то мы и отошли, а паче и для того: знаем, что приваживали сюда русские муку и мы бывали довольны, а пришло де нас кибиток с 300, а ныне приехали сюда для покупки муки... И мы де желаем быть в подданстве ее императорского величества, для того де и от Хивы отошли. И говорили де Карабатырю и Сунгурапу: пожалуйте де и нас не оставьте, когда вам у двора ее и. величества милость показана будет. Карабатырь и Сунгурап говорили: мы де едим просить не для себя одних, но для всех, то оные сказали: мы де им верим и надеемся, что и нас не оставят прошением своим, а печатей де с нами нет, а посылать очень далеко. При том же де говорили Карабатырь и Сунгурап пожалуй де, вели им муки хотя куля три променять, дабы они празны не отъехали и прикажи де их свести на берег, а мы де останемся на судне для того, что де там при нас никто ничего не учинит.

Как три куля выменяли, то свезены на берег на яле.

55. Приказано было на яле матрозу Гавриле Плеханову, которой за квартермистра был в то время, чтоб к берегу близко не приставать и как возвратно поедут, никого в ялу не сажать. Потом оная яла возвратилась и привезли на ней Мамед Бердыбека, которой 19 числа хотел разбить ялу и при нем двух человек, то я оного матроза и гребцов спрашивал, чего ради привез на судно людей, для чего было и приказано, чтоб никого на судно не возить, токмо оный объявил:

Что как де мы прибыли к берегу, то трухменцы вышли из ялы и стали выгружать муку, то оной, выехав в воду, и сел на ялу, то де мы стали говорить, что топеря на судне делать нечего и нам возить никого не велено, то де кричать и бранить и из ялы вон не пошел и еще двух человек с собою посадил и потому, видя его нахальство, опасаясь более спорить, дабы какой причины не учинил, привезли на судно.

56. Приказал оных отвесть на берег и притом говорил им, чтоб с берегу не допускать садиться в ялу, что здесь на судне дела нет, к

---

[1] Так в подлиннике.

тому ж близко вечер, а показанной Мамед Берды остался на судне, сослать силою опасся.

— Карабатырь и Сунгурап говорили: прикажи де нас свести на берег, а завтре де мы поедем в улусы и станем к отъезду убирася, а приедем сюда в пятницу, а прежде де себя пришлем людей и верблюдов, а Мамед Берды не замай, здесь у тебя будет, когда с нами не едет, а оной Мамед Берды говорил де: вы де поезжайте, а я здесь останусь: мне де дело есть.

57. Потом яла прибыла к судну, то велел я Мусе сказать ему, что он для какого дела здесь сидит, чтоб мне объявил.

— Муса сказал, что говорит он: я де приехал муки выменять, для чего де мне не меняют, а вчерась де на меня сказали напрасно, что будто де я говорил ялу разбить и то де все дело Карабатыря, он де на меня сказал, да я де его скоро ухожу.

58. Велел ему сказать, что здесь мука есть, о чем тебе третий раз объявляем, а ты говоришь, что ценна, а мне дешевле отдать нельзя, а буде сыщется у татарина Мусы, то, кроме вас, никому иному променивать не велю и приезжай завтре, а ныне уже поздно и велел свести на берег всех.

И приказал я, кроме гребцов, командировать на ялу солдат еще четырех человек для опасности, дабы какой у берега не учинил причины, и велел далее от людей по берегу пристать, дабы, высадя, скорее отгрести, чтоб люди не успели прибежать к ним на помочь; потом отвезя, возвратились на яле.

— Муса сказал, что он де говорит: пожалуй де, вели, хотя завтре, променять, а я де завтре буду. И по прибытии матроз Гаврила Плеханов да астраханского гарнизона Самарского полку Мулка Илдемирич да казак Григорей Никитин сказали: когда де высадили оного из ялы на берег и поехали прочь от берега, то оной Мамед Берды кричал и бранил и говорил, что уже де вы на берег не ездите, мы де ваше судно и ялу разобьем, а вас де всех перебьем, притом же де более сво грозил и бранил брат его меньшей.

59. Июля 21. Поутру и после обеда и в полдни беспрестанно с берегу кричали татарина Мусу и пополудни в 4-м часу велел я оному татарину с абызом ехать в малой лодке в собственной, которая привезена с собой, и не доезжая так, что из ружья дострелить не можно, только спросить, кто приехал, не Икдыров ли род, и потом ехать обратно. Но как оные стали туда приезжать то пять человек, из ущелья выехав, прибежали к морю и выехав в море, выстрелили по них из ружья.

— Муса, приехав, объявил: как де мы приехали и видилося де мне, расстоянием были не блиско от берега и мнил, что из ружья выстрелом достать не можно, и опрашивал тоже, никого тамо новоприезжих нет, а все кричат: поезжайте де к нам ближе, а я де оным говорил, что ближе ехать незачем, а буде дело есть, говорите. То как де я еще не приехал, то видел, что один на лошади в ущелья поскакал, и видно, что конечно оной караулил, как с судна поедет лодка, то прискакав на пяти лошадях к берегу и кричали, чтоб я к ним приехал, то я поехал скорее назад. И оные, заехав мало повыше по погоде и выехав в море, по нас выстрелили из ружья, и пуля чрех нас перешла, а был Мамет Берды с двумя братьями, а стрелял брат его родной, а как зовут, не знаю.

60. После того время нас паки с берегу кричали до самого вечера, звали к себе татарина Мусу, то приказал я им сказать чрез рупор, что к ним яла до тех пор не будет, пока их старшины соберутся, Канбарбек с товарищи, да и нечего у них делать нам и им у нас.

— Муса объявил, что кричат де с берегу, что тех уже де нет, ко-

торые стреляли, и мы де дадим присягу по своему закону, что тебе ничего не сделаем и то де сделал так бездельник, за всяким де не усмотришь; пожалуй де, к нам приезжай.

62. Июля 23. Пополуночи во 12-м часу приехали с островов трухменцы в лодке семь человек для покупки муки; того ж часу с берегу по погоде приплыл к судну трухменец нагой.

— Муса объявил: оной де трухменец сказал, что прислал де его Бурунчюкова роду Пир Назар мергень сказать, чтоб взять на судно, и они де русским ничего не учинили а учинил, де им обиду не их род и просит, чтоб взять на судно или им отказать...

63. Пополудни в 1-м часу приехали на судно Пир Назар мергень и с ним Эдна-Менгли́ и между разговоров велел я спросить ево, что, где они были и для какого дела на судно приехали?

— Пир Назар мергень сказал, что мы де были в улусе своем, а вчерашнего дни приехали и много кричали, чтоб прислали к нам лодку, только де с судна к нам не прислали, и слышали де мы, что Мамед Берды выстрелил из ружья по вашим людям и он де так сделал очень нехорошо и всему де народу сделал обиду и за то ему, ежели более лодку посылать на берег не будете, то де конечно его убьют.

О деле де нашем что желаем мы быть в подданстве ее и. величества, в своем мы роде между собою советовали и положили, чтоб нам послать от себя особливого, тако ж и прошение написать особое ж, а с Канбарбеком де и с его товарищи вместе написаться не хотим для того, что наш род их роду выше, а они де себя почитают выше напрасно. И ежели де нам не веришь, то вели де спросить людей нашего Бурунчюкова рода.

64. Приказал я им объявить, что, по моему мнению, конечно мне видится надлежит вам прошение свое написать обще и послать со общего ж согласия всех родов старшин кого и сколько выберете, о чем я вам и прежде о том объявлял, а не так как только одного рода́, ибо оное к вашей пользе лучшее и состоит на вашей воле, а мне до выборов ваших дела нет, тако ж и буде ваш род старее, то надлежит же вам говорить о том с ними ж старшинами...

69. Июля 25. Пополудни в 6-м часу приехало много к берегу трухменцов и кричали, чтоб подать ялу, а видно было, что старшины приехали; и послан был татарин Муса в малой лодке для проведывания, что кто приехал и приказано было, буде Канбарбек с товарищи, то пристать к берегу, потом послана будет и яла. И как татарин пристал к берегу, то послана яла и привезли на судно Канбарбека, Карабатыря, Онбеги Сунгурапа да Шапык Ниаз батыря и при них восемь человек трухменцов.

— Канбарбек де с товарищи сказали, что они на судно совсем уже к отъезду приехали и обещанную де муку вели нам свезти на берег, а они де уже с судна не пойдут и по отвозе той муки надлежит итти в путь. При том же де сказали, что беглых русских пяти человек не могли мы выручить, только де уже сказали тем, у кого они, и чтоб их никуда не продавали и, буде они у вас спросятся впредь, да имеется де при нас трухменцов восемь человек, из которых для услуг наших четыре человека, а четыре де, в том числе один мулла, наши ж люди, только для своих нужд в Астрахань, а паче для свидания с родственниками своими едут.

70. По тому их объявлению приказал я отдать муки всем четырем, причитая к четырем четвертям двадцать пять кулей, да трухменцу Мурат Ниаз мулле один куль, которому я обещал, и по отдаче свезли на берег. И при том же между разговоров велел я спросить, что пе-

чати с собою привезли. И притом же объявил: Бурунчукова роду были у меня на судне старшина Алибай и с ним Пир Назар мергень и ...нали они вас дождаться для совету, видились ли они с вами или нет?

— Канбарбек де сказал, что у них с Сунгураном печати есть, а Карабатырь да Шапык Ниаз батырь приложат знаки, ибо де в их ро... печатей нет, при том же де говорили, чтоб до утра подождать для того, что послано от них за кавтаном Канбарбековым и привезут д...рано. При том же де сказали: мы де Бурунчукова рода старшину Алибая видели и Пир Назара мергеня, и оной де Пир Назар сказал нам, что мы де в прошении с вами написаться не хотим и поехали в улус. И говорили, что уже нечего де ждать, никто еще не будет и утре де надлежит итти в путь и когда де мы будем приняты в подданство ее и. величества, то все де будут прилежно просить не токмо они, но и другие, что услышат, то де и придут в подданство.

71. Июля 26. Привезли к ним кафтан и потом был ветер благополучный, пошли в путь свой, потом приказал я говорить, что видится мне здесь для построения крепости способного места нет для того, что пресной воды нет.

— Канбарбек де говорил, мы де место знаем весьма есть способно, которое называется по званию нашему Кара Акын, близ Тюк Карагани, где и воды де много, которая течет из колодезев в море, к тому ж де и пристань судовая безопасная ж и когда де повелено будет построить, то уже де мы сами то место покажем.

72. Июля 27. Стояли на якоре за противным ветром не дошед Тюк Карагани; того ж числа прошение свое ко двору ее и. величества показанные старшины паки абызу, посланному со мною, читать велели, тако ж и письмо к его превосходительству г. тайному советнику и астраханскому губернатору и по прочтении пришли ко мне в каюту и приложили печати и знаки.

Потом приказал объявить им, что я у себя имею, то довольствовать буду, а чтоб здесь на судне печи хлебы или калачей, того невозможно, потому что пшеничной муки со мною не имеется, а паче всего, что командир судна объявил мне, что де на судне печь хлебов невозможно: 1) опасности ради от пожара, 2) что весьма печь худа и мала и для того довольствия их старшин отдали им одного барана да, взяв под образом займа у штюрмана Павла Лебедева его собственных сухарей три пуда, отдал на довольствие их служителям.

— Татарин Муса объявил: Канбарбек де с товарищи говорит, что де у нас собственного для пропитания нашего ничего с нами не имеется, и чтоб де нас капитан довольствовал и велел бы де про нас печи хлебы и калачи. Потом де объявил ежели де печи калачей и хлебов нельзя, то хотя де велите дать людем нашим сухарей, чтоб оные были довольны.

73. Потом приказал я спросить Канбарбека, что прежде сего слышал я от него о Хиве, что пришло к ней персицкое войско, а для чего и много ли сво, тогда не сказал, а обещал сказать, будучи в пути, чего для я ныне припомнил; ежели можно, чтоб пожаловал объявил.

— Татарин Муса сказал: Канбарбек де объявил, что к Хиве де пришло войско персицкое, а сказывают бутто тритцать тысяч и оное де войско подлинно пришло не для раззорения Хивы, но для де трухменского народа, чтоб оных привесть в подданство, ибо де в прошлом году, живущие трухмены около Хивы стали противу хивинцов усиливаться во всяких поступках, и мы были несклонны, то де один хивинец ушел из Хивы к шаху и сказал ему, чтоб он прислал туда свое войско, то можно де всех трухменцов привесть в подданство: потому де оное войско и прислано. И умутовские трухменцы приходу того

войска не знали и, как пришло то войско, нечаянно напали, и великая де у них между собою учинилась баталия, на которой много трухменцов побито, а трухменцы де вдвое более персиян побили и отошли в горы. И потом присылали де к ним посланника с дарами, чтоб они были у шаха в подданстве, но оные де им отказали и присылали ко мне посланца, чтоб просить у русских о привозе муки на продажу, то и они придут жить в Мангишлов, которого де я отпустил обратно и обнадежил их, что подлинно исходатайствовать могу; а потом де от них уже другой прислан, которой де был у вас и на судне, то де я оного отправил паки обратно к ним. При том же де и сына своего послал с тем, чтоб они все пришли к Мангишлаку, а о себе велел объявить, что я сам для себя и для них поехал ко двору ее и. величества просить о принятии нас в подданство и обещал им, как де буду в Астрахань, то де конечно у астраханского губернатора просить буду, чтоб одно судно послать для продажи муки в Мангишлов, и тому де они конечно поверят и будут в Мангишлов, только де того весьма жаль, что де мы долго в пути продолжимся.

74. На оное приказал я им объявить: ежели ветер будет благополучной, то конечно прибытием не замедлим.

— Муса объявил: Канбарбек де говорит, ежели де мы приедем к берегу, то б де нас уже с судна снять надобно долой и посадить на лодки, в которых де можем скоряе дойти до Астрахани для того, чтоб в приезд наш скорея по просьбе нашей отправили судно в Мангишлов с мукою для продажи, чтоб де все вновь пришедшие умутовские трухменцы, тако ж и другие, удовольствоваться тем могли, ибо де они конечно уже надеяся на обнадеживание наше, не замедля придут...

83. Августа 11. Прибыли к Блиновой ватаге, где стоял с лодкой посланной из Астрахани солдат Иван Муковнин и привез с собою двух баранов и сто чюреков. И велел я им старшинам отдать одного барана да чюреков 50, то того ж часу убив, сварили и пообедав, пошли в путь.

Того ж числа по полудни в 6-м часу прибыли в Астрахань все благополучно и поставил оных на квартиры и отдал другого барана и чюреки.

Из Выписки о трухменцах, 21 февраля 1746 г.[1]

Прошлого 1741 года февраля от 13 бывшей калмыцкой хан Дондук Омбо[2] к бывшему ж генералу адмиралу графу Остерману[3] писал.

Что напред сего бывшие у деда и отца его ханского в подданстве трухменцы между собою воз'имели ссору и пришли в несогласие, на которых тогда киргиз касаки нападали и многих разорили, а оставшие на прежнем их месте уже жить не могли и отошли к Хиве.

И получил он хан, чрез бывших людей его в Хиве, известие, что прошлою осенью во время взятья персицким шахом Бухарии и Хивы, бывшие при Балхе, Балкшане и Бухарии трухменцы все, собравшись с 300 тысяч кибиток и желая иметь жительство с калмыцкими трухменцами на прежних своих местах и с калмыками соединиться, отошли и передние из них пришли на Мангышлак и знатные из них старшина тем его ханским в Хиве бывшим людем приказывали его хана поздравить и причем объявить, что когда они для жительства своего изберут удобное место и тогда пришлют к нему хану со уведомлением знатного человека, и что ежели он хан им трухменцам у

[1] ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, № 3, опись № 219, 1741—46 гг., лл. 1—20.

[2] Дондук Омбо, внук калмыцкого хана Аюки, в 1735 г. был назначен главным управителем калмыцкого народа; в 1736 г., за услуги, оказанные царскому правительству во время турецкой войны, получил грамоту на ханское достоинство.

[3] Остерман стоял во главе Коллегии иностранных дел.

ее и. величества исходатайствовал им, чтоб прислано было к ним для продажи на 4 или на 5-ти стах судах муки, ибо они люди не кочевные и обыкли к хлебу и где хлебных мест нет, там они жительства иметь не могут. И представлял он хан, чтоб о том послать в Астрахань указ, дабы оттуда весною того 1741 года для вспомоществования им отправить к ним купечество.

И на оное хана Дондук Омбы представление, по определению бывших кабинетных министров, от 21 марта к нему хану от Остермана писано.

Что сие дело, чтоб к тем трухменцам ехать с торгом, состоит в воле купечества. Того ради послан указ к астраханскому губернатору князю Голицыну, чтоб он о том велел объявить тамошнему астраханскому купечеству, дабы из оных охочие люди с хлебом и с другими товары туда ехали.

А елико принадлежит до желания тех трухменцов о искании высочайшей ее императорского величества протекции, и о сем, когда их будет формальное прошение, то тогда по усмотрению их состояния и резолюция воспоследовать может.

А в указе от того ж числа к астраханскому губернатору князю Голицыну писано.

Чтоб ему губернатору осведомиться, как напреж сего в те места, где те трухменцы бывали, хлеб отпускиван был и чтоб ему в том поступить по прежним обыкновениям и по его усмотрению и сперва отправить туда для пробы с мукою и с другим хлебом хотя небольшое число и притом послать кого под претекстом купечества искусного человека и велеть оному удобвозможным образом разведать о множестве того народа, и военной ли оной, и какое оружие имеет, а особливо, в каком состоянии и намерении находится, и где прямо свое пребывание иметь желает, и когда он губернатор в том усмотрит пользу интересов ее и. величества, в таком случае и еще к ним с хлебом послать, и несколько человек из них знатных призвать ему к себе и со оными пространнее переговорить и милостью ее и. величества обнадежить, и, когда усмотрит пристойность, то может говорить им от себя, чтоб они для всеподданнейшего прошения высочайшей ее и. величества протекции отправили кого из себя знатных старшин ко двору ее и. величества и, тако приласкав, на отпуске может чем пристойным и подарить, да и в бытность их в Астрахани квартирою и кормом удовольствовать и тем подать им случай, дабы они и мимо калмыцкого хана о всем к нему губернатору адресовались. И когда от них нарочные посланцы будут сюда отправлены, и ему губернатору оных, удовольствуя кормовыми и прочим, сюда отправить, а хану Дондук Омбе о купечестве, ежели б он стал от него губернатора требовать известия, объявлять так, как к нему хану отсюда писано, что все положено на собственное его губернатора рассмотрение.

И от 28 августа того ж 1741 года оной губернатор князь Голицын в коллегию иностранных дел доносил: что по силе того указа посылал он к Мангышлаку к трухменцам, под претекстом купечества, астраханского гарнизона капитана Гаврилу Тебелева на одном судне с запасом и велено ему, тамо будучи, о всем надлежащем наведываться и оной капитан Тебелев на том же судне оттоль в Астрахань возвратился и о бытности его тамо подал ему губернатору журнал, из которого усмотрено, что трухменцев находится тамо по островам и по горам в разных местах только 253 кибитки...

А 1745 года маия от 13 числа бывшей в Астрахани губернатор тайный советник Татищев доносил: что приехавшей в Астрахань из Хивы

посол Аджи Могамед Ахун мулла Турсунов объявил ему словесно, яко в бытность его при Мангишлакской пристани от кочующих во оном месте трухменцов шести родов старшин поручена ему комиссия о исходатайствовании при дворе ее и. величества о принятии их трухменцов в подданство российское и для их бы защищения во оном месте построить город, причем объявил от них старшин письмо на имя ее и. величества, но у оного их письма, как обыкновенно бывает, печатей нет, й о построении города в прошении их не написано.

И потому по силе указа от 21 марта 1741 года для подлинного об оном осведомления и сколько их числом, как военных, так имеющих скота и прочего избытка и о сущем их трухменцов желании подданства Российского отправил он тайный советник на морском судне астраханского гарнизона капитана Копытовского и муки ржаной казенной до 200 кулей и велел он тайный советник: естли сущее имеют они трухменцы желание подданства ее и. величества, то б написали обо всем к ее и. величеству свое прошение обстоятельно и свои печати приложили и с тем отправили б из старшин и знатных людей несколько человек, к чему всячески со обнадеживанием их склонить и буде к тому склонятся, то из оной посланной из Астрахани муки подарить им старшинам мешков по 5 или более, по усмотрению обстоятельства, а естли не склонятся, то оную муку продать или променять. И при том его доношении с письма подлинного хивинским послом приложена копия, а во оной написано.

Ее и. величества раби, живущие при Мангышлаке, трухменские старшины Делинского роду Канбарбек, Менгли-ходжинского роду Сунгуран Озбек, Атранского роду Мембеть Бердыбек, Гурбанского рода Карабатыр, Бурунчукского рода Алибай и Шидирского рода Баубек Батыр, мы вышеписанные вашего и. величества раби и с Мангишлакскою землею желаем быть рабами и в подданстве вашего и. величества, чего ради сие наше прошение написав хивинскому послу мулле Аджи Могомеду вручили, дабы оное до вашего и. величества дошло.

Того ж 1745 года июля от 22 подполковник Спицын в коллегию доносил.

Что того июля 20 дня наместник ханства калмыцкого Дондук-Даши присылал к нему прикочевавших в подданство ее и. величества в 30 кибитках трухменцов мужеска 52 и женска пола 49 человек, которые отправлены были от коменданта Гурьева Яицкого городка под конвоем капрала и двух салдат, и из оных трухменцов один старшина, называемой Новот, при разговорех о себе объявил, что прежде сего, когда Хива и Бухария и протчие тамошние орды вступили в подданство шаха персидского, и тогда они трухменцы к нему шаху в подданство не пожелали и для того определено было над ними от шаха шесть ханов, которые им, трухменцам, многие обиды причинили, но они, трухменцы, не стерпя того, учинились им противны и убили первого хана, за что уже шах персицкий приказал собрать войски тамошних орд и свои персицкие и итти для разорения их трухменских орд. И был у них бой чрез целые сутки, и убили они, трухменцы, еще ево ж шаховских знатных трех ханов и, видя на себя такое нападение, пошли на побег с 10 тысяч кибиток по разным местам в урочище Казыл Джеиргын, а он, Новот, прикочевал в подданство российское, потому что имеются при помянутом наместнике ханства свойственники его трухменцы ж Эрке батыр и прочие, а в Астрахань они трухменцы не кочевали за тем, что они за продолжением в пути пришли в самое убожество и все свои кибитки разбросали, а для объявления о себе послали в Астрахань из старшин двух человек.

При том оного подполковника Спицына доношении прислано от наместника ханства Дондук-Даши письмо, в котором в коллегию ино-

странных дел написано: что древние их трухменцы, отошедшие в Хиву, ныне с хивинцами, также и с персиянами, учиня междоусобие, перешли оттуда на старое их жилище, называемое Мангышлак, откуда из тех трухменцов пришло к нему наместнику ханства 30 кибиток, и объявили о себе, что они пришли по вышеписанной причине и памятуя древнее их жилище и владельца их, и что, и окроме их, многие желают в калмыцкие улусы притти, токмо в переходе их имеют опасение от касак, причем он наместник ханства представлял, что хотя б он наместник при таком их желании и посланца своего мог к ним отправить и их к себе перезвать, но опасен того, чтоб Татищев и еще какого оклеветания не учинил и для того на сие ожидает указа. И ежели оных трухменцов в том будет правда, то, как пришедшие из них сказывают, что ежели при нынешнем случае ему наместнику послать к ним от себя человека, то оных трухменцов до 10 тысяч кибиток притти могут...

В Коллегию иностранных дел тайной советник Татищев доносил: от 21 июля: что из вышеписанных трухменцов 30 кибиток 2 татарина и с ними данные от гурьевского коменданта для препровождения их до Астрахани троя солдат в Астрахани показали, что оные татара с женами и с детьми и со скотом ехали, по их желанию, для житья в Астрахань, но на пути их перехватили высланные из калмыцких улусов от наместника ханства калмыки и владения его трухменцы и загнали их неволею к нему наместнику в улусы, где и поныне имеются, и представляет он тайный советник, что хотя оных татар от наместника требовал присылки в Астрахань, однако ж мнит, что он наместник ко удержанию их у себя будет отговорки употреблять и в Астрахань их не отпустит.

А по мнению его тайного советника есть ли оных ныне пришедших и впредь выходящих от Хивы и от Мангышлака татар оставить в калмыцких улусех, то от оных не токмо государственной пользы не будет, но могут оные еще пакости причинять и бегать на Кубань, и для того не повелено ль будет об отдаче оных татар к нему, наместнику ханства, послать грамоту.

От 21 августа [1], что посыланной от него для разведования к живущим при Мангышлакской пристани трухменцам капитан Копытовской оттуда возвратился, и трухменцы прислали с ним для прошения у двора ее и. величества о принятии их в подданство старшин и служителей. А что в бытность оного капитана Копытовского тамо происходило, подал он журнал, а старшины трухменские за своими печатьми и знаки прошение, с которых он тайный советник в коллегию прислал копии, а их трухменских четырех старшин, с толиким же числом служителей, с дачею им в дорогу подвод и кормовых денег отправил сюда, а для удовольствия в Мангышлаке трухменцов по прошению их приказал он тайный советник отправить откупщику Лошкареву с мукою одно морское судно.

А о перенятых на пути трухменцах, ушедших от Хивы, наместник ханства калмыцкого Дондук-Даши подполковнику Спицыну ответствовал, яко шли они не в Астрахань, но к нему наместнику для родственников своих, которые издревле у него находятся, и для того он наместник ханства без указу отдать их намерения не имеет...

А в прошении тех Мангышлакских старшин, поданном тайному советнику Татищеву, написано: что они старшины приехали в Астрахань, уповая от ее, и. величества получить себе неизреченную и высочайшую милость о принятии их в подданство всероссийское, а их состоит 4 рода, у каждого имеется по 600 кибиток с подлыми людьми,

---

[1] [illegible] другом донесении Татищева в коллегию, от 21 августа 1745 г.

и для того просят о принятии их в подданство и в верности к службе по их закону чрез куран должны учинить присягу и при том же от ее и. величества просят позволения в построении при Мангышлакской пристани города и во оном бы определить российского доброго командира и чтоб позволено было российским подданным купцам со всякими товары и съестными припасами к ним ездить и торговать; а когда слух подастся, что при оной пристани построен город, то тогда для оного могут и прочие вдали живущие трухменцы весьма желательно притти в подданство, понеже оных множественное число имеется.

Того ж 1745 года ноября от 28 дня действительный камергер и астраханский губернатор Брылкин доносил, что посыланный прежним губернатором Татищевым к Мангышлаку с мукою штурман Лебедев[1] возвратился.

А в бытность его при Мангышлаке приплыли к судну его, бежавшие от трухменцов, российской человек Никита Аристов, а на другой день женка Катерина Степанова, которые им и на судно приняты.

К нему ж Лебедеву на судно приезжающие трухменцы сказывали, что прибыл от Хивы минувшим летом для житья к Мангышлакской пристани Бузачинской род в 1000 кибитках, которые желают быть в подданстве ее и. величества и по их прошению написано и привезено оным штурманом о том письмо к губернатору астраханскому на русском диалекте, которое им чрез толмача чтено, и к тому письму приложили они печати и знаки.

А в приложенных при том губернатора Брылкина доношении копиях написано.

Хивинской хан Абулгазы Илбарсов к губернатору астраханскому, между другим, от 7 августа 1745 года писал:

Живущие в нашем Хурузимском ханстве трухменцы народу нашему учинили немалое беспокойство, чего ради принужден я, не стерпя от них того беспокойства, представить его шахову величеству персидскому, по которому моему представлению его величество, показывая ко мне высочайшую милость, на вспоможение для усмирения оных прислал конное войско под главною командою племянника своего и из тех трухменцов некоторые побеждены, а другие ушли к Балханским горам, после чего нашего ханства подданные люди остались в покое.

При сем же объявляю, [что] наше Хуразимское ханство доныне с Российским государством, продолжая со обоих сторон купечество, в дружбе находились, чего для и ныне чрез сие прошу, чтоб как посольство, так и купечество, получая со обоих сторон пользу, лучшее прежнего продолжалось.

По получении сего изволите приказать, чтоб как с вашей стороны купцам отпуск, так и с нашей стороны приезжающим с товаром пропуск чинен был невозбранно.

Того ж 1745 года ноября 22 дня прибывший из Хивы хивинской татарин Ниаз Мет по разговорам губернатору Брылкину объявил следующее.

Что когда в прошедших годах, назад тому лет с пять, Хивою овладел персицкой шах, то нынешнего хана Абулгазы отца Илбарс хана умертвил и на его место ханом пожаловал оного его Илбарс хана сына Абулгазы, и с того времени и поныне состоит в его шаховой протекции, токмо от податей всяких, подлежащих ему шаху, он уволен и в прошедшем году, кочующие около Хивы трухменцы, имянуемые текеемудмутцы, екдерцы, чавдырцы, арбачинцы и пеллячинцы взбун-

[1] [illegible] Лебедев ездил с капитаном Копытовским в 1[illegible] к восточному [illegible] моря. Журнал его плавания хранится в [illegible] в «Туркмен[illegible]».

товали и около Хивы деревни разорили и пожгли, а людей старых порубили, молодых мужеска и женска полу полонили и город Хива от них во осаде была 8 месяцов и никому из города Хивы выезду не было, однако ж хивинской хан Абулгазы тайно к персидскому шаху с прошением посылал нарочных людей, дабы его и город Хиву от них противных трухменцов оборонить, почему оной персицкой шах минувшего лета прислал в Хиву своего племянника Али-Гули хана, которой в Хурасани губернатором, в 30 тысячах военных людей и тех трухменцов некоторых до смерти побили, а других четырех родов Акдерова, Деавдерова, Аарбачиева и Неллячиева в принадлежащее к Бухарам местечко, имянуемое Джаарягу, отвели и в оном их поселили и взяли из них в службу персидскую выбранных людей 400 человек, а другие трухменцы такеемутцы отошли к берегам Каспийского моря к Балханским горам, где и поныне живут.

Тот шахов племянник Али-Гули хан при Хиве был месяцов с 8 и при возвращении своем по прежнему в Персию, оставил у хивинского хана из персицкого войска 6 000 человек, чтоб оным войском у тех отшедших к Балхану трухменцов взять в службу выбранных же людей 400 человек, а достальных для житья перевесть в Хурасан. А в бытность его Ниаз Метя у Каспийского моря в урочище Мангишлаке трухменцы Мангишлакские сказывали ему, яко вышеупомянутые отшедшие к Балхану трухменцы в персидскую службу 400 человек уже дали, с которыми оставшее в Хиве персицкое войско 6 000 человек возвратились в Персию, а те, такаемутцы, жительством остались при Балханских горах.

Того ж ноября 23 дня хивинской посол Аджи Могамед Ахун мулла Турсунов, в бытность его у губернатора Брылкина, между прочими разговорами ему объявил: что их хивинской хан Абулгазы по прежним обыкновениям отправил его ко двору ее и. величества с поздравительным листом о восшествии на Всероссийский престол ее и. величества и притом просит, чтоб против прежнего для купечества посыланы были в Хиву с товары купецкие караваны, также и из Хивы в Россию чрез Мангышлакскую пристань, от которой де пристани оные караваны до Хивы и оттоль обратно препровождаемы будут данным от оного хивинского хана конвоем, а от Астрахани б до Мангышлака и оттоль до Астрахани те караваны перевозить чрез море на российских судах.

Доношение коллегии иностранных дел правительствующему сенату, 18 сентября 1763 г.[1]

На восточном берегу Каспийского моря при мысе и при стане, называемой Мангишлакской, живет трухменской кочевной народ, который просил напредь сего неоднократно о принятии себя в здешное подданство с тем, чтоб из Астрахани морские суда с хлебом к ним отправляемы были, имея в том великую нужду по недостатку способов из других мест получать.

По разведываниям, учиненным чрез посылку нарочных офицеров из Астрахани к Мангишлаку в 1741 и 1745 годах оказалось, что оной народ весьма малочисленной и варварской и между себя несогласной, да и никакого у них подчинения нет, а тамошнее место гористое, и горы, будучи высокие и крутые и ущельев исполненные, состоят из мелового камня и от дождей валятся, а некоторые горы и кремнистого камня, пресной же воды, кроме находящихся между гор колодезей, там не сыскано, но пристань для судов весьма безопасная.

[1] ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, 1763—1767 гг., лл. 34—40.

По такой непрочности в сем народе и оказавшейся неудобности к заведению в тамошнем месте крепости, для содержания трухменцов в настоящем подданстве приезжавшим сюда трухменским старшинам в 1746 году от здешнего подданства отказано, а только отдано астраханским купцам на волю суда свои с хлебом отправлять, когда сами похотят.

Между тем прежде, нежели город Оренбург построен, и там для азиан торг учрежден, как хивинские, так и бухарские купцы ездили для торгу в Астрахань, сперва чрез реку Яик и простирающуюся от оной реки к Астрахани степь, а потом и чрез море на судах, от астраханских купцов к Мангишлаку высылаемых; тогда сия коммерция в Астрахани, как известно, происходила с немалым успехом. Напротив того, сколько дельные старания ни прилагаются о распространении в Оренбурге коммерции, да и сами азиане охоту к тому имеют, только почти непреодолимое в том препятствие находится по причине варварского и к воровству и грабительствам склонного киргис-кайсацкого народа, чрез который азиатским купцам в Оренбург проезжать и возвращаться надлежит, а в том народе, не будучи почти также никакого подчинения, едва ли оной к чему доброму и доведен быть может.

Итак хивинские и бухарские ханы время от времени здесь домогались, чтоб при продолжающемся с азианами в Оренбурге и в Троицкой крепости торгу дозволено было их купцам торговать и в Астрахани по прежнему и для перевозу их высылать из Астрахани суда к Мангишлакской пристани, о чем и бывшей напоследи в Москве, в нынешнем 1763 году хивинской посланник имянем своего хана и всего общества усильно домогался, в чем ему некоторое обнадеживание при отпуске его и учинено.

А как в самом деле от азиатской коммерции весьма той прибыли не получается, какова б быть имела от порядочного и безпрепятственного оной произвождения, которая со временем в таком случае столько б усилилась, чтоб и до самых отдаленнейших мест распространиться могла, но выше сего означено, что весьма мало надежды есть дорогу чрез киргис-кайсацкую орду безопаснейшею зделать, по крайней мере вскоре, и потому ныне к заведению с азианами порядочного торгу остается удобным помянутой только Мангишлакской мыс, к которому и из Астрахани морем приезд свободной. А хотя по учиненным из Астрахани осмотрам способного места не сыскано к учреждению тамо небольшой крепосцы для складки товаров или, на последней конец, для содержания судов, ибо без того на тамошнем берегу для живущих тут трухменцов торговать да и судам во время случающихся бурь надежного убежища иметь не можно, но может быть, прежние осмотры не с такою прилежностию, с какою надобно было б, учинены, почему не совсем еще и безнадежно, не сыщутся ли удобные к тому места, хотя несколько и ниже того мыса, или не можно ли такой крепости завести и на Тюк Караганском острову, в той же стороне лежащем, буде на нем пресная вода есть и высокое место, того ради при отправлении из Москвы обратно хивинского посланника препоручено было от коллегии иностранных дел бывшему астраханскому губернатору действительному статскому советнику Неронову, посланным к нему от 27 февраля указом, отпуская хивинского посланника в Мангишлак, послать с ним нарочного способного офицера из морских инженерных или гарнизонных и приказать ему все тамошние места с возможным рачением и прилежностию, однакож не вдаваясь в излишнюю опасность от живущих там трухменцов, осмотреть и описать, а потом оному действительному статскому советнику Неронову о том и в коллегию донесть с приложением его мнения, на каком основании такая крепость заведена быть может.

На сие действительной статской советник Неронов в коллегию иностранных дел от 18 июля сего 1763 года доносил, что он, отпуская из свиты хивинского посланника, которой вскоре по приезде в Астрахань умер, нескольких человек намерен был и вышеписанное порученное ему дело исполнить и для того требовал от тамошних инженерной морской и гарнизонной команд о присылке для сего дела способных офицеров, но от инженерной команды ответствовано, что при оной офицеров нет, кроме одного (которой, по ордеру г. генерала-фельдцейхмейстера Вильбоа, находится для снятия Астраханской крепости плана и профилей), а сверх того от оного ж г. генерала-фельдцейхмейстера подтверждено, чтоб по требованиям главной полиции и протчих подобных сему мест не представя к нему, инженерным офицерам и кондукторам никакого командирования не делать.

А находящейся в Астрахани капитан над портом Токмачев представил, что для показанной надобности может послан быть шхипер II ранга Иван Кондратьев, яко к тому искусной, а сверх того не разсуждено ли будет при нем отправить еще штюрмана и подштюрмана из присланных ко определению на купецкие суда для того, что одному шхиперу, да другому инженерному офицеру во описании всего едва ли исправиться будет можно, яко глубину воды надлежит измеривать, ездя на малых судах, да и протчее описание чинить ночью, дабы трухменцы узнать того не могли. Но притом оной капитан Токмачев требовал определения, откуда оным шхиперу, штюрману и подштюрману, в бытность в сей посылке, производимо будет жалованье окладное и сверх того, по силе морского устава, на две порции, да по указу из адмиралтейской коллегии 1747 года декабря 4 дня, за бытие компании на море, за каютную посуду окладное на месяц, а штюрману и подштюрману, по силе морского ж устава, морской провиант, каждому по одной с половиною порции, ибо он Токмачев при отлучении их в ту посылку из адмиралтейской суммы, без указу давать им не того не смеет.

От Астраханской же гарнизонной канцелярии прислан был для сего дела секунд-майор Иван Смольянинов, знающий, по объявлению из той канцелярии, инженерное искуство, и бывшей в инженерном корпусе обер-офицером, но оной с своей стороны предъявил, что как он в 1760 году военною коллегиею выпущен из инженер капитан-порутчиком, за слабым его здоровьем и неспособностию быть в полевом инженерном корпусе, с того времени, исключась от сей должности, и имея ту науку без повторения, почти всю оную позабыл и исправить по ней должности не берется, чтоб в чем не погрешить.

Потому действительной статской советник Неронов, представил, что понеже на дачу означенным морским служителям жалованья, провианта и порций, как капитан Токмачев требует, денег и из Астраханской губернской канцелярии, без указу штатс-конторы, употребить нельзя, а секунд-майор Смольянинов в инженерной науке предъявил себя неисправным, то сия посылка при нынешнем случае остановлена, и для того просил он Неронов, на каком трактаменте повелено будет из морских офицеров к сему употребить, определить его указом или истребовать к тому инженерных офицеров от главной команды.

Правительствующему сенату коллегии иностранных дел представляет, что когда, несмотря на все происходящие доныне с киргис касацкой стороны помешательства, однако же остаются еще некоторые не совсем безнадежные способы к привлечению к здешним границам азиатской комерции и к беспрепятственному оной, в разсуждении Астрахани, произведению, к чему, как вышеозначено, и сами азиатские купцы всегда охоту и склонность предъявляют, имея свободную и безопасную от киргис касак дорогу проезжать из Бухар и Хивы в Ман-

гишлак, то и нужда необходимая настоит, пользуясь склонностию оных азиатских купцов, стараться такие подающиеся способы привесть как наискоряе в самую действительность. И для того не изволит ли правительствующий сенат за благо разсудить, чтоб впредь в осмотре Мангишлакского мыса и тамошних околичностей такой же остановки, как ныне произошло, заблаговремянное распоряжение учинить, и астраханского губернатора генерала-маиора Бекетова снабдить достаточным определением о посылке туда будущею весною способных людей из морских и инженерных офицеров для осмотру тамошней стороны и приискания удобного места к заведению там крепости, определяя назначиваемым к тому на время сей посылки и некоторое сверх их окладного жалованья пристойное снабдение, естьли для поощрения их за потребно покажется, а еще б лутче было, ежели б отсюда нарочные из инженерных и морских офицеров для сего дела отправлены были, а чтоб сей осмотр толь лутче и надежнее в действо произведен быть мог, нежели прежния, которые гварнизонными офицерами не могли быть исправлены с надлежащею точностию, да и по опасности от живущих тамо варваров трухменцов, то коллегия иностранных дел разсуждает, что ничто не воспрепятствует с теми людьми, которые для того назначены будут, отправить из Астрахани на морском судне капральство или и больше гранадер, снабдя их довольною аммунициею; при таком конвое способнее и безопаснее будет тамошние места осматривать и описывать, а трухменцы, хотя б и потревожились, но будучи народ малочисленной и никакого уважения не заслуживающей, из того никаких предосудительных следствий случиться не может.

В протчем коллегия иностранных дел за нужно находит правительствующему сенату и такое еще свое разсуждение при сем же случае донесть, что естьли бы сумнение возимелось по воспоследуемому при сих распоряжениях по большой части по обращению азиатской комерции в сие место и следовательно в Астрахань, к умалению происходящей с азиянами ж в Оренбурге, где получаемая от того прибыль чрез пошлину, сколько известно, назначена и определена на многие тамошние нужные росходы, в таком случае кажется не невозможно будет толикое число доходов, сколько по Оренбургской губернии будет, определить на оную из получаемых пошлин с сего новоучреждаемого торга, о чем однако же в свое время точнее разсуждать будет можно, столь наипаче, что хотя б сия вновь заводимая крепость торгом и в самом деле по здешнему желанию усилилась, только во оную приезд быть может по способности из Хивы и Бухарии, а чрез них и из дальных, позади сих областей лежащих, мест; но что касается до обоих киргис касацких орд, также ташкенцов и туркестанцов, то не чаятельно, чтоб они отстали от торгов в Оренбурге и в Троицкой крепости, будучи для них ближе, а потому и способнее ездить в сии оба города, сколько б киргис касаки ни препятствовали. Между тем заведение со здешной стороны при Мангишлакском мысе или в близь лежащих от того места крепости сверх сего, что надежда подается о склонении чрез то к здешним границам азиянской комерции без дального, на предбудущие времена отлагательства, послужить имеет и в том, что когда киргис касаки увидят, как хивинцы, так и бухарцы, минуя их, прямо приезжать будут для своих торгов, то чаятельно, что и сами для своей прибыли, за препровождение купецких караванов получаемой, и чрез свою орду в Оренбург такие караваны охотнее пропускать станут и от грабежей удержатся. При всем том, хотя сия крепость и в стороне от киргис касацкого кочевья находиться будет, однако же в некоторой повод и к собственному их поселению способствовать може-те, потому что хан киргис касацкой хотя с нескольких лет в таком намерении и для отвлечения киргис касак от кочевания при реке Япке,

где от них всегда продерзости происходят, и склоняется, чтоб согласился на построение для себя крепости при реке Эмбе, ниже реки Яика, а выше Мангишлакского мыса в Каспийское море впадающей, но в том доныне нисколько не предуспето; напротив же того, когда увидит он сию при Мангишлаке крепость может быть, и на то охотнее поступит, особливо в разсуждении сего, что киргис касаки могут и в зимнее время муку покупать от той крепости, когда в зимнее время от Оренбурга за стужами и за снегами доставать им хлеб неудобно. Умалчивается при том, что по заведении при Мангишлаке крепости сыскали бы способы мыслить о распространении здешнего владения и далее в тамошней стороне, а до того времени, кроме других чаемых польз, равномерно может служить и к спасению здешних людей, которые, по разбитии при восточном морском береге судов, попадаются в варварские руки.

Коллегия иностранных дел на все сие будет ожидать от правительствующего сената ее и. величества указа.

Подлинное подписано по сему Князь Александр Голицын.

Промемория из государственной коллегии иностранных дел в канцелярию главной артилерии и фортификации, 21 октября 1763 г.[1]

Коллегия иностранных дел по обстоятельствам произходящей при здешних границах комерции из разных азиатских областей с купцами, как то с бухарцами и хивинцами, имея основательную причину надеяться умножить оную к пользе высочайших ее и. величества интересов, когда подала бы к тому со здешной стороны удобность, отвращением либо тех трудностей и препятствий, каковы находятся в проездах тамошних купцов к здешним границам и в возвращении их назад чрез киргис-касацкой народ, почти никакого подчинения не имеющий, а потому ко всяким своевольствам склонной, или проложением другой безопаснейшей дороги, находит к тому ближайшим способом, не будучи возможно киргис-касак довести вдруг до лутчего и спокойнейшего состояния, чтоб на восточном берегу Каспийского моря, при мысе так называемом Мангишлакском, основана была крепость, для складки привозимых туда из Астрахани чрез море товаров, к которому мысу, как в оной коллегии за подлинно известно, проезд из Хивы и Бухарии не только не очень дальней, но и довольно безопасной.

При отпуске в нынешнем году из Москвы хивинского посланника, которой равномерно имянем своего хана и целого тамошнего общества домогался о точнейшем установлении коммерции, между Хивы и Астрахани, сверх произходящей в Оренбурге, препоручено было в сем полезном намерении от коллегии иностранных дел, бывшему пред сим в Астрахани губернатором действительному статскому советнику Неронову отправить с тем посланником к Мангишлакскому мысу, под видом его препровождения, способного офицера, из инженерных, морских или гарнизонных, буде бы такой в тамошнем нашелся, для осмотра Мангишлакского местоположения и приискания удобного к построению там крепости.

Помянутой действительной статской советник Неронов доносил в коллегию от 18 июля сего 1763 года, что от Астраханской инженерной команды зделано затруднение в употреблении в сию посылку одного из инженерных офицеров, с предъявлением, напротив того, учиненного от господина генерала-фельдцейхмейстера определения, по которому, без точного его ордера, инженерным офицерам никаких посторонних дел перенимать и их к тому употреблять не дозволяется.

[1] ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, 1763—67 гг., лл. 42—44.

Как сие дело по таким непредвидимым препятствиям приведено в остановку и в продолжение, так и от нынешнего астраханского губернатора генерал-майора Бекетова получено в коллегию доношение, от 30 августа, из которого уведомленось, что равномерно по тем же основаниям, и находящейся в Кизляре инженер подпоручик Квашнин не склонился на посылку из Кизляра одного кондуктора не больше, как верст на двести (откуда он вскоре и возвратиться мог бы) для описания и снятия того урочища, на котором, по высочайшему ее и. величества соизволению, заводится поселение, для новокрещеных кабардинцов и других горских жителей [1], а между тем весьма нужно, чтоб такое поселение основано было на месте, удобном к построению там со времянем и крепости.

Сколько ни уважает коллегия иностранных дел нужду в том, чтоб находящиеся по городам инженерные офицеры не были излишно употребляемы к разным посторонним исправлениям, без ведома главной своей команды, но как по сей коллегии случаются такие дела, которые либо без продолжения времяни, или без всякого разглашения исправляемы быть долженствуют, то она чрез сие требует пристойным образом от канцелярии главной артилерии и фортификации, дабы из общего в том запрещения была исключена, и астраханскому губернатору и другим пограничным командирам дозволено было употреблять инженерных офицеров, по крайней мере хотя уже не в дальние посылки.

Подлинная подписана по сему:

князь Александр Голицын [2].

Из указа коллегии иностранных дел астраханскому губернатору Бекетову, 18 декабря 1763 г. [3].

...Коллегия иностранных дел за нужно находит предписать вам о всем том [4] следующие свои разсуждения.

Когда князь Бекович Черкаской [5] в 1716 году отправлен был от государя императора Петра Великого блаженные и вечнодостойные памяти в Хиву, тогда от него князя Бековича на тамошнем берегу заложены были три крепости, первая — при Мангишлакском, или Тюк Караганском мысе, другая — в заливе по имяни его названном, Александр Бай, третия — при начале залива Красноводского, имеющего соединение с Балханским заливом, пред которым лежат так называемые Огурчинские острова. Потом в 1726 году, тот же восточной берег описыван и с моря тогдашним морским лейтенантом, а нынешним тайным советником Соймоновым [6].

Но как экспедиция князя Бековича возымела худой успех, то и крепости, от него заложенные, оставлены, следовательно теперь точного известия нет, которая удобнее была б к возобновлению для настоящего намерения, а потому прежде приступления к самому делу и нужда осталась вновь тамошним местам зделать осмотр.

Култук между угла Мангишлатского мыса, или Тюк Караганского

---

[1] В 1762 г. был построен г. Моздок, в 1763 г. была выстроена Моздокская крепость и составлен гарнизон из крещеных горцов и переселенных с Дона казаков. Территория между поселениями терских казаков и крепостью Моздок была заселена волжскими казаками.

[2] Князь,— Александр Михайлович Голицын (1718—1783). Генерал-фельдмаршал (1770 г.). С.-Петербургский губернатор (1769 г.). Был послом в Саксонии.

[3] ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, 1763—1767 гг., лл. 62—70.

[4] Об Мангишлакском полуострове и о заведении там торговли.

[5] Бекович-Черкасский, отправленный Петром в Хиву для изучения устья реки Аму-Дарьи, погиб в хивинском походе.

[6] Соймонов (1682—1780) навигатор и гидрограф. Изучал Каспийское море и оставил описание западного, южного и восточного берегов Каспия.

и двух в близости от оного в море находящихся островов, как ближе лежит к Астрахани, из всех на восточном берегу Каспийского моря примечания достойных мест, потому, в разсуждении короткого к оному переезда, был бы для российских купцов удобнейшим протчих. А естьли бы нашлось, что из лежащих против оного мыса Кулалинских, или инако так называемых, Тюк Караганских островов, большой не был поемной, и пресная вода на нем есть, то будучи при оном, как заподлинно известно, и гавань, от морских ветров и бурь закрытая, сверх способности одинакой или еще и лутчей пред Мангишлагским мысом, состоящей в блиском к оному из Астрахани переезде; еще больше безопасности возымели б тамошние крепостные жители и от трухменского народа, вдоль всех берегов кочующего, а по состоянию своему весьма своевольного: трухменцы от заводимой на сем острове крепости отделялись бы морским пролитом, и потому меньше способов имели бы делать пакости, каковые, по крайней мере с начала и пока им довольного страха вложено не будет, от них могут не произходить. А купцов азиатских не трудно было б в оную крепость перевозить на лодках, нарочно для того приготовляемых; напротив того, что касается до азиатских купцов, то хотя они безопасно от киргис касак и в Мангишлагской мыс приезжать могут, со всем тем, чем ниже на сем берегу будет с ними торг учрежден, тем для них еще выгоднее быть имеет к тем местам приезжать. И потому, буде бы при Мангишлагском мысе потребных выгодностей не нашлось, не должно без примечания и точного неследования оставлять и залива, по имяни Бековича Александр Бай названного, в котором, кажется, для города место удобное находится, (но есть ли тут пристань, для содержания судов безопасная, о том заподлинно неизвестно), а равномерно и Карабугацкого. Но вообще надобно всем другим предпочитать к заложению крепости такое место, несмотря ни на близость, ни некоторую дальность, ибо ко всему тамошнему берегу приезд для азиатских купцов не неудобной, при котором бы не только безопасное пристанище было, но сверх того и другие выгодности к обитанию человеческому, и во первых пресная вода, какой без сумнения во многих тамошних местах быть должно: кочуя трухменцы почти по всему берегу,— при том нужно, чтоб был и лес, как для строения, так и для дров, ибо по способности приездов азиатских купцов чаятельно, что заводимая в тамошней стороне крепость со времянем и жителями из тамошних же народов распространиться может. Равномерно кажется не безнужно предусматривать и то, где может быть, или нет и дерн, для обложения крепостных укреплений или не можно ли будет вместо того, для лутчей прочности, естьли б удобность подалась, построить крепость из кирпича, для чего, буде ближе способных мест не найдется, надобно будет, как из коллегии иностранных дел в адмиралтейскую коллегию писано, и до самого Астрабата весь берег не оставлять без осмотра, между тем и Огурчинских островов, лежащих при Балханском заливе, которые по своей плодородной земле похваляются, будучи кажется не неудобно на одном из них или и на матерой земле, когда ближайших мест не нашлось бы, и крепость предначеряемую для порядочного установления с азиянами торгу построить, тем больше, что один из сих же островов содержит и нефть, которою вместо дров пробавляться можно, а сверх того на матерой земле, блиско сих островов отстоящей находясь трухменцы, кажется, довольно доказывают, что в близости тут же и пресная вода всемерно уже сыскаться может.

Впротчем недостаток лесу, буде другие привольности найдутся, не долженствует нигде удерживать от избирания под крепость места, ибо по нужде и из Астрахани оной привозить не невозможно будет; а сверх того, что касается до дров, можно вместо оных по азиатскому

обыкновению пробавляться и сухим навозом, естьли только место будет удобное к содержанию скота. Но естьли бы паче чаяния нигде способных мест на всем тамошнем берегу к заложению крепости не нашлось, в таком случае по нужде и чтоб ничего не пренебречь к привлечению сего торгу в здешную сторону, со времянем в великое возвращение притти могущего, разсуждается: не можно ли будет завести для того крепости при устье реки Эмбы, ниже реки Яика, а выше Мангишлагского мыса в Каспийское море впадающей, в которую азиатские купцы чрез Мангишлагской мыс проезжать могут, не занимая киргис касацкого кочевья, а сверх того, естьли бы по тогдашним обстоятельствам оказалась потребность, можно будет для отдаления киргис касак от тамошнего кочевания, принять и другие какие-либо пристойные меры.

Вы, отправляя инженер-майора Лодыженского[1] и протчих, для осмотра восточного берега Каспийского моря определенных, имеете им о всем вышеписанном предписать с тем, чтоб они, когда нужда дойдет до осмотра всего берега, хотя в Астрабатской залив и въезжали, буде бы надобно было оной осмотреть, для приведения в лутчую исправность настоящей Каспийского моря карты, но в самой тамошней близости места под крепость не выбирали, для минования могущих из того со времянем произойти затруднительств не только с персицкою стороною, но и с Портою Отоманскою, которая только напрасное подозрение возыметь принуждена была б. Сверх того, надобно сколько возможно стараться и с тамошними обывателями трухменцами обходиться ласково, объявляя им, что как напредь сего сами они трухменцы, да и ханы хивинские просили о учреждении с ними торгу, имея в оном нужду, особливо для получения хлеба из Астрахани, в чем известным образом они недостаток претерпевают, для того по высочайшему ее и. величества указу и отправлена сия экспедиция, чтоб приискать удобное место к пристанищу судам, при котором бы такой торг установлен быть мог, но что намерение принято заложить на тамошнем берегу крепость,— том им не объявлять, дабы не возбудить в них преждевремянного подозрения и страха и не напамятовать им примера князя Бековича Черкаского. Равным образом, буде где на тамошнем берегу случатся хивинцы, бухарцы или другие городовые азиане, и им также не больше о намерении сей экспедиции сказывать надобно.

Трухменцы, будучи народ несообразительной и один старшина другому отнюдь не подначальной — много в сем деле успеху быть может, естьли некоторые из таких старшин приласкаются к здешней стороне, в чем по их убожеству и лакомству почти и сумнения не остается, для чего и отправить при том для подарков им и трактования вещей казенных и муки рублев до тысячи; они, хотя б другие и не хотели, сами зделаются в надежде больших подарков вожаками и показателями тамошних мест и вод. Но естьли бы трухменцы, как народ неукротимой и легкомысленной, по учиненном им таком уведомлении и некотором приласкании, однако ж стали делать супротивление и недопускать тамошние места осматривать, тогда можно будет против их употребить и силу, будучи для того уже определено отправить из Астрахани и довольной конвой, а к тому не излишно быть имеет послать и несколько полковых пушек, чтоб оные тою командою в бытность их по берегам употребляемы быть могли, и трухменцы при явном супротивлении толь лутчей отпор находить, а при оказываемом от них доброхотстве меньше поползновения иметь могли к подыскам

---

[1] Инженер-майор Лодыженский, ездивший в 1764 г. к восточному берегу Каспийского моря, написал журнал своего плавания, хранящийся в ГАФКЭ в «Туркменских делах».

и коварствам, буде и уже издавна во всех кочевых азиатских народах вкоренен великой страх от пушек.

При всем том коллегия иностранных дел за нужно признавает, чтоб наперед разведано было, не найдутся ли из живущих в Астрахани трухменцов, хивинцов и бухарцов таких, которые о тамошних мест положениях и где пресная вода быть может довольное сведение имели, и могли в сем случае послужить проводниками, каковых для указания оных мест и толь лутчего уверения тамошних жителей трухменцов о безопасности и отправить может, учиня некоторое небольшее на подъем награждение, а обнадежа большим при случае успеха, но не объявляя однако ж им прямо о принятом намерении в тамошней стороне крепость заложить. Само собою разумеется, что и толмачей несколких человек из лутчих и надежнейших при том же отправить будет надобно, также с дачею на проезд жалованья.

Крепость на тамошнем берегу назначена быть имеет, смотря потому, коль удобно к тому место принщется, и какие потребуются укрепления, по состоянию тамошнего положения и народа, однако ж как по отдалению оной от всех здешних жилищ надобно будет содержать в оной гарнизон немалой и иметь место для запасного провианта, также и для складки товаров, то и сие все при том в разсуждение принято быть долженствует, о чем вы равномерно предписать будете должны инженер-майор Ладыженскому, отправляя его по возвращении из сей экспедиции и по учинении им плана и сметы крепости, со всем тем и с вашим о том же мнением сюда для лутчего в сем деле изъяснения.

Командированной для снятия местоположения урочища Моздока, где селение из новокрещеных кабардинцов и других горских жителей заводится и назначения, где б со времянем там и крепость заложена быть могла инженер капитан Дудин толь меньше может продолжаться, чем и комисия его только самого короткого времяни требует; ему притом ничего иного предписать не останется, как только то одно, чтоб он старание приложил о верном снятии всего местоположения от последнего Гребенского казачьего червленого городка до реки Курпы, от которой кабардинские места начинаются, назначивая, где б со времянем можно было завести и крепость, в удобнейшем месте, из всех оных однако ж чем ниже от устья реки Курпы по реке Терку, тем будет лутче, дабы кабардинской народ, как к своей вольности ревностной, не имел из того опасности, а потом сей капитан равномерно сюда возвратиться может с учиняемым от него планом.

Подлинной подписан по сему Никита Панин.
князь Александр Голицын.

Перевод письма туркменских старшин Екатерине II, 12 июня 1767 г.[1]

Пресветлейшей и препочтеннейшей и всемилостивейшей императрице, четыре человека старшины: Канбарбек, Сунгурап Онбеги, Карабатырь, Нияс Батырь, доносим, что напредь сего мы российской империи присягу чинили в том, чтоб проезжающие из Астрахани в Хиву и в Бухарию караваны препровождать, напротив того из Бухарии и Хивы следующие караваны до Астрахани препровождать же, а киргис касаки следующей из Оренбурга в Хиву в шестистах верблюдах караван разбили, да при том Нурали-хан[2], услыша о следующем ныне из Астрахани в Хиву караване в пятистах верблюдах, прислал к нам

[1] ГАКФЭ, ф. Туркменские дела, 1763—1767 гг., лл. 17—18.

[2] Нурали-хан — сын Абул-хаира хана киргиз-кайсаков, был возведен в ханское достоинство в 1749 г., в 1785 г. лишен ханского звания из-за слабого управления. В 1790 г. киргиз кайсаками управляло народное собрание. В 1791 г. ханом был провозглашен брат Нурали — Ерали. После смерти Ерали-хана, ханом был брат Нурали — Айчувак.

брата своего Айчувака с двумя сыновьями, да Карабай судью с четырьмя тысячами человеки с требованием о выдаче ему того каравана и товаров, выговаривая при том, якобы он Нурали-хан России противным учинился, и ежели мы того каравана товары не выдадим, приказано от него хана жилище наше разбить и истребить. Однако ж мы по его требованию тот купеческой товар не выдали, почему киргис касаки учинили с нами сражение, на котором тысяча человек до смерти побили, а двести человек, между которыми четыре человека знатные начальники Карабай судья, Магомед бий, Сепит бий, Ямап батырь, в полон взяты, а достальные назад возвратились, и по приезде в свои жилища для миру с нами прислали к нам Ак-Ходжу, а мы о произшедшем между нами таком сражении для известия вашему и. величеству людей наших послали. А понеже киргис-касаками Оренбургская и Хивинская дорога пересечена, ежели соизволите нас в подданство принять и, подобно Оренбургской крепости, такую крепость построить, просим в непродолжительном времяни прислать к нам судно. А как небезизвестно, что во время жизни Надир шаха[1] немалое число трухменцов и другие народы к Надир шаху в подданство приходили, а мы его Надир шаха за государя не признавали, а только знали российскую императрицу, и в то время четырех человек старшин наших посылали, ежели ваше и. величество нас за подданных признает, просим в скором времяни для строения крепости людей своих прислать 19 месяца курбана, то-есть, майя в 6-й день.

На выносе того письма написано.

Мы, Абдальские народы, Мурад беку, Адабердию, также и из Бурунжука Энда Менглии беку, дав полную мочь, посланцами отправили.

Прошение туркменского хана Пирали Екатерине II, 9 мая 1775 г.[2]

По высочайшему вашего императорского величества указу послан я от отца моего Нурали хана в Мангишлак к трухменскому народу ханом для лутчего над оным народом смотрения и распорядков, где и поныне при моей должности нахожусь.

А во время измены калмыцкого наместника Убаши[3] от вашего императорского величества к упоминаемому отцу моему прислан был указ с таким повелением, чтоб он к пресечению пути тех изменников имел неусыпное старание, почему от оного отца моего для пресечения и поимки помянутых изменников был я послан, где находясь, сколько мог оных преследовать, а потом как нечаянно в области вашего императорского величества один бунтовщик, назвав себя бывшим императором Петром III, появился и многие селения раззорял и опустошал, то и во все то время я всеподданнейший вашего и. величества раб оказывал свои верные услуги, а по поимке оного, по повелению отца моего, попрежнему отпущен обратно в Магнишлак, где будучи, хотя я дальних заслуг против протчих вашему и. величеству ока-

---

[1] Надир-хан родился в 1688 г. в Хорсане. Отец его занимался шитьем бараньих кожухов. Будучи атаманом «разбойничьей шайки», убил своего дядю — начальника крепости Келат, присоединил келатское войско к своему и освободил Персию в 1730 г. от афганцев. В результате успешной войны с турками, присоединил к Персии по миру 1735 г. Армению и Грузию. В 1736 г. избран персидским шахом. В 1738 г. покорил Индию. В 1740 г. одержал победу над Бухарой и Хивой. Вследствие жестокой политики Надир-шаха, в войске его был составлен против него заговор и Надир-шах был убит в 1747 г. военачальником Салех-беем.

[2] ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, 1775 г., л. 2.

[3] Убаши — сын калмыцкого хана Дондук-Даши, назначенный еще при жизни Дондук-Даши его преемником, вступил в управление калмыцким народом после смерти отца в 1761 г.. Недовольный царским правительством, подстрекаемый джунгарским тайшей Сэрыном, восстал против русского царизма и с 30.000 кибиток калмыков ушел в Джунгарию.

зать и не могу, однако ж за долг себе почитаю проезжающих чрез кочевья трухменские — всякого звания купцов от налог и обид защищать. В протчем остаюсь вашего и. величества всенижайший раб Пирали хан, Нурали хана сын.

Рескрипт Екатерины к астраханскому губернатору Якобию, 12 августа 1777 г.[1]

В нашу Коллегию иностранных дел представлено от Астраханской губернской канцелярии репортом от 9 июня минувшего 1776 года о произшедшем требовании во оную канцелярию от Нурали хана киргиз кайсацкого, чтоб определен был к сыну его Пирали салтану, находящемуся ханом над Мангишлагскими трухменцами один татарской мулла для переписки.

Но как оные трухменцы не принадлежат к нашей державе, то от Астраханской губернской канцелярии по такому Нурали хана киргиз кайсацкого требованию и не могло быть исполнено, а передано в здешнее рассмотрение.

Потом доносили и вы сюда от 3 марта сего 1777 года, что Нурали хан киргиз касацкой и сын его Пирали хан трухменской нарочно присланными и к вам письмами еще домогались о определении к последнему татарского муллы для удобства в переписке с здешними пограничными начальниками, так как при первом, то есть при Нурали хане, действительно такой находится, с Оренбургской стороны определенной; но и вы отнесши сие равным образом на здешнюю резолюцию, ответствовали к ним обоим с уведомлением о зделанном только вами о том в нашу коллегию иностранных дел представлении.

И на сие предписывается вам к исполнению, что хотя трухменцы живущие на супротивном от Астрахани берегу Каспийского моря при Мангишлакском мысе и не заслуживают присвоения к здешней империи, по своему дикому состоянию и по неспособности их и к малейшему повиновению, для чего им в том всегда и отказавано было, но по принятии ими однако ж ныне к себе на ханство сына Нурали хана киргис касацкого хотя и не собственным своим конечно подвигом и единодушием, для лучшего между собою благоустройства, а больше по проискам оного хана, представляется такое уважение, что сей их, сколько ни безсильной при настоящем первом случае начальник, но здешнею оказываемою к нему при случаях привстливостию способ иногда получающей, некоторую между ими не недействительную власть возиметь, не может ли, по крайней мере, полезным быть к тому, чтоб спасающихся на их берег здешних людей с разбиваемых в море судов, которые по большей части доныне пропадали, не допускать оставаться навсегда в их руках и неволе, а сверх того и приучить их своим посредством к свободнейшему чрез свое место пропуску купцов в их проездах для торговых промыслов в Астрахань из Хивы и Бухарии, в чем поныне, по их крайнему своевольству, нередко равным образом происходят затруднительства ж немалые, так что по полученному здесь от Астраханской губернской канцелярии при репорте ее от 3 августа прошлого 1776 года особенному репорту ж переводчика Тонкачеева, посланного из Астрахани к Мангишлагскому мысу для препровождения бывшего здесь бухарского посланца Ирназара Максютова, и сей посланец с трудом, убытком и опасностию едва себя от них сохранить мог, хотя в том и новой их хан участвовал, почему и нынешнее первое требование его трухменского хана о присылке к нему нарочного из татар грамотного весьма есть удобное к

[1] ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, 1775 г., лл. 16—19.

исполнению, ибо чаятельно, что из астраханских татар и охотники к тому найдутся, можете вы и действительно его в том удовольствовать, отправляя к нему для того человека из надежных с вашим наставлением, как ему при том поступать, а на тамошнее его содержание предоставляется в собственное ваше рассмотрение определить ему по 40 же рублев в год, то есть то ж самое число денег, сколько содержащейся из Оренбурга при отце его Нурали хане киргис касацком татарин получает, или же несколько и больше, в разсуждении будущего его отдаленнейшего пребывания пред оным от здешних мест и редких способов к снабдению своему из Астрахани, поставляя сию издержку в счет определенных в Оренбургской губернии на киргис касацкие расходы 6 000 рублев, как употребляемую на сына хана киргис касацкого же, и о чем вы с тамошним губернатором снестись имеете.

Между тем знать вам надобно, что сей трухменской хан и сам собою и способом отца своего не оставил уже домогаться здесь о определении и себе жалованья, что, может быть, и было единственным побуждением искать ему и трухменского ханства, потому что он пред тем как салтан киргис касацкой зависимой еще однако ж от отца своего сколько такого преимущества ни искал, но в том под приличными предлогами отказывалось, по той нужной предосторожности, что снисходя одному, наконец и многим салтанам киргис касацким детям ханским и других старших начальников то ж бы сделать надлежало, к умножению напрасного для сего народа расхода.

А как и настоящее его трухменское ханство еще отнюдь ненадежно, поелику скучась пребыванием своим между народом еще малопослушным, по прежнему в природную свою киргис касацкую орду возвратиться может, или и сами трухменцы от себя его выгонят,— выгоняли часто и хивинцы своих ханов, из киргис касацких же салтанов выбираемых,— но он, получа бы однажды здешнее жалованье так, как хан трухменской и по потерянии сего начальства конечно не стал бы однако ж понимать, что оное ему продолжаемо быть не долженствовало б и для того, хотя вы, в оказании к нему пред его народом некоторого уважения, и можете от себя обсылать его чем либо недорогим, но ему приятным и нужным, однако ж на отзывы его о жалованье будете всегда ответствовать, что того не может он ожидать по сущей справедливости прежде, как по приведении своего народа в надлежащее благоустройство, и после того, как его способом попадающиеся в трухменские руки здешние люди возвращаемы будут, и совершенная безопасность и в купеческих проездах откроется, а без того он так, как сын хана киргис касацкого, довольствоваться должен снабдением отца своего, получающим как для себя, так и для всей своей фамилии и ежегодное наше жалованье.

Подлинной подписан по сему Граф Иван Остерман.

Рапорт астраханского губернатора Якобия Екатерине II, апрель 1778 г. [1]

Высочайшим вашего и. величества рескриптом из государственной коллегии иностранных дел от 12 августа, полученным мною сентября 25 чисел минувшего 1777 года, повелено: по требованию Пирали хана трухменского отправить к нему для удобства в переписке им со здешними пограничными начальниками из астраханских татар грамотного человека, со определением ему на тамошнее содержание и жалованья.

И по содержанию оного высочайшего вашего и. величества повеления по данному от меня астраханских юртовских татар казыю Рахам-

[1] ГАФКЭ, ф. Туркменские дела, 1775 г., лл. 20—21.

бердию приказу, по сведению его всех духовных своих состояния, и выбран один способной ко исполнению той вашему и. величеству службы абыз Доймакай Кадыр Аджиев, которой для письмоводства к упомянутому Пиралп хану, на идущем к трухменским берегам купецком судне, при письме моем, и отправлен.

А как он абыз по неимению к тому способных и желающих из здешних татар согласился на оную службу по довольной ево склонности со обнадеживанием награждения, то в пребывании его при нем хане в трухменских аулах, у Мангишлакских берегов Каспийского моря кочующих иногда от оного и не в ближнем расстоянии, надобно будет всем в пропитании и одеже нужным снабдевать себя способом ходивших из Астрахани к Мангишлацкому мысу торговых судов, кои туда отправление имеют в одно только летнее время, весною и осенью, да и весьма малым числом, следовательно по сим обращениям их и по удалению отсюда от своего дома и небезопасному водяному проезду, и должен он всегда заботитца и запасатца, особливо в зиму, излишеством, в разсуждении сего на тамошнее содержание ево и определено производить ему жалованья, по позволению объявленного высочайшего рескрипта в мое рассмотрение, против находившегося с оренбургской стороны при Нурали хане татарина вдвое — по 80 рублев на год, которое ему и начать выдавать со определения по доверенности ево, кому от него здесь принимать поручено будет, по установленному указному обряду, по третям года, да сверх того при нынешнем первом отъезде, для поощрения ево к наилучшей в службе усердности к верности, дано ему на подъем 20 рублев от расходу губернского из штатских доходов на счет определенной к Оренбургской губернии на киргис кайсацкие расходы суммы 6 000 рублев; так же и в приласкание к доброжелательству к здешней стороне и приличные по состоянию ево хана, однако недорогие, токмо нужные ему презенты от лица моего посланы по покупке в купечестве из той же Оренбургской суммы на 37 рублев на 20 копеек, о чем во известие и к оренбургскому губернатору сообщено.

Ему ж абызу секретно здесь подпискою подтверждено ко исполнению полезного высочайшим вашего и. величества интересам:

1) Чтоб впродолжение свое при нем хане стараться ему с начала самого своего приезда разведать и присмотреть, нет ли в трухменском народе коего содержащихся в плену российских и подданных наших другой нации людей, коих и впредь присматривать и выведывать, а паче при разбитии иногда морских судов, и, естьли они окажутся, то об них ему хану пристойным образом представлять и склонять его о их освобождении; ежели не можно будет по грубости и суровости и непослушанию хану трухменского народы домогицсь им свободы, то наконец по самой уже невозможности доводить ево на отпуск их чрез какой-либо небольшой выкуп, и, кто уволены будут, оных отправлять на купецких судах в Астрахань с показанием их имян и меня об них так и о просимом выкупе уведомлять.

2) Проезжающим из Хивы и Бухар, а напротив того, и едущим туда из Астрахани купцам с товары, чтоб свободной пропуск чрез трухменский народ происходил, оного ему абызу присматривать и при случае каких-либо им остановок и обид попечение иметь ево хана уговаривать к воздержанию от того трухменского народа, представляя им от свободного проезда больше самим пользы, нежели они ее иметь могут по происходящим от них притеснениям, доводя ему, что тем и совершенно совсем прибыли своей лишатца, и со здешней стороны себе они, и сам хан, благодеяния за какое ево в трухменском народе благоустройство и обнадеживать его высочайшею и. милостью и, какие от

них купечеству обиды происходить станут, об оном ко мне писать на последок.

3) Примечать в нем хане, сколько он к российской стороне, а трухменцы к нему благосклонны; также, кроме того, и о других тамошних посторонних и собственной его хана силе и власти и о прочих трухменских в своем состоянии и с ним ханом, равно и о киргис кайсацких с трухменцами обращениях и о злых иногда их на российские жилища помыслах к нападению разведывать и сюда давать знать.

Иван Якобий.

Из записной книжки архивиста

Из переписки Н. И. Костомарова с редактором „Исторического вестника“ Шубинским.

В рукописном [illegible] Гос. Публичной библиотеки [illegible]е хранится обширный [illegible] деятелей в области [illegible] журналистики — Сергея Н[illegible] Шубинского, редактора «Д[illegible]» «Истори[illegible].

Ге[illegible]р по у[illegible] Шубинский [illegible]тель и зн[illegible] XVIII [illegible] его бытовой и анекдотическ[illegible]. Благодаря многолетнему р[illegible] [illegible], [illegible] переписке почти со всеми [illegible] истори[illegible] XIX — [illegible]чала XX [illegible].

В идеальном порядке [illegible] Шубинский колоссальное количест[illegible], адресованных лично ему или [illegible]цию «Исторического вестни[illegible]» [illegible] концов России.

Одно из [illegible] эпистолярном архиве — это [illegible] знаменитого [illegible]рика Н. И. К[illegible], бывшего деятельным сотрудни[illegible] «Древней и новой России», а затем ([illegible] до своей смерти, пос[illegible] г.) «Исторического вестника».

«Древняя и новая Россия» — исторический иллюстрированный ежемесячный сборник — начала выходить в 1875 г. К участи[illegible] журнале Шубинский старался привлечь наиболее [illegible]ные силы тогдашней историче[illegible]й науки. На страницах журнала мы встречаем такие имена, как С. М. Соловьев, К. Н. Бестужев-Рюмин, Н. И. Костомаров, Е. Е. Замысловский, Н. Г. Устрялов, Д. И. Иловайский, О. Ф. Миллер и др.

Однако, несмотря на название журнала «Древняя и новая Россия», в нем с самого же начала было заметно преобладание статей и материалов по новой России, т. е. преимущ[illegible]нно по истории XVIII в. Д. И. Иловайский был, конечно, прав, когда в одном из своих писем к Шубинскому указывал ему на зависимость такого содержания журнала [illegible] личных вкусов его редактора.

Против личных вкусов Шубинского, придававших журналу хара[illegible]тер легковесности, и сводивших [illegible]рию к придворным анекдотам, [illegible] Н. И. Костомаров, [illegible] Шубинского за то, [illegible] Трианона и [illegible] него интереснее подлинной русской истории; [illegible] них восставал и постоянный сотрудник «Древней и новой России», а в будущем и «И[illegible]» [illegible] довцев, писавший Шубинск[illegible]: «Я [illegible]лагаю, что в «Д[illegible] Р[illegible]сию» следует впустить р[illegible] род, а то ваш сборник по[illegible]тельно вертится около [illegible], [illegible], царевен, князей и всяк[illegible][1].

В 1880 г. журнал «Древняя [illegible] [illegible].

[illegible] Шубинский [illegible] [illegible] А. С. Суворина. [illegible] [illegible] Ро[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] ти молчанием и то [illegible] на своих страницах «Историчес[illegible] вестник», особенно за первые десятил[illegible] своего существования. В нем [illegible] свои статьи Костомаров, И. Е. Забелин, Л. Н. Майков, Н. Н. Страхов, Н. В. Стороженко, А. И. Введенский, П. Е. Щего[illegible] многочисленными [illegible] воспоминаниями [illegible] кадетов», в нем [illegible] В. А. [illegible], А. Я. [illegible], А. А. Ни[illegible], Д. М. [illegible], Л. Н. [illegible] воспоминаний [illegible] Н. С. Л[illegible]. [illegible] журнала, имеющая значение до [illegible] дней.

Н. И. Костомаров являлся сотрудником «Древней и новой России» и [illegible]ого вестника». В перво[illegible] работы [illegible] составлением «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» Костомаров некотор[illegible] «портреты»

---

[1] [illegible] Шубинского, хранящегося в ру[illegible] отделении Гос. Публичной библиотеки.

этих деятелей помещал в журналах, редактируемых Шубинским.

Памятником его сотрудничества в этих журналах явились не только его статьи, но и публикуемые нами его письма к Шубинскому. Эти письма имеют двоякий интерес: они интересны и для биографа Костомарова, и для исследователя русской исторической журналистики и русской историографии второй половины прошлого века.

Г. Никольская.

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

«Екатерина»[1] готов[illegible]. Только я хочу по[illegible] так, как б[illegible][2], потому [illegible] заниматься [illegible], и если бы [illegible], то приш[illegible] поездку. По моему расчету [illegible] печатных листов. Извольте, ес[illegible], взять от Грацианского[4] сумму [illegible] листов и доставить мне, а у меня [illegible] «Екатерину».

Ваш Н. Костомаров.

14 января 1877 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Если, быть может, в корректуре «Екатерины I» или в чем-нибудь другом возникнет потребность войти со мною в сношения, то знайте мой адрес: Москва, Тверская улица, Лоскутная гостиница, № 50. Хожу каждый день в архив[5], занимаюсь Мазепой. К сожалению, дают мало времени и, кроме того, два дня, субботу и воскресенье, не допускают вовсе к занятиям. Надобно сидеть в чужом городе и большую часть времени проводить без дела. Возвращаюсь к страстной неделе.

Ваш Н. Костомаров.

Москва, 12 февраля 1877 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Прискорбно мне, что я, против собственного желания, наделал вам хлопот с моею статьей, но в свое оправдание могу сказать только то, что я безо [illegible]кого упрямства переделал все, что [illegible] заметили по соображениям с цензурными приемами. Таким образом, наша вина [illegible]одная: ни мне, ни вам не пришли бы в голову те придирки, которые после были сделаны. Впрочем, я думаю, к моей статье придрались не за то, что в [illegible] написано, а ради того, чего в ней [illegible] написано, и что желали бы в [illegible] увидеть. В ней не нашли того ла[illegible]ну, которого я так не люблю, и по [illegible]оду которого не разделял с вами [illegible] только [illegible]ему убеждению сн[illegible] с нее ту тень, которую набросили [illegible] историки. Это, как видно, сознали, в конце концов, властвующие лица и потому уступили нам. Ценю выше всего правду, не терплю ни либеральничанья, ни ладану. Таков буду и впредь. Мой «Мазепа» вырабатывается очень туго, хотя я не пропускаю ни одной минуты из того времени, какое мне представлено для занятия архивными делами, но этого времени дают очень мало, а барон Бюлер[2], в отношении ко мне, не отличается таким снисхождением, как в прежний мой приезд. Это причиною, что едва ли успею переглядеть все, как следует, до вербного воскресенья, когда архив закроется на две недели, и я должен буду воротиться в Петербург. Что значит, что закрыли Художественный клуб? Уж не совпадает ли это событие каким-нибудь образом с нашими литературными обедами и беседами?

Весь ваш

[illegible]

Москва, 17 февраля (1877)

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Ваше почтенное письмо я получил и, не пропуская ни одного дня, отвечаю вам по вашим же вопросным пунктам.

1) «Петр II»[3] немного не дописал. Я думал найти здесь в архиве что нибудь подходящее, но, к сожалению, нашел только протоколы верховного тайного со-

[1] Статья Костомарова «Екатерина Алексеевна, первая русская императрица», «Древняя и новая Россия», 1877 г., т. I, кн. 2.

[2] Статья Костомарова «Царевич Алексей Петрович» (по поводу картины Ге), «Древняя и новая Россия», 1875 г., т. I, кн. 1—2.

[3] Костомаров работал тогда над своей монографией «Мазепа», напечатанной в «Русской мысли», 1882, кн. I—V, VIII—XII, и затем выпущенной отдельным изданием.

[4] Грацианский, В. П.— владелец типографии и хромолитографии в Петербурге, издатель «Древней и новой России».

[5] Речь идет о московском Главном архиве министерства иностранных дел.

[1] Бестужев-Рюмин, К. Н. (1829—1897) — известный историк, один из основателей и первый директор Высших женских (Бестужевских) курсов.

[2] Бюлер, Ф. А.— директор Московского архива министерства иностранных дел.

[3] Статья Костомарова «Самодержавный отрок» (Петр II). «Древняя и новая Россия», 1878 г., т. I, кн. 1.

вета, почти целиком уж[illegible] напечатанные в «Чтениях»[1] и, вообще, мало зак[illegible]чающие для биографии государя и для явлений внутренней жизни того времени. Кое-что в этом роде, чего я добивался найти (напр., дела Волконской, Нарышкина и ссылка Мен[illegible] здесь, а в Петербурге, в Гос. архиве. Окончить свою статью к 1 декабря я бу[illegible] стараться изо всех сил по возвращени[illegible] в Петербург, которое должно последовать в первых числах ноября; но обязаться перед вами я не решаюсь, потому что могут помешать непредвиденные препятствия, как напр., болезнь. Кроме того, наступают темные дни, когда [illegible]ниматься я могу только при дневном св[illegible]те — непродолжительное время в течение каждых суток. Но разница может произойти только в каком-нибудь месяце, это не должно помешать вашим приготовлениям насчет портрета; если не в первом номере, то во втором поместите и статью и портрет, а, может быть, чего я сильно желаю, и в первом. Статья, хотя еще не кончена, но переписывается набело.

2) Сочинение, которое вы назвали романом, никому не обещано по условию, и потому я готов продать его во всякое честное издание, и г. Суворину, если он найдет помещение его удобным в своей газете. Сообщаю желаемые о нем сведения:

а) Сочинение это — исторически-бытовая хроника, носит [illegible]не «Холуй»[2]; в) оно заключает приблизительно до 12 печатных листов; с) оно относится к русской жизни первой половины XVIII в., именно к эпохе царствования Екатерины I; д) содержание его взято из копии секретного дела Преображенского приказа, прочитанной в библиотеке Румянцевского музея; е) главное действующее лицо в нем — холуй из дома кн. Долгоруковых, по имени Василий Данилов. Здесь являются одно за другим суеверия того времени и житейские приемы, обычные в тогдашних господских домах. Кроме семейства княгини Анны Петровны Долгоруковой и трех ее сыновей, из важных исторических лиц выводятся: Макаров, Девиер, Ушаков, Ромодановский и Меньшиков.

Сумма гонорара — две тысячи рублей, которые я желаю получить при отдаче рукописи.

Ваш глубокоуважающий
Н. Костомаров.

Москва, 18 октября 1877 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

От всей души благодарю вас за уст[illegible] моего «Холуя» за две тысячи [illegible]: признаюсь, я сначала хотел бы[illegible]ить именно эту сумму в тех [illegible], печатаемое в га[illegible], будет выходить в свет [illegible]ней, чем помещаемый в [illegible] журнале: медленный и пре[illegible] выход по мелким [illegible] для многих из читателей теряет [illegible]. Но мне казалось совестно прибавлять [illegible] после того, как я уже заявил Полежаеву, хотевшему приобрести «Холуя» в свою «Историческую библиотеку»[1], а я ему назначил только две тысячи. Мы с ним не сошлись потому, что этот господин намеревается, кажется, приобресть для своего журнала сотрудников в долг, а я, уже наученный [illegible]том, давно положил себе правилом не иначе отдавать для печати в периодические издания свои сочинения, как за чистые деньги, уплачиваемые при отдаче рукописи. Относительно Вашего желания сбавить несколько десятков рублей при расчете за «Петра II» я не позабуду исполнить.

Ваш глубокоуважающий и душевно-преданный (Костомаров)

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Отвечаю на любезное и почтенное письмо ваше. В архиве юстиции не отыскали мне дела судного о Девиере. Я не только помню свое вам обещание, но уже летом исполнил его и, если не представил вам написанного сочинения, то потому только, что вас не было в Питере. Теперь, однако, ваше письмо ставит меня в большое затруднение. Вы хотите непременно, чтоб мое сочинение для «Древней и новой России» касалось времени после Петра, а я приготовил для Вас статью об одном деятеле XVII в. — Афанасии Филипповиче[2] — мученике православной веры в эпоху борьбы с унитством. Это бы еще ничего: что же «Филиппович» сгодился бы куда нибудь, я же принялся бы за другое, но то беда, что, во-первых, я должен был бы на некоторое время оторваться от своих работ, которые за множеством материала побуждают до крайности дорожить временем до их окончания; во-вторых, глаза мои все более и более мне изменяют, и я не в силах работать так быстро, как прежде работал. Делать что нибудь между делом главным, вместо отдыха, не в моей натуре: увлекшись каким-нибудь историческим предметом, я весь предаюсь ему,

[1] «Чтения в имп. обществе истории и древностей российских» — журнал, издававшийся при Московском университете в 1845—1848 гг.

[2] «Холуй» был напечатан под названием «Холоп» в «Новом времени», 1878 г. Отдельное издание вышло в 1896 г.

[1] «Историческая библиотека» — научно-литературный журнал, издававшийся П. В. Полежаевым в 1878—1880 гг.

[2] Статья Костомарова «Афанасий Филиппович, боец за православную веру в Западной Руси» была напечатана в «Газете Гатцука», 1878, №№ 46—50.

пока не пройдет это увлечение, пока не надоест, а как надоест, то я уже не в силах приняться за него очень долго, и стоит только оставить его на две неде[illegible], чтобы не иметь охоты приняться за него целый год. По этим соображениям дозвольте мне по возвращении предложить «Древней и новой России» «Филипповича», а что-нибудь касающееся до послепетровского времени оставить до будущего года, когда выяснится, за что м[illegible] взяться.

Н. Костомаров.

Москва, 2 октября 1878 г.

Достопочтеннейший Сергей Николаевич,

Письмо ваше чрезвычайно меня обра[illegible]. Произошло так хорошо, как и ожидать было трудно. Без сомнения, судьба нового журнала[1] будет счастливее, чем «Древней и новой России», которую да помянет господь бог в царствии [illegible]оем. Да почиет в мире. Конечно, те[illegible]ем полагать большие надежды, [illegible]гда вы будете редактором, а издателем — Суворин. Журнальчик его «Новое время», вероятно, он закроет, потому что он может быть теперь уже лишним, а издавать рядом три повременных издания не будет ли в некотором смысле то же, что ловить разом трех зайцев? Я Вам приготовлю «Самозванца Симеона»[2], о чем мы уже говорили. Перебирая и так, и этак вопрос, где его напечатать, мы остановились было на «Древней и новой России». Это будет не длинная статейка и будет иметь интерес новости; кроме Соловье[illegible], у которого это событие изло[illegible] кратко, сообразно назначению истории, предназначенной для России всей и притом с древнейших времен до новейших, нигде, сколько помнится, не было о нем писано и печатано. Для дальнейших трудов я имею ввиду взяться за Анну Ивановну и Бирона[3], как с вами о том говорили, а вы мне пособите указаниями известных вам пособий и источников.

Глубокоуважающий и сердечно преданный Вам Н. Костомаров.

27 мая 1879 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Я прочитал статью и оставил у себя, дожидаясь, что, быть может, вы пожалуете во вторник, но как вы не пожаловали, то сообщаю вам письменно то, что думал сообщит[illegible] словесно. Я нахожу, что эта статья бессодержательна. Сами вы недовольны были «Луем Петровичем»[1] но «Луй Петрович» гораздо более может счесться имеющим некоторое значение, чем эта. Дело в том, что остается неизвестным, в чем состояли непригодные слова об Алексее Михайловиче. Есипов[2] [illegible]ем замечании сказал, что Соловьев [illegible]ся об этом деле неправильно. Смотрел я у Соловьева. Он, мне кажется, вполне прав, называя это дело вздорным делом, и вовсе не относит его к само[illegible], [illegible] говорил Есипов, а только, [illegible] являлись дела о [illegible], что возникали во[illegible] и указал на это, [illegible]. Печатать его и со[illegible] [illegible]рафию не стоит, [illegible]нно заплативши за него деньги. Едва ли будет стоить поговорить об этом более одной, а много двух, страниц.

Я написал для вашего журнала разбор книги Антоновича «Очерк истории великого княжества Литовского[3]. Будет ли годиться?

Вам преданный Н. Костомаров.

12 марта 1880 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Приезжавший от вашего имени за статьею и получивший ее от меня сообщил мне, что вы берете «Несчастного» Шевченка[4]. Я предоставляю вам назначить полистную плату, но имейте ввиду следующее: приезжавший сюда из Киева Житецкой передал мне, что братья покойного довольно избалованы и приучены ценить признаваемое в читающей публике достоинство таланта их брата, так как издате[illegible] стихотворений Тараса Григорьевича заплатили им за два тома две тысячи рублей. Поэтому что бы, по вашему соображению, следовало назначить за печатный лист «Несчастного»? Все таки надобно назначить так, чтобы на меня потом не толковали, что, дескать, я по какому-нибудь кумовству отдал его за бесценок. По крайней мере надобно, чтоб всякий смыслящий дело мог зажать рот какому-нибудь враλю, который стал бы болтать, что им дали слишком мало.

Ваш Н. Костомаров.

От редакции надобно бы написать, что это произведение никогда не было готов-

[1] «Исторический вестник».

[2] Рассказ Костомарова «Самозванец лже-царевич Симеон», напечатанный в «Историческом вестнике», 1880 г., кн. 1.

[3] Статья Костомарова об императрице Анне Ивановне была напечатана в журнале «Новь» за 1885 г.

[1] «Луй Петрович» — статья Костомарова, напечатанная в «Древней и новой России», 1879 г., кн. 2.

[2] Есипов, Г. В. — историк, заведующий архивом министерства императорского двора.

[3] Рецензия Костомарова на книгу Антоновича напечатана в «Историческом вестнике», 1880 г., кн. 2.

[4] «Несчастный», неизданная повесть Т. Г. Шевченко. Напечатана в «Историческом вестнике», 1881 г., кн. 1, с предисловием Костомарова.

[illegible] автором к изданию в свет и составляет только один из набросков [illegible] [illegible]

[illegible] 1880 г.

Драгоценнейший Сергей Николаевич,

Я перебрался в город и жажду [illegible] вас, когда возможно будет, не ради иного чего прочего, как только для того, чтобы в беседе с вами душу отвести, по[illegible] вас очень люб[illegible].

[illegible] ния [illegible] литературы Петрова[1] роковое: окончание. Я думал, [illegible] Ма-[illegible][2]. [illegible] за что [illegible] дороге. [illegible] статьями в «[illegible] Киевской [illegible]алемии», [illegible] совершенно неведомый [illegible] интеллектуальной деятельн[illegible] Южной Руси в XVII и XVIII сто[illegible]. И [illegible] статье, которою он [illegible] «Истор[illegible]ский вестник», [illegible]. Я [illegible]зреваю, что вы [illegible] неинтересным и [illegible], [illegible] от него отвязат[illegible]. [illegible] жаль, что [illegible]. Вы бегаете от [illegible] Руси, [illegible]. [illegible] вы одни, [illegible] это ведь провинциа[illegible] закон-т[illegible] своем столичном [illegible]комерии [illegible], что все на широкой Руси разл[illegible] ни взгляды. Вы [illegible] литературу соучаст[illegible] Юзефовичей, Черт[illegible], etc., etc., открывающих некую антигос[уд]арственную опасность в том, что в Южной Руси параллельно с Северною [х]отят жить не одною [illegible] и работать на ученом и [illegible] поприще над элементом [illegible] местной жизни.

Сергей Николаевич, ради б[illegible], не при[illegible]вайте вашего честного [illegible] подлецов и пошляков. Вы находили, что статья Лазаревского[4] скучна: тепе[рь] вы ее напечатали и оказывается, что она занимательна и драгоц[ен]на для истории края. Ведь ваш журнал специально-исторический: на каком же основании может быть в нем обречена невниманию половина русско-славянского мира? Вы, как [illegible] же [illegible] и умный. [illegible] Южной Руси, [illegible] отвернется от вашего [illegible]. А [illegible] много получите [illegible] для работы в вашем журнале [illegible]. Извините, что пишу [illegible]. Не плюйте на нас, мы [illegible] [к]оторого сами захотите напит[illegible]. [illegible] важны для мыслящих чит[illegible] [illegible] могут быть только [illegible] [к]оторые с большею [illegible] по-французс[illegible]. А семья Скоропадских [illegible] оригиналь[illegible] [illegible] истории [illegible]. [illegible]ме того, выпустивши на[illegible] и преждевременно [illegible] [ко]мпрометирует [illegible] журнал и в глазах всякой образованной публики: уж если вы находите неудобным толковать об этом, то не брать бы [в]ам вовсе от Петрова этой статьи, а не уродовать ее таким образом. Разве она вам не прислана? Не понимаю. Или он [illegible], что прислал вам ее в таком [illegible].

[illegible] [н]еизменно преданный

Н. Костомаров.

[illegible] сентября 1880 [illegible].

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

[illegible] «Черниговка»[1], назначенная ва[illegible] помещению в «Историческом вестнике», переписана. [illegible]

[illegible] но же[illegible] «Черниговка» [illegible] малороссийской речью, и не было по[мин]а о том, чтоб изменять ее. Потом вы [illegible] речь везде русская, [illegible] на отзывы, слышанные вами от Буренина[2]. Мнениями Буренина [illegible] интересуюсь, а [illegible] вами исклю[illegible] от желания угодить собственно [illegible], [illegible]том, как сами вы знаете, с [т]ем, чтобы отпечатано было определенное количество экземпляров на издательский счет с возвращением издержек печатания и бумаги из выручки, и в этих отдельных экземплярах сохранена была малороссийская речь.

[illegible] представляется вопрос: не [illegible]ойти, мимо вашего желания, [illegible] русский перевод речей от[illegible] [ж]урнале, а малороссийский

---

[1] Петров, Н. И. «Очерки из укра[illegible] литературы». Печатались в «Историческом вестнике» за 1880—1883 гг.

[2] Артемовский-Гулак, П. П. (1770—1865) — известный украинский поэт; [про]фессор Харьковского университета.

[3] Думитрашко, К. Д. (1814—1886) — украинский поэт.

[4] Лазаревский, А. М. «Люди старой Малороссии (семья [Ск]оропадских)», «Исторический вестник», [illegible] г., кн. 2

[1] Повесть Костомарова «Черниговка (быль второй половины XVII в.)», напе[ч]атана в «Историческом вестнике», [illegible] г., кн. 1—2.

[2] Буренин, В. П.— литературный критик, сотрудник «Нового времени». В. И. Ленин считал имя Буренина синонимом всего грязного и продажного в литературе.

подлинник их забросится? Если этого не будет, если вы можете обязаться [illegible] стороны словом, что отдельное изд[illegible] малороссийскими речами появится в печати, то я вам верю; а если же [illegible] сами, быть может, в том не уверены, то не найдете ли удобным взять от С[illegible]рина письменное обязательство, что с напечатанием «Черниговки» в «Историческом вестнике» будет на упомянутых выше условиях отпечатано хоть в числе ше[illegible]сот экземпляров отдельное издание ее с сохранением малороссийских [illegible].

Я вам совершенно верю, но [illegible] вижу из-за вас какую то [illegible] любивую волну, которая готова [illegible] прочь с литературного поля мою «Черниговку» в присущем ей хорактере [illegible].

Ваш [illegible]

[illegible] октября 18[illegible] г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Вы на меня налегаете, как римский полководец, очертивший кру[illegible] земле около сирийского царя и требовавший решительного ответа сенату прежде, чем выступить из круга. Я не могу никогда обязаться то или другое писать, а еще более к тому или другому сроку. У меня такая натура, что если меня принудят к подобному своязыванию, то [illegible] омерзеет то дело, которое бы я испол[illegible] с любовью при совершенной свободе. [illegible]ольно того, что я слово даю вам не пропустить «Исторического вестника» [illegible] предложения первого годного для печатания в нем моего сочинения. А как [illegible] и вам могу обязываться заглавием, [illegible] еще в такую пору, когда у м[illegible] под рукою материала с уже начатых набросок.

Ваш Н. Костомаро[illegible]

15 октября 1881 [illegible].

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Я получил, наконец, свои [illegible] занимусь прежде всего окон[illegible] приготовлением к печати «Мазепы», которого немедленно по окончании последнего просмотра отправлю в [illegible] «Русской мысли». Из переданных вами дел я начал еще в деревне писать о двух бабах, но остановился за недостатком на месте некоторых сведений. Т[illegible]перь, по отправке «Мазепы» [illegible] а него [?].

Я прив[illegible] меня всег[illegible] тому что [illegible] вах должно [illegible]ражать [illegible]нения. Вот и теперь моно[illegible]не» окончена, а я еще не [illegible] дать заглавие.

Вам искр[illegible]нно преданный [illegible] вас у[illegible]жающий Н. К[illegible].

22 октября 1881 г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

Сердечно благодарю [illegible] мне внимание. Я затрудняю[illegible]. Это похоже бу[illegible] то напиваться с своей доче[illegible] строй в невесты. Никогда подоб[illegible]ний я не делал, чтоб у м[illegible] [illegible]ли мои сочинения. Надобно [illegible] [illegible] с Вольфом почти дело [illegible] заключено, и я поэтому еще свободен, только мне [illegible]ло бы приятнее отдать «Смутное время»[1] за ту же цену (по 600 р. за том) [illegible] Вольфу потому именно, [illegible] издает с по[illegible] [illegible] Шуйского [illegible] Филаре[illegible] [illegible]го десят[illegible].

[illegible] «Истор[illegible] будут готовы[2]. Нужно т[illegible].

[illegible] Н. К[illegible]

[illegible] 18[illegible] г.

Многоуважаемый Сергей Николаевич,

[illegible][3] я знал когда то. Он действитель[illegible] сидел в Петропавловской крепости, [illegible] что — подлинно не знаю. Насколько [illegible]мнится был он прикосновен к студен[illegible]ским волнениям в 1861 г. Потом он [illegible] и в Кострому, где я с ним [illegible]я в 1865 году. С тех пор я потерял [illegible] след и не знаю, жив ли он. Он был близко знаком с моим приятелем [illegible]ым Николаем Ивановичем К[illegible]. [illegible]м о нем сообщить может ро[illegible] мянница Катенина — Надежда А[illegible]вна Белозерская...

А [illegible] же Вы не берете «Ксении Борисовны»?[4]. Или приезжайте за нею сами или прикажите, куда доставить? Она [illegible]вно г[illegible].

Ваш Н. Костомаров.

[illegible] октября 1883 [illegible]

---

[1] Отдельное издание работы Костомарова «Смутное время Московского государства» вышло в 1883 г. у Вольфа.

[2] Речь идет, вероятно, о серии «Бытовых очерков из русской истории XVIII в.», напечатанных в «Историческом вестнике». 1883 г., кн. 1, 3.

[3] Дозе, Федор Иванович, (р. 1831 г.) преподаватель Ларинской гимназии в Петербурге. За участие в студенческом движении был арестован в 1862 г., заключен [illegible] Петропавловскую крепость, а затем [illegible] в 187[illegible] г. застре[illegible].

[4] [illegible] Костомарова, «Ксения Борисовна Годун[illegible] (по поводу картины художника [illegible], «Исторический вестник», 1884 г., [illegible] 1.

Добрейший Сергей Николаевич,

Приношу Вам признательность свою за дружелюбное сообщение указания на статьи, касающиеся Анны и Елисаветы, рассеянных в периодических изданиях. Я прочитал Ваши исторические рассказы и пожалел, а вместе с тем удивился, что [illegible] историче[illegible] [illegible]тся Вами [illegible] стояло никакой предварительной затраты. Прочел Карновича[1]: превосходнейшее исследование, чрезвычайно ясно и убедительно изображает он в настоящем [illegible] эпоху Бирона, очищая ее здоровой [illegible]тикой от шелухи, наложенной на прежние труды о ней, и старою рутиною, и романизмом, и неповоротливостью и [illegible] исторических мыслителей.

Ваш Н. Костомаров.

[illegible]

[1] Карнович Евгений Петрович, (1823—1885) — историк и беллетрист, сотрудник «Исторического вестника».

Содержание

Редакционная коллегия

Сдано в производство 17—21/III 1939 г. Подписано к печати 19/V 1939 г. Статформат Б. 176×250. 16½ печ. л. 61 880 зн. в печ. л. О. Э. (п.) № 15 Заказ 369. Уполномоч. Главлита РСФСР № А—5670 Техредактор **И. Широков.** Тираж 4 525 экз.

18-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ
ГАУ НКВД СССР

объявляет

ОСЕННИЙ ПРИЕМ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ 1939 ГОДА

ИНСТИТУТ готовит научных работников, историков-архивистов для научно-исследовательских учреждений системы ГАУ НКВД СССР.

В ИНСТИТУТ принимаются граждане СССР в возрасте от 17 до 35 лет, имеющие законченное среднее образование, в соответствии с правилами приема 1939 г., утвержденными Всесоюзным Комитетом по делам высшей школы.

Прием заявлений о зачислении в институт производится с 20 июня до 1 августа 1939 г.

К заявлению должны быть приложены:

а) подробная автобиография;
б) аттестат об окончании среднего учебного заведения (в подлиннике);
в) паспорт (предъявляется лично);
г) три подписанные и заверенные фото-карточки;
д) справка об отношении к воинской обязанности.

Приемные испытания производятся с 1 по 20 августа.

Студенты и аспиранты обеспечиваются стипендией, а иногородние и общежитием.

Одновременно производится прием на заочное отделение и экстернат.

Документы направлять:

Москва, 12, ул. 25 Октября, д. 15.

ДИРЕКЦИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

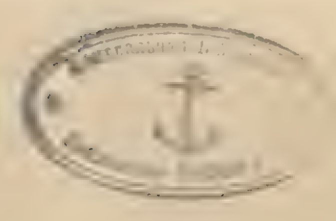
ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ТРЕТИЙ
(ДЕВЯНОСТО ЧЕТВЕРТЫЙ)

1939



ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1939

Петроградские рабочие в борьбе с Юденичем

Героическая оборона города Ленина — колыбели социалистической революции — от нашествия банд Юденича вошла одной из самых ярких страниц в историю гражданской войны в СССР.

Русская контрреволюция и международные интервенты на всем протяжении гражданской войны не оставляли затеи овладеть Петроградом — одной из твердынь социалистической революции. С этой целью немецкими и англо-французскими интервентами еще в 1918 г. была начата спешная организация белогвардейских отрядов на территории Финляндии и Эстонии, которые впоследствии составляли основные кадры белогвардейской армии Юденича.

В мае 1919 г. белогвардейцы с помощью англо-французов организовали первый поход на Петроград.

Эта попытка овладеть Петроградом встретила решительное сопротивление со стороны Красной армии и рабочих Питера. Петроград в течение нескольких дней усилиями рабочих был превращен в неприступную крепость.

В момент опасности для Петрограда наша партия бросила все свои лучшие силы на борьбу с белогвардейцами. На Петроградский фронт был послан товарищ Сталин. Под его руководством Красная армия нанесла сокрушительный удар отрядам белой гвардии и интервентов.

Под руководством товарища Сталина большевики и рабочий класс города Ленина провели исключительно большую работу по обороне Петрограда. Одновременно были ликвидированы контрреволюционные гнезда белогвардейцев и интервентов, притаившихся в особняках столицы.

Характеризуя силы противника на Петроградском фронте, товарищ Сталин указывал: «По всем данным, противник рассчитывал не только, или, вернее, не столько на свои собственные силы, сколько на силу своих сторонников - белогвардейцев в тылу у наших войск, в Петрограде и на фронтах.

Прежде всего, проживавшие в Питере так называемые посольства буржуазных государств (французское, швейцарское, греческое, итальянское, голландское, датское, румынское и пр.), занимавшиеся финансированием белогвардейцев и шпионажем в пользу Юденича и англо-франко-финно-эстонской буржуазии. Эти господа швыряли деньгами направо и налево, подкупая в тылу нашей армии все подкупное» [1]. Юденич и его хозяева англо-французские и прочие империалисты рассчитывали на внутренние силы русской контрреволюции, буржуазию, меньшевиков и эсеров, проживающих в тылу Красной Армии и в самом Петрограде. Однако, эта надежда организаторов контрреволюции не оправдалась. Героический пролетариат и Рабоче-Крестьянская Красная армия, руководимые партией Ленина — Сталина, сорвали злодейские планы врагов и с корнем вырвали их носителей. «...Расчеты противника,— указывал товарищ Сталин,— не оправдались. Красная Горка, занятая на сутки, благодаря внут-

[1] К. Е. Ворошилов, Сталин и Красная армия, Госвоениздат, 1937, стр. 101.

ренней измене со стороны левых эсеров, была мигом возвращена Советской России мощным ударом балтийских моряков с моря и с суши...

Так называемые посольства и их шпионы были арестованы и отведены в более спокойные места, причем в некоторых посольствах были найдены пулеметы, ружья (в румынском посольстве даже одно орудие), тайные коммутаторы и прочее. Буржуазные кварталы Петрограда были подвергнуты поголовному обыску, причем было найдено четыре тысячи винтовок и несколько сотен бомб» [1].

Своевременная ликвидация контрреволюционных очагов в Петрограде и под Петроградом в сильной степени укрепила революционную оборону Петрограда. «Петроград готов,— говорил товарищ Сталин,— ко всяким возможным со стороны противника неожиданностям... Красная армия под Петроградом должна победить» [2]. Эти слова товарища Сталина полностью подтвердились. Красная армия, несмотря на исключительные трудности, одержала победу. Белые банды Юденича и интервентов были наголову разбиты на подступах к Петрограду.

Второй поход Юденича на Петроград совпал с наиболее тяжелым периодом, переживаемым страной Советов. С одной стороны Деникин успешно продвигался к Москве, с другой,— нависла новая угроза Петрограду. Русские белогвардейцы и иноземные захватчики рассчитывали нанести одновременный удар Москве и Петрограду. Но эти авантюристические расчеты врагов социалистической республики не оправдались. Банды Деникина, вдохновляемые англо-французскими империалистами, захватившие и ограбившие Орел, через несколько дней поспешно, в беспорядке отступали под ударом героической Красной армии, руководимой мудрым полководцем и великим стратегом социалистической революции товарищем Сталиным.

Огромные успехи были одержаны Красной армией и на Восточном фронте. Юденич и его банды, начавшие 10 октября наступление на Петроград, также встретили сопротивление со стороны 7-ой Красной армии и рабочих отрядов Петроградского фронта. На помощь 7-ой армии Петроградского фронта по распоряжению Ленина и Сталина были посланы надежные подкрепления из Москвы, Тулы, Иваново-Вознесенска и других городов Советской республики. Из Москвы были направлены курсанты и три бронепоезда, конный полк из Тулы, отряды рабочих Иваново-Вознесенска, красноармейские части из Твери и Владимира.

Юденич еще до начала наступления имел детально разработанный план захвата Петрограда. Согласно этому плану группа белогвардейских войск, расположенная юго-восточнее гор. Гдова, должна была начать демонстративное наступление на ст. Струги, между Лугой и Псковом, с тем, чтобы отвлечь силы Красной армии, одновременно более сильным натиском повести наступление в направлении Ямбург — Петроград. Разработка этого плана Юденичем происходила при активном участии провокатора Люденквиста, пробравшегося на пост Начальника штаба 7-ой Красной армии. Люденквист не только передавал сведения о состоянии боевых сил Красной армии и об укрепленном районе, но и делал все для того, чтобы ослабить заранее обусловленные пункты, на которых должно было развертываться наступление Юденича.

Но этот злодейский план был сорван самоотверженностью частей Красной армии Петроградского фронта.

Красная армия отбивала атаки белогвардейцев. Нужно заметить, что к моменту наступления на Петроград армия Юденича насчитывала 6 дивизий хорошо обученных и вымуштрованных солдат и, главным образом, офицеров. Англо-французы снабдили армию Юденича 450 пулеметами, 60 орудиями,

---

[2] К. Е. Ворошилов, Сталин и Красная армия, стр. 101—102.

с танками и т. д. Против этих сил героически сражались 7-ая Красная армия и рабочие отряды Питера, отстаивая пядь за пядью подступы к Красному Петрограду.

Наша партия снова призвала рабочих Питера организовать революционную оборону Петрограда — этого форпоста социалистической революции.

17 октября 1919 г. В. И. Ленин обратился с письмом к рабочим и красноармейцам Петрограда.— «Товарищи! — говорилось в этом письме,— наступил решительный момент. Царские генералы еще раз получили припасы и военное снабжение от капиталистов Англии, Франции, Америки, еще раз с бандами помещичьих сынков пытаются взять Красный Питер... Товарищи! Вы все знаете и видите, какая громадная угроза нависла над Петроградом. В несколько дней решается судьба Петрограда, решается судьба одной из твердынь Советской власти в России... Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! Победа будет за нами»[1].

Петроградская большевистская организация и рабочий класс мобилизовали свои силы на фронты, в то же время проводили гигантскую работу по внутреннему укреплению Петрограда. Петроградская организация большевиков строго осуществляла указания В. И. Ленина, изложенные в его телеграмме Исполнительному комитету Петроградского совета по поводу наступления Юденича, в которой Ленин писал: «Ясно, что наступление белых — маневр, чтобы отвлечь наш натиск на юге. Отбейте врага, ударьте на Ямбург и Гдов. Проведите мобилизацию работников на фронт. Упраздните девять десятых отделов. Мобилизация всех сил на фронт у нас еще нигде не проводилась, хотя много писалось о том, есть и постановление Центрального Комитета и циркулярные письма. Надо успеть их прогнать, чтобы вы могли опять оказывать свою помощь югу»[2].

В то время, как Ленин и Сталин требовали бросить лучшие силы и нанести сокрушительный удар врагу на подступах к Петрограду, презренные предатели Троцкий и Зиновьев выдвинули провокаторский план сдачи Петрограда бандам Юденича. При этом они, пытаясь усыпить бдительность рабочих, доказывали, что в стенах города якобы будет легче бороться с белыми. Изменническая попытка провокаторов Троцкого и Зиновьева сдать Петроград белогвардейцам была ликвидирована боевой сплоченностью и революционной бдительностью рабочих и Красной армии Петрограда. Банды Юденича были разбиты на подступах к Петрограду рабочими и красноармейцами, выполнявшими директивы В. И. Ленина.

История не знает ничего более величественного, чем героизм и самопожертвование, которые были проявлены рабочими и работницами города Ленина в дни героической обороны Петрограда.

17 октября в течение одного дня была проведена мобилизация рабочих, родившихся в 1879—1901 гг. Мобилизованные направлялись в районные штабы обороны, где проводилось формирование полков и отрядов и выдавалось оружие. Сформированные отряды немедленно в боевом порядке отправлялись на фронт, наряду с этим создавались резервные отряды разведчиков, пулеметчиков и других родов оружия. Рабочие и работницы в течение короткого времени превратили Петроград в неприступную крепость. Изумительную храбрость вместе с рабочими показали и работницы. Женщины шли в отряды связи, санитарные летучки и т. д. Четырнадцать тысяч работниц вместе с мужчинами стойко защищали Петроград. Около трех тысяч работниц было направлено на фронт.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 488.

[2] Там же, стр. 486.

В героической обороне исключительную роль сыграла пролетарская молодежь, возглавляемая Петроградским комсомолом. Петроградский комсомол под лозунгом: «Иду на бой», повел тысячи героических бойцов из рядов молодежи. Молодежь вместе с рабочими и работницами, под руководством большевиков, шла в боевых рядах на фронт, а также принимала самое активное участие на различных участках внутренней обороны Петрограда. В результате оборонных мероприятий каждый район, каждый квартал, фабрики и заводы были превращены в укрепленные пункты. В городе, во всех стратегических пунктах рылись окопы, устанавливались орудия и пулеметы. Работа фабрик и заводов была подчинена задачам обороны; рабочие, не щадя своих сил, днем и ночью по-боевому выполняли заказы оборонных организаций.

Особую роль в эти дни сыграли рабочие завода им. Кирова (б. Путиловского). Например, рабочие лафетно-снарядной мастерской менее чем за сутки оборудовали 5 броневиков со специальными приспособлениями. С 10 октября по 10 ноября заводом было отремонтировано 32 пушки, сделано 40 новых пушек, 24 панорамы к прицелам, отремонтировано 8 бронепоездов и 16 вагонов к ним, отремонтировано 17 грузовых бронеавтомобилей и т. д. Производительность труда на ряде фабрик и заводов возросла в два-три раза. Тысячи рабочих, членов большевистской партии, отправились на фронт.

Титанически напряженная оборонная работа и героизм рабочих и работниц Петрограда послужили залогом победы над бандами Юденича.

Разгром Юденича по существу был крахом русской контрреволюции и международной интервенции.

Ниже мы публикуем доклады, отчеты и сводки о мероприятиях по обороне отдельных районов, фабрик и заводов в дни нашествия банд Юденича на Петроград.

Документы в яркой форме отражают историческую обстановку в период героической обороны Петрограда.

Оригиналы публикуемых документов хранятся в Центральном Архиве Октябрьской Революции — Ф. 1917, оп. 20. Документы выявлены научным сотрудником ЦАОР Рыбинским.

Г. Костомаров

К рабочим и красноармейцам Петрограда [1].

Товарищи! Наступил решительный момент. Царские генералы еще раз получили припасы и военное снабжение от капиталистов Англии, Франции, Америки, еще раз с бандами помещичьих сынков пытаются взять красный Питер. Враг напал среди переговоров с Эстляндией о мире, напал на наших красноармейцев, поверивших в эти переговоры. Этот изменнический характер нападения — отчасти объясняет быстрые успехи врага. Взяты Красное село, Гатчина, Вырица. Перерезаны две железные дороги к Питеру. Враг стремится перерезать третью, Николаевскую, и четвертую, Вологодскую, чтобы взять Питер голодом.

Товарищи! Вы все знаете и видите, какая громадная угроза повисла над Петроградом. В несколько дней решается судьба Петрограда, решается судьба одной из твердынь Советской власти в России.

Мне незачем говорить петроградским рабочим и красноармейцам об

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 488.

их долге. Вся история двухлетней беспримерной по трудностям и беспримерной по победам советской борьбы с буржуазией всего мира показала нам со стороны питерских рабочих не только образец исполнения долга, но и образец высочайшего героизма, невиданного в мире революционного энтузиазма и самоотверждения.

Товарищи! Решается судьба Петрограда! Враг старается взять нас врасплох. У него слабые, даже ничтожные силы, он силен быстротой, наглостью офицеров, техникой снабжения и вооружения. Помощь Питеру близка, мы двинули ее. Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! Победа будет за нами!

В. Ульянов-Ленин.

17 октября «Петроградская Правда» № 237, 19 октября 1919 г.

Доклад — отчет о деятельности рабочих организаций Охтенского порохового завода за время с 15 октября по 7 ноября 1919 г. в связи с отражением наступления Юденича на Петроград [1]

Ночью 15 октября, после заседания Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов, в завкоме завода было созвано собрание из представителей завкома, Отдела труда и их комиссий и организована тройка [2]. Сейчас же образованной тройкой было сделано распоряжение о выключении всех телефонов из городской сети и перерыв сообщений с квартирами. Дежурство по завкому и заводу стало производиться исключительно членами Ревтройки и завкома. Немедленно образован патруль из членов завкома и членов комиссии для поверки караулов, удвоен караул у наиболее важных постов.

На другой день, т. е. 16 была открыта запись в отряд особого назначения, каковой и определился в 35 человек, честных преданных товарищей. Вооруженная охрана завода, состоящая из 100 чел., была распущена и окарауливание завода стал нести этот отряд, получивший чисто воинский вид, организацию и дисциплину.

16 октября было отдано и немедленно выполнено распоряжение о сосредоточении всего имеющегося в заводе огнестрельного оружия в заводском комитете, какового оказалось:

Винтовок Бердана — 96 шт.
» трехлинейных — 11 шт.
» японских — 7 шт.
Патронов к винтовкам свыше 10 тыс.

17 октября по инициативе Ревтройки завода было созвано общезаводское собрание — митинг, на котором после докладов о текущем моменте была принята 407-ю при трех воздержавшихся следующая резолюция:

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 9, лл. 26—29. Заголовок подлинника. Отчет печатается с некоторыми незначительными сокращениями. Этот, а также и все последующие отчеты заводов и районных штабов обороны составлены согласно телефонограммы члена Реввоенсовета 7-ой армии (ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 32, л. 17).

[2] В связи с грозным положением на фронте Петроградский Совет в своем заседании от 15 октября 1919 г. постановил организовать революционные тройки на всех фабрично-заводских предприятиях. С созданием троек на фабриках и заводах, к которым переходила вся полнота власти, видоизменялась обычная форма заводоуправления.

«Мы, трудящиеся Охтенского порохового завода, собравшиеся для обсуждения вопроса о создании внутренней обороны, заявляем, что золотопогонники генералы, ведущие белогвардейские банды на Красный Питер, несут цепи рабства и насилия для рабочего класса. Стоя за завоевания рабочей революции, мы, организуясь, дадим жестокий отпор белогвардейской своре.

Всем честным сознательным рабочим место в создаваемом при заводе для отражения врага отряде. Все способные держать винтовку в руках — в отряд».

16-го, 17-го, 18-го и 19-го октября производилась подготовка отряда к выступлению, снабжение его обувью, шитье вещевых мешков, подсумков и т. п., выделение товарищей для оставления в заводе. К вечеру 19 октября отряд был совершенно готов к выступлению; перед уходом состоялось собрание членов отряда, на котором были персонально закреплены остающиеся товарищи.

Выступление отряда было отменено, ввиду распоряжения об оставлении таковых отрядов в своем районе.

Остальные дни до 25 октября прошли в текущей деловой работе и окарауливании завода. Караул завода был доведен до 110 чел. с воинской организацией, патрулями и объездом верховыми караулов.. Была организована учебная стрельба. Все время поддерживалась самая живая связь с районным штабом и центром и обслуживание всех нужд штаба и района средствами завода; развозка и доставка всяких материалов, снарядов, перевозка орудий и установка их на позициях, проводка телефонных линий па батареи и др., учет средств и материалов завода, изготовление для отряда пальто непромокаемых, матрацов и наволочек для подушек, оборудование кроватей и нар районной казармы, проводка электрического освещения в казармы, ремонт походных кухонь, ремонт помещений для отряда, изготовление кухонной и обеденной посуды для мобилизованных и пр. и пр.

25 октября была объявлена и проведена мобилизация рабочих завода в возрасте от 18 до 43 лет и все эти рабочие переведены на казарменное положение.

С этим переводом окарауливание завода перешло к отряду внутренней обороны и жизнь Ревтройки пошла значительно ровнее, спокойнее, что дало возможность перейти к разрешению наболевших общезаводских вопросов и произвести коренную ломку для реорганизации заводоуправления и дальнейшей деятельности завода.

Прежний состав заводоуправления, состоящий из 4 военспецов и 3 рабочих, из коих один добровольно ушел из правления, а двоим было вынесено недоверие трудящимися завода, этот состав заводоуправления, усиленный чрезвычайным комиссаром завода, не только не считался с демократическими организациями, но упорно противодействовал всем начинаниям завкома и отдела труда. В конце сентября дело дошло до того, что распоряжением комиссара приказывалось не приводить в действие ни одно распоряжение завкома, а завком, в свою очередь, передал дело в конфликтную комиссию Петроградского отдела труда. Чувствуя, что демократические организации питать особого расположения к ним не могут и что дело принимает грозный оборот, они все как-то притихли и спрятались по своим норам, а глава заводоуправления под каким-то предлогом даже уехал в Москву. Завод фактически остался без управления, почему Ревтройка взяла на себя всю власть по заводоуправлению.

23 октября на основании вышеприведенных причин Ревтройкой завода были сорганизованы подсобные тройки для управления заводом, ведения работ и подготовки завода к зимней стоянке, а именно:

1) коммерческо-хозяйственная тройка для управления и делопроизводства,

2) по заведыванию производством,

3) по заведыванию механической частью завода и

4) продовольственная.

Эти тройки были призваны разрешать вопросы по своей компетенции под общим главным руководством Ревтройки, каковые вопросы успешно разрешаются.

Охтенский пороховой завод в настоящее время причислен к числу закрытых заводов, так как все сырье у него и значительная часть механизмов вывезена, в заводе производится лишь частичная работа по прессованию шашек; производилась эвакуация. Штат завода уменьшен до минимума. Ни одна работа не была перервана ни на минуту, все были на своих местах. Никаких случаев как отказа от работ, так и явного недовольства не было, все время было ровное, спокойное настроение и полнейшая готовность итти на защиту нашей Советской власти.

29 октября, принимая во внимание смягчившееся положение, Ревтройкой завода был сорганизован новый штат заводоуправления на основе постановления 2-й Всероссийской конференции представителей артиллерийских заводов. Было сорганизовано новое заводоуправление из двух рабочих и одного спеца.

На основе постановления этой же конференции был составлен штатный минимум завода и таким способом было выделено 15 человек спецов, коим в заводе не оказывается места и в коих имеется надобность на других заводах артиллерийского ведомства. В продолжение почти года демократическая организация завода боролась за это и этого не удавалось сделать до этого момента.

Деятельность нового состава заводоуправления протекает в высшей степени плодотворно; все вопросы и дела [заводоуправление] решает быстро и в интересах дела никаких трений и разногласности не вытекает, т. к. обсуждения происходят в объединенных заседаниях с представителями завкома, отделом труда и представителями коллектива завода.

Деятельность и значение Ревтройки завода были настолько значительны, необходимы и своевременны, что на заседании по реорганизации нового заводоуправления было единогласно признано необходимым оставить Ревтройку, в каковую входят два товарища из заводоуправления и председатель завкома.

Несмотря на кратковременное существование Ревтройки завода, она оказалась наиболее деятельной и жизнеспособной из всех организаций завода и, несмотря на тяжелое, напряженное время, сумела сохранить завод, не прерывая его деятельности и работ, сумела подойти к решению таких вопросов, над которыми бились в продолжение многих месяцев все организации завода.

Но этому способствовали как переживаемый момент, так и те полномочия, которые были даны Ревтройкам постановлением Петроградского совета, и хотя бюрократы Ц. П. А. зав. [Центральное Правление Артиллерийских заводов] тянут к ответу Ревтройку за ее деятельность и ста-

раются аннулировать ее постановления, все же прежнего им не возродить и той Октябрьской революции, каковая произошла на Охтенском пороховом заводе, не приостановить.

Члены коллектива (подписи).

Члены заводоуправления (подписи).

Донесение фабрично-заводского управления Государственного завода резиновой промышленности № 1 в штаб 7-й армии, 12 ноября 1919 г. [1]

В ответ на телефонограмму от 9 ноября с. г. фабрично-заводское управление и фабрично-заводской комитет Государственного завода резиновой промышленности № 1 сообщают, что немедленно после получения в Петрограде известия о наступлении белых с Юденичем на Петроград, завод был переведен на военное положение. Были приняты меры к усилению охраны завода и имеющихся на нем ценных материалов. Производство всех выполняемых заводом работ на оборону продолжалась с полным напряжением и деятельность завода ни на один день не была приостановлена, наоборот, были приняты все меры к повышению и поднятию производительности труда по изготовлению необходимых для армии предметов, в частности по ремонту автомобильных шин, камер и покрышек. Все рабочие, в возрасте от 18 до 43 лет, оставленные на учете в заводе, в количестве около 200 чел., были переведены на казарменное положение в заводе, причем днем они выполняли заводские работы по изготовлению необходимых для снабжения армии предметов, а вечером проходили воинское обучение и ночевали на заводе на случай тревоги и экстренного вызова для отражения врага. Все коммунисты завода, за исключением председателя заводского комитета, оставленного на заводе по распоряжению подлежащих учреждений, были мобилизованы и отправлены на фронт. Значительная часть из них вернулась на завод, получив ранение и контузии. Женщины-работницы были точно также мобилизованы, причем женщины-коммунистки находились все время в распоряжении Районного комитета российской коммунистической партии, а беспартийные в распоряжении штаба обороны Нарвско-Петергофского района.

Когда враг подошел особо близко к Петрограду, по экстренному требованию штаба внутренней обороны, заводом, ночью, по квартирам было собрано до 60 рабочих, которые в течение трех суток, работая днем на заводе, ночью рыли окопы и устраивали иные оборонительные сооружения.

Для экстренного отпуска воинским частям необходимых им материалов из числа имеющихся на заводе были организованы беспрерывные суточные дежурства членов заводского комитета, технического персонала и ответственных служащих в качестве представителей заводоуправления. Особенно часты были требования в ночное время на отпуск автомобильных камер и покрышек. В то же время производилась срочная эвакуация имеющихся на заводе значительных запасов калош, необходимых для товарообмена, подошвенной пластины и прочих ценных материалов.

В мастерских при торговом отделении завода на Екатерининском канале № 34 была оказана помощь некоторым воинским частям по

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 52, лл. 9—10.

экстренному ремонту автомобилей, как-то натяжка бандажей, шин и т. п. В то же время завод предоставил свои неработающие помещения для размещения воинских частей, причем около 12.000 красноармейцев получили на заводе приют с горячим кипятком и, кроме того, заводом были им предоставлены всякого рода удобства. Отпуск всех материалов по требованию воинских частей совершался в течение круглых суток и удовлетворялся таковой, не требуя выполнения сложных в обычное время формальностей.

Таким образом, фабрично-заводским управлением и фабрично-заводским комитетом, а также всем рабочим, техническим и служебным персоналом с полным напряжением всех сил были приняты меры к оказанию посильной помощи Красной армии по защите Петрограда в Октябрьские тревожные дни.

Председатель фабрично-заводского управления (подпись).

Обзор деятельности Ижорского завода в связи с наступлением на Петроград белогвардейских банд Юденича, 13 ноября 1919 г.[1]

С момента получения известий о взятии Ямбурга белогвардейскими бандами Юденича и продвижении их на Гатчино, коллегией заводоуправления и заводским комитетом были приняты самые энергичные и решительные меры к поднятию до возможного максимума производительности работ, как по бронированию поездов и автомобилей, так и по изготовлению прочих предметов боевого снабжения для защиты Советской республики.

Благодаря своевременно принятым мерам, все телефонные и личные распоряжения и. о. председателя коллегии заводоуправления приводились в исполнение в самый кратчайший срок и работы производились чрезвычайно усиленным темпом. Ярким доказательством этого служит то обстоятельство, что в сравнительно короткий период времени, с 12 октября по 9 сего ноября, Ижорским заводом исполнено работ по бронированию поездов и автомобилей, непосредственно для фронта, и ремонту их после боевых действий столько, что для исполнения их в условиях мирного времени потребовалось бы ни в коем случае не менее трех месяцев; причем самая большая часть этих работ выполнена паровозомеханическим отделом и подсобной железокотельной мастерской.

Нельзя к этому не добавить, что такая высокая производительность, несмотря на топливный кризис, тяжелое продовольственное положение, изнуренность и обношенность рабочих, была достигнута лишь благодаря героическим усилиям рабочих завода, откликнувшихся на первый же призыв заводоуправления и заводского комитета и ставших на защиту рабоче-крестьянской власти, работая почти не выходя из завода круглые сутки.

С приближением же белогвардейских банд почти к самому Колпину, среди рабочих стало замечаться несколько паническое настроение, но, немедленно, принятыми заводоуправлением и заводским комитетом мерами, настроение рабочих было быстро поднято и работы продолжались еще энергичнее, несмотря на ружейные и пулеметные выстрелы и разрывы снарядов почти над территорией города Колпино, ибо белые банды одно время находились в двухверстном расстоянии от него.

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 52, лл. 7—8. Заголовок подлинника.

Одновременно с удовлетворением фронта боевыми предметами, снабжением его всеми хозяйственными материалами и вещами вплоть до оглобель, а также производством ремонта обозных повозок, походных кухонь, легковых и грузовых автомобилей, ковки лошадей, заводу пришлось предоставить свой конный и автомобильный транспорт, включая даже пожарный автомобиль, для работы на передовых позициях по уборке раненых и доставке их в организованные в Колпине лазареты. Наряду с этим, заводом было выделено несколько рабочих для защиты Красного Петрограда и родного завода с винтовками в руках.

Работа членов заводоуправления и заводского комитета чрезмерно увеличилась с момента расквартирования в Колпине войсковых штабов, со всеми требованиями непосредственно обращавшихся к заводоуправлению и заводскому комитету, работавшим круглые сутки не выходя из завода.

Что касается эвакуации завода и приведения его в негодное состояние на случай занятия белогвардейцами, то в этом отношении также были своевременно приняты все меры: была выработана инструкция для приведения завода в негодность, все ценные металлы и материалы, а также все ценные документы и бумаги были приготовлены к вывозу, все паровозы и пароходы стояли под парами, так что в самый критический момент все было бы из завода вывезено и ничего ценного бандам белогвардейцев не досталось бы.

И. о. председателя коллегии Ижорского завода (подпись).

Отношение артиллерийского отдела Путиловского завода в заводской комитет того же завода, 20 ноября 1919 г.[1]

При сем препровождаю сведения о выпуске завода по артиллерийскому отделу за промежуток времени с 10 октября по 10 ноября с. г.[2] для представления тов. Подвойскому, согласно его телефонограммы от 9 ноября.

Сведения даны во-первых в порядке выпуска, во-вторых ввиде перечня наиболее важных фабрикатов, как то: отдельные системы орудий, бронепоездов, броне-кегрессы, автомобили и т. д.

Для характеристики интенсивности работы достаточно будет сказать, что объем выполненной за это время работы превышает нормальный выпуск не менее как на 50%, в отдельных случаях превосходя даже 100%.

Как на пример можно указать на ремонт бронепоездов. Обычный промежуток времени, который нужен для снятия и осмотра орудий и новой их постановки, не считая времени потребного на ремонт,— это от 20 до 24 часов. За рассматриваемый же промежуток времени работа эта

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 52, л. 20.

[2] К этому отношению приложен большой цифровой отчет — перечень работ, произведенных Путиловским заводом с 10 октября по 10 ноября 1919 г. для военных надобностей. Завод выпустил из ремонта 32 пушки разного калибра, сделал новых — 40, затем 24 панорамы к прицелам разных пушек и 1-ю зенитную батарею для Северного фронта. Кроме того, заводом было отремонтировано 8 бронепоездов и выпущено 16 вагонов для этих поездов. Были также отремонтированы бронепаровозы, выпущены броневые автомобили «Остин» и произведен ремонт 7 грузовых автомобилей, 2 бронированных и 8 небронированных боевых машин, 2 мотоциклов и пр. (ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 52, л. 21).

производилась в течение не более 6—8 часов. Самый ремонт орудий и лафетов, имеющий почти постоянный характер, производился в среднем, в течение двух — двух с половиной суток (непрерывной работы), вместо обычной, хотя тоже очень напряженной работы — 4 суток.

Работа на авто-машинах «Остин», снабжаемых приборами Кегресса, особенно показательны. По первоначальным предположениям имелось ввиду изготовлять новых штампованных частей, обработку поковок и отливок и сборку под бронирование, при имеющемся штате рабочих,— не более 1,5 шт. в месяц. Несмотря на то, что работа эта для завода еще мало знакома и не может считаться вполне налаженной, несмотря на случайное отсутствие некоторых необходимых служащих и рабочих и нежданные работы по ремонту изготовленных ранее машин, прибывших с фронта,— время, затраченное на одну машину, сведено до 15 календарных дней.

Ремонт автомобилей, особенно затруднительный по тем неожиданностям, которые встречаются при осмотре поврежденной машины, исполнялся тоже в порядке исключительной спешности. В общем, вместо установленного за долгие месяцы выпуска 5—6 машин из крупного ремонта, кроме этих машин, отремонтировано до 20 машин разных типов. Выпуск за один день, таким образом, составляет — 0,8 машины.

Чтобы достичь этих результатов, необходимо было прежде всего увеличение рабочего времени, т. е. широкое применение сверхурочных работ по лафето-снарядной мастерской; нормальное число сверхурочных часов выражалось в 1 727, в октябре же число сверхурочных часов достигло 12 858. Работали сверхурочно большинство рабочих, а некоторые из них, а также мастера, неделями работали, почти не выходя из завода.

Организация постоянного дежурства старших служащих отдела и дежурство мастеров, установление связи между отделами завода чрезвычайно помогли успеху работы, т. к. своевременно все спешные задания,— а количество их в отдельные дни доходило до 70,— немедленно получали соответствующее решение, чем достигался громадный выигрыш во времени.

Чрезвычайно содействовала также успеху дела дружная работа всего технического персонала, как рабочих, так и служащих, протекавшая в тесном контакте с заводским комитетом, представители которого постоянно находились в курсе всех дел и своим влиянием создавали благоприятную для работы обстановку.

Заведующий артиллерийским и минным отделом (подпись).

Докладная записка заводского комитета Обуховского завода т. Подвойскому, 21 ноября 1919 г.[1]

Наступление банд Юденича на Петроград нисколько не устрашило ни организации, ни рабочих Обуховского завода. Когда враг уже взял Детское село и шел по направлению к Колпину и Пулковой горе, мы созываем митинг, делаем доклад о положении фронта и призываем рабочих вступить в особый отряд добровольцами, дабы защитить свой район от белых банд.

К вечеру записываются в отряд 200 человек: спешно обучаем и выставляем заградительные отряды и заставы, организуем связь с цент-

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 52, лл. 13—14.

ром и соседними районами из велосипедистов и конную; связываемся телефоном и телеграфом. Немного спустя передают, что Балтийский завод подожгли; мы с своей стороны мобилизуем несколько десятков рабочих в помощь охране завода, вооружаем их винтовками и ставим усиленную охрану завода под руководством опытного боевого товарища. Товарищи рабочие несут охрану так, как нужно революционному времени, бодро и аккуратно, защищая как свое детище Обуховский завод.

В 10 ч. вечера в один из октябрьских дней приходят две бронированные платформы — «Черноморский № 1», на котором нужно исправить орудия и заменить новыми, а за ним приходят еще две, на которых нужно сделать то же самое. Коммунистов никого нет в заводе, все отправлены на позицию, осталось только двое: председатель коллегии завода и председатель заводского комитета. Предписание Учснабарма [Управление чрезвычайного уполномоченного по снабжению армии] — приготовить эти броневые площадки на следующий день к вечеру, по его словам, что только и можно на них рассчитывать отбить врага. Быстро собираем технический персонал и рабочих ночью и приступаем к работе. Нельзя было ожидать от товарищей обуховцев, что они проявят свою интенсивность в этой работе, но вышло наоборот; на тех слесарей, на кого мы не надеялись, они в это время работали, как львы, подгоняя друг друга, дабы скорее выполнить возможную работу, работали день и ночь без перерыва на холоде под открытым небом. Конечно, товарищи, работающие на этой работе, просили, чтобы их немножко подкормили; мы, со своей стороны, достали хлеба и селедок, которыми и удовлетворяем их.

К вечеру «Черноморец» готов, на него поставили две четырех-дюймовые дальнобойные автоматические пушки и две семидесятимиллиметровые пушки. На другой день уже нам была известна работа «Черноморца» на фронте в отражении белых банд и закипела еще быстрее работа на платформах, где поставили два семидесятимиллиметровые орудия и капитально исправили два трехдюймовых орудия Путиловского завода. Когда уже орудия были совсем поставлены и дожидались паровоза, то слесаря в это время обходили платформы, осматривая их и говоря: «Надо осмотреть все, чтобы в дороге не испортилось и чтобы работало на позиции как следует»; наконец, и эта платформа отправляется.

Дня через два получаем [сообщение], что у «Черноморца» снаряды на исходе, а снаряды лежат в барже у нашего завода, которые необходимо погрузить в вагоны и отправить. Ночью собираем рабочих, выгоняем из штаба всех беглецов с фронта, задержанных заградительными отрядами, быстро погружаем пять вагонов снарядов и отправляем их на фронт.

Неделю спустя возвращается опять платформа с сильно потрепанными орудиями, которые требуют долгого ремонта, но в это время рабочие делают быстро, сознавая положение, и через двое суток платформы готовы к бою. Вслед приходят платформы и «Черноморца», у которого в четырехдюймовых орудиях получился сильный розгар и которые заменили новыми и исправили две семидесятимиллиметровые [пушки], и это выполнили также очень скоро.

Плюс к тому, нами было заменено около десятка сорокавосьмилинейных гаубиц, которых у нас был запас вместо расстрелянных на позиции; также и выпуск других орудий: биноклей, прицелов, панорам; котельные работы, по бронированию площадок; командирование това-

рищей на фронт,— и все это делалось по-революционному и с сознанием своего революционного долга.

Можно отметить работу партии товарищей слесарей на орудиях, которые работали выше всякой похвалы со своими подручными.

Настроение рабочих, как в работе для фронта, выше похвалы, главное — вернуть с фронта десяток-другой коммунистов, а то на такой большой завод в настоящее время только двое — и тогда загремит работа еще быстрее.

Председатель заводского комитета (подпись).

Характеристика работ по организации Штаба обороны Васильеостровского укрепленного района, [1919 г.][1].

I. Организация штаба.

Штаб обороны района сорганизовался из Революционной тройки, причем начальником обороны был выбран старший товарищ. Для ведения дел были прикомандированы из Тройки канцелярские служащие, иначе говоря Революционная тройка со служащими была переименована в штаб обороны с прикомандированием из резерва Окровоенкома трех лиц комсостава, знакомых с военной службой вообще и должностью начальника штаба в частности, причем один из них назначен начальником штаба обороны, второй пом. нач. штаба по административной части и третий пом. нач. штаба по оперативной части.

II. Мобилизация.

Мобилизация по фабрикам, заводам была объявлена 22 ноября и прошла отлично. Причем было мобилизовано 981 человек, кроме забронированных фабрик и заводов, с которых не взято ни одного человека.

III. Связь.

Служба связи была сформирована из мобилизованных товарищей, знакомых с телефоном, и телефонисток, затребованных Штабом из партийного комитета. По сформировании была налажена связь со всеми воинскими частями района, с Петропавловской крепостью, партийным комитетом, Райвоенкомом и другими учреждениями, а также и живая связь.

IV. Регулирование транспорта.

Все автомобили, находящиеся при заводах, фабриках и учреждениях, были мобилизованы и работали по нарядам Петроградского укрепленного района.

V. Санитарное.

Медицинская помощь бойцам Васильеостровского района организована путем сформирования 14 боевых летучих отрядов, 7 перевязочных отрядов, 6 околодков, 2 лазаретов и 1 госпиталя, причем были организованы курсы для санитарок.

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 9, л. 2. Заголовок подлинника. Штабы внутренней обороны были созданы в одиннадцати районах Петрограда. Вскоре однако общее количество районных штабов внутренней обороны с одиннадцати уменьшилось до девяти т. к. произошло слияние Обуховского района с Невским и Пороховского со Смольнинским.

VI. Укрепление.

Приданном району 16 военным строительством было по указаниям нач. Штаба устроено 2 линии окопов с приспособлением некоторых окон в домах и частью гранитной набережной и устранено 4 пулеметных гнезда. Всего сделано окопов 610 пог. саженей и 35 штук гнезд для пулеметов, а также сделаны проволочные рогатки на мостах и у пулеметных гнезд.

VII. Артиллерия.

Для защиты подступов к острову, поддержания огнем укреплений прочих районов и для создания обороны реки, омывающей остров, была прикомандирована артиллерия в количестве двух 42-линейных и восьми 3-дюймовых орудий.

VIII. Снабжение вообще.

Сформированный из мобилизованных отряд и другие части были обмундированы: те, которые отправлены на фронт, полностью, остальные частью. Артиллеристы, приданные Штабу, были обмундированы. Продовольствие получали при отряде обороны за исключением 42-линейной батареи, которая довольствовалась отдельно от той части, откуда прикомандирована. Отряд был вооружен винтовками разных систем, причем часть из них была получена из Штаба обороны г. Петрограда, часть приобретена в районе.

Примечание. Обмундирование: небольшая часть была получена из Штаба обороны, остальное — была произведена выемка вещей из запечатанных квартир бежавшей буржуазии.

IX. В области административно-политической.

Произведены обыски в домах, расположенных в тылу укреплений Все виновные в укрывательстве оружия или же как вредные элементы Советской республики предавались суду Военно-Революционного трибунала. на больших заводах организованы тройки, которые следили за охраной имущества завода и выполняли приказы Штаба. При отряде обороны был организован клуб, в котором деятельное участие принял комитет партии.

X. Непосредственная помощь фронту.

Состоит в посылке на фронт людей отряда в 100 человек партизан и пополнения к ним 60 человек, а также 30 человек женщин санитарок и 30 товарищей коммунистов.

XI. Какую помощь оказывали фабрики и заводы.

При мобилизации все фабричные и заводские комитеты представили своевременно списки и людей. Некоторые заводы дали материал для укреплений, а также представили средства передвижения. Крупные фабрики и заводы организовали отряды, которые должны были бы пополнить общий отряд, а временно несли охрану завода и близлежащие местности.

XII.[1]

Советская мастерская в количестве 100 человек была мобилизована и оборудована, все помещения, занимаемые отрядом и артиллерией; многие из женщин Совета работали при Штабе и для связи.

XIII. Оценить роль пролетариата.

Пролетариат к обороне отнесся вполне сознательно. На мобилизацию [illegible] пролетариата неоценима.

Начальник обороны Васильеостровского украйона (подпись).

Что переживал район Володарского (бывший Невско-Обуховский) в тревожные октябрьские дни 1919 г.[2]

Когда обозначилось, что белые попытаются напасть на Питер, во исполнение распоряжения Петроградского комитета партии райкомом все коммунисты были посланы в Егерские казармы на Рузовской. Коммунисты шли туда усталые, так как целую ночь они провели на осмотрах домов и кварталов, ибо было ясно, что оставшиеся контрреволюционеры могут попробовать здесь в тылу помочь заговором своим компатриотам на фронте.

Район Володарского отдал все, что имел здорового, и если не ошибаюсь, наибольшее число вооруженных коммунистов, несмотря на то, что район считается отсталым в количественном отношении, дал именно он.

Но зато, когда была сделана тревога, на защиту района мы могли собрать в райком хромых, больных, убогих и активных работников[3] всего-на-всего 35 человек. На помощь пришел Союз молодежи и дал около 30 человек.

Мобилизована была Женская секция, и она дала человек 35—50. И более вооруженных сил не было никаких. А ведь район Володарского растянут на многие версты до села Рыбацкого. Надо было нести охрану заводов, фабрик, участились пожары, надо было вести революционный порядок, чтобы не было ни паники, ни агитации белогвардейских агентов.

И нам стало ясно, что мы должны опереться на рабочих. Мы должны были создать аппарат, который помог бы нам мобилизовать рабочих, а это было нелегко, так как никто не верил, что белые могут ворваться в Питер.

[illegible] на фронте. Остались молодые, только что вступившие члены. [illegible] зародыша штаба, найдена штаб-квартира, приступлено к мобилизации рабочих. Было предписано вагонным и паровозным мастерским дать по 50 человек, а также и Семянниковскому заводу.

Как отозвались рабочие? Понятное дело, переходить на казенное положение не сладко. Рабочие, в большинстве случаев многосемейные, жены которых частенько путешествуют за мукой. Приходилось устраивать детей, и все это в самый короткий срок. А главное, никто не

[1] Заголовок п. XII отсутствует.

[2] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 9, лл. 4—5. Заголовок подлинника.

[3] Так в подлиннике.

хотел верить, что белые могут взять Питер. И только 20 октября, когда враг стоял у Пулковских высот, случился перелом у рабочих. Работа закипела. Не было ничего: ни кровати, ни матраца, ни ружья. Опыта военного тоже не было. Была сырая масса и пламенное желание создать железную защиту. И казавшееся невозможным делалось. Выделены руководители. Штаб заработал.

Центр стал по силе возможности помогать, но главная работа и весь материал был революционно произведен и получен на месте.

Фабрично-заводские комитеты без задержки исполняли распоряжение штаба. Рабочие со всеми нуждами и болями потянулись в штаб. Смотреть было радостно на эту кипящую работу. Голые, разутые, частенько полуголодные рабочие едут на ст. «Славянка» и с поезда вступают в бой. Есть убитые, раненые. Но боевое крещение принято. В казармах до 1000 человек. Обучение идет. Стройные ряды проходят. Поют рабочие революционные песни. Вечером митинги, речи: «Красное село взято. Ура!»

И, конечно, тут же вопросы об одежде, сапогах, котелках и белье. Говоришь, что нами заказаны и будут готовы котелки, шинели и матрацы шьются в швальной, вновь оборудованной. Обувь, как поступит, будет выдана. Каждый рабочий считает своим долгом зайти в штаб, получить ответ на свой вопрос, лично от товарища начальника внутренней обороны. Перед помещением штаба толпа женщин, мобилизованных на окопы.

Здесь те же нужды, те же боли. Нет обуви. Детишек нельзя оставить одних на квартире. Крик, шум.

Но из этого кажущегося хаоса создаются окопы, насыпаются мешки, рогатки, переплетенные проволокой, устанавливаются на своих местах.

В казармы входит начальник обороны и говорит, что частями войск, сбитых белыми с фронта, производится расхищение огородов рабочих, кто желает итти помочь установить порядок. И десятки товарищей бросают ужинать, строятся и идут водворять революционный порядок. Происходят выборы товарищеского суда. Выдвигаются и обсуждаются кандидаты.

Наконец, стройные ряды рабочих, уже обученных строю, знающих как обращаться с ружьем, знающих окопы и умеющих ими защищаться. Все это сделано и достигнуто в две-три недели. Все это сделано не отдельными лицами, а всеми рабочими Невско-Обуховского района.

Говорить о том, что была налажена связь со всеми районами, не приходится. Главная забота о том, чтобы устроить транспорт, так как район удален от центра, наконец разрешена. Все лошади взяты на учет и всецело зависят от штаба и им распределяются. В первую очеред конечно удовлетворяются нужды Петрокомпрода. С утра до вечера густые клубы морозного воздуха врываются через хлопающие двери в казармы.

Утром идет медицинский осмотр мобилизованных рабочих. Происходит обучение. Вначале был обед поздний — в 4 часа, так как ужина не полагалось. По вечерам десятая часть уходит в отпуск домой.

Собирается коллектив коммунистов, на котором, главным образом, ставятся вопросы культурно-политические. Начальником батальона собирается командный состав. Всюду пытливые глаза, в которых виден творческий дух.

За последнее время благодаря присланным инструкторам водворяется чисто военная дисциплина. Настроение рабочих серьезное. Переход части рабочих в Семеновские казармы, для образования общего цент-

рального отряда, проведен вполне организованно и те же рабочие, которые не хотели итти на день на два в казармы, деловито обсуждают необходимость такого шага.

В беседах с рабочими выясняются и дальнейшие задачи по обучению рабочих.

И так работа произведена громадная. Сдвиг в настроении рабочих безусловен. Теперь с уверенностью можно сказать, что Юденич достиг своей задачи,— он поднял на ноги рабочих. Одно он не предусмотрел. что эти поднятые рабочие направят штыки против него.

Нам остается продолжать эту работу и, оглядываясь назад, мы можем сказать спокойно: «Мы знаем, чего хотим, и сумеем докончить так же хорошо наше рабочее дело, как начали».

И. о. начальника укрепленного Невско-Обуховского района (подпись).

О ходе работ Выборгского района за исторические дни октября и ноября сего [1919 г.] года[1].

В тревожные, быть может исторические дни осады Петербурга Юденичем, когда революционная столица, не в пример прежних дней, напрягла максимум энергии для своей защиты, Выборгский район, в частности, непосредственно перешел в боевое положение, спешно развернув штаб. В состав последнего вошли ответственные работники районного Исполкома. По специальностям были приглашены и взяты на учет военно-инженерно-технические силы. Персонально штаб не указывает отдельно работников, но в общем все оказались у дел и на месте.

При получении первых тревожных известий с ближайшего фронта Штаб приступил к мобилизации живой силы района. Последняя состояла исключительно из рабочего элемента. Мобилизация на заводах, фабриках и отдельных предприятиях носила характер напряженности, сообразно наступившему моменту. Слияние отдельных боевых единиц, образовавшихся на заводах, в одно целое образовало кадр вооруженных мобилизованных. Одновременно с этим поступали в распоряжение штаба инструктора всеобуча, задача которых сводилась к тому, чтобы в короткий срок обучить владеть винтовкой. Выделенная команда пулеметчиков гренадеров была отправлена на фронт.

По прошествии острого момента численность отряда уменьшилась, согласно демобилизации известных годов. Отряд в целом нес и несет службу охраны укрепления района.

Укрепление района началось одновременно с мобилизацией, работа производилась рабочими и гражданским населением под руководством техников строительств.

Помощь фронту: из среды рабочих были выделены в первую голову партийные, влившиеся в отряд особого назначения. Последний группами был отправлен на фронт. Специалисты выделены были особо (пулеметчики и гренадеры)—поступили в распоряжение Петропавловской крепости и отправлены последней на фронт.

Роль пролетариата, как революционного творца по обороне:—пролетариат в целом, т. е. рабочие фабрик и заводов, сыграл видную роль по внутренней обороне района.

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 9, л. 6. Заголовок подлинника. Подпись на документе отсутствует.

Выдвинуты лозунги района: «Опасность и борьба», [они] подняли рабочий класс. Неспособные к оружию были использованы как рабочая сила по укреплению. Численность рабочих рук была достаточна и гражданское население мобилизовалось частично. Работницы фабрик и заводов несли посильный труд по укреплению района. Настроение рабочих масс в целом было и есть твердое и уверенное по отношению к Советской власти. Молодежь района, влившаяся в Союзы, пр[illegible]ляла собою живую связь — с одной стороны, а с другой — [illegible]тельные отряды, цели и задачи которых были до[illegible] и настроении других районов.

Из советских учреждений особенно большое значение сыграл местный Компрод, питавший отряды рабочих и работниц и даже наделявший хлебом рабочих других районов, которые были присылаемы на окопные работы на северном секторе.

Революционная работа и организация обороны при штабе начальника обороны 2-Городского района [1919 г.] [1].

Грозное положение Петрограда в дни отступления Красной армии по всему северо-западному фронту и приближение войск Юденича на расстояние одного перехода к Петрограду застало все пролетарские организации района, фабрично-заводский пролетариат в состоянии полной готовности встать на защиту красного города. При беспрерывном обсуждении мер борьбы в коллективах и массовых собраниях отыскивались практические выходы из серьезного положения, но широта задачи и слабая связь с центром приводили все поиски к очень маленьким результатам.

Лозунг «Петроград будет обороняться и внутри» был встречен рабочими района с большим восхищением, что давало уверенность всем творческим силам района в победе и окрыляло всю работу сознанием необходимости не покладая рук вести работу в согласии с центром по укреплению.

К организации штаба внутренней обороны было приступлено 18 октября с. г. Тотчас же были созданы аппарат снабжения, команда связи, санитарная и авточасть. Весь штат штаба вместе с руководителями, в течение круглых суток, находился в штабе. Из мобилизованных коммунистов местного Совета и выделенных районным комитетом [illegible] была создана коммунистическая рота для несения караульной слу[illegible], впоследствии зачисленная в состав Одельного отряда. Из специ[illegible]стов техно-строительного отдела был создан инженерно-строительный отдел. Ввиду постоянных требований с фронта на пополнение, необходимо было иметь специальный орган по проведению мобилизации в районах, а для руководства батареи имелся подотдел легкой батареи во главе с начальником артиллерии. Немедленно были приготовлены и приведены в порядок помещения для расквартирования формируемых отрядов. Согласно приказа начальника внутренней обороны гор. Петрограда от 23 октября были прикомандированы к штабу и расквартированы лица командного состава, прибывшие из территориальных полков гор. Петрограда. Прибывавшие пополнения комсостава и рабочих разбивались по ротам и взводам и вели усиленным темпом обучение уличным боям.

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 9, лл. 12—13. Заголовок подлинника.

Таким образом, [illegible] численность главного отряда была доведена до 485 человек, [illegible] в это число отряд коммунистического Союза молодежи из 280 че[illegible], который вместе с отрядом «ЦУКЛ» в таком же количестве составили самостоятельную боевую единицу.

Начатая 22 октября мобилизация продолжалась по 14 ноября, причем через мобилизационный отдел прошло 321 человек, из которых призванными оказались 183 человека.

Трудно было организовать [связь] из-за отсутствия технических приспособлений, ощущалась нужда в аппаратах, элементах и пр., что заставило штаб принять революционные меры, снимая аппараты из частных домов и общественных учреждений. В первые же дни имелась возможность снестись с Василеостровским, Нарвско-Петергофским, Смольнинским, Московско-Заставским, 1-м Городским районом и Смольным, а также наладить три прямых провода с Петропавловской крепостью. Кроме телефонной связи в распоряжении отдела имелась живая связь из мобилизованных и состоявших на службе при штабе.

19 октября было приступлено к созданию артиллерийской обороны из имеющихся 4 легких орудий от запасной легкой бригады, установленных в ночь на 21 октября на выбранных позициях. Необходимо отметить, что время от отдачи приказания встать орудиями на позиции до полной готовности прошло не более 2½ час., причем командный и личный состав и необходимое снабжение в течение этого времени были на позиции. Одновременно при имеющейся связи разместились в казармах резервы. На следующий день к позициям у [illegible] Александровской в резерв огнеприпасов были подвезены 212 гранат и 50 шрапнелей. В этот же день была разработана и произведена прямая телефонная связь между наблюдателями и орудиями и, таким образом, к вечеру 22 октября можно было считать артиллерийскую оборону 2 Городского района фактически законченной во всех деталях, кроме инженерных работ. К 22 октября Инженерным строительством к установленным в Александровском саду орудиям были привезены легкие броневые башни, [illegible] орудий, что [illegible] по размерам башни оказалось невозможным, и башни были установлены для закрытия действующих орудий по сторонам. Кроме башен для закрытия батарей были вправо и влево от орудий сложены штабеля дров, чем закончились работы на артиллерийских позициях. Особых затруднений при создании артиллерийской обороны не было, так как 4 орудия представляли из себя вполне готовую боевую организованную единицу.

В целях санитарной обороны было приступлено к организации перевязочных пунктов и летучек в районе. Было намечено к открытию: 16 летучек, 16 перевязочных пунктов, 4 больших и 5 малых приемников. Экстренно были созданы при женских секциях кадры сестер милосердия из санитарок, из числа добровольных работниц: из одной сестры милосердия, двух опытных и двух малоопытных санитарок на каждую летучку. Все врачи района были привлечены к организации санитарной обороны, взяты на учет и распределены по пунктам. 172 мобилизованных врача несли дежурства на пунктах круглые сутки. Пунктом санитарного транспорта для района являлся конный транспорт Петроградского эвакопункта, а снабжение происходило через санитарную базу района. Кроме означенных санитарных организаций при штабе внутренней обороны был организован военный отряд из одного врача, трех лекарских помощников и 15 санитарок.

Довольствие мобилизованных производилось первые два дня при Штабе, где в течение нескольких часов был организован питательный пункт на 500 человек. Количество мобилизованных, около 700 человек, далеко превышало пропускную способность столовой, необходимо было захватить во временное пользование две гражданских столовых. 27 октября, когда более крупным частям паек стал отпускаться в сухом виде, деятельность питательного пункта при Штабе сделалась нормальной. С момента организации оборонительных работ Отдел снабжения стал удовлетворять хлебом рабочих, мобилизованных для окопных работ. В первые же дни таких пайков нужно было заготовлять и развозить по отдельным пунктам района около 700, а в последние около 1 000 и свыше. Первые дни наблюдалось отсутствие обмундирования у мобилизованных, но в течение нескольких часов части приняли военный образ и имели достаточно обмундирования. Винтовки, пулеметы, гранаты и патроны, повозки и пр., незначительное количество револьверов и холодное оружие были получены из территориального полка, артиллерийского склада и почтой. Необходимо отметить, что несмотря на общий недостаток и распределенность имущества, снабжение, как интендантским, так и инженерным и артиллерийским довольствием, благодаря общему подъему и энергии, революционному способу действий, удалось наладить удовлетворительно. В заключение необходимо отметить: 2 Городской район по преимуществу является матросским районом и отсюда революционный дух, спайка, подвижность и энергия, проявленные в районе, легко объяснимы. Военная дисциплина и революционная выдержка выковали стройные ряды красных бойцов, с музыкой отправляющихся на фронт и тем поднимавших и породивших волю к победе.

Начальник внутренней обороны 2 Городского района (подпись).

Характеристика работ в тревожные дни революционного пролетариата Московского района, [1919 г.] [1]

7-я армия, защищающая подступы к Петрограду, дрогнула. Части ее подошли к кольцевому обводу — последнему оборонительному рубежу Красного Питера, и положение последнего стало угрожающим.

Партийный комитет Р. К. П. Московского района, вследствие телефонограммы командира коммунистических отрядов особого назначения в районе, объявил пробную мобилизацию коммунистов с переходом их на казарменное положение, которые разместились в бывш. Егерских казармах, куда было выделено вполне боеспособных 154 товарища коммуниста. Все более ответственные, выдающиеся и незаменимые товарищи коммунисты были оставлены на местах службы, из которых выделены революционные тройки. Задание троек следующее: наблюдение за ходом работ на фабриках и заводах, за настроением рабочих и за успешным проведением в жизнь мобилизации рабочих. Остальные же товарищи коммунисты, небоеспособные, негодящиеся к строю были сформированы в отряд для несения караульной службы в районе.

16 октября с. г. состоялось собрание троек для получения инструкции и информации работ, того же числа организовалась запись женщин в санитарный отряд и доктору Быховскому поручено чтение лекций по уходу за ранеными и сформирование отрядов. Обращение Р. К. П. Московского района к работницам фабрик и заводов нашло живой от-

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 9, л. 14. Заголовок подлинника.

клик среди них и в тот же день стали стекаться со всех фабрик и заводов работницы, вливаясь в санитарные отряды.

17 сего. октября начали читаться лекции, а 18 был отправлен первый отряд санитарок на фронт в количестве 25 человек, ранее проходивших курсы, остальные же стали с жадностью вслушиваться в чтение лекций, и в течение недели было отправлено на фронт еще два отряда по 30 человек. Все остальные санитарки, в количестве 56 человек, были оставлены для обслуживания района на случай уличного боя. В этот же день, т. е. 18 октября, были мобилизация граждан на окопные работы и сразу что называется закипела работа. Но первые полтора дня она все-таки не удовлетворяла заданиям Штаба, и здесь же был назначен один ответственный товарищ коммунист, и работа сразу приняла более интенсивный и организованный характер. Все население района, за исключением детей, стариков и больных, были привлечены к окопным работам, а в общем работало ежедневно от трех до шести тысяч. В течение трех дней было сделано три оборонительных линии, которые представляют твердые позиции для бойцов, а также в определенных штабом местах были поставлены орудия как в скрытом месте, так и на забронированных вагонных платформах. Во всей этой работе чувствовался небывалый подъем духа среди даже самой отсталой и малосознательной массы, за исключением некоторых отдельных личностей, которые говорили, что нужно сначала накормить, а потом уже и заставлять работать, но все же работали добросовестно.

Кроме всего вышеизложенного, были приготовлены бойницы как пулеметные, так и для стрелков в окнах домов, признанных Штабом пригодными для отражения неприятеля, а также и наступления на него.

17 октября с. г., согласно приказа начальника внутренней обороны г. Петрограда, было приступлено к формированию штаба внутренней обороны Московского района. Штаб был сформирован в 24 часа и приступил к работе; причем не было выработано точного задания для только что появившейся организации, не говоря о том, кто какие роли будет выполнять, но чувствовалось, что эта организация нашла острый характер, не терпящий ни одной минуты отлагательства. Весь штаб был поднят на ноги. В помещении его наблюдалась крайне лихорадочная и оживленная работа. Все время в помещении штаба происходила лихорадочная работа. Приходили и уходили все новые и новые лица за всевозможными справками, возникшими в связи с тревожным моментом, а также приходили рабочие непартийные, которые отдавали себя в полное распоряжение района. Вечером того же дня, около 9—10 часов вечера, приехал ответственный организатор Московского района, вернувшийся с заседания начальника обороны г. Петрограда, и привез с собой двух товарищей, как потом выяснилось: начальника артиллерии и инженера. Сейчас же было организовано заседание партийного комитета в широком масштабе, совместно с прибывшими товарищами, на котором точно обрисовалось положение г. Петрограда, схема организации штаба внутренней обороны района. Были сформированы следующие отделы: артиллерийский, санитарный, инженерный, авто-гужевой, оперативный и хозяйственный, и каждому отделу были известны его задания. Таким образом, штаб внутренней обороны был сконструирован и имел определенные задания.

С рассветом 18 октября с. г. были выделены товарищи, [которые], совместно с товарищами руководителями инженерных работ и началь-

ником артиллерии, произвели рекогносцировку местности предполагаемых позиций Мо[illegible]ого района, и тут же было приступлено к укреплению намеченных позиций и опорных пунктов. Из охраны районного отряда была выставлена застава в Чесменской богадельне и с нею установлена живая связь. На обязанности заставы лежало следующее задание: следить за окружающей местностью района и обо всем доносить в штаб обороны, отбирать оружие у всех, кто с целью или по слабости своей поддался панике и бросился в бегство. Эта задача была выполнена блестяще. Все собранное оружие отдавалось героям рабочим, которые шли умереть или победить.

Согласно приказа Комиссариата по военным делам была объявлена мобилизация граждан от 18 до 40 лет. В предприятиях и заводах, не подлежащих закрытию, работа производилась усиленным темпом. Мобилизация происходила успешно, со всех концов стекались рабочие фабрик и заводов и чувствовалось у всех рабочих воодушевленное настроение и искра любви к несокрушимости Красного Питера. Стали прибывать отряды. Первым прибыл отряд моряков речного флота в составе 350 человек. Этот отряд все как один горел одним желанием скорее отправиться на фронт и задержка при Штабе в течение одних суток из-за обмундирования и снаряжения вызвала даже нарекания со стороны отряда, говорящего, что банды Юденича продвигаются к Питеру все ближе, а мы сидим здесь в казармах, а в особенности рвались в бой товарищи матросы.

Начали стекаться мобилизованные рабочие с фабрик, заводов и предприятий и здесь же производились в организованные войсковые соединения, т. е. соответственно разделялись на отделения, взводы и роты, здесь же выделялся и назначался командный состав; преимущество в командном составе имели товарищи коммунисты.

В этот же день, т. е. 18 октября, получали все необходимое, как-то: части снаряжения, обмундирования — сапоги и полушубки. Оружия высылались на известные места и пункты для несения караульно-боевой службы, и в течение двух дней мобилизации в нашем районе сформировался отряд в количестве 532 человек, вполне обмундированных и вооруженных. С этого же дня началась усиленная подготовка обучения неумеющих еще владеть оружием, а также специалистов гренадеров, пулеметчиков и команды связи. Дух отряда был самый прекрасный, говорили в отрядах и даже чувствовалось, что все пойдут сражаться на защиту Красного Питера. Питались в столовых, вполне приспособленных для местного питания красноармейцев.

Таким образом сразу же обнаружилось: 1) установить в районах сборные пункты в случае тревоги; раз навсегда, 2) иметь в таковых хотя бы небольшие запасы обмундирования, снаряжения и вооружения, 3) иметь соответствующее помещение для расквартирования вблизи питательных пунктов. Одним словом, работа пролетариата кипела при полном спокойствии, стекались люди, с поднятым настроением принимаясь за работу, и можно было видеть, что Красного Питера врагу не видать.

Когда был пережит острый момент и непосредственная опасность миновала, работа становилась более спокойной. Работа Штаба вылилась в определенные рамки, начались формироваться отдельные боевые отряды пехоты, артиллерийская часть, санитарная часть, инженерная часть, связь и т. д., характеристика каковых вам была представлена.

Начальник обороны Московского района (подпись).

Докладная записка начальника санитарной службы Нарвско-Петергофского района штабу внутренней обороны Нарвско-Петергофского района, [1919 г.] [1]

В ответ на ваше отношение за № 6113 сообщаю:

Приступая к характеристике санитарного формирования района, необходимо заметить, что, приступив в ночь на 20 октября к исполнению обязанностей начсанрайона, я немедленно озаботился обеспечением фронтовой зоны санитарными учреждениями, для чего в больницу «Всех скорбящих», как ближайшую к линии боя, был двинут из центра передовой перевязочный отряд для оказания немедленной хирургической помощи, в составе одного врача-хирурга и четырех лекпомов.

Хирургическое отделение Путиловской больницы на 75 кроватей было взято на учет и врачи были мобилизованы.

В такие же условия поставлена Ушаковская больница, предоставившая в наше распоряжение 25 кроватей.

В качестве резерва в Медико-санитарный отдел (Балтийская, 1) был направлен перевязочный отряд из центра в составе 1 врача и 4 лекпомов, 4-я станция скорой помощи развернула приемник на 200 коек, с постоянным дежурством 4 врачей.

Кроме того, все лечебные заведения тыла приведены в боевую готовность, в них усилено дежурство медицинского и санитарного персонала и освобождено возможно большее количество коек.

Для эвакуации поступающих раненых были мобилизованы санитарные автомобили Скорой помощи, каковыми и были вывезены наиболее тяжело раненые.

Для эвакуации легко раненых была сформирована летучка, в составе 1 паровоза, 2 крытых вагонов и 4 платформ, крытых брезентом для носилочных раненых.

Летучка эта обслуживалась как отрядом санитаров — добровольцев скорой помощи, так и районным санитарным отрядом.

Обеспечив себе таким образом фронт, в ближайшие дни приступлено к организации перевязочных пунктов и летучих отрядов во внутренние линии района, на случай уличного боя. Причем, в виду обилия в районе лечебных заведений, формирование отрядов как перевязочных, так и летучих и амбулаторных происходило за счет персонала лечебных заведений районов.

Сформированные же отряды местного коллектива были взяты в ведение Начсанрайона и отправлены на фронт.

В дальнейшем работа Начсанрайона выразилась в обследовании сформированных летучих отрядов при больницах, распределении их по различным пунктам района, обследовании помещений, могущих быть приспособленными под перевязочные пункты, пользуясь по преимуществу для этой цели амбулаториями, аптеками и т. п.

Были введены постоянные дежурства врачей как при амбулаториях, так и при пунктах, причем все пункты были снабжены медикаментами и носилками.

Результаты данной работы выразились в прилагаемой сводке [2], в которой помещены все сведения как количество коек, так и о снабжении их медицинским персоналом и перевязочным материалом.

Начальник Санитарной части Нарвско-Петергофского района (подпись).

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 9, л. 17.

[2] Сводка в деле отсутствует.

Характеристика работ по организации внутренней обороны Петербургской стороны за период существования штаба обороны Петербургского района, [1919 г.] [1]

Для организации районной внутренней обороны были привлечены с первого же дня все лучшие активные работники района. С этой целью прежде всего был образован штаб, руководящую роль в котором приняла на себя Революционная тройка обороны, выделив из своей среды начальника обороны и двух его помощников. Создавая такой штаб, главной задачей руководителей являлась необходимость придать ему наиболее революционный вид, соответственно чему штатные должности были замещены такими товарищами, у которых было больше политической выдержки, революционного энтузиазма и деловой гибкости.

Так например, оценивая роль начальника штаба и командира отряда, приходилось руководствоваться тактикой уличного боя, которая заключает в себе особую стратегию, основанную исключительно на моральном состоянии и выдержке как командного состава, так и бойцов; здесь приходилось остановиться больше на надежных, политически зрелых товарищах, чем на специалистах.

На остальные штатные должности, как начальника связи, авточасти, снабжения, были выделены также свои товарищи из района и лишь начальник артиллерии, начальник санитарной части и руководитель инженерной [частью] были присланы по назначению штаба обороны города Петрограда, как специалисты. Здесь необходимо отметить, что работа этими специалистами выполнялась хотя и добросовестно, тем не менее дух особой психологии, чиновничества, шаблона не покидал их даже в минуты непосредственной необходимости работать по революционному.

Организуя штаб, было приступлено к формированию, в результате чего объявленная мобилизация рабочих, сначала примитивным способом, выделяя по несколько наиболее стойких с каждого завода, затем общая от 18 до 43 лет дала хорошие результаты, уклонявшиеся от мобилизации Всеобуча сюда явились полностью. Была образована мобилизационная комиссия из трех товарищей, которая и проводила мобилизацию, принимая и свыше 43-летнего возраста, всего, таким образом, было мобилизовано 782 человека, из которых был образован отряд в 3 роты, по 230 человек в каждом, команда пеших разведчиков в 20 человек, команда пулеметчиков в 30 человек, команда гранатчиков в 26 человек, команда связи в 16 человек.

На мобилизацию горячо отозвались работницы фабрик и заводов, из которых была образована служба связи и санитарный отряд. Всех работниц было мобилизовано 160 человек. За период мобилизации прошло через комиссию около четырех-пяти тысяч человек, из которых, как указано выше, принято было [2]... человек, остальные, в большинстве больные, старые и совершенно необходимые на том или другом предприятии, были освобождены.

Следующей задачей формирования было установление связи, которая хотя и не сразу все же была очень быстро налажена; для этого были привлечены специалисты рабочие с заводов, которые установили аппараты и наладили телефонную связь со штабом обороны города Петро-

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 9, лл. 20—22. Заголовок подлинника.

[2] В документе пропуск.

града, со всеми районами, артиллерией и всеми важными пунктами, необходимыми в момент оперативных действий.

Был установлен телеграф. Что касается живой связи, то эту задачу взяли на себя исключительно работницы, которые были размещены по всем пунктам и прекрасно справились с своей работой. Одновременно был приспособлен для связи мотоцикл и самокаты.

Другой серьезной задачей являлась мобилизация и регулирование транспорта; здесь также необходимы были исключительно революционные меры, посредством которых и при содействии рабочих удалось поставить на ноги и сконцентрировать в Штабе весь автогуж.

Много грузовых и легковых машин было разбросано по заводам и гаражам без практического употребления и часто, не будучи на учете, скрывалось владельцами, ссылавшимися то на порчу, то на отсутствие горючих и смазочных веществ.

Немедленно были осмотрены все гаражи и предприятия; все машины, за исключением совершенно необходимых, были приведены в боевой порядок, шоферы были мобилизованы и взяты в штаб, часть из них была выделена исключительно для ремонта, а часть для езды; таким образом, используя машины, одновременно был аппарат, который ремонтировал выбывавшие из строя.

Одновременно с организацией других отделов был организован санитарный отдел, куда вошли все работницы, могущие быть санитарками, который устроил сразу же перевязочные пункты и оказание скорой помощи в кварталах, где предполагались оперативные действия.

Все необходимые медикаменты были взяты, главным образом, с завода военно-врачебных заготовлений. Кроме организационных пунктов, на санитарный отдел была возложена и другая задача: обучение работниц подаче первой помощи, как теоретически, так и практически, для чего устраивались лекции, что дало возможность остальным работницам ознакомиться с санитарным делом.

Следующей задачей было укрепление района. С этой целью было приступлено к рекогносцировке и намечению плана работ соответственно утвержденной схеме, применяясь, главным образом, к местности. После определения было приступлено к работам, весь центр тяжести которых ложился на линию, откуда предполагались главные силы противника, не оставляя и других стратегических пунктов. Для рытья окопов была привлечена штрафная рота красноармейцев, торговцы на рынках, работницы некоторых фабрик и позже остальное население. Следует отметить, что наиболее работоспособным элементом были работницы и штрафная рота, которые работали не за страх, а за совесть, все остальное было почти ненужным баластом.

Одновременно с окопами были сооружены проволочные заграждения, сделаны траверсы, установлены пулеметные площадки и намечены места для гранатчиков. Также был выбран целый ряд домов с проходными дворами и улиц, могущих принести ценную услугу во время оперативных действий.

Затем были приняты меры к доставке и установке артиллерии, был сооружен блиндаж для снарядов, сделана маскировка, установлен наблюдательный пункт и проведена телеграфная связь как со штабом, так и соседними батареями.

Подходя к вопросу снабжения, необходимо отметить, что этот аппарат сыграл огромную роль, так как от доставления своевременно тех или иных предметов зависели все успехи начатых работ. Все, что было необходимо для формирования и укрепления, проходило через аппарат

снабжения; предоставление помещений для отряда, доставка и распределение продовольствия как отряду, так и работающим по укреплению, приобретение всякого рода инструмента, обмундирования, вооружения и тому подобное,— все это доставлялось своевременно при известных нажимах на ту или другую организацию, действуя революционно.

Кроме организации обороны района была оказана непосредственная помощь фронту посылкой вооруженных отрядов в момент наступления белогвардейских банд на Петроград, и отрядов санитарок из работниц.

Большинство учреждений районного совета обслуживало исключительно Штаб обороны, отдавая как технический персонал, так и способствуя розыску и доставлению транспорта, одежды, обуви, продовольствия, горючего и смазочных веществ, кроватей, матрацов и т. п.

Большую услугу оказали также фабрики и заводы, посылая живую силу, снабжая перевязочными медикаментами, лесными материалами, транспортом, ремонтом и проч.

Не осталась безучастной и городская милиция, своей исполнительностью способствовавшая своевременному началу работ по укреплению.

Подводя итоги организационной работы необходимо оценить роль пролетариата, как революционного творца по внутренней обороне.

Здесь надо констатировать, что вся работа по организации обороны в районе произошла быстро исключительно благодаря тому, что району были даны права и полная инициатива, обусловливаемые глубокой сознательностью каждого рабочего и сотрудника, осознавших необходимость революционного напряжения и вполне сдавших политический экзамен.

Все, что строилось в эти исторические дни, строилось рабочими без специальной к тому подготовки, и те специалисты, которые принимали участие в этом строительстве, терялись и казались существами способными работать по шаблону, не по-революционному.

Необходимо отдать должное начальнику обороны города Петрограда тов. Аврову, сумевшему правильно реагировать на запросы района, координировать работу с другими районами и уметь разговаривать на общем языке, что весьма оживляло работников штаба и придавало им энергию, повышая продуктивность работы и вводя ее в определенное русло.

Также надо оттенить и работников нашей партии, сумевших правильно распределить свои роли и целиком уйти в работу обороны.

Организация обороны сама по себе послужила огромным моральным давлением, так как поспешно занимаясь работой чувствовалась бодрость [1], надежда и желание встретить, если придется врага во всеоружии, неподготовленными, не врасплох. Серьезность этой работы, ее успех, единодушный отзыв рабочих, все это создавало деловую обстановку и, сковывая языки досужих болтунов, заставляло контрреволюционеров разочароваться в своих чаяниях и серьезно призадуматься.

Большинство самой трудной работы было проделано в одну ночь, то есть в тот самый момент, когда Петрограду угрожала непосредственная опасность.

Мгновенно было поставлено буквально все на ноги: привезены орудия, снаряды, вырыты ближайшие окопы, расставлены пулеметы, стратегические пункты, посажены гранатчики, транспорт свезен в один пункт, скорая помощь на местах; с винтовками, пулеметами и граната-

---

[1] Так в подлиннике.

ми производилось беспрерывное обучение, словом все кипело революционной жизнью.

В заключение следует добавить, что не малую роль сыграли инструктора, присланные Всеобучем, которые сразу поставили отряд на боевую изготовку; что касается административно-политического влияния, то в этом отношении благодаря тому, что во главе стояли районные руководители партии, знающие психологию мобилизованных. Удавалось всякий раз правильно нащупывать всякое биение пульса, реагировать на все, потребно запросам и условиям.

Начальник обороны (подпись).

Краткий обзор революционной деятельности Штаба внутренней обороны Смольнинского укрепленного района, [ноябрь 1919 г.][1]

С первых почти дней образования штаба внутренней обороны Смольнинского укрепленного района было приступлено к политической и культурно-просветительной деятельности, как в пределах всего района, так и в частях, находившихся непосредственно в распоряжении Штаба.

На всех фабриках и заводах, во всех крупных предприятиях района, начиная с первых же тревожных дней наступления Юденича, вся власть на местах перешла к образовавшимся к тому времени революционным тройкам, в руках которых находилась вся революционная, политическая и административная деятельность предприятия. Авторитет революционных троек в предприятиях был весьма велик, отношение рабочей массы к тройке было весьма благоприятное. Все распоряжения и постановления троек выполнялись не только беспрекословно, но всячески всеми оказывалась помощь тройке в выполнении задач, возложенных на тройки Штабом обороны.

При общем подъеме революционного духа, отмеченного в эти дни среди рабочего и трудового населения района, при всем сознании ответственности момента, пережитого в те дни Красным Питером, революционным тройкам приходилось вести и работу по борьбе с проявившимися в те дни контрреволюционными попытками оставшихся еще в Петрограде идейных сторонников Юденича, следить за сохранностью имущества предприятия, принимать меры к ограждению предприятий от антисанитарных и противопожарных состояний[2]. Следует отметить, что интенсивность и производительность труда в эти недели стояла значительно выше дней, предшествовавших наступлению Юденича.

Особо следует отметить отношение рабочих к текущему моменту на электрической станции «Гелиос», на которой работа при всех существовавших тяжелых условиях протекала дружно, и в результате чего освещение района не прерывалось в течение всего времени ни разу. Для того, чтобы подбодрить рабочих завода и увеличить производительность их работ, которая достигла в эти дни большой продуктивности, сам начальник внутренней обороны Смольнинского района работал вместе со всеми рабочими завода, после чего работа на заводе пошла еще успешнее. Такое же явление пришлось отметить и в работах на Главной городской водопроводной станции, находящейся в районе.

В некоторых учреждениях района, как в госпиталях, лазаретах и

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 9, лл. 24—25. Заголовок подлинника.

[2] Так в подлиннике.

больницах, были заведены две смены работ, вместо трех, устроено беспрерывное 24-часовое дежурство и учреждены санитарные отряды, готовые в каждый момент по указанию штаба района двинуться в любое направление.

Штабом внутренней обороны Смольнинского района велась широкая агитация среди мобилизованных на окопные работы товарищей из фабрик и заводов. Приходилось разъяснять значение окопных работ, значение укрепления и защиты Петрограда, текущий момент и т. д. Для этой цели штаб посылал своих партийных членов штаба, выступление которых имело влияние на рабочих и работниц, что сказалось на успешности выполненных по району рабочими оборонительных работ, которые часто с пением революционных песен отправлялись и производили работы.

В этих работах штаба революционные тройки фабрик, заводов и предприятий, кои подвергались мобилизации для окопных работ, сыграли немаловажное значение, всячески помогая и облегчая работу штаба.

В образовавшемся из мобилизованных районным штабом и районным комитетом партии рабочих и членов партии батальоне внутренней обороны района в первые же дни был сорганизован коллектив коммунистов, который всю свою работу проводил под непосредственным руководством районного комитета партии и наблюдением политкома районного штаба и батальона. Коллективом была организована библиотечка, распространялась литература и газеты, устроен был митинг-концерт. Кроме того, красноармейцы батальона изучали революционные песни и приступили к постановке своими силами революционной пьесы, посещали концерты-митинги и спектакли, которые организовал Штаб в залах Народного дома Смольнинского района в дни годовщины Октябрьской революции, оглашая на них приветствие тов. Подвойского к пролетариям Смольнинского района. Отношение батальона к коллективу, равно как и к событиям на Петроградском фронте, было очень хорошее. Было отмечено много желающих беспартийных из батальона вступить в тяжелые дни, переживаемые Петроградом, в члены партии.

Штабом внутренней обороны Смольнинского района одновременно с производством окопных работ приступлено было к организации всеобщего военного обучения из рабочих фабрик и заводов района для формирования партизанских отрядов для нужд района, готовых в случае надобности двинуться на любой участок фронта. Добровольно записываясь десятками и сотнями во всеобщее военное обучение, аккуратно посещая обучение, успешно проходя все приемы всеобуча, рабочие района тем самым дали возможность штабу быстро сорганизовать всеобуч в количестве свыше полутора тысяч человек. 16 ноября в районе был устроен смотр всеобучу. После приветствий и разъяснений о значении текущего момента, стройными рядами в сопровождении всего Штаба, с партийными знаменами, оркестром музыки двигались по улицам района колонны рабочих всеобуча, производя хорошее впечатление на все трудовое население района, подняв революционный дух и настроение рабочих. Вечером того же дня для рабочих, участвовавших в смотре, был устроен в Народном доме района митинг-спектакль с участием партийных и артистических лучших сил Петрограда.

В первых числах ноября штаб приступил к организации женского партизанского отряда из работниц фабрик и заводов района, подвергшихся временному закрытию, вследствие топливного кризиса.

Развив среди работниц агитационную деятельность, штабу приходилось отметить добровольную запись в женский партизанский отряд работниц, выразивших готовность немедленно приступить к занятиям. Отряд в сто работниц, сорганизованный в первые же дни, сейчас же выделил коллектив коммунистов в двадцать человек, который начал распространять литературу и развивать политическую и культурно-просветительную деятельность.

Деятельность штаба внутренней обороны Смольнинского района в области революционно-политической и культурно-просветительной, начатая с первых же дней образования Штаба, наравне с деятельностью военно-оперативной продолжалась беспрерывно и протекает в значительно еще более широком масштабе в настоящее время, в дни военного затишья.

Работая все время в теснейшем контакте с районным комитетом партии, штаб внутренней обороны Смольнинского района принял со своей стороны все зависящие от него меры к выполнению возложенных на него революционных задач пролетарской революцией и, в особенности, в тревожные дни, пережитые Красным Питером в октябре-ноябре месяцах 1919 г.

За н. д. начальника внутренней обороны Смольнинского района
(подпись).

Телеграмма Реввоенсовета 7-й армии В. И. Ленину, 8 ноября 1919 г.[1]

Красные войска сражающиеся на Питерском фронте просили меня передать «Мы родились в самые критические для Красного Питера дни на смену частям утомленным пятимесячным пребыванием в худших условиях на фронте. Мы созданы, обуты, одеты, вооружены, накормлены, посажены на коней питерскими рабочими. Самоотверженной, напряженнейшей работой путиловцы, охтенцы, ижорцы, колпинцы дали нам бронепоезда, бронемашины, танки, орудия и пулеметы. Своим революционным энтузиазмом они зажгли в нас непреклонную волю к полной победе. Теперь питерские рабочие и Вы, вождь всемирной революции, отдали нам приказ — Северозападную армию стереть с лица земли. Часть приказа выполнена и сегодня в великую годовщину клянемся развить еще большую стремительность, не останавливаться ни перед какими жертвами, чтобы уничтожить Юденича в ближайшие дни. Отобрав награбленное у нас и купленное у Антанты за рабоче-крестьянскую кровь оружие, мы двинемся на Южный фронт для уничтожения Деникина».

Член Реввоенсоварм 7-й (подпись).

[1] ЦАОР, ф. 1917, оп. 20, д. № 33, л. 1.

Стачка рабочих железнодорожных мастерских в Тифлисе (1900 г.)

Стачка тифлисских железнодорожников 1900 г.— крупнейшее событие в истории рабочего движения Закавказья и всей России в до-искровский период. Она явилась одним из показателей соединения социализма с рабочим движением. Базой для развития рабочего движения в Закавказье и соединения его с социализмом послужил рост капитализма и предшествующая работа революционной с. д. под руководством товарища Сталина.

Несмотря на сохранившиеся после реформы 1861 г. крепостнические пережитки в деревне и общий гнет феодально-самодержавного строя, тяжело давившего трудящихся, развитие капитализма в России шло быстрым темпом. Этот стремительный темп особенно давал себя знать на юге России — на Украине и в Закавказье, где были созданы новые промышленные центры страны. Применение паровых двигателей — один из наиболее характерных признаков крупной машинной индустрии — за какие-нибудь 15 лет возросло на Кавказе весьма значительно. Так, в 1875—78 гг. здесь насчитывалось 115 паровых котлов и 51 паровая машина (всего 583 лош. силы), в 1892 г. использовалось уже 514 паровых котлов и 514 паровых машин (с 5.283 лош. силами). В период 1870—1890 годов в Закавказье была создана сеть железных дорог. В 1871 г. было открыто движение по железной дороге Тифлис — Поти, в 1883 г. была закончена ж.-д. магистраль Баку — Батум, в 1895 г. была проведена Чиатурская узкоколейная ж.-д. ветка. Быстро развивалась нефтяная промышленность и добыча марганцевой руды. В 1865—1869 гг. в Бакинском районе было добыто 15 тыс. тонн нефти, в 1895—1899 гг.— 7.644 тыс. тонн. Добыча марганца с 1880 по 1900 г. возросла с 4,2 тыс. тонн до 660 тыс. тонн. Развитие железнодорожного сообщения и нефтяной промышленности произвело в Закавказье экономический переворот. «Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табаку...» [1]. Одновременно шел интенсивный процесс отвлечения населения от земледелия к промышленности и рост городского населения на Кавказе (с 1863 по 1897 г. оно возросло с 350 тыс. до 900 тыс. человек). Русский капитализм, создавая себе рынок для своих фабрик и заводов, втягивал Кавказ «в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости» [2]. Под влиянием конкуренции привозных фабрикатов падали местные кустарные промыслы. «Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно кустарная обработка меди, золота и

[1] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 464.

[2] Там же.

серебра, глины, сала и соды, кож и т. д. ...Падала обработка рогов в бокалы [illegible] в Грузии [illegible] исторических пиров,— пал шапочный промысел [illegible] ого костюма европейским, падало производство бурдюков и кувшинов для местного вина»...[1]

Все эти сдвиги в области экономики и социальной структуры со всей отчетливостью и определенностью сказались в Тифлисе,— одном из крупнейших городов Закавказья. Население Тифлиса с 1865 г. по 1897 г. с 70 тыс. жителей возросло до 160 тыс. В 1900 г. в Тифлисе насчитывалось 5.263 тор[illegible] 21 тыс. [illegible] и с оборотом в 60 миллионов рублей (рабочих — по официальны[illegible] них было 11 тыс. человек). Далеко не все предприятия Ти[illegible] в это время капиталистическими крупными фабриками [illegible] и т. п., однако капиталистические отношения уже знач[illegible] общее лицо города и его социальную структуру. [illegible] ных производств, потеряли свое значение когда-то сильные ремес[illegible] организации амкаров (цехов) и за счет отходничества из деревень и разорения ремесленников создалась пролетарская прослойка в городе. Наиболее крупными среди промышленных предприятий в Тифлисе являлись [illegible] и депо Закавказской ж. д., в которых к концу 19 в. работало до [illegible] рабочих. Положение рабочих как всего Закавказья, так и Тифлиса [illegible] чайно тяжелым. На Кавказе — колонии царской России, этой «тюрьмы народов», наряду с общим бесправием трудящихся [illegible]ей России, особенно давали себя знать разжигание национальной розни, гнет местных владельцев — князьков, повседневные унижения и оскорбления представителей нерусских народов царскими чиновниками и самая свирепая и беспощадная капиталистическая эксплоатация рабочих. Налицо были полный произвол фабрикантов и заводчиков в отношении рабочих, отсутствие каких бы то ни было мероприятий по обеспечению безопасности и улучшению условий их труда. Грязь, копоть, вонь, частые несчастные случаи, непомерно длинный рабочий день, низкая заработная плата, произвольные вычеты из заработка рабочего, широкое использова[illegible] труда (на заводах Манташева в Батуме в начале [illegible] 7—8-летние дети, на предприятиях Тифлиса ра[illegible] и подростков с 12-летнего возраста), грубое обращение [illegible] труда и [illegible] (и в том числе [illegible]та и роста его классовой солидарности, увеличивалась [illegible] рабочих. Первые стачки возникли в Тифлисе еще в 70-х годах. [illegible] были незначительными. Более крупная стачка произошла в [illegible] г. в связи с переходом Закавказской ж. д. в ведение казны [illegible]временных пособий р[illegible] увольнении, бесплатного про[illegible] и т. д. Рабочие мастерс[illegible]тали, требуя [illegible] к прежним условиям труда. К ним присоединились рабочие депо. [illegible] была подавлена при содействии войск. Во второй половине 90-х годов [illegible] несколько стачек на табачных и др. предприятиях Тифлиса.

Стачки до конца 90-х годов в своем большинстве носили экономический и недостаточно организованный характер. Предстояла задача связать борьбу рабочих за улучшение своего экономического положения с политической борьбой против царизма, задача осуществления соединения социализма с рабочим движением. Петербургский союз борьбы за освобождение рабочего класса, под руководством Ленина, уже с конца 1894 г. вступил на этот путь. При возникновении стачек на тех или иных предприятиях Петербурга «Союз борьбы» немедленно откликался выпуском листовок и социалистических прокламаций, в которых обличались

[1] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 463—464.

притеснения рабочих фабрикантами, освещалась нищенская жизнь рабочих, указывалось на непомерно тяжелый рабочий день, вскрывалось бесправи[illegible] положение рабочих, разъяснялось как им бороться за свои инте[illegible] и тут [illegible] формулировались экономические и политические требования рабочих. После проведенной под руководством основанного Лениным «Союза борьбы» летом 1896 г. стачки 30 тысяч петербургских текстильщиков, царское пр[illegible]ство 2 июня 1897 г. было вынуждено издать закон об ограничении рабочего дня до 11½ [illegible].

Первой марксистской социал-демократической организацией в Тифлисе был[illegible] «Месаме-даси», возникшая в 1893 г. при активном участии высланных царским правительством из центральных районов России русских социал-демократов (И. Коган, Г. Франчески и др.) и легальных марксистов Грузии, побывавших за границей (Ной Жордания, Карло Чхеидзе и др.). «Месаме-даси» не была однородной по своему политическому направ[illegible]нию организацией. [illegible] большинство, во главе с Жордания, иска[illegible] учение революционного марксизма, отрицая идею гегемонии пролетариата в революционном движении и [illegible]ставя вопросов о необходимости революционной борьбы с капитализмом, о свержении буржуазного строя и установлении диктатуры пролетариата. Отстаивая необходимость и неизбежность капиталистического развития Грузии, оно всячески выпячивало только положительную и прогрессивную сторону капитализма и вульгаризировало марксизм, окрашивая его в националистич[illegible] тона. Положив начало распространению марксистских идей в Грузии и Закавк[illegible] гг. [illegible]шинство «Месаме-даси» не пошло вперед, оставшись исключительно группой легального марксизма. Оно отказалось от создания нелегальной революционной прессы и организации революционной борьбы рабочего класса против самодержавия и буржуазии. Первые с.-д. рабочие кружки в Тифлисе, возникшие в 1896—1897 гг., носили преимущественно образовательный характер.

Совершенно иную роль сыграло меньшинство «Месаме-даси» — революционная марксистская группа в составе С. Цулукидзе, Л. Кецховели и И. Сталина. В 1898—1900 оно осуществило переход от мирной легальной пропаганды идей марксизма в легальной газете [illegible]ко-кружковой пропагандистской работы с рабочими к широкой р[illegible]олюционной агитации и организации рабочих на революционную борьбу против царизма и буржуазии. Под руководством товарища Сталина тифлисская центральная социал-демократическая группа образовавшаяся из меньшинства «Месаме-даси», местных передовых рабочих и высланных из России революционных социал-демократов (В. Курнатовского, Г. Франчески, М. Калинина, С. Аллилуева и др.) в 1898—1900 гг. провела огромную революционно-пропагандистскую и организационную работу по [illegible]нию нелегальной социал-демокр[illegible]ической организации и по руководству забастовками и политической борьбой тифлисского пролетариата.

В 1898 г. в тифлисских железнодорожных мастерских впервые развертывается крупная забастовка, в которую вовлечены были кондуктора, машинисты и др. Было приостановлено движение товарных поездов. Рабочие требовали отмены распоряжения об уничтожении выдачи пособий во время болезни и при увольнении и т. п. Полицией была арестована делегация, предъявившая [illegible] администрации требования рабочих; были вызваны войска и начались репрессии против наиболее активных революционных рабочих. Однако стойкость и выдержанность рабочих заставили правительство пойти на уступки. Министр путей сообщения по телеграфу на третий день стачки распорядился удовлетворить требования рабочих. Стачка 1898 г. была организована в результате начавшегося поворота внимания центральной тифлисской с.-д. организации в сторону широкой революционной агитации. Начало этому повороту положило первомайское празднование 1898 г., проведенное впервые в Тифлисе. Несмотря

на то, что на «маевке» приняло участие только 13 с.-д., предмайская аги[illegible] нашла среди рабочих значительный отклик. Рабочие потянулись во вновь [illegible]е социал-демократические кружки, в которых развертывалась п[illegible] идеи научного социализма и задач политической и экономической борьб[illegible] рабочего класса. В 1899 г. на «маевке», организованной за городом, участв[illegible]вало 67 человек социал-демократов интеллигентов и передовых рабочих. По[illegible] красным революционным знаменем произносились горячие речи и выражал[illegible] готовность бороться до конца за политическую свободу, за [illegible].

В конце 1899 г. и в первую половину 1900 г. началась полоса стачек. В [illegible]бре 1899 г., под руководством революционных социал-демократов, была [illegible]товлена стачка рабочих и служащих тифлисской конной железной дороги. Начавшись 1 января 1900 г., она в тот же день была подавлена при содей[illegible]вии войск. Арестовано было 70 рабочих и служащих. Но спустя 3 месяца а[illegible]министрация конной железной дороги выполнила фактически отдельные требо[illegible]ния, предъявленные рабочими и служащими во время стачки (был умен[illegible]шен рабочий день, увеличена заработная плата, отменены некоторые стесни[illegible]тельные для рабочих и служащих правила и т. д.). В период 1899 г. и 1900 г. дважды бастовали рабочие — наборщики типографий Шарадзе и Хеладзе и рабочие других типографий. Своей успешной стачечной борьбой рабочие типографий добились увеличения заработной платы, своевременной выдачи ее, улучшения условий труда, отмены работы в праздничные дни и т. п. В то самое время, как большинство «Месаме-даси» оставалось на националистических по[illegible]зициях, под руководством революционных с.-д. объединились на почве классовой солидарности и подлинного интернационализма различные национальные [illegible]ного Кавказа. В боевой пролетарской пар[illegible]низации, возглавляемой товарищем Сталиным, объединялись рево[illegible] рабочие различных наций — грузины, армяне, русские, тюрки. Призывая к интернациональному единству пролетариев России различных наций, Ленин неоднократно указывал на необходимость проводить в жизнь принцип интернационального единства пролетариата «столь блестящ[illegible] на Кавказе с 1898 г.»[1]. Пр[illegible] борьбы всех трудящихся Закавказья. Деятельность революционной социал-[illegible]мократии под руководством товарища Сталина особенно развернулась в 1900 [illegible]. В это время функционировало несколько десятков кружков. В ряде из них [illegible]водителем был товарищ Сталин.

Первомайское празднование в 1900 г. было проведено особенно организованно и торжественно. За городом под руководством товарища Сталина была проведена массовка, на которой присутствовало 400—500 рабочих; были подняты два красных знамени с революционными лозунгами и портретами Маркса и Энгельса. Речи говорились на грузинском, русском и армянском языках. Товарищ Сталин выступил с пламенным призывом к борьбе против царя и капиталистов. Затем собравшиеся пели революционные песни. Празднование п[illegible]лось с раннего утра до 5 часов вечера. Маевка 1900 г. сыграл[illegible] роль в новом подъеме стачечной борьбы тифлисского пролета[illegible] его классовой сознательности и организованности. Начиная с [illegible] г. [illegible]ва начались забастовки рабочих типографий (Хеладзе и [illegible]). Р[illegible]пографии «Грузинского товарищества» выдвинули требование 8-часового рабочего дня и добились в конечном счете сокращения работы до 9 часов (в субботу до 8 часов). В июне—июле бастовали рабочие некоторых фабрик и механических заводов. Они добились сокращения рабочего дня до 10½ и 11 часов, увеличения и своевременной выдачи заработной платы и т. п. В литейном цехе железнодорожных мастерских рабочие добились полной отмены

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 559.

сверхурочных работ, в механическом цехе — отмены их по понедельникам. В июле 1900 г. успешно закончилась также стачка рабочих на табачной фабрике Бозарджиана, требовавших увеличения заработной платы, уничтожения штрафов, приема уволенных ранее 2 рабочих и т. д. Все эти забастовки протекали под непосредственным руководством революционных социал-демократов во-главляемых товарищем Сталиным (в числе их были М. И. Калинин, С. Я. Алли-[illegible]

[illegible] графиях ра[illegible] отмене вечерних свер[illegible] 50%, человеческом обращении со стороны мастеров и бригадиров, улучш[illegible] условий труда и др. В них содержались также призывы мужественно и стойко продолжать борьбу и разоблачалась политика свирепых репрессий со сторон[illegible] царского правительства.

Публикуемые документы рисуют общую картину и [illegible] ставление о напряженной и упорной борьбе рабочих, [illegible] кости тактики революционных социал-демократов, стре[illegible] ством товарища Сталина придать стачке характер в[illegible] все отряды рабочих, вплоть до паровозных машинистов и их помощников, ободрить и призвать к поддержке стачечников женщинами: их женами, сестрами и матерями (см. прокламации «Товарки» и «Товарищи машинисты» и др.) и т. п. В этом смысле эта стачка сыграла большую роль в подготовке общей стачки в Закавказье летом 1903 г. Основные прокламации, формулировавши[illegible] требования рабочих и др., писались безусловно при самом активном участии передовых рабочих и до известной степени сохранили их язык и стиль. В этом отношении тифлисские с.-д. под руководством товарища Сталина целиком следовали той практике, которая установилась в Петербургском Союзе Борьбы в первый период его существования. Известно, что первую агитационную листовку и обращение к забастовавшим рабочим Семянниковского [illegible], Ленин написал при участии рабочего Бабушкина, другие «разобл[illegible] листки» Петербургского Союза Борьбы также писались на основании материалов, доставлявшихся революционным социал-демократам передовыми рабо[illegible] ряда петербургских предприятий. Другой отличительной особенностью этой стачки явилось массовое участие в ней рабочих. В результате общего выступления руководителям стачки удалось добиться того, что в течение 4 дней (после присоединения к стачке помощников машинистов) вместо 24 поездов по Кавказской ж. д. ходил только 1 почтовый поезд (см. брошюру «Из Тифлисского рабочего движения», рассказ рабочего, изд. «Искры»). Стачка, охватившая до 3 000 железнодорожных рабочих, была сломлена в результате замены забастовавших рабочих солдатами саперами, расчетов рабочих, массовых арестов и высылок их на родину. (Кстати сказать, эти массовые высылки сыграли б[illegible]шую роль в распространении революционных с.-д. идей в Закавказской деревне и в дальнейшем развитии крестьянского движения). Было арестовано и выслано свыше 400 рабочих.

Стачка кончилась поражением. «Но это поражение по своему значению и последствиям превышало многие победы»[1]. Августовская стачка 1900 г., подавленная зверскими правительственными репрессиями, вплотную подвела

[1] См. ст. Кецховели в «Брдзола» № 2—3, ноябрь — декабрь 1901 г., перепечатанную в сборнике «Ладо Кецховели», стр. 40.

[redacted]рокие массы закавказского пролетариата к признанию необходимости активной борьбы за свержение само[redacted].

Вызвав отклик среди рабочих других предприятий в Тифлисе (в августе 1900 г.— апреле 1901 г. бастовали рабочие хлопчатобумажной фабрики Читахова, кожевенного завода Адельханова, табачных фабрик Энфианджианца, Бозарджианца, Сапарова, Бутулова, «Мир», механических заводов Яралова, Карапетянца, Котрина и ряда типографий), стачка рабочих железнодорожных мастерских в Тифлисе подготовила переход тифлисского пролетариата к открытой [redacted] политической работе. 22 апреля 1901 г. в Тифлисе состоялась гран[redacted] уличная демонстрация, организованная под непосредственным руководством товарища Сталина. Несмотря на то, что город еще [redacted] неделю до демонстрации был переведен как бы на военное положение и на[redacted]. 22 апреля на улицах Тифлиса демонстрировало около 2 тысяч рабочих. Они несли знамена с революционными лозунгами и портретами [redacted]аркса и Энгельса (те же, что и на маевке 1900 г.). Демонстрантов атаковали казаки и полиция. Во время столкновения было ранено 14 и арестов[redacted] свыше 50 демонстрантов. Товарищ Сталин участвовал в демонстрации и лично руководил ею. По поводу этой демонстрации Ленинская «Искра» в 1901 г. писала: «Событие, бывшее в воскресенье 22 апреля [redacted]тельным для всего Кавказа. С это[redacted]казе начинается открытое революционное движение»[1]. В результат[redacted]ности товарища Сталина и руководимых им революционных социал-демократов тифлисский пролетариат, проделавший в 1898—1900 гг. сложный путь по осуществлению слияния рабочего движения и социализма, очень быстро про[redacted] массовым политическим [redacted] из основных отрядов российско[redacted] 1901 г. в Петербурге и первомайская демонстрация 1901 г. в Тифлисе знаменовали собою уже начало нового этапа в истории рабочего движения в России, в истории героической борьбы российского пролетариата за свержение [redacted].

О. Чаадаева

Из отношения прокурора Тифлисской судебной палаты во временную канцелярию при министерстве юстиции по производству особых уголовных дел, 5 сентября 1901 г., № 527[2]

При Тифлисском губернском жандармском управлении производилось в порядке положения о государственной охране расследование об интеллигентском социал-демократическом кружке в гор. Тифлисе. Расследованием этим выяснено, что означенный кружок состоит из интеллигентных лиц, как туземцев, так и русских, которые образовали тайное сообщество, имеющее целью стремиться путем пропаганды возбудить среди местных рабочих недовольство настоящим положением, внушить им революционные идеи и тем способствовать подготовлению общего революционного движения рабочего класса. Средствами пропаганды для этого кружка служили подбор для чтения

---

[1] «Искра» № 6, июль 1901 г.

[2] М. Ю., вр. к., 1901 г., д. № 11296, л. 1—4. Публикуемы[redacted] хранятся в Центр. архиве революции. Подготовлены к печати Е. Н. [redacted]-Чмыховой.

рабочих разрешенных изданий социального направления, распространение нелегальных брошюр и журналов, организация тайных рабочих кружков и рабочей кассы и устройство сходок, на которых интеллигенты читали нелегальные издания или вели с рабочими соответствующие беседы... С июля месяца 1900 г. рабочие Савченко и Калинин, образовав кружок, в состав коего вошли железнодорожные рабочие, стали устраивать сходки, собираясь для этого на квартирах. На сходках этих Савченко и Калинин говорили о тяжести положения рабочих, о необходимости борьбы с правительством, об устройстве демократической кассы для оказания помощи рабочим при забастовках; сверх того они читали разные нелегальные издания и объясняли прочитанное. Такой же кружок, но отдельно от железнодорожных рабочих, образовали и типографские наборщики[1]: об этом последнем кружке в жандармском управлении производится особое расследование[2].

И. д. прокурора палаты Хлодовский.

Из постановления Тифлисского губернского жандармского управления по делу о забастовке в июле — августе 1900 г. рабочих главных мастерских Закавказских железных доро́г и депо «Тифлис», 16 октября 1901 г.[3]

С начала июля 1900 г. в среде рабочих главных мастерских Закавказских железных дорог появилось заметное брожение, основную причину и характер которого, хотя и нельзя было в точности установить, но из поступавших в управление агентурных сведений можно было заключить, что из токарного цеха мастерских пропагандировалась общая забастовка рабочих на почве требования сокращения часов рабочего дня и увеличения рабочей платы. Хотя в июле месяце ежегодно происходят недоразумения между рабочими и мастерами по поводу прибавки заработной платы и ежегодно бывает волнение неудовлетворенных прибавкой рабочих, но в данном случае движение это приняло настолько острый характер и возбуждение рабочих было настолько сильно, что во второй половине июля можно было уже безошибочно заключить о том, что неизбежным результатом

---

[1] В 1898—1900 гг. революционным движением тифлисских рабочих руководила центральная социал-демократическая группа Тифлисской социал-демократической организации, во главе с тов. Сталиным. В состав группы входили тов. Сталин, Сильвестр Джибладзе, М. Бочоридзе, З. Чодришвили, В. Стуруа и др. Центральная социал-демократическая группа провела огромную пропагандистскую и организационную работу по созданию нелегальной социал-демократической партийной организации. Члены группы руководили социал-демократическими кружками. Жандармерии не удалось раскрыть состав кружков и руководителей, действующих сугубо конспиративно. У одного только тов. Сталина в 1889—1900 гг. было более 8 рабочих социал-демократических кружков. (См. Берия. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, ОГИЗ, 1937 г., стр. 13). В начале мая 1900 г. в Тифлис приехал Михаил Иванович Калинин и поступил токарем в тифлисские ж. д. мастерские. Сосланный на Кавказ под особый надзор полиции после десятимесячного тюремного заключения по делу Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», Михаил Иванович вел активную социал-демократическую работу, активно участвуя в стачке рабочих Тифлисских железнодорожных мастерских и депо.

[2] Далее в документе описываются сведения о работе кружка железнодорожных и типографских рабочих, относящихся к 1901 году.

[3] ДП, VII, 1900 г., д. № 487, т. II, лл. 95—101.

этого движения должны быть стачки, что 20 июля за № 3399 и было сообщено начальнику жандармского полицейского управления Закавказских железных дорог и доведено до сведения департамента полиции.

К 1 января и к 1 июля ежегодно наиболее отличившимся и усовершенствовавшимся в своем деле рабочим производится прибавка заработной платы. Таковых рабочих к каждой прибавке представляется от 200 до 300 человек. 28 июля сего года рабочие мастерских, преимущественно токарного цеха, заявили, что они находят неправильным представление их к прибавке мастерами, что по их мнению было бы целесообразнее и справедливее, если бы представление к прибавке делались самими же рабочими, знающими лучше, кто и как из них работает. Требование это они основывали на том, что мастера представляют рабочих к прибавке, основываясь на представлениях бригадиров, а последние делают эти представления за денежное вознаграждение или могарыч (угощение) со стороны желающих быть представленными. Кроме этого рабочие заявили, что число лиц представляемых к прибавке должно быть значительно увеличено.

Не находя первое из этих требований заслуживающим внимания, железно-дорожная администрация нашла возможным увеличить число представляемых к прибавке до 500 человек, но с тем однако условием, чтобы рабочим представленным сверх нормы к прибавке таковая была бы назначена в размере всего лишь по 5 коп. в день. Рабочие против этого слегка возражали, говоря, что прибавка эта только на смех, но затем, повидимому, успокоились.

11 июля рабочие токарного цеха, численностью до 200 человек, скопом потребовали прекращения вечерних работ, на которые обязательный наряд назначался только в экстренных случаях. Просьба рабочих была удовлетворена; в продолжении двух дней им было предоставлено на вечерние работы не ходить, но несмотря на это, желающие работать ходили, и работы продолжались без изменения и всякого ущерба для дела.

Находя несправедливым предоставление возможности желающим работать по вечерам более заработать, нежелавшие ходить на вечерние работы 13 июля потребовали от начальника мастерских совершенного прекращения вечерних работ, путем остановки машин. Требование это удовлетворено не было, машины не остановились и желающие работать, несмотря на увещания и брань со стороны оставивших работу, ежедневно в количестве до 60 человек являлись на вечерние работы. Администрация мастерских, видя, что требование об отмене вечерних работ исходит не от всех рабочих, положение о вечерних работах оставила без изменения, сохранив за собой право в экстренных случаях назначать рабочих на вечерние работы по своему усмотрению и помимо их желания, подвергая неявившихся взысканию. В управление поступали также указания на хотя и неопределенные, но упорные слухи о подстрекательстве рабочих со стороны политически неблагонадежных лиц и на усиленную агитацию из среды наиболее развитых рабочих и административно высланных. Сведения эти, как подтвердили последующие события, были совершенно справедливыми, но вследствие крайне осторожного образа действия подстрекателей и очень ограниченного числа наблюдательного состава управления, принужденного безотлучно находиться при рабочих, занятого наблюдением за одновременно происходившими в городе

пятью стачками[1], свелись лишь к глухим указаниям на то, что какой-то студент разъясняет рабочим ненормальность их положения, что прибывшие из С.-Петербурга, Харькова, Москвы и Риги студенты-практиканты волнуют рабочих, что рабочие время от времени устраивают в разных местах города и за городом сходки и что наконец в Тифлисе есть социал-демократический центр, которому собственно и [illegible] нами этого центра, в то время установить не представлялось положительно никакой возможности[2].

21 июля начальником Тифлисского отделения были указаны заподозренные в подстрекательстве рабочих мастерских Аллилуев[3] [и другие]...

25 июля бригадир токарного цеха Пфунд, [illegible] работу, приказал рабочим своей бригады явиться на вечерние работы. Токари Федор Татаринов и Захарий Киктев заявили, что они утомлены и не явятся. Пфунд доложил о происшедшем цеховому мастеру Блюмбергу и представил Татаринова и Киктева, согласно правил, к [illegible]пению. Татаринов и Киктев из цеха ушли, значительная же часть токарей отправилась к мастеру и стала просить, чтобы их не увольняли. На другой день, 26 июля, Татаринов и Киктев явились в мастерские и, обратясь к мастеру, спросили, где им стать работать, мастер им ответил, что за отказ от вечерних работ они уволены и могут явиться за расчетом. Обстоятельство это распространилось тотчас же по всему цеху и в отместку за жалобу рабочие, оставив станки, скопом потребовали от Блюмберга удаления Пфунда, как лица будто бы заведомо расхищавшего имущество дороги, и вновь стали [illegible] Татаринова и Киктева. Получив на это отказ, рабочие разошлись обедать, затем возвратясь вновь, на работы не стали, а повторяли свои прежние требования.

В виду такого вызывающего поведения рабочих Блюмберг доложил о том начальнику мастерских, который выразил свое согласие на оставление Киктева и Татаринова в цехе. Узнав о резолюции начальника мастерских, рабочие приступили к работам и работали до вечера спокойно.

27 июля рабочие токарного цеха, повторив предъявленное накануне требование об удалении Пфунда и вторично получив на это отказ, потребовали, чтобы отказ этот был бы им изложен письменно. В то же время рабочие вагонного цеха предъявили совершенно подобное требование об удалении бригадира [illegible]. Одновремен-

[1] В 1900 г. перед [illegible] рабочих [illegible] железнодорожных мастерских состоялись забастовки на многих предприятиях: в конце [illegible], в первых числах июня забастовка на табачной фабрике Сафарова, 25 июля на фабрике Бозарджианца, 2 августа на чугунно-литейном и машиностроительном заводе Аралова и на табачной ф-ке Энфенджианца, 8 августа вновь забастовали рабочие фабрики Сафарова, 10 августа рабочие завода войлочно-бурочного производства и обуви Адельханова.

[2] Стачка рабочих Тифлисских железнодорожных мастерских и депо проходила под руководством тов. Сталина (см. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, ОГИЗ, 1937 г., стр. 15).

[3] Сергей Яковлевич Аллилуев — член ВКП(б). Родился в 1866 году. Рабочий — революционер, вступил в члены Тифлисской с.-д. организации в 1896 году. Принимал деятельное участие в организации стачки рабочих Тифлисских железнодорожных мастерских и депо. После ареста был заключен на три месяца в тюрьму и уволен из мастерских без права поступления на железную дорогу.

но с этим часть рабочих вагонного цеха потребовала отмены вечерних работ, а сборный цех предъявил требование об отмене ст. 16 положения о мастеровых, обязывающей каждого рабочего, в случае неявки, немедленно доводить до сведения мастера о причинах ее, под угрозой за неисполнение этого быть подвергнутым штрафу, как за прогульный день.

В продолжении всего этого времени забастовки рабочих хотя и не было, но работы производились вяло, многие рабочие в мастерские [illegible].

На бывших 27 и 28 совещаниях администрации края с участием чинов губернского и полицейского жандармских управлений и начальника Закавказских железных дорог, инженера Веденеева, в виду категорических заявлений последнего о том, что движение рабочих не носит угрожающего характера, было постановлено: к предупредительным арестам не приступать, дабы тем не вызвать [illegible] рабочих.

29 июля прошло спокойно, но по поступившим в этот день агентурным сведениям нужно было ожидать возобновления требований в вагонном цехе, в виду чего в тот же день вновь состоялось совещание, на котором инженер Веденеев заявил, что хотя видимое положение дела со вчерашнего дня и не ухудшилось, но он считает возникновение стачки неизбежным и, не считая себя в состоянии ее предупредить, просит применения энергичных административных мер. Совещание признало необходимым принятие решительных мер по усмотрению и. д. начальника Тифлисского губернского жандармского управления, усиление полицейского надзора за мастерскими и постановило вывесить объявление рабочим с указанием, что производимое ими нарушение порядка в мастерских не может быть далее терпимо, а потому им объявляется, что рабочие замеченные в возбуждении других или в выполнении лично беспорядков будут подвергнуты строгим взысканиям, а именно: понижение денежной платы и увольнение от службы, почему для пользы их самих им дается совет прекратить беспорядки.

Воскресенье 30 июля прошло спокойно, в частях города, населенных рабочими, были выставлены усиленные полицейские караулы, было учреждено наблюдение за трактирами, садами и другими увеселительными местами и нигде не было заметно сходок или скоплений рабочих.

В понедельник 31 июля работы шли правильно.

В ночь с 31 июля на 1 августа были произведены обыски и арестованы рабочие, на вредную деятельность которых поступили наиболее веские указания чинов полицейского жандармского управления и агентурные.

1-го августа рабочие собрались в мастерские спокойно, но в тот-же день после завтрака слесари токарного цеха, прекратив работы, гурьбой направились в вагонный цех и соединившись с последними прошли по остальным цехам мастерских и депо, принуждая остальных рабочих забастовать. К 9 часам утра все работы в мастерских и депо были окончательно прекращены. Выходя из мастерских совершенно спокойно, рабочие не производили никаких беспорядков и не предъявляли никаких объяснений причин стачки [1].

Ротмистр Цысс.

[1] Далее следует описание хода стачки и сведения об участниках стачки, привлеченных к обвинению.

Прокламация к рабочим Тифлисских железнодорожных мастерских и депо, 1 августа 1900 г.[1]

ТОВАРИЩИ!

Нигде труд не поставлен в такие ужасные условия, как у нас!

Нигде созидатели всех материальных благ не прозябают в такой нищете, как у нас!

Нигде рабочие не принижены — порабощены, как у нас!

Из нас весь сок выжимают, с нас кожу заживо сдирают. Нам больно, мы о наших болях, о наших страданиях друг другу жалуемся — нам говорить воспрещают!

Мы стонем от побоев ежеминутно [нам] наносимых. На нас палачей — жандармов натравляют!

Мы требуем человеческого обращения. Наших товарищей, за наши интересы крепко стоящих, в острог сажают!

Вперед друзья-товарищи! Сбросим с себя позорную опеку наших кровопийц.

Докажем нашим эксплоататорам, что мы сумеем постоять за себя и за наших арестованных товарищей.

Покажем им наше презрение к острогам, где дышется ни чуть не хуже, чем в наших душных мастерских.

Противопоставим силе наших врагов нашу силищу, их бесстыдным приказаниям следующие наши требования:

1) Отмены вечерних сверхурочных работ.

2) Увеличения рабочей платы на 50%, кто меньше 1 руб. получает, на 30%, кто свыше 1 руб. получает.

3) Соответственно этому увеличения тарифа аккордных работ.

4) Выдачи рабочей платы 2 раза в месяц.

5) Уничтожения «нулей»[2].

6) Человеческого обращения со стороны мастеров и бригадиров.

7) Улучшения гигиенических условий труда в мастерских.

8) Вывешения ответа на требования в районе рабочего населения.

9) Освобождение наших арестованных товарищей.

На челе изменника клеймо: «Измена».

---

[1] М. Ю., вр. канц., 1900 г., д. № 11633, л. 27. Прокламация была выпущена на русском и грузинском языке, утром второго августа распространялась среди рабочих. Эта прокламация и прокламации публикуемые ниже без подписи.

В статье «Рабочее движение на Кавказе в 1898—1900 г.», напечатанной в газете «Брдзола» (орган Тифлисской революционной социал-демократии, основанный тов. Сталиным), имеются указания, что во время стачки прокламации выпускались комитетом, руководящим рабочими. (См. сборник «Ладо Кецховели», Партиздат ЦК ВКП(б), 1938 г., стр. 40).

[2] Рабочие требовали отмены штрафов за невыход на работу по уважительной причине. Невыход на работу администрацией отмечался в табели красным «0». По существующему в Тифлисских железнодорожных мастерских «Положению о мастеровых и рабочих в мастерских депо» в случае неявки на работу по уважительной причине, рабочие обязаны были довести до сведения начальства причину невыхода на работу. За каждый просроченный день невыхода на работу администрация взимала с рабочего штраф, в размере половинного дневного заработка рабочего.

Донесение прокурора Тифлисского окружного суда прокурору Тифлисской судебной палаты, 1 августа 1900 г. № 10613[1].

Доношу вашему превосходительству, что сегодня около 9 часов утра рабочие токарного цеха главных мастерских Закавказских железных дорог всею массою, в числе до 500 человек, самовольно оставили порученную им работу и направились к выходу чрез сарай, где помещаются рабочие сборного цеха, причем увлекли в своем движении, не оказывая однако никакого насилия, и всех рабочих этого цеха. Несколько минут спустя оставили работу и мастеровые вагонного цеха и также вышли гурьбою, в числе до 500 человек, из своего сарая. Затем, соединившись, рабочие токарного и вагонного цехов массою около 100 человек, с криком «бросай», прошли по мастерским всех цехов главных мастерских, а также и через сарай сборного цеха, куда большинство рабочих добровольно вернулось, и принудили всех мастеровых оставить начатую работу.

После этого толпа хлынула в депо станции «Тифлис» и тем же способом заставила прекратить работу и мастеровых депо, не принимавших до сего времени никакого участия в беспорядках. Насилия над отдельными лицами и повреждения железнодорожного имущества не было. Толпа держала себя сдержанно и было видно, что рабочие действуют по обдуманному плану, так как из среды ее не выделялся ни один вожак. Один лишь неизвестный мастеровой в толпе крикнул: «нужно освободить арестованных». На указанное движение ушло около часу и затем все рабочие молча стали расходиться группами по домам.

Никаких решительно требований и заявлений сегодня рабочими сделано не было, хотя есть основание думать, что общая забастовка произошла вследствие того, что утром рабочие узнали о произведенных накануне чинами Тифлисского губернского жандармского управления арестах и ознакомились с содержанием вывешенных сегодня в мастерских объявлений железнодорожной администрации о карательных мерах по отношению к стачечникам.

В состоявшемся сегодня заседании[2] особого совещательного присутствия под председательством и. д. тифлисского губернатора и при моем участии, в видах предупреждения дальнейших беспорядков, признано необходимым:

1) Не давать свистка для вызова рабочих на работы сегодня 1 августа после обеда и вывесить немедленно объявление в мастерских, Дидубе и Нахаловке, что вследствие самовольного прекращения работ рабочими главные Тифлисские мастерские закрываются и работы в них прекращаются до 4 августа.

2) Объявить 2 августа, что рабочие главных мастерских должны начать работы утром 4 августа, по свистку, и те из них, которые не явятся на работу, будут считаться заявившими нежелание служить на дороге и немедленно уволены, расчет же им и паспорта будут выданы 6 августа в помещении нового лазарета от 8 до 12 часов утра; расчет, деньги и паспорта рабочих не получивших таковых 6 августа без уважительных причин, известных администрации мастерских, будут переданы полиции для высылки в места родины или

[1] М. Ю., вр. канц., 1900 г., д. № 11533, лл. 15—16.

[2] Согласно циркуляра г-на министра внутренних дел от 12 августа 1897 г. за № 7587. (Примечание подлинника.)

приписки для вручения по принадлежности. В конце объявления присовокупить, что всякое нарушение порядка будет тотчас подавлено, а зачинщики и подстрекатели будут подвергнуты аресту и высылке; благоразумные рабочие, явившиеся на работу, могут быть уверены в ограждении их личности и безопасности.

3) Вывесить в депо объявление с требованием немедленно возобновить работы, под опасением увольнения лиц, которые не явятся на работы.

4) Принять усиленные меры полицейской охраны работ в депо и рабочих депо, чтобы рабочие мастерских силою не заставляли рабочих депо прекращать работу, и установить наблюдение за зданием мастерских и водокачкою в Муштаиде.

Дознание о лицах, руководивших движением рабочих, производится начальником Тифлисского губернского жандармского управления в порядке положения об охране. В виду серьезности положения допрос свидетелей еще не начат; сведения о руководителях движения получаются еще агентурным путем.

И. д. прокурора Тифлисского окружного суда П. Клуген.

Прокламация к рабочим Тифлисских железнодорожных мастерских и депо, 3 августа 1900 г. [1]

ТОВАРИЩИ!

Нам господа угрожают увольнением, если завтра на зов гудка не поскачем на работы в мастерские!

Решим, друзья, не поддаваться этим пустым угрозам этих пустых паразитов, хотя бы пришлось на целые месяцы питаться одними только желудями!

Дадим друг другу клятву настоять на своем, пока не будут выполнены до единого все наши требования!

Смотрите, с каким мужеством бьются с врагами наши товарищи на фабриках Сафарова, Базарджианца, Энфенджианца и Бутулова.

Нам ли отстать от них!

Честь верным борцам!

Презрение жалким трусам!

Смерть отступникам-изменникам!

Из донесения начальника Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 4 августа 1900 г., № 3597 [2]

Имею честь донести департаменту полиции, что в течение 1 и 2 августа некоторая часть рабочих небольшими группами подходила к мастерским, останавливались, читали вывешенные объявления и уходила обратно; вечером 2 августа мальчишки бросили несколько камней в депо, где производились некоторые работы сторонними рабочими. 2 же августа начальником главных Тифлисских мастерских Закавказской железной дороги было получено анонимное письмо от рабочих; письмо это подал рассыльному управления дороги какой-то неизвестный господин [3].

[1] М. Ю., вр. канц., д. № 11533, 1900 г., л. 28.

[2] ДП, VII, 1900 г., д. № 487, т. I, стр. 392—394.

[3] В анонимном письме 2 августа 1900 г., присланном начальнику Тифлисской ж. дороги за подписью: «мастеровые Закавказской железной дороги», рабочие, требуя улучшения своего положения, выставляли следующие пункты:

По поводу этого письма и вообще для обсуждения мер на всякий случай, возможный произойти сегодня 4 августа, когда было назначено возобновление работ, у вр. и. д. губернатора статского советника Стефановича состоялось совещание в том же составе, ка[illegible]. На этом совещании было решено: если бы рабочие собрали[illegible] [illegible]терские и не стали бы на работы, то вызвать войска и [illegible] желающих работать от нежелающих, причем от последних [illegible] мастерские, приняв в отношении их необходимые дальнейшие административные меры; если же рабочие не придут, то на следующий [illegible]ень оцепить мастерские войсками, вывесив накануне объ[illegible], [illegible] Незави[illegible]мо того, по настоянию начальника дороги было решено немедленно же вывесить объявление о вызове выборных рабочи[illegible] [illegible]ния причин забастовки. Что касается изложенных в анонимном письме рабочих требований, то начальник дороги заявил, что, если [illegible] месяц, то просьбы эти могут быть уважены, так как вечерние работы и без того не считались обязательными, за исключением случаев экстренных, что же касается платы два раза в месяц, то такой пор[illegible]ок уже принят почти повсюду в России. По поводу пункта 6-го начальник дороги заявил, что он не основательный, так как мастера и бригадиры не обращаются грубо с рабочими, что же касается остальных пунктов, то их, как, очевидно, не подлежащих исполнению, [illegible] случае подобной просьбы оставить без последствий.

Того же 3-го числа днем у квартиры бригадира Цфунда, которого рабочие требовали удалить, появилось наклеенным возмутительное воззвание на русском и грузинском языках, а вечером подобные воззвания были расклеены близ мастерских и в районе расквартирования рабочих. В течение ночи чинами полиции и вверенного мне управления эти воззвания были посодраны, так что к утру остались наклеенными лишь один или д[illegible].

Сего числа по гудку, данному по обыкновению в 5 часов утра, [illegible]бочие стали собираться к мастерским довольно значительными группами, но подстрекатели их остановили увещаниями и угрозами (двое уже из них взяты при посредстве агентов управления), большая часть вернулась назад и к 7 часов утра на работах оказалось 257 че[illegible] [illegible] 10% [illegible] несколько изменилось, в некоторых цехах пришло немного боль[illegible], но за то в сборный и котельный вовсе не пришли.

1, 2 и 3 августа чинами вверенного мне управления при содействии общей полиции производились обыски и аресты подозреваемых руководителей рабочих, каковые следственные действия осложнялись

1) безусловное уничтожение поб[illegible],
2) увеличение платы с 60 к. на 50[illegible],
3) уничтожение штрафо[illegible],
4) улучшение гигиенических условий [illegible],
5) улучшение обращения мастеро[illegible],
6) [illegible]ничтожение сверхурочных работ [illegible]
7) освобождение заключенных в тюрьму товарищей.

П[illegible]сьмо заканчивалось следующими словами: «Если просьба наша не будет уважена, то от Батума до Баку все низшие служащие прекратят службу, а затем прекратится и движение».

тем обстоятельством, что многие адреса рабочих оказались неверными и пришлось розыскивать их квартиры на окраине города, где нет ни названий улиц, ни №№ домов.

Всех арестованных в настоящее время 24 человека. Из числа этих лиц особое внимание обращает на себя Аллилуев[1], как представлявший, судя по переписке, центр, возле которого группировался неблагонадежный элемент токарного цеха, и как лицо подозревавшееся еще в 1896 г. в расклейке воззваний к рабочим Закавказской железной дороги.

За вр. и. д. начальника управления, штабс-ротмистр — Лавров

Прокламация к рабочим Тифлисских железнодорожных мастерских и депо, 4 августа 1900 г.[2]

Дорогие товарищи!

Сотни тысяч глаз смотрят на вас с напряженным вниманием, следя за вашим освободительным движением!

Чудовищный рост ваших сил вы[illegible]т врагам страх и невольное к вам уважение!

Мужество и единодушие ваше восхищает друзей, окрыляя их надеждой на лучшее будущее!

Тактика и дисциплина, с какими вы боретесь с бездушными угнетателями, вызывают к вам зависть у слепых защитников произвола и мошны, заставляя их в то же время вложить в ножны мечи, против вас обнаженные.

Ваша стойкость, дальнейшая выдержанность в борьбе покажут, насколько основателен этот страх врагов, эта зависть слуг ка[illegible] радость друзей...[3]

Помните, товарищи, что вы не одни. За вашими спинами скрываются миллионы сил, готовые протягивать вам свои железные руки.

Наконец, хорошенько вникните в новость, которую спешу вам сообщить: идут поддержать вас заявлением своих требований помощники машинистов, столь же многострадальные, как и вы.

Понимаете ли вы, товарищи, всю важность этого союза.

Понимаете ли, какое чудо можете совершить вы, действуя за одно с ними.

Так поддержите и вы их.

Ваши интересы совпадают.

За здравствует пролетариат.

Из донесения начальника Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 7 августа 1900 г., № 3629[4].

Имею честь донести департаменту полиции, что 5 августа работы в железно-дорожных мастерских производились приблизительно при том же числе рабочих, как и 4 числа, т. е. около 10% всех рабочих.

4 и 5 августа по городу расклеивались и разбрасывались в неболь-

---

[1] Сергей Яковлевич Аллилуев был арестован в ночь на 1 августа.

[2] М. Ю., вр. канц., 1900 г., д. № 11533, л. 29. 4 и 5 [illegible], выпущенная на русском и грузинском языках, расклеив[illegible] и [illegible]лась по городу.

[3] Многоточие подлинника.

[4] ДП, VII, 1900 г., д. № 487, т. I, стр. 398—399.

шом количестве воззвания, литографированные и печатанные, последние с двумя параллельными текстами: русским и грузинским.

5 августа у вр. и. д. губернатора состоялось совещание в том составе как и ранее.

В виду того, что число желающих работать не увеличивалось, воззвания продолжали расклеиваться и стало обнаруживаться волнение среди помощников машинистов, из которых некоторые под разными предлогами перестали ходить на службу, совещанием было решено следующее:

Для большего охранения безопасности рабочих, желающих итти на работы с вечера же, придать в помощь полиции 40 казаков, которые патрулировали бы в местах расквартирования рабочих.

6 августа утром, согласно бывшему уже объявлению, приступить к выдаче рабочим расчета, а затем к высылке по этапу на родину, или к местам приписки, причем, если бы рабочие явились в большой массе не для расчета, а с целью производства беспорядка, то вызвать войска, задержать всех и, препроводив в тюрьму, приступить к отправке этапом, выделив из них подстрекателей и вообще наиболее виновных для передачи во вверенное мне управление, если же рабочие вовсе не придут за расчетом, то приступить к арестам их для отправки по этапу, причем аресты начать с бессемейных, по преимуществу имеритин.

6 августа за расчетом явилось всего три человека, те которые ранее сами просили расчет, поэтому было решено в ночь с 6 на 7 августа арестовать 350 рабочих указанной выше категории, принять меры с утра к охранению мастерских войсками и вывесить с утра же объявление о том, что все помощники машинистов, не явившиеся на службу без уважительных причин, считаются уволенными.

К ночи 6 августа в 10-й полицейский участок прибыло две роты стрелкового батальона; одна рота осталась в резерве во дворе участка, а другая была разбита на 10 групп, которые и поступили в распоряжение полицейских чинов, назначенных для производства арестов. К утру сего числа в полицейский участок было доставлено свыше трехсот человек. По выделении из них тех, которые ходили на работы и были задержаны лишь случайно, остальные в числе 233 отправлены в губернскую тюрьму для отправки по этапу на родину, или к месту приписки. К 5 часам утра к зданиям мастерских прибыло две роты Мингрельского полка: одна стояла в резерве, а другая оцепила мастерские на тот случай, чтобы рабочие не могли бы ворваться в них и произвести беспорядков. С утра на работы в мастерские и депо прибыло 250 человек, т. е. приблизительно столько, сколько и прежде, большинство из тех, которые ходили 4-го и 5-го августа и из забастовавших, последние считаются вновь поступающими, причем от них отбирают подписку.

Около 12 часов дня сего же числа толпа рабочих человек в 300 прибыла к управлению 10-го полицейского участка и стала требовать освобождения арестованных, предлагая в противном случае взять их всех в тюрьму. К управлению названного участка было потребовано две роты стрелков, под видом военной прогулки. Во дворе участка, переполненном тихо стоявшей толпой рабочих, прибыл статский советник Стефанович и другие лица, участвовавшие на совещании. После краткой речи к толпе статского советника Стефановича рабочих начали пропускать по одному, записывали фамилию каждого и спрашивая приступит ли он немедленно к работам и тех, которые давали

утвердительный ответ отпускали домой, а остальных арестовывали; последних оказалось 69 человек; их немедленно под конвоем стрелков отвели в губернскую тюрьму для отправки по этапу. Кроме этих 69 человек и выше упомянутых 233, в тюрьму было приведено еще две партии, так что число подлежащих высылке доходит до 400.

После обеда число рабочих в мастерских и депо дошло до 350 человек.

Допросом цеховых мастеров, сторонних свидетелей и некоторых обвиняемых все главные виновные из рабочих выяснены и арестованы. Полиция задерживает группы препятствующие рабочим ходить на работы, а агенты управления подстрекателей и расклейщиков воззвании.

Всех привлеченных и арестованных в настоящее время 51 человек, кроме тех 24 лиц, которые были упомянуты в предыдущих донесениях.

За вр. и. д. начальника управления штабс-ротмистр — Лавров.

Прокламация к рабочим Тифлисских железнодорожных мастерских и депо, 8 августа 1900 г. [1]

Товарищи!

Нас арестовывают за то, что мы требуем исполнения закона — значит правительство издает законы, чтобы обманывать, морочить нас.

Нас арестовывают за то, что мы требуем повышения нищенской платы, значит правительство хочет, чтобы мы вели полуголодную, зверскую жизнь.

Нас арестовывают за то, что мы требуем, чтобы с нами обращались, как с людьми — значит правительство смотрит на нас, как на скотов, которые и лягаться не имеют права.

Запомним это, братцы! Когда придет день расчета с правительством, а этот день близок,— мы потребуем за это ответ.

Теперь, братцы, дружно будем стоять за свои требования и покажем нашим кровопийцам и их прихвостням с правительством, что они имеют дело не с жалкими рабами и бессловесными скотами, а с людьми, которые умеют требовать, умеют бороться, и если нужно и страдать за святое дело..

Дружно к победе друзья — товарищи...

Прокламация к помощникам машинистов, 8 августа 1900 г. [2]

Товарищи!

Происходит великое необычайное дело: пролетарии всех стран пробуждаются от векового сна. Везде они приходят к сознанию своего тяжелого положения. Везде они, объединяясь дружно, вступают в ожесточенную борьбу со своими врагами. Везде в этой борьбе выходят победителями. Хозяева (фабриканты, заводчики, или начальники разных казенных промышленных заведений), видя объединенную силу

[1] М. Ю., вр. канц., 1900 г., д. № 11533, л. 31 8 августа прокламация была расклеена на стенах нескольких рабочих домов и разбросана по городу.
[2] М. Ю., вр. канц., 1900 г., д. № 11533, л. 32.

рабочих, принуждены удовлетворять их требования: сокращать число рабочих часов, увеличивать заработную плату (жалованье и пр.).

В этой освободительной борьбе пролетариата не отстали и наши армянские братья. Почти все тифлисское рабочее население бросило работы, объявляя войну своим притеснителям.

В рядах этих честных борцов не видать вас только, товарищи.

Ну, где же вы, ну, что же стало с вами? Ужели ваши каторжные работы, столь жалко оплачиваемые, не дают вам права возвышать голос в защиту своих интересов?

Долой эту лень, прочь это безучастное отношение к вокруг вас происходящей борьбе...

Бросьте работы, присоединитесь к борющимся...

Стыд и срам всем изменникам.

Позор всем отступникам...

Да здравствует единство...

Да здравствует солидарность.

Из донесения начальника Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 10 августа 1900 г., № 3674[1].

В дополнение к донесению от 7 августа за № 3629 имею честь донести департаменту полиции, что 8 августа на работы в железнодорожные мастерские прибыло 392 человека, 9 августа — 490, а сего числа — 460. Помощники машинистов, подавшие анонимное заявление, также продолжают еще не все являться на службу, что вызвало некоторое сокращение движения поездов, именно: по негласным сведениям 8 августа было выпущено на два товарных поезда меньше, чем обыкновенно, а 9-го — на один. Все эти обстоятельства побудили начальника дороги инженера Веденеева обратиться с просьбой о назначении на железно-дорожные работы нижних чинов Кавказской саперной бригады. На посланную по сему поводу телеграмму в Петербург начальнику бригады генерал-майору Мурьянову, последний ответил, что для такого распоряжения необходимо просить военного министра, почему начальник дороги и послал соответствующую телеграмму министру путей сообщения. По докладе сего числа обстоятельств настоящего дела и. об. главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, его превосходительство разрешил своей властью назначить потребное число нижних чинов саперов в пределах до 500 человек, о чем и доносится военному министру.

8 августа жены арестованных рабочих в числе около 70, прибыв к канцелярии губернатора, требовали освобождения своих мужей. Прибывший полицеймейстер разъяснил им, что мужья их освобождены быть не могут, и предложил разойтись, что они и исполнили. Того же числа было наблюдаемо две сходки помощников машинистов: одна в саду «Муштаид», а другая на квартире уволенного от службы помощника машиниста. В этот же день появились расклеенными и разбросанными по городу в небольшом количестве воззвания; воззвания «К помощникам машинистов» были гектографированы, а малые, с обращением «Товарищи» — отпечатаны.

За вр. и. д. начальника управления, штабс-ротмистр Лавров.

---

[1] Д. П. VII, 1900 г., д. № 487, т. I, стр. 402—403.

Прокламация к женам рабочих Тифлисских железнодорожных мастерских и депо, 8 августа 1900 г.[1]

Товарки!

Наших мужей арестовывают и их, как преступников, в тюрьму сажают.

Постыдно нам быть гнусными свидетельницами этого гнусного зрелища.

Еще позорнее — оскорбительнее для наших арестантов просить их прощения у самих начальников-душегубцев.

Нечего без борьбы просьбами ждать от тех, кто до пьяна кровью рабочих напивается.

Нечего ждать от тех, кто жандармов полицейских — этих лютых гончих — на нас натравляет.

Нечего ждать от тех, что казаков — это адское исчадие — нас разорять пущает.

Кто, как разбойники-грабители, ночью на нас нападают, кто кормильцев земли пролетариев с постели похищают.

Стыдно, товарки, ограничиться только нашею жалкою ролью в кухне коптеть, только около очага вертеться. Присоединимся, товарки, к нашим борцам, поддержим их хоть словами.

Ободрим колеблющихся, а отступников-изменников, будь они мужья или братья наши, кличкою позорною наградим.

Мужайтесь борцы — молодцы. Меры начальства одни пустые угрозы.

Кто не знает, что начальство без вас — рабочих то же, что цветок без влаги.

Побольше только мужества. Побольше смелости и гордости.

Заявление помощников машинистов начальнику депо ст. «Тифлис», 10 августа 1900 г.[2]

Мы неоднократно обращались к вам с просьбами обратить внимание на наши настоятельные нужды.

Но так как ни одна из этих просьб не была удовлетворена, то мы для улучшения своего тяжелого положения принуждены были прибегнуть к исключительному способу: Бросить работу.

Как известно, ответственность, на нас лежащая, огромна; условия жизни, в которые мы поставлены родом службы, крайне ненормальны; работы, продолжающиеся до 16 и 17 часов в сутки, изнурительны.

Жизнь, благодаря поднятию цен на квартиры и все жизненные припасы, постепенно вздорожает.

Между тем, вы, как бы в оправдание своей излюбленной поговорки: «машинисты и их помощники будут у меня служить за одни галуны», все более и более урезываете вознаграждение и без того жалкое за наш каторжный труд получаемое.

Так во 1-х, вы уменьшили жалованье с 32 р. 50 к. до 22 р. 50 к.; во 2-х, ввели: — а) американскую езду, более тяжелую, без соответ-

---

[1] М. Ю., вр. к., 1900 г., д. № 11533, к. 35.

[2] ДП, VII, 1900 г., д. № 487, т. I, стр. 462.

ственного вознаграждения, игнорируя циркуляр департ. жел. дор. от 15 декабря 1897 г. за № 1492; б) резервы, не оплачивая их; в 3-х, заставляете даром промывать и чистить паровозы, что по упомянутому [illegible] общая артель; в 4-х, увеличили стоянки поездов; в 5-х, за опаздывание поездов, что в последнее время доходит до 4—5—6 часов, ничего нам не платите; в 6-х, вообще уменьшили норму топлива, а вдобавок, сохранив эту норму, пустили в ход паровой Компаунд, и все это вызвало уменьшение премии за топливо с 20—25 р. до «0» р.; в 7-х, на этих Компаундах вы назначили такую норму смазки, что нет возможности не мазать паровозы мазутом; о премии, конечно, нечего говорить и т. д.

Все эти меры, принимаемые вами по отношению к нам, имели своим последствием уменьшение наших заработков с 80—90 р. до 35—40 р. А этих заработков ни в коем случае не хватит на удовлетворение необходимейших потребностей, принимая во внимание:

1) вышеупомянутое вздорожание жизни и

2) род службы, ставящий нас в необходимость: а) жить на два дома и б) делать сравнительно расходов больше на одежду и обувь.

Вследствие всего вышеупомянутого, мы заявляем следующие требования:

1) Увеличение жалованья помощникам машинистов III и II класса на 10 р. в месяц каждому,

2) Увеличение поверстных на 50%.

3) Платы за резервы.

4) Отмены промывок и чистки паровозов.

5) Увеличение нормы топлива и смазки.

6) Платы за каждый опаздываемый час в 10 коп.

7) Отмены обязанности снабжать песком паровозы, так как после продолжительного и утомительного труда эта работа становится непосильной и очень даже опасной для жизни.

8) Назначение особого ночного ламповщика в депо.

9) Назначение особого человека для выдачи смазки (кочегар не успевает и за паровозами смотреть и смазку выдавать).

10) Вывешение ответа на наши требования во всеобщее сведение.

Прокламация к машинистам, 10 августа 1900 г.[1]

Товарищи машинисты!

Рабочие мастерских и депо создали силу единения. Они не побоялись ни голода, ни грубой силы, ни тюрем, ни угроз и дружно защищают свои права. К ним присоединились помощники машинистов. Они решили бороться до конца. Что же делаете вы, товарищи!

Ведь и вы за ваш каторжный труд за вашу столь ответственную перед законом и обществом службу получаете гроши! — Много раз просили об улучшении своего положения и помощники и вы, машинисты, но ни просьбы, ни раболепие перед начальством не помогали ни помощникам, ни вам. Это поняли помощники, бросили работу и требуют:

[1] М. Ю., вр. канц., 1900 г., д. № 11533, л. 36. Вторая прокламация к машинистам аналогичного содержания, призывала поддержать бастующих рабочих.

а) повышения жалованья на 10 руб. каждому,
б) увеличения поверстных на 50%,
в) увеличения нормы на топливо и смазку,
г) платы за опаздываемый час 10 коп.
д) платы за резервы,
е) освобождения от обязанности сыпать песок.

з) назначения ночного ламповщика и особого человека для выдачи смазки.

ж) учреждения особой артели для чистки и промывки паровозов.

Ведь этим помощники хотят только достичь того заработка, который получали вы, когда были помощниками.

Чем же поддерживаете их? Тем, что работаете за двоих? Берете в поезд кондуктора, человека незнакомого с паровозом! Вы этим губите и себя и нас рабочих, помощников и общество!!

Знайте же, что, если мы потерпим поражение благодаря вам, то это обойдется дорого и вам и другим. Не забывайте судьбу варшавских изменников.

Рабочие депо, мастерских решили бороться до конца.

Они решили не подписываться на предлагаемых начальством позорных условиях.

Решили не явиться на «получку» в субботу!

Из донесения начальника жандармского полицейского управления Закавказских железных дорог в департамент полиции, 22 августа 1900 г., № 330 [1].

10 августа в Тифлисских главных мастерских работало — 459 человек. Принято по подпискам [2] — 224 человека, но из них в течение дня работало только 127 человек. В депо «Тифлис» работало — 54 человека, из них старослуживших и принятых по возобновленным подпискам — 20 человек. Работы производились под усиленной охраной команды нижних воинских чинов и жандармских унтер-офицеров...

11 августа, в Тифлисских главных мастерских работало: до завтрака — 540; после завтрака до обеда — 581 и после обеда — 592 человека. Возобновивших подписку — 284 человека, но из них работало — 196 человек. В депо «Тифлис» работало — 69 человек, из них по возобновленным подпискам — 25 человек. Охрана от войск и жандармских унтер-офицеров продолжалась по-прежнему.

Случаи неявки на службу помощников машинистов продолжались; неявившихся, администрация дороги немедленно увольняла и заменяла кондукторами, преимущественно из запасных нижних чинов, служивших в железнодорожных батальонах.

---

[1] ДП, VII, 1900 г., д. № 487, т. I, стр. 432—437.

[2] Приводим текст подписки:

«Поступая вновь на службу в Тифлисские мастерские Закавказских дорог на поденную плату в ... руб... коп. в день обязуюсь:

1) Подчиняться беспрекословно всем правилам и порядкам установленным или устанавливаемым для мастеровых и рабочих и для производства работ в мастерских.

2) Не возбуждать вопроса о правах по прежней службе моей, бывшей до 4 августа 1900 г., предоставляя решение этого вопроса всецело на усмотрение и снисхождение г. министра путей сообщения.

3) Немедленно приступить к работе и производить таковую без отлучки в установленное рабочее время». (ДП, VII, 1900 г., д. № 487, т. I, л. 401).

Тоже 11 августа, во время отлучки мастеровых и рабочих на обед, было подброшено в тифлисском депо, шесть экземпляров печатных воззвании, к «товарищам машинистам».

Негласным путем были получены сведения, что уволенные за беспорядки из депо «Тифлис», рабочие и помощники машинистов, всего от 50 до 70 человек, скрываются около, или в самом монастыре св. Георгия в 8-ми верстах от станции «Авчалы», Закавказских железных дорог. Есть основание предполагать, что там происходят совещания и что там же находится и типография. Изложенные сведения начальника Тифлисского отделения, вверенного мне управления, от 11 августа за № 464 представлены в Тифлисское губернское жандармское управление.

12 августа, в субботу, работы в Тифлисских главных мастерских и депо производились с утра до 1 часу 30 минут пополудни. На работы явилось: в мастерские 897 человек, из них по возобновленным подпискам — 323 человека, всего же возобновивших подписки 574 человека. Таким образом из возобновивших подписки не явилось 251 человек.

В депо «Тифлис» работало всего 74 человека, из коих по возобновленным подпискам в этот же день — 8 человек; всего же возобновивших подписки 33 человека.

В этот день производилась уплата жалованья мастеровым и рабочим главных мастерских и депо,— в двух местах,— в здании нового железнодорожного лазарета — уволенным рабочим и в здании конторы начальника мастерских — служащим рабочим. Уплата производилась под усиленной охраной. Уволенных рабочих явилось за получением расчета более 700 человек. Расчеты всех явившихся рабочих, как работающих, так и уволенных прошли без нарушений порядка.

В ночь с 11 на 12 августа на станции «Навтлуг» производилась посадка 300 рабочих, задержанных чинами общей полиции за беспорядки в мастерских и депо и подлежащих высылке этапом на родину. Охраной из жандармских унтер-офицеров и 25 нижних чинов, 16-го гренадерского Мингрельского полка, при 1 офицере для поддержания порядка на станции «Навтлуг»,— руководил адъютант вверенного мне управления, штаб-ротмистр Мальцев, который и сопровождал поезд до станции «Тифлис», где поезд с этапом рабочих был встречен ротмистром Жилиным и Смоленским, последним поезд сопровождался до станции «Мцхет». При посадке и следовании поезда рабочие беспорядков не проявляли.

13-го августа, по случаю воскресного дня, работ в Тифлисских главных мастерских не производилось. В депо «Тифлис», производились только экстренные работы, работало 70 человек под охраной воинских нижних чинов и жандармов.

14 августа работы в Тифлисских главных мастерских и депо производились до обеда, в мастерских работало до завтрака — 1 138, а после завтрака — 1 239 человек. Всех рабочих из старослуживших и возобновивших подписки в мастерских — 924 человека. В тифлисском депо работало 117 человек, возобновивших подписки — 61 человек.

Судя по ежедневно увеличивающемуся числу рабочих, настроению последних и негласно добытым сведениям забастовку в мастерских и депо можно считать приближающейся к концу, так как к числу неявившихся на работы из забастовавших рабочих относится: — 300 человек административно высланных из Тифлиса на родину, 79 человек арестованных, до 200 человек, находящихся в отпуску и больных, и

250 человек выехавших из города ранее забастовки, из опасения быть замеченными в беспорядке.

В виду сего и принимая во внимание, что число становившихся на работы несомненно должно увеличиваться и в ближайшем будущем достигнет нормы,— того-же числа было собрано совещание под председательством и. д. губернатора, тифлисского вице-губернатора, из подлежащих членов, на котором было постановлено: снять от мастерских и депо воинскую охрану, приведя это в исполнение постепенно; массовые аресты и высылку по этапу не производить, а задерживать для высылки по этапу отдельных выдающихся, нежелательных для приема на службу мастеровых и рабочих по особому списку, имеющему быть составленным начальником главных мастерских, начальником Тифлисского отделения и тифлисским полицеймейстером.

С 14 августа, охрана уменьшена на 100 нижних воинских чинов.

На том же совете начальник Закавказских железных дорог сообщил, что накануне, по Карской ветке, на товаро-пассажирском поезде, машинист, ведший поезд, доведя до станции «Навтлуг», отказался ехать с кондуктором вместо помощника машиниста. Вследствие сего ему был дан слесарь, но и тогда машинист отказался, и был вытребован один из главных машинистов, который и провел поезд. В виду начавшегося брожения, начальником Закавказских железных дорог было тогда же уволено пять машинистов и дана телеграмма в управление казенных железных дорог о присылке 15 машинистов с других дорог для обеспечения движения, после чего начавшееся брожение среди машинистов прекратилось.

15 августа по случаю праздника работы в Тифлисских главных мастерских и депо не производились.

В ночь с 15 на 16 августа были произведены чинами Тифлисской городской полиции задержания по квартирам шестнадцати рабочих, подлежащих высылке по этапу.

16 августа в Тифлисских главных мастерских работало: до завтрака — 1 374, до обеда — 1 415 и после обеда — 1 485 человек, из них по возобновленным подпискам — 954 человека. Всего возобновивших подписки — 1 096 человек. В депо «Тифлис» работало — 123 человека, из них возобновивших подписки 76 человек.

В тот же день явилось 150 человек, уволенных из мастерских, за неявку на работы со дня забастовки, с изъявлением желания вновь работать; из них были приняты только те, кои заслуживают доверия.

С 16 же августа, в мастерские вступили на работы 152 нижних чина из 1-го и 2-го Кавказских саперных батальонов, вызванных с разрешения его сиятельства, главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе,— начальником Закавказских ж. д. Число это не входит в общий итог рабочих, показанных выше.

Воинская охрана с этого числа уменьшена еще на 50 нижних чинов и откомандировано обратно 12 унтер-офицеров вверенного мне управления, из вызванных на усиление охраны.

17 августа на работе в Тифлисских главных мастерских было: до завтрака — 1 537, до обеда — 1 574 и после обеда — 1 576, из них по возобновленным подпискам — 1 127 человек. В тифлисском депо работало 140 человек, из них по возобновленным подпискам — 82 человека.

Работа производилась под охраной 50 нижних воинских чинов и наблюдением жандармов.

Полковник (подпись неразборчива)

Из корреспонденции из Тифлиса для заграничной социал-демократической прессы, 15 декабря 1900 г.[1]

Стачка в Тифлисских главных мастерских Закавказской жел. дор. Ночью 31 июля на 1 августа в г. Тифлисе в рабочем квартале, именуемом Нахалука, имел место характерный грабеж. Совершили его, заметим тут-же, не профессиональные воры-грабители, не какие либо пшуни, лезгины или иные проголодавшиеся горцы из соседних аулов, которых, кстати сказать, так жестоко карает русский закон за малейший проступок. Его — этот грабеж, совершила та особенная привилегированная шайка разбойников, которая находится под сильной защитой российского закона, которая благословляется российским святейшим синодом и которая, по просту говоря, называется российской полицией. В 2 часа ночи среди глубокой тишины она произвела нападение на пять рабочих семейств. Чего же могла она утащить оттуда? Само собой разумеется не денег и никаких либо других благ материальных! Нет, вломившись со свирепостью монгольской орды в убогие жилища, не щадя стыдливости женщин и невинных спящих детей, эта шайка прямо с постели утащила пять здоровых представителей того класса, который именно и создает все эти материальные блага, испытывая сам одни нужды, одни лишения.

Вот этот факт и послужил поводом всеобщего восстания вокзальных рабочих, но только поводом. Главная же причина его скрывается, разумеется, в самих условиях труда, которые с переходом дороги от частной компании в казну (в 1889 г.) становятся все более и более невыносимыми. Это и понятно. Карманы нового хозяина дороги — правительства куда, как известно, шире и дырявее карманов старого частного хозяина. Этого не может не знать администрация дороги. Но заботясь о своих и своего хозяина интересах, она ведь не в состоянии в то же время заботиться и о карманах рабочих. Последние из кожи лезут, ночи со днями сравнивают, а толку нет — никак не смогут удовлетворять самых необходимых потребностей. Долго оставаться дела в этом положении очевидно не могли по той простой причине, что за последнее время условия жизни стали заметно изменяться. С одной стороны значительно поднялись, как все еще продолжают подниматься цены на предметы первой необходимости, а с другой расширились и самые потребности рабочих в связи с развитием их самосознания. Влиянием этих изменившихся условий и можно объяснить ту эпидемию стачек, которая с такой силой свирепствует в течение истекающего года во всех промышленных заведениях Тифлисса. Но с особенною яркостью оно — это влияние, сказалось в Тифлисских главных мастерских.— Было бы весьма любопытно проследить при этом ту логическую правильность, с которою в борьбе с врагами рабочие мастерских постепенно переходят от оборонительного положения в наступательное.

Сначала они просто бегут в разброд перед врагами, потом начинают сгруппировываться и, оставаясь на месте, отражать нахальные натиски хищников простым лягданием. Ободренные некоторыми удачными опытами в этом отношении, они пробуют двинуться с места и предпринять со своей стороны вылазки на своих кровопийц. Первый период — период покорного перенесения рабочими своего угнетения, заканчивает-

[1] ДП, О. О., д. № 5, ч. 52, лл. 20—38. Воспроизводится в выдержках с оригиналов двух писем, задержанных департаментом полиции. Письма были адресованы: «Германия», Нюренберг. Herr Katz. Praktischer Anzt Salzbacher Strasse 25

ся приблизительно в начале второй половины девяностых годов. Начиная с 1896 г. до конца 1899 г. мы видим несколько внушительных примеров обращения нападающих врагов в постыдное бегство, а с наступлением 1900 г. уже вступаем в третий период. Теперь последние сами принуждены защищаться от все более и более надвигающихся волн рабочего движения.

В течение июня и июля было 16 случаев стачек и стычек в отдельных цехах, мастерских и все они, или почти все, носят характер наступательный. Начинают рабочие с того, что требуют восстановления, столь бесцеремонно попранного с переходом дороги в казну, обычая, по которому, хотя в мизерных дозах, ежегодно увеличивалась заработная плата.

Получив удовлетворение этого требования, они идут дальше — требуют отмены сверхурочных работ. В некоторых цехах добиваются этого важного требования вполне (литейный цех), в других отчасти.

Поставленное в необходимость сделать ряд более или менее важных уступок, начальство не могло не призадуматься, оно не могло не видеть — чем могут кончится все эти покушения, всех этих «мерзавцев», если во время не положить им конец. И вот, в последних числах июня месяца всем уже известно, что г. Веденеев (начальник дороги) начал вести свои переговоры, свои совещания с г. Фрезе (помощник главнокомандующего на Кавказе) о мерах пресечения зла! Описанный нами в начале этого письма факт грабежа и был результатом этих совещаний. Решено было, очевидно, предупредить грозу всеобщей забастовки, которой, судя по естественному ходу вещей, нельзя было не предвидеть.

Да, рабочие действительно готовились к ней, да, они строили планы соединенного наступления, но теперь были совсем не подготовлены к тому — не доставало самого главного — средств материальных, а до «получки» было целых 12 дней. Между тем факт совершился, позор велик, врагами похищены лучшие товарищи, лучшие братья! Как быть, что делать? Да разве возможно тут задаваться подобными вопросами, разве мыслимо в таких случаях предаваться размышлениям, колебаниям?

Весть о совершившемся ночном грабеже, с быстротой молнии распространившись утром 1 августа, поднимает на ноги все мастерские; все рабочие около 4 000 человек, без различия возраста, веры и национальности, сливаются в одну нераздельную массу, волны которой направляются к выходным воротам с криком: «долой бесправие, долой произвол!»

Вожаки, сначала ошеломленные столь неожиданно разразившейся бурей, спешат придать делу желательное направление, прежде всего они спешат формулировать свои требования и в виде письменных заявлений представить их начальникам дороги и мастерских, губернатору и жандармскому полковнику, а также самому министру путей сообщения.

«Нищенские заработки,— говорится в заявлениях между прочим,— получаемые нами за наши каторжные работы, с одной стороны, а с другой неслыханное до сих пор повышение цен на жизненные припасы,— делают совершенно фиктивным узаконенные 10 ч. рабочего дня, ставя нас в необходимость удлинять его до 16—17 часов в сутки!»

На другой день 2 августа, среди рабочих распространяются печа[illegible]ные листки, в которых, между прочим, сообщается в сжатой форме о [illegible]х пунктах требований, изложенных в упомянутых выше заяв[illegible]ях. Приводим здесь слово в слово содержание этих листков, отпе[illegible]танных на русском и туземном языках.[1]

Читая листки нарасхват, рабочие ведут себя до высш[illegible] чинно. Это ставит начальство в неловкое положение и оно в на[illegible] ничего другого не может делать как издать приказание: во перв[illegible] расставлять жандармов внутри и вне мастерских, во вторых, вы[illegible]сить объявление: «Вследствие самовольного оставления работ рабоч[illegible]ми главных мастерских, до 4 сего августа таковые прекращаются, [illegible] кто 4-го не явится на работу, тот будет считаться уволенным...»

В ответ на это объявление 3 августа выходит следующее во[illegible]ние...[2].

Рабочие так и делают. Не взирая на фразы со стороны нач[illegible] на работу никто не уходит, исключая разве несколько десятков [illegible]ловек и то самых забитых, самых жалких трусих. К тому же расп[illegible]страняются слухи о готовности помощников машинистов присоедини[illegible]ся к стачечникам.

По этому поводу к вечеру того же 4-го числа выходит новое в[illegible]звание[3].

Между тем надежды начальства,— с наслаждением ожидавшего бе[illegible]чинства и буйства со стороны рабочих,— не оправдались: последни[illegible] на зло всем западням, столь хитро расставленным полицией, ни [illegible] одну минуту не нарушают мирного течения стачки и тем бесят кро[illegible]вожадных врагов. Враги теряют терпение и пускают в ход все сред[illegible]ства, чтобы, выражаясь словами Веденеева, «сломить упорство этих сволочей и негодяев»: поставлены на ноги войска с ружьями и на[illegible]гайками, жандармы и городовые с обнаженными мечами; переодетые шпионы рыщут среди стачечников; пошли единичные аресты вожаков по ночам, массовые — днем!

Чтобы показать полнейшее свое презрение ко всем этим мерам, рабочие сами стекаются в участок сотнями, требуя взятия их под арест. Это послужило поводом выпущения следующей прокламации...[4]

Число всех арестованных дошло до 750 чел. (из них, за неимением места в Метехском замке, было разослано на родину этапным порядком около 400 ч.), положение которых, кстати сказать, было куда лучше их оставшихся на воле товарищей!

Нужда стала все более и более заявлять о себе; помочь было неоткуда, между тем железнодорожные магазины по приказанию начальства закрыли кредит стачечникам! Под давлением нужды зашевелились и женщины. Жены и матери арестованных собрались со своими бледными, от голода, изнемогавшими детьми (одна из них была разбита параличем при варварском производстве ареста поздней ночью). Они просили освобождения из-под ареста их кормильцев, или, в пр[illegible]

---

[1] См. [illegible]ии от 1 августа, стр. 42.

[2] См. текст прокламации от 3 августа, стр. 4[illegible].

[3] См. текст проклама[illegible].

[4] В подлиннике корреспонденции текста прокламации нет, очевидно [illegible] идет о прокламации от 8 августа с начальным текстом: «Нас арестовывают за то, что мы требуем [illegible]

тивном случае, заключения в тюрьму и их самих. Вот почему по их адресу выпущено 8-го числа следующее воззвание[1].

Нужда, с одной стороны, жестокость со стороны начальства с другой — не могли не поколебать стойкость стачечников. Единственное, что могло их ободрить в эту трудную минуту, так это тифлисские помощники машинистов, большая половина которых (53 ч. из 70 чел.) уже забастовало. Это поставило администрацию дороги в критическое положение. Чтобы выйти из него, она пробует приглашать на место забастовавших тифлисских кондукторов. Некоторые из последних оказались слишком порядочными и умными, чтобы принять подобное приглашение. Опасаясь восстановить их против себя в столь трудный момент, она [администрация] обращается к невежеству елизаветопольских, михайловских и др. ст. кондукторов, которые в вознаграждение за измену тифлисским стачечникам — товарищам по эксплоатации, вследствие неуменья обращаться с огнем на паровозе,— получили: одни серьезные увечья (был и смертный случай), а другие по окончании стачки даже угодили в участок, как говорят потому, что не очень экономно израсходовали топливо[2].

Не постеснялись поддержать врагов также некоторые из тифлисских машинистов. Принимая в столь ответственной роли помощников профанов-кондукторов, тем самым, очевидно, они берут на себя и двойную работу. Делают это одни сознательно — по своей низости; другие, чтобы заслужить начальническое спасибо или денежное вознаграждение, как это им было обещано; третьи не понимая, какое этим великое совершают преступление, какой вред приносят себе самим и всем рабочим. Это обстоятельство вызвало выпущение по адресу машинистов следующих двух прокламаций...[3]

Лучшие сознательные из тифлисских машинистов начинают отзываться на эти воззвания — они начинают присоединяться к своим борющимся братьям. Этот новый, совершенно неожиданный удар ввергает врагов в отчаяние: их надменность сломилась, их гордость смирилась; не скрывая более своей беспомощности, они буквально со слезами на глазах ползают перед грозными союзниками стачечников — рабочих, которые теперь и без того крепко чувствуют себя: сегодня 12 августа — день «получки» и им действительно выдана следуемая плата, хотя и в виде окончательных расчетов.

Значит все идет к лучшему?!

Значит победа рабочих уже обеспечена?!

Но нет, не спешите, друзья угнетенных! Защитники оскорбленных, не торжествуйте: ибо яд угнетения зашел далеко, язва оскорбления проникла глубоко! Надо прилагать много стараний, употреблять много усилий, чтобы вытравить их из их жертв!

Воскресенье — 13 числа, среди рабочих заметно два противоположных течения: настроение вожаков и всех вообще сознательных элементов поднимается до точки кипения, настроение массы опускается до

---

[1] В подлиннике корреспонденции текста воззвания нет, очевидно речь идет о прокламации от 8 августа с обращением «Товарки» см. стр. 50

[2] За издержку большего, чем полагается, материала начальство делало удержания из жалованья. Это вызвало протест кондукторов, результатом чего явились аресты.

[3] См. выше стр. 48, 51.

точки замерзания! Первые рукоплещут, торжествуют полную победу, вторая отчаивается — ей мерещится полное поражение и она уже решает завтра — понедельник — присоединиться к тем жалким трусам, которые вчера,— в субботу, преступно выделившись из среды своих товарищей, украдкой пошли на работу, подписавшись предварительно на унизительных условиях, диктуемых врагами!

Что такое случилось, что произошло? В чем причина такого невиданного поворота в настроениях массы?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо принять в соображение:

Во первых, это упорное и жестокое сопротивление, эти варварские и бесчеловечные расправы, которые совершенно неожиданно посыпались на головы стачечников. Последние ничего подобного не ожидали, потому, что ничего подобного не испытывали на своей прошлой борьбе с врагами.

Во вторых, [следует учесть] существующую у нас смесь рабочих различных народностей, национальные предрассудки коих столь же искусно эксплоатируются нашим начальством, как и вообще нашим правительством. Этот факт, в связи со слабым развитием классового самосознания — этой главной причиной всех неудач трудящейся массы в ее борьбе с врагами,— сыграл, без сомнения, решающую роль в печальном исходе стачки.

В третьих, привлечение в мастерские, на место забастовавших, солдат-саперов, число которых по распространившимся слухам, должно было еще увеличиваться. Бедные рабочие и не подозревали, само собою разумеется, что [солдаты] ни в каком случае не в состоянии заменять их, что [им] предназначено сыграть только роль чучела для их запугивания [рабочих]...

Так закончилась эта знаменитая стачка. Она закончилась, как видит читатель, полным поражением рабочих [2]. Но оно это поражение, можно сказать смело, научило нас гораздо большему, чем все победы, одержанные нами в прошлом над нашими врагами. Прежде всего оно научило, что между нами и нашим правительством, похвалившим, как это теперь всем известно, наше начальство за его дикую расправу с нами,— нет никакого, и не может быть, примирения; что в борьбе с нами оно также жестоко, как и в войне с внешними врагами; что если бы могло без нас жить, без нас обойтись, оно ни на одну минуту не остановилось бы перед тем, чтобы истреблять и рубить и нас с такой

---

[1] Автор, очевидно, имеет в виду поражение стачки, в смысле неудовлетворения требований. Требования, выдвинутые рабочими во время стачки, удовлетворены не были. Во время стачки, длившейся 15 дней, рабочие проявили большую стойкость. Даже официальные источники отмечают, что рабочие во время стачки держали себя «вполне спокойно». В газете «Брдзола» (Борьба) (орган Тифлисской социал-демократии), в статье «Рабочее движение на Кавказе в 1899—1901 гг.» по поводу августовской стачки железнодорожных рабочих читаем: «Рабочим трудно было одержать полную победу при первой же схватке, рано или поздно они вынуждены были бы сложить оружие. Так и случилось: рабочие действительно сложили оружие, как будто потерпели поражение... Но это поражение по своему значению и последствиям превышало многие победы. Поражение это было своего рода победой для потерпевших поражение, во всяком случае оно было предвозвестником приближения победы. И, действительно, стойкость, которую проявили рабочие, еще не испытанные в борьбе, в продолжение целых десяти дней на поле ожесточенной битвы, и выход из этой борьбы почти невредимыми [illegible] не уступали блестящей победе». (газета «Брдзола» (Борьба) № 2—3, ноябрь — декабрь, 1901 г.).

же жадностью, с какой оно делает это, например, сейчас по отношении к несчастным китайцам[1].

Минувшая стачка, наконец, показала нам также воочию ту [illegible] что освобождение рабочих — это дело именно самих рабочих. [illegible] наше, так называемое порядочное общество совершенно безучастно отнеслось к столь знаменательному в нашей жизни социальному явлению, даже и оно обнаружило полнейшую апатию к судьбе жертв свирепости и дикости русской полиции, русских палачей-жанд[illegible]

Пр[illegible].

Прокламация к рабочим Тифлисских [illegible]одорожных мастерских и депо, [18] декабря 1900 г.[1]

Товарищи!

В нас свежа еще память о нашей недавней борьбе за улучшение нашего тяжелого положения, мы до сих пор не перестаем говорить о ней. Но некоторые из нас как будто пали духом и готовы даже думать, что стачка была бесполезна. Но это неверно. Стачка научила нас многому. Мы поднялись против гнетущего нас бесправия и эксплоатации и тем показали начальству, что способны открыто вступить в борьбу, что в нас растет сознание своих прав. Мы знаем теперь, чего нам ждать от начальства. На наши законные требования оно ответило арестами высылкой наших товарищей, на нас были высланы полиция и казаки, нас разгоняли и били нагайками. В мастерские были посланы саперы, в потребительном обществе был закрыт кредит. Все эти насильственные меры одобрены теперь министром путей сообщения. Словом мы столкнулись в этой борьбе с организованным правительством, в руках которого вся власть. Но была товарищи и другая причина нашей неудачи. Мы действовали вразброд, не сорганизовались как следует, у нас не было достаточных средств, чтобы держаться дольше и благодаря этому некоторые товарищи преждевременно взялись за работу. В нас чувствовался недостаток единения и солидарности, а начальство нарочно старалось посеять в наших рядах рознь и недоверие друг к другу. Начальству, как и отдельному фабриканту легче эксплоатировать приниженный, неспособный к борьбе рабочий класс, чем сознательных рабочих, которые скорее добьются лучшего будущего.

Начальство старается держать рабочий класс в тупой покорности, и когда мы поднимаемся за защиту своих прав, оно выдвигает против нас всю свою военную и полицейскую силу. Против этой силы нам нельзя итти вразброд.

Силе мы должны противопоставить силу, а наша сила в единении и взаимной поддержке. Мы должны сорганизоваться и вести упорную

---

[1] В 1900 г. в Китае произошло [illegible]льно-освободительное восстание, направленное против европейских [illegible]гов. Восстание возглавлялось обществом «Большой кулак», [illegible] прозвали «боксерами». Соединенными усилиями [illegible] государств, в том числе и России, восстание было жестоко подавлено».

[1] [illegible], 1900 г., д. № 11533, л. 42—43. Воспроизводится в копии. Про[illegible] отпечатана на русском и грузинском языках и в ночь на 19 [illegible] распространена в вагонном и токарном цехах Тифлисских [illegible]ых мастерских. В эту же ночь прокламации были расклеены по городу, в местностях, где проживали железнодорожные рабочие.

борьбу. В этой борьбе мы должны быть готовы и на поражения и на победы. Но эти поражения не должны смущать нас. Мы не одиноки. Рабочие Питера, Иванова, Вознесенска, Лодзи, Варшавы, Риги, Киева, Екатеринослава организовались уже в рабочие союзы и успешно борются за свое освобождение. Заведем с ними сношения и они помогут нам в нашей борьбе.

Товарищи, вступим в ряды борцов за рабочее дело. Завоюем себе лучшую долю. Завоюем себе право открыто собираться для обсуждения наших нужд, открыто выражать наши мысли, словом завоюем то, что называется свободой союзов, собраний и стачек, свободой слова и печати. Тогда ничто не сломит объединенное рабочее движение.

Прокламация к рабочим Тифлисских железнодорожных мастерских, декабрь 1900 г.[1]

Товарищи!

На днях жандармы — эти подлые слуги царского правительства — арестовали девять наших собратьев[2]. За что же арестованы они? Их арестовали по простому подозрению в сочувствии рабочему делу. Еще раз мы убеждаемся, что в борьбе за лучшую жизнь мы сталкиваемся с правительством, которое жестоко расправлялось с нами за прошлую стачку. Правительство никогда не будет заботиться о нас. Оно опирается на войско, капиталистов, попов, чиновников и жандармов, чтобы угнетать и жить на наш счет. Оно издает законы против нас, заставляет нас жить в нищете и невежестве, сеет рознь и вражду между нами — рабочими, а как только мы поднимаемся на борьбу, оно одинаково сажает в тюрьму русских, грузин и армян. Не ждите, товарищи, от правительства ничего кроме казацких нагаек и тюрем.

Правительство давно предоставило широкие права капиталистам, ибо они сильны деньгами и могут подкупать министров. Сахарозаводчики, нефтепромышленники и прочие паразиты, сосущие нашу кровь, издают свои газеты, устраивают съезды, на которых открыто говорят о своих желаниях, как можно более грабить нас, и по первому требованию их правительство высылает против нас шпионов и войска. Мы же ни на кого не можем надеяться, как только на самих себя. Чтобы заставить правительство дать нам право свободно собираться для обсуждения своих нужд и открыто заявлять свои требования, мы должны соединиться в союзы, устраивать кассы, нам нужно выписывать и читать рабочие книжки и газеты, которые издаются нашими товарищами в других городах. Между нами рабочими, будет ли то русский, грузин, армянин, поляк или еврей, не должно быть никакой вражды,— у нас всех одно желание — сбросить гнет бесправия и зажить по-человечески. Примкнем к общему рабочему движению, завоюем то, что достигли наши заграничные товарищи упорной борьбой. Они живут уже лучше, пользуются правом открыто издавать свои газеты, собираются

[1] ДП, VII, 1900 г., д. № 487, т. II, л. 50.

[2] 22 и 23 декабря 1900 г. были обысканы и арестованы 9 рабочих, подозреваемых в принадлежности к кружку железнодорожных рабочих и в организации стачки в июле — августе 1900 г., среди арестованных был Михаил Иванович Калинин. После арестов прокламация распространялась среди рабочих железнодорожных мастерских и депо.

и толкуют о своих делах, имеют признанные правительством союзы участвуют в издании законов.

Очередь за нами. Дружней, товарищи, в борьбу, 20-й век настал, нас ждет победа рабочего дела в России!

Прокламация Тифлисского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, 10 августа 1901 г.[1]

Товарищи!

Прошел год после августовской стачки рабочих железнодорожных мастерских и депо.

Вы помните тот переполох и страх, которым был объят сытый, обеспеченный Тифлис.

Мастерские и депо были оцеплены целым батальоном солдат; в рабочем квартале разместили казаков, и жандармерия,— эта краса самодержавного првительства, нагло врывалась в наши квартиры. Что-же такое случилось? Ничего страшного. 3 000 рабочих нашли, что довольно их эксплоатировать, довольно таки долго грабители набивали свои бездонные карманы, что пора возвысить голос против такой эксплоатации и произвола, дать знать о себе; и единодушно бросив работу, самым мирным образом разошлись по домам. А сытые люди вообразили, что вот-вот стачечники пойдут сжигать и ломать все и вся. Но конечно, этого не случилось: мы против такого рода насилий; наоборот, к насилиям прибегала противная сторона: на наши мирные требования она ответила нагайками и тюрьмой. Мы сумели продержаться две недели, но потом были побеждены. Побеждены не полицией и жандармерией, нет, они слишком слабы для этого, причины скрывались в нас самих У нас не хватило энергии и единодушия довести начатое дело до конца, часть товарищей преждевременно пошла на работу.

Да, товарищи, на этот раз мы оказались недостаточно подготовленными для борьбы с врагом. Здесь нам пришлось столкнуться лицом к лицу с тем правительством, которому мы продаем свою рабочую силу и которое эксплоатирует наш труд нисколько не меньше, чем какой-либо частный предприниматель.

Здесь пришлось столкнуться с тем самым правительством, которое, опираясь на класс капиталистов, войско, жандармов, полицию, чиновников и попов, старается держать нас в рабской покорности, невежестве и нищете, тем самым правительством, которое попирает все свободное, давит все мыслящее и живое.

Всякая борьба с невежеством и нищетой, всякий протест против насилия и произвола ненавистны нашим эксплоататорам, напрасно нам что-либо ждать от них; чтоб уничтожить позорную эксплоатацию, чтоб сбросить с плеч своих ярмо деспотизма и произвола, мы должны надеяться только на самих себя.

Только мы, рабочие, как класс, объединившись в крепкие союзы, проникнувшись, что у всех нас рабочих должны быть одни и те же

[1] ДП, О. О., 1898 г., д. № 5, ч. 52, л. 42. Тифлисский комитет РСДРП был избран на конференции тифлисских социал-демократических организаций, созванной по инициативе тов. Сталина 11 ноября 1901 г. В состав комитета были избраны т.т. Сталин, Сильвестр Джибладзе, Васо Цабадзе, Захарий Чодришвили и др. (См. Л. Берия, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, ОГИЗ, 1937 г., стр. 25).

интересы, завоюем, подобно заграничным собратьям, свободу стачек и собраний, свободу слова и печати и права участия в издании законов. Возврат к рабству невозможен. Рабство сулит нам позорную жизнь. Свободу же, которая сулит нам счастье, мы должны завоевать!

Так вперед же, друзья, к борьбе за право жить счастливо и свободно!

Победа уж не за горами! Могучей волной разлилось рабочее движение в России! Объединяйтесь же, организуйтесь в союзы, кассы и тогда скоро осуществятся слова первого рабочего борца Петра Алексеева, воскликнувшего на суде: «Когда подымется мускулистая рука рабочего, тогда ярмо деспотизма, охраняемое солдатскими штыками, разлетится в прах!» [1].

Тифлисский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

---

[1] Здесь приводятся заключительные слова из речи Петра Алексеева, русского рабочего революционера, произнесенной им 10 марта 1877 г. перед царским судом в Петербурге. «Речь Петра Алексеева» впервые печаталась в Петербурге 20 ноября 1878 г. в типографии — «Петербургская вольная типография». Переиздавалась во многих нелегальных изданиях «Социалист» № 1, июнь 1889 г., издание Раппопорта; «Речь П. А. Алексеева» с предисловием Плеханова 1889 г., издание русского социал-демократического союза «Рабочая библиотека» и в других изданиях).

В послереволюционных изданиях напечатана в хрестоматии «Революция и Р. К. П. (б)», изд. Истпарта, отдел Ц. К. Р. К. П. (б) по изучению истории Октябрьской революции и Р.К.П.(б-ков), 1925 г., стр. 95.

Из педагогической деятельности Ильи Николаевича Ульянова

Отец Владимира Ильича Ленина — Илья Николаевич Ульянов является одной из наиболее ярких фигур в истории развития народного образования России конца прошлого столетия. Его тридцатилетняя деятельность на ниве народного просвещения принесла огромную пользу народу. На трудном посту педагога, воспитателя и организатора школьного дела Илья Николаевич Ульянов проводил в жизнь передовые идеи русской демократической интеллигенции.

Илья Николаевич родился в Астрахани 14 июня 1831 года. Когда Илье Николаевичу исполнилось семь лет, его отец умер, оставив семью в очень тяжелых материальных условиях. Только благодаря поддержке своего старшего брата Василия Николаевича, Илье Николаевичу удалось получить образование. Среднее образование Илья Николаевич получил в Астраханской классической гимназии, после окончания которой он поступил на математический факультет Казанского университета.

По окончании университета Илья Николаевич был назначен Казанским учебным округом на должность старшего учителя математики и физики в Пензенский дворянский институт. Назначение Ульянова на эту должность было подписано великим русским математиком Лобачевским, который был в то время помощником попечителя Казанского учебного округа.

Кроме педагогической деятельности Илья Николаевич руководил по заданию Казанского учебного округа Пензенской метеорологической станцией. Лобачевский был осведомлен о больших метеорологических познаниях Ульянова, и в связи с этим предложил его кандидатуру для производства метеорологических наблюдений в Пензе.

В бытность свою в Пензе Илья Николаевич Ульянов написал научную работу на тему «о грозе и громоотводах». Эта работа была одобрена Физико-математическим факультетом Казанского университета.

Институт, в котором преподавал Ульянов, находился в крайне тяжелых материальных условиях. Дворянство Пензенской губернии, на средства которого содержался Институт, совершенно прекратило уплату взносов на его содержание. Илья Николаевич, как и другие преподаватели, месяцами не получал жалованья. Институт терпел полный крах. Все это вынудило Ульянова хлопотать о переводе в другое место. В июле 1863 года Илья Николаевич был переведен преподавателем математики в Нижегородскую классическую гимназию. Условия работы в этой гимназии были благоприятны, со стороны учеников Илья Николаевич пользовался любовью.

Но кипучая натура Ильи Николаевича влекла его к широкой организационной работе в области народного просвещения. В начале 60-х годов в России начинают возникать, в значительно большем количестве чем раньше, народные начальные училища, которые содержались, главным образом, за счет земских учреждений. Земские школы сыграли большую роль в деле развития

народного образования в России. Они пользовались симпатией и поддержкой всех прогрессивных элементов русского общества.

В течение предыдущего десятилетия (1856—1866) в журналах горячо обсуждались вопросы народного образования, ставился вопрос о распространении в народе грамотности, стали издаваться педагогические журналы, подробно обсуждавшие вопросы народной школы. Чернышевский и Добролюбов уделяли много внимания вопросам воспитания, создали педагогику революционной демократии. И. Н. Ульянов очень увлекался педагогическими идеями Добролюбова и старался применить их на практике. В это время работали великий русский педагог К. Д. Ушинский и целая плеяда замечательных методистов, разрабатывавших содержание, методы и организацию начального обучения (Корф, Паульсон и др.).

Этим стремлением работать по организации народной школы горел и И. Н. Ульянов. Его дочь А. И. Ульянова-Елизарова в своих «Воспоминаниях об Ильиче» пишет об Илье Николаевиче: «Он был педагогом в душе, любившим свое дело. Но ему хотелось поля работы пошире и хотелось применить ее не для более обеспеченных учеников гимназии, а для самых нуждающихся, для тех, кому всего труднее получить образование, для детей вчерашних рабов» [1].

И. Н. Ульянов понимал, на какую трудную работу он идет. В то время на целую губернию полагался один инспектор народных училищ. Это значило большую часть времени быть в разъездах на лошадях по плохим дорогам, со случайными ночлегами. Это значило выступать на земских собраниях всех уездов губернии, на заседаниях городских дум, на сельских сходках, доказывая пользу просвещения, добиваясь открытия школ, отпуска средств, ремонта школьных помещений и т. д. Работа в школах не была еще налажена, подготовленных учителей не было. Приходилось налаживать сколько-нибудь удовлетворительные школьные занятия заново [2].

Симбирская губерния, куда был назначен И. Н. Ульянов, была одной из наиболее отсталых губерний, настоящей глушью. Нередко встречались в ней селения, где не было ни одного грамотного; по преувеличенным, оптимистическим подсчетам школы имелись лишь в 147 волостях из 210. Введение земских учреждений мало продвинуло вперед число народных школ и вообще дело народного образования в Симбирской губернии. Эта губерния была типично помещичьей; земство в ней было одним из наиболее консервативных и отсталых.

Учреждая должности инспекторов народных училищ, царское правительство в лице занявшего с 1866 г. пост министра нар. просвещения гр. Д. А. Толстого, заядлого реакционера, предполагало, что инспектор будет проводником в народную школу исконных «начал» — «самодержавия, православия и народности» (понимаемой в смысле великорусского шовинизма), органом надзора за «политической благонадежностью» народных учителей, вытравляющим малейшие проявления прогрессивной мысли и деятельности. В Поволжских

[1] А. И. Ульянова-Елизарова, Воспоминания об Ильиче, 1935, стр. 10.

[2] Эти условия работы и характеристика инспектора И. Н. Ульянова прекрасно описаны в очерках тогдашней Симбирской губернии В. Н. Назарьевым «Современная глушь», помещенных в «Вестнике Европы», № 3 за 1876 г. (выдержки из этих очерков приведены в брошюре М. Ульяновой «Отец Владимира Ильича Ленина — Илья Николаевич Ульянов»): «Инспектор был просветителем края, строителем училищ, архитектором, вечным просителем, настойчиво, но в большинстве случаев тщетно вымаливавшим у земства лишний грош на школы, руководителем основанных земством при городском приходском училище курсов...». Ему приходилось «скакать на перекладных по нашим проселкам, замерзать во время зимних морозов и метелей, утопать в весенних зажорах, голодать и угорать на т. наз. «въезжих» и т. д.».

губерниях (в том числе Симбирской), населенных татарами, чувашами и другими нерусскими народами, царское правительство возлагало на инспекторов народных училищ еще особую функцию — руссифицировать эти народы посредством школы, быть помощником миссионерской деятельности православной церкви. Такими, действительно, и были подавляющее большинство инспекторов — чиновников ведомства просвещения.

Но некоторые демократически настроенные шестидесятники шли в инспектора народных училищ, заранее поставив себе целью превратить эти навязываемые царским правительством функции инспектора в их противоположность. Они смотрели на инспектора, как на действительного организатора просвещения крестьянства, руководителя учительства. Они представляли себе инспектора, как деятеля, несущего луч света в темное царство.

Одним из первых таких энтузиастов, горевших желанием всю жизнь отдать на просвещение крестьянских масс, был И. Н. Ульянов. Либеральный член училищного Совета Симбирской губернии В. Н. Назарьев, описавший эту губернию в очерках 1876 г. «Современная глушь» [1], такими словами характеризовал начало деятельности И. Н. Ульянова, как инспектора: «Как же не назвать чудом появление в нашим палестинах таких людей, как Илья Николаевич Ульянов, единственный в то время инспектор народных училищ на всю губернию, с первого же шага отдавший всю свою душу возложенной на него обязанности» [2].

Инспектором народных училищ И. Н. Ульянов был с 1869 г. по 1874 год. В этом году министерство нар. просвещения учредило в каждой губернии должности директоров народных училищ. Губернии, где была установлена дирекция, были разделены на инспекторские районы (охватывавшие обычно два—три и более уезда). И. Н. Ульянов был назначен в 1874 г. директором народных училищ Симбирской губернии и оставался в этой должности до самой смерти, последовавшей скоропостижно 12 января 1886 г. буквально за работой: еще в день смерти он составлял служебные бумаги, принимал своих помощников-инспекторов и т. д.

Деятельность Ильи Николаевича Ульянова на посту инспектора, а затем директора народных училищ Симбирской губернии является чрезвычайно интересной и показательной во многих отношениях. 17 лет работы Ильи Николаевича в Симбирской губернии являются одной из наиболее ярких страниц в истории русского просвещения и русской школы прошлого века.

Когда Илья Николаевич приехал в Симбирск, во всей губернии было не более 3-х десятков начальных училищ, которые влачили жалкое существование. Полуразрушенные здания, полное отсутствие учебных пособий, невежество преподавателей, телесные наказания — вот что характеризовало постановку начального образования в те годы.

С огромной энергией, с исключительной настойчивостью взялся Илья Николаевич за строительство новых школ, за выращивание педагогических кадров. Неутомимо разъезжал Илья Николаевич по всей губернии, добирался до самых глухих медвежьих уголков, внося в беспросветную мглу деревенской глуши начатки просвещения. Илья Николаевич не знал отдыха в своей работе: сам следил за строительством новых школ, или же ремонтом старых, входил во все кажущиеся «мелочи» строительства, предусматривал все детали, заботясь о том, чтобы ребятам было тепло, просторно и уютно в школе, чтобы они любили свою школу. В те времена еще не принято было устраивать в домах форточки. Илья Николаевич первый предложил устраивать форточки в

[1] «Вестник Европы», № 3, 1876 г.

[2] В. Н. Назарьев, Вешние всходы, Из воспоминаний, встреч и переписки 70-х годов, «Вестник Европы», 1898 г.

школах и внимательно следил, чтобы его указания выполнялись. Он ввел небывалые для тех времен новшества в деревенских училищах — широкие сени и раздевалки. В результате этих постоянных забот Ильи Николаевича о школьных помещениях за один только 1878 г. в Симбирской губ. было построено 16 новых школьных зданий и исправлены помещения 44 школ. Школы, которые строил И. Н. Ульянов, поражают своей продуманностью и свидетельствуют о горячей любви Ильи Николаевича к ребятам. С такою же настойчивостью добивался Илья Николаевич оборудования школ классной мебелью и учебными пособиями.

Начальные училища того периода содержались на средства, поступавшие из разных источников. Наибольшую сумму давали сельские общества. Так, из 173 962 р. 69 к., израсходованных в 1878 г. на содержание школ Симбирской губ., подведомственных дирекции народных училищ, поступило:

От казны	26 183 р. 83 к. или	15,0%
От Городских обществ	19 665 р. 48 к. »	11,3%
Земства	31 860 р. 89 к. »	18,3%
Сельского населения	84 965 р. 22 к. »	48,8%
и прочих источников (частных лиц, платы за учение, церковных попечительств)	11.290 р. 27 к. »	6,6%

Если мы сравним это распределение расходов с тем, которое было в начале деятельности И. Н. Ульянова, когда ассигнования на школы от казначейства составляли только 2,4% и земства 16,3%, то увидим, что Илья Николаевич, стремясь вообще к увеличению средств, поступающих от всех источников, старался возможно больше получить на школы своей губернии от казны и от земства и, по возможности, облегчить долю, поступающую непосредственно от крестьян.

Своим личным влиянием на крестьян, частыми выступлениями на сельских сходах, сильным улучшением преподавания в школах И. Н. Ульянов умел добиваться увеличения отпускаемых сельскими обществами средств на школы. Вполне правильно он замечает в своем «очерке успехов народного образования в Симбирской губ. за 1878 г.: «Если принять во внимание..., что училищный сбор с крестьян есть повинность, размеры которой вполне определяются собственным усмотрением сельских обществ, то в факте значительного прироста сельского училищного сбора в отчетном году нельзя не усмотреть признака важного успеха народного образования в губернии»[1]. Мы к этому можем прибавить, что этот успех был достигнут благодаря деятельности Ильи Николаевича.

Целый ряд печатаемых ниже документов показывает, как неустанно добивается он из различных источников улучшения материального положения школы.

Благодаря энергии И. Н. Ульянова средства на содержание школ, поступавшие от сельских обществ с 1871 г. по 1886 г., возросли в $2^1/_2$ раза, а от городского самоуправления почти в 9 раз.

Второй заботой Ильи Николаевича был подбор и подготовка учительского персонала.

При своем вступлении в должность инспектора он застал крайне низкий уровень учителей.

Уже в первый год своей работы в качестве инспектора (1869 г.) он организовал двухгодичные педагогические курсы для учителей при Симбирском приходском училище и руководил ими до 1873 г., когда в связи с открытием Порецкой учительской семинарии курсы прекратили свое существование.

---

[1] См. ниже, стр. 88.

5

Эти курсы были любимым детищем Ильи Николаевича. Какую трогательную заботу о материальном положении учащихся на этих курсах проявлял он, показывают публикуемые документы. Трудно было добиться средств на подготовку учителей у гласных Симбирского земства, большей частью консервативно настроенных помещиков. В той стипендии, о которой упоминает Илья Николаевич в своем заявлении от 15 ноября 1872 г., Земское собрание частично отказало. В 1877 г. Губернское земство сократило число своих стипендий в Порецкой семинарии, а в 1884 г. совсем прекратило выдачу этих стипендий.

Будущие педагоги воспитывались Ильею Николаевичем в духе любви к народу, в прогрессивных педагогических принципах. Их даже называли «учителями-ульяновцами». С этим не могли примириться симбирские земцы-помещики. М. И. Ульянова в своей брошюре «Отец В. И. Ленина — Илья Николаевич Ульянов» пишет: «И в 1877 г., уже после смерти отца, для учителей, подготовленных в этой семинарии, не оказалось даже «свободных вакансий» в Симбирской губернии, хотя им и полагалось прослужить там определенное число лет, как стипендиатам Симбирского земства».

Кроме курсов И. Н. Ульянов устраивал ежегодно учительские съезды то в одном, то в другом уезде Симбирской губ. Один из участников этих съездов, старый учитель В. А. Калашников так вспоминал об этих съездах: «Илья Николаевич стал устраивать учительные съезды для того, чтобы учителя и учительницы могли ознакомиться с новыми методами или способами преподавания предметов. Его такт, мягкость, деликатность, сдерживание слишком горячих в прениях с товарищами характеров оставили в каждом из нас воспоминания о съездах, как о счастливых днях, пережитых нами»[1]. Это начинание чрез несколько лет было прекращено правительством, запретившим учительские съезды во всей России.

И. Н. Ульянов проявлял большую заботу о материальном положении учителей, получавших до него буквально нищенское вознаграждение. Благодаря ходатайствам Ильи Николаевича это вознаграждение земствами повышалось (так, в донесении от 13 января 1879 г. упоминается, что два уезда увеличили жалованье учителям в 1879 г.).

До какой степени убогим было вознаграждение учителей, показывает печатаемый ниже документ[2]: Помощница учительницы женской школы г. Симбирска Емельянова, учительствуя уже четыре года, получала... 6 р. 66 к. в месяц. И. Н. Ульянов просит Городскую Симбирскую Управу повысить ей жалованье до 15 рублей.

Он заботится об улучшении материального положения не только работающих учителей, но и вышедших уже в отставку. В тот период пенсионного обеспечения бывших учителей не было. И. Н. Ульянов ставит перед губернским земством вопрос об организации эмеритальной кассы для бывших народных учителей. Мысль эта была нова, и земство не удовлетворило просьбы И. Н. Ульянова. Лишь много лет спустя, уже после его смерти, мысль его получила осуществление во всероссийском масштабе.

Всячески поощряя учителей, отдававших свои силы народному просвещению, Илья Николаевич, ставивший звание народного учителя очень высоко, не терпел таких «учителей», которые своим недостойным поведением роняли авторитет учителя. В печатаемых ниже документах эта его идейная требо-

---

[1] В. А. Калашников, И. Н. Ульянов (Воспоминания бывшего учителя), «Юбилейный сборник памяти И. Н. Ульянова», изд. Пензенским Метеорол. бюро, 1925, стр. 44.

[2] См. ниже, стр. 96.

вательность к учителю выступает чрезвычайно ярко: он требует строгого расследования случая телесного наказания в уездном училище; надо отметить этот случай особенно потому, что в тот период факты телесного наказания в школах были довольно часты. И. Н. Ульянов, будучи последователем идей Добролюбова, не допускал применения телесных наказаний ни под каким видом.

Не терпел он также случаев нетрезвого поведения учителей, устраняя таких «учителей» из школы.

Илья Николаевич заботился о самообразовании учителей. Так, он ставит перед губернским земством вопрос о создании в каждом уезде учительской библиотеки — мысль по тем временам совершенно новая. Он обращает внимание директора учительской семинарии, что воспитанники мало занимаются самообразованием.

Целый ряд печатаемых документов показывает, как умело руководил И. Н. Ульянов учителями, поощряя тех, кто проявлял педагогическое мастерство, отмечая недостатки неопытных еще учителей. В этом отношении громадный интерес представляет ряд отчетов Ильи Николаевича о посещении школ.

И. Н. Ульянов в этих отчетах и советах учителям показал себя, как замечательный методист. Он настойчиво вводил новый в то время в России, едва пробивавший себе дорогу звуковой метод обучения грамоте, широко применял наглядное обучение, заботясь о снабжении школ лучшими в то время наглядными пособиями, осуждал механическую зубрежку, требуя сознательного усвоения учащимися учебного материала и умения передавать прочитанное своими словами с выделением главного, умелой постановки учителем вопросов при опросе учащихся. Он стремился развить в учениках самодеятельность. Рекомендовал на уроках применять разнообразные методы; требовал, чтобы учителя объясняли новые для учащихся термины (например, на уроках истории «уния», «догмат» и пр.). Он требовал от учителей при преподавании истории и географии, чтобы они не ограничивались сухим перечнем названий, дат и фактов, но оживляли уроки «более подробными рассказами о естественной и искусственной производительности страны, о быте и нравах жителей и пр.». Он обращал внимание учителей на необходимость вести не только учебную в узком смысле слова работу, но и воспитательную, проводя таким образом один из важнейших дидактических принципов — воспитывающее обучение. Илья Николаевич учил преподавателей работать с целым классом, внимательно подходя в то же время к каждому отдельному ученику.

В краткой статье нет возможности вскрыть всю глубину тонких методических замечаний И. Н. Ульянова. Отметим лишь, что эти замечания по методике преподавания русского языка, арифметики, истории, географии, естествоведения, чистописания, пения стояли вполне на высоте лучших методических достижений западноевропейских и русских методистов того времени. И. Н. обращал внимание учителей на необходимость использовать пришкольные участки для разведения огорода и сада с целью трудового воспитания учащихся и практических занятий по естествознанию. Рекомендовал также вести занятия с учащимися гимнастикой.

Особое внимание обращал Илья Николаевич на необходимость для учителя тщательного составления планов урока. Орфографическую грамотность учащихся и правильную постановку письменных работ он отмечает в целом ряде печатаемых ниже документов.

Большую борьбу вел Илья Николаевич за аккуратную посещаемость учащимися школы, воздействуя в этом отношении на детей, на учителей и родителей, ставя этот вопрос даже перед целыми сельскими обществами.

С огромной заботой относился Илья Николаевич к женским училищам, которые в тот период едва только начинали свое существование и подвергались ожесточенным нападкам со стороны реакционеров. Перед земством и городскими самоуправлениями он настойчиво ставил вопрос об открытии женских школ. Не ограничиваясь начальным училищем для девочек, он считал необходимым дать девочкам повышенное начальное обучение в городских училищах по положению 1872 г. и среднее в гимназиях и прогимназиях.

С такой же заботой относился Илья Николаевич к развитию национальных школ. При нем впервые в Симбирской губернии были учреждены училища для чуваш, мордвы и татар. Особенно большую роль сыграл Илья Николаевич в деле просвещения чуваш Симбирской губернии. Царское правительство, издав правила «О просвещении инородцев», ограничивало это «просвещение» крайне убогим уровнем (чтение, письмо, арифметика, «закон божий»). Система черносотенного «миссионера» Ильминского, широко применявшаяся в Поволжье, стремилась руссифицировать поволжские народы и сделать национальную школу очагом миссионерской деятельности. Система Ильминского заключалась в создании специальных школ для крещеных «инородцев», которые могли бы подготовить верных царю полупопов-полуучителей.

Совершенно иначе подходил к национальной школе Илья Николаевич. Он стремился к поднятию грамотности среди нерусских национальностей, к возможно большему обогащению детей, принадлежавших к этим национальностям, действительными знаниями, далеко выходящими за пределы официальной программы. Печатаемый ниже документ[1] дает ясное представление об этом: Илья Николаевич требует, чтобы эта национальная школа была снабжена наглядными пособиями по географии, книгами по естествознанию и пр. Уровень знаний детей учащихся в национальной школе, как видно из этого документа, высок,— значительно превышает требования официальной программы.

Илья Николаевич заботливо отмечает, что знание учителем родного языка учащихся нерусской национальности содействует успеху работы, и вместе с тем заботится о хорошем знании этими детьми русского языка.

Отчеты И. Н. Ульянова о посещении им училищ до сих пор могут служить ярким образцом, как следует инспектировать школу: ни один вопрос учебно-воспитательной работы школы и ее материального положения (вплоть до отсутствия форточек в классе или кадки в квартире учителя) не ускользал от внимания такого инспектора, каким был И. Н. Ульянов.

Илья Николаевич сам лично знакомился с каждым новым педагогом, часто посещал его уроки, охотно помогал начинающим преподавателям, ободрял их. Авторитет Ильи Николаевича был велик не только среди учителей Симбирской губернии. Его знали и ценили преподаватели и других областей России. Об этом свидетельствуют многочисленные заявления на его имя преподавателей из других учебных округов, с просьбой о переводе в Симбирскую дирекцию народных училищ.

Энергичная и неутомимая деятельность Ильи Николаевича на пользу народного просвещения вызывала опасения и явное неодобрение многих мракобесов, сидевших на руководящих постах в министерстве народного просвещения. Особенно много препятствий чинил И. Н. Ульянову известный черносотенец, убежденный враг культуры и образования граф. Д. А. Толстой (1823—1889 гг.), бывший в течение многих лет министром народного просвещения. Толстой объявил поход против земских школ. По его предложению земские школы стали заменяться церковно-приходскими, которые находились под опекой черносотенного духовенства. Министерство народного просвещения в

[1] См. ниже. стр. 71.

последние годы жизни Ильи Николаевича открыто не одобряло его деятельности. Ему грозили отставкой. И только смерть избавила его от участи быть отрешенным от любимого дела, которому он посвятил всю свою жизнь.

Несмотря на эти [illegible] условия Илья Николаевич продолжал самоотверженно работать, вопреки всем препятствиям, он делал нужное и полезное для народа дело — строительство и укрепление народных начальных училищ.

Многие черты характера Ильи Николаевича, проявленные им на широком поприще педагогической деятельности, были унаследованы от отца Владимиром Ильичем. Пример отца, отдавшего все свои силы и знания делу народного просвещения, бескорыстно и честно служившего народу, не мог не оказать плодотворного влияния на Владимира Ильича в его детские и юношеские годы. Это заставляет нас с еще большим вниманием отнестись к замечательной личности Ильи Николаевича и его деятельности.

Публикуемые впервые документы характеризуют Илью Николаевича как передового деятеля русского просвещения и замечательного организатора народного образования. В них встает образ Ильи Николаевича во всей его кипучей практической деятельности. Здесь и отчеты о состоянии народного образования, записки о «мелочных» на первый взгляд вопросах, ходатайства об улучшении быта учителей, проекты и мысли о дальнейших путях развития школы. Все эти документы в своей совокупности представляют огромный культурный, научный и исторический интерес. Советская школа и советские педагоги, изучая эти замечательные ульяновские документы, извлекут для себя большую пользу. Прекрасный образ Ильи Николаевича Ульянова долго будет служить примером для всех, кто любит советскую школу, кто стремится к ее росту и процветанию[1].

Е. Мединский.

Представление И. Н. Ульянова попечителю Казанского учебного округа, 8 января 1872 г., № 4[2].

Обозрение инородческих начальных народных училищ Симбирской губернии содержимых на средства м-ва нар. прос. в 1871 году.

1) Ходаровское смешанное училище в селе Ходарах, Курмышского уезда открыто 6 декабря 1870 г.; содержится на средства м-ва нар. прос., в количестве 300 рублей, назначенных на жалованье учителю.

Училище помещается в доме, состоящем из классной комнаты, сеней и квартиры для учителя. За наем дома учитель платит в год 60 руб. без отопления, на которое выходит ежегодно 40 р. Чистота классной комнаты возлагается поочередно на каждого из учащихся. На учебные

---

[1] Публикуемые материалы хранятся в Ульяновском отделении Куйбышевского областного архивного управления в фонде инспектора и директора народных училищ Симбирской губернии. Все документы, исходившие от Ильи Николаевича Ульянова, печатаются с отпусков, собственноручно написанных Ильей Николаевичем. Документы подготовлены работниками Куйбышевского областного архивного управления тт. Подхватиловской и Шеффер. Комментарии к документам сделаны проф. Е. Н. Медынским.

[2] Ульяновское отделение Куйбышевского обл. арх. упр., ф. 18, св. 20, д. № 5 л. 10.

пособия и классную мебель назначено единовременно из сумм м-ва нар. прос.— 40 р.

Классная комната содержится опрятно, она светла; не очень тепла и не имеет форточки для вентиляции. В классе 5 новых и удобных ученических столов, классная доска на треножнике, к которой на время обучения детей чтению прикрепляется плановка для выставления подвижных букв, и шкаф для книг и учебных пособий, данный обществом на время для школы.

Число учащихся: мальчиков от 7 до 14 лет — 26, девочек от 9 до 12 лет — 4. Из 26 мальчиков — 7 русских и 19 чуваш, а из 4-х девочек — 3 русские и одна чувашка. Все православного исповедания.

Число жителей в селе Ходарах и соседних деревнях, откуда дети ходят в школу,— 1 630 душ, число учащихся относительно числа жителей составляет 2%.

Занятия происходят $9\frac{1}{2}$ месяцев, с 1 сентября по 15 июня ежедневно, за исключением воскресных и праздничных дней, от 8 до $12\frac{1}{4}$ часа утра, с отдыхом в $\frac{1}{2}$ часа, и потом от 2 до $3\frac{1}{4}$ пополудни.

Чтение гражданской печати происходит по звуковому способу Корфа, при помощи подвижных букв. Затем преподаются: письмо, закон божий, молитвы с объяснением, священ. история, объяснение праздников, 4 действия над именованными и простыми числами с упражнением в отношении задач, счисление умственное и на счетах и церковное пение главнейших молитв.

Успехи обучения вообще весьма удовлетворительны. Что касается учебных пособий при школьном обучении, то кроме подвижных букв, употребляется 1-ый год «Родного Слова» для объяснительного чтения и бесед учителя с учениками и 2-й год «Родного Слова». По арифметике — задачи Евтушевского. В училищах имеется 24 аспидных доски, 2 дюжины стальных перьев и 1 дюжина чернильниц.

Для внеклассного чтения учеников есть книги: «Дар слова», «Труд кормит, а лень портит», «Как надо жить, чтобы добро нажить».

Учителем состоит с открытия училища окончивший курс воспитанник Симбирской духовной семинарии Александр Рождественский. Он ведет дело обучения с уменьем и усердием, вполне сознавая важность обязанности народного учителя. Знание чувашского языка много облегчит для учителя труд по обучению чувашских детей.

Между наставником и учениками существуют весьма хорошие отношения: мальчики смотрят весело и бойко отвечают на вопросы.

Во время моего посещения училища (17 и 18 декабря) в классах было 23 мальчика и 1 девочка. Перед началом класса ученики порядочно пропели молитву на чувашском языке. Занятия по «Родному Слову» ведутся хорошо; пройдена вся 1-я часть и я застал учеников за повторением пройденного именно на 33-м № «Родного Слова». Класс очень оживлен, ученики бойко, смело и наперерыв отвечают на вопросы хором и по-одиночке.

Учащиеся ознакомлены с сторонами горизонта и имеют некоторые первоначальные географические сведения; умеют начертить земной шар и дать понятия о жарком, умеренном и холодном поясах. Читают громко и довольно правильно, в случае же неправильности учитель постоянно поправляет. На вопросы дают полные ответы. Обо всем пройденном и прочитанном мальчики имеют ясное, несбивчивое понятие. Чуваши читают порядочно по-русски, чего в других училищах за год обучения не достигается.

Из священной истории ученики рассказывают хотя не без затруднения о Рождестве И. х., о крещении Спасителя и о других событиях ново-заветной истории. Из молитв знают «Царю небесный» по-русски и по-чувашски с объяснением, молитву перед началом учения...

Учителем сделан опыт приучения детей писать под такт, что много оживляет учеников и они с охотою занимаются письмом. Класса арифметики мальчики ждут с удовольствием: все принимают участие в умственном решении задач, относящихся к крестьянскому быту.

В школе заведен классный журнал. Словом, организация училища весьма удовлетворительна.

Полезно было бы приобрести для школы: карту России, глобус, книгу с картинами изд. Шрейбера для наглядного обучения, свящ. историю Соколова, начальную главу Корфа, беседы о природе Зобова, «Свет божий», книгу Горбунова о том, что происходит в воздухе и первоначальную книгу для чтения Водовозова, приложенную к журналу «Народная школа» за 1870 год[1].

2) Кошкинское мужское училище, в деревне Кошки — Новотилебаевой, Буинского уезда, открыто 11 октября 1871 г., содержится на средства м-ва нар. прос., в размере 150 р. в год, в том числе на жалованье учителю 120 р. и на отопление 30 р.

Помещается училище в новом доме, выстроенном на средства м-ва нар. прос., в количестве 600 руб. Дом состоит из передней, комнаты для учителя и класса. Классная комната светла, довольно тепла, имеет 2 форточки для вентиляции и содержится довольно опрятно. В классе 3 ученических стола и 9 картин для наглядного обучения Золотова.

Число учащихся мальчиков от 7 до 13 лет — 13, пять чуваш; все православного исповедания.

Число жителей в деревнях Кошках 319 душ муж. пола; число учащихся относительно числа жителей составляет 7%.

Занятия происходят ежедневно, за исключением воскресных и праздничных дней, от 8 до 12 часов утра и потом от 2 до 3½ пополудни.

Чтение гражданской печати происходит по звуковому способу Корфа, при помощи подвижных букв. Затем преподаются: молитвы по-чувашски, счисление в уме от 1 до 10 и письмо. По недавнему открытию училища только трое мальчиков приступили к 1-ой части «Родного Слова», именно: двое читают № 6, а один № 2. Во время моего посещения училища (21 декабря) упомянутые 3 ученика читали порядочно, пятеро — средственно, а остальные только начинают сливать изученные звуки. Считают в уме средственно, 8 мальчиков пишут буквы и цифры, а остальные элементы букв...

Учителем состоит местный крестьянин Игнатий Иванов, который пока не имеет свидетельства на звание учителя, но обещает выдержать установленный для этого экзамен. До назначения своего к исправле-

---

[1] Начальные училища, по положению о них, должны были обучать чтению, письму, счету и пению и так называемому закону божию. Тем более «инородческие» (как именовало царское правительство школы для детей нерусской национальности) училища, по положению 1870 г., должны были ограничиваться лишь этими предметами И. Н. Ульянов, как видно из документа, всячески стремился расширить знания учащихся сведениями по географии, естествознанию и пр.

Книги и др. учебные пособия, которые вводил И. Н. для употребления в подведомственных ему школах (Корфа, Ушинского «Родное Слово», Водовозова и др.) были в то время лучшими учебниками для начального обучения.

нию должности учителя в Кошкинское училище, Иванов обучал мальчиков из чуваш в г. Симбирске и там приобрел отчасти навык к обучению детей чуваш.

Предписание И. Н. Ульянова Шумовскому волостному правлению, 24 октября 1872 г. [1].

Учитель Шумовского сельского училища рапортом от 23 минувшего сентября за № 1 донес мне, что настоящее положение вверенного ему училища нисколько неблагоприятствует делу обучения и что для приведения училища в лучшее состояние необходимо озаботиться о следующем:

1. Училище помещается в старой крестьянской избе, приобретенной обществом на училищные суммы. Помещение сырое, темное, холодное, тесное и вообще нисколько не может удовлетворить требованиям школы, как в педагогическом, так и в гигиеническом отношениях.

2. Для училища следует приобрести 8 классных столов со скамейками, стол и стул для учителя, шкаф для хранения учебных пособий, две классных доски на треножниках: одну для письма, а другую для обучения по звуковой методе чтению.

3. Для училища необходимы книги по приложенному списку.

Вследствие отношения моего Симбирская уездная земская управа уведомила меня, что она не имеет основания разрешить какое-либо пособие из земских сумм на исправление дома для Шумовского училища, ввиду того, что расход этот не подходит под условия, выраженные в докладе комиссии, утвержденном очередным собранием 1870 г. [2].

Что же касается до приобретения для этого училища классных принадлежностей и учебных книг, то расход на этот предмет может быть принят на земские суммы.

Уведомляя о сем, предлагаю Шумовскому волостному правлению, на основании 9 пункта, 84 статьи положения 19 февраля 1861 г., озаботиться немедленным улучшением помещения для Шумовского училища и о последующем мне донести.

Представление И. Н. Ульянова в Симбирскую губернскую земскую управу, 15 ноября 1872 г., № 519 [3].

Имею честь покорнейше просить Симбирскую губернскую земскую управу представить на рассмотрение губернского земского собрания следующие вопросы:

1. С открытием учительской семинарии в с. Порецком, имеют быть закрыты при Симбирском уездном училище педагогические курсы, в которых земство содержит на свой счет 40 стипендиатов для приготовления в учителя начальных народных училищ Симбирской губернии.

Принимая во внимание видимую пользу для дела народного образо-

[1] Ульяновское отделение Куйбышевского обл. арх. упр., ф. 18, св. 20, д. № 510, л. 84.

[2] Хозяйственные расходы по школе в 70—80-х годах, в том числе предоставление помещения, возлагались на сельские общества; оборудование же училищ школьною мебелью, учебными пособиями и письменными принадлежностями обычно принимало на себя земство.

[3] Там же, л. 29.

вания в губернии от хорошо подготовленных учителей и увеличение числа учащихся в тех школах, в которых состоят преподавателями окончившие курс в педагогических классах, я полагал бы весьма полезным для улучшения народного образования губернии иметь в учительской семинарии в с. Порецком 40 земских стипендиантов, по выбору педагогического совета семинарии. В ожидании решения губернского собрания относительно числа земских стипендиантов в семинарии, мною, с согласия г. председателя губернской управы, отправлены в Порецкое 11 земских стипендиантов 1-го курса для помещения их на казенную степендию.

2. Ввиду закрытия 1 курса педагогических классов с 1 января наступающего 1873 г., я просил бы губернское земское собрание оказать пособие 22[1] воспитанникам 1 курса, если они пожелают продолжать учение в семинарии, в размере 5 рублей каждому на проезд от Симбирска до с. Порецкое.

3. Принимая во внимание пользу для воспитанников педагогических классов 2 курса со стороны учителя Симб. муж. приходского училища Николаева, я ходатайствовал бы перед губернским собранием о вознаграждении учителя Николаева за руководство кандидатами педагогами в практических их занятиях, в размере 50 рублей.

4. Для доставления учителям народных училищ способов к дальнейшему самообразованию, я просил бы губернское собрание предложить уездным, не найдут ли они возможным завести в каждом уезде на первый раз по одной библиотеке, снабженной как книгами и журналами педагогического содержания, так и учебными пособиями, необходимыми для преподавания предметов, составляющих курсы народных училищ[2].

5. Для материального обеспечения преподавателей, не пользующихся в настоящее время пенсиею за многолетнюю службу, весьма полезно было бы устроить при губернской управе эмеритальную кассу для народных учителей.

6. Ввиду затруднения в средствах для заблаговременной выписки книг и учебных пособий для школ, я полагал бы просить губернское земское собрание об ассигновании мне, ввиде займа, 1 000 руб. на выписку книг, с возвратом этой суммы по мере продажи книг в губернскую управу.

7. Принимая во внимание, что в настоящее время в школах часто учатся дети из сел и деревень, находящихся на расстоянии 5 и даже 10 верст от местности, где находится училище, следствием чего является неаккуратное посещение классов учащимися, я просил бы губернское собрание предложить уездным, не найдут ли они возможным устроить на свой счет, на первый раз хотя при одной лучшей школе, особое помещение для приходящих учеников, которые могли бы жить в этих зданиях. К этому считаю долгом присовокупить, что в случае устройства таких ученических квартир, весьма полезно было бы во внеклассное время обучать детей какому-нибудь ремеслу или мастерству, особенно необходимому в данной местности.

8. Губернское собрание в минувшем году ассигновало 500 руб. на канцелярию губ. учсовета и на печатание отчетов инспектора нар.

[1] Дальше одно слово не разобрано.

[2] Губернские земские собрания, предусматривавшие те или иные мероприятия и утверждавшие смету земских расходов на предстоящий год, созывались по закону между 1 декабря и 1 января.

училищ. Из этой суммы назначено на канцелярию 410 р. Принимая во внимание, что инспектор народных училищ имеет ближайшее отношение к губ. учсовету, я полагал бы передать в ведение инспектора ассигнованные земством 410 р. на содержание канцелярии в губ. учебных советах [1].

Представление И. Н. Ульянова в Сызранскую Городскую управу, 23 августа 1873 г., № 365 [2].

При ревизии мною Сызранского городского приходского училища [3] оказалось, что помещение его при значительном числе учеников крайне неудовлетворительно.

Вследствие сего имею честь просить Сызранскую Городскую управу внести на обсуждение Городского собрания, по возможности в непродолжительном времени, вопрос о замене настоящего неудобного помещения приходского училища другим, более удобным и удовлетворяющим цели учебного заведения, и о решении собрания меня уведомить.

Представление И. Н. Ульянова в Сызранскую Городскую управу, 13 сентября 1876 г., № 851 [4].

Принимая во внимание, что в г. Сызрани нет ни одного женского приходского училища имею честь покорнейше просить Городскую управу доложить Собранию, не найдет ли оно возможным открыть в г. Сызрани женское приходское училище и тем открыть возможность жителям города дать своим дочерям первоначальное элементарное образование.

О решении Собрания прошу Управу меня уведомить.

Отношение И. Н. Ульянова инспектору народных училищ 3 района, 14 июня 1877 г., № 457 [5].

Препровождая при сем в подлиннике прошение фельдшера Феофила Львова о том, что учитель истории и географии Ардатовского уездного училища Федоров избил сына его, ученика 2-го класса Павла Львова, и донесение штатного смотрителя Ардатовского уездного училища от 5 сего июня № 154 о том, что учитель Федоров во время уроков доходит до раздраженного состояния и в горячности дозволяет себе обращаться с учеником не так, как следует, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, произвести на месте дознание о поступках г. Федорова и сообщить мне ваше заключение с возвращением препровождаемых при сем бумаг.

---

[1] Большинство мероприятий, намечаемых здесь И. Н. Ульяновым, Симбирским губернским земским собранием 1872 г. было отклонено, под предлогом недостатка средств.

[2] Там же, д. № 520, л. 8.

[3] Под именем «приходских училищ» разумеется не церковно-приходские, а начальные училища, состоящие в ведомстве министерства нар. просвещения, официально именовавшиеся «Приходские училища по уставу 1828 г.»

[5] Там же, д. № 800, л. 1.

Отпускъ.

Въ Сызранскую Городскую Управу.

Сент. 23 1876 г. Принимая во вниманіе,

№ 887 [illegible] въ г. Сызрани [illegible] ни одного женскаго приход-скаго училища ~~и [illegible] ищущихъ образованія своимъ дочерямъ~~, имѣю честь покорнѣйше просить Городскую Управу доложить Собранію, не найдетъ-ли оно возможнымъ открыть въ г. Сызрани женское приходское [illegible] училище ~~дѣтей~~ возможность [illegible] жительницамъ города ~~[illegible]~~ дать дочерямъ первоначальное [illegible] образованіе.

О рѣшеніи Собранія прошу [illegible] меня увѣдомить.

Из представления И. Н. Ульянова попечителю Казанского учебного округа, [1877 г.] [1].

Мнение по вопросу об учреждении женских городских училищ

Принимая во внимание, что курс учения в женских гимназиях и прогимназиях довольно обширен и доступен далеко не для всех классов городского населения, необходимо признать весьма целесообразным учреждение женских городских училищ, на основании положения о городских училищах, высочайше утвержденного 31 мая 1872 года.

Обращаясь прежде всего к женским училищам, существующим в городах, нельзя не заметить, что с одной стороны девочки, окончившие курс нач. нар. училища, желают остаться в школе еще на год или два для продолжения своего образования. Отсюда естественно является необходимость сообщать им, например, исторические и географические элементарные сведения, с целью заинтересовать девочек при дальнейшем их обучении. С другой стороны, в некоторых уездных городах, в которых нет женских прогимназий (Сенгилее, Карсуне и Буинске), женские приходские училища существуют с двумя классами при двух учительницах, или в старших классах занимаются учителя уездных училищ.

Из этого видно, что родители не ограничиваются обучением своих дочерей в объеме курса нач. нар. училищ, но желают развития и расширения этого курса различными путями: или определением своих детей в женские прогимназии и гимназии, или оставлением в том же училище с тем, чтобы курс был расширен. Таким образом, сама жизнь вызывает учреждение женских городских училищ не ниже двухклассных, и было бы желательно преобразовать некоторые из женских приходских одноклассных школ в 2-х классные, 3-х и 4-х классные, смотря по обнаруживающейся в них потребности...

Предписание И. Н. Ульянова штатному смотрителю Буинского уездного училища, 13 января 1878 г.[2].

До сведения моего дошло, что учитель Буинского приходского училища Команский ведет нетрезвую жизнь, почему прошу Вас, милостивый государь, предложить ему держать себя прилично званию учителя, в противном случае он будет заменен другим лицом; о поведении же его на будущее время доносить мне ежемесячно.

Отчет по обозрению директором Промзинского 2-х классного училища Алатырского уезда [3].

Промзинское 2-х классное училище, Алатырского уезда существует с 14 сентября 1874 г. и состоит из 2-х классов при 5-ти отделениях учащихся [4].

---

[1] Там же, д. № 809, л. 4—5.

[2] Там же, д. № 826, л. 8.

[3] Там же, д. № 917, л. 16. Заголовок подлинника. Дата отсутствует. Отчет составлен И. Н. Ульяновым.

[4] Двухклассными училищами назывались начальные школы с продолжительностью обучения в 5 лет (тогда как обычное или «одноклассное» начальное училище имело трехлетний курс обучения). Кромо обычных для начального училища предметов в двухклассных училищах в течение 4-го и 5-го лет обучения преподавались геометрия, география, история, естествознание.

На содержание училища отпускается из государственного казначейства 885 руб. и от сельского общества 311 руб. Первая сумма идет на содержание личного состава: законоучителя — 150 руб., двоих учителей — 600 р., учителя пения — 60 р., и на снабжение училища учебными пособиями — 75 р. Назначенные обществом 311 руб. употребляются на застрахование дома и хозяйственные расходы по училищу.

Училище помещается в уступленном обществом весьма удобном деревянном доме. Длина и ширина каждой классной комнаты по 11 аршин, при высоте $4^1/_2$ арш. Из 75 учащихся — 68 мальчиков и 7 девочек. По классам они распределены так: в 1-м классе 43 мальчика и 7 девочек, во 2-м — 25 (17 в младшем отделении и 8 — в старшем). Посещение детьми училища весьма исправно. Почетным блюстителем училища с января 1877 г. состоит колл. асс. Н. В. Позняков. законоучителем, с открытия училища, свящ. Кудеевский, учителями: 2-го класса, с 10 января 1875 г., Р. А. Преображенский, окончивший курс в педагогических классах, на котором лежит и заведывание училищем; 1-го класса: В. М. Дульцев, с 10 августа 1876 г., окончивший курс в Порецкой учительской семинарии.

Училище осмотрено мною 5 мая.

На 1-ом уроке во 2-м классе ученики младшего отделения чертили водные пути в России, с учениками же старшего отделения учитель занимался решением арифметических задач на правило смешения. Урок был веден удовлетворительно, в решении задачи принимали участие все ученики старшего отделения. Мною замечено только, что мальчик, делавший задачу на классной доске, иногда сбивался и выражался неясно.

В 1-м классе занятия на 2-ом уроке были распределены так: дети младшего отделения писали в 4 темпа букву Б, среднего — букву Я в 3 темпа, с учащимися же старшего отделения учитель занимался диктовкой, с целью приучить детей к правильному письму коренных слов с буквою ять. Преподаватель сообщил ученикам правила, что звательные слова отделяются запятыми. Урок шел по строго обдуманному плану и каждое отделение исполняло свою работу удовлетворительно...

Во время большой перемены ученики занимались гимнастикой. Письменные упражнения учащихся ведутся аккуратно и своевременно просматриваются преподавателями. Ученики старшего отделения 2-го класса пишут сочинения на темы, вроде следующих: «описание грозы в деревне», довольно удовлетворительно в грамматическом отношении. Вообще, училище пользуется доверием не только местного общества, но и соседних деревень.

Насколько Промзинское 2-х классное училище отвечает своему назначению, можно судить по следующим характерным фактам. Двое из учеников этого училища, окончивших курс только в 1-м классе, поступили прямо в 1-й класс Порецкой учительской семинарии...

Наконец, считаю нелишним присовокупить здесь следующее: желая объяснить себе причины очень удовлетворительного состояния Промзинского 2-х классного училища, я пришел к убеждению, что успех его, завися, конечно, от вполне добросовестного исполнения учителями своих обязанностей, от их хорошей подготовки и практической опытности, в то же время слишком много обуславливается тем, что каждый учитель занят с целым классом по всем предметам курса. Благодаря этому весь ход обучения идет стройно, весело для учителя и учеников

и, что особенно важно, ежедневные работы по каждому предмету всегда распределяются сообразно с силами учеников и с количеством работы по остальным предметам.

Отчет по обозрению директором Карсунского, Алатырского, Ардатовского, Кумышского и Сызранского уездных училищ, [1878 г.] [1]

1) Карсунское уездное училище[2] осмотрено было мною 4 мая. По классам 87 учащихся; распределяются следующим образом: в 1-м — 31, во 2-м — 34, в 3-м — 22 и один вольнослушатель из окончивших курс в уездном училище и желающий продолжать учение в Порецкой учительской семинарии.

В 1-м классе я был на уроке арифметики. Ученик, вызванный к классной доске, решал задачу, при чем учитель (Сурков) мало обращал внимания на умственный счет и почти не обращался с вопросами к прочим ученикам, которые поэтому почти не принимали участия в классной работе.

Во 2-м классе я присутствовал на уроках русского языка и географии. На первом уроке учитель (Салтыковский) занимался повторением о числительных именах. Преподаватель не заставлял повторить объяснения своего ни одного из учеников, а продолжал спрашивать далее, от чего мальчики затруднялись ответить на мой вопрос: какие числительные назвать количественными и какие порядковыми? Сверх того, мною замечено, что по расписанию назначен был урок славянского языка в этот час, учитель же заменил его уроком русского языка.

На уроке географии в этом классе учитель (Дубров) спрашивал о государствах Европы, с главными городами этих государств и с указанием на каких реках лежат эти города, при этом преподаватель не обращал внимания на то, чтобы ученик показывал на карте то, о чем он рассказывает.

В 3-м классе я слушал уроки русского языка и закона божия. На первом уроке учитель диктовал ученикам стихотворение «Утопленник». На мой вопрос, знают ли ученики заранее, какое стихотворение им будут диктовать, преподаватель дал отрицательный ответ. Писали ученики без грубых ошибок. По окончании диктовки ученики на вопрос мой о глаголах, видах и спряжениях глаголов дали удовлетворительные ответы.

На уроках закона божия законоучитель (свящ. Лиманов) спрашивал учеников о храме и литургии. На предложенные мною вопросы мальчики отвечали не вполне удовлетворительно. Обо всех замеченных мною недостатках я передал учителям с тем, чтобы они приняли меры к уничтожению этих недостатков.

При рассмотрении классных журналов мною замечено учителю арифметики Суркову о пропуске им довольно значительного числа

---

[1] Там же, д. № 917, л. 12. Заголовок подлинника. Отчет составлен И. Н. Ульяновым.

[2] Уездными училищами по положению 1828 г. являлись начальные училища с повышенным курсом. Срок обучения был 3-летний (3 класса),— поступали дети в уездное училище по окончании начальной школы. Прав перехода в среднюю школу (гимназию) уездное училище не давало. С 1872 г., когда были учреждены городские училища, уездные училища стали постепенно ликвидироваться. Городские училища по положению 1872 г. значительно расширили, по сравнению с уездными, объем знаний.

уроков, на что преподаватель ответил, что это произошло от болезни ноги, именно от растяжения сухожилий.

2) Алатырское уездное училище обревизовано мною 6 мая. Из 77 учеников в 1-м классе — 19, во 2-м — 32, в 3-м — 26.

По болезни штатного смотрителя Стефановича и учителя русского языка Немченинова, я застал в училище двоих учителей: арифметики Суркова и географии и истории Кудряцева.

В 1-м классе на уроке русского языка ученикам задано было написать рассказ: «Дедушка русского флота». Мальчики исполнили эту работу довольно удовлетворительно.

Во 2-м классе был урок арифметики о десятичных дробях. Ученики решали задачи удовлетворительно, но затруднялись иногда объяснить производимые ими действия.

В 3-м классе я был на уроках географии и арифметики. На первом уроке шло повторение географии России. На вопросы, предложенные мною, ученики отвечали вообще удовлетворительно, но некоторые из мальчиков затруднялись сказать, что значит «отходный промысел». Сверх того, мною предложено учителю делать сравнение губерний во всех отношениях для того, чтобы ученикам бросались в глаза особенности каждой из них.

На уроке арифметики решалась задача на пропорциональное деление довольно удовлетворительно. Замечено только, что ученики забыли признаки делимости чисел.

3) В Ардатовском уездном училище я был 8 мая. 83 ученика распределяются по классам так: в 1-м — 39, во 2-м — 22 и в 3-м — 22.

В 1-м классе я был на уроках русского языка и арифметики. Учитель первого предмета, допущенный к преподаванию, Смирнов, объяснял мальчикам страдательный залог и довольно удовлетворительно.

Учителем арифметики Стекловым дана была ученикам задача — умножение на счетах. На уроке мною замечено, что сам преподаватель много говорит и мало предоставляет самодеятельности ученикам. Кроме того, только ученик, вызванный к доске, считает в уме, между тем как умственным счетом должен заниматься весь класс.

Во 2-м классе на уроке арифметики все ученики делали задачи на досках. Замечено только из ответов учеников на предложенные мною вопросы, что мальчикам непонятно слово «степень», из чего можно заключить, что учитель не заботится о том, чтобы все ученики имели ясное понятие обо всем пройденном.

В 3-м классе на уроке русского языка речь шла о сокращении придаточных определительных предложений. Учитель вел урок довольно удовлетворительно.

При рассмотрении классных журналов мною замечено, что у законоучителя не записано содержание уроков в апреле и мае месяцах, а у преподавателя русского языка неопределенно записано содержание уроков, напр. «славянский язык».

4) Курмышское уездное училище осмотрено мною 12, 13 и 15 мая. Из 49 учеников в 1-м и 2-м классах по 18, в 3-м — 13 человек.

В 1-м классе я слушал уроки русского языка и арифметики, во 2-м — арифметики, географии, русского и славянского языков, закона божия и истории, в 3-м — русского языка, закона божия, географии, арифметики и геометрии.

Учитель русского языка, г. Матвеев, ведет преподавание вообще удовлетворительно. Так, преподаватель на уроке русского языка пи-

шет на классной доске план, по которому ученики сами пишут ответы; на уроке славянского языка обращает внимание на различные формы, в том числе и условные, сравнительно с формами русского языка. Но при всем том замечено, что ученики 1-го класса затруднялись отличить винительный падеж от родительного и составить ясное понятие о видах глаголов. Пишут под диктовку ученики удовлетворительно.

Учитель арифметики и геометрии Н. Ковалев занимается своим делом усердно, но замечено, что ученики затрудняются при объяснениях деления десятичных дробей, не знают, какие простые дроби обращаются в конечные и какие в бесконечные десятичные дроби и не имеют ясных понятий о кубических и квадратных мерах.

Учитель истории и географии г. Пересов, вел дело в последний учебный год удовлетворительнее, чем в предыдущий, но нельзя не заметить, что преподаватель делает сравнение губерний без строго обдуманного плана и мало оживляет уроки истории.

У законоучителя замечены весьма краткие объяснения и слишком близкие к учебнику ответы учеников.

5. В Сызранском уездном училище, осмотренном мною 2 и 3 июня, 91 ученик: в 1-м классе — 45, во 2-м — 29, в 3-м — 17.

Я был на уроках русского языка, истории, географии и арифметики.

Учитель русского языка, г. Нечаев, только что назначенный на это место, не успел еще ознакомиться с объемом преподаваемого ученикам, но есть надежда, что при руководстве исправляющего должность штатного смотрителя Добролюбского, преподававшего до сих пор русский язык, он поведет дело удовлетворительно. Мною предложено учителю диктовать громче и яснее, чтобы ученики не затруднялись при письме.

Учитель истории и географии, Ив. Клюжев, ведет дело вообще удовлетворительно, хотя преподавание его и не чуждо некоторых недостатков, заключающихся в некоторых неправильных выражениях.

Преподавание арифметики ведется допущенным к исправлению должности учителя Вас. Клюжевым удовлетворительно.

За исключением Алатырского уездного училища, помещающегося в наемной квартире, все прочие 4 училища помещаются в собственных домах, довольно исправных и удобных.

Осмотренные училища, благодаря усердию штатного смотрителя и преподавателей находятся вообще в удовлетворительном состоянии, как по учебной, так и по воспитательной части.

Во всех 5-ти училищах из учеников составлены хоры певчих, которые поют в церквах по воскресным и праздничным дням.

Представление И. Н. Ульянова в Сызранскую городскую управу, 20 августа 1878 г., № 676 [1].

Из отчета инспектора народных училищ видно, что Сызранское 1-е мужское училище помещается в высшей степени неудовлетворительно: класс состоит из 3-х смежных комнат, в которых только около $17^1/_4$ кубических сажен пространства. Принимая во внимание, что по самым умеренным требованиям гигиены в классной комнате должно быть не менее $^1/_2$ кубич. саж. на ученика для того, чтобы пребывание в классе не было вредным для здоровья, я нахожу, что в

[1] Там же, д. № 917, л. 38.

классах 1-го приходского училища могло бы без вреда для здоровья обучаться 35 учеников, тогда как их учится втрое более, именно 102 мальчика.

Вследствие сего имею честь просить Городскую управу переменить вредную для здоровья учеников квартиру для 1-го приходского училища на более просторную к началу нового года, соответственно числу учеников, и о последующем меня уведомить в непродолжительном времени.

Из донесения И. Н. Ульянова попечителю Казанского учебного округа. 5 октября 1878 г., № 826 [1].

Представляя при сем отчет инспектора народных училищ Симбирской губернии 1-го района г. Стржилковского по обозрению им школ Симбирского и Сенгилеевского уездов, имею честь донести вашему превосходительству, что со стороны дирекции приняты следующие меры:

1) О неудобстве помещений и неудовлетворительности классной мебели сообщено местным обществам об устранении замеченных неудобств, вследствие чего некоторые сельские общества уже исправили классные помещения и мебель.

2) Относительно незначительного вознаграждения преподавателей некоторые сельские общества, вследствие предложения дирекции, увеличили жалование учителям, а именно: Тумыкинское на 45 р., Верхне-Кокинское и Шигонское на 36 р., Загоскинское на 110 р., Смышляевское на 80 р., Зеленецкое на 140 р. и Бесштановское на 44 р.

4) В те школы, в которых преподавали все предметы местные священники со средственными успехами, назначены особые учителя, с оставлением за священниками преподавания одного только закона божия.

5) Книги и учебные пособия высланы в нуждающиеся школы.

6) Малоусердным учителям сделано внушение, чтобы они усерднее вели свои занятия по школам, с напоминанием, что в противном случае они будут устранены...

Предписание И. Н. Ульянова Тархановскому волостному правлению Буинского уезда, 6 октября 1878 г., № 835 [2].

При осмотре Старо-Айбесинского училища инспектором оказалось, что классная комната страдает от неисправности ремонта, почему и необходимы следующие работы: промшить стены, скрепить их сваями, оштукатурить внутри. Необходимо также снабдить училище стулом, столом для учителя, чугуном, кадкою и тазом.

Вследствие сего предлагаю волостному правлению донести мне в непродолжительном времени, устранены ли замеченные инспектором недостатки.

---

[1] Там же, д. № 917, л. 52—53.

[2] Там же, д. № 917, л. 56.

Предписание И. Н. Ульянова Архангельскому волостному правлению Буинского уезда, 6 октября 1878 г., № 833[1].

При осмотре Архангельского училища инспектором оказалось, что классная комната для 41 учащегося тесна и квартира учителя неудобна, так как зимою бывает очень холодно.

Вследствие сего предлагаю волостному правлению донести мне в непродолжительном времени, устроена ли завалина снаружи, о чем предложено инспектором местному обществу через волостное правление.

Предписание И. Н. Ульянова заведующему Промзинским 2-х классным училищем, 13 октября 1878 г., № 879[2].

Из представленного мне инспектором отчета о состоянии училища видно:

1) что к концу года количество учеников уменьшилось, так что на экзамен явилось 77 вместо 87; 2) у законоучителя нередко замечается излишняя многословность и неопределенность в выражениях, а равно и частое задавание таких вопросов, благодаря которым ученикам приходится усвоять второстепенные подробности в ущерб главному; 3) на уроках учителя 1-го класса, г. Дульцева, замечено, что при передаче ученикам прочитанного желательно бы видеть побольше самостоятельности и именно передачи содержания, а не прочитанных слов. Сверх того, нельзя не пожалеть о том, что ученики, выработавши с учителем план упражнения, часто его совершенно игнорируют, а при изложении содержания чрезвычайно многословно передают второстепенные подробности, опуская важнейшее; 4) на уроках учителя 2-го класса замечено, что ученики скорее запоминают сообщаемое учителем, чем более или менее самостоятельно наблюдают и выводят, причем разбираемый пример служит поводом, по которому что-либо сообщается, а не материалом для наблюдения. На уроке геометрии учитель сам много и торопливо говорит, так что нередко предупреждает ответы учеников. Но так как последним это не нравится, то и они начинают торопливо говорить и нередко дают крайне необдуманные ответы. По пению замечено, что ученики поют слишком грубо, не разделены на несколько партий по голосам, не обучаются по нотам; регент напрасно не принимает во внимание диапазоны голосов держа хор почти исключительно на С-дур, тогда как Ф-дур было бы для него более по силам, и, наконец, следует образовать хор не из 8 мальчиков, а из большего количества голосов.

Сообщая о вышеизложенном, предлагаю вам, 1) донести мне с первою почтою о причине уменьшения учеников к концу учебного года, 2) о замеченных инспектором недостатках сообщить по принадлежности с тем, чтобы на будущее время недостатки эти были устранены.

Предписание И. Н. Ульянова заведывающему Берегово-Сыресевским, Ардатовского уезда, 2-х классным училищем, 18 октября 1878 г., № 903[3].

Из представленного мне инспектором отчета видно, что 1) законоучителю, при занятиях с несколькими отделениями, необходимо сле-

[1] Там же, д. № 917, л. 55.
[2] Там же, д. № 917, л. 60.
[3] Там же, д. № 917, л. 74.

дить возможно внимательнее за всеми и ни в каком случае не заставлять ученика рассказывать вслух, когда нет возможности слушать его рассказ.

2) Учителю 1-го класса, при выборе наглядных пособий по арифметике необходимо обращать внимание на однородность и даже одинаковость их, а не брать 2 грифеля и 2 карандаша; давать основательные объяснения о причине сравнения числа 40 с 5, 6, 7, 8, 9, 10, 4, 3, 2 и 1, чтобы не возникало предположение о нежелательной произвольности в выборе. Для звукового анализа выбирать не отдельные слова, а небольшие фразы, заключающие в себе определенный смысл. Необходимо с самого начала приучить учеников к четкости и возможной красивости почерка. При занятии чтением с учениками среднего отделения неудобно допускать краткие ответы учеников, состоявшие нередко из одного слова и потому неопределенные. Среднеотделенцы и младшие ученики слишком долго были заняты однообразными самостоятельными работами, которые видимо наскучили мальчикам к концу урока[1].

3) Бывший учитель 2-го класса, по недостатку терпения, совершенно без нужды предупреждал учеников своими объяснениями на уроке геометрии, черчения, для умственного вычисления давал ученикам слишком сложные задачи, напр. задача с резервуаром, наполняемым водою посредством 3-х труб; на уроке истории не употреблял исторических картин.

Сообщая об этом, предлагаю вам принять меры к устранению замеченных инспектором недостатков.

Предписание И. Н. Ульянова штатному смотрителю Алатырского уездного училища, 20 октября 1878 г., № 912[2].

Из представленного мне отчета о состоянии Алатырского уездного училища, осмотренного инспектором народных училищ 3-го района в 1877—78 учебном году, видно: 1) Что на уроках учителя истории и географии — по истории особенно резко бросалось в глаза непонимание учениками многих слов, ими же произносимых. Так в 3-м классе ученики, рассказывая о присоединении Малороссии к России произносили слова: «уния, догмат» и проч., а между тем не в состоянии были объяснить их значение; точно также произнося «философия, философ, софисты», не сказали ни одного признака, который бы свидетельствовал о понимании ими этих названий. Впрочем, один ученик про Сократа сказал, что «афиняне выбрали его в философы». Нельзя также одобрить слишком точного заучивания не содержания, а слов учебника. Учитель имеет обыкновение рассказывать новое через класс[3], ограничиваясь в остальное время одним задаванием урока по учебнику, хотя преподаватель владеет хорошим даром слова. По географии учитель не научает учеников чертить карты и не оживляет уроки более подробными рассказами об естественной и искусственной производительности страны, о быте и нравах жителей и проч.

---

[1] В двухклассном училище первые 3 года обучения считались первым классом и делились на отделения: 1-й год обучения — младшее, 2-й — среднее («среднеотделенцы») и 3-й год — старшее; 4 и 5 годы — составляли младшее и старшее отделение второго класса.

[2] Там же, д. № 917, л. 78.

[3] Так в подлиннике.

2) На уроках геометрии г. Стефанович, раздавая ученикам 3-го класса тетради с начерченными на них дома различными углами и треугольниками, ограничивался беглым просмотром их только при раздаче, сопровождая последнюю такого рода замечаниями: «Скверно, мерзко, хорошо, старался» и т. п.

3) На уроках чистописания темп давался неправильно и слишком мало обращалось внимания на содержание списываемого, например, во 2-м классе ученики писали: «Строчные буквы должны быть одинаковой толщины и величины».

4) По делопроизводству кассовая книга велась неаккуратно и неправильно и деньги за право учения несвоевременно вносились в казначейство. Представления в дирекцию об освобождении от платы за учение бедных учеников делались несвоевременно. Кассовая книга за 1877 г. и список учеников, а равно и оправдательные документы расходов по 39 статье были представлены в контрольную палату только в мае м-це. Статистические сведения в департамент народного просвещения представлены только после 14 мая вместо 1 февраля.

5) Библиотека нуждается в пополнении. Так по русскому языку нет концентрически расположенной грамматики Бунакова, хорошего сборника для чтения и разбора статей. Нет мер емкости и веса, моделей геометрических тел, наглядной геометрии Малинина, арифметических задач Бугаева, руководства к черчению карт, картин для черчения; по истории и географии в библиотеке слишком мало учебных пособий, которыми возможно было бы воспользоваться учителю на своих уроках [1].

Сообщая о вышеизложенном, предлагаю вам, милостивый государь, пополнить библиотеку и приобрести учебные пособия и вообще устранить замеченные недостатки по преподаванию предметов учебного курса, обсудив замечания в педагогическом совете. Что же касается до делопроизводства, то я вынужденным нахожу поставить вам, милостивый государь на вид вашу неисправность и небрежность и предлагаю на будущее время вести документальные книги аккуратно и немедленно вносить в казначейство деньги, полученные с учеников за право учения.

Предписание И. Н. Ульянова Верхне-Мазинскому волостному правлению Сызранского уезда, 15 ноября 1878 г., № 1018 [2].

Из отчета, представленного мне инспектором, по осмотру им училищ Верхне-Мазинской волости, мною усмотрено, что 1) классные комнаты всех 3-х училищ недостаточно просторны для наличного числа учащихся, 2) освещение класса в Верхне-Мазинской школе неудовлетворительно и необходимо устроить еще одно окно в южной стене класса, о чем инспектором и передано волостному старшине, обещавшему исполнить эту работу и 3) что классная комната в Соловчихе содержится весьма неопрятно.

Сообщая об этом, предлагаю волостному правлению принять меры к устранению упомянутых недостатков и донести мне, устроено ли еще одно окно в Верхне-Мазинской школе.

---

[1] Рекомендумые для пополнения библиотеки книги — грамматика известного педагога-методиста Н. Ф. Бунакова, наглядная геометрия Малинина и др. — представляли собою лучшие учебники того времени.

[2] Там же, д. № 917, л. 103.

Из отчета И. Н. Ульянова начальнику губернии за 1878 г.[1]

Очерк успехов народного образования в Симбирской губернии за 1878 год.

В жизни народных училищ Симбирской губернии важнейшим событием отчетного года было преобразование Курмышского уездного училища в двух-классное городское по положению 31 мая 1872 года.

Это было первым актом реформы, полное осуществление которой принадлежит ближайшему будущему. Не говоря о значении этой реформы для городского населения, которое отныне будет иметь новые общеобразовательные заведения с значительно расширенными программами, с улучшенными средствами содержания, с правильной педагогической подготовкой дела, учреждение городских училищ [illegible] заведения. Во[illegible] возможен и для детей крестьян. [illegible] городское училище с учителями, получившими основательную подготовку, каждое в своем уезде, будет служить хорошим образцом для учителей народных училищ во многих отношениях, общих для городской и сельской школы.

Учебные заведения

Число учебных заведений, состоящих в ведомстве дирекции народных училищ Симбирской губернии, в отчетном году уменьшилось на 6 и составляет 423 против 429 прошедшего 1877 года. Уменьшение произошло вследствие передачи одного учебного заведения в ведомство министерства финансов и закрытия нескольких школ (в том числе 4-х частных), не обладавших достаточными средствами содержания.

Таковое уменьшение числа училищ однако не выражало собою понижение образовательных средств края, но только большую их концентрацию. Дело заключалось в том, что несколько неудовлетворительных школ, существовавших наряду с училищами благоустроенными, закрылись подавленные естественною конкуренцией. Дети, в них учившиеся, нашли места в других, более правильно устроенных, училищах.

А посему и число учащихся в отчетном году не уменьшилось, а дало значительный прирост против цифры 1877 г., именно почти на 6% (в 1877 г. учащихся было 15090, а в 1878 г. 15905)[2].

Посещаемость школы женским населением гораздо ближе определяет соответствие школы народным потребностям, чем посещаемость ее мужским населением, потому что — для женского населения не существует никаких внешних прямых или косвенных побуждений

[1] Там же, л. № 909, л. 38

[2] С наступлением реакции 70-х годов число учебных заведений и учащихся по другим губерниям возрастало крайне медленно. Увеличение числа учащихся за год по Симбирской губ. на 815 человек (или 5,4%) являлось значительным по тем временам приростом школ, особенно знаменательным потому, что это был[illegible] русско-турецкой войны 1877—1878 гг., когда по другим губерниям не[illegible]ние сокращения ассигнований на нар. образование и использова[illegible]ами детей в хозяйство взамен мобилизованных более старших [illegible]ны — число учащихся в других губерниях не только не выросло, но [illegible] уменьшилось.

Точно также образовательный уровень учителей начальных школ, вследствие забо[illegible] И. Н. Ульянова, по Симбирской губернии был несравненно выше, чем в подавляющем большинстве других губерний.

к посещению школы, которые в известной степени влияют на посещаемость школы мужским населением.

Относительно числа учащихся к общему числу жителей в отчетном году выражается следующей таблицею:

Для сословия дворян и [illegible]	[illegible]
духовного сосл[illegible]	[illegible]
[illegible]ских [illegible]	[illegible]
[illegible]ьских со[illegible]	[illegible]

Народное образование

Выдающимся фактом обозреваемого года было, между прочим весьма значительное приращение, более чем на 10% против предыдущего года, денежных средств народных училищ (в 1877 г. было 157 319 р. 96 коп., в 1878 г. 173 962 р. 69 к.). Наиболее значительное приращение дал сельский училищный сбор.

Если принять во внимание, что эта доходная статья училищного бюджета представляет наиболее обеспеченный от неблагоприятного влияния случайностей источник содержания училищ, и что училищный сбор с крестьян есть повинность, размеры которой вполне определяются собственным усмотрением обществ, то в факте значительного прироста сельского училищного сбора в отчетном году нельзя не усмотреть признака важного успеха народного образования в губернии. Когда сумма, добровольно жертвуемая населением на устройство и поддержание школы, растет, то это служит очевидным доказательством того, что школа более и более начинает удовлетворять потребностям населения, что заслуги школы начинают яснее обрисовываться в сознании общества. Но такое отношение общества к школе было бы немыслимо, если бы школа не представляла очевидных проявлений своего внутреннего совершенствования.

В отчетном году успехи школы отразились следующими фактами. Количество учителей, получивших основательную педагогическую подготовку в учительских семинариях, возросло, против прошлого 1877 г. на 22%, число учителей и учительниц с достаточным общим образованием, т. е. окончивших курс в средних учебных заведениях, не считая учителей — священников, увеличилось на 7% [1]. Училищные библиотеки получили приращение против 1877 г., равное 23%. С улучшением личного состава учителей и развитием образовательных средств школы, естественно, повысились и требования местного учебного управления от училищ. Сделаны попытки точнее определить продолжительность учебного года и ограничить произвол преподавателей в назначении каникулярных дней. Законоучителям дана в руководство программа уроков закона божия, выработанная авторитетными практиками. Выпускные испытания произведены с большею серьезностью, чем в прежние годы, но при этом число окончивших курс в 1878 г. превышало такое же число 1877 г. на $4^1/_2$%.

В отчетном году со стороны дирекции было обращено внимание местных обществ на недостатки училищных помещений, вследствие

[1] По степени образования учители распределяются следующим образом: 60 окончили курс в средних учебных заведениях, 39 — в учительских семинариях, 25 — на педагогических курсах, бывших при Симбирском уездном училище, 172 — в низших учебных заведениях и 19 — домашнего образования. Из 103-х учительниц 44 окончили курс в средних учебных заведениях, 35 — в низших и 24 — домашнего образования. (Прим. в подлиннике).

чего и выстроено 16 новых училищных домов и исправлено помещение 44 существующих школ.

На содержание училищ израсходовано в 1878 г. 173 962 р. 69 к., в том числе из государственного казначейства — 26 180 р. 83 к., от городских обществ — 19 665 р. 48 к., от земства 31 860 р. 89 к., от сельского населения — 84 965 р. 22 к., от церковных попечительств — 1 420 р. 51 к., сбора за учение 2 083 р. 20 к., от частных лиц — [illegible] р. [illegible] к. ...

[illegible]

Разрешенная к открытию [illegible] в 1877 г. [illegible] публичная библиотека при уездном [illegible] в марте отчетного [illegible].

Библиотека имела 27 [illegible]чиков, с которых и поступило за пра[illegible] 181 р. [illegible] к. При таких средствах библиотека имела возмож[illegible] [illegible]писать 12 журналов и приобрести 24 названия книг, главным образом, научного содержания. Несмотря на скромные размеры [illegible]блиотеки, она соответствовала потребностям своих немногих подписчиков. Публичные библиотеки в Алатыре и Буинске в отчетном году имели самое ограниченное число читателей.

Курмышская бесплатная читальня, получающая субсидию от го[illegible] в размере 200 р., имела в отчетном году 32 подписчика и прио[illegible] новых изданий 10 названий в 10 томах на 45 р. 55 к.

В [illegible]тном году при Курмышской уездной земской управе открыт [illegible] склад для снабжения сельских училищ необходимыми по[illegible].

Из донесения И. Н. Ульянова попечителю Казанского учебного округа, 13 января 1879 г., № 28[1].

Представляя при сем отчет инспектора народных училищ 3-го района по обозрению им школы Алатырского, Ардатовского и Курмышского уездов в минувшем 1878 г., имею честь донести вашему превосходительству, что мною приняты следующие меры:

1) Предложено местным сельским обществам через волостные правления озаботиться улучшением школьных помещений, снабжением школ классною мебелью, приспособленною к росту учеников, и содержанием классов в чистоте. Вследствие этого сношения с сельскими обществами, уже в некоторых школах устранены замеченные инспектором недостатки, а именно: в Алатырском волостном училище неудобная классная мебель заменена новою, приспособленною к возрасту учеников; около дома Кувайского училища, Алатырского уезда, устроены уже двор и службы; в Ардатовском волостном училище окна увеличены; в с. Козловке, Ардатовского уезда, училищный дом исправлен; в с. Курмачкасах, того же уезда, сделан подтопок; в с. Тетюшах, того же уезда, оканчивается постройка училищного дома; в с. Кечушеве, того же уезда, пристроена квартира для учителя; Курмышского уезда, в с. [illegible] — прибавлена классная мебель; в с. [illegible] уже ремонтирован училищный дом, в м. Деянове выстроен новый дом, при пособии от земства.

2) О пополнении библиотек книгами и учебными пособиями сообщено мною по училищам Алатырского уезда в волостные правления, по

[1] Там же, д. № 917, л. 147.

школам Ардатовского — в Городскую, Земскую управы, а по училищам Курмышского уезда в училищный Совет. Вследствие сего некоторые школы уже снабжены книгами и учебными пособиями, а именно: Астрадамовская, Алатырского уезда, Керамсурская и Шугуровская Ардатовского уезда

3) Сделано распоряжение, чтобы свящ. Монадыш, Алатырского уезда, не поручал занятий по школе церковному сторожу.

4) Относительно улучшения учебной части я нахожу достаточными меры, принятые инспектором в каждом из осмотренных им училищ. Сверх того, учителям, занимающимся неудовлетворительно, было предложено усилить занятия и улучшить учебную часть.

5) Законоучителю Стельасского и учителю и законоучителю Монадышского училищ, Алатырского уезда, рекомендовано внимательнее относиться к принятым ими на себя обязанностям по занятиям в школах...

7) Усердным законоучителям, учителям и учительницам выданы денежные награды из сумм м-ва нар. прос. и из сумм земства.

8) Предложено учителю Курмышского приходского училища непременно исполнять сделанное прежде распоряжение о приеме детей в училище один раз в год.

9) В Анастасовское училище, Курмышского уезда, назначен особый законоучитель, священник Преображенский.

10) Относительно неаккуратного посещения учениками классов в училищах уездов: Алатырского — Гулюшевском, Ардатовского — Ардатовском волостном, Талызинском, Жаренском, Керамсурском, Лобаськинском, Маколовском, Паченальском и Шугуровском и Курмышского — Можарово-Майданском и Четаевском,— местным сельским обществом выставлен на вид тот вред, который происходит в деле обучения от опущения детьми уроков и предложено устранить этот недостаток.

К сему имею честь присовокупить:

1) что учителям и учительницам Алатырского и Ардатовского уездов увеличено с 1879 г. жалованье на счет земства, и 2) что Знаменское и Спасское училища, Курмышского уезда, закрыты — в конце минувшего 1878 г.

Предписание И. Н. Ульянова штатному смотрителю Ардатовского уездного училища, 15 января 1879 г., № 64 [1].

Из представленного мне инспектором народных училищ 3-го района отчета видно, что в Ардатовском женском училище: 1) Классная мебель, относительно света, расположена неправильно, потому что свет падает с правой стороны и сзади. 2) Содержание библиотеки осталось почти неизменившимся с открытия школы. 3) Законоучитель занимается очень усердно и разумно. 4) По чтению младшее отделение делится на две группы по той причине, что одни дети поступают в школу с умением читать, а другие без всяких знаний, но, во всяком случае, обозначенная неравность знаний крайне неудобна сама по себе, а учительница еще ухудшает дело тем, что ученицам младшего отделения дает чтение в виде самостоятельной работы; этот обычай только усиливает забегание одних вперед и укореняет неправильное чтение других, следовательно еще больше удерживает их назади. Чтение было бы несравненно полезнее, если бы при этом учительница объясняла непонятные сло-

[1] Там же, д. № 917, л. 167.

[illegible] выражения, вела беседу, приучала бы детей к обобщению прочитанного, к выработке плана, к точному выделению предмета, о котором что либо прочитано. Игнорируя все это, учительница делает чтение занятием узким, мало полезным и даже скучным. 5) Изложение содержания прочитанного ведется без должного руководства со стороны учительницы.

6) Из занятий учительницы по арифметике было замечено, что она не придавала разложению чисел того значения, какое следует ему придавать в начальном обучении арифметики, а именно: у нее разложение является занятием для забавы, а не главным средством, при помощи которого узнается состав числа и отношение его ко всем предыдущим числам. Равным образом несвоевременное выделение действий в арифметическом отношении и неправильная постановка умственного счета обнаруживает недостаточно отчетливое усвоение учительницей нового способа обучения арифметике.

Сообщая об этом прошу вас, милостивый государь, объявить бывшему законоучителю Остроумову благодарность дирекции за весьма усердное и разумное преподавание закона божия, сообщить учительнице об [illegible], расставить классные столы так, чтобы свет падал с левой стороны, озаботиться пополнением библиотеки посредством сношения с земством или городом и о последующем донести.

Предписание И. Н. Ульянова штатному смотрителю Ардатовского уездного училища, 15 января 1879 г., № 66 [1].

Из представленного мне инспектором народных училищ 3-го района отчета по обозрению Ардатовского волостного училища видно: 1) при квартире учителя нет необходимейших служб; 2) классная мебель старинного, неудобного устройства, и поставлена неправильно, т. е. свет падает не с левой стороны; 3) классных досок всего только одна и та до такой степени стерлась, что трудно бывает разобрать написанное на [illegible]; 4) библиотека не пополняется и в ней больше половины книг негодных к употреблению, частию по устарелости, частию по ветхости; 5) школу ученики посещают крайне неаккуратно, особенно в базарные дни; 6) учителем не понят и не усвоен надлежащим образом способ письма-чтения [2]; он не учил учеников правильно держать себя во время письма, почему они пишут не буквы, а каракули; дети совсем не умеют передавать содержания прочитанного, о сознательности учитель [illegible] мало заботится, не ведет предварительных бесед, не вырабатывает плана письменных упражнений.

Книгой для чтения в старшем отделении служит книга Паульсона, совершенно не приспособленная к начальной народной школе [3]. Самостоятельные письменные работы делаются учениками совершенно без всякого разумного руководства со стороны учителя. По арифметике знания детей плохи, состава чисел они не понимают, умственно считают чрезвычайно медленно. Вообще учебная часть по всем предметам по-

[1] Там же, л. № 917, л. 168.

[2] Звуковой [illegible] лучшим методом обучения [illegible] гом К. Д. Ушинским.

[3] Книга для чтения Паульсона (методиста 70-х годов) была в большом употреблении при начальном обучении, но по материалу своему имела в виду городских детей. По качеству она значительно уступала «Родному Слову» Ушинского и «Нашему другу» Корфа, которые преимущественно и рекомендовал И. Н. Ульянов.

ставлена слабо. Учитель говорит необыкновенно тихо и неясно, всегда обращается только к одному ученику, а не к целому классу, постоянно и без цели ходит по классу во время урока и неудовлетворительно распределяет занятия между учениками различных отделений.

Сообщая об этом, прошу вас, милостивый государь:

1) объявить учителю Покровскому об устранении замеченных недостатков;

2) предложить волостному правлению увеличить окна в классе устроить необходимые службы при квартире учителя, обновить мебель и расставить ее правильно относительно света, сделать другую классную доску и выкрасить старую, пополнить библиотеку и принять меры к аккуратному посещению учениками училища, в особенности в базарные дни и о последующем мне донести.

Отношение И. Н. Ульянова директору Порецкой учительской семинарии, 10 октября 1879 г., № 1023[1].

Вследствие отношения, от 12 минувшего сентября за № 388, имею честь сообщить, что хотя вообще окончившие курс во вверенной вам учительской семинарии воспитанники и удовлетворяют своему назначению, в качестве учителей народных училищ, но тем не менее мною и инспекторами замечены следующие важные недостатки:

1) Учителя из окончивших курс в учительской семинарии не ознакомлены с порядками необходимыми для правильно устроенных учебных заведений: они не ведут классных журналов, не умеют правильно расставить классные ученические столы, относительно освещения, не в порядке держат книги и учебные пособия, не в надлежащей чистоте держат классные комнаты.

2) Не заботятся о своем самообразовании: мало читают и нередко ставят себя в неловкое положение пред учениками, обращающимися к ним с вопросами, напр. один преподаватель назвал автором стихотворения «Буря мглою небо кроет» Водовозова, только потому что оно напечатано в книге для чтения Водовозова.

3) Считая себя чуть не всезнающими, учителя эти не следуют советам инспекторов и встречаются даже такие личности, которые не исполняют распоряжений инспектора, за что и получают от дирекции выговоры.

4) Обращая внимание на учебную часть, мало заботятся о воспитательной стороне школы.

5) В министерских училищах, где имеется десятина при училище, нередко преподаватели не обрабатывают эту десятину и не засевают ничем, так что лежит эта десятина без всякой пользы, между тем как она назначена для разведения огорода и сада.

6) На уроках чтения преподаватели нередко увлекаются объяснениями, клонящимися к пополнению статьи, оставляя без должного внимания выяснения содержания читаемого, а на классах арифметики мало практикуют учеников в решении сложных арифметических задач самостоятельно и не приучают детей к письменному изложению хода решений арифметических задач.

7) Почти не занимаются гимнастикой.

8) Не обращают внимания на красоту письма учащихся.

[1] Там же, д. № 935, л. 11.

Письмо заведующего Курмышским городским училищем директору народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянову, 12 марта 1882 г., № 116[1].

Члены Педагогического совета Курмышского городского училища в заседании своем от 8 марта сего 1882 г., желая ознаменовать исполнившиися 11 ноября 1880 г. 25-ти летний срок полезного и усердного служения вашего делу народного образования, изъявили желание, на собранные между членами совета деньги, приобрести большой фотографический портрет вашего превосходительства, который и поставить в рекреационном зале Курмышского Городского училища.

Донося о вышеизложенном я имею честь почтительнейше просить не отказать Городскому училищу иметь в своем зале изображение лица, столь долго с честью подвизавшегося на педагогическом поприще, лица, которое столь долго было во главе народного образования Симбирской губернии и с которым бывшее Курмышское уездное, а ныне городское училище, слилось и свыклось как с своим истинным руководителем и начальником о благе училища.

Если ваше превосходительство взглянет благосклонно на это скромное выражение чувств благодарности и вечной памяти о вас, то не применет исходатайствовать высочайшего разрешения о постановке портрета[2].

Заведывающий Курмышским городским училищем Ф. Виноградов.

Представление И. Н. Ульянова в Карсунскую Городскую управу, 24 сентября 1882 г., № 570[3].

Покорнейше прошу Городскую управу ходатайствовать перед Городской думою, не найдет-ли она возможным увеличить жалованье учительнице 1-го класса Карсунского женского училища гр-ке Первильевой на 6 руб. в год, ввиду хороших успехов, достигаемых ею в 1-м классе, и в виду долговременной ее службы в женском училище.

Представление И. Н. Ульянова в Сызранскую Городскую Управу, 19 декабря 1882 г., № 203[4].

В городе Сызрани 30 лет существует частная школа девицы Люции Лосевой, в которой и до сего времени обучаются дети городских жителей. От постоянного занятия в школе г-жа Лосева начинает терять зрение: левым глазом она уже не видит, и скоро должна будет отказаться

[1] Там же, д. № 1051, л. 31.

[2] В конце 1880 г. исполнилось 25-летие службы И. Н. Ульянова по министерству нар. просв.; обычно в таких случаях срок службы министерством продолжался на 5 лет, затем снова на 5-летие. Однако неодобрительно относившееся к прогрессивной деятельности И. Н. Ульянова министерство нар. просвещения, в лице министра Сабурова, сочло возможным продлить срок службы только на год, т. е. угрожало через год отставкой, которая не состоялась лишь вследствие смены министров. Постановление Педагогического совета Курмышского Городского училища, преобразованного благодаря энергии И. Н. Ульянова из бывшего уездного училища, состоявшееся вскоре после того, как по мысли министерства должен закончиться срок работы И. Н., является своего рода выражением учителями возмущения политикой министерства нар. просвещения.

[3] Там же, д. № 1051, л. [illegible]

[4] Там же, д. № 1051, л. 192.

от занятий с детьми и ей угрожает тогда полная нищета: она должна будет просить милостыню.

Принимая во внимание усердные занятия г-жи Лосевой в школе в течение 30-ти лет, а равно и крайне бедное состояние ее, я считаю своим долгом покорнейше просить Сызранскую Городскую управу доложить Городской думе, не найдет-ли она возможным оказать помощь г-же Лосевой или назначением ей пенсии в размере 60 руб. в год, или выдаче ей единовременного пособия.

О последствиях моего ходатайства прошу Городскую управу меня уведомить.

Предписание И. Н. Ульянова штатному смотрителю Сенгилеевского уездного училища, 3 августа 1884 г., № 489[1].

Дошло до моего сведения, что учитель истории и географии вверенного вам уездного училища Виктор Веселицкий ведет нетрезвый образ жизни и на-днях, бывший в пьяном виде, допустил, что отставной чиновник, проживающий в г. Сенгелее, Михаил Извощиков прибил его, Веселицкого, давши ему несколько оплеух.

Предлагаю вам, милостивый государь, донести мне немедленно и подробно как о поведении г. Веселицкого, так и ссоре, бывшей у него с г. Извощиковым.

При этом считаю нужным предупредить вас, как начальника учебного заведения, что вы обязаны наблюдать за поведением учащих уездного училища и доносить мне немедленно о всяком неблаговидном с их стороны поступке.

Предписание И. Н. Ульянова инспектору народных училищ 5-го района, 3 августа 1884 г., № 470[2].

Из отчета вашего по осмотру школ в майскую треть сего года мною усмотрено: 1) что классная комната в Бартсурманах тесна, 2) что учащиеся в Бартсурманской, Каменской, Радовской и Болтинской школах неаккуратно посещают уроки, 3) что училищные помещения в Большом Талызине и Болтинке содержатся небрежно, и 4) что Киржеманское училище безусловно нуждается в устройстве нового здания, а Игнатовское — в серьезном исправлении и устройстве службы.

Вследствие сего прошу вас предложить местным волостным правлениям об устранении упомянутых выше недостатков и сообщить местным учебным советам о принятии мер: 1) к расширению класса в Бартсурманах, или, в крайнем случае к ограничению числа учащихся в этой школе, 2) к аккуратному посещению классов учащимися, 3) к содержанию училищных помещений в надлежащей чистоте и 4) к изысканию средств на постройку нового здания для Киржеманской школы и о последующем меня уведомить.

Представление И. Н. Ульянова попечителю Казанского учебного округа, 14 августа 1884 г., № 560[3].

Представляя при сем отчет инспектора народных училищ 4-го района по осмотру им в мае и июле м-цах сего года 39-ти народных школ Кар-

[1] Там же, д. № 1172, л. 78.
[2] Там же, д. № 1181, л. 10.
[3] Там же, д. 1181, лл. 14—15.

сунского уезда, имею честь донести вашему превосходительству, что с моей стороны приняты следующие меры:

1) Предложено инспектору при следующих осмотрах давать практические указания учителям и учительницам, как вести письменные занятия с большею пользою, каковые указания, как более полезные, чаще применять на будущее время.

2) Предложено инспектору, по получении уведомления от волостных и сельских властей об исполнении его распоряжений по ремонту школьных зданий, настоять на исправлении тех помещений, которые не будут исправлены по первому его предложению.

3) Предложено инспектору вменить в обязанность учителю Лавинской школы во время каждой перемены вентилировать классную комнату, посредством открытия дверей и форточек, не оставляя никого из детей на это время в классе.

4) По Белоключевскому волостному училищу не приняты инспектором меры по исправлению помещения, ввиду предложенной обществом постройки нового для школы дома, причем имеют быть устроены и новые ученические столы.

5) Учитель Больше-Кандаратской школы Покровский заменен окончившим курс в Порецкой учительской семинарии воспитанником.

6) Предложено инспектору обратить особенное внимание на учителей училищ: Никулинского — Артизанова, Юрловского — Сорокина и учительницу Ясашно-Сзганского — Полетаеву, и если в начале следующего учебного года они не обнаружат особой ревности к занятиям, то заменить их другими более ревностными лицами.

7) Предложено инспектору при осмотре Карсунского женского 2-х классного училища осенью нынешнего года указать учительнице Софийской на более правильный способ ведения занятий по всем вообще предметам 2-го класса и, в особенности, по письму.

В заключение считаю долгом ходатайствовать перед вашим превосходительством о выражении благодарности м-ва нар. прос. попечителю Акшуанской школы, местному землевладельцу Владимиру Николаевичу Поливанову за его постоянную заботливость о своем училище и за постоянное в пользу его значительное денежное пожертвование.

Донесение инспектора народных училищ Симбирской губернии 5-го района директору народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянову, 26 февраля 1885 г., № 86[1].

При осмотре мною начальных училищ Курмышского уезда в настоящем месяце от очень многих учителей и учительниц я получал заявления о неполучении ими уже в течение очень продолжительного времени жалования, что ставит их в крайне безвыходное положение. Так учитель Верхне-Талызинского училища не получает жалования в течение уже четырех месяцев, учитель вновь открытого в декабре минувшего года Рогожского училища не получает жалования с самого открытия училища, в течение трех месяцев, учитель Кочетовского училища не получал жалования два месяца, тоже самое и учительница Болтинского училища.

По частным сведениям — в таком же положении находятся почти все учители и учительницы сельских училищ, содержимых главным

[1] Там же, д. № 1237, л. 33.

образом на средства земства. К сожалению случаи подобной задержки учительского жалования обнаруживались в Курмышском уезде неоднократно и прежде: не далее, как минувшей осенью я ходатайствовал об удовлетворении жалованием учителя Ждановского училища, не получавшего жалования в течение пяти месяцев, и учительницы Медянского училища, не получавшей жалования в течение трех месяцев.

На крайне стесненное положение учителей и учительниц, вследствие неполучения жалования, я лично обращал внимание г. председателя училищного Совета и Земской управы С. А. Шипилова, который задержку учительского жалования объяснил отсутствием у земства наличных средств.

Независимо от сего, считаю долгом о положении учителей и учительниц сообщить вашему превосходительству.

Инспектор (подпись).

Прошение помощницы учительницы 6-го женского народного училища Глафиры Емельяновой директору городских народных школ гор. Симбирска И. Н. Ульянову, [октябрь 1885 г.] [1].

Находясь уже четвертый год на занимаемой мною должности, я до настоящего времени получаю только 6 р. 66 коп. в месяц. Вознаграждение это достаточное для меня ранее, имея ввиду мою жизнь с родными, теперь становится черезчур малым, вследствие изменившейся домашней моей обстановки, так как отец мой, обеспеченный 11 руб. пенсии в месяц, невольно, по болезни, должен был задолжать, да и теперь еще продолжает должать.

При этих условиях: содержать ему 3-х дочерей, даже и имея помощь от сына, не только тяжело, но и невозможно. В свою очередь и как я могу не обременять отца, когда имею в своем распоряжении такое ничтожное вознаграждение. Мысль эта, мучительная для меня, что понятно каждому, заставляет прибегнуть к вашему превосходительству, прося вас не только, как начальника, но и как человека, войти в мое положение и ходатайствовать о прибавке мне содержания, на которое я могла бы существовать без помощи больного и обремененного долгами отца.

Помощница учительницы 6-го женского училища

Глафира Емельянова.

Приписка рукой И. Н. Ульянова.

В Симбирскую Городскую управу.

Помощница учительницы Симбирского 6-го женского училища девица Глафира Емельянова, находясь на этой должности 4-й год, получает жалования 6 р. 66 коп. в месяц.

Принимая во внимание, что девица Емельянова проявляет [при исполнении] обязанности усердие и знание дела и что, вследствие изменившихся домашних обстоятельств, по случаю продолжительной болезни отца, получаемого ею жалования оказывается совершенно недостаточно, чтобы жить без помощи отца, имею честь покорнейше просить Городскую управу [ходатайствовать] перед Думой об увеличении Емельяновой жалования до 15 руб. в месяц.

[1] Там же, д. № 1237, л. 125.

К истории русско-американских отношений во время гражданской войны в США

Борьба между капиталистической и рабовладельческой системами в США заняла важнейшее место в международной политике шестидесятых годов XIX в. Еще до гражданской войны в основном определилась позиция официальной дипломатии господствующих классов Европы, бесстыдное одобрение и притворное сочувствие которых не в малой степени способствовало контрреволюционному мятежу рабовладельцев.

Двум борющимся силам США соответствовали в основном две борющиеся силы в Европе: революционного пролетариата и прогрессивных демократических элементов, которые, защищая дело свободы и поддерживая федеральное правительство, боролись против европейской интервенции в США,— с одной стороны, и реакционных господствующих классов, которые помогали мятежному Югу и пытались организовать позорный крестовый поход за увековечение рабства,— с другой стороны.

Вместе с этим, международное положение США в этот критический для них период определялось в значительной мере также противоречиями между великими державами, которыми и воспользовалось федеральное правительство. В первую очередь следует иметь в виду англо-русские противоречия.

Главными факторами в русско-американских отношениях до гражданской войны, которыми обусловливалась, главным образом, позиция России к борющимся сторонам во время войны, было отношение обеих держав к Англии,— во-первых, и международная политическая обстановка в целом, осложнившаяся в 1861—1863 гг. польским вопросом, во-вторых.

Англия, завоевав гегемонию в мировой политике и торгово-промышленную монополию, ревниво оберегала свои интересы оружием и дипломатией, громя и ослабляя своих соперников в Старом и в Новом свете. В своей захватнической политике и после Крымской войны Англия сталкивалась с Россией в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Англо-русские противоречия возрастали по мере успехов русской дипломатии. На Ближнем Востоке, как и в Средней и Восточной Азии, англо-русские противоречия являлись источником новых беспокойств и частые столкновения между Англией и Россией нередко угрожали миру. Это был период перехода к царской России Хивы и подготовки захвата Бухары и Коканда в Средней Азии, приобретения, благодаря договорам с Китаем от 1 июня 1858 г. и 2 ноября 1860 г., Амурского края и Приморской области. Это было в то время, когда Англия для еще большего усиления своей мировой гегемонии боролась за Китай и Среднюю Азию. Охлаждение в англо-французских отношениях в 1857—1859 гг. принимало временами характер острой дипломатической борьбы, в связи с итальянскими и ближне-восточными вопросами, по которым после Парижского

мира 1856 г. как раз началось русско-французское сближение. Последнее, хотя и сопровождалось заверениями сердечности русско-французских отношений и даже заключением 3 марта 1859 г. франко-русского секретного договора в связи с подготавливаемой Наполеоном III войной с Австрией [1], не могло быть, однако, продолжительным. В Англии и еще более в России не верили Наполеону III. Когда русский посол в Париже Киселев, в октябре 1859 г. представил записку о необходимости заключения формального союза с Францией, Александр II, очень неодобрительно отзываясь о Наполеоне III, сказал: «Доверие мое к политическим видам Людовика-Наполеона сильно поколеблено. Его приемы небезупречны. Нужно внимание, чтобы не вдаться в обман» [2]. Одной из основных причин этого недоверия был польский вопрос.

Восстановленное в конце 1859 г. согласие между сентджемским кабинетом и Тюильри, сопровождавшееся отливом «сердечности» последнего к Петербургу, снова сменилось в январе 1860 г. новой волной охлаждения англо-французских отношений. В начале марта 1860 г. начались русско-французские переговоры в Париже по ближне-восточному вопросу, устное соглашение по которому едва не закончилось подписанием договора. Прежде всего поэтому, «задачей английской дипломатии было разорвать связь между Францией и Россией. Польские дела дали ей верное средство достижения этой цели» [3].

Летом 1860 г. в русской Польше началось национально-освободительное революционное движение. Приняв несколько смягченные формы борьбы в 1862 г., это движение 23 января 1863 г. переросло в восстание, а в марте охватило все районы Польши. В России знали, что Англия воспользуется этим восстанием для привлечения Франции и других европейских держав к вмешательству в польские дела. Еще на штуттгардтском свидании двух императоров 25(13) сентября 1857 г. Наполеон III заявил Александру II: «Что касается до отношений России к Франции, то я вижу только один вопрос, который может стать щекотливым. Это вопрос польский, если он должен подняться снова и занять собой европейскую дипломатию». И как бы извиняясь добавил: «Я имею обязательства, от которых не могу отречься и должен щадить общественное мнение, которое во Франции очень благоприятно Польше» [4].

Александр II не мог не вспомнить этого предупреждения Наполеона III в самом начале польского движения. Свидание русского императора с австрийским императором и прусским принцем-регентом в октябре 1860 г. в Варшаве, заключение англо-французского торгового договора в 1860 г. и затем конвенции о Мексике 31 октября 1861 г.— таковы были первые симптомы охлаждения, а вскоре враждебного обострения франко-русских отношений.

Россия не могла рассчитывать и на поддержку Австрии, несмотря на внешнее сближение с ней во время варшавского свидания, в целях совместной борьбы против революционного движения. Более того, острые противоречия на Ближнем Востоке, недружелюбная позиция в отношении России во время Крымской войны, несмотря на то, что царизм помог австрийскому императору разгромить венгерскую революцию в 1849 г. (об этой «черной неблагодарности» никак не мог забыть Александр II), а также и другие факты говорили, что Австрия окажется во враждебном лагере.

---

[1] См. «Красный Архив», т. 3/88 за 1938 г., стр. 215—216. В Англии об этом договоре были хорошо осведомлены тогда же, см. там же переписку между князем Горчаковым и послом в Париже Киселевым, стр. 230—231.

[2] Дневник графа Киселева, 9/X 1859 г. (цит. Татищевым в работе «Александр II», стр. 235).

[3] «Красный Архив», т. 38, стр. 149.

[4] Дневник графа Киселева, 13 и 17/X 1857 г. (Татищев, стр. 226).

Россия еще не оправилась после Крымской войны и не была готова к европейской войне, и потому не только не желала ее, но опасалась, что будет вовлечена в нее преждевременно из-за польского вопроса.

США, которые уже во время Крымской войны показали свое дружественное отношение к России и враждебное отношение к Англии, предупредив даже Россию о готовившемся нападении английского и французского флотов на дальне-восточное русское побережье, при данной ситуации приобретали важное значение в международной политике с точки зрения России, как и последняя для США, в особенности в период гражданской войны. Только существование и развитие Соединенных штатов было уже фактором, угрожавшим могуществу Англии. Именно последняя была заинтересована в распадении США и это великолепно понимали современники.

В Петербурге были хорошо осведомлены о позиции Англии, что не могло не сказаться в дальнейшем на отношениях России к борющимся в гражданской войне силам. Это видно как из дипломатической переписки, частично публикуемой ниже, так и из сообщений русской прессы различных направлений.

Окутанные тайной действия английской дипломатии были верно угаданы наблюдательным «Нестором русской дипломатии», послом в Лондоне, бароном Брунновым. В письме от 13 января 1861 г. он писал, что политическая жизнь двух государств не управляется одинаковыми законами: если бы северо-американская держава была бы разделена на две части, Англия, разумеется, ничего бы от этого не потеряла[1]. Он сообщал, что английские государственные деятели всегда предсказывали возможность разрыва между Югом и Севером, неизбежного в силу противоположности их интересов. При каждом разногласии, возникавшем между правительствами Лондона и Вашингтона, при каждом уязвлении английского самолюбия, Бруннов слышал от англичан, что надо выиграть врёмя, не вызывать преждевременного конфликта, а терпеливо дожидаться дня, когда сильно растущая Северо-американская держава распадется на части. Первым чувством Англии, утверждал Бруннов, было полное удовлетворение при виде затруднений, испытываемых соперником. Она желала этого потому, что горделивой Англии пришлось не мало испытать от превосходства Америки. Английское правительство, констатирует далее Бруннов, «в глубине души желает распада Америки на две республики, которые ревниво следили бы друг за другом и противопоставляли себя друг другу. Тогда Англия, установив мирные торговые отношения с обеими, не опасалась бы ни одной из них, ибо она господствовала бы над ними, натравливая их друг против друга. На этом расчете построены все тайные, если не открыто выраженные надежды»[2].

Еще раньше и еще более резко и верно, чем барон Бруннов, высказывал свое мнение о политике Англии русский посол в Вашингтоне, барон Стекль. В январе 1860 г. он писал, что в случае распада Американского союза, Англия одна могла бы использовать это событие для усиления своего могущества, прежде наталкивавшегося на силу США. Раздробленная на две или более враждующие части, Америка оказалась бы во власти Англии, стала бы «игрушкой» в ее руках, «Лондонский кабинет,— писал он, внимательно следит за внутренними разногласиями в Союзе и ждет результатов с трудно

[1] Services rendered by Russian to the American People, p. 5.

[2] Ibidem, p. 6.

скрываемым нетерпением... Великобритания в обмен на хлопок признает Юг и, если понадобится, окажет военную поддержку. Из-за хлопка она возражала бы против освобождения рабов. Распад союза был бы несчастьем для всех народов, кроме английского, поскольку борьба между Англией и США была лучшей гарантией против честолюбивых замыслов и политического эгоизма англо-саксонской расы» [1]. Стекль неоднократно повторял эту мысль в продолжение первых лет гражданской войны. Более того, в январе 1861 г. он сообщал, что это не только его личное мнение. Стекль сам видел конфиденциальное письмо Тувенеля к французскому послу в Вашингтоне Мерсье, в котором подчеркивалось, что только английский кабинет был бы в восторге от распада Союза. Именно потому, что Американская федерация является необходимым элементом мирового равновесия, «все державы, за исключением одной, заинтересованы в ее сохранении» [2].

Это великолепно понимали не только дипломаты, но и военно-морские круги. Еще в 1859 г. один из наиболее дальновидных и энергичных русских моряков, капитан I ранга А. Попов, выразил, пожалуй, господствующее настроение и получил одобрение генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, заявив, что «при владычестве англичан на морях,— политического равновесия не существует» и что США представляют «грозный для Англии противовес» [3]. В другом месте он писал, что: «в целом свете нет государства, нет союза, которого бы боялась Англия больше Штатов» [4]. В случае войны с Англией можно было бы, предполагал он, воспользоваться портами США. В России нашел отклик и проект американцев о постройке телеграфной линии между Петербургом и Сан-Франциско через Сибирь и Аляску.

Следовательно, Россия не могла не быть заинтересованной в сохранении целостности Союза США.

В то же время в США, как сообщал в декабре 1858 г. нью-йоркский корреспондент «Русского Вестника» Мантиль, «с большим удовольствием смотрят на развитие русской силы в Азии и на расширение пределов Вашей империи... они (США — *М. М.*) предчувствуют, что из всех могущественных европейских держав с одной Россией она может жить в наилучших отношениях» [5]. Он также неоднократно сообщал об экономической борьбе между США и Англией, «последствия которой будут значительнее последствий побед, одерживаемых на поле битвы» [6]. В 1860 г. Мантиль писал, что американская печать интересовалась всем, что происходило в России и сообщала все, что русские газеты и журналы писали о Соединенных штатах [7].

Американцы видели в России силу, направленную против державы, которая враждебно относилась к США в продолжение всей ее истории и лишь иногда набрасывала лицемерную вуаль миролюбия на свое непримиримо враждебное лицо. Англия стремилась господствовать и на американском материке, но наталкивалась на противодействие США. Это противодействие стремлениям Англии базировалось на быстром экономическом росте США.

---

[1] МИД, канц. 1860 г., д. № 195, лл. 14—16.

[2] См. ниже стр. 111.

[3] Морской историч. архив (МИА), 1859, д. № 4, л. 1.

[4] Там же, л. 7.

[5] «Русский Вестник», 1859 г., т. XIX, стр. 202.

[6] «Современная Летопись», 1859 г., т. XX, стр. 28.

[7] Там же, т. XXVI, 216.

В 1860 г., например, английский экспорт в США составил всего — 16 млн. ф. стерл., а амер[illegible] в Англию — 38 млн. [illegible].

США выступали соперником Англии и на море. Торговый флот США накануне гражданской войны достиг небывалых размеров. В 1861 [illegible] США [illegible] т., а всех остальных стран мира вместе взятых — 5 800 700 т. Тоннаж судов США, [illegible] в 1861 г. [illegible] как в 1840 г. он составлял только 764 000, тоннаж английских судов в 1861 г. составлял — 3 179 600 т., а всех других вместе взятых стран 2 178 000 т.[2]. Следовательно, уже в тот момент для владычицы морей — Англии возникла реальная угроза потерять свое первенство. Действительно, США становились руководящей торгово-морской державой, располагавшей целой третью всего мирового тоннажа, при чем 63% торгового флота обслуживали заграницу. Более того, обладая быстроходными клиперами, торговый флот США не только стал угрожать монополии английского флота на Дальнем Востоке, но даже отчасти вытеснять последний. С другой стороны и буржуазия США, особенно в связи с экономическим кризисом и затем депрессией 1857—1861 гг., усматривала все бедствия в английской конкуренции, от которой нужно было защититься высоким тарифом.

Сецессионисты выразили мнение и уверенность широких кругов, когда утверждали, что Англия воспользуется кризисом в США, чтобы разорить американский союз. Они открыто шли на союз с Англией, предавая родину.

Мятежники считали международную обстановку весьма благоприятной для осуществл[illegible] своей цели. В докладе особого комитета на конгрессе рабовладельцев [illegible]мери в мае 1858 г. утверждалось, что европе[illegible]ства, которые решительно ничего не имеют против существовани[illegible] будут состязаться друг с другом для того, чтобы приобрести расположени[illegible]бовладельческого государства, которое мятежники намеревались создать не [illegible], но и путем захвата Кубы, Центральной и части Южной Америки. Лидеры рабовладельцев возлагали большие надежды на помощь Англии в реализации их плана. У них даже не возникало никаких сомнений относительно этого и основывались эти взгляды не только на логических предположениях. Политика английских официальных кру[illegible], как и поведение значительной части прессы, в особенности пальмерстон[illegible]гана «Times», направленная на поощрение авантюры южан, на развязывание гражданской войны и преследовавшая цель — разрушить мощь США,— была достаточным основанием для укрепления высокомерного мнения сецессионистов о значении рабовладельческих штатов. У Англии, кроме экономических интересов (зависимость от Юга в отношении хлопка, желание сокрушить экономически развитый Север США, которые [illegible] и к тому же угрожать присоединением Канады) были и другие мотивы, по мнению сецессионистов, для поддержки именно их. История показывает, говорили они, что Англия всегда руководствовалась идеей социального нера[illegible]ства и поэтому ее аристократические, господствующие классы не могут [illegible]реть иначе, как с расположением на рабовладельцев. Это относилось к господствующим классам всей Европы, которые боролись против демократии.

Крепостники России, никогда не скрывавшие свою классовую ненависть ко всему прогрессивному и демократическому, разумеется, должны были симпатизировать рабовладельческой олигархии, которая уже вырыла могилу политической свободе и готовилась похоронить ее под грохот пушек с тем, чтобы на

---

[1] History of Domestic and Foreign Commerce, v. II, p. 99.

[2] Commerce [illegible], p. [illegible].

могиле ее, залитой народной кровью, водрузить знамя рабства, расовой теории и господства избранных. Южные политики были связаны с русским посольством, информировали его о своих намерениях еще задолго до гражданской войны[1]. Накануне последней послом США в Петербурге был ярый сторонник сецессии Пиккенс. Дружественные отношения между США и Россией установились в период господства рабовладельцев. Не только в международной ситуации, но и во внутренних институтах искали общие обеим странам черты для обоснования русско-американского сближения. Этой общей чертой было рабство в южных штатах США и крепостничество в России. «Дружба как она развивалась между Соединенными штатами и Россией во время Крымской войны,— пишет историк Робертсон,— была достаточным основанием для убеждения в том, что Россия с ее системой крепостничества имела общие интересы с югом при ее системе рабства»[2]. В одной из своих первых инструкций, статс-секретарь США, республиканец Сьюард, писал вновь назначенному послу в Петербурге Клею, что бывший посол Пиккенс «должен был неизбежно встретить и приобрести расположение благоприятное делу Юга». Он был даже уверен, что Юг сразу пошлет своих агентов в Петербург[3].

Не вдаваясь в реальный анализ позиций царской России и действительных международных противоречий, сецессионисты предполагали, что в силу классовых симпатий царская Россия окажется на их стороне. До гражданской войны русские государственные деятели нигде публично не высказывали своего отрицательного отношения к сецессии. В то же время они подчеркивали свою ненависть к демократии, оказывали поддержку и высказывали сочувствие реакции и господству олигархии. Но именно этого и добивались рабовладельцы.

«Революционеры и демагоги старого континента,— писал Стекль,— всегда находили в американской демократии моральную поддержку и часто материальную помощь. С крушением демократической системы в Соединенных Штатах они теряют ныне одну из главных своих опор. В этом отношении американская революция, надо надеяться, явится спасительным уроком для европейских анархистов и фантазеров»[5].

Однако, несмотря на бесспорное желание царских кругов увидеть крушение американской республики,— символа борьбы европейской демократии той эпохи,— они в то же время видели в США и фактор международного равновесия. «С другой стороны,— писал Стекль,— дезорганизация Соединенных Штатов как державы, с нашей точки зрения, прискорбное событие. Американская федерация была противовесом английскому могуществу, и в этом смысле существование ее являлось элементом мирового равновесия»[6].

Именно поэтому можно было не так уже непримиримо относиться к республиканскому строю США, следовало разграничить и отличать демократию и буржуазно-демократическое правительство США от международного значения Соединенных Штатов. Если этот строй и вызывал классовую ненависть и ставил царскую Россию в ряд государств, враждебно настроенных к США и дружественно к мятежникам, то учет США, как международной силы, должен был вызвать с самого начала гражданской войны дружественные отношения России к федеральному правительству и враждебные — к мятежникам. Возможно,

---

[1] МИД, Канц. 1850 г., д. № 138, лл. 263—264.
[2] Robertson, J. R., A. Kentuckian of the Court of the Tsars, p. 17.
[3] Senate Documents 1861, part I, Seward to Clay 6/V, 1861, № 3, p. 294.
[4] См. ниже, стр. 125.
[5] Там же.

что именно благодаря этому противоречию царское правительство не могло сра-[illegible] войне. Если под [illegible] об-стоятельств позиция России принимала характер дружественный по отношению к федеральному правительству, то политика эта все же не была последо-[illegible]тельной.

В [illegible] гражданской войны русская дипл[illegible] заняла выжидательную по-[illegible]. [illegible] начала войны, когда Стекль пре[illegible]л еще воз[illegible]ность мирного исхода сецессии, ему казалось, что наиболее совместимым с интересами и достоинствами России была бы следующая политика: «Мы признаем южную конфедерацию тотчас, как только она, конституировавшись, урегулирует свое положение по отношению к Северу, путем установления постоянных дипломатических отношений»[1]. Правда, Стекль считал, что не следует при этом «проявлять излишней поспешности по отношению к сецессио-[illegible]их интересах». Но с другой стороны [illegible] и «не возбуждать напрасного раздражения по поводу положения дел, которое не связано для нас с каким-либо принципом и которое мы должны признать тотчас, как только оно станет совершившимся фактом». Предлагаемая им политика соединяла, как ему казалось, два преимущества: примирительное отношение к друзьям Союза без того, чтобы обидеть сецессионистов. Стекль и после того, как гражданская война началась, писал, что «разрыв к несчастью, представляется [illegible] фактом, и в наших [illegible] к обеим конфедерациям строжайшее беспристрастие». Более того, он полагал: «признание Южной Конфедерации [illegible] Франции и Англии дает нам [illegible] естественный повод для того, чтобы последовать их примеру, санкционируя со-[illegible] при [illegible], что мы за-ранее сговорились с этими державами»[2].

Эти соображения, получившие в Петербурге полное одобрение, четко формулировали двойственную, противоречивую позицию царского правительства. Но если политика последнего и отличалась двойственностью в продолжение всего периода гражданской войны и реконструкции юга, то все же преобладала тенденция дружественная США.

На почве борьбы против претензий одной нации на [illegible] и на основе стремления сохранения международного равновесия установилось сотрудничество США и России, несмотря на различие их политических систем. Если в силу последнего обстоятельства царское правительство не могло оказать активной помощи федеральному правительству, то оно в полной мере выполнило заверение Горчакова, данное им в самом начале гражданской войны, что «Американский Союз может рассчитывать на самую сердечную симпатию со стороны государя в течение того кризиса, который союз ныне переживает»[3].

Что же касается народов России, то они действительно были друзьями США. Передовые представители великого русского народа, как-то: революционный демократ Чернышевский, вся передовая периодическая печать, особенно демократический «Современник», с самого начала гражданской войны открыто и постоянно клеймили рабство и изобличали мятежников. Они были истинными друзьями Севера и резко порицали поведение английского и французского правительств, осуждая вмешательство в американские дела. Почти такую же позицию занимала и либеральная пресса. Все дипломатические представители США в Петербурге: Клей, Камерон и Тейлор неоднократно подчеркивали

---

[1] См. ниже, стр. 111.
[2] См. ниже, стр. 114.
[3] МИД, канц. 1861 г., д. № 167, стр. 399.

дружественное отношение русского народа. Тейлор включал всех русских в число друзей США [1]. Камерон сообщал, что проект прокламаций об эмансипации негров был принят с величайшим удовлетворением «интеллигентными русскими людьми» [2]. Все они посылали переводы нескольких передовиц из газет. «Вы несомненно,— писал Тейлор Сьюарду в январе 1863 г.,— будете тем более заинтересованы в прочтении статьи..., что она выражает чувства средних классов русского народа»; будучи «независимым выражением мнения... она запечатлевает рост общественного мнения в России» к США [3]. Среди первых добровольцев, откликнувшихся на призыв Линкольна, были и русские подданные, которые боролись против рабства вместе с демократами и социалистами, участниками германской революции 1848 г. [4].

Русское правительство, несмотря на свою выжидательную политику, которой оно придерживалось в продолжение всей войны, вытекавшую из ее двойственной позиции, все же первое откликнулось на обращение США и заключило 24(12) августа 1861 г. конвенцию о морских правах и не настаивало на ратификации ее, когда, ввиду отказа Англии и Франции, конвенция лишилась практической пользы и могла бы стать источником затруднений для США. Этот акт Сьюардом рассматривался как новое звено в дружбе обеих стран [5].

В то время, как в мае 1861 г. Англия и Франция признали за Южной конфедерацией право «воюющей стороны» и провозгласили т. н. «нейтралитет», которым прикрывалась оказываемая мятежникам помощь,— русское правительство в июле выразило искреннее пожелание сохранить великое здание американского союза, который представлял «существенный элемент мирового политического равновесия» и к которому Россия питала «самый дружественный интерес». «Для нас нет ни Севера ни Юга,— писал Горчаков в марте 1862 г.,— а есть федеральный Союз, на расстройство которого мы смотрим с сожалением, разрушение которого мы наблюдали бы с прискорбием» [6].

В то время, как в Петербурге велись переговоры с представителями федерального правительства о постройке трансокеанской телеграфной линии через Сибирь до Сан-Франциско, в Лондоне и Париже велись переговоры с агентами мятежников о признании Юга, а в доках Англии и Франции строились корабли для мятежников с целью сокрушения торговли федерации. Более того, чтобы спасти южан, английские, французские и немецкие корабли нарушали блокаду, объявленную Линкольном, и снабжали мятежников всем необходимым. а английские, французские и немецкие банкиры предоставляли им заем (под обеспечение хлопка).

В этот период окончательно было установлено согласие США и России, встреченное с большим удовлетворением в Петербурге и Вашингтоне, в отношении политики на Дальнем Востоке, в особенности в отношении Китая. «Если ультра-демократический режим,— писал Стекль,— оказался несостоятельным, то нам об этом жалеть не приходится, но мы не можем оставаться безразличными к опасностям, которые угрожают самой нации. Ее существование для нас важнее, чем для любого иного государства. Нам необходимо защищать наши интересы и расширить наше влияние в Тихом океане. В этой области мы уже встретили и, по всей вероятности, будем продолжать встречать препятствия со стороны Англии, и помощь американцев нам всегда будет полезна. Позвольте мне, князь, добавить, что я сейчас не говорю о чувстве симпатии, которое могут

---

[1] House documents, 1863, p. 841.
[2] Ibidem, 1862, p. 451.
[3] Ibidem, 1863, p. 858—859.
[4] МИД. Канц. 1861 г., д. № 162, лл. 279—280.
[5] См. ниже, стр. 121.
[6] См. ниже, стр. 126.

к нам питать. Это чувство редко руководит политикой пародов англо-саксонской расы, как бы эти народы ни назывались: англичанами или американцами. Я обосновываю свое мнение материальными интересами, а материальные интересы Соединенных Штатов будут склонять правительство на нашу страну, как это уже имело место во время последних осложнений в Китае и Японии»[1].

Именно поэтому, не отказываясь от выжидательной [illegible] тики, царское правительство отклоняло все предложени[illegible] [illegible] ильрииского кабинетов о вмешательст[illegible] в дела США [illegible] [illegible] кратные попытки английских дипломатов, а затем, после неудачи последних в связи с делом «Трента» в конце 1861 г., и французских (особенно в феврале, апреле и в октябре — ноябре 1862 г. и в феврале 1863 г.) втянуть Россию в совместные с ними демарши, последствием которых фактически была бы интервенция, наталкивались на решительное сопротивление России. Ввиду создавшегося внутреннего положения, в связи с решительной борьбой народа и части буржуазии против интервенции, трудностью ведения войны с США, а затем и успехами федеральных войск в сентябре 1862 г., вмешательство имело бы успех только в случае поддержки России и полной изоляции федерального правительства.

Пальмерстон обеспечил себя поддержкой Наполеона III в американских делах тем, что толкнул его на мексиканскую авантюру. Но он опасался, что выступление без России все же может привести к заключению военного союза между США и Россией и тогда, наверное, всякое выступление против США было бы обречено на неудачу. Он вынужден был отчасти с этим считаться в своей политике. Отвечая в палате общин на выступления друзей сецессионистов, [illegible] 1862 г. [illegible] нием, что недостаточное уважение к правам нейтралитета может легко вызвать нерасположение Соединенных-штатов к союзникам (т. е. Англии и Франции.— *М. М.*) и принудить эту страну заключить военный союз с Россией»[2]. Огромное значение в вопросе о посредничестве правительство придавало позиции России. Королева Виктория, Пальмерстон и Россель считали необходимым привлечь для вмешательства в дела США Россию, без участия которой исход последнего был бы весьма сомнителен и мало эффективен. «Мы в настоящий момент не должны выступать без России» — писал Джон Россель в личном письме к Пальмерстону 20/X 1862 г.[3].

В официальной депеше в ноябре 1862 г. Россель утверждал, что если были бы [illegible] США. [illegible] сии было бы исключительно желательным, но пока не получено согласие последней, нет надежды, что Север посредничество примет, и потому Англия не может поддержать предложение Наполеона III о посредничестве[4]. Отклонение Россией 8 ноября (27 октября) проекта Наполеона III о посредничестве, сыграло значительную, хотя и не главную, роль в отклонении этого проекта и англи[illegible]. [illegible] Наполеону III указывало, как на один из мотивов его решения, на отказ России[5].

Горчаков именно в этот момент, не без основания, заявил Тейлору: «Англия чрезвычайно радуется всему, что случится с вами, она желает вашего разру-

---

[1] См, ниже, стр. 125.
[2] Hansard's Parliam. Debates, 3 [illegible], v. 65, p. 1170.
[3] W a l p o l e, Russell, v. II, p. [illegible] A d a m s. Great Britain and the American Civil war, v. II, p. 39—42.
[4] Parliamentary Papers, Lords, 1863, v. XXIX, Desp. Respect, the Civil War in N. A, Russell to Cowley 13/XI. 1862.
[5] Ibidem.

шения и молится об этом. Франция менее активно проявляет враждебность... но и она не прочь увидеть ваше поражение. Она не друг вам... Только Россия с самого начала поддерживает вас и впредь будет вас поддерживать»[1].

Еще более укреплялись дружественные отношения между Россией и США во время польского восстания 1863 г. и после окончания гражданской войны, вплоть до 1870 г. Отклонение федеральным правительством предложения западно-европейских держав о вмешательстве в польские дела, дружественный прием в США русских эскадр в октябре 1863 г., приезд американской делегации в Россию в 1866 г., продажа Россией Аляски США в 1867 г.— все это были звеньями той цепи, которая соединяла узы дружбы между двумя великими державами.

Только ненавистью к демократии, определившей двойственность позиции царского правительства можно объяснить, что развитие дружественных отношений не завершилось заключением союза. Правда, к последнему отрицательно относились и в США. Пребывание русских эскадр в американских водах не имело никакой непосредственной связи с гражданской войной в США. Начальники эскадр не только не имели никаких запечатанных инструкций об оказании помощи Северу, но им категорически запрещалось иметь какое-либо касательство к событиям в США. Тем не менее, последствия появления русских эскадр в Нью-Йорке и Сан-Франциско были весьма значительны и способствовали укреплению международного положения обеих держав.

Что же касается отношения царского правительства непосредственно к ходу гражданской войны и к вопросу о примирении Севера с Югом, то оно лучше всего было выражено Горчаковым в январе 1863 г. в беседе с Тейлором: «Нам весьма желательно, как вам известно, прекращение вашей злосчастной борьбы. Мы горячо надеемся на сохранение Союза, но в то же время не питаем вражды к южанам, и мы охотно предложим наши услуги ради обеих сторон, если эти услуги будут приняты и той и другой, но не раньше»[2]. Кроме постоянных призывов к примирению, Горчаков в феврале 1865 г. одобрил проект посредничества, но ввиду окончания гражданской войны в апреле и, очевидно, не совсем благосклонного отношения Стекля к этому проекту, последний не был осуществлен.

Печатаемые ниже документы не претендуют на исчерпывающее освещение русско-американских отношений этого периода. В настоящую публикацию включены только те более или менее существенные депеши, которые освещают позицию России, а не взгляды русских дипломатов на гражданскую войну, на ход и исход ее. Эти документы уже были частично использованы американским историком Голдером, снявшим в 1914 г. ряд копий для рукописного отдела библиотеки конгресса в Вашингтоне. Вероятно именно эти копии использованы историками Адамсом[3], Томасом[4] и Робертсоном[5]. Сам Голдер на основе архивных материалов написал статью о взглядах Стекля на гражданскую войну[6]. В 1881 г. были опубликованы на французском языке депеши Горчакова от 28/16/VI—1861 г. и 21/9/I 1862 г.[7]. В 1904 г. «Journal de S.-Petersbourg» также использовал в выдержках некоторые документы, главным образом, депеши Бруннова, относящиеся к характеристике позиций Ан-

[1] House Documents (Diplomatic Corresp.) 1863—1864, part II, p. 839; Robertson, op. cit, p. 121.
[2] House Documents (Diplomatic Corresp.) 1863—1864, pt. II, p. 855.
[3] Adams, op. cit, 2, v. Ld. 1925.
[4] Thomas, Russo-American Relations, N.-Y, 1930.
[5] Robertson, op. cit, 1935.
[6] The American Historical Review, v. XXVI, № 3.
[7] Сборник, изданный в память 25-летия управл. м-вом иностр. дел госуд. канц. А. М. Горчаковым, СПБ. 1881.

глии[1]. Кое-что было опубликовано, главным образом в выдержках, советскими историками — Адамовым[2] и Ефимовым[3].

Публикуемые документы, на ряду с американской документацией[4], с достаточной полнотой освещают русско-американские отношения и разрушают всякие версии о посылке в 1861 или 1863 гг. эскадр для оказания помощи Северу, о существовании тайного союза между США и Россией и т. д.[5], как и противоположные мнения, что Россия не занимала дружественной позиции по отношению к США[6].

М. Ма[illegible]

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля[1] министру иностранных дел Горчакову[2], 23/11 декабря 1860 г., № 60*.

[illegible].

Мы только что получили известие о том, что Конвент Южной Каролины[3] вынес постановление об от[illegible] этого штата от Союза. Отделение одного штата, в [illegible] насчитывается триста [illegible] ...ьным фактом, если бы оно не служило прелюдией к полному распаду Американской конфедерации.

Важность создавшегося положения обязывает меня, князь, подытожить сейчас все сведения, которые я имел честь неоднократно представлять вашему превосходительству относительно причин, вызвавших это положение.

Политические распри разных частей Союза продолжались из-за вопроса о рабстве, первая искра раздора вспыхнула на крайнем Севере.

Жители северо-восточных штатов, известных под названием Новой Англии, до сих пор сохранили религиозную нетерпимость, которая когда-то вынудила их предков покинуть свою родину и найти себе убежище на этом континенте[4]. Враждебное отношение этого населения к институту рабства всегда было значительно, но за последние пятнадцать лет оно превратилось в религиозное чувство и в политический принцип и приняло угрожающую форму против штатов, в которых существует рабство.

Г-н Вебстер[5], наиболее выдающийся государственный деятель Новой Англии, а за ним и гг. Эверетт, Чоэйт, Уинтроп и некоторые другие лица, в то время руководившие здесь делами, предвидели опасность распространения аболиционистских доктрин[6]. Они старались доказать своим согражданам, что насилием им никогда не удастся достигнуть своей цели и что, если исчезновение рабства в Соединенных Штатах может иметь место, то это должно совершиться посте-

---

[1] Services rendered by Russian to the American People, SP. 1901.

[2] «Красный Архив», т. 38, 1930 г., стр. 162—164.

[3] «Историк-Марксист», № 3, 1936 г.

[4] Senate Documents, House Documents (Diplomatic Corresp.) 1861—1865.

[5] Callahan, Y. M.— Russo-American Relations during the Civil War, M. 1908. Arnaud, C. B., the Union and its Ally Russia, w. 18[illegible]0; «Literary Digest», N.-J, 1904, v. XXVIII, № 16.

[6] Johnson, America's Foreign Relations, v. II, N.-J. 1916.

* МИД, Канц. 1861 г., д. № 162, лл. 5—10. Подлинники всех публикуемых документов на французском языке хранятся в Гос. архиве внешней политики. Подготовлены к печати А. А. Юрье[illegible].

пенно и путем применения мер примирительного характера. Их усилия не привели ни к чему. Они были удалены от дел и заменены,— в конгрессе и в местных законодательных органах,— людьми неизвестными, которые не зарекомендовали себя ни своими талантами, ни своей репутацией. В политическом, полурелигиозном движении Севера, поднявшем их к власти, эти люди видели средство удержаться тут. Лишенные всякого патриотизма, эти люди, которым нечего было терять, стремились лишь к единственной цели — к увеличению возбуждения. Они получали огромную помощь со стороны пуританского духовенства, всегда готового смешать политику с религией. Вожаки различных протестантских сект проповедывали войну против Юга и требовали уничтожения рабства огнем и железом. В церквах открыто производились сборы на покупку оружия, предназначенного служить восстанию негров. Именно, под влиянием этих доктрин Джон Браун произвел в прошлом году свой набег на Виргинию, и, когда на Севере стало известно о печальном исходе этого дерзкого предприятия, Джон Браун с церковного амвона был провозглашен равным нашему спасителю.

Считаю долгом сослаться на эти факты, чтобы дать вашему превосходительству представление о том, до чего может дойти пуританский фанатизм.

Крайние учения Новой Англии мало по малу распространились и в смежных штатах. Но в виду того, что в Нью-Йорке, Пенсильвании и на Западе религиозный фанатизм не имеет той силы, что на Севере, аболиционистам пришлось видоизменить свои принципы: они не требовали больше уничтожения института рабства, а удовольствовались требованием, чтобы этот институт не распространялся за пределы, в которых он ограничен в данный момент. Остатки старой партии вигов [8] и вообще все враждебные демократам элементы присоединились к аболиционистам, и таким образом образовалась новая партия, получившая название республиканской партии. В 1856 г. при выборах г-на Бьюкенена [9], республиканцы были побеждены небольшим большинством. Они спокойно выдержали свое поражение, будучи уверены, что, запасшись терпением, они позднее добьются власти, что и случилось на последних выборах, в результате которых установилось президентство г-на Линкольна [10].

Беспрестанные угрозы Севера не могли не вызвать бурных волнений на Юге. Эта часть Союза не менее плодовита демагогами, чем Север; люди такого склада овладели этим брожением, чтобы направить его в свою пользу. Они не пренебрегали ничем для того, чтобы возбудить умы и разжечь ненависть рабовладельческих штатов против обидчиков Севера. Вызывающие речи аболиционистов, яростные проповеди пуританских проповедников ловко были пущены в обращение и комментировались в прессе и на митингах; этим способом легко удалось воспламенить жгучие страсти населения Юга. Все было таким образом подготовлено, и вожаки ждали только случая, чтобы приступить к выполнению своего плана, который был ничем иным, как разложением Союза. Избрание г-на Линкольна доставило им этот случай.

Отложение Южной Каролины, как я уже имел честь говорить вашему превосходительству, повлечет за собой без всякого сомнения отложение других рабовладельческих штатов. Распад Союза с сегодняшнего дня может быть рассматриваем, как совершившийся факт. Теперь дело в том, чтобы знать, смогут ли Штаты, после разъеди-

нения снова воссоединиться. Над этим много работают благонамеренные люди. Осуществление этого проекта представляется чрезвычайно трудным, но тем не менее не невозможным. Имеется одно обстоятельство, которое могло бы сильно воздействовать на пользу умеренных людей и помочь им спасти страну: это — нужда, охватившая Союз от края до края и растущая со дня на день. Эта нужда уже вызвала кое-какую реакцию, главным образом на Севере, где население привязано к своим материальным интересам не меньше, чем к своим религиозным принципам. На прошлой неделе в Бостоне [11], очаге аболиционизма, несколько фанатичных проповедников, до сих пор спокойно проповедывавших свое учение, чуть было не стали жертвами взбунтовавшейся черни, а на последних муниципальных выборах штата Массачузетс противники республиканской партии были избраны огромным большинством. Такая же реакция обнаруживается и в других штатах; если бы выборы г-на Линкольна должны были состояться сегодня, он, несомненно, потерял бы половину голосов, полученных им в ноябре месяце. Население Севера теперь было бы склонно пойти на уступки, но необходимо время, чтобы обсудить все вопросы, добиться соглашения, а события к несчастью совершаются слишком быстро.

Я имел случай недавно беседовать с одним из сенаторов крайней партии Юга и выразил ему мнение, что если бы рабовладельческие штаты договорились сообща сделать предложения свободным штатам, то я убежден, что Север не отказался бы пойти на компромиссы. Он мне ответил, что это, пожалуй, верно, но что дискутировать о революции значит — дать ей ускользнуть, а Юг хочет революции во что бы то ни стало. Таким образом обе части равно ответственны за разрыв федерального договора: Северная часть тем, что вызвала его, а Южная — тем, что хочет толкать события с такой быстротой, которая делает невозможным всякое сближение.

Таковы, князь, причины, вызвавшие теперешний кризис. Последствий распада Севера заранее точно определить невозможно, но уже сегодня можно сказать, что эти последствия будут пагубны для всех частей Конфедерации. Политически американцы перестанут быть великой нацией. Однажды поделившись пополам, Штаты не преминут подразделиться снова. Они таким образом потеряют свое значение, теперешнее свое благосостояние и ни в коем случае не смогут избежать гражданской войны.

Давая отчет вашему превосходительству об опасностях, грозящих федеральному Союзу, я должен добавить, что, по моему мнению, надежда на примирение неокончательно потеряна. Во время моего продолжительного пребывания в Соединенных Штатах я имел случай глубоко изучить характер американцев, и как бы ни были мрачны внешние признаки, я не могу поверить, чтобы народ столь практичный, столь преданный своим интересам и столь процветающий мог бы позволить увлечь себя страстям до такой степени, чтобы пожертвовать всем и ринуться в бездну, глубину которой никто не в состоянии измерить; и может быть, в последний момент случится неожиданный переворот, который спасет страну. Я этого желаю от всей души, так как откинув политические соображения, мы весьма сожалели бы о падении великой нации, с которой наши отношения были всегда дружественными и близкими, и которая в достопамятное время, была почти единственной державой, искренно симпатизировавшей нашему делу [12].

Стекль.

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 7 января 1861 г./26 декабря 1860 г., № 63*.

Князь.

Я почел своим долгом дать новые инструкции нашим вице-консулам в портах штатов, отделяющихся от Союза. Так как эти вице-консулы являются гражданами штатов[13], в которых они пребывают, то мне было невозможно запретить им принимать участие в политических событиях. Я им предписал продолжать попрежнему исполнять свои функции, но не принимать никаких политических сообщений со стороны губернаторов отложившихся Штатов и воздержаться от всяких актов, которые прямо или косвенно могли бы быть использованы, как признание императорским правительством нового порядка вещей.

Представители Франции и Англии дали аналогичные инструкции своим соответственным консулам.

Стекль.

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 21/9 января 1861 г., № 3.**

Князь.

В течение происходящих на наших глазах событий может наступить момент, когда будет поставлен вопрос о роли иностранного дипломатического корпуса в Вашингтоне. В предвидении этого считаю долгом представить вашему превосходительству некоторые соображения о тех или иных возможностях.

Следует предусмотреть два случая, при которых нашей миссии пришлось бы решать какую позицию занять.

Первый случай, когда избранный президент, г-н Линкольн, вступив в исполнение своей должности, установил бы свою резиденцию не в Вашингтоне, а в другом городе.

Второй случай, когда нам со стороны Южной конфедерации были бы сделаны предложения об установлении дипломатических отношений с Россией.

Ясно, что мы должны рассматривать г-на Линкольна, как законно избранного президента. Если он останется в Вашингтоне, дипломатический корпус также останется там. Но возможно, что сецессия распространится до Виргинии и Мэриленда. В этом случае Вашингтон окажется включенным в отделившийся штат. Уверяют даже, что у южных вожаков существует проект захватить этот город вооруженной силой и сделать его столицей новой намечаемой ими конфедерации. Если это будет иметь место, то дипломатический корпус, мне кажется, хотя бы на время, должен будет покинуть Вашингтон и выразить г-ну Линкольну свое приветствие в новой его резиденции***.

Было бы преждевременно обсуждать сейчас вопрос об окончательном местопребывании дипломатического корпуса при новом порядке вещей, так как положение еще недостаточно выяснилось. Полезно, однако, заранее подготовиться к ответу на предложения, которые Южная конфедерация в своем стремлении сорганизоваться и добиться признания, не преминет, по всей вероятности, сделать нашему правительству либо

* МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, л. 22.

** МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, лл. 36—38.

*** Помета Александра II: «Правильно».

чрез посредство миссии в Вашингтоне, либо же прямо, через агентов, посланных в Европу.

Мне кажется, что наиболее соответствующий нашим интересам и нашему достоинству ответ, который мы могли бы дать, был бы следующий: «Мы признаем Южную конфедерацию тотчас, как только она, конституировавшись, урегулирует свое положение по отношению к республике Севера, путем установления постоянных дипломатических отношений» *.

Нам не следует проявлять излишней поспешности по отношению к сецессионистам, так как для наших политических интересов желательно сохранение Союза; но с другой стороны хорошо создавать себе друзей повсюду и не возбуждать напрасного раздражения по поводу положения, которое не связано для нас с каким-либо принципом и которое мы должны признать тотчас, как только оно станет совершившимся фактом. Предлагаемая мною декларация соединяет в себе, как мне кажется, оба эти преимущества: примиряет нас с друзьями Союза, не задевая в то же время сецессионистов.

Если мне будут сделаны подобные предложения, я, вполне естественно, доложу о них императорскому министерству; пока же я осмеливаюсь представить на благосклонное усмотрение вашего превосходительства изложенные выше соображения.

Стекль.

На депеше помета Александра II: «Совершенно правильно».

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 29/17 января 1861 г., № 5 **.

Французский посол доверительно сообщил мне письмо Тувенеля[14]. В нем сказано, что Американская федерация является необходимым элементом равновесия, что все державы, за исключением одной, заинтересованы в ее сохранении и что Наполеон станет сожалеть о распаде Союза тем более, что лондонский кабинет, вопреки всем заявлениям лорда Пальмерстона[15], от этого в восторге ***.

Стекль.

На депеше помета Александра II: «Мы можем только разделить мнение Тувенеля».

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 9 апреля/28 марта 1861 г., № 20 ****.

Князь.

В течение нескольких дней в порту и в арсеналах Нью-Йорка царит большое оживление. Один фрегат и несколько торговых судов, груженых съестными и боевыми припасами покинули порт, имея на борту войска. Несколько других кораблей готовятся последовать за ними.

Эти боевые приготовления, цель которых еще неизвестна, как будто указывают на то, что правительство готовится к какому то серьезному событию и что оно решилось прибегнуть к мерам принуждения в отно-

* Помета Горчакова: «Это мне кажется весьма благоразумным» и помета Александра II: «Да».
** МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, л. 43.
*** Помета Александра II: «Это весьма вероятно».
**** МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, лл. 99—102.

шении сецессионистов. Но с другой стороны, я узнал от представителя Южной конференции, что г-н Сьюард[16] дал им самые формальные заверения в том, что федеральное правительство не замышляет никакого нападения на южные порты, и что принятые в Нью-Йорке подготовительные меры, значение которых газетами преувеличено, не имеют иной цели, как только дать своего рода удовлетворение радикалам из республиканской партии, обвиняющим правительство в бездействии и слабости.

Объяснить противоречие между действиями правительства и мирными заверениями государственного секретаря можно только нерешительностью президента и разногласиями, продолжающими царить в его кабинете. Г-н Сьюард, как я об этом уже имел честь заявить вашему превосходительству, стоит за мир; но он часто дает себя увлечь воинственным настроениям некоторых из его коллег по кабинету, поэтому он склоняется то на одну, то на другую сторону.

Позволю себе, князь, привести один случай, который даст вам представление о его нерешительном характере.

Согласно установившимся обычаям я дал обед новому кабинету. Когда все удалились, г-н Сьюард выразил желание поговорить со мною частным образом. Он спросил меня, какое, по моему мнению, впечатление произвели в Европе происходящие в Соединенных Штатах события? Я ему ответил, что императорское правительство глубоко сожалеет о раздорах, волнующих Соединенные Штаты и что оно сочло бы несчастием окончательный распад Союза; что же касается Франции и Англии, то, мне кажется, что эти державы прежде всего озабочены своими коммерческими интересами; но не представляется вероятным, чтобы они произвели какую-либо демонстрацию, разве только в случае, если меры, принятые вашингтонским правительством, создадут серьезные препятствия для их торговли.

«Если это так,— заметил г-н Сьюард,— то наши отношения с европейскими державами не подвергнутся никакому изменению. Не будет предпринято ни нападения, ни блокады против Юга. Мы оставим сецессионистов в покое. Это — наилучшая политика. Предоставленные самим себе эти штаты не смогут долго просуществовать, как отдельная конфедерация, и рано или поздно кончат тем, что возвратятся в Союз».

Я заявил г-ну Сьюарду, что в течение дня я виделся с г-ном Рамоном, одним из комиссаров Юга, который заверил меня, что он и его коллеги расположены самым мирным образом и готовы пойти на всяческие уступки, чтобы избегнуть столкновения, которое своим неизбежным последствием имело бы гражданскую войну.

Воспользовавшись случаем, г-н Сьюард сказал мне, что он лично незнаком с г-ном Рамоном, но знает его за человека умеренных взглядов, и выразил сожаление, что в качестве официального лица он не может принять у себя г-на Рамона, ни нанести ему визит. Он затем спросил меня, не буду ли я иметь возражений против того, чтобы доставить им возможность свидания у меня на дому, где они могли бы встретиться как бы случайно. Я поспешил заверить государственного секретаря, что буду рад возможности, поскольку это будет зависеть от меня, содействовать примирению. Свидание это должно было состояться два дня спустя, и г-н Рамон, которому я сообщил о предложении г-на Сьюарда, засвидетельствовал мне все свое удовлетворение по этому поводу, но Сьюард переменил свое намерение и прислал мне записку, в которой сообщал, что после зрелого размышления, он отказывается от условленного свидания.

Через несколько дней я встретился с г-ном Сьюардом у лорда Лайонса[17]. Настроение г-на Сьюарда совершенно изменилось; он говорил только о блокаде и принудительных мерах. Между ним и английским послом произошел довольно оживленный спор в моем присутствии и в присутствии французского посла. Г-н Сьюард заявил нам: «Сообщаю вам, господа, если вспыхнет гражданская война, то всякие торговые сношения с портами Юга будут прерваны». Лорд Лайонс заметил ему, что подобная мера явилась бы в высшей степени невыгодной для английской торговли. «Сожалеем об этом,— ответил г-н Сьюард,— но некоторое время вам придется обойтись без торговли и без хлопка». Лорд Лайонс, нарушив свою обычную сдержанность, в том же тоне ответил ему, что Англия не может обойтись без хлопка, и что она его так или иначе будет иметь. Г-н Сьюард ничего не возразил, но слова лорда Лайонса должны были лишить его всяких иллюзий насчет роли, ко[illegible] играть Англия в случае блокады хлопковых штатов.

[illegible] недавно я снова увиделся с г-ном Сьюардом: он опять говорил мне о мире и примирении.

Страна тяготится таким положением. Газеты всех партий требуют [illegible]-нибудь решения и поддерживают мысль, что война была бы предпочтительнее этого состояния неуверенности; такое состояние парализует торговлю и промышленность. Правительство, уже достаточно дискредитированное, кончит тем, что падет, если только не примет в каком бы то ни было направлении более решительную политику.

Стекль.

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 14/2 апреля 1861 г., № 23 *.

Князь,

Уполномоченные, посланные Южной конфедерацией к европейским правительствам, о чем я имел честь сообщать вашему превосходительству [illegible] в моем докладе за № 19, должны были покинуть Гавану и направиться в Англию[18].

Французский и английский послы, предупредив свои правительства о посылке этих уполномоченных, в то же время изложили свои точки зрения по вопросу о том, будет ли своевременным признание Южной конфедерации.

Г-н Мерсье[19] написал г-ну Тувенелю, что, поскольку имелась надежда на устранение раздоров, возникших между Севером и Югом, и оставались какие-то шансы на примирение, было бы не совсем удобно вести переговоры с сецессионистами, но на сегодняшний день это положение изменилось; Южные штаты имеют правильно организованное правительство, их отделение стало совершившимся фактом, и Франции прежде всего надо думать об охране торговых интересов, которые могут подвергнуться серьезной опасности, ввиду враждебных действий между Севером и Югом; признав Южную конфедерацию, французское правительство придало бы углубляющейся борьбе характер войны нации с нацией и тем самым обеспечило бы своей торговле все выгоды нейтралитета.

Французский посол кроме того отмечает, что Соединенные Штаты всегда признавали фактические правительства, не очень беспокоясь на счет того, получили ли они свою независимость в результате револю-

* МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, лл. 110—113.

нии или иным путем и что, следовательно, они не будут иметь права высказать неодобрение, если европейские державы будут следовать той же политике по отношению к ним.

Г-н Мерсье, наконец, указывает своему правительству на необходимость договориться с Англией и другими великими державами и склонить их предоставить своим представителям в Вашингтоне выбрать момент, когда признание Южной конфедерации будет наиболее выгодным.

Лорд Лайонс, с которым г-н Мерсье договорился по этому вопросу еще до того, как доложил о нем своему правительству, сказал мне, что он полностью разделяет виды французского посла и что он в этом смысле написал лорду Джону Росселю[20]. Но лорд Лайонс не без основания добавил, что ему не хотелось бы брать на себя ответственность за определение момента, когда было бы своевременно признать Южную конфедерацию; к тому же подобный демарш, если бы он на таковой был уполномочен, скомпрометировал бы его положение по отношению к правительству г-на Линкольна.

Более чем вероятно, что Франция и Англия обратятся к нам с предложениями по этому вопросу. Поэтому я счел своим долгом сообщить вашему превосходительству те соображения, которые мои французский и английский коллеги представили своим правительствам и которые они были любезны сообщить мне.

Что касается нас, то наши торговые интересы в Соединенных штатах не имеют такого значения, как интересы Франции и в особенности Великобритании. Но мы не должны забывать, что потребление хлопка у нас значительно возрастает, и что вопрос о мире или войне в Соединенных штатах интересует наши фабрики; они будут серьезно задеты, если им не хватит хлопка или если им придется платить за него более высокие цены.

Положение совершенно изменилось со времени моего доклада от 21/9 января за № 3, где я имел честь предложить императорскому министерству ответ, который следовало бы дать в случае слишком преждевременных предложений со стороны сецессионистов. В то время речь шла о таком ответе, который не исключал бы возможности восстановления Союза, и то, что я тогда намечал, было единственно подходящим. Сегодня же разрыв, к несчастью, представляется непреложным фактом, и в наших интересах соблюдать по отношению к обеим конфедерациям строжайшее беспристрастие. Признание Южной конфедерации со стороны Франции и Англии даст нам вполне естественный повод для того, чтобы последовать их примеру, санкционируя совершившийся факт, однако не создавая при этом впечатление, что мы заранее сговорились с этими державами.

Стекль.

На депеше помета Александра II: «Нахожу его точку зрения правильной»

Из письма посланника в Вашингтоне Стекля директору канцелярии министерства иностранных дел Вестману[21], 24/12 июня 1861 г.*

Моя сегодняшняя телеграмма довольно неясна[22]. Я предупредил князя о демарше, на который уполномочен Клей[23]. Я повторил вам то, что мне сказал Сьюард, а он сам не очень то знает, чего он хочет. Я думаю, что Англия маневрирует, чтобы добиться от Соединенных

* МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, л. 359.

Штатов уничтожения пиратства, но как бы ни был неопытен государственный секретарь, я сомневаюсь, чтобы он на это согласился. При нынешних обстоятельствах уничтожение пиратства явилось бы серьезной ошибкой со стороны Соединенных Штатов. Не знаю, поставили ли вас Англия и Франция в известность о предложениях, сделанных ими Вашингтону, но во всяком случае мы не будем вмешиваться во всю эту суматоху и избегнем осложнений, которые могут стать весьма серьезными. Если мы считаем необходимым сделать здесь какой-либо демарш, то сделаем его одни. Останемтесь пассивными зрителями этих внутренних споров двух ветвей англо-саксонской расы, человечество от этого только выиграет. Таково, как вам известно, всегда было мое мнение *.

Стекль.

Депеша министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 28/16 июня 1861 г., № 188 **.

С самого начала возникновения конфликта, поселившего несогласие в Соединенных Штатах Америки, вам было поручено поставить федеральное правительство в известность о том живом интересе, с которым наш государь следит за развитием кризиса, ставящего под вопрос процветание и даже самое существование Союза.

Государь император, к своему глубокому сожалению, видит, что надежда на мирное разрешение кризиса не осуществилась, и что американские граждане, уже вооруженные друг против друга, готовы развязать в своей стране гражданскую войну — этот самый страшный бич политических обществ.

В течение более 80-ти лет своего существования Американский союз обязан своей независимостью, своим развитием и своим прогрессом согласию между его членами, освященному, под покровительством его знаменитого основателя [24], учреждениями, которым удалось примирить единение со свободой. Это единение было плодотворным. Оно дало миру зрелище беспримерного в анналах истории процветания.

Было бы прискорбно, если бы после столь убедительного опыта конфедеративные штаты были бы увлечены до того, что разорвали бы торжественный договор, доныне составляющий их могущество.

Несмотря на различие их конституций и их интересов, а, может быть даже в силу этого различия, провидение как бы приглашает их упрочить традиционную связь, которая является основой, а также и условием их политического существования. Во всяком случае жертвы, которые им пришлось бы принести для сохранения этой связи, не могут пойти ни в какое сравнение с теми жертвами, которые повлек бы за собой разрыв. Будучи соединенными — они друг друга дополняют, разъединившись, они взаимно уничтожаются.

Борьба, которая, к несчастью, завязалась, не сможет ни продолжаться бесконечно, ни довести до полного уничтожения одну из сторон. Рано или поздно необходимо будет придти к какому-либо соглашению, допускающему существование различных ныне борющихся интересов.

Следовательно, американская нация дала бы доказательство глубокой политической мудрости, если бы она постаралась общими усилиями придти к подобному соглашению прежде, чем бесполезное кровопроли-

* Помета Александра: «Это также и мое намерени[е]».

** МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, лл. 395—399

гие, бесплодное расточение общественных сил и богатств, акты насилия и взаимные репрессалии вырыли бы бездну между обеими частями Союза и в конечном счете привели бы к их взаимному истощению и, быть может, к непоправимому разрушению их торговой и политической мощи.

Государь не может допустить возможности столь прискорбных перспектив. Его величество продолжает еще полагаться на практический здравый смысл граждан Союза, всегда рассудительно оценивающих свои подлинные интересы. Его величество хотел бы верить, что члены федерального правительства и влиятельные лица обоих сторон [illegible]зуют все поводы и соединят все свои усилия, чтобы успокоить разбушевавшиеся страсти. Нет таких расходящихся интересов, которых нельзя было бы примирить, ревностно и упорно работая над этим делом в духе справедливости и умеренности.

Если в кругу ваших официозных связей ваши слова и ваши советы могли бы содействовать достижению указанного результата, то это, милостивый государь, соответствовало бы намерениям его величества государя; при этом вы должны были бы использовать ваше личное влияние, которое вы могли приобрести в течение продолжительного пребывания в Вашингтоне, и то уважение, с которым должны относиться к вам, как к представителю монарха, воодушевленного самыми благосклонными чувствами по отношению к Американскому союзу.

Этот союз в наших глазах является не только существенным элементом мирового политического равновесия, но он кроме того представ[illegible] нацию, к которой наш государь и вся Россия питают самый дружественный интерес, так как две страны, расположенные на концах [illegible] миров, в предшествующий период их развития были как-бы призваны к естественной солидарности интересов и симпатии, чему они уже давали взаимные доказательств[illegible].

Я не хочу затрагивать ни одного из вопро[illegible] делению конфедеративные штаты. Не наше дело высказываться по поводу этого спора. Вышеизложенные соображения имеют своей целью только засвидетельствовать живую заботливость государя перед лицом опасностей, угрожающих Американскому союзу, и искренние пожелания, выражаемые его величеством в целях поддержания этого в[illegible] здания, с таким трудом построенного и обладавшего, казалось, столь богатым будущ[illegible].

В этом духе, милостивый государь, я приглашаю вас высказаться как перед президентом и членами федерального правительства, так и перед влиятельными лицами, с которыми вы будете соприкасаться, заверяя их, что во всех случаях Американский союз может рассчитывать на самую сердечную симпатию со стороны государя в течение этого серьезного кризиса, который Союз ныне переживает.

Горчаков.

На депеше помета Александра II: «Быть по [illegible]

Депеша министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 28/16 июня 1861 г.*

Из газет, а также и из сообщений ваших коллег, вы знаете о заявлениях, сделанных европейскими державами, имеющими торговый

* МИД. Канцелярия, 1861 г., д. № 162, лл. 403—405

флот, равно как и о мерах, которые они приняли для того, чтобы доказать свое полное воздержание от всякого прямого или косвенного участия в гражданской войне, грозящей опустошить Соединенные Штаты, а также и для того, чтобы оказать своим подданным соответствующую защиту от инцидентов, которые могут иметь место в результате военных выступлений.

Различные вопросы морского права, которые могут возникнуть в результате предусматриваемых событий, уже были предметом серьезных объяснений между некоторыми иностранными представителями и вашингтонским кабинетом. Ваша депеша за № 41 даст отчет о беседе, которую французский посол имел с государственным секретарем о возможности признания южных конфедеративных штатов воюющей стороной[25]. Этот, без всякого сомнения, преюдициальный вопрос не требует немедленного решения со стороны императорского кабинета. Но есть некоторые пункты, которые мы, как и другие державы, хотели бы разъяснить в интересах русских подданных и их торговли.

Лорд Лайонс имел уже объяснения с г-ном Сьюардом по вопросу о блокаде южных портов и способах, какими эта блокада будет осуществлена; как будто, ответы государственного секретаря не были настолько ясными, как того желал бы английский посол. С другой стороны в прилагаемом при сем документе вы найдете резюме[26] полученной вашим коллегою инструкции от 18/6 мая по вопросу о ст. I Парижской декларации об отмене пиратства[27]. Французское правительство со своей стороны предписало своему послу в Вашингтоне требовать, в начавшемся в Соединенных Штатах конфликте прав, предоставляемых Франции ее нейтралитетом. В то же время оно препроводило своим консулам весьма точные директивы, обязующие их наблюдать за поведением французов в Соединенных Штатах и в особенности отвращать их от всяких действий, противных принципу строгого нейтралитета, установленного тюильрийским кабинетом. Я прилагаю при сем французский циркуляр[28], который г-н герцог де Монтебелло[29] имел любезность мне сообщить, предоставляя вам, милостивый государь, право препроводить аналогичные директивы нашим консульским агентам. Вы рассудите, насколько положения этого документа относительно принудительного военного набора иностранных подданных применимы к нашим подданным.

Наконец ваш прусский коллега, может быть, сообщил вам депешу от 13/1 июня, в которой Берлинский кабинет выражает желание, чтобы правительство Соединенных Штатов, воспользовавшись настоящими обстоятельствами, заявило о своем присоединении к декларации от 16 апреля 1856 г.

Мы далеки от стремления несвоевременными запросами и требованиями увеличивать беспокойство вашингтонского кабинета. Но если бы вам пришлось сделать перед ним тот или иной демарш в интересах русских подданных, то я хотел бы думать, что это не создаст ложного впечатления по поводу той цели, которую мы, главным образом, имеем в виду, а именно, предохранить от какого бы то ни было урона наши добрые отношения с правительством Соединенных Штатов.

Горчаков.

На депеше помета Александра II: «Быть по сему».

Депеша министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 28/16 июня 1861 г.*

Моя экспедиция уже была готова, когда я получил вашу деп[illegible] № 42 от 17/5 июня[30]. Она отчасти подтверждает оценки, данные мною [illegible]ам в одной из моих сегодняшних депеш. Что же касается до переговоров о Парижской декларации, которые поручено вести францу[illegible] и английскому послам, то мне нет нужды напоминать вам, милостивый государь, что с 1854 г. мы находились в согласии с С[illegible]ненными Штатами по вопросу о принципах, установленных статьями [illegible] и 3 конвенции от 16 апреля 1856 г., а что касается вопроса о пира[illegible]тве, то мы приняли эту статью лишь с оговорками, в соответствии [illegible] намерениями Соединенных Штато[illegible].

[illegible]

Из депеши посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 9 сентября/28 августа 1861 г., № 57 **.

[illegible]

Барон Бруннов[31] препроводил мне через посредство посольства Соединенных Штатов в Лондоне пакет, который ваше превосходительство имели честь отправить мне 28-го прошлого июня.

Я поспешил сделать распоряжение о переводе главной депеши *** и зачитал ее президенту и государственному секретарю. Оба они были глубоко тронуты столь сочувственным призывом государя.

Г-н Линкольн сказал мне: «Соблаговолите довести до сведения императора о нашей глубокой признательности и заверить его величество, что вся нация сумеет оценить этот новый знак дружбы».

В тот же день государственный секретарь направил мне по приказанию президента, прилагаемую при сем ноту под № 1, с просьбой сообщить ее вашему превосходительству[32]. Г-н Сьюард выразил мне желание опубликовать депешу. Я воспользовался разрешением, которое вам, князь, было угодно мне дать, и ответил ему, что с своей стороны я не вижу к тому возражений.

Президент и государственный секретарь мне заявили, что из всех сообщений, полученных ими от европейских правительств, наше было самым дружественным и самым благосклонным и, пользуясь выражением самого г-на Линкольна, самым лойяльным. Я убежден, что оно произведет такое же впечатление по всей стране. Старание, которое вы, ваше превосходительство, приложили к тому, чтобы избегнуть какого бы то ни было упоминания о той или другой из сторон сделает этот документ столь же популярным на Юге, как и на Севере.

К несчастью, мало надежды на то, что преисполненные мудрости советы, содержащиеся в депеше вашего превосходительства, будут приняты во внимание. Страсти слишком разгорелись, чтобы мог быть услышан голос умиротворения. Соблаговолите обратить внимание на одно место в ноте Сьюарда, где он трактует нынешний кризис, как простой, относящийся к прошлому, инцидент: «Внутренние разногласия,— говорит он,— которые в течение некоторого време-

* МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, л. 412

** МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, лл. 266—267

*** См. выше стр. 115, депешу Горчакова Стеклю от 28 июня 1861 г.

и и как бы разделяли американский союз». Государственный секретарь явным образом стремился создать себе иллюзии по этому вопросу, так как положение нисколько не улучшается и становится с каждым днем все более серьезным...

Стекль

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 9 сентября/28 августа 1861 г., № 58 *.

Князь.

Я имел честь получить направленные мне вашим превосходительством инструкции по различным вопросам морского права, поднятым американским кризисом, а равно и приложенные к ним два письма**.

Наше положение отличается от положения Франции и Англии: консулы этих держав состоят на обычной службе своих правительств, тогда как наши консульские агенты являются либо американцами, либо натурализованными иностранцами, которым пришлось, в большей или меньшей степени, стать на сторону той части, в которой они обитают. Давать им официальные инструкции при настоящих обстоятельствах мне казалось не совсем благоразумным, тем более, что наши коммерческие интересы не столь значительны, наши подданные не столь многочисленны, как интересы и подданные Франции и Англии. Я посему воздержался от какого бы то ни было демарша и смею надеяться, что ваше превосходительство одобрит мое поведение.

Несколько англичан и французов были вынуждены служить в гражданской гвардии Нового Орлеана, но по требованию подлежащих консулов, они были освобождены от службы. Что касается меня, то я никаких требований не получал. Мне говорили, что среди солдат, расположенных лагерем в окрестностях Вашингтона, имеется несколько добровольцев, русских подданных. Среди офицеров находится Струве[33], который в 1848 г. участвовал в германской революции. Из них я узнал также, что некий Турчанинов, бывший русский офицер, командует полком добровольцев штата Иллинойса. Я не знаю, кто он такой, и по какому случаю он здесь находится.

Не знаю, имеются ли наши подданные в южной армии, так как мы ничего не знаем о том, что там происходит; всякие сношения прерваны. Лорд Лайонс и г-н Мерсье мне сказали, что уже около месяца они не получали никаких писем от своих консулов и не могли им ничего послать.

Стекль

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 21/9 октября 1861 г., № 64 ***.

Князь.

Я имел честь получить депешу вашего превосходительства от 12 прошлого августа[34], равно как и копию договора о морских правах,

* МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, лл. 279—280.

** См. выше стр. 116, 118, депеши Горчакова Стеклю от 28 июня 1861 г.

*** МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, лл. 309—310.

подписанного в тот же день в С. Петербурге. Я отправился к государственному секретарю, чтобы ознакомить его с этой депешей. Г-н Сьюард мне заявил: «Благоволите заверить ваше правительство, что его готовность согласиться на наше предложение мы рассматриваем, как новое доказательство его благосклонного к нам отношения; но после разрыва вызванных нашим предложением переговоров в Лондоне и Париже, только что заключенный нами договор лишился практической пользы и может стать для нас источником затруднений. Следовательно, я думаю, что мы поступили хорошо, отложив его ратификацию, чтобы затем сделать его предметом общего соглашения между всеми державами. Впрочем,— добавил г-н Сьюард,— заверьте императорское правительство, что мы готовы поступить так, как оно сочтет удобным».

Я ответил г-ну Сьюарду, что сочту своим долгом довести его слова до сведения вашего превосходительства. Санкция сената может последовать не ранее конца года, а до этого момента я буду иметь время получить инструкции, какие вашему превосходительству будет угодно мне дать.

Стекль.

Депеша министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 6 декабря/24 ноября 1861 г.*

В вашей депеше за № 64 вы изложили соображения, которыми вы обменялись с г-ном государственным секретарем по иностранным делам относительно договора, подписанного мною с послом Соединенных Штатов в С. Петербурге, относительно присоединения федерального правительства к принципам морского права, установленного Парижским трактатом.

Г-н Сьюард вам заявил, что после разрыва вызванных этим вопросом переговоров в Лондоне и Париже, заключенный нами договор утратил практическую пользу и мог бы стать источником затруднений для федерального правительства. Вследствие этого он выразил пожелание, чтобы ратификация этого акта была отложена.

По повелению императора, вы, милостивый государь, уполномочены заявить г-ну государственному секретарю по иностранным делам, что, вступив по этому вопросу в переговоры с федеральным правительством по собственному желанию последнего, императорский кабинет имел в виду только сделать всеобщим принцип цивилизации и гуманности, всяческое расширение которого нам желательно в целях сокращения бедствий, неразрывно связанных с состоянием войны. Но у нас никогда не было мысли причинить какие-либо затруднения федеральному правительству. А раз оно полагает, что при нынешних обстоятельствах только что подписанный в С. Петербурге акт мог бы иметь такой результат, то мы вполне расположены отложить его ратификацию до того времени, когда федеральное правительство найдет полезным приступить к ней.

Горчаков.

На депеше помета Александра II: «Быть по сему».

* МИД, Канцелярия, 1861 г., д. № 162, лл. 441—442.

Нота государственного секретаря по иностранным делам Соединенных Штатов Сьюарда русскому посланнику в Вашингтоне Стеклю, 8 января 1862 г./27 декабря 1861 г.*

Милостивый государь,

Я получил и прочел с большим интересом и искренним удовлетворением направленные вам 24 ноября князем Горчаковым инструкции, касающиеся недавно подписанного по нашим настояниям князем и г-ном Клеем договора о правах нейтральных стран.

Я специально уполномочен выразить князю Горчакову в словах, какие ему покажутся наиболее приемлемыми, высокую оценку президентом того великодушия и добрых чувств по отношению к Соединенным Штатам, которые его императорскому величеству угодно было проявить своим согласием временно, в виду нынешних обстоятельств, отложить ратификацию договора.

Этот акт прибавит новое звено к старой дружбе.

Благоволите оказать мне благосклонность передать эти чувства вашему правительству

(Сьюард)

Депеша министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 9/21 января 1862 г.**

Федеральное правительство не будет сомневаться в том, с каким живым интересом мы следим за различными фазами инцидента [35], который в конечном счете приковал к себе тревожное внимание обоих полушарий.

Его величество государь не слишком переоценивал мудрость вашингтонского кабинета, оставаясь в убеждении, что в этих важных обстоятельствах кабинет будет руководствоваться только чувством справедливости и желанием примирения, а также серьезными интересами страны.

Его императорское величество с глубочайшим удовлетворением усмотрел, что его предвидения подтверждены решением, только что принятым федеральным правительством.

Хотя это решение пока дошло до нашего сведения только через газеты, государь поспешил сообщить президенту с каким удовлетворением его имп. величество оценивает это свидетельство умеренности и справедливости, заслуживающее тем большей похвалы, что оно было весьма затруднено разгоревшимися национальными страстями.

Мне, милостивый государь, нет нужды добавлять, что американская нация, оставаясь верной принципам, какие она всегда защищала в то время, когда эти принципы были обращены против нее, и воздерживаясь в свою очередь ссылаться на выгоды доктрин, которые она всегда отвергала,— эта нация дала доказательство политической честности, что завоевывает ей бесспорное право на уважение и благодарность со стороны всех правительств, заинтересованных в том, чтобы мир на море был сохранен и чтобы в международных отношениях принципы права одержали верх над силой в интересах мира, прогресса, цивилизации и блага человечества.

---

* МИД, Канцелярия, 1862 г., д. № 152, л. 45. Нота была переслана Стеклем в МИД 2/14 января 1862 г. при сопроводительной депеше № 2.

** МИД, Канцелярия, 1862 г., д. № 152, лл. 500—502.

Его величеству государю угодно надеяться, что та же мудрость и та [illegible]ренность, которые продиктовали федеральному правительству [illegible]го последние решения, будут руководить правительством и в области внутренних затруднений, стоящих в настоящее время на его пути. [illegible]ия должны были доказать, какой ущерб наносят эти затруд[illegible] [illegible]жению страны, как они содействуют развитию стремлений, клонящихся к уменьшению мощи Соединенных Штатов, и насколько, следовательно, в интересах правительства возможно [illegible]орее избавиться от этих затруднений.

Император убежден, что государственные люди, которые со столь высокой точки зрения сумели оценить внешние политические интересы их страны, сумеют равным образом поставить свою внутреннюю политику выше народных страстей.

Благоволите, милостивый государь, выразить федеральному правительству эти пожелания императора и вновь заверить его в том, что его императорское величество с удовлетворением увидело бы укрепление Американского союза в результате примирительных выступлений, которые могли бы урегулировать настоящее, не оставляя семян раздора на будущее. Союз таким образом вернулся бы к условиям мощи и процветания, которых мы ему желаем не только в силу соединяющей обе страны сердечной симпатии, но еще и потому, что от [illegible]хранения его могущества в высшей степени зависит всеобщее политическое равновесие.

Горчако[illegible]

[illegible]

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 24/12 февраля 1862 г., № 10 *

Князь.

Американской революции, ввиду ее серьезного значения и ее последствий, суждено фигурировать среди великих политических потрясений, волновавших цивилизованный мир, начиная с конца прошлого века.

В то время как монархический принцип вел борьбу с революцией, и старый континент являлся театром жестоких пертурбаций и кровавых войн, Соединенные Штаты при республиканском режиме пользовались спокойствием, которому ничто, казалось, не угрожало; но час испытаний наступил также и для демократии, и в высшей степени важно изучить причины и последствия этого.

В Европе мало следили за движением американской демократии. В Соединенных Штатах видели нацию, которая делала беспримерные успехи. Эти успехи приписывали политическим установлениям. Это была ошибка. В первые дни существования Конфедерации демократические учреждения, может быть, и способствовали развитию огромных ресурсов страны, но позднее если Соединенные Штаты и продолжали процветать, то причины этого процветания были чужды демократическому режиму, который постепенно приходил в упадок. Доказательством этого является то, что происходит сейчас.

Нация пользовалась благосостоянием, чему удивлялся мир, она совсем не хотела перемен, но тем не менее она против своей воли каза-

* МИД, Канцелярия, 1862, д. № 152, лл. 83—89.

...сь вовлеченной в революцию несколькими демагогами, котор... всеобщее избирательное право подняло к власти.

Позвольте мне, Ваше превосходительство, сказать несколько ... ходе развития демократической системы в Америке.

Американцы в период своей независимости приняли республиканскую систему, единственно которая им приличествовала. Им посчастливилось иметь во главе генерала Вашингтона, который, не являя... каким-то высшим гением, в огромной степени обладал всеми качества..., необходимыми для выполнения миссии, начертанной ему провидением. Вашингтону и тем честным и патриотически настроенным лицам, которыми он сумел себя окружить, удалось примирить противоречивые интересы прежних колоний. Они таким образом заключили федеральный договор и дали нации Конституцию, которая хорошо осуществлялась, потому что она была удивительно приспособлена к ... нравам эпохи.

Преемникам Вашингтона и современным государственным людям ничего не нужно было создавать; им оставалось только следовать обычному пути, проложенному основателями республики. Несмотря на это, задача их была не из легких. Согласие между различными штатами не было уже столь сердечным, начал проявляться дух демагогизма; однако, эти затруднения были преодолены благодаря таланту и энергии таких государственных людей, как Клей, Джексон, Вебстер и друг., которые управляли судьбами нации.

Но, исчезнув с политической сцены, эти выдающиеся люди оставили в управлении и в конгрессе пустоту, которая после уже не заполнялась. В способных людях, пожалуй, не было недостатка, но средства к достижению цели были им недоступны.

Опыт последних лет показал нам, как легко манипулировать всеобщим голосованием во всех странах и во всех направлениях. В Соединенных Штатах этот институт был ловко использован кучкой политиканов самого низкого пошиба, которым, благодаря подкопу и потворству страстям черни, удалось осуществить неограниченный контроль над выборами. Таким путем пришли к власти люди, которые сейчас управляют страной. Конечно, среди них имеются честные люди, и на первое место я должен поставить президента Линкольна, но их немного, и они слишком слабы, чтобы противостоять влиянию демагогов, которые заправляют всем. События показали, на что способны эти люди.

Исследуя причины, вызвавшие революцию* нельзя не удивляться до чего они ничтожны. Дело шло совсем не об отмене рабства; по существу, вопрос шел лишь о том, чтобы выяснить, допустимо или не допустимо рабство на почти необитаемой территории Новой Мексики. Не было ничего легче, как притти к соглашению. Но любители крайних мер, составлявшие огромное большинство конгресса, были обязаны своим политическим положением агитации, и только путем агитации они смогли удержать его за собой. Компромисс низверг бы их; вот почему они сделали все, чтобы помешать соглашению, и война разразилась.

Когда начались военные действия, конгресс издал постановление о наборе шестисот тысяч человек, и все они явились к набору. Правда, застой в торговле и в промышленности и высокое жалование солдат оказали большее действие, чем патриотизм. Но от этого прави-

* Надо понимать — гражданскую войну (*Ред.*).

тельство не располагало менее многочисленной армией; более того ему удалось обеспечить себя суммой в 500—600 миллионов долларов. Но употребление, сделанное из этих громадных рессурсов, не соответствовало ожиданиям нации. Правда, федеральные войска за последнее время одержали довольно значительные успехи на Западе, но главная армия сепаратистов продолжает занимать свои позиции в пятнадцати милях от столицы. Итак, можно считать, что война едва началась, а федеральная казна уже пуста, и правительству грозит национальное банкротство.

Цель, которую в настоящий момент имеет в виду федеральное правительство, это — вторгнуться на Юг и подчинить его себе. Допустим, что это ему удастся, и оно займет своей армией отделившиеся Штаты, которые по своему пространству равны двум третям Европы, что же станут делать дальше? Энергия, проявленная южанами, не имеет другого источника, кроме ожесточения и ненависти против Севера. Под влиянием унижения, связанного с поражением, они не изменят своих чувств по отношению к своим бывшим союзникам. Следовательно, нужно будет удерживать их силою оружия, военной оккупацией. Но сможет ли правительство, порожденное революцией и всегда признававшее и провозглашавшее своим основным принципом — право всякого народа управляться по своему желанию,— держать в повиновении силой оружия одну треть своего населения, требующего отделения? Я не один раз ставил этот вопрос перед людьми, стоящими у руководства, и никогда не получал удовлетворительного ответа. Факт тот, что среди членов кабинета и конгресса, не исключая и г-на Сьюарда, который бесспорно самый умный среди них, нет ни одного с широким и ясным кругозором, и имеющего определенный план на будущее. Они слепо идут вперед, не отдавая себе отчета в опасностях, которые им угрожают даже в еще сомнительном случае завоевания Юга.

Поклонники американской демократии особенно любят выдвигать на первый план финансовое положение Соединенных Штатов по сравнению с положением европейских держав. Государственная задолженность европейских монархий прогрессивно накоплялась в течение одного-двух столетий среди политических потрясений и величайших войн. А сейчас Соединенные Штаты в отношении государственного долга и налогов находятся в положении более плачевном, чем любое другое государство, и чтобы дойти до такого положения, демократическому правительству Союза потребовался короткий срок в 9—10 месяцев.

События, которые мы здесь переживаем, не могут не возыметь громадного влияния в Европе. Революционеры и демагоги старого континента всегда находили в американской демократии моральную поддержку и часто материальную помощь. С крушением демократической системы в Соединенных Штатах, они теряют сейчас одну из главных своих опор. Наконец, та не менее опасная группа политических мечтателей, которые как в своих речах, так и в своих писаниях не перестают проповедывать безграничную свободу и которые думают, что нашли в американской республике осуществление своих теорий произвола и самоуправства, должны будут убедиться в том, что самоуправление, как все человеческие институты, имеет свою слабую сторону даже в Соединеных Штатах, где ультра-демократическая система, поставленная в исключительные условия, казалась защищенной от всякой опасности.

В этом отношении американская революция, надо надеяться, явится спасительным уроком для европейских анархистов и фантазеров*, но с другой стороны, дезорганизация Соединенных Штатов, как державы, с нашей точки зрения,— прискорбное событие. Американская конфедерация была противовесом английскому могуществу, и в этом смысле ее существование являлось элементом мирового равновесия

Во всяком случае американская нация слишком жизнеспособна чтобы быть унесенной революционным водоворотом. Крах потерпела ультра-радикальная система. Даже допуская завоевание или подчинение Юга, гражданская война будет иметь своим последствием необходимость поставить страну в новые условия. Американцы всегда хвастались тем, что у них нет правительства, и в некотором роде это было верно, но это положение вещей не сможет более продолжаться. При [illegible] держать армию и взимать чрезмерные налоги, можно су[illegible] только, имея очень сильное правительство. Лишь при этом условии американцы смогут реконструировать и вновь занять положение, [illegible]торое они занимали в великой семье народов.

Ст[illegible]

Из депеши посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 24/12 февраля 1862 г., № 11**.

[illegible]

...Что касается нас, то наша политика ясна. Она ясно и точно определена в депеше вашего превосходительства от 28 июня 1861 г.***, а только что полученное мною сообщение от 9 января послужит ей дополнением. Если ультра-демократический режим оказался несостоятельным, нам об этом жалеть не приходится, но мы не можем относиться равнодушно к тем опасностям, которые угрожают самой нации. Ее существование для нас важнее, чем для любого иного государства. [illegible] ние в Тихом океане. В этой области мы уже встретили и, по всей вероятности, будем еще встречать препятствия со стороны Англии и помощь американцев нам всегда будет полезна. Позвольте мне, князь, добавить, что я не говорю сейчас о чувстве симпатии, которое могут к нам питать. Это чувство редко руководит политикой народов англосаксонской расы, как бы эти народы ни назывались: англичанами или американцами. Я обосновываю свое мнение материальными интересами, а материальные интересы Соединенных Штатов будут склонять правительство на нашу сторону, как это уже имело место во время последних осложнений в Китае и Японии[36].

При настоящем положении вещей было бы не совсем благоразумным принимать участие в демаршах, которые возможно, пришлось бы сделать западным державам. Позднее дружеское посредничество могло бы, пожалуй, привести к примирению, но сейчас оно было бы неприемлемым. Поэтому наша роль должна ограничиться тем, чтобы внимательно следить за событиями и выжидать

---

* Помета Александра II — «Я хотел бы этого, но [illegible], чтобы это было так».

** МИД, Канцелярия, 1862 г., д. № 152, лл. 92—94.

*** См. выше стр. 115

результатов с тем, чтобы потом сообразовать с ними нашу политику. Таков путь, указуемый во всех сообщениях, которые вашему превосходительству угодно было мне направить, и я сочту своим долгом неизменно следовать по этому пути.

Стекль

Письмо министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 8 марта/24 февраля 1862 г.*

Исключительное значение американских событий придает вашим донесениям, как вы сами легко себе представляете, особый интерес. Этот интерес еще усиливается вследствие того, что как в доходящих до нас известиях, так и в газетах, невозможно уловить достаточно достоверные указания, которые позволили бы нам составить какое-либо суждение о вероятном исходе конфликта, последствия коего чересчур серьезны, чтобы мы могли остаться безучастными.

Ваше знание местных условий побуждает нас придавать особую ценность вашим личным впечатлениям. Мы ценим ясность ваших взглядов и полную правильность ваших действий.

Вывод, который нам приходится извлечь из происходящего, тот, что до сих пор над федеральным правительством тяготеют разногласия и затруднения. Но разве Южным штатам не приходится бороться со столь же большими затруднениями? Вера, которую проявляет Север в отношении конечного исхода кризиса, не имеет ли более серьезных оснований, чем свойственное демократии хвастовство? Не имеется ли каких-либо шансов на то, что усталость обоих сторон или решительный перевес одной из них приведут, наконец, к какому-либо соглашению?

Чем больше вы постараетесь углубить эти вопросы, тем признательнее мы вам будем за ясность, которую вы в них внесете.

Мне нет нужды добавлять, что, сообщая нам все те сведения, которые вам удастся собрать, вы должны приложить старания к тому, чтобы ничто в вашем официальном или частном поведении не обнаруживало ваших впечатлений. Существенно важно не давать даже повода предполагать, что императорский кабинет имеет благоприятное или неблагоприятное мнение в отношении той или другой из обеих сторон.

Такая осторожность диктуется нам позицией, которую мы заняли и которую хотим сохранить.

Для нас нет ни Севера, ни Юга, а есть федеральный Союз, на расстройство которого мы смотрим с сожалением, разрушение которого мы наблюдали бы с прискорбием.

Мы проповедуем умеренность и примирение, но мы признаем в Соединенных Штатах только то правительство, которое находится в Вашингтоне.

Вы, без сомнения, оцените необходимость соблюдать эти нюансы. Благоволите рекомендовать их всему персоналу вашей миссии.

Горчаков

* МИД. [illegible]

Из депеши посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 6 апреля/25 марта 1862 г., № 21 *.

Князь,

Письмо, которое ваше превосходительство благоволили отправить мне 24 февраля, прибыло ко мне позавчера.

В тот же день я имел случай видеться с государственным секретарем. Я ему сказал, что императорское правительство с живейшей заботливостью следит за развязкой американского кризиса, и добавил, что я был бы счастлив, если бы он дал мне возможность ознакомить ваше превосходительство с той оценкой, какую он дает настоящему положению вещей, и с возможными шансами на разрешение кризиса.

Г-н Сьюард принял мою просьбу с благосклонностью, которую он постоянно высказывал в наших официальных и частных сношениях. «Чтобы ознакомить вас с взглядами федерального правительства,— сказал он мне,— я вам зачитаю депешу, которую я только что отправил г-ну Дэйтону, нашему послу в Париже. Это ответ на донесение г-на Дэйтона о разговоре, который он имел с французским императором».

Согласно этого донесения, зачитанного мне государственным секретарем, Луи Наполеон сказал американскому послу: «Из моей речи и из адреса законодательного корпуса вы видели, что мы желаем избегнуть всякого вмешательства в ваши домашние смуты, но вы со своей стороны не должны терять из виду интересов нейтральных стран. Блокада южного побережья длится уже год и имела серьезные последствия для нашей торговли; многие из наших промышленных округов находятся в бедственном состоянии, и такое положение вещей, естественно, должно еще более усугубиться по мере исчерпания запасов хлопка; через два месяца у нас не останется ни одного тюка хлопка». Засим император поставил г-ну Дэйтону два вопроса: 1) считает ли федеральное правительство, что оно в скором времени окажется в состоянии снять блокаду; 2) после открытия портов согласятся ли плантаторы юга отправлять туда хлопок. На эти вопросы государственный секретарь ответил общей оценкой положения.

Заслушав чтение этой депеши, я спросил г-на Сьюарда, не мог ли бы я сообщить ее содержание вашему превосходительству. Он выразил согласие и прислал мне копию депеши с весьма вежливой запиской.

Имею честь представить вашему превосходительству оба эти документа...**.

Стекль

Письмо государственного секретаря США Сьюарда посланнику в Вашингтоне Стеклю, 3 апреля/22 марта 1862 г.***.

Дорогой г-н Стекль,

Я ценю выраженное мне вами сегодня утром желание дать вам возможность представить князю Горчакову положительные сведения.

* МИД, Канцелярия, 1862 г., д. № 152, л. [illegible]
** Дальше печатаем только записку Сьюарда Стеклю.
*** МИД, Канцелярия, 1862 г., д. № 152, л. 158.

касающиеся наших надежд на успех и на исход нашей злосчастной гражданской войны.

Мы рассматриваем Россию как своего друга, а князя Горчакова как благородного представителя своей нации.

В виду этого предоставляю в ваше распоряжение для информации извлечение из депеши, которая мною только что отправлена г-ну Дэйтону в Париж и которая, несомненно, сохранит в руках князя свой конфиденциальный характер.

Когда вы будете посылать ее князю, будьте добры заверить его в том, что его линия поведения в делах России завоевала ему истинное и признательное уважение всего американского народа и мое в первую очередь.

Я надеюсь на мирное течение дел в России и уверен, что в этом случае я являюсь выразителем общих чувств моих соотечественников.

Ваш искренний друг
Вильям Г. Сьюард

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 4 мая/23 апреля 1862 г., № 34 *.

Князь.

Прошу позволения вашего превосходительства добавить несколько слов к тем сведениям, которые я уже имел честь передать вашему превосходительству относительно поездки французского посла в Ричмонд **.

После первой своей беседы с г-ном Сьюардом г-н Мерсье явился ко мне и сообщил свой проект. Он приглашал меня поехать вместе с ним в надежде если не начать переговоры, то по крайней мере нащупать почву и посмотреть, нельзя ли найти какой-либо путь к примирению. Я ему ответил, что при нынешнем положении вещей я должен от этого воздержаться, так как не вижу никаких шансов на удачу его проекта. Г-н Мерсье не замедлил сам убедиться в этом после беседы, которую он имел на следующий день с государственным секретарем. Г-н Сьюард неблагожелательно принял предложения французского посла и отказался уполномочить его сделать какие-либо предложения конфедератам.

Два дня спустя я имел случай видеть государственного секретаря, который со мной говорил об этом деле. «Я не знаю,— сказал он мне,— действовал г-н Мерсье с разрешения или без разрешения своего правительства, но остается фактом то, что Луи Наполеон не один уже раз пытался заставить нас принять посредничество; как бы то ни было, поведение французского правительства во время настоящего кризиса не таково, чтобы оно внушало нам большое доверие. Если какая-нибудь держава и могла бы быть посредницей между обеими сторонами, так это была бы, несомненно, Россия, которая дала нам так много доказательств сочувствия. Но посредничество,— добавил он,— с какой бы стороны оно не исходило, было бы плохо встречено нацией. Это домашняя ссора, которая должна быть урегулирована нами самими. Во всяком случае, в настоящий момент нам остается только следить за событиями и выжидать исхода военных операций».

* МИД, Канцелярия, 1862 г., д. № 152, лл. 211—212.

Таким образом, поездка г-на Мерсье, которая дала место всякого рода толкованиям в газетах Соединенных Штатов и равным образом станет предметом толков европейской прессы, не привела ни к какому результату.

Стекль.

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 11/9 августа 1862 г., № 6 *.

Господин вице-канцлер [38],

Газеты, прибывшие с последними пароходами из Европы, говорят о начавшихся между Россией и Францией переговорах о том, чтобы согласованно вмешаться в дела Соединенных Штатов. Государственный секретарь спросил меня, имею ли я какую-либо информацию на этот счет. Я ответил г-ну Сьюарду, что никакой информации об этом я не имею. Я добавил, что политика императорского правительства с самого начала революции ** была изложена в депешах вашего превосходительства, которые я ему сообщал, с такой ясностью и откровенностью, что я имею основания полагать, что эта политика не подверглась никакому изменению, и что, наконец, я убежден в том, что императорский кабинет не присоединится к таким демаршам, которые сопровождались бы какою-либо угрозою.

Здесь были весьма обеспокоены приемом французским императором г-на Слайделя, агента конфедератского правительства. Г-н Мерсье был добр зачитать мне депешу, полученную им по этому вопросу от своего правительства. Г-н Тувенель писал ему, что прием г-на Слайделя не носил официального характера и посему не имеет никакого значения. Однако, он добавляет, что общественное мнение во Франции, в особенности в среде торговых и промышленных классов, все более и более высказывается в пользу признания Юга, что император, верный своим дружеским отношениям с Соединенными Штатами, до сих пор не поддавался этому давлению, но что федеральное правительство не должно ожидать, чтобы это положение вещей, наносящее такой ущерб интересам Франции, длилось без конца.

Как я уже имел честь заявить вашему превосходительству в моей последней почте, всякое иностранное вмешательство сейчас только сделало бы положение еще более тяжелым. Франция поступит хорошо, если еще некоторое время выждет исхода событий. И та и другая сторона в скором времени будут истощены, и если можно строить предположения при наличии столь необычайных событий, то я думаю, что весною или, самое позднее, будущим летом военные действия неизбежно будут приостановлены. Тогда, пожалуй, можно иметь кое-какие шансы на то, что Соединенные Штаты примут иностранное посредничество, если оно будет иметь дружеский характер. Согласованный демарш России и Франции, может быть, мог бы привести к счастливому результату, но английского вмешательства никогда не захотят.

Стекль.

* МИД, Канцелярия, 1862 г., д. № 152, лл. 340—341.

** Революцией Стекль называет гражданскую войну в США.

Письмо министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 8 ноября/27 октября 1862 г.*

При сем прилагается копия депеши г-на Друэн де-Люиса [39], сообщенной мне г-ном французским послом [40], и копия ответа, который я дал на нее по повелению императора.

Вам достаточно известны намерения его величества, поэтому мне нет необходимости сообщать вам, насколько выраженное французским правительством желание приостановить военные действия и попытка добиться соглашения между враждующими в Соединенных Штатах сторонами, соответствует нашим собственным пожеланиям. Но мы придаем чрезвычайно большое значение вашим суждениям, которыми вы поделились с нами относительно возможного эффекта от какого бы то ни было предложения коллективного посредничества; мы поэтому не сочли себя обязанными присоединиться к проекту соглашения, намеченному французским правительством, хотя проект представляется по своей форме довольно примирительным и смягченным, исключающим всякую мысль о давлении в случае отказа.

Нам не приличествует совершенно отказываться от содействия в предлагаемой в такой форме попытке, имеющей своей целью приблизить конец прискорбной борьбы. Но, будучи всегда готовыми присоединиться к ней путем отдельных дружеских советов, мы не находим возможным принять в ней участие официально.

Само собой разумеется, что, если бы, как это полагает французское правительство, настал бы момент, когда стали бы обнаруживаться миролюбивые настроения у обоих сторон и лишь разнузданные страсти были бы единственной помехой к началу переговоров между обоими частями, то примирительная инициатива европейских великих держав могла бы быть приемлемой; и в этом случае мы не смогли бы отказаться от сотрудничества.

Настал ли этот момент? Нам приходится сомневаться в этом как по нашим собственным впечатлениям, так и по впечатлениям, которые вы нам передаете.

Во всяком случае, только вы в состоянии судить об этом, и мы питаем полное доверие к достоверности ваших оценок. Вот почему я постарался в моем ответе французскому кабинету сохранить за вами полнейшую свободу.

Если французский кабинет будет настаивать на своей идее коллективного посредничества, и лондонский кабинет к этому присоединится, вы окажете этому демаршу вашу моральную поддержку в той мере, как это вам внушит ваш такт. Но вы примете официальное участие в этом вопросе только в том случае, если ваша личная оценка обстоятельств момента и местных настроений даст вам уверенность в том, что это участие будет принято обеими заинтересованными сторонами.

Мне нет нужды рекомендовать вам величайшую осмотрительность в отношении этой последней гипотезы. Хотя предложенный нам демарш имеет характер чисто примирительный, хотя он отнюдь не предрешает исхода спора и исключает всякое давление на переговоры, однако мы не можем скрыть от себя дистанции, отделяющей наши взгляды от взглядов держав, к которым нам пришлось бы присоединиться. То, что для нас является безкорыстным пожеланием, то для них — настоятель-

* МИД, Канцелярия, 1862 г., д. № 152, лл. 538—541.

ная потребность, и чтобы добиться осуществления этого, они легко могут отойти от своего исходного пункта гораздо дальше, чем мы были бы склонны следовать за ними.

Итак, вы нас обяжете к этому пути только при полной уверенности в исходе, к которому он нас приведет.

Горчаков.

На письме помета Александра II: «Быть по сему».

Из депеши посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 17/5 ноября 1862 г., № 79.*

Господин вице-канцлер,

...Г-н Друэн де-Люис в своей депеше г-ну Мерсье упоминает о намерении французского правительства добиться сотрудничества России на случай вмешательства.

Лорд Лайонс повторил мне тоже самое, но он добавил, что лондонский кабинет желает присоединения не только России, но и других великих держав для того, чтобы, как он мне заявил, выраженное нами желание,— увидеть прекращение этого ужасного кровопролития,— исходило бы не только со стороны Франции и Англии, но и от всего цивилизованного мира.

Не мне, князь, предрешать шаги, которые предпримет императорское правительство по этому поводу. Я ограничусь лишь тем, что сообщу вашему превосходительству какое впечатление произведет здесь коллективное сотрудничество России, Австрии и Пруссии с морскими державами. Это впечатление, скажу об этом без колебаний, будет очень плохим. Не имея одинаковых интересов с Францией и Англией, мы в такой комбинации будем поставлены наравне с Австрией и Пруссией и будем рассматриваться как простые помощники морских великих держав. Эта роль не будет соответствовать той полной достоинства позиции, которую императорское правительство заняло с самого начала нынешнего кризиса, и которая так высоко оценена американским народом. Революция в Соединенных Штатах обречена пройти еще различные фазы, и мы, как я уже имел честь заявить о том вашему превосходительству, можем оказаться призванными предложить наши добрые услуги в качестве посредников, когда развязка станет возможной. Но чтобы быть, если когда-либо представится случай, непосредственно полезными нации, которая постоянно поддерживала с нами самые дружеские отношения, существенно важно, чтобы мы были свободны от всякого антецедента, могущего повредить нам в общественном мнении.

Я прошу, князь, вашего благосклонного снисхождения, если, выражая таким образом мое мнение о столь серьезном вопросе, я переступаю границы моих полномочий. Прошу ваше превосходительство видеть в этом только добросовестное желание исполнить свой долг.

Стекль.

На депеше помета Александра II: «Нахожу его мнение весьма разумным».

---

* МИД, Канцелярия, 1862 г., д. 152, лл. 422—423.

Письмо министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 28/16 февраля 1863 г.*

Все ваши депеши до № 3 включительно до нас дошли и были представлены на усмотрение его величества императора, который соблаговолил отнестись к ним с живым интересом.

Единственная депеша, требующая ответа, это та, в которой упоминается о французском проекте посредничества. Государь одобряет благоразумную сдержанность, которую вы сохранили по отношению к вашему французскому коллеге, когда он вам открылся.

Ответ, который вы ему дали, может служить для вас инструкцией. Я не сумел бы начертать вам поведение более соответствующее мнению его величества, каковое я имел случай не раз вам излагать.

Вы приглашаетесь настойчиво придерживаться его, внося сюда оттенки, какие вам будут подсказаны местными обстоятельствами и теми настроениями, которые вы сможете обнаружить у федерального правительства.

Что же касается предусмотренной вами возможности посредничества, присоединиться к которому мы могли бы быть призваны вместе с Францией, оставляя в стороне Англию, то мы очень хотели бы избежать необходимости сделать выбор между принятием или отклонением подобного предложения. И то и другое из этих предположений представляет действительные неудобства. Мы не желали бы оскорбить Францию, а быть может, и федеральное правительство отказом, но исключить Англию из подобной комбинации, было бы демаршем, противоречащим, как нам казалось бы, цели предлагаемого примирения.

Во всяком случае столь важное предложение, очевидно, не может быть вам сделано французским послом до того, как его правительство предварительно не договорилось бы с нами. А между тем тюильрийский кабинет до сих пор не сделал нам никакого предложения в этом роде.

Горчаков.

На письме помета Александра II: «Быть по сему».

Из депеши посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 26/14 апреля 1863 г., № 29 **

Господин вице-канцлер,

Только с последним пароходом я получил письмо, которое ваше превосходительство оказали честь послать мне 16 февраля, относительно иностранного посредничества в Соединенных Штатах.

Сейчас уже нет больше речи об этом проекте. При наличии весьма напряженных отношений между Соединенными Штатами и Англией эта держава не может и помышлять о дружеском вмешательстве в американский кризис.

Что касается Франции, то и она, кажется, равным образом отказалась от всякой мысли о вмешательстве, и доказательством этого является то, что г-н Друэн де-Люис не счел нужным ответить на последнюю депешу г-на Сьюарда.

* МИД, Канцелярия, 1863 г., д. № 160/а, лл. 396—397.

** МИД, Канцелярия, 1863 г., д. № 160/а, лл. 179—180.

Если посредничество было неприемлемо три месяца назад, то сегодня оно является таковым еще больше. Превратности, испытанные американцами, сделали их в высшей степени восприимчивыми, и всякое иностранное вмешательство в их дела оскорбило бы сейчас их самолюбие больше, чем когда-либо.

Надо дать событиям развиваться. Война ведется в размерах чересчур крупных для того, чтобы она могла продолжаться бесконечно; придется кончить тем, чтобы приступить к переговорам. Лишь тогда, как я уже имел честь говорить об этом вашему превосходительству, добрые услуги нейтрального государства могли бы при случае оказаться полезными, и если такой случай представится, я повторяю это без колебаний, Россия больше чем всякая другая держава, будет в состоянии оказать эту услугу американцам.

Этим я выражаю мнение многих выдающихся личностей, между прочим мнение бывшего президента Пирса[41], с которым я недавно встретился в Нью-Йорке.

Г-н Пирс заявил мне, что он с величайшим удовлетворением прочел сообщения, которые ваше превосходительство поручили мне сделать федеральному правительству, и что он увидел в них искреннее выражение открытой и сердечной симпатии. «В наших ужасных испытаниях,— добавил г-н Пирс,— одна только Россия показала себя нашим бескорыстным другом, и на нее мы можем рассчитывать, если когда-либо мы будем нуждаться в поддержке...»

Стекль.

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 11 мая/29 апреля 1863 г., № 34.*

Господин вице-канцлер,

Государственный секретарь конфиденциально уведомил меня о сообщении, сделанном правительству Соединенных Штатов французским правительством. Луи-Наполеон просил содействия американцев по вмешательству трех держав в польский вопрос[42].

Г-н Друэн де-Люис в своей депеше говорит, что в своем демарше в пользу Польши французский император руководился мотивами гуманности и желанием сохранить всеобщий мир. Г-н Друэн де-Люис прибавляет, что исторические симпатии американцев к полякам и добрые отношения, которые всегда существовали между Россией и Соединенными Штатами, способны сделать более действенным сотрудничество федерального правительства в предпринятом по польским делам выступлении.

Г-н Сьюард мне заявил: «Это — просьба, на которую мы никогда бы не согласились, и она не может подлежать обсуждению сейчас, когда наши собственные дела дают нам достаточно затруднений. В тот момент, когда отвергнута, как мы знаем, мысль о каком бы то ни было вмешательстве в наши внутренние разногласия, по какому праву мы могли бы вмешиваться в дела других государств?».

Государственный секретарь обещал мне сообщить свой ответ, как только он будет готов для передачи французскому правительству.

Стекль.

* МИД, Канцелярия, 1863 г., д. № 160/а, лл. 198—199.

P. S. В момент когда я заканчивал мою корреспонденцию государственный секретарь попросил меня зайти к нему и прочел мне свой ответ французскому правительству. Это — отказ, основанный на традиционной политике федерального правительства,— не заключать союзов с европейскими державами. Г-н Сьюард сказал мне, что свой ответ он отправляет с пароходом, отходящим завтра из Бостона, и добавил, что если бы у него было время, то копию он отправил бы г-ну Клею. Копию ответа он обещал дать также и мне. Я буду иметь честь доставить ее вашему превосходительству только с пароходом будущей недели.

Стекль.

[illegible] Александра II: [illegible]

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 15/3 мая 1863 г., № 38 *.

Господин вице-канцлер,

Имею честь представить вашему превосходительству прилагаемую при сем копию депеши государственного секретаря в ответ на французское предложение относительно польских дел. Г-н Клей, которому этот документ был послан с предыдущим пароходом, по всей вероятности сообщил его вам, господин вице-канцлер, еще до получения настоящего донесения.

Передавая мне свой ответ г-ну Друэн де Люису, г-н Сьюард сказал мне: «Я изложил наш отказ в выражениях самых вежливых по отношению к Франции, но в то же время я приложил старания к тому, чтобы подчеркнуть, насколько федеральное правительство и американская нация ценят те великодушные труды и в особенности великий акт освобождения крестьян, которые уже прославили царствование его величества императора Александра II. Я поэтому выразил мнение, что, если вмешательство Франции имеет предметом интересы гуманности и заботу о сохранении всеобщего мира, то мы не имеем никакого сомнения в том, что оно будет хорошо принято его величеством государем императором, поскольку оно совместимо с интересами его великой империи».

«Такова,— добавил г-н Сьюард,— мысль, которую я хотел выразить в моем ответе на предложение Франции; надеюсь, что ваше правительство будет этим удовлетворено».

Стекль.

Депеша министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 4 июня/23 мая 1863 г.**

Ваше донесение от 15/3 мая [43] было доложено его величеству государю императору. Депеша г-на Сьюарда г-ну Дэйтону в ответ на недавний демарш французского правительства перед вашингтонским кабинетом по вопросу о Польше,— с каковой депешей г-н государственный секретарь по иностранным делам был любезен вас ознакомить,— была уже передана нам г-ном Клеем.

* МИД, Канцелярия, 1863 г., д. № 160/а, лл. 218—219

** МИД, Канцелярия, 1863 г., д. № 160/а, лл. 401—402.

Прилагаемая при сем копия письма, только что отправленного мною по повелению государя г-ну американскому посланнику [44], ознакомить вас с тем, как его величество оценил достойный и твердый язык федерального правительства, оценил доверие, им выражаемое по отношению к взглядам и намерениям государя и лояльность, с которою это правительство поддерживает по отношению к другим те принципы, соблюдение которых оно требует по отношению к себе.

Г-н Сьюард вполне предугадал впечатление, какое произведет на государя ответ, столь соответственный тем добрым отношениям, которые соединяют нас с федеральным правительством.

Подтверждение этому вы найдете в моем письме г-ну Клею. Г-н американский посланник, несомненно, доложит о нем своему правительству.

По повелению государя приглашаю вас быть проводником этих чувств его величества перед президентом и государственным секретарем по иностранным делам в выражениях самой откровенной сердечности.

Горчаков.

На депеше помета Александра II: «Быть по сему».

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 6 июля/24 июня 1863 г., № 50 *

Господин вице-канцлер,

Депеша от 4 июня/23 мая, которую ваше превосходительство имели честь мне отправить, а равно и копия ноты г-ну Клею, аккуратно до меня дошли.

Я поспешил, господин вице-канцлер, исполнить ваши приказания и я выразил президенту Соединенных Штатов и государственному секретарю чувства, которыми проникся государь, когда он познакомился с ответом федерального правительства на французское предложение. Г-н Линкольн и г-н Сьюард в свою очередь заверили меня, что они были как нельзя более тронуты тоном и содержанием письма, адресованного их представителю. «Мы всегда встречаемся на почве, где наши интересы тождественны,— заявил мне г-н Линкольн,— а именно, на почве принципа иностранного невмешательства. Этот принцип был основой нашей традиционной политики и, не взирая на переживаемый нами злополучный кризис, мы решили придерживаться этого принципа во всяком случае». Президент повторил, что он, как и вся американская нация, ценит возвышенный характер и все благожелательные намерения государя императора и выражает пожелание, чтобы его величество мог без препятствий твердо двигаться на пути прогресса, по которому он следует на благо своей обширной империи.

Стекль.

Из письма посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 23/11 сентября 1863 г.**.

Князь.

...Государственный секретарь недавно говорил мне о циркулирующих в европейских газетах слухах по поводу союзного договора, ко-

* МИД, Канцелярия, 1863 г., д. № 160/а, лл. 263—264.

** МИД, Канцелярия, 1863 г., д. № 160/а, лл. 392—394.

торый якобы заключен между Россией и Соединенными Штатами, и добавил, что он опасается, не имел ли г-н Клей, располагающий связями со многими европейскими журналистами, отношения к этим слухам. Он спросил меня, не сделал ли г-н Клей вашему превосходительству какого-либо предложения по этому предмету *. Я ему ответил, что мне об этом ничего не известно. Тогда он сказал мне: «Напишите конфиденциально князю Горчакову, что я рекомендовал г-ну Клею отнюдь не делать какого-либо предложения в этом духе и быть очень осмотрительным. Тождество наших интересов,— продолжал г-н Сьюард, — делает нашу дружескую связь гораздо более надежной, чем какой бы то ни было союзный договор.**

Я позволил себе заметить государственному секретарю, что правительство государя императора полностью разделяет эту точку зрения. В действительности, для нас было бы опасно связать себя каким бы то ни было союзным договором с Соединенными Штатами. Внешняя политика Конфедерации всегда была подчинена расчетам и партийным комбинациям. Эти партии постоянно сменяются, и люди, приходящие к власти, не считают себя связанными обязательствами своих предшественников.

Относительно того, что государственный секретарь заявил мне насчет г-на Клея, я должен добавить, что они продолжают весьма плохо относиться друг к другу. Более, чем вероятно, что г-н Сьюард преувеличил в своем представлении то участие, какое мог принять г-н Клей в циркулировавших в Европе слухах о мнимом русско-американском союзе.

Появление впервые нашего военного флага в Соединенных Штатах произвело сенсацию в стране и особенно в Нью-Йорке [45]. Все власти посетили фрегат «Ослябя», прибывший несколько дней тому назад. Г-жа Линкольн, находившаяся в Нью-Йорке, также посетила его и была в восторге от приема, оказанного ей капитаном Бутаковым. Муниципалитет Нью-Йорка официально предложил нашим морякам гостеприимство города.

Я незамедлительно еду в Нью-Йорк, где надеюсь встретить адмирала Лесовского, который не должен замедлить прибыть с кораблями, вышедшими из Кронштадта. Я не пренебрегу ни одним случаем быть полезным нашим морякам и сделать для них приятным пребывание в Соединенных Штатах.

Стекль.

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 23/11 сентября 1863 г., № 62.***

Господин вице-канцлер,

Недавно прибывший сюда капитан императорского флота Кроун, привез мне письмо морского министра, который извещает меня о посылке в Соединенные Штаты эскадры, вышедшей из Балтийского моря под командой контр-адмирала Лесовского, и фрегата «Ослябя», прибывающего из Средиземного моря. Этот фрегат неделю назад вошел в Нью-Йоркский порт.

* Пометы Александра II: «Мне неизвестно, чтобы он когда-либо делал подобное предложение».

** «Совершенно правильно».

*** МИД, Канцелярия, 1863 г., д. № 160/б, лл. 13—14.

По своем прибытии сюда, контр-адмирал Лесовский ознакомит меня с данными ему инструкциями, и я приму все необходимые меры, чтобы, насколько это будет зависеть от меня, облегчить ему возложенную на него миссию.

Я уведомил федеральное правительство об отправке этой эскадры и получил заверение, что наши моряки получат от компетентных властей всяческие услуги, какие им могут потребоваться.

Я позабочусь о том, чтобы держать контр-адмирала Лесовского в курсе политических событий; я обратился к нашим послам в Лондоне и Париже с просьбой информировать меня о всяком серьезном событии, дабы я мог во время известить об этом командиров наших кораблей. Настоятельно необходимо, чтобы в случае военных действий наша эскадра могла выйти в море раньше, чем она может подвергнуться внезапному нападению или быть блокированной в американских портах бесконечно превосходящими силами, которые англичане и французы держат у берегов Нового Света.

Стекль.

P. S. При сем имею честь передать для вашего превосходительства в копии письмо, которое я только что сию минуту получил от морского министра г-на Уэллса. Он извещает меня оффициально, что адмиралу Паулдинг отдан приказ предоставить в распоряжение нашей эскадры нью-йоркское адмиралтейство на случай, если наши суда будут нуждаться в какой-нибудь починке, и вообще оказывать нашим морякам все услуги, какие им могут потребоваться.

Стекль.

Депеша министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 22/10 октября 1863 г.*

Я получил вашу корреспонденцию от 23/11 сентября и поспешил направить ее его величеству государю императору.

Клей не делал нам никакого предложения о союзном договоре. Мы бы впрочем отклонили его как беспредметное. Договор существует de facto в силу совпадения наших политических интересов и традиций.

Мы весьма тронуты приемом, оказанным нашей небольшой эскадре. Концентрация судов имела своей главной целью охранение безопасности в то время, когда, как нам казалось, нам угрожала война. Мне нет нужды заявлять, что такая возможность никогда не соответствовала нашим желаниям. Сегодня шансы на войну кажутся нам еще менее вероятными. Мы хотели бы быть уверены, что наши храбрые моряки, сердечно отвечая на оказываемый им прием, воздержатся от того, чтобы придавать своим речам характер, угрожающий какой бы то ни было державе, и чтобы тем самым давать повод к предположениям, не входящим в наши намерения и не соответствующим нынешней политике. Такая осторожность тем более необходима, что наши моряки находятся в стране, где страсти чересчур возбуждены и нравы весьма экспансивны.

Горчаков.

На депеше помета Александра II: «Очень хорошо».

---

* МИД, Канцелярия, 1863 г., д. № 160/6, лл. 18—19.

Депеша министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 26/14 ноября 1863 г.*

Я не преминул доложить его величеству государю императору ваши депеши и письма от 2 ноября/21 октября, в которых вы доносите о сердечном приеме, какой был оказан в Нью-Йорке морякам нашей эскадры.

Столь благожелательное и непринужденное выражение чувств является наилучшим доказательством дружеских отношений, соединяющих обе страны. Это выражение чувств может только содействовать еще большей близости этих отношений, ибо русская нация высоко оценит прием, оказанный нашим храбрым морякам, которым доверена в этих дальних краях честь национального флага.

Государь император был весьма тронут и поручает вам, милостивый государь, засвидетельствовать г-ну президенту Линкольну его благодарность.

Его величество равным образом оценил ту действенную помощь и добрые услуги, какие были оказаны федеральными властями Сан-Франциско офицерам и экипажу корвета императорского флота «Новик» во время крушения этого судна [46].

Поспешность, с какой эта помощь была предложена, не выжидая инструкций от правительства, и немедленное одобрение, которое дал этому г-н министр федерального казначейства, являются более чем простым актом гуманности и во всяком случае заслуживают нашей живейшей благодарности.

Государю императору угодно было усмотреть в этом следствие той сердечной симпатии, которая обнаруживается по всякому поводу в наших отношениях с американской нацией. Его величество приглашает вас выразить по этому случаю г-ну президенту Линкольну полное свое удовлетворение.

Горчаков.

На депеше помета Александра II: «Быть по сему».

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 31/19 декабря 1863 г., № 80 **.

Господин вице-канцлер,

С последним пароходом я получил депешу, которую ваше превосходительство имели честь отправить мне 14-го минувшего ноября.

В соответствии с содержавшимися в ней приказаниями, я поспешил выразить в частной аудиенции президенту благодарность государя императора за сердечный прием, оказанный нашим морякам. Г-н Линкольн мне ответил, что он был чрезвычайно тронут этим демаршем и еще раз заверил меня, что появление нашего флага у берегов Соединенных Штатов и обмен учтивостью и любезностями, который за этим последовал, создают дружескую связь между обоими странами.

Адмирал Лесовский прибыл в Вашингтон 3 декабря на борту фрегата «Ослябя», в сопровождении корветов «Витязь», «Варяг» и клипера «Алмаз». К сожалению, нельзя было видеть президента, заболевшего ветряной оспой за несколько дней до прибытия наших военных су-

* МИД, Канцелярия, 1863 г., д. № 160/б, лл. 32—33

** МИД, Канцелярия, 1864 г., д. № 150, лл. 10—12.

дов. Поэтому я представил наших моряков государственному секретарю и другим членам кабинета, которые на следующий день явились с ответным визитом на борт флагманского судна. Г-н Сьюард, который принял на себя оказать честь нашей эскадре, дал банкет адмиралу и командирам кораблей, а на следующий день государственный секретарь и другие члены кабинета оказали мне честь своим присутствием у меня на обеде с нашими офицерами.

В этот период собрался конгресс. Посоветовавшись с адмиралом Лесовским, я попросил г-на Сьюарда пригласить от нашего имени председателя Сената, спикера палаты и всех членов конгресса посетить наши корабли. В назначенный день мы приняли на борту пятьсот человек: сенаторов, депутатов и членов их семейств. Во время приготовленного для них завтрака я предложил тост за процветание Соединенных Штатов, который был встречен с энтузиазмом и сопровождался национальным салютом. Спикер, который был главным персонажем, поблагодарил несколькими любезными словами.

Адмирал Лесовский, пребывание которого в Вашингтоне было более продолжительным, чем он рассчитывал, должен был еще задержать свой отъезд, в виду выраженного президентом желания видеть наших офицеров. Г-н Линкольн попросил меня зайти к нему и сказал мне, что он еще не поправился настолько, чтобы явиться на борт корабля, но что он принял бы наших моряков у себя. На вечернем приеме, где присутствовали дипломатический корпус, высшие должностные лица и члены конгресса, я имел честь представить президенту и г-же Линкольн адмирала Лессовского и командиров эскадры.

Здесь было меньше оффициальности чем в Нью-Йорке, но отсутствие публичных демонстраций и спичей нисколько не повредило этому чрезвычайно сердечному приему. Все прошло настолько хорошо, насколько этого можно было желать.

Адмирал Лесовский отправился в Гэмптон-Роад, расположенный у входа в бухте Чизэйпик, где к нему должны присоединиться оба фрегата, оставленные им в Нью-Йорке. Он предполагает совершить с одной частью эскадры поездку в Гаванну[47] и в Западную Индию, а другую часть оставить в Аннаполисе[48].

Стекль.

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 22/10 марта 1864 г., № 14.*

Господин вице-канцлер,

Командующий нашими тихоокеанскими морскими силами контр-адмирал Попов[49] сообщал мне из Сан-Франциско, что там опасаются нападения со стороны конфедератских корсаров и спрашивал моего мнения, мог ли бы он в подобном случае использовать наши силы для защиты города. Я тотчас же ответил ему по телеграфу и отправил почтой письмо.

Я счел своим долгом сообщить адмиралу характер инструкций, которые ваше превосходительство неоднократно благоволили давать мне относительно американского кризиса. Я ему писал, что для нас нет ни Севера, ни Юга, что мы признаем американскую нацию, что мы сожалеем о конфликте, возникшем между различными штатами и что

* МИД, Канцелярия, 1864 г., д. № 150, лл. 71—72.

всякое соучастие наших морских сил могло бы повлечь за собою серьезные затруднения для императорского правительства. Я добавил, однако, что в том, весьма маловероятном, случае, когда какому-либо корсару удалось бы пройти через укрепления и войти в порт, адмирал мог бы использовать свое моральное влияние, чтобы воспрепятствовать бомбардировке города; можно предполагать, что при наличии тех сил, какими он располагает, такие предостережения произвели бы желательное действие.

Кажется, в Сан-Франциско перепугались без всякого основания. По имеющимся здесь сведениям, в Тихом океане имеется только один корсар: это — «Алабама»[50], небольшое судно, которое не в состоянии напасть на укрепления, защищающие порт Сан-Франциско. Следовательно, предположение о нападении на столицу Калифорнии выходит за пределы всякой вероятности.

Стекль.

Письмо министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 8 марта/24 февраля 1865 г.*

Настоящее письмо я вверяю г-ну Данзасу, направляющемуся в Вашингтон, чтобы заменить там г-на Давыдова[51]. Рекомендую этого чиновника вашему благосклонному вниманию.

Ваши депеши от 24/12 января нами получены[52]. Император ознакомился с ними с интересом, который внушают его императорскому величеству ваши здравые оценки тех серьезных событий, какие совершаются или подготавливаются в Новом Свете.

Ваши оценки убеждают государя императора в необходимости вашего присутствия на доверенном вам посту; ваш проект о поездке в Россию необходимо отложить до более спокойных времен.

Это, дорогой мой Стекль, свидетельствует о той ценности, какую его императорскому величеству угодно придавать вашим услугам.

Как ответ на один из мотивов, внушивших вам желание вернуться в Россию, я прилагаю при сем памятную записку об общей политике. Эта записка поставит вас в курс дела императорского кабинета и ознакомит со всеми оттенками, какие сюда привносятся текущими обстоятельствами и прогнозами ближайшего будущего.

Благоволите рассматривать это сообщение как строго конфиденциальное и предназначенное исключительно для вашего личного сведения.

Горчаков.

Помета Александра II: «Быть по сему».

Записка чиновника особых поручений при вице-канцлере Катакази[53] министру иностранных дел Горчакову **.

Многочисленные и серьезные признаки позволяют предполагать о близком прекращении гражданской войны в Америке. Конфедеративные штаты Юга дошли до крайних пределов, истощив людей и растратив силы и деньги. Федеральные флот и армия каждый день достигают новых успехов. Возможно, что после взятия Чарльстона[54],

* МИД, Канцелярия, 1865 г., д. № 183, лл. 451—455.

** Записка не датирована и приложена к первоначальному проекту письма Горчакова Стеклю, где имеется дата 6 февраля 1865 г.

Вильмингтона[55] и Мобиля[56], этих трех последних портов, которые остаются у сецессионистов, генерал Ли[57], лишенный своей операционной базы и всяких средств снабжения, должен будет прекратить сопротивление, оказываемое им в стенах Ричмонда настойчивым усилиям генерала Гранта[58].

А между тем федеральные войска находятся в 15 милях от Мобиля, на расстоянии одного дневного перехода от Чарльстона; падение Вильмингтона в настоящее время, должно быть, уже совершившийся факт, так как последние известия сообщают, что конфедератский генерал только что взорвал два передовых форта, составляющих главную защиту города, и уже принял необходимые меры, чтобы обеспечить отступление гарнизона, удовлетворив чувство воинской чести длившимся несколько дней сопротивлением.

Еще более серьезным, чем эти военные неудачи, является моральный разгром дела сепаратистов. Громадное большинство конфедеративных штатов громким голосом требует мира, многие из них требуют мира даже любой ценою. Чтобы доказать, с какой настойчивостью и единодушием проявляются эти пацифистские настроения, небесполезно, может быть, будет сослаться на следующие факты:

Законодательные собрания Тенесси и Кентукки[59], двух штатов, наиболее преданных делу рабовладельцев, только что вынесли огромным большинством решение об окончательной и безусловной отмене рабства, мотивируя эту меру желанием положить конец гражданской войне.

Законодательное собрание штата Георгии[60] официально обратилось к конфедератскому президенту за разрешением — вступить с вашингтонским кабинетом в переговоры для восстановления мира. Г-н Джефферсон Дэвис ответил на это документом, воспроизведенным во всех газетах, где он оспаривает право и пользу изолированных переговоров каждого из конфедеративных штатов, но признает необходимость просить мира, оговаривая, разумеется, принцип независимости Юга.

Охранный лист, предоставленный г-ну Блейру[61], — официозному посланнику президента Линкольна, — его переговоры с Джефферсоном Дэвисом, свидетельствуют о том, что этот последний уяснил себе невозможность дальнейшего сопротивления, и что, если он не принимает еще предложений вашингтонского кабинета, то, по крайней мере, прислушивается к ним с бесконечно большей благосклонностью, чем в предшествующие годы.

Впрочем, его вынуждает к этому крайняя финансовая скудость его администрации, полное исчерпание всех военных ресурсов и, в особенности, требования общественного мнения, которые проявили себя недавно даже в недрах конгресса в Ричмонде.

Газета «The Sentinel», официальный орган правительства конфедератов, опубликовала очень резкую статью, где она обвиняет «в измене и бесчестии всех, кто хотел бы вступить в прямые переговоры с вашингтонским кабинетом», — и вот один из наиболее влиятельных на Юге лиц, г-н Орр, представитель штата Миссисипи, заявил протест против диктаторских замашек президента Джефферсона Дэвиса, взывая к здравому чувству страны и конгресса против этих диких теорий войны до конца, и даже не поколебался заявить категорически, «что все попытки запугивания при существующем положении вещей могут повлечь за собой только ускорение событий и вызвать сопротивление, что только сумасшедшие или бешеные люди могут отсоветовать мир и что необходимо, чтобы правительство тем или иным способом удов-

летворило преобладающие пожелания страны — положить конец этой ужасной и бесплодной человеческой бойне, которая длится уже почти пять лет».

Предложение вынести порицание правительству, сделанное г-ном Орр, было отвергнуто большинством, но необходимо заметить, что представители Георгии и Алабамы весьма энергично поддерживали его, а один из них даже заявил, что не желает принимать участия в прениях Конгресса, пока статья в «The Sentinel» не будет осуждена правительством. Достаточно того, что подобный язык оказался терпимым в среде собрания, которое еще 6 месяцев тому назад не допускало простого упоминания о какой бы то ни было пацифистской мысли, чтобы более не сомневаться в повороте, какой произошел за это время в умах конфедератов.

За исключением очень небольшого меньшинства, которое почерпает смелость для своего упорства только в желании наивозможно дольше удержать власть, все в конфедеративных Штатах жаждут мира, и все решили внушить это президенту Джефферсону Дэвису, если он будет упорствовать в своем отказе от мира.

Едва ли необходимо добавлять, что те же самые стремления и такие же решения преобладают в Северных Штатах Америки. Будучи переизбран на самую высокую должность огромным большинством всей нации, президент Линкольн не может иметь более настоятельного интереса, более законного желания, чем завершить свою политическую карьеру восстановлением длительного мира.

При наличии, если не открыто признанного, то молчаливого соглашения между двумя большими частями американского общества о неотложности окончания войны, расхождение существовало бы только относительно условий, на которых мог бы быть заключен мир.

Эти условия со стороны Севера с неизменной ясностью были формулированы не один раз. Вашингтонский конгресс и г-н Линкольн, все избирательные съезды в прошлом году, все законодательные собрания федеральных штатов во многих случаях заявляли, что мир мог бы быть заключен только на следующих условиях:

1. Отмена рабства взамен более или менее щедрого вознаграждения собственникам.

2. Безусловное подчинение конфедеративных штатов и их вхождение в федеральный союз; допускается, однако, возможность пересмотра органической конституции и предоставление каждому из федеральных штатов некоторых требуемых ими уступок, что можно было бы согласовать с единством и неприкосновенностью центральной власти.

Что же касается нынешних притязаний Юга, то и они весьма ясно излагаются в следующей статье, напечатанной в «Richmond Examiner», главном органе умеренного большинства южан.

«Если Юг будет завоеван, сказано там, то он найдет себе утешение, помогая отстоять доктрину Монроэ [62] (т. е. изгнать англичан из Канады и французов из Мексики) и создать мощную власть на американском материке. Эта цель могла бы быть достигнута в настоящее время, если бы Север признал независимость Юга, заключив с ним договор об оборонительном и наступательном союзе, о таможенном союзе, о свободе обмена и о свободе мореплавания».

Первоначальная причина этого великого столкновения — рабство — не упоминается в этой программе по тому простому соображению, что эта причина сама собою исчезла, так сказать, в перипетиях борьбы.

В одних конфедеративных штатах рабство является уничтоженным фактически, в других — оно отменено даже юридически, как об этом свидетельствует выше приведенное постановление законодательных собраний Тенесси и Кентукки.

Следовательно, нет ничего легче, как придти к соглашению о способе справедливого вознаграждения в пользу бывших рабовладельцев. Финансовая операция, аналогичная той, которая была применена при выкупе земель, уступленных крестьянам при их освобождении в России, могла бы быть предложена и с успехом принята, благодаря, главным образом, практическим способностям американцев. Будущий труд негров был бы учтен при выкупе их личной свободы подобно тому, как это было у наших земледельцев при их наделении землей [63].

Что же касается требований знаменитой доктрины Монроэ, то здесь между Югом и Севером будет иметь место не только согласие, но и полная гармония, как это доказывают недавние решения вашингтонского конгресса относительно Мексики и Канады [64].

В конце концов действительное и серьезное расхождение остается только по вопросу о независимости, т. е. об отделении или о политическом объединении.

Но и здесь Юг допускает оборонительный и наступательный союз, таможенный союз и полную свободу торговли и мореплавания, иначе говоря, он склонен вернуться к status quo ante belli, за единственным исключением о президентстве и об отдельном управлении.

Сводя таким образом вопрос к его реальному содержанию, можно придти к убеждению, что в споре остается только мало существенное. В действительности, это лишь вопрос самолюбия и личного интереса, поддерживаемый группой карьеристов.

Географически Юг не может существовать изолированно, принимая во внимание отсутствие всяких естественных границ. Политически он от этого потерял бы больше, чем Север, так как ему первому пришлось бы признать, что для отстаивания с какими нибудь шансами на успех столь дорогой ему доктрины Монро восстановление союза было бы необходимо.

Из всего предшествующего можно сделать вывод, что, если сейчас тактично и с необходимой скромностью предложить американцам добрые услуги для разрешения спорных интересов, то можно было бы, пожалуй, способствовать заключению мира.

Неуспех французского вмешательства в 1862 г. не представляется противоречащим такой гипотезе. Это вмешательство было преждевременным. К тому же личный характер выступившего в то время государя, обычные приемы его политики, его открыто признанное пристрастие к рабовладельцам и особенно французская экспедиция в Мексику — все эти обстоятельства были вескими поводами как для того, чтобы это вмешательство не увенчалось успехом, так и для того, чтобы обострить борьбу и посеять семена будущей вражды между американцами и правительством Наполеона.

Сдержанные и дружеские предложения России были бы сделаны сейчас при совершенно иных условиях.

Американцы Севера так же хорошо, как и американцы Юга, убеждены в искренности нашей доброй воли по отношению к ним. Строгий нейтралитет, соблюдавшийся императорским кабинетом с самого возникновения конфликта, старания, которые оно проявляло к тому, чтобы отклонить всякую солидарность с французскими неумелыми по-

пытками вмешательства или давления, слова, полные симпатии и дружеского интереса, с которыми по приказанию государя императора обращался к вашингтонскому кабинету князь Горчаков в депеше г-ну Стеклю от 28 июня 1861 г., наконец, память об успешном вмешательстве России в 1812 г. [65],— вот те соображения, которые позволяют предположить благожелательный прием, какой был бы оказан нашим добрым предложениям сейчас, когда обе воюющие стороны ищут мирного выхода.

Довольно тяжелый опыт должен был убедить американцев в практической правде тех увещеваний, с которыми обратился к ним императорский кабинет в 1861 г. Они не могут теперь более сомневаться в том, что:

«Несмотря на различие их конституций и их интересов, а может быть именно в виду этого различия, провидение как бы приглашает их упрочить традиционную связь, которая является основой и также условием их политического существования»,— что «те жертвы, которые им пришлось бы возложить на себя для ее сохранения, не могут пойти ни в какое сравнение с теми жертвами, какие повлек бы за собою разрыв этой связи»,— что «будучи соединенными, они дополняют друг друга, разъединившись, они взаимно уничтожаются»,— что, наконец, настал момент подумать о соглашении,— допускающем существование различных ныне борющихся интересов».

Такое соглашение является сегодня тем более легким, что перипетии борьбы устранили, как было констатировано выше, главное расхождение и преобладающий в этом деле интерес, и чтобы придти к решению столь желательному во всех отношениях, нам пришлось бы только совместно работать над применением на практике тех теорий, которые мы излагали еще четыре года тому назад.

Нет нужды указывать на нашу очевидную и традиционную заинтересованность в поддержке Американского Союза, т. е. на нашу заинтересованность в силе и процветании единственного государства, способного уравновесить английское превосходство. Равным образом едва ли есть необходимость указывать на те преимущества для нашего европейского престижа, которые были бы результатом нашего успеха в деле всеми желаемого умиротворения, предпринятого четыре года тому назад Наполеоном III с полнейшим, столь нашумевшим, неуспехом. К тому же не заключалось ли бы в действительности нечто грандиозное, позволим себе сказать, нечто предуказанное провидением, в мероприятии подобном тому, которое поставило бы под покровительство освободителя 20-ти миллионов крепостных окончательное освобождение 4 миллионов рабов Нового Света.

Относительная неуверенность в успехе не должна была бы служить препятствием для каких бы то ни было серьезных попыток, имея ввиду подобные результаты.

К. Катакази.

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 13/1 марта 1865 г., № 18.*

Я имел продолжительный разговор с Сьюардом. Он мне сказал: «теперь, когда восстание находится накануне своего подавления, мы обратились к нескольким державам, в частности к Англии и Франции,

* МИД. Канцелярия. 1865 г., д. № 183, лл. 104—111.

с предложением сделать в пользу Соединенных Штатов официальную демонстрацию, которая могла бы показать, что эти державы не против восстановления Союза, и успокоить в этом отношении общественное мнение Соединенных Штатов. Мы хотим, чтобы они перестали предоставлять Югу право воюющей стороны».

Я спросил Сьюарда, полагает ли он, что Англия согласится сделать подобную демонстрацию. Он мне ответил: «Да, полагаю, не потому, что ей желателен Союз, а потому, что она опасается последствий своего поведения по отношению к нам во время войны. Она желает примирения, так как она нас боится, и это ясно видно из поведения ее правительства. Пальмерстон и Россель чувствуют себя как на иголках всякий раз, как в парламенте заходит речь об американском вопросе. Что же касается до Луи-Наполеона, то его держать в руках труднее, и сомнительно, чтобы он согласился сделать то, что мы у него просим».

Я сказал Сьюарду, что нам, поскольку мы не сделали никакой декларации, и нечего брать обратно. Он мне ответил: «Это правильно, но не могло ли бы ваше правительство сделать какой-либо официозный демарш перед лондонским и парижским кабинетами, приглашая их согласиться с нашей просьбой». Я ему откровенно заметил, что это мне кажется довольно серьезным; что мы до сих пор воздерживались от вмешательства в осложнения, созданные между Соединенными Штатами и европейскими правительствами американской войной, и что я, между прочим, не знаю, являются ли наши отношения с западными державами по своему характеру такими, чтобы они могли нам позволить сделать столь щекотливый демарш. Я добавил, что его просьбу я доложу вашему превосходительству и сообщу ему Ваш ответ.

Не думаю, что мы должны согласиться с просьбой Сьюарда *. Наша политика воздержания как по отношению к внешним, так и по отношению к внутренним делам Соединенных Штатов, поставила нас в очень хорошее положение, которое мы несомненно сохраним, продолжая настойчиво придерживаться той же линии поведения. Сьюард без сомнения преувеличивает боязнь Англии, но доля правды в том, что он говорит, есть, если судить по поведению английского поверенного в делах в Вашингтоне, Берилея. Он всячески подлаживается к государственному секретарю, и так как у него нет ни достаточно опыта, ни достаточно ловкости, чтобы вести борьбу со Сьюардом, то последний делает с ним все, что хочет. Мне сам Берилей сказал, что Россель в каждом письме рекомендует ему не щадить никаких усилий для того, чтобы умиротворить американцев и держать их в спокойствии.

Сьюард говорил со мною об Англии в тоне ненависти и пренебрежения и все здесь выражаются точно также. Несмотря на это, федеральное правительство будет очень осмотрительным, оно пойдет до известного пункта, но не дальше. Обе нации,— как правительства, так и отдельные лица,— глубоко презирают друг друга, но обе стороны одинаково боятся разрыва. Только американцы, как более смелые, берут верх своим высокомерием и становятся все более несговорчивыми по мере того, как англичане обнаруживают боязнь. Признание мятежников воюющей стороной глубоко задело американцев. Они могли бы выждать окончания борьбы, что само по себе положило бы предел подобному состоянию вещей, но они хотят иметь удовольствие

* Помета Александра II: «И я не более».

увидеть, чтобы морские державы отказались от своего поведения по отношению к Югу, пока война еще длится. В этом — идея Сьюарда.

Стекль.

Депеша министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 15/3 апреля 1865 г.*

Подтверждаю получение ваших депеш до № 20 включительно.

Как вы это и предвидели, мы ничуть не хотим отходить от нашей политики воздержания и не намереваемся дать согласие на просьбу Сьюарда об официозных демаршах с нашей стороны перед кабинетами Лондона и Парижа, как это изложено в вашей депеше № 18. Речь, которую вы держали, одобрена его величеством. Если Сьюард вернется к этому вопросу, дайте ему понять, что падение Ричмонда[66] и блестящие успехи, одержанные, наконец, федеральной армией, позволяют надеяться на близкое окончание конфликта и на восстановление сильного и могущественного Союза, и что официозный демарш, которого он хотел, оказался бы фактически беспредметным. Само собою разумеется, что это сообщение вы сделаете весьма осторожно, чтобы федеральное правительство не могло иметь никакого сомнения в постоянных симпатиях нашего государя императора.

Горчаков.

Депеша министра иностранных дел Горчакова посланнику в Вашингтоне Стеклю, 28/16 апреля 1865 г.**

Телеграф принес нам известие о двойном покушении, в результате которого скончался президент Соединенных Штатов и жертвой которого едва не стал г-н Сьюард[67]

Выстрел, поразивший г-на Линкольна в тот самый момент, когда президент, казалось, был близок к тому, чтобы пожать плоды своей энергичной, настойчивой политики, глубоко почувствовали в России.

В виду отсутствия императора, я не в состоянии передать вам выражение чувств его императорского величества. Тем не менее, зная симпатии, которые государь император питает по отношению к Соединенным Штатам Америки, мне легко предвидеть впечатление, какое произведет на его императорское величество известие об этом гнусном преступлении.

Я поспешил засвидетельствовать г-ну генералу Клею чувства живейшей и сердечной симпатии императорского кабинета к федеральному правительству

Благоволите выразить это в самых горячих словах г-ну вице-президенту Джонсону[68], добавив к ним наши самые искренние пожелания, чтобы это новое и прискорбное испытание не помешало стремлению американского народа к восстановлению Союза и согласия, что является источником его могущества и процветания.

Горчаков.

---

* МИД, Канцелярия, 1865 г., д. № 183, лл. 459—460.

** МИД, Канцелярия, 1865 г., д. № 183, лл. 463—464.

Депеша посланника в Вашингтоне Стекля министру иностранных дел Горчакову, 22/10 мая 1865 г., № 38.*

Господин вице-канцлер,

Я имел честь получить депешу от 16 апреля, которую ваше превосходительство благоволили послать мне, поручая выразить президенту Соединенных Штатов соболезнование императорского кабинета по случаю смерти г-на Линкольна.

Перевод этой депеши я сообщил г-ну Хентеру[69], прося его ознакомить с нею прези[illegible]та и спросить его, угодно ли будет ему принять меня, дабы я мог лично передать ему те чувства, выразителем которых мне приказано быть

Г-н Джонсон поспешил удовлетворить мою просьб[illegible] щий день я имел у него аудиенцию. Он просил меня [illegible] императорское правительство за изъявления симп[illegible] речиво выраженные в депеше вашего превосходительства. Президент добавил, что он пользуется этим случаем, чтобы заверить меня, что он, как и его предшественники, ценит дружбу России и ничего не упустит для поддержания самых близких отношений [illegible]жду обоими правительствами.

Депеша вашего превосходительства была опубликована в [illegible]официальной газете и по всей вероятности появится во всех газетах. Я убежден, что она произведет наилучшее впечатление.

Стекль.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Стекль Э. А., русский посланник в Северо-Американских соединенн[illegible] штатах (г. Вашингтон) с 1 января 1857 г. по 20 апреля 186[illegible]

2. Горчаков А. М., князь, министр иностранных дел с 1856 г. по 1882 г.; вице-канцлер с 17 апреля 1862 г.; государственны[illegible] с 18 июня 1867 г.

3. Южная Каролина — один из южно-атлантическ[illegible] США. [illegible] 1860 г. на Конвенте этого штата было отменено р[illegible] США. [illegible] Каролины объявил [illegible] СИЛА [illegible]

4. [illegible] Connecticut [illegible]тикут), которые [illegible]низированы [illegible]

[illegible] число первонача[illegible] озным английским группам сектантского типа — пуританам. Преследуемые в XVII в. официальной англиканской церковью за свои свободомыслящие стремления пуритане, не разделяя политики усиления правительственной опеки над церковью, вынуждены были эмигрировать частью в Голландию, частью в Сев. Америку.

5. Вебстер Даниэль (1782—1852), американский политический деятель, сенатор, был министром иностранных дел в 1841—1843 гг. и в 1850—1852 гг.

6. Речь идет о движении в США за освобождение негров — рабов. Движение обусловливалось политическими и экономическими интересами торгово-про

* МИД, Канцелярия, 1865 г., д. № 183, лл. 191—195.

[illegible] Севера в противоположность интересам помещиков-ра-[illegible] Юга. [illegible] к войне Севера с Югом (1861—1865 гг.) и к отмене рабства негр[illegible].

Руководящей политической партией Севера была партия «республиканская» — сторонница централизованного управления. Руководящей партией Юга была партия «демократическая» — сторонница широкой автономии [illegible].

7. Джон Браун ([illegible]). [illegible] отрядом сторонников со[illegible] в Зап. Виргинии и овла[illegible]. [illegible] временно были убиты его [illegible]. Сам Браун был арестован, [illegible] и повешен в 1859 г. Героический [illegible] в США [illegible].

8. В[illegible] — [illegible] в XVII—XIX вв., [illegible] английской либеральной партии.

9. Джемс Бьюкенен — президент США, с 1857 г. по 1861 г., сторонник рабства.

10. Линкольн Авраам (1809—1865), шестнадцатый президент США (с 1861 г.). Сын фермера из Кентукки, был мальчиком в лавке, дровосеком, лодочником. В 1832 г. во главе отряда волонтеров участвовал против индейцев; получив юридическое образование, был избран депутатом конгресса, где с большой смелостью выступал против невольничества. Избрание Линкольна в президенты послужило сигналом для начала мятежа южан, но энергичными мерами Линкольну удалось вывести страну из военных бедствий и потрясений. Провел закон об уничтожении рабства. После вторичного избрания в президенты был убит фанатичным сторонником рабовладения — актером Бутсом (в апреле 1865 г.). На Авраама Линкольна, «честного сына рабочего класса, пал жребий провести свою страну сквозь беспримерные бои за освобождение порабощенной расы...» (Маркс и Энгельс (Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 22). «Это был человек... непреклонно стремившийся к своей великой цели..., он был одним из тех редких людей, которые, достигнув величия, сохраняют свои прекрасные качества. И скромность этого великого и прекрасного человека была такова, что мир увидел в нем героя лишь после того, как он пал мучеником» (Из обращения Международного товарищества рабочих к президенту Джонсону. Маркс и Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 93).

11. Бостон — гл. город штата Массачузетс, крупнейший порт и промышленный пункт США. Влиятельный центр в подготовке борьбы с рабовладельческими штатами.

12. Повидимому Стекль имеет здесь в виду Крымскую кампанию (1854—1856), во время которой США оказывали в отношении России неоднократные дружественные демарши, становясь на сторону России в ее войне с Англией и Францией.

13. В практике царского М. И. Д. были многочисленные случаи, когда на должности вице-консулов и даже консулов приглашались и утверждались лица, не принадлежащие к подданным России, а являющиеся иностранцами, занимавшимися по преимуществу торговлей в стране, с которой царское правительство было связано политическими отношениями.

14. Тувенель Эдуард-Антуан, французский политический деятель. В 1860 г. назначен министром иностранных дел на место Валевского. В октябре 1862 г. вышел в отставку. Написал несколько исторических трудов.

15. Пальмерстон Генри Джон (1784—1865), лорд, англ. государственный деятель. С 1830 г. по 1851 г. руководил внешней политикой. С 1855 г. до смерти с небольшим перерывом занимал пост премьера, продолжая руководить внеш-

[illegible] ее в духе активной борьбы за мировое преобладание [illegible]го [illegible].

16. Сьюард Вил[illegible] (1[illegible]—1872), северо-американский политический [illegible]. С 1861 г.— государственный статс-секретарь, т. е. министр [illegible] [illegible]. В день убийства Линкольна (14 апреля 1865 г.) на жи[illegible] [illegible] [illegible] покушение сторонниками рабовладения. Сьюард и [illegible] [illegible].

17. [illegible]йонс Ричард (1817—1887), лорд, посол великобританского п[illegible] в [illegible]ингтоне с 1859 г. по 1865 г.

18. В этой депеше Стекль сообщает о назначении президентом Южной конфедерации, Джефферсоном, представителей, снабженных полномочиями для переговоров с различными правительствами Европы.

19. Мерсье Анри, французский посол в Вашингтоне с 1860 г.

20. [illegible] партии вигов, министр иностранных дел (1852—1853 гг. и 1859—1865 гг.).

21. Вестман В. И., директор Канцелярии МИД с 1846 г. по [illegible].

22. В депеше № 44 на имя Горчакова от 24/12 июня 1861 г. Стекль говорит о морских правах нейтральных стран и о предполагаемых со стороны США пер[illegible]орах по [illegible].

23. Клей Ка[illegible], [illegible] США в С. [illegible] г.

24. Имеется в виду Вашингтон — первый президент и основатель Соединенных Штатов Северной Америки (1789—1797), а до этого — главнокомандующий американской армией в войне за независим[illegible] ([illegible]).

25. В депеше № 41 от 10 июня /29 мая 1861 г. Стекль сообщает, что К[illegible]тет министерства иностранных дел в Париже, на основ[illegible] решении которого французское правительство признало правительство Юга воюю[illegible] сторон[illegible], положил в основу своих решений позицию нейтральных держав в войнах, предшествовавших независимости Греции и старых испанских кампаний, и позицию, занятую Соединенными Штатами Америки в отношении этих же государств.

26. В этом резюме Росселя английскому послу в Вашингтоне Лайонсу от 18/6 мая 1861 г. № 186 излагается позиция лондонского правительства по отношению к морским правам.

27. Парижская декларация (конвенция) подписана 16 апреля 1856 г. Россией, с одной стороны, Францией, Англией, Сардинией и Турцией,— с другой, при участ[illegible] [illegible] и Пруссии. Декларация, подписанная через несколько дней после подписания Парижского мира (30 марта 1856 г.), [illegible] Крымскую войну, включает четыре статьи, из котор[illegible] первая [illegible] об отмене каперства (преследование и захват частными судовладельцами неприятельских судов во время войны).

28. Циркуляр французского правительства от 4 июня 1861 г. предпи[illegible] своим консулам в США категорически заявлять, что правительство [illegible] несовместимым с нейтралитетом, которого оно намерено прид[illegible] [illegible]кой бы то ни было набор или принудительное зачисление на [illegible] той или другой воюющей стороной США французских гражд[illegible], [illegible] в США.

Поводом к п[illegible] [illegible] циркуляра послужили [illegible] французского правительства слухи о том, что подданные Фр[illegible] [illegible]ются участвовать в войне для защиты дела США, как гражд[illegible] [illegible], в которой они проживают.

29. Монтебелло Густав-Луи, герцог, французский д[illegible]. [illegible] посол в С.-Петербурге с 1858 по октябрь 1864 г.

30. В депеше № 42 от 17/5 июня 1861 г. Стекль говорит о сделанном английским и французским посланниками приглашении вашингтонскому кабинету

присоединиться к 2 и 3 пунктам Парижской конвенции от 16 апреля 1856 г. о правах морской державы.

Статьи 2 и 3 этой кон[illegible] ный флаг покрыва- [illegible] ский груз, иск[illegible]чая военную контрабан[illegible] ([illegible] 2) и что ней- [illegible] кроме военной контрабанды, не подл[illegible]жит захвату под непри- [illegible]ом (ст. 3).

[illegible]ение Сьюард ответил, что он предпочитает этот вопрос пере- дать на обсуждение в Париж и Лондон. «Очевидной целью Сьюарда,— говорит [illegible] — [illegible]ти переговоры об этом отдельно с Англией и Францией, [illegible] действовать сооб[illegible].

[illegible] Ф. И. (1797—1875), барон, впоследствии граф, царский дипломат, [illegible] в международной политике России в качестве представи- [illegible] (1840—1874 гг. с перерывом в Севастопольскую войну). [illegible]о конгресса 1[illegible].

[illegible] Стеклю от 5 октября 1861 г. здесь не приводится. Она гово- рит о чувствах глубокой благодарности к России со стороны федерального правительства за новые гарантии [illegible].

[illegible]ль. Принимал участие в вооруженном восстании в Бадене в 1848 году. После [illegible] баден- [illegible] Швейцарию, потом в Америку, где в качестве офи- [illegible]ие в гражданской войне на стороне северян.

[illegible] Горчакова Стеклю от 21/12 августа 1861 г. сообщается о под- [illegible]аковым и послом США в Петербурге Клеем соглашения о при- знании принципов Парижской конвенции 16 апреля 1856 г. Конвенция состоит из четырех пунктов аналогичных Парижской конвенции.

35. Имеется в виду инцидент с английским почтовым су[illegible] [illegible] и арестованы американским военным судном [illegible] [illegible] в Европу представители Южной конфедерации, [illegible] [illegible] произошел в проходе Старого Багамского канала [illegible].

[illegible]ть Джон (1793—1876) являлся американским с[illegible] [illegible]ом во Францию, а Месон — сецессионист был на[illegible] в Англию. Целью отправки в Европу Слайделя и Месона было вызвать Англию и Францию на интервенцию против Соединенных Штатов.

[illegible]глийское правительство, усматривая в инциденте с «Трентом» оскорбление национального флага, предъявило федеральному правительству ультиматум: либо в течение семи дней освободить аресто[illegible]й Южной конфедерации, либо, в противном случае, Англия отзывает своего посла в Вашингтоне и порывает сношения с США. [illegible] правительство, обсу- [illegible]ый конфликт, приняло решение [illegible] [illegible], т. XII, ч. 2, стр. 272—274 и ряд др. статей в том же томе.

36. В конце 50-х годов США проявляли полную солидарность с Россией по отношению к Китаю и Японии в вопросах установления с [illegible] торговых свя- зей и утверждения там своего влияния.

37. Депеши Стекля, в которых он сообщает Горчакову о [illegible] посла в США Мерсье в Ричмонд,— главный город штата Вирги[illegible], столицу Южной конфедерации,— здесь не приводятся. Стекль сообщал, что Мерсье предпринял поездку в Ричмонд д[illegible] ознакомления на месте с состоянием тор- [illegible], [illegible]лопком (2 телеграммы Стекля от 13 1 апреля 1862 г.).

28 апреля 1862 г. Стекль сообщал о возвращении Мерсье и о впечатлениях последнего о положении на юге: хлопок сжигают, увозят его вглубь страны и готовы воевать дальш[illegible].

38. С 17 апреля 1862 г. Горчаков назначен вице-канцлером с оставлением в должности министра иностранных дел.

[illegible] (1805—1881), французский дипломат, министр иностранных дел ([illegible]; 1852—1855; 1862—1866).

40. В депеше, которую мы не приводим, Друэн [illegible]-Люиса французскому послу в Петербурге Россия приглашается принять у[illegible]тие во вмешательство трех морских держав (Франция, Англия и Россия) в американск[illegible] войну в [illegible] ии сторонами пере[illegible] [illegible]ев.

41. [illegible] ([illegible]), президент Северо-Американских соединенных штатов (1853—1857), кандидат демократической партии, проводил политику в интер[illegible].

42. Вскоре после начала польского восстания в 1863 г. между Францией, [illegible] [illegible]ические переговоры по вопросу о [illegible]стве в польские дела с целью оказать давление на Россию [illegible]е предоставления с ее стороны полякам уступок в их политических [illegible].

[illegible paragraph]

[illegible] прочих [illegible] США.

43. С письмом от 15/3 [illegible] [illegible]ного секретаря в ответ [illegible].

44. В [illegible]а Клею от 3 июня/22 мая 1863 г. сообщается о том, что письмо Сьюарда Дэйтону соответствует дружбе между Россией и США.

45. В сентябре 1863 г., под коман[illegible]ой контр-адмирала Лесовского в Нью-Йорке [illegible]лась русская [illegible] [illegible]кадра в составе трех фрегатов, двух корветов и одного клипера (впоследствии должны были подойти еще несколько клиперов). Фрегат «Ослябя» под командой капитана Бутакова прибыл в Нью-Йорк на несколько [illegible].

Целью посылки эскадры Лесовского [illegible] США [illegible], как говорит инструкция морского мин-ва адм. Лесовскому: «в случае предвидимой ныне войны с западными державами, действовать всеми возможными доступными ей средствами против наших противников, нанося посредством от[illegible] наичувствительнейший вред и урон непри[illegible] нападения всей эскадрой на слабые и малозащищенные места неприятельских [illegible] (см. «Красный Архив», 1930 г., т. [illegible], стр. [illegible]).

46. [illegible] 1863 г. [illegible] [illegible] США, около [illegible] миль к северу [illegible]. Весь экипаж судна был спасен американским береговым катером.

47. Гаванна — гл. город вест-индского острова К[illegible]. Важный пункт испано-американской торговли.

48. Аннаполис — гл. город [illegible].

49. Русская тихоокеанская [illegible]а Попова, с октября 1863 г. находи[illegible] в [illegible] [illegible]данием, в связи с осложнившейся после польского [illegible] меж[illegible]народной обстановкой, «по [illegible] об отк[illegible]рытии военных действий направиться к наиболее уязвим[illegible] [illegible]тельским колониям для нанесения противникам вреда в морской торг[illegible].

50. Англ[illegible]йское правительство, симпатии которого были на стороне рабовладельческих штатов Юга, допустило постройку и снаряжение в англ[illegible] гаванях нескольких военных судов для Южной конфедер[illegible]. [illegible], спущенные на воду, наносили в открытом море огромный вред морской [illegible]

Северных штатов. Среди [illegible] судов особенно отличал[illegible] канонерка «Алабама», которая в продолжение [illegible] лет (1862—1864) [illegible] штатам значительный урон в торговле. Инцидент с [illegible] в истории гражданской войны Севера и Юга, как [illegible] [illegible]вшийся несколько [illegible]ся уже после победы Севера. Инцидент заклю[illegible] в том, что правительство США потребовало от Англии возмещения за убытки, причиненные действиями судов, снаряженных на английской территории: (Об «Алабаме» см. Маркс и Энгельс, Соч., т. XII, ч. 2, стр. 400).

[illegible] Александр Петрович — младший секретарь Российской м[illegible] в США ([illegible]).

[illegible] депешах Стекля Горчакову от 24/12 января 1865 г. Ст[illegible] [illegible] Линкольна начать мирные переговоры с Югом. В [illegible], [illegible] о намерении Линкольна отправить в Ричмонд Б[illegible] [illegible]ых лиц, для переговоров о мире.

[illegible]и Константин Гаврилович — чиновник особых поручений при вице-канцлере. С 1869 г. по 1872 г. — [illegible] в США.

54. Чарлстон — морской порт штата Ю. Каролины (США) на берегу Атл[illegible]ческого океана. Важный хлопковый [illegible].

55. Вильмингтон (правильно Уильмингтон) — главный порт штата Сев. Каролины (США) в 30-ти километрах от [illegible]. Вывоз хлопка и леса.

56. Мобил — порт в штате Алабама (США). Вывоз леса, хлопка, железных и стальных изделий.

57. Ли Роберт Эдуард (1807—1870) — конфедератский генерал. Главнокомандующий (с 1862 г.) армией южан во время гражданской войны в США.

58. Грант Улисс Симпсон (1822—1885) — 18-й президент США (с 1868 г. по 1876 г.). Горячий приверженец уничтожения рабства. Во время гражданской войны в США сражался на стороне северян. С 1864 г.— главнокомандующий армиями северян. Закончил гражданскую войну победой Севера над южанами, за что был прославлен как национальный герой.

59. Тенесси — один из южных штатов США. Главнейшая с.-х. культура — табак и хлопок. Кентукки — один из юго-западных центральных сельско-хозяйственных штатов США. Ведущие культуры — табак и кукуруза.

60. Георгия (правильно Джорджиа) — [illegible] из штатов южно-атлантической группы (США). Производство хлопка.

61. Блейр Френсис Пристон — американский журналист и политический деятель США. Ярый сторонник аболиционистов. Принимал участие в гражданской войне на стороне северян.

62. Доктрина, названная по имени президента США, Джемса Монро (1758—1831), и заключавшая в первоначальной своей формулировке (в послании президента Монро конгрессу в 1823 г.) принцип невмешательства европейских государств в дела американского континента. В эпоху империализма доктрина Монро послужила оправданием интервенции США в страны Северной и Южной Америки. По настоянию президента Вильсона доктрина Монро была включена в ст. 19-ю Лиги Наций. В послевоенный период эта доктрина, изменив свой первоначальный смысл, стала выражением лозунга «Америка для американцев».

63. Царский дипломат Катакази не мог, конечно, вскрыть сущность «финансовой операции», проведенной при освобож[illegible]ии крестьян от крепостной зависимости в России. Рекомендуя эту «операцию» американцам в расчете на «практические способности» американской буржуазии, Катакази имел в виду прежде всего интересы рабовладельцев, учтя, как при этой «операции» царское правительство оградило интересы помещиков в ущерб интересам крестьян.

64. Решение Вашингтонского конгресса относительно Мексики состоит в том.

что уже после окончания гражданской войны, Конгресс США во имя доктрины Монро потребовал от Франции (Наполеона III) увода ее войск с м[illegible] Как известно, Франция в 1861 г., сначала совместно с [illegible] [illegible] интервенцию в Мексике в целях [illegible] французским ростовщикам. [illegible] III [illegible] Конгресса США, так как к этому [illegible] стр. [illegible].

[illegible] договор[illegible] [illegible]ти ле[illegible] [illegible] войны в США позиция, [illegible] Великобритания ста[illegible] [illegible]м о не[illegible] [illegible] о взаим[illegible]

[illegible] в 1812—1814 гг.— окончи[illegible] [illegible]о Р[illegible].

[illegible]. В апреле 1865 г. Ричмонд был эвакуирован конфедератами, понесшими серьезные поражения. Вскоре после падения Ричмонда гражданская война в США была закончена [illegible]

67. Линкольн был [illegible] Вашингтонского театра, спустя [illegible] президентского кресла; на пост [illegible] избран в ноябре 1864 г.

[illegible] Линкольна было совершено покушение на генерального [illegible] сына. От серьезных ран сын Сьюарда скончался.

68. Джонсон Эндрью (1808—1875), член республиканской партии, вице-президент, заступил должность президента США после убийства Линкольна.

69. Хентер — заместитель генерального секретаря Сьюарда.

Выборы в Париже в Генеральные Штаты в 1789 г.

(Из писем современника)

Публикуемые ниже документы имеют большой интерес как письма очевидца событий Французской буржуазной революции[1]. Большое значение им придает то обстоятельство, что автор их — Демишель — был ближайшим другом одного из крупных деятелей революции Жильбера Ромма[2], выразителя интересов буржуазии, хотя и далекого от народных масс, но одного из самых стойких деятелей буржуазной революции; с ним тесно связана жизнь Демишеля.

Письма адресованы Дюбрейлю, почтмейстеру города Риома в Оверни, видному общественному деятелю, другу и приверженцу Ромма, содействовавшему избранию Ромма в Законодательное собрание. Дюбрейль оставил нам свои замечательные письма, адресованные Ромму (1779—1791 гг.), до сих пор неопубликованные, являющиеся «летописью» города Риома в предреволюционный период и в дни революции.

Демишель, так же как Ромм и их общий друг, почтмейстер Дюбрейль,— уроженцы Риома. Демишель — внук крестьянина. «Из моей генеалогии, пишет он в письме от 13 сентября 1786 г., мне известно только то, что мой дед был крестьянин... Мой отец первым из нашей семьи стал называться «господином» (monsieur), но это случилось так недавно, что он не удостоился даже чести быть сборщиком налогов».

В детстве Демишель был отдан на обучение монахам (les oratoriens), в школе которых учился и Ромм. По окончании учения Демишель намеревался поступить в монашескую конгрегацию, но не привел своего намерения в исполнение, а открыл кондитерскую в Риоме, но дела его шли плохо. В поисках новых средств к существованию, Демишель, оставив семью, в 1776 г. приехал в Париж к Ромму.

В Париже Демишель по примеру и под влиянием Ромма, ум, знания, способности которого он превозносит в своих письмах, пополняет свое образование, очевидно недостаточное, занимаясь географией и арифметикой; вместе с Роммом посещает открытые заседания Академии наук, часто бывает в кафе, по его словам «от скуки», но куда его влечет также и желание узнать политические новости, послушать толки о короле и королеве, политике министров и т. д. Главная же цель его жизни в Париже сводится к отыскиванию себе заработка, потому что материальное положение его незавидно, несмотря на денежную помощь, оказываемую ему Роммом и Дюбрейлем. Он находит себе

[1] Письма Демишеля хранятся в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи. Написаны они чрезвычайно мелким и трудным для чтения почерком. Письма переплетены в два тома (281+298 листов), некоторые обороты листов имеют адрес: A monsieur. Monsieur Dubreuil, directeur à la poste aux lettres à Riom en Auvergne», и остатки сургучных печатей. Подписей письма не имеют.

[2] Ромм (1750—1795) член Законодательного собрания и Конвента, один из составителей республиканского календаря. В разгар реакции, после восстания в прериале II года (1795 г.) Ромм и его единомышленники так наз. «последние монтаньяры» были приговорены к гильотинированию. Перед казнью все приговоренные, в том числе и Ромм, покончили с собой (См. Е. Тарле, Жерминаль и Прериаль).

место кондитера, бросает его и переходит на службу в качестве приказчика в ювелирную фирму, по его словам, близкую к разорению. После отъезда Ромма в Россию, в качестве домашнего учителя детей гр. Строганова[1], положение Демишеля [illegible].

В [illegible]тябре 1782 г. он получает письмо от Ромма из России с предложением занять место библиотекаря у графа А. С. Строганова. После долгих колебаний, советов с [illegible] друзьями Демишель решает ехать в Россию, намереваясь [illegible]хватить с собой немного французских товаров для сбыта их с выгодой для себя, что ему между прочим Ромм категорически запре[illegible]т.

В июле 1783 г. Демишель уезжает в Россию. В Петербурге он жил в доме у графа Строганова в качестве библиотекаря только пять месяцев. С февраля 1784 г. он становится гувернером барона Г. А. Строганова[2] и уезжает с ним в июле 1785 [illegible].

На основании этой краткой биографии Демишеля до 1789 г. не трудно сделать вывод, что Демишель был рядовым представителем мелкой буржуазии. В дальнейшем, не участвуя активно в революции, он только переживал события, наблюдал их с заостренным интересом к политической жизни и запечатлел в письмах свои наблюдения с большой точностью: все приведенные им даты проверены, и ни одной неточности не обнаружено, все факты, которых он касается, находят подтверждение и часто дополняют другие данные. Ромм, пользующийся большим авторитетом у своих друзей, имел огромное влияние на Демишеля и можно безошибочно утверждать, что точка зрения Демишеля, при описании им событий, обусловлена взглядами и мнениями Ром[illegible].

Для публикации отобраны письма, относящиеся к 1789 году. В этом году с января до середины мая Демишель жил в Париже вместе с Роммом, Строгановым и архитектором Воронихиным, бывшим дворовым графа А. С. Строганова, и был очевидцем выборов в Ге[illegible]ные штаты и их открытия. Всего сохранилось от этого периода 40 писем. Наиболее интересные из них публикуются или полностью или в выдержках.

В письме от 3 января 1789 г. Демиш[illegible] Париж. В первые же дни, проведенные в Па[illegible] нужную, тревожную обстановку в дни предвыборной [illegible] желое положение беднейших слоев населения. [illegible]жаются,— пишет он Дюбрейлю,— и нельзя без с[illegible] ненных ими бедствиях. Однако Париж [illegible], но я боюсь, что малейший переворот в правительстве может иметь [illegible] неприятные последствия»[3].

С первых же дней своего приезда Демишель сосредоточивает свое внимание на политической жизни Парижа. Прежде всего он отмечает постановление королевского совета от 27 декабря 1788 г.[4], в котором была выражена программа, выработанная Неккером и принятая под его давлением королем, далеким от какой бы то ни было программы и желающим получить от собрания трех

---

[1] А. С. Строганов — сенатор, член Госуд. совета, президент Академии художеств.

[2] Г. А. Строганов — барон, двоюродный брат воспитанника Ромма — Павла Строганова.

[3] См. ниже, [illegible].

[4] «Resultat du conseil d'état du roi, tenu à Versailles le 27 décembre 1788». В этом постановлении по докладу Неккера было установлено количество депутатов в Генеральные штаты в 1000 человек, при чем число депутатов третьего сословия по сравнению с количеством депутатов двух других сословий было удвоено (от дворянства — 250 депутатов, от духовенства — 250 депутатов и от третьего сословия — 500). (Текст этого постановления см. у Brette, Collection de documents, relatifs à la convocation de[illegible] 37).

[illegible][1]. [illegible], а именно: удвоение количества депутатов по сравнению с другими сословиями. Хотя сохранением системы посословного голосования эт[illegible] преимущество было [illegible] 1789 г. вызвало ликование парижской буржуазии, Париж был иллюминован, как в дни больших торжеств, парижане называли его «новогодним подарком, полученным народом от короля». Так же [illegible] и Демишель, обещая выслать Дюбрейлю один его экземпляр.

Демишель впол[illegible] сословием политики Неккера, мероприятия котор[illegible] «предпосылками великой реформы»[2]. [illegible] в сохранении посословного голосования, не вызывает его критики. Затрагивая вопрос о системе голосования в Генеральных штатах, Демишель прибавляет: «Неккер предоставил решить этот вопрос нации, и мне кажется это было единственным правиль[illegible] Неккера, популярность которого в то время была очень велика, вполне разделяет Ромм, от [illegible] гравированный портрет Неккера[3].

Описывая выборы, Демишель отмечает прежде [illegible]у третьего сосло[illegible] пределов лояльности и выразилась в неразрешенном третьему сословию переизбрании председателей, назначенных правительством из муниципальных должностных лиц, в отстранении и удалении их с собраний. Кроме того, Демишель отмечает: недопущение третьим сословием к выборам лиц, состоящих у дворян на службе, [illegible] выборов, которое, в целях сохранения своего авторитета первенства, желало, чтобы третье сословие выбирало депутатов и составляло наказы не самостоятельно, а сообща с дворянством; в связи с этим Демишель констатирует большую настороженность по отношению к дворянству и недоверие к нему третьего сословия.

Демишель, сообщая о приеме третьим сословием дворянских депутаций на выборных собраниях, прибавляет: «эти депутации были приняты со всеми подобающими им почестями, но почти везде соблюдали мудрую сдержанность, очень осторожно выражали свое доверие, чтобы не повредить интересам третьего сословия»[4]. Отмечает Демишель и позицию правительства во время выборов, с одной стороны, из опасения восстания, поставившего охрану у входа церквей, где происходили выборы, а с другой стороны, возбуждающего восстание путем подкупов, желая его использовать против третьего сословия, устрашив им тех, кто его поддерживал. Заострение внимания Демишелем на всех этих фактах типично для него, как для представителя третьего сословия, который, наблюдая и описывая свои наблюдения, всегда учитывает интересы и преимущества третьего сословия и грозящие ему опасности.

Кроме интересов третьего сословия, Демишелю дороги интересы его родного города Риома, что характерно для него, как для обывателя города — «буржуа». Во время предвыборной кампании Риом в лице своих судебных властей и муниципалитета отстаивал свое право быть местом собрания трех сословий для выборов в Генеральные штаты от Овернского судебного округа — «сенешаль-

---

[1] А. Олар, Политическая история французской революции. М. 1938, стр. 48–49.
[2] См. ниже, стр. 162.
[3] См. ниже, стр. 161.
[4] См. ниже, стр. 171.

ства», на что претендовал другой город Оверни — Клермон, в качестве древней ее столицы, в которой всегда происходили выборы в Генеральные штаты[1]. Клермонцы прислали в Париж для отстаиванья своих прав перед правительством депутацию. Отстаиванье же прав Риома взял на себя Малуэ[2], уроженец Риома, занимавший важный правительственный пост, человек близкий к Неккеру, который через него добивался, чтобы местом выборов от Овернского сенешальства стал Риом. Этой борьбе двух городов посвящен целый ряд писем.

Центральным местом писем Демишеля является описание им восстания в Сент-Антуанском предместье Парижа, направленного против [illegible]гов Ревельона[3] и Анрио. Восстание сопровождалось враждебными по отношению к Ревельону манифестациями, стачкой, разграблением их домов и т. д. Почва для восстания была подготовлена дороговизной хлеба, безработицей, лишением избирательных прав неимущих слоев населения. Лишенные избирательных прав в дни выборов толпились у дверей церквей, где происходили выборы и составлялись наказы, и выражали свое неудовольствие и сомнения, по сообщению одной роялистской газеты («L'ami du roi»), вопросами: «Занимаются ли нами? Думают ли о том, чтобы понизить цену на хлеб? Мы голодны»[4].

Сопровождавшая восстание стачка свидетельствует о том, что в состав восставших, главным образом, входили рабочие, руководимые мотивами классового порядка, объединенные чувством классовой солидарности, что вполне явствует из ответа одного участника восстания на вопрос во время допроса, почему он не работал в день восстания — «если бы не поддерживали друг друга, то все бы погибло»[5].

Формы восстания — грабеж, разгром домов, характерные для стихийного массового движения, показывают, что в восстании принимали участие и деклассированные слои населения, лица, подкупленные секретными агентами двора. Толчком к восстанию послужили слова Ревельона, избранного выборщиком от третьего сословия и заявившего на одном собрании, что рабочие могут существовать на 15 су в день. Кроме того, по сообщению упомянутой выше газеты «Ami du roi» от 27 и 28 апреля, Ревельон и Анрио возбудили классовую вражду к себе, как представители буржуазии, своим поведением на [illegible]: [illegible] особые места, отведенные им, как почтенным избирателям, не обращали внимания на речи и требованья рабочих, что вызывало ропот и раздражение. «Рабочие,— по сообщению этой газеты,— желая устрашить всех собственников столицы, произвели свое первое нападение на самого крупного из них»[6].

Правительство, не принявшее никаких мер к предупреждению восстания, подавило его с большой жестокостью.

Газета «Ami du roi» устанавливает, что убитых было 200 чел., раненых — 300. Приблизительно ту же цифру дает в своих мемуарах Besenval

---

[1] Последний раз штаты собирались в 1614 году.

[2] Малуэ, Пьер Виктор (1740—1814) крупный политический деятель. В 1789 г. был интендантом» Тулона. Был избран депутатом в Генеральные штаты. В национальном собрании занял правую позицию, выражал интересы крупной финансовой буржуазии, отстаивая двухпалатную систему и абсолютное veto короля. После свержения монархии эмигрировал. После 18 брюмера VIII года (7 ноября 1799 г.) вернулся во Францию, был членом Государственного совета. При Людовике XVIII незадолго [illegible] был назначен морским министром.

[3] [illegible] была крупная по тому времени фабрика обоев. По свидетельству [illegible] было 350 рабочих (Chassin, Les élections et les cahiers de [illegible], стр. [illegible]).

[4] [illegible] de la révolution, Paris, 1863, т. I, стр. 293.

[5] [illegible] раненых при подавлении этого восстания, привезенных 28 апреля в Парижскую больницу — «Hotêl Dieu» (см. Chassin, op. cit, т. III, стр. 74).

[6] [illegible], т. III, стр. [illegible].

и книгопродавец Hardy, автор интереснейшего «журнала событий» («Journal des évenements»), посвященного этому восстанию [1]. 28 апреля было обнародовано правительственное сообщение о предании чрезвычайному — «превотальному» суду без права апелляции и отсрочки приговора участников восстания [2]. Суд состоялся 29 апреля утром, вечером в тот же день двое — кровельщик Жильбер и поденщик Цура, арестованные в подвале дома Ревельона, обвиненные в подстрекательстве к восстанию и участии в нем, были по приговору этого суда повешены у заставы Сент-Антуанского предместья.

2-й чрезвычайный суд над участниками восстания состоялся 15 мая 1789 года: 2 человека были приговорены к повешению, 5 — к вечной каторге. Так закончилось восстание, которое Жорес и Луи Блан рассматривают, как первое стихийное восстание пролетариата против капиталистов. Луи Блан говорит по его поводу следующее: «В момент предвыборного возбуждения сказано было о заработной плате, и одни эти слова заключали в себе более глубокую революцию, чем та, в которую устремлялась буржуазия» [3].

Вышеупомянутый книгопродавец Hardy различает в толпе восставших «рабочих и разбойников»; Демишель «рабочих» не замечает совсем, а видит только «бродяг», «оборванцев», «чернь». Непонимание классовой сущности восстания характерно как для эпохи, так и для Демишеля, представителя мелкой буржуазии.

В заключение необходимо отметить, что письма Демишеля, публикуемые в ознаменование 150-летия буржуазно-демократической революции 1789 г., вскрывают социальную сущность этой революции. В них красной нитью проходит борьба буржуазии и дворянства, приведшая в конечном результате к победе капитализма над феодализмом. Кроме того, по ним можно установить начало «восходящей линии» движения этой революции, когда руководящая роль принадлежала умеренным партиям, представителями которых являются упоминаемые Демишелем Малуэ, Лалли-Толендаль и др., в дальнейшем уступившие свое место сначала более радикальным партиям, затем жирондистам, отстраненным в свою очередь якобинцами.

Е. Александрова

Париж, 3 января 1789 г.

Приехал я, мой милый Дюбрейль, вполне благополучно, если не считать холода, от которого я очень страдал, и сильного отека ног. Одним из самых больших неудобств наших общественных карет, особенно в это время года, является невозможность пройти пешком хотя бы немного, чтобы поразмяться и согреться...

Мне надо еще причесаться прежде чем идти к г. Малуэ. Если будет возможно, то я постараюсь еще написать вам о том, как он принял меня, если же нет, то я сообщу вам об этом со следующей почтой. Вы уже знаете о только что обнародованном постановлении государственного совета короля [1]; на всякий случай посылаю вам один его экземпляр. Никаких новостей я еще не знаю, кроме того, что парижане были очень довольны этим «новогодним подарком» короля. Не верьте смешным слухам об убийствах и опасностях, которым якобы подвер-

---

[1] Chassin, op. cit., т. III, стр. 58, 62.
[2] Chassin, op. cit., т. III, стр. 71.
[3] Louis Blanc, Histoire de la révolution française, т. II, стр. 219.

гаются в столице, мне кажется повод к этим ложным толкам дали некоторые происшествия, неизбежные в таком большом городе.

Я выхожу от г. Малуэ. Я долго с ним беседовал и он мне сообщил краткое содержание письма, которое он написал в сенешальство. Он мне сказал, что он опасается некоторых возражений со стороны Клермона [2] и сообщил, что у него есть осведомленный друг, который принимает близко к сердцу интересы нашего города. Было объявлено, что указы о выборах будут разосланы на этой неделе, но посылка их отложена на несколько дней. У меня нет времени продолжать письмо; уже около полудня, а я хочу, чтобы мое письмо было отправлено сегодня утром. Я вам напишу обо всем этом в будущий вторник.

Париж, 6 января 1789 г.

Я вам обещал, мой милый Дюбрейль, дать более обстоятельный отчет о моем посещении г. Малуэ. Я поделюсь с вами моими наблюдениями с просьбой не разглашать их. Я был принят нашим компатриотом самым учтивым образом. Он прочел те два письма, которые я ему передал, и сказал, что все устроилось в пользу нашего города. Он подробно сообщил обо всем, что было им до сих пор сделано для нашего города, и послал к своему брату за черновиком письма, написанного им в сенешальство. Он мне сообщил, какая причина побудила его желать более широких полномочий, чтобы действовать с большей пользой для нас. Он мне сказал, как ему было досадно, когда его, главного деятеля, доведшего это дело до конца, в момент его окончания тотчас же заменили другим. «В связи с новым порядком, установленным министерством,— прибавил он,— дела приняли другой оборот. Я сделаю все, что должен сделать для Риома, и моя миссия будет выполнена».

Я ему сказал о желании всех в нашем городе избрать его депутатом в Генеральные штаты. Из его скромного ответа мне, однако, не трудно было заметить, что он будет восхищен, если на него возложат такое почетное звание. Я должен еще прибавить, что я убедился в его усердии, в его готовности служить нам, принимая во внимание то удовольствие, которое он проявил при нашей обстоятельной беседе обо всем, что он сделал и что он намерен предпринять. «Мне нечего бояться, нечего ждать от нашего правительства, я имею независимое от него состояние; я всегда искренно говорил правду и в более бурные времена». Я вам передаю его собственные слова, которыми он выразил свои идеи. Стоит ли вам теперь сообщать мое мнение о том, кого должен избрать город? Я вижу в г. Малуэ единственного человека, способного не только защитить наши частные интересы, но способствовать надлежащим образом благодетельным намереньям министра [3] не только для общественного блага, но и для пользы Овернской провинции. Вы знаете его тесную близость с г. Неккером. Только благодаря этой близости он мог присутствовать на собрании, состоящем только из дворян, иначе наш город лишился бы лучшего из всех своих прав. Г-н Неккер даже не задумывался о том,— могла ли бы просьба Клермона подлежать обсуждению.

Я прибавлю еще, что г. Малуэ, благодаря своим большим связям в столице и при дворе, во время сможет остановить своим влиянием те удары, которые хотели бы нам нанести. Я могу сказать, что благодаря привычке к постоянному общению с министрами и с самыми

замечательными людьми, он выражает свои мысли с благородной смелостью, которая привлекает к себе внимание и заставляет себя слушать. Я также уверен и в его справедливости, которую я ставлю рядом с его просвещенностью. Я его причисляю к группе того небольшого числа честных людей, которые поддерживают цели умного и просвещенного министра, потому что считают их разумными и справедливыми, и которые способны содействовать их успеху.

Я призываю вас, мой милый друг, начать действовать заблаговременно и призвать к действию и других, чтобы способствовать избранию г. Малуэ нашими компатриотами. Я полагаю, что я ничего не прибавлю к тому, что вы и многие наши компатриоты знаете о нем, но мне хочется, чтобы все были убеждены так, как убежден я сам, что г. Малуэ во всех отношениях заслуживает предпочтение пред теми, которые будут добиваться чести избрания депутатами в Генеральные штаты. Впрочем, при теперешнем положении вещей все могут быть удовлетворены, потому что сенешальство должно избрать определенное количество депутатов. Когда я уходил от г. Малуэ, он сказал мне: «Наконец-то я могу выразить надежду, что у нас будет конституция и что мы умрем свободными»...

Я виделся с управляющим доменами, который не может ничего сделать для «Бюллетеня» Фокона[4]. Сильные холода все еще продолжаются и нельзя без содрогания думать о всех причиняемых ими бедствиях. Однако Париж спокоен. Но я боюсь, что малейший переворот в правительстве может иметь самые неприятные последствия...

Париж, 12 января 1789 г.

...Если вы подумаете, что я из угождения вашему вкусу буду говорить с вами о политике, то вы ошибетесь. Ни одного слова о новостях. Мы живем в Париже, как в лесу, никого не видим; как же мы можем знать, что происходит и о чем говорят? Я опять виделся с моим управляющим доменами, но я не мог от него получить никаких сведений для «Бюллетеня» Фокона, и я совсем не знаю, к кому мне обратиться, чтобы удовлетворить Фокона. В прошлый четверг состоялось собрание парламента; есть несколько версий о причинах, вызвавших это собрание, но ничего определенного об этом не говорят. Парламент должен опять собраться в будущую пятницу. По Парижу ходят слухи, что появилась брошюра с резкой критикой, направленной против г-на д'Эпремениля[5], но я ее еще не видел. Очень много говорят о большом заговоре против Неккера, во главе которого стоят министры, его сотоварищи. Вчера мне рассказали, что на заседании секретного комитета эти негодяи в отсутствие Неккера чуть не убедили короля дать ему отставку. Этот уважаемый человек делает вид, что он не слышит того, что говорят, и уйдет из министерства только тогда, когда его оттуда вытолкают.

Я еще не получил известий из России и я тем более обеспокоен этим потому, что m-lle Додэ[6] сообщила мне, что барон[7] опасно болен. Я не могу ничем объяснить такого долгого молчания. Граф[8] в своем письме г. Ромму ничего не говорит об этой болезни и я не знаю, что и подумать.

Два дня тому назад нам показалось, что наступила оттепель. Потом всю ночь шел снег и холод возобновился. Я не понимаю, что предпринимают для снабжения Парижа и для помощи тому большому количеству несчастных, которые в нем живут. Благотворительность очень

велика и в будущем она нужна в таких же размерах. В прошлую пятницу в ратуше было собрание всех парижских кюре для обсуждения и согласования с муниципалитетом мер помощи нуждающимся...

Париж, 24 января 1789 г.

Я сегодня сдам на дилижанс небольшой, адресованный вам, ящик. Вот стоимость посылки.

Большую гравюру — портрет Неккера, в рамке . .	13	ливров	10
Маленькую гравюру в рамке	15	»	10
Фунт фитилей	18	»	
Ящик и упаковка	3	»	10
	[illegible]		10

Кроме того я положил туда гравюру для вас; бумажный пакет, который вы передадите г-же Ромм, переплетенный в сафьян часослов для моей двоюродной сестры и молитвенник для моей сестры...

Никаких новостей у меня нет, я ничего не знаю о том, увенчалось ли успехом дело клермонской делегации. Здесь с большим нетерпением ожидают указа о созыве. Появилось в печати несколько проектов наказов для депутатов от провинций в Генеральные штаты; я предполагаю, что вам известно все, что в этом роде выходит.

Прощайте, мой добрый друг, поклонитесь от меня всем нашим друзьям...

Париж, 27 января 1789 г.

Вчера вечером умер г-н д'Омерсон, первый президент парламента. Указы о выборах уже два дня тому назад сданы в королевскую типографию и должны выйти сегодня. Король призвал к себе главного прокурора и главного адвоката и отдал им распоряжение начать следствие по делу типографщиков, разносчиков газет и автора пасквиля, приписываемого Мирабо [9], в котором он пишет ужасы о великой княгине [10], о прусском короле [11], принце Генрихе [12] и о многих других лицах. В течение нескольких дней я не видел г. Малуэ, но я узнал то, что вам наверное уже известно, а именно, что созыв избирателей в Оверни возложен на сенешальство, и что делегаты Клермона посрамлены в результате их хлопот. Вероятно, вы не знаете о том, что расходы на эту делегацию оплачивают различные корпорации и что одним только президиальным судом дано 50 луидоров.

Я еще не узнал ничего вполне достоверного о Бретани [13] и Франш-Конте, и потому вынужден молчать об этом. Уверяют, что замаскированные люди истребили всю дичь в l'Ile Adam; сделали они это по внушению принца де Конти [14], который прибег к такой хитрости, чтобы вызвать жалобы на жестокость третьего сословия и внушить населению мысль, что третье сословие способно на бесчинства, если ему предоставить хотя немного свободы. Если этот факт верен, то напрашивается такой вывод: тот, кто вынужден хитрить, обнаруживает свою слабость; третье сословие, по всей вероятности, будет сильнее всех в Генеральных штатах. Дай бог, чтобы это было так, но в то же время пусть оно будет столь же разумным, сколь и сильным, только тогда оно выполнит благое дело.

В воскресенье мы обедали в Сен-Жермене у графа де Ла Колиньера. Говоря между нами, он мне совсем не понравился. Он мне пока-

зался ярым сторонником дворянских притязаний, пытающимся умалить и выставить с самой невыгодной стороны предпосылки великой реформы г. Неккера и все что последним до сих пор сделано для обеспечения ее успеха. Я не сомневаюсь в том, что он присоединился к клятве дворянства Бретани[15]. Я виделся с г. Бордом и с г. Субрани[16]. Последнего я нашел вполне поправившимся, он в полном здоровье и очень хорошо выглядит. Г-же Борд очень помогает магнетизм. Г. Ромм присутствовал в ее доме на сеансе г. Брюссель[17] и видел удивительные явления. Эти великие испытатели природы переживают большие наслаждения, недоступные обыкновенным смертным. Наверное это вознаграждает их за те труды, которые они несут при исследованиях.

Париж, 31 января 1789 г. Улица des petits Augustins, гостиница «Люксембург» № 9[18].

...Указы о выборах еще не получены. Предполагают, что они будут обнародованы только 5 февраля. Некоторые уверяют, что они уже разосланы по самым отдаленным провинциям, но я не могу поручиться за достоверность этого слуха. Я спросил г. Арто, пошлет ли он вам сегодня подробности волнений в Бретани, и так как он ответил, что у него нет для этого времени, я постараюсь рассказать вам обо всем, что я вчера по этому поводу узнал. Я очень хотел достать письмо с сообщением о событиях, чтобы скопировать его, но это мне не удалось

Ночью с четверга на пятницу прибыл в Версаль член ренского муниципалитета и привез письмо с подробным описанием побоища, которое имело место в этом городе 27-го числа. Этот делегат явился к г. Неккеру; Неккер направил его к г. Вильдейлю[19], которому подведомственна Бретань. Пока еще содержание этого письма неизвестно, но вот, что сообщают частные письма.

В понедельник 27-го, по городу распространялось обращение к многочисленным в этом городе лакеям, носильщикам портшезов и другим бродягам, в котором дворянство вменяет в вину третьему сословию вздорожание хлеба и призывает всех этих негодяев расправиться с третьим сословием, угрожая тем, что в случае неповиновения домашняя прислуга и другие, находящиеся на службе у дворянства лица, будут уволены без уплаты жалованья. На «Cours de Montmorin» было объявлено собрание; несколько дворян обратились к собравшимся с речами, в которых призывали их вооружиться; затем собравшиеся под предводительством этих дворян вернулись в город в количестве 800 человек, чтобы избить всех буржуа, которых встретят в кафе, в других общественных местах, на улицах или даже в домах частных лиц. Побоище, продолжавшееся с 9 часов утра до 2 часов, не могли остановить. Граф де Тиар[20] двинул было войска, находившиеся в трех милях от города, но на другой день вынужден был их вернуть обратно. Вам, конечно, известно, что во время собрания Генеральных штатов войска должны быть на расстоянии восьми миль. Полиция начала производить расследования о зачинщиках этой смуты. Парламент запретил продолжать это расследование до нового распоряжения. 28-го около двух часов побоище возобновилось и продолжалось до 5-ти. Столкновения, сопровождавшиеся самыми ужасными убийствами, происходили у места собрания штатов. Вооруженное дворянство стреляло в буржуазию, набрасывалось на нее со шпагами в руках.

[illegible] щегося палкой на четырнадцатилетнего молодого человека, но вынужден был отпустить его; принудил его к этому маркиз де Тремарга, приставив к его горлу пистолет. Маркиз этот один из тех двенадцати, которые во время управления г. Бриенна[21] были заключены в Бастилию. Он уехал из Ренна. Многие молодые люди отправились за подкреплением в восточном направлении и в Нант; очень опасаются того, что с их возвращением побоище возобновится. Во время второй стычки граф де Тиар очень рисковал своей жизнью.

Я вам даю только краткое изложение того, что мне показалось заслуживающим доверия, но с будущей почтой вы, наверное, получите сообщение о более интересных подробностях. Я не могу описать вам того впечатления, которое эта новость произвела [illegible].

Я считаю, что это восстание бретанского дворянства увеличит энергию третьего сословия и тем обеспечит его победу. Вчера я присутствовал в кафе Фуа[22] на чтении постановления третьего сословия Бретани[23]. Чтец стоял на столе и около 500 человек слушали его с самым напряженным вниманием, и когда чтение было закончено, раздались оглушительные аплодисменты. Это возобновлялось каждый раз, когда появлялось что-нибудь интересное. В другом кафе я присутствовал при чтении письма с официальным сообщением о происходящих волнениях; один человек, по моему предположению дворянин, [illegible]минутно кричал: «преувеличивает, так написать мог только простолюдин». Но перед самым носом этого жалкого благородия все принялись хохотать, потом сказали ему: «вы сошли с ума», и вытолкали вон из кафе.

Г. Готье де Биоза[24] подарил мне свое недав[illegible] сочинение о подушном налоге. Если вы еще с ним не знакомы, я вам [illegible]. Он мне сообщил, что у него есть копия мемуара в защиту дворянства и его привилегий, который приписывают одному риомскому адвокату; но почерку можно определить, что копия снята секретарем нашего городского адвоката. Очень удивительно то, что в эпоху, когда вся Франция объединилась, чтобы уничтожить привилегии, Риом отделяется, вставая на их защиту.

Париж, 3 февраля 1789 г.

...Г-н Малуэ сообщил мне, что в скором времени появится брошюра, содержащая следующие вопросы и ответы: «Что такое третье сословие? Все. Чем оно было до сих пор? Ничем. Чем оно хочет быть? Чем нибудь». Малуэ считает ее лучшей из всех появившихся до сих пор брошюр о третьем сословии. Она написана лучше всех и лучше всех обоснована. Ее приписывают шартрскому главному викарию[25]. Я вам ее вышлю, как только она выйдет.

Сегодня или завтра должно появиться подробное сообщение о событиях в Бретани с 26-го по 29-е, на основании официальных бюллетеней событий, присланных главнокомандующим и интендантом. Эти сообщения подпишут привезшие его делегаты. Наверное я вам вышлю их в четверг, потому я воздержусь от подробного сообщения того, что я узнал по этому поводу. Обе стороны сложили оружие, третье сословие продолжает требовать суда над совершившими это преступление.

Уверяют, что из Нанта прибыло 350 молодых людей, вооруженных до зубов, и что на расходы в связи с этой кампанией уже собрано по подписке 60 тыс. ливров. Все другие города Бретани выражают желание подняться на защиту третьего сословия города Ренна, но тут предполагают, что это выступление не принесет никакой пользы. Предполагают, что новые штаты будут собраны в Сен-Брие...[26].

Париж 5 февраля 1789 г.

...Хотя г. Малуэ и сообщил мне, третьего дня вечером, что указ о выборах еще не разослан, но я в тот же вечер присутствовал на его чтении в кафе Фуа[27]. Я нахожу, что введение к указу составлено очень умно. Указ содержит 50 статей; мне очень трудно изложить вам подробно содержание их. Сенешальства как будто разделяются на сенешальства 1 разряда и 2 разряда. Сенешальства 1 разряда получают указ о выборах непосредственно от правительства и пересылают их в сенешальства 2 разряда. Впрочем я не могу поручиться, что действительно установлен такой порядок. Чтение указа привлекло большую толпу и не все время соблюдалась должная тишина. Я понял, что все кюре имеют право выбирать на собрании в главном городе избирательного округа или лично, или через своих уполномоченных. Скоро вы наверное познакомитесь с этим указом. В Париже он еще не продается и потому я не могу вам его выслать, я вышлю его вам только в субботу, когда он поступит в продажу.

Сегодня утром я пошлю г. Форне брошюру, о которой я вам сообщал в последнем моем письме озаглавленную: «Что такое третье сословие». О Бретани до сих пор не напечатано ничего достоверного. «Бюллетени» вас в самом скором времени познакомят с выдержками из тех писем, на чтении которых я присутствовал. Приверженцы и эмиссары дворянства делают все от них возможное, чтобы распространять ложные слухи о причинах восстания, но все повертывают им спины и их никто не слушает...»

Париж, 17 февраля 1789 г

...Накануне я встретился с депутатами от Клермона, они подошли ко мне в Пале Рояле и удостоили меня приглашением пообедать с ними, от чего я наотрез отказался. Я не понял, чему приписать такое внимание с их стороны, тем более что они и раньше неоднократно встречались со мной и всегда делали вид, что меня не замечают. Мне кажется это происходило потому, что тогда со мной были гг. Д'Альбна[28] и Буара[29], которые не дружат с г. Ламотом. Как бы то ни было, мы долго говорили о нашем деле; во время этого разговора я был настороже. Я понял по их намекам, что у них мало надежды; они жаловались, что г. Неккер, слушая их в течение получаса, не сказал им ни одного слова в ответ. Я не знал верить ли этому и с большим нетерпением ждал свидания с Малуэ, чтобы узнать от него о том, что произошло.

Увиделся я с ним только вчера утром и узнал о результатах предпринятых им шагов и об успехе, о котором без сомнения уже знали клермонские депутаты, когда прогуливались со мной. Он мне сообщил, как много ему надо было приложить усилий, чтобы аннулировать третье решение совета, которое было в пользу Клермона. Он пришел в совет, когда все уже было решено и перешли к рассмотрению дел, относящихся к Лотарингии. Приняли его очень плохо. Ему очень

сухо сообщили, что это дело уже окончено, что он ввел в заблуждение комиссию ложными утверждениями *, и что выборы в Генеральные штаты всегда происходили не в Риоме, а в Клермоне для Нижней Оверни и в Сент Флуре — для Верхней, и что надо было сообразоваться со старыми обычаями. Малуэ решил уйти и обратиться в генеральный контроль, чтобы узнать там ответил ли Неккер на его письмо и на его мемуар. Когда он узнал, что и то и другое было послано в комиссию, то он туда вернулся и застал членов комиссии за чтением его письма и мемуара; он заставил выслушать его и снова склонил всех к решению производить выборы по бальяжам. Установили было, что Риому надо дать трех депутатов, но по его настоянию сохранили 5, согласно указа о выборах.

Вам, без сомнения, известно, что по его настояниям совет постановил, что все части Верхней Оверни, подведомственные Риому и Клермону, соберутся в Сент-Флуре, что, однако, не даст никакого права к сокращению круга веденья того и другого сенешальства, и в результате этого нового распределения Сент Флур получит третьего депутата. Бальи Сент-Флура получит указ о выборах от овернского сенешала. Это постановление сопровождает письмо с выговором муниципалитету Клермона, такое же письмо адресовано и г. Шалера. Первый получил выговор за то, что допустил такой раскол в провинции, второй за то, что закрыл глаза на все происки клермонцев. Возможно, что город Клермон и интендант не станут рассылать печатных копий этих указов в города подведомственные нашему городу, так же как они не рассылали копий их письма к Неккеру. Если же однако ими овладеет мания к напечатанию, то я вас попрошу выслать мне один экземпляр...»

Париж, 4 марта 1789 г.

Наконец то, мой добрый друг, вы освободились от ваших гостей и ваше избрание с грехом пополам подготовлено. Я был недоволен, когда узнал, что к инструкциям [30], которые вы мне прислали, сделаны новые дополнения. Они были напечатаны здесь и произвели впечатление. Здесь сожалеют, что они не были обнародованы значительно раньше. На них смотрят, как на лучшее произведение из всех появившихся до сих пор в этом роде.

Мне хочется как можно скорее получить наказы дворянства и духовенства. Вы меня спрашиваете, хорошо ли меня принял г. Форне. К моему стыду я должен признаться, что я виделся с ним всего только один раз. Я посылаю обычно к нему Клемана [31]. Но сегодня утром я предполагаю пойти к нему сам, чтобы взять посланный вами на его адрес пакет. Я ему также передам то сочинение, о котором вы меня просили.

Я вам ничего не написал в четверг, потому что у меня совсем не было времени. Я был у г. Малуэ, там я встретил графа д'Эстена. Все остальное утро я провел в суде на знаменитом процессе Корнманна [32]. Его жалоба не была удовлетворена, все поданные в суд мемуары уничтожены, как ложные и клеветнические. Бергассу [33] запрещено писать против его противников под страхом наказаний, которые за это полагаются. По приговору суда Корнманн и Бергасс оба должны заплатить судебные издержки Ленуара и Бомарше по тысяче ливров каждый. Эти деньги должны пойти в пользу бедных; прокурор учреждает

* Речь идет о ходатайстве Малуэ по поводу производства выборов в Риоме.

опеку над осужденными на три месяца за подписание этих мемуаров, и адвокат Оверье должен подвергнуть их увещеванию у решетки суда. Истцы приговорены к оплате всех издержек на напечатанье приговора суда в 2 тыс. экземпляров и за его расклейку. Все недовольны главным образом тем, что восторжествовали Бомарше, Ленуар и Додэ, но, отбрасывая в сторону возбужденное этими лицами негодование, беспристрастные люди полагают, что приговор справедлив.

Опротестование приговора было судом отклонено, несмотря на очевидные доказательства прелюбодеяния, потому что кроме этой жалобы Корнманном подано в суд прошение о возвращении ему жены, которой он все простил, и после обращения в суд с этим прошением он не представил никаких доказательств о ее связи с Додэ. Заставляет меня также считать приговор суда правильным та высокая репутация, которой пользуется главный адвокат г. Дамбрей, с точки зрения его нравов, его талантов и просвещенности. Все его доказательства пункт за пунктом были приняты во внимание. Его речь продолжалась около 5 часов, и по памяти он говорил в течение $3^1/_2$ часов. Вы не можете себе представить всех ужасов и всех гадостей, не относящихся к делу, которые откопали Корнманн и Бергасс, чтобы облить грязью своих противников. Они ни перед чем не остановились, чтобы добыть письма, вплоть до того, что выкрадывали их на почте, давали взятки; они извращали эти письма при чтении, ругались самым подлым образом, что было совсем не убедительно ни для судей, ни для аудитории, и возмутило всех честных людей. Я не советую вам читать все эти ужасы, хотя все, что можно сказать за и против, будет напечатано. Вышло письмо одного судьи из Прованса о Бергассе, очень хорошо написанное, и если я найду его интересным для вас, то я вышлю его вам, чтобы вы могли познакомиться с этим человеком, который мог бы сделать лучшее применение своим способностям.

Вот новость, которая еще больше возбудит ваше любопытство. Бывший субделегат Лильского интендантства, друг Калонна [34], действовал тайно в Байольском бальяже, чтобы собрать там побольше голосов для своего друга Калонна; из 34 голосов последний был обеспечен 20-тью. Г. де Калонн, уверенный в своем избрании, покинул Англию и явился в Байоль. Обещавшие ему свои голоса не сдержали своего слова под тем предлогом, что ими обещаны были голоса самому субделегату, а не г. Калонну. Дворянское сословие объявило, что оно не соберется, пока Калонн будет в городе; третье сословие вынесло постановление, в котором оно обещается не выбирать министров, бывших министров и никаких других лиц, которые были членами совета его величества или состоят его членами теперь. И в виду того, что до сведенья третьего сословия дошло, что изгнанный из своего отечества, обвиненный в лихоимстве и преступлениях по должности, министр сейчас находится в городе с целью интриги, третье сословие требует изгнания этого бывшего министра из провинции и призывает все бальяжи приостановить выборы, пока Калонн не удалится. Я конечно могу ошибаться в некоторых подробностях, но можно кажется быть уверенным в том, что г. Калонн приехал морем из Дюнкирхена в Байоль и что принц де Робюк тотчас же известил об этом двор, но ничего определенного не сообщают об ответе на это короля. Вчера вечером меня уверяли, что де Калонн был вынужден отправиться тем же путем обратно. Конечно, мы получим более обстоятельные подробности, и я вам тотчас же о них сообщу. Это происшествие

так интересно, что нельзя ему не радоваться, и все приверженцы этого бывшего министра, интриговавшие как никогда раньше для того, чтобы провалить планы г. Неккера, получили пощечину...

Париж, 21 марта 1789 г.

Ваше письмо от 17-го доставило мне очень большую радость и избавило меня от большого беспокойства. Я все время боялся, как бы интриги и зависть не помешали избранию г. Малуэ[35]. Теперь, слава богу он выбран, как он того заслуживал, и я уже не беспокоюсь за то, кто будет дополнительно избран в качестве его товарищей. Я надеюсь, что сделают хороший выбор, но если даже ошибутся в некоторых, то Малуэ ответит за всех. Я никогда не сомневался в том, что Генеральные штаты будут созваны, но я иногда опасался, не будут ли они бесполезны; теперь я могу утверждать, что у нас будет конституция, что нация будет осуществлять все свои права. Мне доставляет удовольствие мысль, что наш компатриот будет этому содействовать и обратит на себя внимание такого высокого собрания. Я хотел бы написать ему и доставить себе удовольствие поздравить его, но я не буду этого делать, чтобы не заставлять его тратить на ответ мне время, которое он может употребить с большей пользой. Я ограничусь тем, что зайду поздравить его, когда он вернется. Он лучше поймет искренность моей радости, глядя на мою физиономию, чем читая мое письмо.

Как только я получил ваше письмо, то первым моим движением было пойти к его жене, которая приняла меня очень хорошо. Затем я отправился в суд к Гунолю, затем к г. Ваше, потом я виделся с Шапсалем, Бертоном и Шампфлуром, я хотел бы встретиться со всеми риомцами, которые сейчас находятся в Париже, чтобы поделиться с ними этой приятной новостью. Я прочел ваше письмо целиком моему управляющему доменами. Он был в восхищении от всех интересных подробностей, которые вы сообщаете и от естественной и непринужденной манеры вашего рассказа обо всем происходящем. Ваше замечание о кюре и о прагматической санкции нас насмешило до слез. Если вы знаете г. Маттиаса[36], уважаемого кюре новой церкви, то передайте ему, что мы все присоединяемся к нашим компатриотам, чтобы благословить его. Я бы очень хотел, чтобы кюре Фэйоль был бы одним из депутатов в Генеральные штаты и мы все горячо желаем, чтобы не был избран епископ[37].

Не появилось в печати ничего нового, что заслуживало бы большого интереса. Вчера вышли указы для Бретани[38] и инструкции немурского бальяжа[39], очень хорошо составленные, очень сходные с нашими. Дворянство этого бальяжа не так упорно возражает на два пункта, вызвавшие протест нашего дворянства[40], и само требует равенства распределения налогов и уничтожения всех своих унизительных для третьего сословия привилегий, и если это требование не буквально выражено такими словами, то в основном оно исходит из этих принципов...

Париж, 26 марта 1789 г.

...С большим удовлетворением я узнал об обстоятельствах избрания г. М.*, я его слишком мало знаю, чтобы утверждать, что он способен

* Малуэ.

на интриги с целью воспрепятствовать избранию г. Ред [41]. С последним вы меня примирили вашим сообщением о том, что он руководствуется советами Буара и придерживается его принципов. Я не считал его способным быть под чьим либо влиянием, и это меня заставляло опасаться, как бы он не принес все в жертву своему самолюбию. Я знаю его дар красноречия, но и вы и я хорошо знаем также, как его речи проигрывают при чтении; я думаю, что в нем больше упрямства, чем энергии, и как раз это упрямство, которого я так опасаюсь, он и проявляет, когда настаивает, что среди наших депутатов царит самое совершенное согласие. Я предвижу, что он не предпримет никаких шагов, чтобы помириться с г. М. и я очень желал бы, чтобы последний решил отказаться от всякого предубеждения и чтобы ревность к общественному благу подавила в том и в другом эти мелкие проявления их самолюбия. Я вам признаюсь, что я в восхищении от победы г. Ред, и я был бы очень недоволен, если бы он не прошел вторым кандидатом. Предоставьте *... наслаждаться плодами его гордости; когда он будет в Париже, то он смешается с толпою и будет оказывать только пассивное влияние. Вы совершенно верно предполагаете, что не он поведет за собой приверженцев, независимо от того дворянин ли он или простолюдин.

Я совсем не был удивлен ограничительным условием принятым нашим дворянством, и я думаю, что оно было предложено всеми нашими мелкими дворянчиками с небольшим состоянием и без всяких достоинств, которые очень хорошо понимают, что если у них не будет никаких денежных отличий, то им не на что больше претендовать. Было бы очень печально, если подобное ограничение было принято; оно посеяло бы раздоры, которые никогда не прекратились бы. Я еще надеюсь, что наше дворянство откажется от этой претензии, прежде чем будет составлен наказ.

Как я одобряю всех наших кюрэ! Они хорошо себя вели, и я с большим нетерпением жду известия о том, кто ими избран в депутаты. Меня приводит в ярость мысль, что в Клермоне восторжествует епископ, а он неминуемо будет избран; уверяю вас, что это произойдет вопреки желанию всех честных людей. Я нахожу ваши рассуждения о смешном энтузиазме наших обывателей вполне справедливыми и мне было бы очень неприятно, если бы эти восторги были выражены публично. Этим они показали бы, как мало у них энергии, как мало они достойны той свободы, которую нам хотят дать. Кроме того нельзя же добиться всего сразу; благоразумие, которое помогало нам достигнуть того, что мы имеем теперь, незаметным образом овладеет всеми классами, и настанет время, когда потребуют как право того, что теперь получают в виде милости. О милости первый сказал генерал-лейтенант. Но очень трудно поверить тому, что какой то генерал-лейтенант [42] произнес это слово и несмотря на это был избран защитником нашей свободы. Надо очень надеяться на то, что Генеральные штаты создадут более приличную форму выборов депутатов и в будущем исчезнут все превышения власти сенешала и его представителя. Правительство же не имело никакой возможности удовлетворить всех. Мы достигнем многого, если Генеральные штаты соберутся, вопреки усилиям всех желающих сохранить злоупотребления, и если честные люди одержат верх над господами генерал-лейтенантами. Я льщу себя этой надеждой, потому что я жажду этого, но я не могу не высказать

* Имя не разобрано.

некоторых опасений. Я боюсь всего, что исходит от Калонна и его сторонников, которых много среди дворянства, духовенства и простолюдинов. Вам, конечно, известно, что его брат аббат был избран дополнительно кандидатом депутата. Вы знаете также, что г. Мирабо[43] выбран депутатом от третьего сословия в Провансе, и он, наверное, не будет защитником планов г. Неккера. Если справедливое презрение, которым его награждает общественное мнение, не гарантирует депутатов от влияния его красноречия, он может причинить много зла. Есть ли такое благо, которому он не воспротивится?

За эти дни совсем не появилось интересных брошюр. Мы имеем наказы Немура, очень хорошо составленные, наказы Мелона, которые уступают первым. Скоро начнем получать один за другим наказы различных бальяжей и если хотите иметь коллекцию, то по выходе их всех я вам их пошлю. Госпожа де Сталь[44], дочь Неккера, обнародовала небольшую работу, где она высказывает свое мнение о Жан Жаке. Как будто бы ее суждение о нем правильно, но в этом своем произведении она чрезмерно превозносит своего отца, что при теперешних обстоятельствах мне показалось неуместным. Я вам вышлю один экземпляр этого произведения в субботу вместе с «Новым ответом» Черутти[45] на план, предложенный де Калонном.

Париж, 16 апреля 1789 г.

Сегодня я не напишу вам много, мой добрый друг, потому что мне почти нечего вам сообщить. Я виделся с г. Малуэ в прошедший вторник и сказал ему о вашем мемуаре. В ответ на это он заметил, что в настоящий момент бесполезно предпринимать какие либо шаги, потому что по всем отраслям управления вынесено решение не вводить ничего нового до собрания Генеральных штатов; это относится, главным образом, к жалованию. Кроме того я говорил с ним о г. Р.*, и он по прежнему мало расположен к общению с ним. Если бы я предвидел опасения, которые вы высказываете относительно обеспечения квартирами депутатов в Версале и о сосредоточении там войск, то я попросил бы его дать мне на этот счет разъяснения. Но я ничего определенного об этом не узнал. Мне сообщили, что будут квартиры на все цены и что правительство уже внесло четверть платы, но я не ручаюсь за верность этого факта; меня уверяли, что можно недорого устроиться и со столом.

Что касается войск, то я слышал только о лейб-гвардии, которую перевели в Сен-Жермен. Но почему это сделали? Регламент для Парижа[46] должен появиться только сегодня утром, и я вам вышлю его в субботу, если он сможет заинтересовать вас. Я очень недоволен наказом дворянства, ни протоколом, ни речью г. де Булье. Это не может иметь никакого значения...

Граф прислал письмо г. Ромму и просит меня в нем как можно подробнее сообщить о моем ученике. Кроме того он просит прислать счет на мои дальнейшие расходы. Вот опять мне придется получить деньги только через два месяца, но в данный момент это меня не очень интересует. Крепко целую вас и сердечно люблю.

Париж, 21 апреля 1789 г.

...Предварительные собрания для избрания выборщиков от духовенства и дворянства состоялись вчера в двадцати отдельных избира-

---

* Редон.

тельных участках. Собрания же третьего сословия идут сегодня, для этого Париж разделен на 60 дистриктов. Около дверей церкви, где происходят эти собрания, поставили барьеры и отряды стражи от 24 до 30 человек[47]. Для поддержания порядка увеличена охрана по всему городу. Многие очень недовольны опубликованным регламентом, устанавливающим правила ведения этих собраний. Дворяне устраивают всякие каверзы, чтобы быть выбранными третьим сословием. Один старый адвокат, по фамилии Луазо, состоявший на службе у Неккера, когда он в первый раз занимал пост министра, опубликовал вчера из мести Неккеру за то, что Неккер стал им пренебрегать в последнее время, свое очень резкое сочинение, направленное не только против регламента, устанавливающего порядок выборов в Париже, но также и против регламента для провинции. Это произведение может только увеличить количество недовольных, но не принесет никакой реальной пользы при теперешних обстоятельствах и автор, вне всякого сомнения, дурной патриот. Каким бы он однако ни был, надо надеяться, что г. Неккер одержит верх над всем.

Меня сильно уверяли в том, что король имеет намерение на первом же заседании, посвященном обсуждению общественных дел, сам предъявить нации конституцию, которая оправдает и даже превысит все ожидания. Мне приятно верить в эту хорошую новость, потому что я уверен в хороших намереньях г. Неккера, в доброжелательстве монарха, который для того, чтобы заранее приготовиться к тем жертвам, которые он хочет принести, проводит все время за чтением наказов от бальяжей и всех вышедших произведений, относящихся к Генеральным штатам. Нам осталось уже недолго ждать, чтобы придти к определенному решению, и я очень желал бы уехать только после этого первого заседания[48].

Дворянство собралось в 8 часов утра и в 2 часа дня оно прервало свое собрание, которое возобновилось в 5 часов и в 10 часов вечера оно еще не закончило своих обсуждений. Уверяют, что большое количество дворян совсем не явились в свои дистрикты. Были такие, где насчитывалось не более 40 дворян, а в некоторых и меньше. Я еще постараюсь сообщить вам в четверг обо всем, что мне удастся узнать...[49]

Париж, 23 апреля 1789 г.

Я предполагаю, мой добрый друг, что вы уже осведомлены о порядке созыва в столице трех сословий и об опубликованном по этому случаю регламенте. Вы уже знаете, что в прошедший понедельник* должно было собраться дворянство в двадцати отдельных дистриктах и в каждом был назначен временным председателем советник из Шателе[50]. Когда эти отдельные собрания начались, то первым предметом их занятий был выбор председателя; если советник был дворянин, то ему было предоставлено право выбора наравне с другими избирателями. Регламент вызвал протест, в нем было усмотрено нарушение права каждого дворянина избирать депутатов, но, чтобы не оттягивать созыва Генеральных штатов, на этот раз только решили сообразоваться с регламентом, прекратив дальнейшее его обсуждение[51]. Эти собрания не были многочисленны; некоторые из них затянулись до поздней ночи. Все они проходили почти однообразно.

На другой день, во вторник с семи часов утра в 60-ти дистриктах

---

* 20 апреля 1789 г.

происходили собрания третьего сословия. Каждый предъявлял при входе квитанцию на уплату налога или же патент на звание мастера [52].

Вы знаете, что городом были названы 60 председателей из среды муниципальных должностных лиц, служивших раньше или находящихся на службе теперь [53]. Каждого председателя сопровождали два помощника, секретарь и от 6 до 8 стражников из городской охраны. На дежурном посту находился отряд Парижской гвардии для подкрепления внешней полиции. В девять часов двери во всех местах собраний были закрыты, затем председатель прочитал грамоты о созыве Генеральных штатов и регламент. Происходило ли это чтение в большинстве дистриктов, или может быть во всех — я еще пока не знаю. В виду того, что по мнению собрания ему принадлежало право выбирать самому себе председателя, то последним было предложено отказаться от председательства добровольно, в противном же случае угрожали отстранить их силою [54]. Многие председатели не заставили себя долго просить и тотчас же были выбраны, иногда открытым, иногда закрытым голосованием, те, которые пользовались заслуженным уважением. Потребовали, чтобы стража была удалена, а упорствующих председателей принудили уйти и на их место избрали других. Потом перешли к избранию выборщиков и комиссии для редактирования наказа, затем выбирали оратора [55]; во многих дистриктах некоторые частные лица произнесли патриотические речи; отличился один москательщик из предместья St. Marceau, маклер и ремесленник, профессию которого я не запомнил. Дистрикты посылали друг к другу депутации, для сообщения о том, как у них идут события.

Во вторник почти весь день ушел на прием депутаций и ответ на них. Среди членов этих депутаций обращали на себя внимание легкостью своего красноречия и своей энергией молодой адвокат г. Сенар. Одним из дистриктов было принято до 12 депутаций, другим — 8, третьим — 4. Всюду дворянство появлялось с самыми дружественными намерениями; оно заявляло, что его решения доказывают желание отказаться от всех денежных привилегий, выражало сожаление, что оно отделено от третьего сословия, тогда как они, как обыватели Парижа, должны были бы составлять одну корпорацию в столице, и предлагали объединиться для составления наказов [56] сообща. Все члены дворянских депутаций произносили речи, призывающие к единению и согласию. Отличились больше всех г. де Валенс [57] и г. де Лалли Толлендаль [58], — особенно последний заслужил всеобщее одобрение и растрогал всех до слез. Эти депутации были приняты со всеми подобающими им почестями, но почти везде соблюдали мудрую сдержанность и очень осторожно выражали свое доверие, чтобы не повредить интересам третьего сословия

Собрания третьего сословия были не так многочисленны, как предполагали. Меры, которые сочла нужным предпринять полиция для предупреждения беспорядков, внушили страх и привели к хорошему результату: собрания были менее шумны и были лучше организованы. Гвалт и ожесточенные споры господствовали, смею утверждать, главным образом там, где преобладали судейские. Каждый из них желал держать речь к собранию и входил на кафедру, чтобы так или иначе исполнить свое желание. Если он встречал возражения со стороны своих коллег, то он их оспаривал, осыпая ругательствами, следуя похвальному, установившемуся среди судейских обычаю. Продол-

жалось это очень долго. Но во всех других собраниях все происходило в порядке и вполне прилично.

Самое многочисленное собрание было в дистрикте St. Roch[59]; там собралось около 550 человек, в других же было 350, 280, 160, 110, а в некоторых было даже ниже ста. Каждое собрание выбирало выборщиков пропорционально установленному регламентом числу голосующих но так как было сказано, что всего выборщиков будет 300, то те, например, дистрикты, которые имели право избрать только двух выборщиков, выбрали дополнительно трех кандидатов, чтобы в случае надобности довести общее количество выборщиков до 300. В дистрикте St. Roch избирали около 15 кандидатов[60]. Комиссии для редактирования наказов выбирались также пропорционально количеству голосующих. В этом дистрикте выбрали в комиссию 24 человека, в других же 12, 8, 6 и т. д.

На собрание дистрикта St. Roch явился граф де Лорагэ[61]. Он потребовал, чтобы его допустили на собрание, при чем заявил, что он отказался от всех своих владений, что у него не осталось никакого другого дворянского преимущества, кроме титула, данного ему его рожденьем. Когда он заметил, что его приняли не совсем благосклонно, он ушел. Г. де Линнон, контролер финансов герцога Орлеанского, схитрил; чтобы быть избранным в выборщики, он выдал себя за берейтора и получил было очень большое количество голосов, но когда он был разоблачен, тогда единогласно постановили, что он не может быть избранным, и ему пришлось удалиться[62].

Одно предложение относилось к г. Неккеру. Один из собравшихся заявил, что он уверен в существовании заговора, участники которого намерены добиться отставки Неккера, и предложил вынести постановление от имени коммуны Парижа, умолять короля сохранить такого дорогого нации министра; он предложил также сообщить об этом постановлении всем дистриктам города. Об этом заговоре сообщили депутации от дворянства, так же как и о вынесенном по этому поводу постановлении. Все обратили внимание на то, что сообщение об этом постановлении не произвело на депутацию большого впечатления, и кто-то предложил совсем не говорить об этом вновь прибывающим депутациям. Один из собравшихся ему возразил и заявил, что дворянским депутациям необходимо сообщать об этом, чтобы устрашить их нашим рвением и показать, какой интерес мы проявляем к сохранению этого министра. Это последнее мнение победило. Г. Карте был избран выборщиком на собрании дистрикта St. Roch.

Председатель собрания в дистрикте St. Eustache господин Галле[63] был с позором изгнан с собрания и вот почему: заметили, что через секретаря и сопровождавшего его городского стражника он поддерживал корреспонденции с находящимися вне места собрания, вероятно с городским бюро[64]. Видели, как он писал записки и несколько раз сам их получал, перехватили одно его письмо и ответ на него, хотели сорвать печать, но решили не прибегать к этому средству в тот момент, когда сами выступали с протестом против насилий, и положили письма на бюро и предложили председателю огласить их. Кто-то, вероятно, один из его друзей, сказал, что лучше их уничтожить и тотчас же секретарь вскочил и разорвал их. За его поспешность его наградили ударами палок и вытолкали за дверь вместе с председателем[65].

С собрания дистрикта «des petits Pères» прогнали брата королевского портного Ледюка за то, что он не хотел отказаться от привиле-

гий, которыми он пользовался в качестве секретаря короля, несмотря на то, что не состоял уже в этой должности. Г. Луазо, адвокат, о котором я вам сообщал в моем последнем письме, был выбран в комиссию по редактированию наказа. Он хорошо говорил, но слишком долго; поэтому он не понравился, и ему возразили, что он не имел права присутствовать на собрании, потому что жил в меблированных комнатах [66] и что, кроме того, он был вычеркнут из списка адвокатов. На первое возражение он ответил, что он сам меблировал себе квартиру, а на второе, что он был вычеркнут из списка адвокатов по собственному желанию. Все отвернулись от него и он решил удалиться с собрания. Удивительно то, что такой ярый формалист и знаток права не мог предвидеть того, что с ним произошло.

Мне рассказали, что в один дистрикт явился герцог де Ларошфуко [67] и что там воздали должное его любви к общественному благу, но сказали ему, что каждый добрый гражданин должен начинать с уплаты своих долгов и прибавили, что одно частное лицо несколько лет ждало, чтобы герцог заплатил ему по счету 60 ливров, и что за это время действительная стоимость этих денег упала до 50 ливров. Я не могу ручаться за достоверность этого факта и прошу вас не разглашать его.

Собрания третьего сословия во многих дистриктах происходили и в восемь часов вечера. Предполагали, что город может не одобрить того, что отставили назначенных им председателей и вследствие этого аннулировать избрание выборщиков; все дистрикты единодушно решили, вопреки всему, поддержать это избрание. Большинство дистриктов уже вчера вечером послали городу свои протоколы, и все участники собрания должны были собраться в 9 часов, чтобы узнать его ответ. В субботу я сообщу вам обо всем, что еще узнаю.

Вчера я читал письмо, полученное из Бретани, которое содержит некоторые подробности о событиях в St. Brieuc. Граф де Тиар, узнав, что дворян сопровождает большая толпа их лакеев, которых можно заподозрить в дурных намерениях, отдал приказ пропускать через городские ворота одних только дворян без этой свиты, при чем караульному офицеру было дано распоряжение предупреждать их, что в ратуше им будет указано место, где они могут остановиться и даны будут люди для переноски их вещей и для их обслуживания. Некоторые не хотели подчиниться этим распоряжениям и переоделись сами и надели на своих слуг костюмы, которые обыкновенно носит буржуазия, и набросились с бранью на охрану ворот, которая все без возражений вытерпела. Граф де Тиар, узнав о происшедшем, распорядился раздать гвардии, отправленной на парад, патроны заряженные пулями. Каждый солдат получил 7 патронов и ему было дано от имени короля распоряжение стрелять при всякой попытке оскорбить часовых. Эта мера предосторожности образумила дворян, вызвала среди них раздоры и споры; те которые сознают, что они вели себя плохо, сильно упрекают тех, которые вовлекли их в это дело, а последние укоряют первых в слабости и трусости. Это вызывает ссоры и поединки. Шевалье де ла Гер, один из самых больших забияк, дрался, я не могу припомнить только с кем, и был, как сообщают, убит. Очень недовольны г. Сегье [68], который приговорил к сожжению постановление реннских адвокатов [69]; эти последние готовят ответ по поводу приговора и уже избрали депутацию из четырех адвокатов из своей среды. Возможно, что переговоры этих господ не достигнут своей цели.

Я не буду вам сообщать всех россказней относительно заговора,

замышляемого против Неккера. Говорят, что король негодует на всех своих министров, говорит грубости г. Монморен [70] и де Вильдейлю, угрожает прогнать всю эту сволочь и очистить от них свой дом. Подобные факты требуют ясных как день подтверждений и тогда только можно им поверить. Верно пока одно то, что заседания Генеральных штатов начнутся с 27 апреля, и об этом уже даны все необходимые распоряжения...

Париж, 25 апреля 1789 г.

Выборы депутатов от города Парижа не могли состояться третьего дня. Я не мог еще получить точных разъяснений о причине, побудившей отложить их на следующий день, т. е. на воскресенье *. Я смутно слышал, что духовенство отправилось туда в очень большом количестве — церковников было около 660 человек, тогда как от дворянства было только 110 чел. и от третьего сословия 330 человек. Третье сословие потребовало сокращения духовенства до 150 человек, духовенство с этим не согласилось и весь день прошел в шумных и бесполезных дебатах [71]. Я еще не знаю ничего о выборах депутатов от виконтства [72], которые должны были произойти вчера.

Мне удалось собрать немного новых анекдотов о собраниях дистриктов в дополнение к сообщенным мною вам в моем последнем письме. Я еще не знаю в какой день состоится открытие Генеральных штатов, вероятно об этом будет провозглашено в понедельник герольдами при оружии на всех перекрестках Версаля. Затем соберутся депутаты для проверки своих полномочий, и общее главное собрание произойдет только 11 мая, т. е. через пятнадцать дней после провозглашения о нем [73].

Необходимо сообщить вам большую новость, распространившуюся вчера в Пале Рояле, благодаря которой я там задержался до 10 часов. Военный министр, морской министр г. Парижа и хранитель печати разжалованы. Первый заменен маршалом Брольи, второй г. де Кастри, третий г. де Лассаром и последний г. Видан де ла Тур; право присутствовать в совете дано принцу Бово, а г. Бретейль назначен первым министром [74]. Я не ручаюсь за достоверность этой новости, как и за распространившееся вместе с ним известие о смерти императора [75]. Несмотря на предосторожности, принятые правительством для обеспечения спокойствия в столице во время собраний, все же можно предполагать, что готово вспыхнуть восстание вроде того, какое происходило во время управления г. Тюрго [76]. Может быть оно подготовлено министрами, об отставке которых говорят; их даже обвиняют, что они донесли королю на Неккера, как на тайного зачинщика всех восстаний, которые происходили в Бретани, Провансе и других провинциях.

Париж, 28 апреля 1789 г.

Все сообщенные мною вам, мой добрый друг, новости были опровергнуты на другой же день. Впрочем в известие о смерти императора все еще верят и каждую минуту нам угрожают смертью дофина. Все единогласно уверяют, что против Неккера имеется большой заговор, во главе которого стоят все другие министры. Наш монарх клянется, буйствует, говорит грубости, тычет кулаком в нос г. Монмо-

* 26 апреля 1789 г.

рену, угрожает виселицей господину Вильдейлю, если он не обнаружит книгопродавца, поставщика брошюр его величества, который по его же распоряжению был упрятан. Вот о чем больше всего говорят и возможно, что во всем этом верны только толки о заговоре. Открытие Генеральных штатов было вчера объявлено герольдами при оружии в Версале и первое заседание их назначено на 4 мая, говорят даже, что вчера вечером в Париже были расклеены афиши с этим объявлением. Я узнал об этом слишком поздно и не мог убедиться своими собственными глазами. Собрание виконтства состоялось 24-го; оно продолжалось два дня, в течение которых была принесена присяга и выбрана комиссия для редактирования наказов.

Г. аббат Сабатье наговорил дерзостей аббату д'Еспаньяку, что вызвало всеобщее неодобрение, и вот по какому поводу: г. аббат д'Еспаньяк предложил сделать представление [77] о том, что количество депутатов, установленное для виконства, не пропорционально количеству населения, и что необходимо созвать объединенное собрание трех сословий для предъявления требования об увеличении этого количества. Это предложение было принято, и было решено немедленно послать депутации для сообщения его двум другим сословиям. Аббат д'Еспаньяк был единогласно избран членом этой делегации, но архиепископ [78] не пожелал согласиться на его избрание. Аббат д'Еспаньяк во всеуслышанье жаловался на это, и как раз тогда и напал на него аббат Сабатье. После ухода последнего, аббат д'Еспаньяк отказался от своего предложения.

23 апреля собрание intra muros * после долгих и бесплодных дебатов, продолжавшихся до 11 часов вечера, разошлось, не приняв никакого решения, и продолжение собрания было отложено до воскресенья 26-го. Гражданский лейтенант был выбран председателем собрания открытым голосованием [79]. Ему был задан вопрос, считает ли он себя председателем в силу этого избрания или в силу своей должности и когда он ответил, что в силу должности, то он был отставлен. На его место был избран г. Тарже [80], а г. Бальи [81] из французской академии выбрали секретарем. С избранием г. Тарже в собрании третьего сословия восстановился порядок: каждый говорил в порядке очереди и только с разрешения председателя. Вчера весь день был у них занят выборами комиссии для составления наказов. Дворянское сословие имело только 104 депутата [82], а потом это количество было увеличено до 150. Духовенство, говорят, не захотело сократить количества своих депутатов. Вы конечно помните некоего Ревельона, торговца обоев, к которому я должен был поступить; он, говорят, имел неосторожность выступить с предложением установить заработную плату рабочим в размере 5 су в день, что вызвало восстание, взволновавшее вчера весь Париж [83]. Толпа рабочих Сент-Антуанского предместья [84], в котором жил Ревельон, в количестве превышающем 1 200 человек, бросилась в его дом и все там разграбила [85]. Затем сделали из соломы чучело и носили его сначала по всему Парижу, а потом повесили на Гревской площади [86]. В Сент-Антуанское предместье был послан батальон французской гвардии, все купцы закрыли свои лавки, но пока еще ничего не сообщается о несчастных случаях.

Я совершенно не понимаю, как мог Ревельон, избранный выборщиком и занесенный в их списки, сделать подобное предложение? Можно только предположить, что его враги побудили его на это дело. Мой

* В стенах Парижа.

управляющий доменами вчера уверял меня, что это восстание возбуждено издалека и что правительству известны его вожаки и что были уже даны распоряжения арестовать их при первых волнениях, могущих причинить малейшую опасность [87]. Пока эта чернь ограничилась повешением соломенных чучел, и против нее ничего не будет предпринято, только приняты меры к воспрепятствованию сборищ [88], насколько это возможно; еще помнят об ошибках, совершенных в сентябре прошлого года [89], стоивших жизни нескольких невинных граждан. В четверг я вам сообщу о последствиях восстания.

В Париже начинают замечать, что среди депутатов в Генеральные штаты преобладают адвокаты и опасаются их приверженности к магистратуре. На 300 выборщиков от Парижа приходится 150 адвокатов, прокуроров и нотариусов и это конечно обусловлено способами формирования собраний. Не знали друг друга и естественно давали свой голос тем, кто сумел завоевать себе большинство голосов силой своего красноречия. На основании их слов верили в твердость их принципов и можно наверняка утверждать, что при этом нередко обманывались.

Королева, говорят, находится в таком отчаянии, что возбуждает сочувствие даже своих самых заклятых врагов [90].

Депутаты третьего сословия, в своем большинстве состоящие из представителей провинций, как будто бы намерены образовать могучее собрание для единодушной борьбы с врагами общественного блага, и, если они сами являются благонамеренными людьми и задались такими хорошими целями, то надо надеяться, что эта коалиция сможет разбить много вредных намерений. Время покажет, что из всего этого последует. Так как собрание Генеральных штатов состоится наверное 4-го, я думаю, что я могу отложить мой отчет до субботы 9-го или даже до вторника 12-го. Я вам сообщу об этом в следующий вторник...

Париж, 30 апреля 1789 г.

Восстание, о котором я вам сообщил в последнем моем письме, казавшееся в начале только шуткой, имело самые серьезные последствия. Я не знал, что в понедельник вечером эта чернь не могла войти в дом Ревельона и ринулась на дом некоего Анрио — селитровара, который, говорят, придерживался мнения Ревельона. Толпа разбила в его доме всю мебель, сложила ее в кучу и подожгла. В огонь бросали драгоценности, серебряную посуду, даже деньги [91], и после этого первого предприятия начали расхаживать по всему городу, как я вам об этом сообщил. На другой день во вторник восстание возобновилось, подошло подкрепление в 400 или 300 человек из предместья St. Marceau, вооруженных палками и камнями. Были посланы несколько отрядов швейцарской и французской гвардии, выступил один эскадрон кавалерийского полка; установили караул на хлебном рынке и около казначейства.

Между 10 часами по-полудни и 1 часом дня начался грабеж, который продолжался до 10 часов вечера. Когда приблизился отряд в 50 гренадер французской гвардии, чтобы отрезать сообщение улицы Св. Антуана с улицей de Montreuil, где живет Ревельон, то чернь забросала солдат камнями. Этот отряд сделал поворот направо и дал сначала холостой залп, а когда нападение возобновилось, тогда солдаты зарядили ружья и начали стрелять пулями. Два человека остались на мостовой, и площадь была моментально очищена. Затем восставшие,

взломав двери, спрятались в домах компаньонов, забрались на крыши, бросали оттуда черепицу в солдат и многих опасно ранили. Потом восставшие рассеялись по предместью, где они принуждали рабочих уходит из своих мастерских и присоединяться к ним, также принуждали присоединяться всех любопытствующих и всех тех, которые в это время находились в предместье по своим делам. Видя, что они не могут пройти в дом Ревельона с улицы de Montreuil, часть восставших пошла в обход и проникла в дом со стороны сада. Они произвели ужасные опустошения. Я не преувеличу, если скажу, что убыток этого заведения, одного из самых значительных заведений такого рода во Франции, можно установить в 300 или 400 тыс. ливров. Они все сожгли, проникли в погреба, где опьянели от вина и от этого пришли в еще большую ярость. Во время этого грабежа была усилена стрельба, чтобы помешать сожжению всего квартала.

Двинулись новые войска с пушками, заряженными картечью, но они, однако, не были приведены в действие. Невозможно передать вам точные подробности всего происшедшего; каждый квартал предместья был свидетелем ужасных сцен. Наконец к 10 часам вечера все успокоилось. Несколько из этих бездельников напились в погребах Ревельона и там заснули, там их было арестовано 26 человек, им надели кандалы на руки и ноги; нашлись среди них такие, которые имели клейма. Вчера носился слух, что 15 из них уже повешены и что остальных повесят сегодня [92].

Вчера утром было дано распоряжение выступить целому полку, были удвоены и увеличены караульные посты, потому что, по разнесшимся слухам, хотели грабить дворцы принцев Конти и Бурбона. Ужас охватил принцев; для защиты дворцов им было предоставлено два отряда швейцарской гвардии.

Во вторник в сумерки собравшиеся в городе толпы останавливали кареты, господ и их лакеев заставляли кричать: «да здравствует король», «да здравствует господин Неккер», «да здравствует третье сословие» и вымогали у них деньги. Вчера утром все было спокойно, но зрелище всех этих солдат, расставленных на всех площадях со штыками на конце ружей, внушает ужас и печаль.

На основании всех дошедших до меня слухов я полагаю, что в этом восстании было убито и ранено 200 человек. Я не смею повторить, что, по всеобщему мнению, эти бродяги были подкуплены. Это преступление мне кажется ужасным, совершенно непостижимым. Но меры предосторожности, принятые правительством, как будто, показывают, что ему был известен этот черный заговор. Я не буду сообщать вам всех анекдотов, придуманных теми, которые сами их распространяют. Таков например анекдот, рассказанный одним аббатом на приеме у княгини, тетки моего ученика, на котором я присутствовал. Он рассказал, что было выставлено несколько плакатов с надписями, призывающими к истреблению ненавистного дворянства и подлого духовенства и что 250 тысяч человек готовы принести их в жертву свободе и нации. Я чуть было не поддался соблазну поверить в сообщение об эпитетах этого плаката.

Во вторник утром во время катанья в Венсене все экипажи были вынуждены отъехать, когда показался экипаж герцогини Орлеанской [93], чтобы пропустить ее. Возвращаясь, эта принцесса хотела ехать другой дорогой, но ее коляску окружили и ей сказали: «наш добрый принц проехал здесь и вы также проедете, мы скорее убьем

вас и ваших спутников, чем позволим вам отступить». «В таком случае обещайте мне,— сказала им принцесса,— что вы не пойдете за мной следом». «Мы вам даем наше честное слово» — и принцесса отправилась своей дорогой, но до въезда в предместье ее провожала толпа этих бродяг, и когда на это обратили внимание принцессы, то она сказала: «меня провожают не те, которые мне дали честное слово». Я слышал, что прусский посланник граф Гольц говорил, что император чувствует себя гораздо лучше, что кровохарканье, которое заставляло опасаться за его жизнь, было вызвано закупоркой вен вследствие геморроя, как только они открылись — кровохарканье прекратилось и таким образом можно было определить причину его заболевания.

Дофин не поправляется и как будто на это нет никакой надежды.

День открытия Генеральных штатов назначен. 4-го будет процессия, а 5 состоится первое публичное заседание. Женщины должны быть в парадных платьях. Зала вместит 9 тыс. зрителей. Мы не будем иметь чести показать туда наши носы, но все-таки я предполагаю поехать в воскресенье в Версаль, и если мы найдем место, где нам можно будет остановиться, то мы проведем там 3 дня...

Париж, 2 мая 1789 г.

Восстание совершенно прекратилось. Повесили только 2 человек, вместо пятнадцати, как я вам сообщил вчера. Очень большое количество арестовано и утверждают, что у многих была найдена почти равная сумма денег, и на основании этого делают соответствующие выводы. Это восстание распространилось и на Орлеан и даже Прованс. Главным организатором его считают аббата Руа [94], королевского цензора. Этот аббат был замешан в уголовном процессе вместе с Ревельоном и хотел отомстить. Но как объяснить, где этот аббат,— бездельник, человек нескладный и без средств,— взял столько денег, чтобы поднять весь этот сброд. Нет ли первопричины, орудием которой является аббат и не поискать ли ее поблизости от трона. Вы понимаете, мой добрый друг, что совершенно невозможно составить определенное мнение на основании всех толков об этом. Я вам не сообщаю о многих фактах, я желал бы быть их свидетелем, хотя бы для того только, чтобы поверить в них.

Я не мог получить никаких сведений о выборах депутатов от Парижа. Уверяют, что сильно интригуют против Тарже, которому парламент не может простить, что он был избран председателем третьего сословия вместо гражданского лейтенанта. Тарже возбуждает ревность всех своих коллег, которые преобладают среди выборщиков. Не верят, что возможно закончить выборы к понедельнику [95].

Сегодня депутаты в Генеральные штаты будут представлены королю: духовенство — в 11 часов утра, дворянство — в 6 часов и третье сословие — в 4 часа. Все будут в парадных одеяниях. Духовенство в стихарях, длинных плащах, дворянство в красных кафтанах, камзолах из золотой парчи, плащах с отворотами из золотой парчи и в шляпах с перьями. Третье сословие будет в черных кафтанах, в полотняных воротниках, коротких плащах и в шляпах со спущенными полями. Процессия назначена окончательно на понедельник, но нельзя быть уверенным в том, что первое собрание состоится во вторник. Вчера мне говорили, что возможно оно будет отсрочено на две недели, что

совсем не устраивает депутатов. Завтра мы отправимся в Версаль, чтобы увеличить нашим присутствием толпу любопытных; мы так и не получили билеты, чтобы пройти в святилище. К счастью княгиня сняла окна, и мы также получили места, чтобы посмотреть как пойдет процессия.

Париж, 5 мая 1789 г.

Я рассчитывал остаться еще и сегодня в Версале, но так как совсем не предвидел возможности попасть на собрание Генеральных штатов, был плохо устроен в отношении помещения и очень устал, то я решил вернуться в Париж. Я вам дам отчет обо всем, чему я был свидетелем в воскресенье и понедельник*.

В воскресенье утром, около одиннадцати часов, герольды при оружии объехали город и объявили о церемонии, назначенной на другой день. Им предшествовал отряд с барабанщиками впереди, за ними ехали трубачи на лошадях и затем пять конных герольдов при оружии. Они были одеты в далматики, украшенные золотыми цветами лилий, на них были шляпы с перьями, в руках они держали скипетры, обтянутые фиолетовым бархатом с цветами лилий. Одежда короля герольдов была такая же, как у других, но цветы лилий были гораздо больше и на конце его скипетра была корона. Один из четырех герольдов держал афишу, на которой было написано то, что он должен был обнародовать. Он прочел ее громко и закончил словами: «да здравствует король! Фанфары!». До конца дня не произошло ничего замечательного; после полудня все время шел дождь и мы очень опасались, что наше путешествие будет совсем бесполезно.

Я вам сообщил в моем последнем письме, что депутаты должны были быть представлены королю в субботу; это представление состоялось, но при обстоятельствах, очень не понравившихся депутатам третьего сословия. Им был назначен прием в 4 часа дня, собрались они в 3 часа и были представлены только в семь часов. Случилось так, благодаря оплошности церемонеймейстера, который никак не мог решить, как вводить депутатов — по бальяжам, по провинциям, или по губерниям.

Вчера утром в семь часов три сословия должны были отправиться в собор Парижской Богоматери. Они вполне естественно предполагали, что места для каждого сословия были определены церемонеймейстером, но этого сделано не было и случилось так, что несколько депутатов третьего сословия заняли места, предназначенные для дворян, и их предупредили об этом, когда они уже сели, и они отказались уйти; тогда вынуждены были поставить вокруг скамейки для дворян, которые остались без места. Когда поднялся вопрос о порядке следования процессии и церемонеймейстер стал делать перекличку депутатам по бальяжам, начав с депутатов от духовенства и от дворянства, то когда он дошел до депутатов третьего сословия, они отказались отвечать на его вызов и заявили, что каждый пойдет так, как найдет нужным. Об этом доложили королю, который одобрил этот порядок и распорядился, чтобы образовали две колонны, по два человека в ряд в каждой: дворянство согласилось с таким порядком шествия, низшее духовенство также, но высшее духовенство никак не хотело сообразоваться с этим распоряжением, отделилось от приходских священников и пошло хотя и в две колонны, но по одному в ряд.

* 3 и 7 мая 1789 г.

Около 10 часов король отправился в карете из дворца в собор Парижской богоматери в сопровождении monsieur [96], графа Д'Артуа [97], герцога Ангулемского и еще двух лиц. Все высшие должностные лица королевства ехали перед ним в другой карете. Затем ехала королева в сопровождении madame [98], принцессы Елизаветы [99] и др., за ними следовали герцогиня Орлеанская, Бурбонская и принцесса Ламбалль и наконец от 34 до 36 придворных дам. Когда прибыл король, запели «Veni creator» и началось шествие в церковь.

Путь был устлан коврами. Представляете, какое количество зрителей толпилось у окон. Ряд из швейцарских гвардейцев и из французской гвардии не позволял толпе мешать этому шествию. Дорогу посыпали песком, 4 скорохода в роскошных одеждах открывали шествие, за ними шли 12 гренадер, два человека несли богато разукрашенное знамя, затем шли монашеские ордена и за ними духовенство, после которого следовали депутаты третьего сословия. Среди них выделялся земледелец в одежде крестьянина, но с плащем, как и другие депутаты *. Его встречали аплодисментами. После депутатов третьего сословия шли депутаты от дворянства и среди них герцог Орлеанский, которого очень приветствовали.

Я забыл сказать вам, что между духовенством и депутатами третьего сословия шел превотальный полицейский отряд или Hoquetons; по обеим сторонам депутатов от третьего сословия и дворянства следовала швейцарская сотня. После швейцарской сотни по сторонам депутатов от дворянства шла лейб-гвардия. Кюре шли в две колонны, по-двое в ряд, затем следовали епископы один за другим и между их рядами шли певчие и музыканты, по-двое в ряд,— все в черных одеждах. Каждый присутствующий нес свечу. Балдахин несли 16 депутатов от дворян, а шнуры его несли monsieur, граф д'Артуа, герцог Ангулемский и герцог Шартрский [100]. Парижский архиепископ нес св. дары. Капитаны гвардии шли впереди короля, а также много других лиц, в красных шитых золотом одеждах. Два из них несли золотой жезл, похожий на жезл, который церковнослужители носят впереди церковных процессий.

После короля с левой стороны шла королева и придворные дамы, каждая занимала место соответственно своему рангу, а по правой стороне шли принцы крови и высшие должностные лица королевства. Отряд швейцарской сотни замыкал шествие.

Я не сообщаю вам ничего о роскоши одежд, которая вполне соответствовала такой торжественной церемонии. Пока длилось шествие, короля время от времени встречали аплодисментами, королеве же не уделяли никакого внимания, чем она была очень недовольна. Я нашел ее сильно изменившейся со времени моего отъезда в Россию, она подурнела и не имеет того приветливого выражения лица, которым она всех к себе располагала. Я не смел бы утверждать, что все в ней выражало недовольство и отвращение, но я не совсем удивляюсь, когда узнаю, что она делала новые попытки воспротивиться успехам готовящейся революции.

В церкви St. Louis нансийский епископ произнес речь, с какой мог только выступить самый ярый сторонник привилегий нации. Ему очень аплодировали, но он немного испортил конец своей речи, сказав, что намерение двух первых сословий разделить с третьим сословием тяжесть податей является большой жертвой с их стороны, пото-

* Жерар — бретанский крестьянин, депутат в Ген. штаты.

му что никто не имел права их к этому принудить. Вы понимаете, конечно, что эта часть его речи совсем не сопровождалась аплодисментами...

Париж, 9 мая 1789 г.

Я только что собрался написать вам в четверг на прошедшей неделе, как ко мне пришел гость и помешал мне это сделать и я вынужден был уйти. Проходя мимо дома Legai, я решил подписаться для вас на газету де Мирабо — «Генеральные штаты», два первых номера которой вы уже получили. Таким образом, я хотел обеспечить вас этой газетой; сам я не смогу вам ее выслать, потому что она только что запрещена, но можно, говорят, надеяться, что она снова выйдет в будущую среду. Пока же из всего, что вышло за это время, она имела наибольший успех и имела влияние на падение курса, который наблюдался вчера на бирже. Доверие к министерству падает после его речи, оно не удовлетворяет все три сословия, оно не хочет принести никакой жертвы, возвещенной в постановлении; наоборот правительство мало расположено отказываться в чем бы то ни было от своей власти. Но чтобы составить себе ясное представление об этом, надо подождать, пока эта речь будет опубликована и тогда прочесть ее спокойно и со вниманием. До понедельника она едва ли появится.

Речь короля вы наверное читали[101]. Она помещена в «Journal de Paris». Все согласно утверждают, что она была произнесена с твердостью и очень прочувственно и поэтому ей сильно аплодировали; но чтение ее не возбуждает энтузиазма. Речь хранителя печати[102] совсем не была слышна и о ней ничего не говорят. Говорят, что ему шикали, когда он ее читал. Я почти не имел времени, чтобы собрать все сведения о происшедшем и о том, что происходит теперь...

На другой день открытия третье сословие собралось в зале штатов, два других сословия в предназначенных для них помещениях. В собрании дворянства было решено большинством в 188 голосов против 45, что будет выбрана комиссия для проверки полномочий этого сословия. В собрании третьего сословия сначала царил большой беспорядок. Ораторы выступали с мало интересными сообщениями. Наконец г. М.* предложил послать депутацию к двум другим сословиям и пригласить их присоединиться к третьему сословию для проверки полномочий, но господин де Мирабо горячо воспротивился предложению г. М., указав, что этот шаг очень опасен, поспешен, незаконен в виду того, что национальное собрание не будет образовано, пока не проверены полномочия. Г. Мутье[103] согласился с г. де Мирабо. Собрание разошлось не придя ни к какому решению.

На другой день г. М. появился с приготовленной речью, в которой он поддерживал свое предложение и оспаривал мнение г. Мирабо и Мутье. Несколько депутатов высказались и за и против и наконец предложение прошло не большинством голосов, которых кстати сказать и не считали, но его поддержали криком те, которые имели более здоровые легкие. Депутация не произвела никакого впечатления на собрание дворянства, которые уже выбрали комиссию и отложили свое заседание до понедельника. Духовенство же в ответ сообщило свое решение выбрать комиссии для обсуждения этого предложения и пригласить это сделать и два других сословия. Таким образом, низшее духовенство уже теряет свои преимущества, потому что путем избра-

* Малуэ.

ния этих комиссаров, высшему духовенству обеспечивается равенство, если не преобладание голосов, а дворянство, уверенное в большом количестве голосов при посословном голосовании, намерено избрать только таких членов комиссии, которые придерживаются их мнения.

Третье сословие должно было собраться вчера, чтобы обсудить эти предварительные переговоры. Такое начало увеличивает недоверие к Р.* Каждый, говорит он, стремится составить себе партию, хочет иметь своих ставленников, верных себе людей и клиентов. М.** хочет непременно комиссию, это значит, что г. Н.*** этого хочет. Дай бог, чтобы я ошибался, говорит г. Р., но по моему мнению случай уже упущен. Что же делает все это время город Париж? Он совсем ничего не предпринимает и не верят, что выборы будут закончены ранее 4, 5 дней. Г. д'Эпремениль выбран депутатом от дворянства вице-графства.

Я уезжаю в понедельник или вторник утром...

Прощайте, из Страсбурга я напишу вам. А вы с своей стороны напишите мне через 15 дней в С. Петербург, но пишите на тонкой бумаге.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Постановление государственного совета от 27 декабря 1788 года. См. примечание на стр. 155

2. Муниципалитет и судебные власти Клермона прислали в Париж депутацию ходатайствовать перед правительством об устройстве выборов в Генеральные штаты от трех сословий Нижней Оверни в Клермоне. Риомцы же добивались устройства выборов в их городе.

3. Неккер (1732—1804), банкир, «генеральный директор» (министр) финансов Франции. Был чрезвычайно популярен в буржуазных кругах. Сыграл видную роль в подготовке созыва Генеральных штатов и добился удвоенного представительства третьего сословия. Его вынужденная отставка, которой добилась придворная партия, послужила толчком для восстания 14 июля 1789 г., после чего он был возвращен к власти. Но его колеблющаяся политика оттолкнула от него влиятельные круги буржуазии и Нац. собрания, популярность его стала падать и в 1790 г. он вышел в отставку.

4. Фокон, друг Демишеля и Ромма, поэт, автор стихов на оверском наречии и пародий. Выпускал в Риоме еженедельные «бюллетени» событий, материалы для которых ему давал иногда Демишель (см. V i s s a c, Romme le montagnard, 1883, стр. 16, 17).

5. Д'Эпремениль (1745—1794), советник парижского парламента, один из главных деятелей парламентской оппозиции, вызвавшей закрытие парламента в 1788 г.

6. M-lle Додэ, уроженка Страсбурга, была компаньонкой графини Строгановой, матери ученика Ромма.

7. Отец ученика Демишеля — А. Н. Строганов.

8. А. С. Строганов.

9. Речь идет о письмах Мирабо из Пруссии генеральному контролеру финансов Калонну, напечатанных в 1789 г. под заглавием «Секретная история Бер-

* Ромм.

** Мутье.

*** Неккер.

линского двора...», в качестве якобы «посмертного» издания писем анонимного автора — путешественника за 1786, 1787 гг., без указания места издания («Histoire secrète de la cour de Berlin ou correspondance d'un voyageur françis depuis le 5 juillet 1786 jusqu'au 19 janvier 1787. Ouvrage posthume» в двух томах»). Постановлением парижского парламента от 10 февраля 1789 г. книга была приговорена к сожжению.

10. Екатерина II. На стр. 168, 1-го тома «Секретной истории берлинского двора...» имеется рассказ о свидании ее в бытность великой княгиней с молодым французом на придворном костюмированном балу, [illegible] о ее распущенности.

11. Фридрих II, король Пруссии с 1740 по 1786 г.

12. Принц Генрих (1726—1802), брат Фридриха II. Военный деятель.

13. Волнения в Бретани вызваны были [illegible] между третьим сословием и дворянством, возникшими на местных штатах Бретани, собранных в Ренне в конце декабря 1788 года. Третье сословие требовало отмены посословного голосования и уничтожения дворянских привилегий. В результате возникшего столкновения между дворянством и третьим сословием штаты были распущены до 3 февраля 1789 г.

14. Принцы Конти — ветвь бурбонского дома.

15. Дворяне Бретани «поклялись» поддерживать [illegible] традиционные формы представительства в Ген. штатах и посословное голосование и объявили изменником всякого, кто откажется от дворянских привилегий (см. Louis Blanc, т. II, стр. 201).

16. Субрани, маркиз, член Конвента, единомышленник Ромма, принадлежавший к группе, так называемых, «последних монтаньяров», был привлечен к суду «народной комиссии» за возбуждение восстания в прериале 1805 г. и приговорен к смертной казни. До приведения приговора над ним в исполнение покончил с собой.

17. Так называемый «животный магнетизм» (гипноз) стал применяться в XVIII в. врачом Месмером, как врачебное средство. Месмер своим лечением вызвал много толков и в 1784 г. по распоряжению короля была назначена комиссия от Академии наук для исследования явлений животного магнетизма. Комиссия высказалась отрицательно по поводу методов Месмера и он должен был покинуть Париж. Брюссель был последователем Месмера.

18. Гостиница «Люксембург» находилась в Сен-Жерменском предместьи, где Строганов и Ромм жили до 1790 г.

19. Вильдейль — министр двора.

20. Де Тиар, граф, главнокомандующий в Бретани (см. Ардашев, Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка, СПБ., 1900, т. I, стр. 428).

21. Ломени де Бриенн (1727—1794), кардинал, предшественник Неккера в качестве генерального контролера финансов. Противник созыва Генеральных штатов. Был отставлен 25 августа 17[illegible] г.

22. [illegible] Фуа находилось в Пале-Рояле — дворце, построенном в XVII в. [illegible] Ришелье и принадлежавшем герцогу Филиппу Орлеанскому [illegible] гвин «Эгалите»), который окружил сад дворца зданиями и галлереями и стал сдавать эти помещения под магазины, кафе, увеселительные заведения. Пале-Рояль в дни революции стал местом сборищ революционно настроенного населения Парижа.

23. [illegible] Бретани выставляло требование отмены посословного голосования и введения равномерного распределения налога.

24. [illegible] де Биоза — клермонский адвокат.

25. Аббат Сиейс (1748—1836), один из крупных деятелей и ораторов Фран-

цузской революции, представитель крупной буржуазии, член Национальных собраний и Конвента. При директории был министром иностранных дел.

26. Речь идет о местных штатах Бретани, открытых 3 декабря 1788 г.; в результате волнений в Бретани, вызванных борьбой дворянства с третьим сословием, они были распущены правительством до 3 февраля 1789 г. (см. Louis Blanc, т. 2, стр. 200).

27. Указ от 24 января 1889 г. В этом указе открытие Генеральных штатов было назначено на 27 апреля в Версале (см. Brette, op. cit, т. I, стр. 65). Указу сопутствовал регламент, устанавливающий порядок выборов для всей Франции. Что касается Парижа, то в регламенте констатировалось только его право на особое представительство в Генеральных штатах (см. Brette, op. cit, т. I, стр. 78); порядок производства выборов в Париже и его округе был установлен особыми регламентами от 28 марта и 13 апреля (см. Chassin, Les élections et les cahiers de Paris en 1789, т. I, стр. 399, 333). Другие крупные города Франции: Страсбург, Мец, Арль, Валансьен получили право выбора особых депутатов в Генеральные штаты позже (см. Brette, op. cit., т. I, стр. 216, 217, 227, 243).

28. Д'Альбиа — клермонский прокурор.

29. Буара,— врач, член кореспондент королевского медицинского общества, друг Демишеля и Ромма.

30. Речь идет о наказе от города Риома («Instructions pour les députés aux Etats géneraux, propoées par les doputés de la ville de Riom»). Этот наказ положен в основу наказа от Оверни (см. Brette, op. cit., т. III, стр. 629, 638).

31. Клеман, швейцарец, слуга Павла Строганова.

32. Корнманн, банкир, привлекший к суду свою жену по обвинению ее в супружеской измене. Был привлечен к ответственности по этому же делу Бомарше,— знаменитый драматург, автор «Свадьбы Фигаро», «Севильского цирульника» и др., на том основании, что ранее он содействовал освобождению г-жи Корнманн из Бастилии, куда она была заключена по просьбе своего мужа. Кроме Бомарше были привлечены к суду некий Додэ, обвиняемый в любовной связи с г-жей Корнманн, и Ленуар.

33. Бергасс, Никола (1750—1832), политический деятель, писатель, адвокат. Автор упоминаемых выше «мемуаров» — памфлетов, направленных против Бомарше. В своих судебных речах он громил произвол администрации и подкупность суда. Брошюры его с изложением этих речей пользовались большим успехом у революционно-настроенных парижан. Бомарше высмеял его в своем произведении — «Mère coupable». Бергасс был избран депутатом в Генеральные штаты. В Национальном собрании он перешел в ряды консерваторов.

34. Калонн Шарль-Александр (1734—1802), бывший генеральный контролер финансов. Был назначен на этот пост по протекции Марии Антуанетты, графа д'Артуа. Для покрытия государственного дефицита прибегал к займам, взыскивал на несколько лет вперед налоги, занимался всевозможными спекуляциями, хищениями, поощрял расточительность Марии Антуанетты и двора. Собрание нотаблей 1787 г. подвергло жестокой критике политику Калонна, и он вынужден был выйти в отставку. Во время революции эмигрировал. Играл видную роль в Кобленце — центре французской эмиграции.

35. Малуэ был избран депутатом в Генеральные штаты третьим сословием 17 марта 1789 г. (см. Brette, op. cit., т. III, стр. 637 и т. II, стр. 493).

36. Маттиас был избран депутатом от духовенства (см. Brette, op. cit., т. II, стр. 493).

37. Бональ Франсуа (1759—1800), клермонский епископ, был избран депутатом от духовенства Клермона (см. Brette, op. cit., стр. 492).

38. Указы о выборах в Бреннии от 16 марта 1789 г. (см. Brette, op. cit., т. I, стр. 259).

39. Наказ от дворянства Немура (см. Brette, op. cit, т. III, стр. 33.3). Н[illegible] [illegible] На собрании 9 марта было постановлено требовать в [illegible] равномерного распределения налогов между сословиями.

40. Дворянство Оверни, соглашаясь на равномерное распределение налогов между сословиями, требовало освобождения от налогов замка и прилегающих к нему двора и сада.

41. Редон, городской старшина в Риоме, адвокат в риомском парламенте. Был избран от третьего сословия 3-им депутатом в Генеральные [illegible].

42. Речь идет о Дюффесс-Дюкей, главном судье, т. н. генерал-лейтенанте, избранном депутатом в Генеральные штаты.

43. Мирабо выставил свою кандидатуру на собрании третьего сословия после того, как ее отвергло дворянство Прованса, среди которого он не пользовался популярностью.

44. Сталь-Гольштейн, Жермена, француз[illegible]ница. В эпоху [illegible]цузской революции пыталась играть поли[illegible] [illegible], собирая в [illegible] лоно представителей [illegible].

45. Черутти (17[illegible]–17[illegible]), [illegible], [illegible], [illegible] Мирабо, [illegible] «Деревенского листка» («La feuille villageoise»).

46. Речь идет о регламенте от 13 апреля, устанавлив[illegible] [illegible] регламенту от 28 марта порядок производства выборов в Париже.

47. Охрана церквей, где происходили выборные собрания, была установлена потому, что правительство опасалось волнений беднейших слоев населения, лишенных избирательных прав.

48. Демишель собирался в Россию вместе со своим воспитанником, [illegible] со смертью отца последнего — барона Строганова.

49. Собрание дворян Парижа происходило в 20 избирательных участках, и названо в регламенте «предварительным», «общим». К выборам допускались все живущие в Париже дворяне, достигшие 25 лет.

Парижское дворянство на этом собрании должно было избрать 150 выборщиков, которые на главном собрании всех трех сословий Парижа и его округа должны были выбрать 10 депутатов от дворянства в Генеральные штаты и составить наказ (Статьи VII и IX регламента от 28 марта. См. Chassin, op. cit., т. I, стр. 333).

Таким образом для дворянства Парижа были установлены двустепенные выборы, тогда как дворяне всей Франции имели право непосредственно избирать депутатов в Генеральные штаты.

50. Председатели этих собраний были назначены правительством из состава судей — «советников» парижского суда, помещающегося в одной старинной крепости Парижа — «Chatelet» на правом берегу Сены. Дворянам было дано право переизбирать председателей по назначению.

(Статья V регламента от 13 апреля, см. Chassin, op. cit., т. I, стр. 40).

51. Регламент вызывал критику третьего сословия и дворянства в прессе и на предвыборных собраниях. Дворянство было недовольно непрямыми выборами и тем, что наказы составляли не сами избиратели, а выборщики. Это недовольство нашло свое яркое выражение в брошюре, вышедшей утром 20 апреля и обращенной к дворянам избирателям. (См. Chassin, op. cit., т. I, стр. 459).

Кроме того регламент вызывал протест дворян, оппозиционно настроенных к созыву Генеральных штатов (См. Brette, op. cit., т. I, стр. X).

52. По третьему сословию правом выбора пользовались французские подданные, достигшие 25 лет, имеющие постоянное местожительство в Париже и платящие «поголовный» налог («capitation») в размере не ниже 6 ливров. При входе предъявляли удостоверения в нахождении на государственной или частной службе, свидетельства в получении ученой степени, патенты на зва[illegible]

стера и квитанции в уплате налога в установленном размере. При входе избиратели получали избирательные бюллетени. Третье сословие Парижа должно было выбрать 300 выборщиков для избрания на главном выборном собрании Парижа и его округа 20 депутатов в Генеральные штаты, тогда как духовенство выбирало 10 и дворянство — 10 (VI, XII и XIV статьи регламента от 28 марта, см. Chassin, op. cit., т. I, стр. 333).

53. Третьему сословию не было дано права переизбирать назначенных правительством председателей. (Статья XVI регламента). В большинстве дистриктов назначенные председатели были все же переизбраны.

54. Назначение правительством председателей и секретарей на выборные собрания третьего сословия без права их переизбрания вызвало протест на собраниях и в брошюрах во время предвыборной кампании. В установленную во время этой кампании программу действий избирателей третьего сословия вошло переизбрание председателей и секретарей по назначению (см. Chassin. op. cit., т. I, стр. 461, 467—469)

55. Оратор избирался для выступления на главном выборном собрании.

56. Это заявление исходило от оппозиционно настроенной группы дворянства, которые усматривали в установленных регламентом посословных выборах депутатов от города Парижа нарушение прав Парижа как «коммуны», обыватели которой должны были выбирать сообща и сообща же составлять наказ от «коммуны» Парижа. Это течение, представленное графом Лоран, не поддерживалось всем дворянством в целом. Третье же сословие имевшее установленное регламентом право присоединиться для составления наказа к другим сословиям, предпочло не пользоваться этим правом, а составляло свой наказ отдельно.

57. Валенс, виконт, был избран выборщиком в 6 дворянском избирательном участке (см. Chassin, op. cit., том II, стр. 210)

58. Лалли Толендаль, граф (1851—1830), публицист, член Академии наук, председатель 13 дворянского избирательного участка. В своей речи он протестовал против посословных выборов от Парижа, выражал готовность дворянства принять участие наравне с третьим сословием в уплате всех государственных налогов и нести все повинности. Избран депутатом в Генеральные штаты (см. Chassin, op. cit., т. II, стр. 228). В национальном собрании выступал как защитник королевских прерогатив и сторонник конституционной монархии.

59. Дистрикты получили названия от церквей, в которых происходили выборы.

60. По официальным сведениям о количестве выборщиков, избранных третьим сословием по отдельным дистриктам, в дистрикте St. Roch голосовало 152 человека, выбрали 20 человек, из них пять человек на основании пропорций, установленных регламентом и 15 кандидатов (см. Chassin, op. cit., т. II, стр. 316).

61. Граф де Лорагэ, герцог де Бранкас (1733—1824), публицист, драматург, член корреспондент Академии наук. За свои оппозиционные выступления против правительства неоднократно подвергался тюремному заключению (см. Chassin, op. cit., т. I, стр. 451).

62. В большинстве выборных собраний дистриктов наблюдалось отстранение лиц, находящихся по своему служебному положению в зависимости от дворянства и церкви (Жорес. «История великой французской революции», т. I, ГИЗ, 1920 г., стр. 125).

63. Г-н Галло — муниципальный чиновник (см. Chassin, op. cit., т. I, стр. 415).

64. Организация выборов третьего сословия лежала на городском бюро в лице купеческого старшины («prevôt des marchands») (см. Chassin, op. cit., т. I, стр. 335).

65. Протест, вызванный сношениями председателя Галле с городским бюро, объясняется недовольством третьего сословия правительственным вмешательством и регламентацией выборов.

66. Право выбора имели лица, имеющие постоянное местожительство.

67. Де Ларошфуко, герцог (1747—1827), придворный Людовика XVI. Был избран депутатом от дворянства в Генеральные штаты. После восстания 10 ав- [illegible]ировал. При реставрации был членом палаты пэров.

68. Сегье (1726—1792), генеральный адвокат Парижского парламента, монар- [illegible] дворянских привилегий, эмигрировал один из первых.

69. Постановление адвокатов ренского парламента (см. Louis Blanc, II, стр. 202).

70. Монморен, граф (1745—1792), дипломат, был послом Мадрида, министр иностранных дел. Сторонник Неккера, был уволен с ним вместе в отставку в 1789 г. и возвращен вместе с ним после восстания 14 июня 1789 г. После принятия Людовиком XVI конституции в 1791 г. вышел в отставку, продолжал свою контрреволюционную деятельность. Был арестован и убит в тюрьме в сентябрьские дни 1792 г.

71. Другой причиной, побудившей отложить выборы, были затянувшиеся прения о составлении наказа: составлять его всем сословиям сообща или каж- [illegible] (см. Chassin, op. cit., т. III, стр. 1, 2).

72. Виконтства — парижские пригороды, входившие вместе с Парижем в состав «губернаторства», подведомственного в полицейском отношении [illegible] губернатору Парижа. На официальном языке эпохи этот округ носил название «Город, превотство и виконтство Парижа» (Ардашев, Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка, СПБ, 1900, т. I, стр. 403—437).

73. Открытие генеральных штатов произошло 5 мая.

74. Эти сведения о смене министров оказались неверными и сам Демишель опровергает их в письме от 28 апреля.

75. Иосиф II, умер в 1790 году.

76. Речь идет о восстании 1775 г., охватившем почти всю Францию. Произошло оно на почве недостатка и дороговизны хлеба, так наз. «мучной бунт».

77. См. Chassin op. cit., т. III, стр. 299, 300.

78. Архиепископ был председателем собрания.

79. Председателем по назначению был Анучан — судья по гражданским [illegible] «de lieutenant civil». Он был переизбран вопреки регламенту, [illegible] третьему сословию. (См. протокол этого собрания у Chassin, op. cit., т. III, стр. 9).

80. Тарже (1733—1806) [illegible]
Впоследствии Людовик XVI предложил ему выступить на его процессе в качестве защитника. Тарже это предложение отклонил. Во время террора был секретарем одного из революционных комитетов.

81. Бальи Жан-Сильвен (1736—1794), астроном, [illegible] в дальнейшем депутат в Генеральные штаты от третьего сословия, перв[illegible] города Парижа.

82. Имеются в виду выборщики.

83. Луи Блан рассматривает это восстание как перв[illegible] восстание пролетариата против капиталистов. Луи Блан пишет: «в момент предвыборного возбуж- [illegible] более глубокую революцию, чем та, в которую устремлялась буржуазия (Louis Blanc Histoire de la révolution francaise; т. II, стр. 219).

84. Сент-Антуанское предместье — рабочий квартал Парижа. В [illegible] лись стеклянная королевская мануфактура и частные мебельные ман[illegible].

85. Восставших в Сент-Антуанском предместье было 3 000 человек по данным одной брошюры официального характера (см. Chassin, op. cit., т. III, стр. 52).

86. Характерный для XVIII века обычай вешать манекены, изображавшие лиц, возбудивших ненависть народа, и предавать их примерной казни.

87. Это восстание не являлось неожиданностью для правительственных кругов, об этом свидетельствуют распоряжения, данные министром двора Вильдейлем, исполнявшим отчасти функции министра внутренних дел, губернатору Бастилии маркизу Лоней и военному министру Пюисегюру от 23 апреля 1789 г. о снабжении гарнизона Бастилии оружием из арсенальных складов (см. Chassin, op. cit., т. III, стр. 29). Современники этих событий высказывали мнение, что восстание могло бы быть предотвращено. Этого не было сделано в виду намерения реакционных правительственных кругов, оппозиционно настроенных к политике Неккера, запугать восстанием буржуазию и привлечь ее на свою сторону.

88. Постановление о запрещении сборищ исходило от Парижского парламента.

89. Имеется в виду расстрел демонстрации по поводу отставки ненавистного народу генерального контролера финансов Ломени де Бриенна и назначения на его место Неккера, пользующегося в то время большой популярностью.

90. В состояние отчаянья Марию Антуанету приводила болезнь сына.

91. Восставшие бросали в огонь деньги и ценные вещи с криком — «мы не хотим ничего брать». (Свидетельство очевидца — см. Chassin, op. cit., т. III, стр. 59).

92. К чрезвычайному суду, состоявшемуся 29 апреля, были привлечены кровельщик Жильбер и поденщик чернорабочий Антуан Пур, арестованные в погребе Ревельона.

93. Герцогиня Орлеанская, жена герцога Орлеанского (впоследствии Филиппа Эгалите), оппозиция которого двору создала ему большую популярность среди третьего сословия.

94. Аббат Руа (род. в 1744) — королевский цензор, литератор, адвокат, член многих ученых обществ. По подозрению в провокации восстания был арестован 3 мая 1789 г., но так как следствие не могло установить его виновность, якобы за неимением улик, он был освобожден 13 мая 1789 г. (см. Chassin, op. cit., т. III, стр. 103).

95. Выборы в Париже депутатов в Генеральные штаты были закончены к 19 мая; (см. Chassin, op. cit., т. II, стр. 248—250, 272—290).

96. «Monsieur» — титул старшего из братьев короля, в то время принадлежал графу Прованскому (1755—1824), впоследствии королю Людовику XVIII.

97. Граф д'Артуа (1757—1836) брат Людовика XVI, впоследствии глава эмигрантов, сосредоточенных в Кобленце, организовавших интервенцию, король Франции (Карл X), с 1824 по 1830 г.

98. «Madame» — титул жены старшего из братьев короля.

99. Принцесса Елизавета (1764—1794) — сестра Людовика XVI.

100. Герцог Шартрский, Луи Филипп (1773—1850) старший сын герцога Орлеанского, впоследствии король Франции (1830—1848).

101. В своей речи король ничего не сказал об обещанных им реформах, в ней он главным образом заявил о прерогативах королевской власти и о своем намерении поддерживать их, а также и основные принципы монархии.

102. Хранитель печати с 1788 г. был де Барантен (1738—1819). В конце 1789 г. эмигрировал.

103. Мутье, граф (1751—1817), дипломат. Впоследствии тайный агент Людовика XVI и графа Прованского при европейских дворах по подготовке интервенции во Франции.

Описание истории калмыцкого народа

Хранящаяся в Государственном Архиве феодально-крепостнической эпохи в фонде: «Калмыцкие дела» рукопись В. Бакунина «Описание калмыцкого народа», является ценным историческим первоисточником для освещения истории калмыков XVII и первой половины XVIII в.в.

В. Бакунин был родом из города Царицына. В 1720-м году астраханским губернатором Волынским он был назначен переводчиком калмыцкого языка. В 1722 году участвовал в Дербентском походе в команде при калмыцких войсках. В 1726 году В. Бакунин за его заслуги в сношениях с калмыками был назначен секретарем по калмыцким делам. Зная хорошо разговорный и письменный калмыцкий язык и обладая дипломатическими способностями, В. Бакунин играл довольно видную роль в сношениях с калмыками. Волынский, зная способности Бакунина, посылал его с дипломатическими поручениями в калмыцкие улусы, что дало ему возможность изучать обычаи и быт калмыков. При решении тех или иных вопросов по калмыцким делам В. Бакунин в случае надобности составлял свое мнение или предложение для коллегии иностранных дел. Так в 1734 г. Бакунин, не согласившись с доношением астраханского губернатора Измайлова о том, «чтоб всеконечно их [тайшей] уже искоренить и владельцев уменьшить», подал в коллегию иностранных дел свое мнение, в котором предлагал прежде применения оружия для усмирения Дондук Омбы: «еще отведать добрым способом и прощением в противности Дондук Омбы к покорению и согласию приводить».

Печатаемая ниже рукопись, составленная В. Бакуниным на основании документальных данных, имевшихся в коллегии иностранных дел, и сведений, почерпнутых из личного соприкосновения с калмыцким народом и его аристократией, содержит материалы, до сего времени не получившие достаточного освещения в литературе о волжских калмыках. Период раннего пребывания калмыков на территории России, их родовое и племенное деление и места кочевий получили довольно полное освещение в описании В. Бакунина. Кроме изложения истории взаимоотношений калмыков с царизмом, в рукописи большое место занимают сведения об административном устройстве внутриулусного правления, о культуре, обычаях и правовом положении калмыцкого народа, о социальной структуре и социальной борьбе внутри калмыцкого общества. Особенно ярко В. Бакуниным показаны методы осуществления колонизаторской политики царизма, способствовавшие борьбе между калмыцкими ханами. Поэтому рукопись В. Бакунина, как первоисточник, несмотря на несомненную тенденциозность и односторонность ее автора, освещающего события из жизни калмыцкого народа лишь в той мере, в какой они были доступны наблюдению извне, и при том с точки зрения русского царизма, имеет несомненно важное значение. Это усиливается еще и тем обстоятельством, что ряд документов (главным образом, XVII в.), использованных Бакуниным, не сохранился до нашего времени. Используя сведения из документов архива коллегии ино-

странных дел, В. Бакунин вкратце повторил их содержание, что придало его рукописи частично форму «экстракта», типичного для изложения содержания архивных документов в XVIII веке.

Несмотря на то, что «Описание» В. Бакунина является ценным источником для изучения истории калмыков, оно до сего времени не было опубликовано, хотя о нем имелись упоминания в таких печатных трудах, как в книге Н. Н. Пальмова «Этюды по истории приволжских калмыков»[1] или в статье В. Л. Котвича «Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII в.в.» и др.

Существенным пробелом в «Описании» В. Бакунина является, что он совершенно не касается вопроса о роли калмыков во время восстания, вспыхнувшего под предводительством Степана Разина. Это, возможно, объясняется тем, что архивные материалы фонда «Калмыцкие дела», которыми он пользовался, почти не затрагивают этого вопроса. Архивные же документы других фондов: «Донские дела», «Крымские дела» и др. показывают, что движение Разина привело в трепет феодальную верхушку почти всех народов Поволжья, Крыма и Северного Кавказа. Материалы указанных фондов свидетельствуют, что народные массы этих племен пытались расправиться со своей аристократией, и нередко среди Разинских войск находились отряды разных народов Поволжья и Прикавказья. Султаны, мурзы, тайши искали содружества между собой, а русский царизм искал возможности использовать их для подавления Разинского восстания. Калмыцкий хан Аюка занял позицию выжидания, тем более, что к этому побуждала его неустойчивость его собственного положения: часть калмыков ушла к Разину, а другие калмыцкие тайши желали воспользоваться положением дел для раскрепощения своих улусов от деспотизма Аюки-хана. Тогда же в 1671 г. донские казаки с калмыками заключили договор: «что им калмыком с ними атаманы и казаки, и со всем войском быть в миру... они калмыки у них... учинили шерть... атаманы и казаки... целовали (крест)...[2] а из «войска запорожского» казаки писали Степану Разину, что он «гетман (Демьян Игнатович) у великого государя не в подданстве, чтоб де Стенька шел на великого государя на понизовые городы безопасно, а от него бы гетмана не опасался, что он в. государя с ратными людьми над ним Стенькою промысл чинить не будет»[3].

Восставшие крымские татары чрезвычайно встревожили крымского хана, попавшего в безвыходное положение: «сбежал татарин Сеерша, а с собою подговорил от хана служилых татар с 3.000 человек, и, па то смотря, многие татаровя разбежались», а сам хан крымский со своим войском «стоят по разным местам и помирают с голоду сами и лошади»[4], поэтому хан обращался к ногайской и калмыцкой аристократии с просьбой быть с ним «в братстве, не только что в подданстве»[5].

Царское правительство посылало специальных людей «про калмыков проведати, где они ныне кочуют, на Дону ли или где инде и с кем они в ссылке».

---

[1] Рукопись В. Бакунина, повидимому, не была известна в оригинале проф. Н. Н. Пальмову, использовавшему, главным образом, архивные материалы Астраханского Калмыцкого архива, так как он в своей книге упоминает о ней только в связи с книгой архимандрита Гурия: «Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен», в которой Гурием использованы некоторые сведения о христианизации калмыков из рукописи В. Бакунина.

[2] Места, отмеченные пунктиром, истлели, но общий смысл ясен. Донские дела 1671 г.

[3] Там же.

[4] Крымские дела 1670—1671 гг.

[5] Крымские дела 1670—1671 гг.

Посланцы узнали, что через реку Донец «перевозились калмыки многие люди. Мурза Бек з женами и з детьми, на Крымскую сторону, тысячи с четыре и больши...» «а азовцы з донскими казаками были при них» и рассказывали, что «они азовцы, калмыков, мурзу Бока и ногайцев приняли к себе и хотят итить войною под Волуйку и под иные украйные города вскоре» [1].

Из переписки господствующих верхов Эдиссанских и Юртовских татар с Алексеем Михайловичем мы узнаем, что на подавление Разинского восстания [illegible] верхи Поволжских народов, а рядовые массы шли вместе с русскими крестьянами.

Лишь вскользь касается В. Бакунин роли калмыков и в восстании Булавина хотя в «калмыцких делах» об этом и имеются некоторые данные. Так в письме к князю Голицыну Аюка писал, что «он, Аюка, по указу великого государя, на башкирцов и на булавинцов посылал он ратных своих многих людей с детьми своими и с племянники, и с внучаты. И ратные его люди с изменники бились и многих побили»...[2]. Несмотря на желание Аюки «и впредь» царю «служить верно», некоторая часть калмыков, откочевавшая на Дон еще до восстания Булавина, во главе с Солом-Цереном [illegible], участвовала в самом Булавинском восстании.

Вопрос об участии калмыков в крестьянских восстаниях XVII и XVIII вв. почти не изучен. Очень скудные сведения по данному вопросу имеются и в фонде «Калмыцкие дела». Фонд этот до сих пор детально не исследован. Поэтому представляется целесообразным дать здесь краткую характеристику содержащихся в нем материалов. В документах фонда отображены распоряжения из коллегии иностранных дел на периферию и ответные донесения с мест, переписка местных властей между собой, а также переписка царского правительства с калмыцкими «владельцами», тайшами и ханами. Наибольшее количество документов относится к походам калмыцкой аристократии на Кубань. В этих документах, кроме подробного описания кубанских походов, чрезвычайно ярко отображены способы, которыми царская власть добивалась этих походов и какие цели преследовала калмыцкая аристократия по отношению к правительству и царизму. Распоряжения царской власти, [illegible] всеми мерами склонять калмыков к искоренению кубанцев, описание поездок местных представителей царизма в калмыцкие улусы для личных свиданий и переговоров с «владельцами» и присылки подарков, дают ясную картину колониальной политики царизма, политики натравливания одного народа на другой и подстрекательства их к внутренним междуусобиям, в целях ослабления их экономической и военной мощи.

В этих же документах отражена роль калмыцких ханов в русско-турецких отношениях. Попутно отражаются и взаимоотношения калмыков с кубанскими и крымскими татарами; колебания политики калмыцкой аристократии между полным подчинением себя русскому царизму и попытками сохранить свою самостоятельность и дружеские отношения с Кубанью и Крымом.

Начиная с 1735 г., политика калмыцкой аристократии все более устойчиво попадает под влияние русского царизма, и в документах последовательно отражается полное подчинение калмыков русскому царизму.

Значительное место в фонде занимают материалы, отражающие борьбу между калмыцкой аристократией, особенно между ханами Дондук-Омбой, Дондук-Дашей и Церен Дондуком. При помощи привилегий, полученных от русского царизма, с чрезвычайной легкостью власть калмыцких ханов переходит от о

[1] Крымские дела 1670—1671 гг.

[2] Калмыцкие дела, 1709 г., № 4.

ного в руки другого, в то время как народные массы все больше подвергаются произволу царских чиновников.

Немалое место в фонде занимают сведения о христианизации калмыцкого народа, отраженные в сообщениях отдельных калмыков. Здесь рисуются все виды подкупа, к которым прибегал царизм для завлечения калмыков к крещению, как-то: подарки, снабжение деньгами и платьем, дарование привилегий, раздача титулов, «дружба» высокопоставленных лиц и т. д. В очень незначительном количестве отражены сведения, рисующие социально-экономическое положение калмыцкого народа. Однако, имеется чрезвычайно значительный материал по объему о расходах царского правительства на «калмыцкие дела». Огромные суммы, выплачиваемые царизмом калмыцкой аристократии, определяли экономическое и общественное положение того или другого тайши, что позволяет делать вывод о решающей роли царизма в экономическом положении калмыцкой аристократии и закабалении калмыцкого народа эксплоататорами-владельцами.

Публикуемый документ в списке извлечен из фонда «Калмыцкие дела», дело № 1.

В. Разумовская

Описание калмыцких народов, а особливо из них Торгоутского и поступок их ханов и владельцов, сочиненное статским советником Васильем Бакуниным, 1761 года[1].

Часть первая.

Мунгальские и калмыцкие народы издревле пребывали в великой Татарии[2], переходя с места на место, и были весьма многолюдные и разделялись на многие ханства или владении, так что из оных были и знатные государи, то есть Чингиз Хан[3], и Бату Хан[4], из которых последнего наши российские истории называют Батырем царем татарским, а он подлинно был мунгал и идолопоклонник, что и церковными описаниями путешествий в орду владетельных князей российских доказывается тем, что некоторые из них принуждаемы были кланяться солнцу и огню, и употреблением еще в тогдашние времяна на российском языке мунгальских речей, то-есть зарлик или ерлык и улус[5], а первое значит на нашем языке указ, а другое народ. Впрот-

[1] В виду обширности «описания в публикуемом тексте допущены пропуски отдельных фактов и повторений.

[2] Под наименованием «Великая Татария» автор подразумевает Великую Монголию.

[3] Чингис-хан-Тай-цзу-чэн-ву-хуан-ди, по имени Темучин (Те-му-чжэнь) объединил вокруг себя крепкую дружину, разгромившую ряд монгольских родоначальников. После многих победоносных походов в 1206 г. весной Темучин, собрал курултай (сейм) из родоначальников Монголии, на котором он был провозглашен всемонгольским каганом, с именем Чингис-хан («пожалованный небом»). Умер в 1227 году.

[4] Бату-хан, называемый в русских летописях Батыем (ум. в 1255 г.) — внук Чингис-хана.

[5] Основанием общественного и административного деления калмыков являлись кочевые группы — хотоны. Родственные или одного родопроисхождения хотоны составляли — аймаки, а несколько аймаков составляли — улусы. Аймаки объединяли от 50 до 200 и более кибиток или семейств, а хотоны от 10 до 20 кибиток.

чем о сих двух ханах и о их наследниках о принятии из них некоторыми мугаметанского закона европейские историки пишут весьма разное, да и собственные мунгальские, калмыцкие и татарские истории между себя весьма в том разгласуют и много вводят басней.

Но сие достоверно, что в XVI веке калмыцкой народ назывался на их языке ойрот[1], а по мунгальски ойлиот, и от мунгал научился грамоте и арифметике, а разделялся между себя на четыре части и назывались: 1. Хошоут, 2. Баргу Бурат[2], 3. Зенгор, 4. Торгоут.

Из них первые Хошоут пребывание свое и доныне имеют при Коку Нуре[3] то-есть при Синем озере, лежащем между Китайского государства, Тебетского или Тангутского народа, в котором жительствует Далай лама[4], и Малой Бухарии[5] и имеют своих ханов, а около 1700 года от нападения зенгорцов вступили в подданство Далай ламы.

Другие Баргу Бурат напредь сего кочевали при вершине реки Иртыша и при Алтайских горах и имели собственных своих владельцов. Но с 1618 года от частых нападений соседей их мунгал и других калмык они раззорены и многие из них по их разным улусам разделены. Да из них же немалая часть вступила в подданство Российской империи и ныне пребывание свое имеет в Сибири в Иркутской провинции и на своем языке называют себя бурат, а россияня называют их братскими калмыками, и таким образом сей народ перевелся.

Третие Зенгор кочевали при реке Или и около озера на их языке называемого Балхаш Нур, лежащего под 48 градусом северной широты, в которое впадает река Или, и имели своих ханов и владельцов самовластных, которые чинили нападении на Баргу Бурат, Хошоутов и Торгоутов и по нескольку улусов их к себе отрывали и обманом перезывали и, тем усилясь, завладели Малою Бухариею, в которой семь городов, а имянно, Кашкар, Учь, Аксу, Куца, Эркень, Хотон, Керея, Зенгорцы ж чрез сорок лет войну продолжали с китайским государством и напоследи войск их собиралось тысяч до ста. Они ж научились было от шведа штик-юнкера Иоганна Рената, бывшего в России военнопленным и из Сибири к ним в плен доставшегося делать пушки.

Но в 1746 году по смерти главного их владельца Галдан Черепя, у протчих зенгорских владельцов о старшинстве зделалось междуусобие, причем Галдан Черепев зять владелец Амур Санань, произшедший из фамилии Хоит, передавался в Китайское государство и подал причину китайским войскам вступить в Зенгорию и тот народ раззорить и забрать в свое государство. Из них же при сем случае, некоторые владельцы из фамилей Торгоут и Хоит, также из их и собственных зенгорских попов, зайсангов, и рядовых калмык несколько тысяч семей самовольно пришли в Российскую империю. И которые из них пожелали креститься, те определены на житье в Оренбургской губернии при Ставрополе, а которые креститься не пожелали, оные пре-

---

[1] Ойротами назывались поколения западных монгол, объединенных под главенством Чоросского князя Махмуда.

[2] Одно из главных племен бурят-монголов. Рашид-эд-Дин упоминает в [illegible]менном составе бурят-монголов: Эхиритов, Баргу-бурят и Хоринцев. Бар[illegible]-бу-ряты в состав ойротов не входили.

[3] Куру-нор — Голубое озеро в Тибет[illegible]

[4] Далай-лама — высшее духовное лицо у буддистов. Тибета, обладающее советской властью.

[5] Малой Бухарией назывался Кашгар или Восточный Туркестан.

провождены на реку Волгу к торгоутским калмыкам, и так и другой калмыцкой зенгорской народ перевелся.

Четвертые Торгоут пребывание свое имели при Алак-Ула, то-есть при Пегих или Пестрых горах, которые лежат между Малой Бухарии и реки, по калмыцки называемой Текес, впадающей в реку Или под 44 градусом северной широты, и распространялись кочевьем своим до рек, по калмыцки называемых Торгой и Яргас, (из которых последнюю ныне киргис касаки называют Иргис) впадающих в оз ро, на киргиз касацком языке называемое Ак Сакал, лежащее под 48 градусом северной широты.

В 1630 году торгоутской главной владелец, имянуемой Хорлюк, имея у себя шесть сынов и подданных своих улусных калмык пятдесят тысяч кибиток, за ссорою с хошоутскими и с зенгорскими калмыками, от Алак-Ула откочевал к реке Волге и идучи завоевал за рекою Эмбою татар, джембуйлук[1] имянуемых. А пришед к Волге, покорил себя Большого и Малого Нагая татар же, называемых Катай Канчак, Мали Баш и Джетысан.

Примечания достойно, что хошоуты и зенгорцы сами себя и торгоутов калмыками и доныне не называют, а называют, как и выше означено, ойрот. Торгоуты же как себя, так и хошоутов и зенгорцев калмыками хотя и называют, но сами свидетельствуют, что сие название не свойственно их языку а думают, что их так назвали россияня, но в самом деле видно, что сие слово калмык произошло из языка татарского, ибо татара называют их калмак, что значит отсталых или отстальцов.

1640 года все мунгальские и калмыцкие ханы и знатные нойоны, то-есть князья, которых мы называем владельцами, съезжались в одно место, и 5 числа сентября постановили свое уложение, по которому мунгалы и калмыки между своими народами и доныне расправу чинят. В то их собрание приезжал и от реки Волги, вышеупомянутой торгоутской владелец Хорлюк с старшим своим сыном, имянуемым Шукур Дайчинг, которых и имяна в том уложенье написаны.

По смерти же Хорлюковой вышеозначенной его сын — Шукур Дайчинг над протчими торгоутскими владельцами, то-есть над родными своими меньшими братьями и племянниками, получил старшинство и правление.

1646 года в наказе, данном бывшим тогда в Астрахани боярам, написано, что великий государь калмыцких Шукур Дайчинга и протчих тайшей с их улусы изволит держать в своем государском милостивом жалованьи и призреньи и им улусным людем со всякими их товары и с лошадьми и с животиною под Астрахань и под Уфу и под иные городы приходить и торговать велит повольно и безпошлинно, и назад их в калмыцкие улусы отпускать без всякого задержания и заценки.

А по смерти оного Шукур Дайчинга получил правление над торгоутским народом сын его Пунцук.

При его правлении пришел на Волгу и ему Пунцуку поддался хошоутов владелец Конделенг Убаши, с четырьмя своими сыновьями в трех тысячах кибиток улусных своих калмык.

Пунцук же старался двоюродных своих братьев и их детей улусами обезсилить и для того их между себя приводил в ссоры, а противного себе родного племянника своего, имянуемого Джалбу, разбил и его самого поимал и отдал в Россию, а улусом его завладел.

[1] Ногайцы, кочевавшие по берегам реки Эмбы, на калмыцком языке называвшейся Джем, получили название Джембулуков или Эмбулуков.

Он же Пунцук имел войну с зенгорцами и с протчими хошоутами и, не окончав оные, умре около 1669 года, поруча по себе правление калмыцкого народа старшему своему сыну Аюке, который хотя тогда от первой своей жены Эренцена дочери Цецен хана Хошоутова имел двух сынов Чакдоржапа и Санжина, однако, по смерти отца своего Пунцука женился на его жене, а на своей мачихе Уанджал имянуемой, которая была дочь одного владельца хошоутова и прижил о [illegible] сына Гунжепа.

1670 года пришла на Волгу к Аюке родная его сестра Доржи Арантан, бывшая в замужестве за Церен ханом хошоутовым, и привела с собою дочь свою, с Церен ханом прижитую, имянуемую Цаган Лама (которая после была в замужестве за Чакдоржапом) и хошоутовых калмык до тысячи кибиток, а от хошоутова народа откочевала она по смерти помянутого мужа своего Церен хана и учинившегося по смерти его у родственников его о ханстве междоусобия.

Аюка вскоре по смерти отца своего с зенгорцами примирился и отдал за главного их владельца Араптан Хондайджу в замужество дочь [illegible] реки Яика с одним хошоутовым владельцом Церен хановым меньшим братом Аблаем, и сперва от него был разбит, а на другой год не только его разбил, но и самого пои[illegible].

В ту ж калмыцкую войну 1670 года у их подданных нагайцов учи[illegible] междоусобие [illegible] у [illegible] с Большим и Малым нагаем, и тогда Малого нагаю Ямгурчей мурза с детьми своими и с улусными людьми, захватя астраханских юртовских татар[1] Мурзу Бека Оллашева с сыном его и с племянники и с улусными людьми, отошел в степь к реке Т[illegible].

1671 года он Ямгурчей мурза с Малым и с Большим [illegible] Волге и [illegible] близь Астрахани [illegible] Джетысанских [illegible] через целый день продолжая с ними бой, отвели их с собой на Кубань под крымскую власть, причем захватили [illegible] и астраханских юртовских татар.

1672 года торгоутской владелец Аюка по разбитии хошоутова владельца, Аблая, собрав все свои калмыцкие войска, ходил на оных своих бывших подданных татар и Малой нагай, приниял по прежнему [illegible] семьи в год по кумачю.

А Большой нагаи и джетысан бывших тогда при вершинах реки Кубани, держал в атаке с два месяца и забрал по прежнему к себе на Волгу и в то время выше писанной Малой нагай оставил кочевать на том же месте близь Кабарды при реке Терке, откуда оной обще с кабардинцами и аманатов своих давали в Терскую крепость[2].

Вскоре потом он же Аюка разбил двоюродного своего дядю, имянуемого Дугара, причем поймал его и с сыном его Черепем и, поклепав их, будто они многие неправды пред великим государем делали, отдал в Астрахань, а улусом их завладел, и Череп в Москве крестился и назывался князем Васильем Дугаровым.

[1] Татары, обитавшиеся на территории Астраханской губ., разде[illegible] живших в нижней части Ахт[illegible].

[2] Укрепление русской пограничной линии в низовьях Терека, [illegible] ном рукаве. Терское укрепление было центром терского казач[illegible] нованного казаками в 1573 [illegible]

Да и протчих владельцов он Аюка для обезсиливания их часто приводил в ссоры и в междуусобии, и двое из его братьев один против другого воевал[и], а напоследок один из них просил себе в помощь войск из Астрахани, которому и дан был стрелецкой полк и близь города Черного Яру на луговой стороне в урочище Булхун Хум, один против другого сошлись было битца, однакож по переговоре между себя оные владельцы помирились и потом соединясь напали на тот стрелецкой полк, и оной весь порубили.

1672 года ноября 27 дня бояриком Иваном Богдановичем Милославским, присыланным из Москвы с войсками, взята Астрахань от бунтовщиков, оставшихся от Стенки Разина; по возвращении ж его Милославского был в Астрахани боярин и воевода князь Яков Никитичь Одоевской, который в 1673 году съезжался с калмыцким торгоутским владельцом Аюкою против города Астрахани на горной стороне реки Волги у речки Соляной, которая по калмыцки называется Харсани Саман, и при том приводил его Аюку к шерте и взял от него запись на русском языке с приложением токмо на оной рук по калмыцки.

А тою записью он Аюка подтвердил прежнюю отца своего Пунцука шертовальную запись и сам обещал:

1-е. Быть у его величества государя царя Алексея Михайловича ему Аюке с его родом, улусными калмыками и с нагайцами в вечном подданстве и ходить войною на неприятелей.

2-е. С турским салтаном, с персицким шахом, крымским ханом, азовским беем и с другими заграничными и с российскими изменниками не пересылаться и оным ничем не помогат[ь].

3-е. Когда, где случится их калмыцким войскам быть вместе с российскими, в таком случае не изменять и над ними хитрости не делать.

4-е. Под российские городы войною не ходить, сел, деревень и учугов[1] не жечь и, где б ни было, на российских людей и подданных российских татар не нападать, и их не побивать и не раззорять, а присылаемых в улусы калмыцкие для дел не грабить.

5-е. Астраханских татар, в прошлых годех в улусы калмыцкие ушедших, а возвратиться в Астрахань желающих, неволею им, калмыкам, у себя не держать и не грабить, но отпускать и впредь таковых не призывать и не принимать.

6-е. Которые российские люди и другие християня уйдут из калмыцких улусов, за таковых бы платить калмыкам окуп по указу.

7-е. Российских же подданных християн и иноверцов выходящих из полону из Бухар, Хивы и из других мест, им калмыкам у себя не задерживать.

8-е. Калмык и их подданных татар, в российские городы уходящих, возвратно к ним выдавать некрещеных.

9-е. Сею же первую записью постановлено калмыкам, и их нагайцам торги под Астраханью чинить с русскими людьми против прежнего великого государя указу без всяких ссор и задоров, а к Москве в Артабазарных станциях посылать им для продажи с своими людьми многие лошади.

На том съезде при Аюке были двоюродные его братья Назар Мамут и Малюш.

Сею же записью он Аюка, владельцов хошоутова Аблая и торгоутова Духара, бывших у него под арестом, назвав противниками России,

[1] Учуг — сплошная перегородка реки, устраиваемая с целью не пропуска рыбы вверх по реке.

обещал выдать, но из них Аблай, будучи в улусах калмыцких, до [illegible].

Предки же Аюкины при котором го[illegible] и в котором году и на [illegible] кондициях в российское подданство [illegible]няты, о том за згорением [illegible] не сыскано, да и выше писанная запись и еще две, ниже сего означенные, найдены в [illegible].

В 1673 или 1674 году вышел из Зенгории на Волгу Дербетев владелец зенгорских владельцов родственник Солом Серень Тайши, с сыном своим Менко Темирем в четырех тысячах кибиток улусных своих калмык и поддался торгоутскому владельцу Аюк[illegible].

После оной первой записи в 1675 и 1676 годах калмыки и их подданные татара чинили российских разных чинов людям убийство и грабежи и в полон брали и учуги разоряли.

И для того по вступлении на престол его величества государя царя Феодора Алексеевича в 1677 году взята у него Аюки окольничим и астраханским воеводою князем Константином Осиповичем Щербатовым при съезде их против Астрахани за рекою Волгою, другая шертовальная на российском языке запись в такой же силе, как и первая с прибавкою такою, что им под Астраханью торговать и с иноземцы, а в протчем:

1-е. Чтоб о присылаемых к нему Аюке из Крыма и из иных мест давать знать в здешнюю сторону и их без указа не отпускать и на получаемые с ними письма не ответствовать, но те письма, а буде понадобится, то и самых таких присылаемых к Москве или в Астрахан [illegible].

2-е. Буде которые калмыки по своим желательствам в православную християнскую веру крестятца, и тех им тайшам и улусным их людем не просить, и об них великому государю не бить челом.

3-е. Которые посыльщики присланы будут к нему Аюке с Москвы с граматами великого государя, и ему Аюке те граматы принимать, встав и сняв шапку с великою честию. На том съезде при Аюке были родной его брат Джамсо и Дербетев владелец Солом Серень.

В 1678 году посылал он Аюка в военный поход под Чигирин[1] калмык своих три тысячи человек.

В 1681, 1682 и 1683 годах сам Аюка с своими родными братьями и с другими владельцами с калмыками и с татарами, своими подданными, ходили, сообщась с башкирцами, в противности тогда бывшими, под разные российские городы, также, в Казанской и Уфимской уезды и раззоряли села и деревни и как из-под городов, из сел и деревень, так и по Волге на промыслах и в проездах российских людей и черемис с женами и с детьми в полон брали, конские и скотские табуны отгоняли, грабежи чинили и учуги раззоряли и одним словом тогда с Астраханью не токмо зимою, но и в летние времена коммуникация была весьма трудная, и малолюдными компаниями от Царицына до Астрахани и от Астрахани до Царицына и водяным путем от калмык и нагайцов проезду не было, и для того в тех двух городах едущие принуждены были ожидать других попутчиков и собрався великими компаниями, проезжали.

Тогда же калмыки с донскими казаками один на других нередкие нападения чинили.

---

[1] Имеется в [illegible]у поход 1678 г. против армии визиря Кара-Мустафы, подошедшего 9 июля 1678 г. [illegible].

В 1684 году при государствовании их величеств государей царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича бывшей в Астрахани боярин и воевода князь Андрей Иванович Голицын имел с ним, Аюкою, съезд за Волгою на прежнем месте и взял с него, Аюки, третью шертовальную запись, так же на русском языке с подписанием рук по калмыцки, сходную с двумя первыми с прибавкою при том такою, чтоб ему Аюке впредь великим государем служить верно, а на российские городы, села и деревни не нападать и башкирцов ежели они, учиня измену, бегать будут в улусы калмыцкие не принимать, а выдавать возвратно. На том съезде при Аюке были родной его брат Джамсо и Дербетев владелец Солом Серен .

Аюка воевал и за Яиком с киргис касаками, и всегда над ними имел авантажи, при том же и трухменской народ, при Каспийском море в Мангышлаке бывшей, в свое подданство покорил и так усилился, что и калмыцким народом и бывшими у них в подданстве нагайцами управлять стал самовластнея, да и от Далай ламы первой он испросил себе около 1690 года титул ханской. При нем же тогда кубанские, хивинские и киргис касацкие солтаны, в том числе и бывшей Албухаир хан киргис касацкой, во услужении живали.

Он же Аюка хан с дагестанцами, кумыками, кабардинцами и кубанцами войну производил и мир заключал сам собою.

1696 года от него ж Аюки хана посылано в низовой Азовской поход калмык его три тысячи человек.

Того ж 1696 года подданные его Аюки хана татара Большого нагаю за предводительством главных своих мурз Джакшат мурзы и Агаш мурзы ушли от Волги на Кубань, захватя с собою некоторую часть Джетысан и Джембуилук, так же и от Кабарды Малой нагай увели с собою ж и обще поддались хану Крымскому.

1697-го года привезена из Зенгории в Торгоуты сговоренная за Аюкина меньшего сына Гунделека двоюродная сестра зенгорского владельца Хон Тайши Дарма Бала.

И понеже пред тем Аюкины жены калмычки Чак Доржапова, Санжипова и Гунделекова мать Эренцен и Гунженова мать Уанджал померли, и хотя Аюка после их женат был на кабардинке Абай хан, родной сестре кабардинского владельца, при Терской крепости жившего, князя Каспулата Муцаловича Черкаского, но оную бросил, которая до смерти своей жила в Астраханских юртах, получая от Аюки свое содержание.

И для того он Аюка хан женился, на вышеписанной зенгорке, Дарме Бале, от которой напоследи имел трех сынов: Черень Дондука, Галдан Данжина и Баранга, из которых последней в малолетстве умер.

1701 года большей хана Аюки сын, а хана Дондук Даши отец, Чакдоржап застал его, Аюку, у жены своей, имянуемой Тарбаджи и хотел его за то заколоть, но калмыками до того не допущен; однако же он Чакдоржап тот его Аюкин поступок всему калмыцкому народу разгласил и тем оной народ привел до того, что все владельцы и другие Аюкины дети, от одной с Чакдоржапом матери рожденные Санжип и Гунделен, с своими и с его Аюкиными улусами, оставя Аюку, пристали к нему Чакдоржапу, и с ним отлучались за реку Яик и пересылались с зенгорцами главным владельцом Хон-тайшею, а четвертой Аюкин сын, от другой жены его рожденной, а бывшего хана Дондук Омбы отец Гунжеп, во время того смятения подсылал нарочного зай-

санга[1] Некая, которой, в ночное время подъехав к Чакдоржановой кибитке и сквозь оную по нем, Чакдоржане, из ружья выстрелил и его ранил двумя пулями и затем по усилении Чакдоржана в калмыцких улусах оной брат Чакдоржанов Гунжеп уходил от него на нагорную реки Волги сторону и жил в Саратове у воеводы Никифора Беклемишева, а хан Аюка во сте кибитках уходил в Яицкой казачей городок, а Дербетев владелец Менко Темир, с своим улусом, в то время не приставая ни к которой стороне, отлучался на Дон.

Чего ради из Москвы приезжал в город Самару, которой лежит на луговой стороне реки Волги при устье речки Самары, боярин князь Борис Алексеевич Голицын[2] и к Чакдоржапу посылал нарочных и, увещевая его, призывал по прежнему на Волгу, обещая с отцом его примирить добрым порядком и, когда Чакдоржап принял намерение возвратиться к Волге и тогда брат его Санжип с некоторыми другими их же роду владельцами и с улусами в 15.000 кибитках, отстав от Чакдоржапа, отошел к зенгорскому владельцу Хон Тайше, за которым, как выше написано, была в замужестве Аюкина дочь, а его Санжипова родная сестра Сетер Джап, а Хон Тайша, по принятии их к себе, все их улусы раскосовал по своим зенгорским улусам. А Санжипа с семью человеками отпустил к хану Аюке, которой дал ему на пропитание из убогих калмык двести кибиток, и потом он Санжип и с женою своею, будучи при Волге, нечаянно и в ночное время сгорел от пороху, бывшего в его кибитке.

Чакдоржап же, по призыву князя Голицына, с братом своим Гунделеком и с другими торгоутскими и хошоутскими владельцами, перешед всеми улусами на здешнюю реки Яика сторону, сам приезжал на Самару к князю Голицыну и при присудствии его пред отцом своим Аюкою ханом, который пред тем привезен был на Самару ж, стоя на коленях кланялся и им был прощен. Напротиву того, и Чакдоржап брата своего Гунжепа в том, что он подсылал его убить и ранил, также простил, причем из Чакдоржаповых знатных зайсангов пять человек, которые его противу Аюки возмущали, были арестованы и сосланы в Астрахань, где из них некоторые померли, а иные из под караула бежали в калмыцкие улусы, и по тому примирению все калмыцкие улусы по прежнему соединены и подчинены хану Аюке.

Вскоре после того хана Аюки сын Гунжеп умре, оставя двух сынов своих Дондук Омбу и Бешкургу. По том же их примирении Аюка хан за Менко тимирева сына Четеря отдал в замужество дочь свою, имянуемую Бунтар и тем всех Дербетев перевел с Дону к себе на Волгу.

С калмыцкой стороны объявляется от многих единогласно, что при вышеписанном Аюки хана с сыном его Чакдоржапом на Самаре примирении князь Борис Алексеевич Голицын с Аюкою ханом разменялся пунктами, в которых между другим было постановлено, чтоб за каждого калмыка, вышедшего для крещения, платить денег по тритцати рублев и хотя таковых пунктов, за згорением Приказа Казанского дворца нигде не сыскано, однако ж кажется оного Аюкина сына Чакдоржапа из за Яика реки со всеми улусами без особливых кондиций призвать было невозможно, как-то и хан Дондук Омбо с Кубани в 1735 году вызван был на таких кондициях, каковых он требовал.

В то же калмыцкое междоусобие заведено было выше Саратова на

[1] Зайсанг — родовой наследственный улусный старшина у к[illegible]

[2] Голицын, Борис Алексеевич (1654—17[illegible]), [illegible]о время поездки Петра I за [illegible]ницу был одним из 3-х членов регентст[illegible], позднее — наместник в Астрах[illegible].

речке Терешке село поселением крещенных калмык из собственного Аюкина Эркстенева улуса и построена была и церковь и то село вскоре по соединении калмыцких улусов, по приказу Аюки первого Эркстенева зайсанга Ямана брат раззорил и выжег и всех крещенных калмык увел к себе, и, когда о том хану Аюке учинен был выговор, он ответствовал, что тот зайсанг учинил сие будто без его воли, и яко он штрафовать не может, объявляя, что тот зайсанг холопей своих забрать имел право.

В 1705-м году, во время астраханского последнего бунта, по призыву бунтовщиков он Аюка хан не токмо к ним не пристал, но и посланные от них 20 человек для возмущения на Дон, по приказу его, переловлены и присланы в город Царицын, а когда генерал фельтмаршал Борис Петрович Шереметев[1] с войски шел к Астрахани для усмирения бунтовщиков, и тогда он Аюка пристал к нему со многими калмыцкими войсками и при городе Астрахани слободы раззорял.

В 1707 году посылано от него ж хана Аюки при одном владельце три тысячи человек калмыцкого войска против шведов, которые, идучи к российской армии, возвратились от Москвы собою, причем и от российских деревень несколько человек захватили и увезли с собою в улусы.

1708 года во время тогдашнего башкирского бунта, он же Аюка хан посылал при предводительстве стольника Ивана Ефремова сына Бахметева при сыне своем Чакдоржапе многие свои калмыцкие войска, которые над башкирцами производили поиски.

В том же году город Саратов калмыцкими войсками освобожден от осады бунтовщиков донских казаков булавинцов и некрасовцов[2].

1709 года он же Аюка хан посылал в Малороссию при сыне своем Чакдоржапе калмыцкого войска несколько тысяч, которые к российской армии пришли по нескольких днях после Полтавской баталии и с награждением отпущены возвратно.

В том же 1709 году посылал Аюка многие тысячи калмыцкого войска при князе Петре Хованском[3] на Дон для искоренения бунтовщиков донских казаков, булавинцов и некрасовцов, причем им всякая добыча отдана была в собственное их употребление, в том числе и бунтующих казаков жены и дети, но калмыки, по их своевольству и ближние российские деревни раззоряли и людей не одну тысячю забрали и увезли в свои улусы, которых нарочно посланные от боярина и губернатора казанского и астраханского Петра Матвеевича Апраксина[4] при приданном от Аюки хана владельце Чемете и зайсангах в калмыцких улусах сыскивали и отбирали и всех таковых отобрано больше тысячи человек.

1710 года сентября 5 дня боярин и губернатор казанской и астраханской Петр Матвеевич Апраксин, едучи из Астрахани в Казань,

[1] Шереметьев, Борис Петрович (1652—1719) — граф, фельдмаршал, участвовал в войне с Турцией, с шведами, принимал участие в подавлении Астраханского восстания в 1705 г.

[2] Некрасовцы — донские казаки — участники Булавинского восстания под предводительством Игнатия Некрасы. После Булавинского восстания казаки вместе с Игнатием Некрасой ушли на Кубань.

[3] Хованский Петр Иванович,— князь, в 1709 г. подавлял крестьянское движение, руководимое Булавиным и Некрасой.

[4] Апраксин, Петр Матвеевич — граф. В 1705 г. был послан в Астрахань для усмирения стрелецкого бунта. В этом же году был назначен астраханским губернатором. В 1708 г. 8 сент. заключил договор с калмыцким ханом Аюкою, по которому хан обязался быть в вечном подданстве России. В декабре 1708 г. Апраксин был назначен казанским губернатором.

в пути, не доезжая города Черного Яра, по имянному его царского величества указу, виделся с ханом Аюкою у речки Даниловки, впадающей из Волги в Ахтубу, и имел с ним разговоры и назвались братьями, в чем между себя и по рукам ударили. При том Аюка хан обещал служить его царскому величеству верно и с улусы своими от Волги никуда не отходить и тамошние низовые города от неприятелей оборонять; напротиву того и его Аюку хана от неприятелей его российскими войски и с пушки охранять обещано. На том съезде при хане Аюке были калмыцкие владельцы: Аюкин внучатой брат Чеметь Батуров сын. Аюкин зять Четерь Менко Темирев сын, Аюкин внук Дондук Омбо Гунжепов сын, Аюкин племянник внучатого брата сын Черен Дондук Балбуев.

Те договорные статьи или записку конференции, на российском языке сочиненную, подписали хан Аюка, боярин и губернатор Апраксин и выше имянованные четыре владельца и печати свои приложили.

1711 года февраля 3 дня подан в Москве в Посольской приказ с тех договорных пунктов список за скрепою дьяка Нефеда Кормилицына при отписке боярина и губернатора Апраксина от 2 числа того ж февраля.

В том же 1711 году Аюка хан посылал в кубанской поход при помянутом боярине Апраксине при корпусе российских войск сына своего Чакдоржапа с калмыцкими войсками 20.000, и, когда оной боярин, будучи в походе, получил известие, что кубанские татара, ведая о его походе, начали переправляться чрез реку Кубань в горы, где над ними поисков чинить невозможно, и тогда калмыцким войскам дал волю итти на кубанцов вперед, которые, сколько их кубанцов на обеих сторонах реки Кубани найти могли, всех перерубили, а жен и детей их многие тысячи побрали в полон, а лошадей и скота их отогнали весьма великое множество.

В 1713 году в бытность при хане Аюке китайского посла Тюлешина, при присудствии оного посла, их калмыцкого Буканг ламы и многих владельцов, попов и зайсангов он хан Аюка собою объявил по себе наследником большого сына своего Чакдоржапа и во знак того отдал ему печать, присланную к нему от Далай-ламы на ханское достоинство, а сам стал употреблять другую печать.

В начале 1715 года кубанской Бактагирей солтан с войсками приходил на Волгу и при Астрахани нападал на хана Аюку и на калмыцкие улусы и несколько разорил и Аюкину кибитку со всем багажем взял; причем и пункты, данные Аюке с российской стороны от князя Бориса Алексеевича Голицына утратились, и тогда же Бактагиреем забраны на Кубань, и бывшие в калмыцком подданстве джетысаны и джембуйлуки, а хан Аюка от того Бактагиреева нападения и с женою своею уходил к полкам команды лейб гвардии капитана князь Александра Бековича Черкаского[1], которые пред тем собраны были к Астрахани для Хивинского похода, а при оном случае выведены для охранения сего Аюки из города к реке Болде и стояли в параде, токмо по татарам, хотя хан и требовал, не стреляли, за тем что оных несравнительное было множество, оны ж на те полки и наступления не чинили.

После сего для охранения хана Аюки определен был при нем столь-

[1] Бекович-Черкасский, Александр, князь. В 1717 г. с отрядом в 3 200 ч. отправился в Хиву с поручением убедить владетелей Хивы и Бухары перейти в подданство России, но был убит хивинцами.

ник Дмитрей Бахметев[1] и шквадрон драгун, которые были при хане в летнее время, а зимою имели квартиры в российских городех. И по некотором времяни стольник Бахметев определен был в Саратов воеводою и достояние Астраханской губернии имел в ведении своем и калмыцкие дела, а драгуны раскосованы по полкам.

Хан же Аюка Бековичю за выше писанной случай [illegible] образом, что пред его походом в Хиву посылал от себя к хивинскому хану Ширазгирею служителя своего трухменца Доулата и с ним писал, что Бекович под видом посла идет в Хиву войною и чтоб они хивинцы от того предостерегались, да и в Бухары дали знать и его б Бековича с войсками разбили, почему он князь Черкаской хивинским ханом Ширазгиреем с хивинцами, аралцами и трухменцами встречен и со всем его корпусом разбит и по рукам разобран.

Потом [illegible] Бактагирей салтаном помирился, и в начале 1717 года в зимнее время по согласию с оным Бактагирей салтаном посылал на Кубань со многими калмыцкими войсками сына своего Чакдоржапа, который несколько тамошних бывших у Бактагирея в непослушании Большого нагая Хатай-Хабчатских татар разорил, а джетысан и джембуилук забрал и привел к себе по прежнему на Волгу. А при Бактагирее оставил из зайсангов Носи Омбу и Биджика и других калмык 170 человек, и оные ему Бактагирею и вожами были в Пензенской и Синбирской уезды, которые он Бактагирей разорял и многие тысячи людей в полон взял, и когда при проходе Бактагирея мимо волских городов тамошние командиры от Аюки хана требовали в оборону российским жилищам калмыцких войск, и тогда он ответствовал, якобы без указа того чинить не может, объявляя при том, что при Астрахани князь Александр Черкаской при нападении на него Аюку кубанских татар стрелять по оным без указу также не осмелился.

Того ж 1717 года выше помянутой Дербетев владелец Четерь Тайши бросил жену свою Аюкину дочь Даши Черень, на которой он пред тем женился было по смерти первой жены своей Аюкиной же дочери Бунтара, а вместо той брошенной жены своей женился на Аюкиной внуке, а Чакдоржаповой дочере, имянуемой Доржи Черен, которая прежде была в замужестве за Хошоутовым владельцем и, имея от оного двух сынов, овдовела и Четерем из того Хошоутова улуса увезена силою, за что Аюка хан на владельца Четеря осердился и, призвав его к себе, содержал немалое время под претекстом лечения его болезни, однако же под крепким присмотром. А улус Дербетев от того отходил к Дону и хан Аюка под рукою побуждал Хошоутовых владельцов, чтоб они за обиду свою на Дербетев улус учинили нападение и оной забрали б себе во владение. Но понеже сие Четерово Чакдоржаповой дочери увезение оному Аюкину сыну Чакдоржапу было не противно, того ради оный Чакдоржап отца своего Аюку от того отвел и Четеря с ним Аюкою примирил, на том, что увезенная Четерем Чакдоржапова дочь осталась за ним, а на брошенной перед тем Аюкиной дочере женился Четерев старший сын Лабан Дондук и таким образом согласясь Четерь от Аюки отпущен и со всеми Дербетевыми улусы по прежнему перешел кочевать с Дону на Волгу.

[1] Бахметьев, Дмитрий Ефремович был начальником [illegible]й войне над отрядом конницы, состоявшим из татар, калмыков, башк[illegible]заков. В 1715 г. был послан Петром I в заволжские ст[illegible] для охра[illegible]ои границы от набегов кочующих народов и [illegible] калмыцкому [illegible] Аюке против кубанского султана Бакта-гирея.

Того ж 1718 года прибыл в калмыцкие улусы чрез Сибирь от Далай-ламы, по прошению хана Аюки, отправленной знатной их духовной, называемой Шукур лама, которого он Аюка принял с великою [illegible] и отдал ему во владение калмыцкой улус, принадлежащей ламинскому чину, имянуемой Шабинар, которого в то время считалось до четырех тысячь кибиток. Оной Шакур Лама был природою Торгоутских калмык зайсангской сын из Табуи Отокова улуса и в прошлых годех при посланцах калмыцких, к Далай-ламе посыланных, будучи [illegible] роду десяти лет отправлен был туда для наук и тамо будучи слишком [illegible]о лет,— обучился тангутского языка и другим наукам, духовным их чинам принадлежащим и был ламою в тамошнем одном монастыре, называемом Шакур и губернатором над провинцею, тому монастырю подчиненною. А таковых монастырей в тангутском народе находится семь, по которым и народ тангутской разделяется на семь провинций, а оными не токмо в духовных, но и в светских делах управляют яко губернаторы духовные их ламы, из каковых и тот Шакур-лама был.

[illegible] года февраля 26 дня, состоявшимся в правительствующем сенате напечатанным и в народ выданным указом велено с посланцов калмыцкого Аюки хана, которых он посылать от себя куда будет чрез Астрахань, и Сибирские городы, с ведома коллегии иностранных дел а товары, какие при них будут, ценою до трех тысяч рублев и с тех товаров по прежнему указу пошлин не имать, а у которых будет товаров выше трех тысяч рублев или которые посланцы будут от него посланы не по указам из коллегии иностранных дел, и у тех с товаров их пошлину имать по ука[illegible].

1721 года по имянному указу блаженные и вечнодостойные памяти его величества государя императора Петра Великого, бывшей в Астрахани губернатор Артемей Петровичь Волынской[1] был в Гребенских казачьих городках[2] для усмирения российскими войски противных кумыков и примирения кабардинских владельцов Баксанских с Кашкатовскими, и тогда посыланы были к нему Волынскому от Аюки хана зайсанги Яман и Олдоксон с небольшею калмыцкою командою и чрез посредство тех зайсангов он Волынской кабардинских владельцов обоих партей к себе призывал и примирил, причем им Волынским от всех кабардинских владельцов о подданстве России впервые взяты формальные присяги.

С 1721 года он же губернатор Волынской всеми мерами у хана Аюки и у сына его Чакдоржапа домогался, чтобы, тогда бывшие в их калмыцком владении, нагайцы Джетысаны и Джембуилуки все были раскосованы врознь и по калмыцким улусам, но к тому сперва не склонен Аюкин сын Чакдоржап для того что ими владел и с них подать брал он один, да он же из них на Мурзинской дочери, имянуемой Ханлаза, был и женат, а потом воспрепятствовало тому междоусобие калмыцких владельцов.

1722 года февраля 19 числа вышепомянутой Аюки хана сын Чакдоржап умер.

---

[1] Волынский, Артемий Петровiч (1689—1740). В 1715 г. б[illegible] ром I послом в Персию, в 1719 г. назначен астраханским губернаторо[illegible] Екатерине I был губернатором в Казани до 1731 г., кабинет-министр [illegible] Был казнен в 1740 г. по обвинению в государственной измене.

[2] Гребенские казачьи городки, основанные в 1712 г., были расположены по [illegible]

[illegible] жен из которых: 1-я Джал, дочь Хошоутова владельца; 2-я Талбаджит, так же дочь Хошоутова владельца; 3-я Габиль, дочь Дербетева владельца Менко Темиря; 4-я Цаган Лама, дочь Цецен хана Хошоутова; 5-я Джизага, дочь Хошоутова владельца, а прежде Чакдоржапа была замужем за Аюкиным родным братом, а за Чакдоржаповым дядею Джамсою; 6-я Бату, дочь Хошоутова владельца, прежде была замужем за внучатным братом хана Аюки владельцем Чеметем, которой в 1711 году весною был в партии с своими калмыками и с царицынскими казаками, для перенятия возвращающихся из российских жилищ с пленом кубанских татар, [illegible] возвратил было, но на возвратном пути догнала его другая с Кубани ж к российским жилищам идущая партия с [illegible] казаками некрасовцами и при драке с тою партиею из калмык, бывших при нем Чемете большая часть ушли в свои улусы, а он Чеметь с оставшими калмыками и царицинскими казаками при реке Аксае сидели в осаде и до тех пор дрался, пока не токмо весьма в малом числе людей остался, но и сам убит, а голова его по причине, что он на Кубане частые делал поиски и всегда с удачею, отвезена чрез Крым в Константинополь. По смерти же его, вышепомянутая жена его Бату, осталась бездетна, а по калмыцким обыкновениям улусами Чеметевыми она, яко бездетная, владеть не могла и сама со всем оным улусом принадлежала Чеметеву племяннику двоюродного его брата сыну, Намсе, но Чакдоржап оного Намсу жениться на ней не допустил, а женился на ней сам и улусом Чеметевым завладел силою; 7-я Даши Бирюнь, дочь Зенгорского владельца прежде была замужем за сыном хана Аюки Гунделеком, от которого имела и сына, имянуемого Амдоу, он же и Дамрин Бамбар, а Гунделеков улус состоял в двух тысячах кибитках. 8-я выше писанная татарка Хандаза. 9-я Вдова, бывшая жена российского подданного, жившего на реке Терке, недалеко от казачьего Щедрина городка Брагунского владельца Кучюка, к которой Чакдоржап приезжал только по зимам.

От тех жен были у него Чакдоржапа дети. От первой Джалы — Дасанг, Баксадай Доржи, Нитар Доржи и Гунцук Джап нем и безумен. От третей Габили, Дондук Даши, Бодонг, Солом Дончин, Доржи Раши, Яндак и Бусурман Тайджи.

От четвертой Цаган Ламы — Данжин Доржи, отец владельца Лаванга, который в 1757 году был с калмыцким войском в прусском походе и в Польше на винтер квартире умер весною.

У него же Чакдоржапа был старшей сын Бату, рожденной от подложницы, однако же почитался в числе его детей и нойонов.

При сем примечается, что у калмык, по их древнему и общему обыкновению, никто из одного с собою рода жены себе взять не может, то есть торгоутской у торгоутского, хошоутов у хошоутова, зенгорской и дербетев у зенгорского и дербетева, хотя б то и за сто колен было под страхом смертного греха.

И потому принуждены торгоутские владельцы жен за себя брать из хошоутова, зенгорского и дербетева родов, а своих дочерей выдавать за хошоутовых, зенгорских и дербетевых владельцов, а по женскому колену брать по матери своей на двоюродной сестре и на тетке, то есть на материной родной сестре, тако ж на родной своячине и на мачихе жениться может.

Чакдоржап до смерти своей взрослых сыновей своих отделил и дал им из улусов своих, а имянно: Дасангу тысячу, Баксадай Доржe 500,

Нитар Дорже 200, Гунцук Джапу 100, Дондук Даше 400, Данжин Дорже четыреста и Бату 400 ж кибиток, а затем у Чакдоржапа осталось 4000 кибиток, которыми владел сам и не того ради прочим малолетным детям своим, от одной матери с Дондук Дашею рожденным: первому Бодонгу, другому Солом Доншину, третьему Дорже Рабе, четвертому Яндаку и пятому Бухурмен Таньяге — особливых частей не назначил. А при смерти своей завещал дать им из оных улусов своих по надлежащей части, а остальные затем разделить всем по справедливости и всем им быть в союзе и почитать вместе и отдавать всякое почтение старшему из них брату Дасангу, которому отдал и присланную от Далай Ламы к Аюке на ханство, а Аюкою в 1715 году отданную ему Чакдоржапу, при публиковании его ханским наследником печать.

По смерти Чакдоржаповой дети его к погребению тела его собрались все и притом в твердом содержании завещания отца своего учинили между себя присягу и с тем посылали от себя нарочных к деду своему Аюке хану, которой то апробовал и подтвердил.

В том же 1722 году в летнее время при шествии его императорского величества блаженные и вечнодостойные памяти государя императора Петра великого Волгою рекою к Астрахани для персидского похода[1] Аюка хан был на луговой стороне против города Саратова недалеко от Волги. По прибытии же его величества к Саратову он, Аюка, приезжал на галеру, для отдания его императорскому величеству и ее величеству государыне императрице Екатерине Алексеевне поклона. Да и его императорское величество по всенижайшему его Аюкину прошению изволил удостоить его посещением дома его. При возвратном его императорского величества из Астрахани походе оной же Аюка хан близ города Черного Яра паки приезжал с ханшею своею и с детьми своими Черен Дондуком и Галдан Данжином на галеру для отдания всенижайшего поклона их императорскому величеству. И при обоих тех случаях, представляя он свою старость и в здоровье слабость, просил их императорское величество о содержании по нем, хане, жены его и детей в высочайшей их императорского величества милости и о учинении по нем наследником старшего сына его Черен Дондука. И по тому его прошению он Аюка и с фамилиею его высочайшею милостию их императорского величества обнадежен.

Между тем, в том же 1722 году, в бытность его императорского величества в Дербентском походе[1], открылись Аюкины интриги о погублении им в Хиве князя Александра Черкаского со всем при нем бывшем корпусом и о прочих его непорядочностях, а он Аюка хан тогда был уже 75 лет.

В то ж время уведомленось было, что происходило сватовство об отдаче в замужество за Аюкина сына Черень Дондука дочери кумыцкого владельца Чепан Чепалова. И как оное противно было здешним интересам, то по именному его императорского величества указу, губернатор Волынской, чрез нарочно посланного, писал к хану Аюке, не объявляя однако ж того указа, но якобы собою, чтоб он Аюка до того Черен Дондука не допускал, ибо то противно будет его императорскому величеству, почему оное сватовство и пресеклось.

По именному ж его императорского величества указу в Астрахани обретающемуся по отбытии его величества из Астрахани к Москве, при-

[1] Поход Петра I в 1722—1723 г. к берегам Каспийского моря, во время которого были заняты Баку и Дербент.

зыван в Астрахань губернатором Волынским из калмыцких тогдашних владельцов лутчей и постоянной Аюкин племянник двоюродного брата сын Доржи Назаров и генералом адмиралом графом Федором Матвеевичем Апраксиным и действительным тайным советником графом Толстым объявлено ему, что его императорское величество соизволяет его Доржу, за добрые его поступки, по смерти Аюки хана, пожаловать калмыцким ханом, только б в верности дал он, Доржи, в аманаты сына своего. Что он учинить обещал, и в том дал и реверс.

В том же 1722-м году указом императорским велено хану Аюке отправить в персицкой поход калмыцкого войска 7.000 человек и чтоб в числе сего войска никого из татар ему Аюке подданных не было, будучи сей поход тогда предприят против магометан, и он Аюка на то доносил, что он толикое число войска отправил, поруча оное в команду внука своего Бату Чакдоржапова.

То калмыцкое войско от Астрахани предводительствовал гвардии порутчик, которой был после генерал майором, Нефед Кудрявцов, и от Волги он, Кудрявцов, до реки Терка ехал при корпусе драгунских полков команды бригадира Шамордина, а при оном калмыцком войске при владельце Бату оставлен был от него с небольшею командою саратовских казаков переводчик, что ныне статской советник, Василей Бакунин, которой, будучи в пути, уведал, что при владельце Бату ехал в калмыцком платье кубанской татарин Хаз Мамбеть, которого он Бату, по приказу хана Аюки имел с места, куда их войска дойдут, отпустить на Кубань к тамошнему Бактагирей солтану с ведомостью, что им повелено будет делать, и тот татарин им Бакуниным пойман и отвезен в Гребенской казачей городок Курдюков, где бригадиром Шамординым и порутчиком гвардии Кудрявцовым роспрашиван и отослан в Терскую крепость, а оттуда по указу отправлен для употребления в каторжную работу.

При переправлении же того калмыцкого войска чрез реку Терек, при помянутом Гребенском городке Курдюкове, от порутчика гвардии Кудрявцова командиру оного войска владельцу Бату и двум его товарищам зайсангам Яману и Зайдархан Тайдже, имянным указом объявлено, чтоб им чинить поиски над противными кумыками андреевцами, а коль скоро сие объявление им учинено, то зайсанг Яман отправил от себя нарочного калмыка к кумыцкому ж Аксанскому владельцу Солтан Мамуту, с тем, чтоб андреевцы от их калмыцких поисков укрывались, где могут, для чего калмыцкие войска к Андреевой деревне[1], которая от Курдюкова в сороке верстах, хотели было итти медленно, но как о том оной же переводчик Бакунин чрез калмыков уведал, и потому гвардии порутчик Кудрявцов, хотя время и к ноче приходило, не дал им при Терке ночевать, а повел того дня далее. И на утренной зоре учинили над кумыками поиск, так что оні, кумыки, хотя между тем от калмык оное известие и получили, все скрыться со скотом в горы не успели, причем калмыки получили великую добычу людьми и скотом.

И понеже при поиске над андреевцами примечено, что того калмыцкого войска полного семи тысячного числа не было, того ради разсуждено было оное счесть, а к тому употреблен был такой способ, а имянно рота драгунская расставлена была в одну линию, а в сере-

[1] Имеется в виду большое селение Эндери, населенное, главным образом, кумыками.

дине оной оставлено было небольшее порозжее место, наподобие ворот, чрез которые то калмыцкое войско по одному человеку пропускаемо и давано было при том определенное жалованье каждому по одному рублевику, а дабы калмыки не могли, объехав расположение помянутой драгунской роты [и], вдругорядь у означенных ворот для получения жалованья явиться, для того по обоим крылам той роты постановлены были казацкие команды. И таким образом сочтено того калмыцкого войска только 3 727 человек, да сверх того при означенном поиске убито два человека. И о всем выпеописанном гвардии порутчик Кудрявцов для донесения его императорскому величеству писал к тайному кабинет-секретарю Макарову.

По возращении же его императорского величества от Дербента на Сулак некоторая часть из помянутого калмыцкого войска обще с донскими казаками посылана в Дагестанию, где разорили и выжгли семь деревень тамошнего владельца Усмея.

По возвращении же калмыцких войск из того Дербентского похода захватили они и увели с собою в свои улусы от Терской крепости больше тысячи кибиток тамошних татар российских подданных, именуемых хондроу, из которых Арслан мурза с родом в нескольких стах кибитках отобран к Астрахани, и когда о сем Аюке хану был выговор, он ответствовал, якобы то внук его Бату учинил собою, да и в протчих тогдах делах напредь того называлея и послушанием ему большего сына его Чакдоржапа, а в самом деле он Аюка в калмыцких улусах был самовластным и улусы между владельцов сам разделял, и кому что хотел давал.

Он же во всю свою жизнь не токмо с крымскими ханами пересылку имел, но и к шаху персицкому и к турецкому солтану нарочных своих посланцов посылал, а у шаха последним посланцом его был астраханской бухарец Абдулла Бегимов, который, в бытность его в Испагани, местничился с здешним курьером Дмитрием Петричасом, который в 1720 году по возвращении обоих их от шахова двора в Гилянь, захватя его Абдуллу в свою квартиру, высек плетьми.

Он же Аюка хан к бывшим в Астрахане боярам и воеводам и к другим российским командирам письма свои писал указами и сие продолжал до бытности в Астрахане губернатора Волынского, которой то весьма пресек возвратною к нему таких его указов обсылкою.

В протчем по отбытии его императорского величества из Астрахани он Аюка, проча по себе ханство сыну своему от последней его жены Дармы Балы рожденному Черен Дондуку, пред смертию своею захотел внука своего Дасанга, которой с братьями своими имел великие улусы, и по смерти старшего Аюкина сына, а своего отца Чакдоржапа, по их калмыцкому обыкновению, ханству был законной наследник, обессилить, и для того в 1725 году научил Дасанговых родных братей от других Чакдоржановых жен рожденных Дондук Дашу, Дамбин Доржу, Бату и других — всего восемь человек — на Дасанга жаловаться и просить, чтоб он Дасанг собственные их улусы от себя отпустил кочевать особливо, с кем они похотят. И меньшим братьям своим пяти человекам, которые при отце не были отделены, дал надлежащие части, причем и Дондук Даши, по научению его ж Аюки хана, являясь недовольным определенной ему от отца частию, которая состояла в 400 кибитках, требовал от Дасанга, чтоб ему еще прибавить, почему Аюка хан неоднократно посылал к Дасангу и приказывал, чтоб он

то исполнил, доводя тем, что оные Дасанговы братья кочевали при сыне его Черен Дондуке.

Но Дасанг ссылаясь на завещание отца их Чакдоржапа и что братья его, при сожжении тела отца их, присягали с ним Дасангом кочевать вместе и быть в его послушании, да и он дед их Аюка то подтвердил, улусов их от себя не отпустил, объявляя, что он Дасанг с их улусов подать себе не собирает и достальные с ними по надлежащему разделит, только б они вместе с ним Дасангом кочевали и были ему послушны.

Напоследок хан Аюка присылал к Дасангу Шакур ламу и Дондук Дашину мать, а Дасангову мачиху Габиль, с тем чтоб он из улусов назначенную часть брату его Дондук Даше отдал матери его Габили, обещав, что она будет кочевать при нем Дасанге в его воле, а он Аюка соединит по прежнему с ним Дасангом и братьев его Дондук Дашу, Бату и Данжин Доржу, в чем он Дасанг с Габилем и согласился; при сем случае хан Аюка призывал его Дасанга к себе, а Шакур лама в том, что ему Дасангу противности от него Аюки учинено не будет, ручался, почему он Дасанг к нему хану и ездил, однако ж с великим конвоем и когда Дасанг у хана был в кибитке, тогда Дасангов брат Нитар Доржи с конвоем недалеко стоял на конях в готовности в противном случае к обороне Дасанга.

Хан Аюка в бытность у него внука его Дасанга об улусах ничего сам с ним не говорил, но по отпуске его Дасанга в собственную его ставку чрез зайсангов требовал, что он улусы братьев своих отдал и для договору о том оставался б он Дасанг при нем хане с десятью человеки, а конвой свой отпустил в улусы, но он Дасанг, получа между тем известие от Шакур ламы, которой безопасность его при сем случае на себя не принимал, что хан Аюка приказал собирать войски и хочет его Дасанга и улусы его воевать, и для того б он Дасанг предостерегся, уехал от него Аюки в свои улусы.

Хан Аюка то непослушание Дасангово принял себе за обиду и Дасангов к себе с великим конвоем приезд за бещестие и в калмыцких улусах крепкими указами и под штрафом публиковал, чтоб все калмыцкие войска собирались и шли на Дасанга, а главную над теми войски, которых было до 20 000, команду поручил внуку своему Дондук Омбе Гунжепову сыну, при котором были Аюкин сын Галдан Данжин и Дондук Даши с братьями.

А Дондук Омбе от хана Аюки такой приказ дан был, чтоб он Дасанга и братьев его воевал, а ежели войною Дасанговых улусов отобрать не может, то б он дожидался губернатора астраханского и его хана Аюки.

А в Астрахань он Аюка писал и чрез нарочно присланного зайсанга Денжина словесно представлял губернатору Волынскому и командовавшему персицким корпусом генералу порутчику Матюшкину, что Дасанг от него Аюки уехал, будто поссорясь с Дондук Дашею, и хотят между собою драться, и чтоб они Матюшкин и Волынской вступили в посредство и от войны их удерживали, а кто из них и из других будет в том начинателем по таковом бы и по подчиненных его приказали российским войскам стрелять.

Дасанг же и брат его Баксадай Доржи, присылая к губернатору Волынскому нарочных зайсангов, и принося на хана Аюку жалобы, просили о защищении и приближалися с улусами своими к Астрахани, почему высланы были из Астрахани для принятия их капитан Брюс,

и порутчик Андреян Лопухин, и с ними две роты салдат Ингерманландского и Астраханского баталионов, 50 человек драгун астраханского гарнизона с двумя полковыми пушками, 100 человек донских казаков и несколько сот юртовых татар, а для переправления улусов их с луговой степи через реку Ахтубу в луга лодок, сколько возможно было собрать, а затем и сам Волынской туда ж выезжал.

А пред выездом своим посылал дворянина Данила Танбеева к владельцам Дондуку Омбе, Дондук Даше, Бату и Данжин Дорже с письмами своими, которыми их увещевал, чтоб они на Дасанга не нападали. Но оного дворянина войски калмыцкие до тех владельцов не допустили, а при том его били и ограбили, а бывших при нем Дасанговых калмык поймали и саблями рубили.

24 числа ноября 1723 года при реке Ахтубе у устья речки Берекети, от Астрахани в сороке верстах, Дондук Омбо, с протчими с ним бывшими владельцев войсками, на Дасанга с братьями чинил нападении, а Дасанг с братьями, стоя при фрунте вышеписанной российской команды по возможности оборонялся. Причем Дондук Омбо на российскую команду не нападал, а наступал по обоим флангам на Дасанговых калмык. В тот день с обеих сторон калмык побито до смерти и на месте оставлено до 100 человек, а больше того ранено. А как Дондук Омбо увидел Волынского, на шлюпках приближающегося, и тогда он со всем калмыцким войском отступил; итак в тот день российскою командою и приездом губернатора Волынского охранен был Дасанг с двумя его братьями, с их женами и с знатными зайсангами, да и улусов их до 2 000 кибиток, которые в лотках успели перебраться через реку Ахтубу.

25 числа ноября губернатор Волынской следовал по берегу речки Берекети для охранения других Дасанговых улусов, но Дондук Омбо с 13 000 человек его упредил и путь заступил и недошед до российской команды с триста сажен, построился к бою полуцыркулем и к губернатору Волынскому присылал нарочного, чтоб он для охранения Дасанговых улусов далея не ходил, а в противном тому случае будет он с ним губернатором поступать по неприятельски.

Губернатор Волынской принужден был по сему остановиться, а Дондук Омбо приходившею ночью, по приезде к нему Аюкина сына Черень Дондука, отошел вдаль, а между тем посыланными от него партиями Дасанговых и других при нем бывших владельцов улусов, которые были не токмо в степи, но и за речкою Берекетью, забрано до шести тысяч кибиток, а некоторые из них раззорены, чего ради губернатор и с командою возвратился в Астрахань. Да и Дасанг с братьями и с оставшим улусом чрез Ахтубу перешедши, пришел к Астрахани ж и тамо был до указу.

В то ж их калмыцкое замешание и бывшие у них в подданстве нагайцы, джетысаны и джембуилуки, которых считалось первых двенатцать, а других более трех тысяч кибиток, а командовали джетысанами Буркут салтан, Мамбеть Мурза, Салтан Мурат Беев сын, а джембуилуками Акмаметь мурза Джусуп Мурзин сын, в декабре месяце ушли на Кубань и доныне находятся в Турецкой области.

В то ж время Дербетев владелец Четерь Тайши с старшим сыном своим Лабан Дондуком и з большею частию улусов своих отходил за реку Дон, а меньшой Четерев сын Гунга Доржи с меньшею частию дербетевых улусов оставался при тесте своем Дондук Омбе, при котором был и при нападении на Дасанга у Берекети, а Дорджы Назаров с своими улусами оставался при реке Яике, а ханские улусы для зи-

мевания переходили через Волгу на нагорную сторону, и одним словом весь калмыцкой народ разделялся на четыре части.

Калмыцкой же зенгорской владелец Дани Батур Тайжи с детьми и с малым своим улусом принят к Астрахани, а потом для пребывания его препровожден на Дон к Черкаску.

Тогда ж Дасанговы братья Баксадай Доржи и Нитар Доржи пожелали креститься и то свое намерение объявили губернатору Волынскому порозиь, первой при Берекете, а другой в Астрахани и один от другова, а паче от Дасанга, тайно. И весною из них Баксадай Доржи отправлен был из Астрахани ко двору его императорского величества с Дасанговою жалобою на владельцов Дондук Омбу и Дондук Дашу в нападении на них войною и в насильном забрании и разорении их улусов, и, будучи в Санкт-Петербурге, крещен и наречено ему имя Петр, восприемником ему изволил быть государь император Петр Великий. И велено ему крещеному владельцу писаться Тайшиным. Да при нем же крестилось из лутчих их зайсангов семь человек, а восприемниками им были князь Меншиков и другие из первых министров. Оному Тайшину определено было жалованья денег тысяча рублев, муки аржаной 500 четвертей в год, а Нитар Дорже велено было по крещении определить денег 700 рублев, да муки 350 четвертей.

1724 года февраля 19 дня хан Аюка умре, имея от роду семьдесят семь лет, а пред тем и губернатор Волынской из Астрахани отозван был ко двору, а в управлении калмыцких улусов оставались Аюкина ханша Дарма Бала и во всем поступала по советам Дондук Омбы, которой имел намерение на ней жениться по ее к тому склонности.

И понеже тогда Волга река вскрылась очень рано, то есть в генваре, а ханша и протчие, при ней бывшие, владельцы с улусами калмыцкими, чрез реку Волгу на луговую сторону по льду перейти не успели, а на нагорной стороне за междуусобием своим летовать опасались кубанских татар и нагайцов, пред тем в их подданстве бывших, и для того просились о перепущении их внутрь Царицынской линии[1]. Но, когда получен о том был отсюда указ, а они между тем с кубанским Бактагирей солтаном и с кабардинскими владельцами переслались, и тогда, по совету Дондук Омбы, которой от здешней стороны имел опасение, в линию итти отреклись, в чем согласен с ним был и Дондук Даши, для того, чтоб ему завладеть всеми улусами, отобранными от Дасанга. Со всем тем Шакур Лама и из ханских первой зайсанг Яман и другие доброжелательные к своему отечеству попы и зайсанги, в том с ними не согласились и наперед начали перебираться внутрь Царицынской линии, чем принудили и их перейти в ту же линию.

Того ж 1724 года майя 3 дня дана из коллегии иностранных дел по имянному его императорского величества указу, состоявшемуся в сенате 16 апреля, губернатору Волынскому инструкция, которою велено ему ехать в калмыцкие улусы и взять от владельца Доржи Назарова в аманаты сына и реверс о верной службе, и о непринятии и о недержании впредь в калмыцких улусех татар, и о крепком за владельцами смотрении. И потом объявить его Доржу ханом, а без того не

[1] Для защиты русской границы от калмыков, ногайцев и закубанцев в 1717 г. русское правительство начало строить Царицынскую линию, которая шла на 60 верст от Дона до Волги у Царицына, имела ряд форпостов и крепостей. Караулы на линии содержали украинские и донские казаки, заселявшие линию. Казаки, заселявшие Царицынскую линию, составляли Волжское казачье войско, разделенное на три станицы — Дубовскую, Среднюю и Волжскую; здесь были четыре крепости: Балышевская, Караваевская, Аантиповская и Дубовка.

объявлять, но описыватца. А ежели Аюкина жена и протчие владельцы будут представлять к тому ханского сына Черен Дондука, или кого из внучат, и их склонять ласкою и подарками к тому, чтоб Доржу Назарова признали ханом, а буде они того не учинят и уклонятся на противность, и тогда с ними поступать действом воинским, как с неприятельми, и нового хана во всем защищать. А ежели ханские внучата уйдут на Кубань или куда инде, а будут претентовать, чтоб улусов, которые они побрали войною у Дасанга, у них не отбирать и без того возвратиться не похотят, и их призывать на каких кондициях возможно.

На Царицынскую линию к бригадиру Шамордину послан тогда ж из правительствующего сената указ, что ежели губернатор Волынской будет ему Шамордину предлагать о каких воинских действиях, то б он, Шамордин, по тем предложениям с обретающимися в команде его полками действо чинили, не описываясь, да к тем же полкам в помощь взял донских казаков от двух до трех тысяч человек.

По переходе калмыцких улусов внутрь Царицынской линии, та линия заступлена была бригадиром Шамординым, четырьмя драгунскими полками и двутысячным числом донского войска, а по реке Дону расставлены были сильные фарпосты драгунами и казаками, с прибавлением Воронежского гарнизона, по реке же Волге была полая вода, а по слитии оной, так же поставлены были по форпостам драгуны и казаки, и в некоторых местах с пушками, и чинены были водяным путем салдатами из астраханского гарнизона розъезды.

Того лета в бытность калмыцких улусов в линии надлежало было совершиться свадьбе между владельцем Дондук Омбы и вдовой ханши Дармы Балы. Но майор Беклемишев, по присланному к нему указу, внушениями своими чрез Шакур ламу и Черен Дондуковых зайсангов, ханшу от того отвел, так что она в разсуждении детей своих Черен Дондука и других формально в том Дондук Омбе отказала, за что он Дондук Омбо возимел на Беклемишева крайнюю злобу.

Июня 5 дня губернатор Волынской, едучи из Москвы, получил из коллегии иностранных дел указ, отправленной по получении в Москве известия о вступлении калмыцких улусов внутрь Царицынской линии, в котором писано, что майя 22 дня его императорское величество указал:

1-е. Взятые в 1723 году войною у Чакдоржаповых детей Дасанга и Баксадай Доржи улусы Дондук Омбою, Дондук Дашею и ханскими детьми, возвратить и из них принадлежащие Баксадай Дорже отдать без замедления, а Дасангу с братом под рукою объявлять, чтоб они крестились, и ежели крестятся, то и им улусы их отдать, а буде креститься не похотят, то, не отдавая им, писать немедленно.

2-е. Ежели Дондук Омбо и Дондук Даши будут чинить какие противности, то, объявя им оные, взять их под арест.

3-е. Когда Доржи Назаров будет ханом объявлен, и тогда ему губернатору всякими образы стараться его женить на жене умершего хана, чтоб она и дети ее и их улусы были у него в руках.

Июля 23 числа губернатор Волынской прибыл в город Саратов и по многократным посылкам нарочных владельца Доржу Назарова для свидания с собою звал к Волге.

Во время же кочевания и приближения его к Волге, 21-го августа нападали на улус сына его Лубжи киргис-касаки, и, получа великую добычу, возвратились. И Доржи с войсками своими погнался за ними, а к губернатору Волынскому присылал нарочного с прошением

о присылке к нему в помощь из Саратова пушек и войск. Почему губернатор Волынской посылал к нему Дорже дворянина Якова Татаринова и писал к нему, что он губернатор к нему пушек и несколько войск российских отправит, токмо чтоб прислал к нему губернатору подлинное известие, в коликом числе неприятель и как далеко от Саратова и чтоб прислал навстречу к российским войскам лошадей и несколько верблюдов.

А между тем 24-го августа, присыланной от Доржи Назарова калмык Бибичь Волынскому словесно объявил, что киргис-касак на Лубжин улус нападало 757 человек, которых Лубжа с войски своими, догнав, атаковал в урочище Узенях, куда и Доржи с войсками ж своими приспел, и, соединясь, их киргисцов доставали приступом и из пушек своих по них стреляли и так многих из них побили и несколько взяли живых, и только из них ушло три человека и при том прислан к Волынскому в подарок один взятой киргис-касак, да с тем же калмыком присылано в Саратов в засвидетельствование той их победы четыреста пятнатцать правых ушей отрезанных от побитых киргис-касак.

При сем приметить надлежит, что понеже по прошению Доржи Назарова, войск российских в пустую степь послать было невозможно, да и некого, ибо в то время при Волынском в Саратове было только драгун две роты и казаков 200 человек, а пушек полковых и одной не было, почему надлежало б в том ему Дорже и отказать, но ежели б то учинить, то б Доржи на губернатора Волынского так же стал негодовать и злобиться, как Аюка хан на князь Александра Бековича Черкаского, того ради Волынской формально ему не отказал, а ответствовал, как выше написано, ведая, что ему Дорже требуемое им Волынским о числе неприятелей известие, так же под войско и пушки лошадей и верблюдов присылать было недосуг, да и не успеть, ибо между тем необходимо надобно было киргис-касакам от калмык разбитым быть или уйтить; а при всем том он Волынской, в показание Дорже к исполнению требования его готовности, зделал и вид, приказав драгунам перебираться чрез Волгу на луговую сторону, а чрез то не токмо здешней интерес соблюл, но и от Доржи Назарова после получил благодарение. Да и прежде того в 1723-м году по требованию владельцов калмыцких о учинении им из Астрахани войсками помощи против киргисцов же он такое же войсками зделал движение и от владельцов калмыцких получил благодарение, а между тем киргис-касацкая партия на один улус калмыцкой нападала и с добычею ушла, а собственные пушки у Доржи Назарова были самые малые, которые они возят без станков на верблюдах.

Доржи Назаров по разбитии киргис-касак, по чиненным еще к нему от губернатора Волынского посылкам, приезжал к Волге и виделся с Волынским 1 сентября против города Саратова на луговой стороне и наедине имел с ним разговор. Причем оной владелец Доржи Назаров, не хотя сына своего дать в аманаты и за бессилием улусов своих, от ханства отрекся, представляя к тому ближайших наследников Аюкина сына Черен Дондука и внучат его Дондук Омбу и Дасанга и что они его Доржу за хана не примут, а хотя б сперва по принуждению за хана и признали, но потом улусы его Доржины разорят или и его самого убьют. И наконец губернатор Волынской обнадеживал его содержанием при нем на первой случай, пока он утвердится для охранения его 2.000 донских казаков, и что он Волынской будет стараться, чтоб и ханша Дарма Бала вышла за него замуж. И потому он, Доржи, хотел посоветовать с женою своею и старшим сыном Лубжею

и 5 числа сентября с ним Волынским паки видеться, но 4 числа, и не сказався Волынскому, откочевал к Яику, а ханшу Дарму Балу о тех с Волынским секретных разговорах уведомил.

Между тем ханша Дарма Бала отпустила от себя к зенгорскому владельцу Хон-тайше посланца его, которой в 1723-м году еще к хану Аюке присылан был для сватания Хон-тайшиной дочери за его Аюкина сына Черен Дондука. И при том она, ханша, отправила и от себя к Хон-тайше посланцом же зайсанга своего Еке Абугая за тем же и для прошения его протекции, она ж Дарма Бала и Дондук Омбо, умножая тогда ж свою партию, хотели поступить на явные противности и для того в послушании оной ханши Дармы Балы все владельцы и знатные зайсанги приведены были ею к присяге.

Дондук же Омбо, имея о себе самом опасность, действительно покушался перейти чрез реку Дон или пробиться сквозь Царицынскую линию и потом пробраться к Крыму, в чем некоторые и из владельцов с ним согласились было, но большая часть в том ему следовать отреклись, а без согласия всех улусов столько он силы не имел, чтоб ему, по Дону разставленные форпосты преодолеть или сквозь войска, на Царицынской линии бывшие, пробиться.

Сентября 6-го числа губернатор Волынской переехал из Саратова к речке Сапуновке, которая ниже города в сороке верстах и впадает в реку Волгу, и 8 числа ездил к ханше Дарме Бале. А потом Шакур лама, ханской сын Черен Дондук и другие владельцы и знатные их зайсанги, часто приезжали к нему Волынскому, и он разговорами своими с ними и внушениями и прилежным своим старанием до того довел, что оная ханша от правительства калмыцкого народа отрешена, а сына ее Черен Дондука из ее и из Дондук Омбиной партии оторвал, которого хотя оной был и молод и слабого состояния, принужден был чрез запрещение, в инструкции ему предписанное, объявить, по учинении им 19 сентября публично присяги, на другой день наместником ханства впредь до указу[1], а потом и Дасанга с наместником ханства Черен Дондуком, так же с Дондук Омбою и Дондук Дашею примирил, с обещанием с стороны Черен Дондуковой, чтоб Дасангу и братьям его, забранные от них улусы возвратить, чем тогда Дарму Балу и Дондук Омбу обессилил, и от противностей удержал. И все их улусы в ноябре месяце из Царицынской линии выпущены, чрез которую хотя все владельцы переезжали явным образом, но Дондук Омбо за опасностию, чтоб пойман не был переехал в коробе навьюча оной на верблюда.

В день же объявления наместником ханства Черен Дондука, то есть 20 сентября, и по приезде его, тако ж Шакур ламы и других калмыцких владельцов для того объявления к губернатору Волынскому, присылал и владелец Дондук Даши, которой в 1723 году у Берекетя при Дондук Омбе нападал на Дасанга с братьями его и забрали их улусы, зайсанга своего Самандагу с тем, что ежели губернатор Волынской обнадежит и Шакур лама переймет на себя, что ему ничего противного учинено не будет, то он Дондук Даши намерен быть к нему губернатору с повинною, и по обнадеживанию Волынского чрез Шакур ламу, он Дондук Даши тотчас приехал и в продерзости своей просил прощения, объявляя, что он, как человек молодой, с недознания своего без указу его императорского величества нападал на братьев своих Дасанга и других, обещаяся впредь того не чинить. Почему губернато-

[1] Так в подлиннике.

ром Волынским вина ему Дондук Даше отпущена, и потом он и другие, на том съезде бывшие владельцы, и знатные зайсанги в верности его императорскому величеству приведены к присяге.

Владелец же Дондук Омбо, усмотря, что все дело губернатору Волынскому порученное, обошлось без него Дондук Омбы, и настоящей наместник ханства объявлен и как он, так и другие калмыцкие владельцы в верности присягали, а он Дондук Омбо без того остаться опасался, чтоб вящщего на него подозрения принято не было, а к Волынскому ехать боялся, чтоб его не задержали, присылал к нему губернатору нарочного калмыка с объявлением, что и он будто для учинения присяги ехал к нему и был уже по близости его губернатора у ханши Дармы Балы, но между тем заболел, и так просил его губернатора, чтоб прислать к нему с присягою кого нарочного, почему и посылан был к нему майор Беклемишев, при котором он Дондук Омбо присягу и учинил. Да и к протчим, в отсудствии бывшим, калмыцким владельцам посыланы были нарочные с присягами, по которым оные присягали, подписались и печати свои приложили, кроме Доржи Назарова, которой того не учинил, принося разные отговорки.

Присяга же, по которой наместник ханства Черень Дондук присягал, состоит в следующем:

1-е. Служить ему его императорскому величеству верно и протчих владельцов калмыцких и всех подчиненных его ни до какой противности, по возможности, не допускать и всеми мерами отвращать.

2-е. С неприятели его императорского величества, какова б оные народа и звания ни были, никакова сообщения дружбы и пересылок не иметь.

3-е. Суд во всем справедливой чинить и кражи и воровство всеми мерами искоренять.

4-е. Татар никаких в улусах своих не держать, и ушедших собою без указу его императорского величества, возвращать не дерзать и протчих владельцов до того самовольства не допускать, но просить о том его императорского величества, а когда указом его величества позволено будет, и оные возвращены и отданы будут, тогда оных как прежде было, особливыми улусами отнюдь не держать, но раскасовать всех врозь по своим улусам.

Протчие калмыцкие владельцы и знатные зайсанги присягали в той же силе, да сверх того, чтоб им до указу его императорского величества и до определения действительного хана быть послушными Черен Дондуку, в чем нет противности его величества интересам.

А с Дасангом и братьями его наместник ханства Черен Дондук, ханша Дарма Бала и владелец Дондук Даши помирились и письменно утвердили, и оное губернатору Волынскому отдали в такой силе, чтоб всех Чакдоржаповых детей и с их улусы с Дасангом соединить, а ему Дасангу забранной во время войны скот уступить в Черен Дондукову сторону, а ханше, Черен Дондуку и Дондук Омбе его Дасанга в бедности питать, а ежели питать не будут, о том ему Дасангу бить челом его императорскому величеству.

На оном съезде Чакдоржаповых детей Бату и Данжин Доржи как самих, так и поверенных от них не было, а за Дондук Омбу с Дасангом договаривались зайсанги ханши Дармы Балы.

При сем случае примечается, что калмыцкие владельцы прежних шертовальных записей за присягу, или в какой они силе писаны отнюдь не признавали, да и название их, то есть шерть, не токмо российскому, но и калмыцкому языку не свойственно, а ссылались они толь-

ко на пункты размененные с князем Борисом Алексеевичем Голицыным, но что они тех шертей не знали, вероятно и потому, понеже в найденных с тех записей копиях написано, что и подлинные шертовальные записи писаны на российском языке, а по калмыцки только руки ко оным приложены. Напротив того вышеписанная, губернатором Волынским сочиненная присяга была им представлена на их калмыцком языке, по которой они между себя имели неоднократные и многолюдные съезды и советы и на оную согласились по усильным Волынского домогательствам, которая почитается за первую формальную калмыцких владельцов присягу, вследствие чего бывшие потом ханы и наместники ханства калмыцкого, в разсуждении присяги затруднения уже не чинили.

Оную же присягу [о] наместничестве Черень Дондуково и примирении с Дасангом губернатор Волынской одержал, не выпуская улусы калмыцкие из линии и не сводя учрежденных форпостов и разъездов, хотя между тем имел в получении из сената два указа о выпуске оных улусов из линии, и чтобы он по выпуске их для окончания порученной ему Волынскому комиссии, ехал и за линию в их калмыцкие улусы и тамо о том старался. А те указы воспоследовали: первой по доношению его губернатора Волынского, что калмыки намерение имели чрез тое линию итти сильно, другой по жалобе калмык покойному генералу фелть-маршалу князь Михаилу Голицыну на него Волынского, что будто он напредь сего по их калмыцким делам суд чинил не праведной. Но ежели б по тем указам калмыцкие улусы из линии были выпущены, то б ничего из вышеписанного одержать было ему невозможно, но все бы калмыцкие владельцы, оставя его Волынского из степи, как и Доржи Назаров учинил, по улусам бы своим разъехаться могли.

Со всем тем и в бытность калмыцких улусов внутрь линии и со всех сторон окруженных российскими войски, сколько губернатор Волынской ни старался в их присягу включить, чтобы им вообще с чужестранными народами без указу пересылок не иметь, а куда для какова дела надлежит послать, о том бы требовать позволения от губернатора астраханского и от бывшего тогда при них калмыках майора Беклемишева, но они, при всяком для соглашения о присяге съезде весьма от того отговаривались, а наконец и совсем отреклись, представляя, что им без пересылок с заграничными обойтись никак невозможно, понеже они зимою боятца кубанцов, а летом киргис-касаков, и для того как к тем, так и к другим нельзя, чтоб под другими претекстами для проведывания о их намерениях и не имеют ли воинских собраний, не посылать, а позволения требовать в скором случае времяни недостает, а в присягу включа и без ведома посылать, явятся преступниками, а ежели не посылать, то от нечаянных неприятельских нападений улусы их могут разориться.

А что по имянному указу, состоявшемуся 22 майя, велено Дасангу под рукою объявлять, чтоб он крестился, а без того и улусов его ему не отдавать, то губернатор Волынской по учинении примирения между им Дасангом и стороною наместника ханства Черен Дондука, ему Дасангу 30 сентября наедине говорил, что ежели б не указом его императорского величества улусы его велено было ему возвратить, то б ему того не получить, почему надлежит ему Дасангу такую его императорского величества высокую милость не токмо самому, но и детям его памятовать и его величеству служить верно, а особливо, когда б он Дасанг крестился, весьма б его величеству было угодно и

он бы Дасанг в особливом [был] от других защищении. Но Дасанг на то объявил, что он рад бы то учинить, но как он человек совершенных уже лет, то как ему оставить закон, в котором родился и обык, а принять новой, о котором мало и слыхал, сверх того в таком случае улусные его люди, боясь, чтоб и они поневоле окрещены не были, могли бы от него разбежаться, а один он без улусов никакой его императорскому величеству прибыли зделать не может, а впротчем он Дасанг, и в своем законе будучи, обещается его императорскому величеству всегда быть верным, а буде брат его Нитар Доржи, так как и Баксадай Доржи, пожелает креститься, в том он Дасанг противиться не будет. А потом оной брат его Нитар Доржи при свидании с губернатором Волынским от крещения, хотя прежде о том в Астрахани и просил, также отрекся.

Улусов же их, по силе вышеписанного имянного указа от наместника ханства и от протчих владельцов Волынскому в свои руки отобрать и, не отдавая их Дасангу и Нитар Дорже до другого указу, особливо содержать было невозможно затем, что оные их улусы раскосованы были врознь по всем калмыцким улусам, и по примирении его Дасанга с другими владельцами он и брат его Нитар Доржи с своими зайсангами поехали в улусы наместника ханства Черен Дондука и других владельцов, и опазнывая своих и брата их Петра Тайшина калмык, как в бытность их в линии, так и по выпуске из оной отбирали к себе по малому числу, о чем он Волынской доносил и в сенат. И на то, в полученном 28 ноября из Сената указе писано, что его императорское величество, слушав о том выписки, изволил на оной подписать собственною своею рукою тако: отдать каждому свое.

По выходе из линии улусов калмыцких, наместник ханства Черен Дондук и при нем Дасанг приезжали к ханше Дарме Бале, куда также приезжали Дондук Омбо, Дондук Даши, Бату и Данжин Доржи и положили, чтоб остаться по прежнему у Дасанга 1 000, у Баксадай Доржи пятистам, у Нитар Доржи двумстам кибиткам, а брату их Гунцук Джапу прибавить к прежним сту кибиткам сто ж кибиток, Дасангову сыну, Чидапу дать вновь 400 кибиток, Дондук Даше к четыремстам прибавить 600, а Бату и Данжин Дорже каждому к 400 по 100, Дондук Дашину брату Бодонгу вновь дать 400, Дондук же Дашиным четырем меньшим братьям каждому по 200 кибиток, а оставшими за всем тем владеть Дасангу, а Баксадай Доржи имеет себе прибавку получить чрез Россию. И потом владельцы разъехались по своим улусам, и Дасанг и Дондук Даши с протчими всеми их братьями и с улусами их зимовали между Астрахани и реки Кумы в мочагах [1].

Между тем 25-го октября губернатор Волынской получил указ из сената на доношение свое, которым он представлял, что на Доржу Назарова имеет он подозрение и не знает все ль он Доржа учинит по указу и, ежели крайняя нужда принудит и без того обойтится нельзя будет, то он губернатор Черен Дондука объявит наместником ханским, хотя и Доржи будет ханом. А в том указе написано, что по оному его доношению его императорское величество сентября 26-го дня указал, чтоб он губернатор о выборе хана чинил и во всем поступал по данному ему указу и по пунктам, а Черен Дондука ханским наместником не объявлял, а ежели в Дорже Назарове подлинно увидит какую противность или по указу чего он исполнять не похочет,

[1] Могачи — топкие, низменные прибрежья Каспийского моря.

о том бы писал в сенат обстоятельно, а в ханы его до указу не определял.

А 11 ноября он Волынской получил указ из сената от 14 октября, в котором писано, что по доношениям его Волынского его императорское величество указал, ежели он губернатор Черен Дондука ханским наместником объявил, то б всеми мерами старался, чтоб получить в аманаты кого из братьев его и к тому ханскую жену склонить, и сверх того взять у него Черен Дондука реверс, что когда дети у него будут, то б дал тогда сына в аманаты.

На оные указы губернатор Волынской от 21 ноября в сенат доносил, что он Черен Дондука до указу наместником ханства объявить принужден был потому, понеже в Дорже Назарове никакой уже надежды не оставалось, а ханша и все владельцы находились в великом замешании, да и сам Черен Дондук к противной стороне склонен был, а о аманатах при таком их смятении и упоминать было невозможно, и он Волынской рад был и тому, что Черен Дондук наместничество принял, ибо то матери его Дарме Бале и Дондук Омбе с их партиею, также и Дасангу, противно было, да и братья Черен Дондуковы, Галдан Данжин и Баранг, не в его Черен Дондуковой воли были, но в материной, из которых Галдан Данжин имел уже и свой улус и кочевал не с Черен Дондуком, но с матерью своею, и с Дондук Омбою, а она и печать Аюки хана, хранившуюся до того у знатного Аюкина зайсанга Самтана, которой был партии Черен Дондуковой, к себе отобрала. К тому ж бы и Черен Дондук, ежели б ему о аманатах не ко времени упомянуть, мог сделаться подозрительным и стал бы бегать как Доржи Назаров, и так разве впредь случай додался бы завести их в линию, причем не только у него Черен Дондука, но и от всех владельцов аманатов неволею взять будет можно.

В том же 1724 году от калмыцких междоусобей несколько человек зайсангов и с их аймаками приняты губернатором Волынским в городы Астраханской губернии и по их желаниям крещены и для пребывания оставлены были при тех городах, где которые из них быть похотели.

1725 года губернатор Волынской получил указы, в которых к нему писано:

В первом из сената от 10 февраля, чтоб бывшей хана Аюки оклад жалованья денег 1 000 рублев, муки ржаной 2 000 четвертей — разделить на двое и одну половину давать Аюкиной жене Дарме Бале, а другую сыну ее наместнику ханства Черен Дондуку.

В другом из сената ж и от того ж числа: что ее величество государыня императрица Екатерина Алексеевна указала крещеному владельцу Петру Тайшину для безопасности его дать драгун 24 человека и с ними одного сержанта, да из Астрахани одного человека, чтоб всегда при нем был как пристав.

В третьем из сената ж от 15 февраля: чтоб оного калмыцкого владельца Петра Тайшина ежели, когда на него от братьев его или от других владельцов учинится какое нападение, охранять и в потребном случае, когда заблагорассудится войсками оборонять, командировав из Астрахани или из Царицына и из других городов откуда и сколькими людьми разсудится, по которому от губернатора Волынского и в городы Астраханской губернии указы посланы.

В четвертом из коллегии иностранных дел от 22 февраля ж о посланных при том граматах ее императорского величества к наместнику ханства Черен Дондуку и к ханше Дарме Бале, о признании намест-

ничества Черен Дондукова и о годовом жалованье ему и матери его Дарме Бале, при том же дано знать, что и к Шакур Ламе отправлена грамата с похвалою и послано к нему за служоу его жалованья 200 червонных и на 600 рублев мяхкой рухляди.

Во окончании месяца февраля Дасанг и Нитар Доржи, будучи между Волги и Кумы на нагорной стороне, наруша мир с родными ж своими братьями от других матерей рожденными, Дондук Дашею и с протчими, в 1724 году при губернаторе Волынском учиненной, с своими и хошоутовых владельцов Лекбея и Дондука войсками, нападали на них во отмщение прежней их обиды и забрали к себе все их улусы, а некоторые разорили. А Дондук Даши, Бату и Данжин Доржи уходили тогда на луговую сторону к наместнику ханства Черен Дондуку.

И потому собирались из улусов ханши Дармы Балы, наместника ханства Черен Дондука, Дондук Омбы и других при них бывших владельцов войски с тем намерением, чтоб на Дасанга и на Нитар Доржу нападать оными с луговой стороны, а с нагорной стороны Бактагирею солтану с кубанскими войски, которые тогда при нем были в собрании для походу на Кабарду и для того хотели к нему отпустить владельца Дондук Дашу и выбирали для конвою его калмык от двух до пятисот человек; а между тем, по реке Волге лед вскрылся, к тому ж и губернатор Волынской, посылая от себя из Царицына нарочных с письмами своими к Черен Дондуку, к Дондук Даше, Бату и Данжин Дорже, оными их от нападения на Дасанга отводил, представляя им, что из такого их междуусобия иного ничего не последует, кроме кровопролития и раззорения калмыцким улусам, и обещая, что он будет стараться примирить Дасанга с ними добрым манером. Почему они от походу своего на Дасанга и от посылки Дондук Даши к Бактагирею солтану удержались и просили его губернатора, чтоб он Дасанга с ними примирил.

Тогда ж губернатор Волынской писал к переводчику, что ныне статской советник, Василью Бакунину, которой зимою, будучи при наместнике ханства, за болезнию своею отлучался в город Черной Яр, чтоб он ехал к Дасангу и склонял его дабы он с братьями своими Дондук Дашею, Бату и Данжин Доржею помирился и требовал бы от него на каких кондициях желает он мириться; также бы склонял его, чтоб он с улусами своими для безопасности с кубанской стороны, приближаясь к Царицыну, вошел в линию.

Переводчик Бакунин к Дасангу ездил, а с пути отправил наперед себя для ускорения калмыка Дамбу к Дасангу с тем, что Дондук Даши имеет намерение, перебрався Волгу ехать к Бактагирею солтану, чего б ради он Дасанг послал от себя партию и велел его перенять, и Дасанг отправлял за тем брата своего Нитар Доржу в пятистах человеках.

А прибыв он Бакунин к Дасангу, увещаниями своими склонил его итти с улусами в Царицынскую линию и к миру с братьями его Дондук Дашею и с другими, при чем Дасанг объявил, что он мириться с ними будет на том, ежели Дондук Даши, Бату и Данжин Доржи с ним Дасангом соединятся, то он даст из улусов Дондук Даше 800, брату его Бодонгу 400, меньшим их четырем братьям по 200 кибиток, а Данжин Дорже и Бату хотя и надлежало ничего не давать затем, что они прошлого году на съезде не были и на договорном о мире их письме не подписались и в том не присягали, однако ж он Дасанг и им даст по Чакдоржапову определению по 400 кибиток.

Марта 18 дня прибыл в Царицын от двора ее императорского величества крещеной владелец Петр Тайшин, при котором отпущена была и церковь походная, а при оной иеромонах Никодим Ленкевич, да несколько учеников из Московской словенской школы для обучения калмыцкого языка и письма, чтоб впредь из них могли быть в священниках и диаконах. Тому иеромонаху, для пребывания в калмыцких улусех, определено было жалованья по 300, а ученикам каждому по 100 рублев в год.

Апреля 3 числа приезжал в Царицын к Петру Тайшину брат его Нитар Доржи, будучи в разъезде для перенятия Дондук Даши, с которым и он Петр Тайшин 5 числа апреля ж из Царицына поехал в улус свой к брату их Дасангу.

По прибытии же Петра Тайшина в калмыцкие улусы объявил он Дасангу и зайсангам, что блаженныя и вечнодостойныя памяти ее императорское величество по крещении его Тайшина изволила ему говорить, что для него Петра Тайшина с крещеными калмыками можно недалеко от Астрахани построить город, в котором они могут зимовать, а летом кочевать, где хотят; и на то из Дасанговых первой зайсанг Биллютка, в собрании их, ему Дасангу, братьям его и зайсангам сказал, что россиане желают всех их калмык крестить и поселить и чтоб они совсем осели и положили на чем-нибудь на одном или б всем креститься и поселиться, или б куда-нибудь от России откочевать, а по его Биллюткину мнению, лутче им помереть в своей вере и для того б в линию не входить, а кочевать бы до времяни между Кубани и Волги по пути рекам и Маныче, к чему и Нитар Доржи пристал, и Дасанга к тому ж склонил, а Петр Тайшин уговаривал их, чтоб итти в линию, но Нитар Доржи его и слышать не хотел и по улусам разглашал, что россиане, заманя их за линию, всех крестят или разорят.

Он же Петр Тайшин присылаемым к Дасангу от Черен Дондука, ханши Дармы Балы и Шакур ламы для предложения о мире посланцам говорил, чтоб владельцы их скорее с ними мирились, а ежели мириться не будут, то он Тайшин может калмыцкими и российскими войсками их разорить, объявляя, что по крещении его дан ему такой императорской указ, чтоб изо всех низовых городов и с Дону войсками, сколько когда он потребует, чинить ему Тайшину вспоможение.

Губернатор Волынской паки для увещевания Дасанга о приходе к Царицыну посылал переводчика Василья Бакунина, которой, будучи у него Дасанга, о том ему предлагал, но получил от него такой ответ, что ныне у него в улусех есть старшей над ним меньшей брат его крещеной владелец Петр Тайшин, и чтоб он, Бакунин, о том представлял ему Тайшину и притом дал знать о опасности своей итти в линию.

Потом он, Бакунин, виделся с братом их Нитар Доржею, которой в разговорех объявил ему, что он в линию итти опасается того, первое, чтоб его за то, что он хотел креститься да солгал не повесили, другое, чтоб улусы их не крестили неволею, и третие, чтоб забранные ими у братьев их улусы не принудили их возвратить им силою. На что ему переводчик Бакунин говорил, что ежели его Нитар Доржу надлежало повесить, то б он и в бытность его пред тем у губернатора Волынского в Царицыне для того задержан быть мог, а сверх того невольное крещение и христианскому закону противно, а ежели б их за линию манили для отобрания от них братьев их улусов силою, то б прежде введения их в линию не требовано было от них на каких они

кондициях с теми братьями своими мириться желают, и что напротив того призыв им в линию чинится единственно для охранения их от их неприятелей. И Нитар Доржи требовал, чтоб он Бакунин в том, что все сие правда побожился, что он Бакунин и учинил, почему Нитар Доржи в линию итти и склонился.

После чего Дасанг, Петр Тайшин, Нитар Доржи, мачиха их Даши Бирюнь и владельцы родственник их Черен Дондук, Балбуев сын, и хошоутовы их же зятья Лекбей и Дондук с своими улусами от Астрахани прикочевали к Царицыну и, по обнадеживанию губернатором Волынским чрез нарочно присланного от Петра Тайшина, что в неволю никто крещен не будет, перешли внутрь линии, которая, как и прежде, заступлена была бригадиром Витеранием с драгунскими полками, в то ж время прибыл в Царицын полковник Дмитрей Еропкин с несколькими тысячами малороссийских войск, которых он вел на Сулак к крепости Святого Креста.

Крещение же Петра Тайшина братьям его Дасангу и Нитар Дорже было весьма противно, ибо они опасались, чтоб он при помощи российской всеми их улусами не завладел, и неволею не крестил, а к такой их опасности он Петр Тайшин и сам подал причину, гордостию своею пред ними и угрожая им, желал над ними первенствовать, вследствие чего и люди его Тайшина несколько кибиток Дасанговых разорили и тем Дасанга привели ко отчаянию, так что Нитар Доржи при одном случае Петрову зайсангу Тунгулаку, крестнику покойного канцлера графа Гаврила Ивановича Головкина[1], за то, что он крестился, кинжалом голову прорубил и бок проколол. При переходе же улусов их в линию Дасанг и Петр Тайшин в бытность их у губернатора Волынского, хотя им губернатором и примирены были, но вскоре потом, будучи внутрь линии, Дасанг с братом своим Нитар Доржею в окончании месяца майя зговорились его Тайшина убить, зачем Нитар Доржи в нескольких человеках в одну ночь на кибитку его Тайшина и действительно нападал, но его в той кибитке часами двумя или тремя не застал, ибо он, сведав о том чрез родственника своего владельца Балбуева сына Черен Дондука, ушел в город Дмитриевск, а оттуда привезен в Царицын к губернатору Волынскому, но жену его Петра Тайшина с домом и со всем улусом его, в котором тогда иеромонах здешней с церковию был, оной Нитар Доржи забрал и как того иеромонаха, так и церковников содержал под присмотром.

Между тем губернатор Волынской намерен был ехать из Царицына в Саратов сухим путем, при котором городе назначено было съехаться калмыцким владельцам для примирения, а напредь себя 1-го июня отправил переводчика Бакунина, а как неминуемо надобно было ехать чрез Дасанговы улусы, которые, как выше означено, уже внутрь Царицынской линии находились, то приказал [Волынский] ему Бакунину о намерениях его и братьев его разведать: и в проезд его Бакунина Нитар Доржи, будучи на дороге с нарочною партиею, зазвав его, Бакунина, к себе в кибитку, бил его палками, метался на него с кинжалом и, выведя его из кибитки, хотел его из ружья застрелить за то, что он Нитар Доржи, обнадеясь на него Бакунина присягу, вошел с улусами своими в линию, а на оную, как они видят, для воевания их собираются российские войски, проговаривая, что то ж зделает он и с губернатором Волынским, ежели он попадется в его руки; но до совершенного убийства Бакунина не допустил его Нитар Доржу

[1] Головкин, Гаврил Иванович, (1660—1734), граф, государственный канцлер.

зайсанг Джалчин, прося его, чтоб он Нитар Доржи умилосердился над калмыцкими улусами, которые за то российскими войски в конец будут разорены, и когда, он, Бакунин, по отпуске его, оставя свой путь, уехал в слободу Тишанку, то он Нитар Доржи на другой день того зайсанга Джалчина из ружья убил до смерти, а сам с своими войски тое слободу обступил и хотел оттуда его Бакунина доставать приступом, но между тем от губернатора Волынского прислан был донской старшина Осип Поздеев с командою и от того его Бакунина выручил.

15 июня губернатор Волынской получил указ из Сената с прописанием во оном имянного указа об отправлении к крепости Святого Креста[1] калмык 6 000 человек, о чем он преставлял наместнику ханства Черен Дондуку, но оной сказал, что ему и протчим владельцам при нем обретающимся из улусов своих, за опасностию от Дасанга, войска отправить невозможно, а когда и от Дасанга того ж было требовано, он ответствовал, что и ему из его и братьев его и от хошоутовых, при нем находящихся владельцов улусов, войск отлучить опасно, чтоб с Черен Дондуковой стороны нападения на них учинено не было. И за тою их междоусобною ссорою и войски их калмыцкие не отправлены.

По отбытии же губернатора Волынского и при нем Петра Тайшина из Царицына водяным путем к Дмитриевску, Нитар Доржи, подъехав с своею партиею к Волге, искал на дороге напасть на губернатора Волынского и его и Петра Тайшина поимать или одного Петра Тайшина обманом вызвать к себе и убить и бежать на Кубань. Но губернатор Волынской, остановясь у слободы Дубовки, велел Петру Тайшину с ним Нитар Доржею чрез пересылку продолжать договоры о мире, а на него Нитар Доржу отправил сильную партию российских регулярных и нерегулярных войск, чтоб его поимать живого или убить, которая от Царицынской линии на него Нитар Доржу нападали и при том из калмык его побито около ста, да живых поимано 61 человек, а сам Нитар Доржи ушел в улусы Дасанговы. И для того губернатор Волынской писал к Дасангу с объявлением всех Нитар Доржиных злодейских поступок, как он нападал на брата своего Петра Тайшина, бил посланного от него губернатора переводчика Бакунина, и искал случая и его губернатора поимать, а сверх того, едучи от Царицына, близь слободы Тишанки заколол руских шесть человек, да по донским городкам на пашнях и в лесах многих мужеска полу колол, а женска в том числе и сущих младенцов пересквернил, и лошадей и скот отгонял, где сколько найти мог, так же многих и из калмык побивал до смерти; и требовал он губернатор, чтоб он Дасанг его Нитар Доржу поймал и к нему губернатору прислал или содержал у себя под караулом.

И понеже Нитар Доржи противности чинил по большой части с согласия с Дасангом, он же Дасанг на братьев своих Дондук Дашу и других нападал и улусы их забрал, наруша постановленной между ими мир, того ради губернатор Волынской представлял в сенат и в коллегию иностранных дел, чтоб Дасанга с улусами его, для избежания вящщего их междоусобия и по беспутству его, отдать на суд наместнику ханства Черен Дондуку, чтоб они поступили с ним, как хотят, предъявляя, что они Черен Дондук и вся противная Дасангу партия тем будут довольны, а в противном тому случае и без здешне-

[1] Крепость Св. Креста построена Петром I в 1722 г. в двадцати верстах от устья реки Сулак.

го позволения могут его Дасанга раззорить, а улусы его раскосовать, а после и сами отчаясь, что они на то поступили без указа, принуждены будут искать другой протекции и чинить противности, объявляя что ханша Дарма Бала и без того подговаривает калмыцких владельцов к отлучению от Волги к Хонтайше.

И на оное получил он губернатор из коллегии иностранных дел два указа, первой — от 27 июня, а другой — от 10 июля 1725 года, чтоб старался он владельцов калмыцких примирить и от побегу отвратить добрым способом, а в противном тому случае поступал бы с ними с оружием и, ежели он за благо разсудит, то б и Дасанга как он представлял, отдал на суд наместника ханства Черен Дондука.

И потому он губернатор призывал к городу Дмитриевску Черен Дондука, Дондук Дашу с другими его братьями, от Дасанга обиженными, которые приезжали туда в семи тысячах войска своего и, по объявлении им о том, соглашаемось было с ними, каким образом оное над Дасангом в действо произвесть. Но Дасанг, о сем от калмык сведав и видя заведенные на Царицынскую линию войски, из которых следовали тогда к Дмитриевску три полка драгунских, и две тысячи донских казаков, а сверх того случились в то же время проходом по линии и малороссийские войска, к крепости Святого Креста наряженные, да и калмыцких войск при Черен Дондук и других было немало, к тому ж и мачиха его Даши Бирюнь с улусом своим в 2000 кибитках от него отстала и пришла к Камышенке и принята под охранение российских войск, пришел от того в страх и для избавления своего от крайнего разорения принужден брата своего Нитар Доржу за вышеписанные многие ево злодейства удавить, и сам приехал к губернатору Волынскому с раскаянием о разорении братьев своих и, все вины возлагая на умерщвленного брата своего Нитар Доржу, предавался во всем в волю ее императорского величества и просил милосердия, представляя готовность забранные ими у Дондук Даши с братьями улусы их им возвратить и с ними примириться; почему губернатор Волынской его Дасанга на суд Черен Дондуков уже не отдал, а склонял Черен Дондука и других, чтоб они примирились с ним Дасангом добрым порядком и удовольствовались отдачею забранных им у братьев его улусов, объявляя, что главного всем злодея Нитар Доржи в живых уже нет.

Сентября 20 числа губернатор Волынской, а при нем Дасанг и Петр Тайшин из города Дмитриевска переехали через Волгу на луговую сторону, где на берегу были поставлены полатки, в которых губернатор и прежде с Черен Дондуком съезжался, а при той ставке было драгун две роты, куда того ж числа приезжал и Черен Дондук с Дасанговыми братьями, а при них было зайсангов и калмык до тысячи человек вооруженных, причем Дасанг соглашался с обиженными ими братьями своими о мире и об оставших после Чакдоржапа улусах. Обиженные требовали, чтоб оные разделить по новому Черен Дондуком, ханшею Дарма Балою, и Дондук Омбы постановлению, а Дасанг напротив того представлял, чтоб то разделение учинено было по определению отца их Чакдоржапа, с некоторою токмо прибавкою, но противная его сторона в том не согласилась и наместник ханства Черен Дондук с протчими, желая больше, чтоб им с Дасангом оставлено было управиться по их воле, не окончав оного дела, оставили до другого съезда.

А в ночи с 21 против 22 числа получено было чрез доброжелательных калмык трех человек порознь одно известие, что 21 числа от Че-

рен Дондука в калмыцкое войско отдан был приказ, чтоб все чистили ружья и точили стрелы и готовились бы все войски итти за Черен Дондуком, когда он поедет в последние к губернатору Волынскому, для отъема у него Дасанга и Петра Тайшина.

Почему 22 числа поутру рано перевезено было с горной на луговую сторону к губернаторской ставке еще пеших драгун 400 человек и от Волынского к Черен Дондуку послан был нарочной с представлением о получении известия о его намерении и чтоб он Черен Дондук приезжал к нему для окончания их дела не со всеми войски, но по прежнему только в тысяче человек, на что посыланному Черен Дондук сказал, что когда так, то и ехать ему не зачем, и, осердясь на губернатора Волынского, того 22 сентября пошел возвратно и с калмыцкими войски в свои улусы, которые были тогда на луговой стороне выше Астрахани.

По отъезде их, губернатор Волынской возвратился в город Дмитриевск, куда приезжали к нему от владельцев первые их зайсанги, от Дасанга — Биллютина, от Петра Тайшина — Бюкюнь Манжи, от хошоутовых, от Дондука — Арал Бай, от Лекбея — Аран Джамба и от вдовы Даши Бирюня — Замьянг, и имянем владельцов своих просили, чтоб их с улусами оставить до льду внутрь Царицынской линии, представляя, что их калмыцкие междоусобии издавна продолжаются и пока владельцов их не убудет, то и мир их ничто и для того они имеют намерение, когда реки льдом покроются, собрав все свои войски итти на Черен Дондукову сторону и владельцов их перевесть, чтоб улусы их были у кого-нибудь в одних руках; и когда им в том отказано, то просили, чтоб их перепустить, для особливого их от протчих калмыцких улусов пребывания, за реку Дон в соединение к Дербетеву владельцу Четерю, куда и перепущены и тогда их всех за Доном считалось слишком 14.000 кибиток. А при Волге оставалось при Черен Дондуке и других владельцах 20.000 кибиток.

О перепуске калмыцких улусов за Дон губернатор Волынской от 27 сентября доносил ее величеству блаженные и вечно достойные памяти государыне императрице Екатерине Алексеевне, так же и в коллегию иностранных дел, и что тем оной народ разделился на двое, как и желание было блаженные и вечнодостойные памяти его величества государя императора Петра Великого, представляя при том свое мнение, что ничто так не потребно для обуздания калмыцкого неблагодарного народа токмо, чтоб они на двое разделены были, и хотя один и пожелают куда отойти, то другая сторона, с малою прибавкою российских войск могут их к тому не допустить.

А о том же писал он Волынской и к генералу фельтмаршалу князь Михаилу Михайловичю Голицыну[1], которой в ответ на то писал к нему Волынскому, признавая из такого калмыцких улусов за Дон перепуска такое несходство, что калмыки могут оттуда бежать к Крыму, а между тем будут у них с донскими казаками происходить ссоры, как и от одного Дербетева владельца Четеря с его улусом не без хлопот в том было, отчего калмыки равномерно злое намерение принять могут. Но на сие губернатор Волынской к нему генералу фельтмаршалу во изъяснение писал, что Дасанг, будучи по поступкам противной ему партии оправдан и во всем удовольствован, к побегу причины не имеет, а естли б похотел отойтить, то хотя б и за Волгою был, но в зимнее время дорога ему к тому всюды свободная, как и из за Дону,

[1] Голицын, Михаил Михайлович (1675—1736), генерал-фельдмаршал.

а из за Волги то ему учинить еще и удобнее, понеже калмыки по вся зимы кочуют между Волги и Дону даже до вершин реки Кубани, и так близко с кубанцами живут, что скотские и лошадиные табуны калмыцкие с кубанскими один от других разстоянием только полдня езды конной ходят между собою и по всему за полезнея видится оставить их за Доном, ибо в бытность их тамо и воровства обыкновенного между ими и находящимися при Волге калмыцкими улусами меньше быть может, а что касается до ссор их с донскими казаками, то калмыки изкони с казаками и ссорятца, и мирятца, а особливо казаки весьма умеют с ними в таких случаях поступать, как и из поступок Дербетева владельца Четеря видеть можно, приводя при том о Дербетях и такое обстоятельство, что когда они на Волге кочевали, тогда ни в котором другом улусе столько не было плутов и воров, сколько в Дербетях, в чем и владелец их был великой потатчик, а с Дасангом казаки, ежели умеренно будут поступать, хотя и своего не упуская, тем его конечно не отгонят.

В том же 1725-м году ханша Дарма Бала всеми ее силами старалась все калмыцкие улусы от Волги отвести в Зенгорское владение, обнадеживая сына своего Черен Дондука, что хотя Хонтайши улусы протчих их калмыцких владельцов и раскосует по своим, но ее с детьми, то есть с ним Черен Дондуком и Галдан Данжином оставит при собственных их улусах,— только Шакур лама и главные и первые по Аюке оставшие зайсанги Самтан и Яман, по внушению и старательству губернатора Волынского и имея в разсуждении Хонтайши с Санжином поступок, тому ее намерению воспротивились, и сына ее Черен Дондука, тогдашнего наместника ханства калмыцкого, в свою сторону склонили и на последок, по многим у всех владельцов советам, положено в Зенгорской народ всеми улусами за предписанною опасностию, от Волги не отходить, но Черен Дондука на хонтайшиной дочере женить, и тое хонтайшину дочь с войсками зенгорскими, которые могут при ней быть под претекстом провожания ее и приключить вред их торгоутским улусам, или оные и силою к себе забрать, к Яику реке не допускать, а принять у них ту хонтайшину дочь на урочище Торгой и для того в настоящее время ехать туда Черен Дондуку с своими калмыцкими войски, а напредь посылали до того урочища зайсангов Самтана, и Дамрина, разведывать о пути и нет ли тамо других каких народов и можно ли от того урочища проезжать посланцам их к Далай ламе без опасения и для того в конвой дано было им из лутчих калмык две тысячи человек, каждой имея по три лошади, и те посыланные, того 1725 лета, проездили четыре месяца, а возвратясь объявили, что до того урочища пустые степи и безводные и хотя никаих народов нет, только слышно, что за Торгоем для многих, тамо находящихся народов, посланцам их к Далай ламе проезжать невозможно, потом вскоре то их сватовство пресеклось смертию Хонтайджи.

После оного Хонтайджи остались два сына, рожденные от законных его жен, первой — Галдан Черень от дочери хошоутова владельца называемой Гунге, другой — Лоузанг Шуно от дочери торгоутского хана Аюки, имянуемой Сетерджап, и последней из них при смерти отца своего Хонтайджи быть не случился, а производил тогда зенгорским войском над киргис-касаками поиски, а старшей брат его Галдан Черень по смерти отца своего зделался главным зенгорским владельцом, и тогда свою мачиху, а Лоузанг Шуноеву мать Сетержап и с двумя ее дочерми сперва ослепил, а потом и убил, то ж хотел учинить и над

братом своим Лоузанг Шуною. Но он, уведав о том, не возвращаяся в отечество, бежал из зенгорских войск на Волгу к тетке своей ханше Дарме Бале с 16 человеки калмык своих и, тамо будучи, женился на Дондук Омбиной дочери, именуемой Черен Балжинг, и в 1732-м году умер бездетен.

1726-го года владельцы Дондук Омбо и родной брат его Бокшурга и Бату Чакдоржапов с войски своими, перешед реку Дон, нападали на хошоутова владельца Лекбея и улус его раззорили и с собою забрали, токмо он Лекбей сам от них спасся бегом, да он же Дондук Омбо под казачьим городком Чирами взял казаков шесть человек, из которых двоих после отдал на окуп.

По его ж Дондук Омбину приказу, посыланные от него под Черной Яр его человек его калмык поймали черноярцов подьячего и еще двух человек,' которых он Дондук Омбо по многим к нему посылкам не отдал, требуя, чтоб наперед освобождены были пойманные на действительном воровстве из его калмык два человека.

В том же 1726-м году от стороны наместника ханства Черен Дондука, Дондук Омбы и других их партий владельцов на улусы, за Доном бывшие, Досанга, Петра Тайшина, мачихи их Дожи Бирюзы, хошоутова владельца Дондука и Дербетева Четеря чинены частые набеги, для оттону скота посылкою партей, чем столько их обезпокоили, что наконец оии владельцы все с своими улусами принуждены были им покориться и, перешед возвратно через Дон, отдатца в их волю и кочевать с ними при Волге. Причем уже и Чакдоржановы дети ими примирены и улусами разделены по последнему Черен Дондукову, матери его Дармы Балы и Дондук Омбы постановлению, о котором писано выше сего.

В том же 1726 году осенью, в бытность калмыцких улусов на луговой стороне Волги, приходили на них киргис-касацкие Средней орды Шемяки хан, Барак Солтан, Меньшей орды Абулхаир хан и Ишим солтан в 10.000 войска своего и, перешед через реку Яик, нападали между устей Яика и Волги на улус владельца Лубжи (Доржи Назарова сына) и оной разорили и людей, сколько могли застать побили, а жен их и детей и весь скот взяли в добычю и отправили от себя еще две партии, состоящие одну в тысяче, а другую в трехстах человеках в морские косы для поиску прочих кроющихся от них калмыцких улусов, а сами с тою добычею по малу возвращались.

Тогда наместник ханства Черен Дондук, брат его Галдан Данжин, Шакур лама и владельцы Доржи Назаров, Дондук Омбо, Дондук Даши и братья его с войски своими в 20.000 человек за киргис касаками ходили в погоню по следам их, и сперва выше писаные киргис касацкие две партии, изъехав и загнав их в морские косы, всех побили и в воде потопили, а потом и всех киргис-касак догнали, не допустя до реки Яика, и в степи всеми силами атаковали, а киргис-касаки, видя калмыцкую превосходную силу, принуждены и на безводном месте остановиться и для защищения своего с четырех сторон обрываться землею и, перерезав верблюдов, лошадей и рогатой скот, окладываться на подобие вала и от калмык отстреливались, а добычю свою, состоящую в людех и скоте, имели в средине своего стану. Калмыки же делали на них нападение с трех сторон, оставляя одну сторону к реке Яику пустую. А сие чинили в таком намерении, чтоб их киргис-касак допустить к ретираде и, тем, вымания из укрепления, удобнее было на них напасть, и по рукам разобрать, но оии киргис-касаки, хотя и на безводном месте были атакованы, однако ж,

четверы сутки будучи в осаде от калмык отстреливались и наконец, с [illegible] помирились и [illegible] утвердились на таких кондициях, чтоб их киргис-касак всех и с ружьем их отпустить, а забранных из калмыцких улусов жен, детей, имение и скот возвратить к калмыкам, а при том и из собственных лошадей киргис-касакам оставить для каждого человека только по одной, а лишних отдать им же калмыкам, а впредь на них калмык нападений и воровских набегов не чинить и мир содержать через столько лет, как в то время родившейся [illegible]нец придет в возраст и в состоянии будет на лошади ездить и сайдаком владеть. В чем и присягали с калмыцкой стороны наместник ханства Черен Дондук, владельцы Доржи Назаров, Дондук Омбо и Галдан Данжин, а с киргис-касацкой стороны Шемяки, Абулхаир ханы, Барак и Ишим солтаны, а сверх того калмыки взяли от киргис-касак и аманатов шестьдесят человек, между которыми были и знатные их старшины: Эшеть Батырь, Букенбай Батырь и другие.

Но ежели б калмыки по прошествии четырех суток еще киргис-касак в осаде сутки двои продержали, то б и совсем их по рукам разобрать могли, но до того протчих калмыцких владельцов советами и прошениями своими не допустили Доржи Назаров и дети его для того, что из бывших внутрь киргис-касацкого стана калмыцких малолетных детей много померло, а из знатных калмыцких жен киргис-касаки несколько перерезали и тела их к калмыкам выбрасывали, чтоб они, видя такую их киргис-касацкую злость, осаду оставили, почему и принуждены владельцы калмыцкие с ними на вышеписанном договоре помириться.

При сем случае надлежит приметить калмыцкое обыкновение, что они, по причине опасности своей от соседних им лехких народов, то есть кубанцов и киргис-касак, по край своих улусов содержат заставы и когда получат известие о приближении к ним неприятеля, то на встречю того неприятеля с войски своими никогда не выходят, но каждой улус, спасая себя бежит вдаль и как верблюды с вьюками ведены, так и стада конские и скотские гонимы бывают калмычками и малолетными детьми; а сами калмыки на лутчих лошадях и вооруженные следуют позади своих улусов для отпору от неприятеля. А на встречю неприятелю не выходят для того, что как со обоих около их сторон весьма пространные степи, то в случае выхода их войск навстречю неприятеля могут, с оным разойттится, а неприятель, пришед на их улусы без них, большее оным разорение причинить и в возвратной свой поход калмыцкое войско миновать и в свою сторону с добычею уйти может. А когда неприятель с добычею или без добычи от их улусов назад возвращается, и тогда калмыки собирают свои войска, и ходят за неприятелем по следам их и, догнав их, с ними дерутся с [illegible], потому что неприятели [illegible] бывают от похода уже утомленные, а за калмыками из их улусов [illegible] от времяни, войска их прибывают, как они поступили и при вышеписанном случае [illegible].

В [illegible] году крещеной владелец Петр Тайшин через посланца своего здесь просил о строении городка близь Астрахани и о крещении других калмыцких владельцов подданных и чтоб им быть при нем Петре Тайшине. Но на то к нему от покойного канцлера графа Гаврила Ивановича Головкина писано, что вскоре решения о том учинить невозможно, за неполучением от него Петра Тайшина известия, где он по переходе через Дон к Волге подлинно кочевать будет.

В 1727 году калмыки, соединясь с турецким бунтовщиком, бывшим

на Кубане, сераскером Бактагирей солтаном, партиями почасту набегали на Кубань и Крым и при Бактагирее всегда неотлучно по нескольку их калмык в степи жили и чинили как оные, так и протчие калмыки, [illegible] и крымским жителям великие разорения. По сей [illegible] двора через здешнего в Константинополе бывшего [illegible] ныне действительной тайной советник) Ивана [illegible] [1] [illegible]ены имянем самого султана на них [illegible] и [illegible] выговоры, а имянно, что Бактагирей Дели солтан в землях российских находится и соединясь с калмыками чинят набегами разорение в области отоманской империи, за которыми татара ездили неоднократно, но оные уходят в российские земли, а далее границ им татарам ездить указом [illegible]ским запрещено и что сие уже несносно татарам чинится, и хан крымской их татар больше воздерживать не может. И от несносного им татарам раззорения принуждены они будут за калмыками вслед и заграницу ездить, где их постигнуть могут. И тако Порта не токмо на сие скорой резолюции требовала, но внушала с угрозами, что дастся позволение татарам нападения в российские границы чинить и чтоб оного Бактагирея велеть поймать или убить, о чем и в 1728 году чрез того же резидента наисильнейшее требование от Порты было учинено.

С того ж 1727 года калмыки по Волге российских жителей и проезжих нагло разбивали, грабили, били и в полон брали, и за тем проезжие с нуждою спасались, они ж у Царицына и выше того города между донских казачьих городков и российских деревень, также и около Черемшанских форпостов и таможних пригородков Алексеевска, Сергиевска и протчих, разъезжая многолюдными партиями, то ж чинили и как из оных мест, так и от Яицкого казачьего городка конские и скотские стада отгоняли, что происходило попущением владельцов, а паче Дондук Омбы. И так только через два года то есть 1727 и 1728 годов калмыками у россиян (сколько возможно было письменного известия собрать), деньгами, товарами, вещами и платьем пограблено на 34 446 рублев, да угнано лошадей и рогатой скотины 2 168, да людей в полон взятых семнадцать и побито до смерти 15 человек. И хотя к наместнику ханства Череп Дондуку о всем том писано грамотами и письмами канцелярскими и требовано о пресечении воровства в российских жилищах и в турецкой области, но Череп Дондук калмык унять от того не мог, а в ответ на оное писал, что то они чинили без его ведома.

И для того в том же 1727 году по определению верховного тайного совета от Царицына и за Саратов при Волге по нагорной стороне каждого лета стояло на фарпостах по 900 человек казаков, в том числе 300 из волских городов, 300 из донских и 300 из слободских полков на особливом жаловании.

Того же 1727 года в летнее время подполковник Беклемишев, по ордеру от покойного генерала фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына, с означенным Бактагиреем солтаном между городов Царицына и Черного Яру на берегу Волги, на нагорной стороне, при посредствии калмыцких владельцов Бату и Дондук Даши, виделся и призывал его Бактагирея под российскую протекцию с тем, что, как скоро время будет, тогда б его Бактагирея с калмыками послать на

[1] Неплюев, Иван Иванович (1693—1773), в 1721 [illegible] потом наместник Оренбургского края. Активный про[illegible] политики русского царизма. Организовал подавление башкирского [illegible] 1755—1757 гг. В 1760 г. назначен сенатором.

Кубань и на Крым и, где потребно и они пожелают, российскими войсками им вспомогаемо будет и приложится старание его Бактагирея возставить в прежнее его состояние и возвратить ему юрты єво, а между тем позволится ему жить в калмыцких улусах и давано будет ему жалованье, и всякое довольствие показывано, только б он сперва для соглашения о том съездил к генералу фельдмаршалу князь Михайлу Михайловичю Голицыну, но он, Бактагирей, ко вступлению в российской город склонности не показал, да и калмыки того не желали, имея намерение, чтобы Бахтагирею жить при них и обще с ним ходить на Кубань для воровства, а паче помешательством в том был Дондук Омбо, а к поимке и убивству оного Бактагирея он Беклемишев способу не сыскал.

Потом получены здесь от подполковника Беклемишева известии, да и сам наместник ханства Черен Дондук сюда писал, что они калмыцкие владельцы намерены все итти на Кубань для забрания к себе джетысан и джембуйлук. Почему еще отправлены граматы к наместнику ханства Черен Дондуку, также к матере его Дарме Бале, владельцу Дорже Назарову и к Шакур ламе, дабы они от того предприятого намерения к походу на Кубань весьма удержались, объявляя им, что такое их намерение не токмо противно, но может чрез то учинится повреждение имеющемуся между Россиею и Турциею вечному миру и им самим от того великая опасность и разорение и притом им подтверждено, чтоб они и на отбирание джетысан и джембуилук собою отнюдь не поступали и никаких обид кубанцам и крымцам и другим подданным турским не чинили, и к Бактагирею Дели солтану не приставали, и в намерениях его не вспомогали, о чем им владельцам и другими грамотами подтверждено.

1728 года генваря 17-го дня по определению верховного тайного совета, указом астраханскому губернатору Менгдену предписано, чтоб в городех и селех по Волге лежащих, астраханским татарам и яицким казакам под смертным страхом запретить калмыкам отнюдь не продавать и безденежно не ссужать и ни под каким видом не давать, как пред тем от некоторых из россиян произошло, ружья, пороху, свинцу, стали, меди и железа во всякой работе, какого б звания ни было, кроме одних чюгунных котлов, и в жалованье им калмыкам того всего, хотя напредь сего и давано, не давать же, объявляя им, что удержано сие за то, что они калмыки, получая, то употребляют на подданных российских, приходя в жилища их для воровства, они ж за запретительными указами ходят на Кубань и на другие турской области места.

По тому ж верховного тайного совета определению с 1728 года для прикрытия российских жилищ от таких калмыцких воровских набегов, сверх сухопутных форпостов учреждены были от Астрахани до Саратова в каждом городе по 20 лодок рашивных, в которых по Волге разъезд имели солдаты из полков астраханского гарнизона. И которые воровские калмыки сухопутными форпостами и водяными разъездами были пойманы, оными розыскивано, а некоторые из них за убийство и повешены. И те калмыцкие воровские набеги продолжались, и форпосты содержаны до их калмыцкого междоусобия, учинившегося в ноябре 1731 года.

По выше писанному ж верховного тайного совета определению, отправлены в калмыцкие улусы полковник (что потом был действительной тайной советник) Иван Иванович Бахметев, да на Дон генерал майор Тараканов, которым поручено: первому Бахметеву: калмык

от походу на Кубань удержать, а Бактагирея Дели солтана призывать в здешнюю протекцию с выше писанным обнадеживанием, а ежели наместник ханства скажет, что они калмыки действительно оное их намерение учинить хотят и на Кубань пойдут, и полковнику Бахметеву говорить ему наместнику ханства, что в таком случае велено против их употребить приготовленные для того войски, а имянно, бывшие в тамошней стороне драгунские полки, и всех донских казаков, и от того походу их удерживать и за Волгу не перепустить, и для того оные войска расставить по Волге, о чем всем и грамоты к наместнику ханства Черен Дондуку и другим владельцам отсюда были посланы.

Другому, Тараканову: чрез донского войскового атамана Лопатина стараться Бактагирея поимать или убить (о сем последнем обстоятельстве желание было турецкого двора) и голову его отсекши привезти, а здешнее намерение в том больше состояло, чтоб его Бактагирея, поимав, содержать во всяком довольствии и тем покой обоюдных подданных утвердить, обещая притом, кто его Бактагирея поймает или убьет до 5 000 рублев, и употребляя к тому верных и надежных людей, чтобы секрет о сем процесси не был, и от оного генерал майора Тараканова, по совету донского атамана Лопатина посланы были из Черкаска для убийства Бактагирея три человека калмык, которым и денег в число 5 000 рублев несколько дано было вперед. Но оные, приехав к нему Бактагирею, весь секрет сами ему объявили, и он, их подаря, от себя отпустил.

По тому ж определению верховного тайного совета, в указе к подполковнику Беклемишеву писано, что, повидимому, меж калмык паче всех враг и злодей и противник — Дондук Омбо и подобен он бывшему возмутителю Нитар Дорже, и для того ему Беклемишеву стараться и изыскивать такова способа, как бы того злодея Дондук Омбу убить, обнадеживая, кто учинит, сие награждение, не жалея денег, как и помянутой Нитар промыслом губернатора Волынского изведен, ибо когда б можно было его Дондук Омбу достать и умертвить, чтоб и другие владельцы, видя сие, спокойнее и послушнее были, да и Бактагирей бы от них калмык отстал.

Но подполковник Беклемишев к изведению Дондук Омбы способов не нашел. Черен же Дондук и все протчие калмыцкие владельцы со всеми своими силами еще до приезда полковника Бахметева в Царицын, ходили на Кубань и тамо Бактагирея Дели солтана возставили по прежнему сераскером, токмо до приходу его Бактагирея с войсками калмыцкими на Кубань, турки успели нагайцов джетысан и джембуилук чрез Крым перевесть в том же 1728-м году в Белогородскую орду, дабы их калмыки не взяли к себе по прежнему на Волгу или б они и собою к ним не ушли.

В то ж время калмыки приняли к себе другова турецкого бунтовщика Джан Темиря Ширинбея Аджи, которой в Крыму по хане был первым.

Полковник Бахметев и подполковник Беклемишев, по возвращении калмыцких войск с Кубани, наместнику ханства Черен Дондуку и матере его Дарме Бале, при сыне ж ее Галдан Данжине и при Дондук Даше и при хонтайшине сыне Лоузане Шуно и оному Дондук Даше особливо и зайсангам Ямапу и Самтапу и Шакур ламе о Бактагирее и о Джан Темире, чтоб они к себе их не принимали и согласия с ними никакова не имели и не ходили б в области оттоманской Порты,

предлагали, при чем и о милостях императорских величеств, показанных к их народу и к нему наместнику, объявляли и под рукою угрaживали их российскими войски и в страх приводили, но от них в ответ слышали, что ежели б они калмыки, согласясь, ходили войною в российские жилищи, и в том бы весьма были винны и что и прежде их владельцы на Кубань хаживали и за то на них гнева императорского не было. И сколько они Бахметев и Беклемишев ни старались, чтоб того Джан Темиря калмыки отдали в российскую сторону или от себя отослали прочь, и сами они Бахметев и Беклемишев с Джан Темирем разговаривали и к нему подсылали, только того ничего одержать не могли, а поймать и у себя удержать его Джан Темиря им Бахметеву и Беклемишеву, будучи в калмыцких улусех в малолюдствии, было невозможно, И приметили они, что наместника ханства калмыцкого Череп Дондука можно б склонить ко всякому добру, но все те противности чинятся ханшею матери его Дармы Балы и владельца Дондук Омбы, которой по письму к нему от реченной ханши Дармы Балы (в котором она писала, что зайсанг ево Зундуй к нему недоброжелателен, но ищет живота его) он Дондук Омбо означенного зайсанга своего и с двумя сыновьями его Сагою и Харцагою и мужеска полу детей их малолетных до последнего младенца пред собою умертвил, а третей ево ж Зундуев сын Зунтар бегал и скрывался по разным улусам, а тот зайсанг Зундуй у него был первой и во всех улусех весьма знатной.

От 29 августа они Бахметев и Беклемишев в Коллегию иностранных дел донощением своим представляли, что Шакур лама июня 28 дня им Бахметеву и Беклемишеву вызвался, что которые из владельцов их впредь будут указом не послушны, то из них некоторых можно и войски унять, объявляя, что без того вовсе не уставятся. Итак, по вышеписанным обстоятельствам, они Бахметев и Беклемишев мнение свое представляли, что не худо противника Дондук Омбу смирить оружием, и хотя бы над ним самим по случаю чего [и] не учинилось, а улус бы ево был разорен, то уже одному ему делать будет нечево, но принужден будет скитатца, также как Бактагирей и Джан Темирь, или просить прежней протекции, да и другим бы всем владельцам был от того действительной страх, и нужда бы ему была противные свои замыслы отменить; а без того, сколько как ни трудиться, то добра из него надеяться не можно, а единолично над ним ни за какие деньги ничего учинить невозможно, ибо содержит себя в великой предосторожности.

Они ж Бахметев и Беклемишев в коллегию доносили ноября от 7 от 25 да от 28 чисел, что, по известию из разных мест, о согласии Дондук Омбы и зятя его, а Дербетева владельца Четерева сына Гунги с Бактагиреем Дели солтаном к нападению на донские казачьи городки он же Дондук Омбо ищет, чтоб принят был в турецкое подданство и кочевать бы ему в турецкой области и чаятельно, что сие намерение есть к нападению сперва на казачьи, а потом на малороссийские городы и такожде не оставят и на реке Волге ниже Царицына воровать, и есть опасность, дабы он Дондук Омбо и весь калмыцкой народ не склонил к принятию турецкой протекции. И для сих опасностей писали они Бахметев и Беклемишев к генералу фельдмаршалу князю Голицыну, предлагая свое мнение, что потребно ниже Царицынской линии по донским казачьим городкам умножить войск, которыми б будущею весною (ежели зимою ничего не зделают) улус означенного Дондук Омбы разорить, почему от оного генерала фельд-

маршала и расставлены были по Дону драгунских два полка, и нарочно приготовленные донские казаки 2 000 человек.

Того ж 1728 года ноября 15 числа калмыцкой зенгорской владелец Даши Батур Тайджи с детьми и с улусными своими калмыки в 280 кибитках бежал с Дону от Черкаска к Азову, а оттуда на Кубань, а чрез некоторое время возвратился по прежнему на Волгу в калмыцкие улусы.

Полковник Бахметев и подполковник Беклемишев от 14 декабря в коллегию доносили, что калмыцкие владельцы имели совет, что им с россианы воеватца или нет, и ханша Дарма Бала воеватца им запрещала и положила, что жить им по прежнему, только владельцам Дондук Омбе и зятю его Гунга Доржи итти на Дон и от Черкаска забрать всех калмык.

1729-го года февраля 3 дня в верховном тайном совете, по представлению коллегии иностранных дел и по слушании ведомостей о калмыцких противных замыслах, а особливо владельца Дондук Омбы и зятя его, а Четерева сына Гунги к нападению на донские казачьи городки и что Дондук Омбо искал быть в турецком подданстве и по довольном разсуждении определено: понеже владелец Дондук Омбо давно уже был указам императорским не послушен и во всем противен и по многим увещаниям от противностей не престал и посылая калмык многажды на российские жилища, разорения чинил и людей побрал и, скот отгоняя, не отдавал и других владельцов к таким же противностям всегда склонял и подущал, а особливо что напоследи открылось противное его намерение и умысел на донские городы нападение учинить и быть в турецком подданстве и имел всегда пересылку с Бактагиреем и азовским пашею,— сего ради потребно, упреждая то зло, зделать, чтоб того противника Дондук Омбу каким способом убить или умертвить и тем протчих калмыцких владельцов в страх и в послушание привесть. Ежели же такова способа, что ево Дондук Омбу одного убить или умертвить, сыскать не можно, то послав войска улус ево весь раззорить, как и Шакур лама советовал, чтоб ево войски унять и то поручить генералу фельдмаршалу князю Голицыну, о чем к нему и указ послан.

Между тем оной генерал фельдмаршал от 4 апреля доносил, что, по его мнению, владельца Дондук Омбу весьма надобно искоренить, употребя для того войск регулярных 2 000 человек и столько ж донских казаков и сверх того определенных при калмыцких делах казаков же 900 человек, со обещанием денежной платы, приготовя оные войска у Петровска или у Саратова, где удобнее и безопаснее, хотя и на луговой стороне.

В верховном тайном совете 2 майя того ж 1729 года по полученным ведомостям, что калмыцкие улусы для летования перешли с нагорной на луговую Волги реки сторону, решено оному генералу фельдмаршалу по означенным ведомостям регулярных двух полков за Волгу на луговую сторону не посылать, а велеть им стоять при Царицынской линии, или в ином пристойном месте, разве бы те ведомости отменились, в каковом случае поступать ему генералу фельдмаршалу по данным ему указам и по своему разсмотрению, не описываясь, и о том к нему указ послан.

По возстановлении калмыцкими владельцами крымского противника Бактагирея Дели солтана по прежнему кубанским сераскером, оной Бактагирей, имея при себе кабардинского кашкатовского владельца Арсланбека Кайтукина, в 1729 году со всею кубанскою силою ходил

под Кабарду на Баксанских владельцов, которые, свои домы и скот убрали в горы, сами с войсками своими при горах в тесном между речек месте ожидали Бактагирея и тут с ним учинили бой и его самого со многими убили и кубанское его войско разбили, от чего и Арсланбек принужден был бежать на Кубань.

В том же 1729 году тогдашней хан крымской писал к генералу фельдмаршалу князю Михайлу Михайловичю Голицыну, требуя, дабы бывшего в калмыцких улусах другого турецкого бунтовщика Джан Темиря и с людьми его поимать и отдать или убить, а напротив того, он хан крымской с своей стороны уступит забранных калмыками людей и скот. И он генерал фельдмаршал поручил искать способов того Джан Темиря во удовольствие Порты Оттоманской поймать или убить полковнику Бахметеву и подполковнику Беклемишеву, а ежели они удобных к тому мер сыскать не могут, то б видеться им с Черен Дондуком и о той турецкой на них претензии объявить и при том требовать у него секретно отдачи помянутого Джан Темиря, а последнее объявить, чтоб ево Джан Темиря у себя отнюдь не держали, а выбили вон, что все и грамотою от 11 ноября того ж 1729 года отсюда к наместнику ханства Черен Дондуку было подтверждено.

И хотя оной Джан Темир и в собственных Черен Дондуковых улусах жил, однако ж он ево Джан Темиря не выдал и из улусов своих не выслал, а принужден потом хан крымской вызвать его Джан Темиря к себе по прежнему в Крым на пороль.

В том же 1729 году присыланы в Москву посланцы от наместника ханства Черен Дондука, от Шакур ламы и от владельцов Доржи Назарова и Дондук Омбы чрез которых просили они: Черен Дондук об отпуске посланцов его к Далай-ламе для отвозу туда пеплу отца его Аюки хана: Шакур Лама и Доржи Назаров о позволении самим им туда ехать; Дондук Омбо, донося, якобы, о чинимых от него к российскому государству противностях, донесено на него неправедно, просил, чтоб о том повелено было кому нибудь у него выслушать и оставить его без сумнения.

И по тем их прошениям и по определениям коллегии иностранных дел отправлены к ним от покойного канцлера графа Гаврила Ивановича Головкина письма и во оных к ним писано.

К наместнику ханства Черен Дондуку о данном ему позволении отправить посланцов его чрез Сибирь к Далай-ламе и что о даче им подвод и кормовых денег с возвратом в надлежащие места указы посланы.

К Шакур ламе со объявлением указа императорского, что как он, по доброжелательству его к калмыцкому народу для содержания оного, да и самих владельцов в добром порядке при всяких случаях потребен и для того б он Шакур лама от такого намерения своего удержался, к Далай ламе не ездил и из калмыцких улусов никуда не отлучался, к Далай же ламе может он Шакур лама отправить от себя кого другова, и при том для такой посылки на иждивение послано к нему Шакур ламе жалованья 200 червонных.

К Дорже Назарову: что ему самому к Далай-ламе ехать позволяется, и о даче ему подвод и проводников в надлежащие места указы посланы, но притом ему дано знать, что, понеже, сын его Лужба с калмыцким войском за многими отсюда запрещениями в 1728-м году с турецким бунтовщиком Бактагиреем ходил на Кубань, и для того б он Доржи Назаров детям своим, при отъезде его из калмыцких улусов,

дал наставление, чтоб они впредь таких противных поступок не чинили.

К Дондук Омбе, что указом ее императорского величества велено с ним видеться и полковнику Бахметеву и подполковнику Беклемишеву и по прошению его оправдания у него выслушать и о том с ним пространее говорить и сюда доносить.

А Бахметеву и Беклемишеву указом велено съехаться для того с ним Дондук Омбою в пристойном месте, причем, ежели они в самом деле усмотрят его Дондук Омбино от противностей отвращение и склонность к верности, и даст он в том по своему закону обещание, в таком бы случае обнадежили его, якобы от себя, прощением во всех его преступлениях.

И потому в декабре месяце 1729 года отправлены были чрез Саратов, Казань и Сибирь к Далай ламе посланцами: от ханши Дармы Балы Намки Гелен; от Черен Дондука, Батур Омбо; от Шакур Ламы, Балдан Габцу; от Доржи Назарова, Шарап Данжин; от Дасанга, Лоузанг Норбу Гелен; от Дондук Даши, Иши Цой Гелен; а всех 40 человек.

С теми посланцами отпущено было заграницу товаров по цене до трех тысяч рублев беспошлинно.

А от Дондук Омбо посланцов при том не отправлено, затем что он в то время со всеми вышеписанными владельцами был в несогласии, да и Доржи Назаров сам, хотя и позволение имел, не поехал, а остался до смерти своей в калмыцких улусех.

По отправлении тех посланцов полковник Бахметев, получа отзывной ордер от генерала фельдмаршала князь Михайла Михайловича Голицына, возвратился в Москву.

Дондук же Омбо для представления своего оправдания к подполковнику Беклемишеву не отзывался и к себе его не призывал, а без того Беклемишев к нему ехать опасался, чтоб он чего с ним противного не учинил, ибо и посыланных от него с письмами его зайсанговыми делами[1] по немалому времяни держивал у себя под караулом.

С выше писанными калмыцкими посланцами, к Далай-ламе отправленными, из Тобольска от Сибирского губернатора тайного советника Плещеева посланы были в приставках дворянин и толмач, которым от него губернатора приказано было ехать с теми посланцами до Далай-ламы, но посланцы, доехав на границу китайскую, с собою их далее не взяли и с границы возвратили, а сами поехали в Пекин.

В 1730 году наместник ханства Черен Дондук и мать его Дарма Бала присланными сюда листами своими просили, чтоб калмык их для крещения в российские городы не принимать. И на то им письмами канцелярскими ответствовано, что о сем в шертовальных записях в 1677 и 1684 годех, которые учинены на съездах с ханом Аюкою и с протчими калмыцкими владельцами, написано: которые калмыки по своим желательствам похотят в православную христианскую веру креститься, и тех им владельцам и улусным их людем не просить и императорскому величеству не бить челом.

В том же 1730 году бывшей при Петре Тайшине иеромонах Никодим Ленкеевич доносил, что он Петр Тайшин о подчиненных своих крещеных калмыках не точию старания не имел, но и малых их детей крестить отвращал и, хотя и он сам святое крещение принял, однако ж больше с своими попами, нежели с православными имел сообщение,

[1] Так в подлиннике.

а когда получал жалованье, то из оного раздавал некрещеным калмыкам и попам моления ради идолом.

1731 года генваря 13 дня прибыл в Москву китайской посол Асхани Амба Туши, имея при себе двух товарищей из манжур, да двух мунгальских начальников. С ними же прибыл другой китайской посол отправленной к калмыцким владельцам, Мерен Зангин Мандай с одним товарищем из манжур и двумя начальниками мунгальскими.

Они все девятеро были на публичной аудиенции у ее величества блаженныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны того ж генваря 26 числа.

А потом о делах им порученных выслушали у них, будучи в сенатском парламенте, здешние министры: граф Гаврила Иванович Головкин, граф Остерман [1], граф Павел Иванович Ягужинской [2], князь Алексей Михайлович Черкаской [3] и господин тайной советник Степанов. Причем, главной посол Асхани Амба Туши, показывая подле себя сидящего Мерен Зангина Мандая, представлял, что оной отправлен от их Бокдохана с указом и с жалованием к наследнику Аюки хана торгоутского для требования, чтобы он с своей стороны на зенгорских калмык чинил поиски и для вызову в их китайскую армию Хонтайшина сына, а настоящего тогда зенгорского владельца Галдан Череня брата Лоузанг Шуна, и о немедленном оного туда отправлении просил усильно, объявляя, что он возвращения их будет ожидать в Тобольску, дабы ко двору своему возвратиться им вместе.

На что здешние министры ему сказали, что Торгоутской народ издревле находится в действительном подданстве ее императорского величества и что без указу ее величества на требование их поступить не может и для того и посольства к ним отправлять не для чего. Но китайской посол говорил, что при их китайском дворе о подданстве торгоутского народа Российской империи известия не было и притом ссылался на продолжающуюся между российского и китайского дворов дружбу о позволении на отправление в улусы калмыцкие того их посольства усильно домогался, почему министры сняли на доношение ее императорскому величеству [4].

А при другой конференции отправить им выше писанного их посла в калмыцкие улусы позволено.

В бытность сего китайского посольства в Москве, здешним министерством принято сумнение, что не имели [ль] они от Богдохана указа — наместника ханства Черен Дондука объявить ханом калмыцким и для того февраля 17-го дня по имянному ее императорского величества указу, записанному в Коллегии иностранных дел за рукою покойного канцлера графа Головкина, оной наместник ханства Черен Дондук пожалован в ханы калмыцкие и велено для объявления его ханом послать из Москвы нарочную персону, а ему Черен Дондуку дать в знак ханства саблю, панцырь, да шубу соболью, покрыв золотною парчею, и шапку соболью и объявительные грамоты, как к нему

---

[1] Остерман, Андрей Иванович (1686—1747), граф, дипломат, имел большое влияние на внешние сношения России. После дворцового переворота в 1741 г. был сослан в Березов, где и умер.

[2] Ягужинский, Павел Иванович (1683—1736), граф, один из видных деятелей времен Петра I.

[3] Черкасский, Алексей Михайлович (1680—1742), князь.

[4] Так в подлиннике.

Черен Дондуку, к матери ево и к Шакур Ламе, так и к протчим владельцам, а на ханство ему дать и особую грамату.

И потому отправлен был отсюда в калмыцкие улусы господин генерал майор Иван Измайлов, которой тогда ж определен был в Астрахань губернатором, и с оным посланы выше означенные грамоты и на ханство Черен Дондуку знаки, а имянно: сабля опрагная, панцырь с наручи и с протчим убором, да шуба и шапка соболья, покрытые парчею, и на дачю Черен Дондуковой матери Дарме Бале 100 червонных, два меха лисьи и на покрышку парчи золотной 13 аршин, Шакур Ламе 100 ж червонных, сукна шесть аршин и 2 меха лисьи, да на другие тамошние росходы дано ему губернатору 300 червонных.

С 1 числа марта дана ему инструкция, апробованная в сенате, которою велено ему ехать немедленно в калмыцкие улусы и, взяв с собою подполковника Беклемишева, объявить Черен Дондука ханом и привесть его к присяге, склоняя его к принятию того добрым способом и стараяся, чтоб при том случае были Шакур Лама и из владельцов, которые в близости кочуют, и знатные зайсанги, а хотя бы в близости при нем Черен Дондуке владельцов и не случилось, а он Черен Дондук присягу подпишет, то однако ж тот чин ханства ему объявить и посланные с ним грамоты и знаки ханства отдать, а потом и к владельцам грамоты разослать.

Измайлов, имея при себе подполковника Беклемишева, виделся с Черен Дондуком против Дмитриевска за Волгою на луговой стороне и объявил его ханом 1 числа майя при Шакур Ламе и при знатных зайсангах, взяв при том у него Черен Дондука присягу и отдал ему грамоты и знаки на ханство, а к матери его и к другим владельцам о том грамоты разослал.

Присята же у хана Черен Дондука взята им Измайловым по сочиненной здесь форме и состояла в том, чтоб ему хану Черен Дондуку служить ее императорскому величеству, и высоким ее величества наследникам верно, и все по ее императорского величества указам исполнять и все то содержать, что отец его Аюка хан при учинении присяги своей обещал.

18 того ж майя именным указом, в коллегии иностранных дел, за рукою канцлера и вице канцлера записанным, подполковник Беклемишев за долговремянное его при калмыцких делах бытие и показанные службы, а особливо при объявлении Черен Дондука ханом, пожалован в полковники.

При сем приметить надлежит, что 1724 года бывшей тогда астраханской губернатор Волынской, по получении в Москве из коллегии иностранных дел инструкции о объявлении калмыцким ханом владельца Дорджи Назарова представил оной коллегии 13 мая доношением, что не соизволено ль будет от его императорского величества пожаловать тому новому хану саблю, панцырь с наручами и с протчим прибором и щит, дабы сие калмыки почитали во знак ханства, и, может быть, у них в обычай сие со временем войдет, что кому того не будет дано, тот за прямова хана не примется. И на оное в указе из коллегии иностранных дел к нему Волынскому, между другим, дано знать, что его императорское величество государь Петр Великий, будучи в доме князя Меншикова майя 22 дня, указал для дачи оному новому хану, взяв из оружейной палаты, послать саблю, панцырь с наручами, да ерихонку, или из лутчих мисюрку, дабы сие калмыки во знак к нему его императорского величества милости почитали, и впредь бы то им в обычай со времянем приттить могло.

И хотя такие на ханство знаки и действительно к губернатору Волынскому были присланы, но понеже Доржи Назаров от ханства отрекся, а Черен Дондуку яко б без указу наместником ханства им Волынским объявленному, тех знаков дать он не мог и для того отослал оные возвратно в Москву.

Между тем, помянутой, китайской посол Мерен Зангин Мандай с товарищи из Москвы отпущен в калмыцкие улусы, а для препровождения его послан секретарь, что ныне статской советник, Василей Бакунин, которой его и возвратно провожал до Тобольска, а по соединении его с первым послом Асхани Амба Туши и обоих их препровождал далее чрез Сибирь, пока встретил, едущее к здешнему ж императорскому двору, другое китайское посольство, которое препроводил до Санкт-Петербурга.

Ему Бакунину, при отправлении, с означенным китайским послом Мандаем, в калмыцкие улусы того ж марта 4 числа дана инструкция, которою предписано было везти того посла весьма медленно, дая тем время генерал-майору Измайлову в улусы калмыцкие доехать и Черен Дондука объявить ханом, почему тот посол и привезен туда уже по объявлении Черен Дундука ханом.

И понеже хан Черен Дондук оному послу на его представление такой дал ответ, что он войск своих на зенгорцев послать, без указу ее императорского величества не может, да и хонтайшин сын Лоузанг Шуно, хотя в армию китайскую и с охотою ехать желал, но также без воли ее императорского величества на то поступить и с послом согласиться не мог, о чем он хан Черен Дондук и к ее императорскому величеству доношение свое отправил, приложа при том и копию с ответного от себя листа к бокдохану, оному китайскому послу данного, которые, хотя, им Бакуниным на российской язык уже и переведены, однако ж он Бакунин, по возвращении китайского посла, из улусов калмыцких в Саратов, известяся в одно время, что оной посол, не обослався с ним, будет к нему Бакунину в квартиру, нарочно оное Черен Дондуково доношение и с копиею положил пред собою на стол, якобы только еще тогда их переводил.

Сие он учинил в таком намерении, чтоб оной посол их видел и о подданстве торгоутского народа ее императорскому величеству совершенно уверился, в чем и не ошибся, ибо оной посол, видя на тех письмах хана Черен Дондука печать, просил его Бакунина, что ежели можно, то б дозволил бывшему тогда при нем после мунгальскому начальнику прочесть их по манжурски; по прочтении же, по дозволению Бакунина, с доношения Черен Дондукова списали они себе и копию мунгальским языком, о чем он Бакунин тогда ж доносил в коллегию.

В том же 1731 году получено здесь известие из Персии и от губернатора астраханского Измайлова, что Черен Дондук и владелец Петр Тайшин посылали от себя к персидскому шаху Тахмасибу с поздравлением и для получения от него шаха награждения посланцами бухаренина, имянуемого Дастака, и четырех человек калмык и что у него Черен Дондука и у матери его Дармы Балы был того года зимою турецкой посол, с которым они посылали напротив того и своего посланца, да они ж посылали на Кубань на помощь Бактагирееву сыну трех зайсангов и 1 000 человек войска.

Астраханской же губернатор Измайлов от 6 майя доносил, что Черен Дондук, по объявлении его ханом, просил письменно о даче ему войска в разсуждении опасности его от Дондук Омбы.

Потом, присыланы сюда посланцы от хана Черен Дондука, от владельцов Дондук Омбы, Петра Тайшина и от племянника его Чидана Дасангова сына, и от Дербетева Четеря.

И Черен Дондук приносил благодарение за пожалование его ханом и за присылку на то к нему знаков, представляя при том о не послушании ему племянников сво Дондук Омбы и Дондук Даши с братьями и прося для усмирения их войска.

Петр Тайшин изъявлял неудовольствие свое, что по их калмыцкому обыкновению и что отец его был Аюки хана большой сын, надлежало быть ханом ему Петру Тайшину, а не Черен Дондуку.

Дондук Омбо писал со обещанием своей к ее императорскому величеству верности.

Чидан, донося о смерти отца своего Дасанга, просил об отправлении посланца к Далай-ламе для отвезения пепла отца его.

А Дербетев Четерь просил о даче ему жалованья, вина, пива, меду и заедок, представляя, что то ему повсягодно давано из Саратова, но недавно такая дача пресечена.

И по определению коллегии иностранных дел 14 августа 1731 года писано к ним в резолюцию, к хану Черен Дондуку грамотою, а к протчим письмами от канцлера графа Гаврила Ивановича Головкина.

К Черен Дондуку, что в таком случае ежели б, кто из владельцов против его восстал, велено губернатору астраханскому Измайлову и полковнику Беклемишеву от противностей их унимать и его Черен Дондука не оставить.

К Дондук Омбе, что ее императорское величество обещание его о верно; службе изволила принять милостиво, и напротив того его Дондук Омбу в высокой своей милости содержать изволит, в чем бы он был благонадежен, а в протчем надлежит ему Дондук Омбе хана Черен Дондука иметь за главного управителя и отдавать ему надлежащее послушание.

К Петру Тайшину, что Черен Дондук Аюки хана сын, а он Петр Тайшин его Аюкин внук, и мимо ханского сына внука производить в ханы не надлежит, к тому ж еще при его императорском величестве государе Петре Великом произведен он Черен Дондук наместником ханства и вручена ему главная команда над всем народом калмыцким, и мимо сво наместника другова уже производить невозможно и надлежит ему Петру, по высокому соизволению ее императорского величества, его Черен Дондука иметь за хана и [в] главного управителя неотменно. И при том послано к нему Тайшину жалованья товарами на 300 рублев.

К Чидану, что посланца его к Далай-ламе отправить подводы и в дорогу кормовые деньги дать велено и послан о том указ к полковнику Беклемишеву.

Но от него Чидана посланца к Далай-ламе отправлено не было за учинившимся вскоре их калмыцким междоусобием.

К Четерю, что о повсягодном ему жалованье, давано ль оное ему, здесь неизвестно и для того учинена будет о сем справка. Оному Четерю, по его охоте, губернатор Волынский в бытность свою в Астраханской губернии напитки и заедки часто посылал от себя, а по нем то ж чинил и полковник Беклемишев, а он то как показалось из его прошения причитал в годовое себе жалованье.

В коллегию иностранных дел полковник Беклемишев доносил о продолжающейся между калмыцких владельцов ссоре и что оная доходит уже и до междоусобия их, а ему Беклемишеву от того их

отвращать, хотя о как ни ста[illegible] можно для того, что владельцов умножилось, и один у другова под властию быть не хочет. и один перед другим для кочевания своего [illegible]нимают лутчие места, и не надеется он Беклемишев той их ссоре [illegible]ться без того, чтоб один других не разопяли и тем владельцов не [illegible], как и прежде хан Аюка родственников своих всех пер[illegible], и улусами их он один завладел.

И по определению оной коллегии 6 [illegible] 1731 года отправлены грамоты, как к хану Черен Дондуку, так и Дондук Омбе, к Петру Тайшину и к другим владельцам, которыми подтверждено; чтоб они между собою в ссоры отнюдь не вступали и тем напрасного улусам своим разорения не наводили.

А губернатору Измайлову и полковнику Беклемишеву указами подтверждено ж их Черен Дондука и других владельцов до междуусобных ссор не допускать.

В том же 1731-м году была в приезде в Москве бывшего калмыцкого хана Аюки большого сына Чаклоржана жена вдова Дашн Бирюнь, которая прежде Чакдоржана была в замужестве за средним Аюкиным сыном Гунделеком, и от него имела сына Дамрин Бамбара. Прошение ее состояло в том, чтоб она отпущена была для моления к Далайламе, представляя, что она, большого сына своего Дамрин Бамбара за малолетством его и за одиночеством и за большою силою сродников, которые насильством отнимают у нее улусы, до возрасту оного, усыновила себе пасынка своего Дондук Дашу и улус свой с ним соединила, дабы он от насилия и от неприятелей защищал.

Она представлена была пред ее императорское величество блаженные памяти государыне императрице Анне Иоанновне, и на такое ее прошение позволено было, а на отпуске пожаловано ей от ее императорского величества золотая готовальня, часы золотые и парчи 20 аршин, на 660 рублев, да 6 мехов лисьих и 4 бельих во 140 рублев, да денег 500 рублев, всего на 1300 рублев.

Оная владелица, прежде отъезда ее, заболела и в Москве умерла, а свиты ее калмыки отпущены в их улус. И дано им на отпуске жалованья 200 рублев.

Между тем пока последние грамоты, [illegible] к хану Черен Дондуку и к владельцам [illegible]цким, доставлены были, хан Черен Дондук на владельцов Дондук Омбу и Петра Тайшина, а напротив того те владельцы на него хана, продолжали свои жалобы астраханскому губернатору генералу майору Измайлову и полковнику Беклемишеву: хан — в непослушании ему оных владельцов и в умышлении их учинить на него неприятельское нападение, а владельцов — в захвачении и в неотдаче нескольких из их улусов кибиток, выводя оную претензию из прежних лет и от времяни Аюки хана, а в самом деле Дондук Омбо, и с ним Петр Тайшин, употребляя только сей претекст, с неудовольствием видели Черен Дондука ханом, и потому всячески искали его уничтожить, думая как тот, так и другой [illegible]ным в таком случае владельцом во всем калмыцком [illegible] в чем согласовали с ними, видя ханскую слабость в правлении, и другие многие из калмыцких владельцов, в том числе и Дондук [illegible] и Доржи Назаров, а особливо сын Доржин Лубжа, так же и Дербетей владелец Четерь с одним своим сыном, а Дондук Омбиным зятем называемым Гунга, при том же и знатные ханские зайсанги, называемые Эркетень, в которых тогда главным был Яман, некоторые в том заговоре участие имели ж. Напротив того, бывшей тогда главной в

калмыцком народе духовной Шакур Лама, сколько не видел худ[illegible] хана Черен Дондука состояние, однако ж, как он Черен Дондук был в оном учреждении уже начальником, он Шакур Лама оставался в его стороне и старался своими советами приводить его к порядочному калмыцкого народа управлению; но он тем хана Черен Дондука нимало не поправил, а Дондук Омбу привел против себя в крайнее огорчение.

Губернатор астраханской и полковник Беклемишев, как к хану, так и к оным владельцам многократно писали и увещевали их к согласию. И в сентябре месяце губернатор и персонально для того свидание имел при Астрахани из помянутых владельцев с крещеным Петром Тайшиным, причем оной владелец и такую между другим причину к неудовольствию своему на хана Черен Дондука объявил, что ему Петру Тайшину, как Чакдоржапову сыну, которой от хана Аюки объявлен уже был наследником, и ханом быть надлежало, а не Черен Дондуку.

Губернатор астраханской, разсуждая, что при таких калмыцкого народа обстоятельствах он должен и всякие меры употреблять, к прекращению произшедшего между ими несогласия, отправил из Астрахани небольшие команды к владельцу Петру Тайшину и в Красной Яр, в близости которого города тогда Дондук Омбо и Петр Тайшин находились под видом безопасности сего последнего, а в самом деле, чтоб он толь меньше мог с Дондук Омбою сообщаться; но как Донду Омбо и Петр Тайшин твердо вознамеренными были, на хана Черен Дондука учинить нападение, потому все такие губернатора астраханского старания к примирению их остались без всякого успеха.

Хан Черен Дондук, будучи в октябре месяце на луговой стороне ниже города Черного Яра, уведомился, что Дондук Омбо, находясь в околичностях города Красного Яра, между которыми городами не более двухсот верст, а по езде калмыцкой оное разстояние весьма недальное, действительно уже с войсками собрался и в поход против него выступил, почему он хан Черен Дондук, упреждая его Дондук Омбу и собрав войска 2 000 человек, ибо более за отдалением улусов своих собрать не мог, выступил и сам за край улусов своих к урочищу Сасыколь против Дондук Омбы, имея при себе из владельцов только брата своего Галдан Данжина и Шакур Ла[illegible].

В то время получены были полковником Беклемишевым в Царицыне отправленные из Москвы вышепомянутые посланные грамоты ее императорского величества к хану Черен Донд[illegible] и к владельцу Дондук Омбе, которыми им повел[illegible] взаимные их ссоры прекратить. Полковник Беклемишев, за случившеюся ему тогда болезнию, не мог сам с теми грамотами к ним ехать, а отправил оные к ним с [illegible]ярским дворянином Семеном Казанцовым, которой, принадлея[illegible] хану грамоту, подал ему сам в урочище Сасыколе. На что хан [illegible]ствовал, что когда они на лошадей сели, то уже без бою с [illegible] Омбою не обойдется, а к Дондук Омбе с грамотою посылал [illegible]нов, толмача Сергея Ваулина, которой и его также в походе нашел, и Дондук Омбо в ответ сказал, что, по указу ее императорского величества, он мирится с ханом Черен Дондуком, а ежели приидут на [illegible] войною, то и воеваться готов же, а с войсками своими он вышел [illegible] того, что будто хан и Галдан Данжин брат его и Шакур Лама выш[illegible] с войсками своими наперед, а о получении грамоты обещал писать впредь, объявя, что тогда при нем будто черни[illegible] и бумаги не [illegible].

Вскоре потом, а именно 9 числа ноября, Дондук Омбо приближи[illegible] к Сасыколю, имея при себе войска 10 000 человек, да при нем [illegible]

ли и из калмыцких владельцов его Дондук Омбин брат Бокшурга, крещеной владелец Петр Тайшин, и брат его Бату, и племянник их Дасангов сын Чидан, да хошоутов владелец Дондук, но протчие калмыцкие владельцы, которые с ним в том так же соглашались, при том случае не были; Дондук Даши находился тогда на нагорной стороне реки Волги, а Доржи Назаров, хотя был тогда на луговой стороне, но и он, ниже сын его Лубжа, которой особливую с Дондук Омбою дружбу имел, не только сами не были, но ни войсками своими Дондук Омбе против хана не помогали.

Первое наступление учинено было с ханской стороны, хотя оная несравненна была меньше, нежели Дондук Омбина, и ханской брат Галдан Данжин, которой командовал на правом крыле, левое Дондук Омбино крыло, которым предводительствовал Петр Тайшин с братом своим Бату и с племянником Чиданом Дасанговым, сперва збил и далеко за ними погоню чинил, причем Петра Тайшина брат Бату израненной и в полон им достался. Но Дондук Омбо разбил после хана Черен Дондука, при котором и Шакур Лама находился, и по прогнании их, оборотился на Галдан Данжина, которой равномерно уже против его устоять не мог, причем он высвободил и взятого пред тем в полон с его стороны владельца Бату. Хан принужден был спасаться от Дондук Омбы бегством и прибежал к Царицыну только в 25 человеках, а ханская мать Дарма Бала и жена его и жены брата его Галдан Данжина, а после их и сам Галдан Данжин прибежали к Саратову и были приняты в город, а улусы их разсеялись врознь, и Шакур Лама по довольном по степи бегании пристал напоследок к некоторому небольшему числу вместе собравшемуся из своих улусов около Саратова ж, и с тем напоследок вышел к Царицыну.

Дондук Омбо, по разбитии хана Черен Дондука, старался забирать все его ханские улусы и бывших в его партии, в чем ему тогда и противится уже никто не мог, тем наипаче, что хотя владелец Доржи Назаров, кочующий при Яике с детьми своими Лубжею и Баем немалые улусы имел, но, как выше написано, будучи он, а особливо сын его Лубжа, в тесной дружбе с Дондук Омбою, он Доржи Назаров и с детьми своими оставался повидимому будто неприставшим ни к той, ни к другой стороне, а однакож, прибегшие к ним из рассеяния ханские и Шакур ламины улусы, удерживая у себя искали оными вечно завладеть. По сведении тогдашних из разных мест полученных известий оказывается, что Дондук Омбо забрал из ханских, брата его Галдан Данжина и Шакур ламиных улусов с 15 000 кибиток, из которых отдал он Петру Тайшину с братом его Бату и с племянником их Чиданом с небольшим 2 000 кибиток и еще 500 из таких, о которых они с ханом пред тем спор производили, да хошоутов владелец, в их же партии бывшей, Дондук получил 200 кибиток, которые он также издавна принадлежавшими себе почитал, но протчее все Дондук Омбо удержал у себя.

Владелец Дондук Даши и при нем сын, мачихи его Чакдоржаповой жены, Даши Бирюнь с улусами своими находились тогда на нагорной стороне, и хотя он Дондук Даши к астраханскому губернатору писал о намерении своем итти с войском на вспоможение хану Черен Дондуку, только сего в самом деле не воспоследовало, за тем ли что тогда по реке Волге пошел уже лед и переправиться было невозможно, как он потом и губернатору писал, или и не с умыслу ли он переходом своим не спешил, чтоб зберечь свои улусы, не приставая явным образом ни к той, ни к другой стороне, ибо он о том, что Дондук Омбо наме-

рен был на хана нападать, не мог не ведать и заблаговремянно. Равномерно и Дербетев владелец Четерь с сыном своим Тунгою, сколько ни были согласниками Дондук Омбе, но по разбитии им хана, остались же сначала в таком же виде, будто ни в той, ни в другой стороне участия не имеют, кочуя однако же в близости с Дондук Омбою. Напротив того большой сын оного Четеря Лабан Дондук, которой с отцом своим был тогда в несогласии, кочевал во все то время от них особливо, в близости от Дона ниже Царицынской линии, и потому он и отставшим от хана Черен Дондука не казал[illegible] [illegible] рых Яман главным был, сколько пред тем ни соглашались с Дон[illegible] Омбою против своего хана, чтобы его уничтожить, но когда оного Дондук Омбо разбил и улусы его забирать стал, они [illegible] Дондук Омбину предаться, но уклонились к Царицыну иные прежде хана, а другие по получении известия о его [illegible] приходе и с своими аймаками.

Калмыцкой народ разделяется на разные улусы (а улус на российском языке, как в начале сего описания означено, значит [illegible] и каждой улус имеет особливое свое звание и нойона, а у [illegible] нойона есть по нескольку зайсангов, из которых каждой имеет [illegible]ливой свой аймак так, как и российские дво[illegible] деревни. В аймаках их бывает по нескольку кибиток не по рав[illegible] числу — в ином пять, десять и больше, а в ином от нескольких сот до тысячи и больше.

По смерти же нойонов улус каждого разделяется сыновьям его [illegible] частям, в том числе большому сыну против других его братей достается несколько больше, и каждая такая часть называется потом особливым улусом, а то ж чинится и по смерти зайсангов с их аймаками [illegible] разделении оных их детям также по частям, из каковых каждая называется особливым аймаком, а женам и дочерям после нойонов и зайсангов из улусов и аймаков их никакой части не дается.

Оные эркетеневы зайсанги были Яман Сентень, Дамсин и протчие [illegible] сперва они кочевали по нагорной стороне ниже Царицынской линии, где будучи, подвержены опасности от нападения Дондук Омбы, [illegible] того они, а потом и хан с собравшимся к нему небольшим улусных его калмык числом прилежно просили полковника Беклемишева, о впущении их в линию. Но подполковник Протасьев, которой был тогда командиром при Царицынской линии, оных впустить туда без указу не хотел, и потому многие из тех зайсангов принуждены были и такой к тому способ употребить, что прежде переходили Дон реку, а, потом восходя по оной реке выше линии, паки [illegible]гу реку и за линию вступали. Но хан Черен Дондук перешел [illegible]ную потом, как река Волга укрылась льдом. [illegible] способ употребить потому, что и его, за неимением указа, доброво[illegible] [illegible]нию впускать не хотели. И хотя, подлинно, тогда [illegible] линию хана и Эркетеневых зайсангов необходима была нужда, [illegible] и здешняя польза того требовала, чтобы тем их зберечь от Донду[illegible] Омбы, однако ж происходило потом от тех Эркетеневых зайсангов, [illegible] бытность их внутрь линии,— и после того как они переходили [illegible] времяни за Дон для кочевания,— великие обиды и раззорения до[illegible]ским казакам, причем и многие смертные убийства с[illegible].

Ханская мать, Дарма Бала отправила немедленно по разбитии Дондук Омбою сына ее хана Черен Дондука нарочного сюда ко двор[illegible] посланца знатного зайсанга, называемого Ипи, и листом своим, [illegible]

другим представлял, что Дондук Омбо, [illegible] не хочет при Волге и при Яике жить, а идет в [illegible] землю.

По получении о том [illegible] было [illegible] 5 декабря того ж 1731 году. В [illegible] канцлер граф Гаврила Иванович Головкин, генерал фельдмаршал князь Василий Владимирович Долгоруков, вице канцлер барон Остерман и генерал фельдцейхмейстер Миних, и тайной действительной советник князь Алексей Михайлович Черкасской в [illegible] рассуждали, что ежели [illegible] Дондук Омбо с [illegible] владельцами [illegible] за Кубань или за Яик, [illegible] потребно [illegible] и [illegible] чтоб они от того [illegible] [illegible] следующее.

1-е. [illegible] что [illegible] 6 [illegible] Волгу, пойти на Кубань [illegible] И для того [illegible] по Царицынской линии и на Черемшанских форпостах[1] и [illegible] пристойное место, [illegible] чаять тем противникам на Кубань [illegible] генералу майору [illegible] и с его стороны [illegible]

2-е. А ежели б те [illegible] за Яик, в таком случае [illegible] Царицын [illegible] и с которыми будет [illegible] чтоб они [illegible] и [illegible] их за Яик [illegible] и [illegible] пристойно будет.

3-е. Однако ж [illegible] того войска, послать к Дондук Омбе и Петру Тайшину и к другим противным владельцам нарочного с грамотой ее императорского величества [illegible] посыланными. Також и от себя ему писать и тому посланному [illegible] их увещевать, чтоб они, не чиня ни малой противности, примирились, и ежели они потому учинят и взятое отдадут и сами по прежнему возвратятся, в таком случае на них и войска уже не посылать, а ежели потребно разбитых калмык пока они соберутся впускать в линию, то б и то учинил, а во всем сносился с губернатором астраханским генералом майором Измайловым, а генералу майору Измайлову, ежели потребно, приехать к нему и быть при нем.

Оное рассуждение ее императорское величество блаженные памяти Анна Иоанновна того ж декабря 6 числа слушать изволила и указала в ту посылку послать генерала поручика князя Ивана Федоровича Барятинского[2].

[1] Черемшанские форпосты были по реке Черемшане, в бывш. Самарской губ.
[2] Барятинский, Иван Федорович (1684—1738). Начал службу при Петре I. В 1709 г. был полковником. При Анне Иоанновне — московским губернатором. С 1736 г был правителем Украины.

И потому дана ему инструкция из коллегии иностранных дел по вышеписанной силе от 9 декабря того ж 1731 года и при том посланы к войскам донскому и яицкому грамоты, так же указы к астраханскому губернатору Измайлову и к генералу майору Еропкину, о исполнении по его требованиям. А с ним князем Барятинским отправлены под числом 9 декабря того ж 1731 года грамоты к владельцам Дондук Омбе и к Петру Тайшину и к хану Черен Дондуку, к матере его Дарме Бале, к духовному их Шакур Ламе, и к владельцам же Дорже Назарову, Четерю и к Дондук Даше.

В тех грамотах писано было.

К Дондук Омбе и к Петру Тайшину: что они учиненным от них поступком с ханом, несмотря на отправленные к ним указы и напоминания астраханского губернатора Измайлова и полковника Беклемишева, заслужили императорскую немилость и достойными учинились наказания, и при том повелевалось им: все взятые у хана Черен Дондука, у матери его и у брата, и у Шакур Ламы улусы, пожитки и скот им возвратить немедленно, и самим быть в послушании у хана Черен Дондука, приобретая тем высочайшую милость и винам своим упущение. Причем оными грамотами дано было им знать и о том, что в противном тому случае повеление уже есть поступать с ними, как с преступниками воли императорской, и что для того отправлен нарочно от двора помянутой генерал порутчик князь Барятинской.

К хану Черен Дондуку и к матери его Дарме Бале: что ее императорскому величеству противно было слышать, о разбитии его Черен Дондука и что для розыскания и изследования того и дабы за такую продерзость винных в том наказать и в прежней спокойной порядок калмыцкой народ привесть, отправлен князь Барятинской, которому во всем верить и по его приказаниям и требованиям исполнять.

К Шакур Ламе и к владельцам Дорже Назарову, к Дондук Даше и к Дербетеву Четерю: чтоб они по требованиям его генерала порутчика чинили во всем исполнение, которой для розыскания и изследования произшедшего с ханом Черен Дондуком от Дондук Омбы и дабы за такую продерзость винных в том наказать, и калмыцкой народ в тишину привесть, нарочно от двора отправлен.

Генерал порутчик князь Барятинской, будучи в пути, учинил представление в коллегию иностранных дел из Переславля Резанского от 12 декабря 1731 года, что буде находящиеся в противности калмыцкие владельцы имеют намерение итти на Кубань, они в том медлить не будут, но ему с войсками входить ли за ними в турецкие границы, на что отправленным к нему указом от 31 декабря того ж года предписано, что с войсками в турецкие земли вступать не надлежит для того, что то будет противно мирному постановлению.

А Дондук Омбо по разбитии хана еще чрез немалое время и по тех самых пор, как река Волга льдом покрылась, оставался на луговой стороне оной реки и, как тогдашние от калмык слухи происходили, отзывался, что ему от россиян опасаться нечего для того, что они собираются по три года, а когда и пойдут, то стоят на одном месте по три месяца, а потом 18 декабря около Черного Яра перешел он по льду обще с Петром Тайшиным и с другими при нем бывшими владельцами и на нагорную сторону реки Волги.

При сем месте для будущих случаев приметить надлежит, что между Царицына и Астрахани рекою Волгою расстояния 412 верст, и калмыцкие улусы в осень, до покрытия реки Волги льдом, кочуют на луговой стороне по берегу оной реки, а по покрытии льдом всегда

переходят на нагорную сторону для того, что им всем со скотом на луговой стороне за глубокими снегами зимовать невозможно, и хотя б когда потребность случилась, дабы их по какому либо подозрению к переходу на тое нагорную сторону не допустить, чтоб они не ушли на Кубань, но для сего когда Волга льдом покроется, по такому великому разстоянию войски российские разставить и содержать отнюдь невозможно, ибо на той нагорной стороне по реке Волге, кроме небольшего города Черного Яра и крепости Енатаевской, никакого другого жила нет, и берега покрыты бывают снегами, а калмыкам в таком кратком чрез Волгу переходе снега препятствовать не могут. Дондук же Омбо, по переходе своем с луговой на нагорную сторону, намерен был учинить нападение на владельца Дондук Дашу за то, что он с ним против хана Черен Дондука не сообщился, но сего не воспоследовало, потому что Дондук Даши отходил с своим улусом на Куму реку и от Дондук Омбы старался всегда после того быть в отдалении.

Князь Барятинской прибыл в Царицын 19 декабря и, отдавши хану и матере его ханше Дарме Бале, принадлежащие им грамоты,— ибо пред приездом его и оная ханша, так-же и брат ханской Галдан Данжин из Саратова перевезены в Царицын,— а к протчим владельцам в том числе и к Дондук Омбе писанные на их имена грамоты, отправил с нарочными офицерами и к владельцам, кои не противны были хану. Так же и к знатным зайсангам писал от себя, чтоб они, по своей к ее императорскому величеству верности, к противникам не приставали и соединились бы с своими войсками вместе с ханом, а к Дондук Омбе и к протчим противникам, чтоб они ради лутчего к примирению способа виделись с ним в Царицыне или где инде им способнее.

28 декабря получил князь Барятинской письма в ответ на грамоты и на свои письма от Дербетева владельца Четеря и от Дондук Омбы. Четерь ответствовал, что он в настоящую ссору не вступался и впредь вступать не будет, но свидание иметь с ним князем Барятинским опасается злобы между собою ссорящихся. А Дондук Омбо,— что произошла у них с ханом Черен Дондуком ссора за улусы, которые он Дондук Омбо имел право от хана требовать и получить и чтоб ему с ним князем Барятинским видеться, то изрядно, однако ж, как он князь Барятинской, не услыша прежде его Дондук Омбиных слов, а причитает уже его виноватым, то и он опасается в себе поверить, прибавляя к тому, что он намерен отправить посланца своего ко двору ее императорского величества.

На сие к Дондук Омбе князь Барятинской вторично писал, что ему никакой опасности нет с ним видеться, и ссора его с ханом может быть прекращена добрым способом или чтоб он, по крайней мере, прислал от себя поверенного, да и посланца ко двору отправлять ему не для чего, будучи он князь Барятинской снабден полною мочью по их делам.

Князь Барятинской, признавая при том за неминуемое дело, чтоб учинить над Дондук Омбою поиск и получа известие чрез калмык, что Дондук Омбо и с ним Петр Тайшин хотят итти за Дон, откуда ничто не воспрепятствовало б им уклониться к Крыму в турецкие границы, а з другой стороны равномерное сумнение было, чтоб он Дондук Омбо, находясь на нагорной стороне, не пошел и на Кубань, приказал командированным для сей экспедиции шести драгунским полкам, а имянно Псковскому, Ямбурскому, Ревельскому, Троицкому, Нижегородскому и Сибирскому и двум пехотным, Муромскому и Ярославскому,

к которым ко всем он еще в проезд свой к Царицыну ордеры послал, о выступлении их к Царицынской линии с зимних квартир, бывших в тамошних околичных местах, чтоб они походом своим, сколько возможно, поспешали и драгунские полки шли бы уже к реке Дону, и располагались в станице Чирах и других к тому близких, будучи оные места способные к походу к Куме реке и к Кубани, а при том определил он из донского войска при первом случае 3000 и нескад нарядить и затем к тому ж в готовности содержать сколько будет возможно, а напоследок зделал потребное распоряжение о содержании оных полков в казачьих городках, также о заготовлении провианта и фуража по Дону и по Волге. О чем о всем он доносил и в коллегию иностранных дел от 4 генваря 1732 года с изъяснением и трудностей, могущих быть в походе по пустой степи за калмыками, как бегущим народом, переехал и сам из Царицына в казачью станицу Чиры, где будучи, он во-первых получил о том известие, что хотя перешедшие тайно и насильно для кочевания за реку Дон калмыцкий владелец Дербетев, зайсанги Эркетеневы посыланным для ссылки их противились, однако же он князь Барятинской все то не уважил и оставил при том, разсуждая, что прежде надлежит ему произвесть в действо главнейшее намерение.

В ту ж его в Чирах бытность, где при нем находился и хан Черен Дондук с братом своим Галдан Данжином, и с Шакур Ламою, приближился туда ж и владелец Дондук Даши с своим улусом, перешед с Кумы реки, удаляясь от Дондук Омбы, мимо Кабарды и при самой Кубани, чем бывшему тогда в крепости Святого Креста генералу майору Еропкину, которой по указу, к нему посланному, и по сообщениям князя Барятинского, с своей стороны, о оборотах калмыцких владельцев разведывал, навел сумнение.

Он, Дондук Даши, по требованию князя Барятинского, готовность свою объявил итти с ним и в поход против Дондук Омбы, а князь Барятинской, намерен будучи взять с собой во оной и хана Черен Дондука, требовал от него чтоб он довел до того, дабы Эркетеневы зайсанги его, кочующие за Доном, собравшись, сколько возможно с ним ханом совокупились, и как их дело общее, шли с ним ханом при нем князе Барятинском и в поход. Но хан весьма от того отрекся, представляя, что он о верности тех зайсангов сумневается, что самое и главной их духовной Шакур Лама подтвердил.

Того ж 1732 года по указу из коллегии от 15 генваря резидент господин Неплюев в Константинополе тогда бывшей, представил Порте 22 февраля о начале возмущения в калмыцком народе и что для усмирения оных послан генерал с российскими войски, требуя при том, что ежели таковые калмыки приближатся в Кубань к границам турецким, то б заблаговремянно хану крымскому и азовскому паше указами повелеть, чтоб они их калмык не принимали, но от границ своих отгоняли. На что ему, по некотором времяни, рейз эфендии объявил, что требуемые им резидентом указы к хану крымскому и паше азовскому посланы.

Князь Барятинской имел свидание с астраханским губернатором генералом майором Измайловым, которой по требованию его приезжал в донской городок Беляев.

Тут имели они обще разсуждение о тогдашнем калмыцкого народа состоянии и о их владельцах и 15 генваря, для успокоения оного народа и приведения в послушание Дондук Омбы и его сообщников, определили учинить следующее.

1-е. По той причине, что Дондук Омбо с своими сообщниками находился уже тогда давно на нагорной стороне реки Волги, и сколько известно был, время от времяни далее от оной реки в степь удаля[illegible] [illegible] Астрахань и продолжал с оными противниками пересылку, стараясь тем и делаемыми им обнадеживаниями удержать их от побегу на Кубань и в Крым, дабы чрез то привесть их в безопасность и получить время учинить над ними поиск с успехом.

2-е. Когда с стороны князя Барятинского пересекаемы им будут дороги к побегу за границу, и о том князь Барятинской к нему Измайлову писать будет или он губернатор астраханской сам о том достоверно сведает, в таком случае отправить ему на противников из Астрахани регулярного и нерегулярного войска, сколько может набраться и с полковыми пушками, в соединение к нему князю Барятинскому, и стараться между тем учинить оным противникам диверзию.

3-е. Ежели к нему астраханскому губернатору писано будет от князя Барятинского о нужде будущему в походе войску в провианте и фураже, тогда всего того и отправить из Астрахани в скорости на обывательских подводах, зделав из хлеба для лутчей в провозе удобности толчу.

4-е. Ежели ж противники пойдут обратно с нагорной на луговую сторону для побегу за Яик, в таком случае ему ж астраханскому губернатору чинить над ними возможной поиск, присовокупляя к тому из полков, стоящих на Черемшанских форпостах и яицких казаков и склоняя к тому и калмыцкого владельца, кочующего при Яике, Доржу Назарова.

После того губернатор астраханской генерал майор Измайлов отправился обратно в Астрахань, а князь Барятинской, будучи еще в Беляевской станице, получил 14 генваря письмо от крещеного владельца Петра Тайшина в ответ на посланную к нему грамоту и свое письмо. Он, оправдая себя в том, что произшедшему случаю причиною не они, но сам хан Черен Дондук, потому что он некоторые их улусы не возвратя им по многим их требованиям, сам наперед с войском против их вышел, в каком случае им шею протянуть[1] невозможно было, отозвался при том, что ему и в команде у Черен Дондука быть сумнительно, понеже он Петр Тайшин находится в християнском законе.

О всем том князь Барятинской доносил в коллегию иностранных дел от 20 генваря 1732 года по возвращении его в Чиры, признавая, что далее столь более необходимую нужду в своем походе на оных противников, а притом изъясняя и трудность, с тем соединенную, по причине пустой степи и неудобности потому, а особливо в настоящее тогда зимнее время в завезении провианта и фуража для потребного к тому походу немалочисленного войска, ибо, по дошедшим тогда к нему князю Барятинскому известиям, Дондук Омбо находился не меньше как в 20.000, почему и наступление на него, по разсуждению его князя Барятинского, с такими силами учинить надлежало, которые были бы не меньше его собственных, для чего он и приказал между тем донскому войску, чтоб, сверх наряженных уже из оного 3.000, было с ним в готовности к походу и действительно к нему выслано столько, сколько во всем оном войске собраться может.

При том же случае доносил он генерал поручик князь Барятинской

[1] Так в подлиннике.

и о полученном им между тем письме от Дербетева владельца Четерева сына Лобан Дондука и посланном на то от него в ответ. Лобан Дондук в письме своем написал, что он хану Черен Дондуку не противен, принося при том жалобу об отнятии ханскими зайсангами у него тысячи лошадей, возвращением которых князь Барятинской его обнадежил, подтверждая ему оставаться в должной к ее императорскому величеству верности; а донскому войску, по полученному при том известию, что он Лобан Дондук хочет переходить чрез Донец на Крымскую сторону, приказал туда его не перепускать, а буде он Лобан Дондук станет силою переходить чрез Донец, тогда поступить с ним неприятельски, и зогнать его по прежнему за реку Дон на волскую сторону; в то время при Лобан Дондуке Дербетева улуса была половина, до 2000 кибиток.

Князь Барятинской, будучи еще в Чирах, получил 23 генваря 1732 года письма от Дондук Омбы и от владельца Четеря в ответ на свои, пред тем к ним посланные.

Дондук Омбо писал, извиняя свой поступок, которой якобы он принужден был учинить по удержанию ханом немалого числа принадлежащих ему людей, и что будто он хан сам первой на него наступил, внушая оным же своим письмом, что когда у хана Аюки происходила ссора с сыном его Чакдоржаном, то при примирении их те знатные люди, которые между ими ту ссору зделали, отданы в российские руки, как равномерно тому поступлено было и при ссоре бывшей потом у Дасанга с братьями его, ибо и сей последней ссоры зачинщик Дасангов брат Нитар Доржи будто отдан был тогдашнему астраханскому губернатору Волынскому (но выше сего уже означено, что Нитар Доржи удавлен был по приказу Дасанга, брата своего, в такое время, когда и сам Дасанг был в утесненных обстоятельствах); таким образом Дондук Омбо оным своим письмом давал знать, что и настоящей их ссоры зачинщика отлучить надлежит, разумея под тем Шакур Ламу, которого он имел притчину ненавидеть, поneже он непременно держался при стороне хана Черен Дондука и подавал ему свои советы. Впротчем, хотя и Дондук Омбо от свидания с князем Барятинским и не отрицался, однако ж за неудобностию тогдашнего времяни откладывал то до будущей весны, ибо он сие письмо по доезду посыланного к нему от князя Барятинского офицера писал, будучи уже в Мочагах и имея намерение кочевать и далее.

Дербетев владелец Четерь ответствовал на письмо князю Барятинскому, что он, как и прежде уже писал, в настоящую ссору не вступал, и буде какой способ к примирению найдет, о том стараться будет, а чтоб с ним князем Барятинским видеться, он думает, что все равно будет, когда и сии его слова до него дойдут, а ежели есть какое дело ему с ним видеться, то б он о том еще ему объявил, и он подумает. Но пишучи сие, находился он Четерь и с сыном своим, а Дондук Омбиным зятем Гунге Доржею, кочевьем своим в сообщении с Дондук Омбою, а улусов при нем Четере и при сыне его было из Дербетев большая половина, то-есть слишком 2000 кибиток.

Генерал порутчик князь Барятинской писал в ответ напротив того к Дондук Омбе с посланцом его Хашкою от 25 генваря, с изъявлением неудовольствия, что он, принося разные отговорки, продолжает отдачею хану отнятых у него и у протчих при нем бывших улусов, давая ему при том знать, что он в таком случае имеет указ с ним, как преступником и противником воли ее императорского величества, поступить и требовал от него точного ответа в 20 дней.

При том же случае писал он князь Барятинской к Четерю и к Петру Тайшину, как к Дондук Омбиным сообщникам и в сообщении с ним кочевавшим. К первому, что буде он не хочет быть в подозрении, надлежит ему от Дондук Омбы отдалиться и поступать по указам ее императорского величества. К другому, то-есть к Петру Тайшину, во изъяснение на его письмо, полученное им князем Барятинским в Беляевской станице, которым он, между другим, сумнение предъявил, что ему как христианину у хана яко идолопоклонника в команде быть непристойно, писано было также со изъяснением неудовольствия о его поступках, и что и оная его отговорка весьма не основательная, ибо хотя б хан когда на него неправильно и напасть захотел, ему в таком случае надлежало писать к астраханскому губернатору и требовать защищения и самому приближиться к Астрахани, причем и ему так, как Дондук Омбе подтверждено о данной князю Барятинскому полной власти поступать с ними как с противниками и преступниками, буде они по отправленному к ним указу не исполнят, то-есть не отдадут немедленно отнятых у хана Черен Дондука и у протчих бывших при нем улусов.

О сей с Дондук Омбою, с Четерем и Петром Тайшиным переписке доносил князь Барятинской в коллегию иностранных дел из Чиров от 27 генваря 1732 года.

Сие князя Барятинского доношение от 27 генваря так, как и другое пред тем от него от 20 того ж генваря в коллегию ж отправленное, подали здесь повод к следующим двум разсуждениям.

Оные доношения получены были в такое время, когда тогдашней канцлер граф Гаврила Иванович Головкин находился еще в Москве, а тогдашней вице-канцлер Остерман здесь в Санкт Петербурге при дворе; первой, распечатав их в Москве, отправил их к другому при своих уже письмах от 31 генваря и от 7 февраля для донесения ее императорскому величеству.

По доношению князя Барятинского от 20 генваря ответствовал Остерман к графу Головкину письмом от 8 февраля 1732 года, давая ему знать, что оное доношение ее императорское величество слушать и апробовать изволила, а притом сообщая ему собственным своим разсуждением о нужде, при тогдашних калмыцкого народа обстоятельствах, немедленно внушить и растолковать оному для оторвания находившихся при Дондук Омбе и протчих противниках улусов пользу пребывания их при Волге и что, когда они от тех противников отстанут, всякого безпокойства избудут; напротив того, которые из них, несмотря на сие увещание и обещаемую им ее императорского величества милость, будут следовать противным владельцам Дондук Омбе и Петру Тайшину и другим сообщникам, которые толь с единой своей гордости и ради учиненной ими ж противности и непослушания, хотят их от Волги отвесть и еще под какое чужое иго подданными учинить и бывшей при Волге вольности и довольства лишить, и те калмыки, конечно, уже заслужат себе немилость ее императорского величества и протчее, что князь Барятинской по тамошнему состоянию за благо разсудит, причем по такой притчине, что хан Черен Дондук, как выше примечено и в собственных своих зайсангах кредиту уже не имел. В оном же письме и такое еще разсуждение объявлено было, что от него следовательно и впредь интересам ее императорского величества никакой пользы быть не может, и для того, чтоб графу Головкину отозваться в конфиденции к князю Барятинскому и требовал мнения, что ежели б и он по тамошнему состоянию, за потребно разсудил его хана

переменить, то которой бы из владельцов имел у калмык кредит и мог оной ханства чин управить и снесть, над всеми калмыками иметь[1] главную команду лутче сего хана Черен Дондука?

Вследствие сего письма учинен протокол в Москве в коллегии иностранных дел 15 февраля 1732 года, о посылке к князю Барятинскому указа, чтоб он старался зделать калмыцкому народу вышеписанное внушение, сверх того, и канцлер граф Гаврила Иванович Головкин писал к князю Барятинскому от 26 февраля с приложением копии с полученного им от Остермана письма.

По другому же князя Барятинского доношению от 27 генваря, и по отзыву Дондук Омбы, что зачинщика их ссоры отлучить надлежит по прежним приведенным от него примерам, писал Остерман к графу Головкину, что хотя б и не худо было тем их ссору прекратить, буде кто такой из владельцов найдется, но ежели Дондук Омбо разумеет под тем Шакур Ламу, в таком случае надлежит поступить с крайнею осторожностью, ибо тот Шакур Лама при всех случаях не оказывал себя неверным.

Кажется, что князь Барятинской не имел времяни ни того, ни другого намерения в самом деле исполнить, доносил он в коллегию от 8 февраля 1732 года из степи от реки Аксая, что он, дождавшись определенных в поход полков, вышел в лагерь из казацкого городка Нагавкина, куда он пред тем переехал по способности из оного городка, [чтоб] в поход на Дондук Омбу отправиться, и тут ожидал наряженных в тот же поход донских казаков и калмыцкого владельца Дондук Даши с его войском.

При князе Барятинском при выступлении его в сей поход были драгунские полки, Троицкой, Сибирской, Псковской, Нижегородской, Ямбурской и Ревельской и пехотные Муромской и Ярославской, в них всех людей 4619, сверх того, пришло к нему тут их донского войска и волских городов казаков 4692 человека, а при том и владелец Дондук Даши с 3000 своего калмыцкого войска, да хан Черен Дондук и брат его Галдан Данжин с малым числом эркетеней, а больше было при них Баготовых и других зайсангов с калмыками, которые пред тем к ним от разбития Дондук Омбы к Царицыну собрались, и всех при хане и при брате его было до 2000 человек.

Сперва намерен был князь Барятинской, чтоб воспрепятствовать Дондук Омбе к уходу на Кубань, итти с бывшим при нем войском на Куму реку и к лежащему при оной древнему разоренному городу — Можарам. Но услыша потом, что он находился около Волги реки в Мочагах, а при том некоторые, имея известия, по большой части от калмык, якобы он — Дондук Омбо, уведомясь о нарядах, чиненных против его и из крепости Святого Креста, намерен был переходить чрез Волгу реку и потом итти и за Яик реку, по держанному у него Барятинского военному совету, при котором и хан Черен Дондук был, он то свое намерение отменил, а вместо того определено при том было итти прямым путем к Мочагам, по предложению ханскому, а имянно от Нагавкина на Саль реку и оттуда чрез урочища Яшколь и Улан Хак, которым путем, как тогда уведомленось, до самых Мочагов ходу чрез степь более трех недель не будет.

Упомянуто уже выше сего, что Чидан Дасангов сын был в сообщении с Дондук Омбою и с Петром Тайшиным при сражении их с ханом Черен Дондуком, напротив того мачиха его, называемая Солом,

[1] Так в подлиннике.

кажется, к ним не приставала, и потому пасынок ее Чидан принужден был иногда повиноваться ей, а иногда и Дондук Омбе с протчими его сообщниками.

Губернатор астраханской генерал майор Измайлов, как пред тем, пока у Дондук Омбы с ханом Черен Дондуком доходило до битвы, писал к ним довольно крепко, удерживая их от того и угрожая гневом ее императорского величества, так и после их бою толь более он им оные ж угрозы твердил, Дондук Омбо приносил ему как сперва, так и после того бывшего у него с ханом Черен Дондуком произшествия, обыкновенные с его стороны извинения, что будто сам хан, не отдавая по его многократным требованиям, удержанных у него улусов, и с войском вышед наперед против его, принудил уже и его отпор ему учинить, причем ему Дондук Омбе и удалось его хана разбить. Петр Тайшин ответствовал губернатору астраханскому то ж самое, а между тем виделся, однако ж он с губернатором при Астрахани только не инако как во многолюдстве, где губернатору и неудобно было прибрать его к рукам, ибо он, чтоб не подать Петру Тайшину напрасного подозрения и тем его от свидания своего не удалить, не мог взять с собой многочисленной команды.

Напротив того, помянутая калмыцкая владелица Солом Дасангова жена, а Чиданова мачиха, просила астраханского губернатора о препровождении ее с бывшими при ней улусами к Астрахани и о присылке к ней для того некоторого числа войска, а и она находилась тогда так же в Мочагах. Почему губернатором астраханским и отправлено было к ней войска около 1 000 человек, которым она и с улусами калмыцкими, в коих было около 6 000 кибиток, приведена была к Астрахани, которые и оставлены были кочевать в тамошних околичностях, но пасынок ее Чидан между тем двоекратно на нее нападал, сперва в Мочагах, а потом и при Астрахани, по наущениям Петра Тайшина, и улусы грабил.

Князь Барятинской, прежде нежели в действительной поход выступил, от речки Аксая за нужно признал для воски с собою на полки провианта вместо телег и по неудобности оных в тогдашнее зимнее время иметь верблюдов, и чтобы оных немалое число для того у калмык купить, которых по посылкам от него генерала порутчика ни в чьих других улусах, которые назывались хану не противными, за разными отговорками на продажу не объявили. А как генерал порутчик о том упомянул Дондук Даше, то он для вышепоказанной нужды без всяких отговорок приказал в своем улусе верблюдов потребное число сыскать, и продать настоящею ценою, которых верблюдов и куплено было и в полки роздано 122 и тем немалая нужда заменена, ибо в таком дальном и трудном походе на весь путь провианта на лошадях никак провести было невозможно. О чем он по возвращении своем из похода и в коллегию иностранных дел, рекомендуя оного владельца Дондук Дашу, от 13 майя 1732 года из Царицына доносил.

В тот поход генерал порутчик князь Барятинской действительно отправился от донского казачьего Нагавкинского городка февраля 6 числа и пробыл во оном до приближения его к Астрахани по 4 марта 1732 года, и по журналу его между помянутым казачьим городком и Астраханью, где он с войсками шел, показано разстояния 488 верст.

И хотя он князь Барятинской получа в походе известие, что Дондук Омбо покочевал рекою Кумою к Кубани, имел намерение за ним следовать, но воспрепятствовала ему в том невозможность такая, что из драгунских подъемных и верховых лошадей, будучи в дальном и

весьма трудном чрез степь походе от бескормицы и безводицы несколько попадало, а и протчие весьма исхудали, и в крайнюю слабость пришли, что почти все далее к походу не годились, к тому ж драгуны и солдаты в том же степном походе от стужи, вьюг и непастья трудность немалую понесли, и для того из них еще с половины пути больных драгун и солдат близь 400 человек, а к тому и негодных лошадей в Черной Яр отправил, а затем и еще время от времяни больные прибавлялись, и за тем всем, так же и по получении еще известия, что Дондук Омбо с улусами его находился уже около Мажар, заключа он князь Барятинской, что по таком его Дондук Омбы от здешних границ удалении, хотя б в команде его Барятинского и исправные лошади были, догнать ево за безводными и бескормными местами уже невозможно, принужден итти к Астрахани и с войсками при нем бывшими, из которых во всем его походе побито при поиске над противниками 5, померло 20, ранено 11, в оспе на дороге оставлено 9, а всего 45 человек. Лошадей пало, потонуло, безвестно пропало и за усталью брошено 2 883.

А чтоб, однако же, Дондук Омбин уход к Кубани просто не оставить, получа он, князь Барятинской, о том известие, писал, будучи еще в походе, в крепость Святые Анны к господину генералу майору Стрекалову, чтоб он предложил азовскому паше, что ежели Дондук Омбо пойдет на Кубань, то б ево тамо под протекцию не принимать и выслать по прежнему в российские границы.

Почему генерал майор Стрекалов к азовскому паше Хаджи Мустафе в такой силе и писал. И на оное получил от него паши ответ, что ежели те российские противники калмыки к Азову придут, оных, по силе мирного с российским государством договора, он паша без указа салтанского не примет, и места им не даст, объявляя при том, что те калмыки пошли на кубанскую сторону к ханским детям солтанам.

А бывшей в Киеве генерал и тамошней генерал губернатор граф Вейзбах, получа известие от помянутого генерала майора Стрекалова, о уходе Дондук Омбы на Кубань, писал от себя к тогдашнему хану крымскому Каплан Гирею, требуя, дабы он Дондук Омбе протекции у себя не давал, а приказал бы выслать его в российские границы.

Но хан крымской, как генерал Вейзбах от 8 июня в коллегию доносил, ответствуя на то, писал к нему Вейзбаху между другим, что хотя калмыцкой народ разного с крымцами закона, но понеже оба сии народы природы татарской, потому калмыки издревле, по востребованию нужд их, а особливо по случающимся между собою ссорам, приезжают к крымцам наподобие гостей и исправя свои дела или в ссорах своих получа чрез посредство крымцов примирение, паки в свои места возвращаются, как, напротив того, и крымские беки к калмыкам для подобных своих дел езживали и возвращались, каковому примеру и Дондук Омбо по причине произшедшей с братьями его ссоры последовал. А как впротчем сей калмыцкой народ дикой и непостоянной, кочуя по степям в летнее время на российской, а зимою на турецкой земле, и часто из стороны в сторону переходя, хотя и позволения в том с турецкой стороны не бывает, то из оного народа как российской, так и турецкой стороне никакой пользы нет, но понеже Дондук Омбо по примеру предков своих пришел в его ханскую сторону, как гость и просит о примирении его с братьями, имея к тому крепкое намерение, для того по его ханскому разсуждению надлежит с российской стороны всякое старание употребить, его Дондук Омбу с ханом Черен Дондуком в согласие привесть, в чем и он

крымской хан вспомоществовать не оставит, а когда таким образом дело их окончается, то и в кочевье Дондук Омбы никакого сумнения быть не может, и российской стороны желание исполнено будет.

В бытность же князя Барятинского в походе, по причине посланного от него вперед войска по большой части из донских казаков, Петр Тайшин, с братом своим Бату и еще с владельцом же Хошот Дондуком, из Мочагов пошли к Волге, и уведав о приближении войск, сам он Тайшин ушел за Волгу в город Красной Яр и тамо взят под арест, так же и жена его Тайшина по посылке от астраханского губернатора взята ж и в Астрахань привезена, а Бату и Хошот Дондук ушли на Яик к Дорже Назарову, улусов при них бывших ханских и других забранных ими 7 800 кибиток возвращены хану и другим владельцам чьи они были. А собственных их и согласника их же Дасангова сына Чидана — 4 100 кибиток, из которых отданы в надсмотрение Хошот Дондуковы 400 кибиток хану, а протчие — брату Петра Тайшина Дондук Даше. И о том, также и о взятых из вышеписанных улусов при поиске донскими и волскими казаками и калмыками людех и о скоте, что отдать ли им казакам в награждение походу с ним князем Барятинским представил он доношением от 13 майя в коллегию иностранных дел.

По отдаче же хану Черен Дондуку и Дондук Даше означенных улусов, князь Барятинской приказал им кочевать на луговой стороне реки Волги, куда потом в соединение к ним перевел с Дону и Дербетева владельца Лабан Дондука с его улусом.

Петр Тайшин у князя Барятинского допросом показал, что они с Дондук Омбою хана разбили за спорные улусы и по злобе своей, уничтожая и не хотя иметь его за хана, а желая он Петр Тайшин и Дондук Омбо каждой себе ханства.

Но что касается до Дондук Омбы, он, уведав о походе князя Барятинского, с братом своим Бокшургою и еще с другими владельцами Четерем и братом его Солом Доржею, у сего последнего и весь собственный улус состоял от 200 до 300 кибиток,— покочевал к Кубани и на Куме, высланною из крепости Святого Креста российскою командою, в которой было драгун 500, да казаков 500 же человек с 2 полковыми пушками, Дондук Омбин брат Бокшурга разбит и при том отобрано из взятых ханских улусов 2 715 кибиток, которые приведены к Астрахани и возвращены хану.

По разбитии же оного Дондук Омбина брата Бокшурги, бывшей с означенною российскою командою подполковник Ольц следовал за ними для поиску над противниками далее, продолжая поход свой двои сутки, пока лошади еще не пристали. И во время того его походу Дондук Омбо, имея при себе калмыцкого войска до 10.000, препятствуя ему, чинил на него Ольца частые нападении. Но как при оном случае калмыки сильно стали на него наступать и весьма приближились, то с стороны российской команды выпалено было по них из одной пушки, отчего они пришли в крайнее замешание. А потом Дондук Омбо, паки построясь с своим войском, и с бутра из одной пушки его учинен по российской команде выстрел, но ту их пушку разорвало, и от того розрыву несколько колмык побито и ранено. А командою российскою при всех с ними сражениях побито из калмык более 100 человек, да и в реке Куме потонуло их много, а с стороны здешней команды упадку в походех не было, токмо ранены капрал 1 и казаков 4 человека.

При нем же Дондук Омбе, бывшей зять его Хантайшин сын Лоузанг Шуно, по склонности своей возвращен к Астрахани, у которого было из взятых ханских же 1000 кибиток и те тако ж хану возвращены, и одним словом Дондук Омбо на Кубань ушел не в великом числе состоящих улусов калмыцких, а имянно: его собственных Бага Цохур и брата его Бокшурги Еке Цокур до 6000, других торгоутов, из ханской стороны им захваченных, около 3000, да Дербетев до 2000, а всех около 11000 кибиток.

Владелец же Доржи Назаров и сын его Лубжа, бывший в согласии с Дондук Омбою, в 1732 году по возвращении князя Барятинского из походу, будучи у Волги и имея с ним пересылку о прибегших к ним из разсеяния ханских и Шакур ламиных улусах, взяв от того сумнительство и опасность, откочевали и с захваченными калмыками, которых всех и с собственными Доржиными и детей его улусами было слишком 15.000 кибиток, за реку Яик и доходили до реки Эмбы, и старались привесть к себе в согласие киргис-касак, дабы общими силами нападать на калмыцкие улусы, при хане Череп Дондуке бывшие, и на российские жилища. И хотя киргис-касаки на то с ними и согласились, но вместо того надеялись от самих их Доржиных калмык по бытности их за Яиком, ближайшую добычю получить. И когда для того они киргис-касаки стали собирать многие свои войска и тогда Доржи Назаров возимел от них опасность, а при том будучи и князем Барятинским чрез частые к нему нарочных офицеров посылки призыванием и увещеванием к переходу на Волгу, почему с сыном своим Лубжею и со всеми улусы возвратились. Но киргис-касаки при таком их возвращении и по переходе уже через Яик на здешнюю сторону на них в декабре месяце того ж года напали и разбили из них с 1000 кибиток и людей к себе забрали. После того отдали они Доржи и Лубжа хану и Шакур-ламе бывших у них улусов их 9500 кибиток, и с ним ханом чрез пересылку примирились, и при присланном от князя Барятинского капитане Глебе Обрасцове он, Доржи, и дети его в верности ее императорскому величеству учинили присягу. А потом он, Доржи, сам приезжал к хану Черен Дондуку и с ним виделся персонально и о продолжении между собою дружбы один другому присягали, а то же он, Доржи, учинил и с владельцом Дондук Дашею чрез пересылку.

А ханские зайсанги, называемые эркетень, Яман с детьми с братьями и протчие их роду хану были недоброжелательныи, и как Петр Тайшин в допросе показал, из них Яманов сын Балган, да Яманов же брат Дамрин с ним Тайшиным и с Дондук Омбою в согласии против хана были, и во время бою, хотя они были и с ханской стороны, однако ж на них Петра Тайшина и Дондук Омбу не наступали, и в ханской стороне большее смятение чинили. Потом же оной Балган, не быв с ним ханом при российском войске на противников в походе, а перешед, как выше написано за Дон, своевольно с аймаками своими, в которых считалось калмык до 4000 кибиток и тамо будучи, делали воровские нападении в донские и малороссийские жилища и в другие российские места, а имянно в Пензенской и Симбирской уезды, и не токмо тамошним жителям великие грабительства и раззорении почини́ли, но побрали в плен и побили до смерти несколько человек. Они ж воровски въезжали в Крым и в другие тамошние места и убили одного знатного мурзу. А при всем том они не хотели быть под властию ханскою, и для того оные зайсанги, по особливому из коллегии указу, в Царицыне князем Барятинским забраны под караул,

а аимаки их отданы хану и из оных эркетеней Ямансов сын Балган привезен в Москву и, по его желанию, крещен в христианскую веру, и дано ему имя Иван, отец же его Яман с братьями Сентенем и Дамрином в Царицыне померли, да и Иван Балган, будучи в Петербурге, умре ж...

Князю Барятинскому при отправлении его из Москвы для успокоения калмыцких владельцов даны были грамоты, к Дондук Омбе и к Петру Тайшину, как выше сего описано, в крепких терминах сочиненные и с угрозами, что ежели они с ханом Черен Дондуком и другими от них обиженными владельцами добровольно не примирятся и забранных от них улусов, пожитков и скота не возвратят, велено поступить с ними оружием, а к хану Черен Дондуку с протчими грамоты хотя написаны были с сожалением о приключенном им разворении, но при том, однако же, не скрыто от них и то, что причинивших им такое разорение Дондук Омбу и Петра Тайшина в таком случае, ежели они с ними не примирятся и улусов их не возвратят, велено принуждать к тому и оружием, что они могли прежде времяни разгласить и в калмыцком народе.

Да и подлинные грамоты к Дондук Омбе и к Петру Тайшину, как выше написано, он князь Барятинской по прибытии своем в Царицын, по силе инструкции своей должен был немедленно к ним отправить в такое время, когда уже улусы калмыцкие были на нагорной стороне Волги реки, отчего так же и от безвремянного движения российских войск, Дондук Омбо и другие, бывшие с ним в противности владельцы, потревожась и пришед в страх и отчаяние, на Кубань покочевали.

(Продолжение следует)

Из записной книжки архивиста

«Великий страх» в Оверни

[illegible]ванием «великого страха» в [illegible] историографии известно [illegible]ое явление, имевшее место во Франции [illegible] 1789 года. Во второй половине [illegible], в [illegible]ных местах страны, почти од[illegible]временно, возникли слухи о появл[illegible] больших [illegible] шаек, которые [illegible] целые города, [illegible] на полях хлеб и т. д. С[illegible] в большинстве случаев распространялись с поразительной быстротой, почти ни в ком не вызывая сомнений в реальном существовании этой грозной опаснос[illegible]. Всюду по деревням и в городах имущее население энергично готовилось к самозащите; составлялись вооруженные отряды, выставлялись дозоры; всюду можно было найти людей, воочию видевших приближающихся «разбойников». Паника охватила большую часть страны. Лишь отдельные сравнительно небольшие области на севере и юге, и самый крайний запад Франции остались незатронутыми «великим страхом». К концу августа паника стихла почти столь же внезапно, как и возникла.

Явление это было предметом исследования французских историков, в том числе и одного из крупнейших представителей современной исторической науки на западе, профессора Жоржа Лефевра. В своей сравнительно недавно вышедшей из печати работе «La grande peur de 1789»[1], Лефевр на основе большого документального материала дает детальную и точную картину распространения «великого страха» на территории Франции. Вместе с тем Лефевр рисует и ту сложную социальную и политическую обстановку, в которой жила тогда Франция, и в которой, очевидно, надо искать ключ к разгадке генезиса «великого страха».

Полная экономическая разруха, до которой довел Францию абсолютистско-феодальный порядок, неурожаи и сопутствующий им голод, ставшие пери[illegible] повторяющимися [illegible]мное количество [illegible], [illegible]авших по дорогам и нередко прибегавших к грабежу [illegible] разбою. Представители королевской администрации на местах сплошь и рядом жаловались на недостаточность имевшейся в их распоряжении вооруженной силы для борьбы с этими шайками. В одном из наказов 1789 г. прямо говорится, что населению приходится проводить ночи с оружием в руках. Несомненно, в появлении этого огромного количества нищих сыграло роль и еще одно обстоятельство, о котором не упоминает Лефевр в своем труде, посвященном «великому страху», но которое он показал в своем другом исследовании[1], именно, то обстоятельство, что, в связи с начавшейся капитализацией сельского хозяйства, укрупняются арендные участ[illegible], и мелкие держатели вытесняются с земель.

Как бы там ни было, во всяком слу[illegible] опасения перед отдельными нап[illegible]ями разбойников и перед воровством, к которому прибегают изголодавшиеся, обреченные на нищен[illegible] люди, до уверенности, что сущ[illegible]ствуют тысячные отряды разбойников, что целые города уже стали жертвой их нападения, расстояние еще очень велико. Несомненно, раскаленная до предела атмосфера, в которой жила Франция летом 1789 г., сыграла не последнюю роль в распространении «великого страха».

С ранней весны 1789 г. по стране прошла полоса восстаний. В деревнях происходила глухая, а подчас и открытая борьба не только против феодальных прав и привилегий, но назре[illegible] обострение классовой борьбы в среде самого третьего сословия, между буржуазией и крестьянством, между [illegible]ками и крестьянской беднотой. И[illegible]щие классы были серьезно встревожены начинающимся аграрным движени-

[1] Georges Lefebvre, La grande peur de 1789. P. 1932.

[1] G. Lefebvre, La question agraire au temps de la terreur. (Имеется русский перевод, изд. Соцэкгиза, 1936 г.)

[illegible] у приоав[illegible] и Верс[illegible] [illegible]

Кто [illegible] этой пани[illegible]? [illegible] первые известия о появлении «разбойников»? Обследованные до сих пор материалы не дают пока конкретного ответа на этот вопрос. Современники судили о нем по разному. Многие считали, что панику старались вызвать кон[illegible]люционные элементы, рассчитывая оттолкнуть таким образом имущие классы от революции. Е[illegible] дело обсто[illegible] так, то эти [illegible]ционные элементы просчитались. Одним из последствий «великого страха» было сплочение крестьянства и усиление происходившего уже антифеодального движения, что отнюдь не могло, конечно, являться целью противников революции.

Публикуемые ниже [illegible] из писем Габриэля Дюбрейля, [illegible] в августе 1789 г. в Париж к Жильберу Ромму, дают [illegible], но любопытный материал для [illegible]ции этого своеобразного движения.

Ромм, известный деятель французской революции XVIII в., член Законодательного собрания и Конвента, [illegible] с 1779 г. по 1786 г. в России, в семье графа А. С. Строганова; он был воспитателем его сына Павла. В архиве Строгановых сохранились некоторые письма Ромма. Впоследствии русские коллекционеры, интересовавшиеся личностью этого ученого и [illegible], скупили во Франции часть его архива, в том числе все бумаги Ромма, собранные его французским биографом Марком Виссаком. В состав этого собрания вошли рукописные работы Ромма по физике и химии, дневники его путешествий по России, черновые наброски некоторых его речей в Конвенте и письма к нему разных лиц. В настоящее время материалы эти находятся в государственных хранилищах Москвы и Ленинграда.

Дюбрейль, занимавший должность [illegible]тора почтового бюро в Риоме, родном городе Ромма, был связан с последним тесной дружбой и вел с ним [illegible]льную переписку. В письмах его, относящихся к годам революции, содержится не мало интересного материала, [illegible] провинции.

[illegible]

[illegible] страхом перед «разбойниками».

И, наконец, мы находим в них отражение той борьбы, которая происходила в самом Риоме между представителями различных социальных групп, между старыми городскими заправилами и сторонниками нового, рожденного июльскими событиями, муниципального устройства.

Великий страх так же быстро был ликвидирован, как и возник. 20 августа Дюбрейль уже писал Ромму: «Никаких слухов, никаких разбойников, все тихо в Оверни».

Тихо в Оверни не стало. Движение продолжалось, но перед ним стояли более реальные задачи, чем борьба с мнимыми «разбойниками».

Публикуемые письма хранятся в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи.

К. Раткевич.

---

1 августа 1789 г.[1]

Дорогой Ромм[2], третьего дня я не думал, что сегодня мне придется рассказывать вам о волнениях и страшной тревоге, только что пережитых нами и, повидимому, еще не пришедших к концу. В четверг произошло довольно ожесточенное столкновение между несколькими клерками и теми из жителей, которые находились в карауле у Ратуши. Клерки были кругом виноваты, и часть их товарищей выразила им порицание. Комитет двадцати четырех и члены муниципалитета[3] должны были соб-

[1] ГАФКЭ, ф. 355, оп. 2, лл. 34—38.

[2] Ромм жил в это время в Париже вместе со своим воспитанником графом Павлом Строгановым, камердинером Клеманом и крепостным художником графа Андреем Григорьевичем Воронихиным, впоследствии знаменитым русским зодчим. Письма адресованы в Париж, предместье Сен-Жермен, улица Des petits augustins, Отель Люксембург, № 9.

[3] Речь идет о старом, дореволюционном муниципалитете.

раться вечером, чтобы обсудить вопрос, как избежать последствий этого столкновения. Им предстояло также закончить обсуждение регламента для буржуазной милиции, организации которой пытались противиться наши муниципальные советники и некоторые другие лица. Около пяти часов вечера появ[illegible] и кюре города [illegible]нием, что по соседству с Монлюсоном появился значительный отряд разбойников, что отряд этот произвел погром в городе Гере, а перед том разрушил город Сутерени, и что они просят о помощи людьми и оружием, в котором у них крайняя нужда. Мэр и кюре сообщают также, что эти злодеи стремятся поджигать стоящий на полях сжатый хлеб. Известие это моментально распространилось и повергло в страшную тревогу всех наших сограждан.

По улицам забегали люди, женщины подняли плач. И вот уже слышатся голоса, что этот отряд состоит из 15 000 человек. И сразу же вслед за этим грозным известием появляется некий Шардониэ, муниципальный пристав из Сен-Жерве, с просьбой от имени коммуны о помощи и с сообщением, что неподалеку от них находятся разбойники. Перепуг возрастает; с городской башни и с церкви св. Амабль раздается набат. Люди вооружаются чем попало и спешат в ратушу. На Вербную площадь привезены 7 пушек, и уже все готово, чтобы палить из них.

Офицеры выстраивают сбежавшихся людей; по городу, в предместья и в деревни высланы патрули; молодежь предлагает свои услуги — она готова идти на разводку. Посылают гонцов в Клермон известить о том, что у нас происходит. Отдано распоряжение, чтобы в каждом окне горел свет, и все неизвестные арестовывались. Жители баррикадируются у себя в домах. Наступившая ночь усиливает волнения и тревогу. Даже, г-н Буара[1] и тот проводит ночь на указанном ему посту; священники вооружаются; монахи покидают Мезак, и один из них принимает начальство над крестьянами. Городские ворота забаррикадированы телегами и повозками.

Вчера утром, около четырех часов, несколько человек, взобравшись на Борегар, приняли встающий над землей туман за облако пыли, поднятой передвижением разбойников, и начали кричать, что вот они уж тут, явились. Набат гудит, и никто не сомневается, что, действительно, пришли разбойники. То кто было улегся в постель, вскакивают; к Львиному фонтану тащат пушки; вооруженные люди толпами устремляются к предместью Айа, готовясь к стойкой защите. Около девяти часов вечера из Себаза является четыреста человек крестьян во главе с несколькими буржуа и канониками; пришли и жители из Стуза, 120 человек из Вальвика, 60 из Мезака. Трудно себе представить, что это был за переполох.

Вчерашний день попрежнему [не разобрано], но к вечеру страхи улеглись. Население убедилось, что тревога не имела других оснований, кроме появления в наших краях нескольких человек убежавших из тюрем Парижа и Лиона и из других мест. Тем не менее состав милиции был увеличен вчетверо, и в результате этой тревоги наши советники и их присные стали теперь не чинясь записываться в нее. Одновременно с нами и Клермон переживал такие же страхи вследствие полученного от жителей Пиоиза предупреждения и слухов о грабежах и погромах в городах Лезу и Пон-дю-Шато.

Уверяю Вас, что страх был не малый; я не в состоянии был ни есть, ни спать. Мне пришлось провести очень скверную ночь. Все население вооружено. Вы могли бы увидеть здесь всевозможное оружие вплоть до насосов и кухонных вертелов. Теперь мы потешаемся над вооружением и костюмами некоторых лиц. Деревенских жителей отправили по домам, заверив их, что мы им поможем при первом сигнале, и взяв с них обещание, что и они придут к нам на помощь, как только загудит набат. Буржуа уехали из де[illegible].[1]

6 августа 1789 г.

У меня было желание написать вам в прошлый вторник мой милый друг Ромм, но необходимо было отправить несколько срочных писем, и письмо к вам пришлось отложить на сегодня. В субботу я сообщал Вам о внезапной тревоге, распространившейся у нас в четверг вечером. Расскажу Вам теперь о тех мерах, которые были приняты, чтобы держать людей наготове, а также и для того, чтобы успокоить напуганные и взволнованные умы. В деревнях жители покидали свои дома, и, забирая с собой все свое имущество, уходили на ночь в лес и в виноградники; перепуг до такой степени овладел ими, что только в воскресенье они решились вернуться на ночлег к себе

[1] Буара (Boirat) — риомский врач, приятель Дюбрейля и Ромма.

[1] Опускается конец письма, содержащий подробности, не относящиеся к теме.

домой. Кюре [illegible] и вм[illegible] по сейчас [illegible] многочисленных шаек, и всле[illegible] этого каждую ночь во все[illegible], выставляется хорошо вооруж[illegible] караул, по крайней мере из [illegible] человек. Для [illegible] их эти страхи [illegible] бедствие, [illegible] мание, что се[illegible] работы треб[illegible] для уборки [illegible]... [не разобрано]; у многих из них нет ни минуты отдыха. Сколько бы вы их ни разуверяли, все [illegible] что [illegible] там-то жители видели 20—30 челове[illegible] разбойников, которые гнались за ним[illegible], но только не смогли настигнуть. Малейший шум является поводом к [illegible]воге. Люди все время настороже: безжалостно задерживают всякого незнакомца и приводят сюда под ох[illegible] 10—12 человек, вооруженных ружьями и косами. В воскресенье двадцать человек привели одного нищего, задержанного в Туррете. Всякое сообщени[illegible] сопровождается бесконечным количеством басен.

В воскресен[illegible] пятьдесят чел[illegible]век кресть[illegible] гюйона. Они заявили, что [illegible] по первому удару колокола, [illegible] по первому извещению, и просили, [illegible] им тоже была оказана в подобном [illegible]чае помощь. Эти люди избрали [illegible] начальником одного бывшего военного и вступили в город в полном порядке, вооруженные ружьями, [illegible], [illegible], аллебардами, старыми пик[illegible]. [illegible] появлении им были [illegible] почести, их пр[illegible] честью, накорм[illegible] то же самое проделали [illegible] крестьян из Сен-Боннэ.

Надо сказать, что четверг и пятн[illegible] и мы здесь провели не с бол[illegible]койствием. Часть жителей разбеж[illegible] и укрылись в виноградниках; больш[illegible]ство оставшихся в городе попрятали наиболее ценные вещи. Монахини из монастыря богоматери, считая, что бандиты это нечто вроде дьявола, окропили святой водой:... [не разобрано] в своем монастыре. Монахини из Марса разбежались и провели ночь с четверга на пятницу в лесу... [название не разобрано], расположенном против деревни.

Многое из того, что здесь происходило во время этого страшного переполоха, кажется теперь курьезным и вызывает смех. В течение трех дней бур[illegible]азная гвардия состояла из 7[illegible] век, и сейчас [illegible] в ней 48 [illegible] думаю, что с [illegible]трашнего дня ее со[illegible]тят до 24.

Вслед [illegible] этими треволнениями под[illegible]лось возмущение против муниципалитета и комитета, вызванное вопро[illegible] о офицерах милиции, которые были назначены двумя этими органами [illegible]. Восставшие жаловались на [illegible] своих прав и за[illegible] [illegible] сами [illegible] 24 члена ком[illegible] [illegible]ние их [illegible] подать в о[illegible].[1] [illegible]ниципалитета, раз[illegible], постановили созвать общее собрание, которое и состоялось вчера вечером. На нем они заявили, что слагают [illegible] полномочия и предоставляют гра[illegible] им преемников. Число [illegible] было не велико, так [illegible] уравновешенные люди отнеслись с осуждением к этим проискам. После своего заявления члены муниципалитета покинули собрание. П[illegible]тствующие разделились по кварталам, и было решено избрать по три [illegible] от квартала, чтобы просить муниципалитет [illegible] вступить в отправ[illegible] своих обязанностей. Эта делегация [illegible]стигла своей цели. Муниципалы [illegible] происходило собрание; при [illegible] раздались рукоплескания, [illegible] говорить, что их управлением довол[illegible], и просят их не о[illegible] этого было решено, что [illegible]вшееся назначение офицеров буржуазной милиции останется [illegible] силе вплоть до первого января следующего года, а тогда будут произведены новые выборы; затем были аннулированы выборы временного исполнительного ком[illegible], что является делом весьма непри[illegible]...[1]

В окрестностях И[illegible]ара и Брнула население сильно возбуждено против дворян. Часть горожан и крестьян двинулись на замок г-на д'Эннипаля в [illegible]снаке; они разбили стекла, переломали мебель и повсюду искали графа, так как прошел слух, что он здесь; на самом деле он [illegible]ходится в Париже. Этот сеньер слывет отъявленным аристократом. Жители Иссуара намереваются проделать то же самое и у г-на де Машеко, вызвавшего неудовольствие многих лиц своими наглыми речами, за которые ему, равно как и еще одному дворянину, пришлось две недели тому назад принести повинную перед собранием, специально по этому

[1] Опускается часть письма, не имеющая отношения к обстоятельствам, связанным с «великим страхом».

поводу созванным. Очевидно, это унижение не сд[illegible] Лакон[illegible]ского [illegible]мента и женат на m-lle Марсий из Риома. Жители этих горо[illegible]

[illegible]

[illegible] августа 1789 г.

[illegible]

Шартрез, распространился слух, что [illegible]ков подожгли город Кэн. По всем приходским церквам загудел набат. Собралось 800 человек, вооруженных чем попало [illegible] Кэн. [illegible]

[illegible]

[illegible]0 августа 1789 г.

[illegible]

Содержание

Редакционная коллегия

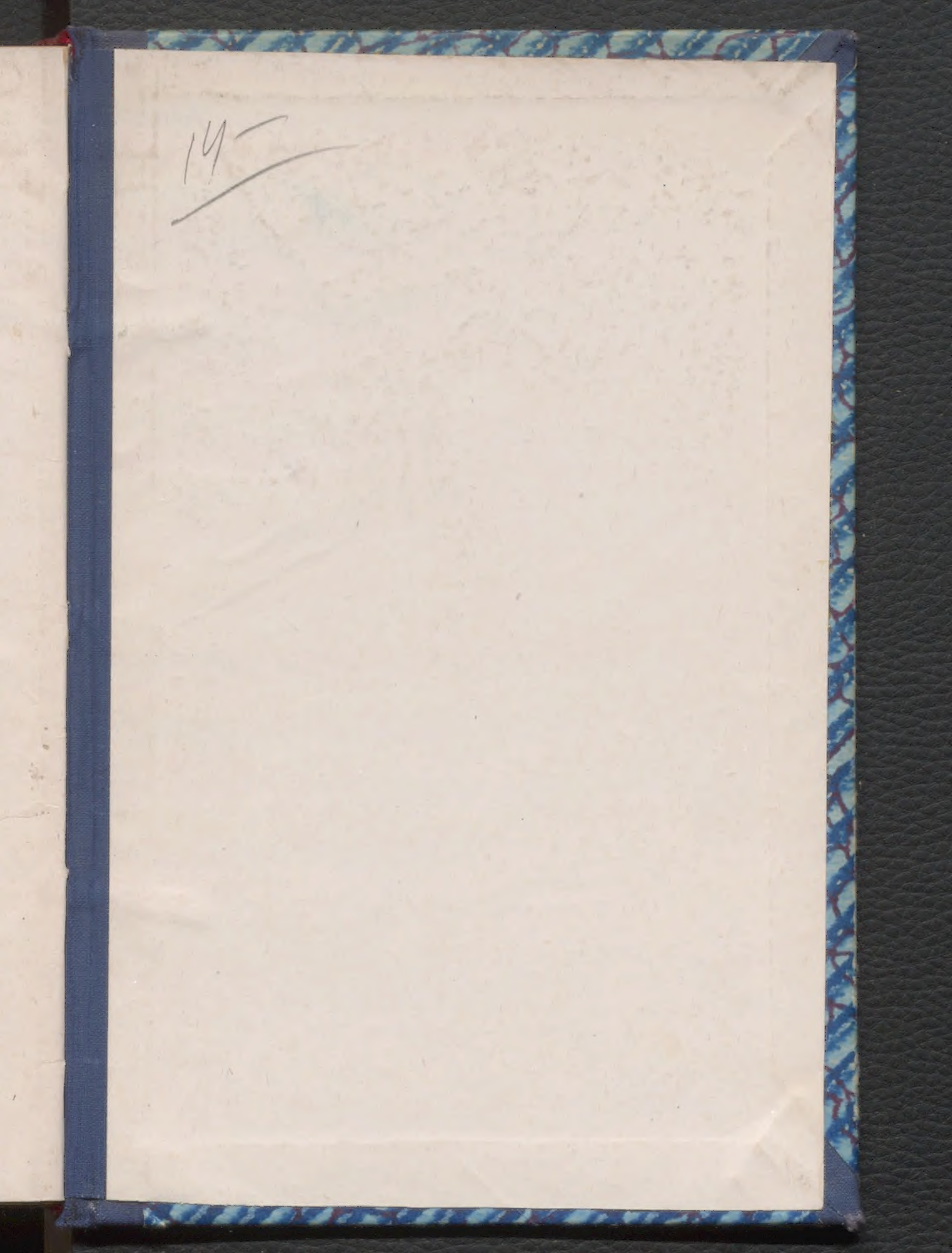
[illegible] Подписано к печати 20/VII 1939 г.
Формат [illegible] в печ. л. О.-Э. (п.) № 24. Заказ 612.
Уполно[illegible].41. Тираж 4 550 экз. Техредактор **И. Широков**

18-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10

9

mp.
3
32
64
97
154
189
255

9 г.
612.
КОВ


14